РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четырнадцатый. **ІЮЛЬ.** 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.
1883.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1883 г.

Снимки древнихъ русскихъ печатей государственныхъ, царскихъ, областныхъ, городскихъ, присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ. Изд. коммисіи печатанія госуд. грамотъ и договоровъ, состоящей при моск. главн. арх. мин. иностран. дѣлъ. Вып. I, М. 1882. 126 стр. in 4°. Ц. 3 р.

Обращаемъ вниманіе любителей старины и отечественной исторіи на это капитальное изданіе московскаго главн. архива мин. ин. дѣлъ, такъ много потрудившагося по части изданія памятниковъ и матеріаловъ. Еще князь Оболенскій, бывшій директоръ этого архива, заказалъ гравированныя изображенія 126 старинныхъ русскихъ печатей, значительное число которыхъ принадлежитъ къ коллекціи древнехранилища, находящагося въ завѣдываніи директора того-же архива. Настоящему директору архива, барону Ѳ. А. Бюлеру, принадлежитъ приведеніе въ исполненіе этого плана своего предшественника. Какъ опытъ систематическаго собранія русскихъ печатей, составленнаго по опредѣленному плану и тщательно выполненному, настоящій трудъ, безъ сомнѣнія, займетъ первенствующее мѣсто въ ряду нашихъ изданій по части русской сфрагистики. Онъ сопровождается обстоятельнымъ предисловіемъ о значеніи и храненіи государственныхъ печатей въ Россіи и иностранныхъ державахъ, на основаніи вопросовъ, предложенныхъ, черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, правительствамъ послѣднихъ, большинство которыхъ сообщило при этомъ снимки или рисунки печатей, составившихъ такимъ образомъ особую коллекцію въ московскомъ архивѣ мин. ин. дѣлъ. Свѣдѣнія объ этомъ впервые появляются у насъ въ разсматриваемомъ изданіи. Весьма интересны также указанія на употребленіе государственныхъ печатей и подписей правительствующихъ лицъ какъ въ древній, такъ и въ новый періодъ русской исторіи; на изображенія, встрѣчающіяся на печатяхъ; на происхожденіе областныхъ, городскихъ и частныхъ гербовъ. Мы не можемъ однако согласиться съ толкованіемъ слова «мѣская печать» отъ нѣмецкаго Messe (ярмарка), а понимаемъ его такъ, какъ названа она въ надписи: «печать мѣста его цар. вел. Переяславля», тѣмъ болѣе, что она принадлежитъ южному Переяславлю. Въ актахъ-же юго-западной Россіи мы постоянно встрѣчаемъ выраженія: «ратушъ мѣстскій», «присяжники мѣстскіе», «справы мѣстскіе», «до печати мѣстской гербъ», «вагу мѣстскую», «въ урядѣ мѣстскомъ», «юридикціею мѣсткою» и т. п. въ смыслѣ городской, принадлежащій городу, и въ соотвѣтствіе польскому выраженію miejski, mieskie prawo и т. п. Въ жалованной королевской грамотѣ городу Полоцку прямо говорится о дарованіи послѣднему двухъ печатей съ особенными изображеніями. (Акты Запад. Рос. III, № 121 и 125; Архивъ юго-западной Россіи, ч. V, томъ I, Акты о городахъ и др.). Предполагать въ отношеніи къ Переяславлю вліяніе Ганзейскихъ городовъ здѣсь немыслимо, тѣмъ болѣе, что самая печать относится къ 1698 году и на современныхъ ей печатяхъ юго-западныхъ городовъ (Кіева, Стародуба, Нѣжина) стоятъ соотвѣтственныя надписи: «мѣста», «места», «меская печать».

Настоящій трудъ посвященъ государственному канцлеру, кн. А. М. Горчакову; причемъ въ посвященіи сдѣлана оцѣнка берлинскаго трактата.

Въ 1-й выпускъ вошли печати государственныя, царскія и патріаршія, областныя и городскія; печати и переписи удѣльныхъ князей, должностныхъ и частныхъ лицъ. Во 2-й выпускъ войдутъ снимки печатей: коронаціонной, импер. Іоанна Антоновича, митроп. Кирилла и Алексѣя, кіев. митр. Іова Борецкаго, Марины Мнишекъ, герц. Бирона, князей Курбскаго и Острожскаго, германскія, а также снимокъ съ медали, пожалованной царевною Софіей Алексѣевной кн. Голицыну.

Чтобы сдѣлать настоящее изданіе доступнымъ не только въ Россіи, но и за границей, текстъ предисловія переведенъ на франц. языкъ, а въ концѣ приложено обстоятельное описаніе рисунковъ на томъ-же языкѣ.

Изданіе выполнено изящно и по цѣнѣ совсѣмъ недорого.

Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей московской епархіи. собран. В. и Г. Холмогоровыми. Вып. I. Русская десятина. М. 1881. 254; Вып. II. Звенигородская десятина. М. 1882. 132. Ц. 2 р.

Настоящій трудъ является результатомъ распоряженія св. Синода о собраніи матеріаловъ для церковныхъ лѣтописей. Источ-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1883

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXIX.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XXXIX.

1883.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Состав. Л. Шарлеман.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

№ 35 [1]).

Къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой.

25-го декабря. (1815 г. Спб.).

Милая Маша, въ отвѣтъ на твое письмо я могъ бы сказать одно: перечитай мои три письма къ маменькѣ (не знаю отдалъ-ли ей Воейковъ послѣднее, съ нимъ изъ Петербурга посланное). Въ этихъ письмахъ, несмотря на многія выраженія, вырванныя огорченіемъ, ты найдешь мои чувства и сердце. На что привязываться къ словамъ? Надобно видѣть побужденіе. А мое побужденіе и въ этихъ письмахъ ясно—одно твое счастіе; и я желаю его безъ всякихъ собственныхъ видовъ—ты въ этомъ должна быть увѣрена.

Ты пишешь: есть-ли бы ты и не видалъ прежде моего образа жизни и не могъ судить о настоящемъ по прежнему, то, зная ея любовь ко мнѣ, могъ бы быть увѣренъ, что она не *станетъ* требовать моего несчастія. Я помню прежній образъ твоей жизни; знаю, что поправить его зависѣло и зависитъ единственно отъ маменьки. Въ этомъ образѣ жизни главное несчастіе состояло въ томъ, что Воейковъ слишкомъ властенъ былъ надъ тобою, что онъ могъ свободно дѣлать тебѣ всякаго рода огорченія, что ты все должна была терпѣть и что никогда почти не было слова, сказаннаго въ твою защиту. Такой образъ жизни ужасенъ. Но почему-жъ Воей-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 181—212; февраль, стр. 429—456; мартъ, стр. 665—678; томъ XXXVIII, апрѣль, стр. 95—106; май, стр. 351—362; іюнь, стр. 541—556.

ковъ имѣетъ такую власть? Зачѣмъ можетъ онъ имѣть ее? Развѣ маменька, которой все покорно въ семьѣ, не имѣетъ способовъ его останавливать! Развѣ твое спокойствіе не въ ея рукахъ! Развѣ не можетъ она твердымъ и яснымъ языкомъ предписывать Воейкову его должность! Главное мученіе этого состоянія было то, что ты должна была чувствовать, какъ ты слаба, какъ ты оставлена тѣми, кто твои истинные защитники и отъ кого ты имѣла право ожидать защиты. Я самъ это видѣлъ и самъ часто обвинялъ маменьку. Есть-ли она это знаетъ, есть-ли она теперь видитъ поступки Воейкова, (а это вѣрно, по крайней мѣрѣ теперь, ибо она читала письмо твое), то почему же этого не поправить. Воейковъ самъ никогда не будетъ знать своей должности: деликатности и благородства отъ него ждать нельзя—но напоминать ему объ этой должности можно; быть съ нимъ твердою и искреннею можно; это будетъ его обуздывать—и вотъ что можетъ сдѣлать маменька. Знай ты, что она во всемъ и всегда твое прибѣжище—что тогда тебѣ до Воейкова! Что его грубости, когда при этихъ грубостяхъ будешь чувствовать, что сердце матери твоей съ (на) твоей стороны(ѣ)! Въ прежнемъ твоемъ положеніи было еще самое тяжелое то, что мы были вмѣстѣ. Ты не могла равнодушно видѣть меня въ томъ ужасномъ одиночествѣ посреди твоей семьи, въ какомъ я былъ всегда. Та-же зависимость отъ Воейкова, какую ты чувствовала, была и моею участью; тебя огорчало невниманіе ко мнѣ; огорчало то предпочтеніе, которое маменька во всемъ давала счастливому Воейкову передо мною, у котораго не было ничего; это и самыя грубости его съ тобою дѣлало для тебя болѣе несносными; ты знала настоящій образъ моихъ чувствъ и видѣла, что мнѣ не отдавали никакой справедливости—все это усиливало грусть твою въ такомъ жестокомъ положеніи! Надобно было молчать и терпѣть! Теперь, милый другъ, съ моимъ отсутствіемъ все бы должно перемѣниться—съ моимъ отсутствіемъ половина твоихъ огорченій сама собою изчезаетъ! Надлежало тебя избавить отъ другой половины—кто могъ это сдѣлать лучше маменьки. И неужели на это одно средство—замужство, разлука съ твоею семьею? Въ ея сердцѣ настоящія средства, легкія и несопряженныя ни съ какимъ пожертвованіемъ! Скажи-жъ мнѣ, зная все это, могу-ли не обвинять ее? Именно судя о настоящемъ по прошедшему, твое замужство съ Мойеромъ теперь должно было показаться мнѣ несчастіемъ! Требовать такого замужства теперь, и теперь на него соглашаться—значило въ глазахъ моихъ соглашаться на твое несчастіе! Вспомни, давно-ли мы разстались? Могло-ли мнѣ показаться естественнымъ, чтобы въ такое короткое время тебѣ самой, безъ всякаго принужденія, могла придти такая мысль? Не дол-

женъ-ли я былъ подумать, что ты собою жертвуешь необходимости? Не долженъ-ли я былъ ужаснуться такого ненужнаго, ужаснаго пожертвованія на цѣлую жизнь? И могъ-ли я не обвинять маменьки, будучи увѣренъ (и тогда, и теперь), что отъ нея совершенно зависитъ тебя избавить отъ такой необходимости, зная, что ея обязанность не соглашаться на такое пожертвованіе, зная, что спокойствіе твое въ твоей семьѣ и всѣ возможныя утѣшенія, и твоя независимость отъ Воейкова совершенно въ ея власти? Что же иное могъ я подумать, какъ только то, что она требуетъ этого пожертвованія? При этомъ не долженъ-ли я былъ подумать и о себѣ? Я просилъ у нея одной милости: спокойствія на твой счетъ! И это единственное, возможное благо у меня отымаютъ? Не должно-ли было это показаться совершеннымъ ко мнѣ презрѣніемъ, а вспомнивъ всю прошедшую мою жизнь въ вашей семьѣ, гдѣ я долженъ былъ говорить себѣ, что я ничего для нея не значу, не могъ-ли я увидѣть и въ этомъ случаѣ того-же невниманія ко мнѣ, того же забвенія о моей участи. Удивительно-ли, что мои выраженія были рѣзки и выражали оскорбленіе сердца, которому нельзя было не быть разорваннымъ. На все это получилъ я два слова: клеветникъ и ругатель!

Les circonstances m'ont forcés a me decider de lui parler sur ce sujet d'une manière positive; je voyais la necessité pour elle et pour nous deux d'avoir un ami, un protecteur [1]). Какія могутъ быть эти обстоятельства? Все то, что было прежде, таково, что оно должно и можетъ быть поправлено, не прибѣгая къ средству отчаянному! Что же могло случиться новаго? Я думалъ напротивъ, что обстоятельства стали для всѣхъ васъ и легче, и лучше потому, что мы уже были не вмѣстѣ. Ты всегда говорила мнѣ, что грубости Воейкова тяжелы тебѣ только потому, что я отъ него завишу; онѣ могли быть еще болѣе тяжелы тебѣ и отъ того, что всегда маменька была на сторонѣ его—теперь ни я отъ него не завишу, *ни маменька* не можетъ быть на сторонѣ его, ибо она теперь на его счетъ съ тобою искренна (что заключаю изъ твоего-же письма)—какія-же другія обстоятельства? Предполагая, что мнѣ извѣстно настоящее расположеніе твоего сердца, могъ ли я не подумать, что твое согласіе на замужство противно твоему сердцу! Могъ-ли я еще не подумать и того, что твоего замужства требуютъ, дабы избавить тебя отъ меня? Такая мысль не должна-ли была ужаснуть меня? Скажи-жъ, что мнѣ останется въ жизни, и можно ли имѣть

---

[1]) Обстоятельства вынудили меня говорить съ ней объ этомъ положительно; я видѣла необходимость для нея и для обѣихъ насъ въ другѣ и покровителѣ.

какую нибудь къ ней привязанность, когда потеряю мысль о твоемъ спокойствіи? А здѣсь не долженъ ли я непремѣнно ее потерять? Для чего же ты ни слова не говоришь мнѣ объ этихъ обстоятельствахъ? Можешь-ли ты меня бояться?—un protecteur pour elle et pour toi [1]). Я здѣсь напомню о письмѣ моемъ къ маменькѣ, написанномъ въ лучшую минуту жизни, въ такую, когда все вдругъ упало съ сердца, когда счастіе быть твоимъ и ея покровителемъ представилось мнѣ столь же яснымъ, какъ день, и все замѣнило! Чего я тогда требовалъ? быть твоимъ защитникомъ отъ Воейкова! Ты это знала, а она могла это легко понять! Что естьли-бы она тогда же дала волю сердцу, отбросила отъ него всѣ подозрѣнія, сравняла меня съ этимъ низкимъ, неблагодарнымъ человѣкомъ, и дала бы мнѣ, не на словахъ, а на дѣлѣ, въ своей семьѣ одинакія съ нимъ права—скольких бы огорченій не было! и какъ бы теперь были мы съ нею согласны во всемъ, что до тебя, нашего общаго съ нею блага, кажется! Нѣтъ! она заперла для меня свое сердце и я остался въ прежнемъ горестномъ положеніи—въ такомъ положеніи ничего сдержать невозможно. Я требовалъ свободы съ тобою—она боялась, что я по слабости, а можетъ быть и съ намѣреніемъ—употреблю эту свободу во зло! Она забыла, что ея настоящая, а не наружная довѣренность будетъ моею твердостью! Призываю тебя самое въ свидѣтели: былъ-ли я тогда искрененъ! хотѣлъ-ли исполнить, что обѣщалъ? Но могъ-ли? Ты сама знаешь, что между тобою и мною осталось то же принужденіе, которое все для меня сдѣлало невозможнымъ! Въ своемъ послѣднемъ письмѣ я сказалъ ей: безъ ея подозрѣній мы ужились-бы съ Воейковымъ. Это не ругательство и не клевета. Вотъ какъ это понимать должно, и ты сама будь моимъ судьею: я видѣлъ обращеніе съ тобою Воейкова, видѣлъ, что я только тогда могу быть твоимъ покровителемъ, когда буду братомъ твоей матери, когда все, что насъ съ нею рознило, изчезнетъ! Но чтобы это могло быть, нужно было, чтобы она сама съ своей стороны перестала со мною таиться на его счетъ, чтобы она не унижала меня, показывая мнѣ во всемъ и всякую минуту явное къ нему предпочтеніе и давая чувствовать, что я, хотя и братъ, но все же передъ нимъ ничего не значу. Естьли бы она мнѣ говорила на его счетъ откровенно, это осталось бы между нами тайною и мы бы во всемъ поступали согласно. Къ тому же надобно было, чтобы она и тебя ввѣрила мнѣ, какъ брату! Право, тогда я этого совершенно стоилъ и ты знаешь это болѣе всѣхъ! Но все вышло напротивъ. Воейковъ, твой притѣснитель, былъ твой то-

[1]) Покровителя для нея и для тебя.

варищъ; а я, готовый всѣмъ тебѣ пожертвовать, былъ тебѣ чужой ему въ награду за всѣ эти притѣсненія—материнская любовь, а мнѣ, за мои тяжелыя горести, одно холодное подозрѣніе! Какое сердце это выдержитъ! и я, и ты равно были несчастны. Скажи сама, могли-ли мы когда нибудь оставаться вмѣстѣ спокойно и не боясь возбудить подозрѣнія? и не отъ маменьки-ли зависѣло сдѣлать, чтобы мы этого подозрѣнія не боялись? А это не раздражало-ли сердца? И могъ ли я быть въ ладу съ Воейковымъ? Я видѣлъ въ немъ только твоего притѣснителя, а себя видѣлъ его невольникомъ! И все отъ того, что маменька меня боялась и совершенно мнѣ не вѣрила! Напомню здѣсь два маленькихъ случая (изъ тысячи, которыхъ всѣхъ помнить не можно). Ты принуждена была, въ угожденіе Воейкову, уѣхать къ Мантейф.; ты поѣхала туда съ грустью, маменька осталась съ грустью, одинъ Воейковъ былъ счастливъ и торжествовалъ. Я и это все видѣлъ! я видѣлъ какъ весело ему было сѣсть въ коляску съ тобою, чтобы тебя проводить! Что у меня было въ сердцѣ въ эту минуту, о томъ говорить нечего. Я стоялъ на крыльцѣ съ маменькою, которая должна была чувствовать, что я это понимаю, и какъ нарочно удвоила въ эту минуту ко мнѣ холодность! Воейковъ возвратился и увелъ жену гулять. Я нарочно остался съ нею одинъ, желая попробовать, не выйдетъ ли чего нибудь ко мнѣ изъ ея сердца! смотрѣлъ ей въ глаза, ждалъ, что она со мною подѣлится, мы сидѣли полчаса—ни слова! Она заговорила о газетахъ! Хотя я и былъ пріученъ къ такимъ случаямъ, но я не могу описать какъ и тутъ у меня сердце сжалось, какъ я почувствовалъ въ эту минуту, сколько она далека отъ меня! Я увидѣлъ, что ничто, до тебя касающееся, не будетъ никогда между нами общимъ; что она не хочетъ этимъ со мною дѣлиться, что я въ отношеніи къ тебѣ также чуждъ въ сердцѣ ея, какъ и въ жизни, что ей не нужно ни мнѣ показать участіе, ни отъ меня принять его въ такихъ огорченіяхъ, которыя для насъ обоихъ однѣ и тѣ же! Она смотрѣла за ними въ слѣдъ, думала только объ одномъ Воейковѣ, а я въ эту минуту, со всею моею грустью, былъ забытъ, такъ же забытъ, какъ и во всѣ другія. Еще случай: помнишь ли, когда мы ѣздили причащать Катюшку? Для тебя изготовили коляску, для меня дрожки. Это мнѣ показалось досадно! Неужели и въ такую минуту не позволятъ быть вмѣстѣ, подумалъ я, и рѣшился сѣсть съ тобою, только для того, чтобы еще разъ испытать, не обманываюсь ли я, думая, что меня во всякомъ случаѣ подозрѣваютъ. Что-же? мы возвратились—и маменька была цѣлый день холодна съ тобою. Такія мелочи встрѣчались ежеминутно—а изъ этихъ мелочей составлена была жизнь!

Что-жъ было добраго въ такой жизни? Но такое обхожденіе со мною было ли удобно, чтобы утвердить мою связь съ Воейковымъ? И клеветникъ-ли я, говоря, что ея подозрѣнія все разрушили, даже и этому согласію помѣшали! Имѣя полную дружбу ея, я могъ бы во всякомъ случаѣ говорить ему прямо, и видя на опытѣ, а не на однѣхъ словахъ, что я твой родной, твой братъ и ея братъ, я былъ бы и ему родной и поступалъ бы какъ родной! Но чувствуя ежеминутно, какъ я былъ передъ нимъ униженъ, я могъ только ненавидѣть въ немъ твоего притѣснителя, передъ которымъ еще долженъ былъ молчать. Нѣтъ! Маша, я самъ знаю, что тебѣ необходимо имѣть покровителя! Есть-ли Воейковъ не перемѣнится, есть-ли онъ всегда властенъ будетъ тебя утѣснять, есть-ли при этихъ утѣсненіяхъ ничто не будетъ тебѣ подпорою, какъ оставаться тебѣ въ семьѣ своей, какъ не искать покровителя! Во всякомъ случаѣ—и тогда когда я у маменьки просилъ согласія на наше счастіе, и тогда, когда требовалъ у нея имени и правъ ея брата—это было единственною моею цѣлью. И теперь это моя прекрасная мечта: видѣть тебя спокойною въ своей семьѣ, уважаемою, какъ ты того стоишь, имѣющею всѣ семейныя радости, счастливою любовію благороднаго человѣка. Все это ты должна имѣть, и потому-то я такъ испугался, получивъ письмо твое, такъ скоро послѣ нашей разлуки написанное! Могъ ли я вообразить, чтобы тебѣ было естественно такъ скоро этого пожелать, такъ скоро увѣриться, что въ этомъ твое счастіе! Могъ-ли я не вообразить, что тебя принуждаютъ—требованія-ли маменьки и обстоятельства—все равно! все принужденіе! А какъ скоро принужденіе, то какое счастіе! Скажи-жъ, могъ ли я и могу ли теперь не противорѣчить! Ты писала въ первомъ письмѣ: et j'attend tout du tems [1]); теперь пишешь: я жду много отъ времени, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты принялъ. Маша, скажи мнѣ искренно, угадалъ ли я то, что подъ этими словами ты разумѣешь? Ты ждешь всего отъ времени не для себя, а для меня? Ради Бога, будь на этотъ счетъ искренна. Для чего ты унижаешь меня пустыми страхами? Я могу оправдать тебя въ собственныхъ глазахъ твоихъ! Прежде могла ты имѣть ту же привязанность ко мнѣ, какую я имѣлъ къ тебѣ! Но твое положеніе было совершенно противное моему! Ты была всегда въ противорѣчіи съ твоею настоящею обязанностію; ты слышала безпрестанно, что такая привязанность не позволена! Это могло перемѣнить не только твой образъ мыслей, но и самое твое чувство! Но ты видѣла, что мое чувство было одинаково и не пере-

---

[1]) И я всего жду отъ времени.

мѣнялось! Можетъ быть ты боялась показать мнѣ собственную твою перемѣну! Ты щадила меня и хотѣла избавить меня отъ новаго несчастія! Милая, ты ошибалась! Могла ли ты въ этомъ случаѣ бояться меня! Развѣ тысячу разъ опытъ тебѣ не доказывалъ, что одного твоего слова довольно, чтобы перемѣнить всю мою душу? Сколько разъ въ самыхъ несчастныхъ для меня обстоятельствахъ, одно твое слово давало мнѣ твердость, готовность на все, и даже въ самомъ несчастіи представляло что-то прекрасное! А теперь, когда дѣло идетъ о судьбѣ твоей жизни, развѣ я не буду согласенъ съ тобою во всемъ, что будетъ нужно для твоего спокойствія и счастія? Есть-ли моя привязанность къ тебѣ казалась тебѣ заблужденіемъ, есть-ли для тебя же самой этого заблужденія не было, для чего не говорила ты мнѣ ясно и рѣшительно. Вотъ еще несчастіе, котораго причиною было то принужденіе, въ какомъ я и ты жили въ одномъ домѣ. Никто бы такъ убѣдительно, какъ ты, не могъ мнѣ доказать моей обязанности и такъ совершенно перемѣнить моего сердца! Такое открытіе не прибавило бы къ моему несчастію, оно только указало бы мнѣ мою должность! Можетъ быть, въ первыя минуты сердце бы взволновалось, но оно бы скоро, скоро съ тобою согласилось! Я въ этомъ увѣренъ! увѣренъ по тому чувству, какое нахожу теперь въ себѣ! Будь же на этотъ счетъ искренна и не оставляй ничего на догадку! Теперь спокойствіе твоей души всего для меня дороже, и увѣриться, что оно ничѣмъ не разстроено, было бы для меня счастіемъ! Это бы успокоило меня на счетъ твоего будущаго. Не ужели ты могла думать, что я для себя захочу сохранить въ тебѣ такое чувство, которое дѣлало бы твое несчастіе! Неужели ты думала, что я захочу его въ тебѣ произвесть и питать—нѣтъ! я только думалъ, что оно въ тебѣ было! Оно и было, но прежде; оно перемѣнилось; а ты только боялась дать мнѣ почувствовать эту перемѣну! Однимъ словомъ, ты сомнѣвалась во мнѣ! Но простая правда, сказанная твоимъ языкомъ, была бы правиломъ моихъ поступковъ! Никому, кромѣ самой тебя, въ этомъ случаѣ я не могъ вѣрить! и никто бы такъ скоро, такъ легко и совершенно не перемѣнилъ меня, какъ ты же – но это несчастное принужденіе насъ дѣлало не только чуждыми другъ другу, но даже мѣшало знать и то, что въ насъ самихъ происходило. Отъ сколькихъ бы несчастій избавила насъ свобода и полная довѣренность! Вотъ письменное доказательство этого. Написавши мое письмо къ маменькѣ въ Дерптѣ, я записалъ для самаго себя, въ своей бѣлой книгѣ, слѣдующее (что бы это повторить какъ урокъ, и я бы этотъ урокъ скоро выучилъ наизусть).

«12-го апрѣля. Прежде я имѣлъ цѣлью быть счастливымъ вмѣстѣ

съ Машею. Все въ жизни къ прекрасному средство! и это вмѣстѣ было бы для меня средствомъ къ прекрасному, которое состояло бы не въ одномъ наслажденіи собственною жизнью, но въ исполненіи съ лучшимъ товарищемъ всѣхъ обязанностей, въ добрѣ, въ пользѣ другимъ. Отъ этого должно отказаться. Совсѣмъ другое должно быть теперь для меня средствомъ къ прекрасному. Оно состоитъ въ пожертвованіи самимъ собою, въ совершенномъ забвеніи собственнаго, и все для нея. Для этого рѣшительно отказаться отъ невозможнаго, все употребить для сбереженія семейнаго покоя, твердо покориться своей судьбѣ и не слабѣть въ исполненія труднаго. Я назвался братомъ не для того, чтобы имѣть одно это имя, и подъ этимъ именемъ писать непозволенныя желанія и чувства! Нѣтъ! для того, чтобы она была мною счастлива, чтобы она принадлежала мнѣ, какъ дочь моей сестры, чтобы ея судьба и отъ меня зависѣла! Спокойствіе на счетъ ея судьбы будетъ моею наградою. Съ именемъ брата должна разрушиться всякая связь между нами; надобно сказать себѣ и пріучить себя думать, что она не должна любить меня какъ прежде, но любить, какъ роднаго, и заботиться о собственномъ отдѣльномъ счастіи, не сливая его съ моимъ; не только надобно это сказать себѣ, но и исполнить на дѣлѣ, ее самое пріучить къ этой мысли, изъ ея счастія вырвать все собственное, довольствоваться однимъ ея счастіемъ; все, что прежде было общаго, уничтожить; не желать, чтобы она имѣла со мною одинакое чувство, заставить ее къ себѣ перемѣниться и утѣшать себя однимъ только одобреніемъ сердца, что все сдѣлано, все принесено на жертву тому, что всего ему дороже. Однимъ словомъ, мнѣ должно быть истиннымъ братомъ ея матери и поступать такъ, какъ долженъ поступать ея братъ. Въ чемъ счастіе Маши? Въ спокойствіи и свободѣ сердца, въ согласіи съ матерью, въ мнѣніи, что и я счастливъ, наконецъ и въ томъ, чтобы имѣть съ другимъ все то, что она имѣла бы со мною! Мое счастіе теперь должно состоять въ томъ, чтобы все это ей дать! Въ стремленіи къ этому есть то, что для меня осталось прекраснаго въ жизни! Нѣтъ нужды, что вопреки себѣ-самое страданіе есть средство къ прекрасному! Та минута, въ которую я рѣшился всѣмъ пожертвовать для этой прекрасной цѣли, была восхитительна. Но это чувство восхищенія часто пропадаетъ, и я прихожу въ уныніе! Нѣтъ нужды! Не должно терять бодрости! Пусть нѣтъ ни энтузіазма, ни удовольствія: что чувство родитъ въ одну минуту, то твердость должна исполнить въ теченіе жизни. Гдѣ-же было бы достоинство добродѣтели, когда бы она была и легка и пріятна. Надобно смотрѣть не на удовольствіе, а на достоинство внутреннее. Всякое исполненіе

должности отдѣльной есть дорога по утесамъ; кончи ее—небо надъ головою! Мое небо ея счастіе! Perseverence! И такъ унывать не должно! Мои надежды брошены—замѣнить ихъ ея надеждами; все, чего желаю себѣ, передать ей, а самому жить настоящею минутою, настоящимъ добромъ и проч.».

Это написалъ я про себя; такъ думалъ я про себя, въ своей маленькой горницѣ, на чердакѣ, и это были минуты твердости—но сходя внизъ я какъ будто переходилъ въ новый свѣтъ, все нападало на меня, чтобы убить во мнѣ эту твердость; наконецъ эта дорога по утесамъ для одного меня, безъ всякаго пособія, показалась слишкомъ трудною; вотъ что стоитъ въ той же книгѣ, написанное 22 апрѣля.

«Мнѣ не должно оставаться въ Дерптѣ—это будетъ моею и Машиною погибелью. Подалѣ отъ нихъ—въ этомъ словѣ и свобода, и добродѣтель! Дѣлая свое пожертвованіе, я думалъ, что я сдѣлаюсь точно братомъ Маши; быть съ нею искреннимъ, свободно дѣлиться съ нею чувствомъ и мыслію было бы для меня вознагражденіемъ за все. Я ко всему бы привыкъ, разумѣется, не вдругъ; но чувствую, что это было бы для меня возможно. Теперь же вижу, что невозможно ничто. Уѣхавъ отсюда, я по крайней мѣрѣ сохраню право на чувства свои, которыхъ здѣсь имѣть мнѣ не должно. Что значитъ для нихъ мое обѣщаніе: помочь выдать Машу за мужъ—не иное что, какъ обѣщаніе быть нѣмымъ этого свидѣтелемъ. Я обѣщалъ это искренно: это значило для меня получить полное право располагать ея судьбою съ ея согласія и наравнѣ съ ея матерью. Право дать ей съ другимъ то же счастіе, какого бы я желалъ ей съ собою! Эта мысль меня радовала! Но все напротивъ! Я тутъ буду только рабомъ своего обѣщанія! Мои совѣты и противорѣчія будутъ перетолкованы! Съ именемъ брата я думалъ получить одинакія права съ Воейковымъ—напротивъ: я теперь только въ большей отъ него зависимости! При такомъ унизительномъ принужденіи и рабствѣ можно ли отвѣчать за себя! Есть-ли не сдержишь слова—тебя же обвинятъ, хотя сами всему будутъ причиною! и проч.».

Это писано было почти за годъ—не то же ли, что говорю теперь? Я здѣсь это выписываю для маменьки! Пускай она видитъ, что я не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній и что въ поступкахъ моихъ нѣтъ противорѣчія! Ничего не было бы для меня выше, какъ исполнить данное слово, исполнить его для общаго счастія; но у меня отняли силы. Въ моемъ положеніи я не могъ сладить самъ съ собою; наконецъ потерялъ и желаніе бороться, ибо не видѣлъ никакого успѣха; я пріѣзжалъ въ послѣдній разъ только на крестины, но совсѣмъ не съ прежнимъ расположеніемъ, и не имѣлъ въ мысляхъ

оставаться! Помоги мнѣ маменька, повѣрь она мнѣ, какъ должно— все бы было исполнено! Но она не поняла меня, и не захотѣла понять и вообразила, что человѣкъ мѣняется въ одну минуту! Это неестественно — для этого нужна твердость! а въ моемъ положеніи твердость зависѣла много отъ ея помощи! Но изъ всего этого ты видишь, что за меня тебѣ не должно надѣяться всего отъ времени! Для меня довольно одного твоего счастія! Мое-же положеніе не то, какое твое! Мнѣ не должно никому отдавать ни руки, ни сердца. Слѣдовательно, есть-ли что и останется въ сердцѣ, оно не разрушитъ ни моего, ни чужаго счастія. Для тебя же напротивъ. Есть-ли въ сердцѣ твоемъ сохранилось старое чувство, то какъ отваживаться съ такимъ чувствомъ отдавать руку другому. Предполагая, что это чувство въ тебѣ таково же теперь, какое могло быть прежде, поставивъ самаго себя на твое мѣсто, не долженъ ли я былъ испугаться предложенія вашего? и единственно за тебя, а не за себя? Я не думалъ говорить тебѣ, что ты обманываешь Мойера, а я только говорилъ, что теперь ты не можешь всего сказать ему, что теперь не можешь быть съ нимъ счастлива, слѣдовательно и онъ съ тобою! Я испугался поспѣшности, просилъ отсрочки, какъ необходимаго для твоего и (прибавлю) для моего спокойствія; требовалъ, чтобы вы другъ къ другу привыкли, словомъ не противорѣчилъ твоему замужству, а только желалъ, чтобы все было устроено для счастія вѣрнаго, не по необходимости, но все обдумавъ съ надлежащимъ хладнокровіемъ.

Ты пишешь: ни маменька, ни я не думали не только спѣшить, но даже и такихъ близкихъ сроковъ, какъ вы съ Воейковымъ назначаете, не полагали. Теперь же скажу тебѣ, что я не могу и на это согласиться—все зависитъ отъ обстоятельствъ; легко можетъ статься, что мы гораздо больше отложимъ это, но можетъ быть и прежде—однимъ словомъ я не могу и не хочу обѣщать ничего и имѣю на это важныя причины. Одна я. Замѣчу мимоходомъ: выраженіе: вы съ Воейковымъ—мнѣ больно разорвало сердце. Неужели и ты ставишь меня на одну съ нимъ доску. Какія бы онъ ни имѣлъ намѣренія, но мое намѣреніе въ требованіи срока все имѣетъ основаніемъ твое только счастіе и мое собственное на этотъ счетъ спокойствіе. Этого снисхожденія я имѣлъ право требовать отъ тебя и отъ маменьки. Неужели моя жизнь ни въ какой разсчетъ ея не входитъ. Я не знаю настоящихъ намѣреній Воейкова, и кто узнаетъ его сердце. Мое намѣреніе явное и скрытное то, чтобы все сдѣлано было безъ всякой гибельной поспѣшности. Дѣло идетъ о судьбѣ цѣлой жизни. Au risque d'ennuer par cent mille répétitions de la même chose, повторю

здѣсь все то, что сказано было мною въ трехъ письмахъ къ маменькѣ: я не противлюсь замужству, противлюсь одной поспѣшности; мои условія: дать время тебѣ успокоиться; оставить тебѣ полную свободу такъ, чтобы ты не считала этого замужства неизбѣжнымъ, чтобы все могла перемѣнить, по твоему произволу, а для этого не говорить ни слова Мойеру, узнать его короче, съ нимъ болѣе свыкнуться; между тѣмъ обдумать всѣ постороннія обстоятельства, столь важныя въ жизни! Я говорилъ: есть-ли тебя изъ твоей семьи выгонятъ однѣ непріятности отъ Воейкова, то я считаю гораздо безопаснѣе избавить тебя отъ этихъ непріятностей (что все во власти маменьки), нежели спѣшить такимъ замужствомъ, на которое не можетъ быть, какъ я полагалъ, еще согласно твое сердце! Этого требуетъ твое счастіе, счастіе твоего мужа, обязанность твоей матери, религія, ты сама и (прибавлю опять) сожалѣніе ко мнѣ. Не давай надежды не значило на моемъ языкѣ: не кокетствуй съ Мойеромъ (Маша, можешь ли въ этомъ хотѣть передо мною оправдываться!). Это значило: оставь себѣ полную свободу, не обязывай ни себя, ни его ничѣмъ—съ такою свободою легко будетъ узнать въ годъ того человѣка, съ которымъ должно дѣлить цѣлую жизнь. Скажи-жъ мнѣ, милой другъ, гдѣ тутъ противорѣчіе? Что другое сказалъ бы тебѣ твой отецъ? Неужели можешь подумать, что я все это говорилъ для того только, чтобы выиграть время для себя? Неужели у меня съ Воейковымъ какія нибудь тайныя условія? Подумать, что тебя принуждаютъ, я могъ, потому что для меня казалось неестественнымъ, чтобы ты сама такъ скоро могла рѣшиться. И съ этою мыслью написалъ первое письмо къ маменькѣ. Послѣ вотъ что говорилъ мнѣ Воейковъ: маменька непремѣнно требуетъ отъ тебя этого замужства; ты внутренно его не желаешь (какъ могъ и я этого не думать!), а показываешь, что его желаешь, дабы пожертвовать собою для общаго счастія (не знаю, какъ общее счастіе можетъ быть основано на твоемъ пожертвованіи) и между прочимъ для того, чтобы я могъ опять жить въ вашей семьѣ (какъ эта мысль могла придти тебѣ въ голову, право не постигаю!). Въ доказательство того, что ты не хочешь этого въ сердцѣ своемъ, онъ приводилъ два примѣра: первое, онъ просилъ маменьку дать отсрочку,—она не соглашалась; однажды онъ сидѣлъ съ нею одинъ; ты вошла къ нимъ и спросила: не проситъ ли онъ у васъ сроку? дайте ему годъ, два, три, какъ можно болѣе! (Это не доказываетъ ли, что ты сама боишься того, чего отъ тебя требуютъ). Въ другой разъ онъ сказалъ тебѣ о твоемъ замужствѣ (выраженіе не можетъ быть выдумано, оно точно пахнетъ Воейковымъ), ты вся перемѣнилась въ лицѣ такъ, что онъ испугался. Онъ увѣрялъ меня, что

у маменьки положено было все рѣшить тотчасъ и кончить въ нѣсколько мѣсяцевъ; что она начала было уже думать о приготовленіи приданаго; что онъ насилу, и то спорами и угрозами съ нею разстаться, вымолилъ у нея отсрочки на годъ, и много тому подобнаго. Все это слишкомъ похоже на правду. И чтожъ есть-ли все это правда? А могу ли слишкомъ въ этомъ сомнѣваться? Чтобы не найти этого по крайней мѣрѣ правдоподобнымъ, надобно, чтобы я потерялъ и память, и чувство! Все прошедшее не слишкомъ ли все это подтверждаетъ? И какъ все это согласить съ тѣмъ, что ты пишешь: ни я, ни маменька не полагали такихъ короткихъ сроковъ, и потомъ: теперь не могу ничего обѣщать! Есть ли вы сами согласны со мною въ отсрочкѣ (слѣдовательно и во всѣхъ другихъ условіяхъ), то въ чемъ же мое противорѣчіе. Есть ли же ничего не хотите обѣщать, то на что же требуете моего мнѣнія! Ничего не хочу обѣщать значитъ, что у васъ рѣшено все кончить теперь, а мнѣ же велите сказать мое мнѣніе, положивъ напередъ съ нимъ не соглашаться. Что жъ значитъ здѣсь мое мнѣніе! Ты говоришь: я имѣю на это важныя причины и я одна. Признаюсь, я теперь этихъ причинъ не понимаю и мнѣ надобно знать ихъ, чтобы съ ними теперь согласиться! Но думая о прошедшемъ, ставя себя на твое мѣсто, зная или думая знать настоящій образъ твоихъ чувствъ, наконецъ слыша, что говоритъ Воейковъ, не долженъ ли я былъ ужаснуться поспѣшности и не имѣлъ ли я права подумать, что ты поступаешь не изъ доброй воли—и что же я сдѣлалъ? Просилъ (для вѣрности твоего счастія, для собственнаго спокойствія на остатокъ жизни), чтобы тебѣ дали время и тебя не принуждали, чтобы все устроили съ надлежащею осторожностію, съ надлежащимъ къ намъ обоимъ снисхожденіемъ—и въ отвѣтъ на все это я получилъ: клеветникъ и ругатель! И такъ мнѣ на все надобно было согласиться безусловно!

Ты пишешь: Воейковъ въ письмѣ своемъ обѣщаетъ мнѣ спокойную жизнь; говоритъ, что я иду за мужъ, чтобы бѣжать отъ него—онъ говоритъ неискренно! Никого такъ мало его вспыльчивость не мучила, какъ меня! Но нашему горю пособить нечѣмъ! Я знаю, что мнѣ теперь осталось одно: разстаться съ Сашей. Не понимаю, Ж., какъ можешь ты такъ мѣнять образъ видѣть предметы. Не ты ли совѣтывалъ мнѣ выйти за мужъ. Я иду за мужъ не для того, чтобы бѣжать отъ кого, а точно для того, что люблю Мойера. Я не могу страдать за всѣхъ, и видѣть себя всему причиною. Вспомни свадьбу Сашину. Не я ли ее сдѣлала? Все это

приводитъ меня въ совершенное недоумѣніе; и я никакъ не имѣю средства изъ него выйтти. Подъ этимъ таится что-то такое, чего я себѣ никакъ вообразить не умѣю! Нашему горю помочь нечѣмъ! осталось одно: разстаться съ Сашею! Скажи мнѣ, что это значитъ! И въ то же время ты же говоришь, что идешь за мужъ по привязанности къ Мойеру, а не для того только, чтобы бѣжать отъ Воейкова! Какъ согласить такія противорѣчія! Милой другъ, я совѣтывалъ тебѣ выйти за мужъ—это правда! Но этотъ совѣтъ мой вырванъ изъ меня былъ минутою огорченія! Для меня было несносно видѣть твою беззащитность передъ Воейковымъ! Но почему же ты должна быть передъ нимъ беззащитна? Развѣ способы защищать тебя не всѣ во власти маменьки? Развѣ она всегда не можетъ быть твоимъ прибѣжищемъ и не властна перемѣнить образа обхожденія Воейкова? Вспомни и то, что ты сама говорила мнѣ: вспыльчивость Воейкова тебѣ тягостна потому только, что тутъ *я*; что тебѣ несносно видѣть, въ какомъ я передъ нимъ униженіи; что это одно дѣлало его тебѣ несноснымъ; что розно со мною ты не будешь и замѣчать его грубостей; что онъ не можетъ лично имѣть никакого на тебя вліянія; что отъ него ты не хочешь ждать ничего; что тебѣ только нужно спокойствіе и свобода, и что ты ихъ будешь имѣть, какъ скоро не будетъ съ вами меня! но что замужство тебѣ всего страшнѣе! Теперь меня съ вами нѣтъ; главная причина самыхъ чувствительныхъ неудовольствій для тебя не существуетъ! Что же новое могло принудить тебя къ такому рѣшительному поступку? И не должна ли ты мнѣ этого объяснить? Теперь я полагаю тебя въ совершенной независимости отъ Воейкова, да и онъ самъ не видитъ ли теперь ясно, что ему должно перемѣнить свои поступки, что однимъ только этимъ онъ сохранитъ свою репутацію, своихъ друзей, свой покой семейный—словомъ все! Не должно ли поддержать въ немъ этого намѣренія? Неужели нѣтъ способа всего поправить, не прибѣгая къ отчаянному средству?—я въ совершенномъ недоумѣніи! Ты называешь себя, одну себя, причиною всѣхъ огорченій! Почему же это? Ты причина всего, потому что Воейковъ грубіянъ и не имѣетъ никакой деликатности! Какъ это понять! Вспомни Сашину свадьбу! не я ли ее сдѣлала! Маша, надобно вообразить, что я сумасшедшій, чтобы мнѣ это сказать! Ты сдѣлала свадьбу Саши! И мнѣ еще велишь это вспомнить! Естьли это твои огорченія, то подобныхъ вымышленныхъ огорченій ты имѣть можешь тысячу! Стоитъ только увѣрить себя во всемъ невѣроятномъ! Нѣтъ! Сашину свадьбу сдѣлала не ты! Естьли ты надѣялась тогда на Воейкова, то свадьбу Сашину не для этихъ надеждъ сдѣлала! Ты на это не имѣла влія-

нія и никто не имѣлъ! Я помню отвѣтъ мой маменькѣ, когда она спросила: соглашаться ли на требованіе Воейкова! Я сказалъ: согласитесь, но оставьте себѣ способъ отказать ему! Живши съ нимъ нѣсколько времени на короткой ногѣ, въ одномъ домѣ, лучше его узнаете! И не позже какъ на другой день начали писать рекомендательныя письма къ роднымъ. Это все рѣшило. Вспомни, что маменька имѣла отъ Авдотьи Николаевны такое письмо объ немъ, въ которомъ все то подтверждалось, что намъ извѣстно было только по слухамъ. И это письмо имѣла она до свадьбы. Вспомни еще одинъ случай. Не ты ли сказала маменькѣ за нѣсколько дней до свадьбы то, что говорила Саша о Воейковѣ, я это помню потому, что....» [1]).

«Воейковъ требуетъ, чтобы я дала ему клятву не выходить за мужъ никогда, естьли онъ не будетъ дѣлать мнѣ огорченій. Теперь онъ боится только того, что̀ объ немъ будутъ думать? Ему сказали, что онъ будетъ извергъ, естьли эта свадьба сдѣлается. Vous avez dit a W. que sa femme est une égoiste—depuis qu'il est revenu, il ne fait que le répéter». Изъ всего этого заключаю, что по пріѣздѣ Воейкова изъ Петербурга былъ у васъ опять разговоръ объ этой свадьбѣ, что вы опять хотѣли ее рѣшить тотчасъ, что онъ опять началъ спорить, взбѣсился, и по обыкновенію своему наговорилъ много лишняго и сумасброднаго. Пріѣздъ его въ Петербургъ показался мнѣ благодѣяніемъ. Я думалъ, что своимъ письмомъ къ нему на счетъ его поступковъ я только его раздражилъ и что это отплатится вамъ и укорялъ себя въ этомъ письмѣ. Я думалъ, что и письмо Кавелина произведетъ такое же дѣйствіе и что никакой пользы отъ сказанной правды не будетъ. Вы, кажется мнѣ, всѣ приняли эти письма въ дурную сторону. Вы приняли ихъ за упреки въ томъ, что не сдѣлалось по моему, и за требованіе, чтобы Воейковъ все передѣлалъ въ мою пользу. Нѣтъ! въ этомъ случаѣ главною нашею цѣлью было то, чтобы Воейкову открыть глаза на собственный его счетъ, испугать его разрывомъ со всѣми его друзьями, и этимъ страхомъ принудить одуматься. Того, что писалъ къ нему Кавелинъ, никогда не услышитъ онъ въ семьѣ своей—ты молчишь и страдаешь; Саша такъ же; маменька никогда ничего не скажетъ или всѣмъ довольна! Такая метода съ Воейковымъ никуда не годится—надобно, чтобы онъ слышалъ правду, и чтобы онъ въ то же время видѣлъ, что на него надѣются. Вотъ съ которой стороны пріѣздъ его въ Петер-

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ 7 строкъ тщательно зачеркнуты, такъ что ихъ разобрать невозможно. П. В.

бургъ можетъ быть для него весьма полезенъ. Онъ уже видѣлъ, что его поведеніе разстроило было его со всѣми друзьями. Онъ пріѣхалъ сюда и слышалъ отъ насъ самыя рѣзкія правды! И повѣрь, Маша, (ты можешь и должна мнѣ повѣрить) въ тѣхъ упрекахъ, которые я дѣлалъ ему, не было ничего, чтобы относилось ко мнѣ! Я обвинялъ его только за всѣхъ васъ, и требовалъ отъ него только вашего счастія, единственно это полагалъ условіемъ общей дружбы и уваженія къ нему! Онъ признался въ многомъ дурномъ (до нѣкоторыхъ признаній я самъ не хотѣлъ коснуться). Вотъ что онъ сказалъ мнѣ и Кавелину, обливаясь слезами: Маша сказала мнѣ однажды: я наказана справедливо! я ожидала всего отъ тебя, а не отъ Бога! И такъ онъ знаетъ, что всѣ твои страданія отъ него! И я ему отвѣчалъ на это, что этой одной фразы довольно, чтобы быть правиломъ всѣхъ его поступковъ; помнивъ это, онъ можетъ передѣлать собственный характеръ! Онъ сказалъ еще: многое дурное сдѣлано имъ потому только, что все ему спускаютъ и все сносятъ съ лишнимъ снисхожденіемъ! Это и правда! Онъ ни отъ кого не слышитъ сильной правды! У васъ всегдашнее правило все скрывать! Не только скрывать, но все для другихъ и для себя представлять въ какомъ-то лучшемъ видѣ: свидѣтель этому вашъ журналъ! Какъ же можетъ прійти Воейкову въ голову себя исправить! Маменька или съ нимъ поссорится или совершенно проститъ его! и то и другое равно вредно! въ минуту ссоры никакая правда не подѣйствуетъ: бѣшенство не способно ни понять ее, ни слышать! въ спокойную минуту однѣ только ласки — а тутъ-то бы и говорить правду, яснымъ и убѣдительнымъ языкомъ! Тогда бы она была и понятна, и дѣйствительна! По крайней мѣрѣ такъ говорена ему она была здѣсь, мною и Кавелинымъ — и онъ слушалъ все безъ вспыльчивости, во всемъ признавался и все обѣщалъ поправить. Но прошу васъ не ошибаться на счетъ этого слова все поправить. На нашемъ языкѣ оно значило: дать вамъ всѣмъ спокойствіе, беречь васъ, перемѣнить характеръ, однимъ словомъ не нарушать вашего счастія, а быть вмѣстѣ съ вами столько счастливымъ, сколько можно и должно. Обо мнѣ тутъ и слова не было. Я говорилъ ему на счетъ его неделикатности и совѣтовалъ ему учиться ей у тебя, Маша; совѣтовалъ быть съ тобою искреннимъ; просилъ, чтобы для совершенной безопасности не было между вами ничего скрытнаго, чтобы и ко мнѣ не писалъ ничего такого, чего бы не могъ сказать всѣмъ, что теперь скрывать нечего, что вы должны и можете быть другъ съ другомъ совершенно откровенны, что въ этомъ вся тайна вашего семейнаго счастія! На все это онъ согласился! Я сказалъ ему еще, что во все это собственное мое ничто не входитъ, что

я рѣшительно навсегда съ вами разстался, и что прошу всего этого для себя въ томъ только смыслѣ, что безъ этого мнѣ ни спокойствія, ни привязанности къ жизни имѣть не возможно! Я просилъ его сказать тебѣ особенно, что тебѣ не должно думать меня возвратить въ семью свою, жертвуя собою, (какъ онъ мнѣ сказывалъ и какъ ты сама писала); что ты обязана дать мнѣ спокойствіе на твой счетъ; что мысль о твоемъ несчастіи отравитъ всю мою жизнь, отыметъ у меня всякую бодрость и всякое желаніе что нибудь сдѣлать; я просилъ его сказать маменькѣ, что это единственное, что она можетъ для меня сдѣлать, и что я этого прошу отъ ея сожалѣнія—и средства на это самыя легкія и всѣ во власти ея одной: довѣренность!—Ни я, ни Кавелинъ не говорили ему, что онъ будетъ извергъ, естьли эта свадьба сдѣлается! Онъ точно будетъ извергъ, естьли ты принуждена будешь выйти за мужъ только для того, чтобы избавить себя отъ его притѣсненій! Я просилъ его, чтобы онъ препятствовалъ принужденію и съ своей стороны не доводилъ до такой жестокой крайности грубыми своими поступками; я сказалъ, что теперь считаю замужство твое несчастіемъ, ибо оно точно вынужденное обстоятельствами (хотя я и не знаю этихъ обстоятельствъ), что теперь на него согласиться не могу, но что и въ мысль мнѣ не придетъ ему препятствовать, естьли мои условія, сдѣланныя для твоего же спокойствія, будутъ исполнены, естьли буду самъ увѣренъ, что это замужство сдѣлаетъ твое счастіе. (Маша, чтобы повѣрить этому теперь, надобно потерять въ себѣ и память, и чувство). Я говорилъ ему на счетъ Мойера, что люблю его самъ и уважаю его характеръ, что ты, вышедъ за него безъ принужденія, можешь быть счастлива, и что я соглашусь на твое замужство съ нимъ какъ скоро этого принужденія не будетъ, какъ скоро все сдѣлано будетъ временемъ, и какъ скоро онъ съ своей стороны своими поступками ничего не будетъ портить! Такъ, повторяю, онъ точно извергъ, естьли ты выйдешь замужъ для того только, чтобы спастись отъ него! Онъ можетъ быть твоимъ братомъ, твоимъ другомъ, а онъ мѣняетъ это блаженство на власть тебя приводить въ отчаяніе! Какъ за это всѣмъ его не презирать, не ненавидѣть—и повѣрь, что онъ будетъ ненавидимъ на словахъ и на дѣлѣ! Онъ твердитъ Сашѣ, что она эгоистъ и въ этомъ ссылается на меня! Правда, я назвалъ ее эгоистомъ, но по его же словамъ! Онъ живо описалъ мнѣ, какъ она и маменька нападаютъ на тебя, чтобы привести къ такому поступку, который еще не согласенъ съ твоимъ сердцемъ! Какъ не назовешь ихъ послѣ этого эгоистами? Какъ желать для себя пожертвованія и еще какого пожертвованія? Цѣлой жизни! Особливо Сашѣ какъ можно этого требовать!

Она знаетъ, что ты чувствовала—какъ же такъ рѣшительно располагать за тебя твоею судьбою! Гдѣ участіе и сожалѣніе!—Воейкова пребываніе здѣсь весьма было много меня успокоило на счетъ вашего семейнаго согласія. Онъ признался во всемъ—передъ друзьями, онъ помирился здѣсь съ собою, онъ поѣхалъ отсюда съ тѣмъ, чтобы начать совсѣмъ другой образъ жизни.—Такому человѣку, какъ онъ, необходимо знать, что на него надѣются, дабы имѣть силу что нибудь исполнить; по одной любви къ добру онъ ничего не сдѣлаетъ. Я знаю по собственному опыту какъ нужно пособіе и какъ человѣкъ слабъ одинъ съ собою. Воейковъ увидѣлъ здѣсь необходимость все поправить, онъ далъ слово это сдѣлать. Но на одно слово и особенно на его слово полагаться нельзя—нужны подпоры. Онъ долженъ *найти* ихъ въ васъ, въ вашей къ нему довѣренности, въ вашей на него надеждѣ. Безъ этихъ подпоръ онъ погибъ. Онъ поѣхалъ отсюда, ободренный тою надеждою, какую ему показали его друзья— но нельзя же его почитать совсѣмъ преобразованнымъ!—надобно, чтобы это чувство не угасло въ немъ; надобно пробудить и воспитать въ немъ чувство добра, убитое навыкомъ къ развратной жизни. Вдругъ такая перемѣна не дѣлается. Въ немъ есть доброе—я замѣтилъ это въ нѣкоторыя минуты! Но онъ привыкъ въ одно время и къ свободѣ поступковъ, и къ скрытности (потому что эти поступки были дурны). Что бы отучить его отъ этого притворства, надобно быть съ нимъ откровеннымъ, не оскорбляя его самолюбія и показывая на него надежду. Онъ отъ меня слышалъ самыя жестокія вещи— и признавался. Ему нужна довѣренность къ самому себѣ. Это падшій человѣкъ, котораго надобно поднять, а не лишать силы подняться. Почему, Маша, не можешь ты сказать ему самому всего того, что говоришь мнѣ объ немъ, почему маменька не можетъ всего этого сказать ему—это было бы повтореніемъ всего, что было ему сказано мною. Разумѣется должно употребить языкъ простой, не укоризны, а правду, сказанную отъ сердца. Устоитъ ли онъ противъ такого языка. И говоря это часто, безъ всякой скрытности, ты и маменька, не пріучите ли вы его и къ правдѣ, и къ должности! А вы что дѣлаете? Скрываетесь и приводите его въ затруднительное положеніе! Повѣрьте, что въ такомъ положеніи владѣть собою трудно! Естьли горе въ самомъ себѣ скрывать тяжело, то вину еще тяжелѣ! Кто облегчаетъ мое признаніе, тотъ не только мнѣ даетъ отраду, но вмѣстѣ и помогаетъ исправиться. А вы безпрестанно другъ отъ друга таитесь! Естьли онъ имѣетъ мысль, что онъ причиною твоихъ несчастій, то воспользуйтесь этою мыслію; естьли она останется у него въ душѣ, то больше еще раздражитъ ее и это можетъ имѣть дурное влія-

ніе на судьбу Саши! Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ маменьки! Воейковъ точно въ ея власти и она много можетъ перемѣнить его! Онъ поѣхалъ отсюда въ самомъ прекрасномъ расположеніи—довольный естьли не собою, то по крайней мѣрѣ надеждою на себя и надеждою, что будущее все въ его власти и можетъ сдѣлаться лучшимъ. Обрадованный этимъ расположеніемъ, я вообразилъ, что онъ и васъ обрадуетъ, что вы имъ воспользуетесь. Мнѣ казалось все въ порядкѣ; я вообразилъ, что при такомъ порядкѣ тебѣ возможно будетъ безъ всякой поспѣшности устроить судьбу свою и рѣшиться на замужство не по необходимости, а свободно—это успокоило меня на на счетъ твоего будущаго. Собственнаго моего тутъ ничего не было. Я даже и отъ писемъ вашихъ былъ готовъ отказаться—лишь бы только знать, что мои условія приняты и что все пойдетъ естественнымъ своимъ ходомъ.—Что же я долженъ заключить изъ письма твоего? На что рѣшиться? Чего ты отъ меня требуешь? Чему я долженъ вѣрить и что думать? Ты говоришь: напиши къ В. письмо ласковое и безъ всякихъ упрековъ; увѣрь его, что его слава, репутація и имя въ свѣтѣ не могутъ терпѣть отъ моего поведенія и что ты только желаешь моего счастія. Я изъ этого ничего ясно не понимаю. Воейковъ читалъ мое послѣднее письмо, писанное съ нимъ къ маменькѣ и могъ изъ него видѣть, что я не противлюсь твоему замужству, а прошу только не быть поспѣшными; онъ знаетъ мое мнѣніе о Мойерѣ, знаетъ, что я почитаю его, что соглашусь на все, какъ скоро все будетъ сдѣлано не по принужденію! Я не могу сказать ему, что друзья не будутъ его почитать извергомъ, когда ты отъ него принуждена будешь выйтти за мужъ—этому нельзя ему повѣрить! И мнѣ нельзя этого сказать. Я просилъ тебя все устроить такъ, чтобы я могъ вѣрить твоему счастію (всѣ мои условія стоятъ ясно во всѣхъ моихъ письмахъ). Что жъ въ этой просьбѣ невозможнаго? И что невозможнаго въ моихъ условіяхъ? Есть ли ты точно идешь за мужъ не по принужденію, то отъ чего нельзя условій моихъ исполнить! Онѣ легкія и всѣ для твоего же счастія! Неужели въ этихъ условіяхъ видно какое нибудь тайное намѣреніе! Естьли другіе могутъ видѣть его, то можешь ли ты, зная меня совершенно? Однимъ словомъ я въ совершенномъ недоумѣніи! Куда ни обратись, все нѣтъ никакого спасенія. Я не могу рѣшиться сказать тебѣ: выдь за мужъ! Этому противорѣчитъ мое собственное убѣжденіе, ибо никакъ не могу думать, чтобы это замужство было для тебя теперь счастіемъ, ибо вижу, что тебя рѣшаетъ на это какая-то непонятная для меня необходимость. Я рѣшить тебя на это не могу! Не могу такъ смѣло расположить твоею судьбою на всю

жизнь! Пока не увѣрюсь, что въ этомъ твое счастіе, по тѣхъ поръ не могу дать своего согласія и ты не можешь въ этомъ случаѣ его отъ меня требовать. Но я такъ же не имѣю духу сказать тебѣ: останься въ своей семьѣ; вижу, что ты въ ней несчастна, хотя увѣренъ, что ты легко могла бы быть въ ней и счастлива и спокойна! Это могли бы сдѣлать, и сдѣлать это было бы общимъ счастіемъ—почему не могутъ и не хотятъ—это знаетъ одинъ Богъ! Онъ тебя защититъ такъ же, какъ и судить будетъ тѣхъ, которые только губятъ, имѣя всю возможность дѣлать счастіе! Естьли бы выбирать, я бы выбралъ для тебя остаться въ семьѣ своей, но я не могу перемѣнить сердца и души. Могу сдѣлать одно: сказать тебѣ, что ты совершенно свободна сдѣлать все для самой себя, что найдешь теперь лучшимъ. Знаю, что это не дастъ мнѣ спокойствія и можетъ быть будетъ причиною совершеннаго несчастія и твоего и моего, и такого несчастія, котораго уже поправить нечѣмъ—но что же я могу сдѣлать?

Чтобы выйти изъ этого несноснаго недоумѣнія, одно средство: съ тобою увидѣться, узнать настоящій образъ твоихъ мыслей отъ тебя самой. Но возможно ли это? Ты пишешь, что я дурно сдѣлалъ, что не пріѣхалъ самъ! Маша, развѣ ты забыла всю прежнюю жизнь мою въ вашемъ домѣ! Развѣ ты забыла, что въ послѣдній мѣсяцъ, я все зналъ о Мойерѣ отъ Воейкова, и ничего не слыхалъ объ немъ отъ маменьки! Ты говоришь, что мнѣ должно быть благодарнымъ ей за то чувство, которое заставило ее мнѣ обо всемъ сказать первому! Почему же этого чувства не было тогда! Ты видѣла мое обхожденіе съ Мойеромъ! Я право болѣе почувствовалъ къ нему дружбы съ той минуты, когда все узналъ, и ни съ кѣмъ не было у меня такого чувства при прощаніи, какъ съ нимъ! Я любилъ его за ту привязанность благородную и нѣжную, какую онъ имѣлъ къ тебѣ! Маменька и на этотъ счетъ была такъ же со мною не искренна, какъ и во всемъ. Что жъ я за братъ! Это имя мнѣ никакихъ правъ не дало надъ ея сердцемъ! Повѣрь, милой другъ, что въ эту минуту, я могъ бы быть ей истиннымъ братомъ! Что можетъ быть для меня выше того, какъ быть учредителемъ вмѣстѣ съ тобою твоего счастія, какъ заступить мѣсто твоего отца! Заочно нельзя ничего рѣшить и ни на что рѣшиться! Но какъ пріѣхать? Я столько разъ былъ на этотъ счетъ обманутъ, столько разъ былъ отброшенъ съ холодностью, что теперь, въ такую важную минуту жизни, на это отважиться не посмѣю. Пріѣхать для того, чтобы меня боялись; говорили мнѣ братъ, а въ сердцѣ почитали бы меня тѣмъ человѣкомъ, который описанъ въ письмѣ къ Павлу Ивановичу! этого не стерпишь ни

съ какимъ терпѣніемъ! Что жъ будетъ пользы въ моемъ пріѣздѣ! Я не поѣду за тѣмъ, чтобы непремѣнно сказать да; но за тѣмъ, чтобы узнать твои мысли, узнать, что дѣлается въ твоемъ сердцѣ! И я чувствую, что мой пріѣздъ также былъ бы нуженъ для меня, какъ и для тебя! Но чтобы мой пріѣздъ могъ быть на что нибудь намъ полезенъ, надобно, чтобы я могъ быть съ тобою совершенно свободенъ, всякую минуту, могъ бы говорить безъ свидѣтелей, однимъ словомъ могъ бы свободно все устроить вмѣстѣ съ тобою! Какъ меня ласково ни прими маменька, все въ минуту почувствую какое истинное расположеніе въ ея сердцѣ—это отъ меня скрыться не можетъ! Тотчасъ почувствую чего отъ меня требуютъ: одного ли безусловнаго согласія или истинно братскаго пособія. Быть ей братомъ помощникомъ въ томъ, чтобы дать тебѣ покой и счастіе—на это я способенъ всегда и ты въ этомъ не сомнѣваешься! Естьли тебѣ нужно, чтобы я пріѣхалъ, то надобно, чтобы маменька рѣшилась поступать со мною какъ сестра и чтобы ты рѣшилась сказать мнѣ все какъ оно есть—повѣрь, что скрыть правды невозможно! Надобно, чтобы она рѣшилась мнѣ ввѣрить тебя безъ всякаго опасенія, рѣшилась перестать думать, что я имѣю намѣренія тайныя, рѣшилась бы уважать и мое мнѣніе, а не требовать отъ меня одного покорнаго согласія, рѣшилась бы наконецъ и мое собственное спокойствіе на счетъ поставить—при такомъ расположеніи намъ легко будетъ во всемъ согласиться! Я сказалъ бы все какъ думаю, мы опредѣлили бы все вмѣстѣ для лучшаго—я бы требовалъ только одного, чтобы ничто не было рѣшено при мнѣ, чтобы это осталось между нами тайною! Не знаю могу ли еще видѣть; но желать, и быть счастливымъ возможностію твоего счастія—это вѣрно! На что вамъ и требовать, чтобы я видѣлъ; довольно того, естьли буду знать, что все къ лучшему! Мысли объ этомъ и внутренняго убѣжденія для меня довольно! И такъ Маша, естьли тебѣ хочется, чтобы я пріѣхалъ, напиши—я тотчасъ буду, но ты знаешь условія! Чтобы я могъ говорить съ тобою и съ одной тобою, безъ всякаго принужденія! И чтобы ты сказала мнѣ настоящую правду! Милой другъ, ее скрыть ты можешь—но ея слѣдствія будутъ несчастны! а ты сама знаешь, что эти слѣдствія непремѣнно для насъ обоихъ будутъ несчастны».

Сообщ. К. К. Зейдлицъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

въ письмахъ къ Ник. Ив. Гнѣдичу.

1815 годъ.

LX [1]).

1815 г. мая 3-го (г. Череповецъ).

Съ чего начну мое письмо, любезный другъ? Хотѣлъ много написать и ничего не напишу. На что разсказывать старое, то есть ничего пріятнаго. Поговоримъ лучше о моемъ дѣлѣ. Ты конечно получилъ свидѣтельство на мое имя черезъ почту; по вѣрющему письму, которое я тебѣ оставилъ, ты можешь приступить къ требованію денегъ въ ломбардѣ.—Милый другъ, не откажись отъ этихъ хлопотъ, скучныхъ и заботливыхъ, но они-то мнѣ докажутъ твою дружбу; притомъ, кромѣ тебя, я никого не имѣю, кому-бы могъ повѣрить значительную сумму. Принявъ оную, заплати что слѣдуетъ въ ломбардъ, *то есть 2708*, а если что останется, то оставь у себя, а я тебѣ *немѣдленно* отпишу куда дѣвать остальныя деньги. Успокой меня на этотъ щетъ. 10-го мая будетъ срокъ; хлопочи скорѣе. Если нужно, попроси Нелединскаго, или Катерину Федоровну,—она знакома съ Тутолминымъ, и конечно отъ сего не откажется. Однимъ словомъ, дай мнѣ вздохнуть. И здѣсь у меня хлопотъ множество и множество огорченій. Одна дружба сестры—мое утѣшеніе. Еще просьба: я писалъ

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1870 г. т. I, изд. первое, стр. 65—71; изд. третье, стр. 549 -554; изд. 1871 г., т. III, стр. 208—236; 394; изд. 1874 г. т. X, стр. 383—398; изд. 1883 г. т. XXXVII, мартъ, стр. 647—664; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 107—122; май, стр. 333—350; іюнь, стр. 525—540.

къ Дашкову, просилъ его, чтобъ онъ узналъ у Сукина, получитъ-ли Бахметевъ отпускъ въ Баденъ рѣшительно; если нѣтъ, то я поѣду къ нему не замѣдля ни однимъ днемъ. Проси его, чтобъ онъ мнѣ отвѣчалъ. Мой отъѣздъ зависитъ отъ сего. Къ Бахметеву я писалъ; но по разстоянію врядъ-ли получу скорый отвѣтъ. Къ Гагарину пришлю остальной долгъ, дай только справиться съ хлопотами. Обнимаю тебя, моего милаго друга; пожелай мнѣ терпѣнія и здоровья, а тебѣ конечно добра желаю, ибо твое постоянное дружество мое утѣшеніе. Пріѣхалъ ли къ вамъ многообѣщанный Жуковскій? Обними его за меня. Напомни обо мнѣ Оленинымъ и Катеринѣ Федоровнѣ; что она дѣлаетъ? Ходи къ ней почаще и узнавай о Никитѣ [1]). Пиши ко мнѣ, Бога ради, пиши. Не пропусти первой почты, ибо я буду ожидать нетерпѣливо отвѣта. Адресуй въ Череповецъ.

LXI.

(1815 г., іюнь).

Письмо твое отъ 20 мая получилъ; ты мнѣ дѣлаешь упреки. Я въ правѣ ихъ дѣлать тебѣ за твое молчаніе. Я писалъ къ Дашкову о дѣлѣ, въ хлопотахъ домашнихъ. Вотъ почему не писалъ къ тебѣ первому. Ты можешь со мною лѣниться какъ тебѣ угодно, махіавельствовать и проч. Я люблю тебя по старому, какъ добраго друга, котораго на другихъ не въ силахъ промѣнять. Вотъ мое признаніе, если ты его хотѣлъ. Благодарю за исправность твою по ломбарду. Душевно желаю, чтобъ это безъ хлопотъ кончилось. Сдѣлай, какъ я писалъ. Заплати деньги по займу въ ломбардъ, за старое имѣніе, сколько причтется. Если что нибудь останется, то удержи у себя; я отпишу тебѣ, что съ этимъ дѣлать. О Гагаринѣ остальномъ долгѣ я не безпокоюсь; черезъ нѣкоторое время сестра тебѣ вышлетъ эту сумму,—теперь я не могу отдѣлить изъ моихъ денегъ: самому надобно на дорогу.

На дняхъ непремѣнно отправляюсь въ Каменецъ. Ничего тебѣ утѣшительнаго о себѣ сказать не могу. Кругомъ меня печальныя лица. У меня для будущаго ни одной розовой мысли. Самое пребываніе въ Каменцѣ не очень лестно. На щастіе я права не имѣю, конечно; но горестно истратить прелестные дни жизни на большой дорогѣ, безъ пользы для себя и для другихъ: по моему уже лучше воевать. Всего-же горестнѣе (и не думай, чтобы это была пустая фраза) быть оторваннымъ отъ словесности, отъ занятій ума, отъ милыхъ привычекъ жизни и отъ друзей своихъ. Такая жизнь бремя. Есть ле-

[1]) Муравьевъ.

царство скукѣ: пушечные выстрѣлы. Не къ нимъ-ли опять ведетъ упрямая судьба?

Радуюсь, что Жуковскій у васъ и надолго. Его дарованія и его характеръ не ходячая монета въ обществѣ. Онъ скоро наскучитъ, а я ему еще скорѣе, и пыльные булевары, и ваши словесники, и ладонъ хвалебный. Познакомься съ нимъ потѣснѣе: вѣрь, что его умъ и душа сокровище въ нашемъ вѣкѣ. Я повторяю не то, что слышалъ, а то, что испыталъ. Проси его, чтобы онъ ко мнѣ написалъ нѣсколько строкъ на досугѣ. Я имѣю нужду въ твоей дружбѣ, въ его дружбѣ. Вотъ мои единственныя сокровища, одно, что мнѣ оставила фортуна.

Огорченія Катерины Федоровны весьма естественны. Разлука съ сыномъ для матери есть нещастіе,—и для какой матери! и съ какимъ сыномъ! Молодой Муравьевъ будетъ украшеніемъ Россіи, если пойдетъ по стопамъ своего отца. Умъ дѣльной, большія способности и сердце своего родителя, съ пламенною душою матери. Рѣдкое сочетаніе! Дай Богъ ему здоровья и успѣха [1]).

Радуюсь успѣху Лобанова и не удивляюсь ему. Трагедія его стоила того. Переводъ очень хорошъ, но для успѣха въ словесности я желалъ бы, чтобъ онъ занялся чѣмъ нибудь полезнѣе. Расина переводить невозможно.

Кончу мое посланіе. До Каменца писать не буду, но если случится затрудненіе по ломбарду, то посовѣтуйся съ Катериною Федоровною, и отпиши прямо къ сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ; она предприметъ другія мѣры для вноски суммы за сей годъ. Не теряй времени. Будь щастливъ и вѣрь дружбѣ твоего Константина.

На оборотѣ: Пришли чаю!

Адресъ: «Н. И. Гнѣдичу, въ императорскомъ книгохранилищѣ».

LXII.

10-го іюля 1815 г. Каменецъ-Подольскій.

Языкъ до Кіева доведетъ, а изъ Кіова не такъ далеко до Волыни, съ Волыни на Подолъ и наконецъ въ Каменецъ, откуда я пишу къ тебѣ, мой милый другъ, съ усталой отъ заботъ и праздности душою, которую ни труды, ни перемѣна мѣста, ни перемѣна заботъ, не могутъ вы-

---

[1]) Одинъ изъ сыновей Михаила Никитича Муравьева, воспитателя Александра I-го. Никита Михайловичъ Муравьевъ род. 19 августа 1795 г., служилъ капитаномъ въ генеральномъ штабѣ, участникъ тайнаго общества, умеръ въ ссылкѣ, близъ Иркутска, 28 апрѣля 1843 г. Ред.

лѣчить отъ скуки, весьма извинительной, ибо я проѣхалъ черезъ Москву около трехъ тысячъ верстъ, если не болѣе, зачѣмъ? чтобъ отдалиться отъ друзей. Наконецъ я здѣсь, къ удивленію моего генерала, который принялъ меня весьма ласково, меня и другаго адъютанта Давыдова, котораго полиція московская выгнала изъ Москвы, какъ меня петербургская. Но Каменецъ и безъ насъ существовалъ. Я ето предвидѣлъ, предчувствовалъ. Теперь я не имѣю скорой или близкой надежды увидѣться съ тобою и выцарапать тебѣ послѣдній твой глазъ, который дальновиднѣе моихъ обѣихъ, за то, что ты меня вовсе забылъ; ни слова не писалъ въ деревню, гдѣ я находился между страха и надежды, но въ совершенной неизвѣстности, куда ѣхать, зачѣмъ и какъ; гдѣ былъ очень болѣнъ, откуда я поѣхалъ съ лихорадкою, которая меня и здѣсь не покидаетъ, и здѣсь, въ отчизнѣ зефировъ и цвѣтовъ, жидовъ и старыхъ польскихъ усовъ. И такъ, до случая удаляю надежду, до времени, покоряюсь святому Провидѣнію, которое бросаетъ меня изъ края въ край, меня, маленькаго Улисса или Телемака, который умоляетъ тебя, божественнаго Демодона, писать къ нему почаще, ибо, право, жизнь не жизнь безъ друзей. Ужъ я ни слова не говорю о томъ, что ты ко мнѣ не писалъ о моихъ дѣлахъ. Право, не хорошо меня мучить, меня, измученнаго. И что у тебя за лѣность? Пишешь къ каждому пономарю въ Малороссіи, а не пишешь къ другу, который тебя любитъ, конечно, болѣе, нежели кто нибудь на свѣтѣ: и ты это знаешь. Пиши ко мнѣ хотя для того, что я въ отчизнѣ галушекъ, вареннковъ, воловъ, мазанокъ, усовъ и чуповъ. Вотъ мое право, если другія всѣ утрачены для твоего сердца, которое, отъ постоянно спокойной жизни и отъ ращетовъ твоего ума, превратится въ камень, чего не дай Богъ и для меня и для словесности, которая на тебя щитаетъ; ибо тогда музы отвратятъ лицо свое отъ твоего лица и ты будешь засѣдать въ «Бесѣдѣ» и скука съ тобою одесную, а славяне—ошую. Но этого не будетъ. Пиши, люби меня и люби посильнѣе; право, я нужду имѣю въ твоей дружбѣ; или друзья намъ только милы бываютъ вблизи и въ щастіи? Прости!

Если вы меня всѣ забыли, всѣ, то есть Гнѣдичъ и Николай Ивановичъ, то я умру новымъ родомъ смерти: тридцать верстъ отъ насъ карантинъ. Выпрошу позволеніе отправиться туда, зачумѣю, и поминай какъ звали! Но я думаю, что обыкновенная чума не дѣйствуетъ на тѣхъ, къ которымъ привита чума стихотворная. Вотъ новая бѣда.

Сдѣлай одолженіе, милый другъ, пиши ко мнѣ, проси Катерину Федоровну, чтобы и она писала. Почта отходитъ, точно, мнѣ болѣе писать не можно.

LXIII.

Августа 11-го. Каменецъ. 1815 г.

Наконецъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ молчанія, отъ тебя письмо! Странный человѣкъ! Естьли бы я тебя не столько любилъ, то могло ли бы твое злое молчаніе меня тронуть. Я не знаю ни прозаической, ни поэтической дружбы: я знаю просто любить, вотъ все, что я знаю. Напрасны твои загадки и извиненія. Собственное твое сердце, если ты его не вовсе истаскалъ на обѣдахъ у оберъ-секретарей и у откупщиковъ, твое сердце тебя должно мучить. Пусть оно говоритъ. Я ни слова. Я слишкомъ сердитъ на тебя; любить тебя перестать не въ силахъ.

Благодарю за исполненіе порученія по ломбарду. Откуда были препятствія самому простѣйшему дѣлу? Благодарю Грѣча. Пусть онъ печатаетъ мою сказку, но внизу поставитъ N. N.—Перечитай ее сперва съ Жуковскимъ и поправьте, Бога ради, что хотите. У меня иное въ головѣ—путешествіе въ Крымъ, если будетъ возможность, деньги и деньги [1]).

Возьми у Блудова списокъ моихъ стиховъ (мой затерянъ), вели его списать и заплати 25 копіисту. Етотъ списокъ оставь у себя на память. 75 р. остальные отнеси отъ меня Роснини. Я ему что-то долженъ за книги, которыя у меня пропали. Вотъ и все тутъ. Исполни это, милый другъ, а когда мой гнѣвъ изчезнетъ, то я буду писать болѣе. Не могу притворяться, я все на тебя сердитъ. Глинкѣ мой усердный поклонъ. Я его письма прочиталъ съ несказаннымъ удовольствіемъ. Много ума, много воображенія, слогъ живой, оригинальный. Пожелаемъ ему болѣе вкуса и менѣе охоты декламировать противъ богатства и французовъ. Фамильной грѣхъ [2]). Не замедли прислать мнѣ и его путешествіе; оно стоитъ бездѣлку. Прости, весь твой Константинъ Б.

Дашкова я просилъ прислать библію италіанскую. Онъ забылъ или не получилъ моего письма. Я по горло въ италіанскомъ языкѣ.

Пришли мнѣ Глинкино путешествіе и еще что есть у васъ новаго. Бога ради, пришли, я за то далъ коммиссію купить полпуда турецкаго табаку и доставлю съ первой оказіей, если мой гнѣвъ пройдетъ.

---

[1]) Слѣдуетъ нѣсколько строкъ объ уплатѣ мелкихъ долговъ: портному, сапожнику и проч., что здѣсь опускается. Ред.

[2]) Өедоръ Николаевичъ Глинка: „Письма русскаго офицера“, 6 ч.

1816 годъ.

LXIV.

20 марта 1816 г. Москва.

Благодарю тебя, любезный другъ, за письмо, съ Дашковымъ посланное, и другое съ книгою Ж; и то, и другое меня обрадовали. Не смѣю благодарить за похвалы бездѣлкѣ, напечатанной въ Музеумѣ (и перепечатанной, безъ моего проса, въ Сынѣ Отеч.). Конечно старое дружество ко мнѣ ты перенесъ къ моимъ сочиненіямъ; авторъ черезъ это выигрываетъ, пріятель теряетъ. О себѣ ничего не могу сказать рѣшительнаго и удовлетворить твоему любопытству. Ты знаешь, что я ожидаю отставки, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю! Здоровье мое исчезаетъ примѣтно и, къ сокрушенію моему, не позволяетъ служить. Въ Каменцѣ, въ деревнѣ до Каменца, я былъ жестоко болѣнъ лихорадкою, я даже страшился чахотки. Начинаю мало по малу оживать, но не писать. Для поэзіи нужно щастіе, для философіи—здоровье и покой,—блага, о которыхъ я только по наслышкѣ знаю. Впрочемъ здѣсь живу не скучно, по крайней мѣрѣ противъ Каменца, который для меня былъ тоже, что Смирна для Хемницера [1]). Хозяинъ мой ласковъ, веселъ; объ умѣ его ни слова; ты самъ знаешь, какъ онъ любезенъ.

Прошлаго года ты заложилъ мои деревни и внесъ деньги въ ломбардъ въ уплату; Бога ради пришли немедленно освобожденіе изъ залогу выкупленныхъ душъ. Объ этомъ просила и сестра моя, или хотѣла просить. Нельзя-ли заложить выкупленныя 1815 [2]) души снова и зачесть за сумму, которую мнѣ нынѣ внести надлежитъ. Скорѣе увѣдомь, не полѣнись: если нельзя, то освобожденіе въ документѣ доставь прямо въ вологодскую палату, или на имя Шипилова; тамъ получу новое свидѣтельство. Какія издержки будутъ по ломбарду (полагаю бездѣлица) я немедленно тебѣ доставлю.

Кончу. Боюсь наскучить тебѣ длиннымъ письмомъ и оторвать отъ полезнѣйшихъ занятій, ибо полагаю, что ты очень занятъ словесностію, или службою. Я слышу, что Петръ Оленинъ болѣнъ. Увѣдомь и о немъ, если писать будешь. Весь твой К. Б.

---

[1]) Ив. Ив. Хемницеръ, знаменитый баснописецъ, умеръ въ Смирнѣ въ 1784 г. См. его неизданныя сочиненія и о немъ обширныя статьи академика Я. К. Грота и Г. П. Надхина въ „Русской Старинѣ" 1872 г., т. V, стр. 215, 585 и 601.

[2]) Вѣроятно надо читать такъ: „въ 1815 г."? Ред.

LXV.

17 августа 1816 г. Москва.

Письмо твое получилъ и благодарю за предложеніе твое печатать на свой щетъ и кромѣ того дать еще автору 1500. Ты раззоришься и я никакъ не могу на это согласиться. Лету ни за милліонъ не напечатаю; въ этомъ стою неколѣбимо, пока у меня будетъ совѣсть, разсудокъ и сердце. Глинка умнраетъ съ голоду. Мерзляковъ мнѣ пріятель, или то, что мы зовемъ пріятелемъ; Шаликовъ въ нуждѣ; (Дм. Ив.) Языковъ питается пылью, а ты хочешь, чтобы я ихъ дурачилъ передъ свѣтомъ... нѣтъ, лучше умереть! Лишняя тысяча меня не *обогатитъ*. Если бы я согласился на нѣкоторыя предложенія, то могъ бы имѣть тысячь пятнадцать доходу. Но я ни зачѣмъ не гоняюсь, и еслибы расквитался съ долгами, надѣланными въ службѣ, и не имѣлъ бы домашнихъ огорченій, то былъ бы щастливъ и веселъ.

Я все боленъ. Другой мѣсяцъ въ постелѣ. Рѣдко проѣзжаюсь. Скучаю? конечно; но здѣсь много добрыхъ и ласковыхъ людей, они меня не забываютъ и первый изъ нихъ В. Пушкинъ. Каждый день сидитъ у меня. Недавно меня навѣстили Нилова и Самарина: очень удивился и обрадовался имъ несказанно! Къ нещастію, не выѣзжаю теперь и не могу ихъ видѣть.

Я угадалъ птицу по полету. Свидѣтели тебѣ Вяземскій и Пушкинъ (Вас. Льв.). При нихъ прочитавъ критику на Ольгу, сказалъ: ето Гнѣдичъ, либо Никольскій, но скорѣе первый. И Вяземскій, и Пушкинъ благодарятъ неизвѣстнаго отъ всей души. Жаль только, что ты напалъ на родъ балладъ. Тебѣ, литератору, это непростительно. Всѣ роды хороши. Грибоѣдову не отвѣчай ни слова; и Катенинъ, по таланту, не стоилъ твоей прекрасной критики, которую самъ Дмитріевъ хвалилъ очень горячо. Надобно бы доказать, что Жуковскій поэтъ; *надобно*, говорю, предъ лицомъ свѣта; тогда всѣ Грибоѣдовы изчезнутъ. Ходи, какъ Кромвель, въ кирасѣ подъ платьемъ: не то умереть тебѣ подъ ножомъ писателей. Муравьевъ пишетъ ко мнѣ каждую недѣлю и нынѣ спрашиваетъ, кто авторъ критики на Ольгу. Онъ полагаетъ, что это я; но я отрекусь разумѣется. Пришли отрывокъ изъ Илліады къ Кокошкину, онъ его провозгласитъ. Выпроси у Крылова басню. Вамъ стыдно не помогать сдѣшнему обществу. Васъ любятъ и уважаютъ. Крылова хартію вручи Каченовскому. Сегодня пошлю за нимъ.

Клянусь совѣстію, что болѣзнь меня раззорила. Что мѣсяцъ, то шестьсотъ и семьсотъ рублей. Вотъ почему не выслалъ къ князю,

но изъ деревни пришлю. Я столько ему обязанъ и такъ сильно чувствую его великодушіе. Скажи ему, и примири меня съ нимъ. Будь здоровъ и помни больнаго.

Какъ Олинъ воетъ надъ мнимымъ мертвецомъ, а Державинъ еще упрашивалъ, чтобы не выли: это безсовѣстно [1]).

Когда будетъ легче, то займусь перепискою моихъ бездѣлокъ. Съ горестью вижу, что ето бездѣлки, но печатать надо. Ихъ изуродовали въ журналахъ и вездѣ мое имя выставили. Даже Каченовскій дѣлаетъ ето противъ воли моей!

Какъ ты думаешь? Собирать ли прозу? Какъ литература, она кажется довольно интересна, и даетъ деньгу. Впрочемъ я ее не уважаю.

Приписка Василія Львовича Пушкина.

Благодарю сердечно любезнаго Николая Ивановича за прекраснѣйшую критику. Батюшковъ истинно отгадалъ въ одну минуту, что вы авторъ толь справедливыхъ и остроумныхъ замѣчаній. Онъ боленъ, но душою здоровъ и пишетъ стихи безподобные. Что до меня касается, я во все ничего не дѣлаю,

Молчу и слушаю другихъ.

Откуда взялся рыцарь Грибоѣдовъ? Кто воздоилъ сего кандидата «Бесѣды» пресловутой? Ради Бога, освободите насъ отъ нелѣпостей и не слушайте Батюшкова. Пишите, браните и наказуйте. Должно вранью сдѣлать конецъ! Крылову отъ меня усердный поклонъ. Тургенева (А. Ив.) мы ждемъ нетерпѣливо, и ждемъ много новаго и пріятнаго. Кажется мнѣ, что я съ музами и Петербургомъ простился навсегда, или по крайней мѣрѣ надолго. Нѣтъ ни воображенія, ни денегъ.

Du destin qui fait tout tel est l'arrêt cruel.

Цѣлую Омира, или Омера, и поручаю себя въ его дружбу. Василій Пушкинъ.

Приписка Н. И. Батюшкова.

Не страшись: мы никому не скажемъ нашихъ догадокъ о сочинителѣ критики и не навостримъ кинжаловъ. Вчера у меня сидѣлъ Каченовскій и бесѣдовалъ до полуночи. Деньги Ивана Андреевича и забавное письмо его я вручилъ. Поклонись отъ меня безсмертному Крылову, безсмертному – конечно такъ! Его басни переживутъ вѣка. Я ими теперь восхищаюсь.

---

[1]) Олинъ бездарный стихотворецъ, упоминается здѣсь о стихахъ его на смерть Державина. Ред.

LXVI.

Москва, 1816 г., сентябрь, четвергъ.

Письмо твое, первое съ разсѣяннымъ превосходительствомъ, второе съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, я получилъ, милый другъ. Кокошкинъ вручилъ мнѣ отрывокъ изъ Илліады, которымъ займусь немедленно. Я прочиталъ его: кажется поправлять нечего—развѣ бездѣлки. Когда будетъ чтеніе у насъ—не знаю; я боленъ и лежу въ постѣлѣ. Черезъ силу ѣзжу по солнцу верхомъ и конца не вижу моему невольному пребыванію въ Москвѣ. Напрасно ты думаешь, что я отказываюсь отъ твоего предложенія, имѣя въ виду болѣе. Конечно, въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ могу збыть все изданіе и выручить капиталъ на капиталъ, но имѣть хлопоты, безпрестанно торговаться съ книгопродавцами, жить для корректуры въ столицѣ, мнѣ невозможно. И такъ на твое предложеніе отвѣчаю со всѣмъ чистосердечіемъ, что оно мнѣ пріятно, по многимъ причинамъ, и, если ты на мои кондиціи согласишься, то и дѣло по рукамъ. Вотъ онѣ: «за двѣ книги, толщиною, или числомъ страницъ, съ сочиненія М. Н. Муравьева, я прошу двѣ тысячи рублей».

Тысячу рублей прислать мнѣ немедленно. У меня томъ прозы готовъ, переписанъ и переплетенъ. Приступить къ печати не ожидая стиховъ. Томъ стиховъ непосредственно за симъ печатать. Если ты согласишься на мое условіе, то я все велю переписывать и доставлю въ началѣ октября. Имъ займусь и многое исправлю. Лету не печатать; за то будутъ новыя піесы, какъ то: Ромео и Юлія, и другія бездѣлки. Другую тысячу заплатить мнѣ шесть мѣсяцовъ по напечатаніи втораго тома. Это тебя не разстроитъ и мнѣ будетъ выгодно. Я берусь доставить заглавный виньетъ для обоихъ томовъ. Печатать отнюдь не по подпискѣ: я на это никакъ не соглашуся. *Могу поручиться*, что здѣсь въ Москвѣ въ первый годъ книгопродавцы возьмутъ 300 или 400 экземпляровъ. По крайней мѣрѣ увѣряетъ Каченовскій. Въ Петербургѣ столько же выдетъ въ два года. Я могъ бы печатать здѣсь. Мнѣ даютъ деньги на бумагу, но не хочется одолжаться и жить въ Москвѣ. Дѣла требуютъ моего присутствія въ деревнѣ—одна болѣзнь удерживаетъ. Дмитріевъ уговаривалъ продать здѣшнимъ книгопродавцамъ, но я боюсь ихъ какъ огня. Они изуродуютъ изданіе и на мѣсто завода, напечатаютъ два, какъ обыкновенно.

Томъ прозы будетъ интересенъ. Первая піеса: рѣчь, говоренная

мною въ московскомъ собраніи о словесности. Вторая: вечеръ у Антіоха Кантемира, т. е. разговоръ его съ Монтескье, гдѣ я послѣдняго немного поцарапалъ. О Данте, Петраркѣ, Тассѣ, Аріостѣ. Финляндія. Похвала сну. О морали. О сочиненіяхъ Муравьева. Письмо объ академіи, переправленное (надобно спросить у Алеши, можно ли его печатать? Канва его, а шелки мои). Замокъ Сирей. О госпожѣ дю Шатле. О поэтѣ. О Ломоносова характерѣ личномъ, и проч. и проч. и проч.

Стихи раздѣляю на книги: 1-я—элегіи, 2-я—смѣсь, романсы, посланія, эпиграммы и проч. Я подписываю имя, слѣдственно постараюсь сдѣлать лучше,—все, что могу! Титулъ: Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Б. Если издатель захочетъ сдѣлать предисловіе или замѣчанія, то можетъ, подписавъ имя свое. Однимъ словомъ, надѣюсь, что моя книга будетъ книга, если не прекрасная, то не совершенно бездѣльная. Дай мнѣ рѣшительный отвѣтъ. Пришли всю тысячу. Мнѣ деньги очень нужны. Я болеиъ и проживаюсь на лекарствѣ. Если ты понесешь убытокъ, то я отвѣчаю. Но этого предполагать не можно. На печать полагаю двѣ тысячи, этого достаточно; мнѣ двѣ тысячи, итого четыре. Двѣ части продавать по десяти рублей, итого за тысячу экземпляровъ десять тысячь р. На коммисію положимъ двѣ тысячи; слѣдственнно четыре очистится. Вотъ что мнѣ говорилъ Каченовскій, печататель чужихъ сочиненій. Онъ мнѣ и самъ предлагалъ свои услуги, но я отказался, и главное потому, что ты, по дружбѣ, это лучше сдѣлаешь, и потому, что въ Москвѣ уродуютъ книги. Мнѣ ты учинишь одолженіе, безъ тебя не рѣшусь печатать. Ты знаешь мою лѣнь и нерѣшимость. Но прошу только печатать безъ шуму и грому. Обѣ книги вдругъ выпустить. Жуковскому хвалители повредили. Грѣчь объявитъ въ «Сынѣ Отечества», Каченовскій здѣсь. Я ручаюсь за него, вымолвитъ доброе словечко. Богъ поможетъ: и я авторъ! Книги раскупятъ—а тамъ пусть критикуютъ.

Дай же рѣшительный отвѣтъ, т. е. скажи: мнѣ не надобно, или скажи: пришли томъ прозы, а я вышлю деньги къ концу сентября. Вотъ на что прошу отвѣчать немедленно. Посовѣтуйся съ знающими людьми. Мнѣ сдѣлаешь истинное одолженіе, истинное, говорю. Избавишь отъ хлопотъ и подаришь мнѣ двѣ тысячи. Ожидаю: да или нѣтъ. Но ни слова въ моемъ условіи не перемѣню. Я обдумалъ все на досугѣ. Согласенъ-ли? Прости, будь здоровъ, пиши екзаметры, и не вѣрь никому. Тебя сбиваютъ съ пути. Переведи нѣсколько отрывковъ изъ Одиссеи. Тамъ можешь блеснуть екзаметромъ. Удивляюсь, что ты за нее не возьмешься давно. Что нужды, что не сряду. Пиши и люби меня.

Ивановъ умеръ. Онъ настрадался. Жаль его больно!

Еще прошу: никому не провозглашай, что я намѣренъ печатать, и начавъ печатать, молчи, пока все не выдетъ. Уткинъ вѣрно не откажется отъ виньетокъ. Я ихъ тебѣ представлю, когда все будетъ готово. Берусь за ето самъ, на свой щетъ и отчетъ.

LXVII.

1816 г. сентября 25-го.

Amen. Согласенъ на все, прочитавъ твое письмо, съ тѣмъ только, что ни во что мнѣ вступаться и ни за что отвѣчать.

Высылаю томъ прозы. Все обѣщанное мною исполнено, кромѣ статьи о Дантѣ. Право некогда, боленъ и у меня нѣтъ вспомогательныхъ книгъ. О маркизѣ дю-Шатле не будетъ, да и что въ ней? Про одни дрожди не говорятъ трожди. А французскіе дрожди намъ давно наскучили. Мнѣ же не хочется имѣть переводовъ; замѣть: это не малое достоинство. Статью о лучшихъ свойствахъ сердца, статью не блестящую, но которая мнѣ болѣе всего нравится, ибо она лучше всего написана, возьми въ «Сынѣ Отечества». У меня его нѣтъ и промыслить этого № не могъ. Кантемировъ пиръ пришли съ первою почтою. Насилу отыскалъ переводъ Гуаско, съ которымъ надобно было справиться. Кантемиръ будетъ интересенъ. Если цензура что нибудь вычеркнетъ въ немъ, или въ другихъ піесахъ (кромѣ Кантемира, не знаю къ чему привязаться?), то замѣни ближайшимъ смысломъ. Такимъ образомъ, взявъ все вмѣстѣ, будетъ слишкомъ триста страницъ печатныхъ, полагая страницу въ величину «Вѣстника», можетъ быть и гораздо болѣе. Если какую статью захочешь выкинуть—выкидывай. Но для разнообразія пріятно бы сохранить даже и Финляндію, которая надута, но горяча. Марай, поправляй, дѣлай что хочешь, но, Бога ради, ситаціи вѣрнѣе напечатай. Надѣюсь, что книга моя, имѣя такого издателя, каковъ переводчикъ Гомера, понравится aux esprits bienfaits, а по разнообразію статей—и массѣ читателей. Скажи нѣсколько строкъ въ предисловіи отъ издателя. Не говори о трактирѣ. Мы не Глинки, и не хвали меня, особливо если подпишешь имя. Всѣ знаютъ нашу связь и эта похвала покажется сомнительною. Надобно сказать въ предисловіи, что писано въ разныя времена, что у насъ мало книгъ, прямо къ словесности относящихся, мало прозы, и потомъ на колѣняхъ просить читателя: раскупить изданіе, въ ожиданіи втораго.—Пришли мнѣ условіе какое хочешь. Я его подпишу. Могу умереть и ты останешься въ дуракахъ. Согласенъ пять лѣтъ не издавать снова. Екземпляровъ печатай 1500 или

двѣ, не болѣе. Но книгопродавцамъ о такомъ великомъ числѣ не объявляй. Это можетъ повредить. Печатай безъ подписки.

Томъ стиховъ отдѣлаю и стану переписывать. Ихъ менѣе прозы. Отдѣленіе Елегій будетъ лучше. Пришлю весь коробъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два, или когда потребуешь; но назначь мнѣ срокъ. Другую тысячу, за стихи, какъ сказано, по напечатаніи ихъ. Высылай прозаическую тысячу. Я ее несу въ аптеку и къ доктору.

Виньетокъ не надобно. Богъ съ ними! нужна кашка. Посылаю тебѣ на образецъ. Если апробуешь, то отдай сдѣлать ее и заглавныя литтеры надписей, къ листамъ, Ухтомскому. Онъ мнѣ пріятель и за бездѣлку свалятъ. Выгравировать это экскизомъ, а не тщательно. Я отвѣчаю за однѣ доски, полагая, что онѣ не болѣе ста рублей будутъ стоить. Онѣ бы и не нужны были для книги, но тебѣ съ досками легче повѣрить екземпляры, и нѣтъ ли лишнихъ въ типографіи. Второе изданіе, если Богъ велитъ, сдѣлаю красивѣе, а первое должно быть просто. За труды мои слишкомъ буду награжденъ! Увѣренъ, что оно будетъ не варварское, достойное пожирателя Гомеровыхъ коментаторовъ и любителя Ельзевировъ и Бодони! Ожидаю отвѣта и всей краснорѣчивой тысячи. Скажу тебѣ, что Кокошкинъ скоро будетъ воспѣвать твои гекзаметры и басни сосѣда твоего (т. е. Крылова). Прозы твоей читать не будемъ. Я настоялъ, по нѣкоторымъ мѣстнымъ причинамъ, а напечатаемъ въ собраніи трудовъ, если хочешь. Скажи мнѣ твою волю.

Все хорошо! Кромѣ моего здоровья. Меня отправляютъ на воды. Лѣкаря морщатся и прибѣгаютъ къ натурѣ или природѣ, а природа къ натурѣ; понимаешь? Скоро очищу мѣсто для новаго стихотворца, и отправлюсь писать Елегіи въ царствѣ Плутона. Прости, будь здоровъ и дай отвѣтъ,—скорѣй. Ожидаю его съ нетерпѣніемъ.

25-го сентября. Здѣсь мелькнулъ Иванъ Матвѣичъ Апостолъ, урожденный Муравьевъ. Ты слышалъ о дѣлѣ его. Кажется онъ правъ. Что у васъ говорятъ законники? Желаю душевно ему успѣху. Онъ тебѣ усердно велѣлъ кланяться и поскакалъ въ деревню. Поклонись его дѣтямъ и попеняй, что меня забыли. Они право неблагодарны къ пріязни.

Вручи Никитѣ одинъ екземпляръ моей рѣчи. Но чтобы онъ не показывалъ никому до напечатанія. Ета рѣчь нашумѣла здѣсь. Ты не удивишься, прочитавъ ее. Я истину осламъ съ улыбкой говорилъ.

Печатать ли Прогулку въ академіи? А жаль ее выключить. Расположеніе матерій здѣлай самъ, какъ заблагоразсудишь. Кантемира завернуть въ серединку.

LXVIII.

Вологда, 1816 г. (октябрь?).

Не могу тебѣ изъяснить радости моей. Жуковскаго щастіе какъ мое собственное. Я его люблю и уважаю. Онъ у насъ великанъ посреди пигмеевъ, прекрасная колонна среди развалинъ. Но твое замѣчаніе справедливо. Баллады его прелестны, но балладами не долженъ себя ограничивать талантъ рѣдкій въ Европѣ. Хвалы и друзья неумѣренные заводятъ въ лѣсъ, во тьму. Каждаго Арзамасца порознь люблю, но всѣ они вкупѣ, какъ и всѣ общества, бредятъ, карячатся и вредятъ. За твою критику надобно благодарить, а не гнѣваться. Увѣренъ, что въ душѣ самъ Жуковскій тебѣ благодаренъ. Что до меня касается, милый другъ, то я не люблю преклонять головы моей подъ ярмо общественныхъ мнѣній. Все прекрасное мое — мое собственное. Я могу ошибаться, ошибать, но не лгу ни себѣ, ни людямъ. Ни за кѣмъ не брожу: иду своимъ путемъ. Знаю, что это меня не далеко поведетъ; но какъ перемѣнить внутренняго человѣка? И. М. часто заблуждался отъ пресыщенія умственнаго. Потемкинъ ѣлъ рѣпу: вотъ что дѣлаетъ И. М. Какъ бы то ни было, онъ у насъ человѣкъ необыкновенный, и тебѣ завидую. Ты съ нимъ проводишь золотые часы.

Пожалѣй обо мнѣ. Я въ снѣгахъ; около меня снѣгъ и ледъ. Здоровье плохо, очень плохо; но я тружусь и исполню обѣщаніе, пришлю стихи. Портрета никакъ! На мѣсто его виньетку; на мѣсто его умирающаго Тасса, если кончить успѣю. Сюжетъ прекрасный! Омира и Гезіода, котораго кончилъ, и сказку Бальядеру, которая въ головѣ моей. Начни съ прозы. Стихи послѣ печатай, выпусти все вдругъ, безъ шуму, безъ похвалъ, безъ артиллеріи, Бога ради. Если будешь въ накладѣ, то я выручу. На портретъ ни за что не соглашусь. *Это будетъ* безразсудно. За что меня огорчать и дурачить. Но другіе—пусть другіе дѣлаютъ что угодно, они мнѣ не образецъ. Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій заслужили славу: на ихъ изображеніе пріятно взглянуть. Что въ моей рожѣ? Ничего авторскаго, кромѣ носа крючкомъ и блѣдности мертвеца. Укатали бурку крутыя горки. На первыхъ недѣляхъ поста вышлю стихи. Они готовы, только свисни. Теперь я по дѣламъ домашнимъ въ скучныхъ разъѣздахъ, все безъ пристанища. Высылаю деньги Гагарину. Исполни мои коммисіи о книгахъ. Крайняя нужда въ журналахъ. Будь чистосердеченъ. Скажи мнѣ за что Оленинъ на меня въ гнѣвѣ? Ниже мыслею не заслужилъ етого. Право,

ето больно моему сердцу. Я имъ много обязанъ, а быть неблагодарнымъ гнусно, и на меня не похоже. За что же я забылъ А. Н ? Бога ради, скажи чистосердечно, что я здѣлалъ, и какъ могу загладить вину мою? но какую?—Обнимаю тебя. Попѣняй Катеринѣ Федоровнѣ и Никитѣ. Они не помнятъ, что я дышу еще. Будь здоровъ, веселъ и не хворай ногою, какъ Азъ калека. Высылай рожденіе Омера. Я буду принимать его отъ купели.

Прости. Vale и пришли мнѣ канастеру два фунта, на мой щетъ, не то я напишу на тебя сатиру, и покажу ее Омиру и всему міру.

Обними сосѣда. Но какъ обнять? Онъ, я думаю, толщѣ всѣхъ поетовъ вкупѣ, и разсудкомъ, и тушею. То есть Крылову мой поклонъ.

LXIX.

Москва, 1816 г., октября 28-го и 29-го.

Столько и столько надобно писать къ тебѣ, милый другъ, что я право не знаю съ чего начать. С. И. Муравьевъ былъ здѣсь. Онъ скажетъ тебѣ, что Ипполитъ оставался у меня на рукахъ, сдѣлался болѣнъ, выздоровѣлъ. Я ходилъ за нимъ въ болѣзни—время пролетало, я ничего не дѣлалъ. Виноватъ-ли я? Конечно нѣтъ. Поспѣшу вознаградить утраченное время.

Начинаю отвѣчать на письмо твое:

О другъ мой! сколь важна услуга мнѣ твоя,
Лишь чувствовать могу, сказать не въ силахъ я.

Получилъ деньги. Грекъ мнѣ вручилъ. Киріелейсенъ! При семъ провождаю условіе. Копія мнѣ не нужна. Кантемира пришлю черезъ недѣлю. Ета статья довольно длинна. Для путешествія въ Сирей не будетъ нужна статья о Шатле. Право довольно. Если могу сладить съ Данте, и если нужно будетъ, вышлю. Книга будетъ толста, если не напечатаешь большой форматъ—отъ чего Боже избави! Надобно дамскую книжку: поменѣе и потолще. Начни, Бога ради, печатать прозою. Дай мнѣ время справиться со стихами. Ихъ будетъ менѣе, чѣмъ прозы, но за то ихъ и печатать рѣже. Вѣрь мнѣ, что я теперь не на розахъ. Бьюсь какъ рыба объ ледъ съ чужими хлопотами и свои забываю. Стихамъ не могу сказать: Vade sed incultus. Надобно кое-что поправить. Кстати о поправкахъ. Въ прозѣ исправь епитетъ: «Славный Мерзляковъ», напиши Знаменитый, если хочешь, или добрый. Статью Ломоносова характеръ печатай по «Вѣстнику», кромѣ мѣста о Шуваловѣ, которое печатай по рукописи. Все исправ-

ляй, какъ хочешь, не переписываясь со мною. Ето слишкомъ затруднительно и безполезно.

Сегодня получилъ Танкреда. Благодарю отъ всей души! Примусь за него, и когда нибудь возвращу тебѣ съ замѣчаніями. Переводъ въ иныхъ мѣстахъ превосходенъ. Я ето и прежде тебѣ говорилъ. Портретъ прелестенъ. Кокошкину вручилъ екземпляръ. Съ нимъ условлюсь и отпишу тебѣ о продажѣ. Каченовскій благодаритъ и провозгласитъ. Я нарочно, въ дождь и грязь, ѣздилъ въ его келью Парнасскую. Общество приняло екземпляръ съ достодолжною признательностію и возвѣстило ее въ полномъ собраніи сего дня (28-го октября) чрезъ уста Антонскаго,—отца и покровителя. Гекзаметры читалъ Яковлевъ—и прекрасно! Они понравились взрослымъ людямъ,—впрочемъ у насъ дѣти—малютки! Басни Крылова разсмѣшили. Все прекрасно! Ты себѣ вообразить не можешь, что у насъ за собраніе, составленное изъ прозы, стишковъ дѣтскихъ, чаю, оржаду, дѣтей и дядекъ! Бѣдная словесность! Бѣдный университетъ! Я повторяю сказанное: въ «Бесѣдѣ» Питерской варварство, у насъ ребячество. Не сказывай етого ни кому.

Еще разъ повторяю: прозу не печатай вмѣстѣ съ стихами, а сперва. Можно выпустить вмѣстѣ. Займусь перепискою стиховъ. Вышлю тебѣ сперва книгу Елегій, потомъ смѣсь, посланія и проч., а тамъ сказку съ поправками, если успѣю. Не могу изъяснить тебѣ моей признательности. Конечно изданіе будетъ исправно въ рукахъ твоихъ. Мнѣ не тягостно быть тебѣ благодарнымъ, а пріятно. Сожалѣю только, что болѣзнь, хлопоты и время не позволили сдѣлать лучше, исправнѣе, интереснѣе моей книги. Каченовскій говорилъ мнѣ, что изданіе сойдетъ; онъ предлагалъ даже подобныя деньги, но я все страшусь за тебя и повторяю: не пѣняй!—Я буду въ отчаяніи, если не удастся.

Каченовскій читалъ разсужденіе о славенскихъ діалектахъ. Я не критикъ, я невѣжда, но, кажется, онъ рѣжетъ истину. Онъ утверждаетъ, что библія писана на сербскомъ діалектѣ—тоже, думаю, говоритъ и Карамзинъ,—а славенскій языкъ вовсе изчезъ. Онъ чистый и не существовалъ можетъ быть, ибо подъ именемъ славенъ мы разумѣли всѣ поколѣнія славенъ, говорившія разными нарѣчіями, весьма отличными одно отъ другаго. Онъ разбудитъ славенофиловъ. Если правду говоритъ Каченовскій, то каковъ Шишковъ съ партіей? Они влюблены были въ Дульцинею, которая никогда не существовала. Варвары! они изказили языкъ нашъ славенщизною. Нѣтъ! Никогда я не имѣлъ такой ненависти къ етому мандаринному, рабскому, татарско-славенскому языку, какъ теперь. Чѣмъ болѣе вникаю въ языкъ нашъ,

чѣмъ болѣе пишу и размышляю, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что языкъ нашъ не терпитъ славенизмовъ, что верхъ искусства похищать древнія слова и давать имъ мѣсто въ нашемъ языкѣ, котораго грамматика, синтаксисъ, однимъ словомъ все, противно сербскому нарѣчію. Когда переведутъ священное писаніе на языкъ человѣческій? Дай Боже! Желаю етого!

Вотъ другая новость: Петровъ, сынъ Петрова, исказителя Енеиды, но великаго лирика,—Петровъ-сынъ перевелъ Илліаду ексаметрами всю! и отправился съ нею въ Питеръ. Мало по малу разбери ее. Твои враги обрадуются случаю, но Фебъ тебя пріосѣнитъ, тебя, любителя Гомера. Съ нѣкоторыхъ поръ на Парнассѣ все кабала и кабалы, des protégés si bas, des protecteurs si bêtes! Ты мнѣ ничего не говоришь о виньетѣ.

Кантемира вышлю съ первою почтою; если прозы недостанетъ, то у меня есть статья: «Характеръ искательной», но сатирическая; а я съ нѣкотораго времени отвращеніе имѣю отъ сатиры и переписывать ее охоты нѣтъ. Прилагаю при семъ условіе. Мнѣ не надобно копіи.

Примѣчаніе. Въ предъидущихъ письмахъ, хотя и не во всѣхъ, мы соблюдали нѣкоторыя особенности въ правописаніи автора, именно относительно употребленія буквъ: *е*, *э*, *ѣ*, *з*. Далѣе, для удобства чтенія, мы возстановляемъ нынѣшнее правописаніе. Ред.

1817 годъ.

LXX.

1817 г. февраля 21-го.

Прошу тебя, милый другъ Николай Ивановичъ, приложенное письмо къ Дамасу и 1720 руб. отправь въ Парижъ черезъ банкира, или черезъ посредство А. Н. Оленина. Конечно, есть курьеры вѣрные. Не замедли, Бога ради. Теперь писать некогда, а съ почтою напишу болѣе. Константинъ Батюшковъ.

LXXI.

Деревня. 1817 г. февраля 27-го.

Посылаю тебѣ сочиненія Батюшкова, къ которому ты вовсе не пишешь, и очень дурно дѣлаешь. Онъ боленъ и пишетъ черезъ силу свои сочиненія. Я послалъ къ Гагарину 800. Получилъ-ли ты?

Еще отправилъ 1720 на твое имя. Прошу переслать ихъ Да-

масу черезъ Алексѣя Николаевича, или черезъ Катерину Ѳедоровну, которая можетъ быть возьметъ на себя попросить Раля. Всего бы лучше съ курьеромъ. Надобно отдать Дамасу бумажками. Тамъ размѣняетъ онъ, ибо теперь въ Парижѣ есть русскіе мѣнялы. Это ему выгоднѣе и мнѣ лучше. Напиши къ нему самъ словечка два. Но, Бога ради, отправь эти деньги. Онѣ у меня на душѣ были. Ни росписки, ни записки у Дамаса нѣтъ, а я, безсмертный стихотворецъ, могъ умереть въ это время, и тогда онъ наплясался бы съ долгомъ, а я съ совѣстію, на томъ свѣтѣ.

Если ты мнѣ писать не будешь въ отвѣтъ на мои письма, то я право прогнѣваюсь. Это меня несказанно разстроиваетъ. Здорова-ли тетушка? Хоть бы ты увѣдомилъ.

Что скажу о себѣ? Болѣнъ. Въ деревнѣ скучно, грустно и глупо. Не пріѣхать-ли къ вамъ? Какъ думаешь?

Дай отвѣтъ на мою просьбу о переводахъ итальянскихъ. Или ты думаешь очень весело переводить длинные періоды Боккачіо даромъ? Славы отъ этой прозы не будетъ. А отъ стиховъ? Правду сказать, трепеталъ, зашивая ихъ. Ну, если не понравятся? Оживи меня.

Я началъ Смерть Тасса. Элегія. Стиховъ до 150 написано. Постараюсь кончить до своей смерти. И сюжетъ, и все мое. Собственная простота. Когда начнешь печатать, я и это могу выслать. Но шутки въ сторону, я скоро впаду въ чахотку. Грудь у меня исчезаетъ. Нога болитъ. Умираю. Умеръ.

Что И. М.? скоро-ли ѣдетъ домой и съ чѣмъ?

Нельзя-ли меня причислить куда нибудь безъ жалованья по службѣ? Подумай объ этомъ и отпиши ко мнѣ, милый другъ. Мое положеніе безъ службы право не забавно.

У Грѣча есть типографія. Не купитъ-ли онъ переводы?

Адресъ: „Его высокобл—дію мил. госуд. Николаю Ивановичу Гнѣдичу. Въ императорской библіотекѣ въ Петербургѣ. Съ посылкой книги цѣной въ пятьдесятъ рублей. Череповецъ. 28-го февраля“ (въ Пбгѣ получено 6-го марта).

LXXII.

Я не безъ резону полагаю, что томъ прозы будетъ жидокъ. Онъ долженъ быть увѣсистъ, тѣмъ болѣе, что томъ стиховъ (по милости Феба худощавъ)! Ergo посылаю тебѣ милую Гризельду и милую Моровую Заразу изъ Боккачіо. И то и другое можешь помѣстить между

прозою, или въ концѣ, если печатаніе кончилось. Что нужды? Сказка интересна, она и отрывокъ о заразѣ—capo d'opera италіанской литературы. Перечитай ихъ съ кѣмъ нибудь знающимъ языкъ италіанскій, и что хочешь поправь. Но я, вопреки Олину, переводилъ не очень рабски и не очень вольно. Мнѣ хотѣлось угадать манеру Боккачіо. Тебѣ судить, а не мнѣ! Если же напечатать не согласишься, то пришли назадъ, не держа ни минуты: я выдралъ изъ книги. Но лучше напечатай мою Гризельдушку и Заразу,—если выдержитъ ученый критическій карантинъ. Гризельда придастъ интересу: будетъ что нибудь и для дамъ. Это не шутка. Все одна словесность инымъ суха покажется.

Будешь-ли доволенъ стихами? Размѣщай ихъ какъ хочешь, но печатай безъ толкованій и замѣчаній, Бога ради, и безъ похвалъ! Не уморите меня. Эпиграмму: какъ страненъ здѣсь судебъ уставъ и проч. выбрось. Другую оставь на Ших., но назови ее: Совѣтъ Епическому стихотворцу. Басню Сонъ Могольца, книги и журналистъ, и еще кое-что — выкинь. На мѣсто этого я пришлю черезъ недѣли три Умирающаго Тасса, элегія, стиховъ въ 200; ее помѣстить можно будетъ въ концѣ, и такъ она печатаніе не задержитъ. Если Гезіодъ тебѣ полюбился, то поставь въ заглавіи: Посвящено А. Н. О., любителю древности; но имени ни его, ни чьихъ, нигдѣ не выставляй. Я не охотникъ до этого. Вотъ почему я и спрашивалъ у тебя, сердится-ли Оленинъ на меня, или нѣтъ? Я хотѣлъ сдѣлать это при писаніи, посылая книгу, но полагая, что онъ на меня дуется, остановился. Я къ нему писалъ—онъ ни слова не отвѣчалъ, а я писалъ не белиберду, а о моей отставкѣ; могъ-ли я полагать, что онъ или забылъ меня, или гнѣвается? Но тебѣ спрашивать у него было неприлично. Я самъ знаю, что ему не за что на меня гнѣваться; я не подалъ поводу; но люди умные не рѣдко дурачатся, аки азъ грѣшный. И такъ если это не будетъ ему противно — надпиши. Малый знакъ моей признательности — но все что нибудь. На тебя полагаюсь въ этомъ: какъ заблагоразсудишь. И такъ ты видишь, что я остороженъ, милъ и уменъ, какъ ангелъ.

Спасибо за форматъ. Прекрасно! Что и говорить! Domine, non sum dignus. Пришли виньетки, это меня утѣшитъ. Но Грѣчь, люблю его, а скажу — палачь! Онъ такъ терзаетъ нашу прозу и стихи, что любо и дорого! Нѣтъ № «Сына» безъ ошибокъ, и какихъ ошибокъ? Если онъ начнетъ меня такъ уродовать? Я ему... но укротимъ волны и вихри моего гнѣва, и станемъ говорить о дѣлѣ.

Получилъ-ли Уткинъ 200? Ты ни слова! Получилъ-ли ты 1720 Дамасу? Ты ни слова! Теперь я тебя за горло. Милый другъ, отдай, ради Неба, 1000 въ ломбардъ къ 10-му мая, въ щетъ моего долга (2500), чѣмъ меня истинно обяжешь. У меня ни гроша. Заплатилъ кучу долговъ, а самъ остался при Боккачіо и при шпанской мушкѣ (которая у меня закрываетъ весь затылокъ и мѣшаетъ не только трудиться, но даже писать къ тебѣ это письмо). Осталось только попѣвать: Nel cuor più non mi sento.... И такъ успокой меня на щетъ ломбарда; не заставь проплясать козачка. Я и то разбитъ на всѣ четыре ноги, какъ лошадь, которую я продалъ въ Парижѣ.

Замѣчаніе. Исправь самъ и проси Грѣча исправлять ошибки противъ смысла и языка. Иногда перестановка одного слова (какъ говоритъ безсмертный Олинъ Квинтильяновичъ) весьма значительна. И у кого нѣтъ этихъ ошибокъ? даже у самаго Олина пробиваются кой-гдѣ (Пироги горячи! Оладьи! Горохъ съ масломъ!). Умора, право умора вашъ Олинъ. Хочетъ мыслить, силится, силится — запоръ — нейдетъ! Читатель, суди самъ! (Зри Сынъ Отеч.).

Я далъ слово Сергѣю Глинкѣ прислать ему переходъ черезъ Рейнъ. Перепиши и пошли ему отъ моего имени. Бога ради, сдѣлай это. Онъ будетъ въ правѣ гнѣваться, а ты читалъ Горація и знаешь, каковъ гнѣвъ стихотворца. Притомъ Глинку надобно поддерживать. Если есть глупые стихи, выпиши ихъ, я постараюсь поправить... Но лучше бы такъ. Проза надоѣла, а стихи ей-ей огадили. Кончу Тасса, уморю его и писать ничего не стану, кромѣ писемъ къ друзьямъ: это мой настоящій родъ. Насилу догадался. Перемѣни въ статьѣ Ломоносовъ Повѣренія дружества. Это очень плохо! Вообще не худо иногда справляться съ «Вѣстникомъ», а всего чаще съ разсудкомъ. Избавьте меня, о Грѣчь, о Гнѣдичь, отъ глупостей. Право и безъ моихъ у насъ много на Парнассѣ! Не давно прочиталъ Монтаня у японцевъ, т. е. Головнина *записки*. Вотъ человѣкъ! вотъ проза! а мое вижу самъ: пустоцвѣтъ. Все завянетъ и скоро полиняетъ. Что дѣлать? Если бы война не убила моего здоровья, то чувствую, что написалъ бы что нибудь получше. Но какъ писать? Здѣсь мушка на затылкѣ, передо мной хина, впереди ломбардъ — сзади три войны съ биваками! Какое время! Бѣдные таланты! Выростешь умомъ, такъ воображеніе завянетъ. Щастливы тѣ, которые познали причину вещей и могутъ воскликнуть отъ глубины сердца... пироги горячи! оладьи! горохъ съ масломъ!

Ивану Матвѣевичу (Муравьёву) не пишу. Онъ, полагаю, все въ

Питерѣ и ему конечно не до насъ, забытыхъ рокомъ. Но какъ я радъ, не могу тебѣ изъяснить. Эта вѣсть меня оживила. Я почувствовалъ какъ люблю его въ полной мѣрѣ, и радовался этому чувству.

Вотъ проспектусъ переводовъ.

1-й томъ.

Похвала Италіи изъ M-me de Stael
О жизни Данте и его поэмѣ.
Олиндъ и Софронія.
Гризельда.
Бѣшенство Орланда. } Составить
Путешествіе въ луну. } нѣчто цѣлое.
Альчина.
Зараза.
Письмо Бернарда Тасса.
О воспитаніи дѣтей.
Примѣръ дружества, изъ Боккачіо,. сказка.
Что нибудь изъ Петрарка.

2-й томъ.

Сокращенныя выписки изъ критиковъ Жанли, Sizmondy, Buniroup и проч. {
Объ италіанскомъ языкѣ вообще.
Взглядъ на словесность италіанскую.
Данте.
Петрарка
Боккачіо.
Аріостъ.
Тассъ.
Другіе стихотворцы перваго періода.
Заключеніе.

Если бы Грѣчь согласился дать двѣ тысячи за это? У него типографія, вотъ почему я съ этимъ предложеніемъ выступаю.

Въ концѣ года могу представить оба тома. Но безъ денегъ, для одного удовольствія, переводить время, бумагу и здоровье—слуга покорный. Дай рѣшительный отвѣтъ. Не то Жуковскому отдамъ все. Онъ у меня проситъ. Взгляни на этотъ реэстръ и увидишь, легко-ли переводить это? Кажется было бы интересно и публикѣ нашей. Но еще разъ, безъ денегъ не примусь за работу. Дайте тысячу впередъ—за первый томъ, а другую подожду до января будущаго 1818 года. Скажите: да, или нѣтъ. Если да—то выпишу какого нибудь переписщика и заплачу ему рублей триста. Самому не можно. Стара стала и глупа стала. Въ противномъ случаѣ, могу провести время какъ благородный человѣкъ. Напримѣръ могу ничего не дѣлать, какъ маркизъ Г. Приходитъ весна: болѣзни и цвѣты. Мнѣ не скучно будетъ. Два дни пролежу въ постели, а день стану поливать левкои и садить капусту, — а вы останетесь безъ италіанскихъ переводовъ, вы, сводники парнасскіе! вы, великій Грѣчь и великій Гнѣдичь!

Кстати объ Италіи. Скажите мнѣ Шаховской Principe, и Principe Koslovsky не сойдутся-ли на развалинахъ Рима? Вотъ двѣ класси-

ческія каррикатуры въ землѣ классической. Я радъ, что Шаховской будетъ писать въ карантинѣ. Не могу вспомнить о немъ безъ смѣха, а право люблю его какъ душу! Но не мнѣ бы смѣяться! Я самъ подставилъ спину! Чувствую, вижу,—но не смѣю сказать, какъ страшно печатать! Это или воскреситъ меня, или убьетъ вовсе мою охоту писать. Я не боюсь критики, но боюсь несправедливости, признаюсь тебѣ, даже боюсь холоднаго презрѣнія. Ты знаешь меня, бѣгалъ-ли я за похвалами? Но знаешь меня, люблю славу. И теперь, полуразрушенный, далъ бы всю жизнь мою съ тѣмъ, чтобы написать что нибудь путное! Впрочемъ, неужели мнѣ суждено быть неудачливымъ во всемъ?

Гдѣ Жуковскій? Если онъ у васъ, то попроси его взглянуть на стихи, и что можно поправить. Правь самъ и всѣмъ давай исправлять. Всѣмъ? Не много-ли это? Охъ страшно! меня печатаютъ!. Вѣрь мнѣ, что еслибъ еще къ этому я увидѣлъ въ заглавіи свой портретъ, то умеръ бы съ досады! Вотъ до чего додурачился! Нѣтъ! И Хвастовъ не начиналъ такимъ образомъ, ниже Ржевскій.

Я, какъ блудный сынъ, просился опять въ библіотеку. Если это нельзя, то проси Тургенева приписать меня куда нибудь. Боюсь, чтобы меня не выбрали въ смотрители магазиновъ соляныхъ. Не забудь, что это соль не аттическая!

Еще повторяю: выкинь эпиграмму и всѣ басни. Что въ нихъ! Высылай своего Омира. Я пришлю замѣчанія, но впередъ дѣлаю: твоя піеса похожа на древнюю Камею. Ее не продашь на толкучемъ рынкѣ, а знатоки знаютъ цѣну. Вѣрь мнѣ, она прелестна, но все-таки стою на томъ, что сказалъ: начало длинновато и не связано съ концомъ. Самый метръ портитъ единство. Я правъ, по совѣсти правъ! Здѣсь сужу по чувствамъ, безъ предубѣжденій. Но піеса прекрасна. Это лучшее наше произведеніе въ новомъ родѣ. Вѣрь мнѣ, и не вѣрь несправедливымъ сужденіямъ. Коль слушать всѣ... *ты знаешь* басню.

Успокой мою душу. Получилъ-ли стихи? деньги? и теперь Гризельду? А? Что вы глухи? Не откликаетесь!

Благодари Грѣча за Обозрѣніе словесности. Право, прекрасно. У насъ такъ не писали до него: свободно, благородно, и много истины. Жаль только, что онъ на Каченовскаго нападаетъ въ журналѣ своемъ. Впрочемъ: бранитесь, друзья мои, мы будемъ слушать.

Скажи мнѣ сколько экземпляровъ мнѣ уступить можешь? Я намѣренъ около шести раздать въ Петербургѣ и назначу кому, впередъ.

Ты печаталъ Омеръ, въ прозѣ, пусть такъ, но въ стихахъ оставь Омиръ, не то будетъ пестрота, а риема требуетъ иръ, или, если хочешь, поставь: или. Чтобы меня въ журналахъ не бранили!

Здорова-ли К. Ф. — Увѣдомь, Бога ради.

Жаль, что мѣста нѣтъ, а я ужъ дописался до обморока. Прости. Охъ!

Сообщ 4-го января 1870 г. П. А. Ефремовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

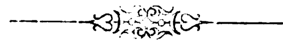
ЗВѢЗДОЧКА.

1826 г.

ИЗДАНІЕ

А. А. ВЕСТУЖЕВА и К. Ѳ. РЫЛѢЕВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Декабрь 1825 г.

„Полярная звѣзда", литературный альманахъ на 1823, 1824 и 1825 гг., по одной книжечкѣ въ годъ, изданіе талантливыхъ писателей того времени Александра Александровича Бестужева и Кондратія Ѳедоровича Рылѣева, принадлежитъ къ наилучшимъ сборникамъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній отечественной словесности эпохи Александра I.

На страницахъ этого изящнаго и во внѣшнемъ отношеніи альманаха помѣщали свои труды самые даровитые русскіе писатели того времени. Во всѣхъ трехъ томикахъ мы встрѣчаемъ до шестидесяти сотрудниковъ. Таковы: Е. А. Баратынскій, Н. А. Бестужевъ, А. А. Бестужевъ, К. Н. Батюшковъ, кн. П. А. Вяземскій, А. Ѳ. Воейковъ, Ѳ. Н. Глинка, Н. И. Гнѣдичъ, А. С. Грибоѣдовъ, Д. В. Давыдовъ, баронъ А. А. Дельвигъ, И. И. Дмитріевъ, В. А. Жуковскій, А. Е. Измайловъ, А. О. Корниловичъ, И. А. Крыловъ, Княжевичъ, И. И. Козловъ, В. К. Кюхельбекеръ, Лобановъ, Масальскій, Норовъ, П. А. Плетневъ, А. С. Пушкинъ, В. Л. Пушкинъ, Родзянко, К. Ѳ. Рылѣевъ, О. И. Сенковскій, О. М. Сомовъ, В. И. Туманскій, А. С. Хомяковъ, кн. Шаховской, Н. М. Языковъ и друг. лица.

— „Полярная звѣзда" на 1826 годъ, какъ разсказываетъ Мих. Александровичъ Бестужевъ [1]),—предполагалась съ начала года 1825-го быть изданною въ видѣ, составѣ и объемѣ предшествующихъ годовъ. Когда же впослѣдствіи, а въ особенности около декабря 1825 г., дѣла тайнаго общества усложнились сношеніемъ съ южнымъ обществомъ, когда остающееся отъ служебныхъ обязанностей время было посвящено (другой) дѣятельности,—братъ Александръ (Бестужевъ) и Рылѣевъ рѣшились издать уже собранные матерьялы въ небольшомъ альманахѣ, подъ названіемъ „Звѣздочка», печатаніе которой къ 14-му декабря 1825 г. уже довольно подвинулось".

Всѣ экземпляры этой, далеко еще не допечатанной къ декабрю 1825 г., книжечки были взяты, вмѣстѣ съ прочими бумагами А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева, при арестованіи ихъ послѣ 14-го декабря.—„Звѣздочка" свалена въ опечатанныхъ тюкахъ въ кладовыя типографіи главнаго штаба, и здѣсь погребена до 1861 г., когда, какъ ненужный хламъ, альманахъ этотъ былъ сожженъ. Одинъ экземпляръ однако добытъ тогда же Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ. Въ моей библіотекѣ оказался другой, подаренный намъ въ 1860 г. Александромъ Николаевичемъ Крепицынымъ († 1865 г.).

По чрезвычайной рѣдкости своей „Звѣздочка" на 1826 г. заслуживаетъ вниманія. Это сверстанная брошюрка, почти въ 16 д., на сѣроватой, дряблой бумагѣ, 64 стр. Въ печатный текстъ вошли только восемь произведеній: I. Кровь за кровь, разсказъ А. Бестужева, стр. 1—36; II. Отрывокъ изъ Евгенія Онѣгина, стр. 37—39; III. Княгинѣ З. А. Волконской, стих Козлова стр. 39—41; IV. Стихотв. Ознобишина (42—43); V. Въ зарѣ, стих. А. С. Хомякова (44—45); VI. Пѣсня В. Туманскаго (стр. 45); VII. Зависть генія, стих. Н. М. Языкова (стр. 46); VIII. Гайдамакъ, повѣсть О. Сомова (стр. 47—64); на ней, неоконченной, обрывается сверстка печатнаго текста „Звѣздочки" [2]).

Въ 1882 г. Николай Ѳедоровичъ Дубровинъ сообщилъ намъ весь сохранившійся въ рукописи текстъ альманаха „Звѣздочка" на 1826 годъ.

Ред.

---

[1]) См. Записки М. А. Бестужева въ «Русской Старинѣ» изд. 1881 г. томъ XXXII, стр. 630.

[2]) См. нашу замѣтку о «Звѣздочкѣ» въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 года, стр. 053—060.
Ред.

ЗВѢЗДОЧКА.

КРОВЬ ЗА КРОВЬ.

Разсказъ.

Въ послѣдній походъ гвардіи, будучи на охотѣ за Нарвою, набрелъ я по берегу моря на старинный каменный крестъ; далѣе въ оставленной мельницѣ увидѣлъ жерновъ, сдѣланный изъ надгробнаго камня съ рыцарскимъ гербомъ... и наконецъ надъ оврагомъ ручья развалины зáмка. Все это подстрекнуло мое любопытство и я обратился съ вопросами къ одному изъ нашихъ капитановъ, извѣстному охотнику до историческихъ былей и старинныхъ небылицъ. Онъ уже успѣлъ развѣдать подробно объ этомъ зáмкѣ отъ пастора, и когда насъ собралось человѣкъ пятокъ, то онъ пересказалъ намъ все, что узналъ, какъ слѣдуетъ ниже.

А. Бестужевъ.

Этому ужъ очень давно, стоялъ здѣсь замокъ по имени Эйзенъ, т. е. желѣзный. И по всей правдѣ онъ былъ такъ крѣпокъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать: всѣ говорили, что ему по шерсти дано имя. Стѣны такъ высоки, что поглядѣть, такъ шапка валится и ни одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ не могъ дометнуть стрѣлой до яблока башни. Съ одной стороны этотъ проваль служилъ ему вмѣсто рва, а съ другой тысячи бѣдныхъ эстонцевъ цѣлыя воспожинки рыли копань кругомъ и дорылись они до живыхъ ключей, и такъ поставили замокъ, что къ нему ни съ какой стороны приступу не было. Я ужъ не говорю о воротахъ: дубовыя половинки усажены были гвоздями, словно подошва русскаго пѣшехода; тридевять задвижекъ съ замками запирали ихъ, а ужь сколько усачей сторожило тамъ,— и толковать нечего. На всякомъ зубцѣ по желѣзной тычинкѣ, и даже въ желобкахъ рѣшетки были вдѣланы, такъ-что мышь безъ спросу не подумай пролѣзть ни туда, ни оттуда. Кажись-бы зачѣмъ строить такія крѣпости, коли жить съ сосѣдями въ мирѣ?... Правду сказать тогдашній миръ хуже нынѣшней войны бывалъ. Одной рукой въ руку, а другой въ щеку—да и пошла потѣха. А тамъ и правъ

тотъ, кому удалося. Однако и рыцари были не промахи. Какъ строили чужими руками зáмки, такъ говорили: это для обороны отъ чужихъ, а какъ выстроили, да засѣли въ нихъ словно въ орляныя гнѣзда,—такъ и вышло, что для грабежа своей земли. Такимъ то побытомъ, владѣлъ этимъ замкомъ баронъ Бруно фонъ Эйзенъ. Былъ онъ не изъ смирныхъ между своей братьи, даромъ что и тѣ удальствомъ слыли даже за моремъ. Бывало какъ гаркнетъ: на коней, на коней, то всѣ его молодцы взмѣтутся, какъ угорѣлые, и бѣда тому, кто выѣдетъ послѣднимъ! Коли подпоясалъ онъ свой палашъ, а палашъ его, говорятъ, пуда чуть не въ полтора вѣсилъ, то ужъ не спрашивай куда? знай скачи за нимъ слѣдомъ очертя голову. Латы онъ носилъ всегда вороненыя, какъ осенняя ночь, и въ нихъ заклепанъ былъ отъ каблуковъ до самаго гребня—глядѣлъ на свѣтъ только сквозь двѣ скважины въ наличникѣ—и сказываютъ взглядъ его былъ такъ свирѣпъ и пронзителенъ, что убивалъ на лету ласточекъ, а коли заслышитъ проѣзжій его свистъ на дорогѣ—такъ за версту сворачивай въ сторону, будь хоть епископъ, хоть братъ магистеру. Враговъ тогда бывало не искать стать, выѣзжай только за ворота, сосѣдовъ много, а причинъ задрать ихъ въ ссору еще болѣе. При томъ же Нарова въ тридцати верстахъ, а за ней и русское поле... какъ не взманитъ оно сердце молодецкое добычей? вѣдь въ чужихъ рукахъ синица лучше фазана. Вотъ какъ наскучитъ сидѣть сиднемъ за кружкою... такъ и кинется онъ къ границамъ русскимъ... ему ненужно ни мосту, ни броду. Прискакалъ къ утесу—а рѣка рветъ и реветъ какъ лютый звѣрь. Чтожъ бы вы думали? «За мной, ребята!» и бухъ въ воду первый. Кто выплылъ—хорошо. Потонулъ—туда и дорога! Скажетъ только бывало отряхаясь: «скотина», и поминъ простылъ. Да ему съ полъ-горя было такъ горячиться. Конь служилъ подъ нимъ заморскій, мастью вороной—что твоя смоль. Въ скачкѣ съ него зайцевъ захлопывали. Въ погонѣ рѣка—не рѣка, заборъ—не заборъ, а въ дѣлѣ словно самъ чортъ подъ сѣдломъ и ржетъ и пышетъ, зубами ѣстъ и подковами бьетъ. За то баронъ любилъ и холилъ этого коня: щетнымъ зерномъ изъ полы кормилъ, изъ своего кубка медомъ подчивалъ, и коли надо случалось коню сослужить службу трудную, такъ отскачетъ полдороги—да фляжку вина ему въ глотку. Прочхнется тотъ, встрепенется и опять летитъ, иногда искры съ подковъ сыплютъ. Ну вотъ и заѣдетъ онъ далеко въ Русь... въ расплохъ... завидѣлъ деревню: подавай огня. Вспыхнуло—кидай туда все, чего увезти нельзя. Кто противится—рѣзать, кто кричитъ—того въ пламя. Подобывшись и даромъ, правду сказать, порубливали встрѣчнаго и поперечнаго, ну да это чтобъ не разучиться или поучиться,

говорилъ онъ. Натѣшась, разгромивъ, навьючивъ коней добычею, насажавъ на сѣдла красавицъ и сосворивъ къ стремени плѣнниковъ, выходили они околицами во свояси... и тутъ-то ужъ по дележѣ начиналась гульба и пированье. Хоть въ пятницу—праздникъ, и въ ночь не дрема. Цѣлую недѣлю разливное море и пѣсни, и шумъ. Конечно не всегда удавалось нашему молодцу нападать нечаянно на русскихъ. Нерѣдко выпроваживали незваннаго гостя вонъ по зашейку, да онъ отгрызался себѣ какъ волкъ, и цѣлъ и невредимъ выходилъ изъ побоища, потому что не всякій совался вблизь къ его латамъ, и никакая стрѣла не брала его панцыря. Ходила молва будто латы его заговорены были—оно и статочное дѣло—баронъ много лѣтъ возился съ египетскими чародѣями, когда за Господень гробъ рыцари *ѣздили на край* свѣта подраться между собою. Какъ бы то ни было, кромѣ ушибовъ, не получалъ ни одной раны, между тѣмъ какъ удары палаша его можно было лечить не рецептами, а панихидами. Въ такихъ отчаянныхъ набѣгахъ разумѣется шайка его рѣдѣла, однако хоть всѣ знали про опасности, про крутой нравъ барона,—разгульная жизнь и охота къ добычѣ, какъ магнитомъ, тянула бродягъ къ нему въ службу. Обокралъ-ли, прогнѣвилъ какой слуга или оруженосецъ сосѣда рыцаря—сейчасъ давай тягу въ Эйзенъ. Подъ гербомъ барона скрыто и забыто было все прежнее, за то ужъ въ дѣлѣ не зѣвай у него. Чуть струсилъ, чуть оплошалъ, глядишь и качается дружекъ вмѣсто фонаря съ пеньковымъ галстукомъ отъ простуды! Да и что за народъ у него собранъ былъ, такъ волосы дыбомъ становятся: каждый сорви-голова. Въ огонь и въ воду готовы—на голосъ Бруно... такъ и смотрятъ въ глаза ему—лишь мигнулъ и все верхъ дномъ полетѣло. Въ буянствѣ самый закоренѣлый драчунъ—показался бы передъ ними красною дѣвушкою, и двѣнадцать кіевскихъ вѣдьмъ вмѣстѣ не выдумали бы такихъ проклятій, какія отпускали они за одною чашею брантвейна. Страшные, оборванные, однако при шпагѣ и желѣзный картузъ на бекрень, разгуливали они по хижинамъ эстонцевъ, покалачивали ихъ для препровожденія времени, ласкали ихъ дочекъ и брали контрибуцію съ женъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Теперь стали экономничать лифляндскіе помѣщики, запирать счетный кусокъ на ключъ и желудокъ сажать на діэту. Въ старину, сами вы знаете, то-ли было! Круглый годъ маслинца—жареные гуси стадами слѣтались къ обѣду и безъ Heilige Nacht [1]) телята и бараны на четырехъ ногахъ ходили по столу и умильно подставляли

[1]) Рождество Христово.

охотникамъ свои котлеты. Вѣтреннаго буттерброда тогда не было и въ заводѣ, а травкой, муравкой кормили только слугъ. Само собой разумѣется, что основательныхъ напитковъ тогда не жалѣли—а какъ пили они—такъ вы право подумали бы, что у нихъ муравленая утроба! Ведро пива на ухо—и ни въ глазѣ. Вотъ подопьетъ бывало баронъ съ сосѣдями да и расходится индюкомъ... я-ли не я-ль? по плечу себѣ никого не приберетъ, онъ-то всѣхъ храбрѣе, онъ-то всѣхъ благороднѣе! А чуть, чуть кто покосился, онъ и въ ссору да въ брань, а тамъ долго-ли до желѣза!! кончится бывало тѣмъ, что гость пріѣдетъ верхомъ, а вынесутъ его на носилкахъ; еще за милость коли безъ уха или безъ носу, а то часто на вѣки отъ зубной боли вылѣчивался. Этого мало: разгнѣвался на сосѣда—на конь со своей дворней и псарней и пошелъ топтать чужія нивы, палить чужіе лѣса. Упаси Боже повстрѣчать его въ такой черный часъ. Завидѣлъ эстонца и скачетъ къ нему съ поднятымъ тесачищемъ. Читай Вѣрую во единаго, бездѣльникъ! и тотъ и обомлѣетъ на колѣнахъ, вѣдь по нѣмецки ни слова. «Эй-мойста!» [1]). Читай говорю!... «Эй мойста»... А такъ ты упрямъ въ своемъ язычествѣ, животное!... я же тебя окрещу—бацъ! и голова бѣдняги прыгала по землѣ кегельнымъ шаромъ и баронъ съ хохотомъ скакалъ далѣе, проговоря Absolvo te! т. е. разрѣшаю тебя,—затѣмъ, что они, какъ духовные рыцари, могли вмѣстѣ губить тѣло и спасать душу. Таково было чужимъ—каково-же своимъ-то было? Понравился конь у крестьянина. «Пергала, мѣняй свою лошадь на мою кривую собачку!» Батюшка баринъ, мое-ли дѣло охотиться—а безъ коня куда я гожусь!—«На висѣлицу, бездѣльникъ! Ты доложенъ быть доволенъ тѣмъ, что я позволю тебѣ усыновить отъ нее щенковъ, и что жена твоя будетъ выкармливать двухъ для меня своей грудью». Зальется бѣдняга горючими, да и пойдетъ въ холодную избу—за пустую чашку. Не то еще бьютъ да и плакать не велятъ. Коротко сказать—Бруно въ угнѣтеньи не отставалъ отъ своихъ сотоварищей, за исключеніемъ только члена: «Не пожелай... осла ближняго твоего», затѣмъ, что полезныхъ этихъ животныхъ тогда въ Эстляндіи не водилось. Однакожъ и на него находили часы, не скажу Божьяго страха, но человѣческой робости. Буйно было прошедшее, а что впереди—весьма не утѣшно; какъ не любилъ онъ шумъ и разбой—а всё-таки скука садилась съ нимъ въ сѣдло и на стулъ незванная; и какъ бѣсъ въ рукомойникѣ—выглядывала съ донышка стакана. Лишь за невидалъ могъ онъ выжать смѣхъ изъ сердца, потому что смѣхъ даётся только

---

[1]) Не понимаю.

добрымъ людямъ. Вотъ уже стукнуло нашему барону и за сорокъ, а съ сѣдиной въ бороду—чортъ въ ребро. Разъ, когда бесѣдовалъ онъ очень дружески съ стопой своей, и допытывался отъ нея ума—вскинулась ему блажная мысль въ голову: женись, баронъ, авось это поразсѣетъ тебя; при томъ-же наслѣдники... вѣдь попытка не пытка. За невѣстами дѣло не станетъ.... да кстати, чѣмъ далеко искать—лучше взять готовую невѣсту моего племянника; она не бѣдна и съумѣетъ хозяйничать, какъ и всякая другая. Правда, можетъ она меня не залюбитъ, да кто объ этомъ безпокоится. Какое мнѣ дѣло любятъ-ли меня рыбы или нѣтъ—да я люблю ихъ ѣсть. А племянникъ не велика птица въ перьяхъ... пускай поростетъ до свадьбы! Надобно вамъ сказать, что племянникъ этотъ былъ сынъ его двоюроднаго брата, какого-то Вестфальскаго рыцаря. Покойникъ былъ не бѣденъ золотомъ... кажись не умомъ, потому что поручилъ сына и имѣніе въ опеку Бруно. Грѣхъ сказать впрочемъ, что Бруно расправлялся съ деньгами племянника не какъ съ собственными своими, за то самаго Регинальда помыкалъ вовсе не по родственному и училъ именно тому, чего знать бы не должно. Однѣ добрыя наклонности спасли мальчика отъ дурныхъ примѣровъ дяди—и гнусность примѣра именно сдѣлали его лучшимъ, потому что показали, какъ на ладони, всѣ черныя стороны злаго человѣка и всѣ выгоды быть добрымъ. Молодецъ онъ былъ статный и красивый, ну вотъ и приглянись ему дочь одного барона, по имени, дай Богъ памяти—кажется Луиза. Дѣвушка она была пышная, какъ маковъ цвѣтъ, а бѣлизной чище перваго снѣгу, даромъ что не мылась биркезомъ и не носила ночью помадныхъ перчатокъ, какъ здѣшніе фрейлины... Сердце сердцу вѣсть подаетъ... они слюбились. Партія была хоть куда... и Бруно не прочь—и отцы согласны, какъ вдругъ эта бѣда коршуномъ налетѣла... Вздумано и сдѣлано. Баронъ не любилъ переспросовъ и кто не хотѣлъ летѣть въ окно, тотъ не совался ему противорѣчить.

Черезъ три дни пути Регинальдъ съ двумя трубачами стоялъ уже у подъемнаго моста, у замка рыцаря Бока, и трубилъ въ рогъ какъ будто за нимъ гналось двѣ дюжины медвѣдей. Въ замкѣ всѣ взбѣгались, увидя людей, разодѣтыхъ попугаями. Старый баронъ въ суетахъ надѣлъ воротникомъ сапожную манжету. Матушка насурмила мѣсто бровей губы, и я за вѣрное слышалъ, что сама Луиза, какъ ни хотѣла казаться равнодушною, однако, встрѣтила гостя въ разныхъ чоботахъ. Похоронное лице свата удивило очень семью Бока, но когда онъ выговорилъ предложеніе дяди, то еслибъ бомба упала къ нимъ на чайный столикъ — она испугала бы ихъ менѣе... Жаль право, что тогда еще не было бомбъ, и что сравненіе мое не

кстати. Отецъ, качая головой, расчитывалъ по пальцамъ силу жениха, матушка, заклинаясь, что не отдастъ дочери за душегубца, толковала однакожъ о подвѣнечномъ нарядѣ, Луиза плакала на взрыдъ, а бѣдный сватъ, разжалованный изъ жениховъ, стоялъ какъ убитый, посылая къ чорту дядю, котораго ненавидѣлъ за то, что онъ, какъ въ насмѣшку, послалъ его сватомъ къ той, которую давно любилъ. Что ни говори — а возжи, которыми правятъ людей, сплетены изъ желѣза и золота. Всѣ, или боятся одного, или жалуютъ больно другое... Это же порѣшило отца да мать Луизы, какъ раскинули старики умомъ, разумомъ. Шутить съ Бруно плохо... Хотя не-хотя ударили по рукамъ, а дочерей спрашивать тогда не водилось, да зачѣмъ вправду ихъ баловать? Какое имъ до того дѣло!! Вотъ и вынесли какого-то сладкаго напитка и возгласили здоровье жениха да невѣсты. Не знаю отчего только вино это показалось свату настояно перцомъ, матушка поперхнулась, а дочь, смѣшавъ его со слезами, черезъ силу принудила себя выпить нѣсколько капель. Регинальдъ, какъ безумный, кинулся на лошадь и помчалъ къ дядѣ веселую, себѣ горькую вѣсть. Черезъ двѣ недѣли была и свадьба. Гостей съѣхалось тьма тьмущая, вѣдь и тогда охотниковъ попировать на чужой счетъ было вдоволь. Только столомъ трахни — такъ то и дѣло гляди въ окошко: поѣздъ за поѣздомъ ко крыльцу, будто по нихъ кличь кликали. Ну вѣдь у прежнихъ баръ не пиво варить, не вино курить; хлѣбъ, соль не купленныя. Особенно у барона лавливались въ морѣ золоточешуйныя рыбы съ русскими клеймами, а на сушѣ звѣрки на колескахъ. Вотъ повели жениха съ невѣстой со всѣми нѣмецкими причудами въ церковь. Баронъ подъ вѣнцемъ стоялъ, охорашивая свою бороду, переступалъ съ ноги на ногу, словно часовой журавль, и покрякивалъ очень гордо—за то бѣдная Луиза, блѣдная какъ фламское полотно, была ни жива ни мертва и сказала да такъ не внятно, такъ невольно, что оно девяносто шести нѣтъ стоило. Между тѣмъ кой-кто изъ гостей, особенно дамы, въ огромныхъ своихъ фишбейнахъ, какъ цвѣтки въ корзинахъ, изъ-подъ вѣеровъ, словно изъ-за ширмъ, подсмѣивались надъ неровнею. «Мужъ не боберъ, сказала одна баронесса своей сосѣдкѣ... просѣдь только мѣху цѣны придаетъ». «Морщины такія борозды, на которыхъ всходятъ плохія растенія», прибавилъ какой-то забавникъ. «Поглядимъ, разсуждали иные: голубка-ли выклюнетъ глаза этому старому ворону или онъ ощиплетъ ей перушки!» Впрочемъ всѣхъ сказокъ не переслушать. Какъ водится, гости пировали до бѣла утра. Морожевки, рябиновки, настойки изъ полыни, зари и прочихъ невинныхъ травъ лились, а заморскихъ винъ пей не хочу. Утро застало пиро-

вавшихъ или за столомъ или подъ столомъ и къ крайнему сожалѣнію любителей прежнихъ обычаевъ, пиръ этотъ, за исключеніемъ битой посуды и подбитыхъ носовъ, кончился весьма миролюбно. Подтрунивъ надъ молодыми и освѣживъ себя горячимъ питіемъ, гости разъѣхались. А когда разъѣхались они — въ зàмкѣ стало пусто и тихо какъ на кладбищѣ послѣ шумныхъ похоронъ. Молодая баронесса въ первый разъ безъ отца безъ матери сидѣла прижавшись въ уголкѣ какъ сироточка и сердце щемило у ней,—а вѣдь это не къ добру!.. Она вздрагивала при каждомъ звонѣ шпоръ своего мужа—и ее такъ напугали разсказы объ его свирѣпости, что она замирала со страха, когда онъ цѣловалъ ее, будто онъ хотѣлъ высосать ея кровь, или когда онъ ее ласкалъ, то представлялось, что добирается до ея шеи *для* удавки. Горько жить и съ добрымъ, да немилымъ человѣкомъ, посудите-жъ каково было вѣковать съ такимъ звѣремъ по нраву и по виду. Съ зари до зари, бывало плачетъ бѣдняжка тихомолкомъ, такъ что изголовье хоть выжми—и не одинъ наперстокъ наполнила она слезами. Однажды попросилась она у мужа поклониться родителямъ, побывать на родинѣ... Куды! упаси Боже! какъ затопаетъ, да закричитъ: «твоя родина—спальня. Изволька, сударыня, сидѣть дома да прясть, а не рыскать по гостямъ. Да и что значатъ слезы, которыми ты, какъ блестками, унизываешь шитье свое? Почему лишь я подхожу къ тебѣ твое лицо становится такъ кисло, что на мнѣ ржавѣетъ панцырь? Небось, на племянника моего ты очень умильно глазѣешь! чортъ меня возьми, тутъ что-то не даромъ, я увѣренъ, что вы вспомнили прошлое. Но помни и то Луиза, что у меня есть прохладительные погреба, куда я на вѣкъ могу запереть тебя, какъ бутылку съ венгерскимъ, чтобы не испортилась!». Не нами выдумано, что неправое подозрѣнье вѣчно вводитъ въ искушенье. Обвиненный подумаетъ: «коли меня винятъ даромъ—чѣмъ-ка я заслужу это—вѣдь терять-то ужъ нечего. При томъ же утѣшно и отомстить за обиду».

Вотъ такъ или почти такъ случилось и съ Луизой, такъ и съ племянникомъ барона. Имъ стало досадно сперва за напраслину, а тамъ показался и гнѣвъ за упреки, за брань, за прижимки ревнивца. При томъ же она не любила мужа, онъ не уважалъ дядю — стало ихъ ничто хранило, а прежняя любовь влекла, и съ кѣмъ вмѣстѣ погорюешь, съ тѣмъ скоро будешь радоваться, отъ того только что вмѣстѣ. Чуть только можно—онъ сидитъ при ней, говоритъ сладкія рѣчи и глядитъ въ глаза такъ нѣжно, что будь каменное сердце — разступится. То разсыпается мелкимъ бѣсомъ въ услугахъ, то веселитъ ее разсказами... а самъ изнылъ, истаялъ отъ грусти какъ свѣча. Мудрено-ли жъ, что съ каждымъ днемъ Регинальдъ становится Луизѣ

милѣе; съ каждымъ днемъ мужъ ненавистнѣе — съ каждымъ днемъ она виноватѣе. Надобно и барону няньчиться съ женою. Бывало ни свѣтъ ни заря — отправляется онъ на грабежъ, или въ набѣгъ или въ отъѣзжее поле, здоровается съ женою бранью, прощается угрозами... Какое жъ сравненье съ Регинальдомъ! съ добрымъ, съ благороднымъ Регинальдомъ! Впрочемъ сохрани меня Боже заступаться за нихъ — во всякомъ случаѣ ихъ склонность была порочна. Обмануть мужа, измѣнить дядѣ — грѣхъ великій. Конечно, страсти дѣло невольное, да на то у насъ душа, чтобы съ ними бороться. А то дался ей Регинальдъ спустя уши, словно щуръ, который самъ шею въ петлю протягиваетъ. Да одно къ одному, чтобы не отослалъ его дядя прочь—принужденъ онъ сталъ угождать ему на счетъ совѣсти. То пошлетъ чужія грани перекопать, то жечь нивы, то заставляетъ губить въ набѣгахъ стараго и малаго. Вотъ такъ-то одно дурное намѣреніе ведетъ къ множеству черныхъ дѣлъ. Минулъ годъ. Случились у барона гости. Послѣ обѣда всѣ на веселѣ—вышли пострѣлять изъ лука въ звѣринецъ. Правду-истинну сказать, это важное имя дано было дрянной загородкѣ, изъ одного баронскаго хвастовства. Имъ бы лишь было имя, а какъ? того не спрашивай. Въ этомъ звѣринцѣ, кромѣ воронъ, никакихъ лѣсныхъ звѣрей не было, если не включить въ ихъ число козу, привязанную за рога, которая потому только развѣ могла назваться дикою, что пастушьихъ собакъ дичилась; да лошадь, состоящую за старостію на подножномъ пансіонѣ, въ свободное время отъ водовозни, да двухъ борововъ, что приходили туда въ гости безъ вѣдома хозяина. Вотъ принесли самострѣлы, — а что ни самый огромный подали барону. Онъ его любимый былъ... Вотъ и вызываетъ баронъ силачей натянуть его. Однако же какъ не пытались, никто не можетъ, а баронъ-то надъ ними подсмѣивается. Дошла очередь и до Регинальда. Онъ уперся въ стальной лукъ пятою, да какъ потянулъ тетиву къ верху — такъ только слышно динь, динь, всѣ ахнули и тетива на крючкѣ: словно взводилъ онъ дѣтскую игрушку. Бруно ужъ давно грызъ зубы на племянника, а такая удаль въ силѣ, которою онъ одинъ до тѣхъ поръ хвалился, взбѣсила его еще болѣе.

— «Это одна снаровка, сказалъ презрительно. А вотъ, господинъ дамскій угодникъ, если ты мастеръ перекидываться не одними хлѣбными шариками—такъ будь молодецъ, попади въ мельника, который работаетъ на плотинѣ ручья».

— Дядюшка мой, кажется, видѣлъ не разъ, какъ стрѣляю я по лебедю, отвѣчалъ съ негодованіемъ племянникъ. Но я не палачь, чтобы убивать своихъ!

— «Гмъ! своихъ! По низкимъ твоимъ чувствамъ я право скоро повѣрю, что ты свой этимъ животнымъ... Убить мельника... ха, ха, экая важность; не прикажешь-ли потерѣть виски... тебѣ кажется дурно отъ этой мысли становится. Тебѣ бы не кровь, а все розовое масло! У тебя одно любимое знамя—женская косынка!»

— Баронъ Бруно... помни, что есть обиды выше родства. Но если въ тебѣ хоть есть сотая доля правды противъ злости—то ты скажешь, отставалъ-ли я отъ тебя въ дѣлѣ—и къ стыду моему не проливалъ-ли невинную кровь русскую въ набѣгахъ?

— «Не отставалъ... велика заслуга! Рада бы курочка на столъ не идти, да за хохолъ волокутъ. Подай сюда самострѣлъ мой—да сиди за печкой съ веретеномъ... погляди лучше какъ мѣтко попадаютъ стрѣлы мои въ сердца подлыхъ людей». Онъ съ остервененіемъ вырвалъ лукъ изъ рукъ Регинальда — приложился — и несчастный мельникъ рухнулъ въ воду.

— Славно, славно, попалъ, закричали рыцари, хлопая въ ладоши, но Регинальдъ, горя уже гнѣвомъ отъ обиды, вспыхнулъ отъ такой жестокости.

— Я бы застрѣлилъ тебя, наглый хвастунъ, проклятый душегубецъ, сказалъ онъ барону, еслибъ это предвидѣлъ — но ты не избѣжишь казни!...

— «Молчи, мальчишка... или я эту желѣзную перчатку велю вбить тебѣ въ ротъ... прочь или я какъ послѣдняго конюха высѣку тебя путлищами».

Регинальдъ уже ничего не могъ сказать отъ бѣшенства и оно разразилось бы смертнымъ ударомъ стрѣлы, которую держалъ онъ... еслибъ его не схватили и не связали.

— «Киньте его въ подвалъ, зарычалъ Бруно бѣснуясь... Пусть его сочиняетъ тамъ романсы, на голосъ пойманной мыши. Кандалы по рукамъ и по ногамъ — да посадить его на пищу св. Антонія!»

Несчастнаго потащили и цѣлый мѣсяцъ красные глаза Луизы доказывали сколько она за него претерпѣла, а что сталось съ нимъ? не вѣдалъ никто и скоро всѣ позабыли. Тогда такія вещи были не въ диковинку.

Вотъ, судари мои, не черезъ долгое послѣ того время, Бруно, будучи на охотѣ, получаетъ вѣсточку отъ своихъ головорѣзовъ, которые словно тапсы (?) трюфилей такъ они искали добычу: что русскіе купцы мимо его берега повезутъ моремъ въ Ревель мѣха для мѣны и золото для купли. Взманило это стараго грѣшника. «Готовьте ладьи, наряжайтесь рыбаками, ѣдемъ осторожить этихъ усатыхъ осетровъ», закричалъ онъ. «Я сейчасъ буду». Баронъ былъ

вовсе ненабоженъ, но достаточно для нѣмецкаго рыцаря суевѣренъ. Онъ не разъ ссорился съ патеромъ въ Везенштейнѣ, за то что давалъ собакѣ носить въ зубахъ свой молитвенникъ, а между тѣмъ вѣрилъ колдовству и боялся домовыхъ, отчего и спать ночью безъ свѣту не изволилъ [1]. У кого совѣсть накраплена и подрѣзана, какъ шулерская карта, тому поневолѣ надо искать утѣшенья не въ молитвѣ, а въ гаданьѣ. Съ этимъ намѣреніемъ пришпорилъ Бруно воронаго и по заглохшей травѣ помчался въ лѣсъ дремучій. Густѣлъ лѣсъ.... вечеръ темнѣлъ... вѣтви хлестали въ глаза: баронъ ѣхалъ далѣе и далѣе—наконецъ очутился онъ передъ избушкой, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ, что отъ вѣтра шатается и отъ словъ поворачивается. Стукъ, стукъ! отоприка, бабушка! Вотъ отворила ему двери старая чухонка, извѣстная во всемъ околоткѣ чародѣйка и гадальщица. Кошачій взглядъ, волоса всклокоченные и по поясъ. На полосатомъ платьѣ навѣшенныя побрякушки, бляхи и желѣзныя привѣски, придавали ей страшный видъ и трудно бывало разобрать ея голоса отъ скрыпа двери. Слава шла, что она заговаривала кровь, сбирала змѣй на перекличку, знала всю подноготную, что съ кѣмъ сбудется, а прошлое было у ней какъ въ карманѣ. Разсерди-ка ее кто!... такъ зопоешь курицей по пѣтушьему или набѣгаешься полосатой чушкой.

— «Кого занесъ ко мнѣ буйный вѣтеръ?», сказала она, продирая глаза, задымленные лучиною.

— «Не вѣтеръ, а конь завезъ меня»,—отвѣчалъ баронъ, влѣзая сгорбившись въ хижину, какихъ и теперь для обращика осталось не менѣе прежняго. Солнечные лучи встрѣчались въ кровлѣ съ дымомъ, проходили внутрь, можно сказать, копченые. Двѣ скважины, проѣденныя въ стѣнѣ мышами, служили вмѣсто оконъ. Въ одномъ углу складена была безъ смазки каменка, отъ которой копоть зачернила всѣ стѣны, какъ горнъ. Наконецъ вмѣсто всѣхъ мебелей въ углу лежала рогожа, а у печки лопата, можетъ быть воздушный ея экипажъ въ званіи трубoлетной вѣдьмы.

— «Погадай мнѣ, старая корга, закричалъ баронъ старухѣ»... Брысь, брысь! и къ нему въ это время вспрыгъ на плечо черная кошка да и царапъ лапкою за усы. Баронъ вздрогнулъ нехотя и когда сбросилъ ее долой, то самъ слышалъ, самъ видѣлъ онъ какъ изъ шерсти ея затрещали искры, такъ что по рукѣ у него мурашки забѣгали.

---

[1]) Бывало крыса хвостомъ шпрчитъ по подполью, а ему все кажется, что кто-то гремитъ латами... вскочитъ съ просонья и вопитъ на тѣнь свою: кто тамъ, кто тутъ? Прибавка цензора А. Бирукова.

— «Знаю о чемъ хочешь ты ворожить, сказала съ злобною усмѣшкою колдунья... Ты получилъ вѣсть о добычѣ, когда гналъ по лисѣ— теперь хочешь самъ сыграть лисицу на морѣ!... вѣдаю, что было, угадаю, что будетъ... въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ Бруно!»

Барона кинуло въ потъ и въ холодъ, когда онъ услышалъ эти подробности.... Въ ней самъ чортъ сидитъ, подумалъ онъ. Между тѣмъ она почерпнула въ козій рогъ воды и долго нашептывала, уставивъ на воду страшныя свои очи — вдругъ вода зашипѣла, вздымилась, утихла и вѣщунья слово за слово, вся дрожа, будто не своимъ голосомъ, говорила: «рыцарь Бруно, твой походъ будетъ успѣшенъ—спѣши, не медли.... ты приложишь новыя добычи, новые грѣхи къ прежнимъ.. Свѣтелъ твой нагрудникъ—гладокъ онъ...» Я думаю, что гладокъ, ворчалъ про себя Бруно... на немъ кованая муха не удержится. «Я вижу на немъ кровь»... продолжала старуха... Не бойся, онъ не промокнетъ. «Нѣтъ... онъ проржавѣетъ»... А на чтожъ у меня оруженосецъ? Пусть-ка онъ не вычиститъ моихъ латъ—я ему вылощу спину. Скажи-ка мнѣ лучше, бабушка, ворочусь-ли я домой? «Домой... да, ты возвратишься туда, откуда отправился... и потомъ ляжешь спать подъ крестомъ, въ головахъ зеленыя вѣтки. Слышишь ли колоколъ... это похороны, это свадьба... слышишь-ли, поютъ со святыми упокой и ликуй!» Морозъ подралъ по кожѣ рыцаря... онъ робко оглянулся, прислушался— но ничего не слыхалъ кромѣ мяуканья черной кошки. Вотъ тебѣ шилингъ, сказалъ онъ, бросаясь вонъ—но колдунья оттолкнула его рукою... «Я получу отъ тебя ихъ десятокъ, когда ты воротишься. Ступай, конь и судьба ждутъ тебя за порогомъ». Бруно поскакалъ не оглядываясь. Она рѣхнулась, думалъ онъ. Впрочемъ, я не рѣдко сплю подъ плащемъ—рыцарскимъ, а если ворочусь къ Духову дню— такъ и подавно въ головахъ будутъ березки. Да что за свадьба, что за похороны? Тьфу пропасть! Мало-ли у меня знакомыхъ! [1]). Долго-ли, коротко-ли, далеко или близко воевалъ баронъ—не знаю. Только ужъ подъ вечеръ поднимался онъ на крутой берегъ къ замку, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ ручей впадаетъ въ море. Вотъ я и воротился удачно, говорилъ Бруно своему оруженосцу. Робертъ, снеси же эти 10 шиллинговъ старой колдуньѣ и скажи, что въ ея вздорномъ предвѣщаньѣ было немного и правды. Скажи ей, что я по добру по здоровью веселъ какъ имянинникъ. Очень видно однакожъ было, что его веселье съ родни печали. Кто послѣ отлучки воротится домой, оставя тамъ женщинъ, то по неволѣ забьется ретивое подходя къ по-

---

[1]) На утро, когда встало солнышко, паруса разбойничьихъ его лодокъ чуть бѣлѣлись уже на взморьѣ. Вставка цензора А. Бирукова.

рогу... какихъ вѣстей, какихъ гостей тамъ не найдешь!! Такъ и у барона защемило сердце не даромъ: не успѣлъ онъ пройти по берегу десяти шаговъ—глядь......

Признаюсь господа, что тутъ онъ увидѣлъ—такъ вскипятило бы кровь и у самаго хладнокровнаго мужа:... баронъ видитъ—жена его сидитъ рядомъ съ племянникомъ рука въ руку, уста въ уста. Обуянъ, задыхаясь отъ гнѣва, стоялъ онъ передъ любовниками, а тѣ его и не замѣтили, какъ будто надъ ними воспѣвала райская пташка. Бруно не вѣрилъ глазамъ своимъ... какъ? тотъ племянникъ, котораго онъ бросилъ въ тюрьму на голодную смерть—теперь передъ нимъ въ полномъ вооруженіи? Этотъ смиренникъ цѣлуется съ Луизою, которая съ трудомъ поднимала рѣсницы при мущинахъ... Кровь и адъ!.. нѣтъ это не сонъ, не дьявольское навожденье! затопалъ онъ ногами, заревѣлъ—и если бы не бряканье латъ его, то вѣрно бы любовники кончили жизнь на этомъ поцѣлуѣ. Да нѣтъ. Регинальдъ успѣлъ вскочить и принялъ мечъ на свой мечъ: схватились рубиться—искры запрыгали, ударъ въ голову—и оглушенный Бруно какъ снопъ свалился на траву.

— «Теперь ты въ моихъ рукахъ, злодѣй, говорилъ Регинальдъ, привязывая его къ дереву.... Пришелъ конецъ твой. Отъ меня, братъ, не проси и не жди пощады, ты самъ никому не давалъ ее. Ты выучилъ меня лить невинную кровь по своей прихоти, такъ теперь не дивись, что я хочу напиться твоею, изъ мести. Помнишь-ли, что ты лишилъ меня имѣнья и воли, помыкалъ роднова, какъ служку, унижалъ, обижалъ, презиралъ меня, наконецъ отнялъ мою невѣсту и довелъ до того, что я сгубилъ свой покой и чистоту совѣсти... Ты уничтожилъ злодѣйски все, что для души дорого на землѣ, и лестно въ небѣ.... Ты бросилъ меня на голодную смерть.... ты мучилъ, терзалъ этого Ангела, спасителя моей жизни, котораго не цѣнилъ, не стоилъ. Что оставалось мнѣ, кромѣ боя? Даже и судъ Божій поединкомъ мнѣ воспрещенъ былъ съ дядею. Но Богъ великъ—ты палъ—ты погибнешь!»

Надо было видѣть тогда барона: ниже травы, тише воды сдѣлался; откуда взялись слезы; откуда молитвамъ выучился!... началъ небось причитать Лазаря. Оно, правду сказать, смерть не свой братъ; особенно коли застанетъ въ расплохъ черную душенку.

— Не помяни зла, будь отцемъ роднымъ, пусти душу на покаяніе! отдамъ все, что ты хочешь, сдѣлаю все, что велишь, стану держать твое стремя. Выпрошу у папы себѣ разводъ, а тебѣ позволенье жениться на Луизѣ. Пресвятая Бригитта! я отдамъ въ Ревельскій храмъ твой полъ первой добычи, выстрою въ твое имя монастырь съ зимней

и лѣтней церковью! Пойду самъ въ монахи, надѣну власяницу подъ панцыремъ, раздамъ нищимъ нажитое и грабленное. Луиза, у тебя доброе сердце, я испыталъ это, я виненъ передъ тобой.... уговори, упроси, умоли Регинальда, пусть онъ дастъ мнѣ пожить, хоть еще годокъ, хоть мѣсяцъ, хоть часъ!

— «Ни пяти минутъ, отвѣчалъ племянникъ, взводя лукъ... Имя Бога, злодѣй, котораго ты призывалъ всегда всуе, чтобы угнетать бѣдныхъ или увертываться отъ сильныхъ, теперь не спасетъ тебя.... при томъ, кто такъ подло трусить умереть, тотъ и жить не стоитъ!»...

Но въ это время жалостливая баронесса кинулась на колѣни передъ любезнымъ, схватила за руку...

— Не убивай, закричала она пронзительно, онъ злодѣй, но онъ мой мужъ, но онъ твой кровный.

— «Ты не знаешь, чего просишь, Луиза, отвѣчалъ на эти рѣчи Регинальдъ ласково. Коли онъ живъ—то намъ не жить—это вѣрнѣе смерти. Неужели хочешь ты, чтобы этотъ звѣрь еще свирѣпствовалъ надо всѣми; онъ разорвалъ родство... какой же присягѣ вѣрить послѣ этого? Впрочемъ, если ты хочешь видѣть меня на колесѣ, умирающаго въ мукахъ неслыханныхъ, если сама хочешь сгорѣть живая на маломъ огнѣ... то скажи слово и онъ живъ!»

Такая картина ужаснула Луизу... Женскій умъ слабъ—онъ видитъ только то, что передъ глазами... она отвернулась, махнула рукой... Лукъ взвылъ... стрѣла угодила въ сердце: тутъ и духъ вонъ— только кровь его брызнула на жену и племянника.

Бруно погибъ—и дѣльно: онъ былъ виноватъ; да только правы-ли его убійцы? Регинальдъ былъ малый благородный, добрый—зачѣмъ же онъ ходилъ съ дядей на разбой, когда зналъ, что это дурно? Конечно онъ дѣлалъ это невольно, да зачѣмъ же не ставало у него воли отъ этого отказаться рѣшительно, или возстать противъ него явно. И въ самосудѣ одна сторона права, а другая виновата. *Такъ нѣтъ*, онъ не заступался за угнетенныхъ до тѣхъ поръ, пока его лично не обидѣли. Онъ возсталъ только для спасенія своей жизни, а можетъ быть и для выгодъ своей жизни! Какая жъ въ томъ заслуга? естьли тутъ чистота въ причинахъ, стало быть надежда къ оправданію? Онъ избавилъ околодокъ отъ злодѣя, за то подарилъ ему урокъ въ преступленіи. Притомъ же онъ былъ противъ дяди много виноватъ—да и кровь роднаго—право не шутка!

Скоро спровѣдали въ замкѣ, что Бруно убили, а кто, за что?.. Богъ вѣсть. Долго не вѣрилось этому... наконецъ увидѣли и радость пошла ходить по околицѣ... всѣ обнимались и цѣловались, словно мы русскіе о святой. Вотъ стали поговаривать объ убійцѣ... хоть всѣ

желали, чтобъ его не узнали. Покойника, какъ мы знаемъ, не жаловали, стало быть благодарили того, что сплавили его на тотъ свѣтъ. Всѣ подозрѣнья впрочемъ упали на Роберта, оруженосца баронова, который вышелъ съ нимъ изъ ладьи глазъ на глазъ и потомъ исчезъ—ни слуху ни духу. Иные правда поглядывали искоса на Регинальда, но онъ спокойно распоряжался похоронами, потчивалъ всѣхъ очень усердно—то скоро все и замолкло. Тѣло барона схоронили. Гдѣ убитъ былъ онъ—поставили каменный крестъ и въ замкѣ, до назначенія магистера, остался хозяиномъ Регинальдъ.

Коротка память у женскаго сердца, ихъ слезы—роса: такъ же скоро падаютъ, такъ же скоро сохнутъ. Сперва Луиза то и знай что рыдала. Потомъ стала она молиться... потомъ разсѣевать себя, да разгуливать, подъ конецъ ласки и увѣренья Регинальда, кстати и свои разсужденія усыпили совсѣмъ ея совѣсть. Глядишь не прошло полугода, она уже нарядилась въ цвѣтное платье, да и сама разцвѣла розаномъ. Погодя немного захлопотали о свадьбѣ—разрѣшенье отъ папы, благодаря золотыя поминки, прислано; чегожъ медлить? Назвали гостей. Гости съѣхались пожимая плечами, но разправляя рты,—вотъ повезли жениха и невѣсту въ церковь, что стояла не вдалекѣ отъ Эйзена. «Славная парочка», говорили гости; только славная парочка стояла подъ вѣнцомъ, какъ обреченная на смерть. Блѣдны оба—не смѣя взглянуть другъ на друга. Нѣкоторые гости замѣтили только, что Луиза все что-то съ руки стирала, а женихъ озирался кругомъ при каждомъ скрипѣ оконницы—которыя ходили ходенемъ отъ октябрскаго вѣтра. Это навело какую-то тоску на всѣхъ окружныхъ. У всѣхъ вытянулись лица... всѣ смолкли, только голосъ одного патера раздавался и перевторивался подъ острыми сводами. Вдругъ что-то сорвалось со стѣны, брякнуло и покатилось по полу—двѣ свѣчи погасли задутыя вѣтромъ—всѣ вздрогнули. Это былъ шишакъ какого-то воина, повѣшенный здѣсь на память... опять тихо, опять гудя смолкли органы... и вдругъ почудилось будто кто-то гаркая скачетъ къ крыльцу, ужъ по крыльцу. «Отвори, отвори», загремѣло за дверью—и отдалось въ куполѣ... Всѣ обмерли, никто ни съ мѣста!... взглянули вверхъ—тамъ неслось только облачко съ кадильницы. «Отвори»! повторилъ страшный голосъ и слышно было какъ ржалъ конь и топалъ по плитамъ подковами—и вдругъ двери застонавъ отъ удара соскочили съ петлей и рухнули на полъ... воинъ въ вороненыхъ латахъ, на ворономъ конѣ, въ бѣлой съ крестомъ мантіи, блистая огромнымъ мечемъ, рынулся къ налою, топча испуганныхъ гостей. Блѣдное лице его было открыто... глаза не подвижны, и чтожъ?—въ немъ всѣ узнали покойника Бруно. Завопилъ

народъ отъ ужаса—и расхлынулъ; кто упалъ ницъ, кто ударился въ бѣгъ—а онъ въ три скачка очутился подлѣ новобрачныхъ. «Кровь за кровь, убійцы!» прогремѣлъ онъ имъ—и въ мигъ растоптанный Регинальдъ захрипѣлъ подъ ногами коня—и въ мигъ наклонившись подхватилъ мертвецъ полумертвую Луизу, перекинулъ ее черезъ луку, поворотилъ коня, взглянулъ на всѣхъ, какъ уголь яркими очами, и стрѣлой выскакалъ вонъ изъ церкви—лишь огонь струями брызгалъ изъ подъ копытъ по слѣду. Только и видѣли. Страхъ всѣмъ запечаталъ уста... крестясь разбѣжались гости.

Я сказалъ, что это было октябрскою ночью. Вѣтеръ вылъ волкомъ въ бору—море бушевало, напирая на скалы и отшибаясь отъ нихъ. Бѣдная Луиза пришла въ себя и морозъ пробѣжалъ у ней по жиламъ, когда увидѣла она, что лежитъ въ лѣсу на мокрой травѣ. Мѣсяцъ билъ прямо на чернаго рыцаря, который палашемъ рылъ яму, подъ тѣмъ самымъ крестомъ, гдѣ совершено было убійство... Луиза очень ясно узнала блѣдное лице покойника—ахнула и снова безъ памяти...

Опять очнулась несчастная... открыла очи—но уже ничего не могла видѣть—она лежала ничкомъ со связанными руками, она чувствовала, что ее засыпаютъ холодною землею... у ней замерло дыханіе... нѣтъ голосу крикнуть... въ отчаяніи едва, едва могла прошептать она: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его»; и вотъ остановилась работа. Громкій адскій смѣхъ раздался надъ нею. «Смерть за смерть, измѣнница!» сказалъ кто-то и кровь ея застыла. Еще стонъ, еще усиліе, еще глухой вопль изъ-подъ земли—и только. Луиза задохлась—схоронена живая.

Ужасно! и теперь, когда я вздумаю о подобной кончинѣ, то на мнѣ проступаетъ холодный потъ и мертвѣютъ ногти. Кажись всѣхъ менѣе была виновата Луиза, а всѣхъ болѣе пострадала. Однако Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, кровь на мущинѣ часто смываетъ его прежнія *пятна, а на* женщинѣ, почитай всегда, хуже каиновой печати. Луиза казнена жестоко, за то этотъ примѣръ долго спасалъ многихъ отъ грѣха. Что ни говори, а передъ святою правдою бѣды нашего брата изчезаютъ—а мірское добро всходитъ и разцвѣтаетъ—изъ зла.

На утро явился въ замокъ черный латникъ-мститель. Это былъ родной братъ покойника, и похожъ на него волосъ въ волосъ, голосъ въ голосъ. Онъ мыкался по свѣту, былъ въ Палестинѣ въ свитѣ какого-то нѣмецкаго князька и ворочался домой богатъ однѣми заморскими пороками. Въ это время какъ нарочно встрѣтилъ его братній оруженосецъ, который нечаянно былъ свидѣтелемъ убійства и бѣжалъ испугавшись новаго господина. У страха глаза велики, гово-

ритъ пословица... и мы видѣли какъ братъ отомстилъ за брата. Магистеръ назначилъ его преемникомъ всѣхъ угодьевъ и служебъ покойнаго; однако его звѣрство не осталось безъ наказанья. Черезъ десять лѣтъ русскіе ворвались въ Эстонію, осадили замокъ и наконецъ спекли чернаго рыцаря Бруно. Сожженный до тла замокъ Эйзенъ срыли они до основанія и борона прошла тамъ, гдѣ были стѣны. Долго, долго послѣ того, и давно передъ этимъ, люди набожные собрали съ пожарища камни и выстроили не вдалекѣ церковь во славу Бога. Это ея глава мелькаетъ между деревьями.

Господа, я началъ за здравіе, а свелъ за упокой, но въ томъ не моя вина. И въ свѣтѣ часто изъ шутки выходятъ дѣла важныя.

Отрывокъ изъ III главы Евгенія Онѣгина.

Ночной разговоръ Татьяны съ ея няней.

— Не спится, няня, здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.
— «Что Таня? Что съ тобою?»—Мнѣ скучно;
Поговоримъ о старинѣ.
— «О чемъ же, Таня? я, бывало,
Хранила въ памяти не мало
Старинныхъ былей, не былицъ,
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынче все мнѣ темно, Таня;
Что знала, то забыла.—Да,
Пришла худая череда!
Зашибло......»—Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года.—
Была ты влюблена тогда?

— «И полно Таня! въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь».
— Да какъ же ты вѣнчалась, няня?
— «Такъ, видно, Богъ велѣлъ.—Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ и наконецъ

Меня благословилъ отецъ.
Я горько плакала со страха,
Мнѣ съ плачемъ косу разплели
Да съ пѣньемъ въ церковь повезли.—

И вотъ—ввели въ семью чужую......
Да ты не слушаешь меня......»
— Ахъ, няня, няня! я тоскую,
Мнѣ томно, милая моя,
Я плакать, я рыдать готова!
— «Дитя мое, ты нездорова,
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь? попроси....
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь.....» Я не больна.
Я.... знаешь няня?.... влюблена.
— «Дитя мое, Господь съ тобою!»
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

— Я влюблена, шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.—
— «Сердечный другъ, ты нездорова».
— Оставь меня: я влюблена. —
И между тѣмъ луна сіяла
И томнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенныя власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрейкѣ,
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.—
. . . .
. . . .

А. Пушкинъ.

Княгинѣ Зенаидѣ Александровнѣ Волконской [1]).

Il tuo cantar che nel anima si sente.
Petrarca.

Мнѣ говорятъ: «она поетъ
«И радость тихо въ душу льется,
«Раздумье томное найдетъ,
«Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется,

[1]) Противъ заглавія цензоръ написалъ: «нужно испросить предварительно согласіе княгини, или поставить NN вмѣсто имени и фамиліи».

«И то, что мило на земли,
«Когда поетъ она—милѣе
«И пламеннѣй огонь любви
«И все прекрасное—святѣе».
А я—я слезъ не проливалъ
Волшебнымъ голосомъ плѣненный,
Я только помню, что видалъ
Пѣвицы образъ незабвенный.
О! помню я, какимъ огнемъ
Сіяли очи голубыя,
Какъ на челѣ ея младомъ
Вилися кудри золотыя.
И помню звукъ ея рѣчей
Какъ помнятъ чувство дорогое,
Онъ слышится въ душѣ моей,
Въ немъ было что-то не земное.
Она, она передо мной
Когда таинственная лира
Звучитъ о Пери молодой
Долины свѣтлой Кашемира.
Звѣзда любви надъ ней горитъ;
И станъ обхваченъ пеленою,
Она эфирная летитъ
Чуть озаренная луною.
Изъ лилій съ розами вѣнокъ
Небрежно волосы вѣнчаетъ
И локоны ея взвѣваетъ
Душистой ночи вѣтерокъ.

И. Козловъ.

Отрывокъ изъ восточной повѣсти: „Пустынникъ Канду“ [1]).

. . . .
И вотъ уже они блуждаютъ
Подъ сводами густыхъ деревъ,
Которыхъ цвѣтъ и блескъ плодовъ
Ихъ взоръ отвсюду поражаютъ,
И громко имъ напоминаютъ
Всегда цвѣтущій видъ садовъ
Очаровательной Нанданы [2])
Здѣсь пышной зелени диваны
Земля раскинула въ кустахъ;
Тамъ хоръ пернатыхъ на вѣтвяхъ

---

[1]) Сія повѣсть есть эпизодъ Брама-Пураны, древняго поэтическаго стихотворенія индейцевъ.

[2]) Нандана—садъ Бога Индры, индейскаго Юпитера.

Въ волшебное сливаясь пѣнье,
Привѣтствуетъ ихъ появленье
Въ сей одинокой сторонѣ;
Здѣсь гордый Манго въ вышинѣ [1])
Своей красой обворожаетъ,
Тамъ померанца плодъ златой
Изъ лона зелени густой
Какъ бы внезапно возникаетъ,
И мнится издали сіяетъ
Въ немъ лучь денницы огневой.—
Широколистые бананы
Манятъ здѣсь свѣжестью своей,
А тамъ пушистые каштаны
Чуть видные въ тѣни вѣтвей
Какъ Софи [2]), въ тишинѣ ночей,
Встающіе свершить моленья
Глядятъ изъ оконъ заключенья;
Здѣсь взоръ прельщенъ красой гренадъ,
Плоды рубинные висятъ,
Волнуяся на вѣтви зыбкой
Мнишь зрѣть въ нихъ свѣжести живой
Уста подруги молодой,
Съ ихъ обольстительной улыбкой,
Съ ихъ очарованной красой.
Вдали огромныя раины [3])
Глядятъ съ высотъ какъ исполины,
И кедровъ древній лѣсъ шумитъ;
Тамъ пальмъ обильный рядъ стоитъ
Раскинувъ гордыя вершины;
Подъ сѣнью ихъ и въ лѣтній зной
Зефиръ прохладу навѣваетъ,
И въ душу сладостно вливаетъ
Веселье бодрость и покой.—
Надъ ними носятся толпами
Пернатые по вышинѣ,
Всѣ отличаются онѣ
И крылъ различными цвѣтами,
И разнозвучьемъ голосовъ;
Въ прохладной зелени кустовъ
Онѣ свой звукъ въ одно сливаютъ
И взоръ и слухъ обворожаютъ
Разнообразіемъ цвѣтовъ,
И пѣснью громкой и пріятной.

---

[1]) Манго—Европейцы сравниваютъ сей плодъ съ тающимъ персикомъ.

[2]) Софи—мудрецы индейскіе; они получили сіе наименованіе о слова Софи (чистый) и всегда ходятъ въ льняной одеждѣ; главнымъ предметомъ ихъ есть созерцательная жизнь и самоотверженіе.

[3]) Раины—райскія деревья.

Вблизи сей кущи ароматной
Встрѣчаетъ взоръ по сторонамъ
Зеркаловидные потоки.
Надъ лономъ водъ возноситъ тамъ
Летóсъ священно-одинокій
Свой ярко-пурпуровый цвѣтъ,
Или лазурію сіяетъ,
А здѣсь едва примѣтный слѣдъ
На тихой влагѣ оставляетъ
Чета прекрасныхъ лебедей,
Блестящихъ снѣжной бѣлизною;
Въ безпечной рѣзвости своей
Они играютъ надъ водою,
Или, скрываясь въ глубинѣ,
Оттоль мгновенно возникаютъ
И съ крылъ сребристыхъ отрясаютъ
Жемчужный дождь на вышинѣ.

Ознобишинъ.

Епилогъ къ стихотворной повѣсти «Эда».

Ты покорился, край гранитный,
Россіи мочь извѣдалъ ты,
И не столкнешь ея пяты,
Хоть дышешь къ ней враждою скрытной—
Срокъ плѣна вѣчнаго насталъ,
Но слава падшему народу!
Безстрашно онъ оборонялъ
Угрюмыхъ скалъ своихъ свободу.
Изъ-за утесистыхъ громадъ
На насъ летѣлъ свинцовый градъ;
Вкусить не смѣла краткой нѣги
Рать, утомленная отъ ранъ:
Ножъ изступленный поселянъ
Окровавлялъ ея ночлеги!
И все напрасно! чудный хладъ
Сковалъ Ботническія воды;
Какимъ былъ ужасомъ объятъ
Пучины Богъ сѣдо-брадатъ,
Какъ изумилися народы,
Когда хребетъ его льдяной,
Звѣня подъ русскими полками,
Явилъ внезапною стѣной
Ихъ предъ шведскими брегами!
И какъ Стокгольмъ оцѣпенѣлъ,
Когда надъ нимъ шумя крылами
Орелъ нашъ грозный возлетѣлъ!

Онъ въ немъ узналъ орла Полтавы!
Все покорилось; но не мнѣ,
Пѣвцу, не знающему славы,
Пѣть славу храбрыхъ на войнѣ.
Питомецъ музъ, питомецъ боя,
Тебѣ, Давыдовъ, пѣть ее.
Вѣнкомъ пѣвца, вѣнкомъ героя
Чело украшено твое.
Ты видѣлъ Финскіе граниты,
Безстрашныхъ кровію омыты;
По нимъ водилъ ты ихъ строи,
Ударь же въ струны позабыты
И вспомни подвиги твои!

Е. Б.

Тоска души.

(Посвящена князю Ев. П. Обол.).

Я пренебрегъ тебя, святое вдохновенье!....
Прикованный къ землѣ съ заснувшею душой,
Стопою тяжкою, влекусь я за толпой,
Безъ цѣли, безъ препонъ, безъ мукъ, безъ наслажденья!....
Въ часы ничтожнаго труда,
Въ часы преступнаго досуга
Въ тебѣ искалъ я иногда
И утѣшителя и друга!...
Ко мнѣ на зовъ слетало ты!
И сердца свѣжія мечты
Мирили вновь меня съ судьбою,
Съ людьми... но не съ самимъ собою!...
И мнѣ наскучилъ твой привѣтъ
Какъ сыну роскоши прохладной
Въ минуту сна денницы свѣтъ
Живой, блестящей и отрадной.
Такъ правнукъ древнихъ египтянъ
Проводитъ шумный караванъ
Въ пескахъ Аравіи пустынной;
За злато онъ забылъ дѣтей
И ласки ихъ любви невинной,
И кругъ родныхъ, и сонмъ друзей,
И буйный крикъ грозы военной,
Забывъ и месть противъ враговъ
Своей отчизны угнѣтенной,
Цѣнѣ дневныхъ своихъ трудовъ
Отдавъ и славу и любовь!
Ничто его не развлекаетъ;
Онъ табуны свои считаетъ,

Онъ весь въ пустынѣ.. но порой
Онъ видитъ прошлое мечтой
Съ его чарующимъ обманомъ!..
И онъ вздохнулъ по старинѣ...
Но рогъ звучитъ—онъ на конѣ,
И потянулся съ караваномъ.
О рокъ! когда не вѣренъ ты,
То сердцу дай успокоенье;
Возьми назадъ твое творенье,
Возьми назадъ твои мечты!..
Скажи, ужель хотя однажды,
Не утолю горячей жажды
Моей тоскующей души?
Ужель въ бездѣйственной тиши
Съ душею пылкой, но безсильной
Я снизойду во мракъ могильной,
Плодовъ надеждъ не соберу,
И на землѣ, какъ на пиру,
Пребуду праздный посѣтитель?...
Зачѣмъ же жизнь во мнѣ кипитъ?
Зачѣмъ же огонь въ груди горитъ?
Вожатый онъ, иль обольститель?

Я. Ростовцовъ.

Епиграма.

Онъ въ разныхъ видахъ мной замѣченъ,
Противорѣчій много въ немъ:
Онъ скрытенъ сердцемъ, но умомъ
Ужъ какъ за то чистосердеченъ!

Хомяковъ.

Къ зарѣ.

Въ воздушныхъ высотахъ, межъ ночію и днемъ,
Тебя поставилъ Богъ какъ вѣчную границу;
Тебя облекъ онъ пурпурнымъ огнемъ;
Тебѣ онъ далъ въ сопутницы денницу.
Когда ты въ небѣ голубомъ
Сіяешь, тихо догорая,
Я мыслю на тебя взирая:
Заря, тебѣ подобны мы!
Смѣшенье пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы.

Хомяковъ.

Описаніе Шахова кладбища.

Отрывокъ изъ персидской повѣсти „Орсанъ и Леила".

Средь кипарисовъ и оливъ,
Унылъ и грозно молчаливъ,
Стоялъ дворецъ, кладбище шаха;
Никто изъ персіянъ безъ страха
Не подходилъ къ его стѣнамъ,
Чело поднявшимъ къ небесамъ.
Обширенъ былъ дворецъ пустынный
Печальный памятникъ вѣковъ,
Окрестъ его тянулся длинный
Рядъ черныхъ, мраморныхъ столповъ.
У четырехъ воротъ безъ смѣны
Стояли мавры; въ ихъ сердцахъ,
Неподкупимыхъ для измѣны,
Таился суевѣрный страхъ.
Внутри рѣзьба и позолота
И кисти чудная работа,
При блескѣ тысящи лампадъ,
Смущаютъ, ослѣпляютъ взглядъ.
Въ жилищѣ роскоши и праха,
Въ сихъ раззолоченныхъ стѣнахъ,
Почіютъ въ мраморныхъ гробахъ
Цари, предшественники шаха.
Надъ каждымъ бархатный навѣсъ,
На немъ вѣнецъ съ семью зубцами,
И жезлъ—не тронуты вѣками,
А властелинъ, какъ тѣнь изчезъ.
Вдали смиренныя гробницы,
Безъ украшеній и огней,
Въ нихъ спятъ любимицы царей,
Однимъ лишь именемъ царицы.
Межъ ними видѣнъ гробъ простой,
Вѣнкомъ изъ лилій осѣненный,
Въ немъ прахъ покоится священной
Орсана матери младой.
Гарема жертва, въ грустной долѣ:
Въ величьи царскомъ и неволѣ,
Она въ удушливыхъ стѣнахъ,
Какъ миртъ увяла въ юныхъ дняхъ.
И въ сей обители безмолвной
Надъ прахомъ силы и красы
Проводитъ скучные часы
Гасемъ, кладбища стражъ верховный.

Пл. Ободовскій.

Графинѣ ***.

Что поднесетъ новорожденной милой,
Поэтъ здоровіемъ и дарованьемъ хилой?
Онъ поднесетъ-ли вамъ нескладные склады,
Стихи, горячки злой горячіе слѣды,
Стихи снотворные безсонницы поруки?
Но не безсовѣстно-ль ему,
Отъ скуки и на васъ нагнать смертельной скуки
Неотразимую чуму?
Нѣтъ, надъ собой я одержу побѣду,
Нѣтъ, въ день рожденья вашъ, я васъ не уморю
И къ лихорадочному бреду
Въ добавокъ бредомъ рнемъ съ оглядкой подарю.
Болѣзни голову—чтожь дѣлать?—покорю,
Но сердце чистое недугу не подвластно;
Волненью чуждое, оно на единѣ,
Какъ въ магнетическомъ, и въ дальновидномъ снѣ
И вѣрно чувствуетъ, и съ истиной согласно.
Пусть за меня оно привѣтствовать спѣшитъ
Улыбку первую новорожденной милой
И вдохновенное пророческою силой
Въ избыткѣ чувствъ ей говоритъ:
„Ты будешь—ты не въ оскорбленье;
Вы предразсудка дань условной суетѣ,
Но сердце вольное, въ природной простотѣ,
Избрало ты въ мѣстоименье
И божеству и красотѣ!
„Ты будешь жить для радостей и счастья,
„Какъ цвѣтъ ласкаемый лобзаньемъ тишины
„Довѣрчиво цвѣтетъ на родинѣ весны
„Подъ небомъ радостнымъ, не знающимъ ненастья!
„Такъ не мерцающій разсвѣтъ
„Свѣтлѣетъ и тебѣ на небѣ жизни ясной
„И тихая весна души твоей прекрасной
„Тебѣ возлелѣетъ счастья цвѣтъ!“
Умѣнье нравиться безъ помощи искуства,
Умъ образованный подъ вдохновеньемъ чувства,
Ученость, но не та, что съ хартіей въ рукѣ
И въ шапкѣ докторской влачитъ педантства узы,
А свѣтлая подруга свѣтлой музы
Въ похищенномъ у Грацін вѣнкѣ.
Даръ пѣсней, про себя, безъ жажды къ книжной славѣ,
Въ словахъ затѣйливость блестящей остроты
И прелесть милой простоты
Въ открытомъ и веселомъ нравѣ,
Все это вамъ судьбой дано!

И только-ли? Нѣтъ, послѣ вѣрныхъ справокъ,
Еще припомнилъ я достоинство одно:
Глаза прелестныя въ добавокъ!
А женщинѣ чета прелестныхъ глазъ,
Какъ умъ не умничай, не лишнее для счастья;
Въ нихъ тайна женскаго надъ нами самовластья,
А кто не радъ господствовать изъ васъ?
Любуясь прелестью дитяти,
Какъ я ни обѣщалъ свой укротить языкъ,
Но заболтался я не кстати
Хвостова [1]) добрый ученикъ.
Всѣ росказни мои вы назовете бредомъ,
Согласенъ, спора нѣтъ; и я за вами слѣдомъ
Ихъ соннымъ бредомъ назову:
Но тотъ, кто разъ былъ вмѣстѣ съ вами,
Признается легко, что бредилъ я стихами,
О томъ, что каждый въ васъ увидитъ на яву.

Кн. П. Вяземскій.

Пѣсня.

„Другъ веселій неизмѣнной,
„Для чего пѣвецъ младой,
„Нынче бродишь потаенно
„Все одинъ, одной стезей?
„Молви намъ; или то скука,
„Иль то память о быломъ,
„Или мысли, или звука
„Ищешь пламеннымъ умомъ?

* * *

Нѣтъ, друзья! отъ васъ украдкой
Не скучаю, не грущу,
Не готовлю пѣсни сладкой,
Свѣтлыхъ мыслей не ищу.
Я брожу у милыхъ оконъ
И однимъ лишь занятъ я:
Не мелькнетъ-ли темный локонъ,
Не блеснетъ-ли взоръ е я!

В. Туманскій.

---

[1]) Слово Хвостова цензоръ Александръ Бируковъ зачеркнулъ и написалъ «Графова», съ присовокупленіемъ, что «съ согласія помянутаго лица можно только написать; въ противномъ случаѣ надобно поставить N. N.». Н. Д.

Счастливый младенецъ.

ЭЛЕГІЯ.

Небесный ангелъ, среброкрылый,
Спустился въ храмину, гдѣ спалъ
Младенецъ непорочный милый.
Во снѣ онъ кротостью сіялъ!
Играли на ланитахъ розы
И улыбалися уста;
Душа его была чиста,
Какъ утренней зари сверкающія слёзы;
И ангелъ въ ней, увидѣвъ образъ свой,
Къ одру младенца приклонился,
Блаженнымъ сномъ его, невинностью, красой
Любуясь, веселился;
Смотрѣлъ какъ по его плечамъ
Златыя кудри развивались;
Какъ руки къ персямъ прижимались,
Казалось, мысль его стремилась къ небесамъ!
Но будущее вдругъ предъ Ангеломъ предстало!
Туманъ чело его покрылъ!
Онъ тяжко воздохнулъ и очи отвратилъ:
Младенцу, видѣлъ онъ, все въ мірѣ угрожало!
Вѣтръ бурный, съ дикія несущійся скалы,
Съ грозою для него готовился ужасной;
Онъ слышалъ страшный свистъ несчастія стрѣлы,
Для правоты, невинности опасной.
Небесный гость къ премудрости святой
Вознесъ молитву съ умиленьемъ;
Всесильный повелѣлъ! Духъ чистый съ восхищеньемъ
Коснувшись спящаго рукой
Тихонько приподнялъ, и во вѣжды лобызая
Сказалъ ему, на небо отлетая:
„Тебѣ я счастіе даю!"
Младенецъ умеръ!—и въ раю!

В. Пушкинъ.

Зависть генія.

Когда гремя и пламенѣя
Пророкъ на небо улеталъ—
Огонь отрадный проникалъ,
Тревожилъ душу Елисея;
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась
И вдохновеньемъ озарялась
И Бога слышала она!

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генія полетъ.
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ
И міру—новыя свѣтила
Дѣла избранника небесъ.

Н. Языковъ.

Элегія.

Нужна любовь какъ воздухъ ясной
Стѣсненный чувствами груди;
О случай, встрѣчею прекрасной
Ее во мнѣ ты пробуди.
Не вѣрить счастію—мученье!
Но мнится счастье-бъ я узналъ,
Когда бъ я могъ въ земномъ твореньѣ
Узнать свой милый идеалъ.
Когда жъ нельзя свершиться чуду,
То пусть безпамятнымъ умомъ,
Какъ сонъ, свой идеалъ забуду
Передъ любимымъ существомъ.

В. Туманскій.

Къ сестрѣ.

(6 ноября 1825 г.)

Мой другъ, я былъ опять въ пустынной сторонѣ,
Гдѣ жизнь-измѣнница намъ сладко улыбалась
Въ очаровательной веснѣ,
Гдѣ пылкая мечта грядущимъ утѣшалась,
Какъ любовался дѣтскій взоръ
Прелестной далью нашихъ горъ.
Все тамъ по прежнему: безмолвіе святое
Не оставляло сѣнь отеческихъ лѣсовъ,
Рѣка, зерцало голубое,
Рисуется грядой картинныхъ береговъ,
Заросшій дикій садъ еще не заглушаетъ
Тобой насѣянныхъ цвѣтовъ,
И бѣдный селянинъ вздохнуть не забываетъ
При миломъ имени твоемъ.....
Какъ въ ризѣ торжества, въ убранствѣ золотомъ
Представились очамъ знакомыя дубравы;
Роскошной осени рукой

Холмы облечены въ багрянецъ величавый,
Привѣтствовали мнѣ вѣнчанною главой;
Съ долины вѣяла спокойствія отрада,
Безвѣстная въ стѣнахъ мятежныхъ городовъ,
И звукъ унылый листопада
Какъ сумракъ лѣтнихъ вечеровъ,
Въ душѣ задумчивость питая,
Къ воспоминаньямъ невольно преклонялъ.....
Ихъ рай въ краю родномъ меня не покидалъ;
Онъ влекъ меня туда, гдѣ нива гробовая,
Крестовъ могильныхъ вертоградъ
Объемлетъ Вѣчнаго олтарь уединенный,—
Гдѣ—намъ останки драгоцѣнны
Святыни подъ крыломъ лежатъ.....
Тамъ продолжалась безмолвная бесѣда;
Тамъ ждалъ отъ мертвыхъ я отвѣта,—
Урока ждалъ въ наукѣ жить,—
И тайны скорбныя для друга и поэта
Искалъ безсмертствомъ разрѣшить.—
Окрестъ ничѣмъ не нарушалась
Магическая тишина,
И утомленная природа наслаждалась
Дремотой, легкою предвѣстницею сна....
Я въ сердцѣ ровное вкушалъ отдохновенье:
Въ немъ страсти пламенной косой
Пожали нѣжныя волненья,
И хладный по себѣ оставили покой.
Мой вечеръ наступилъ—туманный, но безбурный.
Ночь тихая близка,—а тамъ въ семьѣ родной,
Еще есть уголокъ для погребальной урны...
Такъ думалъ я теперь въ пустынной сторонѣ,
Гдѣ жизнь-измѣнница намъ сладко улыбалась
Въ очаровательной веснѣ,
Гдѣ пылкая мечта грядущимъ утѣшалась,
Какъ любовался дѣтскій взоръ
Прелестной далью нашихъ горъ.

Нечаевъ.

Катай-валяй.

(Партизану поэту).

Какой-то умникъ наше тѣло
Съ повозкой сравнивать любилъ,
И говорилъ всегда: въ томъ дѣло,
Чтобы вожатый добрый былъ.
Вожатымъ шалость мнѣ досталась.
Пускай несетъ изъ края въ край.—
Пока повозка не сломалась
Катай-валяй!

Когда я приглашенъ къ обѣду,
Гдѣ съ чванствомъ голодъ за столомъ,
Или въ ученую бесѣду,
Пускай везутъ меня шажкомъ.—
Но ѣдуль въ кругъ, гдѣ умъ съ Фафошкой,
Гдѣ съ дружбой ждетъ меня покой,
Иль вдохновенье съ женской ножкой.. .
Катай-валяй!

* * *

По нивамъ, по коврамъ цвѣтнымъ
Не тороплюсь въ дальнѣйшій путь.
Въ тѣни древесъ, подъ небомъ чистымъ
Готовъ безпечно я заснуть.—
Спѣшитъ отъ счастья безразсудный!
Меня, о время не замай!
Но по ухабамъ жизни трудной
Катай-валяй!

* * *

Издатели сухихъ изданій,
Творцы, на коихъ Сѣверъ спитъ,
Подъ вьюкомъ вашихъ дарованій
Пегасъ, какъ вкопаный, стоитъ,
Но ты другъ музамъ и
Пегаса на лету сѣдлай
И къ славѣ, какъ на батарею,
Катай-валяй!

* * *

Удача! шалость! правьте ладно!
Но долго-ль будетъ править вамъ:
Заимодавецъ время жадно
Бѣжитъ съ разсчетомъ по пятамъ!
Повозку схватитъ и съ поклажей
Онъ втащитъ въ мрачный свой сарай:
Друзья! покамѣсть пѣсня та же —
Катай-валяй.

Пѣсня.

Брюзгливый дядя всѣмъ твердитъ
Что я шалунъ, что я мотаю,
Но онъ пустое говоритъ,
Я ничего не проживаю.—
Вотъ на упреки мой отвѣтъ:
Ни гроша нѣтъ.

Сорить рублями не хочу,
Живу не прытко, но въ покоѣ,
Подушку ночью не верчу,
Чистъ совѣстью, карманомъ вдвое.
Не льститъ ничѣмъ мнѣ модный свѣтъ,
Ни гроша денегъ нѣтъ.

Въ роскошныхъ, лакомыхъ пирахъ,
Имѣнье тратится Пахома!
Я жъ вѣчно ѣмъ и пью въ гостяхъ
И часто не ночую дома.
Мнѣ нуженъ дружескій привѣтъ,
Ни гроша денегъ нѣтъ.

Питая къ картамъ сильну страсть.
Пятернинъ золото бросаетъ;
Пріятель вашъ пошелъ бы въ часть,
Но онъ безъ денегъ не играетъ.
Игрецкихъ я страшусь бесѣдъ,
Ни гроша нѣтъ.

Красоткамъ нашъ Глупоновъ милъ,
Богатый звонкою монетой;
Я счастливъ и обманутъ былъ
Все даромъ, милою Лизетой,
Извѣстно ей, что я поэтъ.
Ни гроша нѣтъ.

В. Пушкинъ.

Къ С***

(При полученіи отъ нея въ подарокъ вышитыхъ цвѣтовъ).

Отъ первой юности къ печальнымъ думамъ склонный,
То днемъ разсѣянный, то по ночамъ безсонный,
И къ счастью и къ любви невѣріе храня,
За тщетный жизни даръ роптаiъ на небо я.—
Я видѣлъ вѣтренность иль хладное безстрастье
На лицахъ милыхъ женъ—и говорилъ себѣ:
Когда жъ и въ комъ найду сердечное участье
Къ моей безрадостной судьбѣ.
Чей вздохъ слетитъ ко мнѣ, нѣжнѣй, чѣмъ вѣтеръ юга,
Чьи очи мнѣ блеснутъ, взаимностью полны,
Игривѣй горныхъ струй, мечтательнѣй луны—
Тоскую, вяну я—и жизнь, не жизнь безъ друга.

* * *

Но сладость строкъ твоихъ, но памятный твой даръ
Какъ бы вліяньемъ тайныхъ чаръ
Мгновенно надо мной свершили изцѣленье,
Кляну, кляну мое сомнѣнье:

И у меня есть другъ, прекрасный другъ, а съ нимъ
Все въ жизни цѣль и услажденье.—
Такъ! всюду рай тому, кто любитъ и любимъ.

* * *

Съ какимъ душевнымъ умиленьемъ
Любуюсь въ тишинѣ твоимъ произведеньемъ!
Съ какой отрадой бродитъ глазъ
По шелку, по сребру, по тѣнямъ разноцвѣтнымъ—
Гдѣ взоры милые покоились не разъ,
Гдѣ все оживлено ихъ пламенемъ привѣтнымъ
И, знаешь-ли мой другъ, что мнѣ пришло на умъ:
Что въ краскахъ сихъ цвѣтовъ, въ ихъ чудномъ сплетеньѣ,
Сокрыто тайное любви изображенье,
Нѣмой языкъ сердечныхъ думъ;
Что мнѣ понятенъ онъ; что я по знакамъ нѣжнымъ
Всѣ мысли разгадалъ твои:
Грусть одиночества съ томленьемъ безнадежнымъ
Святыя жалобы любви.—
И что въ лицѣ твоемъ, какой-то геній милой
Ко мнѣ въ тотъ сладкій часъ представъ на единѣ,
Надъ головой моей взвѣвалъ златыя крилы
И ясно улыбался мнѣ.—

* * *

О пусть то было обольщенье,
Пусть я ласкаю себя и тщетною мечтой,
Оставь, оставь мнѣ заблужденье;
Обманъ столь милый, столь живой,
Всѣхъ чувствъ, всѣхъ мыслей упоенье!
Мой другъ, молю, сама восторгъ мой раздѣли,
Съ нимъ сердцу такъ легко, какъ будто нѣтъ разлуки,
Съ нимъ сердце вѣруетъ: не все на свѣтѣ муки,
Есть и блаженство на земли.

В. Туманскій.

Греческая ода.

Блестящъ и быстръ разитъ нашъ мечь
Поработителей Эллады;
Мы бьемся на смерть, безъ пощады,
Какъ рая жаждемъ грозныхъ сѣчь
И станутъ кровью наши воды
Доколь не выкупимъ свободы.—
Мы зрѣли казнь своихъ друзей,
Невѣрной черни изступленье,
Пожары градовъ, оскверненье
Священныхъ храмовъ и мощей.
Не скорбь - намъ помощь, ни угрозы—
Намъ кровь нужна за наши слёзы.

Такъ! дивнымъ знакомъ сихъ знаменъ [1]),
Красой наслѣдственнаго брега,
Стыдомъ измѣны иль побѣга;
Безчестьемъ нашихъ чадъ и женъ,
Пріявъ булатъ на бранну жатву
Отмстить врагамъ даемъ мы клятву.
Не будетъ радости у насъ:
Безъ жениха увянетъ дѣва,
Поля заглохнутъ безъ посѣва,
Свирелей мирныхъ смолкнетъ гласъ
Доколь надъ туркомъ, въ память вѣка,
Не совершится мщенье грека.
О! сердцу льстящія мечты!
Надежды близкой, грозной тризны!
Нагряньте съ горъ сыны отчизны,
Сомкнитесь латы и щиты!
Гряди святое ополченье,
Ро имя Бога—мщенье, мщенье!

В. Туманскій.

Къ Ліодору.

Не дивно, Ліодоръ, что юноша мечтаетъ
Блаженство уловить, гонясь за суетой;
Но для чего, скажи, колѣна преклоняетъ
Предъ башнею слѣпой
Сей старецъ, жизнью пресыщенный,
Но тяжкимъ опытомъ еще не наученный?...

* * *

Безумецъ не позналъ цѣны земныхъ надеждъ!
Вотще былъ жертвою коварнаго обмана:
Забылъ урокъ!—Съ толпой младенцевъ и невѣждъ
Къ стопамъ глухаго истукана
Онъ жадный духъ свой приковалъ,
И жизни при концѣ, онъ жить не начиналъ.

* * *

Кто ринулся въ Дедалъ премѣнчивыхъ желаній
И совѣсти отвергъ спасительную нить,—
Брегись, чудовище неистовыхъ алканій
Его готово поглотить.....
Изъ темной бездны нѣтъ исхода!
Прости, прости на вѣкъ надежда и свобода!
Оплачемъ бѣдствія собратіи своей,

---

[1]) На знамени греческихъ инсургентовъ изображенъ крестъ. См. Пукевиля.

Но переплывъ кой-какъ сей жизни половину,
Устроимъ, Ліодоръ, спокойнѣй и умнѣй
Свою грядущую судьбину:
Объявимъ кабалу страстямъ,
И вольную дадимъ не сбывшимся мечтамъ.

* * *

Для насъ, для насъ отверстъ пріютъ уединенья,
Скрижали Піэридъ, училище вѣковъ!
Сокроемъ отъ толпы ихъ тайны утѣшенья,—
И за утрату прежнихъ сновъ,
Въ тиши отрадной кабинета
Найдемъ забвенье золъ въ святомъ забвеньи свѣта.

Нечаевъ

Двѣ картины.

(Отрывокъ).

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня,
Изъ синихъ водъ какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ;
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная
Неизмѣрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣетъ,
Едва колышутся лѣса,
Какъ блестки золота свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося брега
Стоятъ, готовые для бѣга
И тихо плещутъ паруса.—
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ
И пѣсня русская, живая
Разносится по лону водъ.
Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столпомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристалѣ голубомъ.
Какъ тѣнь отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ
Чернѣютъ образы лѣсовъ
И кое-гдѣ огонь плавучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ
Безмолвна синяя пучина,

Въ дубровахъ мракъ и тишина,
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна:
Лишь изрѣдка—съ богатымъ ловомъ
Подъемля сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды;
Или—путемъ дугообразнымъ,
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ
И въ отдаленьи пропадетъ.

Битва.

(Отрывокъ изъ поэмы „Жизнь").

Что вижу я? что на равнину,
Покинувъ горную вершину,
Какъ буря мрачная летитъ?
Вы слышите-ли конскій топотъ,
Звукъ голосовъ, нестройный ропотъ?
Шумятъ знамена, мѣдь звучитъ,
Желѣзо движется, сверкаетъ..
Кто зрѣлъ какъ блещутъ небеса,
Когда, врываяся въ лѣса,
Ихъ быстрый пламень пожираетъ
И въ тускломъ зеркалѣ воды
Являетъ зарева ряды?
Такъ строй, усѣянный штыками,
Отъ жаркихъ солнечныхъ лучей
Бросаетъ зарево рядами
И блескъ ужасный для очей.
Какъ на равнинѣ водъ глубокихъ
Сбирается густой туманъ,
Такъ ото всѣхъ сосѣднихъ странъ,
Отъ странъ и близкихъ и далекихъ
На кличь войны притёкъ народъ;
Смѣшенье голосовъ нестройныхъ,—
Какъ передъ бурей ропотъ водъ
Въ пучинахъ моря неспокойныхъ,
Равно станицы журавлей
Подъ небомъ носятся рядами,
И стелютъ тѣнь среди степей
Своими шумными крилами.
Они, подъемлясь въ вышину,
Другъ друга такъ перекликаютъ
И всю воздушную страну

Нестройнымъ крикомъ наполняютъ.
Внимайте: всадники летятъ,
Земля ревётъ подъ ихъ ногами,
Ихъ топотъ вторится стократъ,
Надъ ними пыль летитъ столпами.
Когда рѣка наводнена
Дождями бурными Зевеса,
Такъ, бросивъ берега, она
Стремится съ громомъ въ чащу лѣса;
Такъ съ оснований зданья рвётъ;
Такъ на хребтѣ своемъ несётъ
Въ стремленьи вѣковыя сосны;
Уничтожаетъ плодоносны
Сады, равнины и поля;—
Препятствія встрѣчая, воетъ:
Клубится съ ревомъ, камни роетъ,—
Гудётъ подъ тяжестью земля.
И свергнувшись она съ стремнины,
Уноситъ за собой плотины,
Деревья съ корнями, кусты,
Заборы, крѣпкіе мосты;
И всѣ прибрежныя долины
Покрывши мутною волной
Подъемлетъ илъ тяжелой, чорной,
Чтобъ съ нимъ отъ высоты нагорной
Достигнуть глубины морской.
Огни смертельные сверкнули,
Войска идутъ, они сошлись,
И вотъ съ ужаснымъ свистомъ пули
Средь блесковъ молній понеслись.
Такъ тучи давитъ вихорь сильный
И градъ стремится изобильный.
Картечи, ядра съ двухъ сторонъ
Летятъ и въ воздухѣ встрѣчаясь,
О сталь оружій ударяясь,
Даютъ глухой и томной звонъ.
Повсюду слышенъ запахъ сѣрный,
Распространился смрадный дымъ,
Клубяся облакомъ густымъ
Онъ покрываетъ лугъ безмѣрный.
Взгляните: туловище въ прахъ
Затрепетавъ, гремя, валится;
Взгляните: съ ропотомъ въ устахъ,
Открывъ глаза, глава катится;
На крыльяхъ вѣтренныхъ въ огонь
Тамъ всадника уноситъ конь,
Но мечь во грудь ему вонзенный
Свалилъ его и збрую стукъ
Продлилъ глухой подземный звукъ

Какъ ревъ волкана протяженный;
Разсѣкши воздухъ, тамъ рука,
Ядромъ отдѣлена отъ тѣла,
Одѣта въ дымны облака
Не уронивъ меча взлетела;
Тутъ кровь горячею струей
Въ землѣ прорѣзавъ путь, стремится,
Надъ нею паръ и въ ней живой
Подъ мертвецами шевелится.
Кто молніей сверкая тамъ
Во строй летитъ и сотни рубитъ?
Подобный пламеннымъ громамъ,
Къ чему коснется—все погубитъ
Ужасный человѣкъ! кто ты?
«Любя идти путями славы,
«Любя сраженія кровавы,
«Я вѣрю, лавры не мечты!
«Веселья боевыя зная,
«Еще не вѣдалъ я любви;
«Дышать въ дымящейся крови—
«Вотъ радости мои, пылая»...
Постой! Твоя пресѣклась рѣчь:
Ужъ голова валится съ плечь.
Тамъ сотни деревень владѣлецъ
Оставилъ нѣгу и покой,
И жизнь свою принесъ на бой;
Тамъ домовитый земледѣлецъ,
Трудовъ, досуговъ вѣрный другъ,
На острый мечь мѣняетъ плугъ
И ты, какъ вѣтеръ легко-крилый,
Несчастный юноша, и ты
На боевыя красоты
Мѣнялъ красу извѣстны милой?
Ты вся надежда у отца,
Тебѣ-ли браннаго вѣнца
Искать въ густомъ дыму сраженій?
Скажи, какой тотъ злобный геній,
Кто вырвавъ изъ родной семьи
Тебя ведетъ на поле брани,
И дни цвѣтущіе твои
Приноситъ смерти вмѣсто дани?
Скажи, ужель отцовскій домъ,
Сребромъ украшенный богато
И въ изобиліи кругомъ
Вино заморское и злато,
И дружбы сладость и любовь
Ты не считалъ въ душѣ за счастье,
Что такъ твою волнуетъ кровь
Войны жестокое ненастье?

Но нѣтъ! Веселье мирныхъ дней
Еще тобою не забыто,
Съ твоимъ воображеньемъ слито
Сіянье пламенныхъ очей.
Ты не забылъ, какъ локонъ черной
Падетъ, ручья волной нагорной,
На бѣлизну ея плечей.
Привѣтные ты помнишь взгляды,
И лучъ божественной отрады,
Которою пылала грудь,
Когда она тебя лобзала
И запинаяся сказала:
«Меня, мой ангелъ, не забудь!»
Я вижу—ты горишь, тоскуешь,
Со вздохомъ медленнымъ цѣлуешь
Одно сокровище свое:
Изображенный видъ ее.
«О лейтесь, лейтесь въ душу краски
И друга милыя черты!»
Но ахъ! дарить не время ласки,
Покинь, покинь свои мечты:
Въ тотъ часъ, когда гремитъ тревога
И все валится вкругъ тебя,
Не за нее, но за себя
И за друзей моли ты Бога.
Отца и добрую семью,
Быть можетъ, ты еще обнимешь;
Быть можетъ, ты въ объятья примешь
Невѣсту милую твою;
И услаждая сердца муку,
Предъ взоромъ вышняго Царя!
Ты ей отдашь на вѣки руку,
Отдашь ей жизнь у Олтаря,
Тогда.... О Боже! воздухъ свиснулъ
И онъ упалъ.—Его ужъ нѣтъ;
Своей невѣсты онъ портретъ
Рукою судорожной стиснулъ.
Межъ тѣмъ въ невѣдомую даль,
За долы, за лѣса, за горы,
Туда—она бросаетъ взоры;
Ей ядовитая печаль
Туманомъ покрываетъ очи.
Не вѣдая ни дня, ни ночи,
Она въ тоскѣ, она горитъ,
Она сквозь слёзы говоритъ:
«Ужель прошло блаженство рая,
Минута счастья золотая,
Когда съ тобой, забывъ весь свѣтъ,
Казалось я жила въ эфирѣ?.... .

Ахъ, для меня въ подлунномъ мірѣ
Одинъ лишь ты и смертныхъ нѣтъ;
Туда, къ себѣ ты увлекаешь
Мое и сердце и мечты;
Родимый край мой тамъ, гдѣ ты,
Мой ангелъ, Богъ мой, обитаешь....
Когда бъ полетъ я приняла,—
Тропой воздушною, незримой
Къ тебѣ бъ помчавшись, отвела
Ударъ меча неотразимой;
Тебя бы крѣпко обняла,
Покрыла бы тебя лобзаньемъ;
Летая надъ твоей главой,
Тебя бъ исполнила тоской,
Святымъ любви очарованьемъ;
И ты бъ любовью пламенѣлъ,
И я, какъ благодатный геній,
Толпою пылкихъ вдохновеній
Тебя бъ дарила, ты бъ горѣлъ....
Когда бы жизнь мою, дыханье
Я превратить могла въ Зефиръ,
Во струны сладкозвучныхъ лиръ,
Иль въ томное волны журчанье,—
Всегда бъ съ прелестнаго лица
Я зной полуденный свѣвала,
Тебя бъ журчаньемъ до конца
То нѣжила, то усыпляла!....
Когда бъ цвѣтъ младости моей
Могъ быть фіялкой полевою,
И подъ твоею бы стопою
Мнѣ умереть среди полей!
Но, ахъ, исполнятся-ль желанья,
Придетъ-ли сладкій часъ свиданья?»
    Красавица, напрасно ждать!
    Онъ спитъ; ему постель могила;
    На вѣки пуля уложила
    Его въ сырую землю спать.
Вотъ жизнь на свѣтѣ поднебесномъ,
Но развѣ въ мірѣ лишь тѣлесномъ
Печалей смертнымъ столько есть,
Что невозможно ихъ сочесть?
Судебъ предвѣчные законы
Вездѣ распространили адъ:
И въ мірѣ нравственномъ есть ядъ,
Есть тигры, змѣи, скорпіоны.—
Природа мудрою рукою
Покрыла ими шаръ земной.
. . . .

Маркевичъ.

Полошки.

Какая это сторона?

Прекрасны тихія равнины!
Прохладны ясные ключи!
Какого солнца тутъ лучи?
Какого рая здѣсь картины?
Шумитъ прямой лавровый лѣсъ!
И синь, какъ яхонтъ, сводъ небесъ,
И, съ синимъ виноградомъ, лозы
И многолиственныя розы
Вездѣ сплелись, какъ братъ съ сестрой:
Гора круглится надъ горой.....
И тянется какъ дымъ, какъ ткани,
Голубоватый воздухъ ранній.....
Какъ здѣсь свѣжа краса полянъ!
Стѣна изъ скалъ имъ вмѣсто рамокъ;
И на горахъ какъ великанъ,
Съ подворной башней, давній за̀мокъ....
Какъ онъ пригожъ и какъ душистъ,
Въ своей отчизнѣ померанецъ!
Кристалъ приморья тихъ и чистъ,
И милъ въ немъ вечера румянецъ....
Вездѣ полуденность видна
И пахнетъ розой и лимономъ:
Какая жъ это сторона?
Кто въ пѣсни мнѣ, съ сердечнымъ стономъ,
Поётъ на мой вопросъ, отвѣтъ?
Поетъ дѣла минувшихъ лѣтъ
И—набожной Европы цвѣтъ
Героевъ въ шлемахъ оперенныхъ;
Поетъ въ красахъ его священныхъ;
Для насъ заманчивый Востокъ:
Святыя волны Іордана,
Грозу и славу Соломона
И коловратный въ битвахъ рокъ....
Но онъ напѣвъ перемѣняетъ.
Затихнулъ на струнахъ Перунъ
Поетъ иное голосъ струнъ
И цитра, какъ любовь, вздыхаетъ:
Про что жъ онъ сладкое звучитъ:
„Какъ макъ, ты закраснѣлась Дѣва!
Онъ въ пѣсни Дѣвѣ говоритъ:
„Но эта краска не отъ гнѣва;
„Другое на сердцѣ лежитъ!
„Повѣетъ сладкою весною,
„Вездѣ, гдѣ ты, моя заря!...
«Зажглася Азія войною

„И Графы кличутъ за моря
„Пѣвцовъ и рыцарей на битву... .
„Я отнесу мою молитву
„Иконѣ Дѣвы пресвятой
„И съ цѣпью пѣсней золотой
„Держа у сердца мандолину
„Помчусь крестить съ мечами мечъ
„Въ Іосафатову долину.....
„Въ страну войны и грозныхъ сѣчь!.....
„Увижу кедръ съ красивой пальмой;
„Святой Солимъ въ его лучахъ
„И, гибнущій въ чужихъ поляхъ
„Съ послѣдней пѣснію прощальной
„Тебя Аврора вспомяну!.....“
Я узнаю сію страну,
Холмы и памятныя рѣки:
Вотъ средніе Европы вѣки!
Вотъ ихъ полупрозрачный мракъ!.....
Тамъ позже жилъ пѣвецъ Петраркъ;
И тамъ въ отчизнѣ Трубадура
Цвѣла прекрасная Лаура!

Балъ.

Блистаетъ тысячью огней
Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
Гудятъ смычки: толпа гостей
Съ приличной важностію взоровъ;
Въ чепцахъ узорныхъ, распашныхъ,
Рядъ пестрыхъ барынь пожилыхъ
Сидитъ.—Причудницы отъ скуки
То поправляютъ свой нарядъ,
То на толпу сложивши руки
Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ
Кружатся дамы молодыя,
Пылаютъ нѣгой взоры ихъ,
Огнемъ каменьевъ дорогихъ
Блестятъ уборы головные.
По ихъ плечамъ полунагимъ
Златые локоны летаютъ;
Одежды легкія какъ дымъ
Ихъ легкій станъ обозначаютъ;
Вокругъ плѣнительныхъ харитъ
И суетится и кипитъ
Толпа поклонниковъ ревнивыхъ;
Съ волненьемъ ловятъ каждый взглядъ:
Шутя несчастныхъ и счастливыхъ
Изъ нихъ волшебницы творятъ;

Въ движеньи все.—Горя добиться
Вниманья лестнаго красы
Кавалеристъ крутитъ усы,
Франтъ штатный чопорно острится.
Межъ тѣмъ и въ лентахъ и въ звѣздахъ,
Порою съ картами въ рукахъ,
Выходятъ тучные бояры,
Вставъ изъ-за ломберныхъ столовъ
Взглянуть на мчащіяся пары
Подъ гулъ порывистой смычковъ.

Е. Б.

Отрывокъ изъ персидской повѣсти: «Орсанъ и Леила».

Какъ дубъ дряхлѣющій въ корняхъ
На темѣ сохнетъ Арарата,
Сохъ одинокій Падишахъ
На тронѣ вылитомъ изъ злата.
Тоска закралась въ грудь его,
Она съ Манзоромъ неразлучно,
Повсюду слышитъ злополучной
Упреки совѣсти докучной
И голосъ сына своего.
Забыты игры, наслажденья,
Кальянъ и сладостный шербетъ,
Души ни въ чемъ отрады нѣтъ,
Коль нѣтъ для ней успокоенія!
Манзоръ задумчивъ на пирахъ,
Здѣсь совѣсть грудь его волнуетъ,
И на челѣ его рисуетъ
Чертами явственными страхъ.
Трепещетъ онъ услышавъ шопотъ,
Иль крикъ внезапный во дворцѣ,
Онъ измѣняется въ лицѣ;
Ему извѣстенъ персовъ ропотъ.—
Во всѣхъ мечтаніяхъ его
Съ нимъ жертвы смерти ежечасно,
Онъ кличетъ сына своего
И дочь Гасема,—но напрасно!
И вотъ подъ бременемъ тоски
Онъ палъ на одръ изнеможенья;
И скипетръ выронилъ правленья
Изъ обезсилѣнной руки.
Изъ устъ въ уста перелетаетъ
За тайну вѣсть, что боленъ Шахъ,
У всѣхъ смятеніе въ сердцахъ,
И всякъ неволею вздыхаетъ.

По смерти Шаха край родной
Погибнетъ въ пламени раздора;
Осиротѣлый тронъ Манзора
Примчитъ искателей толпой.
И весь народъ смятенъ тоской!
Такъ караванъ въ пути жалѣетъ
О солнцѣ пламенномъ своемъ,
Когда оно своимъ лицемъ
Склоняясь къ западу хладѣетъ.
Пустыни облекутся мглой
И туча, вѣстникъ урагана,
Налажетъ съ грозной тишиной
На зыбь степнаго океана.

Пл. Ободовскій.

ГАЙДАМАКЪ.

Малороссійская быль.

ГЛАВА I.

«Такъ, вѣчной памяти, бувало у насъ
въ Гетманьщини колись».

Котляревскій.

Была осень; частые дожди растворили малороссійскій черноземъ; глубокая и вязкая грязь превращала въ топкія болота улицы и проселочныя дороги. Въ это время въ Королевцѣ собиралась Воздвиженская ярмарка. По грязнымъ улицамъ небольшаго и худо обстроеннаго повѣтоваго городка, тянулись длинные обозы; чумаки съ батогомъ на плечѣ, шли медленнымъ шагомъ подлѣ воловъ своихъ, которые съ терпѣливою покорностію тянули ярмомъ тяжелые возы. Русскіе извощики безъ пощады погоняли усталыхъ лошадей, суетились около телегъ, навьюченныхъ московскими товарами, кричали и ссорились. Въ яткахъ [1]) на площади толпились веселые казаки въ красныхъ и синихъ жупанахъ, и тѣ беззаботныя головы, кои, уставши чумаковать, пришли къ ярмаркѣ на родину, попить и погулять; одни громко разсуждали о старой Гетманщинѣ, другіе толковали про дальнія свои чумакованья на Донъ за рыбою и въ Крымъ за солью. Крикъ торговокъ и крамарей [2]), жиды съ цымбалами и скрипками,

---

[1]) Шалаши, гдѣ производится на ярмаркахъ въ Малороссіи продажа хлѣбнаго вина.

[2]) Купцы, продающіе въ раздробь красный товаръ. О. С.

цыгане съ своими пѣснями, плясками и звонкими ворганами, слѣпцы-бандуристы съ протяжными ихъ напѣвами—вездѣ шумъ и движеніе, вездѣ или отголоски непритворной радости, или звуки поддѣльнаго веселья. Огромныя груды арбузовъ, дынь, яблокъ и другихъ плодовъ, коими небо благословило Малороссію и Украйну, лежа рядами на подстилкахъ по обѣ стороны площади, манили взоръ и вкусъ и свидѣтельствовали о плодородіи края.

По среди площади собралась толпа народу. Молодой чумакъ, въ синемъ жупанѣ тонкаго сукна, въ казачьей шапкѣ съ краснымъ верхомъ, лихо заломанной на головѣ, съ алымъ шолковымъ платкомъ на шеѣ, распущеннымъ по груди длинными концами, и въ красныхъ сафьянныхъ чоботахъ, шолъ приплясывая и припѣвая, велъ за собою музыкантовъ и ватагу весельчаковъ и сыпалъ деньгами въ народъ. Чтобы показать свое удальство и богатство, онъ то расталкивалъ ногою плоды у торговокъ, то билъ нарочно стеклянную посуду въ яткахъ—и платилъ за все вдесятеро. Всѣ: купцы, жиды, цыгане, бандуристы и нищіе, обступили его: каждый или предлагалъ свои услуги, или безъ всякихъ услугъ просилъ чего нибудь, и каждый получалъ или награду, или подаяніе. Большой кругъ составился около молодца: всякъ ему дивился и хвалилъ его; женщины въ этомъ случаѣ были не послѣднія. «Какой завзятый чумакъ! какой лихой парень! какой статный и пригожій мужчина! какой богатый и тароватый!» раздавалось отовсюду.

Поодаль, человѣкъ средняго роста, въ простой чумацкой свитѣ съ видлогою [1]), стоялъ опершись на батогъ [2]) и насвистывая въ пальцы, внимательно смотрѣлъ на молодаго безумца. Видъ этого человѣка съ перваго взгляда не обращалъ на себя вниманія; но всмотрѣвшись пристальнѣе, не скоро можно было отвести отъ него глаза. Онъ стоялъ безъ шапки, которую сронилъ въ толпѣ. Длинный оселедецъ [3]) спускался съ бритой его головы и закручивался около уха. *Смуглое* лице, правильныя черты, огромный носъ, нагибавшійся

---

[1]) Свита, родъ армяка изъ домашняго сукна, обыкновенное платье простаго народа въ Малороссіи; видлóга — мѣшокъ съ вырѣзкой изъ того-же сукна, пришиваемый къ свитѣ и накидывающійся на голову въ дождь, или дурную погоду.

[2]) Особый бичъ, или плеть на длинной палкѣ, чѣмъ малороссійскіе чумаки погоняютъ воловъ своихъ.

[3]) Чумаки, отправляясь въ дорогу, брѣютъ себѣ голову, чтобы пыль не набивалась въ волоса. Иногда оставляютъ они, подобно казакамъ старой Сѣчи, узкій и длинный клочекъ волосъ на темѣ и завиваютъ его за ухо. Этотъ клочекъ называется оселедцемъ. О. С.

надъ черными усами, и быстрые проницательные глаза обличали въ немъ умъ, смѣтливость и хитрость, а широкія плечи и грудь, крѣпкія, жилистыя руки и богатырское сложеніе тѣла, ясно говорили о необыкновенной его силѣ. Въ движеніяхъ и поступкахъ его, даже въ самомъ спокойномъ положеніи, видны были рѣшительность и смѣлость. Ему казалось отъ роду не болѣе сорока лѣтъ; но — — — — — или сильныя страсти, или заботы поборороздили уже чело его морщинами. Онъ выжидалъ, пока роскошный молодой чумакъ, обходившій въ это время кругъ, съ нимъ поравняется.

— «Здорово, Лесько!» сказалъ онъ гулякѣ, когда наконецъ тотъ подошелъ къ нему.

— Ба! это ты, Кирьякъ? давно, отъ самой Умани я съ тобою не видался. Здорово, пріятель, здорово!

— «Ну, какъ поживаешь».

— Какъ видишь: бью въ свою голову, пью да гуляю.

— «А волы?»

— Всѣхъ распродалъ! Отецъ отпустилъ со мною тридцать паръ — остался на лицо вотъ этотъ батогъ.

— «Хорошо же ты отцу припрочиваешь на старость!»

— А, что будетъ, то будетъ! Живу пока звенитъ въ карманѣ, а перестанетъ звѣнѣть — тогда или подъ красную шапку, или въ удалую шайку.

— «Дѣло вздумалъ! то есть и въ томъ и въ другомъ случаѣ, ты будешь спиною отвѣчать за голову»...

Это истолкованіе разсмѣшило стѣснившуюся вкругъ нихъ толпу и молодой чумакъ, не находя лучшаго отвѣта, самъ разсмѣялся.

— А ты, Кирьякъ Максимовичъ, сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія своему знакомому: каково чумакуешь? человѣкъ ты осторожный и даромъ копѣйки не роняешь; я видѣлъ тебя въ Умани на пятидесяти парахъ и ты привезъ туда Богъ вѣсть сколько московскихъ товаровъ! Съ тобою были лихіе купчики: также любили потѣшиться, какъ и я грѣшный!

— «Я и теперь съ ними пріѣхалъ, да переморилъ своихъ бѣдныхъ воловъ по этой слякоти и даю имъ отдыхъ. Добрый человѣкъ и скотовъ милуетъ, говоритъ святое писаніе».

— Знаю, что ты человѣкъ письменный; гдѣ же теперь присталъ?

— «Я оставилъ свой таборъ по путивльской дорогѣ, надъ Эсманью, а самъ пришелъ сюда принанять молодцовъ; мои почти всѣ разбрелись».

— Если тебѣ надобно лихаго погонщика, такъ возьми меня; ба-

тогъ мой исправенъ... Гей, цобъ! прикрикнулъ онъ, ловко помахивая ременнымъ батогомъ своимъ.

— «Я добрыхъ людей не чураюсь, отвѣчалъ Кирьякъ: хочешь, такъ сейчасъ къ дѣлу; зайдемъ ко мнѣ на постоялый дворъ, а тамъ и къ табору».

— Спасибо, что такъ сговорчивъ, Кирьякъ Максимовичъ! спасибо, что ты не таковъ, какъ тѣ сѣдые чубы, которые бранятъ насъ, молодыхъ парней, за шалости и не вѣрятъ, если разъ замотаемся... Прощайте, пріятели! вотъ вамъ на разставанье.

Тутъ Лесько метнулъ въ народъ послѣднюю горсть мелкой монеты; всѣ бросились подбирать—и когда оглянулись, то ужъ обоихъ чумаковъ какъ не бывало.

ГЛАВА II.

«То панъ Хмѣльницкій добре учинивъ,
Польшу засмутивъ,
Волощину побидивъ,
Гетманьщину звеселивъ».

Старинная малороссійская пѣсня.

Въ концѣ городка стоялъ маленькій, полуразвалившійся домишка; въ немъ приставали пріѣзжавшіе на ярмарку евреи, которые почти всегда подъ ветхою кровлею прячутъ отъ любопытныхъ и завистливыхъ глазъ накопленныя ими богатства и часто всякими неправдами добытыя драгоцѣнности. Еврей Абрамъ, заперши двери засовомъ и наглухо закрывъ ставнями окна, отбивалъ донышки у маленькихъ боченковъ, вынималъ изъ нихъ дорогіе жемчуги, перстни, серьги и другія золотыя вещи, осыпанныя блестящими каменьями, и раскладывалъ ихъ по ящикамъ, готовя къ ярмаркѣ на продажу. Онъ безпрестанно прислушивался, озирался и, при малѣйшемъ шумѣ снаружи, блѣднѣлъ, какъ Каинъ.

Вдругъ кто-то дважды стукнулъ въ дверь. Абрамъ вздрогнулъ, но вспомня, что это условный знакъ товарища, накинулъ про всякій случай толстое полотно на столъ, на которомъ отбиралъ вещи, и отнялъ дверной засовъ.

— «Горе и страхъ сынамъ Іуды!—вскрикнулъ всплеснувъ руками вошедшій жидъ, между тѣмъ какъ товарищъ его снова запиралъ дверь:—горе и страхъ! я видѣлъ его»....

— Кого? торопливо спросилъ Абрамъ.

— «Его, гайдамака Гаркушу! отвѣчалъ Гершко печальнымъ голосомъ. Ты его знаешь, онъ не посмотритъ на городъ и люд-

ство; налетитъ на насъ, какъ Сеннахеримъ, заберетъ и свое, и наше».

— Я говорилъ тебѣ: не водись съ этимъ проклятымъ Моавитомъ! долго-ли до бѣды.

— «Зналъ-ли я, ждалъ-ли я, когда онъ на Волыни отдавалъ мнѣ для продажи награбленныя имъ вещи, что черезъ три луны увижу его здѣсь въ Малороссіи? Ахъ! эти большія серебряныя стопы, эти богатыя золотыя цѣпи, эти яркіе дорогіе перстни пана Манивельскаго! сгубятъ они насъ!»

— Опомнись! развѣ ты не еврей? Богъ отнялъ у насъ силу и смѣлость, а мы по неволѣ взялись за хитрость и пронырство. Придумаемъ какъ бы спастись отъ когтей сего месопотамскаго коршуна. Но гдѣ и какъ ты его встрѣтилъ?

— «Я бродилъ въ толпѣ народа и высматривалъ, не удастся-ли чего повыгоднѣе купить или продать. Вкругъ одного погибшаго сына стѣною стѣснился народъ и всякій подбиралъ серебро, расточаемое безумцемъ. Я также думалъ пробраться къ нему, хотя ползкомъ... Взглянулъ, и вижу въ толпѣ услужника Веліалова. Тогда я притаился за народомъ, и когда онъ увелъ съ собою молодаго чумака, я шелъ за нимъ издали; припавъ за заборомъ, сторожилъ его выходъ изъ постоялаго двора и видѣлъ, по какой дорогѣ они вдвоемъ отправились».

— Послушай: намъ надобно обсудить, какъ бы и свое спасти, и чужаго не выпустить изъ рукъ. Благодаря нашимъ братьямъ, которые повсюду разсѣялись и вездѣ ведутъ торги, если чего не посмѣемъ выказать здѣсь, то Польша и нѣмецкая земля велики: тамъ будетъ просторъ и нажитому, и добытому.

— «Правда, правда! только какъ теперь избавиться отъ Гайдамака?»

— Знаешь-ли ты здѣшняго повѣтоваго судью?

— «Пана Ладовича? какъ не знать; добрый панъ, честный панъ! Въ немъ только три худа: что не слишкомъ жалуетъ евреевъ, что ему ничего не продашь, а его ничѣмъ не подкупишь».

— За то у него и своимъ не лучше нашихъ, когда у нихъ руки или совѣсть не чисты. Слушай же: ступай ты къ нему, разскажи про Гайдамака все, что знаешь, укажи дорогу, по которой онъ пустился,—и послѣ спокойно переплавливай въ слитки золото и серебро и сбывай алмазы и яхонты пана Манивельскаго».

— «Рабби Рувимъ! ты умный человѣкъ, Абрамъ. Такъ къ дѣлу, не теряя времени. Сейчасъ иду къ повѣтовому судьѣ».

— Не позабудь только взять серебряныхъ ключей: не для него,

онъ ничего не возьметъ; а для челяди, которая всегда и вездѣ жадна, какъ ваши праотцы въ пустынѣ.

Гершко пошолъ скорымъ еврейскимъ шагомъ къ дому повѣтоваго судьи, согнувъ шею, заложа обѣ руки въ карманы и бросая вкругъ себя недовѣрчивые, испытующіе взгляды.

На крыльцѣ судейскаго дома встрѣтилъ его молодой цыганъ, жившій у пана Ладовича для услугъ, а больше для забавы. Онъ былъ одѣтъ казачкомъ; на шеѣ у него висѣлъ на широкой лентѣ торбанъ, на которомъ онъ обязанъ былъ играть передъ гостями и веселить ихъ своею пляскою и пѣніемъ. Не по лѣтамъ былъ онъ высокъ и статенъ; живое и выразительное лицо его, на которое падали черныя самородныя кудри, могло бы назваться прекраснымъ, если бы *излишняя* смуглость не затмѣвала его пригожества; подъ широкими *сросшимися* бровями прыгали быстрые, огненные глаза; во всѣхъ его движеніяхъ замѣтны были ловкость, проворность и лукавство.

— «Здравствуй, Жале», сказалъ ему Гершко, подойдя къ крыльцу.

— Здравствуй, свиное ушко! отвѣчалъ цыганенокъ.

— «Какъ поживаешь, Жале?» продолжалъ льстивый еврей.

— Хорошо, твоими молитвами: скачу, пою и щиплю твою братью жидковъ, когда попадутся. Ты каково поживаешь? все-ли по прежнему обманываешь простаковъ и копишь золото?

— «По прежнему, отвѣчалъ жидъ съ притворнымъ простосердечіемъ и какъ бы не вслушавшись. Пожалуйста, Жале, доложи обо мнѣ пану повѣтовому судьѣ».

— Ему не до тебя, у него теперь гости.

— «Крайне важное дѣло, не терпящее отсрочки».

— Вѣрно векселя, которымъ минули сроки, или покупщикъ, не заплатившій денегъ?

— «Что тебѣ до этого; твое дѣло доложить».

— Такъ потерпи-жъ, пока пану будетъ время. Постой здѣсь: вы привыкли стоять безъ шапокъ на дворѣ во всякую погоду, а теперь еще не зима.

Сколько жидъ не упрашивалъ, но цыганенокъ только вертѣлся вокругъ его, дразнилъ, подергивалъ его за длинные рыжіе песики и за полы платья и дѣлалъ ему разныя проказы.

— «Душа моя, Жале! перестань и пойди докладывать; я не даромъ прошу тебя»....

Тутъ еврей со вздохомъ вынулъ изъ-подъ полы небольшой изношенный кошелекъ и началъ дрожащею рукою вытаскивать одну по одной мелкія серебряныя монеты, какъ будто боясь обсчитаться. Но рѣзвый цыганъ не далъ ему кончить: подбѣжалъ, подставилъ

руку и вытряхнувъ въ нее всѣ деньги изъ кошелька, пустился отъ жида во всю прыть.

— «Стой! я закричу гвальтъ, надѣлаю шуму, стану стучаться въ двери! панъ судья не дастъ меня въ обиду».

— А если я доложу ему о тебѣ, будутъ-ли эти деньги мои?

— «Твои, твои! только скорѣе».

Цыганенокъ опрометью бросился на крыльцо, вошолъ въ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ сказать жиду, что судья его ожидаетъ.

— «Что тебѣ надобно, еврей?» сказалъ панъ Ладовичъ, когда жидъ кончилъ низкіе, почти земные, свои поклоны.

— Ваша ясно-вельможность! я имѣю вамъ донести о важной тайнѣ,—отвѣчалъ жидъ, оглядываясь на стоявшаго тутъ цыганенка.

— «Такъ ступай за мною», сказалъ судья, ввелъ его въ небольшую боковую комнату и притворилъ дверь.

Цыганенокъ, по свойственному лѣтамъ и породѣ его любопытству, а можетъ быть по какимъ-либо догадкамъ,—приставилъ къ двери внимательное ухо, навыкшее слышать издалека, и не отходилъ прочь, пока не кончился разговоръ. Тогда онъ на цыпочкахъ отошолъ и сталъ на прежнее мѣсто.

Судья пошолъ къ гостямъ своимъ, а жидъ отправился домой, отвѣсивъ снова нѣсколько поклоновъ. Цыганенокъ выбѣжалъ за нимъ на улицу.

— Послушай, Гершко! ты купилъ меня своимъ подаркомъ, и я хочу тебѣ отплатить по пріятельски. Тамъ, надъ Эсманью, остановились обозомъ знакомые мнѣ купцы; они дешево продаютъ разныя шолковые товары и другія вещи: видно провезли ихъ по твоему — безъ пошлины. Я давно уже хотѣлъ удружить доброму человѣку: благо, что ты мнѣ первый попался.

— «Спасибо, спасибо за пріязнь! а какъ ихъ отыскать?

— Не мудрено: они стали надъ яромъ вправѣ отъ большой дороги, подъ лѣскомъ. Только поспѣши, чтобъ они всего не распродали; они для того и въ городъ не въѣзжаютъ, что хотятъ сбыть съ рукъ все лишнее.

— «Сегодня-же, хоть и поздно, отправлюсь туда.... Прощай!»

Жидъ пошолъ скорыми шагами; а цыганенокъ лукаво покачалъ вслѣдъ ему головою, посмотрѣлъ во всѣ стороны, прокрался въ боковой переулокъ и подалъ знакъ свисткомъ.

На свистъ его выказался изъ-за забора высокій и сухой цыганъ свирѣпаго вида.

— «Зачѣмъ зовешь меня?» сказалъ онъ отрывистымъ голосомъ.

— Понура! не тратя ни минуты — на коня и скачи въ таборъ.

гайдамаковъ; скажи тамъ, что жидъ Гершко донесъ повѣтовому судьѣ о Гаркушѣ и далъ его примѣты; что сейчасъ пошлется за нимъ погоня; скажи, что я спровадилъ Гершка къ нимъ въ таборъ за товарами; пусть сладятъ съ нимъ, какъ знаютъ. Оттуда опрометью ступай по слѣдамъ Гаркуши и дай ему осторогу...

— «Славно! ты добрый малый, не выдаешь своихъ. Мы не даромъ тебя продали пану Ладовичу»....

— Тсь! слышится шумъ... Прокрадься отсюда, хоть на четверенькахъ—и давай Богъ ноги!—Съ этими словами, молодой цыганъ исчезъ.

Онъ вошолъ въ свѣтлицу, или гостиную комнату судьи, какъ такое лицо въ домѣ, которому за его даръ увеселять, многое было позволено, и которое позволяло себѣ еще больше.

Въ гостиной было тогда очень шумно. Гайдамакъ и его дерзкое появленіе сдѣлались предметомъ общаго разговора. Судья, подсудокъ, подкоморій и возный, уже разославшіе гонцовъ по разнымъ дорогамъ для задержанія Гаркуши,—теперь, отошедши въ сторону, совѣщались о мѣрахъ, которыя должно было принять для безопасности города и повѣта отъ набѣговъ безстрашной шайки удальцовъ. Прочіе гости всѣ толковали разное, и всѣ объ одномъ.

— «Давно не было вѣсти о гайдамакѣ, говорилъ отставной сотникъ Чеповичъ: слухъ о немъ было призамолкъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ за Лубнами ограбилъ богатаго и скупаго пана Нехворощу и надѣлилъ одного бѣднаго козака» [1])...

— Извините, перервалъ рѣчь его войсковой писарь Потяга: давно-ли всѣ жужжали, что Гаркуша на Украйнѣ обобралъ до нитки тучную ростовщицу Цвинтаревичку и въ добавокъ сдѣлалъ ей сильное поученіе нагайками за то, что она прогнала изъ дому простака своего мужа?

— «Это жужжало только у васъ въ ушахъ, г. войсковой писарь, отвѣчалъ ему Чеповичъ; носился слухъ, что гайдамакъ послѣ ушолъ за *Кіевъ*»...

Споръ загорѣлся; колкости съ обѣихъ сторонъ посыпались градомъ, и, какъ водится въ большихъ собраніяхъ, одни поджигали спорщиковъ, другіе принимали ихъ сторону, всѣ шумѣли. Но миролюбивый хозяинъ, предвидя непріятный конецъ спора, заклялъ бурю: онъ ввелъ въ гостиную слѣпца-бандуриста, давно уже въ передней ожидавшаго, когда его позовутъ, и вѣжливо пригласилъ гостей своихъ послушать веселыхъ дѣдовскихъ пѣсенъ и стародавнихъ былей.

Безъискуственная игра на многострунной бандурѣ и звучный, пол-

[1]) Козаками въ Малороссіи называются и теперь всѣ казенные крестьяне. Въ Слободско-Украинской губерніи носятъ они имя казенныхъ обывателей.
О. С.

ный, хотя необработанный голосъ слѣпаго пѣвца, попеременно унывные и веселые напѣвы малороссійскихъ пѣсенъ,—нравились неизбалованному слуху земляковъ его, страстныхъ къ музыкѣ, одаренныхъ вѣрнымъ ухомъ и впивающихъ съ чистымъ воздухомъ родины способность и склонность къ пѣнію. Вдругъ вѣщій слѣпецъ перемѣнилъ строй: пальцы его медленно и торжественно перебѣгали по звонкимъ струнамъ бандуры; онъ молчалъ еще, но вниманіе всѣхъ было приготовлено; жадный слухъ ловилъ уже въ знакомыхъ звукахъ близкіе сердцу напѣвы и предугадывалъ смыслъ самой пѣсни [1].

Нѣсколько минутъ онъ молча прелюдировалъ; наконецъ запѣлъ, или лучше, заговорилъ по музыкѣ слѣдующія слова:

Зъ низу Днѣпра тихій вѣтръ вѣе, повѣвае;
Війско козацько въ походъ выступае:
Тилько Богъ святый знае,
Що Хмѣльницкій думае, гадае.
О тимъ не знали ни сотники,
Ни атаманы куринныи, ни повковники;
Тилько Богъ святый знае,
Що Хмѣльницкій думае, гадае!

Пѣвецъ повѣствовалъ о быстромъ набѣгѣ гетмана Хмѣльницкаго на союзную Польшѣ Молдавію, о страхѣ и жалобахъ ея господаря Василія Липулы, о робкомъ бѣгствѣ ляховъ изъ Сочавы, и заключилъ пѣснь свою обращеніемъ къ славѣ гетманщины [2].

Въ той часъ була честь, слава,
Войскова справа!
Сама себе на смихъ не давала,
Неприятеля пидъ ноги топтала.

Громкіе знаки одобренія и восторга раздались по свѣтлицѣ. Между ними прорывались и вздохи на память старой гетманщинѣ, временамъ Хмѣльницкаго, временамъ истинно-героическимъ, когда развившаяся жизнь народа была въ полномъ соку своемъ, когда закаленные въ бояхъ и взросшіе на ратномъ полѣ козаки бодро и весело бились съ многочисленными и разноплеменными врагами, и всѣхъ ихъ побѣдили; когда Малороссія почувствовала сладость свободы и самобытности народной, и сбросила съ себя иго вѣроломнаго утѣснителя, обѣщавшаго ей равенство правъ, но тяжкимъ опытомъ доказавшаго, что горе покореннымъ!

---

[1] Музыка старинныхъ, такъ называемыхъ бандурныхъ, малороссійскихъ пѣсенъ идетъ аккомпаниментомъ, самыя пѣсни поются речитативомъ. Ихъ начинаютъ прелюдіей, или интродукціей на бандурѣ.

[2] Малороссія, управлявшаяся тогда гетманами, называлась отъ жителей гетманщиною. О. С.

ГЛАВА III.

«.....Уси звизды потмарыло,
Половину ясности мисяця заступыло;
Зъ чорной хмары
Буйные витры вставалы.
Старинная малороссійская пѣсня.

Дулъ сильный холодный вѣтеръ; дождливыя облака разносились по небосклону; луна то выплывала изъ-за тучъ, то пряталась за мрачными ихъ грядами. Въ это время жидъ Гершко шолъ одинокъ по дорогѣ: онъ часто останавливался, вслушивался въ вой вѣтра и шелестъ желтыхъ осеннихъ листьевъ, падавшихъ на землю и крутившихся вихремъ по дорогѣ; робѣя при малѣйшемъ шорохѣ, онъ готовъ былъ затаиться въ глуши. Но такъ сильна въ евреѣ страсть къ прибытку, что онъ пошолъ бы на явную опасность, если бы зналъ, что, избѣгнувъ ея, получитъ барышъ. Изъ бережливости или по благоразумію, Гершко надѣлъ самое ветхое платье, и по тому же благоразумію взялъ съ собою денегъ очень немного, въ надеждѣ, что сторговавшись съ купцами за товаръ и давъ имъ задатокъ, уговоритъ ихъ принять остальную плату въ условленномъ мѣстѣ.

Въ таборѣ его ждали. Шайка кочевала при дубровѣ, въ мѣстѣ пустынномъ, надъ глубокимъ, крутымъ оврагомъ, примыкавшимъ къ самому берегу Эсмани. Гайдамаки, отогнавъ воловъ на пастбище, сдѣлали изъ возовъ своихъ родъ стана или каре и обвѣшали ихъ непроницаемыми для взора полстями, чтобы любопытному прохожему не видно было, что дѣлается внутри табора. Чтобъ еще болѣе отклонить подозрѣнія, часть гайдамаковъ была одѣта чумаками, другая русскими купцами, у которыхъ будто бы первые нанялись везти товары на ярмарку. Сторожевые стояли повсюду: по дорогѣ, надъ оврагомъ, по берегу Эсмани и по опушкѣ лѣса. Внутри табора, гайдамаки подѣлились на кружки: одни старались въ винѣ затопить воспоминаніе грозившей имъ и атаману ихъ опасности, другіе, самые беззаботные, курили табакъ и играли въ кости и карты; но самые заботливые разсуждали, какъ избыть бѣды и спасти атамана. Кони ихъ были уже готовы въ ближнемъ лѣсу; таборомъ они не дорожили: тѣмъ, что было навьючено на коняхъ, моглибъ они скупить всѣ чумацкіе обозы въ Малороссіи.

— Вотъ вамъ честный еврей, который спрашивалъ у меня русскихъ купцовъ надъ Эсманью,—сказалъ гайдамакъ, стороживш͏ій на большой дорогѣ, ведя за собою Гершка, который кланялся сложа руки на грудь и бросая недовѣрчивые взгляды.

Какъ рой шмелей, гайдамаки сыпнули къ нему со всѣхъ сторонъ.

— Узнаешь-ли меня, землякъ? сказалъ ему выкрестъ [1]) Лемешъ: я хочу на тебѣ доказать благодарность свою тебѣ и всему бердичевскому еврейскому обществу. По милости вашей — я крестился, и по вашей же милости, бѣдный Лейба теперь въ честной компаніи.

— «Святые праотцы! вскричалъ несчастный Гершка, предвидя ўчасть, его ожидавшую, и разгадавъ, въ какія сѣти завлекъ его коварный цыганенокъ».

— Не до праотцевъ, а до нашего отца атамана! закричали ему многіе голоса: сказывай, злодѣй, что съ нимъ сдѣлалось?

— «Что хотите, честные господа! хоть замучьте меня—не знаю».

— Запираться не время: мы сами не меньше тебя знаемъ, что ты продалъ Гаркушу повѣтовому начальству, что за нимъ разосланы поиски. Если ты не знаешь, гдѣ онъ теперь—то для тебя же хуже.

— «Какъ Богъ святъ, не знаю!»

— Ну, дѣлать нечего, товарищи, сказалъ гайдамакъ Несувидъ, занимавшій должность атамана въ его отсутствіе: приговаривайте, какую казнь положить ему за измѣну.

— «Прежде всего, подхватилъ Лемешъ, поджарить его какъ тарань, на тихомъ огнѣ, и допросить, гдѣ онъ упряталъ дорогія вещи, данныя ему атаманомъ на продажу».

— Досугъ толковать о такой бездѣлицѣ, когда дѣло идетъ о жизни Гаркуши! видно, ты и теперь еще такой-же жидъ: у тебя все для золота.... Товарищи! къ голосамъ.

— «Повѣсить его на осинѣ: на ней и братъ его Іуда повѣсился», сказалъ одинъ гайдамакъ.

— Отдайте его мнѣ, перебилъ цыганъ Паливода: я расплющу его молотомъ на наковальнѣ глаже, чѣмъ онъ расплющивалъ мѣдные кружки для фальшивыхъ червонцевъ.

Злобный смѣхъ раздался во всей шайкѣ; бѣдный Гершко былъ ни живъ, ни мертвъ: холодный потъ проступалъ по всему его тѣлу; всѣ члены были въ судорожной лихорадкѣ.

— Не лучше-ли,—подалъ свой голосъ гайдамакъ Товпега,—кончить съ нимъ безъ затѣй: Эсмань близко, жерновъ у насъ есть.... Пустимъ его грѣться по мѣсяцу [2]).

Предложеніе принято, жерновъ прикаченъ и крѣпкою веревкою привязанъ къ шеѣ несчастнаго жида; его потащили къ берегу и покатили за нимъ жерновъ. Тогда, вдругъ вышедъ изъ безчувствія и

[1]) Имя, которое въ Украйнѣ даютъ крестившимся евреямъ.

[2]) Народное повѣрье въ Малороссіи, что утопленники выходятъ въ лунныя ночи изъ воды и грѣются на лучахъ луны. Отъ сего луна въ Малороссіи называется у суевѣрныхъ поселянъ — солнцемъ утопленниковъ.

О. С.

видя, что ни просьбы, ни слезы не помогутъ и не смягчатъ злодѣевъ,—закричалъ онъ жалкимъ пронзительнымъ голосомъ, раздиравшимъ душу и возвѣщавшимъ послѣднее, отчаянное усиліе существа, разстающагося съ жизнію.

Вѣтеръ разносилъ вопли еврея. Луна вышла изъ-зъ облакъ и въ *полномъ* сіяніи катилась по темно-синей тверди. Въ это время старецъ Питиримъ, инокъ N***скаго монастыря, ходившій навѣщать больнаго въ одномъ отдаленномъ хуторѣ, возвращался береговою тропинкою въ смиренную свою обитель. Голосъ погибающаго человѣка проникъ ему въ сердце, и онъ поспѣшилъ на помощь, забывъ свою старость и слабосиліе, забывъ, что самъ можетъ сдѣлаться жертвою христіанскаго сострадания. Онъ увидѣлъ свирѣпыя лица и звѣрскую *радость* гайдамаковъ, увидѣлъ жалкаго иновѣрца—и ревность къ добру придала ему крылья.

— Стой! закричали разбойники: руку на ножъ!

Но старецъ Питиримъ не робко подошолъ къ нимъ, и гайдамаки, изъ невольнаго уваженія къ его сану и лѣтамъ, остановились. Тогда инокъ началъ свое увѣщаніе, представилъ имъ всю важность преступленія и гнѣвъ Небесный, постигающій убійцъ.

— «Безумцы, заключилъ онъ рѣчь свою: кто далъ вамъ право разрушать превосходнѣйшій даръ Божества—жизнь человѣческую? Кто далъ вамъ право быть судіями чужихъ поступковъ, когда карающій мечь правосудія виситъ уже надъ преступными вашими головами, и муки ада, стократъ лютѣйшія всѣхъ терзаній тѣлесныхъ—ждутъ васъ послѣ безчестной смерти отъ руки палача?»...

Гайдамаки, въ которыхъ вдохновенное краснорѣчіе старца минутно пробудило совѣсть, поникнули головами, не смѣли поднять на него глазъ, и опустя руки, стояли въ нерѣшительности. Бѣдный Гершко, чувствуя, что его не держатъ, упалъ къ ногамъ монаха, обнималъ его колѣна, стиралъ лицемъ пыль съ его ногъ и заклиналъ спасти ему жизнь.

— Я сдѣлаюсь христіаниномъ, говорилъ онъ съ плачемъ; отдамъ на вашъ монастырь все.... все, что имѣю, очень не много: нѣсколько серебряныхъ монетъ....

Инокъ, не могши побѣдить внутренняго презрѣнія къ человѣку, въ которомъ корыстныя склонности пересиливали даже мысль о самохраненіи, невольно отвратилъ отъ него лицо свое.

— Честный отецъ! иди своею дорогою, сказалъ тогда суровый Несувидъ. Мы знаемъ, на что рѣшились—знаемъ, къ чему осуждаемся на томъ и на этомъ свѣтѣ. Но еслибъ однимъ волосомъ сего негодяя могли искупить свою жизнь или души, то и тогда бы не миновать ему петли и песчанаго дна Эсманскаго.... Товарищи! дружнѣй за работу.

Монахъ вздрогнулъ отъ словъ закоснѣлаго злодѣя. Между тѣмъ одни изъ гайдамаковъ принялись раскачивать жида, другіе жерновъ, чтобъ лучше и далѣ бросить ихъ отъ берега. Отчаянный вой несчастливца перерывался быстротою и силою качки. Монахъ стоялъ, какъ въ онѣмѣніи, возведя глаза и воздѣвъ руки къ небу. Крикъ бѣдной жертвы мщенія терзалъ его душу: и вдругъ крикъ умолкъ — вода расплеснулась и скрыла свою добычу.

ГЛАВА IV.

«На коняхъ ихали чинненько,
За люлёкъ тютюнъ тягли смачненько, —
А хто на коникy, кунявъ».

Котляревскій.

Утро было ясно и свѣжо. Разсыльные козаки и понятые ѣхали по Глуховской дорогѣ отъ Путивля и везли въ серединѣ человѣка, у котораго руки и ноги были связаны. Казалось однакожъ, что бодрость и надежда не совсѣмъ его покинули: онъ весело разговаривалъ съ окружавшими, шутилъ съ ними, разсказывалъ были и небылицы и приковывалъ жадное ихъ вниманіе умнымъ и живымъ своимъ разговоромъ.

— Молодецъ! весельчакъ! нечего сказать: скрученъ, какъ теленокъ, котораго везутъ на убой,—а все не унываетъ!

— «Мнѣ все не вѣрится, чтобъ это былъ Гаркуша; посмотри: человѣкъ, какъ человѣкъ, нѣтъ семи пядей во лбу!»

Такъ разговаривали двое изъ понятыхъ, ѣхавшіе позади.

— «Да какъ его поймали?» продолжалъ послѣдній.

— На всякаго мудреца много простоты. Вотъ видишь, у него было похоронище, въ глухомъ мѣстѣ, надъ Сеймомъ, близь Клепала; тамъ онъ пряталъ награбленныя имъ богатства. Вчерась, когда удалый королевецкій разсыльный козакъ Моторный слѣдилъ за нимъ съ четырьмя своими товарищами, замѣтили они, что гайдамакъ пробирается къ тому мѣсту. Они видѣли, какъ онъ сошолъ съ коня, и сами оставя лошадей за ивнякомъ, почти ползкомъ прокрались къ кустарнику, за которымъ Гаркуша, отыскавъ заступъ, началъ разрывать землю. Вдругъ они на него бросились, и не давъ опомниться, свалили съ ногъ, связали ему руки и ноги, завязали ротъ, прикрутили молодца къ сѣдлу его же коня и вскачь пустились съ нимъ къ селенію за понятыми. Остальное ты знаешь.

Конвой между тѣмъ приближался къ Клевенскому перевозу. Сквозь просѣки пріятной рощицы, видны были вдали, на высокомъ прелест-

номъ мѣстѣ, большой помѣщичій домъ и куполъ церкви села В***на; внизу текла излучинами быстрая Клевень, сливающая воды свои съ Эсманью; по долинѣ, за тундрами и сагами [1]), мелькали купы деревъ, хутора и мельницы. Узникъ, казалось, любовался видами и любопытно разспрашивалъ о всемъ своихъ проводниковъ; въ такихъ разговорахъ подъѣхали они къ перевозу.

Паромъ былъ уже готовъ. Козаки и понятые взвели на него гайдамака, поставили усталыхъ коней своихъ къ одной сторонѣ и столпились вокругъ плѣнника. Только ретивый конь Гаркуши, не зная устали, билъ отъ нетерпѣнія въ доски копытами и, казалось, хотѣлъ пуститься вплавь къ другому берегу. Къ нему приставили одного изъ понятыхъ и велѣли крѣпко держать за повода.

Гайдамакъ окинулъ бѣглымъ взоромъ своихъ спутниковъ; потомъ, устремя глаза на крутыя горы противуположнаго берега Клевени, сказалъ:

— «Кажется, тамъ, за этими горами, влѣво есть селеніе надъ Эсманью.... не могу вспомнить его имени. Покойный дѣдъ мой былъ родомъ изъ здѣшней стороны и часто разсказывалъ намъ, ребятамъ, страшную быль объ этомъ селеніи».

— Какую? спросили въ одинъ голосъ вожатые, увлеченные любопытствомъ и уже прежде заохоченные искустными его разсказами.

— «Хорошо вамъ, друзья, слушать на свободѣ! у меня гортань пересохла отъ жажды, а руки и ноги затекли кровью отъ вашихъ верёвокъ».

— Въ самомъ дѣлѣ, братцы, къ чему его мучить безъ нужды? Паромъ теперь отчалилъ, насъ здѣсь человѣкъ сорокъ, уйти ему нельзя. Развяжемъ ему руки и ноги, пока на срединѣ рѣки; а начнемъ приставать къ берегу, тогда пусть не погнѣвается, опять опутаемъ молодца по прежнему.

Такъ говорилъ одинъ козакъ и товарищи охотно его послушались. Въ наружности и рѣчахъ Гаркуши было нѣчто такое, что вожатые, при всёмъ убѣжденіи въ его преступленіяхъ, почувствовали къ нему невольное доброхотство. Они совершенно потеряли суевѣрный страхъ, который на малороссіянъ наводило одно его имя.

Руки и ноги гайдамака уже свободны; ему поднесли полную кружку вина, которую онъ выпилъ «за здоровье братьевъ земляковъ». Тогда всѣ приступили къ нему, прося разсказать страшную быль, и онъ началъ:

— «Давно, не за нашею памятью, селеніе, о которомъ я говорилъ,

---

[1]) Сага—малороссійское слово, означающее заливъ рѣки.

было за другими панами. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ чудный: не ходилъ въ церковь Божію, чуждался людей, считалъ звѣзды ночью, собиралъ росу на зарѣ и папоротниковый цвѣтъ подъ Ивановъ день. Никто не зналъ, какою смертью онъ умеръ и гдѣ погребёнъ; только видѣли, что въ ту ночь, какъ его не стало, огненный клубъ прокатился надъ селеніемъ и разсыпался искрами надъ самымъ домомъ панскимъ. Домъ сгорѣлъ до тла, а съ нимъ и всё, что въ немъ было. Вотъ, спустя малое время, начали дѣлаться дѣла небывалыя и неслыханныя. Каждый день, и въ самую полуденную пору, при ясной погодѣ, вдругъ набѣгутъ облака и застелютъ солнце, подымется пыль столбомъ по дорогѣ, и сквозь пыль видали тѣ, кого Богъ не миловалъ отъ такого видѣнья, что Старый Панъ (какъ его называли) вихремъ пронесется по селу въ старинномъ рыдванѣ [1]), шестеркою черныхъ какъ смоль коней, которые пѣнясь и сарпая и бросая искры изъ глазъ, на четверть не дотрогивались до земли. Кучера и лакеи сидѣли на своихъ мѣстахъ, какъ окаменѣлые, въ бѣлыхъ саванахъ, съ блѣдными лицами, со впалыми глазами, — словно теперь только вырыты изъ могилъ. Въ одинъ день........»

Въ эту минуту паромъ приставалъ къ берегу; нѣкоторые изъ провожатыхъ сидѣли на помостѣ съ полурастворенными ртами и жадно ловили каждое слово; у однихъ волосъ становился дыбомъ, у другихъ лица вытягивались отъ ужаса; державшій коня гайдамакова опустилъ руку съ поводомъ и стоялъ, какъ вкопаный. Вдругъ Гаркуша однимъ прыжкомъ черезъ сидѣвшихъ выскочилъ изъ круга, столкнулъ въ воду оплошнаго надзирателя за конемъ, вспрыгнулъ въ стремена, перескочилъ разстояніе, отдѣлявшее паромъ отъ пристани, и стрѣлою полетѣлъ на крутизну. На самомъ гребнѣ придержалъ онъ коня, махнулъ шапкою своимъ сторожамъ и вскликнувъ: «Спасибо, земляки, за ласку!» исчезъ за склономъ горы.—Человѣкъ это—или бѣсъ? разсуждали провожатые, опустя головы и еще не опомнившись отъ столь внезапнаго побѣга. Развѣ мы не знали, что онъ водится съ нечистою силою! какъ онъ насъ обморочилъ......»

Долго стояли они на паромѣ, не зная, что начать и не смѣя взглянуть другъ на друга.

Сомовъ.

КОНЕЦЪ «ЗВѢЗДОЧКИ» НА 1826 Г.

---

[1]) Такъ малороссіяне называютъ карету или старинный берлинъ.

ДНЕВНИКЪ ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

1831—1846 гг.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ — сынъ извѣстнаго въ эпоху Екатерины II агронома и перваго, по времени, директора Павловска — имѣнія великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Өеодоровны — род. въ 1797 г., воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ въ одно время съ А. С. Пушкинымъ, бар. Дельвигомъ и друг. ихъ товарищами; былъ преподавателемъ словесности, журналистомъ, поэтомъ и всегда всѣми любимымъ за его прекраснодушіе человѣкомъ. Участіе въ декабрьской смутѣ ввергло его въ темницу, въ которой онъ пробылъ съ января 1826-го года по декабрь 1835 г., откуда выпущенъ въ Сибирь на поселеніе, гдѣ и скончался 11 августа 1846-го года въ Тобольскѣ.

Кюхельбекеръ былъ человѣкъ весьма образованный, прекрасно владѣлъ иностранными языками, отлично былъ знакомъ съ европейскими литературами и страстно любилъ занятія словесностью. Онъ не измѣнилъ этой страсти и во время десятилѣтняго своего заточенія въ разныхъ крѣпостяхъ: съ 26 янв. по 25 іюля 1826 г. въ Петропавловской, затѣмъ въ Шлиссельбургской, потомъ три съ половиною года въ Динабургской и съ 15 апрѣля 1831 г. въ Ревельской цитадели. Здѣсь, съ 25 апрѣля 1831 г., Кюхельбекеру разрѣшено было вести дневникъ на прошнурованныхъ и скрѣпленныхъ комендантомъ тетрадяхъ. Этотъ дневникъ сдѣлался другомъ-утѣшителемъ узника. Онъ изливалъ въ него и горе, и радость, а главное — дѣлился въ немъ съ будущими своими читателями своими мыслями по поводу прочитанныхъ въ тюрьмѣ книгъ и нумеровъ старыхъ журналовъ.

7-го октября 1831 г. Кюхельбекеръ переведенъ въ Свеаборгскую крѣпость. И здѣсь, какъ въ Ревелѣ и въ Динабургѣ, онъ нашелъ добрыхъ людей: ему было дозволено продолжать свой дневникъ, окончательно сдѣлавшійся

его другомъ и собесѣдникомъ, получать и читать книги, гулять по плацформѣ. Еще въ Шлиссельбургскомъ казаматѣ нашъ поэтъ и писатель изучилъ англійскій языкъ, въ Ревельской тюрьмѣ читалъ уже Шекспира въ подлинникѣ, въ Свеаборгѣ переводилъ его произведенія. За Свеаборгскими затворами Кюхельбекеръ изучилъ древне-греческій языкъ и многократно прочелъ Иліаду въ подлинникѣ...

Тюремный дневникъ Кюхельбекера—памятникъ чисто литературный; онъ интересенъ по записямъ въ немъ писателя, такъ сказать, чистой крови, исключительно и свято любившаго словесность и много для нея потрудившагося въ стихахъ и въ прозѣ, въ произведеніяхъ оригинальныхъ и переводныхъ. Историкъ подробной отечественной словесности конечно не обойдетъ молчаніемъ В. К. Кюхельбекера.

Въ 1870 г., при самомъ началѣ изданія „Русская Старина", въ числѣ многихъ другихъ историческихъ и историко-литературныхъ матеріаловъ, поступили къ намъ и бумаги В. К. Кюхельбекера.

Онѣ намъ переданы его дѣтьми: единственнымъ, нынѣ уже покойнымъ, сыномъ поэта—Михаиломъ Вильгельмовичемъ Кюхельбекеромъ (до манифеста 1856 г. носившаго фамилію Васильевъ), и дочерью Кюхельбекера—Юстиною Вильгельмовною, въ замужествѣ г-жа Косова.

Изъ этихъ бумагъ помѣщены на стр. „Русской Старины":

I. Лицейская годовщина 1837 г., стихотвореніе В. К. Кюхельбекера съ біографическою о немъ замѣткою. „Русская Старина" изд. 1870 г., третье изд., томъ I, стр. 569—570.

II. Біографія В. К. Кюхельбекера и его переписка.—„Русская Старина" изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 333—380.

III. Дневникъ В. К. Кюхельбекера съ 17-го декабря 1831 г. по 29-е марта 1833 г.—„Русская Старина" изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 490—531; томъ XIV, стр. 75—91.

IV. Поэма въ стихахъ В. К. Кюхельбекера: „Вѣчный Жидъ"—„Русская Старина" изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 403—462.

Приступая къ продолженію печатанія дневника В. К. Кюхельбекера съ апрѣля мѣсяца 1833 г., считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы печатаемъ изъ него лишь отрывки и именно тѣ замѣтки поэта-узника, которыя, въ какомъ-либо отношеніи, имѣютъ интересъ и значеніе или по отношенію къ его біографіи, или къ жизни и характеристикѣ прочихъ писателей, или, наконецъ, какъ выраженіе взглядовъ его на тѣ или другія явленія въ области произведеній науки и литературы.

Ред.

Дневникъ В. К. Кюхельбекера.

«Когда меня не будетъ, а останутся эти отголоски чувствъ моихъ и думъ,—быть можетъ, найдутся же люди, которые, прочитавъ ихъ, скажутъ: «Онъ былъ человѣкъ не безъ дарованій;—счастливъ буду, если примолвятъ:—и не безъ души».

В. К. Кюхельбекеръ (Дневникъ, 18 августа 1834 г.).

V [1]).

Въ Свеаборгской крѣпости.

Шекспиръ.—„Сынъ Отечества" 1812—1814 гг.—Письма Ивана Муравьева-Апостола.—Баллада Катенина.—Истинное просвѣщенье.—Седьмая годовщина заключенья. — Поэтъ Шатровъ. — Батюшковъ. — Шихматовъ.—А. Е. Измайловъ.—Грибоѣдовъ. — Олинъ.—Туманскій.—В. Н. Каразинъ.—Русское стихосложеніе.—„Сынъ Отечества" 1818—1820 гг.—Карамзинъ и первые томы его исторіи. — Сказка Еруслань Лазаревичъ. — Капнистъ.—Гнѣдичъ.—Дума Рылѣева.—Кайдановъ.—Историческія статьи С. Русова.—Общій идеалъ красоты.

АПРѢЛЬ — ДЕКАБРЬ

1833 г.

2-го апрѣля.

Прочелъ въ Лютеровомъ переводѣ послѣднія 12 главъ Дѣяній Апостольскихъ, которыя началъ еще вчера.

6-го апрѣля.

Конечно языки первобытные, каковы наприм. нашъ Славяно-Русскій, пользуются множествомъ преимуществъ передъ языками, составленными изъ обломковъ другихъ. Но и послѣднимъ предоставлены нѣкоторыя выгоды, которыхъ лишены первые. Англійскіе puns въ родѣ тѣхъ, которыми добрый Догберри угощаетъ своихъ слушателей (въ Much ado about nothing)—невозможны на русскомъ, а между тѣмъ крайне забавны.

7-го апрѣля.

Усталъ, а главное что-то не здоровится — ломитъ грудь, болитъ плечо.

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр 333—382, 490—531; томъ XIV, стр. 75—91.

8-го апрѣля.

На дняхъ прочелъ я Скотта: «The Search after Happiness». (аллегорическую сказку) и «The Roacher» (характеристическій отрывокъ). Въ обѣихъ піэсахъ онъ заходитъ во владѣнія добраго Краббе, но въ обѣихъ далеко отъ него отстаетъ.—Вотъ что значитъ: приниматься не за свое!

11-го апрѣля.

Прекратился для меня «Вѣстникъ Европы»: каковъ бы онъ ни былъ, а читалъ я его часто съ удовольствіемъ. Вмѣсто него получилъ я 3-й томъ Далиновой Шведской Исторіи.

13-го апрѣля.

Въ «Вѣстникѣ» читалъ я толки о такъ называемыхъ Корсунскихъ воротахъ въ Новѣгородѣ. Далинъ говоритъ, что эти ворота собственно назывались Сартунскими, т. е. Сигтунскими и похищены русскими удальцами въ соединеніи съ Чудью (Эстами), Карелою, Ижорою и Курляндскими латышами въ 1188 году при набѣгѣ на Швецію, въ которой они совершенно раззорили Сигтуну, древнюю столицу Скандинавіи. Царствовалъ тогда Канутъ, сынъ св. Эрика.

15-го апрѣля.

Вотъ и два года съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Д. [1]), мѣсто, гдѣ я прожилъ три года шесть мѣсяцевъ.

Такой продолжительной зимы, какъ нынѣ, я еще не запомню. По заливу еще ѣздятъ: снѣгъ идетъ; морозу нѣтъ, но довольно еще холодно. Дай Богъ, чтобъ эта зима оказала благотворное дѣйствіе на наше отечество и наконецъ истребила сѣмена несчастной болѣзни, свирѣпствовавшей въ Россіи слишкомъ два года!

18-го апрѣля.

Въ Шекспирѣ удивительно соединеніе веселости и важности, смѣха и скорби: въ этомъ-то соединеніи, кажется, и должно искать главный отличительный признакъ юмора, и посему-то Шекспиръ, безъ сомнѣнія, первый юмористъ, юмористъ, съ которымъ ни одинъ другой сравниться не можетъ. Кромѣ Taming of the Shrew у него нѣтъ комедіи, писанной для одного смѣха: въ каждой изъ прочихъ есть мѣста патетическія; а въ Much ado about nothing рѣшительно не знаешь въ чемъ поэтъ болѣе достоинъ удивленія,—въ смѣшныхъ ли сценахъ или въ тѣхъ, которыя прямо хватаютъ за сердце.

[1]) Динабургъ.

19-го апрѣля.

Никакъ не понимаю, какъ я могъ, когда тому два года назадъ читалъ въ Ревелѣ «Двухъ дворянъ Веронскихъ», отмѣтить въ дневникѣ, что это одна изъ слабыхъ піэсъ Шекспира. Помню, что прежде эта комедія была одна изъ тѣхъ, которыя мнѣ преимущественно нравились; и теперь прочелъ я три первыхъ дѣйствія съ несказаннымъ удовольствіемъ. Но въ Ревелѣ у меня болѣли зубы, а Леонато въ Much ado говоритъ очень справедливо:

«......... there was never yet philosopher
That could endure the tooth-ache patiently».

Давно бы желалось выбрать для перевода комедію Шекспира: при всѣхъ множество затрудненій другаго рода, нежели какія попадаются въ его трагедіяхъ; послѣднія побѣждать я нѣсколько уже привыкъ, но тѣ, что попадаются въ комедіяхъ, заставятъ хоть кого задуматься. Однако же ихъ въ The two Gentlemen гораздо менѣе.

24-го апрѣля.

Сегодня я въ первый разъ прохаживался по плацъ-формѣ не въ шинели; но ледъ все еще стоитъ.

25-го апрѣля.

Вотъ и два года, какъ пишу свой дневникъ.

Кончилъ сегодня 10-ю книгу Иліады;—я ее читалъ очень лѣниво.

2-го мая.

Необыкновенное сходство между Густавомъ Вазою и нашимъ Петромъ Великимъ.

8-го мая.

Сегодня открыли у меня окно: это у меня въ году составляетъ достопримѣчательную эпоху. Теперь хочу сѣсть къ окну и напиться чистаго, свѣжаго воздуху.

10-го мая.

Заволокло душу. Надобно приняться за что-нибудь, чтобы разогнать облака. Къ несчастью ни къ чему нѣтъ охоты: и письма-то, которыя должно писать мнѣ завтра, пугаютъ меня: боюсь написать непутное. Сестрѣ отвѣчалъ я ужъ вчера: но почти желаю, чтобъ она не получила моего отвѣта.

11-го мая.

Очень справедливо говоритъ Рейнгардъ о людяхъ, которыхъ всѣ мысли и желанія ограничиваются здѣшнимъ міромъ: «самое ихъ мнимое благочестіе ничто иное, какъ родъ торгу, помощію коего надѣятся пріобрѣсти благословеніе Божіе своимъ житейскимъ занятіямъ и ремесламъ».

18-го мая.

Вотъ предметъ для баллады въ родѣ Шиллеровой Der Handschuh: въ 1594 году, при коронованіи короля Сигизмунда, было въ Упсалѣ рыцарское ристалище, на которомъ шведка, переодѣтая въ мужское платье, сбила съ сѣдла поляка, вызывавшаго всѣхъ съ нимъ сразиться; потомъ она сняла шлемъ и распустила свои длинные волосы.

20-го мая.

„По утру плачетъ человѣкъ,
А въ вечеръ въ радости смѣется".

Сегодня я испыталъ всю истину этихъ стиховъ: мнѣ до самаго обѣда и часа два и послѣ обѣда было очень грустно; мнѣ даже вспалъ на умъ вопросъ такой, котораго бы послѣ стольких опытовъ и размышленій отъ самого себя не ожидалъ—да проститъ мнѣ его мой милосердый Отецъ Небесный!—что же? Прочелъ я четыре повѣсти Пушкина (пятую оставляю pour la bonne bouche на завтрашній день)—и, читая послѣднюю, уже могъ отъ добраго сердца смѣяться. Желалъ бы я, чтобъ объ этомъ узналъ когда-нибудь мой товарищъ; ему вѣрно было бы пріятно слышать, что произведенія его игриваго воображенія иногда разсѣевали хандру его несчастнаго друга.

1-го іюня.

Новый мѣсяцъ.—Ниспошли мнѣ, Господи! въ сей новый мѣсяцъ новыя силы и новое терпѣніе: безъ Тебя что я? Но буди Ты силенъ во мнѣ немощномъ!

Завтра примусь опять за свои занятія и постараюсь вообразить, что все бывшее со мною съ 23-го мая (?) было только тяжелымъ сномъ, отъ котораго я наконецъ проснулся.—Боже мой! даруй мнѣ, да могу молиться Тебѣ безъ страха и лжи: «и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникамъ нашимъ!»

4-го іюня.

На сихъ дняхъ перебиралъ я «Сынъ Отечества» 1812 года и первыхъ мѣсяцевъ 1813 года; всѣ статьи тутъ, не исключая ни одной, занимательны только по времени, когда писаны: внутренняго

достоинства не имѣетъ ни одна; а между тѣмъ нельзя не признаться, что бо́льшая часть изъ нихъ совершенно соотвѣтствовала тому, чего тогда требовала публика.

6-го іюня.

Благодарю Господа! мало по малу прежній порядокъ моей жизни возстановляется. Сегодня я всталъ, какъ бывало, въ пять часовъ—и кончилъ напослѣдокъ 12-ю книгу Иліады. Въ «Сынѣ Отечества» попались мнѣ: «Письма изъ Москвы въ Нижній Новгородъ»; онѣ исполнены живости, ума, таланта; слогъ не вездѣ правильный, но лучше много правильнаго. Жаль только, что авторъ, писавшій такъ хорошо противъ пристрастья къ французамъ,—воспиталъ своихъ несчастныхъ сыновей въ Парижскомъ политехническомъ училищѣ.... Бѣдный Иванъ Матвѣевичъ! [1]).

10-го іюня.

Сегодня въ день моего рожденія былъ у меня мой ангелъ-утѣшитель—добрый, почтенный пасторъ.

15-го іюня.

И о добротѣ журналовъ должно судить, — если не потомство, (журналы не доходятъ до него), по крайней мѣрѣ слѣдующее за изданіемъ ихъ десятилѣтіе. Въ свое время первые годы «Сына Отечества» читались всѣми, были выхваляемы всѣми, всѣ ихъ ставили въ примѣръ доброму старику «Вѣстнику Европы»; а теперь?—Не должно-ли признаться, что это самое пустое изданіе?—Кромѣ Писемъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ и двухъ, трехъ басень Крылова, я до сихъ поръ не нашелъ ни одной статьи, которая бы могла сравниться и съ посредственными «Вѣстника».

16-го іюня.

У меня былъ самый Жанъ-Полевскій сонъ, въ которомъ Платонова идея о грѣхопаденіи передъ рожденіемъ представилась мнѣ въ смутныхъ, не живописныхъ, однакоже поэтическихъ образахъ: вотъ этотъ сонъ, сколько его теперь помню:

«Носился я въ какомъ-то сіяющемъ облакѣ. Чѣмъ я самъ былъ—не знаю; но, кажется, безъ тѣла и образа. Подъ облакомъ видѣлось мнѣ темное, неосвѣщенное море и вдругъ я очутился въ этомъ морѣ. Жажда томила меня и я хлѣбнулъ нечистой воды его. Тогда послышался мнѣ голосъ и спросилъ меня: не пилъ-ли ты сей воды?—Отвѣтъ

---

[1]) Муравьевъ-Апостолъ—отецъ Сергѣя, Матвѣя и Ипполита—декабристовъ.

мой былъ: «нѣтъ, я напился свѣту». (Грѣхопаденіе).—На то мнѣ было сказано: хорошо, если такъ; но если ты выпилъ воды, не было бы тебѣ впослѣдствіи за то тяжко!—Потомъ я увидѣлъ и другихъ плещущихся въ морѣ; нѣкоторые изъ нихъ держались за якорные канаты, но самихъ кораблей я не видѣлъ;—вокругъ меня былъ сумракъ—и мнѣ являлись только не большія, частыя волны моря и сіяніе, которое парило надъ моремъ. Внезапно раздался громъ—и мнѣ показалось, что послѣ этого удара я долженъ буду родиться,—но я проснулся».

Прошлаго году я не рѣшился переводить Лира; перечитываю его теперь; думаю, что можно будетъ приняться за него; онъ нынѣ показался мнѣ легче.

21-го іюня.

«Сынъ Отечества» нѣсколько сталъ занимательнѣе: въ послѣднихъ частяхъ 1814 года есть статьи, заслуживающія вниманіе. Между прочимъ отрывокъ—къ несчастію очень небольшой—Другъ честныхъ людей фонъ-Визина.

Изъ книгъ, о которыхъ говоритъ Гречъ, не худо припомнить: «Обозрѣніе книги псалмовъ, опытъ археологическій, филологическій и герменевтическій—Герасима Павскаго».

22-го іюня.

Свиньинъ вретъ и чести не знаетъ. Прошу покорно; онъ подъ подводнымъ колоколомъ прошелъ четыре версты по дну морскому!—Пробыть подъ водою столько времени, положимъ, что возможно: но какъ подъ колоколомъ пройти четыре версты!

23-го іюня.

Ѣлъ сегодня въ первый разъ землянику: это не важно, но въ моемъ бытѣ—происшествіе

Съ удовольствіемъ прочелъ я статью Батюшкова о Муравьевѣ (Мих. Ник.) и обрадовался, что встрѣтилъ въ ней конецъ стихотворенія Муравьева: Къ Музѣ. Еще въ Лицеѣ этотъ отрывокъ сильно на меня дѣйствовалъ; нынѣ онъ произвелъ на меня то же дѣйствіе, какое за двадцать лѣтъ. Не могу не выписать его:

«Ты утро дней моихъ прилежнѣй посѣщала:
Почто-жъ печальная распространилась мгла
И ясный полдень мой покрыла черной тѣнью?
Иль лавровъ по слѣдамъ твоимъ не соберу,
И въ пѣсняхъ не прейду къ другому поколѣнью,
Или я весь умру?»

25-го іюня.

Читаю Генри VIII Шекспира. Признаюсь искренно, что изо всѣхъ произведеній Шекспира это кажется мнѣ, если не самымъ слабѣйшимъ, по крайней мѣрѣ—самымъ скучнымъ Даже уродливый Титъ Андроникъ, котораго я недавно перечелъ, мнѣ болѣе по-нутру: въ Андроникѣ Шекспиръ бѣснуется, а въ Генри VIII дремлетъ. Но въ его бѣснованіи часто видѣнъ творецъ Макбета и Лира, напротивъ его дремота, въ которой конечно нѣтъ ничего чудовищнаго—и читателя почти погружаетъ въ дремоту. Истинно занимателенъ только самъ Генри и то болѣе для англичанъ, времени Якова I, нежели для насъ. Впрочемъ не дурно бы было нашего Петра изобразить въ подобной картинѣ, но съ бо̀льшею живостію.

26-го іюня.

Вчера я судилъ слишкомъ строго о Генри VIII: эта піэса конечно холодна,—потому что она ничто иное, какъ галлерея картинъ, почти ничѣмъ не связанныхъ между собою; въ ней нѣтъ единства интереса, безъ котораго въ драмѣ не такъ легко обойтись, какъ безъ единства дѣйствія, мѣста и времени. Однакоже разговоръ (le dialogue) вездѣ необычайно хорошъ и живъ; лице королевы Екатерины и кардинала возбуждаютъ участіе и даже довольно сильное (не смотря на вчерашнюю мою отмѣтку).

28-го іюня.

Прочелъ я около половины второй пѣсни Томсоновой поэмы. Стихи подчасъ удивительные: а я все же остаюсь при своемъ мнѣніи, что описательная поэзія—не есть поэзія.

3-го іюля.

Наконецъ нашелъ я въ «Сынѣ Отечества» прелестную балладу Катенина: «Наташа». Она по моему мнѣнію принадлежитъ къ лучшимъ на нашемъ языкѣ. Есть конечно и въ ней небольшія небрежности; но за каждую небрежность въ Наташѣ готовъ я указать на такую же или даже бо̀льшую въ хваленныхъ нашихъ балладахъ, не исключая и Свѣтланы.

Одно изъ лучшихъ писемъ Муравьева-Апостола въ Нижній Новгородъ—тринадцатое, особенно окончаніе.

5-го іюля.

Въ исходѣ 8-го часа до полудня видѣлъ я затмѣніе солнечное: оно теперь—въ началѣ девятаго—еще не кончилось. Это второе затмѣніе солнечное, которое удалось мнѣ видѣть на своемъ вѣку: первое

было кругообразное въ 1820 году осенью; я смотрѣлъ на него на дачѣ Ал. Льв. Нарышкина, что въ 13-ти верстахъ отъ Петербурга по Стрѣленской дорогѣ.

6-го іюля.

Нашъ языкъ—необыкновенно богатый—въ нѣкоторыхъ,—хотя и въ немногихъ, случаяхъ—и необыкновенно бѣденъ. Такъ напр. кромѣ *и* и *но* у насъ почти нѣтъ союзовъ, годныхъ въ поэзіи; самые *а* и *же* рѣдко употребляются. Союзъ *ибо* чуть-ли не первый я осмѣлился употреблять въ стихахъ, и то въ драматическихъ—бѣлыхъ.

7-го іюля.

Перечитывая сегодня обѣ баллады Катенина, находящіяся въ «Сынѣ Отечества», я восхищался въ нихъ многими прекрасными стихами, однако же не могъ не признаться, что онѣ, особенно Пѣвецъ—мѣстами обезображены нестерпимыми небрежностями. Отчего это?—Катенинъ человѣкъ съ талантомъ,—сверхъ того знатокъ и тонкій знатокъ Русскаго языка,—никто съ бо́льшимъ вкусомъ не судитъ о произведеніяхъ другихъ;—но его губятъ самолюбіе, упрямство и лѣнь.

8-го іюля.

Солнечное затмѣніе, бывшее на дняхъ, родило во мнѣ множество размышленій: между прочимъ и о просвѣщеніи. Что можетъ быть вожделеннѣе, прекраснѣе, благотворнѣе истиннаго просвѣщенія?—Однако же оно тогда только истинное, когда просвѣщенію ума предшествуетъ улучшеніе сердца, въ противномъ случаѣ просвѣщеніе иногда пагубнѣе всякаго суевѣрія. Въ XVIII-мъ столѣтіи—говоритъ Ижорскій[1])—

«Все просвѣщалось, самыя перецни!»

Бѣда, когда люди съ низкими, лакейскими душами, люди, которыхъ можетъ укротить одинъ страхъ, лишатся спасительныхъ предразсудковъ, необходимыхъ для нихъ! Пусть для подлецовъ и злодѣевъ затмѣнія, кометы, моровыя повѣтрія, землетрясенія и пр. и пр. всегда останутся послами и признаками гнѣва Божія! Ихъ презрительное суевѣріе принесетъ пользу и пользу великую: припадки страха, причиняемаго имъ знаменіями небесными, удержатъ ихъ отъ многаго,—хотя на то время, пока продолжатся эти припадки!

Наконецъ попалась мнѣ и въ «Сынѣ Отечества» статья, которая

[1]) Герой одной повѣсти В. К. Кюхельбекера, изданной особою книгою. Ред.

может сравниться съ хорошими статьями «Вѣстника Европы». Она называется: О началѣ, успѣхахъ и паденіи миѳологическаго міра, соч. Якова де-Санглена (Sanglin) [1]). Въ ней для меня новы свѣдѣнія о циклическихъ рапсодахъ. Въ кругъ ихъ пѣснопѣній включены были космогоніи, ѳеогоніи, геогоніи ихъ предшественниковъ и преданія о судьбѣ древнихъ эллинскихъ поколѣній и героевъ; сей кругъ составлялъ связь миѳовъ и повѣстей отъ Урана до смерти Одиссея. (И такъ нѣчто въ родѣ Ша-Намэ?)

10-го іюля.

Съ удовольствіемъ прочелъ я извлеченіе изъ Рикордовой книги: «Освобожденіе Головнина». Замѣчу еще два отрывка изъ записокъ *путешествія по Камчаткѣ*—Добеля.

11-го іюля.

Сегодня я былъ свидѣтелемъ материнскихъ уроковъ, которые преподавались у меня на окнѣ: воробьина самка привела туда клевать крошки трехъ своихъ птенцовъ. Я ее замѣтилъ и прежде, но тогда она сама ихъ кормила. Нынѣ же кормила она, и то только сначала, самаго маленькаго изъ нихъ; а потомъ и его пріучала клевать безъ ея помощи, и это вотъ какимъ образомъ: вспорхнула къ крохамъ, взяла одну изъ нихъ, показала ее ему, а потомъ вдругъ улетѣла; что въ переводѣ значитъ: ты видишь кроху, ты видѣлъ, какъ и гдѣ я ее взяла; ступай же, изволь клевать, а я улетаю, чтобъ ты не надѣялся на меня.

12-го іюля.

И такъ вотъ опять 12 число іюля! Прошлаго года отмѣтка моя на этотъ день была ознаменована печатью величайшаго унынія. Нынѣ я, слава Богу, нѣсколько бодрѣе.

(13-го іюля въ подлинникѣ вырвано, осталось 4 или 5 строкъ, которыя *трудно* разобрать. На оборотѣ этой страницы скрѣпа тетради комендантомъ, инженер-генералъ-маіоромъ Гобенетъ (?)).

18-го іюля.

Рѣзкіе приговоры рѣдко бываютъ справедливы. Вяземскій въ извѣстныхъ—когда-то—стихахъ говоритъ:

У васъ Нева,—
У насъ Москва;
У васъ Хвостовъ,
У насъ Шатровъ.

---

[1]) Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ, Записки котораго напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 и 1883 гг. Ред.

А между тѣмъ Шатровъ поэтъ не безъ проблесковъ воображенія, не безъ теплоты чувства, не безъ мыслей новыхъ и удачныхъ. Въ языкѣ и механизмѣ стиховъ самъ князь Петръ Андреевичъ (Вяземскій) могъ бы у него кое чему научиться.

Пѣснь дружбы (на смерть Николева) Шатрова, не смотря на то, что бо̀льшая часть стиховъ въ ней дюжинные, не есть однакоже произведеніе дюжинное; вторая строфа оканчивается двумя стихами, которые не испортили бы и самыхъ выспренныхъ одъ Клопштока или Державина:

«И само время скоротечно
При звукахъ арфъ небесныхъ спитъ».

Много-ли у Вяземскаго стиховъ, которые выдержали бы сравненіе съ этими двумя?

22-го іюля.

Я не слишкомъ большой любитель русскихъ, очень часто не русскихъ, словъ новѣйшей фабрики. Но глаголъ опламенить, употребленный Ѳ. Глинкою, хорошъ и могъ бы, по моему мнѣнію, войти въ составъ языка: если говорятъ воспламенить, почему же не сказать при случаѣ и опламенить, т. е. озарить пламенемъ?

23-го іюля.

Статья Батюшкова: «Нѣчто о морали, основанной на религіи», принадлежитъ къ лучшимъ въ семъ родѣ на русскомъ языкѣ. Есть однакоже въ ней нѣкоторыя мнѣнія, съ которыми я не совершенно согласенъ, напр. слишкомъ строгій приговоръ Жанъ-Жаку. Не по гордости,—такъ полагаю я, страдалецъ Руссо отвергалъ утѣшеніе религіи; онъ, смѣю думать я, принадлежалъ къ тѣмъ злополучнымъ, которыхъ, когда ихъ безвѣріе простирается еще далѣе Жанъ-Жакова, Пушкинъ говоритъ: ихъ

«Умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ».

Такое безвѣріе ужасно,—но оно болѣе болѣзнь, несчастіе, нежели—преступленіе.

24-го іюля.

Со мною то, чего давно не было: не знаю чѣмъ заняться. Переправлять фарсъ свой [1])—не хочу: онъ, кажется, не стоитъ переправки; приняться за переводъ изъ Шекспира по времени года слишкомъ поздно, не успѣю кончить до октября; приняться за зна-

[1]) „Нашла коса на камень".

нительное сочиненіе лѣтомъ—не могу, потому что при томъ долженъ пить кофе, а его негдѣ варить;—сегодня отъ нечего дѣлать взялся я опять за Гомера,—читаю 10 книгу Иліады,—хотя и предполагалъ перечесть 10, 11 и 12 книги не прежде, чѣмъ въ концѣ августа.

О разборѣ Катенина Ольги не пишу ни слова по двумъ причинамъ: этотъ разборъ сдѣланъ Гнѣдичемъ и возражалъ на оный Грибоѣдовъ;—первый въ послѣднее время моей свѣтской жизни былъ со мною въ ссорѣ, а второй мнѣ болѣе, чѣмъ другъ.

25-го іюля.

Нынѣ семь лѣтъ, какъ покинулъ я Петербургъ.

Съ наслажденіемъ прочелъ я Описаніе Острова Таны Головнина.

29-го іюля.

Перечелъ 5 пѣснь Петра Великаго Шихматова: эта пѣснь у него изъ слабыхъ, но и въ ней множество безподобныхъ стиховъ. Не понимаю, право, людей, каковъ напр. Никольскій (сынъ), который смѣетъ называть поэму Шихматова «стыдомъ Россійской Словесности».

2-го августа.

О спорахъ Загоскина и Измайлова покойный Грибоѣдовъ очень хорошо сказалъ:

«Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на вздоръ разборъ;
А разобрать всего труднѣе,
Кто изъ обоихъ ихъ глупѣе?»

Впрочемъ это относится къ Загоскину Наблюдателю и автору Богатонова: но автору Юрія Милославскаго Грибоѣдовъ, который такъ живо чувствовалъ все прекрасное, конечно отдалъ бы полную справедливость.

5-го августа.

Лучшая изъ четырехъ піэсъ моихъ, какія попались мнѣ въ «Сынѣ Отечества» на 1817 годъ—Къ Матюшкину. Ее одну, быть можетъ, я не выбросилъ бы, если бы долженъ былъ составить собраніе мелкихъ своихъ стихотвореній. Жаль, что перепpавки, какія я въ ней сдѣлалъ, утрачены.

6-го августа.

Цѣлый день дождь; у меня въ комнатѣ такъ темно, что я почти по необходимости весь день проспалъ.

8-го августа.

Покойникъ А. Е. Измайловъ былъ истинно добрый мужикъ: я зналъ его очень хорошо, любилъ его и ему многимъ обязанъ. Но въ своихъ перебранкахъ съ Наблюдателями онъ изъ рукъ вонъ мужиковатъ!

9-го августа.

Стыдно и смѣшно мнѣ было, когда прочелъ я въ «Сынѣ Отечества» свою піэсу: Элегія къ Дельвигу. Мнѣ было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, когда я написалъ ее, вышелъ только что изъ Лицея, еще не жилъ, а приготавливался жить; между тѣмъ, тема этой рапсодіи—отцвѣтшая молодость, разочарованіе etc. Другая моя піэса: Отчизна, гораздо лучше. Въ собраніи мелкихъ моихъ стихотвореній она получила бы мѣсто. Диѳирамбъ (изъ Шиллера) слишкомъ небреженъ въ своемъ механизмѣ; на другаго же рода достоинство онъ не можетъ имѣть никакого притязанія.

Съ наслажденіемъ прочелъ я нѣсколько явленій изъ комедіи: Своя семья, написанныхъ Грибоѣдовымъ: въ этомъ отрывкѣ виденъ будущій творецъ «Горя отъ ума».

10-го августа.

Не трудно находить прекрасные стихи въ сочиненіяхъ Пушкина, Жуковскаго, Грибоѣдова; но выписывать ихъ считаю безполезнымъ, потому что ихъ довольно много и сверхъ того они всѣмъ извѣстны. Когда же случится мнѣ найти нѣчто истинно хорошее въ произведеніяхъ стихотворца дурнаго, посредственнаго или по крайней мѣрѣ мало извѣстнаго, тогда почти считаю обязанностію внесть такую находку въ свой дневникъ.

Олинъ—горе-богатырь въ поэзіи; но между тѣмъ вотъ изъ его піэсы: Ночь въ Аркадіи,—изображеніе водопада, которое заслуживаетъ быть выписаннымъ:

«Посмотри, какъ водопадъ
«Стекловидный, шумный, пышный,
«Луннымъ блескомъ осребренный,
«Съ горъ крутыхъ въ отлогій лугъ
«Льетъ алмазы и жемчугъ».

Только 5 стиховъ—не болѣе,—прочіе, правда, гиль;—но по крайней мѣрѣ эти пять стиховъ точно хороши.

11-го августа.

Говорилъ я о своихъ піэсахъ, напечатанныхъ въ «Сынѣ Отечества» на 1817 годъ. Сегодня упомяну я объ элегіи Туманскаго, напечатанной тутъ же. Для 17-тилѣтняго поэта она истинно хо-

роша и лучше въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тѣхъ, которыя написалъ я 20-ти лѣтъ. Въ ней даже есть стихъ, который не относительно, а положительно прекрасенъ. Жаль, что онъ не разлучно соединенъ съ предшествующимъ ему дурнымъ стихомъ:

«Мужъ почитаемый въ сердцахъ не умираетъ,
«Изъ самой вѣчности бросаетъ тѣнь свою».

12-го августа.

Технологическія статьи В. Н. Каразина, всѣ до одной, очень занимательны. Въ «Сынѣ Отечества» на 1817 годъ заслуживаетъ особенное вниманіе его Разсужденіе о необходимости сбереженія лѣсовъ въ Россіи; въ ней много мыслей основательныхъ и остроумныхъ, *впрочемъ* мнѣ не вовсе незнакомыхъ, ибо и у Бернардена *де Сенъ-Пьеръ* въ Etudes de la nature встрѣтились мнѣ сходныя съ ними. Въ другой статьѣ (о метеорологіи), читанной Каразинымъ въ 1810 году въ московскомъ обществѣ испытателей природы, нѣсколько гипотезъ очень смѣлыхъ, но, быть можетъ, такихъ, которыя оправдаются лѣтъ черезъ сто, пятьдесятъ, или и ближе.

Примѣчательнѣйшая изъ этихъ гипотезъ—предположеніе, что человѣкъ можетъ покорить себѣ электрическую силу и употреблять ее орудіемъ усовершенствованія произведеній своихъ, точно такъ, какъ покорилъ себѣ воду, пары [1]) и пр.

16-го августа.

И нынѣшнее мое чтеніе было довольно занимательно: прочелъ я во 1-хъ, извѣстія старика фельдмаршала Миниха о Ладожскомъ каналѣ, статью въ историческомъ отношеніи очень важную и въ добавокъ написанную удивительно чистымъ—для того времени—слогомъ; во 2-хъ, Овсянный кисель Жуковскаго, образецъ истинной простоты,—(въ этой піэсѣ мнѣ все показалось прелестнымъ, даже самый экзаметръ, хотя я нынѣ рѣшительный ненавистникъ этого размѣра); въ 3-хъ, нѣсколько мелкихъ статей, изъ коихъ одна—(письмо къ издателю въ № 3, на стр. 125)—содержитъ извѣстіе, что первую мысль къ сооруженію памятника Минину и Пожарскому подалъ—можно-ли было это подумать—Гераковъ!

19-го августа.

Со всѣми мнѣніями Карамзина историческими, литературными, философическими невозможно быть согласнымъ; а должно признаться, что прозою у насъ никто лучше его не пишетъ и не писалъ; отры-

[1]) Эта замѣчательная статья перепечатана въ „Русской Старинѣ“ изд. 1873 г., томъ VII, стр. 228 и слѣд.

вокъ изъ VIII-го тома его исторіи—Осада и взятіе Казани,—напечатанный въ «Сынѣ Отечества», написанъ мастерски, и Пушкинъ очень справедливо сказалъ, что въ этой прозѣ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ поэмѣ Хераскова.

NB. Карамзинъ въ рѣчи митрополита Іоанну, при возвращеніи сего государя изъ-подъ Казани, употребилъ, слѣдуя слогу лѣтописи, прилагательное: предъидущій въ значеніи прилагательнаго: будущій, а не прошедшій, какъ оно нынѣ употребляется.

Люблю читать извѣстія о благотвореніяхъ; въ нихъ иногда попадается много отраднаго. Нельзя иногда не удивляться благотворительности народа русскаго: въ одномъ номерѣ издатель объявитъ о бѣдномъ, а ужъ въ слѣдующемъ и сыплются вспомоществованія!

20-го августа.

Опять прошло воскресенье: время проходитъ такъ скоро, что и не успѣешь замѣтить, какъ недѣли мелькаютъ!—Если только справедливо замѣчаніе, будто бы время проходитъ скоро въ счастіи,—и меня нельзя назвать несчастнымъ.

21-го августа.

Въ присланныхъ мнѣ сегодня номерахъ «Сына Отечества» нѣсколько бранчивыхъ критикъ на театральныя произведенія Шаховскаго, Катенина и Хмѣльницкаго: мало въ этихъ критикахъ отраднаго; особенно же отличился (А. А.) Бестужевъ разборомъ Эсѳири Катенина. Жаль, а должно признаться, что этотъ разборъ образецъ привязчивости, ложнаго остроумія и — невѣжества. Послѣднее особенно обнаруживается въ сужденіяхъ о языкѣ и слогѣ этой трагедіи, напримѣръ, Бестужевъ не знаетъ или не хочетъ знать, что внуши на славянскомъ синонимъ глаголу внемли, что воня слово отнюдь не низкое, а принадлежащее церковному языку и пр.

22-го августа.

Замѣчанія Цертелева на Востокова: «Опытъ о русскомъ стихосложеніи» очень умны и доказываютъ, что рецензентъ человѣкъ мыслящій;—но едва-ли основаніе ихъ справедливо;—едва-ли справедливо, что въ старинныхъ русскихъ стихотвореніяхъ существуютъ настоящія стопы; по крайней мѣрѣ весьма сомнѣваюсь, чтобъ не только легкія, но и тщательныя поправки могли возстановить въ сказкахъ Кирши Данилова стопосложеніе, — искаженное будто бы изустнымъ преданіемъ. Впрочемъ попытка не шутка, а спросъ не бѣда! — Одно отдѣльное замѣчаніе Цертелева меня поразило, — оно

совершенно справедливо; но справедливо не только въ отношеніи къ нашимъ довольно неправильнымъ простонароднымъ стихамъ: «скорѣе русскія пѣсни» (говоритъ Цертелевъ) «можно обвинить въ излишней явственности гармоніи» — только не гармоніи, а скорѣе мелодіи, — «нежели въ неощутительности оной» — другими словами: стихи, писанные простонароднымъ размѣромъ, слишкомъ однозвучны. Тоже самое можно сказать и о новѣйшихъ дактиляхъ, амфибрахіяхъ etc. Не смотря на умничанья, на русскомъ языкѣ стихъ ямбическій самый разнообразный, самый благозвучный и самый приличный всѣмъ родамъ поэзіи, только—надобно умѣть владѣть имъ,—а это конечно труднѣе, чѣмъ употреблять на-обумъ дактили, амфибрахіи, пеоны и другія скачущія стопы.

25-го августа.

Вчерашней отмѣтки нѣтъ, потому что прежде времени нечаянно погасилъ свѣчу.

Сегодня я началъ перечитывать 12-ю книгу Иліады; читалъ, впрочемъ, довольно лѣниво, (на меня опять нашла сонливость). Не дурна въ «Сынѣ Отечества» на 1819 г. статья: Мысли о необходимости внѣшней защиты государства.—Слогъ В. Н. Каразина довольно дуренъ, мнѣнія не всегда справедливы, — но люблю его читать, потому что у него есть мысли, а это главное: его рѣчь объ истинной и ложной любви къ отечеству я вчера прочелъ не безъ удовольствія. Въ «Сынѣ Отечества» на 1818 и 1819 гг. два описанія кораблекрушенія, одно, написанное Н. А. Бестужевымъ, другое, Ратмановымъ: сердце сжимается, когда читаешь изображеніе такихъ бѣдствій. Объ извѣстной сатирѣ Милонова На женидьбу въ большомъ свѣтѣ — ни слова: она прославилась — однимъ неблагопристойнымъ и двумя истинно острыми стихами; другихъ примѣчательныхъ въ ней нѣтъ.

26-го августа.

Рѣчь, произнесенная Карамзинымъ въ Россійской академіи, 5-го декабря 1818 года, невольно заставляетъ улыбнуться, — не содержаніемъ своимъ, слогомъ, — (хотя содержаніе и слогъ и не совершенно таковы, каковыми должны были быть въ семъ случаѣ) — но... Шишковъ слушалъ Карамзина; Шишковъ долженъ былъ слушать и слушать съ изъявленіемъ удовольствія слова: чувствительность, симпатія etc., слушать и нѣкоторыя мысли, которыя онъ давно объявилъ ересью и вѣрно не переставалъ и тогда считать ересью, сверхъ всего этого слушать даже нѣчто похожее на поученіе.

27-го августа.

Перечелъ я отъ нечего дѣлать сказку про Еруслана Лазаревича. Кто бы подумалъ, что въ ней есть мѣста истинно трогательныя? Но какъ не назвать трогательными слѣдующихъ словъ плѣнной царевны? На вопросъ ея похитителя, естьли на свѣтѣ кто ея краше,—она отвѣчаетъ: «когда я была у отца своего и у матери, тогда я была красна и хороша, а нынѣ мое тѣло полоненное». Столь же прекрасно привѣтствіе отца сыну, прибывшему неожиданно въ отечество, утѣсненное нашествіемъ непріятеля: «дитятко мое милое, откуда ты, какъ солнце возсіялъ и меня обогрѣлъ?» Есть даже мѣсто, которое я готовъ назвать высокимъ,—это начало единоборства Еруслана съ своимъ сыномъ: «не два ясные сокола слеталися, съѣзжалися два сильные богатыри: отецъ съ сыномъ!»—Выраженія тутъ просты, уподобленіе также,—но оно здѣсь удивительно кстати употреблено, ибо заставляетъ обратить живое вниманіе на то, что должно произойти отъ необыкновенной встрѣчи такихъ двухъ витязей, каковы оба Еруслана, витязей, которые сверхъ того въ столь близкомъ, имъ неизвѣстномъ, отношеніи одинъ къ другому! Впрочемъ это положеніе, истинно трагическое, сохранилось въ русской сказкѣ почти безъ перемѣны, точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно въ Ша-Намэ.

30-го августа.

Что дѣлаютъ мои имянинники Александръ Ив. Одоевскій, Александръ Александр. Бестужевъ, П. (?) и Пушкинъ?—Дай Боже имъ,—если не счастья, (оно на землѣ не бываетъ), по крайней мѣрѣ—спокойствія сердечнаго, которое лучше во сто кратъ того, что въ свѣтѣ подъ-часъ выдаютъ намъ за счастье!

31-го августа.

На счетъ пріятеля своего Плетнева я ошибался и на сей разъ—радъ, что могу сознаться въ ошибкѣ. Я въ немъ предполагалъ гораздо менѣе таланта, чѣмъ онъ дѣйствительно имѣетъ. Его элегія: Гробница Державина, конечно, не можетъ назваться хорошимъ стихотвореніемъ,—но въ ней замѣтно воображеніе; замѣтно нѣчто истинно поэтическое.

2-го сентября.

Въ «Ревельскомъ дневникѣ» все мягче, живѣе, свѣжѣе, чѣмъ въ нынѣшнихъ: самое уныніе въ немъ представляетъ что-то поэтическое. Тогда еще душа у меня не успѣла очерствѣть отъ продолжительнаго заточенія; впрочемъ и самое заточеніе было въ Ревелѣ не слишкомъ тяжко; по крайней мѣрѣ въ послѣдніе $4^{1}/_{2}$ мѣсяца; полтора мѣсяца, правда, было и въ Ревелѣ трудно.

5-го сентября.

Мнѣніе Капниста, помѣщенное въ «Сынѣ Отечества» на 1819 г., о томъ, что «Улиссъ странствовалъ не въ Средиземномъ, но въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ», довольно мнѣ кажется основательнымъ. Примѣчательна при семъ случаѣ скромность почтеннаго старца-поэта, друга и сверстника Державина; такая же скромность, и такая же основательность въ статьѣ его о перемѣщеніи 5-й пѣсни Одиссеи: все это прекрасно и заслуживаетъ подражанія; лишнимъ мнѣ только кажется, что Капнистъ въ концѣ обѣихъ статей помѣстилъ по эпиграммѣ на самаго себя...

11-го сентября.

Получилъ я сегодня I томъ исторіи Карамзина; завтра начну въ ней рыться; авось отыщу предметъ для драматическаго сочиненія; хотѣлось бы мнѣ написать зимою что-нибудь подѣльнѣе моихъ пустыхъ поэмъ, которыя едва-ли меня переживутъ.

Въ «Сынѣ Отечества» прочелъ я съ удовольствіемъ—и съ досадою Катенина Мстислава. Нападки на это стихотвореніе Бестужева конечно бо́льшею частію несправедливы и внушены пристрастіемъ: но Мстиславъ все же могъ бы быть гораздо совершеннѣе, если бы Катенинъ былъ менѣе самолюбивъ, если-бы онъ, умѣющій, подобно Бокингему въ Шекспировомъ Генри VIII, столь хорошо совѣтывать другимъ, захотѣлъ вслушиваться въ совѣты собственной поэтической совѣсти.

13-го сентября.

Карамзинъ считаетъ Ливь или Ливонцевъ—финнами; а между тѣмъ я почти навѣрно знаю, что они, т. е. ихъ остатки — всего 40,000 головъ—живущіе по берегамъ Салиса, говорятъ языкомъ болѣе сходнымъ съ латышскимъ, нежели съ чухонскимъ. Въ 106 замѣчаніи исторіографъ сильно нападаетъ на Далина, между прочимъ за его *мнѣніе*, что около Рождества Христова бо́льшая часть Швеціи скрывалась еще подъ водою и что сѣверная Россія въ глубокой древности состояла изъ отдѣльныхъ островов. Между тѣмъ Далинъ, не смотря на знаки восклицанія Николая Михайловича, сказалъ нѣчто, въ чемъ нынѣшніе геологи почти не сомнѣваются.

14-го сентября.

Описаніе несчастій фонъ Б.... въ «Сынѣ Отечества» меня сильно растрогало: особенно подаяніе, о которомъ Гречъ упоминаетъ, подаяніе малютки-кантониста этому бѣдному семейству. Какъ все забывается! я уже потомъ вспомнилъ участіе, какое принималъ я въ хло-

потахъ за этихъ страдальцевъ и какъ я за нихъ чуть-чуть не поссорился съ Жуковскимъ, котораго впрочемъ побудительныя причины были самыя благородныя.

16-го сентября.

Я сегодня кончилъ I томъ исторіи Карамзина. Есть у него выходки, которыя, какъ ни крѣпись, а невольно заставляютъ разсмѣяться, напр. вывезенныя Владиміромъ изъ Корсуня капища (истуканы), доказывающія любовь сего князя къ изящнымъ искусствамъ; или: военныя трубы древнихъ русскихъ, доказывающія ихъ любовь—къ музыкѣ!

19-го сентября.

По утру читалъ я Карамзина второй томъ, а послѣ обѣда «Сынъ Отечества», именно же Отрывки изъ путешествія Головнина: все, что Головнинъ говоритъ о Сандвичевыхъ островахъ и ихъ преобразователѣ и просвѣтителѣ Тамеамеѣ—очень занимательно; жаль только, что образованіе Овайцевъ приняло направленіе не слишкомъ желательное! имъ дали порохъ, ружья, пушки, научили строить корабли и проч.,—а забыли позаботиться о душахъ ихъ безсмертныхъ; они были дикарями, а теперь стали варварами; вопросъ: выигрышъ ли это?

20-го сентября.

Въ предисловіи Шаховскаго къ «Полубоярскимъ затѣямъ» нѣсколько мыслей новыхъ и довольно важныхъ. Во 1-хъ Шаховскій очень справедливо, такъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, полагаетъ, что Мольеръ въ Мизантропѣ не надъ Мизантропомъ хотѣлъ смѣяться; во 2-хъ, о фонъ-Визинѣ говоритъ Шаховскій: «дѣйствующія лица, выведенныя имъ, имѣютъ одно свойство съ Вандиковыми портретами: мы не знаемъ, съ кого они были списаны, а увѣрены, что они похожи»;—третья мысль будто бы «вездѣ, куда только хотя мало достигаетъ просвѣщеніе, созидаются театры» — исторически несправедлива: арабы и персы въ свое время были просвѣщены и очень просвѣщены, а театра никогда не знали; — наконецъ мысль, что улучшеніе нравовъ должно быть цѣлію драматическаго искусства,—не стоитъ и опроверженія.

Прочелъ я еще нѣсколько отрывковъ, напечатанныхъ въ «Сынѣ же Отечества», изъ Отчета о лунѣ Жуковскаго. Это конечно то, что Г. называлъ мозаическою работою: но въ этомъ мозаикѣ есть и чистое золото.

22-го сентября.

Не постигаю я несправедливости Карамзина къ дому Святослава Ярославича Черниговскаго, особенно къ Ольговичамъ: онъ вездѣ называетъ ихъ мятежниками, злодѣями и проч., а между тѣмъ они имѣли по старшинству болѣе правъ на обладаніе Кіевомъ и Великокняжескимъ престоломъ, чѣмъ напр. благословенная отрасль добраго корня, Изяславъ Мстиславичъ, хитрый, умный, храбрый, но во многихъ случаяхъ безчеловѣчный похититель престола: настоящій Болингброкъ нашего отечества. Смерть Владимірка Галицкаго прекрасный предметъ для баллады, а скитанія Святослава Ольговича— для исторической картины въ родѣ Гётева Геца фонъ Берлихингенъ.

25-го сентября.

Перечитывая осеннія книжки «Сына Отечества» на 1820 годъ, я очень понялъ негодованіе Греча на литературную знать: въ самомъ дѣлѣ онъ, связавшись съ Воейковымъ, который обѣщалъ ему золотыя горы, больно ошибся въ своемъ расчетѣ; журналъ Греча на 1818 и 1819 года гораздо лучше, чѣмъ на 1820 г. Разборъ Людмилы и Руслана—образецъ педантства и невѣжества, однакоже не злонамѣренности, какъ въ то время думали мы, пріятели Пушкина.

26-го сентября.

Ужасная смерть Андрея Боголюбскаго описана Карамзинымъ что-то безцвѣтно. Признаюсь, что въ извлеченіи Арцыбашева изъ лѣтописей она меня сильнѣе поразила.

Занимательная статья въ «Сынѣ Отечества» Академія художествъ; только жаль, что въ ней Гнѣдичь обращаетъ болѣе вниманія на побочныя, нежели существенныя принадлежности картинъ и портретовъ, имъ критикуемыхъ: у него главное—костюмъ, колоритъ, рисовка,—а о вдохновеніи, объ идеалѣ—ни слова!

27-го сентября.

Страсть у Николая Михайловича наряжать нашихъ древнихъ славянъ во фраки! Доказательствъ, что эта страсть у него неисцѣлима, въ 3-мъ томѣ довольно, напр. Мстиславъ Храбрый въ лѣтописи говоритъ: «аще нынѣ умремъ за Христіаны, то очистимся грѣховъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашу съ мученики» etc. Но Николаю Михайловичу показалось неблагопристойнымъ говорить о грѣхахъ, о мученикахъ и, перефразируя только конецъ рѣчи старославянскаго витязя, онъ его изъ христіанина греко-восточной церкви 12 столѣтія, жалуетъ въ философы 18-го и заставляетъ произнести слѣдующую великолѣпную тираду: «за насъ Богъ и правда; умремъ нынѣ или завтра; умремъ же съ честію!»

28-го сентября.

Третій томъ Карамзина очень занимателенъ: Романъ и Даніилъ Галицкіе и несчастный, но великій Мстиславъ Мстиславичъ такія лица, которыми поэзія могла бы чрезвычайно хорошо воспользоваться, если бы только нравы и обычаи того времени были извѣстнѣе.

29-го сентября.

У Карамзина замѣтилъ я двѣ особенности въ слогѣ: онъ употребляетъ его вмѣсто свой (въ цитатахъ я напротивъ того нашелъ, что лѣтописецъ употребилъ свой вмѣсто ея); и — два параллельныхъ имени—(въ одномъ и томъ же падежѣ) безъ союза *и*.

6-го октября.

Отрывокъ Цеиксъ и Гальціона принадлежитъ безъ сомнѣнія къ самымъ лучшимъ метаморфозамъ Овидія. Переводъ Жуковскаго мнѣ во многихъ отношеніяхъ очень нравится: даже экзаметръ у него какъ-то разнообразнѣе и въ то же время отчетливѣе, чѣмъ у Гнѣдича. За то Отчетъ о солнцѣ рѣдкая ахинея;—одному только Воейкову въ Посланіи къ женѣ назначено было судьбою превзойти этотъ отчетъ въ прозаизмахъ и многословіи. Жуковскаго стихотвореніе: Жизнь и Глинки аллегорія въ прозѣ: Знакомая незнакомка—не безъ достоинства; вопреки всему, чтобы можно было сказать противу сего рода, мистика близкая родня поэзіи и произведенія, въ которыхъ она участвуетъ,—должны непремѣнно стать выше бо̀льшей части умныхъ прозаическихъ посланій и многихъ даже модныхъ элегій.

10-го октября.

Прочелъ я сегодня съ вниманіемъ княженіе Димитрія Донскаго. Но врядъ ли можно влить въ драматическую форму главный подвигъ его: онъ болѣе способенъ принять образъ романтической поэмы въ родѣ Скоттовыхъ. Однако же вся жизнь Донскаго, не исключая его ранней, а посему и поэтической смерти, могла бы кажется быть представлена въ исторической картинѣ въ родѣ Шекспировыхъ Histoires. Жаль, что Димитрію не былъ товарищемъ при Куликовѣ Тверской; если бы это было, можно было бы написать рядъ Histoires, начиная съ убіенія Михаила I Тверскаго до соперника Димитріева Михаила II.

И въ «Сынѣ Отечества» нашелъ я двѣ думы, говорящія о Донскомъ героѣ. Первая, которая называется его именемъ, очень не дурна и принадлежитъ къ хорошимъ произведеніямъ Рылѣева; только начало нѣсколько натянуто.

11-го октября.

Карамзинъ и другіе наши историки полагаютъ, что русскіе подъ фрягами всегда разумѣютъ генуэзцевъ. Не говорю уже о выраженіи: вина фряжскія, которымъ едва ли означались вина Генуэзскія или, если угодно, привозимыя Генуэзцами, — но въ V-мъ томѣ Исторіи государства россійскаго, въ примѣчаніи 133, въ извлеченіи изъ записокъ Пименова спутника, сказано, что въ Царѣградѣ при вѣнчаніи Мануила находились Фрязове отъ Галаты. Галатами же нерѣдко наши старики называли Галловъ, а монахъ могъ такъ назвать и французовъ, могъ назвать, чтобъ пощеголять ученостію, Францію Галатою, т. е. Галліею.

12-го октября.

Вотъ и половина моего срока кончилась: семь лѣтъ и девять мѣсяцевъ я прожилъ въ заключеніи; остается столько же. Доживу-ли я до конца этого срока? Сократится ли онъ царскою милостію? Прервется-ли онъ милосердіемъ Божіимъ, Ангеломъ Господнимъ, разрѣшающимъ всякія узы, тѣмъ ангеломъ, котораго мы называемъ смертію, который мнѣ, надѣюсь на благость моего Спасителя,— не будетъ смертію, а жизнію лучшею? Много вкусилъ я горькаго въ теченіи сихъ семи лѣтъ и девяти мѣсяцевъ: (и нынѣшній день не былъ для меня днемъ радости);—но рѣшаюсь безмолвно и безропотно переносить все, чтобы мой великій и премудрый Воспитатель ни налагалъ на меня. Онъ воспитываетъ меня для вѣчности: ужели минутою страданія дорого купить то, что назначилъ Онъ мнѣ за рубежемъ земли? Шатки и слабы еще шаги мои по пути, которымъ Онъ ведетъ меня; но Онъ же сердцевѣдецъ, Онъ видитъ, что я всею душою желалъ бы Ему во всемъ послѣдовать: духъ бодръ, плоть немощна! «Будите цѣли, яко голуби, и мудры, яко зміи!» сказалъ Христосъ ученикамъ своимъ. И такъ и мудрость есть добродѣтель: даждь же *мнѣ*, Боже мой, мудрость сію! Она мнѣ очень нужна;—прошу о ней *конечно* для избѣжанія печалей и непріятностей; могу ли скрыть причину моленія моего? Однако же, если Тебѣ угодно послать мнѣ еще новыя искушенія, да будетъ воля Твоя! Ты лучше меня знаешь, что мнѣ полезно.

14-го октября.

Я сегодня мало дѣлалъ путнаго: мысли мои—почти лихорадочно—скачутъ отъ одного предмета къ другому; читаю, а между тѣмъ совершенно о другомъ думаю. Однако же прочелъ я Цолликофера о дружбѣ: начало онаго прекрасно; о цѣломъ не сужу, именно потому что былъ разсѣянъ, а выпишу двѣ отдѣльныя мысли, которыя очень справедливы:

1. „Никакая радость не сохранитъ своей цѣны, если останется заключенною въ моемъ сердцѣ, если не будетъ возможно мнѣ подѣлиться ею съ существомъ, мнѣ подобнымъ, если не дастся мнѣ вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь насладиться ею; . . . . . и малѣйшее даже страданіе легко сдѣлается нестерпимымъ, если я совершенно одинъ долженъ буду переносить оное, если мнѣ никто не состраждетъ или если не подкрѣпитъ меня мысль о Вездѣсущемъ".

2. „Пусть свобода и короткость въ твоемъ обращеніи съ другомъ никогда не превратится въ совершенное забвеніе пристойности и скромности".

Сіе второе правило не худо бы золотыми буквами вырѣзать для нѣкоторыхъ друзей, считающихъ главною привиллегіею дружбы право положить, когда вздумается, ноги на писчій столъ того, кого удостоиваютъ называть своимъ другомъ.

Въ «Сынѣ Отечества» нашелъ двѣ прелестныя бездѣлки Туманскаго; онѣ такъ хороши, что не могу не выписать ихъ:

1.

Больное дитя.

„Какіе сладкіе тамъ звуки
Еще до утренней зари
Тревожатъ сонъ мой поминутно?
Родная, кто тамъ? посмотри!"
— Все тихо, никого не видно,
И что за пѣсни въ часъ ночной?
Прилягъ опять, усни спокойно,
Усни, малютка мой больной!—
„Нѣтъ, нѣтъ, то не земные звуки!
Мнѣ стало такъ легко отъ нихъ;
То Ангелъ, сладко мнѣ поющій!
Прости, родная!"— и затихъ.

2.

Жалоба.

Тихо, въ уголку прижавшись,
Плакало дитя,
Матерь милую надолго
Въ землю опустя.
„Полно плакать, мой малютка,
Плакать, тосковать:
Матери тебѣ изъ гроба
Плачемъ не призвать!"
— Не о томъ, родной, я плачу,
Что скончалась мать;
Знаю, матери изъ гроба
Плачемъ не призвать.
Вотъ о чемъ, родной, я плачу,
Плакать буду я:
Для чего она съ собою
Не взяла меня!

19-го октября.

Былъ у меня мой добрый, почтенный пасторъ: и такъ нашъ лицейскій праздникъ не провелъ же вовсе одинъ.

21-го октября.

Живоросль употребляетъ Никоновъ вмѣсто Зоофитъ: это слово составлено въ духѣ русскаго языка и заслуживаетъ получить у насъ право гражданства.

Въ «Сынѣ Отечества» напечатана небольшая легкая философическая статья Сомова: Умъ, съ примѣчаніями, какъ полагаю,—цензора. Эти примѣчанія сами-по-себѣ очень справедливы; не смотря на то, я читалъ ихъ съ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ. Отчего? *Они всѣ содержанія* важнаго, богословскаго—и высказаны тутъ не *кстати, присовокуплены* къ статейкѣ въ видѣ противуядія, между тѣмъ какъ въ оной вовсе нѣтъ яду. «Не употребляй имени Господа Бога твоего всуе».

28-го октября.

Добраго нашего И. К. Кайданова историческій слогъ ни на что не похожъ. Изъ его всемірной исторіи помѣщенъ въ «Сынѣ Отечества» отрывокъ, въ которомъ онъ описываетъ войну 1812 года: тутъ при имени каждаго русскаго генерала нѣсколько риторическихъ эпитетовъ и приложеній,—тотъ нашъ Децій, тотъ Фабій, а тотъ Эпаминондъ, другой безтрепетный герой, готовый всѣмъ жертвовать славѣ, третій мудрый, прозорливый вождь; словомъ ни одинъ не пропущенъ безъ подобающей ему чести. Не такъ пишутъ исторію.

1-го ноября.

У насъ мало женщинъ-поэтовъ: изъ извѣстныхъ одна только Бунина не совсѣмъ дурна. Тѣмъ пріятнѣе было мнѣ найти въ «Сынѣ Отечества» (на 1823 г.) нѣсколько стихотвореній дѣвушки не безъ дарованій; подпись ея Е. Ф. Б. Послѣдняя изъ ея піэсъ, напечатанныхъ въ этомъ журналѣ, — Къ Лирѣ — даже можетъ назваться въ своемъ родѣ (тоскливомъ) прекрасною.

10-го ноября.

Бобрищева-Пушкина [1]): Наполеонъ, по слогу темному и сбивчивому, такое стихотвореніе, которое если бы было русскимъ подлинникомъ, никакъ не могло бы назваться хорошимъ; но это переводъ съ Ламартина и на сей разъ переводчику пригодились собственные недостатки, ибо соотвѣтствуютъ недостаткамъ автора, съ котораго онъ списывалъ:—духъ поэзіи и слогъ французскаго поэта совершенно отразились въ переводѣ русскаго.

[1]) Декабристъ.

Не могу не выписать двухъ стиховъ Хвостова, въ которыхъ le sublime de la bêtise сіяетъ во всемъ своемъ величіи; они изъ пресловутаго его Майскаго гулянья въ Екатерингофѣ; красно и витіевато изображены стукъ и шумъ и суета этого дня и довершены слѣдующею рѣдкою чертою:

„По мостовой у мухи съ жукомъ
Прервалась разговора связь!"

13-го ноября.

Въ №№ 46 и 47 «Сына Отечества» на 1824 годъ необыкновенно любопытная и важная статья О супругѣ французскаго короля Генриха I, писанная С. Руссовымъ. Я успѣлъ прочесть еще только первую половину оной: но и въ ней такія извѣстія, которыя—(если только справедливы)—должны произвести чрезвычайный переворотъ въ исторіи племенъ славянскихъ, напр. авторъ намекаетъ, что Аквитанскіе Руссы, (имѣвшіе епископовъ уже въ V столѣтіи) точно были славяне. Куда же дѣнутся Шлецеровы поздніе скандинавскіе руссы?

14-го ноября.

Въ «Сынѣ Отечества» превосходное извлеченіе изъ Шампольоноваго творенія о египетскихъ письменахъ. Читалъ я и въ «Вѣстникѣ» извлеченіе изъ сей книги; но должно сказать, что помѣщенное въ «Сынѣ Отечества» не въ примѣръ лучше. Если это не переводъ, нашъ русскій сократитель долженъ быть человѣкъ съ талантомъ.

15-го ноября.

Извлеченіе изъ Шампольона не переводъ: подпись того, кѣмъ оно сдѣлано—Бестужевъ.

23-го ноября.

Началъ сегодня третью главу Сироты. Всѣ эти дни себя очень чувствую счастливымъ: не знаю, какъ благодарить Бога за всѣ наслажденія, которыя даруетъ Онъ мнѣ въ умственныхъ занятіяхъ.

25-го ноября.

Странно бы было говорить, что Крылова басни прекрасны: это все равно, что разсказывать за новость о бѣлизнѣ снѣга или о свѣтѣ дневномъ. Но и въ прекрасномъ есть степени: Рыбья пляска (напечатанная въ «Сынѣ Отечества») въ своемъ родѣ совершенство.

27-го ноября.

Сегодня я отдыхалъ: это мнѣ было необходимо; съ 20 числа я почти безъ перерыву все сочинялъ;—боюсь разстроить здоровье и истощить воображеніе.

Въ «Сынѣ Отечества» прочелъ я повѣсть Клайрена: Разбойни-

чій замокъ. Терпѣть не могу подобныхъ остроумныхъ глупостей! Ужасомъ вообще шутить не должно; а разгадывать и объяснять разсудительно и какъ слѣдуетъ здравомыслящему человѣку ужасы поэтическіе—на это можетъ рѣшиться только тотъ, въ комъ нѣтъ,—какъ говоритъ Катенинъ,—смысла человѣческаго.

Статья Одоевскаго (Александра) о Вѣнцеславѣ всѣмъ хороша; только напрасно онъ Жандру приписываетъ первое у насъ употребленіе бѣлыхъ ямбовъ въ поэзіи драматической: за годъ до русской Таліи были напечатаны: Орлеанская дѣва Жуковскаго и—первое дѣйствіе аргивянъ.

28-го ноября.

Любопытная статья въ «Сынѣ Отечества» на 1825 годъ: Догадки *объ обитаемости луны*. Что до меня, я не только догадываюсь, но могу сказать твердо увѣренъ, что луна и всѣ тѣла небесныя обитаемы: мнѣ кажется, что это и быть не можетъ иначе.

Далѣе прочелъ я съ большимъ вниманіемъ чьи-то замѣчанія на статью К. Калайдовича о родахъ грамматическихъ и отвѣтъ Калайдовича на эти замѣчанія. Не могу согласиться съ отвѣтчикомъ, чтобъ имена собственныя фамильныя русскія женскія на: *ичъ*, *а*, *о*, не могли бы быть и на *чева* и *ина*, напр. Богдановичъ и Богдановичева, Глинка и Глинкина, Люценко и Люценкина. А еще менѣе, чтобъ послѣднія два окончанія, или по крайней мѣрѣ первое изъ нихъ, т. е. на: *а*, употребленное въ женскомъ родѣ, не склонялось.... воля ваша, г. Калайдовичъ! а я никакъ не рѣшусь написать по вашему: г-жѣ Глинка, г-жѣ Родзянко!

1-го декабря.

По предначертанію, которое я себѣ составилъ для зимнихъ занятій, я собственно долженъ бы былъ сегодня опять приняться за Греческій языкъ... но подъ разными предлогами, напр. что недѣля уже кончается, что послѣ трудовъ прошедшей недѣли можно и отдохнуть etc., я обманулъ самого себя и ровно ничего путнаго сегодня не дѣлалъ.

5-го декабря.

Слогъ Вашингтона-Ирвинга имѣетъ много сходства и съ слогомъ Гофмана, и съ слогомъ А. А. Бестужева:—главная отличительная черта всѣхъ троихъ—живость и бойкость, главный недостатокъ—натяжка.

11-го декабря.

Въ «Сынѣ Отечества» на 1826 г. два совершенно противуположныхъ изображенія парижскихъ обществъ: г-жи Жанлисъ и леди Моргенъ.

Наблюденія, какія мнѣ удалось сдѣлать въ 1821 году, болѣе согласны съ мнѣніями послѣдней. Впрочемъ и въ замѣчаніяхъ первой

много истинъ,—только общихъ,—а не частныхъ, не въ принаровленіяхъ, внушенныхъ ей, кажется, отчасти весьма впрочемъ простительнымъ пристрастіемъ къ старинѣ.

О необходимости религіи для народа Жанлисъ говоритъ чрезвычайно справедливо: «народу нужна вѣра таинственная; отвергая религію, онъ всегда дѣлается суевѣрнымъ». Мнѣ кажется, что это можно сказать не объ одномъ народѣ (Жанлисъ вѣроятно подъ этимъ словомъ разумѣла простой народъ); но вообще о людяхъ, не выключая и философовъ.

15-го декабря.

Какъ опровергнуть эмпириковъ, утверждающихъ, будто у людей нѣтъ общаго идеала красоты? Правда, негръ совсѣмъ не въ тѣхъ чертахъ и формахъ находитъ женскую красоту, въ которыхъ находитъ оную европеецъ; но тутъ участвуютъ чувственность и привычка; однакоже ни негръ, ни европеецъ не станетъ сравнивать того, что находитъ прекраснымъ въ своей возлюбленной, съ предметами отвратительными, напр. негръ вѣрно не скажетъ про толстыя губы своей красавицы, что онѣ похожи на кровяныя колбасы,—про черный цвѣтъ ея тѣла, что онъ точь-въ-точь запачканная сажею тряпка etc.; а найдетъ въ природѣ предметы истинно привлекательные и усмотритъ сходство между ними и тѣмъ, что кажется ему прелестнымъ въ его подругѣ.

25-го декабря.

Вотъ уже и въ третій разъ провожаю Рождество въ этихъ четырехъ стѣнахъ! Впрочемъ я сегодня, слава Богу, вовсе не кручинился: было что читать—и время прошло такъ, что я и самъ не замѣтилъ.

28-го декабря.

Попалась мнѣ въ «Сынѣ Отечества» повѣсть Крузе: дружба на Сѣверѣ, которую я и прежде читалъ. Она на меня сегодня особенно сильно подѣйствовала: мои лицейскіе товарищи такъ и ожили передо мною при этомъ чтеніи; раза два или три слезы невольно навертывались мнѣ на глаза;—этого ребячества признаюсь я не ожидалъ отъ себя на 37-мъ году такой жизни, которая, кажется, хоть кого бы должна отучить отъ плаксивости [1]).

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

---

[1]) Здѣсь оканчивается тетрадь дневника за 1833 г. Она прошнурована, какъ и предъидущая, и скрѣплена подписью: «Исправляющій должность Свеаборгскаго коменданта плацъ-маіоръ полковникъ Штрик . . .». Тетради вообще весьма грубой синеватой бумаги; кстати отмѣтимъ: въ разныхъ мѣстахъ дневника многія строки вычеркнуты, очевидно, комендантскою цензурою. Ред.

АМВРОСІЙ ОРНАТСКІЙ, ЕПИСКОПЪ ПЕНЗЕНСКІЙ.

1778—1827 гг.

Имя Амвросія Орнатскаго, епископа Пензенскаго, надолго останется извѣстнымъ какъ въ исторіи русской церкви, такъ и вообще въ области нашей исторической науки. Многотомная его „Исторія россійской іерархіи“, не смотря на то, что въ настоящее время издано столько памятниковъ древности, еще и до сихъ поръ не утратила вполнѣ своей классической важности [1]). А для своего времени трудъ Амвросія былъ замѣчательнѣйшимъ трудомъ, который служилъ тогда настольною книгою для всякаго, одинаково и свѣтскаго и церковнаго, историка. Не менѣе любопытною личностью является преосвященный Амвросій и по своему сильному и своеобразному нравственному характеру и по необыкновенному образу жизни и дѣятельности въ санѣ епископа.

Амвросій (въ мірѣ Андрей) родился въ 1778 году, въ погостѣ Чуди или Чудскомъ, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи. Отецъ его, Антипъ Григорьевъ, былъ бѣднымъ сельскимъ діакономъ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ Амвросій началъ свое образованіе въ городѣ Кирилловѣ, въ уѣздномъ духовномъ училищѣ, находившемся тогда при древнѣйшемъ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ [2]). 26 января 1792 года онъ поступилъ, для продолженія своего образованія, въ С.-Петербургскую Александро-Невскую

---

[1]) Филаретъ Черниговскій, „Обзоръ русской духовной литературы“. Кн. II, втор. изд., стр. 215. Чистовичъ, „Исторія С. Петерб. дух. академіи“. Спб. 1857, стр. 97.

[2]) При поступленіи въ Кириллобѣлозерское духовное училище, ему дано было прозваніе Чудскій, по имени погоста, въ которомъ онъ родился.

В. Ж.

семинарію, имѣвшую въ то время значеніе высшаго духовнаго учебнаго заведенія или академіи. Здѣсь Амвросій скоро обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго въ то время покровителя духовнаго просвѣщенія, петербургскаго митрополита Амвросія (Подобѣдова), и въ теченіе всего послѣдующаго времени пользовался милостями и покровительствомъ своего знаменитаго соимянника. Вѣроятно не безъ участія покровительствующаго митрополита, Амвросій, по окончаніи высшаго образовательнаго курса, въ февралѣ 1800 года, получилъ мѣсто учителя въ Новгородской духовной семинаріи, гдѣ онъ 10 марта 1804 года сдѣланъ былъ и префектомъ ея. Въ слѣдующемъ 1805 году Амвросій принялъ монашеское постриженіе и избралъ для себя имя своего высокаго покровителя, митрополита Амвросія. Спустя три года, Амвросій получилъ санъ архимандрита, алмазный крестъ и настоятельство въ Новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ и совмѣстно съ нимъ должность ректора Новгородской семинаріи. Въ сентябрѣ 1811 года Амвросій получилъ новое повышеніе: его назначили архимандритомъ Новгородскаго первоклассного Юрьева монастыря съ оставленіемъ за нимъ по прежнему ректорства въ семинаріи. Во время своей службы при Новгородской семинаріи Амвросій сблизился съ знаменитымъ нашимъ историкомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ (впослѣдствіи Кіевскимъ митрополитомъ), тогда (съ 1804—1808 г.) епископомъ Старорусскимъ, викаріемъ Новгородской митрополіи. Сближеніе съ ученымъ Евгеніемъ имѣло большое вліяніе на Амвросія. При Евгеніи и, можетъ быть, не безъ его вліянія, Амвросій принялъ монашество, по совѣтамъ Евгенія онъ предпринялъ обширный трудъ—составленіе исторіи россійской іерархіи, сдѣлавшій его имя навсегда памятнымъ въ исторіи отечественной церкви и вообще исторической наукѣ. Съ теченіемъ времени Амвросій увлекся трудами по русской церковной археологіи и занимался ими и въ то время, когда его другъ и вдохновитель Евгеній уже покинулъ Новгородъ. Крѣпкія узы дружбы и ученыхъ интересовъ не порвались съ ихъ разлукою. Преосвященный Евгеній иногда просматривалъ труды своего друга, исправлялъ и дополнялъ ихъ своими собственными статьями [1].

---

[1]) Такъ въ „Исторіи россійской іерархіи“ м. Евгенію принадлежатъ слѣдующія статьи: всеобщее хронологическое обозрѣніе начала и распространенія духовныхъ россійскихъ училищъ (ч. I), о началѣ и размноженіи россійскихъ

Въ знаменательномъ для Россiи 1812 году архимандритъ Амвросiй Орнатскiй получилъ новое назначенiе: онъ сдѣланъ былъ настоятелемъ Ставропигiальнаго Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ и предсѣдательствующимъ комитета московской духовной цензуры. Въ виду ожидавшагося нашествiя на Москву французовъ, правительство сдѣлало распоряженiе о вывозѣ церковныхъ сокровищъ изъ древней столицы въ Вологду. Въ числѣ лицъ, охранявшихъ цѣлость сокровищъ, со стороны свѣтскихъ находились: прокуроръ московской синодальной конторы д. ст. сов. Леонтiй Магницкiй съ нѣсколькими чиновниками конторы и московской консисторiи, а изъ духовныхъ лицъ были: Новоспасскiй архимандритъ Амвросiй вмѣстѣ съ архимандритами монастырей Заиконоспасскимъ—Симеономъ, Крестовоздвиженскимъ—Парфенiемъ, протоiереемъ Арханг. собора—Алексѣемъ Өедоровымъ и др.

Въ Вологдѣ Амвросiй Орнатскiй познакомился съ сыномъ Л. Магницкаго, столь извѣстнымъ Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ, до 1812 года статсъ-секретаремъ, а съ 1819 по 1826 г. попечителемъ казанскаго университета. По возвращенiи Амвросiя изъ Вологды въ Москву, на него возложено было порученiе возобновить нѣкоторые монастыри, поврежденные французами. Новоспасскiй архимандритъ обнаружилъ здѣсь замѣчательную ревность въ исполненiи возложеннаго на него порученiя, за что 30 августа 1814 года удостоился высочайшей награды: онъ получилъ орденъ св. Анны второй степени. Самая широкая ученая дѣятельность Амвросiя относится къ 1804—1815 годамъ, когда онъ находился въ Новгородѣ префектомъ, а потомъ ректоромъ семинарiи и архимандритомъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Въ теченiе этого времени онъ составилъ и издалъ шесть частей исторiи россiйской iерархiи [1]). За свои ученые труды Амвросiй получилъ званiе сна-

---

монастырей, краткое описанiе Китайскаго Пекинскаго монастыря (ч. II), всѣ описанiя монастырей Воронежской и Вологодской епархiй. Сравн. „Словарь достопамятныхъ людей русской земли", составл. Дм. Бантышъ-Каменскимъ, изд. 1836 г. т. I, стр. 37—38; изд. 1847, 1—10. „Странникъ", 1869 годъ, ноябрь, 37—39. Статья П. И. Савваитова. В. Ж.

[1]) Исторiя россiйской iерархiи въ шести частяхъ напечатана была въ Москвѣ, въ синодальной типографiи, въ 1807—1815 годахъ. Первая часть исторiя iерархiи была издана вторымъ изданiемъ въ Москвѣ въ 1822 году. Кромѣ того въ 1827 году митрополитъ Кiевскiй Евгенiй Болховитиновъ снова переиздалъ въ Кiевѣ первую часть исторiи Россiйской iерархiи Амвро-

чала дѣйствительнаго, а потомъ и почетнаго члена импер. московск. общ. ист. и древн. Росс. Покровитель Амвросія, петербургскій митрополитъ, хотя и на закатѣ своей силы и славы, не забывалъ о своемъ любимцѣ. 12-го марта 1816 года Новоспасскій архимандритъ Амвросій былъ хиротонисанъ во епископа Старорусскаго, викарія Новгородской митрополіи. Изъ жизни преосвященнаго Амвросія въ Новгородѣ можно отмѣтить то, что онъ 12 іюля 1816 года отпѣвалъ въ Хутынѣ монастырѣ тѣло знаменитаго нашего поэта Державина. 9 ноября 1819 года Амвросій получилъ самостоятельную епархію въ г. Пензѣ [1]).

сія въ значительно исправленномъ видѣ и въ увеличенномъ объемѣ. Неизвѣстно по чьей инициативѣ, но только въ Москвѣ напечатано было нѣсколько листовъ VII части Россійской іерархіи Амвросія, но печатаніе остановилось и VII часть не вышла въ свѣтъ. Первые печатные и потомъ корректурные листы ея находятся въ Московскомъ публичномъ музеѣ, и по каталогу Ундольскаго значатся подъ № 1419. Въ VII неизданной части исторіи Россійской іерархіи помѣщены разные уставы русскихъ монастыреначальниковъ. Нѣкоторыя черновыя работы Амвросія по составленію исторіи россійской іерархіи съ помѣтками и поправками извѣстнаго любителя исторіи отечественной церкви московскаго митрополита Платона имѣются въ собраніи рукописей Елпидифора Васильевича Барсова, въ Москвѣ.

[1]) Представленныя до сихъ поръ краткія біографическія свѣдѣнія о преосв. Амвросіи заимствованы: изъ Словаря достопамятныхъ людей русской земли Дм. Бантышъ-Каменскаго (ч. I, М. 1836, 37—38), изъ Обзора русской духовной литературы преосв Филарета Черниговскаго (кн. II, изд. втор. 1863 г., 215), изъ Исторіи россійской іерархіи (часть VI, 827—932) и наконецъ изъ спеціальной статьи объ Амвросіи Орнатскомъ, принадлежащей П. И. Саввантову и составленной имъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ и разсказовъ ближайшихъ родственниковъ преосв. Амвросія («Странникъ» 1869 г. ноябрь). Что же касается до изображенія дальнѣйшей дѣятельности Амвросія за время его епископства въ Пензѣ и пребыванія на покоѣ въ Кирилловѣ монастырѣ, то главнымъ источникомъ для него (за исключеніемъ тѣхъ фактовъ, противъ которыхъ находятся точныя указанія на источникъ) послужили находящіяся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“, изъ бумагъ Мих. Максимов. Попова, записки одного современника и почитателя епископа Амвросія. Эти записки, не всегда отличаясь историческою вѣрностію и точностію сообщаемыхъ ими фактовъ, тѣмъ не менѣе содержатъ въ себѣ много любопытныхъ разсказовъ, которые представляютъ немаловажный интересъ какъ сами по себѣ, такъ и по отношенію ихъ къ замѣчательной личности преосвященнаго Амвросія Орнатскаго. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ помѣщаемымъ разсказамъ автора записокъ о преосвященномъ Амвросіи мною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внесены замѣчанія относительно того, насколько соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ эти разсказы свидѣтельствамъ другихъ современниковъ, а также свидѣтельствамъ и оффиціальныхъ источниковъ. В. Ж.

Назначеніе на пензенскую епархіальную каѳедру открыло предъ Амвросіемъ широкое поле самой разнообразной дѣятельности. Оно же показало и то, что характеръ Амвросія не вполнѣ отвѣчалъ его новому положенію быть духовнымъ администраторомъ. Амвросій еще съ малолѣтства отличался самымъ строгимъ аскетическимъ настроеніемъ, келья отшельника—вотъ сфера его жизни и дѣятельности. Обладая замѣчательнымъ умомъ, рѣдкими способностями, онъ особенно выдавался необыкновенною силою воли, обращавшей его иногда въ упорнаго непреклоннаго человѣка, не хотѣвшаго знать никакихъ преградъ для своей дѣятельности. Будучи въ скромномъ положеніи учителя, а потомъ ректора семинаріи, Амвросій находился при такихъ условіяхъ жизни, которыя болѣе отвѣчали его характеру. Занятія по семинаріи сравнительно мало отнимали у него времени и еще менѣе втягивали его въ суету обыденной мірской жизни. Весь внутренній міръ его души заключался въ стѣнахъ его келіи. Здѣсь онъ всецѣло предавался аскетическимъ подвигамъ и еще въ Новгородѣ заслужилъ онъ славу благочестиваго человѣка [1]). А въ послѣдствіи, въ Пензѣ, многіе произносили имя его съ благоговѣніемъ, какъ имя святаго мужа и замѣчательнаго подвижника [2]).

Свободные часы Амвросій посвящалъ на археологическія занятія, къ которымъ онъ относился съ замѣчательнымъ увлеченіемъ. Вся энергія его сильнаго характера находила себѣ пищу въ ученыхъ кабинетныхъ трудахъ. Только въ своей кельѣ онъ чувствовалъ себя въ своей средѣ, въ самой подходящей роли, гдѣ ничто особенное не отрывало его ни отъ упражненій въ благочестивыхъ подвигахъ, ни отъ ученыхъ работъ. Вообще скромное положеніе Амвросія какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ не представляло причинъ къ тому, чтобы его сильный характеръ выдѣлился чѣмъ-нибудь особенно рѣзкимъ и оригинальнымъ. Но вотъ такого строгаго аскета и ученаго кабинетнаго труженика ставятъ во главѣ обширной и неособенно благоустроенной епархіи. Здѣсь онъ волею-

---

[1]) Извѣстный Юрьевскій архимандритъ Фотій оставилъ очень лестный отзывъ о благочестіи Амвросія, когда онъ былъ еще въ свѣтскомъ званіи. Фотій самую свою фамилію—Спасскаго получилъ отъ Амвросія Орнатскаго.— Имѣющаяся у меня въ рукописи автобіографія Фотія, книга первая.

[2]) „Русскій Вѣстникъ" 1831, сентябрь. Записки неизвѣстной подъ заглавіемъ: „Жизнь прожить—не поле перейти". В. Ж.

неволею становился во главѣ обширной и сложной духовной администраціи, въ его рукахъ сосредоточивалась судьба многихъ тысячъ людей. Положеніе епископа заставляло его погрузиться въ интересы будничной, полной мелочей и дрязгъ, жизни, вращаться въ области случайныхъ запросовъ каждаго отдѣльнаго дня, постоянно сталкиваться съ разными властями, людьми съ особыми нравственными воззрѣніями и убѣжденіями и съ особымъ складомъ общественной и частной жизни. Сдѣлавшись епископомъ и втянувшись чрезъ то въ круговоротъ общественной, и не всегда нравственно-совершенной жизни, Амвросій не хотѣлъ подчиняться требованіямъ своего новаго положенія, и на каѳедрѣ епископа онъ выступалъ тѣмъ же строгимъ суровымъ аскетомъ, какимъ былъ до сихъ поръ; не измѣнилъ онъ съ епископствомъ и своего непреклоннаго, твердаго, какъ гранитная скала, характера. Съ такимъ характеромъ естественно Амвросій сталъ въ особыя условія ко всему окружающему его обществу, которыя дали какъ его епархіальному управленію, такъ и всей вообще его дѣятельности въ Пензѣ рѣзкій, своеобразный характеръ.

Въ концѣ 1819 года Амвросій явился въ свою Пензенскую епархію. Пензенская епархія принадлежала къ числу самыхъ обширныхъ: въ составъ ея входили настоящія Пензенская, Саратовская, часть Самарской и Симбирской губерній. Пензенская епархіальная каѳедра не отличалась особенно счастливымъ подборомъ своихъ епархіальныхъ владыкъ. Одинъ изъ предшественниковъ Амвросія, Аѳанасій [1]), не отличался особенною твердостію и послѣдовательностію въ епархіальномъ управленіи. При немъ въ епархіальной администраціи большую роль игралъ презрѣнный металлъ. Преемникъ Аѳанасія—Иннокентій Смирновъ, знаменитый ученый богословъ и краснорѣчивый проповѣдникъ своего времени, высланный изъ Петербурга въ Пензу, подъ видомъ почетнаго назначенія, вслѣдствіе интриги министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына, явился въ свой епархіальный городъ уже, можно сказать, живымъ мертвецомъ. Онъ торжественно въѣхалъ въ Пензу 24-го іюня 1819 года, а 10-го октября того же года Пензенская епархія уже оплакивала своего знаменитаго архипастыря. Инно-

---

[1]) Карчановъ, былъ Пензенскимъ епископомъ съ 1811 по 1819 г. Уволенъ на покой и умеръ въ Пензѣ, 14-го декабря 1825 г. В. Ж.

кентій, отличавшійся замѣчательно добрымъ сердцемъ и славившійся своею подвижническою жизнію до того, что многіе при его жизни считали его святымъ, въ какіе нибудь три-четыре мѣсяца успѣлъ дать епархіальному управленію нѣсколько болѣе стройный и—главное—гуманный характеръ [1]). Пензенскіе жители съ религіознымъ воодушевленіемъ относились къ своему владыкѣ, видя въ немъ живое воплощеніе доброты и святости. Иннокентій еще болѣе привлекалъ къ себѣ сердца пасомыхъ своею первобытною простотою и доступностью, своими простыми, безыскуственными, но изливавшимися отъ чистаго сердца проповѣдями и наконецъ своимъ крайнимъ безкорыстіемъ. О немъ можно сказать, что онъ чрезъ свое безкорыстіе былъ самымъ первымъ бѣднякомъ въ Пензѣ и архіерейскій домъ его содержался на счетъ частной благотворительности почитателей епископа. Понятна отсюда та всеобщая скорбь, какая охватила всѣхъ пензенскихъ жителей при вѣсти о смерти своего святаго владыки,—такъ любили выражаться тогда объ Иннокентіи его пасомые. Вмѣстѣ съ Иннокентіемъ рушились золотыя надежды, какія соединяли съ его именемъ пензенскіе граждане. И дѣйствительно, много слезъ и еще болѣе сожалѣній вызвала собою преждевременная кончина добраго Иннокентія. Онъ умеръ только имѣя отъ роду тридцать пять лѣтъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали въ Пензѣ новаго владыку. Явился Амвросій. Съ величайшимъ любопытствомъ всѣ относились къ новому архіерею, которое впрочемъ вызывала и самая внѣшняя представительность Амвросія. Онъ отличался высокимъ ростомъ, сухощавымъ тѣлосложеніемъ [2]), что выказывало его ростъ еще болѣе высокимъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Блѣдное пріятное лицо Амвросія окаймлялось небольшою темною почти чернаго цвѣта бородою. Но во всей его физіономіи особенно выдѣлялись его глаза: большіе, темные и глубоковпалые глаза его отличались пріятностью и если они не выражали собою особен-

[1]) И въ настоящее время, спустя уже болѣе шестидесяти лѣтъ по смерти епископа Иннокентія, въ Пензѣ еще живетъ его имя, и среди пензенскихъ жителей находится не мало такихъ, которые искренно вѣруютъ въ его святость, молятся ему, какъ прославленному угоднику Божію. Имѣя подъ руками не мало данныхъ, касающихся жизни и дѣятельности Иннокентія, я могу только сочувствовать убѣжденіямъ пензенскихъ почитателей Иннокентія.

[2]) А въ молодости Амвросій отличался значительною полнотою.

В. Ж.

наго преобладанія нѣжныхъ чувствъ, то за то въ нихъ всегда просвѣчивался высокій умъ и сильная энергія воли. Иногда большіе глаза Амвросія вспыхивали и зажигались огнемъ,—что̀ часто означало приливъ его гнѣва. Амвросій обладалъ громкимъ и сильнымъ голосомъ, который при порывахъ его гнѣва иногда становился болѣе, чѣмъ строгимъ, даже суровымъ, который невольно заставлялъ иногда вздрагивать тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ относился. Всѣ движенія и особенно поступь Амвросія отличались замѣчательною медлительностію, что, при его внѣшней представительности, внушало къ нему невольное уваженіе окружавшихъ его лицъ. Амвросій не отличался словоохотливостью, говорилъ всегда очень мало и то съ длинными паузами и разстановками, бо̀льшею частію былъ угрюмъ и молчаливъ. Самый внѣшній видъ преосвященнаго Амвросія представлялъ много загадочнаго и недоступнаго для скораго пониманія внутренняго міра его души и нравственнаго характера. Всматриваясь въ черты лица Амвросія, пензенскіе граждане мало находили въ нихъ выраженія того, что они привыкли видѣть у его ближайшаго предшественника, у котораго доброта и нѣжность души просвѣчивались и отображались въ каждой чертѣ его лица.

Будучи епископомъ Старорусскимъ,. викаріемъ Новгородской митрополіи, и обладая незначительною долею самостоятельности, Амвросій естественно не могъ широко заявить здѣсь себя съ дѣйствительной положительной стороны своего характера. А потому только въ Пензѣ, гдѣ, по самому его положенію, Амвросію приходилось играть первенствующую роль, во всей силѣ обнаружился его оригинальный и любопытный характеръ. Амвросій представлялъ изъ себя типъ архіерея-монаха. Во взглядѣ на свое положеніе и на всѣ свои обязанности онъ всегда и прежде всего руководствовался сознаніемъ, что онъ—монахъ. Сознаніе, что онъ—администраторъ, глава мѣстной церкви и управляющій тысячами душъ обыкновенныхъ мірскихъ людей,—людей съ новыми, иногда даже особыми взглядами на вещи,—ему совершенно не было извѣстно. Онъ на себя, равно какъ и на другихъ, смотрѣлъ аскетическимъ взглядомъ, имъ онъ измѣрялъ и жизнь окружающаго общества и оцѣнивалъ его нравственное состояніе. Крайне строгій и требовательный къ самому себѣ, замѣчательный подвижникъ въ своей частной жизни, онъ проявлялъ такую же требователь-

ность и ко всему окружающему его обществу. Ему неизвѣстны были приличія свѣта, онъ не хотѣлъ знать и особыхъ условій общественной жизни, онъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ для такъ называемаго духа своего времени. Какъ человѣкъ, по убѣжденію отдавшійся монашеству, онъ на всю жизнь, на всѣхъ и на все и въ частности на положеніе свое смотрѣлъ сквозь призму строгаго аскетизма. Онъ отъ всякаго сына православной церкви, было-ли то духовное лицо, или высокопоставленный свѣтскій человѣкъ,— одинаково требовалъ безусловнаго повиновенія всѣмъ требованіямъ и уставамъ церкви; въ предѣлахъ своей власти и даже одной возможности онъ готовъ былъ безъ всякаго снисхожденія—и публично и частно—карать всякое отступленіе отъ правилъ религіи и требованій христіанской добродѣтели. Здѣсь имъ не полагалось никакого различія ни въ общественномъ, ни въ семейномъ положеніи тѣхъ людей, которые своими дѣйствіями вызывали его священную ревность. Амвросій, какъ сказано, нисколько не уважалъ никакихъ такъ называемыхъ приличій свѣта и требованій, принятыхъ въ общественной жизни; онъ сурово молчалъ во время шумной свѣтской болтовни въ салонахъ пензенскихъ аристократовъ, а иногда впрочемъ случалось, что онъ возвышалъ свой грозный голосъ—но только для того, чтобы навсегда положить конецъ разговору, противному образу его мыслей. Ему совершенно было неизвѣстно ни человѣкоугодіе, ни лицепріятіе. Единственный кумиръ, которому онъ поклонялся и служилъ, это—правда и чувство нравственнаго долга, которое дѣлало его самымъ ярымъ ревнителемъ и поборникомъ за ученіе, уставы и права православной церкви. Такимъ образомъ характеръ преосв. Амвросія *весьма мало* представлялъ въ себѣ условій, способствовавшихъ къ *сближенію* его съ окружающимъ его пензенскимъ обществомъ. Напротивъ, высота и твердость религіозно-нравственныхъ убѣжденій, строгость въ собственной жизни и одинаковая требовательность ко всѣмъ членамъ общества, цѣлою бездною раздѣляли его отъ окружающаго общества. Конечно, не въ силахъ было одного Амвросія пересоздать все пензенское общество. Поэтому если и представлялась возможность сближенія между обществомъ и архіереемъ, то единственно на почвѣ уступокъ со стороны послѣдняго. Но какія бы то ни было уступки совершенно противорѣчили характеру Амвросія. Онъ ни предъ кѣмъ не хотѣлъ жертвовать или

поступаться своими убѣжденіями. Онъ былъ твердъ какъ скала, настойчивость его характера, нерѣдко переходившая въ упорство, являлась по временамъ просто изумительною и иногда вселяла ужасъ даже въ посторонних свидѣтеляхъ его поступковъ. Настойчивость характера въ отдѣльныхъ случаяхъ увлекала Амвросія до самозабвенія. Такимъ образомъ, преосвящ. Амвросій, по самому своему характеру, долженъ былъ скоро разойтись со всѣмъ окружающимъ его обществомъ и дѣйствительно онъ разошелся и разошелся сознательно, въ полномъ убѣжденіи въ правотѣ своихъ дѣйствій и убѣжденій, разошелся радикально, открыто... Вся дѣятельность Амвросія въ пензенской епархіи, продолжавшаяся около десяти лѣтъ, поэтому представляла изъ себя ничто иное, какъ постоянную борьбу, которая все болѣе и болѣе осложнялась и наконецъ дошла до такихъ предѣловъ, далѣе которыхъ, кажется, и не могла идти. Нѣкоторые эпизоды борьбы, особенно въ своихъ подробностяхъ, даютъ поводъ къ заключенію о крайней рѣзкости, суровости дѣйствій Амвросія. Но замѣчательное явленіе: его рѣзкость не вызываетъ здѣсь непріятнаго впечатлѣнія, весьма мало возбуждаетъ къ себѣ чувство неудовольствія, а иногда, напротивъ, возбуждаетъ невольное уваженіе къ его нравственному мужеству и геройству и все это въ то время и тогда, когда закулисныя дѣйствія и темныя мелочныя интриги его многочисленныхъ враговъ не сопровождаются никакимъ другимъ чувствомъ, кромѣ только одного чувства отвращенія. Разгадка такого явленія кроется въ томъ, по моему мнѣнію, что не смотря на свою односторонность и суровость, преосв. Амвросій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не выходилъ за предѣлы своихъ обязанностей,—онъ, какъ истинный архипастырь, предпочиталъ всему въ мірѣ служеніе одной правдѣ. Идея служенія правдѣ, которою руководствовался Амвросій, какъ бы невольно подкупаетъ въ его пользу и заставляетъ мириться съ черствостью его личнаго характера.

Неприглядное положеніе ожидало епископа Амвросія въ его епархіи. Пензенская епархія,—одна изъ захолустныхъ уголковъ Россіи, не отличалась благоустройствомъ. Прежде всего епархія много страдала отъ бѣдности. Бѣдность пензенскихъ церквей и духовенства была поразительна. Нѣтъ разсужденія о другихъ какихъ-нибудь духовныхъ учрежденіяхъ, даже самый центръ епархіальнаго управленія—архіерейскій домъ—бросался въ глаза всею

своею неприглядностію. Пензенскій архіерейскій домъ представлялъ изъ себя настоящія руины. Это не было въ собственномъ смыслѣ жилое помѣщеніе, онъ скорѣе походилъ на старый, уже заброшенный за негодностью, грязный постоялый дворъ, чѣмъ на постоянную резиденцію пензенскихъ владыкъ. Чтобы не быть въ данномъ случаѣ голословнымъ, я воспользуюсь имѣющимися въ моемъ распоряженіи письмами предшественника Амвросія—епископа Иннокентія, въ которыхъ съ обстоятельною подробностью рисуется вся неприглядность архіерейскаго житья въ Пензѣ. При этомъ нужно помнить, что Иннокентій былъ человѣкъ съ самыми скромными требованіями, отличался невзыскательностью до самой послѣдней степени, и если и онъ тѣмъ не менѣе высказывалъ жалобы на свое дурное положеніе, то значитъ уже были къ тому очень серьезныя причины. „Пензенская моя квартира, такъ писалъ Иннокентій въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Петербургъ, походитъ на шалашъ, но страннику и того довольно, только смотря на развалины трудно было удержаться отъ осужденія и жалобъ". „Меня послали, писалъ Иннокентій въ другомъ письмѣ, въ шалашъ или въ домъ, похожій на худой трактиръ: у дверей нѣтъ ни ключей, ни запоровъ, у шкаповъ, которые по большей части пообломаны, также нѣтъ ни одного ключа. Обои въ покояхъ индѣ оборваны, индѣ замараны, закопчены; полы такъ плохи, что когда пойдешь на одинъ конецъ залы—на другомъ—поднимаются, скрипятъ. Стекла закопчены и составлены изъ малыхъ и битыхъ клочковъ, а крыльцо.... но это вещь не для жилья.... Третій этажъ съ полами и потолками провалился отъ дождей, теча была во второй этажъ. Чтожъ нужды? Сперва пороптал, теперь привыкъ, теперь благословляю Господа моего".

Такое жалкое состояніе пензенскаго архіерейскаго дома зависѣло отъ нищенскаго казеннаго оклада, ассигновавшагося въ то время вообще на архіерейскіе дома. Если эти оклады и теперь очень скудны, то въ то время они были еще скуднѣе. Пензенскій архіерейскій домъ и его штатъ при предшественникѣ Иннокентія—Аѳанасіи, поддерживали свое существованіе, главнымъ образомъ, путемъ поборовъ съ подвѣдомаго духовенства. При управленіи пензенскою епархіею Аѳанасія существовала даже особая такса со ставленниковъ, въ которой точно обозначалась сумма денегъ „на лице архіерея" (со священ-

ника 6 р., діакона 3 р., дьячка въ стихарь 1 р. 50 к.), „на пѣвчихъ“ (со священника 10 р., съ діакона 5 р., съ дьячка 2 р. 50 к.), „на крестовыхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ и прочую архіерейскую свиту“ (со священника 10 р., съ діакона 5 р., а съ дьячка 2 р.). По словамъ Иннокентія нѣкоторымъ священство обходилось рублей въ триста и болѣе. Я нарочно привожу эти цифры, въ подлинности которыхъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, потому что онѣ взяты изъ писемъ епископа Иннокентія къ одному изъ высшихъ свѣтскихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, для того, чтобы всякій читатель могъ приблизительно нарисовать себѣ картину нашего епархіальнаго управленія первой четверти XIX вѣка. Преосвященный Иннокентій самъ хотѣлъ было уничтожить систему поборовъ, но съ прекращеніемъ ихъ падалъ весь механизмъ епархіальнаго управленія. „Все ползетъ врозь, писалъ Иннокентій по поводу отмѣны имъ поборовъ, пѣвчіе говорятъ: одѣться нечѣмъ, изъ свиты прислужники просятся прочь, а самъ архіерей рѣшается распустить и изъ свиты часть и изъ пѣвчихъ часть, рѣшается также лучше ѣсть хлѣбъ съ водою, чѣмъ держаться такого побора“. Къ счастью пензенское общество, очень скоро и крѣпко полюбившее Иннокентія, сочувственно отнеслось къ бѣдственному положенію архіерейскаго дома и старалось поддерживать его своими пожертвованіями. Характеръ этихъ пожертвованій довольно оригиналенъ. Вотъ что пишетъ Иннокентій: „въ первый день какъ я рѣшился на сокращеніе архіерейскаго штата вдругъ присылаютъ пять четвертей ржи, — вотъ хлѣбъ, пятнадцать четвертей овса—вотъ кисель, чрезъ недѣлю—три воза крупъ, муки и овса, еще чрезъ нѣсколько дней два воза овса; скажите не довольно ли пропитанія мнѣ лично съ моими домашними? Такъ Господь строитъ, Ему Единому слава!“

Пензенскій каѳедральный соборъ ни своею внѣшнею наружностью, ни внутреннимъ убранствомъ не отвѣчалъ своему назначенію каѳедры мѣстнаго епископа. Онъ поражалъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ убожествомъ. Соборъ не былъ даже достроенъ: верхній этажъ не былъ выведенъ до конца. Ризница каѳедральнаго собора отличалась такою же бѣдностью, какъ и весь соборъ. Скудость ея доходила до того, что въ составѣ ея находилась только одна, и та бѣдная, пара дикирій и трикирій.

Преосвященный Иннокентій, любившій, не смотря на свою болѣзнь, часто служить, высказывалъ жалобы на то, что ему невозможно служить вмѣстѣ со своимъ предшественникомъ Аѳанасіемъ. „Жаль, писалъ онъ, у обоихъ архіереевъ одни дикиріи и трикиріи и однѣ рипиды; въ праздникъ одинъ изъ насъ долженъ сидѣть дома за сею малостію“. Если такова бѣдность каѳедральнаго собора, то объ уѣздныхъ и сельскихъ церквахъ и говорить нечего послѣ этого: въ нихъ, по словамъ епископа Иннокентія, мало находилось внутреннихъ украшеній, церковная ризница состояла большею частію изъ ситцевыхъ, выбойчатыхъ или холщевыхъ облаченій, въ церквахъ пензенской епархіи съ трудомъ можно было найти самыя необходимыя для богослуженія книги.

Система поборовъ открывала широкое поле дѣятельности для полученія священства лицами недостойными и крайне вредно вліяла какъ на общество, такъ и на самое духовенство. Деньги, интриги и кумовство играли видную роль въ епархіальной администраціи пензенской епархіи. Отъ того и умственный, и нравственный уровень духовенства пензенской епархіи не отличался особенною высотою. Преосвященный Иннокентій горько жаловался на невѣжество своего духовенства, въ составѣ котораго находились, по его словамъ, такіе, которые не знали, что такое св. Троица, что такое молитва, о чемъ молиться, что такое символъ вѣры [1]).

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе Пензенской епархіи, когда во главѣ ея сталъ епископъ Амвросій I [2]). Новый архіерей энергически и съ жаромъ взялся за всѣ дѣла своей епархіи, находившіяся въ большомъ застоѣ по случаю смерти своего предшественника. Онъ обнаружилъ при этомъ замѣчательную и всестороннюю кипучую дѣятельность. Ученыя занятія Амвросія въ Пензѣ не могли идти успѣшно и почти прекратились. Вмѣсто нихъ всю свою энергію онъ посвятилъ на благоустроеніе своей епархіи и достигъ въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ успѣ-

[1]) Подобныя жалобы высказывалъ и преемникъ Амвросія Орнатскаго—извѣстный Ириней Нестеровичъ, епископъ Пензенскій. См. „Христ. чтен.“ 1881 г. май—іюнь.

[2]) Я называю Амвросія Орнатскаго Амвросіемъ I—въ отличіе его отъ другого Пензенскаго епископа Амвросія, по фамиліи Моревъ, управлявшаго пензенской епархіей съ 1835 г. по 1854 г. „Строевъ. Списки іерарховъ“, 954 стр. **В. Ж.**

ховъ. Одною изъ первыхъ заботъ преосвященнаго Амвросія было приведеніе въ сносный порядокъ внѣшняго вида архіерейскаго дома. Онъ впрочемъ здѣсь только докончилъ поправки, отчасти начатыя, а отчасти и предначертанныя его предшественникомъ. Скоро онъ далъ своему дому болѣе приличный видъ. Но онъ вообще не хотѣлъ тратить деньги на какія-нибудь излишнія украшенія дома или на убранство своихъ внутреннихъ покоевъ; онъ ограничивался удовлетвореніемъ требованій самой обыкновенной простоты и скромности. Очень много заботъ и издержекъ потратилъ преосвященный Амвросій на приведеніе въ благолѣпный видъ своего каѳедральнаго собора. Въ первые годы его святительства въ Пензѣ и при его неусыпныхъ трудахъ закончена отстройка верхняго этажа каѳедральнаго собора. Вся внутренность собора приведена въ порядокъ и, сколько было возможно, отдѣлана великолѣпно. Отсутствіе денежныхъ средствъ помѣшало заняться отдѣлкою наружнаго вида собора, который совнѣ выглядывалъ не совсѣмъ красивымъ и требовалъ большихъ затратъ на свою оштукатурку. Преосвященный Амвросій весьма много хлопоталъ о благолѣпіи своего каѳедральнаго собора и потому, что онъ, очень скромный въ своей домашней жизни, любилъ великолѣпіе и внѣшній блескъ какъ вообще церковнаго богослуженія, такъ въ частности и особенно архіерейскаго. Онъ очень любилъ служить и потому почти въ каждый праздникъ не только обѣдни, но даже всенощныя, а зимою—утрени служилъ всегда самъ и непремѣнно—въ своемъ любимомъ каѳедральномъ соборѣ, который такъ много былъ обязанъ ему своимъ внутреннимъ великолѣпіемъ.

Священнослуженіе преосвященнаго Амвросія представляло весьма много интереснаго и отличалось замѣчательнымъ великолѣпіемъ и торжественностію. Священнослуженіе его поражало своею продолжительностью: его архіерейская обѣдня продолжалась почти до вечеренъ, всенощная тянулась едва не до полуночи. Порядокъ при богослуженіи во всѣхъ отношеніяхъ господствовалъ образцовый. О сослужащемъ духовенствѣ говорить нечего. Всѣ присутствующіе при богослуженіи, къ какому бы они классу общества не принадлежали, пріучены были епископомъ къ самому строгому, по крайней мѣрѣ внѣшнему, благоговѣнію. Амвросій уничтожилъ всякія вольности молящихся при богослу-

женіи: разговоры, переходы съ одного мѣста на другое и иныя отступленія отъ церковнаго благоповеденія не могли имѣть мѣста при его священнослуженіи. Каждый замѣченный имъ не благоговѣйный поступокъ присутствующаго въ храмѣ, какъ бы онъ ни былъ, повидимому, незначителенъ, всегда сопровождался строгимъ и всенароднымъ выговоромъ со стороны архіерея. При этомъ Амвросій нисколько не стѣснялся общественнымъ положеніемъ того лица, къ которому направлялся его выговоръ. Грозный голосъ Амвросія, часто въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ бичевавшій на всю церковь неблагоговѣйно молящагося, сдѣлалъ то, что при его богослуженіи господствовала въ соборѣ мертвая тишина. Если не чувство искренняго благоговѣнія, то страхъ и опасеніе вызвать противъ себя публичный выговоръ строгаго архіерея связывалъ всѣхъ молящихся и вынуждалъ ихъ вести себя въ церкви благоговѣйно. И дѣйствительно очень тяжело приходилось тому, кто имѣлъ несчастіе обратить на себя вниманіе священнодѣйствовавшаго архіерея своимъ неприличнымъ поведеніемъ въ церкви. Разъ преосвященный Амвросій замѣтилъ разговаривающею въ церкви одну изъ самыхъ первыхъ высокопоставленныхъ дамъ въ Пензѣ и грозно обрушился на нее съ обыкновеннымъ своимъ рѣзкимъ выговоромъ. Та, понятно, страшно сконфузившись и отъ стыда, а можетъ быть во избѣжаніе дальнѣйшаго грознаго выговора архіерея, рѣшилась лучше выйти изъ церкви и направилась къ выходу. Амвросій продолжалъ свое пастырское внушеніе и когда замѣтилъ и понялъ смыслъ ея движенія—громко на всю церковь обратился къ ней съ вопросомъ и говорилъ ей въ слѣдъ: „куда бѣжишь?—Отъ гнѣва Божія не уйдешь!“—Въ другой разъ онъ приказалъ вынести изъ церкви кресла одной престарѣлой и почетной дамы, которая съ давнихъ лѣтъ или отъ дряхлости, а можетъ быть и для важности иногда позволяла себѣ садиться на нихъ во время богослуженія.

Амвросій любилъ большой блескъ при богослуженіи: богатое облаченіе, обиліе освѣщенія, многочисленность духовенства. Замѣчательное зрѣлище представляло изъ себя его священнослуженіе. Особенною торжественностью отличались всенощныя. Обширный каѳедральный соборъ тогда освѣщался тысячею свѣчей и паникадилъ, что при темнотѣ ночи производило большой эффектъ. Самъ архіерей, величественный и важный, въ богатыхъ

ризахъ, окруженный сонмомъ съ внѣшнимъ благоговѣніемъ и внутреннимъ страхомъ взиравшихъ на него священниковъ и діаконовъ, казался болѣе ветхозавѣтнымъ первосвященникомъ, чѣмъ простымъ епископомъ. Любопытную и торжественную картину представляли тогда выходы архіерея изъ алтаря, напр., для кажденія. Амвросія всегда сопровождала тогда цѣлая толпа діаконовъ. Изъ нихъ одни шли попарно впереди его съ большими зажженными свѣчами, другіе поддерживали его и вели подъ руки, третій рядъ діаконовъ шелъ позади архіерея и замыкалъ собою шествіе. Окруженный сонмомъ діаконовъ архіерей твердою поступью шелъ и медленно-важно кадилъ св. иконамъ и народу. Въ церкви все безмолствовало какъ въ могилѣ, хотя бы тутъ были тысячи народа: въ храмѣ слышались только пѣніе клира, шаги архіерея, тонкій звонъ колокольчиковъ архіерейскаго саккоса и чтеніе имъ соотвѣтствующихъ молитвъ. Дѣйствительно, эта священная церемонія представляла въ себѣ высокое и восхитительное зрѣлище.

Строгость Амвросія и продолжительность его службы уменьшили съ теченіемъ времени число постоянныхъ богомольцевъ въ каѳедральномъ соборѣ. Случалось, что въ малые праздники при архіерейскомъ служеніи въ обширномъ соборѣ насчитывалось только нѣсколько десятковъ богомольцевъ. Но преосвящ. Амвросій всегда служилъ такъ, какъ если бы церковь была наполнена народомъ—съ тѣмъ же блескомъ и великолѣпіемъ и съ тою же продолжительностью. Впрочемъ многіе или изъ недавнихъ жителей Пензы, или пріѣзжіе обрекали себя на утомительное стояніе въ соборѣ для того только, чтобы посмотрѣть Амвросія во всемъ блескѣ и величіи его священнослуженія. Преосвященный Амвросій каждое свое священнослуженіе непремѣнно сопровождалъ проповѣдью. Онъ не любилъ заниматься въ своихъ проповѣдяхъ объясненіемъ свящ. Писанія, вмѣсто того матеріалъ для своихъ проповѣдей онъ черпалъ изъ жизни окружавшаго его общества, изъ нравовъ собственной своей паствы. Проповѣди его отличались замѣчательною продолжительностью: онѣ тянулись иногда на часъ, на полтора и даже на два часа. Продолжительность ихъ обусловливалась отчасти и характеромъ ихъ произношенія. Амвросій говорилъ всегда свои поученія народу безъ приготовленія, экспром-

томъ [1]), медленно, съ большими паузами и разстановками. Проповѣди свои Амвросій произносилъ отчетливо и громко—иногда до того, что его сильный голосъ гремѣлъ на весь соборъ и невольно заставлялъ присутствующихъ внимать слову своего пастыря. Тонъ его проповѣдей во многомъ отображалъ собою личный характеръ самаго проповѣдника. Его проповѣди всегда имѣли суровый обличительный характеръ и бичевали собою недостатки и пороки общества. Въ проповѣдяхъ Амвросія не было никакого снисхожденія ни къ какимъ слабостямъ человѣческимъ. Все, что только не было добродѣтельно, отождествлялось имъ съ названіемъ грѣха, тяжкаго, великаго грѣха. Самъ строгій аскетъ, Амвросій требовалъ и отъ своей паствы чуть не полнаго отверженія отъ міра, строгаго поста, непрестанной молитвы и святыхъ трудовъ; за все мірское онъ грозилъ гнѣвомъ Божіимъ, предрекалъ бѣдствія на землѣ и возвѣщалъ кары небесныя. Въ послѣднемъ случаѣ рѣчь его была особенно неумолима, грозна и напоминала собою грозныя обличительныя рѣчи ветхозавѣтныхъ пророковъ.

Частная домашняя жизнь преосв. Амвросія отличалась необыкновенною простотою и несложностію. Его столъ не имѣлъ никакихъ слѣдовъ изысканности и ограничивался хлѣбомъ, водою, огурцами и рѣдькою; великимъ постомъ, онъ принималъ только по одной или по двѣ просфоры въ теченіе цѣлой недѣли. Амвросій отличался замѣчательнымъ безкорыстіемъ: значительная часть его денежныхъ средствъ и даже его вещей переходила въ руки нищихъ. Во время каждаго священнослуженія архіерея въ соборѣ, крыльцо архіерейскаго дома обыкновенно наполнялось многочисленною толпою нищихъ, ожидавшихъ возвращенія его изъ собора. Являлся Амвросій, раздавалъ имъ всѣ находившіяся у него деньги, и если ихъ оказывалось недостаточно, то отдавалъ самый опустѣвшій свой кошелекъ, платокъ, иногда снималъ съ себя даже поясъ. Когда же и этого оказывалось недостаточно, то онъ быстро входилъ къ себѣ въ домъ, и нерѣдко выносилъ и раздавалъ бѣд-

[1]) Предварительно писанную проповѣдь Амвросій говорилъ въ Пензѣ только всего одинъ разъ: это именно при освященіи каѳедральнаго собора. Изъ проповѣдей преосв. Амвросія, насколько извѣстно, издано только одно слово въ день празднованія Донской иконѣ Божіей Матери. М. 1816, но и оно приписывается ему только по догадкѣ и едва-ли основательно. «Странникъ», 1869 г., ноябрь, стр. 39—40. В. Ж.

нымъ послѣднія свои вещи и вещи самой первѣйшей необходимости. Случалось, что онъ отдавалъ бѣднякамъ послѣднее свое полотенце. Амвросій любилъ помогать бѣднымъ и другимъ путемъ: онъ тайно помогалъ такимъ бѣднымъ, которые по своему общественному положенію не могли стать въ разрядъ обыкновенныхъ нищихъ.

Преосвященный Амвросій представлялъ изъ себя замѣчательную и типическую личность и какъ епархіальный администраторъ. Довольно распущенная до него пензенская епархія, при немъ окончательно преобразилась. Безпорядки въ церковной жизни епархіи отошли въ область преданій. Амвросій сразу подтянулъ все и сосредоточилъ исключительно въ однѣхъ своихъ рукахъ всѣ нити управленія обширною епархіею. При немъ не состояло никакихъ особыхъ довѣренныхъ лицъ, около его особы не было ни любимцевъ, ни совѣтниковъ. Онъ въ своемъ собственномъ лицѣ сосредоточилъ всю судьбу своей епархіи.

Преосвященный Амвросій постарался ввести въ своей епархіи болѣе правильные порядки при богослуженіи. Указы за указами летѣли по всѣмъ направленіямъ его епархіи, въ которыхъ духовенству строго на строго предписывалось заботиться о церковномъ благочиніи. Амвросій всюду требовалъ аккуратнаго исполненія всего церковнаго богослуженія, чистоты и вообще образцоваго порядка во всѣхъ церквахъ своей епархіи. Особенно онъ постарался поднять въ своей епархіи проповѣдь; по его распоряженіямъ ни одна праздничная обѣдня не должна обходиться безъ чтенія (хотя бы то чужой) проповѣди: скоро въ пензенской епархіи явились священники съ талантами, которые пріучились сами произносить проповѣди экспромтомъ; нѣкоторые изъ нихъ, въ своей строгости къ мірянамъ, приближались даже къ своему грозному владыкѣ. Вообще, при архипастырствѣ Амвросія въ пензенской епархіи водворились прекрасные порядки въ тамошнихъ церквахъ. Разумѣется, встрѣчались по мѣстамъ, особенно въ глухихъ селеніяхъ, разныя уклоненія, но онѣ скоро пресѣкались, благодаря удивительной энергіи пензенскаго владыки. Разгадка быстраго водворенія порядка въ разныхъ частяхъ епархіальнаго управленія кроется въ строгомъ, а иногда даже въ суровомъ характерѣ преосв. Амвросія, который конечно, въ соотвѣтствующихъ чертахъ, отражался на всемъ его правленіи. Водво-

рить порядокъ въ епархіи Амвросію удалось ничѣмъ инымъ, какъ системою террора, системою постоянныхъ и строгихъ наказаній. Онъ не зналъ никакихъ мѣръ снисхожденія. Ни одинъ человѣкъ изъ духовенства не избѣгалъ самаго строгаго наказанія за самый первый и маловажный свой проступокъ. Амвросій отличался замѣчательною неутомимостью въ наказаніяхъ. Мало подготовленные къ исполненію своихъ высокихъ обязанностей, священнослужители всегда вызывались въ каѳедральный городъ и здѣсь подвергались продолжительному (по полугоду, по году и болѣе) и крайне тяжелому испытанію, преимущественно въ архіерейскомъ домѣ. Въ это время вызванные на исправленіе священнослужители пріучались въ Пензѣ къ порядкамъ городскихъ церквей, кромѣ того они почти каждодневно должны были являться на лицо къ архіерею, который излагалъ предъ ними правила и обязанности ихъ служенія. При этомъ дѣло никогда не обходилось безъ выговоровъ, способность къ которымъ развита была у Амвросія въ высшей степени. Обладая острымъ умомъ, отличаясь рѣзкостію въ выраженіяхъ и вообще не стѣсняясь никогда въ выборѣ подходящихъ словъ, онъ иногда одними своими выговорами каралъ такъ же, какъ и настоящими административными наказаніями [1]. Иные соглашались скорѣе понести то или другое наказаніе, чѣмъ

[1]) Нѣкоторыя изъ резолюцій преосвященнаго Амвросія отличались своеобразнымъ остр. уміемъ. Такъ въ одномъ селѣ Городищенскаго уѣзда, въ утреню на первый день пасхи, когда духовенство вышло христосоваться съ народомъ и когда позади священника, діакона и дьячка поставлены были кадушки для склада яицъ, священникъ замѣтилъ, что діаконъ, кладя въ свою мѣру подносимыя крестьянами яйца, въ то же самое время перебрасывалъ къ себѣ яйца изъ кадушки священника. Открылся споръ, перешедшій скоро въ крупную ссору. Діаконъ не унимался.... а священникъ сталъ бить діакона и отнимать у него яйца. Діаконъ, разгорячившись, вскочилъ въ кадушку священника и со словами: «ну, такъ никому не доставайся», началъ топтать яйца ногами. Дьячекъ подзадоривалъ діакона и легонько подсвистывалъ подъ его оригинальную пляску. Объ этомъ случаѣ узналъ мѣстный благочинный и не замедлилъ явиться за разслѣдованіемъ дѣла. Виновные, чтобы потушить крайне непріятное для нихъ дѣло, подарили благочинному каждый по кадушкѣ меду. Между тѣмъ скандалъ оказался настолько громкимъ, что о немъ кѣмъ-то донесено было епископу Амвросію. Послѣдній на доносѣ написалъ слѣдующую резолюцію: «Священника драчуна, діакона плясуна, дьячка свистуна и благочиннаго сластуна вызвать на судъ въ консисторію».—Мнѣ кажется, представленный разсказъ о поступкѣ духовныхъ лицъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, отличается большимъ преувеличеніемъ.

В. Ж.

попасть подъ острое и ѣдкое слово своего владыки. Еще тяжелѣе было положеніе священнослужителей, чѣмъ нибудь провинившихся предъ епархіальною властью, а при изумительной строгости, доходившей иногда до щепетильности и простой придирчивости архіерея, не было ничего легче какъ попасть предъ нимъ въ число опальныхъ и виновныхъ людей. Во время правленія Амвросія Пенза всегда наполнена была массою подначальныхъ священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ, по первому приказу своего грознаго владыки являвшихся сюда изъ разныхъ, иногда самыхъ отдаленныхъ, уголковъ епархіи „на покаяніе и исправленіе". Пензенскій архіерейскій домъ временъ Амвросія много напоминалъ собою какое-нибудь исправительное заведеніе для преступниковъ изъ духовенства. Иногда при архіерейскомъ домѣ собиралась такая масса опальныхъ священнослужителей, что нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были отсылать на исправленіе въ ближайшіе къ Пензѣ монастыри, гдѣ этихъ несчастныхъ ожидали большія матеріальныя лишенія и гдѣ также выпадало на ихъ долю не мало и нравственныхъ униженій. Можно представить себѣ и все горе тѣхъ семействъ духовенства, главы которыхъ оказывались на годичномъ или полугодичномъ испытаніи архіерейской власти. Семейства за все это время находились въ постоянномъ страхѣ за судьбу своего главнаго члена, терпѣли большой недостатокъ въ самомъ необходимомъ, оставались безъ всякой помощи и часто раззорялись въ конецъ. Много приходилось выстрадать и попавшему подъ начало тому или другому духовному лицу вдали отъ своей родной семьи и, хотя бѣднаго, но все-таки роднаго очага. Преосвященный Амвросій самъ сознавался, что онъ былъ строгъ, но въ то же время онъ говорилъ (уже живя на покоѣ въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ), что онъ никого не дѣлалъ несчастнымъ. Утверждая такъ, онъ былъ съ своей точки зрѣнія правъ, потому что дѣйствительно всѣ виновные, послѣ понесенныхъ ими исправительныхъ наказаній, возвращались на прежнія мѣста и такимъ образомъ не лишались тѣхъ средствъ къ своему существованію, которыми они располагали прежде. Системою своихъ наказаній, Амвросій навелъ страхъ на всю свою обширнѣйшую епархію. Одно имя его являлось грозою для всего духовенства. Даже окружавшія его при богослуженіи духовныя лица, какъ болѣе привыкшія къ нему, и тѣ съ затаеннымъ страхомъ и замираніемъ сердца исполняли при немъ

свои обязанности. Что же касается до сельскаго духовенства, то оно при одномъ извѣстіи о выѣздѣ архіерея для ревизіи епархіи приходило въ паническій страхъ и ожидало его пріѣзда, какъ великаго гнѣва Божія... Суровое правленіе Амвросія сдѣлало то, что, на языкѣ подчиненнаго ему духовенства, его имя часто соединялось съ эпитетомъ Грознаго.

При своихъ высокихъ взглядахъ на положеніе архіерея, какъ единственнаго и высшаго блюстителя интересовъ церкви въ епархіи, и при своемъ твердомъ характерѣ, преосвященный Амвросій скоро разошелся съ представителями мѣстной гражданской власти въ Пензѣ. Мѣстная гражданская власть какъ-то вообще недружелюбно относилась къ епархіальной власти и старалась при каждомъ удобномъ случаѣ вредить ей. Самоуправство представителей гражданской власти въ Пензѣ въ то время простиралось до того, что она при предшественникѣ Амвросія, Аѳанасіи, съумѣла отобрать отъ архіерейскаго дома и тотъ ничтожный участокъ земли, которымъ владѣлъ долгое время послѣдній [1]). Амвросій, явившись въ Пензу, выступилъ крѣпкимъ защитникомъ интересовъ церкви и духовенства противъ всякихъ посягательствъ на нихъ со стороны свѣтскихъ властей. Приэтомъ онъ слишкомъ широко понималъ права церкви и потому въ каждомъ отдѣльномъ поступкѣ свѣтскаго человѣка, направленномъ противъ того или другого духовнаго лица, видѣлъ оскорбленіе церкви и считалъ себя нравственно обязаннымъ выступать на ея защиту.

---

[1]) Вотъ любопытное письмо епископа Иннокентія Пензенскаго, касающееся этого обстоятельства. „Я дерзаю, писалъ Иннокентій между прочимъ къ одному знакомому лицу въ Петербургъ, просить земли у всемилостивѣйшаго государя для архіерейскаго дома, той земли, которою домъ 18 лѣтъ пользовался, лучше сказать не земли, а перелѣсковъ. Въ другомъ мѣстѣ также тридцать двѣ десятины, законно принадлежащія архіерейскому дому, отмежеваны: лугъ архіерейскій, а перелѣсокъ раздѣляющій или пересѣкающій поляну — казенный. Правда, казеннымъ сталъ считать форшмейстеръ, — сталъ притѣснять и въ травѣ; когда нарубятъ дровъ или прутьевъ изъ перелѣска, онъ поймаетъ, посадитъ подъ караулъ... и чего не дѣлаетъ .. Это началось года съ три назадъ, а прежде архіерейскій домъ пользовался всѣмъ сплошь и домикъ тамъ выстроенъ для пріѣзда, теперь уже ветхъ, надобно возобновлять, если государь сдѣлаетъ милость, возвратитъ дому владѣемое". Примѣры недружелюбныхъ отношеній гражданской власти въ Пензѣ къ архіереямъ были и при преемникѣ Амвросія, Иринеѣ. „Христ. Чтеніе", 1881 г., май — іюнь. В. Ж.

Преосвященный Амвросій сразу же разошелся съ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, которымъ въ то время оказалось лицо, не вполнѣ отвѣчавшее своему высокому назначенію. Полный аристократической спѣси, избалованный широкимъ просторомъ захолустнаго житья, онъ требовалъ отъ всѣхъ безусловнаго повиновенія и свою волю ставилъ выше законовъ. Новый архіерей скоро далъ почувствовать свою силу избалованному властолюбцу и тѣмъ сдѣлалъ изъ него самаго злѣйшаго своего врага. Однако это нисколько не безпокоило архіерея въ виду того, что онъ самъ всегда дѣйствовалъ въ предѣлахъ строгой законности. Амвросій не любилъ и не умѣлъ интриговать. Онъ всегда открыто шелъ на борьбу и дѣйствовалъ прямо. Положеніе губернатора въ данномъ случаѣ оказалось менѣе удобнымъ. За нимъ имѣлось много грѣшковъ: его гражданская администрація отличалась распущенностью и своеволіемъ; самъ онъ слишкомъ преслѣдовалъ низшій классъ общества, защиту котораго, хотя и косвенно, взялъ на себя мѣстный безкорыстный архіерей. Ясно, губернатору не представлялось никакой возможности дѣйствовать противъ архіерея путемъ открытой борьбы. И право, и симпатіи чернаго народа находились не на его сторонѣ. Губернатору представлялась возможность вредить архіерею только косвенными путями, посредствомъ закулисныхъ интригъ и тайныхъ происковъ. Онъ, дѣйствительно, и избралъ этотъ путь борьбы съ мѣстнымъ архіереемъ. Преосвященный Амвросій не хотѣлъ знать и предупреждать подпольныя нападенія своего врага и, усвоивъ взглядъ на него, какъ на врага церкви, а не его лично, старался карать его церковными мѣрами. Онъ нерѣдко касался въ своихъ проповѣдяхъ тѣхъ нравственныхъ безобразій въ мѣстной гражданской администраціи, которыя источникомъ своимъ имѣли никого другого, какъ самаго губернатора. Случалось, что въ присутствіи въ соборѣ губернатора грозный владыка весь смыслъ и строго обличительный тонъ проповѣди обращалъ прямо на него. Губернаторъ зналъ за собою слабости и потому, во избѣжаніе открытыхъ обличеній строгаго и безцеремоннаго епископа, старался вообще уклоняться отъ встрѣчъ съ нимъ. Сначала онъ прекратилъ свои посѣщенія архіерея, равно какъ значительно сократилъ число своихъ посѣщеній и каѳедральнаго собора. Сюда онъ сталъ являться только по необходимости, по долгу службы,—въ дни высокоторжественные, и тогда на время

обѣдни онъ становился въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ церкви для того, чтобы не быть замѣченнымъ архіереемъ и не попасть подъ его острое слово. Вообще губернаторъ боялся архіерея какъ огня, и за свою боязнь старался мстить ему подпольными путями. Для того, чтобы повредить архіерею и по возможности свергнуть его съ каѳедры, губернаторъ рѣшился воспользоваться ожидавшимся въ 1824 году пріѣздомъ въ Пензу государя Александра Павловича, когда онъ могъ то лично, то чрезъ приближенныхъ къ государю особъ многое наговорить ему объ архіереѣ и тѣмъ избавить себя отъ строгаго и твердаго обличителя.

Еще за годъ въ Пензѣ стало извѣстно, что въ 1824 году этотъ городъ посѣтитъ императоръ Александръ Павловичъ. Въ Пензѣ всюду закипѣли приготовленія къ пріему рѣдкаго гостя. Преосвященный Амвросій точно также весьма сочувственно отнесся къ извѣстію о пріѣздѣ государя, и началъ свои приготовленія къ его пріему. Главною заботою архіерея служила отстройка каѳедральнаго собора, который онъ самъ возстановилъ и украсилъ внутри, но который снаружи оставался еще въ неотдѣланномъ видѣ. Преосвященный жертвовалъ всѣмъ своимъ ограниченнымъ достояніемъ для реставраціи собора, но этихъ средствъ оказалось слишкомъ недостаточно. Поэтому онъ былъ чрезвычайно обрадованъ, когда узналъ, что пензенскіе дворяне, въ виду пріѣзда государя, согласились собрать большую сумму денегъ, необходимую для исполненія наружнаго украшенія собора. Но радость и восторгъ Амвросія оказались непродолжительными и смѣнились большими для него огорченіями. Располагая достаточною суммою денегъ, преосвященный уже готовился приступить къ распоряженіямъ по отдѣлкѣ собора, какъ вдругъ, къ изумленію всѣхъ, былъ остановленъ... Оказалось, что же? Губернаторъ, благодаря своимъ связямъ въ Петербургѣ, жестоко, какъ онъ предполагалъ, отплатилъ архіерею. Онъ исходатайствовалъ повелѣніе, которымъ отстройка собора поручалась ему, губернатору, на томъ, нужно сказать ложномъ, основаніи, что деньги, необходимыя для отстройки церкви, были собраны съ дворянъ и слѣдовательно и употребленіе ихъ принадлежитъ гражданскому (?) начальству. Нечего и говорить о томъ, какъ глубоко огорчился Амвросій такимъ низкимъ образомъ дѣйствій своего врага и всею несправедливостью исхо-

датайствованнаго имъ распоряженія. Изъ-подъ наблюденія архіерея отнимали каѳедральную его церковь, имъ возстановленную изъ развалинъ, имъ украшенную внутри — церковь, для благолѣпія которой онъ жертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ, которую онъ такъ любилъ и лелѣялъ и въ которой онъ привыкъ священнодѣйствовать. Крайне тяжело было Амвросію видѣть, что въ то самое время, когда всѣ власти заняты были приготовленіями къ пріѣзду государя... только одинъ архіерей оказался, помимо своей воли, не у дѣлъ и сталъ въ Пензѣ какъ бы лишнимъ человѣкомъ, не смотря на то, что въ нихъ, по самому его высокому положенію, ему должны были принадлежать самая выдающаяся роль и почетное мѣсто. Дѣйствительно, трудно описать всю глубину сдѣланнаго архіерею оскорбленія — и это тѣмъ болѣе, что въ основѣ дѣйствій губернатора не находилось ни одного законнаго начала, и всѣмъ дѣломъ заправляло только низкое мелочное чувство оскорбленнаго человѣка. На этомъ одномъ губернаторъ не думалъ останавливаться. Достигнувъ одного униженія архіерея, онъ пошелъ дальше. Къ архіерейскому дому въ Пензѣ со стороны площади примыкалъ въ то время садъ, приходившійся противъ губернаторскаго дома, гдѣ предназначалась квартира для императора на случай его пріѣзда въ Пензу. Вдругъ, совершенно неожиданно для Амвросія, получается исходатайствованное все тѣмъ же губернаторомъ повелѣніе уменьшить почти на половину прилегающій къ архіерейскому дому садъ. Это, повидимому, дѣлалось въ видахъ улучшенія города, но на самомъ дѣлѣ съ тайнымъ разсчетомъ оскорбить и унизить архіерея, у котораго на основаніи выхлопотаннаго губернаторомъ повелѣнія, безъ всякаго вознагражденія, отнимали собственность, не испросивъ его согласія и даже совсѣмъ не предупредивъ его. Это, дѣйствительно, такая вопіющая несправедливость, которая невозможна не только въ отношеніи архіерея, но даже всякаго частнаго лица и только можно удивляться изобрѣтательности тогдашняго начальника пензенской губерніи.

По своему благочестивому настроенію преосвященный Амвросій легко могъ бы, во имя христіанскаго смиренія, примириться съ тѣми оскорбленіями, которыя выпадали на его долю со стороны губернатора. Онъ не хотѣлъ мстить за наносимыя ему личныя оскорбленія, но здѣсь онъ взглянулъ на дѣло иначе. Въ дѣй-

ствіяхъ губернатора онъ видѣлъ не одно оскорбленіе собственной личности. Онъ думалъ, что въ лицѣ его унижается достоинство церкви и что для поддержанія его онъ, какъ православный епископъ, по необходимости, въ силу своихъ обязанностей, долженъ отстоять высокое значеніе архіерея. Амвросій открыто и рѣшительно выступилъ на защиту церкви и во все продолженіе борьбы оставался непоколебимо твердъ, какъ гранитная скала. Зная хорошо то, что губернаторъ, благодаря своимъ связямъ въ столицѣ. сильнѣе его и не желая самъ или, можетъ быть, не разсчитывая на постороннюю поддержку въ высшихъ сферахъ для себя самаго, Амвросій тѣмъ не менѣе нисколько не хотѣлъ сойти съ однажды избраннаго пути и поставилъ себѣ за правило—лучше погибнуть въ борьбѣ, чѣмъ измѣнить своему характеру.

Преосвященный Амвросій возвышался въ глазахъ общества тѣмъ, что онъ ревновалъ за правду. Послѣ извѣстной исторіи съ поправкой собора, Амвросія крайне огорчало то, что при громадныхъ улучшеніяхъ наружнаго вида города, вызванныхъ ожидавшимся пріѣздомъ государя, гражданскія власти весьма много удручали работами бѣдныя и низшія сословія города. Пензенскій епископъ выступилъ здѣсь заступникомъ угнетенныхъ и обратился къ единственному находившемуся въ его распоряженіи средству—къ публичному слову. Амвросій при каждомъ удобномъ случаѣ въ церкви-ли, или у себя дома поражалъ своихъ противниковъ грозными ударами своего сильнаго и остраго слова. Раздраженный послѣдними дѣйствіями губернатора, Амвросій преслѣдовалъ и его, и его сторонниковъ разными, иногда обидными выходками, а еще чаще колкостями и остротами, способность къ которымъ развита была у него издавна. Нѣкоторыя изъ остроумныхъ его выходокъ соединяли въ себѣ замѣчательное сочетаніе и оригинальности, и правдивости до того, что онѣ вызывали собою удивленіе современниковъ и какъ такія долгое время оставались въ памяти народа и передавались изъ рода въ родъ. Ко времени пріѣзда государя въ Пензу весь городъ наполнился разсказами объ остротахъ и оригинальныхъ поступкахъ архіерея, и грозный пензенскій владыка сосредоточилъ на себѣ вниманіе не только мѣстныхъ жителей, но и пріѣзжихъ знатныхъ лицъ, каковы: Сакенъ, Дибичъ, Нессельродъ, Толь, Горчаковъ, Сипягинъ и другіе, явившіеся въ Пензу въ ожиданіи пріѣзда государя. Въ средѣ

пріѣзжихъ людей Амвросій въ то время сдѣлался самою любопытною личностью.

Былъ, между прочимъ, такой случай. Среди приготовленій къ пріѣзду государя пензенскія власти обратили преимущественное вниманіе на главную соборную площадь, гдѣ находились дома губернатора и архіерея. Послѣ того, какъ архіерей устраненъ былъ отъ участія въ поправкѣ собора, онъ окончательно отказался отъ всякихъ приготовленій и не дѣлалъ положительно никакихъ поправокъ по архіерейскому дому. Между тѣмъ нужда въ поправкахъ сознавалась сильно и была очевидна для всѣхъ. Амвросій какъ-бы замеръ въ своей дѣятельности и упорно воздерживался отъ всякихъ приготовленій и при напоминаніяхъ о нихъ отдѣлывался болѣе колкостями и остротами. Однажды губернаторъ Лубяновскій поручилъ полиціймейстеру съѣздить къ преосвященному съ просьбою о томъ, чтобы онъ приказалъ къ пріѣзду государя очистить отъ грязи и мусора площадь, лежащую предъ архіерейскимъ домомъ и въ особенности убрать камень, сложенный у стѣны архіерейскаго сада. „Хорошо, сказалъ Амвросій явившемуся полиціймейстеру,—эту нечистоту можно убрать. Но куда мы уберемъ тебя съ губернаторомъ? Васъ хоть въ землю зарой, а дѣла ваши не скроются.... Безобразнѣе васъ обоихъ ничего нѣтъ въ Пензѣ“. Этотъ разсказъ имѣетъ нѣсколько варіацій, а иногда даже, что впрочемъ совершенно невѣрно, приписывается не Амвросію, а преемнику его, Иринею Нестеровичу, но сущность разсказа передается болѣе или менѣе одинаково [1]).

Выходка Амвросія, имѣвшая слишкомъ обидный смыслъ для губернатора и полиціймейстера, всецѣло направлялась противъ ихъ нравственныхъ качествъ. По словамъ другихъ современниковъ, лично знавшихъ и преосвященнаго Амвросія, и полиціймейстера, коллежскаго совѣтника Демьяна Петровича Путяту, слова преосвященнаго имѣли совершенно иной смыслъ. Дѣло въ томъ, что полиціймейстеръ Путята, извѣстный въ Пензѣ за добраго и честнаго человѣка, къ сожалѣнію отличался непріятною наружностью,

---

[1]) Разсказъ объ этой выходкѣ Амвросія помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., мартъ, стр. 480—481, и 1879 г., августъ, стр. 729—730. Приписывается онъ Иринею Нестеровичу въ „Русской Старинѣ“ 1879 г., январь, томъ XXIV, стр. 159; февраль, стр. 366, 368—369. В. Ж.

будучи косымъ и курносымъ. Когда онъ, по приказанію губернатора, явился къ преосвященному Амвросію съ просьбою о поправкахъ по архіерейскому дому, преосвященный, не смотря на очевидную необходимость, не хотѣлъ исполнить просьбы губернатора. Полицціймейстеръ замѣтилъ на это архіерею, что безобразіе по городу, нетерпимое ни въ какое другое время, тѣмъ менѣе можетъ быть допущено въ виду прибытія государя; а преосвященный Амвросій, улыбаясь, спросилъ обладавшаго, какъ уже извѣстно, невзрачною физіономіею полицціймейстера: „а куда же губернаторъ дѣнетъ твое-то безобразіе?“ [1]) Съ трудомъ можно согласиться съ переданнымъ разсказомъ, потому что онъ отзывается не только грубостью, но и противорѣчитъ нравственному чувству. Едва-ли преосвященный Амвросій, и какъ епископъ, и какъ еще болѣе человѣкъ, отличавшійся высокимъ благочестіемъ, могъ снизойти до простой, вульгарной насмѣшки надъ внѣшними недостатками человѣка. Мнѣ кажется, такъ какъ переданный выше разсказъ сообщенъ самимъ дѣйствующимъ лицомъ—полицціймейстеромъ, то онъ, какъ непосредственно заинтересованное лицо, и могъ дать такой тонъ словамъ архіерея, который бы касался его въ менѣе обидномъ для него смыслѣ.

Ко времени пріѣзда государя въ Пензу сюда собранъ былъ весь второй пѣхотный корпусъ. Въ Пензу прибылъ и главнокомандующій арміей графъ, а впослѣдствіи князь, Сакенъ вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба Толемъ. Командиромъ собраннаго въ Пензѣ корпуса состоялъ князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ. Наѣхавшіе высшіе военные чины, при общей чистотѣ города, не могли не обратить вниманія на неприглядный видъ мѣстности, прилегающей къ архіерейскому дому. Главнокомандующій Сакенъ счелъ съ своей стороны нужнымъ напомнить пензенскому архіерею о поправкахъ по архіерейскому дому и объ очисткѣ примыкающей къ нему мѣстности. Онъ послалъ къ нему одного изъ своихъ адъютантовъ съ порученіемъ просить его объ исправленіяхъ по архіерейскому дому.

— „Вашъ генералъ—нѣмецъ, сказалъ Амвросій адъютанту Сакена, а потому и не знаетъ, что русскіе архіереи не занимаются чисткою улицъ и площадей; ихъ дѣло очищать души; если хо-

[1]) Г. И. Мѣшковъ. „Русская Старина“ 1879 г., августъ, стр 729—730.

четъ генералъ, чтобъ я его почистилъ, пусть пришлетъ свою душу" [1]).

Этотъ разсказъ въ нѣкоторыхъ своихъ подробностяхъ не вполнѣ отвѣчаетъ характеру Амвросія и притомъ выраженъ языкомъ слишкомъ простымъ и нелитературнымъ, что едва ли могъ допустить умный и ученый епископъ. Переходя изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, разсказъ, вѣрно, можетъ быть, передавая мысль Амвросія, получилъ вульгарную окраску.

Съ наступленіемъ весны 1824 года начались поправки пензенскаго каѳедральнаго собора. Поднялись лѣса вокругъ церкви, началась установка колоннъ и штукатурка всего зданія. Все это видѣлъ Амвросій изъ оконъ своихъ покоевъ и, конечно, много вынесъ внутренней борьбы при видѣ кипучей работы вокругъ любимой имъ церкви, отъ наблюденія надъ которою святотатственно отклонили его низкія интриги губернатора. Но вотъ, наконецъ, принялись ломать ограду архіерейскаго сада и, замѣчательно, не предупредивши и не спросившись самаго архіерея... Это происходило въ началѣ іюня. Какъ ни крѣпокъ и силенъ былъ характеръ Амвросія, все таки и онъ не вынесъ своего публичнаго позора. Амвросій не могъ равнодушно смотрѣть на то, что происходитъ вокругъ него, и скрылся изъ Пензы. Въ одинъ изъ іюньскихъ дней въ столовой архіерейскаго дома былъ поданъ обѣдъ. Преосвященный не показывался еще въ свою столовую и изъ внутри своего кабинета далъ приказаніе заложить карету. Архіерейскіе келейники думали, что владыка желаетъ прокатиться предъ обѣдомъ. Подали карету, преосвященный молча сѣлъ въ нее и на вопросительные взгляды сопровождавшаго его келейника и кучера онъ только махнулъ рукою. Кучеръ, уже долгимъ опытомъ пріученный понимать капризы своего владыки, поѣхалъ въ томъ направленіи, въ какомъ вздумалось ему самому, предполагая, что владыка предоставилъ это его выбору, что̀ нерѣдко случалось съ нимъ и прежде. Но вотъ проѣзжаютъ одну улицу, за нею другую и третью... и такъ проѣзжаютъ въ одномъ направленіи почти чрезъ весь городъ. Кучеръ нерѣдко оборачивается назадъ и бросаетъ вопросительные взгляды въ дверцы кареты. Амвросій, отлично понимая смыслъ этихъ взглядовъ, отвѣчалъ на нихъ по

[1]) „Русск. Стар." 1872 г., мартъ, стр. 481.

прежнему однимъ движеніемъ руки. Архіерейская карета направилась далѣе, проѣхала городскую заставу. Возница приходитъ въ недоумѣніе и опять вопросительные его взгляды направляются въ дверцы кареты, откуда опять прежнее безмолвное мановеніе архіерея. Такъ проѣхали по большой дорогѣ около двадцати верстъ. Кучеръ, недоумѣнію котораго не было предѣловъ, уже съ нескрываемымъ безпокойствомъ снова заглянулъ въ карету.... Преосвященный опять молча указалъ ему рукою на виднѣвшееся вблизи селеніе и вотъ чрезъ нѣкоторое время архіерейская карета остановилась у сельской церкви. Преосвященный вошелъ съ благоговѣніемъ въ церковь, долго молился въ ней, затѣмъ произвелъ строгую ревизію духовенства и провелъ ночь въ домѣ пригласившаго его священника. На другой день повторяется прежняя исторія: Амвросій молча садится въ карету, возница и келейникъ снова обращаются къ нему съ вопросительными взглядами и снова все тотъ же нѣмой отвѣтъ рукою, и таже поѣздка въ невѣдомый путь. Въ такихъ своихъ безпрерывныхъ странствованіяхъ по епархіи преосвященный Амвросій провелъ около двухъ мѣсяцевъ. Онъ дѣлалъ переѣзды по шестидесяти, а иногда болѣе верстъ въ сутки, останавливаясь по два или по три раза въ день для отдыха въ селеніяхъ, проѣхалъ тысячи верстъ, искрестилъ свою епархію по всѣмъ направленіямъ и вездѣ производилъ самую строгую ревизію. Ревизуя церкви, Амвросій вездѣ, гдѣ только замѣчалъ малѣйшіе безпорядки, строго взыскивалъ со священниковъ и другихъ членовъ клира: однихъ подвергалъ наказаніямъ на мѣстѣ, другихъ отсылалъ для исправленія въ Пензу.

Во время своей продолжительной поѣздки преосвященный не имѣлъ съ собою ничего ни для себя лично, ни для прислуги, ни даже для лошадей. На дорогѣ онъ останавливался для отдыха одинаково и у священниковъ, и у крестьянъ, и у помѣщиковъ и вездѣ пользовался тѣмъ, что только предлагали ему приглашавшіе его гостепріимные хозяева и не терпѣлъ нужды въ необходимомъ. Многіе православные за счастіе считали принять и угостить преосвященнаго, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ селахъ обширной пензенской епархіи въ первый разъ видѣли архіерея. Притомъ преосвященный Амвросій не требовалъ для себя многаго: кусокъ хлѣба, ковшъ воды, чашка капусты—вотъ и все мэню его обѣда, а иногда случалось, что онъ по цѣлымъ днямъ не спрашивалъ для себя ничего.

Между тѣмъ въ Пензѣ потеряли голову и никакъ не могли придумать—куда скрылся оригиналъ-архіерей. Въ первые дни по его отъѣздѣ, въ архіерейской столовой, въ обыкновенный часъ, накрывался столъ и подавались для высокаго хозяина скромныя блюда, которыя конечно потомъ и уносились нетронутыми. И только уже жертвы архіерейской ревизіи—провинившіеся священники, явившись, по повелѣнію Амвросія, въ Пензу, для исправленія, сообщили наконецъ пензенскимъ горожанамъ о томъ, гдѣ находится ихъ архіерей и чѣмъ онъ занятъ теперь. Въ Пензу давно уже собрался весь второй пѣхотный корпусъ, для осмотра котораго императоръ и предпринялъ путь свой въ Пензу; сюда пріѣхали нѣкоторые придворные, чины. Въ Пензу, по случаю ожиданія пріѣзда государя, съѣхалось множество дворянъ пензенской и сосѣднихъ губерній. Весь городъ принарядился. Каѳедральный соборъ очистился отъ лѣсовъ и стоялъ совершенно обновленный и чистый. Губернскому городу недоставало одного—архіерея, которому по всѣмъ правамъ должна принадлежать первенствующая роль при встрѣчѣ государя. А Амвросій все еще не являлся въ Пензу и никто не могъ положительно сказать, когда онъ возвратится.

Одинъ изъ генераловъ собравшагося въ Пензу втораго пѣхотнаго корпуса, именно начальникъ гусарской дивизіи, генералъ-майоръ Леонтьевъ, женатый на дочери графа Зубова, внучкѣ знаменитаго генералиссимуса, князя Суворова, человѣкъ очень любимый и уважаемый всѣми военными, неожиданно заболѣлъ и скончался скоропостижно. Его анатомировали и приготовили для него торжественные похороны. Отпѣваніе для большей пышности предполагалось сдѣлать въ каѳедральномъ соборѣ. Вдругъ возвращается въ Пензу Амвросій. Тогда, конечно, потребовалось испросить благословеніе архіерея на право отпѣть тѣло генерала въ соборной церкви. Лица, заправлявшія похоронами Леонтьева, дѣйствительно явились къ преосвященному Амвросію и просили какъ его благословенія на отпѣваніе въ соборѣ, такъ и о томъ, чтобы онъ почтилъ самое отпѣваніе своимъ въ немъ участіемъ. Преосвященный на просьбу явившихся къ нему военныхъ чиновъ отвѣчалъ, что не только онъ самъ, но и ни одинъ изъ его священниковъ не будетъ ни подъ какимъ видомъ отпѣвать тѣла ихъ умершаго генерала. „Въ соборахъ, говорилъ между прочимъ не-

умолимый архіерей, церковными правилами воспрещено отпѣвать покойниковъ, кромѣ однихъ архіереевъ, а Леонтьева я и совсѣмъ не буду отпѣвать". „Кого желаете вы погребать, какъ христіанина? продолжалъ онъ далѣе на просьбу военныхъ чиновъ. Вы изъ него вынули сердце, внутренности и св. причастіе, которое принялъ онъ передъ смертью, и набили его сѣномъ. Это теперь не тѣло христіанина, а чучело; мнѣ сердце только и нужно".

Главнокомандующій Сакенъ нѣсколько разъ присылалъ къ преосвященному своихъ адъютантовъ, съ тѣмъ чтобы упросить архіерея уступить, но послѣдній остался непреклоненъ. Задѣтый за живое отказомъ архіерея, Сакенъ обратился къ иному способу дѣйствій. Онъ нѣсколько разъ посылалъ къ Амвросію своихъ адъютантовъ уже не съ просьбою, а съ требованіемъ, чтобы тѣло заслуженнаго и извѣстнаго самому государю генерала Леонтьева было отпѣто приличнымъ образомъ, ссылался на свои права главнокомандующаго, угрожалъ доложить императору. Но архіерей остался непоколебимъ и на угрозы главнокомандующаго отвѣчалъ полнымъ ихъ пренебреженіемъ. „Скажите вашему начальнику, такъ однажды выразился Амвросій на слова угрозъ, переданныя ему однимъ изъ адъютантовъ Сакена, что онъ (Сакенъ)—главнокомандующій надъ войсками, а я главнокомандующій въ моихъ церквахъ". Главнокомандующему ничего не оставалось болѣе, какъ только помириться съ необходимостью. Похороны Леонтьева прошли очень скромно и незамѣтно. Тѣло его было отпѣто за городомъ, въ лагерѣ, въ походной церкви и при участіи только полковыхъ священниковъ. Всѣ высшіе военные чины крайне были огорчены и раздражены поступкомъ архіерея—и это тѣмъ болѣе, что Леонтьевъ пользовался всеобщею любовью и уваженіемъ. Особенное негодованіе къ архіерею обнаруживали бывшіе подчиненные Леонтьева, гусары. Одинъ изъ смѣлыхъ гусаръ на выходку архіерея рѣшился отвѣтить публичною дерзостью, но оборвался. Онъ однажды явился въ каѳедральный соборъ, простоялъ обѣдню и, подходя, по окончаніи ея, среди массы народа, къ благословенію и къ рукѣ архіерея, громко произнесъ при этомъ: „благослови, пастухъ!" „Богъ да благословитъ тебя, послѣднюю скотину изъ моего стада", прехладнокровно и медленно-важно отвѣчалъ Амвросій, благосло-

вляя гусара [1]). Всѣ высшіе военные чины сильно не возлюбили пензенскаго архіерея, собирали объ немъ невыгодныя свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы потомъ при случаѣ доложить о нихъ государю. Въ представленіи наѣхавшихъ въ Пензу военныхъ чиновъ преосвященный Амвросій выросъ человѣкомъ грубымъ, дерзкимъ, жестокимъ и едва не тираномъ. Такимъ образомъ, къ пріѣзду государя въ Пензу и мѣстная, и наѣзжая знать вооружилась противъ непреклоннаго архіерея.

Наступило 29-е августа—день пріѣзда государя въ Пензу. Съ самаго ранняго утра народъ массами толпился на улицахъ и особенно на соборной площади. Рано каѳедральный соборъ началъ наполняться народомъ. Въ пятомъ часу дня въ соборѣ находился уже архіерей со всѣмъ духовенствомъ, губернаторъ, главнокомандующій и всѣ высшіе военные и гражданскіе чины. Соборъ едва могъ вмѣстить всѣхъ жаждавшихъ видѣть государя. Собравшаяся въ каѳедральной церкви масса народа, не занятая при томъ никакимъ церковнымъ богослуженіемъ, стоявшая въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ въ тѣснотѣ, среди всеобщей давки, не могла оставаться безмолвною. Въ толпѣ, наполнявшей церковь, слышался разговоръ, а по временамъ даже шумъ. Архіерей справедливо возмутился поведеніемъ народа. Въ полномъ облаченіи и со св. крестомъ въ рукахъ вышелъ онъ изъ алтаря, грозно посмотрѣлъ на толпу и громко сказалъ, обращаясь къ ней: „какъ можете вы, ожидая царя земнаго, забыть о Царѣ Небесномъ и нарушать уваженіе къ Его храму?“ Слова архіерея произвели магическое дѣйствіе. Въ соборѣ водворилась мертвая тишина [2]).

Предъ самымъ пріѣздомъ государя въ соборъ произошло столкновеніе между архіереемъ съ одной стороны и гражданскими и

---

[1]) Относительно этого поступка Амвросія нужно сказать, что онъ отзывается слишкомъ анекдотическимъ характеромъ и приписывается многимъ архіереямъ. Этотъ анекдотъ приписывается и преемнику Амвросія, епископу Иринею Нестеровичу („Русская Старина“ 1879 г., февраль, стр. 368), но онъ былъ извѣстенъ еще далеко ранѣе Амвросія и Иринея и ходилъ въ молвѣ народной въ разныхъ редакціяхъ, причемъ дѣйствующими лицами въ немъ иногда называли одного гусарскаго офицера и приходскаго священника.— „Русская Старина“ 1879 г., августъ, стр. 730.

[2]) Разсказъ одной свидѣтельницы событія, напечатанный въ запискахъ неизвѣстной, подъ заглавіемъ: „Жизнь прожить—не поле перейти“. „Русскій Вѣстникъ“, сентябрь 1881 года. стр. 125. В. Ж.

военными чинами съ другой. Между ними произошло разногласіе относительно крыльца, съ котораго должно было встрѣчать государя. Губернаторъ и главнокомандующій распорядились встрѣтить государя съ главнаго, западнаго, крыльца собора. Тамъ уже потому сгруппировались всѣ военные и гражданскіе чины. Только не доставало здѣсь присутствія духовенства. Вдругъ, лишь только дано было знать о приближеніи императора къ Пензѣ, архіерей въ полномъ и блестящемъ облаченіи, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, въ предшествіи св. креста, иконъ и хоругвей—вышелъ изъ алтаря и направился къ боковымъ южнымъ дверямъ собора. Амвросій имѣлъ всѣ резоны къ тому, чтобы поступить такимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что южныя двери собора были почти прямо обращены къ той улицѣ, по которой долженствовало проѣзжать государю. Потомъ, при передѣлкѣ собора, подъѣздъ у южныхъ дверей устроенъ былъ гораздо параднѣе западнаго главнаго подъѣзда. Амвросій, вездѣ и всегда любившій блескъ и парадность въ церквахъ, отъ того и предпочелъ южныя двери собора западнымъ. Поступокъ архіерея изумилъ всѣхъ. И губернаторъ, и главнокомандующій неоднократно посылали своихъ чиновниковъ и адъютантовъ къ архіерею, прося его перейти къ западному крыльцу, какъ болѣе приличному, по ихъ мнѣнію, мѣсту встрѣчи государя, и указывая на то, что тамъ все приготовлено къ встрѣчѣ его величества. На просьбы свѣтскихъ сановниковъ Амвросій отвѣтилъ коротко и рѣзко: „я архіерей, и мнѣ принадлежатъ здѣсь распоряженія“. Къ архіерею снова являются уже съ настойчивою просьбою перейти къ западному подъѣзду, передаются угрозы и увѣренія въ томъ, что архіерей можетъ остаться въ сторонѣ отъ встрѣчи, что государь непремѣнно подъѣдетъ туда, гдѣ ожидаетъ его главнокомандующій. Но никакія убѣжденія не могли сломить упрямаго архіерея. На всѣ настойчивыя увѣренія въ томъ, что государь подъѣдетъ къ западному крыльцу и обойдетъ архіерея, послѣдній совершенно основательно отвѣчалъ словами: „государь поѣдетъ туда, гдѣ развѣваются хоругви церкви; главнокомандующій можетъ перейти сюда, а хоругви и св. иконы и образа никогда не пойдутъ къ нему“. Свѣтскія власти не хотѣли уступить. Такъ приготовившіеся ко встрѣчѣ раздѣлились на двѣ группы. Конечно, государь подъ-

ѣхалъ къ южному крыльцу собора, гдѣ ожидалъ его архіерей и гдѣ развѣвались церковныя хоругви.

Императоръ подъѣхалъ къ собору. Еще не поднимаясь по ступенямъ крыльца, онъ, какъ ходили слухи, замѣтилъ архіерею, что онъ страдаетъ ногами и что для его больныхъ ногъ лѣстница оказывается очень высокою и крутою. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что императоръ уже догадался, что ему приготовлялся другой, болѣе покойный, входъ въ соборъ. „А танцовать не болятъ ноги", спокойно и съ полнымъ сознаніемъ своего права отвѣчалъ Амвросій на замѣчаніе государя, и, какъ ни въ чемъ не бывало, повелъ его по ступенямъ крыльца. Императоръ поднялся на верхнюю площадку крыльца, принялъ благословеніе епископа, помолился предъ однимъ изъ ближайшихъ образовъ, которые держали въ рукахъ окружавшіе епископа священники, и сдѣлалъ-было движеніе къ тому, чтобы приложиться къ св. изображенію. Но, къ удивленію всѣхъ, архіерей остановилъ его и молча рукою показалъ ему, что должно сдѣлать земной поклонъ. Государь поклонился до земли и направился было прикладываться къ образу. Архіерей опять остановилъ его. „Три раза", сказалъ онъ государю и государь сдѣлалъ три земные поклона прежде, чѣмъ приложиться къ иконѣ. Архіерея окружало нѣсколько священниковъ, изъ которыхъ каждый держалъ по какой-нибудь иконѣ. И государь предъ каждой изъ нихъ клалъ по три земныхъ поклона. Когда государь окончилъ поклоненіе иконамъ, преосвященный Амвросій обратился къ нему съ краткою, но сильною привѣтственною рѣчью, которую закончилъ словами: „Осанна въ Вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!" Громко и безпрестанно произнося эти же самыя слова, Амвросій, предшествуя со св. крестомъ въ рукахъ императору, ввелъ его въ соборъ. Подводя государя къ царскимъ дверямъ и мѣстнымъ иконамъ. строгій архіерей опять заставилъ его предъ каждою иконою класть по три земныхъ поклона. Государь былъ послушенъ, какъ дитя, пензенскому владыкѣ. Послѣ благодарственнаго молебна Амвросій опять сказалъ нѣсколько назидательныхъ словъ государю и предшествовалъ ему при выходѣ его изъ собора. При чемъ опять громко раздавались по всей церкви слова архіерея: „Осанна въ Вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!"

Въ Пензѣ императоръ остановился въ губернаторскомъ домѣ.

Едва только онъ успѣлъ расположиться въ отведенной ему квартирѣ на отдыхъ, какъ на соборной колокольнѣ раздался оглушительный звонъ во всѣ колокола. То дѣлалось по приказанію епископа Амвросія, который при звонѣ соборныхъ колоколовъ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, вышелъ въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства изъ соборной церкви и съ великолѣпною церковною церемоніею, съ хоругвями и иконами направился прямо къ императорской квартирѣ. Государь изъ окна увидѣлъ шествовавшую по площади церемонію и приказалъ узнать о значеніи ея. Амвросій объявилъ посланному, что онъ съ духовенствомъ желаетъ представиться императору съ такою именно церемоніею. Государь чрезъ одного изъ своихъ адъютантовъ просилъ преосвященнаго не безпокоиться и дать ему самому отдыхъ, въ которомъ онъ такъ нуждался. Архіерей, выслушавъ объявленіе адъютанта, молчалъ и шелъ далѣе. Докладываютъ государю, что архіерей не повинуется и уже приближается къ подъѣзду императорской квартиры. Государь послалъ начальника главнаго своего штаба, барона Дибича—остановить архіерея. „Какъ генералъ-адъютантъ, сказалъ Дибичъ Амвросію, объявляю вамъ высочайшее повелѣніе воротиться“. „Ты адъютантъ царя земнаго, хладнокровно отвѣчалъ Амвросій на грозное приказаніе Дибича, а я адъютантъ царя небеснаго“ [1]). „Я васъ остановлю“, горячился вспыльчивый Дибичъ. „Нѣтъ силы на землѣ, которая бы остановила крестъ Господень“, возразилъ ему Амвросій, показывая на крестъ, который онъ держалъ въ рукахъ своихъ, и вступилъ въ императорскую квартиру. Государь наскоро одѣлся и, по крайней мѣрѣ, съ видимою благосклонностью встрѣтилъ преосвященнаго. Амвросій окропилъ св. водою государя и всю его квартиру, поднесъ ему образъ и просфору и долго говорилъ ему благочестивое наставленіе въ строго-аскетическомъ духѣ. Императоръ внимательно слушалъ строгую рѣчь архіерея, цѣловалъ его руки, и, прощаясь съ нимъ, проводилъ его до дверей своей квартиры [2]).

---

[1]) Настоящій отвѣтъ епископа Амвросія Дибичу приписывается нерѣдко, хотя и хронологически (Ириней былъ епископомъ Пензенскимъ не въ царствованіе Александра I, а уже при Николаѣ I—съ 1826 по 1830 г.) невѣрно, епископу Пензенскому Иринею Нестеровичу.—„Русская Старина“, 1879 г., январь, стр. 163 и февраль, стр. 368. В. Ж.

[2]) Въ воспоминаніяхъ лейбъ-хирурга Тарасова разсказывается, что настоящій поступокъ Амвросія имѣлъ мѣсто не 29-го, а 30-го августа, и что

Слѣдующій день, 30-е августа, былъ днемъ тезоименитства государя. Вечеромъ наканунѣ, т. е. 29-го числа, преосвященный Амвросій самъ служилъ въ каѳедральномъ соборѣ всенощное бдѣніе и служилъ съ обычнымъ блескомъ и съ обычною же продолжительностью. Еще при самомъ началѣ вечерняго богослуженія къ архіерею явился посланный отъ государя съ приказаніемъ, чтобъ на слѣдующій день (30-го августа) обѣдня въ соборѣ начата была въ шесть часовъ утра и продолжалась какъ можно короче въ виду того, что государю на слѣдующій день рано предстояло отправиться за городъ, для смотра войскъ. Амвросій отвѣчалъ посланному: „доложи государю, что я завтра буду служить обѣдню ни раньше ни позже, ни длиннѣе ни короче того, какъ установила церковь".

При обычной продолжительности священнослуженія Амвросія, второй перезвонъ всенощнаго бдѣнія былъ въ исходѣ десятаго часа ночи, когда государь уже почивалъ. Громкій звонъ соборныхъ колоколовъ разбудилъ императора, который, узнавъ, что будетъ еще третій звонъ, приказалъ объявить, чтобы служили безъ звона. Тотъ же посланный снова явился къ архіерею и передалъ ему новое приказаніе государя. „Здѣсь, сказалъ неустрашимый архіерей посланному государя, воля Царя Небеснаго, а не царя земнаго". И что же? Въ исходѣ одиннадцатаго часа, по приказанію архіерея, въ третій разъ отзвонили въ большіе соборные колокола—почти подъ окнами императорской квартиры.

Государь, въ виду непреклонности архіерея, 30-го августа слушалъ литургію, въ шесть часовъ утра, въ церкви св. Петра и Павла, находившейся на нижней площади города. Непосредственно

преосвященный Амвросій не получилъ доступа къ государю, а по приказанію барона Дибича былъ вынужденъ воротиться вмѣстѣ со всею процессіею назадъ въ соборъ. Въ воспоминаніяхъ Тарасова разсказъ объ этомъ поступкѣ Амвросія обставленъ не вполнѣ вѣрными подробностями. „Русская Старина". 1872 г., мартъ, стр. 356—357. Знатокъ пензенской старины, Г. И. Мѣшковъ. сообщаетъ, что извѣстный поступокъ Амвросія относится къ 31-му августа, Онъ же, какъ очевидецъ и свидѣтель самаго событія, разсказываетъ, что преосвященный Амвросій съ своей торжественной процессіей не былъ принятъ государемъ и по настоянію Дибича возвратился съ нею въ соборъ. „Русская Старина", 1872 г., августъ, стр. 729—730. Въ запискахъ современника о епископѣ Амвросіи, которыми я пользуюсь, порядокъ событій изложенъ, по моему мнѣнію, послѣдовательнѣе и, какъ кажется, ближе къ истинѣ.

В. Ж.

послѣ литургіи онъ отправился на смотръ войскъ, который продолжался приблизительно часовъ до двухъ по полудни. Между тѣмъ архіерей, начавшій обѣдню въ обыкновенное время, окончилъ ее только къ двумъ часамъ. Обѣдня только что кончилась въ соборѣ, какъ государь на возвратномъ пути съ маневровъ появился на главной площади. Архіерей въ полномъ облаченіи, со св. крестомъ, иконами и хоругвями и съ многочисленнымъ духовенствомъ, вышелъ къ нему на встрѣчу. Государю хотя и не понравилась устроенная архіереемъ церемонія, но для сохраненія приличій онъ вышелъ изъ коляски, принялъ благословеніе и поздравленіе Амвросія, который при этомъ окропилъ его св. водою. Императоръ прибылъ въ свою квартиру. Вскорѣ явился туда уже одинъ преосвященный Амвросій. Между императоромъ и епископомъ завязалась продолжительная бесѣда. Нѣкоторые отдѣльные пункты этой бесѣды, конечно, были очень интересны и любопытны. Аскетъ-епископъ предостерегалъ государя отъ соблазновъ міра, совѣтовалъ ему отказаться отъ бала, предложеннаго государю дворянствомъ, называлъ балъ бѣсовскимъ утѣшеніемъ, говорилъ, что музыка на балѣ прознаменуетъ насмѣшки іудеевъ, а танцы—терновый вѣнокъ на головѣ Іисуса. Разговоръ касался и практическихъ сторонъ. Государь, напримѣръ, обратилъ вниманіе на его епархію, упомянулъ о жалобахъ на него духовенства и при этомъ указалъ на кипу просьбъ, поданныхъ духовными лицами въ проѣздъ его чрезъ Пензенскую губернію. „Государь, сказалъ на это епископъ, на тебя еще болѣе подали бы жалобъ, если бы было кому жаловаться. Посмотри, продолжалъ онъ, коснувшись своей панагіи и указывая на находившееся на ней изображеніе распятаго Спасителя,—Онъ-ли не былъ святъ, а Его обвинили и распяли!" Изъ продолжительнаго разговора съ епископомъ Амвросіемъ государь вынесъ то совершенно вѣрное убѣжденіе, что онъ могъ быть суровымъ въ управленіи, но никогда несправедливымъ.

Государь пробылъ въ Пензѣ четыре дня. Архіерей надоѣдалъ императору своими постоянными торжественными встрѣчами, какія устроялъ онъ почти при каждомъ проѣздѣ государя мимо собора. Императоръ началъ избѣгать архіерея и, чтобы не встрѣтиться съ нимъ, дѣлалъ большіе объѣзды по городу. Между тѣмъ Амвросій не обращалъ на это никакого вниманія и попрежнему продолжалъ являться къ государю съ благословеніями и просфо-

рами. Государь хотя по временамъ и принималъ его, но старался какъ можно скорѣе распроститься съ нимъ. 1-го сентября, въ квартирѣ государя, въ губернаторскомъ домѣ, былъ парадный обѣдъ, къ которому, кромѣ свиты и генералитета, получили приглашеніе губернаторъ, губернскій предводитель и друг. лица; но преосвященный Амвросій приглашенъ не былъ [1]). Для всѣхъ было очевиднымъ, что государь только снисходилъ архіерею. Городскіе слухи предрекали Амвросію неблаговоленіе императора и даже низложеніе съ каѳедры. Одинъ изъ помѣщиковъ-благожелателей епископа удерживалъ его отъ поступковъ, могущихъ вооружить противъ него государя и между прочимъ указывалъ ему на возможность ссылки его въ монастырь. „А въ монастырѣ есть Богъ?" спокойно спросилъ архіерей своего собесѣдника.—„Въ Соловецкій монастырь"—дополнилъ тотъ вмѣсто прямого отвѣта на вопросъ. „А въ Соловецкомъ монастырѣ есть Богъ?" опять переспросилъ архіерей. „Богъ-то вездѣ есть, отвѣчалъ помѣщикъ, да вамъ будетъ худо". „Нѣтъ, сказалъ на это Амвросій, тамъ все мое счастье, гдѣ Богъ. Мнѣ нуженъ Онъ одинъ, а отъ Него меня никто не удалитъ".

При своемъ отъѣздѣ изъ Пензы государь пожаловалъ награды и ордена многимъ высшимъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ въ городѣ. Пензенскій губернаторъ получилъ большой орденъ св. Владиміра второй степени. Только архіерей остался безъ всякой награды. Впрочемъ онъ никогда и не искалъ и не желалъ никакихъ почестей, когда онъ самъ шолъ и дѣйствовалъ совершенно наперекоръ всякой мірской славѣ и земнымъ отличіямъ.

Преосвященный Амвросій въ короткое время сильно привязался къ императору Александру, который произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Разошедшись со всѣмъ обществомъ въ Пензѣ и не желая болѣе служить ему, Амвросій хотѣлъ покончить всѣ съ нимъ связи, но покончить такъ, чтобы самому ему ни въ чемъ не измѣнить своему характеру. Своими оригинальными и во всякомъ случаѣ непріятными и даже оскорбительными для государя выходками Амвросій, можетъ быть намѣренно, вооружалъ его противъ себя и сознательно, съ полнымъ убѣжде-

---

[1]) „Русская Старина", изд. 1879 г., августъ, стр. 130. Сообщеніе Г. И. Мѣшкова. В. Ж.

ніемъ въ возможности дурныхъ послѣдствій, вызывалъ противъ себя бурю, среди которой онъ хотѣлъ погибнуть. Онъ разсчитывалъ найти для себя выходъ изъ своего затруднительнаго положенія въ возбужденіи къ себѣ немилости государя. Но планы его рушились предъ безконечною снисходительностью и великодушіемъ императора. Вотъ почему Амвросій такъ привязался къ императору Александру I, что въ теченіе всей послѣдующей своей жизни всегда съ благоговѣніемъ и даже со слезами вспоминалъ о немъ. Онъ, угрюмый, молчаливый отъ природы, съ большимъ увлеченіемъ любилъ разсказывать объ Александрѣ I и вести бесѣды о высокихъ нравственныхъ качествахъ его души.

По отъѣздѣ государя изъ Пензы, преосвященный Амвросій собралъ въ архіерейскомъ домѣ все городское духовенство и обратился къ нему съ продолжительною рѣчью, въ которой онъ много распространялся о благости и великодушіи императора. Холодный и суровый аскетъ, Амвросій плакалъ, вспоминая о своихъ бесѣдахъ съ нимъ. „Видѣли-ли вы, спрашивалъ онъ членовъ городского духовенства, какъ я докучалъ, досаждалъ государю; и съ какимъ терпѣніемъ, и съ какою кротостью переносилъ онъ мои докуки? Это истинно-христіанскій государь, — это ангелъ-государь“. Среди своей продолжительной бесѣды съ духовенствомъ, архіерей не могъ обойтись безъ того, чтобы не коснуться злѣйшаго врага церкви — губернатора. „А видѣли вы, спрашивалъ Амвросій, обращаясь къ своему духовенству, бѣса въ алой лентѣ, который вертѣлся въ царскихъ покояхъ?“ Здѣсь онъ намекалъ на пожалованную государемъ пензенскому губернатору Владимірскую звѣзду и ленту.

Вскорѣ послѣ отъѣзда государя, Амвросій навсегда рѣшился оставить Пензу. Какъ въ лѣтнее свое путешествіе, такъ и на этотъ разъ онъ сѣлъ въ карету, махнулъ рукой келейнику и кучеру и отправился опять въ безконечный путь по епархіи. Положеніе путешественниковъ на этотъ разъ было тяжелѣе прежняго. Съ половины сентября наступили дожди, холода и утренніе заморозки. Преосвященный и его прислуга, не имѣя теплаго платья, иногда вынуждены были дрожать отъ холода. „У насъ ничего не было съ собою, такъ разсказывалъ послѣ самъ Амвросій о своемъ путешествіи, но Богъ все намъ посылалъ: одинъ помѣщикъ сдѣлалъ мнѣ шубу, другой—теплые сагоги, третій—

шапку; тотъ одѣлъ кучера, этотъ келейника моего; снарядили и зимнюю повозку; всѣмъ намъ было и тепло, и сытно". Послѣ, находясь въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ, преосвященный разсказывалъ, что онъ оба внезапныя путешествія предпринималъ по волѣ и по побужденію Духа Божія; а во второй разъ, въ самое ненастное время, онъ отправился и потому, что въ это время никто не могъ ожидать пріѣзда архіерея.

Еще во время лѣтняго своего путешествія Амвросій обратилъ особенное вниманіе на одно мѣсто, въ Чембарскомъ уѣздѣ, которое чрезвычайно понравилось ему своимъ дикимъ и гористымъ положеніемъ. Во время своего втораго длиннаго путешествія, онъ остановился на этомъ мѣстѣ и прожилъ здѣсь не мало времени, до самой глубокой осени. Въ одной изъ горъ, находящихся въ этой мѣстности, онъ началъ копать для себя пещеру, самъ своими руками рылъ землю, выносилъ ее и продолжалъ эту работу до самой зимы, которая остановила отшельническіе труды архіерея. По зимнему пути Амвросій отправился въ Саратовскую губернію и тамъ посѣтилъ миссіи, трудившіяся надъ обращеніемъ въ христіанство калмыковъ. Потомъ онъ пріѣхалъ въ Саратовъ и жилъ здѣсь болѣе полугода, ни подъ какимъ видомъ не желая возвратиться въ Пензу. Онъ искалъ и жаждалъ совершеннаго уединенія и потому, наконецъ, рѣшился вовсе отказаться отъ управленія епархіей. Амвросій нѣсколько разъ просилъ у синода увольненія на покой. Первенствующій членъ синода, митрополитъ Серафимъ, докладывалъ о просьбѣ епископа Амвросія государю и государь не хотѣлъ увольнять его на покой. Вмѣсто того онъ поручилъ митрополиту Серафиму написать Амвросію и увѣрить его въ полномъ и совершенномъ благоволеніи къ нему государя и выразить его желаніе, чтобы онъ оставался на занимаемой имъ каѳедрѣ. Но Амвросій на письмо митрополита отвѣчалъ новымъ прошеніемъ объ увольненіи на покой, которое онъ, наконецъ, и получилъ 4-го сентября 1825 года [1]).

[1]) Въ запискахъ лейбъ-хирурга Тарасова невѣрно передано, что государь далъ повелѣніе синоду объ увольненіи Амвросія на покой непосредственно послѣ своей поѣздки въ Пензу. „Русская Старина" изд. 1872 г., мартъ, стр. 357. По точнымъ хронологическимъ даннымъ (Строевъ, „Списки іерарховъ русской церкви, стр. 981", оказывается, что Амвросій оставался пензенскимъ епископомъ болѣе года и послѣ извѣстнаго посѣщенія государемъ Александромъ I Пензы. В. Ж.

Мѣстомъ своего послѣдняго пребыванія преосвященный Амвросій избралъ тотъ самый Кирилло-бѣлозерскій монастырь, близь котораго онъ родился и въ которомъ онъ получилъ первоначальное образованіе. Можно удивляться степени привязанности, какая жила въ немъ къ родинѣ и къ родному монастырю. Многихъ удивляло избраніе Амвросіемъ Кириллова монастыря своимъ постояннымъ пребываніемъ, особенно потому, что архимандритъ этого монастыря о. Гедеонъ, состоявшій экономомъ Новгородскаго митрополичьяго дома въ то самое время, когда Амвросій былъ викаріемъ въ Новгородѣ, находился въ самыхъ непріязненныхъ къ нему отношеніяхъ. „Я желаю тамъ окончить свою жизнь, гдѣ началъ ее и свое воспитаніе", такъ выразился однажды Амвросій по поводу избранія имъ Кириллова монастыря мѣстомъ своего уединенія.

Свое увольненіе на покой епископъ Амвросій получилъ въ Саратовѣ, отсюда же онъ предпринялъ свой продолжительный путь въ Кирилловъ монастырь[1]). Сборы его не отличались продолжи-

[1]) Изъ оффиціальныхъ источниковъ извѣстно, что преосвященный Амвросій 11 января 1825 г. обратился въ св. синодъ съ прошеніемъ объ увольненіи его на покой и свою просьбу онъ мотивировалъ желаніемъ приготовить ко второму и болѣе полному изданію свой ученый трудъ: „Исторію россійской іерархіи". Это былъ только предлогъ, а не дѣйствительное побужденіе, заставившее его проситься на покой. Другіе, хотя и не настолько авторитетные, источники говорятъ, что преосв. Амвросій одною изъ причинъ своей просьбы объ увольненіи на покой выставлялъ предъ синодомъ свою болѣзнь. Такое разногласіе какъ будто подтверждаетъ сообщеніе нашего современника, который говоритъ о нѣсколькихъ прошеніяхъ, подававшихся Амвросіемъ въ синодъ съ просьбою объ увольненіи отъ управленія епархіей. За то разсказъ его о болѣе, чѣмъ полугодичномъ пребываніи Амвросія въ Саратовѣ и особенно объ отправленіи его прямо изъ Саратова, а не изъ Пензы, въ Кирилловъ монастырь не можетъ быть признанъ правдоподобнымъ. Онъ положительно противорѣчитъ не только существующимъ относительно порядка увольненія архіереевъ отъ управленія епархіями узаконеніямъ, но даже самымъ оффиціальнымъ даннымъ, касающимся непосредственно самаго преосв. Амвросія. Отправиться прямо изъ Саратова въ Кирилловъ преосвященный Амвросій не могъ уже потому одному, что онъ предварительно долженъ былъ лично сдать всѣ епархіальныя дѣла своей, пензенской, консисторіи. И дѣйствительно, оффиціально извѣстно, что преосв. Амвросій отъ 3-го ноября 1825 г. изъ Пензы доносилъ синоду, что всѣ епархіальныя дѣла имъ сданы консисторіи, а отъ 19-го декабря онъ увѣдомлялъ синодъ, что имъ сданы консисторіи все имущество и денежныя суммы пензенскаго архіерейскаго дома. „Странникъ", 1869 г., ноябрь, стр. 32—34. В. Ж.

тельностію: всегда безкорыстный, онъ при своемъ отъѣздѣ изъ Саратова роздалъ и то, что прежде долженъ былъ сохранять во имя архіерейскаго сана; всѣ свои рясы, подрясники и даже бо̀льшую часть своихъ книгъ. Взявъ самаго простого ямщика, крестьянина, съ простыми деревенскими санями вмѣсто экипажа, съ небольшимъ сундукомъ нужнѣйшихъ книгъ и самыхъ необходимыхъ бумагъ, въ одной бѣдной монашеской одеждѣ, прикрытой нагольнымъ тулупомъ и простою шапкою съ ушами, преосвященный Амвросій оставилъ Саратовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда простился съ своей епархіей. Уже будучи совершенно готовый къ отъѣзду, онъ, смотря на свой убогій багажъ, сказалъ окружавшимъ его лицамъ: „теперь моего здѣсь ничего нѣтъ“ [1]). Этимъ онъ показывалъ, что вся дѣятельность его, какъ епископа пензенскаго, не имѣла для него ничего притягательнаго и не отвѣчала его дѣйствительному настроенію, что самое служеніе въ званіи епископа, совершенно не гармонировавшее съ его характеромъ, было съ его стороны не болѣе какъ жертва, принесенная имъ во имя монашескаго обѣта послушанія. Такимъ образомъ онъ оставлялъ, собственно говоря, то, къ чему онъ никогда не считалъ себя призваннымъ и къ чему онъ никогда не могъ привязаться всею душою.

Во время своего продолжительнаго путешествія, Амвросій, при остановкахъ на отдыхъ, любилъ заходить въ ближайшія церкви для молитвы. Особенно любопытно было посѣщеніе преосвященнымъ Амвросіемъ каѳедральнаго собора въ Нижнемъ Новгородѣ. Подъѣхавъ прямо съ дороги къ каѳедральному собору, Амвросій вошелъ въ церковь во внѣ-богослужебное время и, изъявляя желаніе отслужить молебенъ, потребовалъ у церковнаго причетника себѣ архіерейское облаченіе. Причетникъ, принявшій его за простого странствующаго монаха, крайне потому изумился требованію неизвѣстнаго ему человѣка и сообщилъ соборнымъ священникамъ. По разъясненіи дѣла, Амвросій получилъ архіерейское облаченіе; явились и пѣвчіе: Начался молебенъ. По городу разнеслась молва и въ соборъ стали набираться любители всякой новизны. Преосвященный Амвросій служилъ мо-

[1]) „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, Бантышъ-Каменскаго, ч. I, стр. 38. Москва, 1836. В. Ж.

лебенъ съ обычною торжественностью и продолжительностью и закончилъ его проповѣдью. Между тѣмъ о прибытіи его въ соборъ узналъ мѣстный нижегородскій епископъ, Моисей, и прислалъ одного изъ своихъ келейниковъ просить путешествующаго владыку къ себѣ на завтракъ. Келейникъ Моисея явился въ соборъ въ то самое время, когда Амвросій уже выходилъ оттуда, только что закончивши служеніе молебна. „Доложи преосвященному,—сказалъ Амвросій келейнику мѣстнаго епископа на высказанное имъ отъ имени послѣдняго приглашеніе на завтракъ,—что я далъ Богу обѣтъ служить молебенъ въ каждомъ городѣ, гдѣ можно, а на закуски ходить не давалъ обѣта". По выходѣ изъ собора, онъ сѣлъ въ свой убогій экипажъ и продолжалъ свой путь.

Для помѣщенія архіерея въ Кирилловѣ монастырѣ отведена была обширная и очень приличная квартира въ нѣсколько комнатъ, въ число которыхъ входило и большое зало, когда-то бывшее аудиторіей закрытаго къ тому времени при монастырѣ духовнаго училища. Но Амвросій жаждалъ полнаго уединенія. Бо́льшая часть комнатъ отведенной для него квартиры оставались пустыми. Онъ избралъ для себя только одну самую заднюю комнату, доступъ въ которую былъ окончательно закрытъ для всѣхъ. Ни одно постороннее лицо не перешагнуло при Амвросіи порога завѣтной комнаты его уединенія. Назначенный къ нему въ услуженіе келейникъ могъ входить только въ переднія комнаты и то только не болѣе двухъ разъ въ день: одинъ разъ для топленія печей, если того требовало время года, и въ другой разъ—для того, чтобы принести кушанье. Столъ для преосвященнаго получался простой монастырскій. Рѣдкую роскошь въ его столѣ составляли: цикорный салатъ безъ масла и вмѣсто чаю ромашка; послѣднее впрочемъ случалось чрезвычайно рѣдко. Келейникъ преосвященнаго, доставляя каждодневно кушанья, нерѣдко замѣчалъ, что владыко и не касался къ кушаньямъ, принесеннымъ имъ въ теченіе прошедшаго дня; тогда онъ ставилъ новое кушанье, а старое уносилъ. Случалось, что онъ такимъ образомъ уносилъ нетронутыя блюда въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ. Келейникъ преосвященнаго не отличался исправностью. Нерѣдко онъ, истопивъ печи съ угаромъ, спокойно запиралъ архіерейскія келіи и уходилъ на долгое время. Запертый

со всѣхъ сторонъ, Амвросій впадалъ отъ сильнаго угара въ безпамятство и оставался въ болѣзненомъ состояніи до слѣдующаго дня. Его слуга, заперевъ кельи, иногда не являлся въ монастырь дня по два и по три, а иногда по цѣлымъ недѣлямъ и пьянствовалъ въ городѣ, въ то самое время, когда запертый имъ архіерей-отшельникъ оставался безъ пищи и въ холодныхъ нетопленныхъ комнатахъ. Замѣчательно, Амвросій никогда не высказывалъ никакихъ жалобъ на своего слугу и даже однимъ взглядомъ не выражалъ ему своего неудовольствія.

Преосвященный Амвросій до того уединился въ монастырѣ, что весьма рѣдко являлся въ церковь. Только въ са́мыхъ рѣдкихъ случаяхъ онъ, когда видѣлъ, что монастырскій дворъ оставался пустымъ и всѣ монахи находились уже въ церкви, выходилъ изъ своихъ келій, приближался къ церкви, становился у какого-нибудь изъ церковныхъ оконъ, клалъ на подоконникъ локти, и́ стоя неподвижно въ такомъ положеніи, смотрѣлъ во внутренность храма и простоявъ нѣсколько минутъ, снова уходилъ и скрывался, какъ тѣнь въ своей кельѣ. Чаще преосвященный любилъ являться къ церкви ночью: здѣсь въ глубокую полночь, при свѣтѣ луны, нерѣдко издали видали его стоящимъ на паперти на колѣняхъ, съ воздѣтыми къ небу руками [1]).

Одно лицо, имѣвшее доступъ къ преосвященному въ Кирилловѣ монастырѣ, предложило ему однажды вопросъ о томъ, почему онъ почти никогда не ходитъ въ церковь и даже не пріобщается св. таинъ? „Вотъ мой алтарь“, строго сказалъ Амвросій на слова своего собесѣдника, сильно ударивъ при этомъ обѣими руками по стоявшему передъ нимъ столу. „Чтобы я былъ за архіерей, еслибы не могъ пріобщать самаго себя“. Трудно уяснить себѣ смыслъ настоящихъ словъ Амвросія [2]). Одна изъ причинъ, по которой преосвященный Амвросій очень рѣдко являлся въ церковь, заключалась въ его болѣзненности, а потомъ и во враждеб-

---

[1]) Филаретъ Черниговскій. Обзоръ русск. дух. лит., ч. II, стр. 215.

[2]) Вѣроятнѣе всего, преосв. Амвросій, высказываясь такимъ образомъ, имѣлъ въ виду свой особый способъ причащенія св. таинъ. У него въ келіи находился ковчежецъ съ запасными св. дарами, которыми онъ втайнѣ сподоблялъ себя св. причащенія въ своей келліи. О существованіи у преосв. Амвросія ковчега съ запасными дарами узнали уже послѣ его смерти. „Странникъ“, 1869, ноябрь, стр. 42. В. Ж.

ности къ нему монастырскаго начальства. Одинъ разъ къ нему явился архимандритъ монастыря и пригласилъ его побывать въ церкви. Преосвященный принялъ приглашеніе, явился къ одной великопостной обѣднѣ и сталъ въ церкви у лѣваго клироса. Архимандритъ на время обѣдни приказалъ открыть форточку, находившуюся въ одномъ изъ оконъ правой стороны церкви. Сдѣлался сильный сквозной вѣтеръ, который дулъ прямо на архіерея. Нѣкоторые монахи доложили архимандриту, что преосвященный страдаетъ ревматизмомъ и что потому сквозной вѣтеръ чрезвычайно для него вреденъ. Архимандритъ, человѣкъ съ крутымъ нравомъ, не захотѣлъ перемѣнить своего приказанія и форточка оставалась открытою до окончанія богослуженія. Послѣ обѣдни архимандритъ, вмѣстѣ съ братіей, подходилъ подъ благословеніе архіерея и затѣмъ пошелъ провожать его до его квартиры. Дорогою архимандритъ нѣсколько разъ пытался заговорить съ Амвросіемъ, но тотъ важно шелъ домой, не отвѣчая ни однимъ словомъ на разсужденія сопровождавшаго его архимандрита. Продолжительное стояніе на сквознякѣ преосвященному пришлось искупить цѣною большихъ физическихъ страданій, которыя едва не закончились для него смертью. Кромѣ того, конечно, ему и нравственно тяжело было видѣть такое крайнее нерасположеніе къ себѣ архимандрита, который, чтобы сдѣлать ему непріятность, не затруднился прибѣгнуть даже къ священнымъ предметамъ. Впрочемъ, самъ преосвященный относился слишкомъ явственно-холодно къ архимандриту [1]).

---

[1]) Былъ такой случай Явился разъ архимандритъ къ преосвященному съ визитомъ. Архіерей принялъ его парадно: въ рясѣ, клобукѣ и съ панагіею на груди. Архимандритъ подошелъ подъ благословеніе, архіерей сѣлъ въ кресло и далъ гостю знакъ рукою сѣсть на другое противуположное. Амвросій при приходѣ гостя не проговорилъ ему ни одного слова и долго продолжалось непрерываемое ни тѣмъ, ни другимъ молчаніе. Архимандритъ никакъ не могъ начать разговоръ, а хозяинъ и совсѣмъ не обнаруживалъ къ тому никакихъ попытокъ... Тогда гость для того только, чтобы прекратить томительное молчаніе, рѣшился наконецъ предложить случайно подвернувшійся ему вопросъ: „Ваше преосвященство, что не пожалуете къ намъ въ церковь"? сказалъ онъ архіерею. „Зачѣмъ?" очень сурово спросилъ архіерей архимандрита, который окончательно сконфузился отъ этого вопроса и не нашелся дать на него никакого другого отвѣта, какъ только сказалъ съ видимымъ замѣшательствомъ: «какъ зачѣмъ?—посмотрѣть, послушать». Слова архимандрита вызвали ироническую улыбку на лицѣ архіерея, который послѣ нѣкоторой паузы, мед-

Никто изъ жившихъ въ монастырѣ не зналъ о занятіяхъ Амвросія внутри его кельи. Только уединеніе, чрезмѣрный постъ, а отсюда быстрое и совершенное истощеніе тѣла свидѣтельствовали о томъ, что онъ предавался все время уединеннымъ молитвеннымъ подвигамъ. Аскетическое уединеніе Амвросія простиралось до разрыва и пренебреженія родственными чувствами. Въ первое время его пребыванія въ Кирилловѣ монастырѣ, къ нему нѣсколько разъ приходили разные его родственники, которыхъ онъ не хотѣлъ принимать къ себѣ, а только приказывалъ объявлять имъ, что Амвросій мертвецъ, что у него нѣтъ на землѣ ни роду, ни племени. Приходила къ нему и старушка-мать. Суровый сынъ принялъ ее очень холодно. На ея желаніе погостить у него онъ предложилъ ей помѣститься въ залѣ и запретилъ переступать порогъ своей завѣтной комнаты глубокаго уединенія. Бѣдная старушка прожила здѣсь около мѣсяца, почти не видала за это время своего сына и съ глубокою скорбью въ сердцѣ уѣхала изъ монастыря. Точно такимъ же образомъ нѣкоторое время прожилъ у Амвросія и старикъ—его отецъ [1]).

Въ первые годы пребыванія Амвросія въ Кирилловской обители монастырскія власти дѣлали попытки являться въ большіе праздники съ поздравленіемъ къ архіерею, но скоро совсѣмъ отказались отъ нихъ. Однажды, на первый день пасхи, архимандритъ монастыря съ крестомъ и св. водою и въ сопровожденіи старшей братіи пришелъ поздравить владыку со свѣтлымъ праздникомъ. Доложили Амвросію, но не получили отъ него никакого отвѣта. Вошли въ залъ, начали стучаться въ дверь его уединенной комнаты и все напрасно. Изъ-за двери не было слышно никакого звука. Начали пѣть воскресный канонъ и наконецъ пропѣли его и остановились всѣ въ недоумѣніи. Хозяинъ не показывался. Такъ, наконецъ, поздравители и ушли, не увидавъ архіерея.

ленно, съ большой разстановкой, съ ѣдкой ироніей въ голосѣ, повторилъ слова своего гостя: «посмотрѣть, послушать!» Затѣмъ между архіереемъ и архимандритомъ снова водворилось глубокое и продолжительное молчаніе. Озадаченный архимандритъ окончательно растерялся и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ всталъ, подошелъ подъ благословеніе архіерея, который молча, не проронивъ ни одного слова, проводилъ своего посѣтителя.

[1]) Отсюда нельзя заключать о безучастности преосв. Амвросія къ своимъ родителямъ. Напротивъ, онъ обезпечилъ ихъ, внесши за нихъ большой денежный вкладъ въ Филиппоиранскую пустынь, Череповецкаго уѣзда, гдѣ они поселились вмѣстѣ и посвятили себя на подвижническіе труды. В. Ж.

Доступъ къ преосвященному Амвросію въ Кирилловѣ монастырѣ соединялся съ большими трудностями. Пріемы его до того были рѣдки, что ихъ легко можно было сосчитать, такъ какъ они являлись въ его жизни рѣдкимъ исключеніемъ. Такъ онъ разъ принималъ у себя, и то на самое короткое время, одного бѣлозерскаго купца и давалъ ему совѣтъ достроить въ городѣ Бѣлозерскѣ церковь, начатую его отцемъ, за смертію немогшимъ довести постройку до конца. Преосвященный въ проѣздъ свой чрезъ Бѣлозерскъ замѣтилъ недостроенную, сдѣлавшуюся убѣжищемъ птицъ, церковь и съ своей стороны принялъ нравственныя мѣры для того, чтобы привести къ концу постройку св. храма.

Въ другой разъ преосвященный принималъ у себя одну пріѣхавшую изъ Пензы бѣдную женщину, которая существовала тамъ его пособіями и, по его приказанію, явилась вслѣдъ за нимъ въ Кирилловъ съ твердою надеждою на то, что онъ и здѣсь будетъ поддерживать ее своею благотворительностью. Впрочемъ преосвященный Амвросій и здѣсь долго не дозволялъ бѣдной женщинѣ явиться къ нему, но наконецъ согласился принять ее. „Преосвященный, сказала приэтомъ несчастная женщина, что мнѣ дѣлать? Я пріѣхала сюда по вашему приказанію; мнѣ нечѣмъ жить; я въ большой крайности; хорошо вамъ: вы получаете пенсіона двѣ тысячи рублей, живете въ прекрасныхъ покояхъ, а каково мнѣ?“ —„Хорошо мнѣ жить?“ спросилъ ее, нѣсколько помолчавъ, Амвросій. „Не понимаешь ты, что говоришь“, продолжалъ онъ далѣе. „Покои мои—это гробъ, въ которомъ для меня нѣтъ дна, нѣтъ крыши!“ Говоря такъ, Амвросій разумѣлъ свою отшельническую жизнь, во имя которой онъ добровольно и заживо похоронилъ себя для міра. На дальнѣйшіе вопросы пріѣзжей женщины о томъ, какъ и на какія средства ей существовать, Амвросій далъ ей странный совѣтъ уничтожить, сожечь и то немногое, напримѣръ, изъ платья, что она имѣла. Бѣдная женщина вышла отъ преосвященнаго убитая холодностью его пріема, но она тѣмъ не менѣе не хотѣла возвратиться назадъ въ Пензу и умерла въ г. Кирилловѣ въ крайней нищетѣ и среди всевозможныхъ лишеній. Въ отношеніяхъ преосвященнаго Амвросія къ этой несчастной женщинѣ кроется что-то непонятное; очевидно, въ нихъ много недосказаннаго и потому они кажутся очень странными и даже жестокими со стороны Амвросія, если взять во вниманіе то, что онъ самъ далъ ей приказаніе ѣхать за собою

въ Кирилловъ, и это, какъ оказалось впослѣдствіи, только для того, чтобы бросить ее здѣсь на произволъ нищеты.

Предавшійся полному уединенію, Амвросій былъ доступенъ только для одного семейства —семейства подполковника Дубовицкаго [1]), сосланнаго въ Кирилловъ монастырь по высочайшему повелѣнію за распространеніе какого-то ложнаго ученія. При Дубовицкомъ, съ соизволенія государя, находились малолѣтнія его дѣти—сынъ и дочь, и при нихъ гувернантка. Расположеніе Амвросія Дубовицкій завоевалъ случайно. Лишь только Амвросій пріѣхалъ въ Кирилловъ монастырь, Дубовицкій, вѣроятно подъ вліяніемъ тяжести монастырскаго заключенія и отсутствія подходящаго общества, явился къ Амвросію, подробно изложилъ предъ нимъ всѣ главнѣйшія обстоятельства своей жизни, открылъ ему всѣ свои религіозныя убѣжденія и сомнѣнія, однимъ словомъ—излилъ предъ нимъ всю свою душу. Амвросію очень понравилась исповѣдь Дубовицкаго; скоро онъ полюбилъ его, принималъ его охотно и бесѣдовалъ съ нимъ по нѣскольку часовъ подъ рядъ. Впрочемъ, выпадали случаи, хотя и рѣдко, когда и Дубовицкому приходилось получать отъ архіерея отказъ въ его пріемѣ. Бесѣды Дубовицкаго съ преосвященнымъ Амвросіемъ вращались въ области предметовъ религіозныхъ; особенно часто у нихъ затрогивался вопросъ о промыслѣ Божіемъ. Амвросій глубоко вѣрилъ въ силу Провидѣнія Божія и всегда руководствовался этою вѣрою въ своей жизни. Дубовицкій не затруднялся поднимать предъ Амвросіемъ и такого рода вопросы, которые касались непосредственно самаго архіерея. На сдѣланное однажды Дубовицкимъ замѣчаніе о томъ, что преосвященный вообще жестокъ и суровъ, Амвросій отвѣчалъ спокойно: „я въ экономіи Божіей уксусъ“. Такъ смотрѣлъ онъ на свое назначеніе на землѣ.

Изъ любви къ Дубовицкому преосвященный Амвросій принималъ и малолѣтнихъ его дѣтей, поилъ ихъ чаемъ, бесѣдовалъ съ ними. Дѣти до того привыкли и освоились съ суровымъ архіереемъ, что часто сами, по своему собственному желанію, приходили въ его покои и, не стѣсняясь, стучались къ нему въ дверь со словами: „отецъ архіерей, отецъ архіерей, отворите!“ Амвросій выходилъ къ дѣтямъ, принималъ отъ нихъ нарванный ими

---

[1]) Дубовицкій сосланъ былъ въ Кирилловъ монастырь за принадлежность къ сектѣ Татариновой. «Вѣстникъ Европы» 1867 г., томъ IV, стр. 85. Воспоминанія В. И. Панаева. В. Ж.

самими цикорный салатъ, огурцы, апельсины; дарилъ дѣтямъ просфоры, благословлялъ ихъ и даже нянѣ ихъ давалъ практическія наставленія о томъ, чтобы она какъ можно лучше берегла здоровье дѣтей и особенно предохраняла бы ихъ отъ простуды.

Въ сентябрѣ 1826 года Дубовицкій получилъ свободу отъ монастырскаго заключенія. Прощаніе съ нимъ преосвященнаго Амвросія ясно доказало степень привязанности его къ Дубовицкому и къ его семейству. Въ день, назначенный для отъѣзда изъ Кириллова монастыря, Дубовицкій заказалъ раннюю обѣдню и молебенъ въ путь шествующимъ. Лишь только раздался звонъ церковнаго колокола, и еще семейство Дубовицкаго не успѣло явиться въ церковь, какъ, къ удивленію всѣхъ монастырскихъ обитателей, Амвросій показался изъ своихъ покоевъ и среди самой убійственной осенней погоды направился въ церковь, въ которой предназначалось богослуженіе. Церковь была сырая и холодная, отчасти и отъ того, что богослуженіе въ ней совершалось только нѣсколько разъ въ годъ, и теперь во время самой службы чрезъ разбитыя стекла въ ней завывалъ холодный осенній вѣтеръ. Не смотря на это, преосвященный Амвросій простоялъ обѣдню и молебенъ, вслѣдъ за тѣмъ принялъ въ своихъ покояхъ все семейство Дубовицкаго, напутствовалъ его своими архипастырскими молитвами и наконецъ простился съ нимъ самымъ искреннимъ задушевнымъ образомъ.

Преосвященный Амвросій не только въ бытность свою въ Пензѣ, но еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ велъ очень строгую, аскетическую жизнь, которая составляла его истинное призваніе. Явившись на покой въ Кирилловъ монастырь, онъ всецѣло предался аскетизму, много изнурялъ себя подвигами поста и молитвы до того, что противъ нихъ не могло устоять самое желѣзное здоровье, тѣмъ болѣе здоровье Амвросія, никогда не бывшее особенно крѣпкимъ, такъ какъ онъ издавна страдалъ летучимъ ревматизмомъ и потому, когда находился въ Кирилловѣ монастырѣ, часто и лѣтомъ жилъ въ топленыхъ комнатахъ. Не смотря на то, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ походилъ болѣе на мертвеца и крайне разстроенное состояніе его здоровья ни для кого не было тайною, Амвросій тѣмъ не менѣе никогда никому не говорилъ о своихъ страданіяхъ и болѣзняхъ; никогда не прибѣгалъ онъ ни къ какимъ медицинскимъ, ни домашнимъ средствамъ.

Преосвященный Амвросій скончался такъ же уединенно и незамѣтно ни для кого, какъ большею частію и жилъ. О смерти его узнали не вдругъ и не тотчасъ же. Нѣсколько дней кушанья, которыя приносилъ слуга въ покои преосвященнаго, оставались нетронутыми. Точно также въ архіерейскихъ кельяхъ долгое время не замѣчалось ни малѣйшаго движенія. Какъ ни былъ безпеченъ келейникъ преосвященнаго, но и тотъ началъ безпокоиться и сообщилъ о причинахъ своего безпокойства настоятелю монастыря. Архимандритъ монастыря вмѣстѣ съ братіей явился въ покои архіерея и послѣ долгихъ попытокъ принуждены были выломать двери его кабинета. Тогда имъ представилась слѣдующая картина: Амвросій лежалъ на постели мертвымъ, на немъ надѣтъ былъ саванъ, на которомъ чернилами и углемъ были изображены кресты, адамова голова и написаны нѣкоторые стихи изъ св. писанія, что весьма много напоминало одежду схимниковъ; покойный лежалъ вверхъ лицемъ, со сложенными крестообразно на груди руками. Значитъ, онъ самъ приготовился къ смерти и встрѣтилъ ее съ замѣчательною твердостью и спокойствіемъ [1]).

Преосвященный Амвросій скончался 26-го декабря 1827 года, будучи сорока девяти лѣтъ отъ роду. Послѣ него не осталось никакихъ денежныхъ средствъ. Онъ жилъ въ монастырѣ настоящимъ безсребренникомъ и двухтысячную пенсію свою получалъ только для того, чтобы одну половину ея отдать въ монастырь, а другую—бѣднымъ.

В. И. Жмакинъ.

С.-Петербургъ.
8 декабря 1881 года.

---

[1]) Въ статьѣ П. И. Савваитова находятся другія, не вполнѣ согласныя съ вышеприведенными, подробности о смерти Амвросія. Преосвященный Амвросій серьезно заболѣлъ въ іюлѣ 1826 года, а въ декабрѣ болѣзнь его приняла очень опасный характеръ. Къ больному былъ приглашенъ докторъ, но медицинскія средства оказались безсильными. Утромъ 25 декабря преосвященный Амвросій исповѣдался и пріобщился св. таинъ, а на слѣдующій день, 26 декабря, въ четыре часа пополудни, скончался. Сообщеніе Савваитова отличается бо́льшимъ правдоподобіемъ, чѣмъ свидѣтельство автора записокъ объ Амвросіи. В. Ж.

ГРАФЪ ЕГОРЪ ФРАНЦОВИЧЪ КАНКРИНЪ.

Замѣтки одного изъ служившихъ при немъ чиновниковъ.

Если, даже въ слабыхъ набросхахъ данныхъ, имѣющихъ цѣлію очертить, въ извѣстномъ отношеніи, нравственную сторону какого-либо лица, приводятся дѣйствія этого лица въ примѣненіи оныхъ къ другому лицу (къ объекту), то, какъ само собою разумѣется, неизбѣжно, болѣе или менѣе, повторительное упоминаніе объ этомъ объектѣ. Въ этихъ набросхахъ о графѣ Е. Ф. Канкринѣ перечисляются случаи примѣненія дѣйствій его къ составителю набросковъ. А затѣмъ, да не придастъ снисходительный читатель встрѣчающимся въ оныхъ, повторительно, словамъ: я, меня, мнѣ и пр. и тѣни эгоистическаго значенія. Онъ говоритъ въ нихъ за многихъ и многихъ, имѣвшихъ хотя малѣйшее сближеніе [1]) съ этою гуманною, въ обширнѣйшемъ значеніи этого христіанскаго качества человѣка, личностію, оставаясь самъ на послѣднемъ планѣ.

Озабочиваясь опредѣленіемъ меня на службу, покойный отецъ мой обратился (взявъ меня съ собою) къ графу Канкрину, и передалъ ему письмо отъ статсъ-секретаря Вилламова, въ которомъ послѣдній, съ разрѣшенія вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, ходатайствовалъ объ опредѣленіи меня на службу въ министерствѣ финансовъ. Прочитавъ письмо, министръ обратился къ моему отцу съ словами:

---

[1]) Каждый т. н. дежурный чиновникъ у графа радъ былъ, когда звуки колокольчика въ кабинетѣ вызывали его туда, хотя-бы только, чтобы принять отъ графа конвертъ для запечатанія или передать и затѣмъ, иногда, распечатать конверты съ входящими бумагами; что же сказать о директорахъ, начальникахъ отдѣленій разнородныхъ (въ то время) департаментовъ, и канцелярій министерства финансовъ? Ѳ. Р.

Ja, die jungen Leute haben wohl einen Begriff von der Sonne, vergessen aber, dass der Mond auch seine Bedeutung hat; Ihren Sohn werde ich anstellen... [1]). Вызваны-ли были эти слова содержаніемъ письма или отзывомъ отца о своемъ сынѣ—не знаю.

Я былъ опредѣленъ (1827 г.) въ особенную канцелярію по кредитной части; въ маѣ 1829 г. меня перечислили, по приказанію министра, въ его секретную канцелярію, о существованіи которой я и не зналъ. Какъ во время службы въ кредитной, такъ и числясь канцелярскимъ чиновникомъ въ секретной канцеляріи, я былъ въ числѣ дежурныхъ чиновниковъ при министрѣ.

Проходя однажды черезъ дежурную комнату, министръ не оставилъ безъ одобрительнаго вниманія мое занятіе: я читалъ книгу Staatsfinanzwissenschaft von L. H. von Jacob (Наука о государственныхъ финансахъ Якоба); другой разъ читалъ я стихотворенія Карелія, онъ взялъ книгу и возвратилъ, потомъ, съ разными помѣтками,—какими?—не помню; а книга моя кѣмъ-то впослѣдствіи, какъ говорится, зачитана.

Два или три лѣта министръ жилъ въ зданіи Лѣсного Института [2]), куда и я приходилъ изъ деревни Гражданки (гдѣ жилъ у моего отца). Однажды, позвавъ меня, дежурнаго, (звонкомъ въ два удара; для каммердинера былъ одинъ ударъ), министръ далъ мнѣ нѣмецкую и французскую книгу и пригласилъ читать; прослушавъ нѣкоторое время, онъ мнѣ сказалъ: «Ich zweifelte nicht dass Sie zu lesen verstehen; aber lesen und vorlesen ist ein Unterschied» [3]).

На другой день я былъ назначенъ, какъ-бы, штатнымъ читающимъ чиновникомъ, 3 раза въ недѣлю послѣ обѣда (за его обѣденнымъ столомъ; онъ это непремѣнно требовалъ), иногда до поздней ночи. Отпуская меня однажды (въ концѣ августа) изъ Лѣсного института во 2-мъ ч. по полун., онъ мнѣ подарилъ, какъ бы для защиты, въ случаѣ опасности, при проходѣ лѣсомъ до деревни Гражданки, палку изъ срубленной имъ самимъ въ лѣсу сосны, съ вырѣзанною на верхнемъ концѣ собачьею мордою, собственноручной работы; въ другіе раза давалъ провожатаго.

Подозвавъ меня, въ одинъ іюльскій вечеръ, къ окну, министръ

---

[1]) «Да, молодые люди имѣютъ понятіе о солнцѣ, но забываютъ, что и луна имѣетъ свое значеніе. Сына вашего я опредѣлю».

[2]) По его распоряженію розданы были лѣсные участки частнымъ арендаторамъ для постройки дачъ.

[3]) Я не сомнѣваюсь, что читать умѣете; но читать и читать вслухъ это разница. Ѳ. Р.

указалъ на бѣлый густой туманъ, разстилавшійся, какъ безбрежное море, надъ всѣми окрестными дачами и городомъ, и сказалъ: и тамъ живутъ дачники для поправленія здоровья. Неосновательнымъ находилъ онъ также возвращеніе отправляющихся заграницу, для поправленія здоровья, въ С.-Петербургъ ранѣе конца октября, т. е. до установленія постоянной погоды. Въ 1837 г. министръ жилъ на дачѣ въ Старой деревнѣ. Когда я явился туда въ первый разъ, въ мой очередный (для чтенія) день, то онъ встрѣтилъ меня съ слѣдующими словами:

— Aber Sie wohnen ja in Mourino; machen Sie es so, dass Sie 3 Tage nach der Reihe zu mir kommen [1]).

Разумѣется, что я этимъ не воспользовался. Затѣмъ одинъ изъ моихъ очередныхъ-же дней читалъ я ему переведенное мною, по его порученію, на русскій языкъ нѣмецкое сочиненіе объ американскихъ мукомольныхъ мельницахъ, а А. А. К. (директоръ секретной канцеляріи) подлинное сочиненіе [2]); занятіе продлилось до 12 ч. по полун., и не могло быть окончено; предстояло еще принять докладъ директора одного изъ департаментовъ съ начальниками отдѣленій. Министръ предложилъ мнѣ у него ночевать, и, позвавъ, затѣмъ, камердинера, объявилъ ему объ этомъ и приказалъ озаботиться, чтобы мнѣ былъ поданъ, на другое утро, чай или кофе, что я пожелаю, а также, чтобы мое платье и сапоги были вычищены.

Въ то же лѣто былъ графомъ выписанъ (изъ Голландіи) картофель разныхъ сортовъ и ячмень [3]); я получилъ нѣсколько картофелинъ и 1/2 ф ячмемя; колосъ ячменя далъ 160 зеренъ.

Жилъ графъ Канкринъ также въ т. н. лѣтнемъ дворцѣ Петра I. Пришлось мнѣ, во время одной изъ его прогулокъ по Лѣтнему саду, съ нимъ встрѣтиться, но уже на такомъ близкомъ разстояніи, что я не могъ своротить въ сторону; между тѣмъ это слѣдовало мнѣ сдѣлать, такъ какъ я, бывъ въ вицъ-мундирѣ, имѣлъ на головѣ какой-то зеленый складной картузъ. По возвращеніи съ прогулки графъ

---

1) Да вѣдь вы живете въ Муринѣ, устройте такъ, чтобы вы приходили ко мнѣ 3 дня сряду.

2) Имѣлъ тогда графъ въ виду замѣнить вывозъ нашего хлѣба въ зернѣ за границу вывозомъ муки.

3) Ячмень былъ отправленъ въ распоряженіе нѣкоторыхъ остъ-зейскихъ помѣщиковъ. Хотя, собственно, неумѣстно, но не могу не упомянуть здѣсь, что графъ Канкринъ называлъ ихъ Bauernverordnung (положеніе о крестьянахъ)—die Bauernschinde; слово это нельзя замѣнить точнымъ русскимъ словомъ: schinden значитъ обдирать, обирать и т. п. Ѳ. Р.

засталъ меня въ комнатѣ передъ его кабинетомъ; проходя мимо меня, онъ проговорилъ слова: «Solche Mützen tragen nur Handwerksburschen» (такія шапки носятъ только мастеровые). Оставалось мнѣ затѣмъ удалиться, что я и сдѣлалъ; но графъ велѣлъ меня воротить и встрѣтилъ съ обыкновеннымъ неоцѣнимымъ привѣтомъ. На вопросъ его, чего я желаю, я далъ отвѣтъ въ видѣ записки, въ которой просилъ о выдачѣ мнѣ денежнаго пособія; просьба моя была, какъ и всегда, удовлетворена.

Перенесусь теперь, въ моихъ воспоминаніяхъ, въ домъ министра финансовъ (нынѣ, кажется, Громова).

Передалъ графъ въ секретную канцелярію сочиненіе нѣмецкаго ученаго Гермбштедта «Grundriss der Technologie» (Начертаніе технологіи). Заглянулъ я разъ, другой въ эту, для меня, какъ воспитанника бывшаго пансіона царскосельскаго лицея, terra incognita, и все таки, не медля нисколько, приступилъ къ выполненію родившейся у меня мысли: перевести эту книгу на русскій языкъ. Одолѣвъ, усидчивою работою, часть труда, я рѣшился сказать графу о моемъ занятіи.

— «Это хорошее дѣло; вы переведите, а я вамъ дамъ деньги на напечатаніе»,—вотъ что сказалъ графъ, просмотрѣвъ мою рукопись. Можно ли было ожидать такой сочувственный привѣтъ случайному занятію? Да, можно, потому что это былъ графъ Канкринъ. Черезъ годъ переводъ былъ оконченъ; напечатанъ на казенный счетъ, все изданіе мнѣ подарено, и, изъ этого подарка, куплено 100 экз. (2000 р.), по приказанію министра, для учебныхъ заведеній министерства финансовъ. Не довольствуясь этимъ, незабвенный мой благодѣтель представилъ экземпляръ моего перевода государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ,—я получилъ перстень, осыпанный алмазами; другой экземпляръ великой княгинѣ Еленѣ Павловны,—я получилъ золотую табакерку.

Впослѣдствіи графъ поручалъ мнѣ переводить разныя другія техническія сочиненія съ нѣмецкаго языка на русскій, и ни одна работа не была имъ оставляема безъ щедраго вознагражденія. Затрудняясь, при переводѣ одного сочиненія, въ пріисканіи техническихъ словъ на русскомъ языкѣ (вѣдь техническихъ лексиконовъ тогда вовсе не было), я сказалъ объ этомъ графу:

— «А вы выпишите нѣмецкія слова, а я вамъ переведу по русски», былъ его отвѣтъ.

Хранится у меня, какъ само собою разумѣется, сдѣланная мною выписка съ написанными графомъ, собственноручно, переводными словами.

Не пользовался я однакожъ (право, не знаю почему) особеннымъ расположеніемъ директора секретной канцеляріи А. А. К., проявлявшимся, для меня совершенно неожиданно, въ обращеніи его со мною. Въ одно изъ моихъ дежурствъ (по чтенію) я, какъ-то совершенно спокойно (пожалуй необдуманно или, какъ бы употребляя, но безсознательно, во зло доступность графа) сообщилъ объ этомъ графу.

— «Dem Bauer [1]) bleibt immer was kleben»—были слова, выговоренныя имъ, натурально, какъ бы про себя. Это было въ среду. Въ пятницу министръ имѣлъ докладъ у государя, въ пятницу же мой дежурный день. Вдругъ за обѣдомъ, разумѣется совершенно для меня неожиданно, графъ обратился ко мнѣ со словами:

«Я васъ назначилъ чиновникомъ для особыхъ порученій и дамъ вамъ перевести одну книгу».

Служилъ, въ то время, одинъ изъ моихъ братьевъ въ кронштадской таможнѣ и не могъ никакъ добиться, чтобы его перевели въ С.-Петербургскую таможню. Я рѣшился обратиться съ просьбою къ графу. Замѣтивъ, вѣроятно, что не легко мнѣ было при томъ, онъ сказалъ:

— «Pay Kind frägt nicht, pay Kind kriegt nicht» (дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ), взялъ листъ почтовой бумаги и написалъ директору департамента в. торговли: «прошу доложить о переводѣ Рейнбота изъ Кронштадтской въ С.-Петербургскую таможню».

1 января 1844 г. графъ, входя въ пріемную комнату, гдѣ я, въ числѣ другихъ, ждалъ его для поздравленія, обратился прямо ко мнѣ съ словами:

— Wünschen Sie was? (желаете вы что нибудь).

Я ограничился поздравленіемъ; онъ прошелъ въ слѣдующую комнату, дверь которой была притворена; не успѣлъ я уйти, какъ графъ, полуотворивъ дверь, опять спросилъ: «Wünschen Sie was?»

Упуская всѣ подробности почему, до пріѣзда министра, я вспомнилъ случайно просьбу одного изъ моихъ братьевъ о назначеніи его совѣтникомъ въ С.-Петербургскую казенную палату (весь составъ которой былъ замѣщаемъ новыми чиновниками), скажу только, что при вторичномъ обращеніи ко мнѣ графа, я выразилъ просьбу о назначеніи моего брата на мѣсто совѣтника палаты.

— «Хорошо, но только мѣсто совѣтника питейнаго отдѣленія уже занято».

[1]) А. А. К. происходилъ изъ лифляндскихъ помѣщичьихъ крестьянъ или дворовыхъ людей; кончилъ курсъ наукъ, кажется, въ московскомъ университетѣ; онъ пользовался, что и вполнѣ заслужилъ, особенною довѣренностію министра. Ө. Р.

А я въ просьбѣ и не опредѣлялъ отдѣленія, такъ какъ и не зналъ, что, въ извѣстномъ отношеніи, была разница между питейнымъ и ревижскимъ отдѣленіемъ. Черезъ два дня, изъ 22-хъ кандидатовъ (по словамъ директора департамента податей и сборовъ), мой братъ былъ назначенъ совѣтникомъ палаты.

Тяжело для меня воспоминаніе о слѣдующемъ эпизодѣ во время моей службы. Но и тутъ доброе сердце графа руководило имъ, а потому только я и упоминаю объ этомъ эпизодѣ. Кромѣ меня былъ опредѣленъ въ секретную канцелярію В. Г. Бенедиктовъ (извѣстный своими стихотвореніями), который, по почти ежедневнымъ занятіямъ въ кабинетѣ у графа, занималъ какъ бы мѣсто секретаря; подъ его диктовку писалъ онъ разныя секретныя бумаги и даже наброски лекцій (по наукѣ о финансахъ и политической экономіи). которыя графъ читалъ Наслѣднику Цесаревичу (въ Бозѣ почившему Императору Александру II).

Завидовалъ я Бенедиктову; мнѣ хотѣлось быть при графѣ не не только каждый день, но даже цѣлый день.

Въ январѣ 1839 г. получилъ я, неожиданно, письмо отъ Бенедиктова, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что получитъ въ маѣ мѣсяцѣ отпускъ и что графъ намѣренъ назначить меня на его мѣсто; но чтобы я это сохранилъ въ тайнѣ. Чувства, которыя возбудило во мнѣ это дорогое письмо, возобновились во мнѣ теперь, когда я пишу эти строки... Наступилъ, наконецъ, май мѣсяцъ. Наканунѣ дня моей первой очереди я тяжко заболѣлъ. Во время болѣзни меня предупредилъ одинъ изъ сослуживцевъ, что мои дѣла не хорошо стоятъ (какъ онъ писалъ мнѣ). Едва поправившись (черезъ 3 недѣли), я явился на дачу (близь Каменноостровскаго моста), куда графъ уже переѣхалъ (была тамъ и для меня квартира). Проходя черезъ дежурную комнату, графъ мнѣ сказалъ:

— Zum Vorlesen habe ich schon N. N., was das Dejouriren anbetrifft, wird Ihnen Kniajewitsch (директоръ общ. канцеляріи) sagen [1]).

На другой день я явился; графъ былъ въ городѣ; по возвращеніи, пройдя черезъ дежурную комнату, выразилъ онъ сильное неудовольствіе, по одному случаю, противъ Княжевича и затѣмъ, увидавъ меня, сказалъ:

— Und Sie, Herr v. R., brauchen gar nicht mehr zu kommen [2])...

Какъ эти слова на меня подѣйствовали—пойметъ каждый, обратившій вниманіе на все вышеописанное предшествовавшее. Не долго,

---

[1]) Для чтенія я уже имѣю чиновника, что касается дежурства, то Княжевичъ вамъ скажетъ.

[2]) А вамъ, г. Р., вовсе не нужно болѣе приходить.

къ счастію, пришлось мнѣ отыскивать загадочную[1]) причину этой, какъ бы, внезапной перемѣны графа въ отношеніи меня; она оказалась вынужденною; въ дѣйствительности же онъ не лишилъ меня своего неоцѣнимаго, ни чѣмъ незаслуженнаго расположенія.

Черезъ недѣлю, послѣ этого перелома въ моемъ положеніи, открылась вакансія члена комитета въ технологическомъ институтѣ. Директоръ департамента мануфактуръ представилъ графу списокъ чиновниковъ для особыхъ порученій, для выбора на помянутую вакансію; графъ, назначая меня, сказалъ, какъ передалъ мнѣ директоръ (Я. А. Дружининъ): «Я давно хотѣлъ туда опредѣлить кого нибудь изъ моихъ».

Въ лѣтнее время, живя на дачѣ, графъ совершалъ иногда свои послѣобѣденныя прогулки верхомъ. Во время одной изъ этихъ прогулокъ, лошадь его не поддавалась его пріемамъ, проявляла какъ бы какое-то упрямство (норовъ—Nicke).

— R. hat auch seine Nicken, ich werde sie ihm aber herauspeitschen [2]),—сказалъ графъ (какъ бы про себя), пришпоривая коня; что мнѣ передалъ сопутствовавшій его (какъ и мнѣ случалось) сослуживецъ, М. Значитъ графъ думалъ обо мнѣ; ему казались невѣроятными данныя, которыя его побудили удалить меня отъ себя. А развѣ это не должно имѣть для меня неоцѣнимаго значенія?

При вступленіи моемъ (въ 1841 г.) въ бракъ, онъ исходатайствовалъ мнѣ всемилостивѣйшее денежное пособіе, безъ моей о томъ просьбы и безъ чьего-либо ходатайства.

Въ то время бывалъ, во вторникъ на 1-й недѣли великаго поста, маскарадъ для неправославныхъ; маскарадъ этотъ посѣщалъ и графъ; я никогда тамъ не бывалъ, но мнѣ хотѣлось представить графу мою жену, и мы посѣтили съ ней Большой театръ; при встрѣчѣ съ нами, графъ остановился и любезно привѣтствовалъ, но не упустилъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе, что, такъ какъ жена моя православнаго вѣроисповѣданія, то мнѣ не слѣдовало быть съ нею, въ этотъ вечеръ, въ маскарадѣ.

Послѣ кончины моего отца, графъ, зная, что я жилъ у отца, котораго лишился, исходайствовалъ, опять безъ всякой съ моей стороны просьбы, всемилостивѣйшее денежное пособіе (1500 руб.).

За два года до своей кончины, графъ, отправляясь въ отпускъ, за границу, передалъ своему товарищу Ѳ. П. Вронченко списокъ немногихъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ и я находился, для на-

---

[1]) Я вспомнилъ, что въ подобныхъ случаяхъ всегда говорятъ: «Cherchez la femme», и я ее отыскалъ.

[2]) Р. также упрямится, я его отъ этого отучу. Ѳ. Р.

значенія ихъ на штатныя мѣста въ образовавшейся тогда экспедиціи депозитныхъ билетовъ, и сказалъ притомъ: не забудьте моихъ. Отъ предложеннаго мнѣ мѣста я отказался. На переданный Ѳ. П. Вронченко отвѣтъ, онъ сказалъ:

— «Ну, по крайней мѣрѣ, не скажетъ, что царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ».

Возвратясь изъ-за границы, графъ жилъ въ Павловскѣ; и тамъ онъ удостоилъ дорогого для меня пріема; разспрашивалъ о моихъ кабинетныхъ занятіяхъ. Если графъ обратилъ вниманіе на меня по моимъ работамъ, то, разумѣется, не лишалъ онаго и другихъ; вотъ отзывъ графа объ одномъ изъ моихъ сослуживцевъ: «Der Teufel weiss, was der Schemiot nicht Alles weiss!» (Чортъ знаетъ чего не знаетъ Шеміотъ).

Въ фельетонѣ одной газеты, въ статьѣ о графѣ Канкринѣ, было упомянуто, что графъ не считалъ пишущихъ стихи людьми, способными на что-либо дѣльное и серьезное; между тѣмъ въ его канцеляріи по секретной части служили два поэта: Бенедиктовъ и Гернетъ (Жуковскій), а въ общей канцеляріи: Кукольникъ и Делярю; князь Вяземскій служилъ также въ одномъ изъ департаментовъ. Экземпляръ стихотвореній Бенедиктова графъ представилъ государю, и Бенедиктовъ получилъ денежную награду. Однажды, было уже за полночь, графъ, написавъ и запечатавъ самъ какую-то нужную бумагу, позвалъ (звонкомъ) дежурнаго чиновника (Кукольника); тотъ не явился; графъ сошелъ по внутренней лѣстницѣ въ дежурную комнату; Кукольникъ спалъ сладкимъ сномъ въ мягкомъ вольтерѣ; чтобы его не разбудить, графъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ черезъ комнату своего камердинера. На другой день графъ, зная о талантѣ и способностяхъ Кукольника вообще, сказалъ А. М. Княжевичу (директору канцеляріи), чтобы онъ освободилъ Кукольника, какъ способнаго человѣка, отъ дежурства, гдѣ ему приходится только запечатывать или распечатывать пакеты, и употреблялъ бы его на другія занятія.

По ходатайству графа Канкрина, знаменитый поэтъ нашъ А. С. Пушкинъ получилъ всемилостивѣйшее пособіе въ 10,000 рублей.

Усаживаясь, однажды, послѣ обѣда въ вольтеръ, графъ выговорилъ, какъ бы про себя:

— Eine schwere Ausgabe habe ich heute gahabt. (Я имѣлъ сегодня тяжелый расходъ). Куплена была имъ, въ тотъ день, карета цѣною въ 2000 руб. асс.

При входѣ (по звонку) въ одинъ изъ моихъ очередныхъ дней въ кабинетъ къ графу, я слышалъ, произнесенныя имъ, также про

себя (а въ это время графиня выходила изъ кабинета) слова: «der Mann und der Vater müssen immer Recht haben»), т. е. графъ не допускалъ никакихъ объясненій, въ извѣстныхъ случаяхъ, между мужемъ и женою, а равно между отцомъ и дѣтьми.

Замѣчательна также степень или сила бодрствованія умственныхъ способностей графа: если читающій (разумѣется какую-либо повѣсть и т. п.), замѣтивъ, что графъ какъ бы задремалъ, прекращалъ чтеніе, и потомъ опять продолжалъ, повторяя, на всякій случай, хотя бы нѣсколько строкъ, уже прочтенныхъ, то всегда приходилось услышать слова: «Aber das haben Sie schon gelesen».

Нѣсколько словъ о слѣдующемъ фактѣ да послужатъ какъ бы объясненіемъ тѣмъ, кто и до сихъ поръ обвиняетъ графа въ паденіи цѣнности нашего ассигнаціоннаго рубля.

— «Государь это хочетъ, возьмите листъ бумаги, я вамъ буду диктовать». Вотъ слова, которыя графъ произнесъ, въ одинъ изъ моихъ дежурныхъ дней, при моемъ входѣ въ кабинетъ,—и исчезли ассигнаціи.

9-го сентября 1845 года графъ скончался. Далеко не парадны были похороны; не многочисленна была публика извѣстнаго класса, сопровождавшая тѣло усопшаго; но масса простого народа собралась на кладбище. Причина тому заключалась главнѣйше въ отсутствіи изъ С.-Петербурга, какъ государя императора Николая I, такъ пастора Муральдта (его духовника и друга) [1]) и А. М. Княжевича.

Не появились также въ свое время ни въ газетахъ, ни въ журналахъ, хотя бы такіе некрологи, которыми, какъ бы, чтятъ память эти органы, въ настоящее время, въ такомъ изобиліи личностей, хотя нѣсколько чѣмъ-либо себя заявившихъ. А оцѣнить такую личность, тѣмъ болѣе всесторонне, не всякому и по силамъ. Позволяли себѣ впослѣдствіи такъ называемые политико-экономисты оцѣнивать 20-тилѣтнюю дѣятельность графа Канкрина — министра финансовъ, не обсудивъ оную всесторонне, не обративъ вниманіе на условія и положеніе, въ которомъ находилась въ то время Россія, и въ особенности въ финансовомъ и политико-экономическомъ отношеніи и самое

---

[1]) Во время продолжительнаго пребыванія, въ 1837 году, императора Николая I и нѣкоторыхъ министровъ въ Москвѣ, пасторъ Муральдтъ сообщилъ графу о кончинѣ лютеранскаго пастора, вице-президента консисторіи. Рейнбота. Въ отвѣтномъ письмѣ, мнѣ продиктованномъ, графъ выразился такъ: „Der Todt von Rheinbott ist mir sehr nahe gegangen; es ist zu bedauern, dass dieser herzliche Mann in eine herzlose parteikranke Administration hineingezogen war, wo, wie ist scheint, die Frommen ihn todtgeschlagen haben“.

Ѳ. Р.

финансовое учрежденіе. Графу пришлось создать организмъ [1]), для каждой изъ разнородныхъ частей, входившихъ тогда въ составъ министерства финансовъ [2]).

А кто же могли быть его помощниками? не директоры ли департаментовъ, писавшіе, по диктовкѣ графа, даже заключенія по своимъ докладамъ. Не составлялось тогда ни коммисій, ни подкоммисій, не приглашались люди свѣдующіе для обсужденія и выработки вопроса или проэкта. И какъ долго пользовались преемники графа тѣми разработанными данными, которыя остались, какъ бы, въ наслѣдство имъ въ затруднительныхъ случаяхъ.

Видя постоянную неустанную (съ 9 ч. утра до поздней ночи) дѣятельность этого труженника-министра, я позволилъ себѣ однажды выразить графу, какъ бы, мое сочувственное скромное удивленіе.

— Der Mensch darf sich nur dann Mensch nennen, wenn er arbeitet; wenn er nicht arbeitet, so ist er... (человѣкъ имѣетъ право называть себя человѣкомъ, когда онъ работаетъ; когда онъ не работаетъ, то онъ...) Nehmen Sie sich das zur Regel in Ihrem Leben,—былъ его отвѣтъ.

Прочиталъ я, въ свое время, въ одной французской газетѣ слѣдующее: «трудно опредѣлить съ достовѣрностью: кто стоялъ выше, какъ министръ финансовъ—Кольберъ во Франціи или графъ Канкринъ въ Россіи».

Въ громадномъ Conversations-Lexicon Мейера, между прочимъ, сказано: «Diesem Grafen Cancrin hat Russland das strenge Schutzoll-und Grenzsperrsystem zu verdanken, welches zur Belebung der einheimischen Industrie dienen soll [3]).

Неоспоримые факты доказали, что принятыя графомъ мѣры увѣнчались полнымъ успѣхомъ. И хранится, до сихъ поръ, въ многочисленныхъ классахъ дѣятелей, по этимъ источникамъ народнаго богатства чувство благодарности и память объ этомъ незабвенномъ государственномъ дѣятелѣ. Въ доказательство приведу здѣсь слѣдующія данныя.

Въ началѣ 1870-хъ годовъ посѣтилъ меня (нынѣ покойный) извѣстный московскій суконный фабрикантъ, коммерціи совѣтникъ

---

[1]) Помню я, какъ изъ-подъ его пера отлетали листы бумаги (разныя положенія, инструкціи и т. п.), которыя канцелярскіе чиновники едва успѣвали переписывать.

[2]) Между прочимъ, департаменты: государственныхъ имуществъ, горныхъ и соляныхъ дѣлъ, составляющіе нынѣ отдѣльное министерство.

[3]) Этому графу Канкрину Россія обязана введеніемъ, для развитія мануфактурной, фабричной, заводской и торговой промышленности, строгой охранительной таможенной системы. Ѳ. Р.

А. А. Алексѣевъ. Цѣль его пріѣзда въ С.-Петербургъ, по порученію сотоварищей по мануфактурной и торговой промышленности, состояла въ прiисканіи или вызовѣ лица, которое бы приняло на себя составить біографію графа Канкрина; за трудъ предполагалась значительная премія. Но, къ сожалѣнію, дѣло не состоялось; по какимъ причинамъ—не знаю.

Въ ноябрѣ 1878 г. назначено было празднованіе 50-лѣтняго юбилея существованія технологическаго института, созданнаго графомъ Канкринымъ. Вспомнивъ о цѣли, съ которою пріѣзжалъ, какъ выше упомянуто, А. А. Алексѣевъ въ С.-Петербургъ, я немедленно отправился въ Москву. Въ день моего пріѣзда видѣлся я съ Алексѣевымъ; на другой день сообщили мнѣ онъ и N. N. [1]), членъ биржевого комитета, что въ бывшемъ наканунѣ засѣданіи комитета назначено почтить память графа Канкрина, по случаю юбилея, открытіемъ подписки:

1) На конкурсную премію за составленіе біографіи графа Канкрина.

2) На капиталъ для пяти стипендіатовъ, его имени, въ технологическомъ институтѣ.

3) На капиталъ для выдачи, ежегодно, двухъ золотыхъ медалей имени графа Канкрина двумъ воспитанникамъ (химику и механику) технологическаго института, окончившимъ съ отличіемъ курсъ наукъ. Открытая, въ то же засѣданіе комитета, подписка составила, какъ мнѣ сообщилъ А. А. Алексѣевъ, сумму до 30 т. р. Вотъ какимъ успѣхомъ, какъ бы казалось, увѣнчивалась моя поѣздка, о чемъ я немедленно сообщилъ директору технологическаго института. Но увы! Примѣнилась и оправдалась поговорка: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

На другой же день послѣ засѣданія предсѣдатель долженъ былъ отправиться, по вызову министра финансовъ, въ С.-Петербургъ—и второй блинъ, какъ говорится, упалъ комомъ. По возвращеніи предсѣдателя въ Москву уже было поздно, день празднованія юбилея уже миновалъ! Но мнѣ кажется, что дѣло это можно воскресить.

Этимъ заканчиваю мои слабые наброски о графѣ Е. Ф. Канкринѣ; но мнѣ, все-таки, хотѣлось бы еще писать и писать... А потому я рѣшился, хотя, можетъ быть, и неумѣстно, описать еще слѣдующій случай.

Зналъ я дѣтей графа (4-хъ сыновей, нынѣ въ живыхъ одинъ, и

[1]) Фамилія этого лица, принявшаго самое искреннее и самостоятельное участіе въ этомъ дѣлѣ, должна оставаться, по его желанію, не названною.

Ѳ. Р.

2-хъ дочерей), видали и они меня, въ свое время; но не пришлось мнѣ съ ними и двухъ словъ поговорить.

Въ числѣ посѣтителей моего, не долго просуществовавшаго дѣтскаго техническаго музея (въ Соляномъ городкѣ) встрѣтилъ я лицо огромнаго роста, съ широкими плечами, сѣдого старика.

— «Вы меня не узнаете.... Александръ Канкринъ» [1]).

Мы крѣпко обняли другъ друга, и горячія слезы за насъ говорили. Какъ объяснить такую встрѣчу? Онъ обратилъ вниманіе на то, что увидѣлъ въ моемъ музеѣ, подъ портретомъ Петра Великаго, портретъ отца своего, а я увидѣлъ сына моего незабвеннаго благодѣтеля!

Вотъ плоды воспитанія юношества, если мысль графа Канкрина: Der Vater muss immer Recht haben—примѣнена къ дѣтямъ въ полномъ всестороннемъ своемъ значеніи.

Ѳ. А. Р.

Примѣчаніе: Эти простодушныя замѣтки, дышущія искреннимъ чувствомъ глубокаго уваженія къ достопамятному министру финансовъ, гр. Е. Ф. Канкрину,—принадлежатъ Ѳ. А. Р. (род. 11 октября 1809 года), неутомимому и весьма полезному писателю и переводчику множества трудовъ въ области техническихъ знаній. Ѳедору Антоновичу (питомецъ бывшаго пансіона царскосельскаго лицея, началъ службу въ 1827 г. въ министерствѣ финансовъ, гдѣ состоитъ и до нынѣ) между многими другими трудами принадлежатъ: перев. съ нѣм. соч. Гермбштедта „Начертаніе технологіи"; переводъ технологіи соч. Поппе; Линейное черченіе; объ американскихъ мукомольныхъ мельницахъ; о торговлѣ пшеничною мукою; объ эмалинарномъ искусствѣ; о лѣсной промышленности и проч. Обширный трудъ Ѳ. А. Р. „Отвѣты на вопросы изъ области техническихъ производствъ" выдержалъ шесть изданій. Имъ же составлены коллекціи матеріаловъ въ разныхъ видахъ ихъ обработки. Жители Петербурга, бывавшіе въ Соляномъ городкѣ, конечно помнятъ устроенный Р. въ 1872 году „Дѣтскій техническій музей". Покойный императоръ Александръ II, посѣтивъ тогда же этотъ музей, сказалъ Ѳ. А. Р.:

— „Я признаю этотъ музей весьма полезнымъ, и онъ долженъ быть доступенъ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ".

Коллекціи, составлявшія этотъ музей, подарены впослѣдствіи г. Р. тремъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ: въ Соляномъ городкѣ не нашлось мѣста для „Дѣтскаго музея". Ред.

---

[1]) Послѣдній разъ, до этой встрѣчи, я его видѣлъ 18-ти лѣтнимъ красивымъ юношею въ мундирѣ камеръ-пажа.

ИННОКЕНТІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКІЙ

въ 1854 г.

М. г. Михаилъ Ивановичъ. По благоволенію ко мнѣ моего благодѣтеля (брата покойнаго преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго), я, между прочимъ, унаслѣдовалъ девять томовъ писемъ къ преосвященному Иннокентію отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ его дневникъ, въ видѣ писемъ, во время объѣзда имъ Крыма послѣ войны 1855 года, нѣкоторыя замѣтки его о Востокѣ и біографическіе наброски о его дѣтствѣ, составленные братомъ его, кол. сов. Матвѣемъ Алексѣевичемъ Борисовымъ, скончавшимся въ 1867 году.

При уступкѣ мною сочиненій преосвященнаго Иннокентія книгопродавцу М. О. Вольфу въ 1869 году, я, по просьбѣ сего послѣдняго, выслалъ ему всѣ эти матеріалы, въ виду предполагавшагося изданія біографіи знаменитаго архипастыря, составленіе которой г. Вольфъ, какъ писалъ мнѣ, поручилъ архимандриту Ефрему.

Но какъ это по сіе время (1882 г.) не сдѣлано и всѣ эти матеріалы остаются подъ спудомъ и со временемъ могутъ затеряться, то я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, не согласитесь-ли вы, м. г., принять отъ г. Вольфа эти письма и замѣтки, и, извлекая изъ нихъ все интересное и достойное оглашенія, печатать въ издаваемомъ вами журналѣ «Русская Старина»; такимъ образомъ, вы подготовите матеріалы для біографіи преосвященнаго Иннокентія.

Три письма его ко мнѣ при семъ прилагаю для напечатанія.

Съ истиннымъ уваженіемъ и проч. Н. Х. Палаузовъ.

19-го сентября 1882 г.

Примѣчаніе. Ред. «Русской Старины» искреннѣйше благодаритъ достоуважаемаго русско-болгарскаго писателя Николая Христофоровича Палаузова за выраженную имъ готовность помѣстить на страницахъ нашего изданія весьма важный матеріалъ къ жизни высокочтимаго іерарха Россійской церкви, а пока это желаніе осуществится, помѣщаемъ съ признательностью помянутыя три письма архіепископа Иннокентія къ Н. С. Палаузову.

Ред.

25-го марта 1854 г.

И такъ желаніе наше исполнилось, мы за Дунаемъ! Слава Богу, честь храбрымъ войскамъ нашимъ! Отселѣ начало возрожденія Булгаріи и начало вашего святаго призванія быть у колыбели отроческой..... Не забывайте этого высокаго призванія, и при всякомъ случаѣ первѣе всего обращайтесь въ мысляхъ къ Тому, который одинъ держитъ въ десницѣ своей судьбы царствъ и народовъ.

Вы встрѣтили разныя неудобства на вашемъ пути..... и могло-ли быть иначе? Сколько разъ мы разсуждали съ вами объ этомъ? Слава Богу, что еще не встрѣтилось худшаго!

Эта брань, скажемъ словами апостола, не къ одной плоти и крови, а къ духамъ злобы поднебесной, къ міродержителямъ тьмы вѣка сего.

Просите совѣтовъ: время ихъ прошло; настала пора дѣйствовать. А между тѣмъ и къ вамъ можно приложить слова другаго апостола: «имате помазаніе отъ святаго, и не требуете, да кто учитъ вамъ, ибо самопомазаніе учитъ вы всему.

О, истинная любовь къ отечеству и человѣчеству—самые лучшіе учители: они въ васъ есть, довольно!

Что нужно, о томъ говорите, кому можно, во время благопотребно: Господь самъ подастъ вамъ случаи, только вѣрьте въ Него и храните сердце свое отъ всякихъ видовъ самолюбія личнаго и своекорыстія. Духъ Св. любитъ дѣйствовать въ душахъ чистыхъ; а гдѣ онъ воздѣйствуетъ, тамъ вся возможна суть.

Реляція ваша будетъ напечатана вездѣ, гдѣ можно, и прислана къ вамъ, для роздачи желающимъ.

Генералы Сакенъ и Ѳедоровъ радуются за васъ и желаютъ вамъ всякихъ успѣховъ.

Ты помнишь, какъ я радъ былъ появленію въ арміи генерала Шильдера [1]): предчувствія мои не обманулись. Два, три такихъ человѣка, и судьба похода рѣшена. Здѣсь ходитъ по устамъ уже не мало анекдотовъ о его патріотизмѣ, храбрости и искусствѣ: это первый человѣкъ теперь вашей арміи!

Когда можно будетъ, прошу сказать ему отъ меня братски — русскій привѣтъ. При первомъ удобномъ случаѣ, я пришлю св. икону, которую ты поднесешь ему отъ меня, или лучше сказать, отъ церкви православной, коей онъ — не по буквѣ, а по духу — какъ я увѣренъ, долженъ быть сыномъ, ибо всѣ мы о Христѣ едино есмы.

И. А. Х.

(Иннокентій архіепископъ Херсонскій).

---

[1]) Славный инженеръ Карлъ Андреевичъ Шильдеръ, отецъ военнаго нашего писателя. Ред.

P. S. Давича во время литургіи г. Сакенъ далъ мнѣ знать, что для булгарскихъ церквей требуется княземъ Горчаковымъ 20 колоколовъ. Вмѣсто поученія я предложилъ слушателямъ просьбу булгарской церкви о сей помощи, и къ вечеру всѣ колокола уже готовы. Каждый изъ ѣдущихъ къ вамъ будетъ доставлять вамъ по колоколу. А вы съ своей стороны закажите не медля, сколько нужно, крестовъ на церкви и ставьте ихъ скорѣй, чтобы къ Пасхѣ вездѣ были кресты на церквахъ; деньги на это при первомъ увѣдомленіи всѣ будутъ къ вамъ высланы.

Апрѣля 16-го 1854 г.

Христосъ воскресе! Да воскреснетъ и Булгарія наша!

Благодарю васъ за письма и извѣстія. Все, вами дѣемое, вполнѣ одобрительно. О новомъ завѣтѣ болгарскомъ я уже писалъ въ Петербургъ; вещей церковныхъ я набралъ множество; скоро пришлемъ цѣлые возы ихъ.

А мы вытерпѣли въ самую великую субботу и Пасху ужасное бомбардированіе. Мой домъ былъ первый подъ выстрѣлами, ибо нападеніе было, откуда никто не ожидалъ, съ залива Пересыпскаго (!) Мнѣ не захотѣлось оставить дома въ такія минуты и я видѣлъ все сраженіе, какъ на ладони. Теперь у меня полный столъ бомбъ, ядеръ, гранатъ и проч. Мило посмотрѣть. Какъ-то Господь не далъ мнѣ страху, и мы спокойно служили во всѣ эти дни, хотя все тряслось отъ выстрѣловъ.

Даже въ виду флота непріятельскаго мы успѣли обсадить свой городской садъ въ страстной седьмицѣ, и они не разъ наводили на насъ свои трубы зрительныя.

Получили-ль вы ваше письмо Мачинское? Давайте намъ больше матеріаловъ для подобныхъ писемъ. Это полезно.

Въ домѣ у васъ благополучно: мы провѣдываемъ.

О васъ и вашемъ положеніи г. Сакенъ обѣщалъ писать къ Горчакову.

Благодать Господня съ вами! И. А. Х.

Едва пишу отъ боли въ рукѣ.

Помѣта: Получено 27-го апрѣля 1854 г.

Мая 25-го 1854 г.

Мира, успѣха, а паче всего благодати Господней!

У насъ, слава Богу, все хорошо. Мы проводили къ вамъ г. Озерова. Ему будетъ веселѣе у васъ, а вамъ веселѣе при немъ, ибо онъ къ вамъ расположенъ истинно. Не забудьте сказать отъ меня дру-

жеское почтеніе тому полковнику, отъ коего вы привезли письмо ко мнѣ, человѣкъ умный и далековидящій!

Что у васъ съ Силистріею? жаль, очень жаль. Это не по Одесски....

Податель сего письма просилъ меня рекомендовать его вамъ, по извѣстности мнѣ его отца, я рѣшился писать къ вамъ съ нимъ. Но вы, безъ сомнѣнія, сами лучше меня его знаете, и по добротѣ вашей, вѣроятно, не оставите быть ему полезнымъ, гдѣ можно.

Успѣха вамъ, успѣха и благодати Господней!

Письмо ваше я получилъ исправно: спасибо! вчера доставлены мнѣ и ваши львы—безъ длинныхъ языковъ, вышло лучше, и будетъ отправлено, куда слѣдуетъ.

Къ фельдмаршалу, при случаѣ напишемъ.

Г. Шильдеру душевный поклонъ.

Собщ. Н. Х. Палаузовъ.

День кончины Богдана Хмельницкаго.

Къ отзыву о книгѣ Буцинскаго, „Русская Старина" 1883 г., кн. VI.

Г. Буцинскій посвящаетъ длинное разсужденіе опредѣленію времени смерти Богдана Хмельницкаго, прибѣгая при этомъ болѣе къ соображеніямъ на основаніи косвенныхъ данныхъ, нежели къ прямымъ указаніямъ (стр. 234—236). Извѣстія о времени смерти сообщилъ не одинъ Иванъ Выговскій, какъ можно заключить изъ текста автора, а также и отецъ его, Евст. Выговскій, и послѣднее изъ нихъ (въ письмѣ къ Павлу Тетерю) было заявлено тогда же въ Посольскомъ приказѣ. Оба эти извѣстія цѣликомъ напечатаны въ IV т. Акт. Юж. и Зап. Рос. и въ дополнит. томѣ къ тѣмъ же Актамъ (т. XI), которыми не пользовался авторъ. И хотя онъ признаетъ повѣрку этой даты заслуживающею вниманія, но не считалъ необходимымъ провѣрить разногласіе въ опредѣленіи дня смерти Богдана Хмельницкаго: Евст. Выговскій указываетъ на вторникъ, Павлищевъ поправляетъ его показаніе на пятницу, а по Карпову (Критич. обз. источниковъ, стр. 15) выходитъ въ понедѣльникъ. В. И.

Хрущовы и Волынскій.

[Къ „Русской Старинѣ" 1883 г., май, стр. 472].

Фамилія Хрущевыхъ упоминается еще въ одномъ весьма важномъ государственномъ актѣ—уничтоженіи „Розыскной раскольничьей канцеляріи" въ 1725 г.: „царедворецъ Хрущевъ" состоялъ при стольникѣ Аѳанасіи Тимоѳеевичѣ Савеловѣ, которому поручено было, въ замѣнъ упраздненной канцеляріи, завѣдывать сборомъ съ раскольниковъ и неисповѣдывавшихся штрафныхъ и окладныхъ денегъ (см. Описаніе док. и дѣлъ архива свят. синода, т. VI, стр. 403). Который это былъ изъ Хрущевыхъ, упоминаемыхъ въ родословной „Русской Старины"—изъ дѣла не видно.

Въ упомянутомъ „Описаніи дѣлъ архива св. синода за 1726 годъ", мною составленномъ, содержатся также весьма любопытныя свѣдѣнія и объ Артеміи Петровичѣ Волынскомъ, — именно о его губернаторствѣ въ Казани (стр. 207 и слѣд.), которыхъ нѣтъ въ біографіяхъ Волынскаго, составленныхъ покойнымъ Іакинфомъ Шишкинымъ и профессоромъ Д. Корсаковымъ („Древн. и Нов. Россія" за 1877 г.). Н. И. Варсовъ.

1 мая 1883 г.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

въ эпоху войны 1855 года [1]).

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Сѣверная сторона Севастополя, 30-го апрѣля 1855 г.

Вс-шій г-рь! Военный министръ доложитъ вамъ, вс-шій г-рь, настоящее положеніе дѣлъ, какъ оно здѣсь, виды и намѣренія мои.

Само собою разумѣется, что положеніе наше дѣлается день ото дня затруднительнѣе. Но кромѣ Бога, помочь этому теперь ничто не можетъ. Должно ожидать, что скоро союзники получатъ весьма большія подкрѣпленія и предпримутъ рѣшительныя дѣйствія. Если они поступятъ благоразумно и съумѣютъ воспользоваться всѣми огромными выгодами своими, то мы потерпимъ большія неудачи: вопросъ въ томъ станетъ-ли у нихъ на это ума и духа. Я постараюсь воспользоваться ихъ ошибками.

Теперь главная забота наша подготовить дѣло такъ, чтобы съ открытіемъ новаго усиленнаго огня непріятель не имѣлъ слишкомъ большаго превосходства въ орудіяхъ и не могъ дѣйствовать по атакованнымъ веркамъ изъ своихъ пушекъ и днемъ, и ночью. Для этого весь гарнизонъ работаетъ почти безъ отдыха подъ выстрѣлами непріятельскихъ бомбъ. Неутомимостію, геройскимъ духомъ своимъ люди продолжаютъ радовать и удивлять меня; это тѣмъ болѣе достойно похвалы, что въ послѣднее время они лишились огромнаго числа самыхъ лучшихъ штабъ-и оберъ-офицеровъ своихъ; они совершенно закалены для теперешняго

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., январь, стр. 117—130.

рода войны. Надѣюсь, что и въ полѣ они будутъ также хороши; хотя впрочемъ тамъ родъ дѣйствій будетъ иной, къ которому они менѣе пріобыкли, и притомъ превосходство непріятельскаго оружія поставитъ ихъ въ сравнительно невыгодное положеніе.

Вчерашній день для насъ особенно счастливъ; выбыло изъ строя не болѣе 50 человѣкъ и притомъ нынѣшнею ночью была сдѣлана довольно удачная малая вылазка. Малый дневной уронъ должно отчасти отнести дождю, мѣшавшему пальбѣ.

Очень жаль, что графъ Ридигеръ не можетъ командовать среднею арміею. Дарованія его и большая опытность въ военномъ дѣлѣ были бы тамъ крайне полезны[1])!

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

Царское Село, 19-го мая 1855 г.

Вчера вечеромъ получилъ я письмо ваше, любезный князь, отъ 12-го числа. Отдавая полную справедливость стойкости и храбрости нашихъ войскъ въ дѣлѣ 10-го на 11-е число, я не могу однако не сожалѣть, что оно стоило намъ столько дорогой крови и не принесло никакого результата, ибо мы сами очистили окопы и приготовили нѣкоторымъ образомъ траншеи для непріятеля.

Я раздѣляю ваше мнѣніе, что едва-ли онъ рѣшится теперь

---

[1]) 20-го апрѣля 1855 г. Императоръ Александръ писалъ князю М. Д. Горчакову:

«Войска, назначенныя въ среднюю армію, начали уже свое движеніе 18-го апрѣля, такъ что около конца мая всѣ будутъ на мѣстахъ. Г.-ад. графъ Ридигеръ, будучи нуженъ здѣсь и притомъ въ весьма ненадежномъ состояніи здоровья, я предложилъ фельдмаршалу назначить г.-а. Панютина для командованія сею арміею, ибо кромѣ него рѣшительно никого не имѣю въ виду. Если въ самомъ дѣлѣ союзники, совмѣстно съ австрійцами, предпримутъ наступленіе въ Бессарабію, то средняя армія будетъ весьма полезна для выручки Лидерса».

Въ томъ же письмѣ Государь сообщалъ главнокомандующему: «по нѣкоторымъ полученнымъ свѣдѣніямъ увѣряютъ, что французы намѣрены бросить осаду Севастополя, и оставивши 25,000 человѣкъ въ укрѣпленномъ лагерѣ у Камышевой бухты, англичанъ въ Балаклавѣ и часть турокъ въ Евпаторіи, съ главными силами, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, предпринять вторженіе въ Бессарабію, но я этому не очень вѣрю, пока разрывъ съ Австріею не будетъ объявленъ». Ред.

на общій штурмъ, а будетъ стараться, сбивши нашу артиллерію на 4-мъ и 5-мъ бастіонахъ, овладѣть ими, зная всю важность сихъ двухъ пунктовъ.

По телеграфу намъ уже извѣстно объ овладѣніи Керчью. Сколь оно ни прискорбно, но я это предвидѣлъ, ибо отрядъ генерала Врангеля былъ слишкомъ слабъ, чтобы противустоять сильной высадкѣ [1]). Надѣюсь, что отступленіе его теперь обезпечено. Самое непріятное послѣдствіе есть овладѣніе Азовскимъ моремъ, которое лишаетъ насъ всѣхъ морскихъ подвозовъ.

Любопытно будетъ знать — рѣшатся-ли союзники итти въ глубь полуострова, или, посадивши войска свои на суда, сдѣлаютъ десантъ у Анапы или Новороссійска? Надѣюсь, что г.-а. Хомутовъ будетъ въ силахъ имъ дать отпоръ.

Во всякомъ случаѣ надобно ожидать съ ихъ стороны рѣшительныхъ дѣйствій, или отъ Черной — на вашъ лѣвый флангъ, или отъ Евпаторіи—вамъ въ тылъ, а можетъ быть и то, и другое въ одно время. Вотъ почему я уже писалъ вамъ, что вы можете располагать всѣми свободными отъ гарнизоновъ войсками г.-а. Лидерса [2]). Если вы на это рѣшитесь, то я полагалъ бы не вводить ихъ отдѣльными частями, а приготовить себѣ надежный резервъ изъ двухъ, по крайней мѣрѣ 12-ти баталіонныхъ, дивизій и расположить ихъ по вашему усмотрѣнію, или около Перекопа,

---

[1]) Дѣйствительно, Государь Императоръ въ письмѣ князю М. Д. Горчакову отъ 15-го мая начерталъ: „Съ крайнимъ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстій о направленіи десанта, боюсь весьма за Керчь, но не полагаю, чтобы союзники рѣшились итти въ глубь края, не имѣя значительныхъ перевозочныхъ средствъ.

[2]) 8-го мая 1855 г. Императоръ Александръ писалъ князю М. Д. Горчакову: „разрѣшаю васъ, если вы признаете нужнымъ, передвинуть часть южной арміи къ Перекопу или даже въ самый Крымъ. Рѣшаюсь на это въ томъ уваженіи, что лучше рисковать временно жертвовать Бессарабіею, тѣмъ потерять Крымскій полуостровъ, котораго обратное овладѣніе будетъ слишкомъ затруднительно, или даже невозможно. Если вы рѣшитесь притянуть къ себѣ бо́льшую часть войскъ г.-а. Лидерса, то придется замѣнить ихъ изъ средней арміи; для этого запасная дивизія 4-го корпуса получила уже направленіе, сближающее ее съ южнымъ театромъ войны. Буду ожидать на что вы рѣшитесь".

14-го мая 1855 г., Государь писалъ:

„Лидерсъ прямо отсюда получилъ приказаніе сблизить свои войска къ Николаеву и Херсону, дабы въ случаѣ надобности быть ближе подать вамъ помощь".

Ред.

или ближе къ Симферополю. Надѣюсь, что вы увѣдомите меня по телеграфу на что рѣшитесь.

Изъ Вѣны новаго ничего нѣтъ, мы все еще въ ожиданіи послѣднихъ австрійскихъ предложеній.

Здѣсь англійскій флотъ приблизился къ намъ и сталъ на якорь за Красной Горкой, вѣроятно въ ожиданіи присоединенія французскаго.

Въ Кронштадтѣ, гдѣ я былъ на дняхъ, все готово къ ихъ принятію, и войска, какъ сухопутныя, такъ и морскія, горятъ желаніемъ показать себя достойными своихъ севастопольскихъ товарищей.

Да будетъ благословеніе Божіе съ нами. Васъ искренно любящій Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Лагерь при Инкерманѣ. 7-го іюня 1855 г.

Вс—шій г—рь! Предположеніе мое, что непріятель, ободренный успѣхомъ 26-го мая, рѣшится можетъ быть—не уничтоживъ насъ прежде своимъ убийственнымъ огнемъ — итти на штурмъ, дѣйствительно сбылось. Вчера утромъ, послѣ самой смертоносной суточной канонады и неимовѣрнаго бомбардированія, союзники двинулись приступомъ на бастіоны № 1, № 2, № 3 и Корнилова. Геройство, съ коимъ наши повсюду ихъ отразили, достойно полнаго вниманія В. И. В. и признательности Россіи. Неудача и сильный уронъ, понесенные непріятелемъ, возвысили духъ русскаго войска и ускромили союзниковъ; но должно ожидать отъ непріятеля новыхъ и болѣе благоразумныхъ усилій. Наши войска такъ изнурены и такъ малочисленны, въ сравненіи съ непріятелемъ, что никакъ нельзя ручаться за дальнѣйшіе успѣхи; но утѣшительно уже то, что русское оружіе получило новый блескъ. 6-е іюня есть день сраженія при Ватерло. Англичане его весьма дурно отпраздновали. Лезли, дѣйствительно, смѣло одни французы.

Военный министръ доложитъ В. И. В., что я осмѣливаюсь просить наградъ главнымъ чинамъ, наиболѣе достойнымъ милостиваго вниманія вашего ихъ заслугами. Беру смѣлость доложить, что они вполнѣ заслуживаютъ особое благоволеніе ваше. Примѣромъ своимъ они оживляютъ геройство войска, съ толикимъ мужествомъ и самоотверженіемъ сражающагося за вашу славу.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Получивъ сейчасъ депешу 5-го іюня, всеподданнѣйше докладываю В. И. В., что, въ случаѣ очищенія Севастополя, выводить гарнизонъ его въ направленіи къ Сапунъ-Горѣ, для соединенія съ прочими войсками, которыя двинулись бы черезъ Черную, было бы во всѣхъ отношеніяхъ гибельно. Съ одной стороны непріятельскія апроши, усѣянныя батареями и поддержанныя редутами, сильнѣе наскоро сдѣланныхъ и полуразрушенныхъ укрѣпленій Севастополя; съ другой стороны, то же самое можно сказать и объ укрѣпленіяхъ непріятеля со стороны Черной. И такъ Севастопольскому гарнизону, въ числѣ около 50,000, считая моряковъ, а остальнымъ въ числѣ менѣе 40,000 (полагая 7-ю и 15-ю дивизіи уже прибывшими), пришлось бы, противъ сильнѣйшаго непріятеля, дѣлать штурмы, труднѣйшіе, чѣмъ тотъ, при которомъ союзники были вчера отбиты,—не взирая, что наши батареи были частію разрушены усиленною канонадою и неимовѣрнымъ бомбардированіемъ. Изъ худшаго надобно выбирать менѣе пагубное. Очищеніе Севастополя, на которое я рѣшусь только въ крайности, переправою гарнизона на Сѣверную сторону, будетъ намъ вѣроятно стоить отъ 10 до 15,000. Нападеніе же съ двухъ сторонъ, въ направленіи къ Сапунъ-Горѣ, стоило бы намъ весь Севастопольскій гарнизонъ, коему пробиться невозможно, и почти всѣхъ войскъ, еще въ полѣ находящихся. Не только Севастополь, но и весь Крымъ былъ бы потерянъ.

Мнѣ кажется, нечего другого дѣлать, какъ держаться сдѣланнаго мною предначертанія. Главная забота моя теперь о порохѣ; я расходовалъ его съ крайнею бережливостію и допускалъ усиленную пальбу только при совершенной необходимости. Теперь у меня до 100,000 выстрѣловъ для 467 орудій главной оборонительной линіи и до 60,000 для 1,000 орудій прибережныхъ и прочихъ вспомогательныхъ батарей; нѣсколько значительную пропорцію пороха я ожидаю только между 10-мъ и 20-мъ іюня; потомъ порохъ будетъ подвозиться мелкими количествами. Если бомбардированіе и усиленная канонада стихнутъ, я буду перебиваться; но если они возобновятся хотя на 8 дней, то защитѣ Севастополя будетъ конецъ, ибо собственно для орудій по оборонительной линіи, полагая по 60 выстрѣловъ въ день на орудіе, нужно на 6 дней до 160,000 выстрѣловъ.

Впрочемъ осмѣлюсь доложить В. В., что въ этомъ нѣтъ ни

чьей вины. Никакое государство, ведя съ разныхъ сторонъ войну, не могло бы снабдить такое мѣсто, какъ Севастополь, достаточнымъ количествомъ пороха для сопротивленія противъ сильнаго непріятеля, въ продолженіи болѣе 8-ми мѣсяцевъ, располагающаго огромными средствами морскихъ державъ. Севастополь не крѣпость, а огромный наскоро и—по причинѣ каменистаго грунта—дурно укрѣпленный лагерь, коего сила состоитъ единственно въ большомъ числѣ орудій, охраняющихъ подступы къ нему. Это дѣло безпримѣрное въ исторіи, что подобный лагерь держится болѣе восьми мѣсяцевъ.

Вся бѣда въ томъ, что Севастополь не былъ заранѣе укрѣпленъ съ сухопутной стороны, хотя хорошими полевыми отдѣльными верками. Тогда расходъ пороха не выходилъ бы много изъ нормальной для большихъ крѣпостей соразмѣрности. Будь восемь или десять сильныхъ отдѣльныхъ верковъ, хотя полевыхъ, на высотахъ, Севастополь окружающихъ, все дѣло было бы иначе. Я въ этомъ не могу себя упрекать, ибо хотя имѣлъ довольно собственныхъ заботъ, но еще въ началѣ весны 1854 года совѣтывалъ князю Меншикову возвести подобныя укрѣпленія, и потомъ видя, что ничего серьезнаго не дѣлается, доводилъ то же мнѣніе до высочайшаго свѣдѣнія покойнаго Государя, сколько помнится, въ началѣ іюля [1]).

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

Петергофъ. 8-го іюня 1855 г.

Письмо это вручитъ вамъ, любезный князь, генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, котораго я посылаю въ Крымъ, чтобы на мѣстѣ лично съ вами объясниться о всѣхъ нуждахъ ввѣренной вамъ арміи. Такъ какъ по занимаемому имъ здѣсь мѣсту, всѣ распоряженія и способы военнаго министерства ему вполнѣ

---

[1]) Припомнимъ здѣсь, что еще за мѣсяцъ до высадки Англо-Французовъ князь М. Д. Горчаковъ (1-го августа) отправилъ къ князю Меншикову подполковника Тотлебена съ письмомъ, въ которомъ предупреждалъ, что въ виду предстоящей высадки придется ему защищать: «une place à peu près ouverte. Le mieux en pareil cas sera de faire des ouvrages de campagne».

Ред.

извѣстны, то я надѣюсь, что присылка его можетъ имѣть хорошія послѣдствія для должнаго обезпеченія вашей арміи по всѣмъ отраслямъ ея управленія.

Изъ послѣдняго письма вашего къ военному министру, усмотрѣлъ я съ прискорбіемъ, что въ послѣднее время вы многими начальниками остались недовольными, за отклоненіе отъ службы подъ предлогомъ болѣзни. Казалось бы, что теперь, когда дѣло идетъ о спасеніи роднаго края, не время думать о себѣ. При случаѣ вы можете имъ это передать, присовокупивъ, что я надѣюсь, что они до конца покажутъ себя достойными милостей нашего незабвеннаго благодѣтеля и того довѣрія, которое я къ нимъ имѣю.

Сегодня по телеграфу узнали мы о возобновленіи сильной бомбардировки 5-го числа и о переправѣ 15,000 корпуса за Черную. 6-го числа надобно, вѣроятно, ожидать чего-нибудь рѣшительнаго. Да поможетъ намъ Богъ! Капитуляція, о которой я вамъ писалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, есть мѣра крайняя, и которую я бы желалъ всѣми мѣрами избѣгнуть, развѣ вы признаете сохраненіе Севастополя совершенно невозможнымъ. Не унывайте и надѣйтесь, какъ я, на милость Божію [1]).

Письмо мое было уже написано, когда я получилъ телеграфическую депешу вашу отъ 6-го числа.

Благодареніе Всевышнему, благословившему усилія нашихъ молодцовъ. Передайте имъ мое искреннее и душевное спасибо. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ буду ожидать подробностей этого безпримѣрнаго штурма.

Обнимаю васъ отъ всей души. Александръ.

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ князя М. Д. Горчакова отъ 15-го іюня читаемъ слѣдующее:

„Разрѣшеніе ваше, вс—шій г—рь, въ случаѣ необходимости заключить съ честію капитуляцію для севастопольскаго гарнизона, я храню въ совершенной тайнѣ; съ Божіею помощію можетъ быть до этого не дойдетъ. Въ теперешнемъ положеніи дѣлъ, я намѣренъ выдержать новый штурмъ. Если удастся и его отбить, Севастополь спасенъ; если нѣтъ, то будемъ драться какъ можемъ до нельзя, и капитуляцію придется заключить только развѣ гарнизонамъ нѣсколькихъ фортовъ, коими будетъ прикрываться переправа войскъ на Сѣверную сторону“. Ред.

С.-Петербургъ. 15 го іюня 1855 г. [1]).

Столыпинъ, котораго я взялъ къ себѣ въ флигель-адъютанты, вручилъ мнѣ письмо ваше, любезный князь, отъ 7-го числа. Изъ послѣдняго моего письма [2]), вы уже знаете о радостномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня извѣстіемъ о геройскомъ отбитіи штурма 6-го числа. Воздавъ отъ глубины сердца благодареніе Всевышнему, повторяю теперь вамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ мою искреннюю и душевную благодарность. Безпримѣрные защитники Севастополя покрыли себя неувядаемою славою. Скажите имъ, что я и вся Россія ими гордимся.

Военный министръ сообщаетъ вамъ о наградахъ главнымъ вашимъ сотрудникамъ; о прочихъ буду ожидать съ нетерпѣніемъ вашихъ представленій. Нижнимъ чинамъ, кромѣ того, что вы вѣроятно уже дали отъ себя, я посылаю еще по три знака отличія военнаго ордена на роту и 40 знаковъ для раздачи артиллерійской прислугѣ на батареяхъ.

Брянскому Егерскому полку, также отличившемуся въ семъ дѣлѣ, приказалъ я именоваться вашимъ именемъ; да послужитъ оно вамъ новымъ доказательствомъ моей искренней и сердечной признательности за ваше самоотверженіе и неусыпную ревность, съ коими вы всегда исполняли и исполняете, среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, всѣ порученія, довѣріемъ незабвеннаго нашего благодѣтеля и моимъ на васъ возлагаемыя. Да поможетъ и благословитъ васъ Богъ окончательно сокрушить всѣ предпріятія нашихъ враговъ.

Сейчасъ получилъ я телеграфическую депешу вашу отъ 12-го числа. И такъ бомбардированіе не возобновлялось и непріятельскій корпусъ, расположившійся на правомъ берегу р. Черной, снова отступилъ. Приготовленія, замѣтныя на флотѣ, не значутъ-ли, что готовится какая-либо новая десантная экспедиція: на Николаевъ, Херсонъ или Одессу. Хотя войскъ тамъ не много, но я надѣюсь, что овладѣніе этими пунктами не удастся имъ такъ легко, какъ въ Керчи.

---

[1]) Отрывокъ изъ письма отъ 15-го іюня 1855 г. помѣщенъ въ № 1 „Русской Старины" изд. 1883 г. Нынѣ помѣщаемъ этотъ документъ цѣликомъ, по имѣющемуся у насъ списку. Ред.

[2]) Отъ 8-го іюня изъ Петергофа.

Потери ихъ должны быть огромныя и можно полагать, что оно отобьетъ у нихъ духъ предпріимчивости.

Объ оставленіи Севастополя, надѣюсь, съ Божіею помощію, что рѣчи не будетъ больше. Если же на васъ готовится экспедиція со стороны Евпаторіи, то, со вновь прибывшими къ вамъ войсками, будетъ съ кѣмъ ихъ встрѣтить.

Съ Кавказа мы должны на дняхъ получить рѣшительныя извѣстія изъ-подъ Карса; отрядъ генералъ-лейтенанта Ковалевскаго, по занятіи безъ боя Ардагана, уже присоединился къ главнымъ силамъ генералъ-адъютанта Муравьева. Если Богъ благословитъ на этомъ пунктѣ наше оружіе, то оно сдѣлаетъ весьма полезную диверсію и можетъ даже остановить дальнѣйшія дѣйствія въ Крыму.

Здѣсь непріятельскій флотъ продолжаетъ стоять въ виду Кронштадта, но ничего доселѣ не предпринимаетъ; ожидаемая дополнительная эскадра еще не прибыла.

Изъ Вѣны новаго ничего нѣтъ; говорятъ, что послѣ смотровъ императора 140,000 человѣкъ должно быть отпущено по домамъ. Я этому повѣрю тогда, когда оно будетъ исполнено. Между тѣмъ Буль продолжаетъ утверждать, что положеніе Австріи, относительно союзниковъ, не измѣнилось вовсе, и что всѣ прежнія обязательства остаются въ полной силѣ. Покуда бестія эта будетъ министромъ, довѣрія къ Австріи никакого имѣть нельзя.

Вась искренно любящій Александръ.

Петергофъ. 22-го іюня 1855 г.

Послѣднее письмо ваше, любезный князь, отъ 15-го числа, а равно телеграфическія депеши по 19-е число, меня много успокоили на счетъ положенія дѣлъ подъ Севастополемъ.

Если непріятель, дѣйствительно, рѣшится послѣ новаго бомбардированія на возобновленіе штурма, то надѣюсь, что съ Божіею помощію удастся намъ его вновь отбить.

Потери его должны быть огромныя и свѣдѣнія, полученныя по телеграфу изъ Берлина о новомъ отправленіи въ Крымъ 40,000 французовъ, служатъ тому доказательствомъ; дай Богъ, чтобы до прихода нашихъ остальныхъ резервовъ, дѣло могло затянуться, тогда надѣюсь, какъ и вы мнѣ пишете, что мы сами будемъ въ силахъ предпринять наступательныя дѣйствія.

Изъ Вѣны мы получили, наконецъ, формальное донесеніе графа Стакельберга объ уменьшеніяхъ въ войскахъ и расформированіи арміи генерала Гесса. И такъ, съ этой стороны, кажется, намъ теперь нечего опасаться.

Здѣсь, кромѣ малыхъ частныхъ бомбардировокъ приморскихъ телеграфовъ, непріятельскій флотъ еще ничего не предпринималъ и стоитъ, по прежнему, частью въ виду Кронштадта и частью въ виду Ревеля.

Вотъ покуда и все.

Обнимаю васъ отъ всей души. Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Инкерманъ. 24-го іюня 1855 г.

Вс—шій Г—рь! Письмо В. И. В. отъ 15-го сего мѣсяца и телеграфическую депешу военнаго министра отъ 22-го, я имѣлъ счастіе получить.

Повергаю къ стопамъ вашимъ, Вс—шій Г—рь, чувство глубокой благодарности ввѣренныхъ мнѣ войскъ за высокія милости В. В., имъ дарованныя. Тѣ, коими вы изволили лично меня осыпать, впечатлѣлись глубоко въ моемъ сердцѣ. Да поможетъ намъ Богъ оправдать ваши надежды или съ честью умереть за вашу славу.

Извѣстіе о скоромъ прибытіи къ непріятелю 40,000 подкрѣпленія мы получили вчера и отъ переметчиковъ. Разница только въ томъ, что, по ихъ словамъ, подкрѣпленіе будетъ не въ 40,000, а въ 80,000, и что начальство надъ французскою арміею будетъ отдано маршалу Маньянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстія переметчиковъ преувеличены, но прибытіе и 40,000 сикурса непріятелю поставитъ насъ снова въ крайнее положеніе, особенно—если, какъ это весьма вѣроятно—это подкрѣпленіе придетъ сюда прежде 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій, ибо и по приходѣ къ намъ этихъ двухъ дивизій, союзники будутъ несравненно сильнѣе меня. Имѣя все это въ виду, осмѣлюсь доложить, что было бы, кажется, крайне полезно двинуть теперь же 2-ю и 3-ю гренадерскія дивизіи къ Балтѣ и Ольвіополю.

Надобно сказать, что начало царствованія В. И. В. подвергнуто большимъ испытаніямъ. При всѣхъ неимовѣрныхъ уси-

ліяхъ вашихъ, боевая армія ваша—за силою неотвратимыхъ обстоятельствъ—вынуждена безпрестанно бороться, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, противъ непріятеля, коего числительность значительно превосходна, и коего силы безпрестанно возрастаютъ, въ соразмѣрности, превышающей тѣ подкрѣпленія, которыя къ ней высылаются. Чѣмъ кончится для нея настоящая кампанія предвидѣть невозможно; но какой бы ни былъ сей конецъ, мы не помрачимъ русскаго имени, и упорство наше приготовитъ, въ довольно близкой будущности, конецъ тяжкимъ испытаніямъ первыхъ дней вашего царства.

По сіе время непріятель ничего не предпринимаетъ ни на сушѣ, ни на морѣ. Я не думаю, чтобы союзники сдѣлали теперь какое-либо серіозное покушеніе на Одессу или Николаевъ; за Херсонъ также не имѣю теперь большихъ опасеній, потому что непріятелю должно быть извѣстно движеніе 4-й и 5-й дивизій въ этомъ раіонѣ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

Петергофъ. 2-го іюля 1855 г.

Изъ писемъ вашихъ, любезный князь, отъ 18-го и 24-го іюня, усмотрѣлъ я съ удовольствіемъ, что не смотря на всю трудность вашего положенія, вы болѣе уже не помышляете объ оставленіи Севастополя.

Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о вѣроятномъ возобновленіи сильнаго бомбардированія; по заграничнымъ свѣдѣніямъ, оно должно было снова начаться 28-го іюня; но съ 25-го вечера ничего отъ васъ не получали.

Надѣюсь на милость Божію, что геройскій гарнизонъ Севастополя выдержитъ и это новое испытаніе съ тою-же неслыханною стойкостью, которою онъ себя уже обезсмертилъ.

По Берлинскимъ извѣстіямъ, отправленіе новыхъ французскихъ подкрѣпленій должно было начаться 29-го іюня (11-го іюля); слѣдовательно прежде четырехъ недѣль нельзя ожидать появленія ихъ въ Крыму. Къ этому времени и наши 4-я и 5-я пѣхотныя дивизіи будутъ у васъ подъ рукою, но я бы весьма желалъ, чтобы, сколь возможно, вы бы не дробили ихъ, а держали ихъ вмѣстѣ

въ видѣ резерва, для нанесенія рѣшительнаго удара, или, въ случаѣ неудачи подъ Севастополемъ, для принятія непріятеля въ чистомъ полѣ.

На счетъ гренадерскаго корпуса я предугадалъ желаніе ваше, ибо приказаніе было уже дано отъ меня для начатія движенія на новыя квартиры около Балты и Ольвіополя 10-го іюля, дабы дать ему хотя нѣсколько недѣль отдыха послѣ столь продолжительнаго похода, во время котораго онъ, къ несчастію, значительно пострадалъ отъ холеры.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ; флотъ союзный стоитъ по прежнему въ виду Кронштадта, вѣроятно въ ожиданіи остальныхъ канонирскихъ лодокъ и бомбардъ. Слухи о 50,000-мъ французскомъ десантѣ для Балтики снова возобновились. Всѣ мѣры у насъ приняты для встрѣчи незванныхъ гостей. Для бо̀льшей предосторожности, въ случаѣ покушенія на Литву, полагаю передвинуть гвардію болѣе къ сѣверу.

Да хранитъ васъ Богъ.

Сейчасъ получилъ я телеграфическую депешу вашу отъ 28-го вечера о возобновленіи канонады преимущественно на 3-й и 4-й бастіоны. Если послѣ этого непріятель снова покусится на штурмъ, то надѣюсь, что съ Божіею помощью, онъ найдетъ тотъ же отпоръ, какъ 6-го іюня. Съ особымъ интересомъ прочелъ я подробное донесеніе ваше объ этомъ славномъ дѣлѣ. Сердце радуется, читая описаніе геройскихъ подвиговъ нашихъ молодцовъ, которыми я горжусь.

Обнимаю васъ отъ всей души. Александръ.

Петергофъ. 6-го іюля 1855 г.

Извѣстіе о смерти молодца Нахимова меня крайне огорчило; сожалѣю искренно о немъ, какъ объ одномъ изъ героевъ черноморскаго флота, лишившагося въ столь короткое время трехъ лучшихъ своихъ адмираловъ. Всѣ мѣры, принятыя вами, любезный князь, по сему случаю, я совершенно апробую.

Сегодня получили мы телеграфическую депешу вашу отъ 3-го числа, по которой видно, что ничего особеннаго не происходило.

По полученнымъ свѣдѣніямъ изъ Брюсселя, подкрѣпленія, долженствующія прибыть подъ Севастополь между 3 (15) и 8 (20) іюля, не превосходятъ 24,000 человѣкъ. Говорятъ еще объ

экспедиціи на Перекопъ, но не прежде половины августа. Поэтому надѣюсь, что до того времени вы будете доволько въ силахъ, чтобы начать наступательныя дѣйствія, о которыхъ вы упоминаете въ послѣднемъ письмѣ вашемъ отъ 29-го числа. Если Богъ благословитъ ваши намѣренія и вамъ удастся нанести непріятелю сильный ударъ, то дѣла могутъ разомъ принять во-время другой оборотъ и тогда едва-ли можно опасаться за Перекопъ. Во всякомъ случаѣ резервы ваши къ августу будутъ также подъ рукою.

По Брюссельскимъ свѣдѣніямъ французскій корпусъ, предназначавшійся для Балтики, долженъ вмѣсто того также отправиться на востокъ для дѣйствій на Дунаѣ, но едва-ли онъ поспѣетъ туда въ нынѣшнемъ году.

Здѣсь ничего новаго не происходило; флотъ союзный раздѣлился на двѣ довольно сильныя эскадры, изъ которыхъ одна продолжаетъ стоять въ виду Кронштадта, а другая передъ Ревелемъ.

Маленькая попытка на Выборгъ была на дняхъ удачно отбита.

Вотъ покуда и все.

Обнимаю васъ отъ всей души васъ искренно любящій Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Инкерманъ. 11-го іюля 1855 г.

Вс—шій г—рь! Письмо в. и. в. отъ 2-го сего мѣсяца я имѣлъ счастіе получить.

По сіе время непріятель ограничивается во 1) медленнымъ сближеніемъ своихъ апрошей къ нашимъ бастіонамъ; эти работы мы задерживаемъ, сколько можемъ, нашимъ огнемъ и частными вылазками; во 2) частными усиленными канонадами то на одинъ пунктъ, то на другой и ночнымъ бомбардированіемъ, на которыя мы отвѣчаемъ сильнымъ огнемъ съ нашей стороны. Слишкомъ часто повторять малыя вылазки невыгодно; онѣ влекутъ за собою довольно значительный уронъ, не отъ боя собственно въ непріятельскихъ траншеяхъ, но отъ огня его, который при этомъ всегда усиливается. Частныя канонады причиняютъ намъ въ сутки отъ 250 до 350 человѣкъ потери убитыми и ранеными; но, судя по показаніямъ переметчиковъ, и непріятелю онѣ обходятся не дешево.

Предположенія мои на счетъ будущихъ дѣйствій хотя и готовы, но я пріостановился представленіемъ оныхъ до пріѣзда ротмистра Столыпина, везущаго подробныя свѣдѣнія о намѣреніи союзниковъ высадить значительныя силы у Перекопа. Теперь осмѣлюсь только доложить, что безостановочное движеніе къ Перекопу 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, кажется, должно быть необходимымъ послѣдствіемъ намѣренія непріятеля отрѣзать меня отъ Россіи. Конечно, крайне жаль вводить въ дѣло это отборное войско; но союзники устремляютъ на Крымъ всѣ свои силы, даже и гвардію.

4-я и 5-я дивизіи, согласно воли в. и. в., я дробить не буду; онѣ составятъ мой главный резервъ на Бельбекѣ.

Попытка союзниковъ противъ Кронштадта или Свеаборга было бы дѣло, для насъ благопріятное. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что подобное покушеніе безъ сильнаго десантнаго войска должно бы кончиться къ стыду непріятеля. Большого же десантнаго войска союзники не направятъ въ Балтику, не покончивъ начатаго дѣла въ Черномъ морѣ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

Петергофъ. 13-го іюля 1855 г.

Съ большимъ нетерпѣніемъ жду я слѣдующаго курьера вашего, любезный князь, съ которымъ, по письму вашему отъ 5-го іюля, вы обѣщаете прислать мысли ваши на счетъ будущихъ военныхъ дѣйствій. Болѣе чѣмъ когда-либо я убѣжденъ въ необходимости предпринять съ нашей стороны наступленіе, ибо иначе всѣ подкрѣпленія, вновь къ вамъ прибывающія, по примѣру прежнихъ, будутъ частями поглощены Севастополемъ, какъ бездонною бочкою.

По послѣднимъ заграничнымъ свѣдѣніямъ, общій штурмъ и атака флота съ моря должны быть возобновлены въ началѣ августа н. ст.; поэтому желательно весьма, чтобы съ приходомъ 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій, вы не медля предприняли бы рѣшительныя дѣйствія. Онѣ безъ значительной потери не обойдутся, но съ Божіею помощію могутъ также имѣть важный результатъ и поставить самихъ союзниковъ въ весьма затруднительное положеніе.

Вотъ мои мысли, которыя съ обычною моею откровенностью вамъ передаю съ тѣмъ, чтобы вы привели ихъ въ исполненіе, если сочтете это возможнымъ теперь же или позже, т. е. по приходѣ ополченія.

На счетъ же гренадерскаго корпуса я рѣшительно не согласенъ вводить его въ Крымъ. Присутствіе его въ Южной арміи необходимо, какъ единственнаго надежнаго резерва, въ случаѣ покушеній со стороны Дуная, или неудачи въ Крыму.

Военный министръ вамъ пишетъ на счетъ высылки изъ Крыма кадровъ 13-й, 14-й и 17-й пѣхотныхъ дивизій. Я это требую непремѣнно, ибо иначе мы разстроимъ совершенно нашу армію для будущаго необходимаго укомплектованія. Между тѣмъ числительность вашихъ войскъ сею высылкою уменьшится весьма мало, ибо расформировываемые баталіоны поступятъ, по вашему усмотрѣнію, на укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ.

То же самое желалъ бы я, если вы признаете это возможнымъ, сдѣлать и съ кадрами тѣхъ полковъ, которые, по слабому своему составу, приведены вами изъ 4-хъ баталіоннаго состава въ 3-хъ и 2-хъ баталіонный, т. е. выслать изъ Крыма для доформированія кадра расформированныхъ баталіоновъ, хотя въ самомъ слабомъ составѣ, т. е. напримѣръ по 40 унтеръ-офицеровъ и по 80 рядовыхъ на баталіонъ, съ баталіонными и ротными командирами и съ полнымъ хозяйствомъ.

Но такъ какъ съ приходомъ ополченія предполагается часть дружинъ прикомандировать къ полкамъ, для замѣны расформированныхъ баталіоновъ, то и для нихъ желательно было бы имѣть небольшой кадръ.

Все это требуетъ ближайшаго соображенія съ вашей стороны, вслѣдствіе котораго будетъ сдѣлана подробная дислокація, съ выборомъ по возможности удобныхъ зимнихъ квартиръ для формированія рекрутъ.

Распоряженіе ваше на счетъ подчиненія г.-ад. Лидерсу войскъ въ Николаевѣ и Херсонѣ я совершенно апробую.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ.

Обнимаю васъ отъ всей души. Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Инкерманъ. 14-го іюля 1855 г.

Вс—шій г—рь! Письмо В. И. В. отъ 6-го числа я имѣлъ счастіе получить.

Повергаю къ стопамъ вашимъ поздравленіе ввѣренныхъ мнѣ войскъ со днемъ тезоименитства государыни императрицы.

Военный министръ доложитъ вамъ, Вс—шій Г—рь, записку о предположеніяхъ моихъ на счетъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, и въ особенности о предстоящей неотъемлемой необходимости двинуть безостановочно къ Перекопу 2-ю и 3-ю гренадерскія дивизіи; непріятель напрягаетъ всѣ усилія свои противъ Крыма, необходимо отвѣчать ему тѣмъ же.

Въ письмѣ отъ 29-го іюня я докладывалъ о предположеніи атаковать непріятеля съ приходомъ 4-й и 5-й дивизій, разсчитывая, что буду имѣть дѣло съ одними войсками, уже напредь сего подъ Севастополемъ находящимися, ибо не имѣлъ еще тогда никакого свѣдѣнія о посылаемыхъ къ непріятелю подкрѣпленіяхъ. И въ этомъ предположеніи дѣло представляло много трудностей; а какъ весьма вѣроятно, что до прихода ожидаемыхъ мною сикурсовъ, союзники получатъ подъ Севастополемъ равныя подкрѣпленія, то всѣ невыгоды при атакѣ будутъ на нашей сторонѣ. Посему весьма бы желательно продолжать систему темпоризаціи до осени; но на врядъ-ли это будетъ возможно. Постепенное сближеніе подступей непріятеля къ нашимъ веркамъ, вѣроятно поставитъ Севастополь въ такое положеніе, что штурмъ сдѣлается крайне опаснымъ. Имѣя это въ виду, я приготовляю все для атаки по прибытіи сюда 4-й, 5-й и 7-й резервной дивизій; но рѣшусь на нее только по необходимости: когда изъ худого придется выбрать менѣе вредное и болѣе совмѣстное съ достоинствомъ русскаго оружія, ибо неудача вѣроятно повлечетъ за собою паденіе Севастополя. Переходя къ наступленію, мы постараемся сдѣлать все, что можно ожидать отъ войска—вынужденнаго, по обстоятельствамъ, отъ него независящимъ, къ неровному бою противъ непріятеля, превосходнаго числительностію и занимающаго сильныя позиціи. Исходъ дѣла будетъ во власти Божіей, мы же исполнимъ свой долгъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

Петергофъ. 20-го іюля 1855 г. [1]).

Фл.-ад. Волковъ вручилъ мнѣ письмо ваше, любезный князь, отъ 11-го числа; съ тѣхъ поръ мы уже знаемъ по телеграфу, что до 16-го числа ничего важнаго не происходило, кромѣ довольно значительной потери на 4-мъ бастіонѣ отъ усилившейся бомбардировки.

Ежедневныя потери неодолимаго Севастопольскаго гарнизона, все болѣе ослабляющія числительность войскъ вашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими подкрѣпленіями, приводятъ меня еще болѣе къ убѣжденію, выраженному въ послѣднемъ моемъ письмѣ, въ необходимости предпринять что-либо

[1]) Къ числу разныхъ легендъ, сложившихся во время обороны Севастополя, принадлежитъ и мнѣніе, что князю М. Д. Горчакову было предписано Императоромъ Александромъ II атаковать союзниковъ на р. Черной. Правдивый судъ исторіи долженъ произнести другой приговоръ. Подлинная переписка гласитъ совершенно иное. Государь предлагалъ только по поводу предполагавшихся наступательныхъ дѣйствій собрать военный совѣтъ и затѣмъ присовокупилъ нижеслѣдующее: «Пускай жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ обсуженъ, и тогда, призвавъ на помощь Бога, приступите къ исполненію того, что признаете наивыгоднѣйшимъ». Императоръ Александръ, подобно державному родителю своему, никогда не стѣснялъ свободу дѣйствій своихъ главнокомандующихъ, и въ этомъ отношеніи неизмѣнно держался взгляда, нѣкогда высказаннаго императоромъ Николаемъ князю Горчакову: «Я не гофъ-кригсратъ, пишу, что думаю, что желаю; рѣшай же ты съ полной свободой и отвѣтственностію; съ моей стороны, какъ и всегда, полное къ тебѣ довѣріе».

Здѣсь кстати будетъ припомнить то, что писалъ князь Варшавскій князю Горчакову по поводу сраженія при Черной *), и подтверждающееся вышесообщенной перепиской:

«Никогда не повѣрю, чтобы государь приказалъ вамъ идти на вѣрное пораженіе, зная изъ вашихъ донесеній, что укрѣпленія на Федюхиныхъ горахъ сильнѣе Севастопольскихъ. Если вы получили такое повелѣніе, тогда вамъ, какъ хранителю русской чести, оставалось изложить то, что совѣсть и долгъ вашъ указывали. А что вамъ указывали совѣсть и честь? Откровенно сознаться предъ государемъ въ невозможности исполнить его волю, и затѣмъ просить отозвать васъ изъ арміи, какъ человѣка, не оправдавшаго довѣрія. Вотъ какъ должны вы были поступить, и тогда на душѣ вашей не лежала бы кровь 10-ти тысячъ жертвъ, погибшихъ подъ Черной, потому только, что вы не осмѣлились чистосердечно изложить ваше мнѣніе!» Ред.

*) «Русская Старина» изд. 1872 г.: «Мысли фельдмаршала князя Варшавскаго по поводу обороны и паденія Севастополя».

рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ, могущей имѣть, наконецъ, пагубное вліяніе на духъ гарнизона.

Въ столь важныхъ обстоятельствахъ, дабы облегчить нѣкоторымъ образомъ лежащую на васъ отвѣтственность, предлагаю вамъ собрать изъ достойныхъ и опытныхъ сотрудниковъ вашихъ военный совѣтъ. Пускай жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ обсужденъ и тогда, призвавъ на помощь Бога, приступите къ исполненію того, что признается наивыгоднѣйшимъ.

Опасенія ваши на счетъ высадки союзниковъ у Перекопа полагаю преувеличенными; въ худшемъ случаѣ, т. е. если бы имъ и удалось временно занять этотъ пунктъ и прервать мгновенно ваше сообщеніе съ Россіею, я считаю войска, находящіяся въ Крыму, по доставленнымъ вами свѣдѣніямъ, обезпеченными какъ по продовольственной, такъ и по артиллерійской части на четыре мѣсяца. Между тѣмъ гренадерскій корпусъ, по желанію вашему, будетъ придвинутъ къ Перекопу, дабы въ случаѣ нужды возстановить прерванное съ вами сообщеніе и служить во всякомъ случаѣ обезпеченіемъ вашихъ задовъ, но при этомъ повторяю, что̀ я вамъ уже писалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что я никакъ не согласенъ на введеніе его дальше въ Крымъ, ибо онъ составляетъ послѣдній надежный резервъ нашъ въ южномъ краѣ, и притомъ могъ бы поспѣть на театръ военныхъ дѣйствій весьма поздно.

Что же касается усиленія войскъ, въ Крыму находящихся, то кромѣ 17-ти дружинъ Курскаго ополченія, туда же слѣдующихъ, вы можете къ себѣ притянуть еще 61 дружину остальныхъ губерній, къ вамъ назначенныхъ, и коихъ предполагалось временно расположить въ Херсонской и Сѣверной части Таврической губерній. Но и онѣ не могутъ прибыть къ Перекопу прежде половины сентября.

Кромѣ того, изъ войскъ г.-ад. Лидерса къ вамъ будутъ отправлены маршевые баталіоны въ числѣ 8,000 человѣкъ.

Если при теперешнихъ важныхъ обстоятельствахъ вы признаете неудобнымъ посылать назадъ ка̀дры, о которыхъ я вамъ писалъ, то разрѣшаю васъ и ихъ задержать до болѣе благопріятнаго времени, не теряя однако изъ вида при первой возможности привести въ

исполненіе сію мѣру, которую признаю необходимою для будущаго благоустройства арміи.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ.

Да наставитъ и подкрѣпитъ васъ Богъ. Обнимаю васъ отъ всей души. Александръ.

Всѣмъ вашимъ главнымъ сотрудникамъ мой сердечный поклонъ.

II.

Событія, послѣдующія за сраженіемъ при р. Черной. — Очищеніе южной стороны Севастополя, до пріѣзда императора Александра въ Крымскую армію.

Императоръ Александръ Николаевичъ—князю М. Д. Горчакову.

Царское Село. 21-го августа 1855 г.

Флигель-адъютантъ графъ Строгоновъ вручилъ мнѣ письмо ваше, любезный князь, отъ 14-го числа. Рѣшеніе ваше не оставлять южной части Севастополя, безъ крайней необходимости, не могу не одобрить, ибо оно, по мнѣнію моему, соотвѣтствуетъ вполнѣ и чести нашего оружія, и пользамъ Россіи, за что искренно благодарю васъ [1]).

Да поможетъ намъ Богъ до конца выдержать тяжкое испытаніе, свыше намъ ниспосланное. Вы поймете, что̀ въ душѣ

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 14-го августа 1855 г. (Инкерманъ), князь Горчаковъ говоритъ:

«Я рѣшился не отходить на Сѣверную часть, а продолжать защищать южную съ упорствомъ, до того времени, пока уже увижу невозможность отбить штурмъ. Конечно, мы будемъ между тѣмъ нести большой уронъ и, можетъ быть, даже не отобьемъ штурма. Но въ замѣну можетъ случиться, что намъ удастся отбить непріятеля, а можетъ быть и принудить снять потомъ осаду: ибо я никакъ не думаю, чтобы непріятель рѣшился провести вторую зиму въ теперешнемъ положеніи. Намѣреніе мое подвергаетъ насъ большимъ случайностямъ; но надобно выбирать изъ двухъ золъ менѣе вредное, и въ особенности держаться тѣхъ дѣйствій, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ чести русскаго оружія. Продолженіе до крайности защиты Севастополя, конечно, будетъ для насъ славнѣе, чѣмъ очищеніе его безъ очевидной необходимости. Дѣйствуя такъ, армія понесетъ, можетъ быть, бо̀льшій уронъ, но она для того только и сдѣлана, чтобы умирать за вашу славу.

Въ этихъ видахъ я не останавливаю слѣдованіе сюда дружинъ среднихъ губерній». Ред.

моей происходитъ, когда я думаю о геройскомъ гарнизонѣ Севастополя, о дорогой крови, которая ежеминутно проливается на защиту родного края. Сердце мое обливается этою кровью, тѣмъ болѣе, что горькая чаша эта досталась мнѣ по наслѣдству; но я не унываю, а надѣюсь на милость Божію, и счастливъ, видя чувства, которыя одушевляютъ васъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества.

Вы вновь предугадали мою мысль, не останавливая слѣдованія дружинъ ополченія; предположеніе мое о пополненіи ими растаявшихъ полковъ вашей арміи должно уже быть въ вашихъ рукахъ. Теперь буду ожидать донесенія вашего объ исполненіи сей полезной мѣры.

Я также совершенно раздѣляю вашу мысль, что если Богъ благословитъ отбить новый штурмъ, то весьма можетъ быть, что сія новая неудача принудитъ союзниковъ снять осаду, ибо едва-ли рѣшатся они провести вторую зиму въ Крыму.

По послѣднему телеграфическому донесенію вашему отъ 18-го вечера видно, что огонь непріятеля былъ умѣренный, но что подступы его, хотя медленно, но все-таки подвигаются впередъ. Я много надѣюсь теперь на новые ретраншементы, устраиваемые позади первой линіи, а въ особенности на стойкость нашихъ славныхъ войскъ и распорядительность достойныхъ ихъ начальниковъ. Скажите имъ, что я ими горжусь и счастливъ былъ бы съ ними раздѣлять ихъ труды, если бы обязанность моя позволила мнѣ слѣдовать одному влеченію моего сердца, ибо я въ душѣ солдатъ.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ; флотъ, стоявшій въ виду Кронштата, скрылся, другая его часть продолжаетъ стоять передъ Ревелемъ, не предпринимая доселѣ ничего.

1-го сентября предполагаю отправиться съ матушкой, женой и дѣтьми на нѣсколько дней въ Москву, а оттуда въ Варшаву. Съ будущимъ курьеромъ военный министръ сообщитъ вамъ маршрутъ мой для направленія согласно съ нимъ курьеровъ вашихъ.

Да хранитъ васъ Богъ, и еще разъ искреннее спасибо за ваши неутомимые труды.

Вашъ искренно любящій Александръ.

Царское Село. 28-го августа 1855 г.

Искренно благодарю васъ, любезный князь, за поздравленіе ваше въ письмѣ отъ 20-го августа, врученномъ мнѣ флигель-адъютантомъ княземъ Оболенскимъ.

Всѣ соображенія ваши на счетъ будущихъ дѣйствій я совершенно апробую; но при этомъ я васъ убѣдительно прошу не терять изъ вида будущее устройство нашей арміи. Теперешнее пополненіе растаявшихъ полковъ дружинами ополченія я считаю мѣрою временною, на которую я долженъ былъ рѣшиться по необходимости. Если при этомъ надежные кадры не будутъ высланы изъ Крыма, для пополненія ихъ готовыми рекрутами, т. е. настоящими солдатами, то къ веснѣ у насъ арміи не будетъ и тогда чѣмъ мы начнемъ новую кампанію, къ которой намъ неизбѣжно должно готовиться.

Поэтому необходимо приступить къ исполненію той мѣры, о которой я вамъ уже неоднократно писалъ, т. е. къ высылкѣ кадровъ расформированныхъ баталіоновъ, съ баталіонными и ротными командирами и хотя уменьшеннымъ числомъ оберъ-и унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Буду по сему съ нетерпѣніемъ ожидать вашихъ распоряженій.

Сейчасъ получилъ по телеграфу донесеніе ваше отъ 26-го вечера о продолженіи усиленнаго бомбардированія. Утѣшительно одно, что, по словамъ вашимъ, намъ еще удается успѣшно исправлять поврежденія. Пока мы не будемъ лишены этой возможности, не смотря на огромную потерю, есть еще надежда, съ Божіею помощію, сохранить Севастополь.

Черезъ Брюссель получили мы извѣщеніе о готовящейся экспедиціи 60 т. корпуса на Николаевъ въ концѣ сентября. Не полагаю, чтобы союзники могли легко прорваться въ Бугъ. Во всякомъ случаѣ г.-а. Лидерсъ, будучи предувѣдомленъ во-время, въ состояніи будетъ собрать довольно значительныя силы, чтобы сдѣлать имъ сильный отпоръ. При этомъ не излишнимъ будетъ гренадерскій корпусъ отдать снова въ его распоряженіе.

Я долженъ еще обратить ваше вниманіе на продовольственную часть въ виду предстоящей намъ зимней кампаніи, и увѣренъ, что вы примете всѣ возможныя мѣры къ обезпеченію ввѣренныхъ вамъ войскъ какъ пѣхоты, такъ и многочисленной вашей артиллеріи и кавалеріи.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ. Военный министръ сообщаетъ вамъ мой маршрутъ, согласно съ которымъ и прошу направлять вашихъ курьеровъ, не прекращая однако телеграфическихъ депешъ. Графъ Клейнмихель обѣщаетъ, что чрезъ нѣсколько дней линія будетъ окончена до Симферополя. Я приказалъ приступить немедленно къ продолженію ея до Севастополя.

Да хранитъ васъ Богъ. Васъ искренно любящій Александръ.

Всеподданнѣйшія письма князя М. Д. Горчакова.

Сѣверная сторона Севастополя, 28 го августа 1855 г.

Всем—щій г—рь. Вчерашняя депеша довела уже до свѣдѣнія В. И. В. объ оставленіи нами южной части Севастополя. Все сказанное въ ней истинная правда; съ 24-го утра ядра и бомбы не переставали сыпаться, какъ градъ, ежедневный уронъ нашъ превышалъ 2,500. Вчера, послѣ адскаго огня, непріятель двинулся со всѣхъ сторонъ на приступъ съ огромными силами и былъ окончательно отбитъ вездѣ, кромѣ Малахова бастіона. Тутъ мѣстность была слишкомъ невыгодна для выбитія непріятеля, и притомъ начальники войскъ генералы Хрулевъ и Лысенко, двинувшихся на сей конецъ, были оба ранены. Не оставалось ничего иного, какъ воспользоваться впечатлѣніемъ, на непріятеля произведеннымъ мужествомъ нашихъ, для очищенія западной стороны, въ которой и безъ боя мы ежесуточно теряли болѣе 2,500 человѣкъ. Менѣе чѣмъ черезъ 10 дней почти половина арміи погибла бы безъ сраженія, отъ одного неимовѣрнаго огня непріятеля.

Это почти невозможное дѣйствіе, то есть переходъ всего гарнизона черезъ бухту по одному мосту и посредствомъ нѣсколькихъ пароходовъ, исполнилось съ невѣроятнымъ успѣхомъ; начатое 27-го въ 7 часовъ вечера, въ виду 100,000 непріятелей, владѣющихъ уже однимъ входомъ въ нашу ограду, окончилось 28-го въ 8 часовъ утра, и мы при этомъ не потеряли 100 человѣкъ, и оставили не болѣе 500 тяжело раненыхъ: такъ непріятель страшился идти за нами; къ сему много способствовали безпрерывные взрывы, нами ночью въ разныхъ мѣстахъ произведенные.

Во время предшествовавшаго боя мы понесли сильный уронъ;

непріятель, вѣроятно, такой же. Но потеря вещественная съ нашей стороны огромна. Севастополь въ пламени и непріятелю достались однѣ развалины.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Инкерманъ. 2-го сентября 1855 г.

Всем—шій г—рь. Письмо В. И. В. отъ 21-го августа я имѣлъ счастіе получить во время самыхъ дѣйствій очищенія южной части Севастополя.

Великою для меня отрадою было полученіе милостивой депеши вашей отъ 28-го августа. Благодарю Всевышняго, что далъ намъ царя, твердаго въ злополучныхъ обстоятельствахъ, среди коихъ Провидѣніе призвало его къ престолу, царя, вникающаго въ настоящее положеніе войскъ, сражающихся за его славу противъ враговъ многочисленныхъ, располагающихъ несмѣтною массою разрушительныхъ средствъ и морскою силою почти цѣлаго свѣта.

Держаться долѣе въ Севастополѣ не было никакой возможности. Съ 24-го числа разрушеніе слабыхъ верковъ нашихъ доходило до крайности. Ночныя исправленія подъ градомъ ядеръ, бомбъ и штуцерныхъ пуль стоило намъ, безъ пользы уже, драгоцѣнной крови: ежедневный уронъ простирался до 2,500 человѣкъ. Въ такомъ положеніи оставалось только помышлять о томъ, какъ очистить городъ—не подвергая гарнизона рѣзнѣ и задней части онаго необходимости положить оружіе. Подобное дѣйствіе представляло столь большія затрудненія, что В. И. В., въ предвидѣніи оныхъ, соизволили даже письмомъ отъ 4-го мая разрѣшить мнѣ, для спасенія Севастопольскаго гарнизона, въ случаѣ крайности, заключить капитуляцію.

27-го утромъ непріятель двинулся со всѣхъ сторонъ на приступъ съ огромными силами. Мы отразили его вездѣ, кромѣ Малахова кургана, котораго отбить было невозможно. Случай былъ единственный для очищенія Севастополя безъ потери части гарнизона. Утомленіе непріятеля, сильный уронъ, имъ понесенный, и храброе отстаиваніе нашими войсками мѣстности у самаго выхода изъ Корнилова бастіона, въ раззоренныхъ домахъ, служили ручательствомъ, что союзники не рѣшатся проникнуть въ городъ до слѣдующаго утра. Я воспользовался этимъ и очистилъ Севастополь въ продолженіи ночи, безъ урона, не поставя даже ни

одной роты аріергарда въ необходимость положить оружіе или умереть до послѣдняго. Непріятелю оставилъ вмѣсто города одни пылающія развалины. Правда, что вещественная потеря наша огромна. Но она во всякомъ случаѣ была неизбѣжна; какъ вывести орудія и корабли? Я думаю, что она окупилась продолжительностію обороны Севастополя. Одиннадцати-мѣсячная защита этого, почти открытаго, города останется вѣчнымъ доказательствомъ самоотверженія и геройства, почти безпримѣрнаго въ военныхъ лѣтописяхъ народовъ. Она много способствовала къ обезоруженію Австріи, и по крайней мѣрѣ до будущей весны Германія не возстанетъ противъ насъ; наконецъ, удержаніе подъ Севастополемъ многочисленной непріятельской арміи до настоящаго, наступающаго уже, осенняго времени даетъ поводъ надѣяться, что враги не предпримутъ ничего важнаго внѣ полуострова до будущаго года. Смѣю думать, что ввѣренныя мнѣ войска исполнили долгъ свой съ честію, и что при крайне трудныхъ обстоятельствахъ моего командованія въ Крыму я сдѣлалъ возможное.

Повергаю къ стопамъ В. И. В. приказъ, отданный мною по случаю очищенія Севастополя, и двѣ записки: одну о предложеніяхъ моихъ на счетъ будущихъ дѣйствій, другую объ уронѣ нашемъ во время боя 27-го числа [1]). Потеря велика, но непріятель понесъ уронъ, не менѣе значительный, а можетъ быть и большій.

Съ глубочайшимъ и пр.

Сейчасъ привезли бѣглаго турка, который показываетъ, что турки готовятся къ отплытію въ Анатолію. Само собою разумѣется, что это важное извѣстіе требуетъ подтвержденія.

Императоръ Александръ Николаевичъ—князю Горчакову.

Москва. 3-го сентября 1855 г.

По телеграфической депешѣ моей отъ 28-го августа, вы уже знаете, любезный князь, о впечатлѣніи, произведенномъ извѣстіемъ о штурмѣ 27-го числа и очищеніи южной стороны Севастополя. Я покоряюсь безропотно волѣ Божіей и считаю теперешнюю эпоху началомъ только новой кампаніи.

---

[1]) Вообще у насъ выбыло изъ строя, въ день штурма 27-го августа, 12,913 человѣкъ. Французы въ сей день потеряли 7,561 человѣкъ, англичане—2,440 человѣкъ, сардинцы—40 человѣкъ. Ред.

Какъ ни тяжела матеріальная потеря Севастополя и уничтоженіе нашего Черноморскаго флота, но я сожалѣлъ и сожалѣю гораздо болѣе о дорогой крови, которая ежедневно проливалась геройскимъ гарнизономъ Севастополя. Поэтому не могу не одобрить рѣшимость вашу очистить южную сторону, что было исполнено столь удачно, благодаря плавучему мосту.

Вчера флигель-адъютантъ князь Барятинскій привезъ мнѣ письмо ваше отъ 28-го августа и словесно передалъ мнѣ подробности послѣднихъ дней осады. Приказъ мой арміямъ моимъ отъ 30-го числа покажетъ вамъ, что я умѣю цѣнить непоколебимую твердость и самоотверженіе, съ которыми славныя войска наши, въ продолженіи болѣе 11-ти мѣсяцевъ, отстаивали грудью своею едва возведенныя ими самими укрѣпленія Севастополя. Повторите имъ еще разъ мое душевное спасибо и скажите имъ, что если обстоятельства позволятъ, я самъ надѣюсь въ весьма непродолжительномъ времени лично объявить имъ мою искреннюю благодарность.

Намѣреніе мое есть отправиться изъ Москвы 8-го сентября вечеромъ въ Николаевъ, дабы видѣться тамъ съ Лидерсомъ, осмотрѣть произведенныя тамъ работы для обороны сего важнаго пункта и, если можно, то отправиться оттуда къ вамъ въ Крымъ.

Изъ прилагаемой при семъ моей записки вы увидите какъ я смотрю на теперешнее положеніе вещей и какія мѣры я полагаю необходимымъ принять для будущаго устройства нашей арміи [1]).

По всему этому мнѣ бы весьма желательно съ вами переговорить лично и условиться что̀ намъ дѣлать.

И такъ, если къ тому времени, т. е. недѣли черезъ три, союзники не предпримутъ ничего важнаго и не будетъ предвидѣться опасности Перекопу, то я надѣюсь видѣться съ вами въ Симферополѣ или другомъ какомъ-нибудь пунктѣ.

Держаться вамъ долго на сѣверной сторонѣ Севастополя не вижу никакой нужды; надобно помышлять теперь о сохраненіи остальной части Крыма и не жертвовать имъ безъ самой край-

---

[1]) Записка императора Александра отъ 3-го сентября напечатана М. И. Богдановичемъ въ «Восточной войнѣ 1853—1856 гг.» въ сокращенномъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ. Ред.

ней необходимости, чего, признаюсь, при теперешнихъ обстоятельствахъ, какъ бы они ни были трудны, я предвидѣть не могу. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего мнѣнія, но предоставляю вамъ совершенно дѣйствовать по вашему усмотрѣнію.

Отвѣтъ вашъ пришлите съ флигель-адъютантомъ Волковымъ въ Николаевъ, какъ можно скорѣе.

Я весьма доволенъ, что вы вновь предугадали мысль мою о высылкѣ въ Николаевъ геройскихъ остатковъ нашихъ черноморскихъ моряковъ. Братъ мой Константинъ предупредитъ меня нѣсколькими днями въ Николаевѣ; присутствіе его тамъ необходимо для принятія мѣръ къ будущему возрожденію черноморскаго флота. Николай ѣдетъ съ нимъ, а Михаилъ со мною.

Прикажите генералъ-маіору Тотлебену, если состояніе здоровья его позволяетъ, отправиться немедленно въ Николаевъ, дабы на мѣстѣ осмотрѣть возведенныя укрѣпленія и усилить ихъ, если признаетъ то нужнымъ.

Г.-м. князю Васильчикову прикажите также явиться ко мнѣ туда же.

И такъ надѣюсь до скораго свиданія. Не унывайте, а вспомните 1812-й годъ и уповайте на Бога. Севастополь не Москва, а Крымъ не Россія. Два года послѣ пожара московскаго, побѣдоносныя войска наши были въ Парижѣ. Мы тѣ же русскіе и съ нами Богъ.

Обнимаю васъ отъ всей души. Александръ.

На случай моего пріѣзда въ Крымъ, я строжайшимъ образомъ запрещаю дѣлать какія-либо приготовленія для смотровъ войскъ. Онѣ и безъ того много претерпѣли, и потому не хочу, чтобы пріѣздъ мой былъ имъ въ тягость.

Сообщ. **М. И. Богдановичъ.**

Поправка.

Въ статьѣ г.-м. Д. Г. Колокольцова: „Л.-гв. Преображенскій полкъ“ (см. „Русская Старина“ изд. 1883 г., т. XXXVIII, май, стр. 297) напечатано: la grande Russie a fait son devoir avec honneur,—слѣдуетъ читать: la garde russe a fait son devoir avec honneur.

---

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1882 г.

При „Русской Старинѣ“ 1882 года приложены портреты: **императрица Анна Іоанновна; Петръ III; Екатерина II** (въ день 28-го іюня 1762 г.);—императрица **Марія Ѳеодоровна** (1801 г.); **в. кн. Михаилъ Павловичъ**; в. к-ня **Елена Павловна; Д. П. Трощинскій; Е. П. Кашкинъ; М. А. Бестужевъ;** кн. **А. И. Одоевскій;** Наталья Ник. **Гончарова** (невѣста великаго поэта Пушкина); **графъ Михаилъ Таріелловичъ Лорисъ-Меликовъ.**

Въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., между прочимъ, напечатаны: статьи профес.: И. Е. Андреевскаго, Н. И. Барсова, Д. И. Иловайскаго, Н. И. Костомарова; барона А. П. Николаи; кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго; Ад. П. Берже; М. И. Венюкова; В. А. Гольцева; П. А. Ефремова, А. Е. Егорова; В. И. Жмакина, И. И. Ореуса, магистра рус. ист. В. И. Семевскаго; В. Е. Якушкина, И. С. Ремезова, А. А. Чумикова, Н. К. Шильдера, В. К. Шульца, Д. В. Ильченко, и друг. Записки и воспоминанія: Несчастнаго, содержащія въ себѣ путешествіе въ Сибирь по канату; Штрандмана; Я. И. Санглена; профес. Ростиславова (о духовенствѣ); И. В. Селиванова (старый сенатъ); сенатора Я. А. Соловьева; графа М. Н. Муравьева-Виленскаго (1863 –1865 гг.); Кудрявцевой—дочери короля Польскаго Станислава Понятовскаго; Т. Пассекъ; Записки Сельскаго Священника; Г. К. Градовскаго (Цензура и печать при Лонгиновѣ и В. В. Григорьевѣ, 1872 — 1879 гг.); А. А. Вязмитинова (Севастополь въ 1854—1855 г.); П. В. Алабина (Русскіе въ Венгріи, 1849 г.); Воспоминанія С. С. Порошина; Петербургъ въ 1710 — 1711 гг. по разсказу очевидца; „Судъ надъ русскимъ писателемъ А. Н. Радищевымъ въ 1790 г.“; — „Петербургъ 28-го іюня 1762 г.“; — Очерки: „Амвросій Протасовъ, архіепископъ“; — „Архіепископъ Ириней Нестеровичъ“; — „Священникъ Ѳеодосій Левицкій“; — „Масоны“. — Собраніе матеріаловъ къ исторіи царствованія имп. Павла и къ его характеристикѣ, сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій и друг.; — Императрица Марія Ѳеодоровна † 1828 г. (ея духов. завѣщаніе и ея труды по женск. образов.);—Костюшко и Александръ I;—Николай I (его переписка съ ген. Дибичемъ); — „Междуцарствіе въ Россіи съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 г.“ (обширное собраніе неизданныхъ матеріаловъ, ярко освѣщающихъ событія и дѣятелей того времени);—„Пугачевъ и Пугачевцы въ селѣ Тресвятскомъ“ (разсказы очевидцевъ);—Кн. А. Н. Голицынъ и архим. Фотій (переписка);—Сперанскій въ воспоминаніяхъ Остзейца; —„Въ Прибалтійскомъ краѣ“—изъ записокъ одного чиновника;—Александръ II и кн. М. Д. Горчаковъ въ 1861 г. (мятежъ въ Варшавѣ); „С.-Петербургское интендантство въ 1864—1866 гг.“—записки генер.-лейт. В. Д. Кренке;—Военно-политическая записка М. Д. Скобелева, 1878 г.;—Переписка А. С. Пушкина съ Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ;—Лермонтовъ и неизд. его поэмы;—„Князь А. А. Суворовъ въ воспоминаніяхъ профес. И. Е. Андреевскаго“;—„Князь Василько“—поэма въ стихахъ кн. А. И. Одоевскаго;—„Сонъ Попова“ поэма-шутка графа А. К. Толстого; — Акварелистъ П. Ѳ. Соколовъ († 1848 г.);—Профессоръ живописи Келеръ (его автобіографія); — Къ исторіи искусствъ въ Россіи, очерки И. Н. Божерянова;—Великая княгиня Елена Павловна († 1873 г.) — очеркъ къ ея біографіи;—А. И. Тургеневъ, 1830—1845 гг.; О. А. Петровъ;—Императоръ Николай въ Чембарѣ и Харьковѣ;—Іосифъ Семашко и проч. и проч.

Цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

(Имѣется «Русской Старины» изд. 1882 г.—79 экземп.).

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1881 г.

При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора **Павла Петровича**;—императора **Александра Николаевича**;—императрицы **Маріи Александровны**;—профессора **Н. И. Пирогова**;—академика **Л. А. Сѣрякова**;—**Хаджи-Мурата**;—**М. И. Голенищева-Кутузова** (1775 г.);—историка-профессора **С. М. Соловьева**; профес. **Д. И. Ростиславова** (писателя о черномъ и бѣломъ духовенствѣ); барона **Гейсмара**;—архіепископа **Филарета Гумилевскаго**.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. **1881 г.** (двѣнадцатый годъ изданія) между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора **Я. А. Соловьева**: крестьянское дѣло въ ц. Александра II.—Собственноручныя отмѣтки императора **Александра II** на Запискахъ Соловьева.—Разсказъ изъ Записокъ декабриста **М. А. Фонъ-Визина** (1807 г.).—Воспоминанія декабриста **А. П. Бѣляева**.—Записки **Д. И. Завалишина**.—Записки князя **Н. С. Голицына**.—Воспоминанія **В. В. Стасова** (Училище Правовѣдѣнія въ 1838—1843 гг.).—Записки **Сельскаго Священника**.—Императоръ **Николай Павловичъ**: собственноручныя его письма 1828—1831 гг.—Императоръ **Александръ II** († 1-го марта 1881 г.).—Императрица **Марія Александровна** (1824—1880 гг.).—Николай Ивановичъ **Пироговъ**, біографич. очеркъ профессора **Бертенсона**.—Генералъ-фельдмаршалъ кн. **А. И. Барятинскій** и Кавказская война, 1815 — 1879 гг., — историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго.—Филаретъ **Гумилевскій**, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ. — **И. П. Голевъ** 1805—1880 гг.—Амурское дѣло (1850—1863).—Украинофильство, статья профессора Н. И. Костомарова.—Ѳедоръ Михайловичъ **Достоевскій** въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.—Записки князя **Н. А. Орлова**: Мысли о расколѣ и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ г. М*.—Исторія моей жизни и моихъ странствій — бывшаго крѣпостнаго крестьянина **Н. Н. Шипова** (1802—1862 гг.).—Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семена Андреевича **Порошина**; 1764—1766 гг.—Записки войска донскаго генерала **А. Е. Попова** (1854—1855).—Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг.—Академики граверы: **Л. А. Сѣряковъ**—очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній;—**И. П. Пожалостинъ**—его автобіографія и художественная дѣятельность.—Къ біографіи **И. К. Айвазовскаго**.—А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія **Н. И. Куликова**.—И. А. Крыловъ и его басня „Конь“.—„Общество поощренія русскихъ художниковъ“—изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова.—Записки **И. Е. Селиванова** (1859 и 1864—1867 гг.)—Графъ Н. П. Румянцовъ,—историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконникова.—Оренбургскіе пожары въ 1879 г.—Языкъ любви (1774 г.)—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. А. Ефремовъ, А. Затлеръ, А. Измайловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусствъ помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣснь пѣсней).—А. С. Пушкинъ.—И. А. Крыловъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—М. Д. Деларю.—Ѳ. М. Достоевскій.—М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“).—А. И. Тургеневъ и друг.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—**восемь рублей** съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

никомъ для него послужили исключительно документы московскаго архива минист. юстиціи, относящіеся къ XVI—XVIII столѣтіямъ, а именно: писцовыя, межевыя и переписныя книги. Собранныя такимъ образомъ данныя представляютъ наглядную исторію перемѣнъ каждой церкви въ разсматриваемомъ районѣ. Но собиратели ихъ считали необходимымъ выяснить также и переходъ имѣній, въ которыхъ находились церкви, отъ одного лица къ другому—свѣдѣнія весьма цѣнныя для исторіи вообще. Важнымъ матеріаломъ о тогдашнемъ состояніи церквей послужили приходныя окладныя книги патріаршаго казеннаго приказа. Онѣ велись по десятинамъ, которыя получали свое названіе отъ уѣзднаго города, волости, или стана и заключали въ себѣ неодинаковое число церквей, а также подлежали иногда то раздѣленію, то соединенію. Окладныя книги представляютъ интересныя данныя о церковной администраціи и финансовомъ управленіи церкви, наконецъ бытовыя черты жизни тогдашняго духовенства. Къ описанію приложены статистическая таблица о церквахъ въ XVII и XVIII стол. и чертежи церковныхъ земель.

Древніе русскіе смѣсные или вотчіе суды. Составилъ Н. Ланге. М. 1882. 234 стр. Ц. 2 р.

Своему изслѣдованію авторъ предпосылаетъ очеркъ правительственнаго дѣленія и внутренняго состоянія (въ судебно-административномъ отношеніи) Руси въ XIV—XVI столѣтіяхъ. Самое же изслѣдованіе распадается на три отдѣла: 1) смѣсные суды между удѣльными княжествами; 2) смѣсные суды внутри каждаго отдѣльнаго княжества. Въ этомъ отдѣлѣ разсматриваются смѣсные суды правительственные, смѣсные суды правительственно-вотчинные (объемъ ихъ власти, вотчинный монастырскій судъ, лицъ духовнаго сана, лицъ свѣтскаго и монастырскаго званія, между правительственными и вотчинными судьями разныхъ наименованій, между вотчинными судьями и т. п.). Отдѣлъ 3-й посвященъ изъятіямъ изъ общаго суда, единоличному суду намѣстниковъ по смѣснымъ дѣламъ, суду разъѣзжихъ судей, суду великокняжескому, княжескому и боярскому по смѣснымъ дѣламъ; наконецъ порядку дѣлъ по смѣснымъ судамъ. Въ заключеніи авторъ указываетъ на существенную перемѣну, происшедшую въ смѣсныхъ судахъ съ возвышеніемъ московскаго княжества. Общій характеръ этихъ судовъ авторъ очерчиваетъ такъ: «Судъ древній на Руси по своимъ формамъ былъ дѣйствительно судъ живой, близко стоявшій къ народу и необременительный для него». Въ своемъ трудѣ авторъ собралъ много матеріала и образцовъ по каждому случаю, относящемуся къ его изслѣдованію, и привелъ извлеченія изъ актовъ, подтверждающія его выводы.

Библіографическій указатель литературы по шелководству, 1703—1882, съ приложеніемъ перечня историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ правительственныхъ и общественныхъ архивахъ и библіотекахъ, а также всѣхъ узаконеній по развитію шелководства и устройству фабрикъ шелковыхъ издѣлій по 1882 г. И. Токмаковъ. М. 1882.

Указатель принадлежитъ тому-же составителю, которому обязана наша литература рядомъ указателей рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Москвы, московской и владимірской губерній; дѣлъ аптекарскаго приказа; рукописей по церковной исторіи, и др. матеріаловъ, хранящихся въ москов. главномъ архивѣ министер. иностр. дѣлъ. Цѣль настоящаго каталога авторъ выражаетъ слѣдующими словами: «До сихъ поръ всѣ отдѣльныя статьи по этому предмету, печатавшіяся въ продолженіи болѣе 100 лѣтъ, еще не собраны въ одинъ сборникъ и потому желающіе познакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ по шелководству находятся въ большомъ затрудненіи, не зная гдѣ найти нужныя имъ свѣдѣнія. Устранить это затрудненіе мы попытались составленіемъ «библ. указателя», матеріалъ для котораго былъ собираемъ нами въ продолженіе 5 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе могутъ оказаться пробѣлы, которые мы будемъ пополнять ежегодно. На первый разъ мы ограничимся выпускомъ указателя литературы по шелководству на рус. языкѣ, но затѣмъ въ скоромъ времени надѣемся окончить также и указатель литературы (того-же предмета) на иностранныхъ языкахъ, значительная часть котораго уже находится въ рукописи».

В. И.

РУССКАЯ СТАРИНА

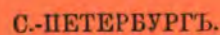
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четырнадцатый. **АВГУСТЪ.** 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Маріи Андреевны Протасовой**, въ замужествѣ Мойеръ, † 9-го марта 1823 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.

1883.

VIII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го августа 1883 г.

Третье путешествіе въ центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Н. М. Пржевальскаго. Съ двумя картами, 108 рисунками и 10 политипажами въ текстѣ. Изданіе им. рус. географ. общества на высочайше дарованныя средства. Спб. 1883 г., въ больш. 4-ю долю, стр. IV+II+475. Цѣна семь руб.

Книга эта окончательно упрочиваетъ за знаменитымъ нашимъ соотечественникомъ всемірную славу путешественника, въ высшей степени предпріимчиваго, смѣлаго, весьма наблюдательнаго и въ дѣлѣ изслѣдованія странъ и народовъ азіатскаго материка необыкновенно умѣлаго. Задавшись цѣлью произвести научную рекогносцировку центральной Азіи, — Н. М. Пржевальскій (нынѣ почетный гражданинъ С.-Петербурга) произвелъ ее съ своимъ крошечнымъ отрядомъ (въ послѣднее путешествіе состоявшимъ изъ 12 человѣкъ) такъ смѣло, въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ не производилъ ее въ Азіи никто и никогда не только изъ русскихъ, но и изъ иностранцевъ, въ области путешествій представляющихъ безконечный рядъ самыхъ отдаленныхъ изысканій. Во всѣ три путешествія (1871—1873 гг., 1876—1877 гг. и 1879—1880 гг.) Н. М. Пржевальскій прошелъ по мѣстностямъ большею частью малоизвѣстнымъ, а нерѣдко и вовсе неизвѣстнымъ,—22,260 верстъ, изъ которыхъ 11,470 верстъ снялъ глазомѣрно съ бусолью на планъ. Астрономически опредѣлена широта 48 пунктовъ, ежедневно по три раза, въ продолженіи всѣхъ трехъ путешествій, производились метереологическія наблюденія; надлежащими инструментами измѣралась температура почвы и воды, опредѣлялась влажность воздуха, постоянно велся общій дневникъ, въ который заносима была масса наблюденій въ области — фауны, флоры, этнографіи. Въ области вообще естествознанія, относительно котораго пройденныя г. Пржевальскимъ мѣстности центральной Азіи были до сихъ поръ почти вполнѣ невѣдомы, производились имъ спеціальныя изслѣдованія надъ птицами и млекопитающими, а затѣмъ составлялись коллекціи, въ которыя собрано млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся и земноводныхъ, наконецъ рыбъ—5,232 экземпляра, насѣкомыхъ 6,000 экземпляровъ, растеній 12,000; кромѣ того собраны образчики горныхъ породъ во всѣхъ попутныхъ хребтахъ.

При третьемъ (Тибетскомъ) путешествіи г. Пржевальскій сдѣлалъ 7,180 верстъ и описалъ это путешествіе истинно мастерски: отъ прекрасной книги его положительно нельзя оторваться. Сжатый, отличный языкъ, ни малѣйшей болтовни, ни лирическихъ изліяній, на которыя столь падки многіе путешественники, и въ то же время нѣтъ сухости и однообразія дневника. Предъ умственнымъ взоромъ читателя развертывается въ книгѣ г. Пржевальскаго цѣлый міръ, полный въ высшей степени интересныхъ особенностей по всѣмъ царствамъ природы. Климатъ, почва, фауна, флора, народы, населяющіе страны, во всѣхъ подробностяхъ ихъ быта, все это вырисовывается предъ вами. И нѣтъ ничего лишняго, и все это въ связи съ жизнью движущагося коравана горсти безстрашныхъ русскихъ людей, предводимой начальникомъ—во всеоружіи науки, одушевленнымъ страстною любовью къ ней и къ дорогому отечеству, во славу котораго предпринятъ и совершенъ весь этотъ многолѣтній подвигъ, полный высшей, самоотверженной отваги!

Да, каждый изъ русскихъ читателей съ величайшимъ удовольствіемъ и интересомъ прочтетъ эту книгу и съ невольною гордостью порадуется, что она принадлежитъ перу русскаго человѣка, истиннаго піонера цивилизаціи въ отдаленнѣйшихъ дебряхъ, пустыняхъ и на заоблачныхъ высотахъ Тибета и сопредѣльныхъ ему странъ и горныхъ хребтовъ Азіи. Прекрасный текстъ сопровождается множествомъ весьма искусно выполненныхъ рисунковъ: всѣ они принадлежатъ В. И. Роборовскому, одному изъ спутниковъ Н. М. Пржевальскаго; исполнены съ натуры и затѣмъ съ извѣстною добросовѣстностью и точностью воспроизведены геліолитографически въ Спб., въ экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ. Это учрежденіе, кстати сказать, подъ управленіемъ Ѳ. Ѳ. Винберга, оказало множество услугъ русской печати, въ области изданія художественныхъ приложеній къ русскимъ книгамъ.

МАРІЯ АНДРЕЕВНА ПРОТАСОВА,

ДРУГЪ ПОЭТА В. А. ЖУКОВСКАГО,

СЪ РИСУНКА САМАГО ЖУКОВСКАГО.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1883 Г.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

№ 36 [1]).

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

30-го декабря 1815. Спб.

Начну письмо свое хорошимъ: поздравляю васъ съ новымъ годомъ! Можетъ быть, какъ и надѣюсь, вы встрѣтите его весело и будете въ этотъ день помнить обо мнѣ и желать мнѣ счастія! Я сказалъ бы чего мнѣ пожелать; но вы съ этимъ не согласитесь; а другого ничего желать не осталось! Пожелать самаго спокойнаго, веселаго, рѣшительнаго, безопаснаго—чего-же? Назовите сами! Мой новый годъ не несетъ мнѣ ничего и хорошо когда бы только ничего, но онъ несетъ съ собою такое будущее, которое мнѣ противно—я радъ бы ему сказать: остановись и пройди мимо меня! Но это понапрасну! Чтобы дать вамъ настоящее понятіе объ этомъ новомъ годѣ посылаю вамъ цѣлую кипу писемъ—онѣ объяснятъ вамъ все, что со мною дѣлается. Я получилъ (1 №) 26 ноября и вслѣдъ за этимъ письмомъ пріѣхалъ Воейковъ. Я отвѣчалъ на это письмо сперва Машѣ—прилагаю здѣсь этотъ отвѣтъ (№ 2); потомъ подумалъ, что все говоренное на счетъ Е. А. должно сказать ей самой и написалъ вмѣсто одного письма два—одно къ Машѣ, въ которомъ все то сказалъ, что ей отъ меня прилично слышать, не упоминая о Е. Аф., и въ письмѣ къ Е. А. повторилъ тоже, что было въ первомъ моемъ

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 181—212; февраль, стр. 429—456; мартъ, стр. 665—678; томъ XXXVIII, апрѣль, стр. 95—106; май, стр. 351—362; іюнь, стр. 541—556; томъ XXXIX, іюль, стр. 1—20.

отвѣтѣ Машѣ и еще много прибавилъ; въ промежуткѣ получилъ отъ Е. А. еще письмо (№ 3), на которое такъ же отвѣчалъ и повторилъ почти тоже самое, что сказано было въ первомъ отвѣтѣ—на эти два письма получилъ отъ нея коротенькій отвѣтъ (№ 4). Вы увидите каковъ тонъ ея изъ самаго письма. И на это я отвѣчалъ ей и отвѣтъ свой списалъ для себя (№ 5). Наконецъ получилъ письмо отъ Маши, которое для васъ списываю (№ 6). Это послѣднее письмо привело меня въ ужасное положеніе, въ ужасную нерѣшимость. Я отвѣчалъ на него; отвѣтъ свой переписалъ для васъ (№ 7). Между тѣмъ получилъ письмо изъ Дерпта отъ одного общаго нашего пріятеля Петерсона (№ 9) и въ этомъ письмѣ стоитъ: Mir hättest du dein Innerstes aufschliessen koennen. Heilig wäre mir dein Geheimniss gewesen und mir die Kentniss desselben für dich, für euch nützlich. Ich wirke und handle auch jetzt. Sie soll Ruhe haben. Moyer geht nach Reval. Alles soll sich geben [1]). Въ это же время получилъ и еще письмо (отъ Воейкова), въ которомъ онъ, поздравляя меня съ новымъ годомъ, восхищается тѣмъ спокойствіемъ, которое установилось послѣ многихъ бурь и волненій, увѣряетъ, что всѣ теперь счастливы и что все зависитъ отъ его поведенія! Объясненій на все это писать нечего — все увидите изъ самихъ приложенныхъ писемъ. Ради Бога, судите меня безпристрастно! Сказалъ ли я въ своемъ отвѣтѣ Е. А. что нибудь такое, въ чемъ замѣтенъ эгоизмъ и несправедливость. Послѣ всего, что было, зная настоящее расположеніе Маши, могъ ли я не подумать, что ее принуждаютъ! а подумавъ это, могъ ли выражаться иначе? И чего я требовалъ? Того, что согласно съ общимъ спокойствіемъ, чего должно бы было требовать сердце матери! Машино послѣднее письмо, привело меня въ совершенное недоумѣніе,—оно писано ею: въ немъ чувствительно, что ея состояніе ей въ тягость, что для нея необходимо выйти изъ этого состоянія! Что могло у нихъ случиться, не знаю; но видно, что съ одной стороны употребляютъ тяжелыя убѣжденія слезъ и жалобъ, а съ другой притѣсняютъ ее съ грубостью и безчеловѣчіемъ. Это письмо вмѣсто того, чтобы оправдать Е. Афан., есть самое ужасное и разительное ея обвиненіе! Маша требуетъ отъ меня спокойствія, спасенія жизни, и въ чемъ же это состоитъ? въ томъ, чтобы уйти изъ семьи своей и найти себѣ покровителя! Но отъ кого же она

---

[1]) (Переводъ): Мнѣ могъ бы ты открыть душу свою. Тайна твоя была бы мнѣ свята, для меня же знаніе ея полезнымъ для тебя, для васъ (обоихъ). Я дѣйствую и теперь въ вашу пользу. Ей будетъ доставленъ покой. Мойеръ ѣдетъ въ Ревель. Все уладится.

въ семьѣ своей зависитъ, какъ не отъ матери? и Е. А. читала ея письмо! и заблужденіе ея такъ велико, что она это письмо считаетъ своимъ оправданіемъ! Я не послалъ имъ своего отвѣта (№ 7)! Я рѣшился увидѣться съ Машею и требовать, чтобы мнѣ она позволила къ себѣ пріѣхать съ тѣмъ, чтобы я могъ говорить съ нею одною: перепискою нельзя объяснить ничего; она должна сама со мною объясниться! Есть-ли изъ словъ ея увижу то, чего мнѣ наиболѣе хочется, что ея сердце можетъ быть согласно съ тѣмъ, чего отъ нея требуютъ эти притѣснители, то какъ не согласиться на то, чтобы она отъ нихъ избавилась и съ благороднымъ, достойнымъ ея человѣкомъ нашла спокойствіе, свободу, уваженіе, жизнь семейную! Все это дать ей было бы счастіемъ. Первое чувство мое при прочтеніи письма отъ Петерсона былъ страхъ. Я не замужеству ея противился, а противился поспѣшности. Есть-ли Мойеръ узнаетъ обо всемъ, то онъ, какъ благородный человѣкъ, сочтетъ за должность все кончить и удалиться — и Маша останется во власти Воейкова безъ всякой защиты, принужденная безпрестанно слышать укоризны и жалобы. Все могло бы итти у нихъ прекрасно — но кто ихъ перемѣнитъ? Избавить ее отъ этого аду есть должность! Есть-ли сердце ея этому не противится, есть-ли въ самомъ дѣлѣ правда то, что она въ послѣднемъ письмѣ пишетъ на счетъ своей привязанности къ Мойеру, то какъ не помочь ей все устроить такъ, какъ ей нужно. Я написалъ было отвѣтъ къ Петерсону (№ 10). Но раздумалъ его посылать. Тоже самое можно сказать ему при свиданіи; напередъ надобно узнать что ему сказано, кто сказалъ, что онъ сдѣлалъ и болѣе всего надобно узнать что чувствуетъ сама Маша. Есть-ли мнѣ дадутъ говорить съ нею свободно, то я легко открою настоящее ея расположеніе и поступлю такъ, какъ ей надобно. Есть-ли же этой свободы не дадутъ, то мнѣ ничего не останется дѣлать; по крайней мѣрѣ это будетъ новымъ доказательствомъ, что она писала ко мнѣ и на все рѣшилась по принужденію. Ничего такъ не желаю, какъ найти въ ней то чувство ко мнѣ, какого теперь желать надобно и котораго я никакъ еще предполагать не могъ! Но я судилъ по себѣ и по прошедшему! Обстоятельства ея могли и должны были перемѣнить ее! Есть-ли это такъ, то счастіе семейное для нея возможно и главное сдѣлано будетъ: то есть она избавлена будетъ отъ поспѣшности. Мойеръ, предупрежденный для своего и ея счастія, станетъ медлить и поступитъ какъ благородный человѣкъ. Время все согласитъ и устроитъ! Она будетъ имѣть свою семью, будетъ имѣть тихое, свободное счастіе, достойное прекраснаго ея сердца! Настоящее ея положеніе ужасно. Есть-ли выйти изъ него посредствомъ замужества съ Мойеромъ не будетъ

для нея новымъ несчастіемъ и еще большимъ, то какъ на это не рѣшиться.

Пишу обо всемъ этомъ къ вамъ для того, чтобы все объяснить для самаго себя и имѣть васъ свидѣтелями своихъ поступковъ. Судите меня—поступаю-ли здѣсь для какихъ-нибудь собственныхъ выгодъ? Мнѣ отъ нихъ не надобно ничего. И отъ самой Маши требую только одного: ея счастія, не примѣшивая къ нему ничего собственнаго. Чтобы все объяснить болѣе, повторяю, здѣсь все въ порядкѣ, для васъ и для себя. Судя по всему прошедшему, я считаю, что возможное счастливое положеніе для Маши состояло въ томъ, чтобы (по крайней мѣрѣ теперь) остаться спокойною, свободною и утѣшенною въ семьѣ своей. Это могли и должны были ей дать. Средства на это самыя легкія; въ исполненіи этого не только общая должность, но и общее ихъ счастіе. Е. Аѳ. властитель въ своемъ семействѣ; все отъ нея зависитъ и самъ Воейковъ, не смотря на его грубости. (Какъ можетъ Воейковъ дѣлать при ней несчастіе Маши! Этого я не могу понять! И естьли это возможно—то кого обвинять!). Объ этомъ спокойствіи Маши я просилъ ее! Но скажите нужно-ли объ этомъ просить мать! По первому письму Маши я долженъ былъ и не могъ не ужаснуться того предложенія, которое мнѣ дѣлали. Помня прошедшее, я не могъ повѣрить, чтобы замужество и съ самымъ достойнымъ человѣкомъ, каковъ Мойеръ, было для нея счастіемъ теперь, но я не противился ея замужеству, а просилъ только, чтобы они отложили! Не согласно ли такое условіе съ ея же счастіемъ? То, что говорилъ мнѣ Воейковъ, еще болѣе убѣдило меня, что ее принуждаютъ; что еще болѣе заставило меня настоять въ моихъ требованіяхъ. Но другое письмо Маши привело меня въ недоумѣніе: изъ него, есть ли ей вѣрить, вижу, что она желаетъ сама этого замужества; но это же письмо убѣждаетъ меня и въ томъ, что она рѣшается на него по какому то непонятному для меня принужденію! Какъ тутъ на что нибудь рѣшиться заочно? Мнѣ невозможно желать, чтобы она шла за мужъ—я не могу представить себѣ, чтобы она теперь согласна была съ этимъ въ сердцѣ; но какъ же возможно желать, чтобы она осталась въ своей семьѣ—какая ея судьба? Притѣсненія отъ Воейкова, и никакой отъ нихъ защиты! Она требуетъ отъ меня письма къ Воейкову, но какъ рѣшиться написать такое письмо? Между тѣмъ къ чему оно и послужитъ теперь! Мойеръ уже предупрежденъ—кѣмъ и какъ увѣдомленъ обо всемъ Петерсенъ, я не знаю; но вѣроятно, что онъ уже все сказалъ Мойеру! И такъ Мойеръ вѣроятно удалится! Но можно ли желать удалить его? Неужели Машѣ оставаться въ семьѣ своей? Она нашла было человѣка, которому

можетъ повѣрить свою судьбу и этотъ человѣкъ ее оставитъ! Есть-ли я и напишу къ Воейкову, то все ужъ это будетъ поздно! Онъ перестанетъ противиться; но Мойеръ самъ уже ничего искать не станетъ! (Воейковъ во всемъ не соблюдаетъ умѣренности; я просилъ его, чтобы Машу не принуждали, чтобы онъ своими поступками не доводилъ ихъ до такой крайности; а онъ требуетъ, чтобы она никогда не выходила за мужъ). И такъ, чтобы все это поправить, надобно самому быть тамъ, надобно видѣть настоящее расположеніе Машина сердца. Надобно, чтобы мнѣ дали свободу съ нею говорить! Изъ этого свободнаго разговора я узнаю, что̀ рѣшило ее такъ скоро, точно ли она надѣется на свое счастіе, точно ли она спокойна въ сердцѣ своемъ, точно ли ее не принуждаютъ и точно ли для нея необходимо выйти изъ того положенія, въ какомъ она теперь! Есть-ли замѣчу, что она дѣйствуетъ не произвольно, то мнѣ не останется ничего дѣлать! Мойеръ уже предупрежденъ, и не мною, и все само собою устроится; а Воейковъ (есть-ли только Е. А. сама этого захочетъ) будетъ лучше: всѣ средства въ ея рукахъ. Есть ли же напротивъ Маша увѣритъ меня, что счастіе ея точно въ этомъ замужествѣ, то это должно быть непремѣнно; Мойеръ, предупрежденный, не оставитъ надежды, но самъ, для собственнаго и ея счастія, будетъ медлить, дастъ времени все привести въ порядокъ, и все устроится такъ, какъ должно безъ всякаго гибельнаго насилія; Воейковъ же, зная, что это должно случиться, будетъ въ уздѣ! Маша не будетъ ничѣмъ обязана; ея спокойствіе и будущее будутъ сбережены, а для меня останется по крайней мѣрѣ увѣренность, что ею не пожертвовали. Таковы мои намѣренія, милые друзья! Я открываю ихъ вамъ для того, чтобы вы, зная все, могли мнѣ отдать справедливость. Богъ видитъ, что я желаю здѣсь только добра! Желанія мои чисты и безкорыстны! За искренность ихъ я отвѣчаю—неужели все это не должно имѣть успѣха? Въ ободреніе себѣ здѣсь могу сказать только одно: желай твердо и искренно добраго! остальное предоставь Провидѣнію. И остальное не зависитъ отъ меня! Пускай Провидѣніе все устроитъ какъ ему угодно... Я жду отъ нихъ отвѣта! Есть-ли велятъ пріѣхать, то поѣду! поѣду съ этимъ твердымъ и искреннимъ желаніемъ добраго! Благослови Богъ исполненіе.

Я предвижу, что пріемъ отъ Е. А. будетъ мнѣ холоденъ. Но что дѣлать? Лишь бы я имѣлъ свободу говорить съ Машею! Я ѣду не для себя, и не для того, чтобы съ ними остаться, чтобы возвратить себѣ дружбу, чтобы отъ нихъ что нибудь получить. Я ѣду для того, чтобы успокоить разорванное сердце Маши. Дружбы же отъ Е. А. я и желать не могу потому, что не могу теперь на нее отвѣчать.

Пускай, все это кончится и къ счастію—все для нея нѣтъ оправданія! Машино письмо въ моихъ рукахъ! Оно есть ужасное обвиненіе матери! Какъ могла Маша быть доведена до такого состоянія, чтобы почитать необходимостью разстаться съ своею семьею? За ея счастіе буду я благодаренъ ея мужу—а не ея матери!

Святое условіе: не показывать этихъ писемъ никому совершенно и возвратить мнѣ всѣ немедленно. Оставьте у себя одинъ списокъ съ Машина письма. Прочія всѣ (пришлите) ко мнѣ и скорѣе. Ради Бога исполните это въ точности.

Маша зоветъ васъ въ Дерптъ, милая Авд. Петр. Что я могу къ этому прибавить! Сердце будетъ на мѣстѣ, когда буду знать васъ съ нею.

Оставьте у себя и мой отвѣтъ Петерсену—я хочу, чтобы это все было у васъ въ рукахъ. Впрочемъ можете и все у себя оставить; только не говорить никому, ни о чемъ. Когда жъ будете въ Дерптѣ, то чтобы и Маша ничего не видала. Въ письмахъ своихъ въ Дерптъ не упоминайте ни о чемъ. Это тайна, которую я вамъ ввѣряю. Сохраненіе ея будетъ знакъ истинной дружбы.

(Приписка): Прошу читать по номерамъ. Сперва это письмо, а тамъ и прочія по порядку. Этого требуетъ историческая точность.

№ 37.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

(Дерптъ, 1816 г. янв.).

На мои два письма нѣтъ отъ васъ отвѣта, милая сестра; одно адресовано было на ваше имя, другое на имя Анеты. Или письма пропадаютъ! Это истинное несчастіе для такого лѣнтяя, какъ я. Между тѣмъ вы на меня какъ будто сердитесь и въ вашихъ письмахъ къ Машѣ такія есть выраженія на мой счетъ, которыя наводятъ на душу туманъ. Неужели я могу потерять сколько нибудь въ вашемъ сердцѣ. Правда, этого мнѣ и можно бояться. Вы слишкомъ высоко обо мнѣ думаете и судите обо мнѣ не по мнѣ, а по собственному своему идеалу, на мой счетъ составленному, украшенному вашимъ сердцемъ, единственнымъ, которымъ только изъ далека можно плѣняться! Но возвыситься до него трудно; а потерять въ немъ страшно. Я говорю не шутя: ваше слишкомъ хорошее мнѣніе обо мнѣ часто пугаетъ меня; я желалъ бы, чтобы оно было не такъ высоко и чтобы, не смотря на это, то чувство, которое есть слѣдствіемъ этого мнѣнія, то безцѣнное чувство дружбы сохранилось неизмѣннымъ. Но иного-

дите; при васъ, и съ вашими письмами въ рукахъ, мы поговоримъ обо мнѣ и эти письма послужатъ для меня маштабомъ того, что я есмь—казаться лучшимъ тяжело, особливо въ глазахъ тѣхъ, кому желаешь быть дорогъ со всѣми своими недостатками. Между тѣмъ есть и нѣкоторыя злодѣйскія выраженія въ этихъ письмахъ, за которыя надобно побраниться. Все это до свиданія. Но за одно выраженіе обнимаю васъ: въ послѣдней запискѣ стоитъ Христосъ съ тобою! такъ должно говорить вамъ мнѣ! Мы никогда не были ближе другъ къ другу какъ теперь—даромъ что рѣдко пишется! Обнимитежъ за меня такимъ же образомъ и Анету и Катошку и мою маленькую Дунящу и нашихъ трехъ друзей, о которыхъ часто, часто думаю. Для Вани и Петруши у меня есть въ виду человѣкъ—одаренный необыкновеннымъ геніемъ, живымъ сердцемъ и большою ученостью, не сухою, школьною, но одушевленнымъ чувствомъ; я съ нимъ знакомъ коротко, но боюсь рѣшиться.

Теперь слова два о томъ, что здѣсь дѣлается. Со времени моего пріѣзда бури миновались. Воейковъ и Саша ѣдутъ; онъ въ Крымъ, она только до Кіева: не пугайтесь, я думаю, что это путешествіе принесетъ пользу и сама Саша желаетъ его: оно ихъ сблизитъ и все старое будетъ болѣе забыто. Это необходимо, а здѣсь невозможно. Временная разлука будетъ пластыремъ. Я увѣренъ, что будущее можетъ быть лучше: нужно только не отчаеваться. Слава Богу, что Воейковъ имѣетъ ко мнѣ довѣренность; онъ выслушиваетъ отъ меня все и въ нѣкоторомъ меня слушается. Чтобы онъ сдѣлался лучше надобно, чтобы онъ почувствовалъ истинную цѣну жены своей: я надѣюсь, что это возможно и онъ знаетъ самъ, что это для него необходимо, что въ этомъ его счастіе; не надобно его покидать, не надобно терять съ нимъ бодрости; — на счетъ Маши я безпокоюсь менѣе. Мойеру можно вѣрить совершенно. Прекрасный характеръ. Меня безпокоитъ только тотъ кругъ, въ который она войдетъ—надобно, чтобы она была сколько можно менѣе зависима отъ родни его; чтобы вся ея зависимость была отъ него единственно; тогда можно поручиться за тихую, ясную жизнь: она будетъ имѣть съ нимъ все, что должно для ея сердца. О себѣ не говорю ни слова: я часто бываю недоволенъ собою. Это разберемъ при свиданіи.

Азбукина обнимаю и браню за подражаніе, слишкомъ рабское, моей лѣни. Бумаги его я оставилъ въ Петербургѣ у вѣрнаго человѣка, къ которому писалъ о томъ, чтобы хлопотать о грамотѣ. Вотъ что онъ пишетъ мнѣ въ отвѣтъ: «выхлопотать грамоту можно, но это продолжится годъ, а можетъ быть и два, ибо государю рѣдко подно-

сять грамоты къ подписанію, да и подносимыя остаются по году и болѣе въ кабинетѣ?» Что съ этимъ дѣлать? Хлопотать ли или нѣтъ! Жихаревъ, которому я поручилъ это дѣло, ѣдетъ на нѣсколько времени изъ Петербурга. Я хочу взять у него бумаги назадъ и возвратить ихъ ему, когда онъ самъ возвратится. Въ противномъ случаѣ могутъ затеряться. Впрочемъ спрошу сперва не можетъ ли у себя оставить копіи за скрѣпою, а оригиналъ возвратить. Простите, друзья. Экземпляръ посылаю.

A propos. Вчера получилъ я отъ императрицы Е. Алекс. перстень, который, comme de raison, подарилъ Машѣ.

(На оборотѣ: «Ея высокородію Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской. Въ Бѣлевѣ». Печать почтамта: Dorpat).

№ 38.

Къ роднымъ въ Дерптъ.

(Спб. 1816 г., январь).

Теперь спѣшу увѣдомить васъ, милые, безцѣнные друзья, о томъ только, что я доѣхалъ или лучше сказать доползъ до Петербурга благополучно. Писать много отъ того нельзя, что я еще весь въ разгонѣ, ѣзжу туда и сюда. На слѣдующей почтѣ буду писать болѣе на просторѣ. Меня здѣсь ожидала радость: Карамзинъ и Вяземскій здѣсь. Увидѣть ихъ было весело и веселѣе болѣе отъ того, что и на душѣ стало веселѣе.

Вотъ что случилось со мною дорогою. Я простудился было и вообразилъ, что занемогу не нашутку. Есть ли бы это сдѣлалось со мною на дорогѣ въ Дерптъ, то можетъ быть я еще этому бы и обрадовался. А теперь напротивъ это мнѣ стало страшно. У меня теперь прекрасная цѣль въ жизни. У меня руки развязаны дѣлать все, что отъ меня зависитъ для Машина счастія. Маша, смотри же, не обмани меня! Чтобы намъ непремѣнно вмѣстѣ состряпать твое счастіе! Тогда и все прекрасно! Прошу васъ помнить, что вы должны имѣть самую неограниченную, спокойную ко мнѣ довѣренность—тогда все пойдетъ порядкомъ. Саша, милой дружокъ, повѣрь, что мы сладимъ съ дурнымъ прошедшимъ и въ будущемъ будетъ у насъ покой и согласіе. Все это сдѣлается, есть ли только будемъ понимать другъ друга какъ надобно.

Простите. Есть ли наша Дуняша пріѣхала, то прошу всѣхъ васъ поочередно обнять ее за меня. Есть-ли бы я не прикованъ былъ къ

Петербургу своимъ изданіемъ, то полетѣлъ бы къ вамъ немедленно. Во всякомъ случаѣ она должна меня дождаться.

Воейковъ, прошу смотрѣть на наше вмѣстѣ какъ на обѣтованную землю. Надобно непремѣнно дойти до нея, а не заблудиться и пропасть въ пустынѣ.

Прошу васъ писать ко мнѣ болѣе и подробнѣе. Особенно Машу. Теперь некогда мнѣ самому писать.

Мойера и Петерсона обнимаю.

№ 39.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской [1]).

19 февраля 1816 (Спб.).

Милая сестра, другъ, бѣсъ, ангелъ; что вы съ нами дѣлаете? Сейчасъ получилъ я два письма: одно отъ Анеты, а другое изъ Дерпта, въ которомъ и ваше описаніе этого ужаснаго путешествія. Провалиться подъ ледъ въ 50 верстахъ отъ своего дома, простудиться жестокимъ образомъ, жить два дня въ избѣ, потомъ ѣхать еще 200 верстъ, чтобы остановиться одинъ только день и пускаться на 1000 верстъ съ болѣзнью, съ опасностью потерять милую, безцѣнную жизнь, забыть изъ несравненной дружбы все и дружбу, и дѣтей—такимъ ангеломъ-бѣсомъ можете быть только вы! Какъ меня взволновали эти письма! Не знаю, радоваться ли, что есть такой несравненный человѣкъ, каковы вы! Не знаю, можно ли позволять себѣ требовать вашей дружбы—это въ иную минуту значитъ требовать и вашего, и собственнаго несчастія. Получивъ эти письма, въ первомъ движеніи, я собрался было ѣхать въ Москву; но перечитавъ ихъ, остановился. Эти же странныя письма и успокоиваютъ. У меня здѣсь есть дѣла, которыя и такъ были замедлены и приведены въ безпорядокъ моимъ отъѣздомъ въ Дерптъ—отъѣздъ въ Москву все бы разстроилъ. Маша же пишетъ ко мнѣ, что она обо всемъ подробно увѣдомляетъ васъ. И такъ вамъ теперь все должно быть извѣстно. Изъ всѣхъ же приложенныхъ писемъ вы увидите, что мое присутствіе въ Дерптѣ необходимо. Я уѣхалъ оттуда скрѣпя сердце, и крѣпко досадую на необходимость, которая меня тащила оттуда [2]).

---

[1]) Часть письма напеч. въ біогр. очеркѣ Жуковскаго въ «Ж. М. Н. Пр.», стр. 72.

[2]) Жуковскій уѣхалъ изъ Дерпта въ январѣ, послѣ краткаго тамъ пребыванія. Прим. К. З.

Надобно туда ѣхать какъ можно скорѣе, чтобы опять не перепортилось то, что кое-какъ поправлено. Поѣздка въ Москву задержала бы меня тамъ вѣроятно до весны; потомъ надобно бы было опять ѣхать въ Петербургъ доканчивать начатое — когда же бы я поспѣлъ въ Дерптъ! Анета же пишетъ въ письмѣ своемъ, что ждетъ вашего возвращенія черезъ недѣлю — Богъ сохранилъ насъ! Ради Бога, напишите поскорѣе! Письма вашего буду ждать, какъ благодати!

Посылаю вамъ всѣ письма, написанныя къ вамъ въ разное время! Онѣ дадутъ вамъ полное понятіе о томъ, что случилось, и послужатъ дополненіемъ къ письму Маши. Въ моихъ письмахъ многое перемѣнить бы надобно; я слишкомъ жестоко обвинялъ Е. А. По крайней мѣрѣ теперь не она, а ихъ ужасное положеніе всему причиною. Слава Богу! что теперь изъ этого хаоса выходитъ свѣтъ. По настоящему, мнѣ бы надобно было тотчасъ ѣхать, получивъ первое письмо Маши, — но я самъ былъ обманутъ и не могъ не обмануться! Я думалъ, что мое посѣщеніе будетъ не только безполезно, но и вредно, что мнѣ не дадутъ говорить съ Машею свободно, что я буду принужденъ только безусловно согласиться или уѣхать несогласясь ни на что и только прибавивъ своимъ присутствіемъ къ общему ихъ страданію. Вышло напротивъ. Не знаю, совершенно ли увѣрена во мнѣ тетушка, но по крайней мѣрѣ изъ моего обхожденія съ Машей я имѣю право такъ думать: я имѣлъ съ нею полную свободу и каждый день проводили мы по часу вмѣстѣ, одни, съ глазу на глазъ. Что естьли бы не было давно этого подозрѣнія, которое такъ розняло меня съ нею? Давно бы все было въ порядкѣ! Ни отъ кого не можетъ она слышать того, что отъ меня, и никто не можетъ такъ меня успокоивать какъ она!

Все такъ случилось, какъ я располагалъ передъ своимъ отъѣздомъ и какъ писалъ въ моемъ первомъ къ вамъ письмѣ отъ 30 декабря, здѣсь же приложенномъ. Изъ разговоровъ съ Машею я увидѣлъ, что она не обманываетъ меня, что она дѣйствуетъ теперь не по принужденію, а изъ увѣренности, что все будетъ лучше, что она надѣется этого лучшаго! И не однѣ ея слова, но и собственныя замѣчанія убѣдили меня въ этомъ! Съ Мойеромъ говорилъ я откровенно, и онъ не только понялъ, но угадалъ и предупредилъ мои мысли. Мы теперь съ нимъ вѣрные товарищи — цѣль наша прекрасная! Общее счастіе! и это счастіе называется Машею. Маша будетъ дѣйствовать свободно, все отдано на ея волю; она знаетъ, что я не теряю ничего, естьли она только найдетъ свое счастіе и она дала слово его найти, ничему собою не жертвовать — это сдѣлать она обязана, и въ этомъ случаѣ меня не обманетъ.

Пріѣхавъ къ нимъ, я нашелъ ихъ совершенно несчастными! Воейковъ былъ точно какъ бѣшеной. По сю пору не могу его изъяснить. Маша думаетъ, что причиною его поступковъ была ненависть къ ней; я этого не могу понять! Думаю, что всѣ прежнія обстоятельства раздразнили его. Объ этомъ говорить долго, да и не нужно! Прежде своего пріѣзда въ Москву, во время болѣзни Машиной, чтобы ее мучить, онъ давалъ надежду Мойеру; но какъ скоро она на это рѣшилась, онъ началъ всему противорѣчить; узнавъ, что она ко мнѣ написала, онъ поскакалъ въ Петербургъ и обманулъ меня и Кавелина разсказами объ ужасныхъ притѣсненіяхъ, которыя ей дѣлали, и я не могъ не повѣрить этимъ разсказамъ—все старое подтверждало ихъ; возвратясь въ Дерптъ, онъ началъ мучить ихъ своими бѣшеными противорѣчіями, давая чувствовать, что такъ дѣйствуетъ для меня (а я просилъ его только объ одномъ—избавить Машу отъ притѣсненій и сдѣлать такъ, чтобы она могла на все свободно рѣшиться). Пугалъ ихъ безпрестанно, то самоубійствомъ, то дуэлью съ Мойеромъ, то пьянствомъ — каждый день были ужасныя исторіи. Мой пріѣздъ всему положилъ конецъ; онѣ увидѣли, что мои намѣренія были совершенно противны тому, что онъ говорилъ обо мнѣ, да и письма мои, сколь ни огорчительны были для Е. А., въ томъ же могли увѣрить. Я былъ только маскою для Воейкова; онъ боялся не моего несчастія, а только того, чтобы въ семьѣ своей не потерять той неограниченной власти, какую имѣлъ благодаря слабости Е. А. Во мнѣ онъ увидѣлъ человѣка, который имѣлъ уже власть и возможность ихъ защитить. Это его усмирило. Были и при мнѣ попытки пугать ихъ разлукою, дуэлью, пьянствомъ и прочее — все это не помогло и его арсеналъ теперь совсѣмъ истраченъ. Спокойствіе возстановилось, но чтобы оно было постоянно, надобно быть мнѣ съ ними, по крайней мѣрѣ нѣсколько времени: меня онъ боится, мнѣ вѣритъ, сколько можетъ кому нибудь вѣрить, въ моихъ рукахъ его репутація, его связи съ прочими его друзьями—все это даетъ мнѣ большую надъ нимъ силу. Но этого мало, надобно непремѣнно возстановить спокойствіе такъ, чтобы оно не разрушилось. И повѣрьте, что я теперь не дамъ бушевать ему.

Друзья, какое иногда божественное чувство подымаетъ душу! и какъ весело его раздѣлить! Что передъ этимъ прекраснымъ чувствомъ всѣ эти маленькіе безобразные уродцы, которые называются желаніями для себя и которыя иногда выскакиваютъ какъ пузыри и лопаются! Какъ прекрасно сказалъ недавно Карамзинъ (который теперь здѣсь), и онъ только выразилъ ясными словами то, что я чувствовалъ ясно: **намъ должно думать не о совершенствѣ дѣйствій, а о совершенствѣ одной воли!** Дѣйствія отъ насъ

не зависятъ, но воля есть человѣкъ! Это совершенная правда! Я здѣсь увѣренъ въ своей волѣ и, къ счастію, уже увѣренъ на опытѣ. Я хочу, хочу передъ Богомъ святаго добра! Что нужды, что въ иныя минуты самъ себѣ измѣняешь и бываешь не похожъ на самого себя —этимъ минутамъ я не вѣрю; я знаю, что онѣ минуты, что онѣ должны скоро пройтти! Карамзинъ, говоря о вѣрѣ, сказалъ: мы не можемъ себѣ доказать безсмертія и существа Бога! но доказательства и не нужны! Здѣсь разумъ не дѣйствуетъ! Кто почувствовалъ Бога и безсмертіе, тотъ никогда не перестанетъ вѣрить. Тоже можно сказать и о добрѣ! Пожелавъ въ сердцѣ добра, никогда не потеряешь этого желанія, что бы потомъ ни случилось, какія бы мысли ни забрели въ голову — сторожъ хорошаго есть воспоминаніе о хорошемъ. Я хочу добра и не только хочу, теперь могу его сдѣлать— руки развязаны! И какое же добро! Съ одной стороны устроить счастіе Маши: я теперь знаю, что она не можетъ и не должна оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ она теперь! Что за жизнь, которую она ведетъ! Нѣтъ свободы ни чувствовать, ни мыслить, ни дѣйствовать! Даже нѣтъ своего угла! во всемъ тяжелая, убійственная неволя! Какъ не пожелать для нея такого состоянія, въ которомъ она будетъ имѣть все нужное для ея сердца! Надобно только, чтобы прошедшее было ей другомъ, а не врагомъ — и это мы сдѣлаемъ. Съ другой стороны возвратить Сашѣ естьли не счастіе, то по крайней мѣрѣ спокойствіе. Ея положеніе ужасное — она знаетъ своего мужа. Но, къ счастію, характеръ ея таковъ, что нѣсколько времени спокойствія, ничѣмъ не нарушеннаго, можетъ привести въ забвеніе прошедшее. Всему этому теперь положено начало. Прежде нежели все рѣшится, Маша узнаетъ Мойера, привыкнетъ къ нему, и все, что было, не пропадетъ для нея, а только сольется съ тѣмъ, что есть, въ одно ясное, спокойное чувство. Съ Воейковымъ же я буду въ ладу—теперь это возможно; я отъ него не завишу и ему уже ничѣмъ оскорбить меня не возможно, ибо судьба Маши не въ его, а въ моихъ рукахъ и теперь я, она и Мойеръ составляемъ тѣсный тріумвиратъ, котораго цѣль есть общее счастіе. Теперь зависитъ отъ меня сдѣлать Воейкова, естьли не добрымъ, то лучшимъ—надобно для этого забыть, что онъ человѣкъ, а обходиться съ нимъ, какъ съ вещью, изъ которой можно и должно сдѣлать полезное употребленіе. Быть съ нимъ въ ладу мнѣ не трудно — а это будетъ ему полезно и въ особенности полезно для бѣдной моей Саши, которая глядитъ на меня, какъ на помощника и хранителя. Ему надобно оставить довѣренность къ самому себѣ; это зависитъ отъ того вниманія, которое будешь ему показывать — въ этомъ случаѣ прошу и

васъ всѣхъ со мной согласиться; сдѣланное зло имъ уже сдѣлано — теперь онъ не можетъ ничего къ нему прибавить! и изъ этого зла выходитъ добро — Машино счастіе, которое ужъ не отъ него зависитъ и которое безъ него устроится! здѣсь онъ въ сторонѣ! Но надобно думать о Сашѣ. И такъ прошу васъ съ нимъ обходиться съ величайшею осторожностію; чтобы обхожденіе съ нимъ не могло его раздражить, ибо все это отдастся въ сердцѣ Саши. По настоящему его положеніе самое тяжелое; онъ долженъ быть въ разрывѣ съ собою; а при такомъ характерѣ, каковъ его, это портитъ только душу! Надобно, сколько возможно, облегчить для него такое состояніе. — Чтоже касается до меня самаго, то нельзя же вдругъ всего передѣлать. Но вы за меня не бойтесь. Я вообще счастливъ; послѣднія три недѣли, проведенныя мною въ Дерптѣ, была самая богатая прекраснымъ чувствомъ эпоха въ жизни моей. Естьли я буду имѣть съ Машею ту свободу, какую имѣлъ въ эти три недѣли, то все придетъ въ порядокъ и къ лучшему. А эту свободу я имѣть буду. Е. А. слишкомъ должна теперь быть увѣрена, что это для меня необходимо и видѣла уже пользу отъ этого. Хотя она и не совсѣмъ входитъ въ мои чувства и не понимаетъ меня—но что до этого! Вѣдь не это моя цѣль! Въ этомъ случаѣ я не имѣю въ виду награды. Вѣрьте, прошу васъ, что я счастливъ! И не бойтесь за меня никакихъ тяжелыхъ минутъ! Тяжелыя минуты были и будутъ—но главное чувство пропасть не можетъ! а въ этомъ все! Вотъ, что я за собою замѣтилъ: всякій разъ, когда я бывалъ съ Мойеромъ одинъ, мнѣ было грустно, но не о себѣ, а о Машѣ! все приходила въ голову мысль, что будучи съ нимъ она не будетъ имѣть всего и можетъ жалѣть о прошедшемъ! И все, что меня убѣждало въ противномъ, меня радовало! Теперь я болѣе увѣренъ и болѣе на этотъ счетъ спокоенъ; а время все сдѣлаетъ и мы поможемъ времени. Кажись бы хорошо, анъ нѣтъ! во мнѣ есть другой человѣкъ, которому бываетъ больно, когда онъ замѣтитъ привязанность Маши къ Мойеру. Этотъ человѣкъ (сколько я замѣтилъ) бурлитъ болѣе въ вечеру и думаю, что онъ живетъ въ желудкѣ!! Но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду—и онъ умретъ непремѣнно! И есть ли живъ еще Курилка, то отъ того, что онъ слишкомъ крѣпкаго сложенія! И знаете ли что будетъ его убійцею?—что-то воздушное, безтѣлесное, живущее въ нижеслѣдующихъ каракулькахъ:

Все въ жизни къ великому срэдство!
И горесть, и радость все къ цѣли одной!
Хвала жизнедавцу Зевесу!

Можно ли измѣнить прекрасной цѣли? Можно-ли не остаться вѣрнымъ доброму, высокому чувству? Прекрасное можно назвать жизнію, которая все жизнь! не смотря на болѣзни, которыя нарушаютъ ея порядокъ. А поэзія—славный громовой отводъ! Теперь мнѣ будетъ легче бесѣдовать съ моею музою! Даже и все, что есть печальнаго въ моей судьбѣ, теперь не убійственно и близко своею породою къ безсмертной музѣ! Поэзія, идущая рядомъ съ жизнію, товарищъ несравненный.

Вотъ мое расположеніе: кончивъ изданіе своихъ стиховъ, котораго на бѣду никому постороннему поручить не могу, тотчасъ отправляюсь въ Дерптъ. Изъ приложенныхъ документовъ (№ 12)—отрывокъ Машина журнала, отданный ею мнѣ въ день моего отъѣзда изъ Дерпта, и при немъ письмо Воейкова (№ 13) писанное въ тоже время, № 14 и 15 письма, полученныя мною въ Петербургѣ), вы увидите, какъ это необходимо. Вы между тѣмъ увѣдомьте о томъ, что вы хотите сдѣлать, когда соберетесь къ намъ и когда должно мнѣ пріѣхать за вами? Гораздо было бы лучше, когда бы я васъ и проводилъ изъ Дерпта—я тогда могъ бы подолѣе съ вами остаться. При свиданіи будемъ говорить о томъ, что для меня есть одно изъ главныхъ дѣлъ жизни, о воспитаніи нашихъ дѣтей. Я ждалъ и жду плана и право не даромъ сказалъ, что въ этотъ планъ входитъ много моего будущаго. Чтобы придумать что нибудь основательное, надобно имѣть этотъ планъ въ рукахъ—а вы все его не присылаете! Да вы же еще боитесь мнѣ надоѣсть христіанствомъ! И такъ прошу написать когда вы и какъ расположитесь къ намъ ѣхать! Теперь излишняя поспѣшность не нужна! Непремѣнно надобно дождаться хорошей и безопасной дороги; при этомъ же письмѣ прислать обѣщанный планъ и все прислать какъ можно скорѣе; а будущей почты буду ждать съ величайшимъ нетерпѣніемъ! Надѣюсь, что она принесетъ мнѣ отъ васъ добрую вѣсть! Неужели вы полѣнитесь?

Это письмо для всѣхъ васъ трехъ, милые друзья. Теперь съ вами, милая Анета, поговоримъ о дѣлахъ. Вы очень хорошо сдѣлали, что отдали деньги мои секунд-майоршѣ Кирѣевской [1]). Но прошу васъ съ нея процентовъ не брать. Вамъ должно быть извѣстно, что я ей долженъ 1,000 рублей, данныхъ ею мнѣ на напечатаніе моихъ стихотворныхъ околичностей; и еще 1,000 данныхъ ею Марьѣ Николаевнѣ Свѣчиной, которая дала на сію сумму вексель мнѣ, ибо получила деньги отъ меня; еще же 200 уплаченныхъ ею за меня Ивану Никифоровичу и еще 450, заимствованныхъ мною у ней въ Москвѣ, всего

[1]) Авдотья Петровна.

2,650. Этотъ долгъ пускай будетъ уплаченъ изъ процентовъ. Марьи же Николаевны вексель я передамъ ей при свиданіи.

Прошу васъ, милая, быть моимъ душеприкащикомъ и заботиться о моихъ деньгахъ, какъ вздумаете—на это я прямой поэтъ! И ваша попечительность мнѣ весьма благодѣтельна. Теперь я знаю, что у меня есть что то вѣрное. И вы хорошо сдѣлаете, когда до времени и вексель оставите у себя. Лучше мы все распорядимъ, когда увидимся. Получили вы свои экземпляры? Ихъ послали къ вамъ во время моего отсутствія и для того онѣ не надписаны.

Прошу васъ показать всѣ эти письма Плещеевымъ и шепнуть другу Негру, что я бѣлой книги не страшуся. Но покажите ихъ сами, а не посылайте. Не надобно, чтобы это было кому нибудь, кромѣ васъ и ихъ, извѣстно. Ради Бога, не говорите ни съ кѣмъ и отъ нихъ прошу того же.

Простите, друзья, отвѣчайте скорѣе.

Ивана Никифоровича и Архіерея обнимаю. Елизаветѣ Васильевнѣ мое почтеніе.

Всѣ документы сберечь и возвратить мнѣ при свиданіи. Да нельзя ли мнѣ прислать письма, которыя обо всемъ этомъ пишетъ Маша?

№ 40.

Къ роднымъ въ Бѣлевскій уѣздъ.

(Спб. 1816, въ февралѣ (послѣ 19) или въ мартѣ).

Отъ васъ нѣтъ писемъ—не грѣхъ ли? Вы должны знать, что у меня по васъ на сердцѣ кошки—и молчите. Благодаря Авдотьѣ Ивановнѣ Нарышкиной, которая писала къ Марьѣ Ивановнѣ и благодаря Марьѣ Ивановнѣ, которая писала къ Еленѣ Ивановнѣ, я знаю, что Авдотья Петровна въ Москвѣ, была больна, и скоро ѣдетъ домой—слава Богу! но для чего же Авдотья Петровна такъ упрямо молчитъ и думаетъ, что мнѣ все равно, что знать объ ней что не знать. Авось завтра хотя что нибудь получу изъ Дерпта—а есть-ли не получу—бѣда! Но Богъ милостивъ! Онъ сохранитъ насъ и нашего добраго друга, который совсѣмъ къ намъ немилостивъ, ибо изъ любви къ намъ забываетъ себя, и еще думаетъ, что это любовь, а я это называю ненависть! Съ такою любовью того и гляди, что наживешь бѣды. Напишите жъ ко мнѣ поскорѣе, ради Бога! Вы называете меня лѣнивымъ, а сами лѣнитесь въ такую минуту, въ которую бы надобно было писать въ четыре руки. Мнѣ не болѣе двухъ

строкъ надобно; но эти двѣ строки будутъ благодѣяніемъ, лекарствомъ отъ самой жестокой болѣзни—страха и неизвѣстности.

Еще разъ повторяю: никому ни слова о содержаніи моихъ послѣднихъ писемъ. Я и Еленѣ Ивановнѣ ни о чемъ не говорилъ. Сдѣлать все извѣстнымъ значитъ все рѣшить; а надобно, чтобы все было рѣшено временемъ. Я получилъ по послѣдней почтѣ отъ нихъ письма—Саша все больна; но у нихъ довольно тихо. Я получилъ письмо и отъ Мойера. Не правда ли, что мое положеніе одно изъ самыхъ необыкновенныхъ. Онъ говоритъ со мною о Машѣ; говоритъ: Marie giebt mir täglich mehr Beweise ihres Wohlwollens und Zutrauens [1]); эта одна черта показываетъ хорошее сердце—она и ему, и мнѣ дѣлаетъ честь. Чтобы ни было, а я этому радуюсь и буду радоваться, не смотря на тѣ минуты, въ которыя нѣкоторые уродцы, о которыхъ я писалъ на прошедшей почтѣ, будутъ выходить на сцену. Друзья, много прекраснаго въ душѣ человѣческой и жизнь наша дана намъ только для того, чтобы выкопать изъ нея это прекрасное и дать ему силу, бытіе, совершенство. Gott befohlen! Обнимаю васъ! У меня было бы ясно на сердцѣ, когда бы отъ васъ имѣлъ я хоть одну утѣшительную строчку! Откликнитесь, безмолвныя нѣмки, то есть нѣмыя.

Сообщ. К. К. Зейдлицъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) (Переводъ): Маша съ каждымъ днемъ даетъ мнѣ болѣе доказательствъ своего добраго расположенія и довѣрія.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

въ письмахъ къ Ник. Ив. Гнѣдичу.

1817 годъ.

LXXIII [1]).

1817 г. май.

Я послалъ тебѣ умирающаго Тасса, а сестрица послала тебѣ чулки; не знаю, что болѣе тебѣ понравится и что прочнѣе, а до потомства ни стихи, ни чулки не дойдутъ: я въ этомъ увѣренъ. Благодарю за пріятный часокъ, который провелъ, читая и перечитывая твое письмо о статуѣ Кановы. Оно такъ живо представило мнѣ статую, что я былъ въ восхищеніи, очень сладостномъ, словно, какъ будто она была передо мною. Завидую тебѣ: ты видишь, наслаждаешься и отдаешь себѣ отчетъ въ наслажденіяхъ своихъ. И такъ наслаждайся и пиши. Не теряй времени. А я, по словамъ Горація, облекаюсь въ мою добродѣтель, сижу, свищу и грущу. Батюшкины дѣла (будь сказано между нами) такъ плохи, такъ безобразны, что я и сестра, мой вѣрный товарищъ въ горести, съума сходимъ. И есть отъ чего. А ты требуешь стиховъ. Выть въ стихахъ не умѣю, а другіе писаться не будутъ. Вотъ мѣсяцъ, что я и прозы не пишу, а сижу, поджавъ руки, и смотрю на сумрачное небо. Благодари Уварова за предложеніе. Умѣю чувствовать снисхожденіе и попечитель-

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1870 г. т. I, изд. первое, стр. 65—71; изд. третье, стр. 549 -554; изд. 1871 г., т. III, стр. 208—236; 394; изд. 1874 г. т. X, стр. 383—398; изд. 1883 г. т. XXXVII, мартъ, стр. 647—664; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 107—122; май, стр. 333—350; іюнь, стр. 525—540; томъ XXXIX, іюль, стр. 21—42.

ность его о талантахъ въ землѣ клюквы и брусники. Но я не могу рѣшиться взять мѣсто, и что мнѣ въ двухъ тысячахъ? Корпѣть надъ экстрактами! Потерять послѣднія искры таланта, и время и малое здоровье! Человѣку, который три войны подставлялъ лобъ подъ пули, сидѣть надъ нумерами изъ-за двухъ тысячъ и пить по каплѣ всѣ непріятности канцелярской службы?.. Изъ-за двухъ тысячъ!!! Но скажу рѣшительно: если обстоятельства занесутъ меня въ Петербургъ, то мѣсто, если можетъ быть такое, не много свойственное, приличное моимъ занятіямъ и охотѣ къ словесности, было бы пріятно. Но это все буки. А я просилъ записать меня куда нибудь, чтобы я могъ избѣжать дворянскихъ выборовъ и хлопотъ, сопряженныхъ съ ними: вотъ о чемъ я просилъ, и ты меня не понялъ, или не хотѣлъ понять. Впрочемъ—воля Божія—ничего не хочу и мнѣ все надоѣло. Жить дома и садить капусту я умѣю; но у меня нѣтъ ни дома, ни капусты: я живу у сестеръ, въ гостяхъ, и домашнія дѣла меня замучили, не только меня и ихъ. Вотъ каково, братъ, давать совѣты за тысячу верстъ! Бога ради, не серди меня совѣтами и не будь похожъ на vulgari amici, которые, какъ у Крылова, говорятъ: возьми чѣмъ ихъ топить...—Но поговоримъ лучше о книгѣ. Печатай ее какъ угодно, но стиховъ по рукамъ не давай до напечатанія; боюсь, чтобы не вышелъ пустоцвѣтъ. Еще прошу, и очень серіозно, переводовъ и дряни не печатай: не срами пріятеля. Если что нибудь вырву изъ головы, или лучше сказать изъ рукъ упрямицы-фортуны, то доставлю въ смѣсь. Гдѣ мои замки на воздухѣ? Я хотѣлъ было приняться за поэму. Она давно въ головѣ. Я какъ курица ищу мѣсто снести яйцо—и найду ли полно? Видно умереть мнѣ беременнымъ Рурикомъ моимъ. Для него надобно здоровье, надобны книги, надобны карты географическія, надобны свѣдѣнія, надобно, надобно, надобно, надобно—и болѣе твоего таланта—скажешь ты. Все такъ! но онъ сидитъ у меня въ головѣ и въ сердцѣ, а не лѣзетъ: это мученіе! Бездѣлки мнѣ самому надоѣли, а малое здоровье заставляетъ писать бездѣлки. Кстати о нихъ. Что скажешь о Тассѣ? Утѣшь меня: похвали его, и, если хочешь, прочитай Уварову, ему одному. Желалъ бы знать его впечатлѣніе на умъ, столь образованный. А мнѣ эта бездѣлка разстроила было нервы, такъ ее писалъ усердно. Благодарю Дмитрія Ивановича за его трудъ. Онъ мнѣ отомщаетъ за шутку самымъ благороднымъ образомъ, но за то я люблю и уважаю его. Прости. Пожелай мнѣ здоровья и терпѣнія, двухъ близнецовъ неразлучныхъ, которые на меня прогнѣвались съ давняго времени, а я желаю тебѣ счастія и новыхъ наслажденій моральныхъ и физическихъ. Б.

Мая—какого мая: у насъ снѣгъ на дворѣ.

Если Гречь не уѣхалъ къ нѣмцамъ, то попроси его привезти мнѣ оттуда Виландовъ комментарій на Горація, Катулла и Проперція, хорошій переводъ нѣмецкій, и переводъ Элегій Овидія. Не можешь ли прямо выписать черезъ книгопродавцевъ? У меня деньги готовы, а ты дай что нибудь въ задатокъ. Да еще у Русица нельзя ли достать славянскія сказки Новикова. Древнія русскія стихотворенія изданія Клитирева (sic), если не ошибаюсь. Къ этому пришли Бову Королевича, Петръ золотые ключи, Ивана бѣлую рубашку и всю эту дрянь. Авось когда нибудь и за это возьмусь. Не шутя, пришли это, только все вдругъ.

LXXIV.

1817 г. мая

Помилуй, что за идея дѣлать подписку! Бога ради останови, если началъ: Бога ради! Ты помнишь первое условіе. Я именно требовалъ, чтобы подписки не было. Ты меня этимъ огорчишь. Если денегъ нѣтъ, то я проживу здѣсь осень и нужное тебѣ доставлю, сколько угодно будетъ: но еще разъ прошу—не надо подписки, тѣмъ болѣе, что я самъ сбираюсь въ Петербургъ за дѣлами, и это меня какъ какъ ножемъ срѣжетъ. Надѣюсь, что ты уничтожишь даже публикацію, если она объявлена. Надѣюсь, мало того, прошу, заклинаю тебя.

Предисловіе кажется хорошо. Но не слишкомъ ли ты пользуешься правомъ издателя, чтобъ хвалить своего автора? Довольно-бы въ похвалу и послѣднихъ строкъ. Я ничего не могу поправить въ стихахъ и резонъ прекрасный: у меня все сожжено и ни строки нѣтъ. Поправь недокупны какъ хочешь, но поправь: напиши новые стихи, *если* поправить нельзя. Посылаю еще бездѣлку. Andante! помѣсти въ элегіяхъ, да выкинь что нибудь для нея. Дряни, ой какъ много! Вяземскій у васъ теперь. Онъ обѣщалъ взглянуть на изданіе. Посовѣтуйся съ нимъ. Я знаю его: онъ безъ предразсудковъ и рука у него не дрогнетъ выбросить дрянь. Я уже просилъ его объ этомъ.

Проѣздомъ черезъ владѣнія И. С. Батюшкова, я написалъ вѣрющее письмо о жалованьи, такъ какъ ты желалъ. Очень меня обяжешь доставивъ мнѣ это: хотя нѣсколько сотенъ. Зачѣмъ пропадать имъ, самъ посуди?

Теперь о важнѣйшемъ. Ты получишь на дняхъ 2,650 р. моихъ денегъ. Прошу внести ихъ въ ломбардъ;—за май 10, 1811 года. Слѣдуетъ нынѣ уплатной суммы 2,446, останется 203. За просрочку по-

лагаю изъ сихъ двухъ сотъ трехъ рублей. Теперь остальные внеси за закладъ 1815, іюня, тобою сдѣланный. Это все исправишь въ одинъ часъ, а я, ты знаешь, готовъ бы пожертвовать годомъ жизни для такого милаго человѣка, каковъ Николай Ивановичъ: знай! мотай на усъ!—Но Бога ради сдѣлай это: не то имѣніе опишутъ. Это право не забавно будетъ. Мнѣ ужъ и такъ не до стиховъ со всѣхъ сторонъ. Надобно моему легкомыслію только забавляться риемами въ суетахъ безпрестанныхъ. Я точно сдѣлался Маринiана страдалица, за всѣхъ печалится.

Ты дурно дѣлаешь, что не высылаешь мнѣ сказокъ, ни Овидія Tristes. Вяземскій прислалъ, но не то, а я еще могъ бы въ тихіе часы что нибудь сдѣлать. Я убралъ въ саду бесѣдку по моему вкусу, въ первый разъ въ жизни. Это меня такъ веселитъ, что я не отхожу отъ письменнаго столика, и вѣришь ли? цѣлые часы, цѣлые сутки, просиживаю... руки сложа, накрестъ. Самъ Крыловъ позавидовалъ бы моему положенію, особливо, когда я считаю мухъ, которыя садятся ко мнѣ на письменный столъ. Вѣришь ли, что очень трудно отличить одну отъ другой. Такимъ образомъ созерцаніе природы доставляетъ истинныя, прочныя, и паче всего полезныя удовольствія и вящее вождělѣніе. (Зри труды Озерцовскаго. Ч. 3).

Но въ сторону созерцанія, а сдѣлай дружбу, вели которому нибудь изъ сторожей пріискать мнѣ квартиру около вашихъ мѣстъ. Три или четыре комнаты, сухія и наполдень; за полгода съ охотою бы далъ 400 и 500. Съ будущею почтою, если рѣшусь выѣхать, или, лучше сказать, если дѣла позволятъ, то пришлю тебѣ денегъ заплатить впередъ. Кстати о деньгахъ: я раззоряюсь—такъ и летятъ изъ кармана тысячи. Черезъ тебя прошло около шести, а въ карманѣ за то стихи, и какіе еще: удивительные; дай кончить! Что Бова и сказки и Овидій? Не совѣстно ли?

Но ты меня убьешь подпискою. Молю и заклинаю не убивать. Ну скажи, Бога ради, какъ заводить подписку на любовные стишки? Это глупость, не во гнѣвъ твоей милости, глупость, достойная русской словесности. Остановись другъ! Прошу тебя именемъ дружбы. Если надобны деньги тебѣ, то я промышлю, или лучше проживу лишній мѣсяцъ здѣсь.

Твоего рожденія Омира съ замѣчаніями, давно сдѣланными, не посылаю: лучше когда нибудь вмѣстѣ пересмотримъ

LXXV.

1817 г. іюль.

У меня и было: полуразрушенный онъ, а не ужь. Я описался. Подъ небомъ Италіи моей. Именно моей. У Монти, у Петрарка, я это живьемъ взялъ: quel benedetto моей! Вообще итальянцы, говоря объ Италіи, прибавляютъ моя. Они любятъ ее какъ любовницу. Если это ошибка противъ языка, то беру на совѣсть. Выкинь Эриту, если хочешь. Но скажи Вяземскому, что Фортуна не есть счастіе, а существо, располагающее зломъ и добромъ, нѣчто похожее на судьбу. Ссылаюсь на прекрасную аллегорію Данте, въ Чистилищѣ его; на оду Горація; на статью Сенеки къ Луцинію; и если онъ хочетъ на Ноелевъ лексиконъ de la Fable, который вѣрно у него передъ глазами, ибо онъ ничего кромѣ лексиконовъ не читаетъ, даже и стиховъ своихъ не перечитываетъ! Изрытыя пучины и громъ не умолкалъ—оставь. Это слова самаго Тасса въ одной его канцонѣ; онъ зналъ, что говорилъ о себѣ. Челюсти временъ—дурно. Нельзя-ли: изъ кладезей временъ? Можно предположить времена различныя, т. е. различныя эпохи; слѣдственно и кладези и времена во множественномъ. Впрочемъ воля ваша. Мнѣ это все наскучило. Возитесь какъ хотите. Да у меня и списка нѣтъ, чорное тотчасъ изодралъ въ клочки, а память мою знаешь.

Когда выйдутъ книги—удѣли изъ моихъ три экземпляра: 1) въ Москву, въ Университетское общество губителей словесности; 2) въ Казанское общество рубителей словесности, котораго я имѣю честь быть членомъ и 1 экземпляръ Дмитріеву. Надпиши ему: отъ автора, издатель. Не худо-бы тебѣ и самому приписать словечко, отправляя книгу. Я ему обязанъ; въ бытность въ Москвѣ онъ навѣщалъ меня больнаго очень часто и подарилъ мнѣ свою книгу. Другимъ пріятелямъ не могу подносить по пирогу; не въ моей печи ихъ пекутъ. Они и сами добудутъ. Да если хочешь Жуковскому экземпляръ, изъ моихъ. Онъ мнѣ прислалъ свою книгу. Вяземскій купитъ. А впрочемъ и самъ прошу никому не давать. А мнѣ пришли нѣсколько штукъ покраснѣе (sic) переплетенныхъ; ну! хоть одну, да сестрамъ по одной. Не бось! Я не падокъ на свое. Деньги, когда получишь по довѣренности, пришли ко мнѣ: я, ахти какъ нуждаюсь! Недавно 2,650 отослалъ въ ломбардъ, и теперь сижу на нуляхъ. Спасибо за сказки. Но 30 рублей! право дорого. Овидій всего нужнѣе: Овидій въ Скиѳіи: вотъ предметъ для элегіи, счастливѣе самаго Тасса. Но, кстати о Тассѣ. Шепнулъ бы ты Оленину, чтобы онъ задалъ этотъ сюжетъ

для академіи. Умирающій Тассъ истинно богатый предметъ для живописи. Не говори только, что это моя мысль. Припишутъ моему самолюбію. Нѣтъ: это совсѣмъ иное. Я желалъ бы соорудить памятникъ моему полуденному человѣку; моему Тассу. Боюсь только одного: если Егоровъ станетъ писать, то, еще до смертныхъ судорогъ и конвульсій вывехнетъ ему либо руку, либо ногу; такое изъ него сдѣлаетъ Рафаелеско какъ изъ Истязанія своего, что помнишь висѣло въ академіи (къ стыду ея!) А Шыбуевъ намажетъ ему кирпичемъ лобъ. Другіе, полагаю, не лучше отваляютъ. И я смѣшонъ, по совѣсти. Не похожъ ли я на слѣпаго нищаго, который услышавъ прекраснаго виртуоза на арфѣ, вдругъ вздумалъ воспѣвать ему хвалу на волынкѣ или балалайкѣ. Виртуозъ—Тассъ. Арфа—языкъ Италіи его. Нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокій языкъ, что ни говори! Я радъ, что онъ попался въ руки Олину. Онъ ему задастъ ломку. Какъ онъ Оссіана переводитъ! и такъ и сякъ ломаетъ, только дребезги летятъ. Кто такой Панаевъ? Совершенно пастушеское имя и очень напоминаетъ мнѣ: медъ, патоку, молоко, творогъ, Шаликова, и тминъ, спрыснутый водой. Но не мнѣ бы гулять на счетъ другихъ. Вотъ и мои стишки. Такъ! это сущая бездѣлка! Посланье къ Никитѣ Муравьеву, которое, если стоитъ того, помѣсти въ книгѣ, въ приличномъ оному мѣстѣ, а за то выкинь мою басню, либо какую нибудь другую глупость; эта по крайней мѣрѣ посвѣжѣе. Я это маралъ истинно для того, чтобы не отстать отъ механизма стиховъ, что для нашего брата кропателя не шутка. Но если вздумаешь, напечатай, а Муравьеву не показывай, доколѣ не выйдетъ книга: мнѣ хочется ему сдѣлать маленькій сюрпризъ. Вотъ какими мелочами я занимаюсь, я, тридцати-лѣтній ребенокъ; но что дѣлать? мѣшаютъ приняться за что нибудь по важнѣе. Кто писалъ статьи изъ Череповца на Воейкова? Вѣрно Иванъ Матвѣевичъ? Ему теперь сполагоря шутить и на меня грѣхи свои сваливать. Пришли мнѣ немедленно отпечатанные листки стиховъ. Поправляй, марай и дѣлай что хочешь. Просилъ тебя, просилъ Жуковскаго, писалъ къ нему нарочно; прошу всѣхъ добрыхъ людей; но еще прошу тебя: не затѣвай подписки. Лучше вдругъ явиться на бѣлый свѣтъ изъ подъ твоего крылышка. Ахъ страшно! Лучше бы на батарею полѣзъ, выслушалъ бы всего Расина Хвостова и всего новорожденнаго Оссіана, нежели вдругъ, при всемъ Израелѣ, растянуться въ лавкахъ: Глазунова, Матушкина, Бабушкина, Душина, Свѣшникова, и потомъ—бухъ!.. въ знакомые подвалы, гдѣ игры первыхъ лѣтъ, невинны Мадригалы и проч. А вотъ моя участь, cet oracle est plus sûr que celui de Calchas! Всего мнѣ будетъ грустнѣе лежать возлѣ писемъ къ гра-

финѣ, возлѣ Шаликова путешествія въ полуденную Россію, и тому подобныхъ сладостныхъ пряностей. Пусть я захраплю лучше на басняхъ Хвостова, и въ изголовьяхъ у меня будутъ его посланія, жесткія аки камни. Прости. Не плачу я, а сердцу очень больно (стихъ Катенина). Еще разъ прошу писать и отвѣчать. Я раззорился на письма. Когда кончимъ это печатаніе! Послѣдняя статья и аминь.— Сегодня не успѣю кончить посланія.

Какъ понравились тебѣ поправки Домосѣда? Что сказалъ Крыловъ? Ничего! Слѣдственно онъ меня ни любитъ, ни уважаетъ. Если критикуетъ, такъ любитъ по крайней мѣрѣ.

LXXVI.

1817 г. іюль.

Досталъ и читалъ я объявленіе въ «Инвалидѣ» и ужаснулся. Козловъ или смѣется, или дурачитъ меня, а если это спроста, то я полагаю, что онъ пьетъ запоемъ мертвую чашу и съ похмѣлья пишетъ рецензіи. Я ему могу то же сказать, что Виргилій Стассу въ Чистилищѣ Дантовомъ: Стассъ, увидя Виргилія, брякнулся ему въ ноги, а стыдливый Виргилій, въ отвѣтъ на такое привѣтствіе: «ахъ, братецъ! не дѣлай этого, ты тѣнь и тѣнь передъ собою видишь!»

Измайлова я не получаю; эта половина года кончилась, а другой не беру. Впрочемъ необычайныя похвалы мнѣ повредятъ только, дадутъ враговъ, а къ достоинству книги ничего не прибавятъ. Теперь, перечитывая книгу, вижу всѣ ея недостатки. Если какой нибудь просвѣщенный человѣкъ скажетъ, прочитавъ ее: вотъ пріятная книжка, слогъ довольно красивъ и въ писателѣ будетъ путь! то я останусь довольнымъ. Помнишь ли, что старикъ кричалъ Моліеру: Courage Molière! Вотъ похвала! А у насъ мало такихъ стариковъ. Сдѣлаютъ идоломъ, а завтра же въ грязь затопчутъ. Помню участь Боброва, Шихматова, Шаликова; и ихъ хвалили. А теперь? Къ чему это, скажешь ты? Себя отъ чаду спасаю и хочу предвидѣть огорченія, неразлучныя съ ремесломъ. Огорченія,—у меня ихъ и безъ книги довольно.

Замѣчаній не получилъ еще: когда получу—кончу: но впередъ пророчу: всего поправить не могу, а воспользуюсь замѣчаніями Крылова (которому очень много обязанъ!) для другаго изданія. Теперь время-ли? Если бы ты могъ погодить! а если не можешь? При томъ у меня право растерянъ умъ: столько хлопотъ и предосадныхъ! Отошли моровую язву прямо къ Каченовскому, поправя ее, если хочешь. Не

замедли. Онъ пишетъ ко мнѣ и проситъ чего нибудь, а у меня ничего нѣтъ, кромѣ переводовъ пустыхъ, которые я ему послалъ.

Вотъ мое рѣшеніе на жалованье. Мнѣ пишутъ изъ Бессарабіи, что Бахметевъ будетъ въ Петербургѣ въ іюлѣ, или въ августѣ. Узнай, правда ли это: и если онъ у васъ, то отдай эту записку его адъютанту Рогачеву. Онъ выпроситъ свидѣтельство, и оное прошу отправить въ коммисію. Если же Бахметева нѣтъ и онъ скоро не будетъ, то я лучше потеряю надбавку. Посылай тогда прямо. Вотъ и все! А если писать къ Бахметеву въ Каменецъ или Кишиневъ, то еще пройдетъ полгода. Полгода—въ жизни! Шутка ли это? Лучше потерять серебро. Это будетъ не первый убытокъ 1817 года. Если Рогачева нѣтъ въ Петербургѣ съ Бахметевымъ, то отдать это письмо другому адъютанту, какой будетъ, все равно.

Бога ради исправь опечатки въ томѣ прозы.

Куда мнѣ дѣвать экземпляры? И этихъ довольно; а приготовь одинъ, получше переплетенный, на память мнѣ: обѣ части вмѣстѣ; и еще одинъ отправь, при случаѣ, къ Дамасу въ Парижъ. Попроси объ этомъ Оленина.

1818 годъ.

LXXVII.

Одесса. Іюль 1818 г.

Благодарю за извѣстіе! Скоро буду у васъ и обниму тебя. Въ ожиданіи сего сдѣлай дружбу переведи мнѣ въ прозѣ, близко, но красиво хоръ изъ Эвр. Ифигеніи, который начинается Tendre Halcyon и проч. Мнѣ онъ очень нуженъ. Греч. ориг. вѣрно есть въ библіотекѣ. Я кое-что написалъ объ Ольвіи въ Петерб. На досугѣ переправлю и сообщу твоему просвѣщенію. Странно подумать, что для Петерб. я долженъ проѣхать слишкомъ четыре тысячи верстъ лишнихъ. Смотрю на большую карту Европы и качаю головой. Г. С. При, у котораго живу въ Одессѣ, тебѣ усердно кланяется. Онъ тебя очень помнитъ и уважаетъ. Поклонись всѣмъ знакомымъ. Къ Оленину я писалъ, еще не знавъ моей участи. Жалѣю, что не могъ ничего сдѣлать для библіотеки; принялся усердно и доволенъ собою. Не ожидалъ въ себѣ такой рыси. Всѣмъ надоѣлъ здѣсь медалями и вопросами объ Ольвіи. Прости до свиданія. Будь здоровъ. Гуржееву отдалъ твое письмо и онъ уже отвѣчалъ. Поклонъ мой Дмитрію Прокофьевичу, Ивану Андреевичу; послѣднему скажи, что басни его здѣсь въ великомъ употребленіи. Vale.

1819 годъ.

LXXVIII.

Мая 1819 г. Неаполь.

Благодарю тебя за нѣсколько строкъ, коими ты наградилъ меня въ письмѣ Никиты. Не благодарю за упреки. По сю пору не писалъ къ тебѣ, но виноватъ ли я? Ты живешь на мѣстѣ, пишешь когда вздумаешь и отдаешь письмо въ вѣрныя руки, а я долженъ искать оказіи. Въ Неаполѣ еще сручнѣе, а дорогою? Когда писать? Кому вручить письмо? Вотъ тебѣ предисловіе. Далѣе: не спрашивай у меня описанія Италіи. Это библіотека, музей древностей, земля, исполненная протекшаго, земля удивительная, загадка непонятная. Никакой писатель (ниже Шиховской) не объяснитъ впечатлѣній Рима. Чудесный, единственный городъ въ мірѣ, онъ есть кладбище вселенной. И вся Италія, мой другъ, столько же похожа на Европу, какъ Россія на Японію. Неаполь, истинно очаровательный по мѣстоположенію своему, и совершенно отличный отъ городовъ верхней Италіи. Весь городъ на улицѣ, шумъ ужасный, волны народа. Не буду описывать тебѣ гдѣ я былъ, но готовъ сказать гдѣ не былъ. Не видалъ гробницы Виргиліевой; недостоинъ! Былъ разъ въ Студіо: я не Дюпати и не Винкельманъ. Не видалъ Собачей пещеры. И чѣмъ любоваться тутъ, скажите, добрые люди? Много и не видалъ, но за то два раза лазилъ на Везувій и всѣ камни знаю наизусть въ Помпеи. Чудесное, неизъяснимое зрѣлище, краснорѣчивый прахъ! Вотъ все, что могу сказать тебѣ на сей разъ. Новостей не спрашивай; у насъ все по старому, и солнце и люди. Но ваши новости для меня драгоцѣнны. Увѣдомь меня хоть разъ, что ты подѣлываешь, что пишешь и какъ устроилъ себя? Оставила ли тебѣ пенсію В. К.? Какая внезапная потеря и для тебя, и для всѣхъ умныхъ и добрыхъ людей!

Поговоримъ теперь о дѣлахъ нашихъ. Продаются ли книги и совѣтуешь ли приготовить новое изданіе исправленное? Не примусь за него прежде совершеннаго истребленія перваго. Прибавлю, исправлю. Только не ожидай, чтобы я написалъ что нибудь объ Италіи. Безъ меня много писано. Пришли мнѣ книги Броневскаго и Свиньина. Любопытно прочитать ихъ на полѣ сраженія; но полно, здѣсь ли они писали? Часто путешественники пишутъ воротясь, дома. Одинъ Глинка писывалъ на походѣ: обними его за меня очень крѣпко, и скажи, что его люблю и вѣчно помнить буду. Здѣсь съ Кушелевымъ, который жилъ о стѣну со мною, мы часто говорили о нашемъ

миломъ русскомъ офицерѣ (о Ѳед. Никол. Глинкѣ). Греко-россійскому Крылову бью челомъ и прошу его ѳитолюбивую милость прислать мнѣ новое изданіе басенъ. Скажи Поздняку, что я воспользуюсь первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы переслать ему виды Неаполя. Пришлю ихъ съ музыкою для К. Гагариной въ Москву, которой ты доставишь черезъ Жилблаза. Увидишь Шиллинга, скажи ему, что онъ забылъ меня, что ему должно быть немного совѣстно. Оленинымъ кланяйся. Петръ здѣсь. Видимся часто. Онъ ѣдетъ въ Марсель, кажется здоровъ и бодръ. Русскихъ туча. Пріѣздъ императора былъ поводомъ къ баламъ, концертамъ и гуляньямъ. Мы часто въ мундиры облекаемся. Я радъ глядѣть на людей; дома, особливо одному, по вечерамъ грустно и скучно. Одно удовольствіе прогулка и этотъ Везувій, который весь въ огнѣ по ночамъ. Прости, милый другъ; увѣдомь меня какъ ведетъ себя Алеша и заставь его написать ко мнѣ длинное и чистосердечное письмо. Будь здоровъ и счастливъ, мнѣ пожелай здоровья; особенно груди моей, которую съѣдаетъ воздухъ неаполитанскій; но пусть съѣдаетъ лучше онъ и африканскій вѣтеръ, нежели ваши морозы и сырая погода петербургская. Кончу мое маранье, до перваго удобнаго случая. Будь счастливъ. Salve. Попроси сестру, чтобы не оставила Естифея, который мнѣ служилъ изрядно. Пришли мнѣ новостей Бога ради: стиховъ, икры и прозы и кусочекъ «Сына Отечества». Я голоденъ и жажденъ.

Жаль мнѣ бѣднаго (А. С.) Пушкина? Не бывать ему хорошимъ офицеромъ, а однимъ хорошимъ поэтомъ менѣе. Потеря ужасная для поэзіи. Perchè? Скажи, Бога ради.

1821 годъ.

LXXIX.

(1821 года іюля 22 или августа 3 новаго стиля).

Если бы меня закидали эпиграммами при появленіи моей книги, если бы явно напали на нее, даже на меня лично, то я, какъ авторъ, какъ гражданинъ, не столько бы былъ въ правѣ негодовать. Негодую, ибо вижу систему зла и способъ вредить вѣрный, ибо онъ подъ личиною.

Теперь приступлю къ моей просьбѣ. При семъ найдешь объявленіе, которое немедленно прошу напечатать во всѣхъ журналахъ. Но я нахожусь въ службѣ, и не могу и не долженъ ничего дѣлать, даже какъ авторъ, безъ согласія начальства. Прошу тебя, любезный и

почтенный другъ, узнать сперва черезъ людей вѣрныхъ, найдутъ ли приличными всѣ выраженія моего объявленія. Даю тебѣ право вычеркнуть, уничтожить лишнее; но прибавлять ничего не долженъ.

Мое свиданіе съ Блудовымъ было коротко. Храни Богъ тебя и думать, чтобы онъ водилъ моимъ перомъ! Мною руководствовать трудно. До него было написано объявленіе. Я его не благодарилъ даже за копье, которое онъ переломилъ въ честь моихъ бѣдныхъ шести стишковъ.

Признателенъ къ тѣмъ, кои заступаются за честь мою; къ тому, кто: sait de l'homme d'honneur distinguer le poëte.

Но что могу заключить о бѣдномъ Гречѣ, о добромъ Гречѣ? Какъ ему несовѣстно? Воейковъ знаетъ одну чернильницу; но музы отвратили отъ нея лице. Въ злѣ нѣтъ остроумія. Наносить вредъ и писать пріятно, дѣло невозможное. Я уважалъ его талантъ, но..

Скажи имъ, что мой прадѣдъ былъ не Анакреонъ, а бригадиръ при Петрѣ Первомъ, человѣкъ нрава крутаго и твердый духомъ. Я родился не на берегахъ Двины, и Плѣтаевъ, мой Плутархъ, кажется самъ не изъ Аѳинъ. Плѣтаевы у насъ сдѣлаютъ Абдеру. Скажи, Бога ради, зачѣмъ не пишетъ онъ біографіи Державина? Онъ перевелъ Анакреона — слѣдственно онъ прелюбодѣй. Онъ славилъ вино, слѣдственно пьяница. Онъ хвалилъ борцовъ и кулачные бои, ergo — буянъ. Онъ написалъ оду Богъ, ergo — безбожникъ. Такой способъ очень легокъ. Фундаментъ прочный и всякое дѣло мастера боится. А у насъ ли не мастера на Парнассѣ!

Доколѣ во мнѣ есть искра жизни, не буду безмолвнымъ Пасквиномъ или Морфоріемъ. Вступаюсь за честь мою: и тебѣ даю всѣ способы оправдать меня предъ публикой. Богъ съ нимъ, съ Плѣтаевымъ! Не желаю ему, ниже Сынамъ отечества, никакого зла. Дай Богъ, чтобы журналъ ихъ процвѣталъ и карманъ тучнѣлъ. Живу далеко отъ сплетенъ; служу царю, а не Парнасскимъ страстямъ.

Изъ письма моего прочитай что заблагоразсудишь людямъ равноперымъ. Каждому свое. Поручаю его Василью Дмитріевичу Олсуфьеву, который тебѣ отдастъ его въ руки, или доставитъ черезъ вѣрнаго человѣка. Онъ человѣкъ умный, разсудительный и добрый; знакомство съ нимъ будетъ тебѣ пріятно. Прости, любезный; не отвѣчай на это письмо, но сдѣлай по немъ, въ его смыслѣ, и какъ можно выгоднѣе для меня во всѣхъ отношеніяхъ. Когда увидимся? Богъ знаетъ; но Онъ же знаетъ сколько я тебя люблю и достоинъ твоей дружбы. Константинъ Батюшковъ.

Извини мое маранье: пишу ночью и усталъ до смерти.

Гг. издателямъ «Сына Отечества» и другихъ русскихъ журналовъ.

Чужіе краи. Августа 3-го н. с. 1821 г.

Прошу васъ покорнѣйше извѣстить вашихъ читателей, что я не принималъ, не принимаю и не буду принимать ни малѣйшаго участія въ изданіи журнала «Сынъ Отечества». Равномѣрно прошу объявить, что стихи, подъ названіемъ: Къ друзьямъ изъ Рима, и другіе, могущіе быть или писанные или печатные подъ моимъ именемъ, не мои, кромѣ эпитафіи, безъ моего позволенія помѣщенной въ «Сынѣ Отечества». Дабы впредь избѣжать и тѣни подозрѣнія, объявляю, что я, въ бытность мою въ чужихъ краяхъ, ничего не писалъ, и ничего не буду печатать съ моимъ именемъ. Оставляю поле словесности не безъ признательности къ тѣмъ соотечественникамъ, кои, единственно въ надеждѣ лучшаго, удостоили ободрить мои слабыя начинанія. Обѣщаю даже не читать критики на мою книгу· она мнѣ безполезна, ибо я совершенно и вѣроятно на всегда покинулъ перо автора. Константинъ Батюшковъ.

LXXX.

Теплицъ. Августа 26. 1821.

Около двухъ лѣтъ я не писалъ къ тебѣ и почти не писалъ къ роднымъ, по многимъ причинамъ, изъ коихъ отдаленіе было главною. И отъ тебя писемъ вовсе не имѣлъ. Но это обоюдное молчаніе, безъ сомнѣнія, не измѣнило ни тебя, ни меня, и ты не осудишь меня за то, что прерываю его просьбою. Объяснюсь ниже. Сперва долженъ тебѣ сказать, что было къ ней поводомъ.

Книга моя, которой ты былъ издателемъ въ 1816 году, есть почти твое дитя. Со времени ея появленія въ свѣтъ, я, въ бытность мою въ Россіи, ничего не писалъ. Отправляясь въ Неаполь, я далъ себѣ слово оставить литературу, по крайней мѣрѣ въ отношеніи публики: и сдержалъ его. Знаю мой талантъ, знаю мои силы, и никогда, благодаря Бога, не ослѣпленъ былъ ни самонадѣяніемъ, ни самолюбіемъ, ниже успѣхами. Знаю нашу словесность и всѣхъ ея дѣйствующихъ лицъ и масокъ. На счетъ первыхъ не имѣлъ ни пристрастій личныхъ, ниже предразсудковъ. Повторяю: успѣхъ мой былъ въ 1816 году. Тогда всѣ журналисты, не исключая ни одного, осыпали меня похвалами незаслуженными, безъ сомнѣнія. Но—они хвалили. Прошло шесть лѣтъ. Не было примѣра ни въ какой словесности, чтобы по истеченіи шести лѣтъ снова начали хвалить живаго автора, который въ стихахъ можетъ быть имѣетъ одно достоинство— въ выраженіи. Въ прозѣ: одно приличіе слога и ясность. Заслуга

въ другихъ земляхъ маловажная и у насъ самихъ не достойная похвалъ энтузіастическихъ. Полагаясь на шестилѣтнее молчаніе, полагалъ, что моя книга, распроданная, заглохла, забыта. Случилось иначе.

Гг. издатели «Сына Отечества» (какое названіе для журнала!) объявили, что я буду украшать ихъ изданіе моими стихами.

Напечатали, безъ моего вѣдома, эпитафію, написанную мною по просьбѣ матери. Назову лицо: по просьбѣ покойной г-жи Малышевой, женщины, которую я любилъ и уважалъ, и которая, можетъ быть, не захотѣла бы видѣть въ печати, въ журналѣ, стихи, напоминающіе ей о потери дочери. Я, по крайней мѣрѣ, не осмѣлился бы напечатать этой бездѣлки безъ ея позволенія.

Наконецъ, какой-то Плѣтаевъ написалъ подъ моимъ именемъ посланіе изъ Рима къ моимъ друзьямъ (къ какимъ спрашиваю, знаетъ-ли онъ ихъ?) и издатели «Сына Отечества» помѣстили его въ своемъ журналѣ. (См. «Сынъ Отеч.», 1821 г., часть 68, стр. 35 л.).

Эту замысловатость я узналъ въ Теплицѣ шесть мѣсяцевъ спустя, отъ трехъ русскихъ; узналъ съ истиннымъ глубокимъ негодованіемъ. Можно обмануть публику, но меня—трудно. Честолюбіе зорко.

Дѣлаю два предположенія: 1-е совершенно въ пользу Плѣтаева. Онъ написалъ сіи стихи—скажутъ мнѣ тѣ, кои захотятъ надо мною издѣваться,—изъ усердія къ вамъ, и, въ доказательство, покажутъ мнѣ еще надпись къ моему портрету, имъ недавно соплетенную. Онъ писалъ ее какъ будто отъ лица Віона, Мимнерта, Моска, Тибулла... но сіи господа умерли назадъ тому около двухъ тысячь лѣтъ, или болѣе! А писать отъ лица живаго... писать къ друзьямъ (если есть друзья?) къ людямъ живымъ... Напрасно привожу на память всѣ случаи иностранныхъ литературъ: подобнаго не знаю. Нѣтъ ничего глупѣе и злѣе. Вижу ясно злость, недоброжелательство, одно лукавое недоброжелательство! Вотъ мое 2-е предположеніе, и отъ него не отступаюсь. Какое недоброжелательство отъ человѣка, вамъ лично незнакомаго? Не знаю: но оно явно и гласно. Чѣмъ могъ заслужить его?... Если г. Плѣтаевъ накропалъ стихи подъ моимъ именемъ, то зачѣмъ было издателямъ «Сына Отечества» печатать ихъ? Нѣтъ, не нахожу выраженій для моего негодованія. Оно умретъ въ моемъ сердцѣ, когда я умру. Но ударъ нанесенъ. Вотъ слѣдствіе: я отнынѣ писать ничего не буду, и, сдержу слово. Можетъ быть во мнѣ была искра таланта; можетъ быть я могъ бы современемъ написать что нибудь достойное публики, скажу съ позволительною гордостію, достойное и меня, ибо мнѣ 33 года, и шесть лѣтъ молчанія меня сдѣлали не безсмысленнѣе, но зрѣлѣе. Сдѣлалось иначе. Буду безчестнымъ человѣкомъ, если когда что нибудь напечатаю съ моимъ

именемъ. Этого мало: обруганный хвалами, рѣшился не возвращаться въ Россію; ибо страшусь людей, которые, не взирая на то, что я проливалъ мою кровь на полѣ чести, что и теперь служу мною обожаемому монарху, вредятъ мнѣ заочно, столь недостойнымъ и низкимъ средствомъ.

(Внизу письма): Н. И. Гнѣдичу, въ Петербургѣ.

Артистъ Яковлевъ—Н. И. Гнѣдичу.

Москва. 12 сентября 1818 г.

Вотъ я опять въ Москвѣ, любезнѣйшій мой Николай Ивановичъ; поклоны всѣ твои исправилъ, и всѣ тебя благодарятъ и душевно любятъ. Я здоровъ, чего и тебѣ сердечно желаю. Батюшковъ проситъ, чтобы я отправилъ къ тебѣ это письмо, и я воспользовался свободною минутою тутъ же приписать, разумѣется съ его позволенія. Хлопоты нашелъ здѣсь почти все тѣ же. Не могу себѣ вообразить декабря мѣсяца, когда всѣ отсюда уѣдутъ, а всего болѣе Федоръ Федоровичъ. Здѣсь новаго ничего нѣтъ, кромѣ театра, который изрядно построился, а актеры, кажется, еще хуже стали. Майковъ же вовсе оскотинился и оглупѣлъ, словомъ свинья свиньей. Занимаемся съ Владиміромъ теперь потѣшить графиню Строганову спектаклемъ въ деревнѣ подмосковной, откуда она въ концѣ сего мѣсяца уѣдетъ въ Петербургъ. Вотъ и всѣ удовольствія на нѣкоторое время, а тамъ что Богъ дастъ. Въ минуту досуга не забывай, любезный братъ, меня, а я душою тебя объемля, пребуду всегда непремѣнный. Яковлевъ.

Николай Вас. Сушковъ—Ник. Ив. Гнѣдичу.

28 го декабря (1821 или 1822 г. Изъ Симферополя).

Кончилъ было къ вамъ писать, но ко мнѣ пришелъ сейчасъ человѣкъ Батюшкова. Онъ совершенно лишился разсудка; вотъ уже три недѣли, что сидитъ запершись и три раза принимался душить своего человѣка. Нѣсколько дней назадъ призывалъ духовника и на исповѣди признался ему, что имѣетъ какихъ-то враговъ, всюду его преслѣдующихъ, составившихъ тайный противу него совѣтъ, и какъ главнаго своего непріятеля онъ потерялъ уже надежду убить, то рѣшился самъ убиться. Полиціймейстера, который хотѣлъ приставить къ нему женщину для услугъ, выгналъ изъ покоя и камердинеръ его, котораго онъ называетъ инструментомъ ученыхъ и неученыхъ его непріятелей, не смѣетъ ему показаться на глаза. Я сейчасъ ѣду къ полиціймейстеру посовѣтовать ему силой отобрать саблю, ружье, пистолеты и бритвы. А брата Петра я прошу черезъ Гнѣдича или Карамзина предупредить о несчастномъ положеніи Батюшкова Катерину Федоровну Муравьеву. Она ему тетка и можетъ прислать кого нибудь изъ родныхъ, другаго человѣка и женщину.

Сообщ. 4-го января 1870 г. П. А. Ефремовъ.

ДНЕВНИКЪ ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

1831—1845 гг.

VI [1]).

Защитники Карамзина. — Взглядъ на состояніе русской словесности 1829 г. Плаксина.—Потеря дорогихъ друзей. — Повѣсти Марлинскаго: «Испытаніе», «Вечеръ на Кавказскихъ водахъ» въ 1824 г.—«Нищій», поэма Подолинскаго.— Прозаическія статьи кн. Вяземскаго.—Повѣсть Н. Полеваго.—Цыганка, повѣсть Даля.—О воспитаніи дѣтей по поводу статьи Ястребцова (1830 г.).—«Послѣдній Новикъ» Лажечникова.—Письма Словцова.—«Живописецъ» въ «Московскомъ Телеграфѣ».—Мнѣніе Н. Полеваго о романѣ Булгарина «Выжигинъ».—Клапротъ о книгахъ о. Іоакинфа Бичурина: исторія монголовъ.—«Страшное гаданіе», повѣсть Марлинскаго.—Валенштейнъ, соч. Шиллера въ переводѣ Шишкова.— «Умирающій Тассо» Батюшкова. — «Письмо къ Эрману», «Амалатъ Бекъ», «Наѣзды», «Лейтенантъ Бѣлозоръ» и «Латникъ» Марлинскаго.—Чернь, толпа.— «Вѣчный Жидъ», поэма.—Н. А. Полевой, какъ критикъ.—«Торквато Тассо» Н. Кукольника.—«Духоборцы», соч. Новицкаго.—Викторъ Гюго.—Романы Купера. – Ел. Серг. Теплова и Варв. Сем. Миклашевичева — писательницы (1831 г.).—Проповѣдь от. Раевскаго (1832 г.).

1834 г.

4-го января.

Нравится мнѣ очень, что въ «Сынѣ Отечества» какой-то Н. И. П. (вѣроятно Николай Иванчинъ-Писаревъ), нападая на осмѣлившихся не ахать и не удивляться необъятной мудрости Карамзина, говоритъ о завистливой посредственности и подъ уровень этой посредственности подводитъ кого же? Аристофана, одного изъ величайшихъ геніевъ всѣхъ временъ и народовъ! Дай Богъ всякому Аристофанову посредственность,—тогда авось обойдемся и безъ зависти!

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 333—382, 490—531; томъ XIV, стр. 75—91; изд. 1883 г., томъ XXXIX, іюль, стр. 101—128.

Наконецъ могу сказать, что 1 января я опять принялся за своего Сироту; сегодня я въ первый разъ продолжалъ работу съ удовольствіемъ.

5-го января.

Прочелъ сегодня въ «Сынѣ Отечества» отрывокъ романа Порфирія Байскаго: Гайдамакъ; въ немъ много живости и бойкости, хотя подражаніе въ образѣ изложенія романамъ Вальтеръ-Скотта и слишкомъ замѣтно.

6-го января.

Записки Хлѣбникова о Калифорніи очень занимательны («Сынъ Отечества» 1829 г.).

15-го января.

Въ первый разъ со дня моего прибытія сюда, кромѣ меня и сосѣда, нѣтъ арестантовъ.

23-го января.

Взглядъ на состояніе русской словесности, Плаксина, въ «Сынѣ Отечества» на 1829 годъ, статья не безъ достоинства: въ ней есть мысли новыя, справедливыя, рѣзкія, но нѣтъ ничего цѣлаго, нѣтъ ничего удовлетворительнаго, много посторонняго и много диковинокъ.

31-го января.

И такъ и 1834-го года первый мѣсяцъ канулъ въ вѣчность! Январь былъ для меня уже три раза мѣсяцемъ скорбныхъ утратъ: въ 1829 году лишился я въ январѣ, и чуть-ли не 31-го числа, друга моего Александра (Грибоѣдова); въ 1831 году умеръ, въ январѣ же, товарищъ мой по лицею и пріятель баронъ Дельвигъ; а въ прошломъ году, 31-го января, скончалась княгиня Варвара Сергѣевна, которую я мало зналъ, но почиталъ и любилъ, разъ потому, что она того стоила, а во вторыхъ, что была искреннимъ другомъ сестры моей Юліи. Что скажетъ нынѣшній годъ?

5-го февраля.

Бонштетенъ въ воспоминаніяхъ о своей молодости говоритъ о своемъ дѣдѣ: «всего дѣдушки не помню; въ душѣ моей напечатлѣлся только образъ старца въ креслахъ, подающаго мнѣ дощечку шоколаду». Точно такъ и я когда-то помнилъ не дѣда своего, а только его бѣлую карету; но теперь и объ этомъ воспоминаніи во мнѣ осталось одно воспоминаніе. Самая отдаленная картина въ галлереѣ моего младенчества, картина, которая и понынѣ еще не вовсе изглади-

лась изъ души моей,—дворъ нашего дома въ Владимірской улицѣ, лошади съ телѣгой и нянька моя Татьяна, взявшая меня на руки и поднесшая къ окну, чтобы заставить смотрѣть на этихъ лошадей. Смутныя воспоминанія о Тепловыхъ, о нашей дѣтской комнатѣ, о первой ребяческой ссорѣ съ братомъ Мишею, о Кириловнѣ, о сытномъ хлѣбѣ, посыпанномъ сахаромъ, о томъ, что старшій братъ обѣдалъ прежде или послѣ насъ (потому что классные часы въ Петровскомъ училищѣ того требовали) и пр. и пр., всѣ эти воспоминанія, хотя, кажется, и относятся къ времени, предшествовавшему нашей первой поѣздкѣ въ Авинормъ,—однако не такъ отдаленны, какъ о помянутыхъ лошадяхъ.

7-го февраля.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я прекрасную повѣсть А. М. [1]) Испытаніе (въ 133 части «Сына Отечества» 1830 года). Въ ней столько жизни, ума, движенія и чувства, что безъ малѣйшаго сомнѣнія ее должно причислить къ лучшимъ повѣстямъ на нашемъ языкѣ. Автора я, кажется, угадалъ и сердечно радуюсь, если угадалъ. Благослови Богъ того, кто любезному отечеству нашему сохранилъ человѣка съ талантомъ! Sapienti sat.

8-го февраля.

Въ «Сынѣ Отечества» на 1830 годъ отрывокъ изъ поэмы Подолинскаго: Нищій. Безъ сомнѣнія, что въ этомъ, хотя и очень небольшомъ, отрывкѣ замѣтно дарованіе; но воля ваша, г.г. издатели, трудность размѣра, которую «будто бы поэтъ преодолилъ съ необыкновеннымъ искусствомъ»,—по моему мнѣнію имъ вовсе не преодолена: стихи его, для моего слуха хромаютъ, такъ точно, какъ стихи того же размѣра и расположенія въ Шильонскомъ узникѣ Жуковскаго. Впрочемъ, что можно было сдѣлать изъ этого размѣра на русскомъ языкѣ, совершенно не свойственнаго эпическому слогу, кажется, Подолинскій сдѣлалъ, или, по крайней мѣрѣ, пытался сдѣлать. Вторая строфа лучше первой, но и въ ней безпрестанные ..... [2]) особенно непріятные въ этихъ стихахъ, слова лишнія и непозволительные пропуски. Тоже самое, помнится, замѣтилъ я и въ Узникѣ Жуковскаго. Похвалить однакоже должно Подолинскаго за то, что рифмы у него довольно разнообразны.

11-го февраля.

Изъ писемъ брата первое, отъ 20 октября, очень занимательно: онъ въ немъ описываетъ свое житье-бытье, говоритъ о мѣстоположеніи Баргузина, о климатѣ etc. и въ концѣ сообщаетъ мнѣ нѣсколько

[1]) Марлинскаго—псевдонимъ А. Бестужева.
[2]) Здѣсь одно слово не разобрано въ рукописи. Ред.

тамошнихъ областныхъ словъ; (жаль только, что не могу разобрать всѣхъ ихъ): братанъ—cousin, сестреница—cousine, стоили бы того, чтобъ ихъ приняли въ великорусское господствующее нарѣчіе.

14-го февраля.

Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 году—сочиненіе А. М(арлинскаго) уступаетъ въ зрѣлости и оригинальности его повѣсти Испытаніе; но все же доказываетъ прекрасное дарованіе автора. Въ Вечерѣ А. М. подражалъ нѣсколько пріемамъ Вашингтона-Ирвинга, а мѣстами и Гофмана; впрочемъ и въ подражаніи этомъ есть много истинно русскаго, много такого, что могъ написать одинъ только русскій романистъ. Изъ разсказанныхъ тутъ повѣстей послѣдняя мнѣ кажется самою разительною.

19-го февраля.

Прекратился для меня «Сынъ Отечества»; признаюсь, что жаль: мнѣ бы было пріятно прочесть извѣстія о томъ, что̀ именно нынѣ дѣлается въ области нашей словесности... но, кажется, меня хотятъ совершенно отдѣлить отъ всего мало-мальски не стараго: что дѣлать? А, право, для поэта не слишкомъ хорошо повторять одни зады!

13-го марта.

Десять дней комната моя не запиралась: это конечно почти все равно; однако же все же какъ-то легче дышится, когда знаешь, что у дверей твоихъ не виситъ замокъ! По крайней мѣрѣ спасибо, что уважили же мою болѣзнь!

Читая Вяземскаго—прозу, и радуешься, и сердишься.—Незнаніе языка, парадоксы, пристрастіе у него на каждомъ шагу; но онъ мыслитъ, а не повторяетъ одно чужое, и это всего важнѣе. О нашихъ дюжинныхъ критикахъ онъ говоритъ очень справедливо:

„Не кстати критику примѣнять на-обумъ къ писателямъ, первенствующимъ въ литературѣ, фразы готовыя и ходячія, которыя, какъ условленныя вѣжливости разговорныя, могутъ быть подносимы безразлично къ (?) каждому лицу“. (О прозѣ Жуковскаго въ „Телеграфѣ“ на 1826 годъ).

16-го марта.

Съ удовольствіемъ перечелъ я повѣсть Полеваго въ его Святочныхъ разсказахъ: въ ней много живости и занимательности, да и нравы—сколько то было возможно—довольно, кажется, выдержаны; жаль только, что введеніе въ эту повѣсть довольно пошло.

26-го марта.

Сегодня для меня былъ пиръ: прислали нѣсколько книжекъ «Телеграфа» на 1830 годъ. Повѣсть: Таинственный жидъ, которую читалъ я уже въ Динабургѣ, примѣчательна по своей оригинальной формѣ. Сверхъ того прочелъ отрывокъ изъ «Mémoires d'une femme de qualité sur Louis XVIII», именно возвращеніе Наполеона и извлеченіе изъ Байронова «Дневника». Слѣдующее признаніе Байрона примѣчательно: «странно, что все, чего я желалъ когда-нибудь, не шутя, все это получалъ—и всегда раскаивался».

Въ «Телеграфѣ» на 1830 годъ Литературное зеркало и прочія выходки Полеваго противу всѣхъ почти хорошихъ нашихъ стихотворцевъ, не исключая и Пушкина,—по крайней мѣрѣ очень странны, если не болѣе.

Въ сужденіи о Невскомъ Альманахѣ другая диковинка: рецензентъ почти смѣшалъ съ грязью Козлова, Языкова, Катенина,—людей, въ талантѣ коихъ одна глупость можетъ сомнѣваться, — и превозноситъ Преданіе какого-то г-на К—ва. Между тѣмъ въ мастерскомъ окончаніи этого Преданія, имъ выписанномъ, я не могъ разобрать мѣры, да и врядъ-ли кто найдетъ ее въ этихъ стихахъ.

28-го марта.

Вчера забылъ я отмѣтить, что повѣсть Даля: Цыганка, (въ «Телеграфѣ») не безъ достоинства, особенно хороши главныя два лица Кассандра и Радуканъ, но гнусный развратъ молдаванъ, который къ счастію тутъ не подробно описанъ, а только обозначенъ,—возмущаетъ душу и при однихъ намекахъ автора, намекахъ, впрочемъ, довольно ясныхъ.

29-го марта.

Въ первой половинѣ своего разсужденія объ умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста, Ястребцовъ много говоритъ очень справедливаго о недостаткахъ нынѣшняго воспитанія вообще и въ Россіи въ особенности. Касательно послѣднихъ можно бы было сказать еще болѣе, но разсматривая воспитаніе и ученіе нѣсколько съ другой стороны, чѣмъ съ какой разсматриваетъ ихъ авторъ. Во второй, Ястребцовъ объясняетъ собственную систему. Эта система, какъ самъ онъ говоритъ очень справедливо, не новая, а кружившая когда-то всѣ умы въ Германіи и потомъ брошенная — Базедова, филантропическая, желавшая дѣтей научить всему, такъ сказать, играючи. Она, впрочемъ, обращала вниманіе болѣе на средства пріобрѣсть благосостояніе физическое, нежели на нравственное усовершенство-

ваніе. Точно такъ однимъ изъ главныхъ условій хорошаго воспитанія и Ястребцовъ полагаетъ, «чтобъ преподаваемыя науки приготовляли, наивозможно скорѣе и легче, къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыхъ требуетъ нынѣшній духъ времени»; а потомъ утверждаетъ, что духъ сей есть «моральный, философскій, геройскій, но ищущій благосостоянія физическаго». Вслѣдствіе сихъ двухъ положеній авторъ совѣтуетъ обращать при первоначальномъ обученіи главное вниманіе на науки механическія и естественныя и на живые языки европейскіе; при дальнѣйшемъ—на науки политическія.

Разсмотримъ сперва основанія, а потомъ и выводы г-на Ястребцова.

Если бы человѣкъ существовалъ единственно для земли, если бы всѣ цѣли его бытія заключались и оканчивались единственно тѣмъ мгновеніемъ, въ которое онъ является здѣсь, безъ сомнѣнія было бы очень благоразумно устремить вниманіе единственно на требованія сего мгновенія, на наслажденія чувственныя и благосостояніе физическое, буде требуетъ ихъ только мгновеніе. Но самыя требованія настоящаго нашего мгновенія, или то, что Ястребцовъ называетъ духомъ нашего времени, противорѣчатъ этому мнѣнію, ибо—сколько знаю я нашъ вѣкъ—онъ отнюдь не ищетъ однихъ пользъ физическихъ, напротивъ, къ счастію, не только въ Германіи и Англіи, но и во Франціи, духъ времени нынѣ не въ примѣръ болѣе, нежели то было въ 18 столѣтіи, — благопріятствуетъ направленію умовъ — въ первой — религіозно-философскому, во второй — чисто-религіозному, а въ третьей, по крайней мѣрѣ — размышляющему. Что теперь въ отечествѣ Малебранша, Декарта и Паскаля одинъ Cousin, во первыхъ, несправедливо; Дежерандо, Гизо и нѣкоторые другіе мощные ему товарищи; во вторыхъ, если бы это и было такъ,—Cousin, надѣюсь, выше цѣлой дюжины Гельвеціевъ, Кондильяковъ, (Дюмаріе) и подобныхъ. Что въ Англіи метафизика скончалась съ послѣднимъ ея воспитателемъ (или «воспитывателемъ», какъ то пишетъ авторъ) Стюартомъ, также ничего не доказываетъ, ибо чѣмъ же была въ самое даже цвѣтущее свое время — школьная метафизика англичанъ, не исключая и эдинбургцевъ? Метафизику англичанъ найдете не въ Эдинбургѣ, не въ Оксфордѣ, но въ ученіи ихъ проповѣдниковъ, особенно методистовъ, — въ стремленіи евангельскомъ ихъ человѣколюбивыхъ обществъ, библейскомъ и другихъ. Если бы всѣ англичане жили только и единственно для машинъ, торговли, счетовъ и оборотовъ купеческихъ,—невозможно было бы объяснить существованіе и успѣхи помянутыхъ обществъ. О Германіи и говорить нечего: она всегда была и будетъ отечествомъ мысли. Скажу впрочемъ мимоходомъ, что Ястребцовъ повидимому знаетъ Германію только заднимъ числомъ.

Въ 1830 году говоритъ онъ о Фихтѣ и Шеллингѣ; но должно замѣтить, что, если гдѣ, такъ именно въ Германіи нынѣ нѣсколько похладѣли къ метафизикѣ, впрочемъ только къ школьной; — метафизика (въ истинномъ значеніи сего слова — наука о предметахъ не физическихъ, выше-(metà)-физическихъ) нынѣ у нѣмцевъ въ тѣсномъ союзѣ съ вѣрою и отъ нея заемлетъ теплоту и силу. Духъ времени слово очень неопредѣленное. Нѣтъ сомнѣнія, что духъ нашего времени благопріятствуетъ наукамъ естественнымъ, механикѣ и наукамъ политическимъ. Но благопріятствуеть-ли имъ исключительно? Самая поэзія не въ лучшемъ-ли нынѣ цвѣтѣ, нежели въ 18 столѣтіи? Ужели Байронъ, Муръ, Скоттъ, Сутей, Казиміръ де-Лавинь, Ламартинъ, Альфредъ де-Виньи, Манцони, нѣмцы, съ Гёте до нашихъ современниковъ, Тегнеръ, Валинъ, Мицкевичъ, Пушкимъ, Грибоѣдовъ и пр., стоятъ не выше Попе и Аддисона, Вольтера и Делиля, Виланда, Клейста, Бодмера? Мнѣ кажется неоспоримымъ, что главный признакъ духа нашего времени—тѣсный союзъ, взаимное вспомоществованіе, гармонія между силами двухъ міровъ, слившихся въ груди человѣческой. И одно сіе сближеніе объясняетъ мнѣ удовлетворительно тѣ великія открытія, какія даровались нашему времени и въ мірѣ духовномъ, и въ мірѣ вещественномъ. Прекрасно говоритъ авторъ выше, что «воспитаніе должно не препятствовать физическому и способствовать, *какъ можно болѣе*, умственному развитію дѣтей». Но однѣ практическія науки развиваютъ-ли, какъ можно болѣе, умъ? пробуждаютъ-ли онѣ — мысль? Дорога къ уму дѣтскому пролегаетъ не по области сердца и фантазіи. (Впрочемъ явно, что авторъ и я подъ словомъ *умъ* разумѣемъ не одно и то же: у него *умъ* — способность расчитывать свѣтскія выгоды, обогащаться ея свѣдѣніями общеполезными; я называю умомъ—мыслящую силу—главное преимущество человѣка передъ безсловесными). Кажется не подлежитъ сомнѣнію, что природа, производя на свѣтъ дѣтей, имѣетъ въ виду цѣль общую, а не частную, не механику, политику etc. — а *человѣчность* (Humanität). Если ребенокъ можетъ со временемъ пріобрѣсти хорошія свѣдѣнія механическія, химическія, политическія, — тѣмъ лучше. Но главное, раскрой его человѣчность, его мысль, его душу! Нужно-ли сказать, что этого не достигнешь, если не положишь въ основаніе воспитанію его свѣдѣній и чувствованій религіозныхъ, нравственныхъ и отчасти принадлежащихъ области изящнаго?

Естественныя науки, безъ сомнѣнія, должны непремѣнно войти въ составъ самаго перваго воспитанія дитяти, — но пусть онѣ ведутъ его отъ творенія къ Творцу. Механику я замѣнилъ бы географіею и астрономіею, (разумѣется, сообразными съ силами ребенка), ибо ма-

шинистами не всѣмъ же быть, а получить въ понятіи объ огромности вселенной мѣрило для неизмѣримаго Творца—благотворно и для будущаго государя, и для будущаго пахаря.

Не вижу также большой необходимости заставлять ребенка учиться болѣе, чѣмъ одному какому нибудь живому иностранному языку. Французскаго или нѣмецкаго—одного изъ обоихъ (я бы даже предпочелъ послѣдній) достаточно, чтобъ изъ моего питомца сдѣлать европейца, чтобы дать ему возможность пользоваться знаніями и открытіями современными. Но латинскій языкъ — вопреки мнѣнію Ястребцова — вошелъ бы у меня непремѣнно въ составъ первоначальнаго даже обученія дворянъ и отчасти купечества, хотя бы только потому, что онъ корень всѣхъ почти западныхъ и слѣдственно (особенно еще при знаніи нѣмецкаго), облегчитъ изученіе и англійскаго, и французскаго, и италіянскаго, и испанскаго, если бы кто уже въ юношескомъ, а не дѣтскомъ возрастѣ, вздумалъ пріобрѣсти оные. Греческій, конечно, не долженъ быть непремѣнною стихіею воспитанія всѣхъ и каждаго; впрочемъ у насъ не для чего слишкомъ вооружаться противъ лишняго рвенія къ языкамъ древнимъ. Замѣнить въ первоначальномъ воспитаніи исторію отдѣльными біографіями и историческими анекдотами—нахожу очень у мѣста, и въ этомъ отношеніи я совершенно согласенъ съ авторомъ; также съ тѣмъ, что онъ говоритъ о страсти нашихъ отцевъ и матерей — заставлять ребенка, словно попугая, вытвердить наизусть нѣсколько басень, которыхъ онъ не понимаетъ, понимать не въ состояніи,—а иногда понимать еще и не долженъ бы.

Еще прочелъ я вчера же отрывокъ изъ романа Лажечникова: Послѣдній Новикъ. По отрывку видно, что это очень близкое подражаніе манерѣ Купера: топографія Нейгаузена и окрестностей совершенно въ родѣ американскаго романиста; но къ несчастію эти топографіи и у Купера довольно скучны, а дикая Америка въ своихъ исполинскихъ очеркахъ не чета же нашей Лифляндіи! Удачнѣе изображенія Паткуля, военнаго суда, раскольника, но и тутъ слишкомъ примѣтно подражаніе.

30-го марта.

Нѣсколько писемъ Словцова къ брату. Давно уже письма Словцова, всякій разъ, когда попадались онѣ мнѣ въ журналахъ, возбуждали во мнѣ живое сердечное участіе. И онъ когда-то былъ несчастливъ: изъ каждой почти строки его писемъ несется какой-то отголосокъ прежнихъ скорбныхъ ощущеній, наполнявшихъ душу его въ заточеніи. Словцова слогъ, просто сказать, дуренъ! но можно-ли думать

о слогѣ, когда вездѣ видишь или, лучше сказать, слышишь его глубокомысліе, его чувство? Какая разница между нимъ и господиномъ издателемъ «Телеграфа»! Вотъ что напримѣръ пишетъ Словцовъ:

„Знаю, что нынѣ нѣтъ славы для страны, если нѣтъ мануфактуръ но можно-ли простодушно смотрѣть на служителей мануфактуръ, изчезающихъ то въ зависимой нищетѣ отъ ограниченныхъ привычекъ, то въ здоровьѣ отъ запертой жизни? Нѣтъ, пусть у насъ за Ураломъ не будетъ богачей, etc...; за то наши за-уральцы не сдѣлаются вице-машинами и не будутъ терпѣть отъ машинъ, какъ въ Англіи!"

А вотъ и замѣчаніе премудраго господина Полеваго: «почтенный авторъ, кажется, не съ надлежащей точки зрѣнія и весьма односторонно смотритъ на мануфактурную промышленность. Вопросъ оной весьма сложенъ и выводы противны его выводамъ».

1-го апрѣля.

Статьи въ Живописцѣ Полеваго сбиваются нѣсколько на слогъ и пріемы подобныхъ статей въ Благонамѣренномъ; но, по моему мнѣнію—польза отъ нихъ очевидная, и Полевой заслуживаетъ истинную признательность не за форму и вымыслы своего Живописца, а за множество истинъ, которыя пора бы давно высказать. Нельзя не благодарить Бога и вмѣстѣ нельзя не быть признательнымъ и къ правительству, что наконецъ съ ябедниковъ, взяточниковъ, піявокъ и воровъ всякаго разбора, etc. можно нынѣ смѣлою рукою срывать личину, подъ которою они такъ долго скрывались. Желалъ бы я очень, чтобъ этотъ Живописецъ Полеваго не прекращался: въ литературномъ отношеніи отъ него не много пользы, но тѣмъ болѣе въ нравственномъ.

6-го апрѣля.

Читая «Телеграфъ» на 1831 годъ, начинаю уважать Полеваго не только, какъ литератора, но и какъ человѣка. Онъ заключилъ миръ съ Гречемъ и Булгаринымъ: между тѣмъ судитъ о ихъ произведеніяхъ безпристрастно, а иногда и строго. Это дѣлаетъ ему истинную честь. Вотъ что между прочимъ онъ говоритъ о романѣ: Петръ Ивановичъ Выжигинъ:

„Онъ" (авторъ) „хотѣлъ непремѣнно вмѣстить въ одно и то же сочиненіе—и картины нравовъ, и событія исполинскаго 1812 года, и любовныя похожденія героевъ романа, и великія историческія лица. Вышла такая смѣсь, что читаете и изумляетесь намѣренію автора...... Всего несообразнѣе то, что весь 1812 годъ вмѣщенъ въ романъ со всѣми его ужасами и чудесами (по крайней мѣрѣ авторъ старался объ этомъ) и эти чудеса исторіи перепутаны съ мелкими приключеніями двухъ любовниковъ. Отъ сего являются въ ро-

манѣ два главные героя: Наполеонъ и Петръ Ивановичъ Выжигинъ! Они идутъ рука объ руку, не могутъ разстаться и заставляютъ насъ дивиться тому, какъ не усмотрѣлъ этой несообразности сочинитель".

Выше, разсуждая вообще, Полевой говоритъ:

„Не вставляйте огромныхъ историческихъ дѣйствователей въ вашу тѣсную раму бѣднаго, мелкаго міра, гдѣ была буря въ стаканѣ воды, когда въ то же время горизонтъ цѣлаго государства или государствъ пламенѣлъ отъ пожара, рушившаго царства и измѣнившаго судьбы народовъ".

Помнится, что говорю почти тоже въ отмѣткѣ, въ которой упоминаю объ этомъ романѣ Булгарина, и въ другой, въ которой осмѣливаюсь высказать свое мнѣніе объ Аббатѣ Вальтеръ-Скотта. Очень я радъ, что мысли мои встрѣтились съ мыслями самаго дѣятельнаго и дѣльнаго изъ нашихъ журналистовъ.

Жаль, право, что при неоспоримыхъ достоинствахъ, при рвеніи ко всему благородному, полезному и прекрасному и многихъ познаніяхъ Полеваго, у него иногда встрѣчаются сужденія, похожія на его премудрое замѣчаніе о Словцовѣ,—а иногда почти ребяческое... невѣжество. Примѣромъ послѣдняго можетъ послужить слово многобожіе, которымъ Полевой передаетъ греческое: пантеизмъ, въ переводѣ разбора Исторіи крестовыхъ походовъ Мишо. Мимоходомъ скажу, что этотъ разборъ открываетъ совершенно новый для меня взглядъ на событія среднихъ вѣковъ: особенно заслуживаютъ вниманія и подробнаго изслѣдованія: во 1-хъ, мнѣніе рецензента о причинахъ стремленія папъ къ расширенію ихъ власти вообще и характерахъ Гильдельбранда и Бонифатія VIII въ особенности, во 2-хъ, то, что говоритъ онъ объ Исмаилитахъ, Манихеяхъ, Каѳарахъ, Богомилахъ etc. Въ обоихъ мнѣніяхъ, мнѣ такъ кажется, есть кое-что лишнее; но въ нихъ открывается новая точка зрѣнія и, во всякомъ случаѣ, я, хотя искренній и усердный протестантъ, полагаю: audiatur et altera pars.

7-го апрѣля.

Въ началѣ статьи, въ которой разбираются книги Каліадеса, Ланге и фонъ-Лимбурга Браувера прочелъ я нѣсколько доказательствъ Вико и Вольфа тому, чему я и безъ нихъ довольно вѣрю, т. е., что Иліада и Одиссея—собраніе народныхъ пѣсенъ, а не поэмы, написанныя однимъ и тѣмъ же лицемъ и въ одно время. Любопытно бы было теперь сравнить съ этими доказательствами опроверженія новѣйшихъ противниковъ оныхъ. Кромѣ того пробѣжалъ я глазами, но, признаюсь, мало понялъ замѣчанія Клапрота о книгахъ отца Іакинѳа Бичурина: касательно исторіи монголовъ — и возраженіе

на эти замѣчанія Іакинеа, который, можетъ быть, и правъ, но все бы могъ выражаться иначе, чѣмъ выражается; слова: совершенная ложь, безстыдная ложь, etc. ни къ чему не служатъ, а только роняютъ того, кто, оспаривая противника, рѣшается употреблять ихъ въ мирной области наукъ.

8-го апрѣля.

Повѣсть Марлинскаго: Страшное гаданье, которая доказываетъ великій талантъ автора, однако, искренно признаюсь, по моему мнѣнію должна уступить его повѣсти: Испытаніе, въ коей вижу я болѣе оригинальности и менѣе подражанія, болѣе даже истиннаго воображенія, не смотря на то, что въ ней нѣтъ чертовщины, нежели въ Страшномъ гаданьѣ.

11-го апрѣля.

Одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ дней въ моей жизни съ самаго начала моего заточенія.

Сколько родилось и пробудилось во мнѣ! Но не для меня радость: я при ней хуже, чѣмъ при скорби. Впрочемъ могу-ли назвать добродѣтелью то, что при малѣйшемъ нарушеніи порядка моей однообразной жизни теряетъ силу свою? И такъ напрасно я сказалъ, что при радости я хуже, чѣмъ при скорби: радость только для меня явленіе необыкновенное, а потому-то при ней сильнѣе обнаруживается мой внутренній человѣкъ, чѣмъ при скорби, къ которой я уже привыкъ и которая посему на меня и слабѣе дѣйствуетъ.

17-го апрѣля.

Полевой отзывается слишкомъ небрежно и несправедливо о переводѣ Шиллерова Валленштейна Шишковымъ: разъ, этотъ переводъ точнѣе, вѣрнѣе и не въ примѣръ стихотворнѣе Ротчевскихъ; во вторыхъ, не слишкомъ понимаю, чего Полевой хочетъ отъ нашихъ переводчиковъ?—почему онъ называетъ только литографіями переводы въ родѣ перевода Шишкова? Въ нихъ довольно высокая (если и не самая высшая, возможная на русскомъ) степень точности и вѣрности и притомъ соединена съ поэзіею: ужели это не даетъ права на названіе живописнаго снимка? лучше-ли Вронченкины переводы? Они, правда, почти надстрочные; но вѣрнѣе-ли? Гдѣ у Вронченки гармонія стиховъ Мильтона? сила и свобода Шекспировы? все у него связано, все приневолено, вездѣ видѣнъ трудъ, вездѣ русскій языкъ изнасильствованъ. Букву, тѣло своего подлинника, конечно, передаетъ Вронченко; за то Шишкову доступнѣе душа, поэтическій смыслъ переводимыхъ имъ авторовъ. Впрочемъ скажу съ Альфредомъ де-Виньи: совершеннаго

перевода нѣтъ и не можетъ быть. Сверхъ того, какъ часто, и къ несчастію большею частію справедливо, жалуется издатель «Телеграфа» на лѣность нашихъ писателей, на охоту ихъ заниматься вздоромъ! Но вотъ является прекрасное начало труда не легкаго, труда во всѣхъ отношеніяхъ похвальнаго, достойнаго одобренія — и что же? Полевой, написавъ нѣсколько поверхностныхъ, рѣзкихъ и въ добавокъ несправедливыхъ замѣчаній, говоритъ: «и такъ о переводахъ г-на Шишкова не скажемъ болѣе ни слова!» Конечно, Шишковъ не Вельтманъ и не Ушаковъ, друзья и сотрудники издателя «Телеграфа»; но больно мнѣ думать, что Полевой меня морочитъ, когда говоритъ о своей любви къ отечеству, языку русскому, просвѣщенію, о своемъ безпристрастіи, безкорыстіи etc.

18-го апрѣля.

Выписка изъ рецензіи, о которой говорилъ я вчера, будетъ въ другой разъ. Нынѣ же прочелъ я—во первыхъ: отрывокъ изъ сказки Гофмана: Золотой горшокъ; воображеніе и тутъ тоже дикое, страшное, но мощное; о цѣломъ однако же нельзя судить по отрывку; во вторыхъ: примѣчательную статью барона Экштейна о драмѣ въ Англіи до Шекспира и о Шекспировой драмѣ. Многорѣчивое вступленіе въ эту статью заставило меня ожидать, что она будетъ полнѣе. Разумѣется, что съ католическими парадоксами Экштейна, я, искренній протестантъ, никакъ не могу согласиться, да съ ними едва ли можетъ согласиться и католикъ, только бы былъ не совершенно слѣпой. Вотъ образчикъ: Экштейнъ называетъ протестантизмъ «угнетающимъ, гонителемъ философіи, поэзіи, искусствъ». Не всякій протестантизмъ—пуританство, точно такъ, какъ и католикъ Фенелонъ не тоже, что католикъ Торквемада.

Прочелъ я въ «Живописцѣ»: Приключенія по смерти Кохтина; эта фламандская картина, да еще другая: Маклерская контора— двѣ лучшія въ галлереѣ Полеваго; въ нихъ есть нѣсколько чертъ истинно сильныхъ, почти геніальныхъ.

28-го апрѣля.

Fiat justitia et pereat mundus! Хотя и жаль, а должно же наконецъ сказать, что Батюшковъ вовсе не заслуживаетъ громкихъ похвалъ за Умирающаго Тасса, какими кадили ему за это стихотвореніе, когда онъ еще здравствовалъ, и какими еще и по нынѣ напримѣръ въ «Телеграфѣ» кадятъ за оное его памяти. Умирающій Тассъ переводъ съ французскаго; подлинникъ охотники могутъ отыскать въ французскомъ Альманахѣ музъ 90-хъ годовъ; авторъ—женщина.

О письмѣ къ Эрману Марлинскаго Полевой говоритъ: «по

нашему мнѣнію въ русской словесности нѣтъ ничего, чтобы можно было поставить рядомъ съ этимъ произведеніемъ, гдѣ поэтическими красками изображены двѣ дикія живописныя страны Россіи,—Сибирь и Кавказъ, и гдѣ не знаете, чему болѣе удивляться: наукѣ или поэзіи, жизни или дару слова». Искренно признаюсь, я, прочитавъ это письмо, также удивляюсь—а именно удивленію Полеваго и его странному идолопоклонству такому произведенію, которое въ глазахъ моихъ умная шалость—и только. Говорю это смѣло, ибо вѣрно никто другой охотнѣе меня не отдаетъ полной справедливости Марлинскому; на это сто и одна причина; вотъ нѣкоторыя: онъ былъ мнѣ искренній пріятель;—я знаю и увѣренъ, что онъ человѣкъ съ большимъ талантомъ;—мы оба пали подъ однимъ и тѣмъ же ударомъ Рока. Но еще разъ: fiat justitia et pereat mundus; письмо къ Эрману въ глазахъ моихъ гораздо ниже повѣсти: Испытаніе, и даже другихъ двухъ разсказовъ, уступающихъ оной: Вечеръ на Кавказскихъ водахъ и Страшное гаданье. Особенно мнѣ не по нутру это злоупотребленіе остроты и дарованія, эта неугомонная ловля каламбуровъ, иногда впрочемъ удачныхъ, которою Марлинскій въ письмѣ къ Эрману меня иногда совершенно выводитъ изъ терпѣнія.

1-го мая.

Вынулъ я изъ чемодана свою поэму: Юрій и Ксенія съ тѣмъ, чтобъ ее выправить. Сегодня прочелъ я первыя четыре пѣсни и оказалось, что я, вѣроятно, къ этому произведенію не довольно еще простылъ; ошибки, какія я замѣтилъ, не слишкомъ важны,—кое-гдѣ лишнее,—приступъ нѣсколько спутанъ etc. Анахронизмовъ рѣшительно не выправлю: пусть они останутся на забаву будущимъ моимъ критикамъ,—если только будутъ у меня когда-нибудь критики.

2-го мая.

Читаю повѣсть Марлинскаго: Амаллатъ-Бекъ. Она для меня вдвойнѣ занимательна: разъ потому, что чуть ли не лучшее сочиненіе Марлинскаго (разумѣется, изъ читанныхъ мною), а во вторыхъ, потому что Амаллата и Верьховскаго я лично знавалъ. Кажись, будто вчера былъ тотъ Новый годъ, когда разговаривалъ я съ первымъ у А. Вельяминова, а съ той поры прошло 13 съ лишнимъ лѣтъ! Верьховскій былъ также человѣкъ истинно отличный; мы съ нимъ ладили.

8-го мая.

Въ «Телеграфѣ» разборъ Кс. Полеваго «Душеньки» Богдановича. Въ этомъ разборѣ есть много очень дѣльнаго и справедливаго; не понимаю я только охоты издателя «Телеграфа» и его товарищей, (изъ

которыхъ, безъ сомнѣнія, самый лучшій Ксенофонтъ) вѣчно начинать съ яицъ Лединыхъ. Рѣчь о Душенькѣ: къ чему тутъ короткое обозрѣніе исторіи Франціи, начиная съ Наполеона и восходя до Людовика XIV? И сколько въ пышныхъ фразахъ обозрителя полусправедливаго и совершенно ложнаго! Можно ли напримѣръ утверждать, что при Людовикѣ XIV во Франціи не было религіи? Можно ли Боало и Реньяра ставить на одну доску съ Доратомъ, Башомономъ, Берни? Можно ли регенту придать эпитетъ: ничтожной памяти?

Но вотъ и хорошее: «Неужели»,—говоритъ Ксенофонтъ Полевой,— «и въ наше время еще не понимаютъ, что чернь, толпа не заключается въ границахъ, отмѣренныхъ масштабомъ гражданскихъ установленій; неужели на площадяхъ только толпится чернь? Нѣтъ! она не повинуется гражданскимъ законамъ, наряжается въ платье почетныхъ людей и наводняетъ собою гостиныя также, какъ и грязныя улицы и кабаки. Если принять въ собственномъ значеніи слово душегубецъ, то никто не погубилъ столько душъ, какъ эта разноцвѣтная и разночинная толпа, эта чернь, подраздѣляющаяся и на знатныхъ, и на мелкихъ, и на богатыхъ, и на нищихъ».

13-го мая.

Сегодня во снѣ пришла мнѣ мысль, которая показалась мнѣ, когда проснулся, и глубокою, и новою; вотъ почему и завязалъ я узелокъ въ платкѣ, чтобъ потомъ вспомнить ее. По утру эта мысль конечно ужъ не являлась мнѣ тѣмъ, чѣмъ въ первую минуту, когда я ночью, проснувшись, остановился на ней; теперь она уже нѣсколько изгладилась изъ памяти моей; однако вотъ, если не ошибаюсь, главное:

Говорилъ я съ кѣмъ-то о Словѣ Божіемъ и доказывалъ, что имъ не должно заниматься для одного препровожденія времени, а чтобъ доказать это, употребилъ я слѣдующее сравненіе: мнѣ здѣсь на землѣ всего дороже матушка и—(тутъ назвалъ я двухъ или трехъ лучшихъ друзей моихъ); не было ли бы какимъ то святотатствомъ, еслибы я сталъ напѣвать имена ихъ только для прогнанія скуки, только для того, чтобъ убить какъ-нибудь время?

Тонкія отношенія, которыя вдругъ открылись мнѣ между сравненіемъ и главною мыслію, которыя вдругъ открылись мнѣ, тогда особенно поразили меня; но теперь онѣ, повторяю, совсѣмъ изгладились и цѣлое представляется мнѣ темнымъ, неопредѣленнымъ. Впрочемъ не должно забыть, что тутъ было вѣрно болѣе, чѣмъ сколько теперь могу вспомнить,—по крайней мѣрѣ тутъ было нѣчто довольно живое, рѣзкое; иначе я вѣроятно не проснулся бы отъ этой мысли.

15-го мая.

Въ 1832 году издали свои стихотворенія Гнѣдичъ и Давыдовъ. То-то бы меня одолжили Пушкинъ или родные мои, если бы меня порадовали этими новинками! Особенно желалось бы мнѣ почитать старика Дениса.

16-го мая.

Вчера забылъ я отмѣтить, что при чтеніи того, что Полевой говоритъ о Наполеонѣ Дюмаса, во мнѣ живо пробудилась мысль о Вѣчномъ жидѣ. Я его, было, уже началъ въ 1832 году формою эпическою; но нынѣ онъ ожилъ для меня въ одеждѣ драматической мистеріи. Впрочемъ, можетъ быть, если въ самомъ дѣлѣ примусь за него, сохраню и повѣствовательный отрывокъ, который будетъ служить, такъ сказать, прологомъ, введеніемъ въ трагедію. Въ воображеніи моемъ означились уже четыре главные момента различныхъ появленій Агасвера: первымъ будетъ разрушеніе Іерусалима, вторымъ паденіе Рима, третьимъ поле битвы послѣ Бородинскаго или Лейпцигскаго побоища, четвертымъ смерть его послѣдняго потомка, котораго мнѣ вмѣстѣ хотѣлось бы представить—и вообще послѣднимъ человѣкомъ. Но между третьимъ и вторымъ должны быть непремѣнно еще вставки, напримѣръ изгнаніе жидовъ изъ Франціи въ XIV, если не ошибаюсь, столѣтіи.

17-го мая.

Примѣчательный день! Во первыхъ по утру вынулъ я изъ чемодана начало своего Агасвера, прочелъ его, и мысли, какъ продолжать, стали толпиться въ головѣ моей: если удастся,—Вѣчный жидъ мой будетъ чуть ли не лучшимъ моимъ сочиненіемъ. Во вторыхъ получилъ я давно ожидаемаго Тасса Кукольника. Разумѣется, что я тотчасъ съ жадностью принялся за трагедію: въ ней много, много превосходнаго; читая многія мѣста, я невольно плакалъ. Судить о творени Кукольника я еще не въ состояніи: но у него талантъ великій, хотя, кажется, и не совсѣмъ драматическій.

19-го мая.

Читая «Телеграфъ» на 1832 годъ, часто я готовъ подумать, что спалъ лѣтъ двадцать Эпименондовымъ сномъ и вдругъ проснулся! Сколько перемѣнъ во мнѣніяхъ, въ образѣ мыслей читающаго и пишущаго міра, какъ въ Европѣ, такъ даже у насъ въ Россіи!

Благоговѣніе французовъ къ вѣку Людовика XIV совершенно, кажется, исчезло; впрочемъ эта перемѣна еще не самая удивительная: я ее предвидѣлъ еще въ 1821 году, въ бытность мою въ Па-

рижѣ. Но, если только вѣрить Полевому, которому впрочемъ боюсь вѣрить слѣпо,—нѣмцы спохватились, что и у нихъ еще собственно нѣтъ народной словесности. Уландъ, Берне, Менцель и Гейне (по словамъ Полеваго)—нынѣшніе корифеи нѣмцевъ. И у насъ критика заговорила такимъ голосомъ, какимъ еще не говаривала. Кажется, наши мнимо-великіе, начиная съ альфы до омеги, скоро, скоро будутъ тѣмъ въ глазахъ не одного Полеваго, чѣмъ были они въ моихъ глазахъ еще въ 1824 году. Пора! Но къ пишущимъ, дѣйствующимъ, Полевой, по моему мнѣнію, слишкомъ строгъ, иногда даже несправедливъ: жизни и движенія, прилежанія и любви къ искусству, у насъ, конечно, еще не слишкомъ много,—но все же не въ примѣръ болѣе, чѣмъ за десять, за двадцать лѣтъ, и этому-то приращенію силъ и усердія слѣдовало бы подъ часъ отдавать справедливость.

20-го мая.

Сегодня перечелъ первыя три дѣйствія Кукольникова Тасса: стиховъ прекрасныхъ много, но цѣлое—слабо.

Мнѣ жаль вымолвить это; да дѣлать нечего. Не стыжусь, что трагедія меня сильно встревожила: въ моемъ ли положеніи не принять участія въ страданіяхъ Тасса, хотя бы эти страданія были изображены человѣкомъ безъ малѣйшаго таланта? А въ Кукольникѣ напротивъ талантъ, и не малый, хотя и не драматическій.

21-го мая.

Въ «Телеграфѣ» прочелъ я сужденіе Полеваго о книгѣ студента К. Д. академіи Ор. Новицкаго, въ которой изложена система вѣроисповѣданія духоборцевъ и молокановъ. Это сочиненіе должно быть чрезвычайно занимательно. Примѣчателенъ догматъ сей секты о паденіи души человѣческой до созданія міра видимаго. Духоборцы смотрятъ на всѣ церковныя таинства, какъ на средства, необходимыя для людей грубыхъ, но ненужныя для истинныхъ христіанъ. «Я храмъ Божій», говорятъ они, «и въ храмѣ семъ я алтарь—сердцемъ, жертва — волею, священникъ — душою». Духоборецъ можетъ молиться даже въ храмѣ язычника, принося туда свою внутреннюю церковь. Слѣдующее ихъ правило, по моему мнѣнію, превосходно: «добро творить и быть добродѣтельнымъ должно не по закону, а по волѣ, не по приказу, а по желанію». Примѣчательно и слѣдующее ихъ положеніе: «Церковь есть сонмъ избранныхъ и состоитъ не во власти духовной и не въ зданіяхъ; она въ душѣ человѣка и къ ней принадлежитъ всякій избранникъ Духа, хотя бы онъ былъ мусульманинъ».

27-го мая.

Въ «Телеграфѣ» прочелъ я вчера примѣчательное разсужденіе Виктора Гюго о поэзіи. Несогласенъ я, будто бы стихія смѣшнаго такъ мало проявляется въ поэзіи древнихъ, какъ то утверждаетъ Гюго. Напрасно говоритъ онъ: «подлѣ Гомеровскихъ» (я увѣренъ, что въ подлинникѣ: homériques; это—скажу мимоходомъ—не значитъ гомеровскіе, а гомерическіе) «великановъ Эсхилла, Софокла, Эврипида, что значитъ Аристофанъ и—Плавтъ? Гомеръ увлекаетъ ихъ съ собою, какъ Геркулесъ уносилъ Пигмеевъ, спрятанныхъ въ его львиной кожѣ». Аристофанъ геній, который ничуть не уступитъ Эсхиллу и выше Софокла; а можно ли жеманнаго Эврипида, греческаго Коцебу, ставить рядомъ съ Эсхилломъ и даже съ Софокломъ? Можно ли сближать геніальнаго, роскошнаго, до невѣроятности разнообразнаго, неистощимо богатаго собственными вымыслами Аристофана съ подражателемъ, не безталаннымъ, но все же подражателемъ—Плавтомъ?

О Шекспирѣ Гюго говоритъ: «два соперничествующіе генія человѣчества, Гомеръ и Данте, сливаютъ во едино свой двойственный пламень и изъ сего пламени исторгается—Шекспиръ». Въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ онъ, что въ Шекспирѣ,—«кажется, были соединены три величайшіе, самые характеристическіе генія французской сцены: Корнель, Мольеръ, Бомарше». Признаюсь, ни о Корнелѣ, ни о Бомарше не могу и вспомнить, когда читаю огромнаго британца; иное дѣло Мольеръ. О трехъ родахъ поэзіи (единственно возможныхъ: лирѣ, эпопеѣ, драмѣ) сказано очень справедливо: «все есть во всемъ: только въ каждомъ отдѣльно господствуетъ одна стихія родовая, которой подчиняются всѣ другія и которая кладетъ на общность свой собственный характеръ». Далѣе: «драма есть полная поэзія. Ода» (не лучше ли вообще лира?) «и эпопея содержатъ въ себѣ только ея начала, драма заключаетъ въ себѣ развитіе той и другой». Совершенно согласенъ я съ правиломъ: «все, что есть въ природѣ, все то есть и въ искусствѣ».

Но главное основаніе разсужденія нѣсколько шатко или, лучше сказать, надлежало доказать не то, что доказываетъ Гюго: онъ утверждаетъ, что смѣшное въ правѣ являться въ области поэзіи и что оно въ поэзіи новыхъ является чаще, чѣмъ въ поэзіи древнихъ;—первое едва ли подлежитъ сомнѣнію и посему и доказывать это не для чего; второе—едва ли справедливо. Доказать, кажется, надлежало, что смѣшное въ правѣ являться и въ патетическихъ твореніяхъ, въ трагедіи, эпопеѣ героической etc., что оно въ нихъ яв

ляется чаще у новыхъ, чѣмъ у древнихъ, и что безобразное (а не смѣшное) въ правѣ требовать поэтическаго изображенія, ибо составляетъ контрастъ, тѣнь, диссонансъ прекраснаго, сторону, необходимую для полной, художественной гармоніи.

29-го мая.

На дняхъ толковалъ я о своемъ бѣльѣ; не помню ужъ по какому поводу тутъ Осиповъ мнѣ вдругъ сказалъ: «когда будетъ букъ» [1]),—спрашиваю, что такое букъ?—«Это значитъ мытье бѣлья». Покаковски? «По-нарвски». Замѣчу, что buck совершенно тоже на англійскомъ. Какъ областное нарвское нарѣчіе русскаго языка могло обогатиться англійскимъ словомъ? Не матросы ли англійскіе передали его жителямъ береговъ Наровы?

30-го мая.

Кончилъ Краснаго корсара [2]). Не знаю, что сказать объ этомъ романѣ. Характеръ главнаго лица нѣсколько изношенъ, но мастерски поновленъ. Прочія лица, кромѣ, быть можетъ негра и его товарища, ничтожны. Есть мѣста прекрасныя, напр. кораблекрушеніе и смерть Негра; но цѣлое, признаюсь, кажется мнѣ довольно обыкновеннымъ, чтобъ не сказать, пошлымъ; сцена, правда, довольно нова: да самая-то сказка столь же поношена, какъ и главный характеръ. Съ великодушными разбойниками, кажется, познакомили насъ довольно давно Шиллеръ и мистриссъ Радклифъ. Wilder также лице не слишкомъ привлекательное.

1-го іюня.

Главный недостатокъ,—по моему мнѣнію,—въ романахъ Купера и отчасти даже Скотта, однообразіе лицъ и характеровъ. И въ Кормчемъ встрѣчаю я своихъ старыхъ знакомыхъ! Впрочемъ должно сказать, что Куперъ славный живописецъ: морское сраженіе изображено, какъ нельзя лучше.

2-го іюня.

Кончилъ сегодня повтореніе прочитанныхъ зимою книгъ Иліады. Въ понедѣльникъ примусь съ Божіею помощью за Іосифа Флавія, котораго получилъ сегодня.

Изданіе старинное; подъ посвященіемъ 1574 годъ.

---

[1]) Бучить — обливать бѣлье кипяткомъ съ золою, положивъ подъ низъ каленые камни.

[2]) Романъ Купера.

6-го іюня.

Въ Іосифѣ нашелъ я изложеніе житія и нѣкоторыхъ правилъ и обрядовъ Эссеянъ, по которому вижу, что безъ всякаго сомнѣнія ихъ понятія отчасти перешли къ христіанскимъ отшельникамъ первыхъ столѣтій и даже къ гернгутерамъ, квакерамъ и духоборцамъ нашего времени.

7-го іюня.

Слѣдующее замѣчаніе Вальтеръ-Скотта [1]) чрезвычайно справедливо: «Касательно суевѣрныхъ преданій, принятыхъ жителями окрестностей замка Уэстры, Гальпро говаривалъ: «Мина, не дрожа, вѣритъ имъ, а Брента имъ не вѣритъ да дрожитъ». Точно такъ и въ наше болѣе просвѣщенное время мало людей, даже отъ природы мужественныхъ и съ душою, возвышающеюся надъ сомнѣніями,—которые бы подъ часъ не увлеклись восторженными мечтами Мины, но, быть можетъ, еще менѣе такихъ, на которыхъ бы никогда не находилъ невольный ужасъ, овладѣвшій Брентою,—ужасъ, отвергаемый ихъ разумомъ».

8-го іюня.

Нельзя не удивляться искусству, съ которымъ Вальтеръ-Скоттъ иногда одною чертою придаетъ жизнь и истину лицамъ, какія выводитъ на сцену!

9-го іюня.

Вчера кончилъ я Пирата. Скоттъ далеко превосходитъ Купера въ рисовкѣ характеровъ; но замѣчательно, что у него обыкновенно не главныя лица, а второстепенныя особенно хорошо представлены. Это истинно Шекспировская галлерея портретовъ самыхъ естественныхъ и при томъ въ высокой степени поэтическихъ!

10-го іюня.

Сегодня для меня тройной праздникъ: Троицынъ день, мое рожденіе и ровно 17 лѣтъ, какъ насъ выпустили изъ лицея.

Угощалъ я самого себя—апельсинами. Давно я не ѣлъ ихъ. Гдѣ то время, когда самъ рвалъ ихъ съ дерева въ окрестностяхъ Ниццы?

13-го іюня.

Наконецъ, кажется, прервется моя недѣятельность: забродило у меня въ головѣ—романомъ, за который, не отлагая, примусь завтра же. Удивительно, что разсужденія о словесности, критики (разумѣется не такія, какія обыкновенно печатаются въ «Сынѣ Отечества»),

[1]) Въ „Пиратѣ“.

сочиненія теоретическія о предметахъ искусствъ изящныхъ etc. дѣйствуютъ на меня вдохновительно. Нынѣшнимъ предположеніемъ романа я занимался, правда, и прежде, но мысль о немъ была во мнѣ не ясна, мутна; нѣкоторый видъ получила она только сегодня, когда въ «Сынѣ Отечества» читалъ я разсужденіе Вольфг. Менцеля о Шиллерѣ и Гёте; сверхъ того нѣтъ никакого отношенія или только отношеніе самое далекое между тѣмъ, что я читалъ и что намѣренъ написать: хорошій разборъ, оригинальный взглядъ на поэзію, глубокія, новыя мысли о прекрасномъ движутъ меня силою не прямою, а косвенною, не тѣмъ, чему меня учатъ, а общимъ волненіемъ, какое производятъ въ собственномъ моемъ запасѣ мыслей и чувствованій.

14-го іюня.

Занимательны и мѣстами даже истинно трогательны записки покойной Елены Сергѣевны Тепловой, напечатанныя въ первыхъ номерахъ «Сына Отечества» на 1831 годъ. Какъ жаль, что она умерла такъ рано!

17 го іюня.

Мнѣ суждено съ нѣкотораго времени встрѣчаться въ журналахъ съ такими знакомыми, съ которыми я уже не чаялъ встрѣтиться. Въ числѣ ихъ изъ первыхъ — Марлинскій. Въ «Сынѣ Отечества» на 1831 годъ есть его повѣсть: Наѣзды, съ подписью А. Б.; она отличается отъ другихъ его сочиненій необыкновенною трезвостью и умѣренностію слова; впрочемъ довольно занимательна. Есть и стихи Марлинскаго въ «Сынѣ Отечества» на 1831 годъ: переводы и подражанія Гёте посредственны; лучше баллада—Саатырь. Кромѣ Марлинскаго не могу не упомянуть о почтенной, умной В. Ми...ше....вой, Варварѣ Семеновнѣ Миклашевичевой, съ которою во время оно познакомилъ меня Грибоѣдовъ; отрывокъ ея романа напечатанъ въ 19 и 20 номерахъ того же журнала. Этотъ отрывокъ истинно прелестенъ и показываетъ талантъ высокій, мужественный.

19-го іюня.

По моему мнѣнію, если что заслуживаетъ называться высокимъ, такъ смерть первой прусской королевы Софіи Шарлотты; ея послѣдними словами было: «не сожалѣйте обо мнѣ, ибо нынѣ любопытство мое удовлетворится и я узнаю происхожденіе вещей, коихъ не могъ разгадать Лейбницъ, узнаю, что такое пространство, безконечность, существо и ничтожество». Этотъ анекдотъ находится въ Исторіи Пруссіи Камилла Паганеля, изъ коей отрывокъ напечатанъ въ «Сынѣ Отечества».

23-го іюня.

Перечелъ первое дѣйствіе неконченнаго своего Ивана, купеческаго сына. Первая сцена нѣсколько растянута: прочія очень не дурны. Не худо бы его продолжать: по крайней мѣрѣ выправлю то, что ужъ написано.

25-го іюня.

Главный порокъ моего слога или, лучше сказать, слога моихъ первыхъ начерковъ—многословіе. Всѣ почти мои поправки состоятъ въ сокращеніяхъ.

26-го іюня.

Мнѣ ужъ случилось говорить о Плаксинѣ и его понятіяхъ о поэзіи. Первая его статья еще была довольно сносна; но его Разборъ Бориса Годунова, который сегодня прочелъ я въ «Сынѣ Отечества», изъ рукъ вонъ: diese Kritik ist unter aller Kritik.

27 го іюня.

Есть въ «Сынѣ Отечества» еще разборъ «Бориса Годунова», который лучше разбора, сочиненнаго г. Плаксинымъ;—авторъ нѣкто Средній Камашевъ. Главный упрекъ Камашева Пушкину, что предметъ поэтомъ обработанъ слишкомъ поверхностно,—къ несчастію справедливъ. Къ тому же и вся критика написана гораздо отчетливѣе критики Плаксина; но и послѣ нея можно бы многое сказать о History Пушкина.

20 го іюня.

Начинаютъ у насъ въ журналахъ, хоть изрѣдко, показываться не переводныя статьи—европейскія. Такою напримѣръ можетъ въ «Сынѣ Отечества» назваться: «Изображеніе характера и содержаніе исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій». Тутъ новаго конечно мало: но все же это не пошлое повтореніе обыкновенныхъ школьныхъ разглагольствій.

Пришла мнѣ мысль: нельзя ли Самозванца превратить въ Русскаго Фауста?

1-го іюля.

Сегодня прочелъ я повѣсть Марлинскаго: Лейтенантъ Бѣлозоръ. Въ ней изрѣдка авторъ сбиваетъ на скоромный ладъ Густава Шиллинга и это истинно жаль, потому что тутъ терпитъ все, даже вкусъ и прелесть слога. Впрочемъ и эта повѣсть несомнѣнное доказательство истиннаго, прекраснаго таланта Марлинскаго и его неимовѣрныхъ успѣховъ. Есть въ ней даже мѣста истинно высокія, хотя цѣлое болѣе въ прежнемъ родѣ Марлинскаго легкомъ, шутливомъ, пѣнящемся, какъ шампанское, или неустоявшаяся брага.

4-го іюля.

Фонтаней, разбирая сочиненія Карла Нодье, говоритъ о его сказкѣ la Fée aux Miettes: «почитаю бредни Мишеля за любопытную, но невозможную фантазію разстроеннаго воображенія, а сказкамъ Гофмана вѣрю, какъ онъ самъ съ убѣжденіемъ». Вотъ въ чемъ и по моему мнѣнію именно состоитъ преимущество Гофмана надъ Вашингтономъ-Ирвингомъ и надъ нашимъ Марлинскимъ.

7-го іюля.

При развязкѣ заставлю Ивана покуситься продать за рѣдкую статую окаменѣлаго своего друга и благодѣтеля Булата. Этотъ сарказмъ, выражающій низкую и подлую половину человѣческой природы, составитъ рѣзкую противуположность съ трагическимъ дѣйствователемъ, движущимъ Андоною, которая для разочарованія злополучнаго богатыря рѣшается пожертвовать даже кровью и жизнію своего дитяти.

8-го іюля.

Прочелъ въ «Сынѣ Отечества» рѣчь магистра священника Николая Раевскаго при окончаніи курса второй С.-Петербургской гимназіи.

Рѣчь Раевскаго изъ лучшихъ, какія удалось мнѣ читать на русскомъ языкѣ. На ней печать и просвѣщеннаго человѣка, и нелицемѣрнаго истиннаго христіанина, и прямаго сына отечества. Быть можетъ, не могу во всемъ согласиться съ Раевскимъ, но все же отрадно прочесть подобную рѣчь, особенно послѣ нелѣпицъ какого-то фанатика, который въ этой же самой части «Сына Отечества» тиснулъ статью, принадлежащую по духу своему 13 вѣку—и подписался подъ нею буквою М. Горькія истины говоритъ между прочимъ и Раевскій; но благороднымъ, кроткимъ голосомъ проповѣдника Слова Божія, а не бѣшеннымъ крикомъ изступленнаго изувѣра.

10-го іюля.

И еще повѣсть Марлинскаго: Латникъ. Въ подробностяхъ очень много истинно геніальнаго: особенно въ разсказѣ Зарницкаго о своихъ дѣтскихъ лѣтахъ и въ появленіяхъ Латника; но цѣлое нѣсколько сбито и мало оригинальнаго вымысла въ основѣ обоихъ разсказовъ.

11-го іюля.

Лѣтъ 15 тому назадъ въ нашихъ журналахъ являлись русскія повѣсти, которыя, бывало, читаешь, такъ сказать, ef officio, а для отдыха послѣ этого довольно тяжкаго труда принимаешься за переводныя. Теперь, спасибо, ужъ не то: повѣсть Марлинскаго напримѣръ гораздо лучше, чѣмъ прочитанная мною сегодня Раупаха: Ночь наканунѣ Рождества Христова. Чудесное плохо удалось Раупаху.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

1842—1875.

Глава четвертая [1]).

Біографическія и критическія статьи.

Во французской литературѣ статей о М. Ю. Лермонтовѣ, не смотря на обиліе переводовъ, не особенно много, но если количествомъ ихъ немного, то нѣкоторыя изъ нихъ отличаются своимъ достоинствомъ, какъ напр. статьи гг. Сенъ-Рене Тайландье и Мармье, въ которыхъ, кромѣ біографическихъ свѣдѣній, проводится и литературная жизнь поэта, съ довольно подробнымъ разборомъ главныхъ его произведеній. Въ этихъ статьяхъ мы уже не встрѣчаемся съ тѣми нелѣпостями, которыя французскіе литераторы писали о Пушкинѣ. Мы старались собрать все, что можно было, и приводимъ даже и самые назначительные отзывы о нашемъ поэтѣ, а если что и пропустили, то по рѣшительной невозможности перебрать всѣ періодическія изданія, появившіяся во Франціи. При разборѣ статей, писанныхъ о Лермонтовѣ, мы не ограничиваемся только передачею содержанія этихъ статей, но приводимъ и подстрочные переводы отрывковъ, касающихся до характеристики поэта и взгляда французскихъ писателей на его творческую дѣятельность.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1882 г., томъ XXXIV, апрѣль, стр. 221—240; май, стр. 483—498; томъ XXXV, августъ, стр. 297—322; изд. 1883 г., томъ XXXVII, февраль, стр. 457—472.

1) La Russie en 1839, par le marquis de Custine, Россія въ 1839 г., Маркиза де-Кюстинъ, вышло въ Парижѣ въ четырехъ частяхъ въ 1843 году, у Amyot, и вслѣдъ затѣмъ вскорѣ явилось второе изданіе; мы имѣли въ рукахъ иллюстрированное изданіе 1855 г., того же Amyot, въ 4 д. л., въ два столбца, стр. 196.

Въ очеркѣ о статьяхъ французскихъ писателей о Пушкинѣ, («Древняя и Новая Россія», декабрь 1880 г.), мы помѣстили подробно о прогулкѣ маркиза съ умнымъ французомъ на Царицыномъ лугу, передали разговоръ ихъ о Пушкинѣ, милую характеристику поэта и наконецъ разсужденія о его смерти и похоронахъ. Собесѣдники не забыли и Лермонтова, и вотъ что̀ умный французъ (гувернеръ въ какомъ-то важномъ семействѣ), разсказывая о сочувствіи, выказанномъ императоромъ Николаемъ къ смерти Пушкина, сообщаетъ по поводу стихотворенія «На смерть Пушкина» (стр. 77): какъ бы тамъ ни было, но сочувствіе государя такъ польстило московскому духу (l'esprit moscovite), что пробудило благородный порывъ патріотизма въ сердцѣ одного молодого человѣка, одареннаго большимъ талантомъ; этотъ слишкомъ довѣрчивый поэтъ восторгается милостями, дарованными первому представителю въ искусствѣ, и вотъ отвага доходитъ у него до того, что онъ воображаетъ себя вдохновеннымъ! въ порывѣ наивной признательности, онъ даже осмѣливается написать оду... восхищайтесь дерзостію! патріотическую оду, чтобы выразить признательность государю, за то что онъ сдѣлался покровителемъ литературы! Онъ оканчиваетъ эту замѣчательную пьесу, воспѣвая хвалы изчезнувшему поэту—и больше ничего... Я прочиталъ эти стихи и могу вамъ засвидѣтельствовать невинность побужденій автора,—развѣ поставить ему въ вину скрытую, въ глубинѣ сердца, вполнѣ дозволенную, какъ мнѣ кажется, надежду молодого воображенія. Мнѣ думается, что онъ полагалъ, не говоря уже о томъ, что Пушкинъ когда нибудь въ немъ воскреснетъ, что сынъ императора наградитъ второго поэта Россіи, подобно тому, какъ самъ императоръ почтилъ перваго... Дерзновенный! стремиться къ извѣстности, сознаться въ страсти къ славѣ... это похоже на то, еслибы Прометей сказалъ Юпитеру: «берегись, защищайся, я у тебя унесу грозу». Но вотъ какую получилъ награду молодой искатель славы или скорѣе мученичества. Несчастный, за то, что довѣрился любви своего государя къ искусствамъ и къ литературѣ, подвергся особой его немилости, и получилъ тайно (en secret) повелѣніе отправиться развивать свои поэтическія наклонности на Кавказъ,—нѣсколько смягченная ссылка, сравнительно съ Сибирью.

Пробывъ тамъ два года, онъ вернулся оттуда съ разстроеннымъ здоровьемъ, съ изнемогшей душой, съ воображеніемъ окончательно

излечившимся отъ химеръ, и съ ожиданіемъ, что тѣло его излечится также отъ грузинскихъ лихорадокъ.

2) Н. И. Гречъ въ своей книгѣ: Examen de l'ouvrage de M. le Marquis de Custine, intitulé: La Russie en 1839, par N. Gretch, traduit du russe par Alexandre Kouznetzoff, Paris 1844, стр. 107, Обзоръ сочиненія маркиза де Кюстинъ, озаглавленнаго: Россія въ 1839 году, переведенное съ русскаго Александромъ Кузнецовымъ,—возражаетъ на филиппику маркиза и, объясняя причины ссылки Лермонтова на Кавказъ, говоритъ: молодой офицеръ написалъ стихи на смерть Пушкина, и въ нихъ восхвалялъ именно то, за что были недовольны Пушкинымъ; за это онъ былъ переведенъ въ кавказскую армію; тамъ онъ вовсе не увялъ, а напротивъ поэтическій талантъ его значительно развился; вскорѣ онъ вернулся въ Петербургъ совсѣмъ здоровый. Не бывши въ Грузіи, онъ не подвергся злокачественному вліянія ея климата. Возвратясь, онъ продолжалъ писать стихи и искалъ ссоръ, онъ дрался на дуэли съ сыномъ г. де Барантъ, и былъ вторично сосланъ на Кавказъ, гдѣ и погибъ на дуэли. Его смерть,—случай, достойный сожалѣнія, но вся его жизнь доказываетъ, что правительство было совершенно право, удаливъ его изъ Петербурга; намъ остается только сожалѣть о томъ, что побужденія къ добру не взяли верхъ въ его нравственномъ направленіи, настолько, насколько онѣ выиграли въ его творчествѣ.

И больше ничего—ни слова о высоко честномъ побужденіи поэта написать стихи: На смерть Пушкина. Любопытно, ни въ лживомъ нападеніи, ни въ возраженіи, имя Лермонтова даже не произносится. Г. Я. Яковлевъ, (Я. Толстой), написавшій книгу: La Russie en 1839 rêvée par M. de Custine и т. д., т. е. Россія въ 1839 году, какою видѣлъ ее во снѣ г. де Кюстинъ и т. д., пропустилъ эпизодъ о Лермонтовѣ безъ возраженій.

Замѣтка маркиза де Кюстинъ—первый заграничный отзывъ о Лермонтовѣ.

3) L'Illustration du 19 Juillet 1845, t. V, «Иллюстрація» 19 іюля 1845, т. V, стр. 330, 331.—Статья безъ подписи: La littérature russe contemporaine: Puschkine, Lermontoff, Gogol; т. е. современная русская литература: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь.

Статья начинается краткимъ обзоромъ русской литературы и затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ Пушкина, въ которой проведена главная мысль, что онъ поэтъ чисто русскій. Вотъ что неизвѣстный авторъ говоритъ о Лермонтовѣ: «едва успѣла преждевременная и насильственная смерть унести у русскихъ ихъ поэта, какъ Россія была, но не надолго, утѣшена появленіемъ единственнаго соперника Пуш-

кина—Михаила Лермонтова. Похищенный еще быстрѣе своего знаменитаго предшественника, Лермонтовъ, первые опыты котораго явились въ 1839 году, погибъ черезъ два года и, какъ Пушкинъ, на дуэли. Нѣсколько повѣстей Лермонтова, переведенныхъ его соотечественникомъ (вѣроятно переводъ Столыпина: «Герой нашего времени»), прошли подъ глазами французской публики, но онъ проявилъ себя болѣе всего въ поэзіи и въ ней-то надобно стараться съ нимъ ближе ознакомиться».

Далѣе авторъ разсматриваетъ различныя вліянія физической и нравственной реальности на художественныя души, и затѣмъ переходитъ къ Лермонтову и говоритъ: «у Лермонтова была одна изъ натуръ, одаренныхъ энергіей, страстныхъ и въ то же время сосредоточенныхъ, которыхъ самый блистательный образъ мы видимъ въ лордѣ Байронѣ. Пылкая любовь къ независимости жгла его душу: казалось онъ былъ постоянно пожираемъ огнемъ внутренняго нетерпѣнія. Никто не писалъ въ Россіи стиховъ столь энергическихъ, при простотѣ выраженія, при ихъ ясности, столь живыхъ и пренебрегающихъ всѣми тщеславными украшеніями. Вся его поэзія есть выраженіе души неукротимой, мрачно настроенной и пылкой. Его упрекали въ томъ, что онъ утвердилъ моду на байроновское разочарованіе, но ошибались какъ въ этомъ, такъ и въ опредѣленіи характера его таланта. Его вдохновляла не мизантропія сердца, разочарованнаго и повергнутаго въ уныніе, а негодованіе о насильственномъ бездѣйствіи, ненависть, а не скука пустоты. Лермонтовъ былъ настоящій, великій поэтъ. Одинъ онъ и Пушкинъ съумѣли заставить говорить русскую женщину; онъ начерталъ великолѣпныя описанія, онъ создалъ мощные характеры, и постепенно возвышаясь, его талантъ дѣлался со дня на день болѣе увѣреннымъ въ самомъ себѣ, и тогда-то смерть похитила его, въ самой цвѣтущей порѣ жизни. Хотя Лермонтовъ, такъ сказать, только промелькнулъ, но все же онъ имѣлъ вліяніе, которое его пережило, и это потому, что, подобно Пушкину, онъ былъ въ высшей степени русскій, и былъ первымъ поэтомъ страсти, который проявила Россія».

Мы выписали эту характеристику Лермонтова вполнѣ, какъ весьма любопытную, писанную въ 1845 году, когда Лермонтовъ заграницей былъ, такъ сказать, едва намѣченъ, а въ Россіи многія изъ лучшихъ его произведеній не могли быть напечатаны, а ходили по рукамъ въ рукописяхъ.

4) Revue des deux mondes 1846, t. XIII, 1 Février, стр. 565—568. Статья неизвѣстнаго автора, по поводу книги: Une saison de bains au Caucase, traduit de Lermontoff, par M. Léouzon Le Duc, т. е. лечебный сезонъ на Кавказѣ, переводъ изъ Лермонтова г. Леузонъ Ле-

Дюка. Рецензентъ не согласенъ съ г. Леузонъ Ле-Дюкъ, назвавшаго свою книгу извлеченіемъ изъ Лермонтова—а пишетъ переводъ, что несомнѣнно правильнѣе, хотя было бы еще вѣрнѣе сказать—искаженіе Лермонтова. Въ началѣ воспоминается характеръ романа Бульвера-Пельгамъ и объясняется вся прелесть этого романа. Есть, если мы не ошибаемся, говоритъ рецензентъ, доля этой прелести и этой живой манеры въ романѣ Лермонтова.

Статья эта не есть разборъ перевода,—на него рецензентъ мало обращаетъ вниманіе, даже въ одномъ мѣстѣ онъ выражается о немъ какъ бы насмѣшливо: ce récit, que la préface nous donne comme un extrait plutôt que comme une traduction fidèle, т. е. этотъ разсказъ, (при этомъ слѣдуетъ припомнить, что г. Леузонъ слилъ всѣ разсказы Лермонтова въ одинъ: «Княжна Мери»), который въ предисловіи представленъ намъ, какъ извлеченіе скорѣе, чѣмъ точный переводъ, и т. д.; сравнивая оба романа: Пельгамъ и Герой нашего времени, рецензентъ находитъ между ними сходство: оба содержатъ въ себѣ исповѣди: одинъ англійскаго денди, другой—русскаго офицера. Герой Лермонтова вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько дерзости Пельгама и пылкости Донъ-Жуана,—это русскій офицеръ, знающій своего Байрона наизустъ. Въ этомъ разсказѣ два недостатка, по которымъ всегда узнаешь юность писателя: направленіе къ декламаціи и нѣкоторыя заимствованія. Впрочемъ, какъ онъ есть, съ своими недостатками даже, этотъ маленькій романъ достоинъ полнаго вниманія. Если, прочитывая его, довольно часто припоминаются Пельгамъ и Беппо, за то столько же разъ проявляется съ силой оригинальность русскаго писателя; вы перенесены въ новый миръ, и какъ будто подъ другое небо; эта смѣсь изящной элегантности и грубости, приторности и цинизма, восточной нѣги и дикой наглости не введетъ въ заблужденіе даже самаго разсѣяннаго читателя. Вы только что мечтали съ Рене, плакали съ Вертеромъ, переверните страницу и вы очутитесь en pleine Russie (совсѣмъ въ Россіи), окруженные тупыми мужиками и пьяными солдатами, или мчитесь на бѣшенномъ конѣ въ безпредѣльныхъ степяхъ.

Далѣе въ нѣсколькихъ словахъ краткая біографія поэта и оцѣнка его таланта: эта короткая жизнь была хорошо наполнена; какъ поэтъ, такъ и романистъ успѣли себя проявить замѣчательными твореніями, между которыми слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ сочиненіе, которое только отчасти переведено.

Мы уже говорили, что романъ этотъ есть исповѣдь. Печоринъ, русскій офицеръ, разсказываетъ намъ любопытный и бурный періодъ своей жизни. Печоринъ олицетвореніе того ненасытнаго и высоко-

мѣрнаго эгоизма, который, какъ кажется, составляетъ одну изъ самыхъ обычныхъ болѣзней нашего вѣка. У Печорина душа корсара, тѣломъ онъ дэнди; это гордость Лары, съ подкладкой флегмы Пельгама,—такимъ представляется намъ Печоринъ, когда онъ прибылъ великолѣпный, но скучающій, въ маленькій купальный городокъ, расположенный у подошвы Кавказа; затѣмъ краткій пересказъ княжны Мери. Романъ оканчивается, продолжаетъ рецензентъ, прославленіемъ предопредѣленія, въ которомъ суровый геній русскаго поэта воспроизводится цѣликомъ. (Слѣдуетъ припомнить, что Леузонъ ле-Дюкъ вклеилъ фаталиста въ «Княжну Мери»). Не въ дѣйствіи романа и въ развитіи характеровъ ясно слѣдуетъ искать суть этого страннаго разсказа. Изящный и великолѣпный эгоизмъ Печорина, необузданная и неразвитая натура Грушницкаго, блестящее кокетство молодой княжны, все это проявляетъ въ Лермонтовѣ настоящій талантъ наблюдателя. Вслѣдствіе сего романъ этотъ достоинъ сохраниться какъ очеркъ (étude), очень неполный, конечно, нѣсколькихъ малоизвѣстныхъ типовъ русскаго общества XIX столѣтія.

Вотъ заключительное заявленіе рецензента: романъ Лермонтова не имѣетъ въ себѣ одинъ только интересъ пикантнаго очерка нравовъ; читая его умѣстно было бы обсудить любопытный литературный вопросъ и рѣшить до какой степени вліяніе Байрона и Гете проникли въ эту юную литературу, которой Пушкинъ остается до сегодня самымъ славнымъ представителемъ. Нигдѣ лучше, какъ въ Россіи, нельзя судить о различіяхъ, существующихъ между геніемъ сѣвера (?) и славянскимъ геніемъ; эти различія проявляются даже въ самыхъ простыхъ твореніяхъ, гдѣ чувствуется подражаніе, и гдѣ поэтъ очевидно болѣе всего вдохновился чужими музами. Мы не желаемъ имѣть другихъ въ томъ доказательствъ, кромѣ романа Лермонтова. Даже на страницахъ, наиболѣе пропитанныхъ байронизмомъ, въ мѣстахъ, гдѣ иронія въ борьбѣ со страстью даетъ себѣ наибольшій просторъ, такъ и узнаешь возвышенный пламень славянскаго генія, его благородную запальчивость и мистическую горячность. Тутъ нѣтъ дерзкаго богохульства и неизлѣчимыхъ сомнѣній англійскаго поэта, здѣсь преувеличенный скаптицизмъ, дурно скрывающій тайную и наболѣвшую рану, въ лихорадочной веселости разсказщика бьетъ наружу болѣзненное страданіе, невольно тогда западаетъ сожалѣніе, что столько оригинальной силы пропадаетъ въ немощныхъ усиліяхъ. Проповѣдыванія противъ Провидѣнія, противъ общества, противъ добродѣтели, понемногу вводятъ въ усталость, не смотря на энергическій талантъ, въ нихъ проявляющійся. Желательно было бы видѣть писателя, подчиняющагося болѣе своей богатой природѣ,

и спрашиваешь себя: еслибъ онъ принялъ съ покорностію живительное вліяніе національнаго генія,—не заслужилъ ли бы онъ болѣе почетное мѣсто, чѣмъ дѣлаясь эхомъ британской меланхоліи.

Есть, въ этой рецензіи «Героя нашего времени», или скорѣе характеристикѣ Лермонтова, противорѣчія, немного излишнихъ французскихъ разглагольствованій, есть и незнаніе, но слѣдуетъ принять во вниманіе, что рецензентъ имѣлъ передъ собой, сильно изуродованный въ переводѣ, романъ—но у него все-таки проскакиваютъ нѣкоторыя вѣрныя мысли и чутье; онъ чувствовалъ, что онъ читалъ не то, что написалъ Лермонтовъ. Трудно было ожидать чего нибудь лучшаго, при маломъ знакомствѣ тогдашней французской интеллигенціи съ русскою литературою.

5) La Presse, 13 іюля 1846 г., стр. 3, помѣщенъ маленькій дифирамбъ г. Леузонъ ле-Дюку, по поводу изданнаго имъ такъ называемаго извлеченія изъ «Героя нашего времени»; здѣсь между прочимъ сказано: въ его романѣ (dans son roman, т. е. Леузона) о Кавказѣ онъ сообщилъ намъ въ оболочкѣ перевода (sous l'enveloppe d'une traduction) произведеніе, самое сильное по оригинальности изъ современной русской литературы. Имени Лермонтова въ замѣткѣ не упомянуто, и на основаніи вышеприведенной замѣтки почему бы и не приписать и сочиненіе самаго романа г. Леузону ле-Дюку? Что это за переводъ—объяснено выше въ III главѣ.

6) Revue des deux Mondes, 1847 г., т. XX, 1 октября, стр. 42—79. Pouchkine et le mouvement littéraire en Russie depuis quarante ans. Oeuvres choisies de Pouchkine par M. H. Dupont; статья: Charles de Saint-Julien. Пушкинъ и литературное движеніе въ Россіи за послѣднія сорокъ лѣтъ. Избранныя сочиненія Пушкина г. Г. Дюпонъ.

На долю Лермонтова, въ этой статьѣ, пришлось немного—съ небольшимъ одна страница (76 и 77). Сначала излагается содержаніе «Мцыри»: Mzir mot Georgien qui signifie confrèrie, т. е. Мцыри грузинское слово, означающее братство,—странное объясненіе слова мцыри, но еще страннѣе, что г. де Сенъ-Жульенъ, прожившій долго въ Петербургѣ, гдѣ былъ редакторомъ и сотрудникомъ французскихъ газетъ, тамъ издававшихся, который могъ бы кажется легко узнать все и вся, написалъ о Лермонтовѣ слѣдующее: Je ne sais quelle brutale satyre lui valut à Saint-Pétersbourg un duel avec un jeune Français, qui lui donna une leçon de savoir vivre, т. е. я не знаю какая грубая сатира довела его до дуэли въ С.-Петербургѣ съ молодымъ французомъ, который такимъ образомъ имѣлъ возможность дать ему урокъ умѣнья жить. Всѣмъ извѣстно рыцарское поведеніе Лермонтова на дуэли съ г. де Барантъ, а французъ Сенъ-Жульенъ, ничего не зная,

нашелъ лишнимъ справиться, и по обыкновенію навралъ. Вотъ характеристика Лермонтова, сообщаемая г. де Сенъ-Жульенъ: Лермонтовъ самый прямой послѣдователь Пушкина; жизнь его, нравы (les moeurs) и судьба имѣли много сходства съ жизнію, нравами и судьбою Пушкина [1]). Лермонтовъ повиновался лишь своимъ страстямъ и топталъ подъ ногами обязанности и приличія. Его сослали на Кавказъ, гдѣ его ожидала не славная смерть на полѣ брани, а смерть (furtive) тайная, какъ бы постыдная, на дуэли: онъ былъ сраженъ пулею, и странѣ, оплакивавшей еще своего поэта, погибшаго во цвѣтѣ лѣтъ, пришлось оплакивать и другого, едва разцвѣтавшаго поэта. У Лермонтова были пылкіе порывы, вдохновляемые свободой; всѣ его стихи, запрещаемые цензурой, тотчасъ списывались, распространялись и выучивались наизустъ. Пушкину пришлось образовывать духъ общества, создавать общественное мнѣніе,—Лермонтовъ нашелъ этотъ духъ и мнѣніе готовыми.

7) Le bibliophile Belge, t. VI, Bruxelles 1849. Статья: Bibliothèque Russe-Française ou la Russie et la France historiques et littéraire. Premier fragment: Lermontof (Michel), т. е. русско-французская библіотека или историческая и литературная Россія и Франція, стр. 20—26, подписана S. P., по указанію Г. Н. Геннади статья С. Д. Полтарацкаго; въ ней заключаются извѣстія о французскихъ переводахъ «Героя нашего времени», которыхъ въ то время насчитывалось четыре: 1) Столыпина; 2) Леузонъ де-Дюка; 3) Віардъ и наконецъ четвертый, не напечатанный, финляндца Meurer, о которомъ упоминаетъ Леузонъ Ле-Дюкъ въ предисловіи къ своей книгѣ: Une saison de bains au Caucase. Тутъ же указаны и нѣсколько отзывовъ о Лермонтовѣ во французской журналистикѣ.

8) Athenaeum Français 1853 г., іюня 25, стр. 593,—помѣщенъ разборъ книги: Choix de nouvelles russes, de Lermontoff, Pouchkine, Von Visin etc. par J. N Chopin, т. е. сборникъ русскихъ повѣстей Лермонтова, Пушкина, Фонъ Визина и проч. И. Н. Шопена; статья подписана N. Delaveau (Делаво) и очень не дурно написана. Сначала критика на нѣсколько напыщенное предисловіе переводчика, затѣмъ вкратцѣ передано содержаніе Бэлы и Княжны Мери, объ остальныхъ разсказахъ «Героя нашего времени» упоминается только вскользь. Рецензенту особенно понравился Максимъ Максимовичъ; потомъ идутъ нѣсколько общихъ мѣстъ о Лермонтовѣ, и въ заключеніе нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній по поводу неточностей перево-

---

[1]) А именно только потому, что оба пали на дуэли.

довъ, вредящихъ книгѣ и часто совершенно извращающихъ мысль автора.

9) Impressions de voyage, le Caucase, par A. Dumas,—путевыя впечатлѣнія А. Дюма на Кавказѣ; во второй части, главы: XXXIX: Une lettre (письмо) и XL: Citations (выписки) посвящены Лермонтову; въ первой письма графини Ростопчиной къ А. Дюма и краткій біографическій очеркъ жизни Лермонтова, написанный гр. Ростопчиной, (письма и очеркъ напечатаны въ переводѣ въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., сентябрь); во второй главѣ—переводы стихотвореній Лермонтова, (см. въ первой главѣ настоящаго обзора), съ разными примѣчаніями Дюма.

10) Impressions de voyage en Russie par A. Dumas,—путевыя впечатлѣнія А. Дюма въ Россіи; въ третьей части, въ главѣ LIX, стр. 211—214, Дюма излагаетъ свой взглядъ на русскаго поэта: Лермонтовъ, о которомъ я уже говорилъ, умъ такой же силы и того же направленія, какъ Альфредъ де Мюссе, съ которымъ онъ имѣетъ большое сходство, пишетъ ли стихами, пишетъ ли прозой. Онъ оставилъ два тома поэтическихъ произведеній, между которыми выдаются поэма, озаглавленная Демонъ, Терекъ (Дары Терека), споръ Казбека и Шать-Эльбруса (Chat-Elbrouz) и много другихъ пьесъ столь же замѣчательныхъ. Въ прозѣ, его сходство съ Альфредомъ де Мюссе еще разительнѣе, Печоринъ или Герой нашего времени братъ «Ребенкавска» (L'enfant du siècle, романъ А. де Мюссе), только по моему—первый лучше созданъ и болѣе крѣпкой конструкціи, и ему предназначено больше прожить.

Русскіе питаютъ къ Пушкину и Лермонтову, а въ особенности женщины къ Лермонтову, тотъ восторгъ, который существуетъ у народовъ, бѣдныхъ поэзіею, и который они питаютъ къ первымъ своимъ поэтамъ, подчинившимъ рѣчь ихъ ритму. Этотъ восторгъ тѣмъ легче у нихъ развивается, что русскій языкъ почти неизвѣстенъ всѣмъ тѣмъ, которые не родились между Архангельскомъ и Краковомъ, и между Ревелемъ до Дербента, вслѣдствіе чего онъ не можетъ быть раздѣляемъ другими народами. Самое вѣрное средство подладиться къ русскому, такъ какъ вообще русскіе превосходно говорятъ на нашемъ языкѣ, это просить ихъ сдѣлать переводъ одной или двухъ пьесъ Пушкина или Лермонтова.

Какую штуку выдумалъ Дюма: съ нимъ были любезны, для него переводили, а онъ вообразилъ себѣ, что этимъ онъ оказывалъ вниманіе своимъ русскимъ знакомымъ.

Во время нашихъ хорошихъ и милыхъ московскихъ вечеровъ, продолжаетъ Дюма, переводчики изобиловали. Мы уже говорили,

что женщины въ особенности излюбливаютъ Лермонтова, я видѣлъ такихъ, которыя знали всего его наизусть и даже стихи, запрещенные цензурой, которые не вошли въ изданiе его сочиненiй. Я сообщу доказательство этого въ описанiи моего плаванiя по Волгѣ. Много пьесъ Лермонтова удобны для положенiя на музыку, и всѣ таковыя лежатъ на фортепьянахъ русскихъ женщинъ, которыя никогда не заставляютъ себя просить, когда надобно пѣть Лермонтова.

Маленькая пьеса въ одну строфу, похожая на мелодiю Шуберта, озаглавленная Le sommet des montagnes (Горныя вершины), для всѣхъ молодыхъ русскихъ дѣвушекъ тоже, что Маргарита у прялки Гете для всѣхъ молодыхъ германскихъ дѣвушекъ. Эта маленькая пьеса замѣчательна по своему глубокому унынiю. Затѣмъ идетъ переводъ этого стихотворенiя и «Думы», причемъ о послѣднемъ стихотворенiи Дюма, по поводу своего перевода, заявляетъ: я далъ только идею, т. е. то, что фотографiя передаетъ изъ дѣйствительной жизни.

Въ четвертой части, на стр. 242, Дюма приводитъ примѣръ, подтверждающiй его заявленiе, что русскiя дамы знаютъ Лермонтова наизусть. Во время плаванiя по Волгѣ, между Рыбинскомъ и Нижнимъ, Дюма познакомился съ княгиней Анной Долгорукой. Я полагалъ, говоритъ Дюма, что такъ какъ плаванiе не представляло намъ ни хорошихъ видовъ, ни напоминало объ историческомъ эпизодѣ, то пришло время воспользоваться нацiональнымъ самолюбiемъ, и обратиться къ переводамъ Лермонтова. Я не зналъ однако куда я дѣвалъ томъ со стихами, но однимъ только словомъ княгиня Долгорукова вывела меня изъ затрудненiя.

— «Вы ищете Лермонтова?» сказала она мнѣ.

— Да, отвѣчалъ я, но кажется я его затерялъ.

— «Не безпокойтесь, отвѣчала она, я знаю Лермонтова наизусть, скажите мнѣ, которую вы желаете пьесу и я вамъ ее переведу».

И такимъ образомъ былъ сдѣланъ переводъ: «Дары Терека», который тутъ же и приводится.

11) Revue des deux mondes 1854 г., т. VI, 1-го апрѣля, статья: La poésie slave au XIX siècle, son caractère et ses sources, par Cyprien Robert, т. е. славянская поэзiя въ XIX вѣкѣ, ея характеръ и ея источники. Г. Сипрiенъ Роберъ занялъ послѣ Мицкевича (1845—1848 гг.) въ Парижѣ каѳедру славянскаго языка и литературы. По поводу этой статьи мы подробно говорили въ нашемъ очеркѣ: Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей («Древн. и Нов. Россiя» 1880 г., декабрь), а вотъ что̀ г. Робертъ, бывшiй профессоръ славянской литературы, пишетъ о Лермонтовѣ (стр. 162—165): для наслѣдниковъ этого московскаго Гете (ce Goethe moscovite, т. е. Пушкинъ),

сцена измѣняется. Лермонтовъ также послѣдователь Байрона (un byronien), онъ поклонникъ сатаны и его тріумфовъ; онъ прославляетъ героевъ своего времени и обожаетъ оды съ такою страстностію, какъ ни одинъ изъ нынѣшнихъ романистовъ; но чувствуется, что въ немъ сатаническія увлеченія умираютъ. Онъ, невѣдомо самому себѣ, укрощается таинственною силою — тайну, которой онъ самъ не постигъ. Не смотря на его горделивое презрѣніе къ первобытной поэзіи, онъ поневолѣ ею восторгается, и тономъ, на половину насмѣшливымъ (goguenard), на половину безбожнымъ (impie), онъ старается ею вдохновиться, какъ это видно изъ его длинной пѣсни (piésna) о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, его молодомъ тѣлохранителѣ и дерзновенномъ гостѣ (gost) Калашниковѣ. Мы переводимъ слово въ слово переводъ заглавія г. Робера; далѣе идетъ переводъ въ прозѣ начала этой пѣсни до стиха: «На Москвѣ рѣкѣ сынъ купеческій». Переводъ профессора славянской литературы не безъ промаховъ; для примѣра мы приводимъ только нѣсколько стиховъ изъ пѣсни, выбирая выдающееся: про тебя нашу пѣсню сложили мы, переведено: je dédie cette chanson, т. е. я посвящаю эту пѣсню; мы ее сложили на старинный ладъ—nous l'avons composée sur un mode étrange, т. е. мы ее сочинили на странный ладъ; бояринъ Матвѣй Ромодановскій— Le boiar Matthieu; вотъ объ землю царь стукнулъ палкою, переведено: Puis frappant violemment de son baton sur la table, т. е. потомъ ударивъ сильно палкою по столу, и т. д. и т. д. много въ этомъ родѣ, причемъ переводъ сдѣланъ прозой и у профессора долженъ бы быть подстрочнымъ. Все это, продолжаетъ г. Роберъ, отзываясь о пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, совершенно русская народная поэзія; но послѣ четырехъ страницъ, она уже Лермонтову въ тягость и хотя онъ еще старается вызвать звуки изъ gouslé [1]), но онъ изъ нея извлекаетъ лишь звуки фальшивые,—и послѣ этого заявленія переданъ краткій и вѣрный пересказъ пѣсни, по окончаніи котораго профессоръ восклицаетъ: вотъ грубая сила, самая вопіющая, обезглавливаетъ, во имя самой правды, благороднаго защитника чистоты нравовъ, мученика семейныхъ обязанностей, и у поэта нѣтъ даже и вздоха по случаю смерти этой жертвы, и онъ, кончая свою пѣсню, восклицаетъ: гей вы, ребята удалые, и т. д. Чтобы написать это бьющее на эфектъ заклю-

[1]) Г. Роберъ на первой страницѣ своей статьи самъ объясняетъ, что̀ онъ подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ: извѣстно, что подъ этимъ названіемъ понимается поэзія не писанная, а та, которую славянскіе рапсоды, играющіе на гусляхъ (gouslé ou gouzla), сохраняютъ въ памяти. (Смотри о gouslo въ Revue des deux mondes 15-го іюня 1854 г.).

ченіе о пѣснѣ, г. Роберъ не перевелъ, и совсѣмъ не упоминаетъ о послѣдней задушевной строфѣ пѣсни: Схоронили его за Москвой-рѣкой и т. д., въ которой поэтъ такъ сочувственно отзывается о могилѣ казненнаго купца Калашникова — и этотъ пропускъ, конечно, сдѣланъ только для того, чтобы написать эфектную, но ложную фразу. Эта поэма, насколько намъ извѣстно, продолжаетъ г. Роберъ, единственная, въ которой Лермонтовъ показываетъ явную склонность вдохновенія gouslo; но Лермонтовъ очевидно трунитъ надъ этою первобытной поэзіей. Для этого космополита (по мнѣнію г. Роберъ и Пушкинъ—космополитъ), опьянѣвшаго отъ своихъ успѣховъ (expériences), пресыщеннаго всѣмъ, такъ какъ онъ всѣмъ злоупотреблялъ, возвратиться къ сельской дѣтской простотѣ пѣснопѣній gouslo было бы слишкомъ унизительно. Онъ предпочелъ надъ нимъ надсмѣхаться (т. е. надъ gouslo): это было легче.

Этимъ оканчиваетъ свой нелестный отзывъ о Лермонтовѣ профессоръ Сипріенъ Роберъ, и положительно не знаемъ чему болѣе удивляться: его невѣжеству или тому, что въ такомъ почтенномъ журналѣ, какъ «Revue des deux mondes», подобныя бредни, съ подтасовкой, могли найти себѣ мѣсто. Г. Роберъ помѣшанъ на gouslé, или gouslo, или gouzla, заимствованныхъ имъ, вѣроятно, у псевдославянина г. Проспера Мериме, автора знаменитой, талантливо написанной, книги La guzla, вышедшей въ 1837 году, и надѣлавшей столько шума въ ученомъ мірѣ, такъ что даже Пушкинъ повѣрилъ ея подлинности и перевелъ или позаимствовалъ изъ нея сюжеты для своихъ пѣсенъ западныхъ славянъ.

12) «Revue des deux mondes» 1855, 1 Février, стр. 502—534, статья Сенъ-Рене Таллъяндье (Saint-René Taillandier): Poètes et romanciers de la Russie. Le poète du Caucase, Michel Lermontoff; поэты и романисты Россіи. Поэтъ Кавказа, Михаилъ Лермонтовъ. Статья эта вошла въ сборникъ, изданный г. Сенъ-Рене Таллъяндье, подъ заглавіемъ: Allemagne et Russie, études historiques et littéraires, par M. Saint-René Taillandier, professeur de littérature française à la faculté des lettres de Montpellier, Paris, 1856, Michel Lévy frères, въ 8 д. л., стр. XIII и 391. Германія и Россія, историческіе и литературные очерки, Сенъ-Рене Таллъяндье, профессора французской литературы словеснаго факультета въ Монпелье, на стр. 269—324. Въ числѣ пяти очерковъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, два относятся до Россіи; первый: Кавказская война: князь Воронцовъ и пророкъ Шамиль; вторая: Le poète du Caucase. La vie et les écrits de Michel Lermontoff, т. е. поэтъ Кавказа. Жизнь и сочиненія Михаила Лермонтова.

Ниже заглавія, въ «Revue des deux mondes» (въ сборникѣ нѣтъ), поставлено два заглавія нѣмецкихъ переводовъ сочиненій Лермонтова: 1) Michail Lermontoff's poetischer Nachlas, и т. д. von Fr. v. Bodenstedt и 2) Der Held unserer Zeit и т. д. von A. Boltz, такъ что на видъ кажется, что г. Таллья̀ндье пишетъ разборъ этихъ переводовъ, но на дѣлѣ это не такъ: онъ пользовался этими переводами, такъ какъ русскаго языка не знаетъ, но статья его самостоятельная оцѣнка Лермонтова, выведенная изъ его произведеній. Въ то время, когда г. Талльяндье писалъ свою статью, запасъ біографическихъ свѣдѣній о Лермонтовѣ былъ очень скуденъ, даже въ Россіи не существовало какой-либо біографіи поэта, такъ что въ очеркѣ г. Талльяндье біографія Лермонтова очерчена очень блѣдно, и вѣроятно, факты преимущественно заимствованы изъ книги Боденштедта. Впрочемъ самъ г. Талльяндье, на стр. 274 [1]), говоритъ поэтому: «Лермонтовъ не имѣлъ еще біографа, и только его произведенія могутъ намъ хоть мелькомъ указать на то, чѣмъ онъ былъ до своего пылкаго взрыва, послѣдствіемъ котораго была его ссылка на Кавказъ». И въ самомъ дѣлѣ, г. Талльяндье приводитъ цѣлый рядъ стихотвореній и поэмъ, передаваемыхъ то въ полномъ переводѣ, то въ краткомъ пересказѣ, и постепеннно обрисовываетъ поэта. Тепло и сочувственно относится г. Талльяндье къ Лермонтову, и отдаетъ полную дань справедливости его выходящему изъ ряда вонъ таланту, художественности его стиха и картинности его описаній.

Статья состоитъ изъ трехъ главъ и краткаго къ нимъ предисловія,—въ которомъ рѣчь идетъ болѣе о Пушкинѣ и собственно о его смерти и о впечатлѣніи, произведенномъ на Лермонтова этою смертью. Въ первой главѣ, авторъ разбираетъ нѣкоторыя изъ Кавказскихъ произведеній поэта, причемъ проводится мысль о необыкновенной симпатіи Лермонтова къ врагамъ Россіи, т. е. къ горскимъ племенамъ, населяющимъ враждебный намъ Кавказъ. Вторая глава посвящена другимъ стихотвореніямъ Лермонтова о Наполеонѣ, а преимущественно пѣснѣ про царя Ивана Васильевича и т. д. Въ третьей главѣ разсматривается «Герой нашего времени».

Мелодраматически и нѣсколько бьюще на эфектъ начинается предисловіе: Par une sombre matinée du mois de Janvier 1837, т. е. въ одно мрачное утро января мѣсяца 1837 г., и засимъ описывается смертъ Пушкина, причины, вызвавшія его дуэль съ Дантесомъ, нѣ-

[1]) Указаніе страницъ относится до перепечатки статьи въ книгѣ Allemagne et Russie — такъ какъ въ ней статья исправлена и редактирована окончательно. В. Ш.

сколько свѣдѣній о происхожденіи Пушкина, причемъ объясняется вся важность и тягость утраты, понесенной Россіей. «Въ тотъ самый часъ, восклицаетъ г. Таллъяндье (стр. 272), когда тѣло Пушкина, провожаемое по-царски цѣлымъ народомъ въ слезахъ, было опущено въ могилу — вдругъ возвысился одинъ голосъ, чтобы во очію передать уличный ропотъ. Слушайте, что это за звуки! что за вопли! Никогда корсиканская баллата (ballate) не издавала подобныхъ воплей надъ гробомъ друга. Это двадцати шести-лѣтній поэтъ принялъ на себя обязанности voceratrice [1])», и засимъ приводится г. Талльяндье фантастически написанное стихотвореніе: На смерть Пушкина, заимствованное имъ у Боденштедта, который вѣроятно перевелъ это стихотвореніе съ совершенно невѣрнаго списка, гдѣ главную роль играютъ, помѣщавшіеся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ эпиграфомъ, стихи:

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ и т. д.

Конецъ предисловія—біографическія свѣдѣнія о Лермонтовѣ.

Первая глава начинается съ перевода первыхъ строфъ поэмы Измаилъ-Бей: Привѣтствую тебя, Кавказъ суровый! и т. д.

«Такъ привѣтствуетъ, говоритъ г. авторъ, молодой офицеръ тѣ горы, куда онъ сосланъ; онъ тотчасъ почувствовалъ, что онѣ будутъ отечествомъ для его творчества; поступивъ въ кавказскіе батальоны, онъ сдѣлался свободенъ, въ силу верховной власти поэзіи. Какъ въ экспедиціяхъ, такъ и во время лагернаго отдыха, одна только мысль овладѣваетъ имъ всецѣло,—мысль о чудесахъ этой дикой природы, а можетъ быть и та, еще болѣе возбуждающая,—о человѣческой энергіи. Онъ остается какъ бы равнодушнымъ къ тому дѣлу, которое онъ защищаетъ, какъ солдатъ; но онъ любитъ эти горскія племена: кабардинцовъ и черкесовъ, и онъ съ сочувствіемъ описываетъ ихъ гордое сопротивленіе, рядомъ рисуя и тигра, и царственнаго льва, блуждающихъ по горнымъ скатамъ. Послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія на Кавказѣ, Лермонтовъ издалъ въ Петербургѣ томъ стихотвореній—и родина Пушкина считала однимъ поэтомъ больше».

Въ этомъ разсказѣ о пріѣздѣ Лермонтова на Кавказъ не все вѣрно, такъ напр. поэма Измаилъ-Бей написана гораздо раньше, именно въ 1832 году, и попадаются часто ошибки въ этомъ родѣ, но г. Тальяндье особенно винить въ этомъ нельзя: у него не было и не могло быть

---

[1]) Ballate и voceratrice корсиканскіе жалобщики, обязанность которыхъ, на другой день вендетты, взывать надъ гробомъ умершаго. Они болѣе заботятся о возбужденіи къ мщенію, чѣмъ о прославленіи жертвы.

В. Ш.

хронологическихъ данныхъ о постепенномъ выходѣ стихотвореній Лермонтова, а между тѣмъ онъ старался возсоздать Лермонтова по его произведеніямъ. Очень трудно передать въ тѣсно сжатой формѣ очеркъ г. Тальяндье, котораго по настоящему слѣдовало перевести цѣликомъ, какъ весьма любопытный опытъ изученія нашего поэта, составленный, такъ сказать, по чутью, безъ положительныхъ данныхъ и основаніемъ котораго послужили переводы стихотвореній, хотя и талантливо переданныхъ, но не вполнѣ точно и вѣрно, какъ напр. переводъ фантастическій стихотворенія: На смерть Пушкина. Вотъ впечатлѣніе, произведенное на г. Тальяндье переводомъ ф. Боденштедта: «когда я читаю стихи нѣмецкаго писателя, мнѣ все кажется, что я не имѣю дѣла съ переводчикомъ—поэтъ со мною говоритъ, и я чувствую присутствіе Лермонтова».

Упомянувъ о постепенномъ появленіи изданій сочиненій Лермонтова въ 1840, 1842 и 1844 годахъ и о впечатлѣніи, производимомъ ими въ Россіи, при большомъ ознакомленіи съ твореніями Лермонтова, г. Тальяндье передаетъ содержаніе нѣсколькихъ Кавказскихъ пьесъ: Дары Терека,—только одно содержаніе,—казацкая колыбельная пѣснь, переводомъ въ прозѣ, потомъ въ краткомъ пересказѣ: Мцыри, Валерикъ, Хаджи-Абрекъ, Измаилъ-Бей и наконецъ Демонъ.

Въ началѣ второй главы авторъ очерка задается вопросомъ: «какое впечатлѣніе производило на поэта европейское общество, созерцаемое имъ изъ отдаленнаго убѣжища. Возбужденный чуднымъ зрѣлищемъ дикой природы, пылкій поэтъ Кавказа долженъ былъ наблюдать, какъ кажется, съ особой точки зрѣнія, современную ему исторію и цивилизацію; но онъ повидимому мало занимался Европой, въ которой онъ видѣлъ лишь мелкія страсти, и схожій въ этомъ отношеніи съ тѣми народами, которые онъ такъ ярко описываетъ, одинъ только образъ манитъ его къ себѣ,—это образъ Наполеона. Лермонтовъ поетъ не о Наполеонѣ-побѣдителѣ, а скорѣе о Наполеонѣ-побѣжденномъ: онъ какъ бы съ любовью представляетъ въ немъ одиночество величія, горечь всемогущества и наконецъ безсиліе геніальности и славы»; затѣмъ переданы два стихотворенія Лермонтова о Наполеонѣ: первое, «Воздушный корабль», въ переводѣ стихами г. Дешанъ, а второе—«Послѣднее Новоселье»—въ краткомъ извлеченіи; по поводу второго г. Тальяндье говоритъ: «Лермонтовъ бросилъ на Францію ужасныя обвиненія, и эти обвиненія мы рѣшаемся повторить, для того чтобы мы могли вникнуть въ воззрѣнія, возбуждаемыя въ иностранцахъ нашею исторіею». Передавъ эти обвиненія, г. Тальяндье восклицаетъ: странное сочетаніе здравыхъ мыслей и безумныхъ нарѣканій и въ особенности странное преду-

бѣжденіе автора! Отрицая исторію и нападая на Францію за то, что она не защитила императора до послѣдней крайности, онъ въ то же время выражаетъ глубокое сожалѣніе о томъ, который явился во всеоружіи представителемъ революціи и который одинъ могъ возобновить Европу.

Переходя затѣмъ къ вопросу—любилъ ли Лермонтовъ Россію, авторъ говоритъ, что поэтъ самъ на это отвѣтилъ, и передаетъ въ прозѣ переводъ стихотворенія «Родина» и заключаетъ: «такъ вотъ Россія Лермонтова, степи, уединеніе, гармонія вольной природы и мужики, пляшущіе и пьющіе, чтобы добыть себѣ хоть одинъ часъ забвенія».

«Въ послѣдніе годы своей жизни Лермонтовъ сталъ заниматься Россіею, также какъ до того посвящалъ себя преимущественно грузинамъ и черкесамъ, и вѣроятно, что на этомъ новомъ поприщѣ онъ попалъ бы на новый путь вдохновенья, и тогда его демократическій инстинктъ выставилъ бы въ яркомъ свѣтѣ всѣ основанія первобытной правды, сохранившіяся въ низшихъ классахъ общества. Этому періоду новыхъ изученій принадлежитъ крайне любопытная поэма: о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, признаваемая русскими критиками, какъ одно изъ самыхъ вѣрныхъ воспроизведеній жизни и характера московскаго времени»; тутъ же выписанъ отзывъ г. Шевырева, и переводъ прозой, точный и вѣрный, пѣсни про царя Ивана Васильевича и т. д.

«Произведенія искуства, заключаетъ эту главу г. Тальяндье, должны сами себя разъяснять. Всѣ согласны съ тѣмъ, что поэма объ удаломъ купцѣ Калашниковѣ съ силою охватываетъ воображеніе и показываетъ въ молодомъ поэтѣ неоспоримый успѣхъ? Слишкомъ часто чувствовалось, въ его лучшихъ произведеніяхъ о Кавказѣ, озлобленіе ссыльнаго и горячаго мизантропа; ничего подобнаго нѣтъ въ этой картинѣ XVI столѣтія; живописецъ увѣренъ въ самомъ себѣ и онъ воспроизводитъ свою картину съ невозмутимымъ безпристрастіемъ. Симпатіи поэта, а равно и читателя, сосредоточиваются само собою на московскомъ купцѣ, который такъ мужественно понялъ и исполнилъ свой долгъ; но молодой тѣлохранитель царя слишкомъ наивно подчиняется своей страсти, чтобы сдѣлаться лицемъ ненавистнымъ. Въ этой пѣснѣ нѣтъ мѣста декламаціи, напыщенности, и не введено, что конечно увлекло бы рядовое перо, сопоставленіе: купца съ солдатомъ, плебея съ вельможей; нѣтъ, это два человѣка, изъ которыхъ одинъ ослѣпленъ страстью, а другой защищаетъ свое право, и вотъ они лицомъ къ лицу, другъ противъ друга, со всѣми чувствами, ими овладѣвшими. Судъ надъ купцемъ возмутителенъ безъ сомнѣнія, но съ какимъ спокойствіемъ и съ какою безропотностію, безо всякихъ

противурѣчій, судъ этотъ принимается человѣкомъ, который только отомстилъ за свою честь! Эта черта нравовъ есть полная картина эпохи! Нѣсколько картинъ въ этомъ родѣ дало бы намъ возможность проникнуть въ тайники русскихъ лѣтописей, и поэтъ объяснилъ бы намъ гораздо яснѣе, чѣмъ всѣ офиціальные историки, царствованія этихъ грозныхъ владыкъ, которые въ XV и XVI вѣкахъ такъ умѣли глубоко запечатлѣть въ сердцахъ суевѣрное къ себѣ уваженіе. Лермонтовъ могъ бы все это сдѣлать и это была бы литература чисто русская, безъ подражанія западу, безъ примѣси Байрона или Гете, и тогда бы авторъ Хаджи-Абрека возстановилъ бы изъ лѣтописей своего отечества то героическое варварство, которое онъ видѣлъ и наблюдалъ съ натуры у кавказскихъ горцевъ».

Въ третьей главѣ разсматривается «Герой нашего времени», и въ особенности разбирается характеръ Печорина, который г. Тальяндье сопоставляетъ съ современнымъ выходу романа состояніемъ умовъ въ Россіи, причемъ рядомъ очерчиваетъ и личность поэта. Въ концѣ главы помѣщены выписки изъ Боденштедта о послѣдней дуэли Лермонтова и сравненіе его съ Пушкинымъ, сдѣланное нѣмецкимъ переводчикомъ. Чтобы дополнить образъ поэта, созданный французскимъ публицистомъ, мы продолжимъ извлеченія, касающіяся до этого предмета: «если мнѣ удалось передать вѣрный взглядъ на сочиненія Лермонтова, то легко понять чего русская литература была въ правѣ ожидать отъ столь богато и могущественно надѣленнаго таланта. Поэту «Измаилъ-Бея» и «Демона» предстояло еще много работы для усовершенствованія, потому что его мощныя мечты, на которыя я прежде указывалъ, еще въ значительной степени не освободились отъ дурного вліянія его времени и его родины. Въ русскомъ обществѣ существуютъ два совершенно разнородные характера: одинъ прямой, честный, чистосердечный, въ которомъ много татарскаго, казачьяго, крестьянскаго и даже боярскаго, словомъ тотъ, который съ гордостію охраняетъ старое московское имя; другой—лицемѣрный и высокомѣрный, какое-то варварство, покрытое лоскомъ щеголеватости, заимствовавшее у цивилизаціи утонченности жизненныхъ наслажденій и лукавства. Лермонтовъ, по врожденному чувству, ненавидѣлъ это цивилизованное варварство, онъ самъ это довольно ясно объясняетъ,—вотъ именно это онъ проклиналъ въ своемъ отечествѣ; и чтобы оторваться отъ этого для него ненавистнаго зрѣлища, онъ переносился мысленно въ среду кавказскихъ народовъ или москвичей XVI столѣтія; этому варварству онъ гордо противопоставлялъ варварство героическое. Для него это было обращеніемъ къ первобытной природѣ, и онъ вѣроятно расчитывалъ, что, возвратившись къ этой точкѣ отправленія, умы,

развиваясь, выйдутъ на лучшій путь. Такова была, если я такъ могу выразиться, соціальная философія Лермонтова, а между тѣмъ это цивилизованное варварство, которое онъ признавалъ стыдомъ и бичемъ своего отечества, наложило на него руку и онъ не умѣлъ освободиться отъ его ярма. Я подвожу подъ эту черту пылкія и бѣшеныя страсти, столь обычныя въ русскомъ обществѣ; смѣсь жестокости нравовъ и аристократическаго высокомѣрія, слитіе во-едино воспитаннаго человѣка съ татариномъ. Горячка игры, преслѣдованіе свѣтскихъ успѣховъ, озлобленное самолюбіе, готовое сдѣлаться хищнымъ, неукротимыя соперничества,—и все это при сильномъ упорствѣ, о которомъ госпожа де-Сталь говорила, что для достиженія цѣли, русское желаніе готово взорвать городъ на воздухъ,—вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ страстей, въ которыхъ ярко изображается то варварство, о которомъ я говорю. У Пушкина были эти страсти, въ той заманчивой и фантастической формѣ, которыя онѣ такъ легко принимаютъ въ Россіи—и эти-то самыя страсти были причиной его страданій и его смерти. Точно также и Лермонтовъ сдѣлался жертвою ихъ».

«Я нахожу въ стихахъ, лежащихъ передо мною, много слѣдовъ подобнаго расположенія, возбуждавшаго въ благородномъ поэтѣ такое негодованіе, и въ особенности встрѣчаю ихъ въ романѣ, олицетворяющемъ будто бы исповѣдь Лермонтова и озаглавленнаго: «Герой нашего времени». Съ простой точки зрѣнія, литературной, книга заключаетъ въ себѣ много прекраснаго; но если мы станемъ добираться до нравственной мысли романиста, то съ трудомъ можно дать себѣ отчетъ въ тѣхъ чувствахъ, которыя руководили его перомъ. Изображена ли тутъ снисходительная картина людской гордости? или же, напротивъ, это актъ обвиненія, или вопль раскаянія? Очень можетъ статься, что здѣсь одновременно выражены всѣ эти чувства. Мы иногда представляемъ себѣ Печорина, какъ одно изъ столь излюбленныхъ нѣкоторыми изъ аристократическихъ русскихъ писателей дѣйствующихъ лицъ Байрона, вліяніе которыхъ, какъ я уже говорилъ, проявляется лишь кое-гдѣ въ стихотвореніяхъ Лермонтова; однако остерегитесь: тутъ нѣтъ высокомѣрной меланхоліи англійскаго поэта, а чувства чисто русскія волнуютъ эту таинственную душу, и тутъ я узнаю человѣка, который признаетъ въ себѣ могучія способности, и который въ то же время сознаетъ, что онъ присужденъ къ бездѣйствію.

«Типъ Героя нашего времени содержитъ въ себѣ черты, то исповѣди, то раскаянія, или же горькую жалобу и даже болѣзненное оправданіе,—все это скорѣе, чѣмъ апологію эгоизма. Во всякомъ случаѣ, выражается ли исповѣдь или жалоба, если тутъ приведено изображеніе состоянія души Лермонтова, то ему это менѣе извинительно,

чѣмъ многимъ другимъ; онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ передъ собой открытое поприще для своей дѣятельности; въ его рукахъ былъ удѣлъ искусствъ, царство поэзіи, въ которомъ свобода духа, какъ бы она ни была ограничена, можетъ развернуться и принести полезные плоды; ему предстояло пріобрѣсти нравственное вліяніе, которое отчасти уже и существовало, чтобы продолжать съ пользою выпавшую на его долю обязанность, для чего ему необходимо слѣдовало отстранить отъ себя всѣ мрачныя печали и заносчивыя притязанія привиллегированнаго сословія. Этотъ герой нашего времени, которому ни одна женщина не сопротивлялась, которому нѣтъ недостатка въ оказываемой ему дружбѣ, который съ мраморно-холоднымъ сердцемъ движется посреди преданности, имъ къ себѣ возбужденной, этотъ высокій умъ, который утѣшается и мститъ эгоизмомъ за то безсиліе, въ которое его поставила родина, это не пѣвецъ простой природы и воинственныхъ племенъ, словомъ это не поэтъ Кавказа. Мы не ограничиваемся однимъ требованіемъ отъ Лермонтова вліянія на литературу, нѣтъ, поэтъ Кавказа могъ себѣ доставить и настоящее нравственное вліяніе, еслибъ онъ только имѣлъ время довести до полной зрѣлости свое творчество. Когда вспомнимъ, что онъ погибъ на дуэли, не достигши и тридцати лѣтъ, невозможно глубоко не оплакивать этой преждевременной утраты. Зачѣмъ ему не было дано совершить все то, что онъ желалъ! Но во всякомъ случаѣ онъ былъ предшественникомъ, и онъ преподалъ примѣры, которые не пропадутъ даромъ».

13) L'année littéraire et dramatique, par G. Vapereau, première année, 1858, Paris 1859, Hachette, въ 8 д. л., стр. 491, т. е. Литературный и драматическій годъ, Г. Вапро, первый годъ 1858 и т. д., на стр. 38—45, разборъ перевода поэмы «Демонъ», г. Пеланъ изъ Анжера (см. II главу).

14) Etudes de littérature étrangère, par Adalbert Frout de Fontpertius, chef de division à la prefecture de la Haute Loire. Au Puys, 1859, chez Jacquet-Chauve, стр. 29 и 117; очерки иностранной литературы и т. д.;—это очень плохой разборъ переводовъ г. Луи Віардо, съ русскаго на французскій языкъ, Пушкина и Гоголя. Вспоминается и Лермонтовъ: описывая смерть Пушкина, приведенъ также изъ статьи г. Сенъ-Рене Тальяндье (изъ книги: Allemagne et Russie) разсказъ о стихотвореніи Лермонтова: На смерть Пушкина; въ концѣ книги перепечатано стихотвореніе «Воздушный корабль», изъ той же статьи, причемъ г. Фроутъ приписываетъ этотъ переводъ г. Тальяндье, между тѣмъ какъ послѣдній самъ заявляетъ, что переводъ сдѣланъ г. Эмилемъ Дешанъ, и благодаритъ его за сообщеніе. Но вотъ остроумныя замѣчанія г. Фроутъ по поводу этого сти-

хотворенія, причемъ не слѣдуетъ упустить изъ вида, что рѣчь идетъ о французскомъ переводѣ: стихъ: Pur un écueil battu par la vague plaintive, напоминаетъ начало одной méditation (размышленіе) Ламартина; стихъ: De peur qu'il ne se lève un jour de son cercueil, напоминаетъ стихъ изъ поэмы «Наполеонъ», Э. Кине, и т. д. Г. Фроутъ находитъ стихи, напоминающіе таковые же изъ Беранже, Манцони и Байрона, причемъ всего забавнѣе, что перваго, приведеннаго выше, стиха совсѣмъ нѣтъ въ переводѣ г. Дешанъ. Г. Фроутъ должно быть не понялъ, что если на кого-нибудь падаетъ упрекъ въ подражаніи, то никакъ не на Лермонтова, а на переводчика.

15) Revue Britannique 1861 г. Septembre № 9. Littérature russe. Michel Lermontoff, изъ Nahinal review, стр. 33—52, подписана X. M. т. е. Xaviér Marmier. Русская литература, Михаилъ Лермонтовъ. Статья эта перепечатана въ сборникѣ, изданномъ г. Мармье, подъ заглавіемъ: Voyages et littérature, par X. Marmier. Путешествіе и литература, стр. 364—392; статья пропущена въ оглавленіи книги.

Въ началѣ краткій обзоръ древней русской литературы, служащій какъ бы предисловіемъ; тутъ и о лѣтописи Нестора, о и старинныхъ пѣсняхъ и проч.; нѣкоторые переведены прозой, какъ напр.: Ужъ какъ палъ туманъ на сине море; Не шуми мати дубравушка и проч. Упомянувъ затѣмъ о реформахъ Петра I, и вскользъ о Пушкинѣ, авторъ переходитъ прямо къ Лермонтову, сообщаетъ о немъ нѣсколько краткихъ біографическихъ свѣдѣній, потомъ переводитъ стихами три стихотворенія, (см. гл. I, стихотворенія).

Лермонтовъ былъ большимъ поклонникомъ генія Пушкина, но никогда ему не подражалъ. Онъ не примирился, подобно Пушкину, съ обществомъ, посреди котораго онъ былъ вынужденъ жить. До самой своей смерти, онъ остался съ нимъ въ борьбѣ. Далѣе г. Мармье приводитъ: сравненіе между Пушкинымъ и Лермонтовымъ, А. И. Герцена, и изъ воспоминаній Ф. Боденштедта, его впечатлѣнія при первой его встрѣчѣ съ несчастнымъ поэтомъ, какъ называетъ его г. Мармье. Біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о Лермонтовѣ, далеко не безошибочны, такъ напр. онъ говоритъ: въ 1825 г. литературная дѣятельность Пушкина была на высшей точкѣ своего развитія,—Лермонтовъ же только что начиналъ свою карьеру. Тяжелыя столкновенія въ жизни, положенная, не по его волѣ, узда на его геній и на его пылкую любовь къ истинѣ, раздражили и возбудили его характеръ; это несчастное расположеніе духа вызвало нѣсколько ссоръ и вовлекло его въ нѣсколько дуэлей; за одну онъ былъ присужденъ къ заключенію въ крѣпость, а на другой онъ погибъ, тридцати-восьми лѣтъ (??); вѣроятно г. Мармье справился о годахъ Лермонтова у А. Дюма (Путевыя впечатлѣнія по Россіи) или можетъ быть

ему нужно было дать Лермонтову тридцать восемь лѣтъ, чтобы подтвердить сказанное имъ о томъ, что Лермонтовъ началъ свою поэтическую карьеру въ 1825 году.

Далѣе г. Мармье передаетъ въ пересказѣ, и довольно подробно, содержаніе поэмъ Мцыри и Демонъ; объ Измаилъ-Беѣ нѣсколько словъ и въ концѣ статьи о Героѣ нашего времени, и при этомъ сравненіе характеровъ Печорина и Евгенія Онѣгина. Въ пересказѣ Мцыри г. Мармье дѣлаетъ непростительную ошибку для человѣка, знающаго нѣсколько русскій языкъ: Un général passe par Tiflis, emmenant avec lui un enfant circassien. Ce jeune captif, nommé Mtziri, и т. д., т. е. генералъ проѣзжалъ черезъ Тифлисъ, имѣя съ собой черкесскаго ребенка. Этотъ юный плѣнникъ, по имени Мцыри...

Выписки изъ Боденштедта, параллель Герцена и пересказы поэмъ и проч. пронизаны собственными замѣчаніями автора статьи съ цѣлію полнѣйшаго разъясненія личности Лермонтова и характера его музы; сообщать всѣ эти соображенія о Лермонтовѣ было бы очень длинно, а потому ограничимся двумя или тремя выписками, составивъ изъ нихъ нѣчто цѣлое: «Лермонтовъ по преимуществу поэтъ субъективный. Его творенія—отраженія его собственной души, его радостей и его печалей, его надеждъ и его обманутыхъ ожиданій. Его герои представляютъ часть самаго себя, а поэмы включаютъ въ себѣ его автобіографію. При всемъ томъ, въ немъ не было недостатка въ качествахъ, требующихся для поэта объективнаго. Напротивъ, нѣкоторыя изъ его произведеній, какъ напримѣръ: Сонъ (Songe вмѣсто Chant—пѣсня) царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова, доказываютъ положительно, что онъ былъ въ состояніи создавать образы, не касающіеся нисколько его собственной личности; но онъ былъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ способность творчества рѣдко освобождается отъ вліянія собственныхъ впечатлѣній и своихъ личныхъ воззрѣній. Подобные люди чаще всего являются въ эпохи распаденія старинныхъ обществъ, во времена переходныя, полныя скептицизма и нравственнаго растлѣнія. Духъ чистоты, человѣчности въ это время сосредоточивается въ нихъ, и они дѣлаются ихъ истолкователями; съ одной стороны, они поражаютъ и осуждаютъ безуміе и пороки общества, ихъ окружающаго, признаніемъ въ собственныхъ увлеченіяхъ, а съ другой они выставляютъ этому развращенному свѣту всѣ прелести и идеальное совершенство человѣческой природы, тайна которой постоянно сохраняется у геніальныхъ людей. Они обыкновенно соединяютъ лирическій элементъ съ эпическимъ, дѣло съ мыслію, изображеніе чего нибудь съ сатирой. Байронъ самый замѣчательный изъ разряда такихъ поэтовъ, и какъ онъ, такъ и Пушкинъ имѣли сильное вліяніе на

Лермонтова; Пушкинъ показалъ ему искуство русскаго стихосложенія; Байронъ передалъ ему свой гордый тонъ презрѣнія. Въ его сочиненіяхъ, также какъ и въ твореніяхъ Пушкина, замѣтенъ реализмъ, отличительная черта характера русской литературы. При сильной впечатлительности, при способности наблюденія и при легкости присвоиванія чужихъ мыслей, русскіе въ особенности способны къ развитію того литературнаго реализма, который, какъ кажется, дѣлается основнымъ началомъ современнаго искусства. Лермонтовъ, въ какую бы сторону ни направлялъ свои мысли, всегда остается на реальной почвѣ, и вотъ откуда происходитъ эта вѣрность, эта свѣжесть, эта точность красокъ, которая такъ поражаетъ въ его эпическихъ поэмахъ, и оттуда же проистекаетъ его добросовѣстная правдивость въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, которыя, какъ въ зеркалѣ, отражаютъ расположеніе его духа; онъ самъ это объясняетъ въ введеніи къ поэмѣ Измаилъ-Бей, одно изъ лучшихъ его произведеній:

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И обращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.

«Служа принужденно въ арміи, которая столько лѣтъ тщетно боролась съ свободными и дикими племенами Кавказа, онъ вдохновлялся поэзіей, окружавшей его мѣстности уединеніемъ степей, величіемъ горъ и рыцарскимъ духомъ свободы живущихъ тамъ народовъ. Онъ съ жаромъ кинулся въ борьбу, затѣянную съ этими воинственными племенами, не чувствуя къ нимъ никакой ненависти, и не побуждаемый къ тому идеей о справедливости дѣла, которое онъ былъ призванъ защищать, но потому что ему нравилось возбужденіе боя, потому что онъ находилъ тамъ забвеніе внутреннихъ волненій, и наконецъ потому что онъ мало заботился о жизни, изъ которой онъ не могъ сдѣлать лучшаго употребленія. Его любовь къ черкесскимъ племенамъ неопровержима и доказана намъ его лучшими произведеніями, и между ними въ особенности одною изъ его поэмъ, озаглавленной: «Мцыри».

«Очень часто сравнивали другъ съ другомъ Пушкина и Лермонтова: какъ тотъ, такъ и другой прославились своими сочиненіями; какъ тотъ, такъ и другой погибли на дуэляхъ, въ цвѣтѣ лѣтъ; но творенія ихъ не имѣютъ одинакаго характера. Пушкинъ—поэтъ-художникъ, а Лермонтовъ—поэтъ-философъ. Первый напоминаетъ Гете, второй Шиллера [1]). Независимо отъ того у Лермонтова необыкно-

[1]) Г. Мармье переводилъ на французскій языкъ: Шиллера и Гете, Пушкина и Лермонтова. В. Ш.

венный описательный талантъ; онъ намъ изображаетъ, съ точностію географа и натуралиста, цѣлую страну, не лишая ее въ то же время и той неопредѣленной атмосферы, которая придаетъ ей поэтическую прелесть. Мы имѣемъ какъ бы передъ глазами ту мѣстность, которую онъ рисуетъ, мы будто чувствуемъ дуновеніе вѣтерка, пропитаннаго ароматами Грузіи; надъ нашими головами воздымаются снѣжныя вершины Кавказа, а подъ ногами пропасть, въ которой бушуетъ стремнина; мы слѣдимъ за скачемъ бѣшеной лошади по неизмѣримымъ степямъ; мы проникаемъ въ пустыни лѣсовъ и горъ,—словомъ мы живемъ и совсѣмъ живемъ на Кавказѣ, и ни одинъ путеводитель не могъ бы намъ дать болѣе точнаго понятія объ этой замѣчательной странѣ.

«Два великіе натуралиста нашего времени, Гумбольтъ и Эрстедъ, указали на полезное вліяніе, которое должно было бы имѣть изученіе естественныхъ наукъ на эстетическія произведенія. Гумбольтъ говоритъ въ своемъ Космосѣ: «Если справедливо осуждали холодную поэзію, извѣстную подъ именемъ поэзіи описательной, то нельзя было бы примѣнить тѣ же нарѣканія къ той поэзіи, которая передавала бы прекраснымъ и яснымъ языкомъ новѣйшія открытія науки, или которая изобразила бы намъ живую и вѣрную картину отдаленныхъ странъ. Арабы говорятъ, на ихъ образномъ языкѣ, и не безъ основанія: «Лучшее описаніе то, которое ушами замѣняетъ глаза»».

Этой выпиской мы оканчиваемъ извлеченія изъ статьи г. Мармье, которая хотя и не безъ ошибокъ, но вообще заключаетъ не мало вѣрнаго и много хорошаго о нашемъ поэтѣ, а конецъ очерка, характеризующій необыкновенно прелестный описательный талантъ Лермонтова, очень вѣрно и мило изобразилъ все то, что чувствуютъ тѣ, которые читали поэмы Лермонтова,—они безъ сомнѣнія вполнѣ согласны съ г. Мармье.

16) Chefs-d'oeuvre poètiques de Lermontoff и т. д. par Pelan d'Angers, 1866. Въ видѣ предисловія, переводамъ предпосланъ біографическій и критическій очеркъ о Лермонтовѣ и о его сочиненіяхъ. Въ началѣ краткая, но вѣрная біографія (согласная съ существовавшими въ то время свѣдѣніями), тутъ же и переводъ характеристики Лермонтова, написанный Боденштедтомъ. Засимъ нѣсколько словъ о вліяніи Байрона на русскую поэзію, и обзоръ поэмъ и стихотвореній, переведенныхъ г. Пеланъ, причемъ помѣщены выписки изъ статей гг. Сенъ-Рене Тальяндье и Вапро. Въ заключеніе г. Пеланъ разсказываетъ объ оказанномъ ему содѣйствіи къ напечатанію его переводовъ. Очеркъ хорошо и тепло написанъ.

17) Le courrier Russe, 1866, Lundi 14 Novembre, № 13; 1867, Lundi 16 Janvier, № 3. Статья г-жи Маріи-де-Фосъ (Maria de Fos),

по поводу книги г. Пелана изъ Анжера; о Лермонтовѣ очень мало; есть разсужденіе о національной школѣ, похвалы переводамъ г. Пеланъ и нѣсколько отрывковъ, какъ образцы переводовъ.

18) Histoire de la littérature contemporaine en Russie, par C. Courrière и т. д. 1875 г. Исторія современной литературы въ Россіи г. Курьера, на стр. 132—139, глава. III, Lermontoff (1815—1841): Ses poésiés, ses romans. Лермонтовъ, его поэзія, его романы.

Въ своей исторіи русской литературы г. Курьеръ посвятилъ Лермонтову всего восемь страницъ; сначала краткая біографія поэта, въ которой не мало неточностей; тутъ же для характеристики поэта переведено два отрывка изъ Записокъ Е. А. Хвостовой, изданныхъ М. И. Семевскимъ, и три выписки изъ писемъ Лермонтова къ пріятельницѣ, писанныхъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ; говоря о его сочиненіяхъ, упоминается: Монго, Петергофскій праздникъ, На смерть Пушкина, Демонъ и Мцыри; переведено прозой лишь одно стихотвореніе: «Дума», невѣрно и съ пропусками. Вообще глава о Лермонтовѣ слаба и не достигаетъ своей цѣли, — обрисованія личности поэта и оцѣнки его произведеній; самая біографія безцвѣтна, а между тѣмъ г. Курьеръ имѣлъ полную возможность воспользоваться статьей г. Пыпина (изданіе соч. 1873 г.), которой еще не было въ печати, когда его предшественники, писавшіе о Лермонтовѣ, г. Сенъ-Рене Тальяндье и Мармье, издали свои интересные очерки о нашемъ поэтѣ.

Въ заключеніе своей статьи, г. Курьеръ упоминаетъ о «Героѣ нашего времени»: «изливъ всѣ свои печали и свое разочарованіе въ мелкихъ стихотвореніяхъ, онъ (Лермонтовъ) окончилъ тѣмъ, что далъ имъ примѣненіе въ романѣ: Герой нашего времени, который въ настоящее время представляетъ интересъ лишь относительный, но въ свое время надѣлалъ много шума. Печоринъ, какъ и его предшественники Чацкій и Онѣгинъ, живой портретъ, снятый съ современнаго поколѣнія. Онъ страдаетъ болѣзнію, которою томилось общество той эпохи; это байронизмъ, перенесенный вполнѣ на русскую почву», и т. д. разбирается характеръ Печорина, который, по мнѣнію г. Курьера, выше Онѣгина, на томъ основаніи, что первый постоянно въ близкомъ соприкосновеніи съ дѣйствительною жизнію. Затѣмъ краткія характеристики прочихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа: Бэлы, Максимъ Максимовича, Грушницкаго (Grouszinski), княжны Мери. Вѣры (Viéza); вотъ, напримѣръ, что г. Курьеръ пишетъ о Вѣрѣ и о княжнѣ Мери: Віеза капризна, болѣзненна, впечатлительна и сентиментальна, въ родѣ нервной бабенки. Она даетъ себя обмануть личиной меланхоліи, которую Печоринъ напускаетъ на себя; она наивно вѣритъ страданіямъ его сердца и его неутѣшной души. Мы нахо-

димъ даму большого свѣта, легкомысленную, пропитанную тщеславіемъ и съ пустымъ умишкомъ, въ княжнѣ Мери. Въ концѣ главы краткая выписка изъ одного изъ отзывовъ Бѣлинскаго о Лермонтовѣ.

19) Dictionnaire universel des littératures, par G. Vapereau, Paris, 1876, Hachette, въ больш. 8 д., стр. 2096. Всеобщій словарь литературъ. На стр. 1234, первый столбецъ, болѣе нежели краткія замѣтки о жизни поэта; перечень нѣкоторыхъ его произведеній, нѣсколькихъ переводчиковъ его сочиненій и статей, о немъ писанныхъ. Все это не полно и отрывочно.

20) Tableau de la littérature russe, depuis son origine jusqu'à nos jours, traduit du russe avec l'autorisation de l'auteur, par Alexandre Romald, Paris (St.-Pétersbourg) 1872, въ 8 д. л., стр. 224. Это переводъ: курса исторіи русской литературы К. Петрова,—книга, имѣвшая нѣсколько изданій. Переводъ, нельзя сказать, чтобы былъ вполнѣ удовлетворительный; на стр. 121—127, краткій очеркъ жизни Лермонтова и разборъ нѣкоторыхъ его произведеній. Мы бы объ этой книгѣ и не упоминали бы вовсе, такъ какъ это переводъ съ русскаго, и въ ней отзыва самаго переводчика о поэтѣ нѣтъ,—но нельзя не отмѣтить, въ видѣ курьеза, тѣ ошибки, которыя дѣлаетъ переводчикъ, и которыя могутъ вовлечь въ такія же ошибки иностранныхъ писателей, которые станутъ писать, напр., о Лермонтовѣ, и возьмутъ для руководства книгу г. Ромальда, какъ переводъ съ русскаго, въ которомъ данныя безошибочны. На стран. 122: Les mêmes sentiments se retrouvent dans d'autres de ses poésies, ainsi dans le Songe de Valérika, т. е. тѣ же чувства встрѣчаются въ другихъ его стихотвореніяхъ, какъ напримѣръ въ Снѣ Валерики; въ подлинникѣ: Сонъ, Валерикъ, а переводчикъ слилъ эти два заглавія въ одно и Валерикъ принялъ за женское имя—это болѣе, чѣмъ невнимательно. На той же страницѣ: Les descriptions du Caucase jouent un grand rôle dans le poëme des Mtzyri, peuplade montagnarde dont les caractères ne pouvaient se développer qu'au sein d'une nature riche et majestueuse, т. е. описанія Кавказа играютъ большую роль въ поэмѣ о Мцыряхъ, горномъ племени, характеръ которыхъ не могъ бы развиться иначе, какъ въ лонѣ природы богатой или величественной. Это уже такой вздоръ, что остается только предполагать, что кто-то хотѣлъ подсмѣяться надъ г. Ромальдомъ.

Такимъ образомъ, всѣхъ извѣстныхъ намъ статей о Лермонтовѣ до 1875 года явилось, во французской литературѣ, девятнадцать, и бо̀льшая часть изъ нихъ очень сочувственно о немъ отзываются; вообще сумма дѣльности значительно превышаетъ то, что было писано о Пушкинѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Заглавія книгъ, въ которыя вошли переводы произведеній Лермонтова и статьи о немъ и о его сочиненіяхъ.

1) Allemagne et Russie. 2) Au bord de la Néva. 3) Chefs-d'oeuvre poètiques. 4) Choix de nouvelles russes. 5) Le Démon. 6) Le Démon, légende orientale. 7) Le Démon (рукопись). 8) Dictionnaire universel des littératures. 9) Etudes de littérature étrangère. 10) Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine. 11) Histoire de la littérature contemporaine en Russie. 12) Impressions de voyage: le Caucase. 13) Impressions de voyage: en Russie. 14) Oeuvres complètes de E. Deschamps. 15) Oeuvres de Lermontoff: Le Démon. 16) Les poètes Russes. 17) Le prisonnier du Caucase. 18) La Russie en 1839. 19) Tamara. 20) Un duel à mort. 21) Une saison de bains au Caucase. 22) Voyages et littérature.

II.

Періодическія изданія, въ которыя вошли переводы произведеній Лермонтова или статьи о немъ.

I. L'année littéraire et dramatique, 1858. II. L'Athenaeum Français, 1853, 1855. III. Le Bibliophile Belge, 1849. IV. Bibliothèque universelle et revue Suisse, 1862. V. Le Courrier Russe, 1866, 1867. VI. La Démocratie pacifique, 1843. VII. Le Figaro, 1880. VIII. L'Illustration, 1845, 1846. IX. Московскія Вѣдомости, 1861. X. Московское обозрѣніе, 1861. XI. Le Mousquetaire, 1855. XII) Le Norde, 1858. XIII. Отечественныя записки, 1842, 1858. XIV. Пантеонъ, 1853. XV. La Presse, 1846. XVI. Revue Britannique, 1861. XVII. Revue des deux mondes, 1846, 1847, 1854, 1855. XVIII. Revue moderne, 1864. XIX. Revue Slave, 1878. XX. «Русская Старина», 1871. XXI. «С.-петербургскія вѣдомости», 1852.

III.

Переводчики, съ указаніемъ книгъ и періодическихъ изданій, въ которыхъ помѣщены переводы и статьи.

1) Anossow, T. 6. 2) Briavoine de le Haye, L., 15. 3) Б-нъ П., XIII, 1858. 4) Chopin, J. N. 4. 5) Courrière, C., 11. 6) Custine, le marquis de, 18. 7) Delaveau, N., II, 1853. 8) Deschamps, E., 14. 9) Dumas, A. père, 12, 13. 10) Fos, M. de, V., 1865, 1867. 11) Frout de Fontpertius, 9. 12) Gretch, N., 10. 13) Guillemin, J., 19, XIX, 1878. 14) Leouzon le Duc, 21. 15) Lonlay, Comte E. de, 20. 16) Marmier, X, 2, 22, XVI, 1861. 17) Messtchersky, prince E. de, 16. 18) Mongenet, vicomte de, 7. 19) Narkiewicz, A., 19, XIX, 1878. 20) Pelan d'Anger, P., 3, 5. 21) Perrault, XIV, 1853. 22) Poltoratzky, S., III, 1849. 23) Porry, Comte E. de, 17. 24) Ragozin, IX, 1861. 25) Richard, H., IV, 1862. 26) Robert, C., XVII, 1854. 27) Saint-Julien, C. de, XVII, 1847. 28) Saint-René Taillandier, I, XVII, 1855. 29) Sazonoff, II, 1855. 30) Scheffter, E., XI, 1855. 31) Stolypine, VI, 1843. 32) Tourguéneff, J., XVIII, 1864. 33) Vapereau, G., 8, I, 1858. 34) Viardot, L., VIII, 1846.

Неизвѣстныхъ авторовъ: VII 1880, VIII 1845, X 1861, XII 1858, XIII 1842 XV 1846, XVII 1846, XX 1871, XXI 1852.

Сообщ. въ 1881 г. В. К. Шульцъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

въ эпоху войны 1855 года [1]).

Записка императора Александра II.

3-го сентября 1855 г. (въ Москвѣ).

Прежнее предположеніе объ укомплектованіи крымской арміи дружинами ополченія было составлено тогда, когда мы еще надѣялись сохранить Севастополь. Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились. Уронъ, понесенный войсками нашими въ послѣдній періодъ бомбардированія, еще болѣе ослабилъ ихъ и наконецъ штурмъ 27-го августа и очищеніе южной стороны Севастополя, благодаря плавучему мосту столь благополучно совершенное, освободили крымскую армію отъ труднѣйшей ея обязанности, т. е. обороны Севастополя.

Теперь дѣло должно идти: 1-е, объ охраненіи остальной части Крыма, если оно окажется еще возможнымъ; 2-е, объ укомплектованіи и доформированіи войскъ нашихъ, дабы къ будущей веснѣ имѣть готовую армію, для встрѣчи враговъ нашихъ, съ которой бы стороны они намъ не угрожали, и 3-е, объ усиленіи войскъ генералъ-адъютанта Лидерса для обезпеченія южнаго прибрежья отъ могущаго быть непріятельскаго десанта.

По 1-му пункту.

Удерживать долгое время сѣверную сторону Севастополя, если бы даже и была возможность, нѣтъ никакой цѣли, ибо флотъ черноморскій, по нуждѣ, нами самими уничтоженъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 117—130; т. XXXIX, іюль, стр. 195—220.

Не полагаю, чтобы союзники рѣшились атаковать насъ на инкерманскихъ высотахъ, гдѣ мѣстность представляетъ слишкомъ неприступную позицію. То же самое можно сказать и про Мекензіеву гору и про весь лѣвый флангъ занимаемыхъ нами высотъ. Скорѣе можно полагать, что союзники будутъ стараться сдѣлать диверсію на нашъ тылъ, высадивъ сильный десантъ или у устья Качи, или у Евпаторіи, или около Перекопа. Поэтому, имѣя самостоятельный отрядъ у Перекопа, казалось бы выгоднѣе выбрать центральный пунктъ около Симферополя, съ авангардомъ къ сторонѣ Бакчисарая и большой дороги на Алушту. Изъ сей центральной позиціи, крымская армія, имѣя по меньшей мѣрѣ около 100,000 человѣкъ подъ ружьемъ (о подробностяхъ состава сей арміи будетъ сказано ниже), всегда въ состояніи будетъ угрожать правому флангу высадившагося корпуса въ одномъ изъ трехъ упомянутыхъ выше пунктовъ. Нельзя полагать, чтобы союзники могли высадить разомъ болѣе 40,000 человѣкъ; слѣдовательно числительный перевѣсъ будетъ всегда на нашей сторонѣ, и, маневрируя искусно, можно надѣяться, что всякая попытка десантнаго корпуса на нашъ тылъ кончится въ нашу пользу.

По 2-му пункту.

Въ крымской арміи находятся теперь, не считая Перекопскаго отряда:

2-й пѣхотный корпусъ:

4-я пѣхотная дивизія.
5-я „ „
6-я „ „

3-й пѣхотный корпусъ:

7-я пѣхотная дивизія.
7-я резервная пѣхотная дивизія.
8-я пѣхотная дивизія.
9-я „ „

4-й пѣхотный корпусъ:

10-я пѣхотная дивизія.
11-я „ „
12-я „ „

5-й пѣхотнаго корпуса:

14-я пѣхотная дивизія.
15-я резервная пѣхотная дивизія.

6-го пѣхотнаго корпуса:

2-я бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи.
16-я пѣхотная дивизія.
17-я „ „

1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса:

Резервная уланская дивизія.

2-й резервный кавалерійскій корпусъ:

1-я драгунская дивизія.
2-я „ „
Сводная резервная кавалерійская бригада.
Три линейные черноморскіе баталіоны.
Одинъ гарнизонный баталіонъ.
Одинъ Балаклавскій греческій баталіонъ.
Пять баталіоновъ черноморскихъ казачьихъ.
14-ть донскихъ казачьихъ полковъ.
Два Уральскихъ.
17-ть дружинъ Курскаго ополченія.

Примѣчаніе. Предполагалось, для приведенія по прежнимъ свѣдѣніямъ полковъ крымской арміи въ четырехъ-баталіонный составъ, назначить еще 52 дружины ополченія.

По соображенію, посланному къ князю Горчакову въ первыхъ числахъ августа, по полученнымъ тогда свѣдѣніямъ, предполагалось достаточнымъ употребить всего 69 дружинъ ополченія, для приведенія всей крымской арміи въ четырехъ-баталіонный составъ.

Съ тѣхъ поръ потери были весьма значительныя, и хотя достовѣрныхъ свѣдѣній еще не получено, можно однако навѣрное считать предполагавшееся укомплектованіе дружинами недостаточнымъ.

Между тѣмъ въ письмахъ моихъ къ князю Горчакову, я неоднократно настаивалъ, дабы кадры расформированныхъ ба-

таліоновъ были высланы изъ Крыма для надежнаго ихъ доформированія готовыми рекрутами, внѣ раіона военныхъ дѣйствій.

Въ замѣнъ сей послѣдней мѣры, казалось бы болѣе удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ назначить положительно для дѣйствій въ Крыму два корпуса, т. е. 2-й пѣхотный корпусъ и 3-й пѣхотный или 4-й пѣхотный корпусъ, т. е. въ первомъ случаѣ: 4, 5, 6, 7, 7 резервная, 8 и 9-я дивизіи, или во второмъ случаѣ: 4, 5, 6, 10, 11 и 12-я дивизіи, укомплектовавъ ихъ до полнаго четырехъ-баталіоннаго состава изъ остатковъ прочихъ дивизій (кромѣ 7-й резервной дивизіи 3-хъ баталіоннаго состава). Затѣмъ кадры сихъ дивизій съ ихъ начальниками вывести немедленно изъ Крыма во внутрь Россіи, гдѣ расположить ихъ на удобныхъ квартирахъ, дабы тамъ заняться основательнымъ ихъ укомплектованіемъ и доформированіемъ въ 4-хъ баталіонный же составъ.

Этою мѣрою надѣяться можно, что къ веснѣ всѣ сіи войска вновь составятъ надежную армію, для употребленія ея тамъ, гдѣ обстоятельства потребуютъ.

Мысль мою сообщаю князю Горчакову, съ тѣмъ, чтобы по мѣрѣ возможности она была приведена въ исполненіе.

Если, по теперешнему слабому составу войскъ, князь Горчаковъ найдетъ невозможнымъ 2-й и 3-й или 4-й пѣхотные корпуса, чрезъ укомплектованіе ихъ изъ прочихъ войскъ Крымской арміи, привести въ 4-хъ баталіонный составъ, то можно на время довольствоваться приведеніемъ полковъ въ 3-хъ баталіонный составъ, съ добавленіемъ четвертыхъ баталіоновъ дружинами ополченія. Кадры четвертыхъ баталіоновъ сихъ корпусовъ въ такомъ случаѣ необходимо выслать нынѣ же изъ Крыма для доформированія ихъ при резервахъ.

Если же предлагаемая мною мѣра признается имъ удобоисполнимою, то я полагалъ бы придать къ каждому полку по четыре дружины ополченія и раздѣлить каждый полкъ на два, такъ чтобы въ каждомъ находилось по два баталіона и по двѣ дружины, называя ихъ бригадами, а полки 1-мъ и 2-мъ того же наименованія.

Въ такомъ случаѣ придется удвоить число полковыхъ и бригадныхъ командировъ, или назначить старшихъ полковниковъ вмѣстѣ и бригадными командирами въ тѣхъ бригадахъ, гдѣ бу-

детъ недоставать генераловъ. Съ удвоеніемъ числа бригадъ, придется назначить вновь 7 дивизіонныхъ начальниковъ.

Артиллерію же оставить по числу настоящихъ дивизій, т. е. 7-мь бригадъ, приведя каждую въ пять батарей 8-ми орудійнаго состава и имѣя въ каждой по двѣ батарейныхъ и по три легкихъ батарей.

Изъ кавалеріи казалось бы достаточнымъ оставить одинъ драгунскій корпусъ съ его артиллеріею и тѣми казачьими полками и батареями, которыя теперь въ Крыму находятся. Всю остальную кавалерію отдать въ распоряженіе г.-а. Лидерса, тѣмъ болѣе, что самъ князь Горчаковъ писалъ, что на зиму не будетъ никакой возможности продовольствовать его многочисленную кавалерію въ Крыму.

Отрядъ ген.-лейт. Врангеля оставить покуда въ теперешнемъ его составѣ, или усилить его, по усмотрѣнію князя Горчакова.

По 3-му пункту.

Изъ всего южнаго прибрежья, занимаемаго войсками южной арміи, по моему мнѣнію, Николаевъ представляетъ союзникамъ самый привлекательный пунктъ для сдѣланія высадки, дабы, овладѣвъ имъ, уничтожить всѣ заведенія Черноморскаго флота и нанести тѣмъ окончательный ударъ могуществу нашему на Черномъ морѣ.

Поэтому на сохраненіе Николаева должно быть обращено все наше вниманіе.

Г.-а. Лидерсъ уже предувѣдомленъ о могущей угрожать ему опасности. Хотя общее число войскъ южной арміи довольно значительно и съ приходомъ ополченія еще болѣе увеличится, но войска сіи разбросаны на огромномъ пространствѣ и не зная навѣрное намѣренія союзниковъ, нельзя оголять прибрежныхъ пунктовъ. Поэтому необходимо усилить южную армію всѣмъ гренадерскимъ корпусомъ, замѣнивъ его въ Перекопѣ 7-ю резервною дивизіею, съ присоединеніемъ къ ней черноморскихъ казачьихъ пѣшихъ баталіоновъ, что составитъ въ Перекопскомъ отрядѣ 21 баталіонъ.

Подробности обороны Николаева должны быть предоставлены испытанной опытности г.-а. Лидерса. Съ присоединеніемъ къ нему гренадерскаго корпуса, съ многочисленною кавалеріею и конною

20*

артиллеріею, находящеюся въ его распоряженіи, можно надѣяться, что союзники встрѣтятъ сильный отпоръ.

Къ войскамъ г.-а. Лидерса можно бы еще присоединить 14-ю дивизію, или 15-ю резервную дивизію, укомплектовавъ ту или другую теперь же готовыми рекрутами 5-й запасной дивизіи.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Инкерманъ. 8-го сентября 1855 г.

Всем—шій г—рь! Письмо В. И. В., отъ 28-го августа, я имѣлъ счастіе получить тому четыре дни.

Изъ прилагаемой у сего докладной записки вы изволите, вс—шій г—рь, усмотрѣть настоящее положеніе дѣлъ и непосредственныя намѣренія мои. Что касается дальнѣйшихъ предположеній, то нѣтъ еще никакой возможности начертать что-либо основательное; необходимо видѣть что̀ предприметъ непріятель.

Кажется, что извѣстіе, полученное изъ Брюсселя, едва-ли осуществится. Но врядъ-ли, при наступающемъ позднемъ времени года, непріятель рѣшится дѣйствовать противъ Николаева; урокъ Севастополя слишкомъ въ свѣжей памяти.

Я былъ бы весьма счастливъ явиться въ Николаевъ для личнаго всеподданнѣйшаго доклада В. И. В., или по крайней мѣрѣ выслать для сего начальника главнаго штаба. Но мы можемъ быть атакованы съ часа на часъ. Непріятель занялъ уже хребты горъ, отдѣляющихъ Байдарскую долину отъ нашихъ позицій. Въ столь важную минуту необходимо всѣмъ быть на мѣстахъ.

Объ отправленіи изъ Крыма кадровъ резервныхъ баталіоновъ повергаю на высочайшее усмотрѣніе В. И. В. особую записку, ожидая повелѣнія на счетъ расформированія 15-й резервной дивизіи.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Инкерманъ. 11-го сентября 1855 г.

Всем—шій г—рь! Письмо В. И. В. отъ 3-го сего мѣсяца я имѣлъ счастіе получить девятаго.

Изъ двухъ представляемыхъ у сего докладныхъ записокъ вы изволите усмотрѣть и настоящее положеніе дѣлъ, и предположенія мои для исполненія высочайшихъ указаній вашихъ.

Осмѣливаюсь убѣдительнѣйше просить объ оставленіи на нѣкоторое время обѣихъ гренадерскихъ дивизій въ моемъ распоряженіи.

Умоляю васъ, всем—шій г—рь, не пріѣзжать теперь въ Крымъ. Мы того и гляди можемъ быть атакованы и отрѣзаны.

Армія цѣнитъ ваши къ ней милости, и съ радостію готова за васъ умирать; но какое для нея было бы нестерпимое мученіе видѣть августѣйшую особу вашу или кого-либо изъ ихъ имп—скихъ высочествъ въ возможности быть хотя временно отрѣзаннымъ отъ Россіи. Для подробной передачи мнѣ высочайшихъ указаній В. И. В. и для полученія необходимыхъ отъ меня объясненій, я думаю, что было бы крайне полезно прислать къ намъ на нѣсколько дней г.-а. барона Ливена.

Объ оставленіи Крыма, я полагаю, что помышлять не должно.

Если непріятель пойдетъ изъ Евпаторіи къ Севастополю или Симферополю, я двинусь на него съ 35,000 или 40,000, а остальныя войска оставлю въ настоящихъ позиціяхъ подъ командою графа Сакена, съ приказаніемъ, въ случаѣ необходимости, оставить Сѣверную часть Севастополя и отойти съ войскомъ на Качу. Если непріятель пойдетъ изъ Евпаторіи къ Перекопу, то генералъ Шабельскій двинется вслѣдъ за нимъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Всеподданнѣйшее письмо князя Варшавскаго.

Варшава. 13 (25) сентября 1855 г.

Вс—шій г—рь! Письмо В. И. В. изъ Москвы, отъ 5-го сентября, имѣлъ счастіе получить. В. В. удостоиваете меня вопросомъ о мнѣніи моемъ на счетъ случайности войны съ Австріею. Вопросъ сей столь важенъ и требуетъ столько размышленій, что *я не* могу тотчасъ отвѣтить на него [1]). Для разсмотрѣнія его со

---

[1]) Въ письмѣ князю Варшавскому отъ 5 (17) сентября 1855 г., изъ Москвы, Государь Александръ II говоритъ:

„При семъ прилагаю записку мою, посланную Горчакову, съ моимъ взглядомъ на теперешнее положеніе дѣлъ и о мѣрахъ, которыя полагаю необходимыми для будущаго доформированія нашей арміи, столь сильно разстроенной отъ огромныхъ потерь. Вопросъ этотъ считаю первѣйшей важности, ибо иначе къ будущей веснѣ у насъ арміи не будетъ, а намъ неизбѣжно должно готовиться къ продолжительной еще войнѣ и можетъ быть съ новыми врагами. При семъ прошу васъ, любезный князь, по испытанной вашей опытности сообщить мнѣ мысли ваши на счетъ будущихъ дѣйствій въ случаѣ разрыва съ Австріею. Не смотря на всѣ успокоительныя свѣдѣнія объ уменьшеніи ея арміи, я предвижу, въ особенности теперь, послѣ

всѣхъ сторонъ, осмѣливаюсь испрашивать нѣсколько дней, послѣ чего уже буду имѣть счастіе представить соображенія на этотъ счетъ.

В. В. благоугодно было прислать ко мнѣ записку [1]), въ которой изложены инструкціи князю Горчакову и Лидерсу. Имѣю счастіе доложить, что князю Горчакову нечего держаться на Сѣверной сторонѣ; развѣ у него тамъ большіе запасы, въ такомъ случаѣ онъ можетъ оставаться до тѣхъ поръ, покуда непріятель не обозначитъ своихъ намѣреній. Для оборонительныхъ дѣйствій, Симферополь—центральный пунктъ, онъ можетъ сосредоточить свои силы и приблизиться къ магазинамъ, а зимою можетъ отдѣлить часть своихъ силъ къ Перекопу; этимъ онъ сбережетъ здоровіе людей, которыхъ можетъ расквартировать по деревнямъ и будетъ ближе къ Николаеву, если непріятель сдѣлаетъ нападеніе на Николаевъ.

Но если союзники будутъ маневрировать въ Крыму, то, согласно съ предположеніями В. В., князь Горчаковъ, при удобномъ случаѣ, со стотысячною арміею можетъ напасть на флангъ или тылъ непріятеля и выиграть сраженіе, которое можетъ положить конецъ замысламъ хвастливаго врага.

Возвращеніе кадровъ для формированія войскъ будетъ имѣть благодѣтельныя послѣдствія, ибо это одно средство приготовить свѣжія войска и сформировать армію къ веснѣ, но нужно, чтобы князь Горчаковъ прислалъ кадры сіи какъ можно скорѣе,—это не можетъ его ослабить.

Здѣсь спокойно; болѣзненность уменьшается. Я дѣлалъ смотръ всему гарнизону и кавалерійское ученіе, послѣ котораго я распустилъ войска, которыя были собраны изъ окрестностей для высочайшаго смотра.

На сихъ дняхъ я приказалъ арестовать двухъ молодыхъ людей по доносу о злоумышленіи противу В. В.; изъ прилагаемаго рапорта видна вся сущность сего дѣла.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

потери Севастополя, что рано или поздно мы ее встрѣтимъ въ рядахъ враговъ нашихъ. Дай Богъ, чтобы я ошибся въ моихъ опасеніяхъ, но гораздо лучше быть готову къ худшему и принять заблаговременно всѣ мѣры осторожности, чѣмъ быть взяту въ расплохъ".

[1]) Записка Императора Александра отъ 3-го сентября 1855 г.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

Николаевъ. 14-го сентября 1855 г.

Сегодня отвѣчаю вамъ, любезный князь, разомъ на три вашихъ письма, изъ коихъ первое, отъ 2-го сентября, я получилъ наканунѣ моего отъѣзда изъ Москвы, второе, отъ 8-го сентября, на пути въ Николаевъ, а третье, отъ 11-го числа, сегодня утромъ уже здѣсь.

Вамъ уже извѣстно впечатлѣніе, произведенное на мнѣ оставленіемъ южной части Севастополя и потому, какъ оно ни грустно, повторю только, что̀ я вамъ уже писалъ, т. е. что имѣя въ виду невыносимое положеніе, въ которое геройскій гарнизонъ Севастополя поставленъ былъ адскимъ огнемъ непріятеля, и ежедневныя отъ того огромныя потери, я не могъ не одобрить рѣшимости вашей воспользоваться впечатлѣніемъ отбитаго штурма, для вывода войскъ на Сѣверную сторону, и благодаря Бога, что оно исполнилось столь благополучно.

Записку вашу о теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Крыму я прочелъ съ особеннымъ вниманіемъ и вполнѣ одобряю всѣ принимаемыя вами мѣры.

Такъ какъ пріѣздъ мой въ теперешнихъ обстоятельствахъ могъ бы затруднить васъ, то я отлагаю его до болѣе благопріятнаго времени и посылаю къ вамъ, для личныхъ объясненій, согласно вашему желанію, г.-а. Ливена.

Онъ словесно передастъ вамъ мой взглядъ на нынѣшнее положеніе вещей, котораго всю важность и затруднительность я вполнѣ понимаю. Но я уповаю на милость Божію и на вашу распорядительность.

На временное оставленіе гренадеръ въ Крыму я согласенъ, равно какъ и на отсылку кадръ 2-го, 5-го и 6-го корпусовъ не теперь, а по окончаніи теперешнихъ военныхъ обстоятельствъ, т. е. примѣрно около половины октября.

Я пользуюсь здѣсь присутствіемъ г.-а. Лидерса для принятія нужныхъ мѣръ къ усиленію обороны Николаева. Съ прибытіемъ сюда отосланныхъ вами морскихъ командъ, положеніе здѣшняго отряда улучшится; но необходимо его еще усилить частью дружинъ ополченія, предназначавшихся въ Крымъ, о чемъ и поручаю

г.-а. Ливену съ вами условиться, дабы благовременно дать имъ нужное направленіе.

Вотъ покуда и все.

Да поможетъ вамъ Богъ выйти съ честью изъ затруднительнаго теперешняго положенія. Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя Горчакова.

С. Орто-Каралесъ. 20-го сентября 1855 г.

Вс—шій г—рь! Я задержалъ барона Ливена до нынѣшняго вечера отъ того, что вчера имѣлъ сильный припадокъ болѣзни, помѣшавшей мнѣ чѣмъ-либо заниматься. Это была сильная простуда, къ которой присоединилось разлитіе желчи, при извѣстіи о неимовѣрной глупости генерала Корфа, умѣвшаго дать себя отрѣзать въ открытой степи. Баронъ Ливенъ доложитъ В. И. В. подробности. Конечно, происшествіе это не имѣетъ по себѣ важнаго значенія и вліянія на общій ходъ дѣлъ. Но срамъ превеликій. Я высылаю Корфа изъ арміи, за оплошность противъ непріятеля, и прошу В. И. В. о назначеніи на его мѣсто князя Радзивила, съ производствомъ его въ генералъ-лейтенанты, такъ какъ бригадные командиры старше его. Онъ служилъ отлично и притомъ здоровъ, свѣжъ и смѣтливъ.

Что же касается до будущихъ предположеній моихъ, то онѣ остаются тѣ же самыя, которыя уже одобрены В. В., а именно: оставить сѣверную часть Севастополя и стянуться къ Бахчисараю, когда будетъ опасно оставаться долѣе въ настоящемъ расположеніи, но не прежде, а между тѣмъ, по возможности, вывозить припасы. Больные и раненые уже вывезены. Мнѣ кажется, что признаками дѣйствительной опасности могутъ быть слѣдующія обстоятельства: 1) новая высадка въ значительныхъ силахъ у Евпаторіи; 2) прибытіе новаго сильнаго войска къ Севастополю; 3) движеніе непріятеля большою массою за перевалъ Байдарской долины, и наконецъ 4)—впрочемъ менѣе вѣроятное—высадка близь Перекопа.

Прежде, чѣмъ что-либо подобное не послѣдуетъ, кажется, нечего оставлять сѣверной части Севастополя, ибо оттуда стянуться къ Бахчисараю мнѣ нужно не болѣе двухъ дней. Далѣе же Бахчисарая я не думаю отходить; стоять у самаго Симферополя не-

выгодно, ибо тамъ уже начинается безводная и безлѣсная полоса. Проэктъ дислокацій кадровъ будетъ В. И. В. представленъ барономъ Ливеномъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Императоръ Александръ II—кн. М. Д. Горчакову.

Николаевъ. 22-го сентября 1855 г.

Баронъ Ливенъ вручилъ мнѣ, любезный князь, письмо ваше отъ 20-го числа. Изъ словъ его я еще болѣе убѣдился въ славномъ духѣ, одушевляющемъ наши храбрыя войска, и въ томъ, что благоразумными мѣрами, вами принятыми, продовольственная часть вполнѣ обезпечена, равно какъ и призоръ раненыхъ и больныхъ, за что душевно васъ благодарю.

Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что при теперешнихъ обстоятельствахъ, нѣтъ никакой необходимости бросать сѣверную часть Севастополя, развѣ осуществится одинъ изъ 4-хъ случаевъ, вами предвидимыхъ.

Занимаемая вами теперь позиція такъ сильна, что едва-ли союзники рѣшатся ее атаковать, скорѣе можно полагать, что они будутъ стараться обойти вашъ лѣвый флангъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ можно будетъ, давши имъ втянуться въ дефилеи, перейти самимъ въ наступленіе, что если удастся, можетъ имѣть весьма важныя для нихъ послѣдствія.

Данную вами инструкцію г.-а. Плаутину, на случай движенія отъ Евпаторіи, я совершенно одобряю и надѣюсь, что онъ будетъ умѣть ее исполнить съ успѣхомъ.

Дѣло г.-л. Корфа самое постыдное и меня крайне огорчило; я приказалъ уволить его отъ службы, а вмѣсто его, согласно желанію вашему, назначить г.-м. кн. Радзивила, съ производствомъ его въ генералъ-лейтенанты; лестный отзывъ вашъ о его службѣ прочелъ я съ особеннымъ удовольствіемъ.

Посылаю въ распоряженіе ваше ген.-ад. графа Ржевускаго, гр. Бенкендорфа и г.-м. гр. Штакельберга, съ тѣмъ, чтобы первый находился при генералѣ Шабельскомъ. Они всѣ трое дѣльные офицеры, съ духомъ, и надѣюсь, будутъ вамъ въ пользу.

Всѣ предпринимаемыя здѣсь мѣры ген.-ад. Лидерсомъ, для обезпеченія южнаго прибрежія, весьма дѣльны. Подъ руковод-

ствомъ ген.-ад. Тотлебена, братъ мой Николай дѣятельно занимается усиленіемъ здѣшнихъ укрѣпленій.

Предположеніе г.-а. Лидерса о будущемъ составѣ южной арміи и мѣрахъ къ ея укомплектованію, которыя вамъ будутъ сообщены, я вполнѣ одобряю.

Фл.-ад. кн. Барятинскій вручитъ вамъ, вмѣстѣ съ письмомъ, образъ св. Сергія, взятый мною изъ Троицкой лавры. Этотъ образъ былъ въ походахъ съ царемъ Алексѣй Михайловичемъ, съ Петромъ I подъ Полтавой и въ 1812 г. съ московскимъ ополченіемъ. Желаю, чтобы онъ оставался при главной вашей квартирѣ и чтобы, по полученіи его, вы приказали отслужить молебенъ передъ тѣми войсками, которыя расположены по близости.

Да помогутъ намъ молитвы Преподобнаго Сергія, такъ какъ благословеніе его даровало намъ побѣду при Димитріѣ Донскомъ. Александръ.

Императоръ Александръ II—князю Варшавскому.

Николаевъ. 23-го сентября 1855 г.

Благодарю васъ, любезный князь Иванъ Өедоровичъ, за письмо ваше отъ 13-го сентября, полученное мною здѣсь на прошедшей недѣлѣ. Кн. Горчаковъ васъ вѣроятно въ подробности увѣдомляетъ о теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Крыму. Г.-а. баронъ Ливенъ, вчера только воротившійся оттуда, свидѣтельствуетъ объ отличномъ духѣ войскъ. И такъ, съ Божіею помощію, можно надѣяться еще на успѣхъ.

Всѣ распоряженія князя Горчакова и г.-а. Лидерса здѣсь—нахожу весьма дѣльными и не полагаю, чтобы въ нынѣшнемъ году, въ столь позднее время года, союзники рѣшились что-либо важное предпринять на южномъ прибрежіи.

Войсками, которыя здѣсь видѣлъ, остался я совершенно доволенъ и общее состояніе здоровья весьма удовлетворительно. Изъ за границы, послѣ послѣдняго Вѣнскаго курьера, я ничего важнаго не получалъ.

На будущей недѣли намѣренъ съѣздить на нѣсколько дней въ Одессу и воротиться потомъ опять сюда, гдѣ и полагаю остаться, пока дѣла въ Крыму не разъяснятся. Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя Варшавскаго.

Варшава. 24-го сентября 1855 г.

Вс—шій г—рь! В. И. В. благоугодно было повелѣть мнѣ представить мнѣніе на счетъ будущихъ дѣйствій въ случаѣ разрыва съ Австріею. Положеніе дѣлъ нашихъ осталось въ сущности то же, какъ было въ прошедшемъ году; то же нерасположеніе къ намъ, и слѣдственно также мало увѣренности, что мы рано или поздно не увидимъ Австріи въ ряду враговъ нашихъ. Если Австрія не объявила намъ доселѣ войны, то конечно была удержана только сильною арміею, собранною нами въ 1854 году въ Польшѣ. Такъ и нынѣ мнѣ кажется удержать Австрію и сохранить вліяніе на Пруссію и остальную Германію мы можемъ только видимою силою, т. е. собравъ двѣ большія арміи на западной нашей границѣ. Посему, я остаюсь въ убѣжденіи, что полезнѣе всего для насъ держаться тѣхъ основаній, кои приняты В. И. В. при составленіи западной и средней арміи. Мнѣніе мое подробнѣе изложено въ особой меморіи, которую при семъ осмѣливаюсь представить В. И. В.

Здѣсь все спокойно; въ войскахъ болѣзни примѣтно уменьшаются. Холера въ Варшавѣ прекратилась и только въ Августовской губерніи еще свирѣпствуетъ.

Меня очень тревожатъ необыкновенные неурожаи; никогда еще дороговизна хлѣба не доходила до такой степени. Я забочусь теперь какъ бы этому пособить.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Всеподданнѣйшая записка князя Варшавскаго [1]).

Мнѣ всегда казалось вѣроятнымъ, что австрійцы воспользуются всякимъ случаемъ вредить намъ. Только стойкость нашей дипломатіи и своевременное расположеніе значительныхъ силъ на западной границѣ были причиною, что до сихъ поръ они еще не въ явной враждѣ съ нами.

---

[1]) Записка эта составляетъ послѣднюю меморію кн. Паскевича по военнымъ дѣламъ, представленную на высочайшее благоусмотрѣніе. Она служитъ дополненіемъ извѣстному, въ высшей степени интересному и обширному письму князя Варшавскаго къ князю Мих. Дм. Горчакову, напечатанному въ „Русской Старинѣ“ изд. 1872 г. т. VI, стр. 427, 604 и 700. Ред.

Въ 1854 году мы остановили австрійцевъ только скорымъ отступленіемъ за Серетъ и готовностію встрѣтить ихъ съ 170,000-ми, въ 1855 году—200,000-ю арміею, собранною въ Польшѣ. До какой степени сосредоточеніе большихъ силъ въ Царствѣ Польскомъ имѣло вліяніе на поступки австрійскаго правительства, видно изъ того, что когда послы англійскій и французскій настаивали на вступленіи австрійцевъ въ Польшу, то генералъ Гессъ отвѣчалъ, что онъ не въ силахъ выступить противъ 200,000 нашего войска, собраннаго въ Царствѣ.

Положеніе наше теперь таково же, какъ было тогда; недоброжелательство австрійцевъ къ намъ то же самое, чему служатъ доказательствомъ свѣдѣнія, доставленныя княземъ (А. М.) Горчаковымъ изъ Вѣны, въ послѣднихъ его депешахъ. Кажется изъ сихъ депешъ, что австрійскій императоръ едва-ли не начинаетъ уже колебаться. Остановить его иначе нельзя, какъ силою явною, видимою, т. е. войсками въ Польшѣ. Тогда австрійцы, при невѣдѣніи состава сихъ войскъ преувеличивая еще число ихъ, будутъ приведены опять въ положеніе нерѣшительное, и, быть можетъ, удержатся опять отъ объявленія намъ войны.

Армія въ Царствѣ Польскомъ должна и теперь сколь можно ближе подходить къ той силѣ, въ какой она была въ прошломъ году. Въ февралѣ того года она состояла изъ:

175-ти баталіоновъ, 114-ти эскадроновъ, 420 орудій и 10 казачьихъ полковъ.

Желательно, чтобы дѣйствующая армія и теперь была не менѣе, или по крайней мѣрѣ, если собрать такое число войскъ будетъ рѣшительно невозможно,—то менѣе на 20 или 25 баталіоновъ; только съ сими войсками мы могли бы имѣть вліяніе не на одну Австрію, но и на Пруссію и на всю Германію, которыя тогда, какъ и въ прошломъ году было, не такъ боялись бы угрозъ Франціи и Австріи.

Что касается самыхъ дѣйствій, то въ войнѣ оборонительной, какая предстоитъ намъ, предположенія могутъ быть такъ разнообразны, что разобрать заблаговременно всѣ ихъ—нѣтъ возможности. Можно теперь сказать только, что главнымъ основаніемъ должно быть то самое, какое В. И. В. изволили принять при составленіи армій Западной и Средней, т. е. что на пространствѣ между Царствомъ Польскимъ и южною нашею арміею имѣть

особую армію, достаточно сильную, какъ для прикрытія путей, ведущихъ изъ Австріи къ Кіеву, такъ и для содѣйствія войскамъ — съ одной стороны въ Царствѣ Польскомъ, а съ другой на южной границѣ. Сія армія должна имѣть отъ 80-ти до 100-ти баталіоновъ, кромѣ Кіевскаго гарнизона, и сколь можно болѣе кавалеріи, ибо въ сихъ степныхъ мѣстахъ кавалерія можетъ оказать большія услуги. Всѣ войска должны къ половинѣ апрѣля ст. ст. быть на мѣстахъ, т. е. между Житоміромъ и Каменецъ-Подольскомъ.

Въ семъ положеніи мы были бы, кажется, достаточно обезпечены отъ гибельныхъ послѣдствій войны съ Австріею, въ томъ даже случаѣ, если бы, что впрочемъ вовсе невѣроятно, Францiя дала Австріи деньги и до 100,000 своихъ войскъ.

Оборонительная война, т. е. война самая изнурительная, самая гибельная, тѣмъ въ особенности трудна, что не зная, гдѣ ожидать непріятеля, надобно заблаговременно сдѣлать приготовленія вездѣ. Посему весьма полезно было бы, чтобы мысль о приготовленіяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ, что касается до средней и западной арміи, была рѣшена своевременно, ибо нужно имѣть время на заготовленіе запасовъ и назначеніе магазиновъ. По нынѣшней дороговизнѣ необходимо воспользоваться осенью и зимнимъ путемъ, чтобы къ веснѣ все уже было на своихъ мѣстахъ. Необходимо будетъ сдѣлать заготовленія до будущей жатвы. На поддержаніе армій западной и средней употреблены будутъ ополченія; но какъ ополченіемъ не присвоено особой артиллеріи, то для поддержанія надлежащей пропорціи сего оружія къ пѣхотѣ, т. е. по меньшей мѣрѣ по 2½ орудія на 1000 человѣкъ, необходимо назначить симъ арміямъ артиллерію особо. Въ настоящее время, наприм., въ средней арміи 66 баталіоновъ, 24 дружины и *120* только орудій, т. е. по 1½ на 1000 человѣкъ. Въ южной же арміи, напротивъ, сколько мнѣ извѣстно, слишкомъ много и артиллеріи, и кавалеріи.

Говоря объ укомплектованіи армій ополченіями, не могу не коснуться и сущности сего предмета. Ополченія, какъ и всѣ новыя неопытныя войска, не могутъ равняться даже съ самыми слабыми, но уже пріученными къ строю войсками; посему ихъ никакъ не слѣдуетъ употреблять особо въ массахъ. Правило о распредѣленіи ополченій по баталіонно въ полки—превосходно; но и тутъ должна быть соблюдаема извѣстная мѣра. Болѣе по-

ловины, мнѣ кажется, ихъ не должно быть; въ крѣпостяхъ можно допускать болѣе, но и гарнизоны изъ однѣхъ ополченій составлять невозможно, хотя конечно послѣ нѣсколькихъ сраженій ополчане, пріучившись къ дѣлу, со временемъ и сравняются съ прочими войсками.

И такъ, мнѣніе мое, по вышеизложенному, заключается въ слѣдующемъ:

1) Армія западная должна бы быть въ 150 или 170 баталіоновъ съ соотвѣтственнымъ числомъ артиллеріи по тому разсчету, какой принятъ въ войскахъ линейныхъ. Кавалеріи въ сей арміи мало; трудно будетъ взять сюда кавалерію, которая теперь находится въ Балтійскомъ корпусѣ, и потому я полагалъ бы— одну, а если можно и двѣ дивизіи кавалеріи, поставить къ веснѣ ближе къ Польшѣ, т. е. между Дубно и Заславлемъ, такъ чтобы сіи дивизіи могли, при первомъ видѣ войны со стороны Австріи, идти на усиленіе западной арміи. Такимъ образомъ кавалеріи можетъ быть въ западной арміи, съ 82 эскадронами, нынѣ тутъ находящимися, если придать къ нимъ двѣ дивизіи,—до 150-ти эскадроновъ, а если одну дивизію, то до 114-ти эскадроновъ.

2) Средняя армія должна имѣть отъ 80 до 100 баталіоновъ, съ соотвѣтственнымъ числомъ артиллеріи, и елико можно болѣе кавалеріи, т. е. по крайней мѣрѣ четыре или пять дивизій. Тогда, если изъ нихъ и удѣлится одна или двѣ дивизіи на усиленіе западной арміи, то останется еще въ арміи средней до 100 эскадроновъ. Съ сими силами можно надѣяться отразить нападеніе австрійцевъ.

3) Но прежде всего необходимо знать рѣшеніе по симъ предположеніямъ, дабы можно было сдѣлать своевременно магазины и всѣ надлежащія приготовленія.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Орто-Каралесъ. 26-го сентября 1855 г.

Вс—шій г—рь. Письмо в. и. в. отъ 23-го сентября я имѣлъ счастіе получить вчера.

Изъ вчерашней депеши и представляемой у сего докладной записки в. и. в. усмотрѣть изволите, что новая армада пустилась, кажется, къ Перекопу. Случай былъ предвидѣнъ и кажется не-

чего смущаться. Вѣроятно непріятель думаетъ подобнымъ маневромъ испугать насъ и вынудить отдать ему безъ большихъ усилій сѣверную часть Севастополя, а можетъ быть и весь Крымъ. Этому, кажется, поддаваться не должно. Еще не доказано, что союзникамъ удастся пресѣчь наши сообщенія, потому что генералъ Плаутинъ имѣетъ теперь не ничтожныя силы. Притомъ у меня въ Крыму на четыре мѣсяца продовольствія. Къ чему же торопиться отступленіемъ? и не лучше ли выждать какъ разовьются обстоятельства.

Сейчасъ прибылъ сюда графъ Ржевускій, Бенкендорфъ и Штакельбергъ. Первый отправляется немедленно къ генералу Шабельскому.

Сегодня было молебствіе на позиціи главнаго резерва, по случаю милостивой присылки в. в. въ армію образа святаго Сергія. Уповаемъ на его молитвы, на милость Божію и на правоту дѣла вашего, вс—шій г—рь.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Императоръ Александръ Николаевичъ—князю М. Д. Горчакову.

Николаевъ. 30-го сентября 1855 г.

По телеграфическимъ депешамъ, сообщаемымъ вамъ, любезный князь, изъ Одессы, вамъ извѣстно, что непріятельская армада, въ числѣ 86-ти судовъ, уже 5-тыя сутки стоитъ на якорѣ въ виду города, не предпринимая покуда ничего. Весьма можетъ быть, что появленіемъ своимъ она хотѣла только сдѣлать демонстрацію, чтобы принудить насъ стянуть войска и потомъ перенестись къ Очакову или Кинбурну, дабы угрожать Николаеву. Поэтому войска ген.-ад. Лидерса остаются, покуда дѣло не объяснится, на прежнихъ мѣстахъ, а между тѣмъ здѣсь мы принимаемъ всѣ возможныя мѣры къ усиленію подступовъ къ городу.

Съ другой стороны можетъ быть также, какъ и вы полагаете, въ письмѣ вашемъ отъ 26-го числа, что армада предназначена для угроженія Перекопу,—но и если сіе послѣднее предположеніе сбудется, оно теперь не такъ страшно съ тѣхъ поръ, что ген.-ад. Плаутинъ, усиленный еще дружинами, обезпечиваетъ вашъ тылъ. Надѣюсь также, что генералъ Шабельскій, усиленный двумя пѣхотными дивизіями, будетъ умѣть дѣйствовать согласно данной

ему инструкціи. Между тѣмъ, изъ полученной сегодня утромъ телеграфической депеши вашей, отъ вчерашняго вечера, усмотрѣлъ я, что непріятель все болѣе и болѣе подвигается и усиливается противъ лѣваго вашего фланга. Весьма желательно, какъ я вамъ уже писалъ, чтобы съ нашей стороны не былъ упущенъ удобный моментъ, для наступательнаго дѣйствія въ его лѣвый флангъ, если, по мѣстнымъ соображеніямъ, вы признаете это возможнымъ.

Въ такомъ случаѣ, онъ несомнѣнно принужденъ будетъ, съ поспѣшностію, втянуться обратно въ горные дефилеи и можетъ быть съ значительнымъ урономъ.

Не стѣсняя васъ вовсе въ вашихъ распоряженіяхъ, я только убѣдительно прошу васъ не упускать удобныхъ случаевъ для наступательныхъ дѣйствій, при благопріятныхъ для насъ кондиціяхъ, ибо не могу никакъ убѣдиться въ необходимости для насъ ограничиваться одною лишь оборонительною системою, всегда самою невыгодною въ военномъ дѣлѣ.

Да поможетъ намъ Богъ. Александръ.

Императоръ Александръ II—князю Варшавскому.

Николаевъ. 2-го октября 1855 г.

Благодарю васъ, любезный князь Иванъ Ѳедоровичъ, за письмо ваше отъ 24-го сентября. Приложенную къ нему записку о предположеніяхъ вашихъ, въ случаѣ разрыва съ Австріею, я прочелъ съ особымъ вниманіемъ и въ общихъ чертахъ совершенно съ нею согласенъ; но въ настоящее время нѣтъ никакой возможности привести западную и среднюю арміи въ ту силу, которую вы полагаете имъ дать. Все будетъ зависѣть отъ оборота политическихъ обстоятельствъ къ веснѣ. Для бо̀льшей ясности прилагаю при семъ особую записку.

Здѣсь мы уже пятый день въ ожиданіи того, на что̀ рѣшится огромная непріятельская армада, стоящая съ десантнымъ войскомъ въ виду Одессы, въ числѣ 88 судовъ.

Такъ какъ доселѣ бомбардировка не начиналась, то весьма можетъ быть, что непріятель хотѣлъ только сдѣлать демонстрацію, дабы заставить насъ стянуть войска къ Одессѣ, а самому броситься къ Очакову и Кинбурну, для угроженія Николаеву, или къ Перекопу для дѣйствія въ тылъ кн. Горчакову.

Поэтому въ войскахъ южной арміи никакихъ передвиженій покуда не дѣлается, кромѣ сближенія кирасирскаго корпуса къ Одессѣ и Николаеву.

Въ Крыму тылъ князя Горчакова обезпеченъ гренадерскимъ корпусомъ, усиленнымъ дружинами ополченія. Противъ лѣваго фланга занимаемой имъ позиціи непріятель начинаетъ медленно подвигаться и по послѣднимъ свѣдѣніямъ авангардъ нашъ отступалъ на правый берегъ рѣки Бельбека.

На дняхъ должно ожидать развязки дѣла.

Да поможетъ намъ Богъ. Александръ.

Замѣчанія, составленныя, по указаніямъ Императора Александра II, на записку князя Варшавскаго.

1-го октября 1855 г. Изъ Николаева.

Государь Императоръ, раздѣляя въ общихъ чертахъ виды генералъ-фельдмаршала, выраженные въ запискѣ отъ 24-го сентября, изволитъ находить однако, что въ настоящее время невозможно опредѣлить ни расположенія войскъ согласно тѣмъ видамъ, ни привести числительной силы западной и средней арміи въ тѣ цифры, которыя показаны въ запискѣ.

По послѣднимъ высочайшимъ указаніямъ, къ веснѣ войскà крымской, южной и средней армій должны быть расположены:

3-й и 4-й пѣхотные и драгунскій корпуса въ Крыму.

5-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ четыре дивизіи и 5-ть легкихъ кавалерійскихъ—отъ Дуная до Днѣстра.

Гренадеры между крымскою и южною арміями (вѣроятно).

2-й пѣхотный и 2-й резервный корпуса (4-я, 5-я и 6-я резервныя бригады), съ 24-мя дружинами—въ составѣ средней арміи въ Волынской, Кіевской и Подольской губерніяхъ.

Измѣненіе въ составѣ и расположеніи войскъ Балтійскаго корпуса, равно и тѣхъ, которыя предназначены для охраненія столицы и береговъ Балтики, не представляется возможнымъ, такъ какъ по протяженію, которое войска эти обязаны защищать отъ покушеній непріятеля, ихъ уже недостаточно.

Числительная сила трехъ армій, также какъ Балтійскаго корпуса и войскъ у защиты береговъ Балтики, не указываютъ средствъ къ отдѣленію отъ нихъ чего-либо для усиленія западной арміи до 170 или 150 баталіоновъ и 150 или 114 эскадроновъ.

Къ веснѣ арміи: крымская, южная и средняя, по расположенію своему, въ состояніи будутъ противудѣйствовать непріятелю, если въ 1856 году, онъ, какъ и въ нынѣшнемъ, обратитъ усилія свои на южныя сухопутныя и береговыя границы имперіи.

Если союзники, вмѣстѣ съ Австріею, угрожали бы западнымъ и юго-западнымъ нашимъ границамъ, то южная и средняя арміи, поддержанныя по возможности гренадерами и частію войскъ крымской арміи, должны быть имъ противупоставлены.

Когда же Австрія одна, или съ подкрѣпленіемъ французскихъ войскъ, вторгнется въ Польшу, то западная армія, согласно прежнихъ высочайшихъ указаній, оставляя гарнизоны въ крѣпостяхъ, должна будетъ отступить или на Балтійскій корпусъ, или на Брестъ-Литовскій, сообразно съ обстоятельствами, дабы средней арміи дать время и средства, съ подкрѣпленіемъ отъ южной арміи, или соединиться съ западною арміею, или дѣйствовать на правый флангъ и тылъ непріятеля.

Расположеніе двухъ кирасирскихъ и одной легкой дивизіи къ веснѣ въ центральной позиціи, около Брацлавля, дастъ возможность употребить этотъ сильный резервъ кавалеріи тамъ, гдѣ окажется нужнымъ.

Въ продолженіи зимы ходъ политическихъ событій и слухи о военныхъ приготовленіяхъ непріятелей, которые могутъ до насъ дойти, дадутъ возможность опредѣлить, соразмѣрно съ нашими способами, какое расположеніе и раздѣленіе должны принять наши арміи къ веснѣ.

Государь императоръ изволитъ находить, что къ назначенію магазиновъ и заготовленію запасовъ для западной и средней арміи необходимо приступить благовременно, и съ такимъ разсчетомъ, что если средняя армія должна будетъ дѣйствовать для подкрѣпленія западной, то чтобы первая не была стѣснена въ своихъ движеніяхъ въ Царствѣ Польскомъ недостаткомъ продовольствія.

Продовольствіе же крымской, южной и средней армій, въ случаѣ дѣйствія сихъ армій на южной и западной границахъ имперіи, должно быть обезпечено независимо отъ продовольственныхъ мѣръ, которыя приняты будутъ въ кругу западной арміи.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Орто-Каралесъ. 2-го октября 1855 г.

Вс—шій Г—рь! Письмо В. И. В. отъ 30-го сентября я имѣлъ счастіе получить сегодня утромъ.

Мнѣ кажется, что вы изволили предугадать съ большою точностію намѣреніе непріятеля по случаю армады, появившейся противъ Одессы, и что мѣры, вами опредѣленныя для южнаго берега нашего, и мнѣ указанныя для полуострова, вполнѣ соотвѣтствуютъ настоящему положенію дѣлъ. Большое счастіе для Россіи, что В. И. В. изволили лично находиться въ Николаевѣ при извѣстіи объ отправленіи союзнаго флота отсюда. Присутствіе ваше дало единство всему дѣлу и подвело всѣ дѣйствія наши подъ одну общую систему.

Согласно воли В. И. В., выраженной въ предъидущемъ письмѣ, я въ особенности занялся тѣмъ: какъ бы приступить къ наступленію въ случаѣ распространенія непріятеля противъ нашего лѣваго фланга. По тщательному обозрѣнію оказалось, что наступленіе въ расположеніи, непріятелемъ занятомъ, не переходя еще Бельбека, было бы довольно рисковано. Пришлось бы атаковать непріятеля въ неприступныхъ почти горахъ; нападеніе стоило бы много крови и успѣхъ былъ бы сомнителенъ. Поэтому я рѣшился первоначально ограничиться усиленіемъ авангарда, тревожными дѣйствіями отъ верховій Качи и усиленнымъ обозрѣніемъ. Но вчера, въ то самое время, какъ все это начинало приводиться въ исполненіе, непріятель очистилъ пространство между Байдарскимъ хребтомъ и теченіемъ Бельбека. Этому я очень радъ. Главное для насъ, въ теченіи октября—и если можно не подвергаясь случайностямъ и большому урону—удержать теперешнюю позицію и сѣверную часть Севастополя. Я думаю, что французы отложили вовсе намѣреніе распространяться по верховьямъ Бельбека и Качи, въ направленіи къ Бахчисараю, видя, что мы не дремлемъ и что дѣло трудное. Въ противномъ случаѣ я буду за ними бдительно наблюдать, и если встрѣтится хорошій случай на нихъ напасть, то не упущу; всего удобнѣе будетъ, кажется, исполнить это, если непріятель, снова ободрясь и занявъ лѣвый берегъ Бельбека, пошлетъ колонну вверхъ по сей рѣкѣ, къ источникамъ

Качи. Главная забота моя въ томъ: не рѣшится-ли непріятель, значительно усилясь еще въ Евпаторіи, выйти оттуда прямо на Симферополь: это было бы всего опаснѣе.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

Николаевъ. 6-го октября 1855 г.

Послѣ письма вашего, любезный князь, отъ 2-го числа, въ которомъ вы упоминали объ отступленіи непріятельскаго авангарда за Бельбекъ, мы уже знаемъ по телеграфу, что онъ вновь усилился противъ вашего лѣваго фланга, и какъ бы даже началъ приступать къ устройству для себя зимнихъ квартиръ въ баракахъ. Между тѣмъ войска союзныя все болѣе и болѣе усиливаются въ Евпаторіи, что и согласно съ получаемыми нами заграничными свѣдѣніями. Изъ всего этого должно заключить, что кампанія нынѣшняго года далеко еще не кончена и что вѣроятно, въ непродолжительномъ времени, будутъ предприняты съ ихъ стороны рѣшительныя дѣйствія.

Изъ вашихъ разныхъ писемъ и записокъ я долженъ заключить, что всѣ различные случаи вами предвидѣны и частные начальники снабжены сообразными инструкціями.

Поэтому я надѣюсь, что вы не дадите себя озадачить какимъ нибудь неожиданнымъ движеніемъ, а будете дѣйствовать согласно принятой вами сисмемѣ, съ рѣшимостью и пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы перейти самому въ наступленіе, разумѣется при возможно выгодныхъ условіяхъ. Да поможетъ вамъ Богъ исполнить это съ успѣхомъ.

Здѣсь союзный флотъ продолжаетъ стоять передъ Днѣпровскимъ лиманомъ. Часть его паровыхъ фрегатовъ и канонерскихъ лодокъ вошли въ самый лиманъ и несчастный Кинбурнъ палъ жертвою трехдневнаго бомбардированія. Я, къ сожалѣнію, это предвидѣлъ и дѣлаю себѣ упрекъ, что не настоялъ на оставленіи этой ничтожной крѣпостцы.

Николаевская батарея впереди Очакова, которой неминуемо угрожала та же участь, по моему приказанію взорвана и гарнизонъ присоединился къ отряду ген.-ад. Кнорринга, наблюдающему за правымъ берегомъ Буга.

Непріятельскій десантъ, высадившійся на Кинбурнской косѣ, какъ полагаютъ въ числѣ 15,000 человѣкъ, доселѣ не усиливается. Поэтому невозможно еще заключить о настоящихъ намѣреніяхъ союзниковъ. Между тѣмъ всѣ оборонительныя мѣры, къ усиленію подступовъ къ Николаеву, приводятся къ окончанію и всѣ свободныя войска уже частью сосредоточены здѣсь, и частью сосредоточиваются, такъ что у насъ будетъ здѣсь всего: 57 баталіоновъ, 4 дружины, 104 эскадрона, 8 сотень и 204 орудія подъ начальствомъ испытаннаго въ боевомъ дѣлѣ ген.-ад. Лидерса. Надѣюсь, что съ помощію Божіею намъ удастся не допустить непріятеля до Николаева.

Вотъ покуда и все. Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Орто-Каралесъ. 8-го октября 1855 г.

В. И. В. Изъ представляемой у сего докладной записки В. И. В. усмотрѣть изволите распоряженія мои, по случаю ожидаемаго наступленія изъ Евпаторіи, гдѣ замѣтно большое движеніе судовъ и увеличеніе войскъ.

Впрочемъ здѣсь все спокойно и новаго ничего нѣтъ замѣчательнаго.

Потеря Кинбурна, хотя я къ тому нѣкоторымъ образомъ былъ приготовленъ, меня крайне огорчила.

Я полагаю, что дѣйствія союзнаго флота въ Днѣпровскомъ лиманѣ скоро прекратятся.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Сейчасъ получаю письмо В. И. В. отъ 7-го числа. Буду стараться выполнить въ точности указанія ваши, Вс—шій Г—рь.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

Николаевъ. 12-го октября 1855 г.

Всѣ распоряженія ваши, любезный князь, по случаю ожидаемаго наступленія союзниковъ отъ Евпаторіи, изложенныя въ особой запискѣ при письмѣ отъ 8-го числа, я нахожу весьма дѣльными. Между тѣмъ по телеграфу мы уже знаемъ, что непріятель, показавшійся по направленію къ Симферополю, вновь отсту-

пилъ, послѣ появленія трехъ полковъ резервной уланской дивизіи на его лѣвомъ флангѣ.

Это повтореніе того же, что, за нѣсколько дней передъ симъ, произошло противъ лѣваго фланга занимаемой вами крѣпкой позиціи и даетъ видъ какъ бы онъ избѣгаетъ встрѣчи, чему впрочемъ я не довѣряю. Не полагаю также, чтобы онъ рѣшился, имѣя васъ во флангѣ, итти вдоль берега отъ Евпаторіи къ Сѣверной части Севастополя. Подобное движеніе, съ его стороны, казалось бы слишкомъ рискованнымъ. Правдоподобнѣе, кажется, наступленіе его прямо къ Симферополю, но и при этомъ, принятыми вами мѣрами, шансы въ нашу пользу, ибо войска ваши, въ самое короткое время, могутъ сосредоточиться и угрожать опять его флангамъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю развязки дѣла, которое, въ самомъ непродолжительномъ времени, должно разъясниться.

Здѣсь союзные флоты находятся въ прежнемъ положеніи и занимались доселѣ одними лишь промѣрами при устьѣ Днѣпра и Буга, причемъ два дня сряду была канонада съ нашею полевою артиллеріею, не причинившая намъ никакой потери, тогда какъ нашими выстрѣлами были повреждены нѣсколько изъ передовыхъ судовъ непріятельской флотиліи.

Десантныя войска, въ числѣ не болѣе 15,000 человѣкъ, стоятъ лагеремъ на Кинбурнской косѣ и за ними наблюдаетъ отрядъ генерала Задонскаго изъ-подъ Херсони.

Здѣсь войска ген.-ад. Лидерса всѣ сосредоточены по обѣ стороны Буга, и благодаря оконченному вчера плотовому мосту могутъ быть, смотря по обстоятельствамъ, скоро и удобно перенесены на болѣе угрожаемый пунктъ.

Между тѣмъ, всѣ оборонительныя работы съ каждымъ днемъ усиливаются и сдѣлаютъ изъ Николаева обширный укрѣпленный лагерь.

Изъ-за границы новаго ничего нѣтъ. Есть свѣдѣніе будто бы Наполеонъ склоненъ къ прямымъ переговорамъ съ нами, но я этому не совершенно довѣряю. Если бы, дѣйствительно, мы могли этого достигнуть, то разумѣется я предпочту **прямые переговоры съ нимъ всякому стороннему вмѣшательству.**

Вотъ покуда и все. **Александръ.**

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Бакчисарай. 13-го октября 1855 г.

Вс—шій Г—рь! Изъ представляемой у сего всеподданнѣйшей записки В. И. В. усмотрѣть изволите настоящее положеніе дѣлъ и дальнѣйшія предположенія мои.

Гроза отъ Евпаторіи еще не миновалась, и я думаю, что на дняхъ будутъ серіозныя дѣйствія оттуда или съ какого-либо другаго мѣста. Преимущество непріятеля состоитъ въ томъ, что ему легко посредствомъ флотовъ почти мгновенно являться гдѣ хочетъ на прибережіи съ большими силами, тогда какъ для противудѣйствія ему намъ должно бѣгать отъ одного конца Крыма къ другому. Но я не теряю надежды, разсчитывая, какъ и прежде, что непріятель почти никогда не сдѣлаетъ всего, что можетъ.

В. И. В. изволите усмотрѣть изъ свѣдѣній, данныхъ англійскимъ офицерамъ на счетъ нашего урона въ Кинбурнѣ, что потеря наша тамъ менѣе значительна, чѣмъ должно было ожидать. Осмѣлюсь доложить, Вс—шій Г—рь, что вы несправедливо дѣлаете себѣ упрекъ въ томъ, что не повелѣли очистить Кинбурна безъ боя. Крѣпости, сколь онѣ не плохи, лучше удерживать до крайности. Это можетъ имѣть неожиданные важные результаты, коими жертвовать заранѣе, въ опасеніи ихъ потери, невыгодно. Доказательствомъ сего служитъ Арабатъ. Этотъ ничтожный фортъ не можетъ серіозно держаться и двухъ часовъ даже противъ горсти непріятелей; мы его не оставили и этимъ вѣроятно удержали Ченгарскій мостъ. Я и теперь приказалъ безъ крайности его не оставлять.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Послѣднее всеподданнѣйшее письмо князя Варшавскаго.

Варшава. 14-го (26-го) октября 1855 г.

Вс—шій Г—рь! Письмо В. И. В. отъ 23-го прошедшаго сентября имѣлъ счастіе получить. Не успѣлъ еще отвѣчать на оное, не имѣя важныхъ дѣлъ, какъ получилъ всемилостивѣйшее письмо отъ 2-го (14-го) октября.

Входя въ мысль предполагаемой дислокаціи войскъ, я вижу, что южная и средняя арміи предназначаются для дѣйствій въ

случаѣ наступленія союзниковъ, однихъ или съ австрійцами, на южные и юго-западные наши предѣлы. Если же Австрія, одна или при помощи французовъ вторгнется въ Польшу, то западная армія, оставляя гарнизонъ въ крѣпостяхъ, должна будетъ уже не маневрировать между крѣпостями (какъ предполагалось въ прошломъ году), но прямо отступить на Балтійскій корпусъ или на Брестъ, сообразно съ обстоятельствами, дабы средняя армія, съ подкрѣпленіями отъ южной, могла или соединиться съ западной арміею или дѣйствовать во флангъ или тылъ непріятеля.

И такъ, руководствуясь симъ планомъ, при невозможности усилить западную армію, я однако сдѣлаю соображеніе о безотлагательномъ составленіи магазиновъ не только для войскъ западной арміи, но съ прибавкою довольствія для 60,000 или 70,000 на шесть мѣсяцевъ.

На дняхъ получилъ я отъ канцлера увѣдомленіе о желаніи прусскаго правительства купить у насъ хлѣбъ изъ военныхъ запасовъ въ Царствѣ Польскомъ. Для насъ весьма важно сохранить дружественныя сношенія съ Пруссіею; канцлеръ полагаетъ, что уступка хлѣба произведетъ для насъ весьма полезное вліяніе. Посему я нашелъ возможность уступить Пруссіи до 30,000 четвертей съ тѣмъ, что изыщу способы пополнить наши запасы, когда будетъ въ томъ нужда.

Здѣсь вездѣ спокойно и благополучно. Болѣзни видимо уменьшаются; дороговизна еще продолжается, но можетъ быть она остановится, когда начнется умолотка хлѣба у помѣщиковъ.

Простите, Вс—шій Г—рь, если пишу не разборчиво; вотъ другая недѣля, что едва хожу отъ болѣзни.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Императоръ Александръ II — князю М. Д. Горчакову.

Николаевъ. 16-го октября 1855 г.

Записку вашу, приложенную къ письму отъ 13-го октября, я прочелъ съ особымъ вниманіемъ и вполнѣ одобряю всѣ принятыя вами мѣры. Надѣюсь что, если непріятель выйдетъ снова изъ Евпаторіи, различные отряды наши успѣютъ во-время сосредоточиться для дружнаго отпора.

Здѣсь ничего новаго нѣтъ; положеніе флота не измѣнилось,

но войска въ Кинбурнѣ укрѣпляются, какъ бы съ намѣреніемъ стать тамъ твердой ногой. Хотя лиманъ зимой и замерзаетъ, но выжить ихъ оттуда не легко.

Записку вашу въ томъ, что относится до усиленія и блиндированія укрѣпленій Киліи, Измаила и Николаева, я передалъ для нужныхъ соображеній генералъ-адъютанту Лидерсу.

Изъ-за границы новаго ничего не получалъ, но по разнымъ свѣдѣніямъ можно ожидать внутреннихъ безпорядковъ во Франціи, вслѣдствіе дурнаго неурожая и возрастающаго отъ того неудовольствія въ низшихъ классахъ. Прежнія революціи почти всегда этимъ начинались, и такъ, можетъ быть, до общаго переворота недалеко. Въ этомъ я вижу самый правдоподобный исходъ теперешней войны, ибо искренняго желанія мира, съ кондиціями, совмѣстными съ нашими выгодами и достоинствомъ Россіи, я ни отъ Наполеона, ни отъ Англіи не ожидаю, а покуда я буду живъ—вѣрно другихъ не приму.

Да поможетъ намъ Богъ выдержать до конца ниспосланное намъ испытаніе.

Вчера вечеромъ получено донесеніе изъ Очакова будто непріятельскія войска въ Кинбурнѣ стали грузиться на суда. Не полагаю, что будучи въ такомъ незначительномъ числѣ, онѣ рѣшились сдѣлать высадку въ Бугѣ, скорѣе можно думать, что оставивши гарнизонъ въ Кинбурнѣ, онѣ воротятся на главный пунктъ театра войны, т. е. Крымъ. Если свѣдѣнія эти подтвердятся, извѣщу васъ немедленно по телеграфу.

Обнимаю васъ отъ всей души. Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

18-го октября 1855 г.

Всем—шій Государь! Письма В. И. В. отъ 12-го и 16-го сего мѣсяца я имѣлъ счастіе получить.

Изъ представляемой у сего особой докладной записки вы изволите, Вс—шій Г—рь, усмотрѣть результаты поѣздки моей въ Евпаторійскій отрядъ.

Теперь мы въ ожиданіи того, что послѣдуетъ съ непріятельскимъ флотомъ по отплытіи его изъ окрестностей Кинбурна. Погода все еще хорошая, и ожиданіе операцій въ мой тылъ продолжится еще довольно долго.

О переворотѣ во Франціи давно уже говорятъ, и нѣтъ сомнѣнія, что народъ крайне недоволенъ. Но французы—буйные противъ слабыхъ правителей, и храбрые на полѣ сраженія, весьма робки, когда имѣютъ дѣло съ правительствомъ, ихъ угнетающимъ. Быть можетъ, что Наполеонъ ихъ еще долго удержитъ въ желѣзныхъ когтяхъ своихъ. И посему намъ должно готовиться еще на продолжительную борьбу. Не прежде, какъ черезъ мѣсяцъ или черезъ два, можно будетъ судить о томъ, что̀ союзники захотятъ предпринять въ будущемъ году.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Телеграфическія депеши Императора Александра II — князю Горчакову.

Николаевъ. 19-го октября 1855 г.

Бывши самъ сегодня утромъ въ Очаковѣ, я убѣдился, что непріятельскій флотъ начинаетъ уходить, ибо изъ 93-хъ судовъ, бывшихъ прежде на рейдѣ, осталось только 53. При этомъ ясно было видно, что мелкія суда грузили войска изъ лагеря, расположеннаго на косѣ близь самаго Кинбурна. Крѣпостные верки исправлены и на нихъ замѣтны орудія. Непріятельскія суда, уходившія при мнѣ въ море, брали курсъ на W. Коль скоро еще яснѣе обнаружится удаленіе непріятеля отъ устьевъ Днѣпра, то я намѣренъ направить къ Перекопу всю 15-ю пѣхотную дивизію съ ея артиллеріею, пользуясь для ускоренія сего движенія перевозочнымъ паркомъ, привезшимъ въ Крымъ маршевые баталіоны Гренадерскаго корпуса. Въ свое время увѣдомлю васъ по телеграфу.

19-го октября 1855 г.

Вслѣдствіе рѣшительнаго отплытія непріятельскаго флота изъ-подъ Кинбурна, 15-я пѣхотная дивизія и 1-я бригада 4-й легкой кавалерійской дивизіи начинаютъ завтра движеніе къ Перекопу, гдѣ имъ, впредь до дальнѣйшаго приказанія отъ меня, и оставаться. Подробный маршрутъ будетъ сообщенъ вслѣдъ.

Императоръ Александръ II — князю М. Д. Горчакову.

Николаевъ. 21-го октября 1855 г.

Изъ письма вашего, любезный князь, отъ 18-го числа и приложенной къ оному записки усмотрѣлъ я объ усиленіи отряда генерала Шабельскаго 12-ю пѣхотною дивизіею. Расположеніе ея

въ Илесѣ нахожу весьма дѣльнымъ, дабы она служила тамъ опорнымъ пунктомъ всей кавалеріи. О замѣщеніи Шабельскаго генераломъ Гельфрейхомъ отдано уже въ приказѣ, равно и о всѣхъ прочихъ лицахъ, согласно вашему представленію.

Теперешнее расположеніе гренадерскаго корпуса считаю также совершенно соотвѣтствующимъ настоящей цѣли, но если Богъ благословитъ кончить осеннюю кампанію благополучно, то я непремѣнно требую, чтобы всѣ [1]) войска, предназначавшіяся къ выводу на зиму изъ Крыма, были немедленно направлены на зимнія квартиры, согласно сообщенному вамъ росписанію. Зимней кампаніи предвидѣть нельзя, потому и не вижу никакой необходимости вводить въ Крымъ новыя дружины ополченія, кромѣ тѣхъ, которыя уже къ вамъ назначены. При этомъ я долженъ вамъ припомнить, что по числу полковъ въ семи дивизіяхъ, остающихся на зиму въ Крыму, назначены къ вамъ 28 дружинъ для составленія четвертыхъ баталіоновъ и кромѣ того 22 дружины, еще не получившихъ особаго назначенія и могущихъ быть употребленными по вашему усмотрѣнію.

Къ веснѣ, когда обстоятельства болѣе объяснятся и яснѣе будетъ видно, гдѣ намъ предстоитъ бо̀льшая опасность, я предоставляю себѣ рѣшить—которую армію чѣмъ усилить, до того я требую, чтобы все было исполнено согласно моимъ указаніямъ.

Движеніе 15-й пѣхотной дивизіи и 1-й бригады 4-й легкой кавалерійской дивизіи къ Перекопу, о которомъ я васъ уже извѣстилъ по телеграфу, служитъ вамъ лучшимъ доказательствомъ, что, пока опасность можетъ еще вамъ угрожать, я не остановился направить къ вамъ послѣдній надежный резервъ южной арміи.

Если союзники хотятъ еще что-либо предпринять до наступленія ненастной погоды, медлить имъ долго нельзя, но такъ какъ они, не смотря на значительныя силы, сосредоточенныя въ Евпаторіи, ограничивались доселѣ одними лишь усиленными рекогносцировками, то весьма можетъ быть, что кампанія нынѣшняго года этимъ и заключится.

Настоящее расположеніе вашихъ войскъ доставитъ возмож-

---

[1]) Послѣднее слово два раза подчеркнуто Государемъ. Ред.

ность, въ самомъ непродолжительномъ времени, сосредоточить ихъ на угрожаемомъ пунктѣ, вотъ почему положеніе ваше я уже вовсе не считаю столь критическимъ, какъ оно было мѣсяцъ тому назадъ.

При этихъ обстоятельствахъ, оставляя на будущей недѣли Николаевъ, который я также считаю на нынѣшній годъ вполнѣ обезпеченнымъ, намѣренъ я посѣтить васъ въ Крыму.

26-го на ночь буду я въ Перекопѣ, 27-го въ Симферополѣ, а 28-го въ Бахчисараѣ, если до того обстоятельства не измѣнятся въ невыгодную для насъ сторону.

Другой цѣли я не имѣю, какъ лично поблагодарить васъ самихъ и славныя войска ваши за геройскую оборону Севастополя.

Я полагаю остаться у васъ три дня, дабы успѣть объѣхать, на занимаемыхъ ими позиціяхъ, по крайней мѣрѣ бо̀льшую часть вашихъ войскъ.

Мѣсяцъ тому назадъ, когда положеніе ваше было дѣйствительно критическое, я послѣдовалъ вашему совѣту, но теперь намѣренъ это непремѣнно исполнить, если до того ничего не произойдетъ.

И такъ до скораго свиданія.

Прошу васъ хранить пріѣздъ мой покуда въ тайнѣ и *строжайше запрещаю всякое приготовленіе смотровъ войскъ*, которыя желаю видѣть на бивакахъ или на квартирахъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ есть.

15-ю дивизію и 1-ю бригаду 4-й легкой кавалерійской дивизіи подчинить временно ген.-ад. Плаутину, съ тѣмъ, чтобы безъ самой крайней нужды не трогать ее изъ Перекопа. Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Бахчисарай. 23-го октября 1855 г.

Всем—шій Государь! Письмо В. И. В. отъ 21-го числа я получилъ нѣсколько часовъ назадъ.

Согласно Высочайшей воли вашей я никому не объявляю о пріѣздѣ В. В. въ Крымъ, но осмѣлился, подъ предлогомъ поѣздки, мнѣ предстоящей въ Николаевъ, выставить на станціяхъ по нѣскольку конвойныхъ казаковъ. Простите великодушно это распо-

ряженіе: оно ей-Богу необходимо. Смѣю убѣдительнѣйше просить васъ, Ве—шій Г—рь, дозволить конвоямъ васъ сопровождать.

Смѣю также просить повелѣть увѣдомить меня, поспѣшнѣе, кто именно будетъ имѣть счастіе сопутствовать В. В., сколько будетъ потребно лошадей и сколько будетъ экипажей, дабы хотя нѣсколько облегчить путешествіе ваше, въ этомъ опустошенномъ войною краѣ [1]).

Ни въ Перекопѣ, ни въ Симферополѣ нѣтъ регулярнаго войска, а однѣ дружины: отъ нихъ своевременно будутъ выставлены почетные караулы, если не послѣдуетъ противнаго повелѣнія. Не дозволите-ли привести, подъ какимъ-либо предлогомъ, роту для почетнаго караула въ Симферополь.

Генералу Плаутину выѣхать въ Перекопъ я не приказываю, потому что это было бы противно волѣ вашей. Притомъ онъ нуженъ на мѣстѣ; непріятель продолжаетъ дѣлать поиски изъ Евпаторіи.

Испрашиваю разрѣшенія — буде обстоятельства дозволятъ — прибыть мнѣ къ 27-му числу въ Симферополь.

Утромъ третьяго дня, удостовѣрясь объ отступленіи непріятеля въ Байдарскую долину, я предписалъ начать расформированіе 15-й резервной дивизіи. Изъ сего В. И. В. усмотрѣть изволите, что при первомъ даже видѣ возможности отправленія отсюда войскъ, я немедленно приступаю къ исполненію.

Непріятельскій флотъ возвратился въ Камышъ; по крайней мѣрѣ довольно значительною частію. Предпримутъ-ли еще что-либо серьезное союзники нынѣшнею осенью—должно скоро рѣшиться. Кажется, что ничего важнаго не будетъ. Непріятель упустилъ выгодное время и знаетъ, что теперь пришло сюда много новаго войска.

---

[1]) 23-го октября, по телеграфу, сообщено князю Мих. Дм. Горчакову:
„Государь и ихъ Высочества будутъ слѣдовать въ трехъ отдѣленіяхъ. Въ 1-мъ экипажей 4, лошадей 24, во 2-мъ, въ которомъ поѣдетъ Е. И. В., экипажей 9 и лошадей 55, въ 3-мъ поѣдутъ ихъ Выс—ва, экипажей 4, лошадей 36. 2-е отдѣленіе выѣзжаетъ изъ Каховки и прiѣдутъ 27-го октября: 1-е отдѣленіе днемъ раньше, 3-е отдѣленіе днемъ позже. То же число лошадей, т. е. 115 нужно имѣть для сихъ экипажей на все время пребыванія Е. И. В. въ главной квартирѣ вашей, на случай движенія съ оною“.

Пріѣздъ В. И. В. въ Крымъ осчастливитъ и оживитъ войска. Да послужитъ онъ для Россіи знаменіемъ новой эпохи могущества и славы.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и пр.

Телеграфическая депеша Императора Александра II — князю Горчакову.

25-го октября 1855 г.

Конвой дозволяю. Почетные караулы запрещаю и роты для сего въ Симферополь не приводить. Васъ прошу туда пріѣхать къ вечеру 27-го октября. Списокъ лицамъ будетъ доставленъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ

въ воспоминаніяхъ стараго правовѣда.

I.

Императорское училище правовѣдѣнія основано, какъ извѣстно, въ С.-Петербургѣ, въ 1835 году, по мысли и на средства его императорскаго высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Вѣрное общему міровому закону, по которому ничто созданное рукою человѣка не остается неизмѣняемымъ, оно, въ теченіе своего, почти полустолѣтняго, существованія, во многомъ измѣнилось: утратило старое, пріобрѣло новое.

Первые питомцы, ряды которыхъ начинаютъ уже значительно рѣдѣть, были свидѣтелями первыхъ дней жизни и первыхъ шаговъ новорожденнаго. Они могутъ и должны, устно или письменно, передать дѣтямъ своимъ и другимъ всѣмъ, кому дорого свое, отечественное, родное—то, что осталось у нихъ въ памяти изъ училищной жизни, въ надеждѣ, что и ихъ дѣти, въ свою очередь, передадутъ своему потомству повѣсть о былыхъ временахъ учебно-воспитательнаго заведенія, которому они обязаны своимъ образованіемъ и которое сослужило уже такую службу государству, давши ему болѣе тысячи человѣкъ, жизнь которыхъ или всецѣло, или въ большей или меньшей степени отдана и отдается на служеніе Россіи.

Если общая исторія какого либо учебнаго заведенія, за отсутствіемъ записокъ или воспоминаній бывшихъ питомцевъ, можетъ, какъ подумаютъ нѣкоторые, быть составлена на основаніи однѣхъ оффиціальныхъ данныхъ, какъ-то: годовыхъ отчетовъ, дневныхъ классныхъ журналовъ и т. п., то повѣсть о жизни какого либо замѣчательнаго дѣятеля, на томъ или другомъ поприщѣ государственной жизни, который, воспитаніемъ своимъ обязанъ тому заведенію, не можетъ

быть иначе написана, какъ на основаніи данныхъ, полученныхъ отъ его сверстниковъ или товарищей.

Къ числу именъ, чаще другихъ повторяемыхъ въ кружкахъ любителей музыки и вообще поклонниковъ искусства въ нашемъ обширномъ отечествѣ, принадлежитъ имя Александра Николаевича Сѣрова.

Въ печати не мало уже было говорено и писано про нашего замѣчательнѣйшаго русскаго композитора, но едва-ли всѣ тѣ, кто зналъ его лично и находился съ нимъ въ сношеніяхъ, подѣлились съ публикою тѣмъ, что имъ было извѣстно изъ его жизни. Мнѣ привелось, одно время, жить съ Сѣровымъ вмѣстѣ, а потому я не считаю себя въ правѣ похоронить съ собою тѣ свѣдѣнія о лучшей порѣ его жизни, какъ принято обыкновенно называть лѣта молодости, когда мы послѣ разлуки въ училищѣ, чрезъ восемь лѣтъ, встрѣтились въ Крыму и какъ дѣти одной, общелюбимой и дорогой alma mater, сошлись старыми друзьями въ этой благословенной и живописной Тавридѣ, природа которой такъ много говоритъ душѣ, способной ея слушать, и провели нѣсколько лѣтъ самой лучшей, молодой, веселой задушевной жизни. Но такъ какъ каждое учебное заведеніе имѣетъ, кромѣ общихъ, свои частныя, особыя свойства, кои кладутъ на каждаго воспитывавшагося тамъ извѣстный отпечатокъ и имѣютъ рѣшительное вліяніе на всю его жизнь, то оказывается невозможнымъ говорить и писать о человѣкѣ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ, вышедшемъ изъ того воспитательнаго заведенія, не коснувшись жизни самаго этого заведенія и его порядковъ. И потому, имѣя въ виду сообщить нѣчто о Сѣровѣ, я долженъ повести рѣчь о первыхъ годахъ правовѣдѣнія, и о тѣхъ явленіяхъ его жизни, которыя неминуемо должны были вліять и дѣйствительно вліяли на его питомцевъ.

Но чтобы сохранить связь въ разсказѣ, я долженъ говорить и о себѣ, такъ какъ и самъ былъ однимъ изъ колосьевъ этой обильной нивы, и былъ съ Сѣровымъ въ школѣ въ одно и то же время.

II.

Меня, въ дѣтствѣ, не тянула къ себѣ земля; будучи ребенкомъ, я все бредилъ моремъ. Зыбкій путь этотъ казался мнѣ самою прочною дорогою къ славѣ, почестямъ, богатству.

И можетъ быть, отецъ рѣшился бы ввѣрить бурной стихіи рѣзваго мальчика, опредѣливъ его, согласно его желаніямъ, въ морской корпусъ, если бы въ то время не открылось училище правовѣдѣнія и не привлекло къ себѣ взоры всѣхъ родителей Петербурга.

Старинному барскому дому Неплюева, на углу Сергіевской улицы и набережной Фонтанки. суждено было принять въ нѣдра свои молодыя, юныя силы и сдѣлаться разсадникомъ будущихъ ревнителей правды и насадителей правосудія на землѣ русской.

Сынъ великой княгини Екатерины Павловны, принцессы Ольденбургской, родной племянникъ царствовавшаго тогда императора Николая Павловича, принцъ Петръ Георгіевичъ могъ бы благотворную дѣятельность свою и денежныя средства обратить на какое либо иное, полезное для своего отечества, дѣло, но чуткое сердце молодого принца (его высочеству въ годъ основанія училища правовѣдѣнія, и именно въ 1835 году, минулъ 21 годъ), полное высокихъ чувствъ и глубокой христіанской любви къ ближнему, которымъ онъ остался вѣренъ до послѣдней минуты своей жизни, указало ему то больное мѣсто въ организмѣ земли русской, на изцѣленіе котораго надлежало обратить первыя заботы, первую помощь.

Отправленіе правосудія,—этого жизненнаго нерва въ государственномъ тѣлѣ,—находилось въ Россіи, въ то время, въ самомъ плачевномъ состояніи. Взяточничество и крючкотворство, подкупы и проволочки находили себѣ покойный пріютъ почти во всѣхъ присутственныхъ судебныхъ мѣстахъ, начиная отъ высшаго до низшихъ. Лучшія и драгоцѣннѣйшія блага, дарованныя Богомъ человѣку: жизнь, личная свобода, семейное благосостояніе, наконецъ права имущественныя,—все это находилось въ рукахъ судей и секретарей и все можно было, какъ на торжищѣ, продать и купить за деньги. И къ этой-то застарѣлой гангренозной язвѣ молодой принцъ, какъ истинный другъ человѣчества, не убоялся приложить свою руку. Длиненъ былъ бы скорбный листъ, если бы мы вздумали, въ подтвержденіе словъ нашихъ, вписывать въ него всѣ симптомы и проявленія той губительной болѣзни, которая тогда разъѣдала наши силы и корень которой таился въ подкупности. Вѣсы Ѳемиды, какъ бы по прихоти вѣтра, колебались то въ ту, то въ другую сторону, по произволу, и все не находилось людей, которые бы указали на средства, могущія помочь народной бѣдѣ этой. Исправлять тогдашнихъ подкупныхъ дѣятелей и внушать имъ иной образъ мыслей и дѣйствій было бы трудомъ напраснымъ; болѣе удобнымъ оказывалось приготовить новыхъ людей, составить новый контингентъ дѣятелей и пополнять ими ряды отставляемыхъ и выбывающихъ.

Трудную эту задачу, основанную на благой мысли, первый принялъ на себя принцъ Петръ Георгіевичъ и открытіе императорскаго училища правовѣдѣнія, послѣдовавшее въ 1835 году, въ пятый день декабря мѣсяца, привѣтствовано было всѣми, какъ явленіе отрадное,

какъ нѣчто вносящее здоровыя, новыя жизненныя силы въ больное, разслабленное тѣло. Если правду и правосудіе дозволятъ сравнить съ солнцемъ, то можно будетъ справедливо выразиться, что зимою 1835 г. взошло новое, равномѣрно и не лицепріятно распредѣляющее лучи свои, свѣтило, а темныя облака, мрачныя тучи и тѣни, облегавшія землю русскую, стали мало по малу изчезать, сходить, стушевываться, и 5 іюня 1840 г. правовѣдѣніе настежь открыло свои двери, чтобы первенцевъ своихъ или первыхъ бойцевъ за долгъ и правду, въ числѣ четырнадцати человѣкъ, выпустить на служеніе великому дѣлу отправленія правосудія и воздаянія каждому по дѣламъ его. И скромно, не шумными шагами, пошли эти проповѣдники новой мысли, новаго ученія, крѣпко и твердо храня въ сердцахъ своихъ, какъ святыню, данные имъ въ путь училищемъ завѣты. Между этими четырнадцатью молодыми людьми находился и Александръ Сѣровъ.

III.

Когда вмѣсто морского корпуса рѣшено было отцемъ моимъ отдать меня во вновь открытое училище правовѣдѣнія, тогда приняты были и мѣры къ подготовленію меня къ выдержанію пріемнаго экзамена.

Въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ отцу и находившемся близь Таврическаго сада, въ концѣ Сергіевской улицы, все встрепенулось. Маленькаго претендента на званіе юриста взяли изъ пансіона, содержимаго цѣлымъ нѣмецкимъ семействомъ, и пріискали ему учителя, по фамиліи Г. Старчевскаго. Въ лучшей и просторнѣйшей комнатѣ того дома, въ переднемъ углу подъ образами, раскрыли ломберный столъ, поставили на него маленькую чернильницу, положили большую линейку и, помолясь Богу, приступили къ дѣлу. Учитель мой, высокій, красивый блондинъ, оказался добрымъ, хорошимъ наставникомъ и, мало-по-малу, довольно успѣшно, съ нимъ я началъ подвигаться впередъ, и дѣлать порядочные успѣхи.

Въ іюлѣ сданы были удовлетворительно экзамены, и насъ отпустили домой въ полномъ невѣдѣніи, кто будетъ принятъ и кто нѣтъ. Эти нѣсколько дней неизвѣстности были тяжелыми днями. Наконецъ, въ ближайшее воскресенье, въ то время, когда вся семья сидѣла за обѣдомъ,—въ полутемной передней нашего дома появилось что-то необыкновенное, чего никогда тамъ дотолѣ никто не видывалъ, что-то массивное, красное. Это былъ осанистый, важный по виду правовѣдскій швейцаръ Мякотинъ, въ придворной красной ливреѣ. Позванный въ столовую къ отцу, онъ передалъ ему, молча, казенный пакетъ. Участь моя была рѣшена,—я, съ той минуты, сдѣлался правовѣдомъ.

IV.

По уставу, курсъ ученія въ Правовѣдѣніи былъ семилѣтній, но первоначально открыто было только четыре младшихъ класса, которые и помѣщались въ третьемъ этажѣ, по Косому переулку, надъ тогдашнею, да кажется и теперешнею, квартирою училищнаго священника. Угловая комната съ балкономъ была занята самымъ младшимъ классомъ, и чтобы попасть въ него надо было пройти всю длинную амфиладу комнатъ, выходившихъ окнами на Фонтанку и занятыхъ спальнями. За классными комнатами находился лазаретъ, со старикомъ-смотрителемъ во главѣ, который постоянно читалъ толстую, увѣсистую, въ старомъ кожаномъ переплетѣ, книгу Ѳомы Кемпійскаго.

Неизвѣстно почему, къ имени этого почтеннаго старика-смотрителя, добраго и привѣтливаго, Александръ—воспитанники прибавили эпитетъ Македонскій; и когда онъ, бывало, своею старческою поступью, проходилъ классы или попадался воспитанникамъ въ столовой или рекреаціонной залахъ, то, плотно окруживъ его, ему всегда пѣли громкимъ хоромъ:

Александръ Македонскій былъ извѣстенъ міру,
И всѣ царства покорились Персидскому Киру!

Конечно, таковое пѣніе должно было порядкомъ надоѣдать бѣдному смотрителю. Но чтитель «Подражанія Христу» не возмущался духомъ; онъ тихо и спокойно, подвигаясь впередъ, раздвигалъ насъ рукою, какъ неспѣлые колосья, и, мощною дланью (онъ былъ очень силенъ) отворивъ дверь, нѣкоторое время стоялъ за нею, придерживая ее за собою, покудова пѣніе и клики совсѣмъ не смолкали.

Я принятъ былъ въ самый младшій классъ. Ученіе, въ то время, не отличалось тѣми особыми пріемами, которые были введены впослѣдствіи. Учили попросту и больше наизусть. Языки, кромѣ русскаго, преподавались латинскій и англійскій.

Неизвѣстно почему на англійскій языкъ обращено было особенное вниманіе, что должно заключить изъ того, что для каждаго класса былъ особый преподаватель. Тогда ихъ было четверо: Варрандтъ, Митчель, Веберъ и Мозерби. Первый изъ нихъ, заслуженный профессоръ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отличнѣйшій, добрѣйшій человѣкъ; двое другихъ ничѣмъ особеннымъ не отличались, но четвертый—Мозерби—былъ крайне суровый педагогъ, съ виду походившій на индѣйца. Лице его, почти темно-бронзоваго цвѣта, отличалось крупными чертами, широкимъ носомъ и черными, какъ уголь, свер-

кающими глазами. Не знаю, какъ относительно другихъ, а на меня онъ наводилъ, просто, какой-то неопредѣленный ужасъ, какой-то невольный, паническій страхъ. Малѣйшій шумъ въ классѣ, невзначай, громко сказанное слово влекли за собою немедленную кару. Ставить на колѣни, кажется, доставляло ему величайшее удовольствіе.

И я, съ печалью, вспоминаю грустный случай, произшедшій со мною на второй или третій день поступленія, и хочу разсказать его, не съ тѣмъ, чтобы потревожить память мистера Мозерби (миръ праху его!) но съ цѣлію, чтобы молодые, начинающіе учителя и педагоги, если имъ случится читать строки эти, имѣли случай еще лишній разъ замѣтить, какъ одинъ какой-либо несправедливый и жесткій поступокъ съ дѣтьми глубоко западаетъ имъ въ душу и оставляетъ слѣдъ на все теченіе ихъ жизни. Надо сказать, что мы тогда любили принца всею душею и оставаться наказаннымъ въ его присутствіи, на его глазахъ, было, конечно, величайшимъ дѣтскимъ несчастіемъ, большою сердечною скорбью. Мѣсто, предназначенное суровымъ англичаниномъ для колѣностоянія, наша классная Голгоѳа, было выбрано имъ такъ удачно, что приближающаяся къ классу особа, проходя по спальнямъ, далеко, издали могла видѣть того несчастнаго юношу, который, заслуженно или незаслуженно, несъ на себѣ строгую кару. Только что, за какую-то невинную шалость, приведенъ я былъ къ этому ужасному мѣсту и поставленъ на немъ на колѣни, какъ вдругъ раздался звонокъ, извѣщавшій училище о пріѣздѣ принца. Боже! Боже! какъ дрогнуло во мнѣ сердце. Не помня себя, вскочилъ я съ своего позорища, и, обливая новую казенную курточку горючими слезами, прижимая къ груди, крѣпко сложенныя въ пальцахъ, руки, голосомъ, полнымъ горя и отчаянія—просилъ и умолялъ простить меня. Увы! злой Мозерби не сказалъ мнѣ ни слова; своими желѣзными руками, молча, взялъ меня за плечи, и повелъ, ни живого ни мертваго, на прежнее мѣсто казни. И принцъ прошолъ мимо меня и покачалъ головою. Горькія слезы, потомъ, конечно, осохли; но это была первая моя дѣтская туга, первая скорбь житейская. Тутъ уже не былъ родительскій домъ; и мнѣ впервые сказалось, впервые почувствовалъ я, что ни отецъ, ни мать, ни братья, ни сестра—не могутъ придти и защитить меня. Это было первое понятіе, первое сказаніе человѣку, что на землѣ, кромѣ отца и матери, есть и другіе люди, и что между этими людьми есть люди недобрые, непрощающіе, и что такихъ людей какъ будто надо избѣгать и опасаться. Словомъ, ничтожный, повидимому, случай этотъ нравственно глубоко повліялъ на меня и произвелъ впечатлѣніе, которое какъ-то особенно тяжко легло на юную душу.

V.

Въ тѣ былые времена какъ-то принято было, чтобы каждый новичекъ подпадалъ подъ опеку или подъ покровительство одного изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ. И это крѣпко, въ то время, было вкоренено среди питомцевъ. Это была хорошая черта; это было нѣчто весьма доброе. Съ одной стороны, таковое заступничество показывало честное, нравственное стремленіе сильнаго оказывать защиту слабѣйшему, а съ другой, ребенокъ (тогда мальчикъ 12 лѣтъ былъ часто еще настоящій ребенокъ) не чувствовалъ такъ сильно рѣзкаго перехода изъ семейной среды въ совершенно чуждый кругъ, и имѣлъ, на первыхъ порахъ, друга и руководителя, нѣсколько замѣнявшаго ему людей, самыхъ близкихъ его сердцу. У насъ, какъ и вездѣ кажется, къ новичкамъ обыкновенно приставали, испытывали ихъ, и иногда испытаніе это представляло изъ себя путь, весьма тернистый. Этого не избѣгалъ, помнится, никто. Нѣтъ потому ничего мудренаго, что чистое, не испорченное, юное сердце старшаго по лѣтамъ шло, безъ призыва, само собою, на помощь къ этому испытуемому, страждущему. А что въ этихъ испытаніяхъ новичковъ заключалась порядочная, а иногда и весьма значительная, доза страданій—это несомнѣнно. И такимъ образомъ, та же самая судьба, которая ниспосылала на новопоступившаго злое испытаніе и тяжкіе удары, — въ то же самое время, посылала ему и утѣшителя, и покровителя, и друга, который силою своего заступничества могъ и облегчать это испытаніе, и отводить эти удары.

Не помню при какихъ обстоятельствахъ началось такое доброе патронатство надо мною; знаю только, что роль этого охранителя, этого оберегателя невинныхъ дѣтскихъ чувствъ и доброй нравственности ничего непонимавшаго мальчика выпала на долю воспитанника Алексѣя Михайловича Жемчужникова, одного изъ лучшихъ питомцевъ по своему классу, впослѣдствіи вышедшему однимъ изъ первыхъ и надѣлившаго русскую литературу, правда, немногочисленными, но, по внутреннему содержанію и формѣ, замѣчательными стихотворными произведеніями. Будучи отъ природы весьма живымъ и бойкимъ мальчикомъ, я бы неминуемо, особенно въ первое время, подвергалъ себя частымъ наказаніямъ, если бы покровитель мой, какъ умѣлый шкиперъ, благополучно проводящій судно среди шкеръ и мелей подводныхъ, не указывалъ мнѣ безъопасный путь и не руководилъ меня своими добрыми и умными совѣтами,—укращавшими мою живость и отвращавшими отъ меня бури и штормы со стороны

властей и начальства. Не ограничиваясь устными бесѣдами во время рекреацій, мы завязали между собою усердную переписку. Каждый день, послѣ вечернихъ классовъ, обмѣнивались мы письмами или маленькими записочками, которыя, по всей вѣроятности, съ его стороны, заключали наставленія и совѣты, а съ моей—подробные и полные отчеты о моемъ поведеніи. Письма или записочки эти, составлявшія уже порядочную пачку, перевязаны были у меня ниткою и хранились подъ замкомъ въ шкатулкѣ, которая почти у каждаго воспитанника имѣлась и находилась въ спальномъ шкапчикѣ въ дортуарахъ. Въ нашемъ классѣ разъ какъ-то случилась пропажа. Всѣ шкатулки, одновременно, были сторожами или, какъ ихъ называли, дядьками, собраны и отнесены прямо на квартиру къ директору. Каждаго изъ насъ вызывали порознь, по одиночкѣ, внизъ въ квартиру директора, и тамъ, въ присутствіи училищнаго священника, сидѣвшаго рядомъ съ С. А. Пошманомъ, призванный обязывался, имѣвшимся у него ключемъ, шкатулку отпереть; послѣ чего, всему заключающемуся въ ней дѣлался подробный осмотръ; и если ничего вреднаго, предосудительнаго или недозволеннаго въ ней не оказывалось, то воспитанника, по добру по здорову, отпускали въ классъ обратно. Въ моей шкатулкѣ оказались записки матери, при коихъ зачастую присылались гостинцы и разные,—тогда считавшіеся крайне необходимыми,—предметы и вещи, какъ-то: помада, духи, зубная розовая паста, собственные носовые платки, бѣлыя замшевыя перчатки и т. п., затѣмъ нашелся тамъ цѣльный жареный рябчикъ, принесенный наканунѣ изъ дому, два, три яблока и груша, и въ особой пачкѣ—письма и записки моего патрона. Все было положено обратно въ шкатулку, кромѣ писемъ и записокъ А. Жемчужникова, неизвѣстно почему подвергшихся секвестру, и дальнѣйшая участь коихъ мнѣ осталась неизвѣстною. Впослѣдствіи, любопытный знать, что, въ то счастливое время, могли мы сообщать и писать другъ другу, я пытался отыскать ихъ, чтобы возобновить въ памяти эти драгоцѣнные дни дѣтства, оставшіеся гдѣ-то такъ далеко, далеко, но успѣха въ этихъ поискахъ не имѣлъ.

Въ памяти моей, какъ вѣроятно и многихъ другихъ правовѣдовъ стараго времени, уцѣлѣли характеристическіе портреты, въ хорошо сохранившихся краскахъ, всѣхъ начальствующихъ лицъ, профессоровъ и учителей тогдашняго времени, но здѣсь не мѣсто ихъ описывать, хотя многіе изъ нихъ представляли изъ себя вполнѣ оригинальные типы. Точно также многое можно бы было разсказать о домашней, такъ сказать интимной, жизни первыхъ годовъ училища правовѣдѣнія, что представило бы, можетъ быть, довольно интереса

для питомцевъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ, но и это не входитъ въ настоящую нашу задачу. Мы позволяемъ, однако-же, себѣ надѣяться, что нынѣшнее начальство училища правовѣдѣнія потщится, ко дню пятидесятилѣтняго юбилея, составить, помимо сухихъ оффиціальныхъ отчетовъ—такую обстоятельную картину прошлой училищной жизни, такое подробное и точное описаніе ея, которое, по своей искренности и вѣрности, было бы, съ большимъ удовольствіемъ, прочтено старыми правовѣдами, а, можетъ быть, могло бы служить не безъинтереснымъ чтеніемъ и для будущихъ поколѣній. Таковая «Семейная хроника» крайне желательна, и мы будемъ весьма благодарны тѣмъ, кто приметъ на себя трудъ ею заняться и ее составить.

VI.

Припоминая все старое, мы не можемъ не привести себѣ на память одной особенности, которая безъ сего, можетъ быть, будетъ пропущена или ускользнетъ отъ вниманія будущихъ исторіографовъ училища. Эта особенность касалась собственно преподаванія и заключалась въ томъ, что въ то время было въ большомъ ходу заучиваніе наизусть. Не только такіе предметы, какъ священная исторія, географія, статистика, исторія — твердились на память, насъ заставляли, напр., учить наизусть написанную труднымъ, книжнымъ нѣмецкимъ языкомъ, извѣстнымъ германскимъ ученымъ и юристомъ Штекгардтомъ—пропедевтику и энциклопедію права. Мало того, изученіе англійскаго языка, сдѣлавшееся впослѣдствіи необязательнымъ, также не миновало этой участи и, помимо всякихъ діалоговъ и т. п., насъ прямо обязывали заучивать на память извѣстное произведеніе Гольдсмита: The Vicar of Wakefield и отвѣчать цѣлыя страницы изъ него, слово въ слово.

Много труда тогда положено было на это дѣло, и не смотря на то, все-таки англійскій языкъ былъ еще и въ наше время почти совершенно оставленъ, и въ памяти сохранились только первыя строки этой книги, самое ея начало, которое гласило такъ: I was ever of opinion that a honest man — долженъ неминуемо, первымъ дѣломъ, связать себя узами Гименея и вступить въ законный бракъ. Совѣтъ, можетъ быть, очень полезный, но въ то время немножко несвоевременный. На англійскій языкъ, какъ я сказалъ, не обращалось особеннаго вниманія, а потому знаніе или незнаніе урока не влекло за собою такихъ послѣдствій, какъ, напримѣръ, незнаніе заданнаго урока изъ пропедевтики. Самые баллы за англійскій языкъ, кажется, не

шли въ счетъ. Но за то, пропедевтика и энциклопедія крайне затрудняли всѣхъ и особенно тѣхъ, кто не былъ дома хорошо подготовленъ къ нѣмецкому языку, а въ училищѣ за три года не могъ или не умѣлъ, или не успѣлъ достаточно его усвоить. Не помнится, чтобы имѣлись даже на каждую лекцію Штекгардта достаточные переводы, такъ что приходилось много работать и трудиться безплодно. Но, впрочемъ, это имѣло ту хорошую сторону, что упражняло нашу память, вырабатывало настоящій нѣмецкій акцентъ, хотя пріобрѣтеніе собственно юридическихъ познаній, можетъ быть, отъ этого нѣсколько и теряло.

Чтобы дать понятіе о слогѣ, которымъ была написана пропедевтика Штекгардта, привожу здѣсь сохранившіеся въ памяти нѣсколько первыхъ строкъ, которыми знаменитое сочиненіе начиналось. Вотъ онѣ: der Mensch fühlt sich, sobald er zum Selbstgewussein gelangt ist, eingegliedort in ein grossen Ganzen, den eben so umgänglich, eben so nothwändig, als seine eigene Dasein ist. И это-то чисто германское произведеніе приходилось намъ твердить и твердить на память, и благо тому, кто былъ рожденъ нѣмцемъ, или зналъ хорошо языкъ нѣмецкій, для слабыхъ же въ немъ это составляло просто камень преткновенія и соблазна. Года два тому назадъ, совершенно случайно досталась мнѣ пропедевтика Штекгардта въ русскомъ переводѣ Ф. Г. Толя, изданная въ 1843 году. Какъ обрадовался я, увидѣвъ эту книгу и какъ пожалѣлъ, что она не попала въ руки въ то время, когда я терзался и страдалъ надъ оригиналомъ.

VII.

Не только первые годы послѣ основанія училища, но и долго потомъ, отношенія принца Петра Георгіевича къ своему дѣтищу были полны самой нѣжной родительской любви, самой изумительной внимательности и заботливости. Его свѣтлость (тогдашній титулъ принца) каждодневно почти посѣщалъ насъ и, не ограничиваясь дневными визитами, заѣзжалъ въ училище часто и въ ночное время. Соскользнувшая подушка, свалившееся на сторону одѣяло не оставались незамѣченными добродѣтельнымъ принцемъ, и были собственными его руками поправляемы. Дѣти платили ему взаимностью, и какъ-то свѣтло и отрадно дѣлалось на душѣ, когда его свѣтлость былъ между нами.

Въ большіе праздники, какъ, напримѣръ, въ Свѣтлое Христово Воскресенье и въ храмовой училищный праздникъ св. Екатерины,

привозилось изъ дворца принца все, что нужно для сервировки стола: серебро, посуда и т. п., раскрывались столы, устанавливались великолѣпными явствами, и родители и дѣти совокупно угащаемы были августѣйшимъ радушнымъ хозяиномъ училища. Устраивались танцовальные вечера въ стѣнахъ заведенія; привозили институтокъ и начинались танцы. А что было еще пріятнѣе, это вечера, которые мы проводили во дворцѣ его свѣтлости. Они всегда почти устраивались внезапно, и имѣли за собою всю прелесть неожиданности. Посреди какого-либо скучнаго послѣ-обѣденнаго класса, большею частію въ холодные, пасмурные зимніе дни, когда der Mensch fühlt sich не особенно-то весело, входилъ воспитатель, и объявлялъ радостную вѣсть, что его свѣтлость, на сегодняшній вечеръ, приглашаетъ всѣхъ воспитанниковъ къ себѣ. Мгновенно книги закрывались, тетради прятались, жестяные зеленые ящички для перьевъ и карандашей громко захлопывались, все юное общество приходило въ большое волненіе, и классъ, volens-nolens, кончался нѣсколькими минутами раньше. Все летѣло въ спальни, мылось, терлось, чистилось, причесывалось, и въ новыхъ мундирахъ и въ замшевыхъ бѣлыхъ перчаткахъ отправлялось на радостный праздникъ.

Это были счастливые дни дѣтства и юности, а воспоминанія о нихъ, и чрезъ многіе десятки лѣтъ, будятъ въ душѣ добрыя чувства и наполняютъ отживающія сердца признательностію и любовью къ человѣку, умѣвшему такъ усладить скучные дни жизни закрытаго заведенія.

Принцъ, одаренный отъ природы нѣжною, чувствительною душею, любилъ всѣ изящныя искусства и особенно, если не ошибаемся, музыку. Онъ самъ сочинялъ музыкальныя пьесы и хорошо игралъ на фортепіано, а потому неудивительно, что въ то время музыка въ правовѣдѣніи процвѣтала и часто устраивались музыкальные вечера съ участіемъ хора военной музыки, а иногда и заѣзжихъ артистовъ. Такъ скрипачъ Молликъ, піанистка Клара Шуманъ и др. участвовали въ училищныхъ концертахъ. Съѣзжалось большое общество, состоявшее преимущественно изъ родителей и родственниковъ. Въ первомъ ряду креселъ, рядомъ съ принцемъ, обыкновенно засѣдалъ тогдашній министръ юстиціи, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, и другіе сановники и высокопоставленныя лица. Послѣ музыки, если бывали приглашены институтки, обыкновенно танцовали. Все это вмѣстѣ взятое въ то время носило на себѣ какой-то семейный, задушевный характеръ, что составляло принадлежность первыхъ лѣтъ жизни любимаго дѣтища принца, и что потомъ, когда дѣтище возросло и окрѣпло и возмужало, повторяться уже въ томъ духѣ не

могло и кажется не повторялось. Нѣкоторые изъ исполнителей-воспитанниковъ, надѣленные музыкальными талантами и хорошо подготовленные въ домахъ родительскихъ, имѣли такимъ образомъ случай показать свое искусство предъ публикою и доставить немалое удовольствіе всѣмъ слушателямъ.

О Сѣровѣ, какъ воспитанникѣ, я могу сказать очень немногое. Онъ былъ четырьмя классами старше меня и отношенія наши нѣсколько сближались только во дни его дежурства. Помню только, что младшій курсъ любилъ его за какую-то особую его ласковость и снисходительность къ младшему возрасту. Будучи дежурнымъ, онъ, кажется, никогда не пользовался правомъ наказывать и штрафовать подначальныхъ, а всегда находилъ возможнымъ, во время обѣдовъ или ужиновъ, повторять нѣсколько разъ прибавку или даже достать отъ старшаго повара для класса лишнее блюдо блиновъ или ватрушекъ. Видится мнѣ Сѣровъ возвращающимся изъ музыкальной комнаты скорыми, спѣшными шагами и направляющимся, чрезъ зало въ классъ, съ кипою нотъ подъ мышками. А что врѣзалось о немъ въ памяти, такъ это удовольствіе, которое тогда доставляли мнѣ, (а конечно и другимъ), его игра на віолончели. Хотя въ бытность въ училищѣ, по настоянію матери, я дѣлалъ только попытки учиться играть на фортепіано и дальше гаммъ и самыхъ легонькихъ этюдовъ не пошелъ, но уже въ тѣ года обнаруживалъ большую любовь къ музыкѣ, какую сохранилъ и понынѣ.

Игра Сѣрова уже въ то время явно обнаруживала въ немъ особыя музыкальныя способности. Віолончель самъ по себѣ инструментъ весьма пріятный, и изъ струнныхъ инструментовъ болѣе другихъ доступный къ передачѣ ласкающихъ ухо звуковъ; но когда небольшая фигура Сѣрова подымалась на эстраду, и смычекъ въ рукѣ его касался струнъ віолончеля, тогда водворялась тишина, напрягались общіе вниманіе и слухъ, и не хотѣлось вѣрить, что слушаешь игру ученика, а не опытнаго, извѣстнаго уже, артиста.

Въ 1840 году, Сѣровъ, окончивъ курсъ, оставилъ училище, какъ уже объ этомъ было говорено выше, и мы только послѣ осьмилѣтней разлуки свидѣлись и сошлись въ Крыму, въ началѣ бурнаго и безпокойнаго 1848 года.

VIII.

Сѣровъ, съ 1846 года, занималъ въ Симферополѣ должность товарища предсѣдателя уголовной палаты. Не всегда въ то время молодые правовѣды ладили съ старыми чиновниками вѣдомства министерства юстиціи. Разница во взглядахъ на отправленіе правосу-

дія, и усвоенныя долголѣтнею практикою понятія о невозможности довольствоваться, за труды свои по службѣ, однимъ получаемымъ отъ правительства жалованьемъ, производили большую рознь между старымъ и новымъ поколѣніемъ чиновъ. По счастію у Сѣрова былъ предсѣдателемъ человѣкъ честныхъ правилъ и доброй души, нѣкто Д. И. Грязновъ. Это былъ старый служака только по лѣтамъ, но по свойствамъ своимъ и взглядамъ на вещи скорѣе подходилъ къ молодому, нежели къ старому поколѣнію людей. Это была славная русская натура, одна изъ тѣхъ личностей, съ которыми всегда отрадно встрѣтиться гдѣ бы то ни было. Человѣкъ холостой, онъ какъ-то болѣе симпатизировалъ молодежи; понималъ стремленія и порывы молодыхъ силъ, просившихся наружу, и снисходительно смотрѣлъ на увлеченія, столь свойственныя лѣтамъ молодости, если только увлеченія эти не влекли за собою вредныхъ послѣдствій для службы или вообще не нарушали законовъ нравственности и порядочности. Самъ онъ былъ рѣдкій труженникъ, несшій на широкихъ, правда, плечахъ своихъ всю тяжесть управленія и отвѣтственности судебнаго мѣста, коему ввѣрена была уголовная часть цѣлой губерніи. Работалъ онъ, если только позволено такъ выразиться, какъ волъ, и кромѣ уголовныхъ дѣлъ собственно по Таврической губерніи, въ его палату переведено было, для разсмотрѣнія, громаднѣйшее, состоявшее изъ множества томовъ, дѣло о растратѣ казенной соли въ Бессарабіи,—растратѣ, длившейся многіе, многіе годы. Дѣло это, на нѣсколькихъ мажарахъ или телегахъ перевезенное въ его квартиру, наполняло ее всю сверху до-низу, и навѣщавшіе Д. И. обыкновенно заставали его окруженнымъ и обложеннымъ разными выписками, справками, выметками, записками, журналами, протоколами и т. п., лежавшими на диванахъ, столахъ, шкафахъ, окнахъ и вездѣ, гдѣ только могъ держаться хоть одинъ листъ бумаги. Тутъ же лежали цѣлыя стопы синей толстой бумаги, исписанныя его крупнымъ стариннымъ почеркомъ. Мы изумлялись его трудолюбію, и съ уваженіемъ смотрѣли на эту почтенную, достойную личность. Это былъ плотный, невысокаго роста мужчина лѣтъ семидесяти, съ большою лысиною на темени и съ бѣлыми, какъ лунь, сѣдыми волосами, окаймлявшими его голову, всегда съ здоровымъ цвѣтомъ лица, всегда чисто выбритый. И когда, бывало, издали увидишь его идущимъ по бульвару въ форменной фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, въ камлотовой, стараго покроя, шинели на распашку, въ старомъ потертомъ вицъ-мундирѣ, съ табакеркою въ правой рукѣ и съ бумажнымъ цвѣтнымъ платкомъ въ лѣвой, то невольно ускоряешь шагъ, чтобы подойти къ этому добродушнѣйшему старцу, въ которомъ билось еще

такое молодое сердце и который, не смотря на то, что былъ весь погруженъ въ это ужаснѣйшее Бессарабское дѣло, успѣвалъ пробѣгать газеты и любилъ потолковать съ молодежью о политическихъ дѣлахъ Запада и Россіи. Конечно, Д. И. своею доброю душею понялъ, что товарищъ, ему назначенный, есть такое лице, которое съ вольнымъ сердцемъ и спокойнымъ духомъ можетъ рыться въ изгибахъ человѣческаго сердца, слѣдить, шагъ за шагомъ, за человѣкомъ, идущимъ къ своему паденію и погибели, и переворачивать весь соръ оборотной стороны жизни. Онъ видѣлъ, что не по душѣ Сѣрову приходилось назначать и подписывать своею рукою количество ударовъ кнута, плетей и другихъ еще болѣе тяжкихъ тѣлесныхъ истязаній, въ тогдашнемъ уголовномъ кодексѣ значившихся. Нѣтъ, маленькая рука Сѣрова, призванная водить по струнамъ, не могла имѣть ничего общаго съ такими инструментами, какъ кнутъ, плети или расколенныя желѣзныя клейма, а потому и Д. И. Грязновъ не очень-то налегалъ на своего товарища по службѣ. Сослуживцы же Сѣрова, ассесоры палаты: Володкевичъ и Тодоровъ очень любили его, и если нужно было—охотно брали на себя то изъ общей дѣятельности. что выпадало на долю товарища.

IX.

Изъ Рязани, гдѣ я служилъ губернскимъ казенныхъ дѣлъ *стряпчимъ*, перевели меня на должность товарища предсѣдателя гражданской палаты въ Крымъ. Я зналъ, что въ Крыму, на службѣ, одинъ только правовѣдъ, а именно Сѣровъ, и не сомнѣвался, что пріѣздъ другого правовѣда будетъ имъ привѣтствованъ, какъ радостное событіе. Необходимо здѣсь замѣтить, что тогдашнія отношенія между правовѣдами были такъ полны добраго, товарищескаго чувства, что напр. я, отправляясь въ Крымъ, не счелъ даже нужнымъ предупреждать Сѣрова о моемъ пріѣздѣ, вполнѣ будучи увѣренъ, что встрѣчу съ его стороны дружескій пріемъ,—и не ошибся.

Я пріѣхалъ въ Крымъ въ самое лучшее время года, въ первые дни тамошней весны, въ началѣ марта 1848 года. Сѣровъ жилъ тогда по Большой улицѣ, за губернаторскимъ домомъ, въ домѣ Нисходовской. Угловой, каменный, одноэтажный домъ тотъ, крытый черепицею, окрашенный бѣлою краскою, стоялъ на горѣ, на которую постепенно и восходила главная улица. Гора эта представляла изъ себя кряжъ, тянувшійся на довольно большое пространство, одна половина котораго была какъ бы отсѣчена и представляла крутой

обвалъ, вышиною саженъ въ пятнадцать. У губернаторскаго дома большая дорога отдѣляла отъ себя другую, которая, спустившись подъ подошву той горы, шла потомъ мимо фонтана, снабжавшаго почти весь городъ свѣжею, ключевою водою, огибала воспѣтый Пушкинымъ Салгиръ, пробиравшійся тутъ же съ журчаніемъ и шумомъ между поросшими мхомъ камнями, и уходила въ даль или, точнѣе, обращалась въ почтовый трактъ, ведущій изъ Симферополя въ Алушту, Ялту, Алупку и другія мѣста южнаго берега Крыма.

Сѣровъ, услышавъ ямской колокольчикъ и увидѣвъ у оконъ своихъ почтовую тележку, вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и мы обнялись съ нимъ на чужбинѣ (тогда Крымъ, при несуществованіи желѣзныхъ дорогъ, считался какимъ-то очень отдаленнымъ краемъ), какъ родные, какъ дѣти одной правовѣдской семьи, въ то время еще не очень многочисленной, и конечно, намъ было о чемъ побесѣдовать послѣ восьми-лѣтней разлуки. Да, тогдашнія отношенія между правовѣдами были вполнѣ дружественныя.

Въ Сѣровѣ я нашелъ искренняго, веселаго, добрѣйшаго товарища, любящаго пошутить и посмѣяться, и человѣка, всего преданнаго музыкѣ; я также былъ оживленнаго и вовсе не угрюмаго нрава, такъ что мы на первыхъ же порахъ сошлись весьма близко, рѣшили жить вмѣстѣ и остаться на той же квартирѣ, въ которой я засталъ Сѣрова. Квартира эта заключалась въ отдѣльномъ домѣ и состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни.

Изъ оконъ этого дома былъ превосходнѣйшій видъ на фруктовые сады, растилавшіеся внизу по Салгиру, и на отдаленныя, покрытыя туманомъ и облаками, вершины южнобережскихъ горъ. Когда, наполнивъ стаканы чаемъ, подошли мы къ окну и я, увидѣвъ сады съ бѣлыми деревьями (было, какъ я упоминалъ, начало марта) съ печальнымъ удивленіемъ спросилъ Сѣрова: что это? снѣгъ? «Нѣтъ, дружище, отвѣчалъ онъ, это цвѣты; вѣдь у насъ здѣсь все уже цвѣтетъ и благоухаетъ; помни, что это Крымъ, а не Россія». Счастливые нашими молодыми годами, предстоящимъ намъ сожительствомъ, сходствомъ нашихъ характеровъ и вкусовъ, и особенно нашимъ теперешнимъ свиданіемъ, сѣли мы у отвореннаго окна подъ лучами теплаго весенняго солнца и, вдыхая наполненный ароматами цвѣтущихъ садовъ живительный весенній воздухъ, предались планамъ объ устройствѣ нашей жизни. Ахъ, то было счастливѣйшее, прекраснѣйшее утро!

Сѣровъ, весь отданный музыкѣ, велъ весьма уединенную жизнь. Въ одной изъ комнатъ, заваленной партитурами, книгами, нотами, находилось фортепіано старой конструкціи, къ которому часто будущій творецъ Юдиеи и Рогнѣды обращался, какъ къ необходимому

пособію при композиціи. Но хотя жизнь Сѣрова и была очень уединенна, онъ все таки не могъ обходиться вовсе безъ людей и общества. Изъ числа двухъ трехъ семейныхъ домовъ, въ которыхъ онъ проводилъ часы своего досуга, былъ одинъ, къ которому онъ питалъ особое расположеніе и дружбу.

Въ разныхъ частяхъ Крыма, съ давнихъ поръ, проживали семейства древняго греческаго происхожденія, изъ коихъ особенно выдавались фамиліи Ревеліотти и Мавромихали.

X.

Семейство Мавромихали было замѣчательное семейство. Всѣ пять сестеръ отличались какъ красотою, такъ и замѣчательными природными способностями, развитыми воспитаніемъ и начитанностію. Четыре сестры въ то время были уже за мужемъ, и одна изъ нихъ, вдова генералъ-маіора Марія Павловна Анастасьева, съ дочерью невѣстою и двумя сыновьями, мальчиками 8—10 лѣтъ, проживала въ Симферополѣ. Г-жа Анастасьева, знакомая со всѣми лучшими литературными произведеніями Англіи, Франціи и Германіи, обладала всесторонними познаніями; могла говорить о чемъ угодно въ области наукъ, искуствъ и художествъ; понимала и любила музыку и. ко всему этому, обладала такою задушевностью въ обращеніи, такою прелестью манеръ, которыя невольно заставляли каждаго искать ея общества, и найдя, дорожить имъ.

Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, музыка не имѣла въ Россіи того значенія и развитія, которыя она получила въ послѣднее время, а потому и не легко было найти въ губернскомъ городѣ людей, которые, не ограничиваясь исполненіемъ на какомъ-либо инструментѣ музыкальныхъ пьесъ, знали бы и теорію музыки, могли бы критически относиться къ произведеніямъ этого искусства и знакомы были бы, хотя поверхностно, съ исторіею ея происхожденія, постепеннаго развитія и хода впередъ. Если таковыхъ лицъ мало или и вовсе не находилось въ городахъ, близкихъ къ центрамъ, то тѣмъ менѣе имѣлось шансовъ встрѣтить ихъ въ далекой окраинѣ Россіи, въ полутатарскомъ Симферополѣ. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Сѣровъ, увидѣвъ М. П. Анастасьеву въ обществѣ, познакомившись съ нею и найдя въ ней личность съ многосторонними и обширными музыкальными познаніями, съ отлично развитымъ музыкальнымъ слухомъ и вкусомъ, весьма радъ былъ этому знакомству, и въ семействѣ Марьи Павловны проводилъ всѣ свободные часы

свои. Въ первый же день моего пріѣзда, вечеромъ, онъ представилъ меня г-жѣ Анастасьевой, какъ своего товарища по школѣ, и мы провели тотъ вечеръ, а затѣмъ проводили и многіе другіе вечера, въ разговорахъ о музыкѣ, въ планахъ о будущности Сѣрова, въ слушаніи его игры и въ разныхъ разсказахъ о Петербургѣ и тамошнихъ нашихъ товарищахъ, имена коихъ начинали уже пріобрѣтать извѣстность и на судебномъ, и на разныхъ другихъ поприщахъ жизни.

Музыкальность Сѣрова была заразительна; она сообщилась и другимъ. Видя постоянно предъ своими глазами такое воплощенное олицетвореніе музыки, какимъ былъ Сѣровъ, не могъ и я оставаться долго пассивнымъ зрителемъ и не поддаться искушенію самому сдѣлаться хотя плохимъ исполнителемъ. Нашелся въ Симферополѣ хорошій учитель музыки, нѣкто Herr Bauer, германскій нѣмецъ, не знавшій ни слова по русски, но крайне усердный и добросовѣстный, и я началъ брать у него уроки игры на фортепіано. Послѣдовали моему примѣру и другіе молодые люди изъ моихъ знакомыхъ (учителя гимназіи Тр. и Куд. и др.) и мы, съ увлеченіемъ, свойственнымъ молодости, и большимъ усердіемъ принялись за дѣло, и играли гаммы по нѣсколько часовъ сряду, и потомъ въ успѣхахъ старались перещеголять другъ друга.

Но въ Крыму не однѣми изящными искуствами можно услаждать свою душу. Тамъ великолѣпнѣйшая природа; тамъ живописнѣйшія мѣста; тамъ высочайшія горы, тамъ наконецъ дивное, чудное Черное море! Меня, и на школьной скамьѣ, и всегда потомъ мечтавшаго о прелестяхъ Тавриды, тянуло, какъ можно скорѣе, насладиться всѣми этими ея красотами, и какъ только весна окончательно вступила въ свои права и настали ясные, теплые майскіе дни, мы съ Сѣровымъ рѣшились совершить далекое путешествіе и объѣхать верхомъ весь южный берегъ Крыма, отъ Алушты до Байдаръ. Третьимъ компаньономъ къ намъ пригласили мы нашего общаго знакомаго, редактора тамошнихъ губернскихъ вѣдомостей, Пл. Сем. Дьяченко.

Это былъ человѣкъ еще молодой, брюнетъ, лѣтъ тридцати, но голова его почти вся была уже покрыта сѣдинами, такъ что по виду онъ казался гораздо старше своихъ лѣтъ, но при этомъ—открытая душа, добрѣйшее сердце, воздѣланный умъ. Если не ошибаюсь, онъ былъ изъ Харьковскаго университета, и уроженецъ Малороссіи, и въ довершеніе всего—поэтъ; писалъ премилые стихи, которые часто, по своемъ рожденіи, приносились къ намъ, читались Сѣрову и мнѣ, и всегда удостоеваемы были нами большого вниманія и почета. И вотъ три путешественника, полные силъ, надеждъ, иллюзій; полные взглядовъ на жизнь, свойственныхъ только молодости; связанные любовью

къ природѣ и узами дружбы, въ Алуштѣ сѣли на маленькихъ, крѣпкихъ и цѣпкихъ татарскихъ лошадей; привязали за сѣдла длинные саквы, родъ дорожныхъ, весьма удобныхъ, мѣшковъ; взяли въ суруджи или въ проводники молодого, ловкаго и расторопнаго татарина, и въ раннее, свѣжее, ясное майское утро, пустились въ невѣдомый для нихъ путь, по живописному берегу сердитаго Эвксинскаго понта.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, путешествіе по южному берегу не представляло, конечно, тѣхъ удобствъ, которыя теперь тамъ можно встрѣтить и которыя явились какъ послѣдствія многолѣтняго пребыванія тамъ особъ высочайшей фамиліи. Выстроились прекрасныя виллы и дачи, воздвиглись многоэтажные отели, переселились туда многіе русскіе люди, и въ бывшемъ татарскомъ краѣ замѣтно усилился элементъ русскій.

Тогдашнее путешествіе было, правда, довольно затруднительно, но за то для русскаго человѣка, не выѣзжавшаго изъ родной земли, имѣло всю прелесть новизны, такъ какъ онъ, покинувъ края родные, вдругъ видѣлъ себя перенесеннымъ въ какой-то совершенно иной, совершенно особый край; видѣлъ себя сразу въ восточной странѣ, наполненной народомъ магометанской вѣры, пониманію коего языкъ русскій былъ вполнѣ недоступенъ. Все это было въ концѣ 1840-хъ годовъ, задолго до начала восточной войны, когда татары не покидали еще ни южнаго берега, ни своихъ виноградниковъ, ни своихъ орѣховыхъ деревьевъ,—деревьевъ такой величины и такихъ огромнѣйшихъ размѣровъ, что доходомъ съ одного дерева могло прокормиться одно татарское семейство въ теченіе цѣлаго года.

Война съ Турціею 1853—56 гг. заставила многихъ татаръ переселиться изъ Крыма, а до переселенія измѣнить, къ сожалѣнію, свои прежнія, добрыя отношенія къ русскимъ. Но въ концѣ 1840-хъ годовъ о возможности войны никто, кажется, и не думалъ и татары, населявшіе южный берегъ Крыма, были славнымъ, честнымъ трудолюбивымъ народомъ, любившимъ русскихъ и, можетъ быть, вполнѣ довольнымъ своею вассальною отъ нихъ зависимостью. Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ протежировалъ татарамъ, и татаринъ всегда находилъ у него защиту въ случаѣ, если какой нибудь чиновникъ вздумалъ бы притѣснить или обидѣть его. Татары хорошо знали это расположеніе къ нимъ свѣтлѣйшаго князя, и умѣли имъ пользоваться.

Характеристика татаръ оказалась бы не полною, если бы мы къ только что упомянутымъ качествамъ ихъ не прибавили вѣковой, традиціонной, всѣмъ восточнымъ народамъ свойственной добродѣтели— это чествованіе гостя, гостепріимство.

Само по себѣ прекрасное свойство это особенно дорого было для тѣхъ, кто объѣзжалъ южный берегъ верхомъ и, конечно, подвергалъ себя бо̀льшей усталости, бо̀льшимъ трудамъ. Но надо замѣтить, что если, за отсутствіемъ гостинницъ и отелей, часто приходилось жестко спать, за то все, что предлагалось путнику, предлагалось съ такимъ радушіемъ, съ такимъ дѣтскимъ простосердечіемъ и искренностью, такъ отъ души, что путникъ ложился на жесткое импровизованное ложе, съ сердцемъ мирнымъ и духомъ покойнымъ, невозмущаемый опасеніями, что на утро съ него за эту постель потребуютъ непомѣрную плату. Нѣтъ, съ него никакой платы не требовали; даже отказывались отъ той, которую онъ, не вполнѣ, можетъ быть, зная строгія правила и законы гостепріимства, столь чтимые поклонниками Магомета, самъ предлагалъ имъ.

Такъ какъ тогдашніе южно-бережскіе татары, какъ мы уже упомянули, почти вовсе не понимали русскаго языка, то не надѣясь на услуги переводчика, мы сочли за нужное составить сборникъ необходимыхъ и чаще встрѣчающихся, во время путешествія, вопросовъ и разговоровъ. Сборникъ этотъ однимъ грамотнымъ татариномъ былъ для насъ переведенъ съ русскаго языка на татарскій и татарскія слова, написанныя русскими буквами, дали намъ возможность объясняться съ татарами на ихъ родномъ діалектѣ. Это насъ всѣхъ троихъ весьма занимало и смѣшило; и маленькая, въ восьмушку листа, тетрадь переходила у насъ безпрестанно изъ рукъ въ руки. Случалось, однакоже, что татаринъ, не смотря на все стараніе наше правильно выговаривать слова—насъ не понималъ. Но потомъ, постоявъ съ минуту въ раздумьѣ, онъ пускался опрометью въ домъ, и съ торжествующимъ видомъ приносилъ вещь, совершенно противоположную той, которую мы отъ него требовали.

Такъ какъ свойства, наклонности и вкусы путешественниковъ взаимно согласовались, и такъ какъ новизна и прелесть впечатлѣній для всѣхъ насъ были одинаковы, а характера, въ ту счастливую пору жизни, мы всѣ были веселаго—то и путешествіе наше было полно безъотчетнаго довольства судьбою и восхищенія всѣмъ, что въ этой дѣйствительно живописнѣйшей мѣстности Россіи представлялось глазамъ нашимъ. Сѣровъ, какъ оказывалось, былъ всѣхъ насъ воспріимчивѣе и не переставалъ выражать восторги свои восклицаніями и оживленными, ему одному свойственными, жестами. Если какой нибудь видъ или мѣстность особенно поражали его, мы, по его приглашенію, останавливались и слезали съ коней нашихъ; Сѣровъ бралъ изъ рукъ проводника свою папку, доставалъ бумагу и карандашъ, примащивался подъ какимъ-нибудь камнемъ или скалою, и

писалъ съ натуры—вѣдь все изящное было ему такъ доступно. А Дьяченко и я, мы тутъ же гдѣ-нибудь по близости, у дороги, подъ цвѣтущими виноградными садами, бросались прямо на каменную, согрѣтую солнцемъ, грудь земли-поилицы; вытягивали во всю длину наши усталыя ноги; подкладывали подъ головы руки, и не желая мѣшать Сѣрову нашими разговорами, молча, не роняя словъ, какъ бы чѣмъ-то пораженные, во всѣ глаза смотрѣли на это дивное сверкающее небо, и слушали шумъ и грохотъ вѣчно говорящаго, вѣчно съ кѣмъ-то таинственно бесѣдующаго моря!

XI.

Посѣтивъ великолѣпное имѣніе князя Воронцова, знаменитую Алупку, мы спускались уже къ самой южной оконечности полуострова, гдѣ подъ громадными скалами пріютились разныя маленькія имѣнія. Въ одно изъ нихъ пріѣхали подъ вечеръ и прямо направились къ небольшому флигелю, гдѣ, за вечернимъ чаемъ, и застали все семейство управляющаго имѣніемъ въ сборѣ. Усталые съ дороги, мы скоро отведены были на ночлегъ, и насъ чрезъ дворъ и чрезъ темноту южной ночи, съ горящею свѣчею въ рукахъ, самъ управляющій провелъ въ какой-то старый большой, деревянный кажется, одноэтажный домъ.

Когда мы вошли, на насъ такъ и пахнуло сыростью и затхлымъ спертымъ воздухомъ. Хозяинъ указалъ намъ большую, угловую комнату, выходящую окнами въ садъ, и самъ удалился, любезно пожелавъ намъ доброй ночи.

Въ переднемъ углу этой комнаты, за ширмами, стоялъ длинный угловой диванъ и передъ нимъ старинный круглый столъ. На одну сторону дивана, короткую, мы съ Сѣровымъ побросали наши платья; а на другую, болѣе длинную, легли сами; Сѣровъ головою въ одну сторону, я въ другую, такъ что ноги наши могли касаться. Дьяченко на кушеткѣ легъ въ той же комнатѣ, у противоположной стѣны, и мы заснули всѣ крѣпкимъ, какъ говорится, богатырскимъ сномъ.

И вдругъ,—странное дѣло,—ровно въ полночь, какое-то чувство, въ одинъ и тотъ же моментъ, разбудило и меня, и Сѣрова; мы всѣми нашими чувствами ощутили, что въ густо заросшую деревьями дверь сада, на глухо запертую и ключа не имѣвшую, кто-то вошелъ. Этотъ кто-то, какъ обычною дорогою, сталъ приближаться къ мѣсту, гдѣ мы спали, и потомъ, какъ нѣкто, хорошо знакомый съ мѣстомъ,

какъ хозяинъ дома, началъ ходить вокругъ нашего стола, какъ бы одною рукою на столъ опираясь.

Мы видѣли своими глазами движущуюся фигуру, мы поражены были запахомъ, свойственнымъ могильному склепу. Сѣровъ и я, объятые ужасомъ, не могли или, вѣрнѣе, не смѣли ни двинуться, ни промолвить слова; только ноги наши мы незамѣтно сблизили и, прижимая ихъ, давали этимъ прижиманіемъ ногъ другъ другу знать, что мы не спимъ и дѣлаемся невольными свидѣтелями чего-то необычайнаго, сверхъестественнаго. Такимъ же неслышнымъ, неземнымъ какимъ-то шагомъ, послѣ двухъ, трехъ круговъ, тѣнь эта, или духъ, или привидѣніе, тихо и покойно, направилось къ двери, и незванный гость исчезъ безслѣдно. Первымъ нашимъ дѣломъ было, какъ помнится, перекреститься, а потомъ оба мы, и Сѣровъ, и я, какъ бы сговорясь, въ одно и то же время, обратились къ третьему нашему компаньону, и спросили: Дьяченко, вы спите?—«Нѣтъ».—Слышали?—«Слышалъ и видѣлъ».—Что же это?—Но Дьяченко, вмѣсто всякихъ объясненій, какъ-то недоумѣнно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многозначительно, протянулъ только одно слово: оказія, завернулся съ головою въ одѣяло и, вѣроятно, хотѣлъ заснуть. Но никому изъ насъ не спалось, и всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали, какъ бы поскорѣе прошла эта подавляющая тьма и появился бы день Божій.

Потомъ намъ разсказывали, что имѣніе это принадлежало когда-то какому-то московскому князю, который былъ убитъ (можетъ быть на томъ диванѣ, на которомъ мы спали), зарытъ въ подвальномъ этажѣ дома, и такъ тамъ и оставленъ будто не отпѣтымъ и по христіанскому обряду не погребеннымъ. Разсказавъ происшествіе это, какъ оно тогда случилось, предоставляю вѣрить или не вѣрить ему. Но думаю, что не удобно отвергать возможность чего либо только потому, что этого съ нами не случалось, что этого сами лично не испытали. Чего на свѣтѣ не бываетъ! Какъ нѣкоторое подтвержденіе возможности подобныхъ явленій—можемъ указать на книгу посмертныхъ сочиненій В. А. Жуковскаго, въ которой находится статья, трактующая объ этомъ предметѣ, примѣрами подкрѣпленная.

Убійственно долго длилась для насъ эта ночь. Еще было темно, когда мы встали и ждали восхода солнца. И вотъ, наконецъ, гдѣ-то вдали, далеко, далеко, тамъ, на краю свѣта, за синимъ моремъ, показался огненный шаръ, и блѣднымъ, нерѣшительнымъ свѣтомъ освѣтилъ окружающее пространство. Затѣмъ, изъ шара этого вышли лучи, все больше и больше, длиннѣе и длиннѣе, и потомъ изъ шара и лучей полился яркій красноватый свѣтъ и отъ темныхъ тучъ на небѣ вся темная поверхность Чернаго моря освѣтилась, заблестѣла

зарябила искрами, просіяла. Насталъ день, взошло солнце; мы вышли изъ жилища тѣней, и—страхи наши исчезли. Хозяинъ нашъ, узнавъ о случившейся съ нами оказіи, какъ умѣлъ успокоилъ насъ, а мы, подкрѣпленные отличнымъ завтракомъ и добрымъ стаканомъ хорошаго вина, пустились въ дальнѣйшій, приближающійся къ концу, путь и, чрезъ Байдарскую долину и Севастополь, скоро окончили наше путешествіе и возвратились въ Симферополь, какъ говорится, на зимнія квартиры. Появленіе души убитаго князя и возбужденный ею страхъ были скоро забыты; мы надъ этимъ приключеніемъ стали даже подсмѣиваться, увѣряя другъ друга, что безъ него путешествіе наше было бы не полно, что оно лишено бы было сильныхъ ощущеній, къ которымъ обыкновенно такъ склонны молодые люди, и потомъ, въ Симферополѣ, мы еще долго говорили про южный берегъ, воспоминая всѣ мѣста, насъ своею прелестью и красотою особенно поразившія.

Когда всѣ эти дивныя картины природы, какъ сновидѣнія, исчезли и мы съ Сѣровымъ, возвратившиеь домой, приступили къ нашимъ обычнымъ дѣламъ служебнымъ и житейскимъ, то все-таки старались какъ можно болѣе свободнаго времени удѣлять музыкѣ. Сѣровъ читалъ много; работалъ еще больше.

Потому-ли, что въ то время среди симферопольцевъ проживалъ такой страстный любитель и глубокій знатокъ музыки, какъ Сѣровъ или потому, что случайно сошлись тамъ нѣсколько человѣкъ, искренно преданныхъ этому благородному искусству—рѣшить не берусь, знаю только то, что музыка тогда играла большую роль и что ей тамошнимъ обществомъ было отведено широкое мѣсто.

И этому тогдашнему своему процвѣтанію музыка, кажется, много была обязана одной изъ тамошнихъ обитательницъ, Авдотьѣ Семеновнѣ Ершовой, рожденной Жегулиной.

Это была пожилыхъ лѣтъ дама, но пользовавшаяся прекраснымъ здоровьемъ. По древнему правилу mens sana in corpore sano, она, сохранивъ здоровье и тѣлесныя силы, сохранила и всю бодрость духа и весь свой свѣтлый умъ; а что того важнѣе—постоянно веселое, ничѣмъ не возмущаемое спокойное расположеніе духа. Дочь, если не ошибаюсь, перваго генералъ-губернатора Новороссіи и Крыма, она въ домѣ родительскомъ получила блестящее образованіе, была замѣтною особою при дворѣ великаго князя Константина Павловича, и въ интимныхъ бесѣдахъ любила часто вспоминать доброе старое время, и передавать намъ, тонко и съ большимъ искуствомъ, разные интересные случаи и анекдоты.

Вела она крайне уединенную жизнь, въ томъ смыслѣ, что почти

никогда никуда не выѣзжала, но имѣла кружокъ близкихъ знакомыхъ, оставшихся ей вѣрными до выѣзда ея въ Москву, предъ самымъ началомъ крымской войны, когда такъ много семействъ, напуганныхъ громомъ альминскихъ пушекъ и близостью англо-французско-турецкихъ войскъ, оставили Крымъ и выѣхали въ Россію.

Въ Симферополѣ, близь собора, у г-жи Ершовой былъ свой домъ, съ балкономъ и маленькимъ палисадникомъ предъ окнами. Нижній этажъ этого дома, состоявшій изъ пяти комнатъ, занимала сама хозяйка. Самою просторною изъ этихъ пяти комнатъ была гостинная. Весь домъ былъ убранъ очень хорошо, но особенно уютностію и изяществомъ, не бросавшимися однако же нисколько въ глаза, отличалась именно эта гостинная, служившая для насъ маленькимъ центромъ, въ которую, почти каждый вечеръ, собирались любители музыки и близкіе знакомые любезной хозяйки. Излишне, кажется, прибавлять, что А. С. любила музыку, сама играла на фортепіано, и въ молодости, говорятъ, обладала хорошимъ, обработаннымъ голосомъ. Заграничные артисты, пріѣзжавшіе въ Одессу, посѣщали обыкновенно и Крымъ съ цѣлію, конечно, полюбоваться южнымъ берегомъ его. И почти всѣ они, будучи въ Симферополѣ, считали долгомъ представиться такой любительницѣ музыки, каковою слыла г-жа Ершова. Тамъ, въ этой гостинной, слышали мы и Шульгофа, и Сеймура Шиффа, и Лешетицкаго (если не ошибаемся), и скрипача Свѣчина, и многихъ другихъ, имена коихъ не остались у меня въ памяти. И такова была внимательность и любезность хозяйки дома къ этимъ заѣзжимъ гостямъ, что посѣщеніе почти никогда не ограничивалось однимъ вечеромъ, на который художникъ обыкновенно приходитъ съ тѣмъ, чтобы показать игру свою и скрыться; нѣтъ, всѣ эти люди какъ-то легко усвоивались въ этой гостинной; находили удовольствіе по-долгу сидѣть въ ней и оставляли ее всегда съ сожалѣніемъ. Такъ, піанистъ Шульгофъ проводилъ тамъ вечеръ не только за роялемъ, но и за ломбернымъ столомъ, играя въ карты по маленькой. Такъ, Сеймуръ Шиффъ, послѣ ужина и рюмки вина, самъ, безъ просьбъ и приглашеній, подходилъ къ роялю, садился за него и окруженный всѣмъ обществомъ неутомимо игралъ свои импровизаціи. Расходились по домамъ далеко за полночь. Кромѣ этихъ случайныхъ музыкальныхъ фестивалей у г-жи Ершовой, устраивались кажется разъ въ недѣлю, музыкальные вечера изъ тамошнихъ любителей. Исполнялись квартеты весьма и весьма удовлетворительно. Нѣкто хорошій скрипачъ Фидлеръ держалъ первую скрипку, предсѣдатель гражд. палаты Р. вторую; альта—упомянутый уже нами учитель музыки Бауеръ и віолончель—ассесоръ той же палаты А.

Завидѣвъ освѣщеніе и огни, подходилъ кто-либо съ вокальными инструментами и общество еще болѣе оживлялось. Сѣровъ не былъ постояннымъ участникомъ въ этихъ собраніяхъ; но частенько, вечеромъ, приходилъ къ Ав. Сем. и тогда — тогда мы наслаждались.

Въ то время Сѣровъ писалъ оперу на тему Гоголя: **Майская ночь или Утопленница.** Это было первое его произведеніе, первое его дѣтище. И дѣйствительно, въ немъ были превосходнѣйшіе мотивы, не ходившіе, какъ говорится, только кругомъ сердца, а прямо въ сердце входившіе. Это были такіе чисто русскіе, національные мотивы; напѣвы такіе прелестные и такъ они магически дѣйствовали на душу, что всѣ мы, тогдашніе слушатели, были просто въ въ восхищеніи и прочили Сѣрову и этой «Майской ночи» свѣтлѣйшую будущность. А когда самъ композиторъ садился за рояль, и послѣ нѣсколькихъ мелодическихъ пѣсень Ганночки начиналъ партію волостного головы, то ему его голоса и рукъ, и головы уже не доставало. Онъ, исполняя своимъ малымъ, но вѣрнымъ голосомъ партію головы. былъ весь жизнь, музыка и движеніе. Его собственная голова быстро поворачивалась со стороны на сторону; глаза горѣли радостью и счастьемъ; а руки хотѣли совмѣстить, на семи октавахъ рояля,— полный оркестръ.

Когда же, высокими нотами, онъ нѣсколько разъ повторялъ: «**Голова безъ головы**», то обѣ ноги его не могли отставать отъ головы и рукъ, находившихся уже въ движеніи, и начинали шумно и и громко топать въ тактъ музыкѣ. Да, по-истинѣ, всѣ мы восторгались этой «Утопленницей» и желали ей, какъ можно скорѣе, воспрянуть отъ своего смертнаго сна, принять другія формы и появиться въ ярко освѣщенной залѣ Петербургскаго театра. Послѣ такой оживленной работы слѣдовалъ отдыхъ. Садились къ столу, говорили о музыкѣ; о крупныхъ политическихъ новостяхъ; разсказывали анекдоты; придумывали разныя игры и шутки. Много было задушевной веселости и смѣху, потому что самая жизнь какъ-то шла интимнѣе и проще. Такъ проводились вечера у г-жи Ершовой. Обыкновенно, послѣ маленькаго, краткаго ужина, безъ котораго не обходился ни одинъ вечеръ, когда одни уходили, а другіе, болѣе близкіе, оставались—Сѣровъ садился за рояль и начиналъ играть, какъ только онъ умѣлъ это дѣлать. Все какъ-то притихало. Старикъ-лакей плотно на замокъ запиралъ наружныя балконныя двери; поправлялъ сдвинутые съ мѣста кресла и стулья, и самъ осторожно удалялся изъ комнаты; а насъ, трое или четверо, прекративъ всѣ разговоры, въ ожи-

данія чего-то, мы садились по разнымъ угламъ и приготовлялись слушать. Я всегда выбиралъ себѣ мѣсто на диванѣ, поближе къ выходной двери. Сѣровъ игралъ видимо погруженный въ музыку; и когда онъ игралъ не за-урядъ, а по вдохновенію, то игралъ не какъ піанистъ или шпилеръ, а какъ какой-то жрецъ, глубоко вѣрующій въ божество, которому служитъ и которому отъ даровъ, природою данныхъ, приноситъ священную жертву. Послѣ какой-нибудь вещи, исполненной въ такомъ духѣ, я не могъ выносить болѣе. Незамѣтно скрывался я за портьеру, потомъ за двери, и выходилъ на улицу. Тогда луна, эта безмолвная свидѣтельница всѣхъ радостей и горестей людскихъ, могла видѣть молодого человѣка, идущаго по тѣнистымъ аллеямъ соборной ограды и роняющаго на сухой песокъ крупныя слезы.

Такъ подъ благословеннымъ небомъ юга, всѣми любимый за доброе, отзывчивое сердце и уважаемый за честные понятія и взгляды—проводилъ Сѣровъ дни свои и годы. Но тѣсна ему казалась тамошняя рамка; умъ требовалъ большихъ музыкальныхъ знаній; сердце искало другихъ ощущеній; душа просила больше простора и свѣта и Сѣровъ, оставивъ уголовную палату, оставилъ Крымъ и поѣхалъ въ Петербургъ.

Долго я съ нимъ не видѣлся. Онъ жилъ въ Петербургѣ и наконецъ, въ октябрѣ 1852 года, уже свободный отъ службы, пріѣхалъ вторично въ Крымъ, какъ гость, чтобы заниматься исключительно музыкою, и прожилъ отчасти въ Симферополѣ, отчасти въ одномъ изъ прилежащихъ къ нему имѣній, на Альмѣ, до октября 1854 г., когда окончательно выѣхалъ изъ Крыма и поселился въ Петербургѣ до поѣздки своей за границу, въ ученую и музыкальную Германію, давшую міру такихъ свѣтилъ, какъ Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ и многихъ другихъ всѣмъ извѣстныхъ.

Мы вторично проводили его какъ слѣдуетъ по русскому обычаю и наше крымское музыкальное солнце навсегда отъ насъ закатилось. Всѣ мы какъ бы осиротѣли, какъ будто кого-то изъ родныхъ лишились; Дьяченко и я и ассесоръ палаты В., мы особенно долго и сильно по немъ скучали. Сѣровъ, уѣзжая, обѣщалъ писать мнѣ, и переписка наша дѣйствительно, первое время до отъѣзда его изъ Петербурга, шла довольно исправно, но потомъ, какъ это обыкновенно случается, прекратилась. Но наперекоръ пословицѣ: loin des yeux loin du coeur, дружба не покинула сердецъ нашихъ, и разстояніе не могло охладить тѣхъ чувствъ, которыя такъ связали насъ въ совмѣстной жизни въ Крыму.

XII.

Разсказъ мой не былъ бы полонъ, если бы я не посвятилъ хотя нѣсколько строкъ памяти г. Корнышева, а потому не могу оставить Крыма и Сѣрова, не сказавъ кое-что объ этомъ добрѣйшемъ человѣкѣ, лелѣявшемъ насъ, какъ дѣтей, и оберегавшемъ наши юные годы. Корнышевъ—это былъ матросъ какого-то флотскаго экипажа, ведшій наше холостятское хозяйство, и для этой цѣли, кажется, самою природою нарочито надѣленный тѣми свойствами, какими обладала знаменитая Эвриклея, ключница Одиссеева дома въ Итакѣ.

Что же касается до наружнаго вида г. Корнышева, то это былъ высокій, широкоплечій, съ могучею грудью мужчина весьма пожилыхъ лѣтъ. Красивъ собою онъ не былъ: какіе-то мутные, неопредѣленнаго цвѣта глаза; широкій носъ; шея коричневаго цвѣта, покрытая крупными морщинами; волосы рѣдкіе. Костюмъ его постоянно состоялъ изъ флотской суконной фуражки, бѣлаго холщевого кителя (всегда безъукоризненно чистаго) и сине-сѣрыхъ, съ краснымъ кантомъ, кавалерійскихъ рейтузъ. Но что изъ всего его костюма особенно бросалось въ глаза—такъ это его жилетъ, который, кажется, былъ сшитъ изъ широкаго ковра или пледа, какими обыкновенно прикрываютъ, отъ холода и стужи, свои ноги богатые люди, ѣдучи въ открытыхъ экипажахъ. Суровъ и внушителенъ былъ г. Корнышевъ по наружному виду; но что касается до внутреннихъ его качествъ, то въ этой мощной груди, прикрытой какъ бы шкурою какого-то лютаго звѣря, таилось самое доброе, самое нѣжное, самое безъобидчивое сердце. У Корнышева имѣлось двѣ особенности: во 1-хъ, взглядъ его постоянно выражалъ полнѣйшее безстрастіе и все какъ-то смотрѣлъ въ даль, въ неопредѣленное пространство, и во 2-хъ, онъ ужасно не любилъ говорить. Потому ли, что бурная стихія, на которой онъ провелъ добрую часть своей жизни, требовала отъ него больше дѣла, чѣмъ словъ; или строгость прежняго воинскаго устава предписывала нижнему чину совершенное безмолвіе; или наконецъ эта молчаливость была прирожденнымъ свойствомъ—неизвѣстно; только, вообще, крайне трудно было заставить его вымолвить слово, и онъ, можно сказать, былъ нѣмъ, какъ тѣ рыбы, поверхъ которыхъ онъ плавалъ на крѣпко-стѣнныхъ корабляхъ своихъ. Словарь его былъ изумительно ограниченъ, и онъ искусно умѣлъ оріентироваться любимымъ и почти единственнымъ своимъ словомъ: «на счетъ». Разговоровъ съ молодыми своими господами онъ не заводилъ никакихъ, а когда подходило время подавать самоваръ или надо было распо-

рядиться обѣдомъ, то онъ тихими шагами входилъ въ комнату, останавливался у двери, глядѣлъ прямо на свѣтъ, въ пространство, и ставилъ вопросы: «а на счетъ чаю?», или «а на счетъ обѣда?». Мы, подъ конецъ, привыкли къ лаконизму Корнышева, и не старались нарушить его.

Но онъ былъ искренно намъ преданъ; очень любилъ насъ, и мы оба, съ своей стороны, оказывали ему большое расположеніе. Все, что онъ ни дѣлалъ, онъ дѣлалъ крайне тихо, медленно и осторожно. Когда онъ шелъ—онъ ступалъ какъ будто у него были стеклянныя ноги; а когда, утромъ, бывало возвращался онъ изъ булочной, съ маленькою сухарницею, покрытою бѣлой салфеткой, то несъ эту сухарницу такъ осторожно, что очень напоминалъ мальчика, держащаго въ рукѣ, своими маленькими пальчиками, только что пойманную имъ бѣленькую бабочку. Корнышевъ, какъ сказано, говорилъ очень мало и на всѣ приказанія былъ одинъ отвѣтъ: полнѣйшее молчаніе. Но вы могли быть совершенно спокойны, что все, что ему поручили, до малѣйшей подробности, будетъ исполнено въ точности. Отвѣтовъ, вообще, съ его стороны, не дѣлалось никакихъ; но иногда, въ случаяхъ, крайне рѣдкихъ, когда онъ, неизвѣстно почему, находился въ особенно хорошемъ расположеніи духа, онъ, на крикъ нашъ изъ комнатъ: «Корнышевъ! самоваръ», позабывъ, что онъ не на морѣ, а на сушѣ, изъ кухни, вдругъ, столь же громко кричалъ: «есть»— завѣтное морское выраженіе, обозначающее, что данное приказаніе уже исполнено. И въ эти счастливые для него дни, внося самоваръ, онъ уже не смотрѣлъ въ даль, въ пространство, а глядѣлъ прямо на насъ обоихъ, и такимъ ласковымъ, привѣтливымъ взглядомъ, что намъ такъ и хотѣлось посадить Корнышева между нами и третировать его, какъ человѣка, намъ близкаго, какъ нашего дядьку или друга. Не знаю, что сталось впослѣдствіи съ Корнышевымъ; знаю только то, что не смотря на свои года, онъ все поговаривалъ про себя о морѣ, и, кто знаетъ, можетъ быть и онъ, въ Крымскую войну, былъ въ числѣ павшихъ героевъ.

Мы его прозвали Cornichon, а онъ, фамилію эту и веселыя, къ нему обращенныя рѣчи о какихъ-нибудь житейскихъ мелочахъ, выслушивалъ съ такимъ сосредоточеннымъ, серьезнымъ видомъ, какъ будто дѣло шло о получаемыхъ имъ, отъ своего вахтеннаго командира, приказаніяхъ при приближающейся бурѣ или штормѣ, отъ исполненія или неисполненія которыхъ зависѣло спасеніе или погибель всего экипажа.

Будучи съ Сѣровымъ товарищемъ по воспитанію, товарищемъ по службѣ и по сожительству, мнѣ, повидимому, ничто не мѣшало быть

съ нимъ товарищемъ и по безденежью. Такъ оно и было, и вѣрнѣйшій нашъ M-r Cornichon, въ критическихъ обстоятельствахъ, часто выручалъ насъ. Онъ уплачивалъ наши мелкіе расходы, и потомъ, въ день полученія нами жалованья, ему все сполна возвращалось. Душѣ его—честной, доброй и любящей—тамъ легко да будетъ!..

XIII.

Прошло много лѣтъ. Сѣровъ побывалъ за границею; близко сошелся съ представителемъ нѣмецкой музыки, Ричардомъ Вагнеромъ, и возвратился въ Петербургъ съ большимъ запасомъ музыкальныхъ знаній, съ сложившимися идеалами, съ усвоеннымъ направленіемъ и со вкусами, вполнѣ установившимися. Наступили лѣта зрѣлости; наступила пора полнаго развитія таланта. Пришла пора творчества.

Служба изъ Крыма перенесла и меня сперва во Псковъ, затѣмъ бросила въ далекую Сибирь; потомъ, на годъ—другой, поселила въ Бѣлоруссіи, и наконецъ, окончательно водворила на мѣстѣ родины—въ Петербургѣ. Когда была поставлена Сѣровымъ первая его опера «Юдиѳь» на Петербургской сценѣ, конечно, я былъ однимъ изъ первыхъ, бросившихся въ кассу за билетомъ.

Судъ публики надъ «Юдиѳью» и слѣдовавшей за ней оперой «Рогнѣдой» произнесенъ, и не мнѣ касаться красотъ и достоинствъ этихъ двухъ замѣчательнѣйшихъ произведеній нашего роднаго маэстро.

Въ первое мое посѣщеніе «Юдиѳи», во второмъ, кажется, антрактѣ, увидѣлъ я Сѣрова въ ту минуту, когда онъ только что выходилъ изъ оркестра. Мы, съ непритворною радостью, встрѣтились и обнялись, какъ добрые, старые друзья и товарищи, и много чувствъ эта встрѣча пробудила въ сердцахъ нашихъ.

Сѣровъ вкратцѣ передалъ мнѣ все, что съ нимъ было за эти годы, говорилъ о Вагнерѣ и о своихъ къ нему отношеніяхъ.

«А гдѣ же», не безъ нѣкотораго страха, «твоя милая Утопленница?» спросилъ я Сѣрова.

— «Потонула», смѣясь отвѣчалъ онъ.

«Въ Нѣмецкомъ морѣ?» прибавилъ я шутя.

— «Да, отвѣчалъ онъ весело, но вѣдь это», началъ онъ говорить, «было, знаешь, что-то такое очень молодое, и Вагнеръ, которому я ее показывалъ»…. но тутъ Сѣрова кто-то позвалъ, кажется въ оркестръ, онъ далъ мнѣ свой адресъ и поспѣшно пошелъ, куда его звали.

XIV.

«Юдиѳь» и «Рогнѣда» доставили Сѣрову славу и поставили имя его на ряду съ первыми музыкальными талантами не только Россіи, но и Европы. И я восхищался и восхищаюсь безсмертными произведеніями нашего великаго музыканта, и чѣмъ болѣе ихъ слушаю, тѣмъ болѣе въ этой богатой музыкѣ нахожу поэзіи и знаній. Но мнѣ все-таки жаль, безконечно жаль, нашей крымской «Утопленницы», такъ рановременно, такъ безвозвратно погибшей. Она, «Утопленница» эта, дышала такою жизнію, была полна такого теплаго чувства, свѣтилась такою дѣвственною чистотою и цѣломудріемъ, исполнялась Сѣровымъ съ такимъ неподражаемымъ воодушевленіемъ, что вотъ, такъ и хотѣлось бы все ее слушать, да слушать, да слушать!

XV.

И потомъ, вдругъ, все погибло!...

Какъ полный, могучій оркестръ, по волѣ композитора и по взмаху дирижерскаго жезла, мгновенно, среди шумнаго, оживленнаго бріо, обрывается, и всѣ до единаго звуки его, какъ бы покрытые волшебной силой, замираютъ, такъ оборвалась и замерла, полная надеждъ и силъ, жизнь нашего безцѣннаго Сѣрова.

Какъ воинъ въ бранныхъ доспѣхахъ, стоя подъ высоко развѣвающимся надъ нимъ знаменемъ и защищая это знамя—падаетъ пронзенный смертельною пулею, такъ, подкошенный смертью, палъ, работая дѣлу, Сѣровъ нашъ, какъ говорятъ, у самаго своего рояля!

Да! велика была потеря! Онъ умеръ внезапно отъ разрыва сердца.

Это бѣдное сердце, и помимо физическихъ болей, могло страдать въ жизни болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, - и страдало! И, по неизвѣстнымъ никому судьбамъ, покончило съ собою разомъ! [1])

XVI.

Въ одной изъ церквей Александро-Невской лавры, большой, высокой, богато убранной — шли похороны. Было много цвѣтовъ и народу. Отпѣвали пѣвца «Рогнѣды». Потомъ, золотой гробъ понесли къ могилѣ. Въ сырую, холодную, широкую могилу опускала Россія

---

[1]) См. подробности о кончинѣ А. Н. Сѣрова въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., т. XXXVIII, май, стр. 481—482.

одного изъ вѣрныхъ и славныхъ сыновъ своихъ; одного изъ доблестныхъ своихъ дѣятелей; опускала свое достояніе, свою славу; а нѣкто, стоявшій тутъ же, на краю могилы, опускалъ въ нее свою прошедшую молодость, и всѣ эти, дорогія сердцу, бѣдныя иллюзіи наши — какъ вѣшніе цвѣты, морозомъ побитые — погибшія и къ дѣйствительной жизни не призванныя....

Застучали, по обычаю, земля и камни о крышку гроба, (странный звукъ въ новомъ жилищѣ музыканта!), нагибалась и моя рука, но я не могъ бросить въ бѣднаго моего Сѣрова — ни камнемъ, ни землею.

Печальный и грустный, пробираясь межъ плитъ и надгробныхъ камней, направился и я, усталыми шагами, къ дому. Ноги какъ-то не слушались; шелъ я тихо; мыслей въ головѣ не было; и только тоска одна смертная тоска, какъ пудовая гиря—давила мнѣ сердце.

М. М. Молчановъ.

12-го ноября 1882 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ЛЮДМИЛЫ ИВАНОВНЫ РИКОРДЪ,

вдовы адмирала Петра Ив. Рикордъ [1]).

14-е сентября 1830 года останется замѣчательнымъ днемъ въ исторіи Турціи. Султанъ Махмудъ II-й, въ то время царствовавшій, первый началъ стремиться къ просвѣщеннымъ и гуманнымъ реформамъ въ своемъ государствѣ, преобразовывая какъ внутренній строй, такъ и внѣшнія условія его на европейскій образецъ. Прежде всего было обращено его вниманіе на существенную сторону преобразованія, обезпечивавшую благосостояніе государства,—это именно на преобразованіе войска.

Въ этотъ достопамятный день были назначены первые маневры турецкимъ войскамъ,—одѣтыя въ европейскія формы, онѣ подвергались всѣмъ ломкамъ и артикуламъ европейскихъ войскъ.

На это торжество были приглашены всѣ особы дипломатическаго корпуса европейскихъ державъ, которыя находились въ Константинополѣ, сановники-паши, были приглашены и нѣсколько дамъ, жены и дочери посланниковъ. Я же, будучи въ Константинополѣ мимоѣздомъ, получила также приглашеніе присутствовать на этомъ торжествѣ лично отъ самаго султана, которому было извѣстно, что супругъ мой, адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, занимаетъ почетный постъ въ Греціи, куда лежалъ мой путь.

---

[1]) Въ дополненіе къ помѣщеннымъ уже на страницахъ „Русской Старины" разсказамъ изъ воспоминаній уважаемой Л. И. Рикордъ (род. 1794 г.), представляемъ настоящій разсказъ. Приносимъ за его сообщеніе искреннюю признательность Людмилѣ Ивановнѣ. Ред.

Это было написано 3-го мая 1883 г., когда мы получили настоящій отрывокъ, а 24-го іюня Людмилы Ивановны Рикордъ не стало. См. о ней въ концѣ статьи. Ред.

Мѣсто, избранное для маневровъ и празднества была обширная равнина на азіятскомъ берегу; здѣсь было выстроено все нестройное турецкое войско. Когда войска стали маневрировать, намъ, приглашеннымъ, всѣмъ были отведены особыя мѣста, съ которыхъ мы могли отлично видѣть всю окрестность, сплошь застланную собравшимся народомъ посмотрѣть на это небывалое еще тогда торжество. Во время церемоніала войскъ командовалъ самъ Махмудъ, голосъ котораго рѣзко отличался необыкновенною звонкостью; подъѣхавъ къ моей каретѣ, онъ привѣтствовалъ меня, отсалютовавъ саблею, какъ принято это въ европейскихъ войскахъ. Лицо его выражало торжественную важность, приличную дню, съ котораго приступалъ онъ къ возрожденію своего народа. По окончаніи церемоніи, былъ парадный обѣдъ для представителей европейскихъ державъ и другихъ приглашенныхъ. Обѣдъ былъ изготовленъ въ самомъ утонченномъ европейскомъ вкусѣ, при чемъ и сопровождался всѣми условіями европейскаго этикета.

Султанъ помѣщался въ отдѣльномъ отъ общаго стола кіоскѣ, откуда смотрѣлъ на своихъ гостей. Въ продолженіи обѣда онъ выходилъ изъ него и обращался къ нѣкоторымъ съ вопросами. Подойдя ко мнѣ, онъ, черезъ переводчика, освѣдомился: долго-ли я намѣрена пробыть еще въ Константинополѣ? и сказавъ нѣсколько учтивыхъ словъ, направился въ свой кіоскъ. Послѣ этого за столомъ былъ провозглашенъ тостъ за здоровье Махмуда, который былъ привѣтствованъ общимъ «ура!». Блестящимъ фейерверкомъ было заключено это небывалое еще торжество въ честь европейскаго просвѣщенія въ имперіи изувѣровъ-османлисовъ.

Послѣ кратковременнаго, но знаменательнаго пребыванія въ Константинополѣ, я рѣшила продолжать плаваніе свое. Для переѣзда черезъ Мраморное море и Дарданеллы мнѣ предоставлено было два десяти-весельныхъ «каика» (шлюпки); въ одномъ изъ нихъ расположилась я, съ сопровождавшимъ меня офицеромъ нашего фрегата, въ другомъ—прислуга съ багажемъ. На моемъ каикѣ было 12 человѣкъ гребцовъ, всѣ мусульмане, чисто и парадно одѣтые. По тихо струящимся водамъ Мраморнаго моря, которое растилалось какъ зеркало, мы быстро скользили внизъ къ Дарданелламъ. Совершенно благополучно вступивъ въ этотъ проливъ, мы очутились въ бурной пучинѣ при устьѣ его: легкое суденушко наше, какъ игрушка, бросалось изъ стороны въ сторону, черпая и кормой, и носомъ, и едва не заливалось вздымающимися волнами... Фрегатъ же, который долженъ былъ насъ встрѣтить, чуть-чуть виднѣлся вдали, среди высокихъ пѣнистыхъ волнъ, не подавая намъ надежды спасенья... Поло-

женіе было поистинѣ ужасное! Не скрою, что страхъ, вслѣдствіе очевидной такой опасности и безпомощности, тогда всецѣло овладѣлъ моей душею, какъ ни старался утѣшить и ободрять меня бывшій со мною офицеръ... Но, волею Божьею и святою десницею Его, мы избавлены были отъ явной погибели: фрегатъ нашъ подоспѣлъ еще во-время къ опасному положенію нашему въ безсильной борьбѣ со страшной стихіей! Со всѣми послѣдними усиліями изнеможенныхъ гребцовъ, каикъ нашъ не могъ держаться у борта фрегата, вслѣдствіе сильнаго водоворота; тогда опытные моряки наши и особливо капитанъ фрегата, спустили въ нашъ каикъ кресло, опутанное веревками; сѣвши въ него, они подняли меня на палубу фрегата; такимъ же образомъ выручили за мною и другихъ отъ гибели. Тутъ ужъ вздохнула я свободно, среди своихъ офицеровъ, чувствуя себя внѣ опасности, и чувство глубоко проникнутой благодарности имъ, на вѣкъ сохранится въ душѣ моей! День клонился къ вечеру, когда все общество нашихъ офицеровъ провело меня въ каютъ-кампанію. Здѣсь былъ приготовленъ уже парадно сервированный обѣденный столъ, за которымъ капитанъ объявилъ мнѣ, что онъ празднуетъ день имянинъ своей отсутствующей супруги, остававшейся съ дѣтьми въ Кронштадтѣ и которую я очень близко знала. Обѣдъ прошелъ въ оживленныхъ разговорахъ и въ пріятныхъ воспоминаніяхъ, подъ впечатлѣніями которыхъ я окончательно воспряла духомъ послѣ тѣхъ перенесенныхъ недавнихъ треволненій, и ужъ спокойно смотрѣла на предлежащее продолжительное еще плаваніе. Мѣсто для меня было приготовлено въ капитанской каютѣ, со всевозможными удобствами.

На другой день плаваніе наше продолжалось при попутномъ вѣтрѣ; намъ сопутствовали два казенныхъ корвета.

У Аѳонской горы мы простояли на якорѣ нѣсколько часовъ. Эта гора высится на небольшомъ уединенномъ полуостровѣ, среди вѣчно зеленѣющей природы. Такъ какъ лицамъ женскаго пола посѣщеніе Аѳонскихъ монастырей возбраняется, то я, стоя на якорѣ, любовалась въ подзорную трубу на красивые монастыри и окружающія постройки. Вся эта окружающая красота, уединеніе и безмолвіе располагали къ глубокимъ и благоговѣйнымъ размышленіямъ.

По мѣрѣ того, какъ плыли впередъ—намъ открывались разнообразные виды, всевозможные ландшафты: проходили долины, холмы, крутыя обрывистыя скалы, группы разсыпанныхъ острововъ, покрытые свѣжей, влажной зеленью, все прекрасно, ново, занимательно! Къ нѣкоторымъ островамъ мы приставали, чтобы насладиться жи-

вописной природой и лучше запечатлѣть въ памяти очаровательныя картины мѣстности.

У острова «Сиры» мы бросили якорь и отправились къ русскому консулу. Проведя у него нѣсколько пріятныхъ часовъ, мы возвратились къ своему фрегату и отсюда смотрѣли какъ празднуетъ греческій народъ день Іоанна Богослова. Празднество это греческій народъ сопровождаетъ точно такими же играми и обычаями, какъ у насъ въ Малороссіи въ день, извѣстный подъ именемъ «купала». Раскладываютъ костры, вокругъ которыхъ пляшетъ съ пѣснями молодежь обоего пола, убранная вѣнками изъ различныхъ травъ и цвѣтовъ; затѣмъ, прыгаютъ черезъ костры по парно, держась за руки...

Приближаясь къ Греціи, къ цѣли моего путешествія, кратковременное плаваніе наше въ живописномъ уголкѣ Средиземнаго моря, на которомъ разбросаны многочисленные острова и островки, было сопряжено съ нѣкоторыми опасностями.

Здѣсь насъ встрѣтилъ страшный штормъ, сопровождавшійся сильной грозой и дождемъ. Среди пѣнистыхъ волнъ, съ ревомъ стали подниматься «тифоны»: масса воды вздымается вверхъ и образуя водяной столбъ, въ нѣсколько саженей высоты, на подобіе исполинскаго водопада, наверху разсыпается облаками водяной пыли.

Это страшное явленіе, двигаясь по направленію вѣтра, вращается съ такой стремительной силой, что грозитъ гибелью плывущимъ судамъ, сокрушая все, что попадается на пути. Нами было замѣчено нѣсколько такихъ «тифоновъ», во избѣжаніе которыхъ были заряжены орудія: они разбиваются ядрами съ корабля, иначе, налетѣвъ, они могутъ сломить его или изорвать паруса. Отъ ядра они разсыпаются и разрѣшаются обильнымъ дождемъ.

Но всѣ эти грозившія намъ опасности, благодаря Бога, миновали насъ и, 25-го сентября 1830 г. мы благополучно пристали къ берегу полуострова «Мореи». Еще подъѣзжая къ берегу, мы любовались чудесными видами: изъ синевы воды поднимается рядъ Морейскихъ горъ, громоздясь одна надъ другою; высокіе скалистые уступы, представляющіе громадныя глыбы бѣлаго мрамора, блистали золотистымъ отливомъ, выглядывая изъ-за живописныхъ группъ южныхъ растеній.

Здѣсь было мѣсто стоянки всей нашей эскадры; тутъ-же на берегу помѣщалось и русское интендантство съ магазинами, начальникъ котораго, полковникъ Бровцевъ, выслалъ къ нашему фрегату шлюпку, съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему на обѣдъ. При всей моей усталости, я однако приняла любезное приглашеніе

и совершенно нечаянно встрѣтила у него большое веселое общество, которое собралось у хозяина праздновать день его ангела (Сергія).

По окончаніи обѣда, провожаемая всѣмъ бывшимъ обществомъ, я отправилась, на катерѣ фрегата, въ городокъ «Поросъ», мѣсто моего пребыванія, которое было назначено мнѣ супругомъ Петромъ Ивановичемъ, прибывшимъ сюда на кораблѣ, на другой день. Красивый маленькій городокъ «Поросъ», находящійся на островѣ того-же имени, довольно оживленъ, благодаря своему порту. Но во всемъ городкѣ рѣшительно нельзя было найти вполнѣ удобной квартиры, такъ что, за все пребываніе свое здѣсь, я подвергалась многимъ лишеніямъ, но лишенія эти искупались тѣми наслажденіями, которыя доставляли мнѣ красивые берега Мореи, съ цѣлыми рощами малинныхъ, апельсинныхъ и другихъ тропическихъ растеній.

Жители города—преимущественно греки, коммерческій народъ, такъ что я лишена была возможности имѣть здѣсь какой-нибудь кругъ знакомыхъ. Моя монотонная, однообразная жизнь здѣсь изрѣдка озарялась отрадными посѣщеніями Петра Ивановича, который, по служебнымъ обязанностямъ, пребываніе имѣлъ въ резиденціи Греціи. Съ наступившими праздниками Рождества Христова, у меня собралось все русское общество. Это время года—самое благопріятное здѣсь и потому мы пользовались всѣми возможными удовольствіями, которыя представляла намъ сама природа: веселымъ обществомъ мы совершали прогулки по разнообразнымъ и живописнымъ окрестностямъ острова. Въ половинѣ-же января мѣсяца, я покинула островъ «Поросъ» и на кораблѣ «Александръ» переселилась въ Поле-де-Роматіо, гдѣ ожидалъ меня уже совершенно иной образъ жизни. Здѣсь, какъ въ резиденціи Греціи, сосредоточивались всѣ правительственныя лица страны, съ которыми Петру Ивановичу приходилось быть въ постоянныхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ, какъ должностному лицу и заслуженному филэллину, пользовавшемуся правами греческаго почетнаго гражданина. Принимая живое искреннее участіе въ положеніи дѣлъ Греціи, онъ былъ сильно озабоченъ въ то время; то была смутная эпоха освобожденія страны, стремившейся къ независимости отъ турецкаго владычества. Горячимъ приверженцемъ независимости Греціи—былъ графъ Каподистрія, который стоялъ во главѣ республики съ титуломъ президента. Онъ неустанно трудился и собиралъ конференціи, въ которыхъ особенно дѣятельное участіе принималъ и Петръ Ивановичъ, прилагавшій всѣ старанія

свои, чтобы примирить открывшуюся ожесточенную борьбу партій; но всѣ эти старанія его не увѣнчались успѣхомъ: жертвой враждовавшихъ сторонъ палъ графъ Каподистрія, отъ руки майнота — Мавро-Михели, главнаго вождя революціи, который съ успѣхомъ волновалъ свою родину и поддерживалъ въ ней духъ сопротивленія правительству.

Каподистрія отправился, по обыкновенію, къ обѣдни въ церковь и здѣсь у входа его ожидалъ уже Мавро-Михели: раздался выстрѣлъ и графъ Каподистрія упалъ окровавленный на папертъ, испустивши духъ и не успѣвши произнести ни одного слова. Ночью, тихо и скромно, безъ особенныхъ церемоній трупъ Каподистріи былъ отправленъ для погребенія на островъ Корфу, мѣсто его родины.

Ни одно революціонное движеніе въ Европѣ не пользовалось такимъ сочувствіемъ, какъ возстаніе грековъ противъ турецкаго владычества,—это придавало имъ силу и энергію въ борьбѣ за свободу. Потерявши независимость, греки тѣмъ не менѣе сохранили свою народность, религію и языкъ, что мѣшало имъ слиться съ побѣдителями. Знакомство съ древнею славою и величіемъ отечества заставило грековъ еще глубже чувствовать свое настоящее униженіе и развивало жажду къ возстановленію независимости своего отечества. Въ это же время образовались политическія общества изъ лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу грековъ, подъ общимъ названіемъ «Филэллиновъ»; къ этимъ обществамъ принадлежали многіе ученые, писатели и другіе извѣстные европейскіе дѣятели.

Послѣ смерти Каподистріи, сенатомъ немедленно назначена была правительственная коммисія изъ трехъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и братъ покойнаго Каподистріи—Августинъ. Тогда начались нескончаемые несогласія и раздоры; картина анархіи, безпорядковъ, междоусобныхъ возстаній увеличивалась и возрастала съ каждымъ днемъ, и наконецъ распространилась по Ливадіи (средней Греціи) и Мореи. По всѣмъ улицамъ были разставлены усиленные караулы, но революціонное движеніе, анархія и безначаліе — брало верхъ Мирные граждане выѣзжали изъ городовъ и покидали греческія провинціи. Мною занимаемая квартира охранялась конвоемъ, изъ 12-ти вооруженныхъ гребцовъ, при 2-хъ офицерахъ, и потому, представляя болѣе спасительное убѣжище, къ намъ начали собираться представители греческаго правительства и другія должностныя лица: наконецъ квартира была переполнена до такой степени, что даже лѣстница отъ выхода была занята ими, во всевозможныхъ позахъ и

положеніяхъ, съ портфелями и со средоточенными, глубокомысленными физіономіями... За невозможностью уже пройти въ двери, жена одного изъ министровъ была доставлена въ мою квартиру въ окно..... Комендантъ города, генералъ Алмейди, родомъ испанецъ, на колѣняхъ и со слезами на глазахъ умолялъ меня принять довольно большой ящикъ, въ которомъ хранились ключи отъ городской крѣпости, изъ боязни, чтобы они не попали въ руки мятежниковъ.....

Такъ какъ жители пользовались водопроводами изъ-за города—вода была остановлена злоумышленниками, чтобы возбудить неудовольствіе мирныхъ гражданъ на бездѣйствіе правительства. Народъ, дѣйствительно, толпами началъ собираться около нашей квартиры и, жалуясь, кричалъ, что городъ остался безъ капли воды!....

Но, вскорѣ, союзными силами европейскихъ державъ возстановленъ былъ и порядокъ, и спокойствіе страны; опредѣлилось окончательно политическое устройство ея: Греція была объявлена конституціоннымъ королевствомъ и королемъ ея былъ избранъ баварскій принцъ Оттонъ I-й. Такимъ образомъ, Греція была вызвана къ новой жизни своими собственными усиліями и стараніями европейской дипломатіи.

Эскадра наша была въ постоянныхъ плаваніяхъ по водамъ Греческаго Средиземнаго моря; этимъ обстоятельствомъ я воспользовалась, желая осмотрѣть всѣ историческія достопримѣчательности маленькой страны эллиновъ, которая такъ много послужила для человѣчества! Пересѣвши на бригъ, я отправилась по Пирейскому заливу съ цѣлью побывать и осмотрѣть славный историческій городъ Аѳины, который находился еще тогда подъ владычествомъ Турціи. Въ продолженія двухъ дней, я осмотрѣла всѣ сохранившіеся остатки древности, съ которыми связано столько воспоминаній о великомъ прошломъ, о великихъ людяхъ! Осматривая знаменитый храмъ «Діаны», развалины и остатки котораго приводили меня въ изумленіе своими художественными совершенствами, я подняла здѣсь красивый обломокъ мраморной капители и хотѣлось мнѣ оставить его у себя въ память моего пребыванія въ Аѳинахъ; но при выходѣ мнѣ предложили оставить этотъ обломокъ, такъ какъ «бдительно» слѣдятъ за тѣмъ, чтобы всѣ малѣйшіе остатки прежняго величія сохранились въ цѣлости..... Странно, однако, что англичане и французы—рѣшительно взяли все, что имѣло болѣе и цѣны, и значенья!....

Время пребыванія моего въ Греціи, два съ половиною года, было

самой смутной эпохой страны. Передъ своимъ отъѣздомъ, я была удержана жителями на «Поле-де-Роматіи» еще на шесть недѣль, «аманатомъ» или залогомъ спокойствія въ городѣ на будущее время. Было и нѣсколько покушеній на мою жизнь, но Провидѣнію угодно было спасти меня, и возвратилась я на родину, слава Богу, живой и здоровой!

Людмила Рикордъ.

3-го мая 1883 г.

Некрологъ. Статья эта была уже набрана, когда мы получили прискорбное извѣстіе, что Людмила Ивановна Рикордъ скончалась 24-го іюня сего, 1883-го, года въ Петергофѣ, въ часъ пополудни. Тѣло ея погребено въ Александро-Невской лаврѣ въ С.-Петербургѣ.

Вдова знаменитаго адмирала Петра Ивановича Рикорда († 1855 г.), пережившая его почти тремя десятками лѣтъ, Людмила Ивановна родилась въ 1794 году,—такъ помѣтила она годъ своего рожденія въ книгѣ автобіографическихъ замѣтокъ, имѣющейся въ редакціи „Русской Старины". Это была очень подвижная, умная и весьма доброжелательная старушка, пользовавшаяся всеобщимъ уваженіемъ. Какъ общественный дѣятель, Людмила Ивановна оставила по себѣ прекрасную память своими неутомимыми трудами въ званіи предсѣдательницы комитета, стоявшаго во главѣ Прибалтійскаго православнаго братства. Г-жа Рикордъ была предсѣдательницею въ теченіе десяти лѣтъ (если не ошибаемся), вплоть до слиянія этого братства въ одно общее съ Гольдингенскимъ,—въ братство Господа Іисуса Христа и Покрова Пресвятой Богородицы. Постройка православныхъ церквей, учрежденіе русскихъ школъ, поддержка вообще православія и его служителей и русскаго языка въ предѣлахъ Прибалтійскаго края—вотъ высокія цѣли этого братства. Л. И. Рикордъ, прямо говоря, душу свою полагала въ это святое дѣло.

„Русская Старина", высоко чтя память Л. И. Рикордъ, постоянной сотрудницы и неизмѣнной читательницы нашего изданія, съ удовольствіемъ помѣститъ воспоминанія о ней со стороны лицъ, близко ее знавшихъ. Изъ таковыхъ мы въ правѣ ждать воспоминанія отъ ея ближайшаго почтеннаго сотрудника въ подвигахъ Братства—г. Шаврова. Ред.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НАЗИМОВЪ.

В. И. Назимову—человѣку, стяжавшему чувства любви и уваженія отъ всѣхъ, кто только имѣлъ случай близко его знать,—за его рыцарскую честность, доброту и любовь къ отечеству,—выпало на долю счастье пользоваться постояннымъ дружескимъ благоволеніемъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II. Однимъ изъ многихъ тому доказательствъ служатъ печатаемые подлинные документы. Россія не забудетъ, что первый генералъ-губернаторъ, откликнувшійся на призывъ Александра II къ освобожденію крестьянъ, былъ В. И. Назимовъ. Его же почину принадлежитъ появленіе Высочайшаго указа 1-го марта 1863 г. объ обязательномъ выкупѣ крестьянъ въ Сѣверо-Западной Россіи. Ред.

Письма цесаревича, впослѣдствіи императора, Александра Николаевича къ В. И. Назимову

1839—1849.

I.

Римъ. (5-го) 17-го января 1839.

Два слова вамъ, любезный Владиміръ Ивановичъ, чтобы поблагодарить васъ за ваше милое письмо отъ 4-го декабря.

Ваша болѣзнь, остановившая васъ въ дорогѣ, меня перепугала, но, слава Богу, кажется вы совсѣмъ поправились и это письмо вѣроятно васъ найдетъ гдѣ нибудь во внутренности Россіи въ однихъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы съ вами въ 1838 г. проѣзжали, и потому я отъ васъ изъ Петербурга уже вѣстей не ожидаю. Вспоминайте иногда, любезный Владиміръ Ивановичъ, счастливое время прошедшей зимы, которое мы съ вами вмѣстѣ провели, театры, балы, прогулки; я такой человѣкъ, что могу весь въ воспоминаніи жить и это служитъ мнѣ утѣшеніемъ въ моемъ отдаленіи, и хотя Италія очень хороша, но дома все таки лучше.

Завтра отправляемся въ Неаполь, а оттуда далѣе по назна-

ченному маршруту, такъ чтобы къ 20-го іюня быть дома. О! счастливый день! Когда бы онъ скорѣе пришелъ!

Если письмо это васъ еще въ Петербургѣ застанетъ, то прошу васъ поклониться всѣмъ нашимъ добрымъ знакомымъ, равно и моимъ любезнымъ преображенцамъ, а Микулину скажите сколько назначеніе его въ генералъ-адъют. меня обрадовало.

Прощайте, любезный Владиміръ Ивановичъ, не забывайте васъ искренно любящаго Александра.

II.

С.-Петербургъ. 7-го декабря 1841 г.

Благодаря васъ за ваше милое письмо, любезный Владиміръ Ивановичъ, спѣшу васъ поздравить генералъ-маіоромъ въ свитѣ; это будетъ для васъ лучшимъ доказательствомъ сколь Государь вами доволенъ и сколь онъ цѣнитъ то благородство, съ которымъ вы поступали въ семъ [1]) важномъ дѣлѣ, ныне, благодаря вашему указанію, столь скоро и правильно конченному. Вамъ навсегда останется честь и слава, какъ первому напавшему на истину. Изъ рескрипта Государя къ нашему почтѣнному Александру Александровичу [2]), вы такъ же увидите сколь онъ доволенъ успѣшнымъ окончаніемъ дѣлъ слѣдственной коммиссіи. Любопытенъ я знать когда новое судное дѣло, вамъ порученное, позволитъ вамъ воротиться сюда; съ нетерпѣніемъ жду минуты, чтобъ васъ обнять; вы знаете сколько я васъ люблю и потому не удивитесь, что я радуюсь, слыша объ васъ со всѣхъ сторонъ похвалы. Производство ваше всѣхъ здѣсь обрадовало, это лучшее доказательство, что всѣ отдаютъ вамъ справедливость.

Прощайте любезный Владиміръ Ивановичъ, пора одѣваться на балъ. Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе женѣ вашей. Васъ искренно любящій Александръ.

Посылаю вамъ двѣ пары еполетъ ген.-маіорскихъ, золотыя и серебрянныя.

---

[1]) По зачеркнутому: „въ этомъ".

[2]) Катенину. Цесаревичъ упоминаетъ объ извѣстномъ слѣдствіи, благородно и самоотверженно произведенномъ В. И. Назимовымъ въ Литвѣ. См. интересную книгу А. Ломачевскаго: „Записки жандарма". Ред.

III.

Царское Село. 19-го октября 1849 г.

Мнѣ не было никакой возможности, любезный Владиміръ Ивановичъ, отвѣчать вамъ ранѣе на ваше письмо отъ 7-го числа.

Я докладывалъ о содержаніи онаго Государю, но его величество не смотря на то изволилъ изъявить свое согласіе на новое ваше назначеніе [1]) по желанію гр. Закревскаго и остается вполнѣ увѣренъ, равно какъ и я, что и на новомъ для васъ поприщѣ, вы покажите себя тѣмъ, чѣмъ всегда были, т. е. честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, исполняющимъ долгъ свой по совѣсти.

Мѣсто, которое вы будете занимать, весьма важно въ особенности въ наше время, гдѣ молодежь воображаетъ, что она умнѣе всѣхъ и что все должно дѣлаться какъ ей хочется, чему къ несчастію мы видимъ столько примѣровъ заграницею; къ этому и гг. профессора—команда не легкая. Надзоръ за ними и самый бдительный необходимъ! Да внушитъ вамъ Господь Богъ силу и умѣніе исполнить новыя обязанности, на васъ возлагаемыя, съ успѣхомъ, т. е. къ полному удовольствію Государя.

Когда я осмѣлился доложить его величеству, что за ваше усердіе я ручаюсь, но что вы сами себѣ не довѣряете, не готовясь прежде къ этому роду службы; то Государь изволилъ возразить: „Пускай попробуетъ, если не пойдетъ, у меня всегда будетъ мѣсто, готовое для него“.

Съ этимъ удостовѣреніемъ, перекрестясь! принимайтесь смѣло за дѣло.

Мои чувства къ вамъ, вамъ давно извѣстны, будьте увѣрены, любезный Владиміръ Ивановичъ, что онѣ никогда не измѣнятся.

Обнимаю васъ отъ всей души и цѣлую ручку вашей милой супругѣ. Мой поклонъ вашему почтенному корпусному командиру и гр. Закревскому. Васъ искренно любящій Александръ.

---

[1]) Попечителемъ Московскаго учебнаго округа.

Адресъ Владиміру Ивановичу Назимову.

20-го декабря 1863 г.

Милостивый государь Владиміръ Ивановичъ. Передъ отъѣздомъ вашимъ изъ Вильно русское общество, какъ этого города, такъ и другихъ мѣстностей Литвы, помня и высоко цѣня ваши труды по управленію обширнымъ краемъ и то добро, которое вы постоянно стремились дѣлать и дѣлали для всѣхъ, состоявшихъ подъ вашимъ управленіемъ, горячо желало, единодушнымъ и публичнымъ заявленіемъ, свидѣтельствовать вамъ свое живѣйшее сочувствіе, свое искреннее глубокое уваженіе.

По свойственному вамъ высокому благородству души вы отклонили отъ себя всѣ готовившіяся, въ честь вашу, публичныя заявленія. Съ прискорбіемъ, хотя и вполнѣ сознавая чистоту вашихъ побужденій въ этомъ случаѣ, мы должны были уступить вашему непреклонному рѣшенію. Но потребность выразить вамъ сообща нашу признательность и наше сочувствіе не охладѣло въ насъ съ того времени. Напротивъ, въ настоящую минуту, потребность эта чувствуется нами еще сильнѣе, нежели когда либо. Мы считаемъ себя въ долгу, какъ передъ вами лично, Владиміръ Ивановичъ, такъ и передъ присущими каждому изъ насъ высшими требованіями истины и справедливости. Повинуясь этимъ-то внушеніямъ и требованіямъ, нынѣ соединяющимъ насъ въ *одной* общей, горячей мысли, мы вознамѣрились воспользоваться наступающимъ днемъ вашего рожденія, днемъ, собиравшимъ въ прежнее время, вокругъ васъ, всѣхъ трудившихся съ вами и приверженныхъ вамъ людей, чтобы принести вамъ по праву принадлежащую вамъ дань признательности и уваженія. Для этого мы просимъ васъ, глубоко чтимый нами Владиміръ Ивановичъ, принять отъ насъ икону виленскихъ мучениковъ, Евстафія, Антонія и Іоанна, къ предстательству которыхъ передъ Всевышнимъ вы, вмѣстѣ съ нами, всегда обращались во всѣхъ случаяхъ вашей общественной и частной жизни. Примите наше приношеніе съ тѣми же чувствами и мыслями, съ какими мы вамъ его вручаемъ, чуждые всякихъ постороннихъ цѣлей и расчетовъ, всякаго желанія огласки, всякой лести, въ которой ни вы, ни мы не нуждаемся. Да послужитъ вамъ этотъ видимый знакъ нашего къ вамъ сочувствія—памятникомъ семилѣтняго, незабвеннаго управленія вашего Литовскимъ краемъ; да охраняетъ онъ васъ и ваше семейство отъ

тѣхъ золъ, испытаній, неправдъ, которымъ подвержена жизнь наша и въ особенности жизнь подобныхъ вамъ общественныхъ дѣятелей; да напоминаетъ онъ вамъ и о насъ, скромныхъ труженикахъ, подъ вашимъ руководствомъ подвизавшихся на пользу всѣмъ намъ родной матери—Русской земли, а свыше всего да послужитъ онъ вамъ утѣшеніемъ, въ настоящую минуту, когда кривотолки и пересуды—неизбѣжное послѣдствіе взволнованныхъ общественныхъ страстей—силятся затмить вашу бывшую общеполезную дѣятельность, вашу чистую жизнь. Не смущайтесь всею этою неправдою, Владиміръ Ивановичъ, помните, что если современники и соотечественники, легко впадающіе и вводимые въ заблужденіе, бываютъ часто и несправедливы, и забывчивы, то исторія будетъ правдивѣе, памятливѣе и воздастъ каждому по заслугамъ. Говоримъ это въ полномъ, искреннемъ убѣжденіи, что вашимъ дѣйствіямъ не слѣдуетъ опасаться позднѣйшаго и болѣе праведнаго суда. При этомъ случаѣ мы не можемъ отказаться отъ высокаго удовольствія привести себѣ на память дѣла ваши, которыми вы снискали право на благодарность, конечно не однихъ насъ. Мы помнимъ, какъ семь лѣтъ тому назадъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго императора, вы прибыли въ Литовскій край вѣстникомъ мира и царской милости; какъ вы горячо устремились къ осуществленію вашей завѣтной мысли—къ сближенію и примиренію двухъ родственныхъ, но исторически враждебныхъ племенъ, всегда имѣя въ виду наши общіе русскіе интересы. Говорятъ это была ошибка, заблужденіе. Да, это было заблужденіе, но заблужденіе великодушное, которое вы раздѣляли съ самимъ правительствомъ и со всѣми благородномыслящими русскими людьми. Если эта попытка должна была остаться безуспѣшною, то исторія конечно не укоритъ за это насъ, русскихъ. Мы помнимъ съ какою горячностью, самоотверженіемъ и свойственнымъ вамъ гражданскимъ мужествомъ, не взирая на поднявшіяся противъ васъ нареканія, не въ одной Литвѣ, вы сдѣлались однимъ изъ первыхъ двигателей и исполнителей великой царской мысли: какъ вы, глубоко сознавая всю настоятельность крестьянской реформы для Западнаго края, въ политическомъ отношеніи, какъ вы одни, а никто другой, подвинули дворянство литовскихъ губерній впервые высказать мысль о необходимости упраздненія крѣпостнаго состоянія, какъ эта мысль, благодаря вашимъ усиліямъ, принявшаяся въ западно-русскомъ краѣ,

стремительно облетѣла все огромное пространство нашего отечества. Мы помнимъ, скажемъ безъ обиняковъ,—ту славную, въ вашей жизни, минуту, когда вы, первый изъ русскихъ, удостоились получить царскій рескриптъ, возвѣщавшій не одной Россіи, но и цѣлому міру, о началѣ освобожденія двадцати милліоновъ людей. Судьба судила вамъ несравненное счастіе участвовать не только въ закладкѣ, такъ сказать, но и въ самомъ осуществленіи и почти окончательномъ исполненіи этого дѣла. По вашей неотступной, постоянно преслѣдуемой вами мысли совершено было, еще во время вашего управленія краемъ, окончательное прекращеніе обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Скажемъ всю правду: да, вы первые, предусматривая всю важность, для нашихъ общихъ, русскихъ интересовъ, опереться въ Западномъ краѣ на простой народъ, еще мало тронутый враждебными намъ польскими тенденціями, подняли, можно сказать, на своихъ плечахъ, это угнетенное племя литовскихъ крестьянъ, и если существуетъ правда на землѣ, то вамъ за этотъ подвигъ должна быть воздана и честь, и слава! Все это—въ очію нашу совершившіеся факты, славное участіе въ которыхъ никто у васъ не отниметъ. Мы помнимъ еще, какъ постоянно дѣйствуя въ истинно русскомъ, народномъ духѣ, вы, въ видахъ охраненія возникавшаго къ самостоятельной жизни западно-русскаго народа отъ губительнаго вліянія враждебныхъ ему элементовъ, заботились неустанно объ учрежденіи и распространеніи народныхъ школъ и какъ вы имѣли утѣшеніе, еще при себѣ, видѣть, что ввѣренный вашему управленію край, въ короткое время, весь покрылся этими школами. Мы помнимъ какъ вы горячо поддерживали и ратовали за пробуждавшіяся къ новой жизни, послѣ долгаго усыпленія, наши древле-русскія братства,—этотъ остатокъ нашей родной старины, которому, быть можетъ, суждено способствовать наиболѣе къ упроченію всегда существовавшей связи между обѣими половинами Руси: Восточною и Западною. Мы помнимъ какъ горячо настаивали и ходатайствовали вы о необходимости широкой колонизаціи въ западномъ краѣ русскихъ землевладѣльцевъ и раздачи государственныхъ земель и оброчныхъ статей, въ награду за вѣрную службу. Мы помнимъ, какъ въ постоянной заботѣ о развитіи нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія ввѣреннаго вамъ края, вы грудью отстояли проведеніе желѣзнаго пути черезъ Вильно и другіе важнѣйшіе города сѣверо-западныхъ

губерній, и мы теперь видимъ и убѣждаемся на дѣлѣ въ великой важности этого пути, въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ. Мы не забыли и того тяжелаго времени, когда враги наши, опасаясь, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не совершилось давно желанное, лучшими изъ русскихъ и польскихъ людей, примиреніе двухъ родственныхъ племенъ, начали снова раздувать едва успокоенныя политическія страсти и снова зажгли мятежъ въ несчастномъ Царствѣ Польскомъ, откуда онъ, естественнымъ образомъ, долженъ былъ отразиться и на сосѣдственной Литвѣ. Мы помнимъ и вашу скорбь о безразсудствѣ, съ которымъ, на погибель себѣ и краю, устремились въ мятежъ эти легкомысленные, эти несчастные люди, и тѣ усилія, которыя вы употребляли, чтобы ихъ образумить и, наконецъ, чтобы подавить эти безумныя попытки къ возстанію, среди массы спокойнаго и почти не причастнаго измѣнѣ сельскаго населенія. Мы помнимъ, что эти усилія не остались безуспѣшными и что вы имѣли утѣшеніе видѣть, еще во время вашего управленія, какъ доблестныя войска наши, по вашимъ непосредственнымъ указаніямъ и распоряженіямъ, окончательно истребили единственно значительныя на Литвѣ мятежническія шайки Сѣраковскаго, Нарбутта, Колышки, Роггинскаго и тѣмъ положили прочное начало рѣшительному подавленію мятежа.

Вотъ ваши права, благороднѣйшій Владиміръ Ивановичъ, на наше сочувствіе и уваженіе. Для полноты воспоминаній, мы не можемъ лишить себя удовольствія припомнить и вашу прежнюю, до-виленскую, московскую, не менѣе свѣтлую дѣятельность, не всѣмъ извѣстную, многими забываемую, но нѣкоторымъ изъ насъ весьма памятную: какъ покойный императоръ, цѣня вашъ благородный характеръ, призвалъ васъ къ управленію воспитательною и учебною частью въ сердцѣ Россіи; какъ вы, противъ вашего желанія, не приготовленные къ этому дѣлу, но повинуясь царской волѣ и слѣдуя внушеніямъ вашего прямаго ума и чистаго сердца, съ честью исполнили это назначеніе; какъ все мыслящее и даровитое между молодежью и профессорами нашло въ васъ и сочувствіе, и опору, и горячее заступничество; какъ вы умѣли придать и усилить значеніе университета среди московскаго общества, какъ вы успѣли привлечь къ нему благоволеніе императора и какъ вы славно отпраздновали, съ цѣлою Москвою и, можно сказать, со всею просвѣщенною Россіею, столѣтнюю годовщину нашего славнаго университета. Вспомнимъ какъ вы поняли и оцѣнили

Грановскаго, какъ былъ близокъ къ вамъ нашъ несравненный Гоголь, читавшій вамъ свои послѣднія творенія и желавшій передать ихъ въ ваше распоряженіе, и какъ вамъ было суждено воздать и тому, и другому, въ главѣ московскаго общества и отъ лица Россіи, послѣднюю земную честь въ стѣнахъ университета. Не можемъ не припомнить еще, что вашему ходатайству обязаны появленіемъ на свѣтъ и „Русскій Вѣстникъ“, съ честью продолжающій свое существованіе, и въ особенности „Русская Бесѣда“, уже прекратившаяся, но не безслѣдно трудившаяся на пользу русской мысли и народнаго русскаго сознанія, что по вашей мысли основанъ былъ „Вѣстникъ естественныхъ наукъ“, способствовавшій распространенію популярныхъ свѣдѣній изъ этой области знанія, наконецъ скажемъ,—благо что пришлося къ слову,—вы придали новую жизнь и значеніе нашимъ почтеннымъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, призвавъ къ ихъ обновленію молодого, даровитаго русскаго писателя, того самаго Каткова, который нынѣ сдѣлался первымъ русскимъ публицистомъ и въ рукахъ котораго, съ вашей легкой руки, „Московскія Вѣдомости“, въ настоящее время, стали главнѣйшимъ печатнымъ органомъ русской мысли и русскаго чувства.

Исчисленныя нами дѣла ваши, кажется, могутъ вознаградить васъ сторицею, достойнѣйшій Владиміръ Ивановичъ, за неизбѣжныя, въ жизни каждаго значительнаго дѣятеля, неудачи и испытанія, и пріобрѣсти вамъ полное и заслуженное право на вниманіе соотечественниковъ и всѣхъ любящихъ правду, всѣхъ любящихъ честь и славу Россіи.

Простите намъ, Владиміръ Ивановичъ, что мы увлеклись изложеніемъ вашихъ дѣлъ, быть можетъ во гнѣвъ вашей скромности. Но заявленіе и возстановленіе истины есть долгъ каждаго честнаго человѣка, а для насъ, приверженныхъ вамъ людей, это составляетъ наслажденіе и отраду.

Съ неизмѣнными чувствами уваженія и преданности имѣемъ честь быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшіе слуги:

Подписали: Александръ, епископъ Ковенскій, и затѣмъ до пятидесяти лицъ обоего пола.

20-го декабря 1863 года.

Сверху адреса императоръ Александръ II написалъ собственноручно: «Понимаю какъ вамъ должно было быть пріятно получить эти правдивыя строки».

БѢГЛЫЕ ОЧЕРКИ.

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго [1]).

> Il n'y a ni petits faits dans l'humanité, ni petites feuilles dans la végétation.
>
> V. Hugo. «Les Misérables».

I.

Было время, когда отъ исторіи не требовалось ничего болѣе, кромѣ вѣрнаго воспроизведенія событій и вѣрнаго изображенія дѣятельности вліявшихъ на событія личностей. Мы имѣемъ много исторій, въ которыхъ дѣеписатель ограничивался такою тѣсною рамкою. Неудовлетворительность подобныхъ исторій была наконецъ сознана въ настоящемъ столѣтіи. Мы убѣдились, что дабы имѣть возможно ясное понятіе о данной эпохѣ, объ истинномъ значеніи событій, объ ихъ филіяціи и взаимной зависимости, о характерѣ главныхъ дѣятелей и, наконецъ, о состояніи обществъ въ нравственномъ и культурномъ отношеніяхъ, необходимо имѣть подъ рукою вспомогательные источники, гдѣ современниками записаны частности происходившаго предъ ихъ глазами движенія. Только при такихъ условіяхъ исторія перестаетъ быть безжизненною эфемеридой, скелетомъ, составленнымъ изъ нанизанныхъ сухихъ фактовъ, и описываемая эпоха воскресаетъ предъ нами съ движеніемъ и колоритомъ жизни. Такъ, даже изъ превосходныхъ сочиненій Тацита мы не уразумѣли-бы вполнѣ древняго Рима,

---

[1]) Воспоминанія эти доставлены 3-го февраля 1880 г. сыномъ автора. Осипъ Антоновичъ Пржецлавскій род. 1799 г, умеръ 10-го декабря 1879 г. въ Твери. См. о немъ далѣе, на стр. 406 настоящей книги.

еслибы многаго не объяснили поэзія Горація, Люкреція, Петронія, Овидія, сатиры Ювенала, эпиграммы Марціала. Во Франціи, вѣкъ короля-солнца (Roi-soleil), какъ льстецы называли Людовика XIV, судя по однѣмъ современнымъ исторіямъ, казался бы намъ истиннымъ, а не фиктивнымъ солнечнымъ сіяніемъ, а эпоха Людовика XV оставалась бы туманной картиной безъ мемуаровъ Сен-Симона, безъ дневника Башомонт'а, безъ писемъ маркизы де-Севинье. Отсюда важное значеніе для исторіи, какъ мы ее теперь понимаемъ, такихъ публикацій, какъ напримѣръ та, въ которой помѣщаемъ наши безпритязательные очерки и разсказы.

Народная жизнь въ данной странѣ естественно развѣтвляется на двѣ различныя жизни: сельскую и городскую, и хроники городовъ, особенно столицъ, составляютъ важнѣйшій отдѣлъ общей лѣтописи. Столицы — это центры управленія, законодательства, просвѣщенія, искусствъ, утонченностей общежитія, комфорта, роскоши,—центры, изъ которыхъ эти факторы прогресса расходятся лучеобразно по второстепеннымъ центрамъ и чрезъ нихъ достигаютъ окраинъ страны.

Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, нигдѣ какъ въ столицахъ нельзя удобнѣе слѣдить за успѣхами общаго прогресса [1]). По вымогательствамъ же его, не только внѣшняя физіономія большого города, но и подробности внутренняго состава городской жизни, медленно, для самихъ жителей незамѣтно, переходятъ различныя стадіи и въ каждый данный моментъ даютъ такой, а не иной итогъ общаго положенія.

Я прожилъ въ Петербургѣ цѣлыхъ двѣ срединныхъ четвертей настоящаго вѣка (1822—1872 гг.) и думаю, что воспроизведеніе моихъ впечатлѣній и замѣчаній изъ того періода составитъ не безъинтересную и не безполезную страницу для хроники прошлаго этой столицы. Въ этомъ очеркѣ, не имѣющемъ конечно притязанія ни на полноту картины, ни на литературное достоинство,

---

[1]) Сопоставленіе этихъ словъ, потребовавшееся для ясности изложенія, показываетъ, что не во всѣхъ примѣненіяхъ успѣхъ, преуспѣяніе, могутъ съ точностью замѣнить иностранный прогрессъ. Въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, нужно бы или отказаться отъ того, что я хотѣлъ выразить, или же сказать „за успѣхами общаго успѣха". Впрочемъ, по строгому анализу, слово успѣхъ ближе соотвѣтствуетъ понятію удачи, (réussite, succès), чѣмъ понятію прогресса. Послѣдній не есть еще самый успѣхъ, а постепенное движеніе на пути къ успѣху. О. П.

я не намѣренъ стѣснять себя никакою системою, ни даже строгою хронологическою послѣдовательностью. Буду sine ira et studio разсказывать чтò мнѣ, по моимъ воспоминаніямъ, представляется выдающимся въ пережитыхъ событіяхъ и извѣстныхъ мнѣ личностяхъ, преимущественно съ анекдотическою, тѣхъ и другихъ, обстановкою. Изъ такихъ разсказовъ физіономическія черты мѣста и времени выйдутъ наружу сами собою [1]).

Тогда какъ Москва есть городъ существенно русскій, Петербургъ, напротивъ, отличается и отъ ней, и отъ большинства европейскихъ столицъ космополитическимъ составомъ своего населенія. Наглядный признакъ этого представляетъ главная улица, Невскій проспектъ; ее нѣкоторые называютъ „улицею вѣротерпимости", и дѣйствительно, на ней только двѣ церкви господствующей религіи, а четыре иновѣрческія: кальвинская (голландская), лютеранская, римско-католическая и григоріянско-армянская. Въ Москвѣ иностранный элементъ поглощается туземнымъ; въ Петербургѣ каждая изъ чужеземныхъ народностей выдѣляется въ особыя группы, прикасающіяся къ сосѣднимъ замкнутыми очертаніями своихъ круговъ, но тѣ, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ и то не глубоко, заходятъ одни въ другіе. Такая пестрота состава естественно разнообразитъ воспроизводимую наблюдателемъ картину.

На впечатлѣніе, производимое подобными моему разсказами, вліяетъ знаніе личности самаго расказчика. Поэтому, хотя въ моихъ писаніяхъ я стараюсь избѣгать эготизма, ограничивая его необходимостью, въ настоящемъ однакожъ случаѣ признаю нужнымъ сказать о себѣ нѣсколько словъ.

Я былъ очень молодъ, когда, окончивъ университетскій курсъ, пріѣхалъ въ половинѣ 1822 года въ Петербургъ изъ отдаленной Литовской провинціи, по важному для меня дѣлу, о которомъ разсказано въ другомъ мѣстѣ [2]). По исключительнымъ обстоятельствамъ, съ ранняго юношескаго возраста я былъ обреченъ на

---

[1]) Многое изъ моихъ петербургскихъ воспоминаній было уже напечатано, начиная съ 1872 года, сперва въ „Русскомъ Архивѣ", подъ псевдонимомъ Ципринусъ, а затѣмъ въ „Русской Старинѣ", подъ моимъ именемъ. Настоящая статья заключаетъ въ себѣ дополнительныя и новыя подробности, но какъ между ими и тѣмъ, что уже сказано, нерѣдко встрѣтится естественная связь и даже солидарность, то въ такихъ случаяхъ, дабы не повторяться, прійдется сдѣлать необходимыя ссылки.

[2]) «Русская Старина» изд. 1874 г., т. XI, стр. 690 и слѣд. О. П.

трудовую жизнь, не зналъ молодости. Въ 18 лѣтъ я былъ уже — не скажу разочарованнымъ,—потому что ничѣмъ и никогда очарованъ не былъ—а зрѣлымъ человѣкомъ, усвоившимъ себѣ, хотя и безсознательно, грустный девизъ: nil admirari. Это нужно было сказать для того, чтобы было извѣстно, что чуждый всякой иллюзіи, все, на что я смотрѣлъ, я видѣлъ не сквозь какую нибудь радужную призму, а въ нагой дѣйствительности, въ истинномъ свѣтѣ.

Петербургъ 1820-хъ годовъ, далеко не такой, какимъ онъ теперь, я довольно подробно описалъ въ приведенной уже статьѣ „Русской Старины“. Къ счастью, въ первые же дни по пріѣздѣ я нашелъ прекраснаго чичероне въ моемъ университетскомъ товарищѣ и другѣ, пробывшемъ уже нѣсколько лѣтъ въ столицѣ и съ которымъ мы тотчасъ же устроились такъ, чтобы жить вмѣстѣ. Первое время было посвящено осмотру достопримѣчательностей города и окрестностей. Потомъ я сталъ посѣщать публичную библіотеку, и воспользовался привезенными съ собой рекомендательными письмами, сдѣлалъ визиты сановникамъ, бывшимъ до того губернаторами въ Литвѣ и подружившимися тамъ съ моимъ отцомъ. Наконецъ, бывши франъ-масономъ, я сблизился съ петербургскими членами этого ордена. Такимъ образомъ я, молодой провинціялъ, нашелся сразу въ средѣ того, что называютъ обществомъ. Года чрезъ полтора кругъ наблюденій расширился еще для меня вступленіемъ въ службу по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Я не стану описывать здѣсь внутренней физіономіи города, то есть самого общества. Классъ жителей, которому присвоено это названіе, представляетъ въ наше время повсюду почти одинаковыя черты, съ незначительными мѣстными оттѣнками. Въ Россіи, первоначально, въ XVIII вѣкѣ, для созданія европейскаго общества потребовались принудительныя мѣры, принимаемыя Петромъ I въ видѣ обязательныхъ „ассамблей“, имѣющихъ цѣлью сближеніе между собой единицъ двухъ половъ, какъ будто чуждавшихся другъ друга. Но насталъ вѣкъ Екатерины и онъ вскорѣ посвятилъ петербуржцевъ, а за ними жителей и другихъ центровъ, въ обще-европейскіе пріемы и утонченности городской жизни.

Что касается наружной физіономіи Петербурга, то общій ея видъ, какъ я ее засталъ, описанъ въ упомянутой статьѣ. Здѣсь,

прежде чѣмъ приступить къ болѣе серьезнымъ предметамъ разсказа, считаю не лишнимъ дополнить изображеніе этой физіономіи нѣсколькими штрихами особенностей собственно мѣста и тогдашняго времени.

Въ другихъ большихъ городахъ есть не мало жителей, не имѣющихъ иной цѣли и занятія, какъ только проживать свои скромные доходы, наслаждаясь беззаботною уличною жизнію. Этихъ фланеровъ, особенно въ Парижѣ, такъ много, что они составляютъ необходимую принадлежность города и не обращаютъ на себя вниманія. Но Петербургъ—городъ по преимуществу дѣловой; на улицахъ вы видите какъ всѣ торопятся, какъ и пѣшкомъ, и въ экипажахъ спѣшатъ: кто по дѣлу, кто въ должность, на службу. Чистокровныхъ фланеровъ такъ немного, что тѣ, которые изрѣдка появляются, привлекаютъ на себя общее вниманіе и прозываются оригиналами, наравнѣ съ другими чудаками, отличающимися какою нибудь эксцентричностью.

Описаніемъ тѣхъ и другихъ оригиналовъ я начну мои петербургскія замѣтки.

II.

Съ самаго моего пріѣзда, прежде всѣхъ бросались въ глаза два странные субъекта каждый въ своемъ родѣ. Одинъ былъ маленькій, худенькій старичекъ, постоянно въ темно-коричневомъ гарнитурѣ. Онъ суетливо, почти бѣгомъ, шагалъ по улицамъ, всегда, лѣтомъ и зимою, съ непокрытою головой и съ треуголкой подъ мышкой. Это былъ учитель-французъ. Онъ пріѣхалъ при императорѣ Павлѣ и разъ случилось ему проходить мимо Зимняго дворца; это было въ послѣдній разъ, что онъ имѣлъ шляпу на головѣ. Изъ дворца его увидали, догнали, не очень вѣжливо сбили шляпу, а самаго виноватаго отвели на гауптвахту. Когда оказалось, что онъ только что прибывшій иностранецъ, незнавшій тогдашнихъ порядковъ, то его выпустили; но испугъ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ помѣшался на пунктѣ шляпы и никогда уже ее не надѣвалъ. Фамилію его я забылъ; сказывали, что онъ былъ прекрасный учитель и имѣлъ много уроковъ французскаго языка.

Другой чудакъ былъ нѣкто статскій совѣтникъ Брызгаловъ, бывшій при императорѣ Павлѣ кастелланомъ Михайловскаго замка. Костюмъ его составлялъ единственный, оставшійся отъ прошедшаго, экземпляръ. Это былъ красный, длиннополый мундирный фракъ, французскаго покроя, богато шитый золотомъ, бѣлый суконный жилетъ, бѣлые замшевые панталоны, огромные ботфорты со шпорами и треугольная шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ. Въ такомъ нарядѣ Брызгаловъ во всякую погоду ходилъ всегда пѣшкомъ, ведя за руки двоихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку 8—9 лѣтъ, ковылявшихъ на ногахъ, страшно искривленныхъ такъ называемою англійскою болѣзнью [1]). Группа эта была такъ комично-карикатурна, что проходившіе мимо останавливались со смѣхомъ, а Брызгаловъ сердился и бранился. Онъ искренно-ли, но вѣроятнѣе—притворно, утверждалъ, что дожидается возвращенія императора Павла съ дальняго путешествія, и что тогда напляшутся всѣ, которые считали его умершимъ. Сомнительно было сумашествіе Брызгалова, но не сомнительно то, что онъ былъ ростовщикъ и страстный ябедникъ.

Въ pendant къ этой странной фигурѣ былъ очень старый сенаторъ 1-го департамента. Онъ жилъ въ Большой Морской, въ своемъ домѣ, и въ хорошую погоду ходилъ въ сенатъ по адмиралтейскому бульвару, въ красномъ сенаторскомъ мундирѣ. За нимъ, нога въ ногу, слѣдовалъ не менѣе старый лакей и вязалъ чулокъ. Однажды парадный нарядъ сенатора накликалъ на него непредвидимую невзгоду. Въ конюшнѣ конно-гвардейскаго полка держали козла; но разъ, за какую-то проказу, выгнали его вонъ, какъ разъ въ то время, когда X. шелъ въ сенатъ. Разсерженный рогоносецъ побѣжалъ по бульвару и увидѣвъ тамъ красный мундиръ, накинулся на него и сенатора повалилъ раньше, чѣмъ маститый лакей успѣлъ предотвратить ударъ. Катастрофа не имѣла серьезныхъ для здоровья пострадавшаго послѣдствій. Произведено было строжайшее слѣдствіе—исходъ его мнѣ неизвѣстенъ.

Еще былъ старый генералъ, князь Волконскій, загадочная привычка котораго была всѣми замѣчаема. Каждое утро, ровно въ 11 часовъ, появлялась на Невскомъ проспектѣ коляска чет-

---

[1]) Англичане сильно протестуютъ противъ этого названія. Болѣзнь эта почти вовсе неизвѣстна въ Англіи. О. П.

верней съ форейторомъ; въ ней сидѣлъ одинъ князь, всегда, какъ тотъ французъ, о которомъ было упомянуто, съ непокрытою головою. Поровнявшись съ Казанскимъ соборомъ, коляска поворачивала налѣво и, подъѣхавъ подъ колоннаду, которая выходитъ въ Мѣщанскую (теперь Казанскую) улицу, останавливалась подъ колоннами. Тамъ генералъ выходилъ и на нѣкоторое время скрывался за экипажемъ. Проходящіе по улицѣ обходили колоннаду. Затѣмъ князь Волконскій садился опять въ коляску и уѣзжалъ обратно. Все это совершалось съ хронометрическою точностью.

Теперь отъ чудаковъ перейдемъ къ **фланерамъ**, собственно такъ называемымъ.

Въ движеніи на главныхъ улицахъ почти постоянно замѣчались двѣ фигуры изъ высшаго общества, но совершенно отъ него отставшія. Это были графъ Александръ Дмитріевичъ **Хвостовъ** и графъ Александръ Петровичъ **Завадовскій**. Оба принадлежали къ разряду тѣхъ „зашибенныхъ въ цвѣту“ потомковъ знатныхъ фамилій, задохшихся въ тяжолой атмосферѣ аракчеевскаго гнета и своимъ діогеновскимъ поведеніемъ протестовавшихъ противъ этого режима. По происхожденію своему и образованію оба были предназначены къ блестящей карьерѣ, но предпочли ей независимое, своеобразное dolce far niente. Съ обоими я былъ довольно близко знакомъ. Бѣглый очеркъ перваго изъ нихъ помѣщенъ мною въ статьѣ объ А. С. Шишковѣ [1]). Онъ умеръ въ 1875 или 1876 году холостымъ; съ его смертью прекратилась графская линія рода Хвостовыхъ. Теперь нѣсколько словъ о другомъ.

Графъ А. П. **Завадовскій** былъ сыномъ извѣстнаго любимца и министра императрицы Екатерины II. Завадовскіе — фамилія малороссійская и мой графъ Александръ заявлялъ претензію на польское дворянство, ссылаясь въ доказательство этого на свой гербъ „**Равичъ**“. Это, дѣйствительно, древній польскій гербъ, одинъ изъ тѣхъ, которыми пользуются нѣкоторые великороссійскіе и малороссійскіе дворянскіе роды.

Я съ нимъ познакомился, когда онъ не совсѣмъ еще было оставилъ общество. Это былъ умный и пріятный собесѣдникъ. Графъ Александръ воспитывался и первые годы молодости про-

---

[1]) «Русская Старина», изд. 1875 года, іюль.

велъ въ Англіи. Онъ такъ усвоилъ себѣ тамошній языкъ, образъ мыслей и манеры, что его называли Завадовскимъ - англичаниномъ. За два или за три года до моего пріѣзда онъ, окончивъ воспитаніе, явился въ Петербургъ блестящимъ джентльменомъ, былъ представленъ императору Александру I, понравился и былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Все предвѣщало ему полный успѣхъ и въ свѣтѣ, и въ служебной карьерѣ; но первое время его пребыванія на родинѣ ознаменовалось трагическимъ эпизодомъ, который развилъ въ немъ врожденное расположеніе къ мизантропіи и пессимизму.

На горизонтѣ міра петербургскихъ театраловъ сіяла тогда звѣзда, воспѣтая и Пушкинымъ—танцорка **Истомина**. Она не была красавицею въ тѣсномъ смыслѣ, но обладала тѣмъ, что называютъ „пикантностью" и что многіе предпочитаютъ правильной красотѣ; въ хореическомъ же искусствѣ уступала немногимъ европейскимъ знаменитостямъ. Этого было слишкомъ довольно, чтобы вскружать необременснныя мозгами головы тогдашней „золотой" (вѣрнѣе позолоченной) молодежи, не избалованной еще парижскими кокотками. Въ числѣ ея поклонниковъ самымъ ревностнымъ былъ кавалергардскій офицеръ **Шереметевъ**. Онъ былъ влюбленъ такою страстью **гимназиста**[1]), что при какомъ-то случаѣ поклялся **честью**, что если кто сдѣлается счастливымъ его соперникомъ, то долженъ будетъ имѣть съ нимъ **смертельный** поединокъ.

Завадовскій, не знавшій ни Истоминой, ни Шереметева, ни его клятвы, отправился однажды въ театръ, на балетъ, въ которомъ главную роль играла прославленная балладина. Она ему понравилась; въ антрактѣ, за кулисами, онъ съ ней познакомился и Истомина приняла приглашеніе отужинать съ нимъ въ тотъ же вечеръ въ его квартирѣ, въ домѣ, бывшемъ Чаплина, (на углу Невскаго проспекта и Большой Морской). Время въ бесѣдѣ съ Завадовскимъ прошло для Истоминой такъ незамѣтно, что она только на другой день возвратилась домой. Обо всемъ этомъ тотчасъ же узналъ Шереметевъ и счастливаго соперника вызвалъ на дуэль. Вотъ что̀ мнѣ объ этомъ разсказалъ графъ Александръ Петровичъ: ему крайне было нежелательно только

---

[1]) Amour de lycéen (Balzac). О. П.

что по возвращеніи на родину дебютировать такимъ единоборствомъ, которое, по своему „casus belli“, не могло дѣлать чести ни побѣжденному, ни побѣдителю. О такомъ нежеланіи и о его мотивахъ онъ прямо заявилъ принесшему вызовъ секунданту, и прибавилъ, что даже готовъ просить прощеніе за недобровольную вину. Но противникъ не хотѣлъ ничего слышать. Дѣлать было нечего и Завадовскій долженъ былъ съ своими секундантами явиться на назначенное мѣсто. Рѣшено было стрѣляться, и Шереметевъ заявилъ, что дуэль смертельна. Устроенъ былъ барьеръ, заключающій десять шаговъ пространства; отъ него противники отступятъ каждый еще на десять шаговъ, потомъ, по данному знаку, подходя обратно къ барьеру, могутъ стрѣлять когда кому будетъ угодно. Шереметевъ, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, выстрѣлилъ и промахнулся, Завадовскій, въ пистолетномъ искусствѣ уступавшій быть можетъ лишь знаменитому Россу [1]), выстрѣлилъ такъ, что пуля прошла мимо. Затѣмъ предложилъ мировую. Была минута нерѣшительности; секунданты Шереметева вели съ нимъ въ пол-голоса оживленный разговоръ, къ нимъ Завадовскій подослалъ и своего секунданта, чтобы уговорить къ прекращенію нелѣпой борьбы, но Шереметевъ сказалъ, что по данному имъ честному слову это невозможно. Тогда уже Завадовскій, возмущенный такимъ упорствомъ, отходя на позицію, сказалъ: „беру всѣхъ въ свидѣтели, что я исчерпалъ всѣ средства къ примиренію; теперь же, къ крайнему прискорбію, я вынужденъ убить противника“. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ барьеру, Завадовскій прицѣлился, выстрѣлилъ и убилъ Шереметева на повалъ: пуля попала въ самый лобъ. Графъ разсказывалъ мнѣ, что противникъ, уговариваемый однимъ изъ своихъ секундантовъ, колебался и казалось не прочь былъ отъ примиренія, но другой секундантъ, А. С. Грибоѣдовъ, не допустилъ этого, настаивая на данномъ честномъ словѣ. (Когда чрезъ много послѣ этого лѣтъ случилась съ Грибоѣдовымъ катастрофа въ Тегеранѣ, Завадовскій замѣтилъ: „не есть ли это Божья кара за смерть Шереметева?).

Непосредственно послѣ дуэли, побѣдитель, искренно грустя объ ея исходѣ, отправился на гауптвахту и велѣлъ себя аресто-

---

[1]) Капитанъ англійской службы Россъ (Ross) убивалъ пулею изъ пистолета ласточекъ на лету, почти безъ промаха. О. П.

вать. Онъ тамъ оставался недолго. Императоръ Александръ I велѣлъ его позвать къ себѣ и сказалъ, что ему извѣстны подробности исторіи, что хотя онъ, государь, строго относится къ поединкамъ вообще, но въ настоящемъ случаѣ признаетъ, что Завадовскій, не давъ повода къ вызову, сдѣлалъ все, что могъ для избѣжанія дуэли и затѣмъ нашелся въ „необходимости законной обороны", почему и прощаетъ его вполнѣ.

Вслѣдствіе какъ этого злополучнаго дебюта, такъ и по тогдашнимъ обстоятельствамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ усвоенными во время пребыванія въ Англіи воззрѣніями, Завадовскій въ службу не вступалъ и не бывалъ въ обществѣ, а тому и другому предпочелъ независимую, такъ сказать уличную, жизнь и знакомство, состоящее изъ очень тѣснаго кружка.

У него былъ старшій братъ, сенаторъ, Василій Петровичъ, женатый на дѣвицѣ Влодекъ, славившейся красотою. Братья не были между собою дружны и почти никогда не видались. По смерти брата, не оставившаго потомства, и по смерти матери, дожившей до глубокой старости, графъ Александръ, наслѣдовавъ значительное состояніе, переѣхалъ на постоянное жительство въ Таганрогъ, гдѣ въ 1850-хъ годахъ умеръ совершенно одинокимъ. На немъ прекратилась графская линія рода Завадовскихъ.

Къ разряду болѣе замѣтныхъ петербургскихъ фланеровъ слѣдуетъ причислить и одного знаменитаго иностранца. Это былъ мистеръ Рандольфъ, посланникъ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ. Онъ въ первый разъ нашелся въ Европѣ,—все для него было ново. Вѣчно во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и ярко-зеленомъ жилетѣ, онъ рыскалъ пѣшкомъ по улицамъ, прочитывалъ надписи вывѣсокъ и разсматривалъ все со вниманіемъ. Извощики, которыхъ онъ никогда не нанималъ и на инсинуаціи которыхъ не отвѣчалъ, всѣ его знали и прозвали „нѣмымъ бариномъ". Притомъ онъ былъ не послѣдней руки оригиналъ. Уполномоченный отъ своего правительства въ началѣ царствованія императора Николая, испросивъ аудіенцію для представленія своихъ вѣрительныхъ грамотъ, въ ожиданіи выхода государя, онъ спросилъ у министра иностранныхъ дѣлъ, какой для подобныхъ случаевъ существуетъ при россійскомъ дворѣ этикетъ? Когда графъ Нессельроде объяснилъ ему, что въ Европѣ приняты повсюду обыкновенныя формы привѣтствія, то Рандольфъ

сказалъ: „а, понимаю". По представленіи государю посланника, этотъ, не поклонившись, протянулъ руку. Императоръ, съ улыбкой, взялъ ее; тогда Рандольфъ, крѣпко пожавъ царскую руку, потрясъ ее нѣсколько разъ, какъ это дѣлаютъ американцы, желая выказать особенную дружбу. Графъ Нессельроде, послѣ аудіенціи, замѣтилъ ему это, на что дипломатъ изъ антиподовъ съ самодовольнымъ видомъ сказалъ: „да, я поступилъ согласно моей инструкціи; мнѣ предписано оказывать россійскому императору глубокое уваженіе и искреннюю къ нему симпатію Союза".

III.

Министры финансовъ графъ Гурьевъ и Канкринъ. — Континентальная система. — Протекціонизмъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я засталъ еще министромъ финансовъ графа Гурьева. Онъ вообще не былъ любимъ, въ особенности за то, что интересы казны, въ столкновеніи съ интересами частныхъ лицъ, соблюдалъ слишкомъ строго и въ явный ущербъ справедливости. Самыя ясныя претензіи къ казнѣ испытывали нескончаемыя проволочки и оканчивались отказомъ. Не было *почти* примѣра, чтобы въ управленіе Гурьева кто-нибудь получилъ слѣдующее ему удовлетвореніе. Но это было лишь фиктивное приращеніе казеннаго достоянія и, какъ всякое неправдой пріобрѣтенное добро, не шло въ прокъ. Несравненно болѣе, чѣмъ пріобрѣтала такимъ образомъ, казна теряла отъ того, что по министерству финансовъ въ подвѣдомственныхъ частяхъ допускались вопіющія злоупотребленія. Взяточничество, особенно по департаментамъ государственныхъ имуществъ, неокладныхъ сборовъ и внѣшней торговли (томоженномъ), достигло колоссальныхъ размѣровъ. Имперія была наводнена контрабандой. Мѣста въ таможняхъ были самыя прибыльныя изъ мѣстъ государственной службы, не исключая провіантской и коммисаріатской того времени. Чиновники, не краснѣя, хвастали своими доходами; шампанское вино называлось таможеннымъ квасомъ. Тоже самое было по другимъ частямъ управленія: горной, соляной, лѣсной. Изъ питейнаго сбора можно сказать положительно, что одна треть, если не болѣе, расходилась по карманамъ чиновниковъ. По ре-

визской части, напримѣръ, въ одной казенной палатѣ (Гродненской), для взысканія подушныхъ податей велись два списка народонаселенія: одинъ для самой палаты, гдѣ означено дѣйствительное число платящихъ подати, другой, почти въ половину меньшій, для казны. И это продолжалось болѣе десяти лѣтъ и кто знаетъ, не то-ли самое дѣлалось въ другихъ палатахъ? Въ Гродненской же мошенничество открылось по доносу одного канцелярскаго чиновника, недовольнаго за то, что къ празднику онъ не получилъ награды. Словомъ, казнокрадство, на подобіе морского чудовища головонога [1]), заключивъ всю имперію въ свои кровожадныя объятія, тысячами своихъ сосцовъ впивало въ себя государственные доходы. Но независимо отъ громаднаго вреда, наносимаго казнѣ, такое положеніе, такіе деморализаціонные примѣры обогащающаго безнаказанно мошенничества, имѣли очень вредное вліяніе на общественную мораль по тому закону, по которому зло имѣетъ свойство жирнаго пятна, свойство расползаться во всѣ стороны. Общество свыкалось съ такимъ положеніемъ вещей, считало его нормальнымъ и думало, что иначе и быть не можетъ. Сдѣлались популярными аксіомы, что „все можно, только осторожно", что хотя казенное „ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ", но имъ безъ зазрѣнія совѣсти позволительно набивать себѣ карманы, потому что казна богата.

Наконецъ на мѣсто Гурьева назначенъ былъ министромъ финансовъ Канкринъ, генералъ-интендантъ одной изъ армій. Это послѣдовало (чрезъ годъ, кажется, послѣ моего пріѣзда), въ самый праздникъ Пасхи, и для общества это былъ двойной праздникъ. Встрѣчавшіеся на улицахъ поздравляли себя такъ: „Христосъ воскресъ—Гурьевъ изчезъ".

Егоръ Францовичъ Канкринъ началъ свою финансовую карьеру съ очень скромной должности въ конторѣ одного изъ петербургскихъ банкировъ. Какъ эти занятія, такъ впослѣдствіи интендантская служба, были подготовленіемъ къ будущему высокому посту. Канкринъ одаренъ былъ замѣчательнымъ умомъ и притомъ, не удовлетворяясь, какъ дѣлали многіе другіе, однѣми эмпирическими свѣдѣніями о ввѣренной ему части, изучалъ ее спеціально. Онъ безспорно нашелся на своемъ мѣстѣ и его завѣ-

---

[1]) Cephalopoda octopeda (Lin.), la Pieuvre (fr.). О. П.

дываніе, въ теченіе многихъ лѣтъ, финансами Россіи довело постепенно эту отрасль управленія до удовлетворительной степени устройства.

Новый министръ началъ съ очищенія своего вѣдомства отъ накопившихся осадковъ прежняго времени лихоимства и злоупотребленій. Удаленіе недостойныхъ чиновниковъ и нѣсколько примѣровъ строгаго наказанія показали служащимъ по министерству, что благое гурьевское время миновалось безвозвратно. Казенное управленіе питейнымъ сборомъ замѣнено отдаваемымъ съ публичныхъ торговъ откупомъ и весьма значительное увеличеніе вслѣдствіе этой мѣры казеннаго дохода наглядно обнаружило какія по этой части практиковались злоупотребленія. Таможенное вѣдомство было радикально преобразовано и служба въ немъ облагорожена такъ, что ее искали порядочные и честные люди, до того ей чуждавшіеся. Въ дѣлахъ частныхъ лицъ съ казною введена строгая справедливость. Словомъ, благодаря Канкрину, финансовое дѣло въ Россіи, обезпеченное по возможности отъ прежняго систематическаго грабежа, нашлось, по крайней мѣрѣ въ своемъ внутреннемъ механизмѣ, на пути къ постепенному преуспѣянію. Новый министръ, особенно послѣ царствовавшей до него неурядицы, оказалъ безспорно большія услуги.

Но...... а этихъ но было нѣсколько.

Мы, славяне, чрезвычайно склонны къ экзальтаціи, ни въ чемъ не знаемъ средины, смотря на все въ увеличительное стекло. Даже въ языкѣ у насъ для прилагательныхъ почти не существуетъ другой степени, кромѣ превосходной. Это и въ особяхъ, и въ цѣлыхъ народахъ—признакъ незрѣлости, и такое расположеніе имѣетъ всѣ хорошія качества и всѣ недостатки молодости. Такъ, напримѣръ, было время, что тотъ, кто не благоговѣлъ предъ Канкринымъ, не признавалъ его первымъ финансистомъ въ мірѣ, рисковалъ быть провозглашеннымъ по крайней мѣрѣ за сумасшедшаго. Но, какъ сказалъ Авлій-Геллій: „Veritas temporis filia“, (истина дщерь времени). И теперь, когда у стараго Хроноса родилась уже эта прекрасная дочка, можемъ безбоязненно оцѣнять вещи какъ онѣ были.

Канкринъ имѣлъ важные недостатки; это были: упрямство, плодъ громаднаго самолюбія и увлеченія, основанныя на иллю-

зіяхъ и упорно отстаиваемыя, иногда вопреки очевидности [1]). То и другое имѣло вредныя послѣдствія, повліявшія и на настоящее положеніе.

Отпускная торговля Россіи съ европейскими государствами всегда состояла, и теперь состоитъ, въ вывозѣ исключительно сырыхъ произведеній земли и сельской промышленности. Таковы зерновый хлѣбъ, лѣсъ, шерсть, ленъ, пенька, кожи, сало, желѣзо и т. п. Въ издѣліяхъ нашихъ фабрикъ и мануфактуръ Европа никогда не нуждалась,—онѣ не имѣютъ въ ней значенія и могутъ служить лишь для азіатской торговли. До вступленія Наполеона I на императорскій престолъ Франціи, такая торговля съ избыткомъ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ имперіи. Въ обмѣнъ за наши природныя богатства мы получали произведенія земель всего земного шара и доведенныя до совершенства издѣлія иностранной промышленности. Ничего лучшаго нельзя было и желать, тѣмъ болѣе, что при такомъ положеніи было въ Россіи много денегъ. Но въ 1810-хъ годахъ Наполеонъ, для нанесенія вреда интересамъ ненавистной ему Англіи, выдумалъ такъ называемую континентальную систему и, по непонятной теперь уступчивости правительствъ, навязалъ ее всѣмъ государствамъ европейскаго материка. Система состояла въ томъ, что всѣ порты были для англійскихъ кораблей закрыты и Англія не могла въ Европѣ ни купить, ни продать ничего. Она же съ своей стороны *блокировала* моря. Всякая навигація прекратилась и въ торговлѣ произошелъ всеобщій застой, такъ какъ при недостаткѣ не только желѣзныхъ, но и шоссейныхъ дорогъ, привозъ товаровъ изъ отдаленныхъ странъ, какъ-то изъ Франціи, Италіи, Голландіи, западной Германіи, въ Россію обходился такъ дорого, что отъ этихъ товаровъ пришлось совсѣмъ отказаться. Тогда во Франціи, въ замѣнъ тростниковаго сахара, химикъ Ашаръ (Achard) выдумалъ свекловичный сахаръ, и кто-то другой, вмѣсто кофе, ввелъ въ употребленіе земляные орѣшки, собираемые съ корней растенія Cyperus tuberosus. Средняя и восточная Россія, благодаря своимъ сухопутнымъ и водянымъ средствамъ сообщенія съ Азіей, кое-какъ переносила это положеніе, но оно было очень тягостнымъ

---

[1]) См. мою статью о князѣ Любецкомъ, «Русская Старина», изд. 1878 года, апрѣль. О. П.

для западныхъ и юго-западныхъ окраинъ имперіи. Единственнымъ почти доходомъ тамошнихъ землевладѣльцевъ были деньги, получаемые отъ иностранныхъ, преимущественно англійскихъ, купцовъ за сплавливаемыя въ балтійскіе порты по Нѣману и западной Двинѣ мѣстныя произведенія. Въ тѣхъ же портахъ закупались на цѣлый годъ запасы колоніяльныхъ товаровъ, винъ и мануфактурныхъ издѣлій, такъ какъ въ краѣ никакихъ фабрикъ не было. Со введеніемъ континентальной системы эти операціи сразу прекратились, а съ ними и возможность пріобрѣтенія предметовъ не только роскоши, но и комфорта. По неволѣ пришлось сократить расходы и довольствоваться тѣмъ, что давала мѣстность. Я помню, какъ въ западныхъ губерніяхъ значительные помѣщики, даже магнаты, которые, издерживая много денегъ, могли бы продолжать жить по прежнему, дабы дать изъ себя примѣръ, согласились между собою строго ограничиваться мѣстными произведеніями и издѣліями. Мущины, ихъ жены и дочери переодѣлись лѣтомъ въ платья изъ домашняго небѣленаго холста, а зимою изъ домашняго же сѣраго сукна. Это сдѣлалось всеобщею модою и носить болѣе дорогія ткани почиталось дурнымъ тономъ. Съ такими туалетами на балахъ странный контрастъ составляли дамскія золотыя и бриліантовыя серьги, кольца, брошки, браслеты.

Когда вся Европа такъ томилась подъ гнетомъ фантазіи одного человѣка, Англія между тѣмъ, въ невозможности получать въ Европѣ, преимущественно изъ Россіи, необходимые сырые матеріалы, обратилась за ними въ другія части свѣта. Изъ сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады получала хлѣбъ и лѣсъ; для сала и шерсти развела въ своихъ колоніяхъ, главнѣйше въ Австраліи, огромныя стада быковъ и овецъ; въ замѣнъ русской пеньки стала на большихъ пространствахъ разводить растеніе Phormium tenax, дающее волокно лучше конопляного и т. п.

Когда наконецъ кампаніи 1812 и двухъ послѣдовавшихъ годовъ освободили Европу отъ такого стѣсненія, то оказалось, что Англія можетъ обойтись безъ нашихъ произведеній и что одна лишь разница разстоянія могла бы побудить англійскихъ негоціантовъ предпочитать наши порты американскимъ, чрезъ что возстановилось бы нарушенное континентальною системою равновѣсіе между привозною и отпускною торговлею Россіи. При томъ же извѣстно, что когда разъ торговля, покинувъ прежнее, при-

метъ новое направленіе, то уже весьма трудно возвратить ее на прежній путь.

Что же въ такомъ положеніи должно было дѣлать государство, дабы обезпечить жизненный интересъ своей отпускной торговли? Нужно было всѣми средствами стараться возстановить прежнія торговыя отношенія и именно отношенія эти обусловить возможными удобствами и льготами.

Но сдѣлано было противуположное.

Не пришло еще, быть можетъ, время, чтобы мысль извѣстнаго англійскаго экономиста Кобдена могла быть безусловно осуществлена; она, какъ и многіе другіе геніальные помыслы, дожидается своего времени. Принципу свободнаго обмѣна, свободной торговли (free exchange, free trade), онъ даетъ такое обширное примѣненіе, что полагаетъ и для привозной, и для отпускной торговли повсюду уничтожить таможенные тарифы и ввести всемірную безпошлинную торговлю. Тогда, говоритъ Кобденъ, установилось бы въ короткое время равновѣсіе между производительными силами природы съ производительными силами человѣческаго искусства и промышленности, иными словами: между экономическимъ значеніемъ сырыхъ матеріаловъ и значеніемъ плодовъ искусственной обработки этихъ матеріаловъ. Такимъ образомъ приведенъ былъ бы въ дѣйствіе и принялъ бы всеобщее международное значеніе одинъ изъ главныхъ принциповъ политической экономіи, принципъ „дѣленія труда", (division de travail). Онъ состоялъ бы въ томъ, что каждая страна заботилась бы лишь о возможномъ улучшеніи и умноженіи того, что сама производитъ, при климатическихъ и другихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ. Тогда страна, обладающая природными богатствами, не имѣла бы надобности въ заведеніи у себя фабрикъ, а въ замѣнъ за эти богатства получала бы все нужное изъ тѣхъ странъ, которыя въ недостаткѣ сырыхъ матеріаловъ развили и усовершенствовали у себя мануфактурную промышленность. По такому взгляду Россія не задавалась бы мыслью соперничать съ Англіею, Франціею, Германіею въ производствѣ утонченныхъ издѣлій изъ шерсти, шелка, льна, бумаги, желѣза, а старалась бы лишь объ умноженіи количества и улучшеніи качества этихъ продуктовъ, довольствуясь у себя такими лишь фабричными произведеніями, которыя удовлетворяютъ потребностямъ низшихъ классовъ населенія и

торговли съ среднею Азіею и съ крайнимъ Востокомъ. Осуществленіе этой грандіозной мысли имѣло бы и то неоцѣненное достоинство, что повело бы по необходимости къ установленію всеобщаго мира, то есть къ такому результату, котораго не можетъ не желать всякій другъ человѣчества.

Такой взглядъ Кобдена, высказанный имъ публично, въ бытность его въ одинъ изъ 1840-хъ годовъ въ Петербургѣ, діаметрально противился мнѣнію россійскаго министра финансовъ того времени. Графъ Канкринъ поставилъ себѣ задачею одарить Россію всѣми фабриками, въ издѣліяхъ которыхъ могли нуждаться ея жители. Конечно, такое состояніе было бы желательнымъ, но въ самой уже теоріи оно оказывалось если не совсѣмъ несбыточнымъ, то въ высшей степени труднымъ къ осуществленію, требующему не мало времени и пожертвованій. И въ самомъ дѣлѣ, мѣры, принятыя для приведенія такого предположенія въ дѣйствіе, имѣли во всѣхъ отношеніяхъ вредныя послѣдствія.

Согласно съ своими видами, министръ къ русской мануфактурной промышленности примѣнилъ въ строгомъ смыслѣ протекціонистскую систему. Съ одной стороны учрежденіе фабрикъ поощрялось, преуспѣянію ихъ правительство способствовало всѣми отъ него зависящими мѣрами, а съ другой устранялась иностранная конкурренція. Привозъ изъ-за границы мануфактурныхъ товаровъ обложенъ былъ такою пошлиною, что относительно ихъ тарифъ былъ почти равнозначущимъ запрещенію. Притомъ, по настоянію Канкрина, противъ контрабанды постановлены были законы, неуступающіе въ строгости и драконовскимъ. Словомъ, для международныхъ торговыхъ отношеній Россіи къ Европѣ, возобновлялась отчасти злополучная континентальная система, отъ которой Россія навсегда, казалось, освободилась дорогою цѣною отечественной войны.

Изъ всего этого вышло въ практикѣ слѣдующее:

1) Отпускная торговля, преимущественно въ Англію, значительно уменьшилась. Причину этого пребывающіе въ Петербургѣ тамошніе купцы объясняли очень естественно. Во всѣ порты другихъ государствъ, имѣющихъ другіе тарифы, британскіе корабли приходятъ съ грузами своихъ товаровъ, которые продаютъ или вымѣниваютъ на мѣстныя произведенія. Такимъ образомъ оба рейса не только оплачиваются, но и приносятъ барыши. За рус-

скими же произведеніями, по невозможности сбыта англійскихъ товаровъ, корабли принуждены приходить съ балластомъ и съ наличными деньгами. Поэтому англійскіе негоціанты обращаются къ Россіи лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Это усложняется еще особыми обстоятельствами: въ русскомъ коммерческомъ мірѣ до сихъ поръ еще далеко не всѣми понята и усвоена та истина, что честность, добросовѣстность — это необходимое условіе прочнаго успѣха торговыхъ и промышленныхъ операцій. Коммерсантъ можетъ быть, если это ему нравится, негодяемъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; но въ торговлѣ онъ долженъ рѣшительно отказаться отъ практикованія любимой надувательной системы.

Въ одинъ изъ 1820-хъ годовъ (кажется въ 1824 г.) великобританскій консулъ въ Петербургѣ предупредилъ кого слѣдовало, что купцы его отечества положили, по выполненіи существующихъ контрактовъ, не закупать болѣе на петербургской биржѣ пеньки и сала. Это произвело страшный переполохъ. По объясненіи съ консуломъ оказалось, что клейма, выставляемыя браковщиками на тюкахъ пеньки и на бочкахъ сала въ бо̀льшей части случаевъ бываютъ невѣрны. Первый сортъ оказывается вторымъ или смѣсью перваго съ низшими сорта̀ми. Пошли трактаціи, продолжавшіяся немалое время, такъ что одна навигація была потеряна. Кончилось тѣмъ, что англичане согласились, наконецъ, возобновить контракты, но съ тѣмъ условіемъ, что будутъ имѣть на биржѣ своихъ сортировщиковъ и браковщиковъ и только ихъ клейма будутъ считаться обязательными.

Почти то же самое случилось съ китайцами, закупавшими изъ русскихъ фабрикъ большое количество простыхъ суконъ, преимущественно яркихъ цвѣтовъ, и продававшими русскимъ купцамъ большія партіи чая. Вмѣсто денегъ китайцы принимали серебро въ дѣлѣ. Это шло хорошо въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ годовъ, а затѣмъ сукна стали оказываться дурно окрашенными и дырявыми, а изъ серебряныхъ издѣлій, тѣ, у которыхъ есть дно, какъ вазы, чашки, кубки и т. п., имѣли настоящую пробу только на этомъ днѣ, остальное же было придѣлываемо изъ серебра низкой пробы. Противъ этого послѣдняго фокуса китайцы приняли предосторожности, за сукнами же обратились къ англичанамъ.

2) Русскіе фабриканты, существующею въ ихъ пользу монополіей обезпеченные въ сбытѣ своихъ фабрикатовъ, какіе бы они ни были, вовсе не заботились объ улучшеніяхъ, и издѣлія ихъ, годъ отъ году дѣлались хуже и хуже, какъ между тѣмъ,

3) Контрабанда на европейской границѣ, усиливаясь въ такой же прогрессіи, какъ и ухудшеніе фабрикатовъ, достигла размѣровъ гурьевскаго времени, хотя по другой причинѣ. Изъ сравнительной юридической статистики давно извѣстно, что строгость наказаній не уменьшаетъ числа преступленій. Въ настоящемъ же случаѣ строгость законовъ о контрабандѣ положительно способствовала къ увеличенію ея. Постановленныя наказанія были такъ непостепенно и несоразмѣрно жестоки, что суды въ рѣдкихъ лишь случаяхъ рѣшались примѣнять ихъ. Совѣсть не дозволяла приговаривать къ ссылкѣ въ Сибирь бѣднаго приграничнаго мужика за перенесенный тайно чрезъ прусскую или австрійскую границу кусокъ каленкору или нѣсколько аршинъ сукна. Поэтому всѣ почти контрабандисты, подъ разными предлогами, были признаваемы отъ суда свободными. Канкринъ созналь и самъ свою ошибку и ходатайствовалъ о смягченіи таможенныхъ законовъ, но въ своей системѣ протекціонизма упорствовалъ до конца, хотя, какъ и теперь еще видимъ, она не была раціональна и не принесла тѣхъ плодовъ, для которыхъ была введена. Въ моей статьѣ о князѣ Любецкомъ, („Русская Старина", изд. 1878 г., т. XXI, стр. 625—648), разсказана неудачная попытка Канкрина запретить привозъ въ Россію суконъ изъ Царства Польскаго. Только по его смерти вполнѣ подтвердилось то, что выше сказано о вредности и нецѣлесообразности канкринской системы. Въ одинъ изъ 1850-хъ годовъ, по инициативѣ члена государственнаго совѣта Тенгоборскаго, вызваны были въ оный нѣсколько главнѣйшихъ фабрикантовъ. На сдѣланный упрекъ, что они не вводятъ у себя никакихъ усовершенствованій, они наивно отвѣчали, что въ этомъ нѣтъ для нихъ разсчета, такъ какъ при отсутствіи всякой конкурренціи, они всегда увѣрены въ сбытѣ своихъ товаровъ. Тогда же принципъ безусловнаго протекціонизма подвергся значительнымъ измѣненіямъ.

Въ упомянутой уже статьѣ приведены подробности антагонизма съ Канкринымъ князя Любецкаго, бывшаго министра финансовъ въ Царствѣ Польскаго, со времени назначенія его въ

1832 году членомъ государственнаго совѣта имперіи. Высказанные княземъ недостатки въ тогдашней финансовой системѣ и даже ариѳметическія ошибки въ отчетахъ, не мало способствовали къ разочарованію общества въ признаваемой до того непогрѣшимости графа Канкрина. Только по сравненію его управленія съ предшествовавшимъ нельзя было не признать оказанныхъ имъ важныхъ заслугъ.

Кромѣ введенныхъ Канкринымъ (выше упомянутыхъ) улучшеній нѣкоторыхъ частей министерства, онъ оставилъ хорошую по себѣ память основаніемъ институтовъ лѣсного и технологическаго, а городъ Петербургъ обязанъ ему двумя важными улучшеніями. По его почину превращены: пустырь, окружавшій Петропавловскую крѣпость, служившій пастбищемъ для городскихъ коровъ, въ прекрасный паркъ, подъ названіемъ Александровскаго, и дикій лѣсъ на Выборгской дорогѣ также въ паркъ и въ цѣлую колонію красивыхъ лѣтнихъ дачъ. Все это неоспоримыя заслуги, прочные памятники управленія графа Егора Францовича.

Закончимъ этотъ очеркъ еще одною характеристическою чертою. Въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ покойный министръ былъ строго справедливъ. Онъ умѣлъ выбирать людей и хотя вообще покровительствовалъ нѣмцамъ, но въ выборѣ исполнителей своихъ предначертаній руководствовался лишь пользою службы, не увлекаясь ни лже-патріотическимъ пристрастіемъ, ни фамусовскимъ фаворитизмомъ, этой вреднѣйшею стихіею въ организмѣ государственнаго управленія.

IV.

Исакіевскій соборъ.—Александровская колонна.—Монферранъ.

Монументальная церковь въ Петербургѣ, Исакіевскій соборъ, первоначально задуманная Петромъ Великимъ, строилась въ теченіе нѣсколькихъ слѣдовавшихъ одно за другимъ царствованій и только въ первой четверти Николаевской эпохи была окончена. Зданіе это подвергалось критикамъ спеціалистовъ; въ томъ числѣ строгій о немъ приговоръ былъ произнесенъ извѣстнымъ баварскимъ архитекторомъ Кленц'омъ, составляющимъ авторитетъ въ этомъ отношеніи. Художественные зоилы находятъ, что части

монумента не вполнѣ гармонируютъ съ цѣлымъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ-то портики, съ возвышающимися надъ ними барельефами, слишкомъ грандіозны, тогда какъ другія, именно четыре малые куполы, окружающіе главный, слишкомъ мелки по отношенію къ высотѣ и объему зданія, и наконецъ, что фигура овоиды, изображаемая главнымъ куполомъ, рѣдко употребляется съ успѣхомъ въ зданіяхъ этого рода, и что болѣе изящные куполы строятся по очертаніямъ сѣченій шара и именно верхней его трети, и т. п. Хотя съ нѣкоторыми изъ этихъ замѣчаній и нельзя не согласиться, тѣмъ не менѣе Исакіевскій соборъ, по громадности размѣровъ и богатству матеріаловъ, останется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ современнаго зодчества.

Отвѣтственность за недостатки пропорціональности естественно упадаетъ на сочинителя плана и строителя, г. де Монферрана.

Европейскіе архитекторы, которымъ имя это было почти неизвѣстно, не скрывали своего удивленія, что ему было поручено такое важное, столько милліоновъ стоившее дѣло. Да и въ самомъ Петербургѣ онъ не пользовался популярностью. Всего, во время его пребыванія, возведено имъ четыре частныхъ дома: три, одинъ возлѣ другого, для покойнаго Павла Демидова, въ Большой Морской, четвертый на набережной Мойки, для самаго его, Монферрана. Два изъ демидовскихъ и послѣдній свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ строившемъ всякаго художественнаго чувства, и одинъ изъ двухъ первыхъ можетъ даже назваться образцомъ безобразія.

Извѣстно, что работы по построенію собора производились подъ вѣдѣніемъ особой коммисіи, составленной изъ нѣсколькихъ сановниковъ. Когда предсѣдателемъ ея былъ назначенъ Василій Сергѣевичъ Ланской, то изъ министерства внутреннихъ дѣлъ я перешелъ на службу въ эту коммисію и былъ причисленъ къ ея канцеляріи [1]). За нѣсколько лѣтъ до окончанія собора предположено было, также подъ вѣдѣніемъ упомянутой коммисіи, соорудить на площади, между Зимнимъ дворцемъ и аркою, выходящей на Большую Морскую, памятникъ императору Александру I.

---

[1]) См. мои Воспоминанія, „Русская Старина", т. XI, изд. 1874 г., ноябрь.
О. П.

Руководящею мыслію для формы этого монумента приняты были слова императрицы Елизаветы Алексѣевны изъ письма ея къ императрицѣ-матери, Маріи Өеодоровнѣ, доносящаго о кончинѣ Александра благословеннаго: „notre ange est au ciel", и проч. Согласно съ этимъ положено на вершинѣ колонны, воздвигнутой на высокомъ цоколѣ, поставить статую, изображающую ангела, указывающаго на небо.

Исполненіе этого проэкта поручено было также строителю Исакіевскаго собора, де-Монферрану.

Изъ извѣстной финляндской каменеломни Питерлаксъ привезли въ Петербургъ, обдѣланный вчернѣ на мѣстѣ, огромный монолитъ розоваго гранита. Тутъ онъ былъ отполированъ, а между тѣмъ уставленъ вылитый изъ бронзы, съ надписями и барельефами, довольно высокій цоколь. Вокругъ его и въ уровень съ нимъ построена изъ кирпича и камня платформа, на которую колонна была поднята и положена; оставалось установить ее на базисѣ. Для этого устроено на платформѣ восемь кабестановъ, (воротовъ), съ крестообразными горизонтальными рычагами для двѣнадцати человѣкъ на кабестанъ. Вся колонна обмотана была канатами, концы ихъ прикрѣплены къ столбамъ кабестановъ, такъ что приводимые въ круговое движеніе, они должны были поднять монолитъ и поставить его на срединный пунктъ цоколя. Для вращенія кабестановъ, изъ полковъ гвардіи назначены были солдаты и унтеръ-офицеры, участвовавшіе въ отечественной войнѣ и имѣющіе медали 1812 года. Въ главѣ перваго кабестана долженъ былъ дѣйствовать великій князь Михаилъ Павловичъ.

На платформѣ разбиты были палатки для особъ царской фамиліи, высшаго духовенства, придворныхъ чиновъ, членовъ государственнаго совѣта, сенаторовъ, министровъ, иностранныхъ посланниковъ. Всѣмъ этимъ распоряжалась коммисія о построеніи Исакіевскаго собора, и при подниманіи колонны должна была присутствовать въ полномъ комплетѣ [1]). Служащимъ при ней розданы

[1]) Почему я пишу комплетѣ, а не комплектѣ—объяснено уже въ другомъ мѣстѣ моихъ Воспоминаній. Это потому, что въ языкахъ, изъ которыхъ взято это слово, литеры *к* нѣтъ (completus—лат., complet—франц.).

О. П.

были порученія для исполненія при обрядѣ. Я былъ назначенъ для пріема при входѣ членовъ государственнаго совѣта и для указанія имъ мѣста. Все это было приготовлено ко дню св. Александра, 30-го августа 1832 года.

Въ этотъ день, послѣ литургіи, отслуженной въ Александроневской лаврѣ, приглашенные стали съѣзжаться къ эстрадѣ въ парадныхъ мундирахъ. Императрица Александра Ѳеодоровна была въ бѣломъ атласномъ платьѣ, въ бѣлыхъ башмакахъ, въ бриллiянтовой діадемѣ и въ орденской лентѣ. Великія княгини и княжны были также въ бальныхъ нарядахъ, императоръ Николай въ кавалергардскомъ мундирѣ. Англійскимъ посланникомъ былъ тогда лордъ Дургамъ (Durham); онъ и жена его отличались вообще безцеремонностью, пренебреженіемъ этикета; въ настоящемъ же случаѣ они явили собою примѣръ крайняго неумѣнія жить (du savoir vivre), и обратили на себя вниманіе несообразностью своего костюма съ торжественностью обряда. Лордъ пріѣхалъ во фракѣ, безъ орденовъ, а леди Дургамъ въ черномъ утреннемъ капотѣ, въ ботинкахъ и черной шляпкѣ съ пѣтушьимъ перомъ [1]).

Предъ началомъ дѣйствія машинъ всѣ на эстрадѣ были свидѣтелями еще одного эпизода. Теперь (1878 г.) лента ордена Бѣлаго Орла имѣетъ прекрасный темно-голубой цвѣтъ, первоначально же она была темно-синяя, для бо̀льшаго различія отъ Андреевской. Но одинъ сенаторъ, графъ К., при этомъ орденѣ надѣлъ себѣ свѣтло-голубую ленту. Замѣтивъ это, государь подозвалъ графа къ себѣ и, взявъ его за руку, подвелъ къ великому князю Михаилу Павловичу, стоявшему уже при своемъ кабестанѣ, и сказалъ: „имѣю честь представить в. и. выс—ву сенатора графа К., кавалера ордена Бѣлаго Орла, а не св. Андрея".

Въ исходѣ 2-го часа, по данному знаку, всѣ вороты единовременно пришли въ движеніе, канаты напряглись и исполинскій монолитъ, вѣсомъ въ 45,000 пудовъ, началъ величаво вставать съ своего лежачаго положенія. Все шло благополучно до поло-

---

[1]) Эта послѣдняя выходка графа Дургама была, кажется, причиной, что его вскорѣ потомъ отозвали изъ Петербурга. На его мѣсто присланъ былъ лордъ Стюартъ de Ротсе (Stuart de Rothesaye). О. П.

вины подъема, то есть до того, какъ колонна стала на платформу подъ угломъ 45 градусовъ. Но тутъ вдругъ изо всѣхъ кабестановъ бухнулъ сперва паръ, а потомъ и дымъ. Отъ тренія при такой страшной тяжести, и дерево кабестановъ, и навившіеся уже на нихъ канаты разогрѣлись до того, что были близки къ воспламенѣнію. Это была страшная минута всеобщей паники. Еслибы канаты перегорѣли и колонна съ высоты 45 градусовъ упала бы на платформу, то можно себѣ представить какое всѣ на ней находящіеся испытали бы сотрясеніе. Эту опасность легко было бы отвратить, если бы тутъ была вода. Но по непростительной оплошности архитектора, ее не было припасено; за ней побѣжали къ Невѣ. Движеніе было остановлено, но кабестаны продолжали дымиться. Ихъ наконецъ полили водой и тогда можно было продолжать работу. Колонна, дойдя до вертикальнаго положенія, повисла нѣсколько секундъ на воздухѣ, затѣмъ опустилась и стала на центральномъ пунктѣ своего базиса, на которомъ должна простоять вѣка, передавая отдаленнѣйшему потомству славную память великаго монарха.

V.

Ханъ Карабагскій.—Шамхалъ Тарковскій.—Хозревъ-мирза.

Посреди смѣси народностей, составляющихъ населеніе Петербурга, являются не рѣдко личности изъ близкаго и дальняго востока. Не говоря о послѣднихъ (китайцахъ, японцахъ), остающихся вообще въ тѣни, объ армянахъ и грузинцахъ, составляющихъ отдѣльныя группы, изъ которыхъ немногіе выдѣляются и состоятъ въ государственной службѣ, нѣкоторые изъ первыхъ, знатныхъ по своему положенію въ родной сторонѣ, выдаются болѣе другихъ и пріобрѣтаютъ право гражданства въ обществѣ.

Прибывъ въ 1822 году въ Петербургъ, я засталъ уже поселившагося тамъ хана Карабагскаго. Онъ продалъ свои кавказскія владѣнія россійскому правительству за пожизненную пенсію, кажется въ 60,000 руб. ассигнаціями. Онъ былъ почти совершенно обрусѣвшій, имѣлъ хорошія манеры, бывалъ во многихъ домахъ,

гдѣ я съ нимъ познакомился. Всѣмъ даже извѣстна была его связь съ одной дамой изъ общества. Это былъ красивый, высокаго роста мущина; носилъ свой національный костюмъ съ неизбѣжной бараньей шапкой, а на шеѣ у него, на голубой лентѣ, красовалась пожалованная государемъ большая золотая медаль, окруженная крупными бриллiантами.

Ханъ жилъ въ большой квартирѣ, въ домѣ Какурина, на углу Вознесенскаго проспекта и Большой Садовой. По четвергамъ онъ давалъ тамъ вечера, на которыхъ бывали иногда и дамы, но чаще всего это бывали игорныя вечеринки, на которыхъ записные шулера безсовѣстно обыгривали въ банкъ и въ штосъ хозяина, охотника до азартныхъ игръ. Я бывалъ на этихъ собраніяхъ, и зная этихъ артистовъ, не игралъ и даже предостерегалъ хана; но онъ меня не слушалъ; страсть брала верхъ надъ разсудкомъ и весь его доходъ переходилъ въ карманы искусниковъ.

Послѣ хана, переѣхавшаго въ началѣ 1820-хъ годовъ въ другой домъ, въ бывшей его квартирѣ жила г-жа И**. Это былъ большой обширный локаль, въ старинномъ вкусѣ. Въ числѣ комнатъ, первая—гостиная, полукруглая о пяти окнахъ, составляла уголъ упомянутыхъ улицъ. Въ простѣнкахъ между окнами вдѣланы были высокія, узкія зеркала. Послѣ г-жи И** я, въ 1840-хъ годахъ, занялъ съ семействомъ эту квартиру; во время же пребыванія въ ней г-жи И** случилось съ нею нѣчто такое, что могло бы показаться фантастическою легендою, еслибы не было удостовѣрено фактами, сдѣлавшимися извѣстными всему Петербургу.

У мадамъ И** былъ сынъ, воспитывавшійся въ морскомъ корпусѣ. По праздникамъ онъ бывалъ у матери. Въ одну субботу г-жа И** возвратилась домой поздно изъ какого-то вечера. Ее встрѣтила и провожала въ спальню горничная, со свѣчею. Проходя чрезъ гостиную, въ одномъ изъ зеркалъ г-жа И** и горничная увидѣли страшное явленіе. Это былъ молодой гардемаринъ И** въ цѣпяхъ и въ арестантской одеждѣ. Ожидавшая его на другой день къ себѣ мать страшно испугалась и чуя что-то недоброе, случившееся съ ея сыномъ въ корпусѣ, послала тотчасъ туда стараго довѣреннаго слугу узнать чтò могло случиться. Служитель возвратясь, увѣрилъ встревоженную мать, что въ корпусѣ все

благополучно, что всѣ воспитанники спятъ, а въ томъ числѣ и молодой И**.

На другой день онъ, по обыкновенію, явился къ матери, и его присутствіе разсѣяло всѣ ея ночные страхи. Г-жа И** разсказала сыну и всѣмъ близкимъ о своемъ видѣніи, и тѣ не преминули надъ нимъ посмѣяться. Прошло нѣкоторое время,—гардемаринъ вышелъ въ офицеры. Къ несчастію, онъ присталъ къ заговорщикамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ декабристовъ, былъ вмѣстѣ съ прочими сужденъ и приговоренъ къ ссылкѣ въ каторгу. Тогда мать увидѣла его въ такомъ нарядѣ, въ какомъ до того видѣла его въ зеркалѣ своей гостиной.

Возвратимся къ Карабагскому хану. Онъ продолжалъ донжуанить въ петербургскихъ салонахъ, но пересталъ играть съ шулерами. Кто-то надъ нимъ смиловался и приведенными фактами объ игравшихъ съ нимъ личностяхъ убѣдилъ его. Я часто встрѣчался съ нимъ въ разныхъ домахъ. Но разскажу одну случившуюся съ нимъ невзгоду. Въ Петербургѣ, по случаю коронованія императора Николая, была великолѣпная иллюминація. Весь городъ былъ на улицахъ; на Невскомъ проспектѣ давка страшная. Въ такихъ случаяхъ мирный пѣшеходъ оставляетъ дома и часы, и деньги, и даже носовой платокъ запрятываетъ поглубже. Тогда на Невскомъ, въ домѣ армянской церкви, былъ кафе-ресторанъ Амбіеля, въ которомъ первымъ гарсономъ былъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ, Иванъ Ивановичъ Излеръ. Прохаживаясь и смотря иллюминацію, я встрѣтилъ хана, съ его дорогою медалью на шеѣ, и посовѣтовалъ спрятать ее въ карманъ.

Увѣренный въ своей дородности и силѣ, онъ посмѣялся надо мною и продолжалъ шагать по тротуару. Мы условились поужинать вмѣстѣ у Амбіеля. Толпа насъ разлучила, и чрезъ полчаса я сидѣлъ въ кафе-ресторанѣ, поджидая сотрапезника. Вскорѣ явился и ханъ, но грустный и сердитый. На шеѣ медали уже не было. Онъ разсказалъ, что когда доходилъ до угла Большой Конюшенной, то его такъ стиснули со всѣхъ сторонъ, что онъ не могъ высвободить рукъ, и въ то же время почувствовалъ, какъ съ шеи сорвали медаль и сдѣлавшій это мгновенно исчезъ въ толпѣ. За новую медаль онъ заплатилъ 2,000 рублей.

Въ 1830 году пріѣзжалъ въ Петербургъ шамхалъ Тарковскій, вели Дагестанскій, генералъ-лейтенантъ россійской службы. Это былъ толстый, неуклюжій старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, не имѣвшій понятія объ европейскихъ нравахъ и манерахъ. Это былъ типичный образецъ полудикаго кавказскаго набоба. Его сопровождали мажордомъ, секретарь и нѣсколько служителей. Квартиру для него наняли въ бель-этажѣ дома Жербина (на Михайловской площади), подъ квартирой, занимаемой г-жей Хвостовой, вдовой, съ дочерьми. Послѣднія брали уроки музыки и одна изъ нихъ, впослѣдствіи графиня д'Оррерь (d'Horrer), отличалась недюжиннымъ талантомъ. Шамхалъ былъ большой любитель музыки; слыша надъ своимъ жильемъ звуки ройяля, онъ прислалъ своего управляющаго къ г-жѣ Хвостовой, прося позволенія представиться ей и оставаться слушать игру дочерей. Такимъ образомъ онъ просиживалъ въ ея салонѣ каждый день по нѣсколько часовъ. Говорилъ очень плохо по русски, и странная его фигура забавляла хозяйку, молодыхъ барышень и бывавшихъ въ домѣ гостей. Мусульмане высшихъ классовъ, въ особенности турки, персіяне и т. п., имѣютъ какъ бы врожденное чувство свѣтской утонченности (du comme il faut). Но это чувство, такъ сказать, инстинктивной цивилизаціи не проникло, кажется, еще въ кавказскія горы. Нашъ шамхалъ, напримѣръ, хотя и владѣтельная особа, былъ истый сынъ природы. Онъ, напримѣръ, игнорировалъ носовой платокъ и только въ Петербургѣ впервые узналъ цѣль и способъ употребленія этой принадлежности туалета. Онъ все еще былъ крайне необтесанъ и безсознательно грубъ, воображалъ себя равнымъ государю, называя его просто Николаемъ, что очень забавляло его величество и императрицу. Однакожъ привѣтливая сосѣдка, у которой онъ проводилъ каждый день много времени, и веселыя барышни мало по малу приручили дикаря и посвящали его въ нѣкоторыя требованія общежитія. Онъ очень любилъ это семейство; сыну хозяйки, тогда еще юношѣ, подарилъ цѣнный булатный кинжалъ, самой же г-жѣ Хвостовой обѣщалъ, по возвращеніи въ свои владѣнія, прислать много жемчуга, который тамъ достаютъ изъ какого-то озера, но не суждено ему было исполнить обѣщаніе.

Управляющій шамхала безсовѣстно обсчитывалъ его въ расходахъ. Поймавъ его на дѣлѣ, господинъ имѣлъ неблагоразуміе

объявить, что по возвращеніи во свояси, онъ велитъ отрубить ему голову. Виновный естественно положилъ себѣ предотвратить такой исходъ, и достигъ этого слѣдующимъ образомъ. Шамхалъ возвращался лѣтомъ; стояли сильныя іюньскія жары. Въ каретѣ его вынуто было сидѣнье и вся внутренность была выложена подушками, на которыхъ старикъ лежалъ. Онъ былъ, какъ уже сказано, очень тучный и полнокровный. Въ экипажѣ онъ ѣхалъ одинъ; управляющій, секретарь и каммердинеръ ѣхали впереди въ коляскѣ. Всѣ, дѣйствуя вѣроятно за одно, распорядились такъ, чтобы ихъ господинъ не могъ отворить дверецъ кареты. Окна были также плотно закрыты. Они велѣли гнать по курьерски. Только передъ Новгородомъ открыли карету и нашли тамъ что имъ было нужно. Шамхалъ лежалъ мертвый, убитый апоплексіей.

Около того же времени прибыла въ Петербургъ депутація отъ персидскаго шаха съ повинною за умерщвленіе русскаго посланника Грибоѣдова. Въ главѣ депутаціи былъ сынъ шаха и наслѣдникъ его престола Хозревъ-мирза. Это былъ 18 лѣтній юноша, съ лицомъ красиваго персидскаго типа, прелестными глазами и стройной осанкой [1]). Его сопровождали командующій арміею шаха, Али-Баба, еще какой-то сановникъ, секретарь, переводчикъ, а вмѣстѣ и придворный поэтъ Фирузъ-бекъ, съ множествомъ служителей. Вмѣстѣ съ главною цѣлью посольства, была и та, выраженная въ письмѣ шаха къ императору, чтобы выпросить у его величества покровительство для Хозрева на случай смерти его отца, который предусматривалъ со стороны своего брата и племянниковъ покушенія устранить законнаго наслѣдника и овладѣть персидскимъ трономъ. Государь принялъ депутацію очень благосклонно, такъ какъ виновные въ убійствѣ посланника были уже наказаны смертью, и обѣщалъ просимое покровительство.

Хозревъ-мирза, по своему положенію, изящнымъ манерамъ и красотѣ, сразу сдѣлался львомъ дня въ Петербургѣ, гдѣ по приглашеніямъ бывалъ съ своими спутниками въ домахъ и знати, и

---

[1]) Портретъ Хозревъ-мирзы (род. 1813 † 1875 г.) см. при „Русской Старинѣ" изд. 1879 г., томъ XXV, іюль; тамъ же (стр. 333) очеркъ его біографіи, составл. Ад. П. Берже.

средняго хорошаго общества. Не смотря на свою молодость, онъ былъ мастеръ въ искусствѣ флиртаціи [1]) и слышно было о нѣкоторыхъ полныхъ успѣхахъ его въ области de Tendre. Это не мѣшало ему искать и другихъ тріумфовъ, получаемыхъ за наличныя деньги. Услужливые агенты отыскали для него гдѣ-то красивую чухонку, сдѣлавшуюся впослѣдствіи извѣстною всему Петербургу и чуть ли не всей Россіи. Она, съ легкой руки восточнаго принца, сдѣлавшая впослѣдствіи наполеоновскую карьеру, долго оставалась живымъ памятникомъ посѣщенія сѣверной столицы наслѣдникомъ персидскаго престола.

Бывая въ домахъ, Хозревъ-мирза и лица его свиты охотно принимали угощенія и особенно любили шампанское вино. Они какъ будто не забывали запрещеній корана, но разрѣшали себѣ употребленіе напитка „вдовушки" на томъ основаніи, что угощавшіе хозяева и хозяйки называли это вино лимонадомъ. Этотъ лимонадъ производилъ однакожъ свое обычное дѣйствіе и знаменитые гости разъѣзжались въ веселомъ, нерѣдко въ очень веселомъ, расположеніи духа.

Изъ этой свиты поэтъ Фирузъ влюбился въ разныхъ петербургскихъ барышень и писалъ въ ихъ альбомахъ стихи на своемъ языкѣ; они, по свидѣтельству извѣстнаго оріенталиста Сенковскаго, были очень недурны. Пожилой же главнокомандующій Али-Баба отличался тѣмъ, чтò быть можетъ въ его отечествѣ считалось умомъ, но что мы, европейцы, можемъ смѣло назвать восточною глупостью. Онъ былъ магометанскій фанатикъ въ высшей степени и на всѣхъ людей другихъ религій взиралъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, какъ на погибшихъ вѣчно. Отъ него въ памяти петербуржцевъ осталось слѣдующее изрѣченіе:

Въ честь Хозрева, по повелѣнію государя, на марсовомъ полѣ сдѣланъ былъ большой парадъ изъ всѣхъ полковъ гвардіи. Молодой принцъ былъ удивленъ и восхищенъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ этой массы отборныхъ войскъ. На Али-Бабу оно, каза-

---

[1]) Недавно введенное въ англійскомъ языкѣ слово flirtation, въ томъ же видѣ и смыслѣ принятое въ новыхъ французскихъ романахъ, выражаетъ легкое, тонкое, едва замѣтное ухаживаніе за женщиною, которое ею допускается, но не компрометтируетъ, и никого ни къ чему не обязываетъ. Равнозначущаго слова нѣтъ въ другихъ языкахъ, кромѣ польскаго umizgi. См. сочиненія князя П. А. Вяземскаго. О. П.

лось, не сдѣлало такого впечатлѣнія. Онъ спокойно и какъ бы безучастно слѣдилъ за эволюціями полковъ. По окончаніи маневровъ, военный министръ спросилъ его, какъ онъ находитъ войска гвардіи? Персидскій вождь, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, отвѣчалъ: „да, войска красивы"; потомъ, немного помолчавши, прибавилъ: „однакожъ я думаю, что если хорошо помолиться пророку, то можно бы ихъ и побить".

О. А. Пржецлавскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Осипъ Антоновичъ Пржецлавскій род. въ 1799 г. въ Гродненской губерніи; онъ происходилъ изъ старинной польской дворянской фамиліи, герба Глаубичъ. Былъ католикъ, религіозенъ до мистицизма, но никогда не былъ фанатикомъ. Семнадцати лѣтъ окончивъ блестящее образованіе въ славномъ тогда Виленскомъ университетѣ, со степенью кандидата философіи, Пржецлавскій былъ рано замѣченъ и отличенъ тогдашнею интеллигенціею: въ Вильнѣ масоны поспѣшили принять его въ свою ложу; въ Петербургѣ онъ быстро освоился въ кружкахъ высшаго и чиновнаго общества. Не будучи фанатикомъ въ религіи, онъ не послѣдовалъ по стопамъ польскихъ фанатиковъ-политиковъ въ ихъ враждѣ къ Россіи. О. А. Пржецлавскій рано позналъ ту истину, что для Польши нѣтъ спасенія иного, какъ въ братскомъ единеніи съ Россіей. Только подъ главенствомъ Россіи Польша могла спасти свой языкъ, свою народность отъ вырожденія и отъ полона нѣмецкаго. Пржецлавскій открыто высказывалъ свои убѣжденія. Лучшіе изъ поляковъ, какъ наприм. Мицкевичъ, не прервали съ нимъ дружбы, когда увидали его русскимъ чиновникомъ; но другіе поляки, въ 1831 году, въ эпоху возстанія, сожгли его портретъ на Батиньольскомъ полѣ. Отдавшись русской службѣ, онъ любилъ свою родину, любилъ ее до какого-то обожанія, гордился своимъ польскимъ происхожденіемъ и хранилъ всю жизнь горсть земли изъ Слонимскаго уѣзда, мѣста его родины. Эту пясть земли онъ завѣщалъ положить съ собою въ гробъ, единственная его предсмертная просьба. Въ духѣ своихъ искреннихъ убѣжденій, необходимости тѣснаго единенія Польши съ Россіей, издавалъ Пржецлавскій въ Спб., въ теченіе 30-ти лѣтъ, польскій журналъ «Tygodnik», къ участію въ которомъ успѣлъ привлечь всѣ лучшія литературныя силы Польши. Пржецлавскій обладалъ умомъ тонкимъ, познаніями обширными и до самой смерти старался ихъ расширить чтеніемъ книгъ на нѣсколькихъ языкахъ, которыми владѣлъ въ совершенствѣ. Между прочимъ, онъ страстно любилъ ботанику и оставилъ обширный гербарій. Въ теченіе сорока-лѣтней его службы онъ нѣсколько лѣтъ былъ цензоромъ и въ 1860-хъ годахъ членомъ совѣта м—ра вн. дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, при чемъ не шелъ противъ новыхъ вѣяній, сопровождавшихъ реформы великаго государя. Умеръ О. А. Пржецлавскій въ Твери, 10-го декабря 1879 г., на 80-мъ году отъ рожденія, въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалера Бѣлаго Орла. **Д. К.**

31-го января 1880 г.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Разсказы о покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, помѣщенные въ сентябрьской книгѣ «Русской Старины», изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 210, изъ воспоминаній покойной Е. Н. Львовой, привели мнѣ на память случай, которому я былъ почти личнымъ свидѣтелемъ, и который, сколько мнѣ извѣстно, еще не былъ никѣмъ разсказанъ въ печати. Я говорю объ извиненіи, которое покойный императоръ просилъ, при собраніи всѣхъ гвардейскихъ начальниковъ, у оскорбленнаго имъ генерала. Говорю почти былъ свидѣтелемъ, потому что въ 1836-мъ году, по выпускѣ изъ военной академіи конно-гвардейскимъ поручикомъ и только что прикомандированный къ гвардейскому генеральному штабу, я не могъ участвовать въ собраніи генераловъ; но, наравнѣ съ офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба, я уже назначался дежурить при начальникѣ штаба, генералъ-адъютантѣ Петрѣ Өедоровичѣ Веймарнѣ, и потому могъ находиться весьма близко отъ мѣста разсказаннаго происшествія, да при томъ тотчасъ же разсказывали о томъ съ восторгомъ какъ самъ Петръ Өедоровичъ, такъ и другіе генералы. Наконецъ, это было въ теченіе нѣсколькихъ дней почти единственнымъ предметомъ разговора во всѣхъ Красносельскихъ лагеряхъ и слободахъ. Великодушіе монарха произвело вездѣ самое радостное впечатлѣніе.

Разъ въ области Красносельскихъ воспоминаній—я припомнилъ и другой случай изъ жизни императора Николая, показывающій до какой степени онъ былъ готовъ принять предложеніе разумное и прилично выраженное, хотя бы оно и противорѣчило заведеннымъ при немъ порядкамъ. Въ 1852-мъ году, по представленію генераловъ Сумарокова и Максимовича, отмѣнено было требованіе смотровыхъ вещей. Представленіе это происходило уже дѣйствительно въ моемъ присутствіи, ибо тогда, въ чинѣ полковника гвардейскаго генеральнаго штаба, я уже былъ въ должности начальника штаба гвардейскаго пѣхотнаго корпуса.

Ив. Вуичъ.

I.

Въ 1836-мъ году, въ іюлѣ, государь императоръ Николай Павловичъ производилъ по обыкновенію ученья гвардейскимъ войскамъ подъ Краснымъ Селомъ. На большомъ ученьи, или такъ называемомъ одностороннемъ маневрѣ всей гвардіи, одна дивизія исполнила какое то движеніе несогласно съ общею задачею маневра,—и государь замѣтилъ это начальнику дивизіи. Тотъ принесъ оправданіе своему распоряженію; но объясненіе его еще болѣе разсердило государя и, въ порывѣ гнѣва, его величество произнесъ слово д . . . . . Свидѣтелей этому было довольно много; за государемъ, какъ всегда, большая свита: за начальникомъ—дивизіонный штабъ, офицеры, даже солдаты ближайшаго полка. Государь поскакалъ далѣе,—ученье продолжалось. Старый генералъ, начальникъ дивизіи, долго стоялъ на мѣстѣ, какъ ошеломленный.

На другой день было воскресенье: ученій не было. Всѣ генералы гвардейскіе, а въ главѣ ихъ Карлъ Ивановичъ Бистромъ, командовавшій гвар-

дію за отсутствіемъ великаго князя Михаила Павловича, бывшаго тогда на водахъ за границею, получили приказаніе собраться ко дворцу, въ Красномъ Селѣ. Государь вышелъ. «Я собралъ васъ, господа, чтобы вы были свидѣтелями суда моего надъ самимъ собою», сказалъ онъ ко всѣмъ вообще. Потомъ, обращаясь къ генералу, наканунѣ подвергшемуся гнѣвному выраженію: «я вчера погорячился и оскорбилъ тебя: прошу меня извинить. Я много работалъ надъ собою и вотъ Карлъ Ивановичъ, старый отецъ и командиръ [1]), скажетъ вамъ, что многое успѣлъ я измѣнить въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ меня знаетъ; но все же иногда не могу удержать порывовъ своихъ. Ну, прости же, братъ, не погнѣвайся». Государь протянулъ старику руку, тотъ бросился поцѣловать, какъ водится, въ плечо; государь обнялъ его. Генералъ заплакалъ, какъ ребенокъ. Многіе изъ присутствовавшихъ не могли удержать слезъ. Самъ царь былъ растроганъ.

II.

Смотровыя вещи.

Не знаю какъ было въ армейскихъ войскахъ, но въ гвардіи, въ началѣ 1850-хъ годовъ, многихъ сильно занималъ вопросъ — о смотровыхъ вещахъ.

Смотровыми вещами назывались всѣ принадлежности солдатскаго туалета, которыя помѣщались въ ранцѣ особымъ сверткомъ въ видѣ несессера: тутъ были гребенка, щетка головная, щетки для чистки платья и сапогъ, ножницы, ножикъ, гребенка металлическая для фабренія усовъ и бакенбардовъ, мыло, иголки, нитки, шило, дратва. Все это укладывалось въ суконной оберткѣ, въ въ опредѣленномъ порядкѣ, и, при инспекторскихъ смотрахъ, выкладывалось каждымъ солдатомъ для показанія инспектирующему: отсюда и названіе смотровыхъ вещей.

Всѣ деревянныя части были окрашены въ одинаковую краску въ каждой ротѣ, иногда и въ цѣломъ полку. Чтобы сохранить эту краску и представлять все въ одинаково нарядномъ видѣ, надобно было конечно отказаться отъ употребленія этихъ вещей. А какъ скоро оставлена была въ сторонѣ прямая цѣль, именно, чтобы солдатъ имѣлъ съ собою въ ранцѣ все то, что ему ежедневно можетъ понадобиться,— какъ скоро выступила другая цѣль, держать все это только для смотровъ, то пошли еще далѣе: стали все пригонять къ наиболѣе красивой укладкѣ, стали уменьшать объемъ каждой вещи до совершенно миніатюрныхъ размѣровъ, такъ что наконецъ пренарядно разложенныя смотровыя вещи являлись негодными ни къ какому употребленію. А вѣдь все были предметы, для солдата необходимые; а потому, оставляя смотровыя вещи въ ранцѣ неприкосновенными, онъ заводилъ другой экземпляръ дѣйствительно годный для употребленія, но не имѣя уже мѣста въ ранцѣ, помѣщалъ его, вмѣстѣ со всякой другой неуказанной поклажей, въ какомъ нибудь безобразномъ мѣшкѣ, который въ походѣ кое какъ умудрялся прикрѣплять подъ полою шинели.

---

[1]) Когда К. И. Бистромъ командовалъ одною изъ гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи были у него бригадными командирами. И. В.

Такова была комическая сторона этого дѣла. Но оно имѣло и другую сторону—трагическую.

Хотя, помнится, ни одною статьею военныхъ законовъ не оправдывалось требованіе смотровыхъ вещей, хотя не было дано никакихъ образцовъ, тѣмъ не менѣе требованіе это, по преданію, до того вкоренилось, что считалось одною изъ существенныхъ отраслей дисциплины. За неисправность смотровыхъ вещей, а тѣмъ болѣе за неимѣніе ихъ вовсе, нижніе чины строго наказывались. Между тѣмъ на заведеніе ихъ ничего не отпускалось. И не разъ молодой или недавно переведенный изъ арміи солдатъ бѣжалъ предъ инспекторскимъ смотромъ, отъ страха, что не успѣлъ обзавестись смотровыми вещами. За побѣгъ же изъ службы, хотя бы и въ первый разъ, слѣдовало по суду наказаніе, по меньшей мѣрѣ, 500 шпицрутеновъ и переводъ въ армію.

Всѣ видѣли и понимали безсмысленность, а слѣдовательно и зловредность подобныхъ распорядковъ; но никто не рѣшался взять на себя починъ устраненія ихъ.

Въ 1852-мъ году гвардейскою пѣхотою командовалъ генералъ-адъютантъ, генералъ отъ артиллеріи, Сергѣй Павловичъ Сумароковъ. Хотя ему и не подчиненъ былъ образцовый пѣхотный полкъ, но онъ, чтобы ознакомиться съ разными подробностями пѣхотной службы, вступалъ при всякомъ удобномъ случаѣ въ бесѣду съ командиромъ образцоваго полка, генералъ маіоромъ Иванъ Корниловичемъ Максимовичемъ (умершимъ въ отставкѣ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта). Въ одной изъ такихъ бесѣдъ, Максимовичъ развилъ предъ Сергѣемъ Павловичемъ всю несостоятельность тогдашняго требованія отъ солдата смотровыхъ вещей. Сумароковъ, который рѣдко отступалъ предъ какими либо посторонними соображеніями, когда убѣждался въ пользѣ какой либо мѣры, переговоривъ съ начальниками дивизій и съ нѣкоторыми изъ полковыхъ командировъ гвардейскихъ, и получивъ отъ нихъ полное подтвержденіе мнѣнію генерала Максимовича,—горячо принялся за это дѣло. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ устроилъ такъ, что было объ этомъ доложено государю императору Николаю Павловичу, и государь дозволилъ представить его величеству въ Красномъ Селѣ смотровыя вещи въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали, и рядомъ съ ними такія вещи, которыя Сумароковъ, въ согласіи со всѣми начальниками частей, считалъ годными къ употребленію и цѣлесообразными.

Со страхомъ и трепетомъ ждали всѣ этого представленія. Думали, что государь гнѣвно встрѣтитъ попытку измѣнить обычай, считавшійся стародавнимъ.

Къ назначенному времени, у дворца Красносельскаго, собраны были всѣ начальники частей гвардіи. Максимовичъ стоялъ предъ ранцемъ, изъ котораго вынуты были и разложены на столикѣ смотровыя вещи, чистенькія, миніатюрныя, выкрашенныя и—ни къ чему негодныя: щеточки, пучочекъ ниточекъ бѣленькихъ, тоненькихъ, пучочекъ красивенькой дратовки, шильце,—все въ родѣ дѣтскихъ игрушекъ,—какъ выражались солдаты, больше для блезиру; а на другомъ столикѣ, рядомъ, были положены настоящія щетки, не совсѣмъ чистыя, но здоровыя и годныя, пучокъ дратвы толстой некрасивой, но такой, какою можно чинить сапогъ солдатскій, пучокъ толстыхъ суровыхъ нитокъ и гребни настоящіе, бывшіе въ употребленіи,—все неприглядны для глаза, привыкшаго къ изяществу, но все такое, на что солдатскій глазъ могъ смотрѣть съ удовольствіемъ, какъ на настоящее, доброе, пригодное.

Казалось трудно было придумать болѣе злую насмѣшку надъ существо-

вавшимъ тогда порядкомъ, какъ сопоставленіе этихъ двухъ столиковъ. И вотъ почему многіе тревожно ожидали появленія того, кто вообще шутокъ не любилъ.

Когда государь вышелъ, Сумароковъ, а за нимъ Максимовичъ, приступили къ объясненію подробнымъ образомъ негодности каждой изъ смотровыхъ вещей и къ указанію на то, что для солдата дѣйствительно необходимо. Государь призналъ справедливымъ все, что ему докладывали.

— «Да иначе и не разумѣлось», добавилъ императоръ Николай Павловичъ: «помню, когда я командовалъ 2-ю дивизіею [1]), въ Финляндскомъ полку, въ одной ротѣ (государь назвалъ и роту, и бывшаго командира ея), мнѣ показали вещи, особенно щеголеватыя и выкрашенныя въ одну краску, и я похвалилъ за это; но вещи были надлежащей величины и, хотя новыя, но годныя къ употребленію. Неужели выраженнаго мною тогда одобренія было достаточно, чтобы заставить нужныя для солдата вещи беречь только для смотровъ, и, гоняясь за щеголеватостію, довести ихъ и по размѣрамъ до совершенной негодности? Безъ сомнѣнія, это надо отмѣнить. Надобно требовать отъ солдата, чтобы онъ имѣлъ все для него необходимое; но вмѣстѣ съ тѣмъ требовать, чтобы онъ выносилъ на смотръ только то, что онъ дѣйствительно употребляетъ и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ употребляетъ».

Эти слова съ радостью были приняты къ исполненію. Какъ не было никакого печатнаго приказа, ни приказанія о заведеніи смотровыхъ вещей, такъ не было ничего печатнаго и объ отмѣнѣ ихъ. Но требованіе смотровыхъ вещей для блезира, столько разъ оказывавшееся для солдата тягостнымъ, съ тѣхъ поръ прекратилось.

Сообщ. **Ив. В. Вуичъ.**

1880 г.

---

[1]) Государь Николай, помнится, не за долго до вступленія на престолъ, командовалъ временно 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, состоявшею тогда изъ полковъ л.-гв. Измайловскаго, Павловскаго, Егерскаго и Финляндскаго.

И. В.

МАСКАРАДЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

въ 1841 г.

Г. редакторъ! Прилагаю при семъ для напечатанія, въ издаваемомъ вами уважаемомъ интересномъ журналѣ «Русской Старинѣ», афишу на французскомъ языкѣ, съ переводомъ на русскій, бывшаго въ царствованіе императора Николая Павловича маскарада. Забавныя названія, придуманныя лицамъ, участвовавшимъ въ маскарадѣ, безъ сомнѣнія доставятъ читателямъ «Старины» удовольствіе въ томъ, какъ по временамъ доставлялось пріятное развлеченіе въ Петербургѣ въ нашемъ высшемъ обществѣ [1]).

Як. Ив. Довголевскій.

1872 г.

---

[1]) М. г. Михаилъ Ивановичъ! Въ началѣ 1872 года я имѣлъ удовольствіе послать къ вамъ для напечатанія въ издаваемомъ вами уважаемомъ интересномъ журналѣ „Русская Старина" афишу на французскомъ языкѣ, съ переводомъ на русскій, бывшаго въ царствованіе императора Николая Павловича маскарада осенью 1840 года, въ Царскосельскомъ дворцѣ. Забавныя названія, придуманныя лицамъ, участвовавшимъ въ маскарадѣ, безъ сомнѣнія доставили бы читателямъ „Старины" удовольствіе о томъ, какъ по временамъ доставлялось пріятное развлеченіе въ нашемъ высшемъ обществѣ.

Вмѣстѣ съ подаренной мнѣ покойнымъ директоромъ императорскихъ театровъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Александромъ Михайловичемъ Гедеоновымъ, означенной афишей, онъ также, по короткому моему съ нимъ знакомству, подарилъ мнѣ, при отъѣздѣ его въ Парижъ, небольшую прекрасно нарисованную акварелью картину работы художника Веклера, изображающую помянутый весьма интересный маскарадъ, бывшій при блаженныя памяти императорѣ Николаѣ Павловичѣ; при этомъ Александръ Михайловичъ сказалъ мнѣ, что государь Николай I, оставаясь очень доволенъ маскарадомъ, благодарилъ его за устройство маскарада и въ знакъ своего

Сообщенная Яковомъ Ивановичемъ Довголевскимъ програма маскарада напечатана на отдѣльномъ полулистѣ толстой бѣлой бумаги, на одномъ лишь французскомъ языкѣ, безъ означенія года, мѣсяца и числа — когда было это празднество, однимъ словомъ въ томъ самомъ видѣ, какъ она перепечатывается нами ниже.

По соображеніи слѣдующихъ данныхъ можно съ точностью опредѣлить время, когда могъ быть этотъ маскарадъ. Въ програмиѣ названа великая княгиня Марія Александровна. Великая княгиня, впослѣдствіи государыня императрица, прибыла въ Россію въ сентябрѣ 1840 г.,—слѣдовательно маскарадъ былъ не ранѣе этого времени; Чернышевъ упоминается съ титуломъ графа; 16-го апрѣля 1841 г. онъ возведенъ въ княжеское достоинство, — слѣдовательно праздникъ былъ между сентябремъ 1840 г. и апрѣлемъ 1841 г. Имѣя же въ виду, что маскарадъ этотъ, называвшійся «бобовымъ», устраивался по образцу извѣстнаго французскаго праздника, бывающаго въ Крещенье, можно съ точностью опредѣлить, что день маскарада былъ около 6-го января 1841 года, а не осенью 1840 г., какъ то полагаетъ Я. И.

Неопредѣленность указанія на день маскарада, не отнимаетъ однако интереса у программы праздника и мы съ удовольствіемъ даемъ ей мѣсто на страницахъ нашего изданія «Русской Старины».

благоволенія подарилъ ему означенную картину, объявивши, чтобы онъ хранилъ ее у себя и не передавалъ бы другимъ до его кончины, а когда его не станетъ, то можетъ подарить, кому пожелаетъ.

Въ картинѣ Веклера (величиной въ три четверти полъ-листа обыкновенной писчей бумаги) нарисована зала съ хорами, въ которой изображенъ государь Николай Павловичъ, шествующій рядомъ съ императрицей Александрой Θеодоровной; отъ нихъ, по правую руку императрицы, великая княгиня Марія Николаевна, а по лѣвую—государь наслѣдникъ цесаревичъ, впослѣдствіи блаженныя памяти императоръ Александръ Николаевичъ; за ними слѣдуетъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а за нимъ министръ императорскаго двора, князь Петръ Михайловичъ Волконскій; поотдаль, въ сторонѣ, нарисованы: графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ (великій астрологъ въ маскарадѣ) и графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. (въ маскарадѣ же главный вводитель пословъ). Картину эту я имѣлъ счастіе поднести государю наслѣднику цесаревичу,—нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и получилъ отъ его высочества благодарность, о чемъ увѣдомилъ меня генералъ-адъютантъ Зиновьевъ, письмомъ 19-го марта 1875 года за № 453-мъ.

Прилагая при семъ другой экземпляръ помянутой афиши, я покорнѣйше прошу достоуважаемаго редактора помѣстить ее въ интересномъ изданіи „Русская Старина“, для удовольствія лицамъ, читающимъ „Старину“.

Яковъ Ив. Довголевскій.

15-го апрѣля 1883 г.

Что касается до прототипа этого праздника, то онъ состоитъ въ томъ, что въ день крещенья, 6 января, во Франціи и до сихъ поръ въ семьяхъ пекутъ нѣчто въ родѣ кулича, задѣлываютъ въ немъ миндалинку или зерно бобовое и кому изъ собесѣдниковъ достанется оно, по разрушеніи кулича, тотъ дѣлается «король-боба» (le roi de la fève), выбираетъ изъ присутствующихъ королеву, назначаетъ должностныхъ лицъ и все это сопровождается смѣхомъ, шутками, играми и танцами. Въ 1872 году бобъ, какъ увѣряютъ, достался Виктору Гюго: онъ его съѣлъ.

Приводимъ подлинникъ программы празднества 6 января 1841 г.

Ред.

MASCARADE

Leurs Majestés Fèviennes:

Le Roi Févius IV.	C. Michel Wielhorsky.
La Reine Bobine	M-me Smirnoff.

Les enfants des Fèves:

1. Le Prince Royal	Mr. Wsévolojsky.
2. Fils du Roi	P-ce Béloselsky.
1. Mademoiselle fille du Roi. . . .	M-lle Stalipine.
2. Mademoiselle fille du Roi. . . .	M-lle Pauline Barteniéff.
3. Mademoiselle fille du Roi. . . .	M-me Filosofow.

Les Fonctionnaires:

1. Archi Grand Maréchal du palais et Grand Maître des plaisirs.	C-te Woronzoff.
2. Archi Grand Veneur	P-ce Witgenstein.
3. » » Ecuyer, Gouverneur du Prince Royal	Mr Opotschinine.
4. » » Echanson.	C-te Fersen.
5. » » Maitre des cérémonies et danses publiques . .	C-te A. Tolstoy.
6. » » Chancelier des désordres	Mr Guédéonoff.
7. » » Chancelier.	C-te A. Bobrinsky.
8. » » Maître de la Reine . .	Mr Smirnoff.
9. Gros grand gras Reitpage de la Reine.	M-r Zacharjewsky.
10. Grand Nain du Roi	Baron Pahlen.

Ministres:

1. Ministre de l'Injustice, dernier Aide de Camp.	S. A. le Prince d'Oldenbourg.
2. Ministre de la Paix, premier Aide de Camp Général	C-te Tchernischew.

3. Ministre des ténèbres publiques et de la dissonance	Mr Lwoff.
4. » des santés publiques . . .	Mr Olsoufieff.
5. Archi Grand Astrologue	Mr Bloudof.
6. Ministre des cuisines	C-te Schouwaloff.
7. Gentilhommes	Mr Scariatine.
8. Gentilhommes	P-ce B. Kotchoubey.
9. Gentilhommes	Mr Oustinoff.
10. Archi grand maître des forces publiques	S. A. I. le grand Duc Michel.
11. » » Inspecteur de la Cavalerie	C-te Orloff.
12. » » » de l'Infanterie.	Mr Kaveline.
13. » » » de la Marine.	P-ce Menchikoff.
14. » » Troubadour	P-ce M. Kotchoubey.
15. Le Commandant	S. M. L'Empereur.
16. Le Major de Place	S. A. I. le grand Duc Héritier.
17. Archi Grand Introducteur	Mr Ouvaroff.

Corps Diplomatique:

Ambassades Archi Ordinaires.

Ambassadeur du Pays de Tendre . . .	Mr de Ribeaupierre.
Ambassadrice	M-me Sophie Apraxine.
Aurore aux doigt de rose	M-lle Apraxine.
Claire de Lune	M-lle Vassiltchikof.
Flore	P-sse L. Gagarinei.
Papillon volage.	M-lle M. Barteneff.
Messager d'amour	Mr Chrouschtchoff.
Sérénade.	M. J. Tolstoy.
Zéphir.	Mr Youriewitch.
Посолъ Царя Гороха.	Гр. Сологубъ.
Посольша Царицы Чечевицы	Гр. Ростопчина.
Вѣдьмы	M-me Ogareff.
Вѣдьмы	M-lle Tchitcherine.
Баба Яга	P-ce Dm. Wolkonsky.
Ярусланъ Лазаричъ	
Coureurs des Ambassades.	Séreja Gagarine.
Coureurs des Ambassades	L. Tolstoy.
Archi Grande Maîtresse de la Reine .	S. A. I. Catharine Michailovna.
» » Bonne du Prince Royal.	M-me Wsewolojsky.
» » Gouvernante de Mademoiselle	S. A. I. Elisabeth Michailovna.

Maitresses ordinaires de la Reine:

1.	C. Tiesenhausen.
2.	P-ce L. Galitzine.
3.	P-ce S. Schahovskoy.
4.	M-me O. Oustinoff.
5.	M-me Boutourline.
6.	M-me Wischniakoff.
7.	P-sse Cath. Dolgorouky.

8.	M-me de Krudner.
Archi Grande Maîtresse des Atours de la Reine. . .	S. A. I. M-me la gr.-duchesse Hélène.
» » » des Graces .	C-sse Woronzoff.
» » » du Bon ton .	P-sse Béloselsky.

Demoiselles du service ordinaire de la Reine.

1. **Des** Bougeoirs	S. A. I. Olga Nicolaevna.
2. »	P-sse Marie Bariatinsky.
1. **Des** Pantoufles	S. A. I. Maria Alexandrovna.
2. »	S. A. I. Alexandra Nicolaevna.
1. **Des** Gants	M-me Balaschoff.
2. »	M-me Opotschinine.
1. **Des** Mouchoirs	C-sse Salahoub.
2. »	M-me Marie Tolstoy.
1. **Des** Mouches.	P-sse Sophie Troubetskoy.
2. »	M-lle Sophie Friedericks.
1. **Des** Peignoirs	M-me Meyndorf.
2. »	M-lle Lise Poltawtseff.
Archi Grande Inspectrice de la queue de la Reine .	S. A. I. Maria Michailovna.
» » » des patiences de la Reine .	M-lle N. Borosdine.

Demoiselles de la queue:

1.	M-lles Mamonoff.
2.	(M-lles Mamonoff.)
3.	M-lle A. Friedericks.

Duègnes de l'honneur de la Reine.

La P-sse Troubetzkoy mère.
M-me Friedericks.
La P-sse Bariatinsky mère.
M-me N. Tolstoy.
M-me Barbe Schérémétieff.
M-lle Barbe Nelidoff.
M-lle Olga Friedericks.
M-lle Annette Adlerberg.
C-sse Apoline Wielhorsky.
M-lle Arétine.
C-sse Schérémétieff.
C-sse Marie Modène.

Caméréra Mayor.	Sa Majesté L'Impératrice.
Pages.	Léon Gagarin. Schouvaloff. Krudner. Mr Tolstoy.

Tous les costumes hors ceux des Ambassades, doivent être de la fin du **XVIII-e siècle**—les dames en poudre et grands paniers—les hommes en habits habillés, perruques poudrées et bourses.

Представляемъ русскій переводъ афиши и для бо́льшей обстоятельности каждую фамилію печатаемъ съ именемъ, отчествомъ, частью съ званіемъ и проч. Обращаемъ вниманіе на то, что хотя со времени «бобоваго» маскарада прошло только сорокъ два года, а подлѣ многихъ именъ мы должны нынѣ поставить роковой †, т. е. знакъ смерти. Этихъ знаковъ о кончинѣ, безъ сомнѣнія, надо бы поставить гораздо болѣе, но мы не знаемъ о многихъ лицахъ: живы-ли они?

(Переводъ).

МАСКАРАДЪ.

Король Бобъ IV . . . . Гр. Мих. Юрьев. Віельгорскій, † 1856 г.
Королева Бобина . . . . Алексан. Осиповна Смирнова, рожд. Россети, † 1882 г.

Дѣти Бобовъ:

1. Королевскій принцъ . . . . . . Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, †.
2. Сынъ короля . . . . Кн. Эсперъ Александровичъ Бѣлосельскій, † 1848 г.

Дочери короля . . . .
1. Вѣра Аркадьевна Сталыпина. † (была замужемъ за кн. Дав. Ѳед. Голицынымъ, утонулъ въ 1855 г.).
2. Праск. Арсеньевна Бартенева, камеръ-фрейлина, † 6 февраля 1872 г.
3. Анна Григорьевна Философова, рожд. Сталыпина.

Должностныя лица:

1. Гофъ-маршалъ двора и главный начальникъ удовольствій . . . . . Гр. Иванъ Илларіон. Воронцовъ-Дашковъ, † 26 іюня 1854 г.
2. Оберъ-егермейстеръ. . . . . . . Кн. Левъ Петровичъ Витгенштейнъ, † 1866 г. жен. на княж. Леон. Ив. Барятинской.
3. Оберъ-шталмейстеръ, гувернеръ королевскаго принца . . . . . . Ѳед. Петр. Опочининъ, † 1852 г.,—оберъ-камергеръ.
4. Оберъ-мундшенкъ. . . . . Гр. Павелъ Карловичъ Ферзенъ, впослѣд. оберъ-егермейстеръ.
5. Оберъ-церемоніймейстеръ и гофъ-маршалъ публичныхъ танцевъ . . Гр. Алексан. Никол. Толстой, † 1866 г. Жен. былъ на кн. Щербатовой, рожд. Хилковой.

6. Оберъ-канцлеръ безпорядковъ . . Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, † быв. дир. театровъ.
7. Оберъ-канцлеръ . . . . Гр. Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій, †.
8. Гофъ-маршалъ королевы . . . . . Николай Михайловичъ Смирновъ, †, бывш. впослѣд. Спб. губернаторомъ.
9. Толстый, большой, жирный рейт-пажъ королевы . . . . Григорій Андреевичъ Захаржевскій, †, быв. коменд. Царскаго Села. Женатъ на графинѣ Елизаветѣ Павл. Тизенгаузенъ.
10. Большой карликъ короля . . . . Баронъ Матв. Иван. Паленъ, † 1863 г., быв. ген.-губ. Прибал. губ.

Министры:

1. Министръ неправосудія,— послѣдній адъютантъ . . . . Его Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, † 1881 г.
2. Министръ мира, первый генералъ-адъютантъ . . . . Гр. Алексан. Ив. Чернышевъ, † 1858 г., возв. въ княжеское достоинство 16 апр. 1841 г.
3. Министръ публичныхъ мраковъ и разноголосицы . . . . Алексѣй Ѳедоров. Львовъ, †, композиторъ.
4. Министръ публичнаго здравія . . Василій Дмитр. Олсуфьевъ, † 11 февраля. 1858 г., (былъ граф., гофм. двора Насл.).
5. Великій астрологъ . . . . Дмитр. Никол. Блудовъ, (впослѣд. графъ) † 19 февр. 1864 г.
6. Министръ надъ кухнями . . . . Гр. Андрей Петр. Шуваловъ, †.
7. } Камеръ-юнкеры . . . . { Владим. Яковл. Скарятинъ, впослѣд. егерм., уб. 29 дек. 1870 г.
8. Кн. Васил. Виктор. Кочубей, † 1850.
9. Мих. Александ. Устиновъ, (утон. въ Италіи; жен. былъ на кн. Трубецкой).
10. Главный начальникъ военныхъ силъ . . . . Вел. кн. Михаилъ Павловичъ, † 1849 г.
11. Главный инспекторъ кавалеріи . Гр. Алексѣй Ѳедор. Орловъ, впослѣд. князь, † 9 мая 1861 г.
12. „ „ пѣхоты . . Александр. Александр. Кавелинъ, †.
13. „ „ флота . . . Кн. Александр. Сергѣев. Меншиковъ, † 1869.
14. Трубадуръ . . . . Кн. Мих. Виктор. Кочубей, †.
15. Комендантъ . . . . Государь Императоръ Николай Павловичъ, † 18 февр. 1855 г.
16. Плацъ-маіоръ . . . . Его Высоч. Наслѣдникъ Цесаревичъ, потомъ Императоръ Александръ II, † 1 мар. 1881 г.
17. Главный вводитель пословъ . . . Гр. Сергѣй Семен. Уваровъ, † 1855 г.

Дипломатическій корпусъ:

Чрезвычайныя посольства.

Посолъ изъ нѣжной страны . . . . . Гр. Александръ Ив. Рибопьеръ, впосл. об.-кам. † 24 мая 1865 г.

Жена посла . . . . Софья Петровна Апраксина, рожд. гр. Толстая.

Заря съ розовыми пальцами . . . . Апраксина, (Наталья Владим.?).

Лунный свѣтъ . . . . Васильчикова.

Флора . . . . Кн. Леонилія Никол. Гагарина, за кн. Влад. Александр Меншиковымъ, †.

Непостоянный мотылекъ . . . . . . Марья Арсеньевна Бартенева, род. 1815 г., † 1870 г. (за Дм. Ив. Нарышкинымъ).

Посланецъ любви . . . . Дмитрій Петр. Хрущовъ, впосл. тов. мин. госуд. имущ. † 1862 г.

Серенада . . . . Иванъ Матв. Толстой, впосл. графъ, † 1867 г.

Зефиръ . . . . Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ, впосл. ген.-адъют., †.

Посолъ царя Гороха . . . . Гр. Владим. Александровичъ Сологубъ, † 1882 г.

Посольша царицы Чечевицы . . . . Гр. Евдокія Петр. Растопчина, рожд. Сушкова, † 1858 г.

Вѣдьмы . . . . { Огарева, рожд. Сеславина, жена Николая Александр. Огарева, ген.-адъют., †. Чичерина. }

Баба-Яга . . . . Кн. Дмит. Петров. Волконскій, †.

Еруслань Лазаревичъ . . . . . .

Скороходы посольствъ . . . . . { Сережа (князь Сергій Сергіев.) Гагаринъ (нынѣ отст. полковн.). Илларіонъ Никол. Толстой (впослѣдствіи полков., фл.-адъют., жен. на княж. Голицыной). }

Главная оберъ-дама королевы . . . Вел. княжна Екатерина Михаиловна.

Няня королевскаго принца . . . . Екатерина Алексѣевна Всеволожская, рожд. Жеребцова, втор. жена Никиты Всеволод. Всеволожскаго.

Гувернантка дочери короля . . . . Вел. княжна Елисавета Михаиловна, бывш. в. герц. Насаусская, † 1844 г.

Статсъ-дамы королевы:

1. . . . . Гр. Екатерина Ѳедор. Тизенгаузенъ, нынѣ кам.-фрейл.; внука князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго.

2. . . . . Кн. Луиза Трофим. Голицына, р. Баранова.

3. . . . . Кн. Софья Алексѣевна Шаховская, рожд. гр. Мусина-Пушкина.
4. . . . . Ольга Васил. Устинова, рожд. княж. Трубецкая (во второмъ замуж. за Бьянко).
5. . . . . Елизавета Михайл. Бутурлина, рожд. Комбурлей (замуж. за Дм. Петров. Бутурлинымъ).
6. . . . . Вишнякова, рожд. кн. Хованская (во втор. бракѣ за Андр. Никол. Челищевымъ).
7. . . . . Кн. Екат. Өедор. Долгорукая, рожд. княж. Голицына.
8. . . . . Г-жа Крюднеръ (въ 2-мъ замуж. за граф. Никол. Влад. Адлербергъ).

Главная начальница нарядовъ королевы. . . . . Вел. княг. Елена Павловна, † 1873 г.
" " грацій . . . . Гр. Александра Кирилов. Воронцова, рожд. Нарышкина, род. 1818 г., † 1856 г.
" " хорошаго тона . Кн. Елена Павловн. Бѣлосельская (потомъ княгиня Кочубей).

Фрейлины королевы,

состоящія:

1. при подсвѣчникахъ . . . . . . Вел. княжна Ольга Николаевна.
2. " . . . . . . Княжна Марья Ив. Барятинская, † (въ замуж. за кн. Мих. Викт. Кочубеемъ).
1. при туфляхъ . . . . Великая княгиня Марія Александровна, потомъ Государыня Императрица, † 22 мая 1880 г.
2. " . . . . Вел. княжна Александра Николаевна, † 1844 г.
1. при перчаткахъ . . . . Александра Ив. Балашева, рожд. кн. Паскевичъ, † 1844 г.
2. " . . . . Вѣра Михайловна Опочинина, рожд. княжна Голенищева-Кутузова, †.
1. при носовыхъ платкахъ . . . . Гр. Надежда Львовна Сологубъ (впосл. за д. т. сов. Алексѣемъ Ник Свистуновымъ).
2. " " . . . . Гр. Марія Толстая.
1. при мушкахъ . . . . Кн. Софія Васильев. Трубецкая (въ замуж. за граф. Рибопьеръ).
2. " . . . . Софія Петровна Фредериксъ, †.
1. при пеньюарахъ . . . . Бар. Ольга Өедоровна Мейендорфъ, рожд. Брискорнъ, †.
2. " . . . . Елисав. Никол. Полтавцева (въ замуж. за гр. Николаемъ Трофимовичемъ Барановымъ), †.

Главная инспектриса шлейфа королевы . . . . Вел. княжна Марія Михайловна, †.
„ „ терпѣнія королевы . . . . Наталья Николаевна Бороздина (въ замуж. за Гавр. Павлов. Каменскимъ).

Фрейлины при шлейфѣ:

1. . . . . } Мамоновы.
2. . . . . }
3. . . . . Александра Петровна Фредериксъ (была зам. за граф. Ѳед. Петр. Алопеусомъ, овдовѣла).

Почетныя дамы королевы:

Княгиня Софья Андреевна Трубецкая, рожд. Вейсъ, † 1850 г.
Цецилія Владиславна Фредериксъ, рожд. гр. Гуровская, † 1851.
Княгиня Марія Ѳедоровна Барятинская, рожд. гр. Келлеръ, † 11 февр. 1858 г.
Н. Толстая.
Варвара Павловна Шереметева, рожд. княж. Голицына, †.
Варвара Аркадьевна Нелидова, †.
Ольга Петровна Фредериксъ (въ зам. за Никитинымъ), †.
Анна Владиміровна Адлербергъ, † (въ замуж. за Ковальковымъ).
Графиня Апполинарія Михайловна Віельгорская, † (въ замуж. за д. т. сов., сенатор. Алексѣемъ Владим. Веневитиновымъ, † 14 янв. 1872 г.).
Баронеса Софья Егоровна Аретина, (за гр. Пав. Дм. Толстымъ).
Графиня Шереметева, † (жена гр. Дмитр. Николаев. Шереметева).
Графиня Марія Гавриловна Моденъ (за генер. Дайнезе).

Caméréra Mayor . . . . Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, † 20 октября 1860 г.

Пажи . . . .
- Кн. Левъ Николаевичъ Гагаринъ (утонулъ въ Ишли, въ 1868 г., въ Австріи).
- Гр. Петръ Андреевичъ Шуваловъ.
- Крюднеръ, †.
- М. Толстой.

Всѣ костюмы, исключая посольскихъ, должны быть конца XVIII-го вѣка;—дамы въ пудрѣ и большихъ фижмахъ;—мужчины въ нарядномъ платьѣ, напудренныхъ парикахъ и кошелькахъ.

Сообщ. въ 1870 г. **Я. И. Довголевскій.**

АРХІЕРЕЙСКІЙ ПѢВЧЕСКІЙ ХОРЪ ПРИ АРХІЕПИСКОПѢ СМАРАГДѢ.

Воспоминанія бывшаго дисканта-солиста.

1837—1841 гг.

Въ послѣдніе годы въ русской журналистикѣ вообще, а на страницахъ «Русской Старины» въ особенности, помѣщенъ цѣлый рядъ статей о бытѣ русскаго духовенства, объ особенно выдававшихся іерархахъ русской церкви, духовно-воспитательныхъ заведеніяхъ и т. п.; но до сихъ поръ, кромѣ нѣсколькихъ страницъ въ превосходныхъ «Запискахъ Сельскаго Священника», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ»,—не появилось еще, какъ кажется, ни одной статьи, въ которой бы описанъ былъ бытъ архіерейскихъ пѣвчихъ; между тѣмъ и этотъ маленькій мірокъ духовнаго сословія не лишенъ интереса для желающихъ ближе ознакомиться съ различными сторонами жизни русскаго духовенства. Въ виду этого не могутъ быть излишними предлагаемыя здѣсь воспоминанія о Могилевскомъ архіерейскомъ пѣвческомъ хорѣ при преосвященномъ Смарагдѣ, тѣмъ болѣе, что разсказъ объ этомъ періодѣ существованія хора получаетъ особый интересъ отъ своеобразныхъ отношеній того преосвященнаго къ хору. Въ настоящемъ разсказѣ рѣчь будетъ идти собственно о маленькихъ пѣвчихъ—дискантахъ и альтахъ, такъ какъ въ бытѣ большихъ пѣвчихъ не было ничего выдающагося изъ ряда обыкновенныхъ вещей, чего нельзя сказать о маленькихъ пѣвчихъ. Пишущему эти строки придется говорить здѣсь отъ своего имени не для того, чтобы придать этому разсказу біографическое значеніе, а собственно потому, что все бывшее съ нимъ глубоко врѣзалось въ память и слѣдовательно вѣрно; вмѣстѣ съ тѣмъ оно наглядно характеризуетъ и картину быта архіерейскихъ пѣвчихъ вообще.

Въ архіерейскій хоръ я поступилъ въ 1837 году изъ Могилевскаго духовнаго училища, на 11-мъ году отъ рожденія. Выборъ въ пѣвчіе

производился слѣдующимъ образомъ: регентъ хора, или посланный отъ него, болѣе знающій свое дѣло, одинъ изъ старшихъ пѣвчихъ, являлся въ училище во время классовъ церковнаго пѣнія и пробовалъ голоса мальчиковъ. Выбранные записывались въ хоръ и немедленно переселялись въ помѣщеніе, занимаемое хоромъ во дворѣ архіерейскаго дома. Попасть въ то время въ хоръ значило обезпечить себя, на извѣстное время, въ матеріальномъ отношеніи; но при этомъ терялось многое, а не рѣдко и все въ учебномъ; такъ какъ большинство архіерейскихъ пѣвчихъ отставало отъ товарищей по наукѣ, и если многіе изъ нихъ и переводились изъ класса въ классъ, то это дѣлалось нерѣдко потому, что пѣвчіе пользовались привиллегіею не подлежать исключенію изъ училища, въ виду необходимости ихъ для хора. Это каждому священнослужителю было хорошо извѣстно, а потому болѣе достаточные старались объ освобожденіи своихъ сыновей изъ хора и только бѣдняки мирились съ выпавшей на долю ихъ дѣтей участію въ томъ вниманіи, что пѣвчій поступалъ на полное казенное содержаніе. Признаюсь, что и мнѣ не было это небезизвѣстнымъ, но я самъ старался попасть въ хоръ, такъ какъ зналъ, что родители мои были очень бѣдны и отцу, священническое жалованіе котораго составляло всего 120 рублей въ годъ, чрезвычайно трудно было содержать меня на свой счетъ. Между тѣмъ мать моя, едва только получила извѣстіе о поступленіи моемъ въ хоръ, опасаясь за мои успѣхи въ наукахъ, немедленно явилась въ Могилевъ просить объ увольненіи меня изъ хора. Мнѣ много предстояло хлопотъ, чтобы успокоить мать и добиться того, чтобы она, хотя черезъ слезы, но благословила меня на новый предстоявшій мнѣ путь.

Но путь этотъ оказался далеко не гладкимъ. Правда, въ матеріальномъ отношеніи, какъ я и прежде упомянулъ, пѣвчимъ жилось не дурно. Помѣщеніе было, хотя и не просторно, но чисто. Не помню, что намъ отпускалось изъ казны, но каждый имѣлъ особую желѣзную кровать, тюфякъ, простыню, одѣяло и подушку и все это всегда содержалось въ опрятности. Одежда у насъ также была хороша. На лѣто намъ давалось по сюртуку и панталонамъ изъ нанки и по жилету изъ пике, а на зиму такія же принадлежности изъ довольно сноснаго сукна и кромѣ того по шинели. Кушанья были сытныя: ежедневно обѣдъ и ужинъ изъ двухъ блюдъ: борща, или супа съ говядиной (за исключеніемъ постныхъ дней) и каши, а въ праздникъ прибавлялось еще третье блюдо: пирогъ, или жаркое. Кромѣ того мы почти всегда имѣли карманныя деньги изъ доходовъ хора. Но вокальное искусство намъ доставалось слишкомъ не легко и выучиванье новой пьесы достигалось исключительно посредствомъ колотушекъ, щипковъ камертономъ, ударовъ смычкомъ, а иногда и болѣе

внушительными способами. Въ особенности намъ доставалось за діезы, бемоли и отказы, значеніе которыхъ мы никакъ понять не могли, но должны были выполнять ихъ. Я живо помню и теперь, сколько мнѣ досталось за эти музыкальные знаки въ концертѣ: «Господь просвѣщеніе мое», въ концертѣ, въ которомъ мнѣ приходилось пѣть соло перваго дисканта, тотчасъ по поступленіи въ хоръ. Регентомъ у насъ былъ священникъ Страховъ, не безъ основанія носившій эту фамилію. Появленіе его въ наше помѣщеніе дѣйствительно наводило на насъ страхъ и трепетъ. Каждая спѣвка почти никому изъ маленькихъ не обходилась безъ тумаковъ, а въ особенности доставалось солистамъ, въ томъ числѣ значительная часть приходилась и на мою долю. Послѣ одного изъ такихъ слишкомъ внушительныхъ наставленій я заболѣлъ, кажется, нервною горячкой и пролежалъ въ постели не менѣе двухъ недѣль. Справедливость требуетъ, однакоже, сказать, что во время болѣзни Страховъ ухаживалъ за мною, какъ за своимъ сыномъ и былъ отечески добръ до самаго моего выздоровленія. Затѣмъ все снова пошло прежней колеей. Но какъ-бы то ни было, а наконецъ достигнуто того, что я и другіе поступившіе вмѣстѣ со мною новенькіе научились таки пѣнію и колотушки перенесены съ насъ, преемственно, на вновь поступившихъ.

Весьма характеренъ способъ, который употреблялся Страховымъ для поправки голосовъ маленькихъ пѣвчихъ. Во время поѣздки преосвященнаго Смарагда по епархіи приключилась мнѣ, отъ простуды ли то, или отъ другой причины, великая бѣда: голосъ пропалъ, (разумѣется временно). Поэтому во время архіерейскаго служенія въ г. Мстиславлѣ я былъ замѣненъ другимъ, но на несчастье и его голосъ на высокихъ нотахъ обрывался. И вотъ когда, во время пѣнія: «исъ полла» онъ выкинулъ не входившую въ программу трель, владыка крикнулъ изъ алтаря: «отчего выслали Г—ча, а не З—ча?»; но какъ безголосаго меня нельзя было выслать, то и на пѣніе: «Святый Боже» былъ висланъ тотъ-же Г—чъ, вслѣдствіе чего владыка крѣпко осерчалъ и по окончаніи молитвы: «призри съ небеси Боже», возвратясь въ алтарь, вновь крикнулъ: «всѣхъ пѣвчихъ безъ обѣда». Хотя мы втихомолку и пообѣдали, но тѣмъ не менѣе регентъ былъ взбѣшенъ этимъ и, какъ умѣлъ, вымѣстилъ на мнѣ и Г—чѣ. А умѣлъ-то онъ дѣлать это артистически. Но все-таки необходимо было, въ отвращеніе новыхъ нападокъ владыки, поправить къ слѣдующему архіерейскому служенію мой испортившійся голосъ. Слѣдующее служеніе назначено было черезъ два дня въ Мазоловецкомъ женскомъ монастырѣ, отстоявшемъ отъ Мстиславля, кажется, въ 30-ти верстахъ. И вотъ, по прибытіи въ Мазоловъ, началась операція поправки моего голоса. Регентъ Страховъ поручилъ одному

изъ большихъ пѣвчихъ, дюжему басу, напоить меня горячимъ молокомъ, и наблюсти, чтобы выпито было мною какъ можно болѣе. Первыя три чашки проглочены были мною безъ запинки, хотя и пришлось при этомъ обварить нѣсколько ротъ; но далѣе питье продолжалось уже при поощреніи чубайками и колотушками; за всѣмъ тѣмъ болѣе 6-ти чашекъ я выпить не могъ, не смотря на то, что поощренія продолжались съ полнымъ усердіемъ. По окончаніи этой операціи началась проба моего голоса. Регентъ Страховъ потребовалъ исполатчиковъ въ особую нежилую комнату и приказалъ намъ пѣть. Низкія ноты кое-какъ сходили съ рукъ; но какъ только доходили до нотъ болѣе высокихъ, мой голосъ обрывался. Страховъ дергалъ меня въ это время за чубъ такъ сильно, что я падалъ на полъ; но онъ подымалъ меня ударомъ ноги въ голову и вновь начиналась проба, сопровождавшаяся тѣми же послѣдствіями и пріемами. Сколько досталось мнѣ чубаекъ и ударовъ ногою—хорошо не помню; знаю лишь, что это испытаніе мнѣ слишкомъ не дешево обошлось; но толку отъ этого однако-жъ не вышло никакого. Пришлось доложить владыкѣ, что со мною ничего, пока, не подѣлаешь. Финала этой исторіи я не помню; но кажется чрезъ нѣсколько времени все пришло въ свою колею и я снова замѣнилъ Г—ча. Впрочемъ отъ этихъ Страховскихъ невзгодъ мы нерѣдко, по мановенію владыки Смарагда, переносились въ совершенно другую сферу: чисто дѣтскаго веселія и радостей.

Преосвященный Смарагдъ любилъ часто приглашать къ себѣ маленькихъ пѣвчихъ пѣть ему: «исъ полла» и разные духовные канты. Послѣ такого пѣнія слѣдовало угощеніе яблоками, грушами и другими сластями и пиръ заканчивался иногда игрой со владыкой въ «гуси летятъ». Игра эта происходила такъ: владыка ставилъ на столъ палецъ, (то же должны были дѣлать и всѣ пѣвчіе) и затѣмъ, поднимая палецъ, говорилъ: «утки летятъ, шапки летятъ» и проч., что придетъ въ голову. Суть игры заключалась въ томъ, чтобы поднять палецъ въ то время, когда произносилось названіе предмета летающаго; но ежели кто поднималъ палецъ въ то время, когда произнесенъ архіереемъ предметъ не летающій, то за такое не подходящее поднятіе пальца владыка ударялъ поднявшаго по рукѣ, не рѣдко даже и линейкой, конечно, слегка. Если приглашались къ архіерею только одни такъ называемые исполатчики, т. е. мальчики, пѣвшіе «исъ полла эти», то они, по окончаніи пѣнія, обыкновенно получали отъ архіерея гривенникъ, на который покупали для себя, потомъ, бублики или другія лакомства. Довольно забавный случай случился однажды съ такимъ гривенникомъ. Получивъ его

отъ архіерея, мы тотчасъ командировали одного изъ пѣвчихъ за покупкою бубликовъ, которыхъ обыкновенно отпускалось на эту сумму сорокъ штукъ; но въ настоящемъ случаѣ предложили гораздо менѣе, такъ какъ гривенникъ былъ истертый. Огорченные такимъ не предвидѣннымъ обстоятельствомъ, мы явились къ владыкѣ и, разсказавъ ему о приключеніи, просили дать намъ новую, вполнѣ цѣнную, монету. Владыка сначала какъ будто поторговался съ нами, но, наконецъ, склонился-таки на нашу просьбу и далъ намъ хорошій гривенникъ; получивъ его, мы бросились бѣжать; но онъ, остановивъ насъ, потребовалъ возвратить ему истертый. Не тутъ-то было! Что разъ подарено—не возвращается, отвѣчали мы и были таковы. Владыка назвалъ насъ мошенниками и долго потомъ вспоминалъ намъ объ этомъ, конечно въ шутку.

Особенно нравилось намъ осеннее время, когда преосвященный Смарагдъ щедро одѣлялъ насъ яблоками, грушами и другими фруктами. Независимо пріятности полакомиться яблочкомъ или грушкой, намъ доставлялъ невыразимое удовольствіе способъ, посредствомъ котораго получались нами эти лакомства. Дѣло дѣлалось такъ: преосвященный приказывалъ намъ становиться подъ балкономъ, съ котораго онъ бросалъ фрукты. Требовалось не мало ловкости и сноровки, чтобы схватить на лету падающій фруктъ, или добѣжать первому до упавшаго на землю. Понятно, что при этомъ не обходилось безъ взаимныхъ толчковъ. За то вдвойнѣ пріятно было выйти изъ борьбы побѣдителемъ. Съ приближеніемъ зимы владычный балконъ закрывался наглухо; но одѣленіе фруктами не прекращалось; только мѣсто дѣйствія переносилось съ вольнаго воздуха въ зало архіерейскихъ палатъ, гдѣ и происходило бросаніе яблокъ и грушъ. При этомъ не мало доставалось отъ насъ архіерейской мебели, которую мы немилосердно швыряли, если она мѣшала безпрепятственно схватить упавшее за нее яблоко, или грушу; за что и получали мы отъ преосвященнаго порядочнаго тумака. Его преосвященство, отличавшійся всегда постоянною снисходительностью къ намъ, одинъ разъ даже вышелъ изъ себя при подобномъ случаѣ бросанія фруктовъ. Нужно знать, что зало, въ которомъ бросались фрукты, было украшено, по стѣнамъ, тремя картинами, писанными сухими красками. Одна изъ такихъ картинъ изображала евангельскаго богача и Лазаря. Брошенная владыкой мягкая груша, по какой-то случайности, попала въ Лазаря и совершенно залѣпила ему лице. Владыка крѣпко осерчалъ и прогналъ всѣхъ насъ вонъ; послѣ чего уже бросаніе намъ въ залѣ фруктовъ не повторялось.

Съ наступленіемъ зимы у насъ открывался новый сезонъ удоволь-

ствій. Съ 17-го ноября начинался и продолжался вплоть до 20-го февраля рядъ имянинныхъ дней маленькихъ пѣвчихъ. А имянины каждаго изъ насъ обыкновенно ознаменовывались пиромъ, состоявшимъ изъ угощенія булками, бубликами, а иногда конфектами. Средства для этого добывались не хитрымъ способомъ. Имянинникъ покупалъ двѣ французскихъ булки, завертывалъ ихъ въ чистый платокъ и отправлялся съ ними поздравлять съ собственными имянинами регента, болѣе именитыхъ монаховъ архіерейскаго дома и нѣкоторыхъ изъ учителей. Поздравленія принимались, но булки возвращались назадъ и при этомъ имянинникъ получалъ—отъ кого двугривенный, отъ кого гривенникъ, а отъ регента и архіерейскаго казначея по четвертаку, и такимъ образомъ набиралась сумма, вполнѣ достаточная для устройства пира.

Во время рождественскихъ праздниковъ, на которые, равно какъ на Пасху и каникулы, насъ не роспускали по домамъ, мы имѣли особыя статьи доходовъ. Это—деньги, получаемыя за поздравленіе съ праздникомъ и Новымъ годомъ. То же слѣдуетъ сказать и о праздникѣ Пасхи. Независимо поздравленій общимъ хоромъ, съ которыхъ доставалось каждому изъ пѣвчихъ небольшая доля прибыли, маленькіе пѣвчіе особо приносили поздравленія кое-кому изъ лицъ, которыхъ не поздравлялъ цѣлый хоръ. Этими лицами были: регентъ, монахи архіерейскаго дома и нѣкоторые учителя. Для этого имѣлись особые, написанные для дискантовъ и альтовъ, трехголосные концерты и многолѣтіе. Такія поздравленія приносили маленькимъ пѣвчимъ свой спеціальный доходъ, доходившій до пяти гривенъ на брата. Особо помнится мнѣ одно изъ такихъ поздравленій казначея архіерейскаго дома, іеромонаха Іерофея, жившаго въ квартирѣ, смежной съ архіерейскимъ помѣщеніемъ.

Какъ только мы начали пѣніе, вошелъ преосвященный Смарагдъ и затѣмъ, прослушавъ концертъ и многолѣтіе, обратился къ намъ съ вопросомъ, почему мы поздравляемъ Іерофея, а его, владыку, обошли? Мы отвѣчали, что поздравили его преосвященство цѣлымъ хоромъ, а потому не смѣли безпокоить его полухоромъ. «Ну, такъ смѣйте», отвѣчалъ онъ—и мы и ему запѣли концертъ и многолѣтіе. Владыка выслушалъ все и по окончаніи пѣнія сказалъ намъ: «спасибо», но мы возразили, что за пѣніе предлагается болѣе существенная благодарность. «Вишь, поросята», сказалъ онъ и передалъ старшему изъ насъ двугривенный; но мы отвѣчали, что такое вознагражденіе не по чину владыкѣ; такъ какъ отъ архіерейскаго казначея мы получили рубль, а отъ его преосвященства въ правѣ ожидать по крайней мѣрѣ двойной суммы.

— «Каково, канальи! ты, Іерофей, совсѣмъ мнѣ избаловалъ пѣвчихъ», сказалъ преосвященный, но прибавилъ намъ всего четвертакъ, или двугривенный, хорошо не помню.

Въ большіе праздники и высокоторжественные дни преосвященный Смарагдъ принималъ поздравленія у себя на дому. Причемъ къ нему собиралась вся могилевская аристократія и духовенство. Въ то время, когда собравшіеся къ архіерею чины закусывали и бесѣдовали, архіерейскіе пѣвчіе обыкновенно пѣли концерты; за то по уходѣ публики—и на нашей улицѣ бывалъ праздникъ. Преосвященный обращался къ намъ со словами: «трескайте», и указывалъ на столъ, на которомъ находились остатки отъ угощенія. Во мгновеніе ока все, что бывало на столѣ, переходило въ наши желудки и послѣ насъ уже никакихъ остатковъ не полагалось. Подобное же пѣніе пѣвчими концертовъ производилось и во время вечернихъ собраній у владыки; только закусокъ намъ не доставалось, потому что угощеніе, предлагаемое преосвященнымъ своимъ гостямъ, ограничивалось чаемъ и фруктами. Маленькимъ, впрочемъ, и тутъ кое-что перепадало. Нѣкоторые изъ гостей преподносили наименьшимъ изъ насъ, втихомолку, по яблоку, или апельсину. Въ особенности внимательно къ намъ въ этомъ отношеніи было семейство генераловъ Панютина и Окунева.

Живо помнится мнѣ одно угощеніе чаемъ, которымъ удостоилъ насъ ректоръ духовныхъ училищъ, архимандритъ Аристіонъ. Мы явились къ нему цѣлымъ хоромъ поздравить съ праздникомъ. Послѣ концерта и многолѣтія о. Аристіонъ предложилъ намъ согрѣться чаемъ; но какъ насъ было до 30-ти человѣкъ, а въ комнатѣ его мебели находилось не болѣе, какъ на 12 душъ, то, понятно, присѣли только большіе пѣвчіе, маленькимъ же пришлось стоять. Но не въ этомъ бѣда; мы и безъ того не присѣли бы у начальства; а бѣда въ томъ, что чай поданъ въ однихъ стаканахъ, безъ блюдечекъ, и чай крѣпко горячій. Поставить стакановъ негдѣ; обернуть стакановъ не чѣмъ, такъ какъ носовыхъ платковъ намъ не полагалось, да ихъ почти ни у кого и не имѣлось; полой параднаго платья обхватить не дозволялось; пришлось держать стаканы голыми руками. Чай этотъ показался намъ сущей пыткой. Пока мы покончили съ нимъ, то пожгли себѣ порядочно и уста, и руки.

Пополняю мой разсказъ еще нѣсколькими воспоминаніями о преосвященномъ Смарагдѣ. Его преосвященство часто любилъ ѣздить за городъ на прогулку. При чемъ онъ обыкновенно приглашалъ ректора семинаріи, архимандрита Леонида, сопутствовать ему въ прогулкѣ. Ко всякому такому выѣзду требовалось всегда двое маленькихъ пѣв-

чихъ, изъ коихъ одинъ, который поменьше, помѣщался на козлахъ, а другой, постарше, долженъ былъ стоять на запяткахъ кареты и исполнять обязанности келейника, именно отворять и затворять карету и поддерживать владыку подъ руку, при выходѣ изъ экипажа. Я былъ менѣе другихъ ростомъ и потому почти всегда сидѣлъ на козлахъ; при чемъ кучеру внушалось со стороны владыки смотрѣть за мною, чтобы я не упалъ.

Всѣ эти прогулки производились, обыкновенно, на одинъ и тотъ же ладъ; преосвященный отъѣзжалъ отъ города верстъ на пять, выходилъ изъ кареты вмѣстѣ съ спутникомъ, совершалъ полчаса или часъ прогулку по дорогѣ и затѣмъ садился въ карету и возвращался въ городъ.

Но одна поѣздка рѣзко отличилась отъ прочихъ. Приказано было ѣхать за шкловскую заставу; проѣхали пять, десять верстъ; не получается приказанія остановиться. Наконецъ на 20-й верстѣ преосвященный приказалъ свернуть въ сторону, въ архіерейскій фольварокъ Барсуки. По пріѣздѣ туда преосвященный съ о. архимандритомъ откушали чай, при чемъ и насъ не забыли; (охъ, не любили мы архіерейскаго чаю: преосвященный пилъ обыкновенно зеленый чай, очень терпкій, и намъ приходилось постоянно выпрашивать добавки сахару); послѣ чаю владыка съ ректоромъ отправились осматривать хозяйство и затѣмъ порѣшили выкупаться въ Днѣпрѣ. Преосвященный былъ въ легкой рясѣ и, боясь простудиться послѣ купанія, послалъ старшаго изъ насъ, пѣвчаго Г—го, принести теплую рясу, на лисьемъ мѣху. Въ ожиданіи возвращенія Г—го съ рясой, преосвященный съ ректоромъ и экономомъ фольварка, іеромонахомъ Іеремією, остановились на дворѣ фольварка; я стоялъ тутъ же.

Вдругъ видимъ, что едва Г—ій вышелъ на дворъ съ архіерейскою рясою, какъ на него бросились собаки; мальчишка перепугался и, чтобы защититься отъ собакъ, бросилъ на нихъ рясу владыки, которую псы и начали тормошить нещадно. Преосвященный послалъ Іеремію спасать рясу; но этотъ іеромонахъ былъ хромой, и желая поскорѣе добраться до собакъ, выдѣлывалъ такіе уморительные антраша, что самъ владыка, не смотря на сожалѣніе о рясѣ и гнѣвъ на Г—го, расхохотался.

Впрочемъ Г—му таки порядочно досталось отъ владыки за непочтительное обращеніе съ рясой.

Въ этотъ разъ мы остались ночевать на фольваркѣ и на другой день, послѣ утренняго чаю, часовъ въ 9 утра, были поданы лошади для возвращенія въ городъ. Когда преосвященный собирался садиться въ карету, я и товарищъ мой, Г—й, объявили его преосвя-

щенству, что желали бы прежде чего-нибудь поѣсть, такъ какъ крѣпко голодны.

— «Вишь, поросята! нечего дѣлать; Іеремія, прикажи сварить имъ затирки, да поскорѣе», сказалъ владыка и возвратился съ ректоромъ въ комнаты ожидать, пока мы позавтракаемъ. Пришлось ожидать около получаса; за то, какъ принесли затирку, заставлялъ насъ есть ее горячею и когда мы отозвались, что не можемъ ѣсть до тѣхъ поръ, пока не остынетъ, надралъ намъ порядочно вихры за то, что не умѣемъ скоро «трескать». Впрочемъ, дождался-таки того момента, когда мы окончательно насытились и затѣмъ уже отправился въ путь.

Вообще на преосвященнаго Смарагда смотрѣли мы какъ на отца и добрая память о немъ, я полагаю, сохранилась у каждаго изъ современныхъ мнѣ бывшихъ маленькихъ пѣвчихъ.

Этимъ оканчиваю мои воспоминанія, такъ какъ, по переводѣ преосвященнаго Смарагда изъ Могилева въ Харьковъ, вскорѣ я выбылъ изъ хора и дальнѣйшій бытъ его мнѣ уже не извѣстенъ.

Д. З—чъ.

Примѣчаніе. Дискантъ, первый солистъ и шалунъ въ хорѣ пѣвчихъ преосвященнаго епископа Могилевскаго Смарагда въ 1837—1841 гг., составитель помѣщеннаго выше разсказа, г. Д. З—чъ, дослужился, по окончаніи надлежащаго образованія, до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Ред.

Поправки къ грамотѣ Хрущову.

При изданіи историческихъ актовъ и матеріаловъ мы всегда стараемся вывѣрять корректуру по подлинникамъ, а не по копіямъ съ нихъ. При напечатаніи грамоты Ѳ. Ѳ. Хрущову («Русская Старина» изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 473—475), мы, къ сожалѣнію, не получили отъ владѣльца грамоты—подлинникъ; копія-же, имъ сообщенная, оказалась съ грубыми описками, которыя корректоръ упустилъ изъ виду. Вотъ эти погрѣшности: стр. 473-я, строка 8-я сверху, напеч.: „августа противъ ИГѠ числа", читай: „августа противъ И (т. е. 8-го) числа". Стр. 474-я, строка 1-я сверху, напеч.: „октября по ӡ числа", читай: „октября по Ѕ (т е 6) число". Стр. 474-я, строка 16-я снизу, напечатано: „дати сію нашу царскую жалованную грамоту съ нашею царскою кровною печатію", читай: „за нашею красною печатью".

Есть и другія, болѣе мелкія, описки въ той копіи, которую сообщилъ намъ владѣлецъ грамоты, данной стольнику Ѳ. Ѳ. Хрущову, а потому мы постараемся ее вновь перепечатать, для чего и просимъ М. Н. Хрущова сообщить намъ подлинникъ помянутаго акта. Ред.

Историческая справка о личности убійцы царевича Димитрія.

Справка 1726 г.

Въ 1726 году въ Далматовомъ монастырѣ Тобольской епархіи состоялъ намѣстникомъ іеромонахъ Ѳеодосій, по фамиліи Качановъ. По поводу ссоры его съ другимъ іеромонахомъ того же монастыря, Евсевіемъ, по фамиліи Левоновымъ, этотъ послѣдній подалъ на него доносъ, въ которомъ, обвиняя его въ разныхъ закононарушеніяхъ, между прочимъ, заявлялъ, что оный Ѳеодосій фамилію Качанова носитъ ложно, что онъ не Качановъ, а Качаловъ, и измѣнничья рода, внукъ извѣстнаго убійцы царевича Димитрія, Никиты Качалова. Допрошенный по этому донесенію, Ѳеодосій объяснилъ: еще раньше томскій дворянинъ Владиміръ Григорьевъ Пущиновъ, объявивъ государево слово и дѣло, доносилъ, что онъ, Ѳеодосій, внукъ цареубійцы Качалова, и по тому извѣту слѣдовано въ Москвѣ, въ разрядѣ, въ повытьѣ подъячаго Еремея Полянскаго, а также въ посольскомъ и сибирскомъ приказахъ, и за клевету оному доносителю указъ былъ: выведенъ на площадь, на мѣсто смертной казни, битъ кнутомъ нещадно и посланъ въ ссылку въ Сибирь, на Красный Яръ, а онъ, Ѳеодосій, въ то время міряниннъ, пожалованъ въ дворяне и имя его написано въ разрядъ съ окладомъ. Что онъ, Ѳеодосій, не имѣетъ никакого отношенія къ цареубійцѣ Качалову явствуетъ изъ того, что отецъ его сосланъ въ Сибирь не въ тѣ лѣта, когда царевича Димитрія не стало, понеже въ тѣ лѣта въ Сибири не только другихъ городовъ не было, но и въ столичномъ градѣ Тобольскѣ строенія мало было. Посланъ же былъ отецъ его въ ссылку въ Томскъ въ 154 (1646) г. за поднятіе подметнаго письма на Илью Даниловича Милославскаго, и такъ какъ потомъ были найдены подметчики, то присланъ былъ указъ, что вины отца его въ томъ нѣтъ. Цареубійца Качаловъ и женатъ не былъ, такъ какъ жилъ въ Угличѣ съ дядею своимъ Михайлой Битяговскимъ. Объ этомъ послѣднемъ вѣдомо, что онъ побитъ съ женою своею, а о Никитѣ Качаловѣ и сынѣ Битяговскаго Даниле написано просто—побиты, не сказано—съ женами; поэтому знать, что были оба молоды и не женаты.

Сообщ. **Н. И. Варсов**ъ.

Замѣчательный помѣщикъ временъ императора Петра I.

(Прошеніе на имя императрицы Екатерины I-й).

«Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская!

Бьетъ челомъ Зубцовскаго уѣзду, отрускаго стану бывшаго ротмистра Петра Васильева сына Бахтеярова, дворовой ево человѣкъ Ѳедоръ Тихановъ

сынъ Сахаровъ, на означеннаго своего господина, оного Петра Бахтеярова, а о чемъ мое челобитіе тому явствуютъ пункты.

1) Оной господинъ мой женатъ третьимъ бракомъ и, забывъ страхъ Божій и не памятуя на смертный часъ и на страшный судъ Божій, какъ отъ прежнихъ своихъ женъ, такъ и отъ нынѣшней своей жены Мареы, Васильевой дочери, со иными чинитъ беззаконное преблудѣяніе, а именно дворовою своею дѣвкою Нефилою, Афанасьевою дочерьею, насильно преблудодѣйничеваетъ много же, оть чего та дѣвка, нехотя такова блуднаго беззаконія терпѣть, сама на себя руки положила и отравою окормилась до смерти.

2) Съ другою своею дворовою дѣвкою, Прасковьею, Костентиновою дочерью, насилно преблудодѣйничаетъ, которая отъ того беззаконія обременела, и оную выдалъ за мужъ за двороваго своего человѣка Логвина, Архипова сына, поневолѣ, а онъ, Логвинъ, зговорилъ прежде за себя иную дворовую же ево Бахтеярова жонку, Мареу, Лазареву дочь, которая за то, что за него Логвина за мужъ не выдана, означенную Прасковью по насердкѣ отравила мышьякомъ.

3) Онъ же Бахтеяровъ крестьянскую жонку, имя неупомяну, въ домѣ своемъ запыталъ и замучилъ до смерти.

4) Дворовымъ своимъ людемъ и крестьяномъ онъ Бахтеяровъ, когда кто въ хоромы придетъ, святымъ иконамъ поклониться не велитъ, да и самъ онъ чаю что будетъ близко двадцати лѣтъ къ церкви Божіей никогда не ходитъ и на исповѣди у священника не бываетъ и таинъ божественныхъ не пріобщается.

5) Онъ же Бахтеяровъ насильно жилъ въ блудодѣяніи съ мужнею женою, а съ моею родною сестрою Авдотьею Тихановою дочерью лѣтъ съ пять, а послѣ того нынѣ взялъ къ себѣ оной сестры моей дочь дѣвку, а мою племянницу, Авдотью Николаеву, для того же блудодѣянія, и живетъ съ нею блудно другой годъ и беретъ для того блуда на ночь къ себѣ на постель, о чемъ явно всѣмъ ево домовымъ людемъ. А она племянница моя всего десяти лѣтъ не съ большимъ, а о протчихъ женкахъ и дѣвкахъ, будетъ десяти человѣкъ, надъ которыми онъ блудное насиліе чинитъ, при допросѣ ево покажу въ уликѣ имянно.

6) А приходской нашъ того же Отрубского стану села Егорья попъ Никифоръ отъ того беззаконства и блуда и непотребнаго жительства ево Бахтеярова, дабы престалъ, не наказываетъ и не возвѣщаетъ и никому о томъ не доноситъ, но еще ему Бахтеярову и вспомоществоваетъ, тѣмъ съ которыми онъ, Бахтеяровъ, блудно творилъ, вѣнчаетъ въ домѣ ево, въ избѣ поневоли и безъ вѣнечныхъ памятей, а имянно: вышеозначеннаго двороваго человѣка Логина съ дѣвкою Прасковьею, которая отравлена, въ церкви вѣнчалъ, токмо безъ вѣнечной памяти; въ избахъ безъ вѣнечныхъ же памятей

въ домѣ ево Бахтеярова свадьбы вѣнчалъ, ево же Логина съ помянутою вдовою Мареою, Лазаревою дочерью, которая первую ево Логинову жену Прасковью отравила мышьякомъ. Деревни Рыкова крестьянина Ивана Алексѣева съ дѣвкою Дарьею Михайловою, Павла Борнова съ дѣвкою имя не упомню, Малаеея Авдѣева съ дѣвкою Прасковьею Петровою, дворовыхъ его Бахтеярова людей Ивана Трофимова съ дѣвкою Авдотьею Еремѣевою, а иныхъ и написать не упомню».

Сообщ. профессоръ Н. И. Барсовъ.

Указъ императрицы Екатерины I о содержаніи себя въ чистотѣ и о бритіи бородъ отставнымъ военнымъ чинамъ [1]).

5-го іюля 1726 г.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня, императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, указала: штабъ и оберъ и унтеръ-офицерамъ, капраламъ и рядовымъ, которые отъ полковой службы отставлены и отпущены въ домы вовсе и на время, и кои опредѣлены къ дѣламъ, всѣмъ носить нѣмецкое платье и шпаги, и бороды брить. А ежели гдѣ въ деревняхъ такихъ людей, кто брить умѣетъ, при нихъ не случится, то подстригать ножницами до плоти въ каждую недѣлю по дважды, и каждому содержать себя въ чистотѣ такъ, какъ въ полкахъ служили. Буде же кто на платье нѣмецкаго сукна купить за скудостію не можетъ, то бы дѣлали хотя изъ русскаго сѣрмяжнаго сукна съ обшлагами другаго цвѣта, окрася сѣраго же сукна какою похочетъ краскою. Понеже извѣстно учинилось, что штабъ, оберъ и унтеръ офицеры и рядовые, которые отъ службы вовсе и на время отпущены и къ дѣламъ опредѣлены, ходятъ съ бородами и въ старинномъ русскомъ платьи. Того ради ежели кто изъ нихъ по сему указу исполнять не будутъ, и таковымъ за ослушаніе обрѣтающимся на вѣчныхъ квартирахъ генералитету, и отъ полковъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а въ городахъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ, воеводамъ, и воинскимъ и земскимъ комисарамъ и камерирамъ, и прочимъ командующимъ, (буде кто законной причины не объявитъ) наказывать урядниковъ и рядовыхъ батогами, а съ офицеровъ править штрафъ на госпиталь: за первый разъ—мѣсяцъ жалованья противъ его рангу, за другой—въ двое, за третій—втрое, и тѣ деньги присылать въ военную

---

[1]) Въ Полн. Собраніи законовъ этого указа нѣтъ. Однородный съ нимъ, но относящійся къ С.-Петербургскимъ обывателямъ, помѣщ. въ VII томѣ Полн. Собр. Законовъ, подъ 4 августа 1726 г. № 4944. Н. В.

коллегію. А кто въ таком преступленіи явится въ четвертые, то, отнявъ у такого патентъ, поступать съ нимъ какъ съ раскольникомъ. Законныя же причины разумѣются сіи: 1) если кто, бывъ боленъ, въ той болѣзни запуститъ бороду; 2) если кто гдѣ арестованъ былъ; и чтобъ они впередъ по сему указу исполняли, брать реверсы подъ жестокимъ наказаніемъ. А которые впредь отставляться и отпущаться изъ военной коллегіи и отъ командъ будутъ, у такихъ во исполненіе сего указа брать при отпуски сказки съ подкрѣпленіемъ».

Сообщ. профессоръ **Н. И. Варѳовъ.**

Указъ 1749 года о розыскѣ сбѣжавшаго игумена Боголюбскаго и Покровскаго монастырей, Иннокентія, изъ епархіи преосвященнаго Платона (Левшина), епископа Владимірскаго и Ярославскаго [1]).

Такъ какъ Платонъ—одинъ изъ числа наиболѣе извѣстныхъ нашихъ іерархов, а сбѣжавшій игуменъ Иннокентій управлялъ однимъ изъ важнѣйшихъ во Владимірской епархіи монастырей, то полагаю, что фактъ бѣгства такого лица во всякомъ случаѣ не лишенъ интереса.

А. Е. Мерцаловъ.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ консисторіи Вологодской епархіи служителю Ѳедору Полетаеву минувшаго сентября 27-го дня сего 1749 года.

Въ указѣ ея императорскаго величества изъ святѣйшаго правительствующаго синода къ преосвященному Пимену, епископу Вологодскому и Бѣлозерскому, написано: по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію святѣйшаго правительствующаго синода, а по доношенію синодальнаго члена преосвященнаго Платона, епископа Владимірскаго и Ярославскаго, о бѣжавшемъ епархіи его преосвященства Боголюбскаго и Покровскаго монастырей игуменѣ Иннокентіи, велѣно о сыску и гдѣ сысканъ будетъ, оттоль объ высылкѣ его, игумена, къ его преосвященству во Владиміръ подъ карауломъ, въ немедленномъ времени къ синодальнымъ членомъ въ епархіи, къ архіереомъ, въ ставропигіальныя лавры и въ монастыри ко властямъ послать указы. И по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію его преосвященства велѣно съ прописаніемъ онаго ея императорскаго величества указу епархіи его преосвященства во вся надлежащія мѣста послать указы;

---

[1]) Найденъ въ архивѣ Кихтенской церкви, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губерніи. **А. М.**

того ради ѣхать тебѣ, Полетаеву, Вологодскаго уѣзда, Заозерской половины, въ монастыри и пустыни кромѣ Глушицкаго монастыря, и ко всѣмъ приходскимъ и ружнымъ церквамъ; а пріѣхавъ въ монастыряхъ и пустынях, настоятелемъ съ братіею, а у приходскихъ и ружныхъ церквей попомъ съ причетники, списавъ съ сего указу роздать, за рукою своею, точныя копіи съ росписками, которыя по пріѣздѣ на Вологду, подать въ консисторію Вологодской епархіи, при доношеніи, немедленно. И посланному служителю Ѳедору Полетаеву учинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу. А будучи тебѣ въ той посылкѣ тамошнимъ обывателемъ обидъ и налогъ никому не чинить и взятковъ не брать, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія.

Секретарь Андреянъ Тихомировъ.

За справою канцеляриста Ивана Михайловскаго-Караулова.

Октября 3 го дня 1749 году.

Съ подлиннымъ читалъ служитель Ѳедоръ Полетаевъ.

Указъ 1760 года объ отдачѣ на откупъ купцу Денисову конскихъ и съ рыбныхъ ловель сборовъ въ городѣ Вологдѣ и его уѣздѣ.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ Вологодской его преосвященства господина преосвященнѣйшаго Серапіона, епископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго, духовной консисторіи копіисту Павлу Васильяновскому.

Сего іюня 16-го дня 1760 года, въ сообщенной изъ Вологодской провинціальной канцеляріи въ здѣшнюю консисторію промеморіи написано: въ полученномъ де ея императорскаго величества изъ государственной каморъ-коллегіи въ Вологодскую провинціальную канцелярію указѣ написано-жъ: что имѣющіяся въ городѣ Вологдѣ и въ уѣздѣ конскихъ и съ рыбныхъ ловель сборы съ нынѣшняго 1760 года отданы на откупъ Костромскому купцу Дмитрію Денисову, которому данъ чинъ бурмистрской и съ платежа по большимъ вѣрными сборщиками сборамъ всего по осьми сотъ по двѣнадцати рублевъ по девяносту осьми копѣекъ въ годъ и велѣно по тому указу и по заключенному съ нимъ контракту, по полученіи онаго указу ево, Денисова, къ тѣмъ конскимъ и съ рыбныхъ ловель сборамъ допустить и допущенъ, а имѣющихся при тѣхъ сборахъ вѣрныхъ сборщиковъ отрѣшить и отрѣшены. А въ заключенномъ въ государственной каморъ-коллегіи съ нимъ, откупщикомъ, контрактѣ между прочимъ написано: по 3-му

пункту съ продажныхъ именовныхъ въ городѣ Вологдѣ и въ уѣздѣ лошадей, тако-жъ и съ тѣхъ, кои утайкою проданы и промѣнены пошлину сбирать ему, Денисову, по силѣ указовъ и ижерскихъ статей, во всемъ непремѣнно безъ умаленія и не прибавливая сверхъ указовъ и тѣхъ ижерскихъ статей излишняго ничего и никому въ томъ тягости и обидъ не чинить подъ опасеніемъ за то немалаго по указомъ штрафа, въ чемъ за нимъ смотрѣніе имѣть Вологодской провинціальной канцеляріи. По 4-му: ежели городовые и пріѣзжіе въ городъ Вологду и того города въ уѣздъ всякаго чина люди станутъ лошадей покупать и продавать и мѣнять утайкою, не объявляя въ конскихъ таможняхъ и безъ платежа пошлинъ, и чинится будутъ ослушны, то для взятія таковыхъ людей въ конскую таможню по требованію ево, Денисова, давать отъ Вологодской провинціальной канцеляріи солдатъ пристойное число и съ тѣми утаителями отъ платежа пошлинъ поступать ему, Денисову, по указамъ и ижерскимъ статьямъ, безъ всякаго упущенія; чего ради въ ономъ городѣ и въ уѣздѣ, въ селахъ и на торжкахъ, гдѣ бываютъ торги, о вышеписанномъ Вологодской провинціальной канцеляріи публиковать и выставить листы, а сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ объявить съ подписками, чтобъ всякихъ чиновъ люди купленыхъ и продажныхъ и мѣновныхъ лошадей приводили къ запискѣ въ конскія таможни и пошлины съ нихъ платили безъ утайки; а безъ платежа-бъ указныхъ пошлинъ тайнымъ образомъ никто не покупали и не продавали, подъ взятіемъ указнаго штрафа. По 5-му: рыбы ловить ему, Денисову, или повѣреннымъ отъ него въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вѣрными сборщиками сбиралось, а въ постороннихъ водахъ не ловить и въ томъ обидъ никому не чинить, напротиву же того и въ отданныхъ ему, Денисову, постороннимъ людемъ никому рыбы безъ дозволенія не ловить; а ежели кто своевольно будетъ въ тѣхъ водахъ рыбу ловить, таковыхъ ему, Денисову, забирая приводить, а коихъ взять не можетъ, на тѣхъ объявлять въ Вологодской провинціальной канцеляріи, которой въ томъ ему, Денисову, удовольствіе чинить по указомъ. По 6-му: Вологодской провинціальной канцеляріи содержать его, Денисова, и повѣренныхъ его въ добромъ порядкѣ, и чинить всякое вспоможеніе, а утѣсненія и обидъ и никакихъ примѣтокъ къ помѣшательству тѣхъ сборовъ не чинить и другихъ никого до того не допускать подъ штрафомъ, какъ указы повелѣваютъ. Того ради по указу ея императорскаго величества, въ Вологодской провинціальной канцеляріи опредѣлено: для вѣдома и исполненія съ прописаніемъ изъ контракта пристойнаго въ духовную консисторію послать промеморію. И по ея императорскаго величества указу и по резолюціи Вологодской духовной консисторіи велѣно въ домовотчинную его преосвященства канцелярію, въ монастыри и пустыни и къ церквамъ для вѣдома и исполненія послать указы. Того ради ѣхать тебѣ, посланному Васильяновскому, Вологодскаго уѣзда, въ заозерскую половину въ монастыри и пустыни

(кромѣ Глушицкаго монастыря) и ко всѣмъ приходскимъ и ружнымъ церквамъ; а пріѣхавъ тѣхъ монастырей и пустынь настоятелемъ съ братіею, а у приходскихъ и ружныхъ церквей священникомъ съ причетники для вѣдома и исполненія, списавъ съ сего указу точныя копіи, роздать за рукою своею съ росписками, которыя росписки по пріѣздѣ на Вологду, подать въ Вологодской духовной консисторіи немедленно. И копіисту Павлу Васильяновскому учинить о томъ по оному ея императорскаго величества указу, а будучи тебѣ въ той посылкѣ тамошнимъ обывателемъ обидъ и налогъ никому не чинить и взятковъ не брать, подъ опасеніемъ наказанія. Іюня 22-го дня 1760 года.

Павелъ, архимандритъ Павловскій.

Соборный протопресвитеръ Ѳеодоръ Іоанновъ.

Секретарь Василій Вороновъ.

Справилъ подканцеляристъ Иванъ Андреяновъ.

Съ подлиннымъ указомъ читалъ: копіистъ Павелъ Васильяновскій.

Наказаніе за святотатство и оскорбленіе священника въ 1757 году.

Списокъ съ указа, при семъ печатаемый, найденъ мною въ архивѣ Кихтенской церкви Кадниковскаго уѣзда. Въ копіи съ него я,—для удобства при чтеніи,—поставилъ знаки препинанія, тѣмъ болѣе, что сохраненіе современной орѳографіи въ такого рода документахъ не имѣетъ особеннаго значенія. А. М.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія, изъ Вологодской его преосвященства, господина преосвященнѣйшаго Серапіона, епископа Вологодскаго и Бѣлозерскаго, духовной консисторіи—копеисту Ѳедору Бѣляеву.

Іюля 31-го дня сего 1757 года, въ указѣ ея императорскаго величества изъ святѣйшаго правительствующаго сѵнода къ его преосвященству написано: минувшаго-де іюня 11-го дня, поданнымъ святѣйшему правительствующему синоду военная коллегія на посланной изъ святѣйшаго сѵнода во оную коллегію о розсылкѣ Ревельскаго драгунскаго полку капрала Ивана и брата ево родново драгуна Андрея Евтихѣевыхъ дѣтей Стахановыхъ за зло-хитрое ихъ умышленіе призывомъ въ домъ къ себѣ яко бы для сподобленія болящей оного капрала жены святыхъ таинъ приходскаго ихъ села Ясенка священника Евтихія, и за учиненное оному священнику побоями тиранское мученіе, и за непочтеніе и надругательство святыхъ таинъ,—Рязанской епархіи въ дальніе монастыри на десять лѣтъ, или, учиня

тѣлесное наказаніе, о посылкѣ въ Оренбурхъ указъ, доношеніемъ представила. По опредѣленію оной военной коллегіи, велѣно вышерѣченнымъ капралу и драгуну Стахановымъ, за показанные ихъ учиненные вымышленно важные продерзостные поступки, буде они изъ Москвы въ Оренбурхъ еще не отправлены,—то при Московской командѣ, а ежели отправлены,—то по прибытіи въ Оренбурхъ, учиня имъ сперва церковное покаяніе, а потомъ прогнать шпицъ-рутенъ чрезъ тысячу человѣкъ по шести разъ, и быть имъ въ казенной работѣ десять лѣтъ; о чемъ изъ оной коллегіи въ военную кантору къ дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру Неплюеву указы посланы. По указу ея императорскаго величества святѣйшій правительствующій сvнодъ приказали: къ епархіальному архіерею, синодальному члену, преосвященному Димитрію Рязанскому во извѣстіе, тако-жъ дабы и прочіе могли отъ таковыхъ продерзостей удержаться, для вѣдома-жъ къ сvнодальнымъ членамъ преосвященнымъ архіереомъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ,—въ духовныя консисторіи послать указы. И по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію Вологодской его преосвященства духовной консисторіи велѣно о вышеписанномъ въ Бѣлозерское духовное правленіе, въ домовотчинную его преосвященства канцелярію и во вся Вологодской его преосвященства епархіи надлежащія мѣста послать указы. Того ради ѣхать тебѣ, Ѳедору Бѣляеву, Вологодскаго уѣзда въ Заозерскую половину въ монастыри и пустыни, кромѣ Глушицкаго монастыря, и по всѣмъ приходскимъ и ружнымъ церквамъ... И тѣхъ монастырей и пустынь настоятелемъ съ братіею, а у церквей попомъ съ причетники, списавъ съ сего указа точныя и исправныя копіи,—роздать, за рукою своею, съ росписками, и тѣ росписки, по пріѣздѣ на Вологду,—подать въ Вологодскую духовную консисторію при доношеніи немедленно, и копеисту Ѳедору Бѣляеву учинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу. Августа 11-го дня 1757 года.

Тарандаевскій протопресвитеръ Іоаннъ Ключаревъ.

Секретарь Василій Вороновъ.

За справою канцеляриста Адріана Шахматова.

Съ подлиннымъ указомъ читалъ копеистъ Ѳедоръ Бѣляевъ.

Сообщ. въ 1880 г. **А. Е. Мерцаловъ.**

Челобитная 1673 года.

Царю-государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія, и малыя, и бѣлыя Росіи самодержцу - бьютъ челомъ и являютъ холопи твои Ѳедька да Илюшка Ларіоновы дѣти Долгіе [1]). Явка, государь, намъ на Ивана Пименова сына Хлуденева въ томъ: въ прошломъ, государь, во 179 году взятъ былъ племянникъ ево, Ивановъ, Дмитрей Горемыкинъ, въ воровствѣ на Вологду—во губу, и въ обыскахъ его Дмитрея сотенные люди лиховали, а онъ, Иванъ, изъ губы его на свою поруку вынялъ; и племянникъ его почалъ опять по прежнему воровать, и воровскіе и оговорные люди почели къ нему приставать.. И, пьючи у него Дмитрея во дворѣ драка учинилась, и съ драки разбѣжались,—и онъ, Дмитрей, хотя себя очистити, собралъ сотенныхъ людей на слѣдъ, а крестьянишекъ нашихъ поклепалъ, будто разбоемъ на него, Дмитрея, приходили. И послѣ того онъ Иванъ въ прошломъ во 180 году, умысля и очищаючи племянника своего, подалъ на крестьянишекъ нашихъ извѣтную челобитную, будто подъ ево Иваново сельцо Левцово пѣши подходятъ и на лошадяхъ подъѣзжаютъ зимою и лѣтомъ, невѣдомо для какого вымыслу; и для того будто подъѣзду крестьянина-де ево клѣть покрадена, и крестьянинъ будто нашъ Еремка подъѣзжалъ ночью, да подговарилъ-де дворового ево человѣка Демку съ животами... А человѣкъ ево Демка и до перво у него у Ивана во дворѣ живетъ... А крестьянишка, государь, наши мимо ево Иванову усадьбу пѣши ходятъ и на лошадяхъ ѣздятъ для насъ: пѣши ходятъ для всякія нашія работы къ намъ въ селишко и къ сродцамъ, потому что сельцо ево Иваново стало на дорогѣ изъ Заболоцкой волости къ нашей Уфтюжской волости... А крестьянишка наши воровски ни подходятъ, ни подъѣзжаютъ, ни крадутъ, ни человѣка его не подговаривали, ни съ воровскими людми не знаются и воровства за ними никаково не знаемъ... А онъ Иванъ оглашаетъ крестьянишекъ нашихъ не по дѣлу всякими недобрыми дѣлы, хотя племянника своего одобрить, а крестьянишекъ нашихъ тѣснить, съ подворьишекъ напрасно согнать и продать, потому что крестьянишки наши живутъ съ племянникомъ ево въ одной деревнѣ, а съ нимъ Иваномъ всумежьѣ [2]); да и впредь онъ, Иванъ Хлуденевъ, хвалится на крестьянишекъ нашихъ и на домишка ихъ всякими умыслы и напрасною продажею, и поклепомъ, и подметомъ... И буде, государь, впредь надъ крестьянишками нашими которая безвѣстная гибель учинится и напрасная продажа, и поклепъ, и подметъ—и мы опроче

[1]) Ларіону Долгому помѣстье въ Вологодскомъ уѣздѣ дано при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

[2]) Т. е. въ однѣхъ межахъ. А. М.

ево, Ивана Хлуденева, да племянника его Дмитрія Горемыкина и людей ихъ и крестьянъ—недруговъ на нихъ не знаемъ. Милосердый великій государь-царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! Пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, наше челобитье принять и явку подписать, чтобы крестьянишкамъ нашимъ отъ ево Иванова напраснова оглашенія и поклепу въ конецъ не погибнуть. Царь-государь, смилуйся!

На оборотѣ: Къ сей явкѣ Георгіевской попъ Дмитрей, вмѣсто Ѳедора да Ильи Долгихъ, по ихъ велѣнью, руку приложилъ.

Сообщ. **А. Е. Мерцаловъ.**

Промѣнная запись 1683 года.

Се азъ Иванъ, да Григорей, да Степанъ Ѳедоровы дѣти Берескина смѣняли мы съ дядей своимъ Евдокимомъ Ѳедосіевымъ сыномъ Берескинымъ, полюбовно дворовыми мѣстами въ своей деревнѣ Уголъ [1]). Промѣнили мы Иванъ да Григорей ему Евдокиму дворовое мѣсто старинное, что̀ жилъ крестьянинъ нашъ Васька Алексѣевъ,—дворъ на краю въ деревнѣ отъ западу; и что̀ на дворѣ изба поставленна и сарай и тынъ—и то со всѣмъ ему Евдокиму промѣнили, а за избу и за сарай рядили рубль денегъ; и тѣ деньги мы Иванъ да Григорей съ него Евдокима взяли по рядѣ всѣ сполна; а вмѣсто того тына ставить ему Евдокиму у насъ тынъ около двора, таковъ же въ иномъ мѣстѣ, гдѣ мы велимъ. А вымѣнили у него Евдокима на то дворовое мѣсто земли на одворьѣ, и впредь мнѣ Ивану да Григорью въ ту избу и съ дворомъ не вступаться—ни роду нашему, ни племяни вѣчно. А буде мы, Иванъ да Григорей, опосля впредь въ ту избу и съ дворомъ станемъ вступаться, или великимъ государемъ станемъ о той избѣ и съ дворомъ и о дворовомъ мѣстѣ бить челомъ,—и на насъ, на мнѣ Иванѣ да на Григорьѣ, взять ему Евдокиму десять рублевъ денегъ,—въ томъ мы на себя и запись дали, а запись писалъ Никольской церкви дьячекъ Ельфимко Логиновъ. Лѣта $\frac{7191}{1683}$ года іюля въ 8-й день.

На оборотѣ: Къ сей записѣ Никольской попъ Петръ вмѣсто Ивана, да Григорья, да Стефана Ѳедоровыхъ дѣтей Берескина, по ихъ веленью, руку приложилъ.

Сообщ. въ 1880 г. **А. Е. Мерцаловъ.**

---

[1]) Находящейся нынѣ Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, въ Верхо-Раменской волости. **А. М.**

Объ орденѣ св. Станислава у духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія.

Въ интересной статьѣ г. Валевскаго «Волненія крестьянъ въ За-уральской части Пермскаго края» упоминается объ отраженіи крестьянскихъ шаекъ отъ Далматовскаго монастыря, благодаря распорядительности монастырскаго казначея, о. Николая («Русская Старина», изд. 1879 г., т. XXVI, 632—635). По сказанію г. Валевскаго, императоръ Николай, получивъ донесеніе начальника Пермской губерніи о подвигѣ о. Николая, повелѣлъ прибыть ему въ Петербургъ, далъ ему высочайшую аудіенцію, лично изъявилъ монаршее благоволеніе храброму чернорнзцу и наградилъ его орденомъ Станислава третьей степени. Считаемъ нужнымъ заявить, что послѣдняя подробность въ разсказѣ г. Валевскаго не исторична. и вотъ именно почему. Онъ описываетъ волненія, происходившія въ Пермскомъ краѣ въ 1842—1843 гг. За десять же лѣтъ до того, 8-го февраля 1832 года, Св. Синодъ былъ поставленъ въ извѣстность, что «государь императоръ, по случаю состоявшагося высочайшаго повелѣнія о предварительныхъ мѣрахъ къ приведенію въ исполненіе высочайшаго указа о сопричисленіи польскихъ царскихъ орденовъ къ императорскимъ россійскимъ, не соизволяя на сопричисленіе духовныхъ греко-россійскаго исповѣданія къ ордену св. Станислава, высочайше повелѣть соизволилъ о таковой его величества волѣ увѣдомить оберъ-прокурора Св. Синода для надлежащаго наблюденія и во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться недоразумѣній». (Руководственные указы Св. Синода, издан. 1879 г., стр. 255).

Въ виду существованія такого распоряженія весьма трудно допустить, чтобы такой блюститель порядка, какимъ былъ императоръ Николай Павловичъ, самъ же нарушилъ собственное повелѣніе. Казначей Далматовскаго монастыря могъ получить какой угодно орденъ, но отнюдь только не Станислава. И теперь духовныя лица православнаго вѣдомства не представляются къ наградѣ орденомъ св. Станислава. Въ прежнее время, если въ священство поступали лица, заслужившія орденъ св. Станислава въ свѣтскомъ состояніи, напр. бывъ преподавателями въ учебныхъ заведеніяхъ, то этотъ орденъ замѣнялся Анненскимъ. Недавно въ этомъ отношеніи послѣдовала перемѣна правительственнаго взгляда. Въ 1879 году тульскій архіепископъ Никандръ Покровскій ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о замѣнѣ преподавателю тульской духовной семинаріи, священнику Іоанну Покровскому, пожалованнаго ему, до рукоположенія въ священный санъ, ордена Станислава третьей степени орденомъ св. Анны той же степени. Бывшій оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода отнесся къ тульскому архіерею отъ 28-го февраля 1880 года, изъясняя, что по всеподданнѣйшему докладу его, оберъ-прокурора, о замѣнѣ доценту московской духовной академіи священнику Николаю Елеонскому орденъ Станислава орденомъ св. Анны, государю императору благоугодно было въ 12-й день сентября 1879 года высочайше повелѣть: «Оставить Елеонскому орденъ св. Станислава, такъ какъ онъ получилъ его до рукоположенія, а священники наши носятъ и иностранные ордена»,—и что за

таковымъ высочайшимъ повелѣніемъ, принятымъ Св. Синодомъ къ руководству во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, оберъ-прокуроръ не нашелъ возможнымъ входить со всеподданнѣйшимъ докладомъ о замѣнѣ священнику Покровскому одного ордена другимъ (Тульскія Епарх. Вѣдомости, издан. 1880 г.; Церковно-Общественный Вѣстникъ, издан. того же года, вып. LX).

Сообщ. въ 1881 г. И. П.

Преслѣдованіе свѣтской одежды въ духовномъ вѣдомствѣ

въ 1805—1810 гг.

Извѣстно, что при императорѣ Павлѣ подверглись правительственному запрету круглыя шляпы, фраки и т. д. Это запрещеніе было снято самимъ населеніемъ столицы на другой же день послѣ смерти Павла, безъ участія особаго правительственнаго распоряженія по этому предмету. Но духовное вѣдомство оказалось болѣе консервативнымъ въ данномъ отношеніи. Представляемъ на этотъ счетъ два выразительные образчика распоряженію епархіальныхъ властей за первое десятилѣтіе текущаго вѣка.

Указомъ архангельской духовной консисторіи отъ 11-го февраля 1805 года было объявлено мѣстному епархіальному духовенству, что преосвященный архангельскій Евлампій Введенскій (1801—1809), обозрѣвая свою епархію, замѣтилъ, что «многіе изъ священно-служителей ходятъ въ галстухахъ, что хотя средняя вещь (т. е. безразличная въ нравственномъ отношеніи), но нашему сану неприличная». Засимъ послѣдовало распоряженіе—«предписать благочиннымъ и кому надобно, чтобы въ дѣлѣ святомъ были аккуратными и всѣми наружными знаками показывали благоговѣйство души, и галстуховъ чтобы не носили».

Съ 1805 по 1812 годъ Смоленскую епархіальную каѳедру занималъ епископъ Серафимъ Глаголевскій, бывшій впослѣдствіи С.-Петербургскимъ митрополитомъ и первенствующимъ членомъ Св. Синода (о немъ помѣщено нѣсколько замѣтокъ въ «Русской Старинѣ», какъ то: постриженіе его по неволѣ въ монашество, личное оскорбленіе, нанесенное ему раскольникомъ Ламблемъ,—также припоминанія о немъ академика Ѳ. Г. Солнцева и друг.). Іюля 13-го 1810 года Серафимъ далъ смоленской консисторіи слѣдующую резолюцію о стрижкѣ и одеждѣ учителей и учениковъ смоленской семинаріи:

«Консисторія имѣетъ строжайшимъ образомъ подтвердить указомъ ректору и префекту семинаріи нашей, чтобы они запретили не только взрослымъ ученикамъ риторики и студентамъ философіи и богословія, но и учителямъ остригать головы свои по нынѣшней модѣ, каковое остриженіе и щегольство, удаляя ихъ отъ духовнаго, приближаетъ и располагаетъ не чувствительно къ свѣтскому званію. Преднамѣреваясь выбыть въ сіе званіе, учители дѣлаются нерадивыми о своей должности, а ученики и студенты не оказываютъ успѣховъ въ ученіи, отчего семинарія приходитъ въ упадокъ. И хотя мы въ разсужденіи сего давно уже сдѣлали предписаніе семинарскому правленію, но не видя исполненія по оному въ надлежащей точности, опредѣляемъ слѣдующее: 1) семинарское правленіе никому не должно подписывать на просьбахъ сту-

дентовъ и учениковъ, кромѣ малолѣтнихъ и низшихъ классовъ, просящихъ на діаконское или священническое мѣсто, справокъ и рекомендацій объ ихъ ученіи и состояніи; 2) кто изъ взрослыхъ учениковъ или студентовъ будетъ послѣ сего запрещенія остригать голову свою по модному, тому жалованья (казеннаго денежнаго вспособленія) не давать, хотя бы они ученія были и хорошаго; а содержащихся на казенномъ кошту—исключать изъ бурсы. Запрещается также ученикамъ и студентамъ носить фраки и французскіе кафтаны и пудрить голову подъ таковымъ же штрафомъ; никто изъ студентовъ остриженныхъ, или учениковъ, не будетъ производиться нами ни въ діакона ни въ священника, а равно и изъ носящихъ фраки и французскіе кафтаны и пудрящихъ голову; 3) кто паче чаянія нарушитъ сіе приказаніе, того, сверхъ вышеписаннаго штрафа, записать имя въ подозрительную книгу, каковую, буде оной нѣтъ, выдать семинарскому правленію изъ консисторіи; 4) если же учители станутъ послѣ сего запрещенія остригать головы, то они лишены будутъ награды, назначенной въ прибавокъ къ жалованью, и будутъ у насъ въ худомъ замѣчаніи; 5) ректоръ и префектъ подлежатъ строгой отвѣтственности за несмотрѣніе о наблюденіи сего предписанія нашего; 6) студента Копысскаго, который остриженъ по модному, отрѣшить отъ обученія класса».

Минуло пятьдесять лѣтъ со времени этой резолюціи. Въ 1865 году правленіе смоленской духовной семинаріи обратилось къ духовенству смоленской епархіи съ такого содержанія предложеніемъ: «Въ одеждѣ многихъ своекоштныхъ учениковъ семинаріи замѣчается: а) крайнее разнообразіе и въ цвѣтѣ, и въ покроѣ, и въ матеріи платья, доходящія въ цѣломъ до крайняго безобразія; б) рѣшительное неприличіе, состоящее въ томъ, что дѣти даже вовсе не бѣдныхъ родителей ходятъ въ безобразныхъ изодранныхъ халатахъ и полукафтанахъ, а иныя дѣти даже въ рубищахъ; в) недостатокъ въ одеждѣ, доходящій до того, что многіе ученики (разрядка принадлежитъ правленію) въ зимнее время не имѣютъ сюртуковъ, а потому вынуждены бываютъ сидѣть въ классахъ въ шубахъ, а другіе ученики по небрежности родителей вовсе не имѣютъ теплой одежды» и т. д. (Духовный Вѣстникъ, издан. 1865 г., вып. VII, 467).

Сообщ. въ янв. 1881 г. **И. П.**

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1882 г.

При „Русской Старинѣ“ 1882 года приложены портреты: императрица **Анна Іоанновна**; **Петръ III**; **Екатерина II** (въ день 28-го іюня 1762 г.);—императрица **Марія Θеодоровна** (1801 г.); в. кн. **Михаилъ Павловичъ**; в. к-ня **Елена Павловна**; Д. П. **Трощинскій**; Е. П. **Кашкинъ**; М. А. **Бестужевъ**; кн. А. И. **Одоевскій**; Наталья Ник. **Гончарова** (невѣста великаго поэта Пушкина); графъ Михаилъ Таріелловичъ **Лорисъ-Меликовъ**.

Въ „Русской Старинѣ“ 1882 г., между прочимъ, напечатаны: статьи профес.: И. Е. Андреевскаго, Н. И Барсова, Д. И. Иловайскаго, Н. И. Костомарова; барона А. П. Николаи; кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго; Ад. П. Берже; М. И. Венюкова; В. А. Гольцева; П. А. Ефремова, А. Е. Егорова; В. И. Жмакина, И. И. Ореуса, магистра руск ист. В. И. Семевскаго; В. Е. Якушкина, И. С. Ремезова, А. А. Чумикова, Н. К. Шильдера, В. К. Шульца, Д. В. Ильченко, и друг. Записки и воспоминанія: Несчастнаго, содержащія въ себѣ путешествіе въ Сибирь по канату; Штрандмана; Я. И. де Санглена; профес. Ростиславова (о духовенствѣ); И. В. Селиванова (старый сенатъ); сенатора Я. А. Соловьева; графа М. Н. Муравьева-Виленскаго (1863 –1865 гг.); Кудрявцевой—дочери короля Польскаго Станислава Понятовскаго; Т. П. Пассекъ; Записки Сельскаго Священника; Г. К. Градовскаго (Цензура и печать при Лонгиновѣ и В. В. Григорьевѣ, 1872—1879 гг.); А. А. Вязмитинова (Севастополь въ 1854—1855 г.); П. В. Алабина (Русскіе въ Венгріи, 1849 г.); Воспоминанія С. С. Порошина; Петербургъ въ 1710 — 1711 гг. по разсказу очевидца; „Судъ надъ русскимъ писателемъ А. Н. Радищевымъ въ 1790 г“; – „Петербургъ 28-го іюня 1762 г.“; — Очерки: „Амвросій Протасовъ, архіепископъ“; — „АрхіепископъИриней Нестеровичъ“; — „Священникъ Θеодосій Левицкій“; — „Масоны“. — Собраніе матеріаловъ къ исторіи царствованія имп. Павла и къ его характеристикѣ, сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій и друг. — Императрица Марія Θеодоровна † 1828 г. (ея духов. завѣщаніе и ея труды по женск. образов.);—Костюшко и Александръ I;—Николай I (его переписка съ ген. Дибичемъ); — „Междуцарствіе въ Россіи съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 г.“ (обширное собраніе неизданныхъ матеріаловъ, ярко освѣщающихъ событія и дѣятелей того времени);—„Пугачевъ и Пугачевцы въ селѣ Тресвятскомъ“ (разсказы очевидцевъ);—Кн. А. Н. Голицынъ и архим. Фотій (переписка);—Сперанскій въ воспоминаніяхъ остзейца; –„Въ Прибалтійскомъ краѣ“—изъ записокъ одного чиновника;—Александръ II и кн. М. Д. Горчаковъ въ 1861 г. (мятежъ въ Варшавѣ); „С.-Петербургское интендантство въ 1864—1866 гг.“—Записки генер.-лейт. В. Д. Бренке;—Военно-политическая записка М. Д. Скобелева, 1878 г.;—Переписка А. С. Пушкина съ Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ;—Лермонтовъ и неизд. его поэмы;—„Князь А. А. Суворовъ въ воспоминаніяхъ профес. И. Е. Андреевскаго“;—„Князь Василько“—поэма въ стихахъ кн. А. И. Одоевскаго;—„Сонъ Попова“, поэма-шутка графа А. К. Толстого; — Акварелистъ П. Θ. Соколовъ († 1848 г.);—Профессоръ живописи Келеръ (его автобіографія); — Къ исторіи искусствъ въ Россіи, очерки И. Н. Божерянова;—Великая княгиня Елена Павловна († 1873 г.) — очеркъ къ ея біографіи;—А. И. Тургеневъ, 1830—1845 гг.; О. А. Петровъ;—Императоръ Николай въ Чембарѣ и Харьковѣ;—Іосифъ Семашко и проч. и проч.

цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

(Имѣется «Русской Старины» изд. 1882 г.—77 экземп.).

Карандашъ г. Роборовскаго вполнѣ мастерской: онъ производитъ съ одинаковымъ искусствомъ типы людей, виды животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ; растенія, ландшафты, жилища, утварь, домашнія вещи. Вообще рисунки его превосходно дополняютъ текстъ книги. Нѣтъ сомнѣнія, что европейскія литературы, въ особенности англійская и французская, поспѣшатъ познакомить Европу съ настоящимъ трудомъ знаменитаго русскаго путешественника; а наши соотечественники, при всемъ равнодушіи у насъ вообще къ книгамъ, озаботятся конечно, дабы общественныя библіотеки, и въ особенности библіотеки среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній пріобрѣли эту книгу. Изданный на средства, высочайше дарованныя, трудъ Н. М. Пржевальскаго и во внѣшнемъ своемъ видѣ не оставляетъ ничего желать лучшаго: бумага, шрифтъ (типографія В. С. Балашова), расположеніе заголовковъ не только въ началѣ каждой главы, но и на широкихъ поляхъ текста,—все это очень хорошо. Словомъ для каждой библіотеки эта книга является, во всѣхъ отношеніяхъ, вполнѣ цѣннымъ вкладомъ. Ред.

Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка. Книга I. 1700—1713. Спб. 1882. 551+34. Ц. 2 р. 50 к.

Лучшій пока подарокъ къ 300-лѣтнему юбилею Сибири представляютъ изданія матеріаловъ, относящихся къ ея исторіи. Такъ еще въ 1880 г. археограф. коммиссія издала, при участіи своего корреспондента А. И. Зоста, «Краткую сибирскую лѣтопись» (кунгурскую) съ 154 рисунками, и теперь напечатала на его же счетъ названные выше матеріалы. Они извлечены изъ неисчерпаннаго все еще источника русской исторіи—портфелей незабвеннаго исторіографа Миллера, принадлежащихъ академіи наукъ. Помимо данныхъ, касающихся администраціи Сибири, настоящіе матеріалы представляютъ интересъ для исторіи колонизаціи, земледѣлія, постройки городковъ и крѣпостей, раскола, имѣвшаго здѣсь множество прозелитовъ, положенія инородцевъ и отношенія ихъ къ русскому населенію, состоянія русскаго общества. Старыя формы быта уживаются здѣсь рядомъ съ новыми явленіями жизни, вызванными то общею жизнію Россіи, то сложившимися подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Если, съ одной стороны, инородцы смѣли еще при произнесеніи титуловъ московскаго царя сидѣть на войлокѣ и не скидать съ головы шапки то въ то же время горожане обязаны были уже носить верхнее саксонское платье и нѣмецкіе или французскіе камзолы, штаны, сапоги и башмаки, за нарушеніе чего платились штрафами, какъ равно за усы и бороду. Этотъ указъ нашелъ въ Сибири много виноватыхъ. Замѣчательно также, что первые европейцы, прибывшіе торговать въ Сибирь, поженились въ степи на киргизкахъ и приняли идольскую ихъ вѣру на удивленіе русскимъ, крѣпко стоявшимъ за вѣру. Вообще изданные матеріалы представляютъ большой интересъ для изслѣдователя.

Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго. Т. VIII. Спб. 1882. 524 стр. Ц. 2 р.

Весь настоящій томъ занятъ «Старой записною книжкою», до сихъ поръ печатавшеюся въ отрывкахъ. Это бѣглыя замѣтки для памяти умнаго и бывалаго человѣка, много видѣвшаго, слышавшаго и читавшаго. Перелистывая страницы этого дневника, читатель знакомится съ литературными, политическими, общественными и частными событіями, явленіями и мнѣніями за длинный рядъ годовъ отъ царствованія Екатерины II до послѣдняго времени. Не менѣе интересны и личныя мнѣнія автора, часто судившаго мѣтко и всегда откровенно. Такимъ образомъ въ его замѣткахъ встрѣчаются имена: Екатерины II, Павла I, Александра I, Наполеона I, Николая I, вел. кн. Константина Павловича, современныхъ имъ дѣятелей: Аракчеева, Блудова, Ермолова, Н. Н. Новосильцова, гр. Моркова, гр. Н. П. Румянцова, Ростопчина и др.; писателей: Баратынскаго, Батюшкова, Вольтера, Давыдова, Державина, Дмитріева, Жуковскаго, Карамзина, Крылова, Мерзлякова, Пушкина, Сумарокова, Шишкова, и мн. др. Рядомъ съ ними идетъ множество замѣтокъ о литературныхъ произведеніяхъ и явленіяхъ, а также сужденій и мнѣній, вызванныхъ чтеніемъ самого автора.

Томъ этотъ, какъ и всѣ предъидущіе, изданъ весьма изящно и притомъ недорого.

В. И.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четырнадцатый. СЕНТЯБРЬ. 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Рисунокъ: Михайловскій замокъ, дворецъ императора **Павла I** въ С.-Петербургѣ, въ 1800—1801 гг. Рисов. съ акварели того времени, изъ собранія П. А. Ефремова, художн. П. Ѳ. Борель, гравиров. А. Даугель.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, д. № 1.

1883.

IX-я книга „Русской Старины" вышла 1-го сентября 1883 г.

Памятники русской старины Владимірской губерніи. Рисовалъ и издалъ И. Голышевъ. 1882 г., въ листъ, 6 стр., въ два столбца и 20 лист. рисунковъ.

Читатели «Русской Старины» знакомы изъ автобіографіи бывшаго крестьянина, нынѣ почетнаго гражданина и члена разныхъ ученыхъ обществъ, Ив. Александр. Голышева съ его труженическою жизнью («Русская Старина» изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 755; т. XXV, стр. 353), посвященною изданію памятниковъ народнаго (въ тѣсномъ смыслѣ) творчества въ области художества и искусствъ. Настоящій выпускъ, какъ и предъидущія изданія г. Голышева, напечатанъ въ его собственной литографіи въ Голышевкѣ, близь слободы Мстеры, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Альбому рисунковъ предпослано толково составленное издателемъ предисловіе. Въ немъ приведены замѣтки: объ иконахъ двѣнадцати лихорадокъ; объ иконахъ св. Флора и Лавра, св. Модеста, св. Власія; о старинныхъ ризахъ, окладахъ, вѣнцахъ и ихъ украшеніяхъ; о филогранной работѣ XIII в., о чеканной работѣ XVII в. О пряничныхъ произведеніяхъ въ старину. Почетные, свадебные и друг. пряники. Пряничныя доски. Старинныя лубочныя картины: «Сотвореніе міра», «Убіеніе антихриста», «Страшный судъ».

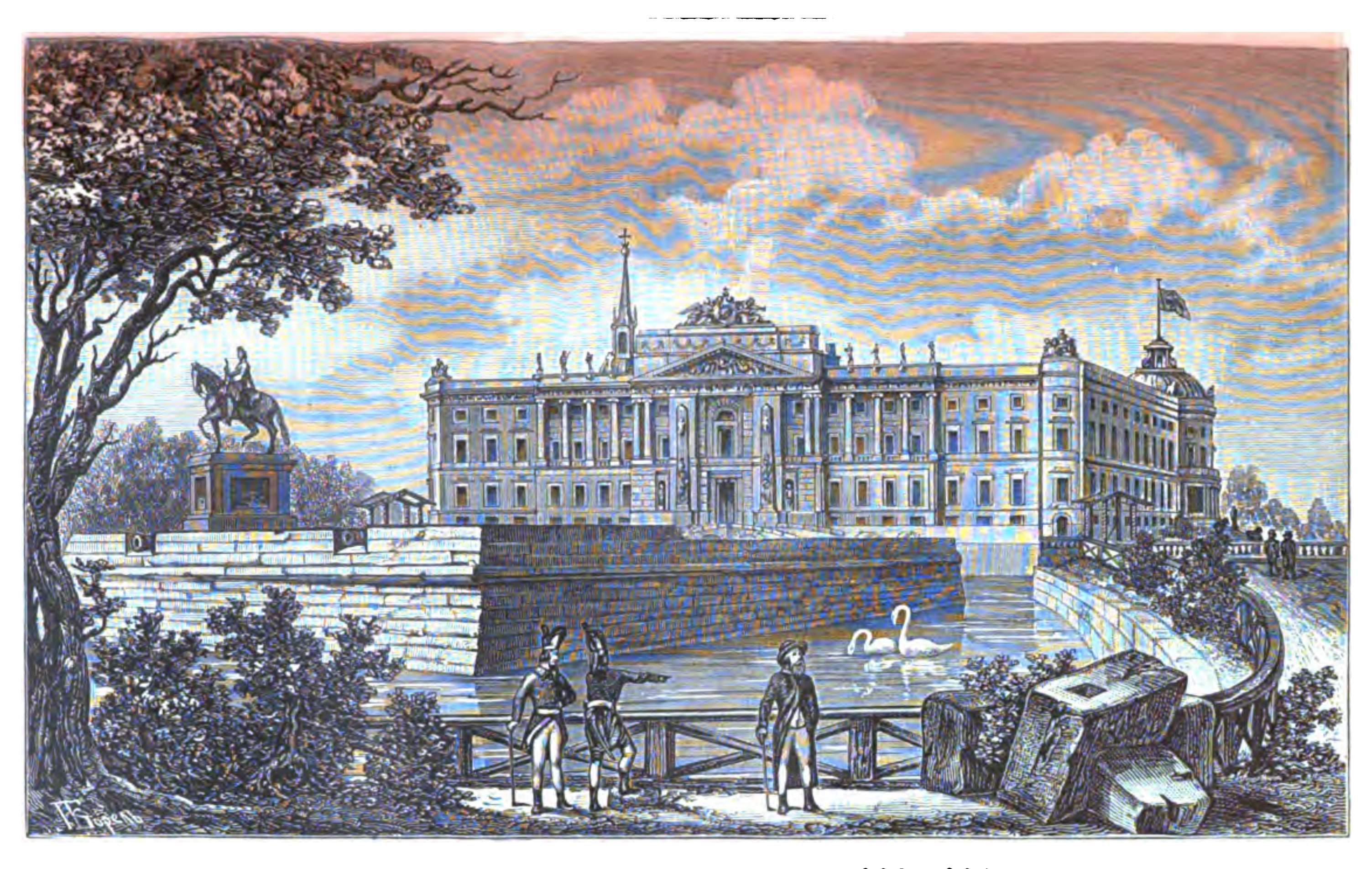
Замѣтки г. Голышева очень кратки и представляютъ выборку изъ печатныхъ статей и изслѣдованій извѣстныхъ писателей о произведеніяхъ народнаго творчества. Но не въ нихъ, т. е. не въ текстѣ достоинство выпущеннаго г. Голышевымъ альбома. Достоинство въ безукоризненно выполненныхъ рисункахъ, воспроизводящихъ снимки съ помянутыхъ выше: иконъ, окладовъ, вѣнчиковъ (отпечатаны золотомъ и серебромъ), нѣсколькихъ пряничныхъ досокъ и трехъ древнихъ лубочныхъ картинъ. Для изслѣдователя творчества русскаго народа, его вѣрованій и суевѣрій, его бытовой жизни въ старину,—какъ настоящій, такъ и предъидущій выпуски изданій г. Голышева составляютъ весьма полезные труды. А если принять во вниманіе, что сбытъ таковыхъ, съ любовью и съ замѣчательнымъ тщаніемъ выполненныхъ имъ альбомовъ, отнюдь не великъ и далеко не покрываетъ издержекъ и трудовъ издателя, то должно съ особеннымъ уваженіемъ и признательностью относиться къ дѣятельности нашего археолога - самоучки, бывшаго крѣпостнаго крестьянина. Должно при этомъ обратить вниманіе, что настоящій выпускъ его изданія превосходитъ всѣ предъидущіе его альбомы по своей внѣшности: видимо литографія въ Голышевкѣ близь Мстеры все болѣе и болѣе совершенствуется. Желаемъ ей дальнѣйшаго преуспѣянія для воспроизведенія памятниковъ отечественной старины подъ управленіемъ неутомимаго И. А. Голышева. Ред.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. А. Чистовича. Часть I. Спб. 1882. 220. Ц. 1 р. 25 к.

«Задачею автора было, читаемъ въ предисловіи къ названной книгѣ, изложить въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ послѣдовательный ходъ событій этой исторіи. Если предлагаемый очеркъ не заключаетъ въ себѣ результатовъ изученія всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ и памятниковъ этой исторіи и относящихся къ ней ученыхъ изслѣдованій, то, во всякомъ случаѣ, онъ представляетъ, основанное на изученіи этихъ памятниковъ, довольно полное изображеніе исторической судьбы западно-русской церкви». Въ такомъ объемѣ настоящій трудъ можно назвать обстоятельнымъ по обработкѣ фактовъ и удачно выполненнымъ по своему плану. Изложеніе сжато и чуждо излишнихъ подробностей, тѣмъ не менѣе отличается живостью разсказа. Въ I-й выпускъ вошли слѣдующіе отдѣлы: 1) галицко-владимірское княжество и галицкая митрополія; 2) литовско-польское владычество въ южной и западной Руси и 3) западно-русская митрополія до XVI вѣка включительно. События западно-русской церкви авторъ разсматриваетъ въ связи съ религіознымъ движеніемъ и просвѣщеніемъ въ этомъ краѣ. Факты и мнѣнія, передаваемые авторомъ, вездѣ подкрѣпляются указаніемъ на источники и важнѣйшія сочиненія.

Изданія московскаго главнаго архива министер. иностран. дѣлъ.

Слѣдующія брошюры составлены библіотекаремъ московскаго архива, И. Ѳ. Токмаковымъ: 1) краткій историческій очеркъ города Коломны (4 стр. съ 2 видами го-

ВИДЪ МИХАЙЛОВСКАГО ЗАМКА ВЪ 1800-1801 ГГ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ПЕТЕРБУРГЪ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ

въ 1796—1801 гг.

Предлагаемая статья состоитъ изъ выдержекъ изъ рукописи Реймерса: „С.-Петербургъ въ первые четыре года славнаго царствованія его императорскаго величества Павла I“, соч. Гейнриха Реймерса 1801 г. („St.-Petersburg während der vier ersten Jahre der glorreichen Regierung Sr. Kaiserlichen Majestät Paul des Ersten“. Подлинный экземпляръ рукописи, въ большую 4-ю долю, безъ сомнѣнія подносный императору Павлу, хранится въ дворцовой библіотекѣ города Павловска. Въ 1805 г. сочиненіе это было напечатано въ Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ; наше извлеченіе исполнено въ переводѣ Е. П. Б—й, въ іюлѣ, 1874 г.

Это сочиненіе, оконченное въ февралѣ 1801 г., полуофиціальное въ царствованіе императора Павла, интересно не столько по описанію достопримѣчательностей Петербурга, сколько по рѣзкой характеристикѣ слабыхъ сторонъ учрежденій предшествовавшаго царствованія, Екатерины II-ой, съ цѣлью оттѣнить достоинства нововведеній и преобразованій царствовавшаго тогда, въ 1801 году, ея преемника, Павла I.

Въ этомъ отношеніи особенно рѣзкими штрихами рисуетъ авторъ внутреннее состояніе гвардіи и арміи екатерининскаго времени. Весьма обстоятельно изложено учрежденіе ордена св. Іоанна Іерусалимскаго въ Россіи и принятіе императоромъ Павломъ званія гросмейстера сего ордена; наконецъ, интересно описаніе Михайловскаго замка, составленное, какъ и все сочиненіе, въ февралѣ 1801 года, за одинъ мѣсяцъ до кончины императора Павла.

Ред.

I.

Предисловіе.

Въ двухлѣтнее пребываніе мое въ столицѣ нашего монарха, въ глазахъ моихъ возникло и окончено такое множество построекъ; городъ съ каждымъ днемъ такъ растетъ и украшается, что мнѣ захотѣлось на этихъ листкахъ исчислить его достопримѣчательности въ систематическомъ порядкѣ. Я надѣюсь этимъ заслужить благо-

дарность публики, и въ то же время доставить и путешественнику случай удостовѣриться, при обозрѣніи великолѣпнаго города, каковъ онъ былъ во времена предшественниковъ императора Павла, и что все это великолѣпіе его дѣло!

О томъ, какъ и когда возникъ Петербургъ, насколько русскіе государи украсили эту столицу, и сколько она выиграла особенно въ предшествовавшее продолжительное царствованіе, обо всемъ этомъ уже до меня разсказано двумя писателями: гг. Георги и Шторхомъ. Первый составилъ изъ собранныхъ съ большимъ трудомъ и старательно изложенныхъ матеріаловъ: Опытъ описанія русской императорской столицы С.-Петербурга и мѣстныхъ достопримѣчательностей (С.-Петербургъ, 1790, 2 части) [1]; а второй написалъ любопытную: Картину С.-Петербурга (Рига, 1794 г., 2 части) [2]. Я присоединяюсь къ этимъ двумъ топографамъ съ настоящимъ опытомъ описанія того, что создано замѣчательнаго въ столицѣ въ славное царствованіе Павла I, и надѣюсь на снисхожденіе публики къ труду моему.

Считаю долгомъ поблагодарить здѣсь тѣхъ друзей и знакомыхъ, которые содѣйствовали мнѣ сообщеніемъ надлежащихъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о различныхъ учрежденіяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя, по высочайшей волѣ, находятся въ ихъ вѣдѣніи.

При описаніи императорскаго загороднаго дворца въ Гатчинѣ я пользовался сочиненіемъ барона Кампенгаузена: «Избранныя топографическія достопримѣчательности С-Петербургской губерніи».

Я старался, съ помощью достовѣрнаго описанія избранныхъ предметовъ, распространить въ публикѣ общеполезныя свѣдѣнія о многочисленныхъ благодѣтельныхъ учрежденіяхъ нашего добраго государя. Предоставляю читателю судить, насколько я успѣлъ удовлетворить его ожиданія.

II.

Различіе воинской службы нынѣшняго царствованія противъ той-же службы въ минувшее, и поразительныя фактическія доказательства преимуществъ настоящей военной службы [3].

Исторія доказываетъ, что во всѣ времена какъ могущество, такъ и слабость народа, а равно и значеніе его въ средѣ прочихъ народовъ, зависятъ не столько отъ количества его войска, сколько отъ

[1]) Versuch einer Beschreibung der russisch-Kaiserlichen Residenzstadt St.-Petersburg und der Merkwürdigkeiten der Gegend.

[2]) Gemälde von St.-Petersburg.

[3]) Рукопись, стр. 8—48.

систематическаго употребленія его. Въ послѣдніе годы минувшаго царствованія Россія обладала особенно великими военными силами, но едва половина ихъ достигала цѣли. Вслѣдствіе страшныхъ злоупотребленій, нѣкоторыя лица считали себя въ правѣ присвоивать себѣ бóльшую часть того содержанія, которое выдавалось на войско. Кромѣ того, въ самой службѣ всевозможные безпорядки и пристрастіе произвели такой хаосъ, что нуженъ былъ энергичный монархъ, который ввелъ бы порядокъ и благоустройство тамъ, гдѣ о нихъ положительно перестали имѣть понятіе. Твердый и непоколебимый характеръ Павла I, независимо отъ его личнаго примѣра, привели наконецъ къ этой цѣли, и личный интересъ, это страшное зло, вкоренившееся въ военную службу, уничтоженъ. Его замѣнили дѣятельность и усердіе къ службѣ царю.

Въ концѣ прошлаго царствованія военныя силы Россіи, судя по сохранившимся въ военной колегіи рапортамъ, казалось были въ состояніи завоевать весь свѣтъ, но половину этихъ силъ уничтожали вкравшіяся злоупотребленія, которыя молча признавались за обычный порядокъ вещей. Но и этой остающейся долѣ невозможно было выполнять свои служебныя обязанности по причинѣ всякаго рода лишеній.

Въ то время каждый мушкетерный полкъ состоялъ изъ 1,726 человѣкъ; а каждый гренадерскій полкъ изъ 4,000 человѣкъ фронтовыхъ; а между тѣмъ рѣдко случалось выставить на плацпарадѣ 800 человѣкъ мушкетернаго полка, потому что командиръ полка, въ то время безграничный его хозяинъ, отбиралъ по 20 и 25 человѣкъ съ каждой роты для своихъ личныхъ надобностей, въ своихъ помѣстьяхъ; или же отдавалъ ихъ въ услуженіе частнымъ лицамъ, а заработки ихъ, точно по праву, удерживалъ за собою. Эти несчастные, спустя нѣсколько времени, смѣнялись другими солдатами изъ тѣхъ же ротъ; но по возвращеніи своемъ они уже не годились во фронтъ будучи оборваны и огрубѣвъ, какъ мужики. На что могъ ихъ употребить ротный командиръ и чего можно было отъ нихъ ожидать въ виду непріятеля? Нечего было и думать о сформированныхъ въ 1795 г. среднихъ ротахъ, (Mittelcompagnien) потому что изъ нихъ во фронтѣ обыкновенно находились только 20 или 30 человѣкъ; а всѣ прочіе были упрятаны въ такъ называемомъ казначействѣ, т. е. въ большой мастерской, находившейся въ вѣдѣніи полковника.

При штабѣ каждаго полка имѣлось большое зданіе, назначенное для помѣщенія полковыхъ повозокъ, лошадей и возчиковъ; тутъже находились квартиры для 24 мастеровъ, обязанныхъ исправлять

повозки, ружья и амуницію солдатскую, и записанныхъ въ полковой штатъ. Этою-то мастерскою полковникъ злоупотреблялъ въ чудовищномъ размѣрѣ. Въ мастерскую отбирались всѣ тѣ солдаты, которые въ прежнемъ состояніи занимались какимъ либо ремесломъ, и для того каждаго рекрута сперва допрашивали, не знаетъ ли онъ какого ремесла. Если онъ оказывался какимъ нибудь мастеромъ, его безъ дальнихъ околичностей засаживали въ мастерскую, и во фронтѣ онъ уже не показывался. Такимъ образомъ возникала фабрика, въ которой постоянно работали иногда болѣе ста человѣкъ. Издѣлія такой фабрики выходили иногда превосходныя, а жившіе въ околодкѣ обыватели могли заказывать себѣ тутъ всякаго рода предметы: кареты, сани и т. д. Понятно, что полковникъ продавалъ всѣ эти издѣлія въ свою пользу, не оставляя мастерамъ ни гроша; бѣдные люди должны были благодарить Бога, если у нихъ не оттягивали той малости, которая давалась имъ отъ казны. Для ротныхъ командировъ эти казначейства были истиннымъ пугаломъ. Если, напримѣръ, одинъ изъ хорошо выученныхъ солдатъ вздумаетъ на досугѣ что нибудь мастерить, то полковникъ или его пріятель, успѣвъ пронюхать о томъ, тотчасъ-же забираютъ его въ мастерскую, откуда ему уже не возвратиться во фронтъ. Если-бъ его впослѣдствіи и захотѣли перевести обратно въ роту, то онъ уже разучился экзерциціи, ослабъ отъ тяжелой работы и лишился прежняго проворства. Вмѣсто пользы, онъ служилъ бы только помѣхой въ ротѣ. Но это еще не все. Полковники держали у себя для удовольствія до сотни человѣкъ музыкантовъ и пѣвцовъ, зачисленныхъ тоже въ роты. Пѣвцы состояли большею частью изъ молодыхъ солдатскихъ дѣтей, которыя въ случаѣ нужды и не годились бы во фронтъ. Такъ какъ эта молодежь постоянно окружала полковника, то случалось, что онъ, если ему полюбится одинъ изъ нихъ, произведетъ его въ унтеръ-офицеры, а тамъ посадитъ и на вакансію въ комплектѣ. Черезъ это роты, и безъ того лишенныя хорошихъ офицеровъ, теряли свою послѣднюю помощь въ лицѣ хорошихъ унтеръ-офицеровъ. Эти люди уже никогда не появлялись во фронтѣ; они оставались при полковникѣ, который заставлялъ ихъ занимать его гостей. Бывало и то, что одинъ изъ этихъ молодцовъ отличался какимъ-нибудь талантомъ, ради котораго полковникъ рапортовалъ объ немъ, какъ объ умершемъ. Впрочемъ, подобные случаи встрѣчались рѣдко; обыкновенно, подобныя личности, за негодностью къ службѣ, получали отставку, но оставались въ услугахъ у полковника. Можно легко себѣ представить, что при такомъ управленіи командиры полковъ не могли забывать о своихъ штабъ- и оберъ-офицерахъ, чтобы при всемъ своемъ ничтожномъ значеніи

они не вздумали повредить полковнику или при инспекторскомъ смотрѣ, или при другихъ какихъ-либо неожиданныхъ случаяхъ. Лучшимъ къ тому средствомъ было предоставленіе этимъ господамъ въ соотвѣтственномъ размѣрѣ такихъ же правъ, какими пользовался ихъ начальникъ. Такимъ образомъ каждый ротный командиръ распоряжался безплатно такимъ числомъ мастеровыхъ изъ роты, какое было ему нужно; а какъ многіе изъ капитановъ не прочь были отъ наживы, то солдатъ конечно не жалѣли. Деньги и провіантъ, назначенные для солдатъ отъ казны, офицеры брали себѣ, а солдатъ употребляли какъ хотѣли. Хотя главная забота командира полка состояла въ наживѣ, да иной и впрямь воображалъ, что полкъ на то и существуетъ, чтобы обогащать его,—однако были и такіе командиры, которые, сверхъ этой главной заботы, старались прославить свой полкъ отличнымъ его обученіемъ. И что-же выходило? Небольшое число фронтовыхъ солдатъ обязаны были не только содержать всѣ разсчитанные на весь полкъ караулы, но и находиться на ученіи, зимою и лѣтомъ, до изнеможенія. Тиранство часто принимали за усердіе къ службѣ; и множество солдатъ послѣ ученья поплачивались лазаретомъ, а иные и жизнію за удовольствія своихъ начальниковъ.

Обращеніе съ рекрутами было самое дурное. Старшіе изъ этихъ несчастныхъ были сильно притѣсняемы офицерами, независимо отъ обычныхъ формальностей пріема. Эти офицеры, откомандированные для принятія рекрутовъ, присвоивали себѣ какъ казенныя деньги, такъ и рекрутскія, оставленныя ихъ родителями; а по приходѣ въ полкъ, съ несчастными до того жестоко обращались на ученьи, что одни бѣжали, другіе заболѣвали, не то отъ перемѣны климата, не то отъ побоевъ. Изъ ста рекрутовъ едва-ли оставалось годныхъ пятьдесятъ человѣкъ солдатъ, и изъ этихъ очень не многимъ удавалось выслужить двадцатипятилѣтній срокъ. Лазареты представляли тоже весьма печальное зрѣлище. Отпускаемыя туда ежегодно лекарства обыкновенно никуда не годились; а пріемщикъ никогда не осмѣливался отказываться отъ нихъ, или заявлять о негодности медикаментовъ. Такъ пришлось очень худо одному честному и человѣколюбивому медику, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ, т. е. до истеченія годового срока, сдѣлалъ представленіе въ медицинскую колегію о томъ, что по причинѣ господствовавшей въ полку эпидемической болѣзни все лекарство вышло, и необходимо припасти свѣжаго на послѣдніе три мѣсяца, хотя бы на счетъ будущаго года. На это справедливое требованіе послѣдовалъ отказъ, съ угрозою получить отставку. Больные должны были поплатиться жизнью за эту милую экономію. Если по части судить о цѣломъ, то можно утвердительно сказать, что только

третья доля молодыхъ людей, высланныхъ штабомъ, достигали цѣли, остальные же были потеряны. Отданные на службу солдаты не въ состоянін были исполнять свои обязанности и блюсти дисциплину.

Командиръ полка, считая солдатъ за свою собственность, съ тѣмъ бо́льшимъ правомъ удерживалъ за собою бо́льшую часть того, что отпускалось на содержаніе и обмундировку солдатъ. Рядовой иногда вовсе не получалъ своего жалованья, или же съ большимъ вычетомъ, чему поводомъ служила страсть полковниковъ измѣнять мундирную форму; бо́льшею частью выдача жалованья запаздывалась съ намѣреніемъ нѣсколькими мѣсяцами, во время которыхъ полковники выжидали, не будутъ ли умершіе въ полку, долю которыхъ они и присвоятъ. Безсовѣстные ротные командиры и фельдфебеля обдѣляли солдатъ провіантомъ, такъ что въ походѣ и на постоѣ солдатъ считалъ себя въ правѣ брать съ обывателей все, что попадется подъ руку, и слѣдствіемъ этого были насиліе и грабежъ. И какъ было солдату не увлекаться, когда его же грабители давали ему наглядно понять, что за то они спустятъ ему дисциплинарные проступки! Въ Финляндіи, гдѣ къ концу послѣдняго царствованія (Екатерины II) много проходило войска, поселяне обыкновенно убѣгали въ лѣсъ, когда подходила къ ихъ деревни команда, оставляя дворъ и домъ на произволъ судьбы. А несчастье крестьянъ, которыхъ деревня выходила на большую дорогу, было еще значительнѣе. Какъ у нихъ, такъ и по всей окрестности отбирали лошадей иногда до сотни, чѣмъ не только лишали ихъ возможности производить работы, но и отнимали у нихъ ихъ главное богатство; а о вознагражденіи и помина не было. А причина этого грабежа была та, что казенныя лошади и фуражъ составляли значительнѣйшую часть доходовъ полковника. Вмѣсто положенныхъ на каждый полкъ до 250 лошадей, держали только 50 или 60, а кормили ихъ зимою тѣмъ сѣномъ, которое было скошено солдатами въ теченіе лѣта безплатно. Отпускаемый фуражъ и ремонтныя деньги составляли круглымъ числомъ годовой доходъ въ десять тысячъ рублей. Такъ какъ принято было считать этотъ доходъ принадлежащимъ полковнику, то объ немъ и не упоминалось. А насколько отъ этого косвенно терпѣли крестьянинъ и солдатъ, того не брали въ разсчетъ, ссылаясь на то, что такой образъ дѣйствія непосредственно никому не вредитъ!

Кавалерійскіе полковники, за исключеніемъ немногихъ, поступали не лучше. Они также присвоивали себѣ бо́льшую часть денегъ, выдаваемыхъ казною на содержаніе полковыхъ лошадей, оставляя только малость на покупку фуража. Если же бывало выдадутъ фуражъ натурою, то за исключеніемъ самаго ничтожнаго количества

его, достаточнаго только для предохраненія животныхъ отъ голодной смерти, фуражъ продавался цѣликомъ, а деньги, вырученныя изъ этой патріотической комерціи, конечно, доставались никому болѣе, какъ имъ же, полковымъ командирамъ. Случится ли кавалерійскому полку получить приказаніе немедленно выступить въ походъ, а лошади между тѣмъ такъ отощали, что грозили бывало свалиться съ ногъ подъ тяжестью своихъ сѣдоковъ,—въ такихъ случаяхъ заморенныхъ лошадей начинали откармливать ячменемъ; это ихъ вспучивало и давало имъ видъ здоровья, но на самомъ дѣлѣ онѣ заболѣвали и дохли.

Что касается вообще до офицеровъ тогдашняго времени (т. е. времени Екатерины II), то бо̀льшая ихъ часть была невѣжественна, и немногіе понимали свои служебныя обязанности. Какъ ни высоко и важно званіе офицера, такъ какъ соотвѣтственно этому онъ для солдатъ своихъ долженъ бы быть на войнѣ предводителемъ, на ученьи въ мирное время наставникомъ, а на квартирахъ отцемъ, назначеніе, достойное занять умъ самыхъ просвѣщенныхъ людей,—не смотря на то, господа офицеры тратили дѣятельность свою на такія вздорныя дѣла, что имъ уже некогда было заботиться о долгѣ и чести своей. Бывшіе немногіе честные люди терялись и падали духомъ въ этой толпѣ тунеядцевъ и глупцовъ, которымъ, благодаря протекціи, отдавалось предпочтеніе. Надъ ними посмѣивались, какъ надъ педантами, ревновавшими дѣлу, въ то время ничего не стоившему. Чины и ордена давались такимъ, которые ничего бо̀льшаго не сдѣлали, какъ только ежедневно приходили освѣдомляться о здоровьи своихъ сильныхъ покровителей. Иные лѣзли въ гору еще болѣе подлыми путями. Однимъ изъ такихъ способовъ доставленія себѣ всего, что только можетъ дать счастіе своимъ любимцамъ, было поступленіе въ адъютанты къ какому-нибудь знатному генералу въ столицѣ; выканючивъ себѣ такую должность, офицеръ могъ надѣяться на повышеніе и проч. При нѣкоторыхъ генералахъ состояло иногда болѣе ста офицеровъ, а между тѣмъ въ полкахъ ротами командовали прапорщики. Чрезъ это злоупотребленіе полки были лишены офицеровъ; за то тѣмъ бо̀льшее число тунеядцевъ населяло столицу, прокармливаясь часто нечестнымъ способомъ и увеличивало своимъ не похвальнымъ поведеніемъ и такъ уже извѣстную распущенность нравовъ.

Императорская гвардія также не мало содѣйствовала униженію достоинства офицерскаго званія. Сюда съ малыхъ лѣтъ записывались дворянскія дѣти. До 16-ти-лѣтняго возраста они воспитывались дома, при чемъ систематически и усердно употреблялись всѣ средства сдѣлать изъ нихъ ни на что негодныхъ людей. Наконецъ, когда матерямъ

уже не подъ силу было совладать съ ними, ихъ отправляли въ гвардію. Тутъ, заставляя небогатыхъ офицеровъ за деньги за себя ходить въ караулъ, сами они тратили свое состояніе на роскошную жизнь въ столицѣ, и, вмѣсто служебной науки, знакомились съ дурачествами и пороками большого города, съ какими свѣдѣніями и опытомъ и возвращались потомъ восвояси. Проживъ дома въ праздности нѣсколько времени, если выходила имъ очередь къ выпуску въ линейные полки (а иногда и безъ очереди: за деньги можно было добыть себѣ право старшинства), молодые сержанты возвращались въ столицу въ гвардію, и отсюда выпускались въ армію въ чинѣ капитана или поручика. Можно себѣ представить, каковы были эти офицеры, безъ свѣдѣній, безъ образованія ни ума, ни сердца! И они-то были поставлены начальниками и попечителями надъ своими подчиненными. Чрезъ эти нескончаемые выпуски, бѣдные военные и такіе офицеры, которые начали службу съ нижнихъ чиновъ, оставались позади, и иногда по пятнадцати лѣтъ служили въ одномъ и томъ же чинѣ. Но выскочки за то и поплачивались. Подчиненные не уважали ихъ за совершенное незнаніе службы; начальники презирали; оставалось имъ только, для преданія себѣ важности, проматывать родительское достояніе самымъ безумнымъ образомъ. Впрочемъ, и здѣсь, какъ всюду, встрѣчались исключенія, къ которымъ не относится это описаніе. Были выпущенные въ армію офицеры, которые стараніемъ и усердною службою пріобрѣли свѣдѣнія и отличились. Но, какъ уже сказано, то были исключенія, а обыкновенный порядокъ вещей сильно вредилъ арміи. Въ этомъ смыслѣ и объясняется та дурная слава, которая въ иностранныхъ земляхъ тяготѣла на русскихъ офицерахъ, какъ о неученыхъ и ничего не понимавшихъ въ военной тактикѣ людяхъ. Но какъ эти офицеры быстро возникали, такъ они быстро и исчезали изъ службы. Рѣдко кто изъ нихъ, имѣя состояніе, оставался въ службѣ по собственной охотѣ, особенно когда обстоятельства принуждали его быть подѣятельнѣе. Большая часть этихъ изъ гвардейскихъ сержантовъ произведенныхъ офицеровъ оставались въ арміи капитанами едва ли одинъ годъ, затѣмъ выходили въ отставку съ чиномъ маіора. Этимъ заключалась блестящая военная карьера офицера. Гордясь чиномъ штабъ-офицера, онъ возвращался на свою родину, гдѣ имѣлъ право выѣзжать въ каретѣ четверней, съ форейторомъ, привиллегія, которая наполняла его презрѣніемъ къ упряжкѣ парой. Оставались въ службѣ только бѣдные офицеры, да такіе, которые, по тогдашнему глупому понятію, что для военнаго человѣка наука не нужна, дѣйствительно были положительные неучи.

Къ этому надобно прибавить произволъ офицеровъ въ выдумкѣ

различныхъ военныхъ формъ. Многіе офицеры, особенно изъ высшаго сословія, даже просто ходили въ гражданскомъ платьѣ, презирая форму, которая, напротивъ, достойна всякаго уваженія; но она не поддавалась прихотямъ моды, какъ первое. Такъ неразрывно связанный съ офицерскимъ званіемъ point d'honneur исчезъ вмѣстѣ съ мундиромъ, уваженіе къ которому только и вознаграждаетъ лицъ военнаго званія за всѣ превратности, которымъ оно подвержено болѣе всякаго другого сословія. Когда все это зло достигло высшей степени и невозможно было предвидѣть чѣмъ все это кончится, императоръ Павелъ I-й вступилъ на престолъ своихъ предковъ.

Съ самаго начала онъ приступилъ къ искорененію безчисленныхъ злоупотребленій съ помощью строжайшихъ мѣръ. Онъ ввелъ дисциплину, которая, съ меньшимъ расходомъ силъ противъ прежняго, производила больше дѣйствія; дисциплину, при которой, благодаря порядку и правильности въ несеніи службы, каждый зналъ свое мѣсто, каждый самъ могъ проложить себѣ дорогу прилежаніемъ и дѣятельностью; наконецъ каждому въ точности опредѣленъ былъ кругъ его дѣйствій, такъ что не было возможно никакое отступленіе, влекущее за собою одни безпорядки. На такихъ основаніяхъ утвержденъ государемъ новый воинскій уставъ.

Въ немъ до малѣйшей подробности изложены служебныя обязанности офицера, и за всякое нарушеніе предписанныхъ правилъ положено строгое взысканіе, какъ для солдатъ, такъ и для офицеровъ. Поэтому между военными должно было возникнуть полное равенство и единодушіе. Всякую произвольную перемѣну государь настойчиво преслѣдовалъ. Въ прежнее время командиръ полка могъ вводить у себя новые пріемы и новыя экзерциціи; отъ этого, во время ученія, оказывалось такое разнообразіе, что не только цѣлый корпусъ, но и два полка не въ состояніи были производить вмѣстѣ маневры; они сбивали другъ друга съ толку и причиняли путаницу. Можно изъ этого судить о послѣдствіяхъ столкновенія такого войска съ опытнымъ въ тактикѣ непріятелемъ. Оттого императоръ въ самомъ началѣ своего царствованія разослалъ по полкамъ такихъ офицеровъ, которые основательно изучили новыя воинскія правила. Они обязаны были обучать всѣхъ офицеровъ полка, отъ старшаго до младшаго, и затѣмъ государь требовалъ строгаго исполненія вновь введенныхъ правилъ. Командиры полковъ уступали начальство надъ полкомъ генералу, называющемуся шефомъ полка, который вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ и имя его. Полковникъ же или ближайшій по старшинству штабъ-офицеръ остается командиромъ полка, и подъ непосредственнымъ начальствомъ своимъ имѣетъ второй баталіонъ; вмѣстѣ съ тѣмъ

онъ надзираетъ за исполненіемъ во всемъ полку закономъ установленныхъ правилъ. Инспекторъ дивизіи, онъ же обыкновенно дивизіонный командиръ, обязанъ каждую четверть года объѣзжать подвѣдомственные его инспекціи полки. Если окажутся какіе безпорядки или злоупотребленія, то за нихъ отвѣчаетъ шефъ полка. Уже въ 1797 г., около праздника Пасхи, въ бытность свою въ Москвѣ для коронаціи, монархъ обозрѣвалъ полки, выученные и обмундированные по новому, благодаря усердію ихъ начальниковъ; а 15-го марта того же года осталось памятнымъ для московской дивизіи, осчастливленной въ этотъ день генеральнымъ смотромъ, произведеннымъ самимъ монархомъ. При видѣ государя своего, у солдатъ забились сердца, и во всѣхъ глазахъ свѣтилась благодарность за уничтоженіе прежнихъ золъ и водвореніе дисциплины. Новое обученіе было уже вполнѣ введено, и государю угодно было выразить дивизіи свое полное удовольствіе. 30,000 человѣкъ кавалеріи и пѣхоты собралось въ полѣ, и маневры были произведены по плану самого государя.

Въ обмундировкѣ тоже произошли большія перемѣны. Вмѣсто прежней куртки, шароваръ и коротко обстриженныхъ волосъ, солдатамъ дана полная одежда; волоса они завиваютъ, и вообще наружность ихъ изящнѣе, а наружное изящество такая ничтожная награда за самопожертвованія воина! Въ зимнее время солдатъ носитъ подъ мундиромъ мѣховой камзолъ, защищающій его отъ стужи, которой въ прежнее время подвергались солдаты, оставаясь и зимою въ своемъ легкомъ платьѣ. Всю амуницію, какъ то: чулки, рубашки, галстухи. и т. п. начали раздавать въ двойномъ комплектѣ и натурою, вмѣсто прежней выдачи деньгами, которыхъ далеко не хватало на всѣ эти предметы; да и самыя деньги рѣдко выдавались.

Въ старое время рекрутъ, покидавшій родительскій домъ, прощался съ своими на вѣки, въ полной увѣренности, что ему уже никогда не возвратиться на родину. Отнынѣ монархъ строжайшимъ взысканіемъ устранилъ всѣ несправедливости, которыми отягощали жалкое положеніе новобранца. Каждый офицеръ, поставившій въ полкъ партію рекрутъ въ полной исправности, можетъ быть представленъ своимъ начальникомъ къ чину. Эта награда разумѣется поощряетъ офицеровъ скорѣе къ кроткому обращенію съ рекрутами, нежели къ соблюденію своихъ личныхъ выгодъ.

Государь обратилъ также свое вниманіе на помѣщеніе больныхъ воиновъ, на лазареты, и далъ имъ новое, болѣе удобное для больныхъ, устройство. Послѣ долгаго изгнанія изъ этихъ помѣщеній порядка и опрятности, они снова водворены тамъ. Посѣщая часто самъ лазареты, онъ этимъ подаетъ примѣръ начальникамъ.

Въ одинаковой мѣрѣ выиграло и офицерское званіе. Возстановлена загнанная въ прежнее время честь мундира. Императорскимъ указомъ запрещено, подъ страхомъ изгнанія изъ службы (cassation), носить гражданское платье. Каждому полку присвоенъ мундиръ, въ общемъ одинаковый съ мундиромъ прочихъ полковъ, но различный въ нѣкоторыхъ частяхъ его, какъ-то въ цвѣтѣ сукна на воротникѣ и обшлагахъ, и т. п.

Выходящія нынѣ въ отставку военныя лица могутъ заслужить позволеніе носить и впредь военный мундиръ, и съ 5-го декабря 1796 г. никто не имѣлъ права носить въ отставкѣ военный мундиръ, безъ высочайшаго соизволенія. Въ прежнее время иной офицеръ рѣшался на дурной поступокъ не изъ порочной наклонности, а потому, что понуждала его крайность, безъ которой онъ не покусился-бы на безчестное дѣло. Въ виду этого обстоятельства, государь значительно увеличилъ офицерское жалованье. А если прибавить къ этому сберегаемые теперь расходы на запрещенное гражданское платье, то оказывается, что офицеръ можетъ содержать себя прилично, не прибѣгая къ запрещеннымъ средствамъ наживы. За то монархъ требуетъ отъ офицера неустанную дѣятельность и обстоятельное знаніе службы.

Дежурство, этотъ источникъ неурядицъ и злоупотребленій въ прежнее время, совершенно отмѣнено. Каждый генералъ, командующій полкомъ, имѣетъ при себѣ одного адъютанта, носящаго мундиръ полка и зачисленнаго сверхкомплектнымъ офицеромъ, безъ всякой другой должности. Государь приказалъ держать при полку только извѣстный комплектъ офицеровъ, и чрезъ это прекратились всѣ безпорядки и замѣшательства отъ неправильнаго производства полковыхъ офицеровъ. Нынѣ никто не долженъ быть произведенъ въ высшій чинъ помимо очереди. Каждая открывающаяся вакансія замѣщается ближайшимъ старшимъ офицеромъ. Государь самъ блюдетъ за производствомъ, и ни ходатайство, ни подкупъ уже невозможны. Даже необыкновенныя заслуги офицера не заставятъ государя, въ другихъ случаяхъ столь щедраго на награды, согласиться на производство этого лица помимо очереди.

Нынѣ (1801 г.) всѣ офицеры должны находиться при полку. Только зимою, когда прекращается ученіе, по два офицера изъ каждаго баталіона могутъ отлучиться, взявъ отпускъ, но и этотъ дается не болѣе, какъ на одинъ мѣсяцъ; для болѣе продолжительнаго отпуска необходимо соизволеніе государя. Также уничтожены безпорядки въ гвардейской службѣ. По волѣ государя, ни одинъ дворянинъ, какъ бы онъ богатъ ни былъ, не можетъ вступить въ военную службу

прямо съ чина капитана или поручика, а въ прапорщики онъ можетъ быть произведенъ не прежде, какъ послѣ трехлѣтней безпорочной службы въ низшихъ чинахъ. Дважды въ году шефъ полка, съ содѣйствіемъ штабъ-офицеровъ, обязанъ представлять рапортъ государю о службѣ и поведеніи всѣхъ офицеровъ. Это служитъ имъ теперь единственною рекомендаціею и доставляетъ имъ счастіе сдѣлаться извѣстными государю.

Давно уже крестьянинъ несъ тяжелую для его заработковъ повинность военнаго постоя. Вездѣ, гдѣ находились солдатскія квартиры, чистота нравовъ исчезала,—обстоятельство, не чуждое самыхъ просвѣщенныхъ странъ. Вслѣдствіе этого государь приказалъ не размѣщать полковъ по селеніямъ, а въ городахъ, и въ особенно выстроенныхъ казармахъ. Чрезъ это выигрываетъ не только крестьянинъ, но и самое войско, такъ какъ въ казармахъ близкій надзоръ не допускаетъ разврата. Здѣсь за солдатомъ наблюдаетъ начальникъ, да и караульные ближе. Кромѣ того, полки, сосредоточенные въ одномъ мѣстѣ, удобнѣе могутъ быть обучены, нежели бывало прежде при разбросанныхъ во всѣ стороны зимнихъ квартирахъ. Тогда ихъ въ лѣтнее время собирали для ученья въ лагерѣ. Эта мѣра стоила многимъ жизни, независимо отъ другихъ неудобствъ. При существованіи казармъ все это прекращено. Въ прежнее время офицеръ, сидя на своей зимней квартирѣ въ деревнѣ, грубѣлъ; теперь-же въ городѣ онъ пользуется обществомъ равныхъ себѣ и людей образованныхъ.

Первою и важнѣйшею заботою государя было вполнѣ выяснить дѣйствительное количество войска, потому что прежніе чудовищные безпорядки и злоупотребленія въ этомъ отношеніи совершенно затемняли дѣло; только на бумагѣ оказывался полный комплектъ. Государь приказалъ содержать полки постоянно въ полномъ составѣ. Полковые командиры отвѣчаютъ за отлучку солдатъ. Никто не смѣетъ держать у себя болѣе положеннаго числа деньщиковъ; а если кто употребляетъ солдатъ для своей личной надобности, того выключаютъ изъ службы. Эти мѣры сразу, безъ новаго набора, увеличили численность войска, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети. Затѣмъ принялись обучать отставшихъ отъ службы за другими работами солдатъ, и, спасибо переимчивости и понятливости русскаго, они изъ дровосѣковъ и угольщиковъ въ скоромъ времени опять преобразились въ солдатъ.

Состояніе ружей въ арміи въ прежнее время было самое жалкое. По закону, каждое ружье должно было прослужить двадцать лѣтъ, и потомъ уже давалось новое. Между тѣмъ, не смотря на веденныя въ это время войны, бо́льшая часть арміи лѣтъ сорокъ и больше не

снабжалась новыми ружьями. Въ этихъ ружьяхъ обыкновенно стѣнки ствола были такъ тонки, что они не выдерживали постояннаго огня; многіе были продыравлены, такъ что подвергали опасности самихъ солдатъ, къ тому-же они такъ плохо были сдѣланы, что изъ десяти пуль только одна попадала въ цѣль. Можно себѣ представить послѣдствія такого вооруженія. Напримѣръ, если на непріятеля шло сильное числомъ войско, то только десятая часть его, снабженная порядочнымъ оружіемъ, въ состояніи была сладить съ нимъ. И такъ, кромѣ неудобства содержать многочисленное войско, въ прежнее время не пользовались даже какою-либо выгодою отъ него. Каковы, судя по этому, были жертвы, принесенныя государствомъ, успѣвшимъ сдѣлать столько завоеваній въ послѣднія войны!

Императоръ Павелъ I приказалъ немедленно отобрать негодныя ружья и замѣнить ихъ новыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращено вниманіе на прилежное обученіе солдата стрѣльбѣ въ цѣль. Изъ прежней запущенной пѣхоты, какъ по мановенію волшебнаго жезла, возникли новые храбрые люди, которые въ послѣднюю войну [1]) удивили и усмирили гордость даже такихъ войскъ, которыя брали иногда верхъ надъ соединенными силами Европы. Теперь не урѣжутъ солдату ни крохи изъ того, что принадлежитъ ему по закону. Кто покусился-бы на такое дѣло, того неминуемо постигло-бы наказаніе. За то и солдату не приходится жаловаться на какіе-либо недостатки и неудобства, сверхъ того, что сопряжено съ его званіемъ; вся его амуниція и проч. выдается ему доброкачественною и вполнѣ. За вѣрную солдатскую службу государь награждаетъ знакомъ отличія, который служитъ ему поощреніемъ къ исполненію своихъ обязанностей,—это новоучрежденный орденъ св. Анны 4-й ст., который дается за двадцать лѣтъ безпорочной службы. Съ этимъ знакомъ сопряжена пожизненная пенсія, равная жалованью. Онъ состоитъ изъ позолоченной небольшой медали съ изображеніемъ орденскаго креста, а на оборотной сторонѣ обозначенъ нумеръ, для веденія счета выдаваемымъ знакамъ. Медаль эту носятъ на груди въ петлицѣ на узкой алой лентѣ, съ желтыми каймами.

Понятно, какъ много выигрываетъ государство отъ всѣхъ этихъ мудрыхъ мѣръ въ пользу войска. Оно сохраняетъ въ лонѣ своемъ тѣ тысячи сыновъ своихъ, которые прежде были жертвами неурядицы, и сберегаетъ милліоны, которые, вмѣсто содержанія войска, утекали

---

[1]) То есть во время итальянскаго похода въ 1799 г. подъ предводительствомъ Суворова—вождя екатерининскаго времени. Ред.

въ сундуки отдѣльныхъ грабителей! Словомъ, чрезъ эту организацію Россія удесятерила силы свои.

Теперь офицерамъ и рядовымъ такъ легко служить своему государю отъ полноты сердца. Жестокій эгоизмъ смѣнился честностью и усердіемъ. Это ненасытное чудовище Павелъ I-й ниспровергъ желѣзною рукою!

III.

О двухъ адмиралтействахъ [1]).

..... На бастіонѣ, расположенномъ противъ зимняго дворца, развѣвается флагъ ордена св. Іоанна іерусалимскаго. Онъ водруженъ съ 1-го января 1799 г. на вѣчныя времена, и салютованъ тридцатью однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. Онъ развѣвается только тамъ, гдѣ находится мѣстопребываніе гросмейстера. А въ его отсутствіе изъ столицы флагъ снимается съ шеста. Въ настоящее время (февраль 1801 г.) на внутреннемъ дворѣ адмиралтейства строится большой каменный магазинъ, на который предварительно отпущено 80,000 рублей. Это будетъ складомъ лѣса для постройки военныхъ судовъ. Лѣсъ этотъ будетъ распиленъ, выскобленъ и высмоленъ, словомъ, вполнѣ заготовленъ такимъ образомъ, что при первомъ повелѣніи выстроить корабль въ скорѣйшемъ времени, это будетъ сдѣлано, не смотря ни на какое время года. Съ начала нынѣшняго 1801 г. въ этомъ магазинѣ заготовляется лѣсъ для слѣдующихъ судовъ: для линейнаго корабля «Твердый»—90-пушечный, и для фрегатовъ: «Скорый» и «Малый», первый: 54-хъ, второй: 28-ми пушечный, и наконецъ для 30-ти катеровъ. Въ нынѣшнее царствованіе (т. е. императора Павла) спущено со стапелей въ старомъ адмиралтействѣ: линейные корабли: «Благодать»—130-ти пушечный (начатый постройкою 25-го февраля 1798 г., спущенный 1-го августа 1800 г.), «Михаилъ», 74-хъ пушечный, «Зачатіе св. Анны», 74-хъ пушечный, и фрегатъ «Эмануилъ», 36-ти пушечный. (Всѣ три начаты постройкою 25-го февраля 1798 г., а спущены 3-го мая 1800 г.). Тамъ-же на стапеляхъ находятся два 80-ти пушечные корабля: «Рафаилъ» и «Уріилъ».

---

[1]) Рукопись, глава VI, стр. 140—141.

IV.

Орденъ св. Іоанна іерусалимскаго и дворецъ этого ордена въ С.-Петербургѣ [1]).

(Краткое извлеченіе изъ: Annales historiques de l'ordre de St. Jean de Jérusalem, depuis l'année 1725 jusqu'à 1799, par le commandeur de Maisonneuve).

По ходатайству итальянца де-Сагромозо, бывшаго кавалеромъ мальтійскаго ордена большаго креста, и по назначенію предпослѣдняго мальтійскаго гросмейстера, принца Эмануила Роганъ-Польдюкъ (Rohan-Polduc), поставленнаго министромъ этого ордена въ Польшѣ въ 1773 г., по его-то ловкому ходатайству исполнено справедливое требованіе Польши объ основаніи въ ней ордена св. Іоанна іерусалимскаго, требованіе, изъявленное княземъ Сангушко, и еще въ прошломъ столѣтіи утвержденное многими польскими сеймами. Отсюда возникло польское великое пріорство, послужившее началомъ теперешняго русско-католическаго. Это польское пріорство пользовалось доходами съ острожскихъ земель, на Волыни, которая при послѣднемъ раздѣлѣ Польши, въ 1793 году, присоединена къ Россіи. Вышеназванный гросмейстеръ въ то время не упустилъ предъявить русскому двору свои владѣльческія права на означенныя орденскія земли. Порученіе это было дано орденскому бальи, графу Литтѣ, въ качествѣ министра св. Іоанна іерусалимскаго. 7-го октября 1795 г. онъ поднесъ покойной императрицѣ свою кредитивную грамоту. Въ тотъ же день онъ представлялся всѣмъ членамъ царскаго дома. Въ послѣдніе годы минувшаго царствованія помянутый министръ хлопоталъ о возвращеніи ордену принадлежащихъ ему въ Польшѣ помѣстій, и лишь только Павелъ I вступилъ на престолъ, какъ этотъ правдолюбивый монархъ внялъ просьбѣ графа Литта. Согласно съ трактатомъ 1775 г., орденъ имѣлъ въ Польшѣ только 120,000 польскихъ гульденовъ доходу. Императоръ увеличилъ эту сумму до 300 т. (польскій гульденъ равенъ 25 коп.). Эти деньги сбирались съ польскихъ арендаторовъ, принадлежавшихъ уже Россіи, и выдавались мальтійскому ордену изъ государственной казны.

Это главное польское пріорство состояло изъ главнаго пріора и изъ шести командорствъ (commanderies de justice), да изъ нѣсколькихъ семейныхъ командорствъ (familien commanderiens) подъ названіемъ: jus patronatus. Государь пожелалъ, чтобы это новое отдѣленіе ордена впередъ носило названіе русско-католическаго великаго пріорства, и состояло бы изъ главнаго пріора и десяти командорствъ;

[1]) Рукопись, глава VII, стр. 145—185.

кромѣ того дозволилъ дальнѣйшее существованіе подпавшихъ его власти съ 1793 г. патронатскихъ командорствъ, такъ какъ и учрежденіе его католическими подданными новыхъ командорствъ на томъ же основаніи, на какомъ существуютъ польскія командорства. За тѣмъ 4 января 1797 г. заключена конвенція между уполномоченнымъ его императорскаго величества, государственнымъ канцлеромъ княземъ Безбородко, вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ—со стороны императора, и уполномоченнымъ гросмейстера принца Рогана, такъ какъ и верховнаго совѣта мальтійскаго ордена, графомъ Литтою. Главныя условія конвенціи слѣдующія: императоръ объявляетъ, что онъ признаетъ за мальтійскимъ орденомъ его владѣнія въ Польшѣ и особенно въ подпавшихъ власти Россіи польскихъ провинціяхъ, съ тѣмъ, чтобы и всѣ его, государя, подданные, способные къ поступленію въ орденъ, пользовались всѣми истекающими отъ этого поступленія выгодами и преимуществами.

Доходы русско-католическаго главнаго пріорства должны быть такимъ образомъ распредѣлены: главный пріоръ получаетъ ежегодно 60 т. польскихъ гульденовъ; первое и второе командорства выдаютъ каждое по 30 т. въ годъ; третье и четвертое по 20 т., пятое до десятаго включительно по 15 т. (Все вмѣстѣ составляетъ 250 т. гульденовъ, а остающіеся 50 т. идутъ на содержаніе живущаго въ Россіи министра мальтійскаго ордена, на содержаніе часовни, архива и т. п.). Изъ этой суммы великое пріорство выдаетъ въ кассу мальтійскаго ордена 12 т., первое и второе командорства, каждое по 6 т., третье и четвертое по 4 т., а остальныя шесть по 1,500 гульденовъ. Съ 1 мая 1798 г. начинаютъ получать свои доходы главный пріоръ и назначенные командоры. Русско-католическимъ пріоромъ и зависящими отъ него командорами могутъ быть только русскіе подданные. Пріемъ кавалеровъ и удостовѣреніе въ ихъ дворянскомъ происхожденіи будетъ происходить по заведенному въ Польшѣ обычаю; также вносъ денегъ (droit de passage), при вступленіи въ орденъ, дѣлается по положенной таксѣ.

Въ подписанной въ тотъ-же день всѣми уполномоченными конвенціи, государь обязуется выплатить мальтійскому ордену долгъ въ 5,000 голландскихъ червонцевъ, которые слѣдовало ордену получить въ теченіе времени со дня присоединенія польскихъ провинцій къ Россіи, съ 1793 г. по 31 декабря 1796 г., и выплатить немедленно по ратификаціи заключенной конвенціи. Вслѣдъ за тѣмъ, гросмейстеръ ордена пожаловалъ обоихъ уполномоченныхъ его величества кавалерами ордена св. Іоанна іерусалимскаго большого креста. Желая еще болѣе сблизиться съ этимъ орденомъ, государь пожелалъ

самъ носить знаки его, и украсить ими и членовъ императорской фамиліи.

Отправленный съ этими важными документами въ Мальту, экстренный курьеръ былъ задержанъ въ Анконѣ французами, и депеши у него отобраны. Отправленъ второй курьеръ, который и прибылъ въ Мальту благополучно, въ іюлѣ 1797 г., но засталъ гросмейстера принца де-Роганъ умирающимъ. Роганъ умеръ 13 іюля, не взявъ съ собою въ могилу утѣшенія, что орденъ пріобрѣлъ въ русскомъ государѣ такую сильную опору. Преемникомъ его былъ бальи нѣмецкаго отдѣленія, Фердинандъ фонъ Гомпешъ, бывшій доселѣ министромъ вѣнскаго двора въ Мальтѣ. Въ то время политика не позволяла выбрать въ гросмейстеры кого либо изъ трехъ французскихъ отдѣленій, чтобы не увеличить ненависти тогдашняго французскаго правительства и не раздражить его пуще противъ этого религіознаго ордена. Говорятъ, будто у Бонапарте былъ планъ доставить гросмейстерство испанскому князю Мира. Можетъ быть, это и случилось-бы, если-бъ не предупредила смерть принца де-Рогана. Вѣроятно вслѣдствіе этой неудачи, Бонапарте рѣшился сдѣлать нападеніе на Мальту. Всѣ усилія покойнаго гросмейстера стать съ Франціей въ отношенія если не дружескія, то по крайней мѣрѣ въ нейтральныя, были напрасны, а испанскій дворъ, взявшій на себя повидимому роль посредника между Франціей и Мальтою, послѣ неудачи съ княземъ Мира, охладѣлъ къ дѣлу. Во вновь назначенномъ гросмейстерѣ фонъ-Гомпешѣ предполагали твердый, внушающій уваженіе характеръ, какой и нуженъ въ настоящемъ положеніи, и непреоборимую ненависть къ французской директоріи, такъ какъ войска послѣдней во время похода совершенно опустошили его помѣстья на Рейнѣ. Вмѣсто того, онъ пренебрегъ самыми необходимыми мѣрами для огражденія себя на будущее время. Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ получена была изъ С.-Петербурга ратификованная конвенція! Вскорѣ потомъ графъ Литта былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ гросмейстера мальтійскаго ордена, и въ качествѣ таковаго, 27 ноября 1797 г., совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Петербургъ. Его сопровождалъ императорскій комисаръ, а на встрѣчу ему выѣхалъ оберъ-церемоніймейстеръ. Спустя два дня, происходила публичная аудіенція, во время которой поднесены были посольскими кавалерами на парчевыхъ подушкахъ старинные рыцарскіе кресты, перевезенные съ о. Родоса на Мальту; далѣе, назначенную для его величества кольчугу, старинный кавалерскій крестъ знаменитаго Лавалета, и другіе кресты для ея величества императрицы и для ихъ высочествъ.

Въ рѣчи, произнесенной посланникомъ у подножія трона, онъ предлагалъ его императорскому величеству, отъ имени ордена, принять титулъ его покровителя. Государь принялъ предложеніе, велѣлъ подать себѣ кольчугу, въ которую и облекъ его оберъ-церемоніймейстеръ, и надѣлъ на себя золотую цѣпь съ крестомъ храбраго Лавалета. Такіе-же кресты государь тутъ-же пожаловалъ императрицѣ, великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, и въ тотъ-же день, послѣ стола, князьямъ Безбородко и Куракину. Принцъ Кондэ назначенъ кавалеромъ большого креста и главнымъ пріоромъ ордена въ Россіи. Въ то же время назначены всѣ командоры и кавалеры русскаго главнаго пріорства и нѣсколькимъ кавалерамъ пожалованъ меньшій крестъ. До 25 апрѣля 1798 г., графъ Литта оставался въ качествѣ посланника; потомъ уже онъ принялъ титулъ полномочнаго министра мальтійскаго ордена при русскомъ дворѣ.

Во время критическаго положенія Мальты, угрожаемой нападеніемъ французовъ, государь, въ качествѣ покровителя ордена, обратился, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, ко всѣмъ дворамъ съ объявленіемъ, что все, что будетъ сдѣлано монархами въ пользу ордена, онъ почтетъ за оказанное ему лично одолженіе. Поэтому какъ австрійскій, такъ и прусскій министры, согласно съ данными дворами ихъ повелѣніями, находясь на конгрессѣ въ Раштадтѣ въ концѣ 1797 г., воспротивились нарушенію правъ ордена французскими министрами. Между тѣмъ, всѣ имущества ордена во Франціи, и потомъ въ Италіи, во время похода французовъ, были конфискованы и отнесены къ національной собственности. Такимъ образомъ доходы ордена отчасти прекратились, и казна его чрезвычайно оскудѣла. Императоръ оказалъ ему помощь чрезъ основаніе 84 командъ въ пользу православнаго дворянства своего государства. Кромѣ того, онъ выдавалъ ежегодно 10 т. рублей на содержаніе укрѣпленій на Мальтѣ, и столько-же тамошнему госпиталю.

9-го іюня 1798 г. къ Мальтѣ подошелъ французскій флотъ, шедшій въ Египетъ подъ предводительствомъ Бонапарте. Здѣсь уже нѣсколько измѣнниковъ ихъ ордена и четыре тысячи мальтійцевъ тайно сговорились съ французами. На другой день непріятельскія войска высадились въ семи разныхъ мѣстахъ острова, не встрѣтивъ важнаго сопротивленія, а 12-го іюня подписана позорная капитуляція, въ силу которой Мальта сдавалась французамъ. Кромѣ большого количества амуниціи и жизненныхъ припасовъ на полгода, они добыли и всю казну ордена св. Іоанна, содержавшую въ себѣ болѣе трехъ милліоновъ золотомъ и серебромъ. Большое количество серебряной посуды сплавлено въ слитки и свезено на корабли. Ими намѣрева-

лись платить жалованье арміи. Едва-ли вѣроятно, чтобъ въ капитуляціи не участвовалъ Гомпешъ, который велъ себя такъ малодушно во время высадки французовъ. Отложивъ въ сторону всякое попеченіе о выгодахъ ордена, онъ съумѣлъ, въ вознагражденіе своихъ личныхъ потерь, добыть себѣ 600,000 ливровъ и пожизненную пенсію въ 300,000. Сверхъ того, ему обѣщано выхлопотать для него на Раштадскомъ конгрессѣ помѣстье въ Германіи. 17-го іюня 1798 г. онъ отплылъ на австрійскомъ кораблѣ въ Тріестъ. Передъ его отъѣздомъ, Бонапарте позволилъ ему взять все, что ему захочется, изъ своихъ вещей. Гомпешъ и выпросилъ позволеніе увезти три святыни, посвященныя церкви св. Іоанна іерусалимскаго: кусокъ честнаго креста, привезенный изъ Палестины, руку св. Іоанна и чудотворную икону св. Дѣвы филермійской [1]). Послѣдняя была перевезена съ острова Родоса, гдѣ въ честь ея была выстроена церковь нѣкіимъ [2]) Villiers de l'isle Adam (Вильэ де л'Иль Аданъ). Уступая просьбѣ Гомпеша, Бонапарте велѣлъ однако выдать однѣ мощи, безъ золотого оклада и прочихъ украшеній.

26-го августа того-же 1798 года, въ за̀мкѣ ордена въ С.-Петербургѣ всѣми бальи, всѣми кавалерами большого креста, командорами и кавалерами ордена св. Іоанна іерусалимскаго русскаго пріорства, изданъ манифестъ, которымъ всѣ кавалеры ордена отказываются отъ повиновенія своему бывшему гросмейстеру, обвиняя въ измѣнѣ какъ его, такъ и всѣхъ соучастниковъ его въ выдачѣ Мальты; отдаютъ себя въ руки своего августѣйшаго покровителя Павла I-го, русскаго императора, и просятъ его величество оказать свое покровительство также всѣмъ разсѣяннымъ въ разныхъ странахъ благонамѣреннымъ кавалерамъ ордена. Актомъ, подписаннымъ государемъ

---

[1]) Послѣ того, какъ Гомпешъ формально отказался отъ гросмейстерства, онъ подарилъ эти мощи, какъ собственность ордена, нѣмецкому его отдѣленію, а это поднесло ихъ, 12-го октября 1799 г., его величеству, какъ вновь избранному гросмейстеру ордена св. Іоанна іерусалимскаго. Это событіе въ первый разъ обозначено въ С.-Петербургскомъ календарѣ на 1800 годъ, противъ означеннаго числа, такимъ образомъ: „Перенесеніе св. мощей изъ Мальты въ городъ Гатчину въ день бракосочетанія ея выс. великой княгини Елены Павловны". Икону Богородицы и кусокъ креста государь приказалъ вложить въ золотой окладъ отличной работы, а для руки св. Іоанна (обернутой въ алый атласъ до кисти, у которой недостаетъ двухъ пальцевъ) сдѣлать золотой ларецъ, усыпанный дорогими каменьями. Въ настоящее время, т. е. въ январѣ 1801 г., эти мощи находятся въ церкви Зимняго дворца.

Реймерсъ.

[2]) Этотъ нѣкій Villiers de l'isle Adam былъ никто иной, какъ гросмейстеръ (р. 1464 † 1534). При немъ орденъ переселился съ острова Родоса на островъ Мальту.

Реймерсъ.

30*

10-го сентября 1798 г., онъ даетъ свое согласіе на желаніе орденскихъ кавалеровъ, обѣщаетъ поддерживать орденъ во всѣхъ его правахъ и объявить о томъ чрезъ пословъ своихъ иностраннымъ дворамъ; повелѣваетъ членамъ ордена, находящимся въ Петербургѣ (который отнынѣ будетъ главнымъ мѣстомъ собранія ордена), постановить необходимыя мѣры къ управленію орденскими дѣлами, и предложить ихъ потомъ на его утвержденіе.

Къ вышеупомянутому манифесту, актомъ отъ 3-го (14-го) октября 1798 г., составленнымъ въ Дубнѣ на Волыни (гдѣ въ то время стоялъ содержащійся на русскомъ жалованьи корпусъ Кондэ), присоединились принцъ Кондэ, въ качествѣ главнаго пріора русско-католическаго главнаго пріорства, и всѣ находящіеся въ корпусѣ его командоры и кавалеры; также, актомъ 22-го октября, нѣкоторые находившіеся тамъ командоры русскаго пріорства. Такого-же рода прокламація прислана изъ Гетерсгейма отъ 23-го октября 1798 г., отъ имени почтеннаго германскаго главнаго пріорства. Баварское отдѣленіе также не замедлило подчиниться общему рѣшенію германскаго капитула. До нихъ еще сдѣлало это богемское отдѣленіе, а потомъ и пріорства итальянскія въ Пизѣ, Барлетѣ и Мессинѣ.

Между тѣмъ, Фердинандъ Гомпешъ спокойно оставался въ Тріестѣ, не издавая, какъ было объявилъ, никакого протеста противъ совершившагося на Мальтѣ [1]).

Орденъ св. Іоанна іерусалимскаго оставался теперь безъ главы, и могъ бы считаться распущеннымъ и уничтоженнымъ, если-бъ не принято было чрезвычайное рѣшеніе. При встрѣтившихся обстоятельствахъ, нельзя было держаться старинныхъ правилъ выбора. Какое было назначить мѣсто столицею ордена, и какъ собрать всѣхъ разсѣянныхъ по цѣлому свѣту кавалеровъ ордена? Поощряемые знаками милости его величества къ ордену, получивъ также разрѣшеніе грамотою папы Пія VI, наконецъ подкрѣпленные въ своей рѣшимости присоединеніемъ нѣмецкаго главнаго пріорства и многихъ другихъ кавалеровъ, члены русскаго главнаго пріорства собрались во дворцѣ ордена въ Петербургѣ, и 27-го октября 1798 г. единодушно провозгласили императора Павла I-го гросмейстеромъ ордена св. Іоанна іерусалимскаго.

Въ объявленіи отъ 13-го ноября того-же 1798 г., подписанномъ го-

---

[1]) 6-го іюля 1799 г. Гомпешъ отправилъ къ императору Павлу письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ, что такъ какъ онъ видитъ въ себѣ препятствіе, почему члены ордена еще удерживаются отъ провозглашенія императора главою ордена, то онъ здѣсь торжественно отказывается отъ этого высокаго званія и передаетъ его тому, кто такъ благородно взялъ на себя попеченіе объ осиротѣвшемъ орденѣ, и т. д. Реймерсъ.

сударемъ и скрѣпленномъ рукою князя Безбородко, императоръ принимаетъ на себя званіе гросмейстера, объявляетъ Петербургъ столицею ордена и обѣщаетъ возвращеніе ордену его потеряннаго имущества. 29-го ноября происходило торжественное посвященіе императора въ санъ гросмейстера, и при этомъ случаѣ дана аудіенція въ Зимнемъ дворцѣ всему собравшемуся ордену. Его величеству вручены корона и регаліи гросмейстерства, и членами ордена принесена присяга въ покорности ему, какъ главѣ ордена. Въ тотъ же день государь издалъ актъ, которымъ онъ учреждалъ новый отдѣлъ ордена въ пользу русскаго дворянства, съ выдачею ему 216,000 рублей изъ государственной казны, ежегодно, въ два срока: 30-го іюня и 31-го декабря. Этотъ новый отдѣлъ состоитъ изъ 98 командорствъ, которыя будутъ приносить доходу 150,000 р. въ годъ, а именно: два изъ нихъ по 6,000, четыре по 4,000, шесть по 3,000, десять по 2,000, шестнадцать по 1,500, и шестьдесятъ по 1,000 р. Всѣ эти командорства обязаны вносить ежегодно въ кассу ордена 25 процентовъ. Остальное, чѣмъ должно пополнять сумму въ 216,000 р., должно быть употреблено на другіе необходимые расходы ордена. Съ 1-го іюля 1799 г. командоры начинаютъ пользоваться своими доходами. Сверхъ означенныхъ въ актѣ условій, были еще слѣдующія: желающій поступить въ кавалеры ордена обязанъ: 1) представить свидѣтельство о дворянствѣ за подписью предводителя дворянства, также свидѣтельство о поведеніи за подписью того-же предводителя и трехъ дворянъ по сосѣдству, и наконецъ свидѣтельство о крещеніи, (дворянство должно быть старо по восходящей линіи какъ отца, такъ и матери, по крайней мѣрѣ, полтораста лѣтъ); 2) внести въ орденскую казну плату за droit de passage, совершеннолѣтніе 1,200 р., а малолѣтніе 2,400 р.; 3) совершить на орденскомъ флотѣ или въ русскомъ флотѣ, или въ сухопутной арміи четыре обыкновенные похода. Шесть мѣсяцевъ составляютъ одинъ походъ. Объ этомъ должны свидѣтельствовать начальники лица; 4) не быть въ долгу у орденской казны. Лице, желающее вступить въ новый отдѣлъ ордена, обязано исполнить первыя два условія; кто-же желаетъ занять вакантное мѣсто командора, тотъ долженъ исполнить всѣ четыре условія. Отдача командорства производится по старшинству. Также и тотъ, который желаетъ промѣнять свое командорство на другое лучшее, въ случаѣ вакансіи, долженъ имѣть право старшинства, и не быть въ долгу у орденской казны. Во время вакансіи въ командорства, доходы его поступаютъ въ орденскую казну. Императоръ, въ качествѣ гросмейстера, предоставляетъ себѣ право назначенія на первыя девяносто восемь командорствъ. Каждыя пять лѣтъ онъ же награждаетъ за заслуги государю, отечеству и ордену командорствомъ, называемымъ commanderie de grâce,

если въ теченіе этого времени вышла вакансія въ одной изъ 98-ми командорствъ. Болѣе одного командорства нельзя имѣть. Каждому дворянину дозволяется учреждать семейныя командорства, о чемъ желающій долженъ испрашивать позволенія у намѣстника ордена. Эти семейныя командорства носятъ фамилію своего учредителя. Намѣстникъ ордена, въ лицѣ своемъ представляющій гросмейстера, предсѣдательствуетъ въ совѣщаніяхъ ордена въ орденскомъ зàмкѣ въ С.-Петербургѣ.

По прочтеніи этого торжественнаго акта, императоръ въ то-же 29-е число ноября 1798 г. роздалъ великимъ княжнамъ и придворнымъ дамамъ большой орденскій крестъ; и въ то-же время многіе члены ордена изъ дворянства назначены командорами и кавалерами. Въ другомъ актѣ на латинскомъ языкѣ, отъ 21-го декабря 1798 г., подписанномъ его величествомъ и скрѣпленномъ намѣстникомъ ордена, графомъ Литтою, гросмейстеръ дозволяетъ дворянскимъ членамъ ордена всѣхъ христіанскихъ государствъ вступить въ (русскій отдѣлъ?) ордена св. Іоанна іерусалимскаго.

Довольно объ исторіи ордена. Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ упомянутомъ не одинъ разъ дворцѣ ордена въ С.-Петербургѣ. Онъ находится въ третьей адмиралтейской части, по Садовой улицѣ, противъ Гостиннаго двора, и принадлежалъ нѣкогда графу Воронцову [1]), потомъ купленъ казною. Въ этомъ дворцѣ, въ прошлое царствованіе, жилъ государственный канцлеръ графъ Воронцовъ, а въ настоящее—канцлеръ графъ Остерманъ. Когда же столицею ордена былъ назначенъ Петербургъ, тогда государь подарилъ дворецъ этому ордену. Надъ главными рѣшетчатыми воротами дворца прикрѣпленъ орденскій гербъ—на красномъ полѣ бѣлый крестъ, а на столбахъ воротъ изображены трофеи. Дворъ большой и имѣетъ видъ продолговатаго четыреугольника; въ глубинѣ его дворецъ нѣсколько тяжеловатой старинной архитектуры, съ двумя боковыми флигелями, выходящими на улицу. Въ главномъ корпусѣ дворца живутъ вице-канцлеръ, секретарь казначейства ордена и другія принадлежащія къ ордену лица; тутъ-же находится кавалерская конференцъ-зала и канцелярія ордена. Во флигеляхъ расположены квартиры какъ орденскихъ секретарей, такъ и отдаваемыя въ наймы частнымъ лицамъ. Какъ съ этого найма доходъ, такъ и доходъ съ найма лавокъ, построенныхъ на дворцовыхъ участкахъ земли, поступаютъ въ орденскую казну и служатъ на содержаніе принадлежащихъ дворцу строеній. Позади дворца расположенъ большой садъ, въ прежнее время запущенный, но теперь (февраль 1801 г.) содер-

---

[1]) Нынѣ домъ Пажескаго Кадетскаго корпуса. Ред.

жащійся въ порядкѣ, и входъ въ него дозволенъ каждому прилично одѣтому лицу.

Въ 1799 г. архитектору Гуаренги (Guarenghi), совѣтнику пятаго класса, поручена постройка католической капеллы, на заднемъ дворѣ дворца [1]). Она была окончена въ слѣдующее затѣмъ лѣто и въ воскресенье 17-го іюня 1800 г. торжественно освящена архіепископомъ могилевскимъ Сестренцевичемъ (en qualité de grand aumonier de l'ordre). На церемоніи присутствовали графъ Литта, дюкъ Сера-Капріола (Serra-Capriola), архіепископъ альбійскій Бернисъ, многіе командоры и кавалеры русскаго главнаго пріорства и всѣ состоящіе на службѣ при капитулѣ ордена господа. Допущена была и порядочная публика. Началось съ того, что передъ закрытыми дверями капеллы, на открытомъ воздухѣ, архіепископъ могилевскій, окруженный католическимъ духовенствомъ, прочелъ короткую молитву освященія, и затѣмъ далъ аббату-командору монастырскому Локману порученіе сообщить собранію цѣль торжества, что тотъ и сдѣлалъ въ сказанной громко и внятно французской рѣчи. Послѣ этого двери капеллы открылись и вся публика вошла въ нее. Тутъ произошла церемонія внутренняго освященія, потомъ отслужена обѣдня, и въ заключеніе исполнена, съ акомпаниментомъ итальянскихъ и французскихъ оперныхъ пѣвцовъ, музыкальная пьеса сочиненія капельмейстера Мартини.

Часовня имѣетъ форму продолговатаго четыреугольника; по обѣ стороны устроены хоры; на хорахъ справа поставленъ хорошій органъ, перенесенный изъ прежняго Таврическаго дворца. Свѣтъ проходитъ черезъ полукруглыя окна на хорахъ и черезъ такое-же окно надъ входными дверями. Къ задней стѣнѣ капеллы, подъ полусводомъ, прислоненъ алтарь съ изображеніемъ на верхней доскѣ Іоанна Крестителя въ пустынѣ. Сводъ капеллы расписанъ en camuyeux al fresco съ большимъ вкусомъ. Церковная утварь и обѣ люстры богато вызолочены. Справа отъ алтаря подъ балдахиномъ поставлено красное бархатное кресло его величества гросмейстера. Надъ входною дверью капеллы съ наружной стороны слѣдующая надпись:

D. O. M.
Divo Ioanni Babtistae sacrum
Paulo 1,
omnium Russiarum Imperatore ac ordinis
St. Ioannis Hierosolimitani
Magno Magistro.

---

[1]) Существуетъ и теперь, и называется католическою Мальтійскою церковію Ред.

Постройка этой красивой капеллы стоила не болѣе 60,000 рублей.

Спустя нѣсколько дней по освященіи капеллы, 23-го іюня 1800 г., послѣ полудня, снова собрались въ орденскомъ дворцѣ всѣ находившіеся въ столицѣ гросмейстера командоры и кавалеры. Обширный дворъ былъ усыпанъ пескомъ, а въ серединѣ его симметрически разставлены девять костровъ, увѣшанныхъ гирляндами и назначенныхъ къ сожженію, по религіозному обычаю ордена, наканунѣ Иванова дня [1]).

Въ 7 час. вечера оберъ-церемоніймейстеръ ордена, гр. Юрій Александровичъ Головкинъ, открылъ шествіе. За нимъ парами слѣдовали духовныя лица ордена, кавалеры, командоры, кавалеры большого креста и бальи; за ними въ орденскихъ мантіяхъ съ навѣшанными на плечо орарями члены орденскаго совѣта; а шествіе замыкалъ намѣстникъ гросмейстера ордена. Члены орденскаго совѣта несли въ рукахъ длинныя восковыя свѣчи. Вышедъ изъ главнаго подъѣзда дворца, шествіе медленно обошло костры три раза и потомъ размѣстилось кругомъ. Члены совѣта зажгли свои свѣчи у огня, поднесеннаго имъ служителями, и ими потомъ зажгли костры. Намазанные нефтью и скипидаромъ и наполненные внутри горючими веществами, костры быстро вспыхнули яркимъ пламенемъ. Клубы дыма живописно поднялись и вились въ воздухѣ, представляя красивый видъ при ясномъ вечерѣ. По сторонамъ двора за рогатками стояли сотни зрителей, и всѣ балконы и окна дворца и флигелей были полны ими; на улицѣ за желѣзною рѣшеткою, да на галереѣ гостиннаго двора толпились тысячи народа. Все вмѣстѣ представляло любопытную картину.

На другой день, 24-го числа 1800 г., въ день святого покровителя ордена, св. Іоанна Крестителя, всѣ кавалеры снова собрались во дворцѣ въ своей парадной формѣ, въ камзолахъ, опоясанныхъ красными шарфами и въ орденскихъ мантіяхъ. Какъ въ православной церкви дворца, такъ и въ католической капеллѣ отслужена была литургія и затѣмъ молебенъ. Послѣ службы въ залѣ дворца данъ былъ отъ гросмейстера обѣдъ всѣмъ кавалерамъ; за столомъ играла музыка.

Подобныя торжества, но еще съ большею пышностью, были и въ прошломъ 1799 г., въ Павловскѣ, въ присутствіи самого государя [2]). Костры, увѣшанные цвѣтами, были разставлены на большой

[1]) До сихъ поръ не объяснено происхожденіе этого обычая, особенно распространеннаго въ простомъ народѣ почти всѣхъ христіанскихъ государствъ. Въ прежнее время, на островѣ Мальтѣ въ этотъ день сжигали простыни больныхъ въ госпиталяхъ, и потомъ замѣняли ихъ новыми.

Реймерсъ.

[2]) См. въ книгѣ: „Очеркъ исторіи и описаніе города Павловска“, 1777 — 1877 гг.

Ред.

равнинѣ. Кругомъ раскинуты палатки для государыни императрицы и прочихъ членовъ императорской фамиліи, и для двора. Войско окружало всю мѣстность. Торжество сопровождалось пальбою и музыкою.

Самое основаніе русскаго главнаго пріорства празднуется 29-го ноября въ орденскомъ дворцѣ въ Петербургѣ, при чемъ отъ имени его величества (императора Павла) бываетъ для всѣхъ кавалеровъ торжественный обѣдъ. Такъ какъ старая русская церковь въ орденскомъ дворцѣ была мала, то государь поручилъ г. Гуаренги построить тамъ новую, на счетъ суммъ ордена. Для этого отведены три комнаты, сосѣднія съ конференцъ-залою, и постройка начата осенью 1800 г. Внутренняя архитектура церкви въ греческомъ вкусѣ и этимъ отличается отъ всѣхъ прочихъ русскихъ церквей. На украшеніе церкви кавалеры пожертвовали отъ себя нѣсколько тысячъ рублей, и въ Пасху нынѣшняго (1801-го) года церковь будетъ освящена.

Каждый годъ выходитъ брошюра на французскомъ и русскомъ языкахъ подъ заглавіемъ: Ordre souverain de St. Jean de Jérusalem (верховный орденъ св. Іоанна іерусалимскаго), содержащая въ себѣ перечисленіе всѣхъ принадлежащихъ къ ордену лицъ.

Такъ, до января мѣсяца включительно текущаго года (1801 г.), въ орденѣ считалось:

въ русскомъ главномъ пріорствѣ:

кавалеровъ большого креста.	46
командоровъ «по праву» (de justice) . .	107
командоровъ съ пенсіею	78
командоровъ почетныхъ	237
кавалеровъ «по праву» (de justice) . .	129
командоровъ семейныхъ	21
кавалеровъ почетныхъ.	213
итого . .	831

въ русскомъ католическомъ пріорствѣ:

кавалеровъ большого креста	16
командоровъ «по праву» (de justice) . .	19
кавалеровъ «по праву» (de justice). . .	140
итого . .	175

Мѣстомъ погребенія кавалеровъ ордена назначенъ Каменный островъ. Кладбище передъ тамошнею православною церковью раздѣлено на три участка: для православныхъ, для католиковъ и для проте-

стантовъ. По волѣ государя, кладбище обнесено каменною стѣною, на щитахъ которой изображенъ крестъ ордена. Первые погребенные тутъ покойники были: одинъ изъ служителей ордена и бывшій вице-канцлеръ ордена, командоръ де-ла-Гусэ (de la Houssaye) † 29 мая 1800 г.[1]).

V.

Михайловскій за̀мокъ [2]).

Этотъ замѣчательный дворецъ, подобно волшебному за̀мку, возникъ во всемъ своемъ великолѣпіи въ самое короткое время. Въ февралѣ 1797 г. государь заложилъ первый основной камень, и уже спустя четыре года, 1-го февраля 1801 г., онъ могъ въѣхать въ этотъ безспорно великолѣпнѣйшій между всѣми европейскими дворцами за̀мокъ. Въ покояхъ его соединено все, что только могутъ создать совершеннаго изящный вкусъ и пылкое воображеніе художника.

Михайловскій за̀мокъ, принадлежа къ 3-й адмиралтейской части, выстроенъ на мѣстѣ бывшаго царскаго лѣтняго дворца, занимавшаго тотъ уголъ, который образуетъ истокъ Мойки изъ Фонтанки. Этотъ лѣтній дворецъ былъ выстроенъ Петромъ I въ 1711 г., потомъ перестроенъ Елисаветою изъ дерева на каменномъ фундаментѣ, съ двумя небольшими флигелями. Въ новѣйшее время онъ уже близился къ разрушенію и исправить его было невозможно. Нечего и говорить, какъ выиграли владѣльцы окружающихъ домовъ чрезъ видъ новаго замка.

Лѣто 1797 г. прошло въ раскапываніи фундамента и каналовъ, окружающихъ замокъ. Нѣкоторые изъ нихъ также глубоки, какъ Фонтанка, откуда они снабжаются водою. Фундаментъ имѣетъ 7 футовъ глубины; по причинѣ болотистой почвы въ землю вбиты вплоть одно подлѣ другого бревна, сверхъ которыхъ положенъ ростверкъ. Вдоль по лицевому фасаду, съ большимъ подъѣздомъ, омывая гранитныя стѣны, течетъ каналъ. Съ этой стороны фундаментъ, для бо̀льшей крѣпости, двумя футами глубже противъ прочихъ сторонъ. На этомъ прочномъ основаніи возвышается за̀мокъ. Длина его, не считая выдающихся угловъ, сорокъ девять саженъ; столько же въ ширину. Въ лѣтнюю пору надъ сооруженіемъ за̀мка обыкновенно работали одновременно пять тысячъ человѣкъ, не включая сюда мастеровъ и художниковъ, которые занимались внутреннею и наружною

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, и теперь еще лица, происходящія отъ кавалеровъ ордена креста св. Іоанна Іерусалимскаго, могутъ носить оный съ особаго высочайшаго на то соизволенія. Мы знаемъ одного изъ такихъ кавалеровъ этого красиваго ордена—Николая Сергѣевича Х—ва. Ред.

[2]) Рукопись, глава VIII, стр. 186—208.

отдѣлкою; это объясняетъ быстроту постройки, оконченной вполнѣ въ 4 года.

На Садовую улицу, въ линію съ рѣшетчатою бронзированною оградою, выходятъ трое красивыхъ воротъ, украшенныхъ мраморными колоннами и трофеями; отъ нихъ алея, обсаженная старыми липами, ведетъ въ за̀мокъ. Слѣва отъ алеи находится манежъ, а справа царскія конюшни. Неподалеку отъ этихъ строеній возвышаются два красивыхъ павильона, служащіе помѣщеніемъ для придворныхъ особъ. За ними каналъ, выложенный плитами, а черезъ него подъёмный мостъ, съ котораго выходъ на площадку, украшенную конною статуею Петра Великаго. Монархъ представленъ въ римской тогѣ, на выступающемъ впередъ конѣ [1]). На передней сторонѣ піедестала золотыми буквами начертана краткая надпись: «Прадѣду правнукъ. 1800 г.». На боковыхъ сторонахъ подножія—барельефы, работы художника Козловскаго, изображающіе одинъ: взятіе Полтавы, другой: осаду съ моря Нотебурга, т. е. Шлисельбурга. На обоихъ явственно выдается фигура героя. Достойна замѣчанія мысль художника обозначить время, когда совершились оба событія, знаками зодіака. На задней сторонѣ пьедестала рельефныя изображенія трофеевъ. За статуей весь главный фасадъ за̀мка съ его большимъ подъѣздомъ представляется во всемъ своемъ величіи. Прочіе три фасада разнятся какъ отъ этого, такъ и между собою; фасадъ съ церковью, фасадъ съ павильономъ, напротивъ Фонтанки, и въ особенности красивый фасадъ, обращенный къ Лѣтнему саду.

Самая архитектура за̀мка и все, что относится къ наружному и внутреннему убранству, по идеѣ принадлежитъ его величеству; исполнителемъ же его былъ совѣтникъ 4-го класса, придворный архитекторъ Бренна, римскій уроженецъ. За исключеніемъ подваловъ, въ за̀мкѣ три этажа, и въ немъ соединено все, что̀ составляетъ царскій дворецъ: парадныя комнаты, внутренніе покои, церковь, тронная зала, театръ и т. д. На главномъ фасадѣ подъ аттикомъ находится большой барельефъ Стаджи (Stagi), изображающій исторію, съ разными эмблемами сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, искусствъ и художествъ, записывающую славу Россіи. Порталъ поддерживаютъ четыре іоническія колонны краснаго мрамора; изъ того же мрамора сдѣланы восемь боковыхъ колоннъ, надъ которыми возвышаются восемь статуй, изображающихъ русскія области. Аттикъ сдѣланъ изъ пудосткаго камня (vom Pudostischen Stein), изъ котораго выработанъ также скульпторомъ Павловымъ государственный гербъ. Изъ этого

---

[1]) Эта статуя вылита итальянцемъ Мартели, еще при Елисаветѣ, въ 1744 г., и хранилась въ деревянномъ сараѣ, неподалеку отъ воскресенскаго моста. Реймерсъ.

же камня выдѣланы трофеи на четырехъ углахъ зàмка. Архитравы сдѣланы изъ сѣраго сибирскаго мрамора, какъ и оба обелиска, которые украшены медальонами съ вензелевымъ именемъ императора и трофеями подъ ними. У каждаго обелиска съ боку есть ниша; въ одной изъ нихъ поставлена статуя Аполлона бельведерскаго, въ другой Діаны.

На этомъ же фасадѣ на фризѣ изъ туземнаго порфира вызолоченными буквами надпись:

«Дому твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней».

Въ двухъ нишахъ надъ четырьмя іоническими колоннами передъ фасадомъ церкви поставлены хорошей работы статуи религіи и вѣры; надъ ними четыре барельефа, скульптора Соколова, изображающіе четырехъ евангелистовъ. На аттикѣ возвышаются статуи апостоловъ Петра и Павла. Съ четырехъ сторонъ церковной башни стоятъ четыре канделябра; какъ они, такъ и крестъ ярко вызолочены.

Передъ фасадомъ и павильономъ, обращенными къ Фонтанкѣ, круглая лѣстница, по сторонамъ которой стоятъ мраморныя статуи Геркулеса и Флоры фарнезскихъ. Надъ восемью дорическими колоннами туземнаго мрамора, въ нишахъ поставлены статуи мудрости и силы; надъ ними по барельефу. Въ куполѣ павильона устроены часы, а надъ куполомъ башенка, на которой развѣвается флагъ, знакъ присутствія монарха во дворцѣ.

Лѣстница у фасада передъ Лѣтнимъ садомъ высѣчена изъ сердобольскаго гранита. По обѣ стороны ея, на гранитныхъ пьедесталахъ, стоятъ колоссальныя статуи, на одномъ Флоры, на другомъ Геркулеса; обѣ вылиты въ здѣшней академіи художествъ. По бокамъ статуй, на гранитныхъ возвышеніяхъ, стоятъ двѣ бронзовыя вазы, вылитыя по образцу извѣстныхъ медичійскихъ вазъ. На колонадѣ краснаго мрамора возвышается балконъ, окруженный мраморною балюстрадою; на ней разставлены вазы и четыре статуи, изображающія времена года. Шесть каріатидъ поддерживаютъ аттикъ этого фасада; между ними пять барельефовъ работы французскаго скульптора Тибо, (Thibaut). Надъ аттикомъ, окруженномъ балюстрадою и служащимъ вмѣстѣ и бельведеромъ, на который удобно взойти, на щитѣ, окруженномъ воинскими атрибутами и поддерживаемомъ двумя фигурами славы, изображено вензелевое имя государя. Подлѣ аттика возвышаются четыре статуи, работы италіянца Трискорни, тоже изображающія губерніи Россіи. Между ними расположены хорошей работы трофеи. На лѣстницѣ подъ колонадой по обѣимъ сторонамъ, въ нишахъ, поставлены египетскія статуи изъ такъ называемаго bardiglio di Carara, крѣпкаго сѣраго камня, по цвѣту похожаго на базальтъ. Отъ этой лѣстницы въ нѣсколькихъ шагахъ подъемный мостъ, ведущій въ Лѣтній садъ.

Весь фризъ подъ крышею кругомъ дворца украшенъ рельефными трофеями изъ гипса. Этотъ фризъ, какъ и края оконъ и колонны у двухъ павильоновъ и сосѣднихъ строеній выкрашены бѣлою краскою, а самыя стѣны за̀мка, павильоновъ, манежа и конюшенъ покрыты красною краскою, отъ которой бѣлый цвѣтъ красиво отдѣляется. Фундаментъ и подвальный этажъ—изъ краснаго гранита и очень высокъ. Черезъ каналъ, вырытый подъ самымъ за̀мкомъ, перекинуты три каменные моста, ведущіе къ главному въѣзду въ него. Подъ воротами въ перистилѣ идутъ 24 великолѣпныя колонны изъ цѣльнаго гранита съ мраморными базисами и капителями. По обѣ стороны, по направленію къ окнамъ перваго этажа, двѣ ниши, въ которыхъ поставлены по одной колоссальной вазѣ на гранитномъ подножіи. На одной изъ вазъ барельефъ изображаетъ принесеніе въ жертву Ифигеніи, на другой вакханалію. Недалеко отъ вазъ, въ нишахъ, статуи Геркулеса съ палицею и Александра Великаго.

Главныя ворота выходятъ на правильный осьмиугольный дворъ, въ который имѣютъ право въѣзжать только царская фамилія и иностранные послы. Кругомъ, на наружныхъ стѣнахъ двора, который на три аршина выше уровня мостовой внѣ за̀мка, подѣланы между окнами щиты съ вензелемъ августѣйшаго строителя за̀мка. Тутъ-же въ восьми нишахъ разставлены статуи. Четыре лѣстницы ведутъ во внутренность дворца: слѣва парадная лѣстница въ бель-этажъ, напротивъ въ караульню, третья въ церковь, а четвертая въ покои его высочества государя наслѣдника Александра Павловича. На площадкѣ парадной лѣстницы поставлена превосходная копія знаменитой капитолійской Клеопатры. Въ бель-этажѣ находятся парадныя комнаты, покои государя, императрицы и цесаревича Константина Павловича. Въ этомъ этажѣ примѣчательны: 1) большой и высокій въ два свѣта бѣлый залъ, съ живописнымъ потолкомъ и нѣсколькими историческими картинами; 2) большой тронный залъ, обитый зеленымъ бархатомъ съ золотыми шнурами; на карнизѣ потолка расписаны гербы русскихъ губерній; 3) красивая комната съ отлично ткаными обоями, въ которой особенно примѣчательны три группы: превосходная копія бывшаго бельведерскаго Лаокона, спящій Эндиміонъ и Діана, и спящій Амуръ съ Психеею; 4) красивый овальный залъ или павильонъ съ превосходною гипсовою работою на потолкѣ. Колонны сдѣланы подъ мраморъ. Какъ этотъ залъ, такъ и 5) мраморная галлерея въ два свѣта. Послѣдній служитъ для концертовъ и для баловъ, такъ какъ онъ очень великъ. Стѣны и колонны выложены иностраннымъ мраморомъ, а капители позолочены. Подлѣ этого зала, 6) малый тронный залъ, также въ два свѣта. Стѣны его обиты пунсовымъ бархатомъ, а по стѣнамъ развѣшаны канделябры изъ чистаго серебра.

Изъ парадныхъ комнатъ государя выходъ въ покои государыни. Между ними особенно роскошна диванная, которой стѣны мраморныя съ широкою каймою изъ лазурика. Бронзовыя двери превосходной работы. Подлѣ этой комнаты парадная спальня, съ балюстрадою изъ чистаго серебра вокругъ кровати. Совершенно въ новомъ родѣ украшенія стѣнъ изъ желтаго стекла съ расписанными на нихъ арабесками. Еще достойны примѣчанія прекрасно расписанная Рафаэлева ложа съ мраморными статуями медичійской Венеры, Антиноя и др.; далѣе залы и комнаты съ расписанными художникомъ Скотти потолками, съ мраморными копіями Бернина Дафны и Аполлона, и проч.

За покоями государыни слѣдуютъ покои государя, а подлѣ этихъ находится церковь. Здѣсь устроены хоры для двора на мраморныхъ колоннахъ съ бронзовою балюстрадою. Подлѣ церкви, влѣво отъ парадной лѣстницы, находится античный залъ, или музей, хранящій въ себѣ сокровища греческихъ и римскихъ древностей, перенесенныхъ большею частію изъ царскосельскаго античнаго кабинета. Музей устроенъ въ римскомъ вкусѣ; въ его мраморныя стѣны вдѣланы древніе барельефы, саркофаги и консоли съ древними бюстами и статуэтками на нихъ. Нельзя обойти молчаніемъ необыкновенно прекрасную Діану, великолѣпную Юнону, превосходнаго Бахуса и подлѣ него принадлежащую къ группѣ статуэтку, на которой покоится лѣвая рука Бахуса. Также замѣчательны хорошо сохранившійся древній саркофагъ съ полурельефомъ, и на немъ два римскіе бюста, полные выраженія и превосходной работы, и маленькій Силѐнъ съ головкой Антиноя; нѣсколько прелестныхъ дѣтей въ различныхъ положеніяхъ, одно спящее на дельфинѣ, другое верхомъ сидящее на дельфинѣ же, и еще третье съ лукавымъ выраженіемъ ребяческой радости, и т. д. Пришлось-бы написать цѣлый томъ, если-бъ разсказать обо всемъ, что находится драгоцѣннаго въ художественномъ отношеніи во всѣхъ комнатахъ и залахъ Михайловскаго зáмка, какъ напримѣръ украшенные бронзою и лазурикомъ камины, отличныя мозаичныя на нихъ работы, огромныя зеркала, великолѣпныя люстры и лампы, превосходнѣйшей работы отдѣланная бронзою мебель, большею частію французской работы; всякаго рода комнатное убранство: часы, жирандоли, вазы и проч.; расписанные потолки, стѣнная живопись, и т. д.

Упомянувъ о картинной галереѣ, назову только художниковъ, чьи картины и статуи украшаютъ Михайловскій зáмокъ. Между живописцами замѣчательны: оба Скотти, Виги, Метеидейтеръ, Смуглевичъ, Щедринъ, Мартыновъ, Петровъ, Угрюмовъ, Аткинсонъ, Шебуевъ, Прижимковъ, Алексѣевъ, Акимовъ,

Ивановъ, и др. Между скульпторами: Альбани, Соколовъ, Прокофьевъ, Эстрейхъ, Тибо, Трискорни, братья Стаджи, Павловъ, и др. Исполнители рельефныхъ работъ: Мадерни, Сольдати, Квадри и др. Всѣ работы изъ серебра, какъ и золотой столовой сервизъ, исполнилъ датчанинъ Бухъ. Надъ другимъ столовымъ сервизомъ, изъ фарфора съ видами за̀мка, еще понынѣ работаютъ на здѣшнемъ фарфоровомъ заводѣ.

Изъ всѣхъ комнатъ бельэтажа, особенно съ сѣвера, востока и запада открываются прекрасные виды, на Царицынъ лугъ, на Неву, на Лѣтній садъ и на Фонтанку, по набережной которой по ту сторону, тянутся высокіе каменные дома̀. Всю эту окрестность можно сразу окинуть глазами, стоя на большомъ балконѣ, противъ Лѣтняго сада.

Нижній этажъ занимаетъ его высочество наслѣдникъ Александръ Павловичъ. Здѣсь нѣсколько комнатъ со сводами, и потолки расписаны арабесками въ рафаэлевомъ вкусѣ, или же украшены розетками и вѣтками изъ гипса съ позолотой. Въ одной комнатѣ стѣны сверху донизу выложены орѣховымъ деревомъ, подобно двумъ комнатамъ въ бель-этажѣ, точно также отдѣланнымъ, въ предохраненіе отъ сырости, такъ какъ комнаты эти суть спальни. Комнаты верхняго этажа не высоки, потому что много мѣста занимаетъ упомянутый мною широкій фризъ подъ крышею; но очень красиво расписаны. Это комнаты великихъ княженъ.

За̀мокъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водою; съ юговосточной стороны течетъ Фонтанка, а съ прочихъ идутъ каналы, выложенные внутри гранитомъ. Черезъ эти каналы перекинуты пять мостовъ, а сами каналы огорожены отчасти сплошнымъ гранитомъ, отчасти рѣшеткою. Передъ главнымъ фасадомъ двойные рвы. За гранитною набережною, на площади памятника, какъ и на той, которая обращена къ Лѣтнему саду, разставлены двадцать бронзовыхъ пушекъ.

8-го ноября 1800 года, въ Михайловъ день и въ то-же время день восшествія на престолъ государя, происходило торжественное, при громѣ пушекъ, освященіе за̀мка. Царское шествіе послѣдовало изъ Зимняго дворца, въ сопровожденіи всей царской фамиліи и двора, мимо войска, стоявшаго шпалерами на всемъ пути. Государь съ князьями и свитою ѣхали верхомъ; императрица, княжны и придворныя дамы ѣхали въ парадныхъ каретахъ. Церковь за̀мка и всѣ покои были затѣмъ освящены, и въ первый разъ государь обѣдалъ здѣсь съ своимъ семействомъ. Но только 1-го февраля 1801 г. его величество перешелъ сюда на постоянное пребываніе. На другой день государю

угодно было дать въ новомъ зàмкѣ маскарадъ для здѣшней публики. Понятны ея удивленіе и восторгъ при видѣ всего великолѣпія, которымъ блисталъ новый дворецъ. Со дня водворенія государя въ Михайловскомъ зàмкѣ, высочайшіе указы отмѣчены этимъ мѣстопребываніемъ.

VI.

О гуляніи 1 мая 1800 г. на Невскомъ проспектѣ [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Павелъ Петровичъ подарилъ Екатерингофъ и Анненгофъ князю Гагарину и графу Палену, майское гулянье и гулянье въ Троицынъ день происходятъ уже не въ Екатерингофѣ, а было 1-го мая 1800 г. на Невскомъ проспектѣ. Богатые экипажи тянулись въ два ряда отъ Зеленаго моста, черезъ Большую и Малую Садовую улицу, вдоль Екатерининскаго канала, на Царицынъ лугъ. Здѣсь разбиты были палатки, въ которыхъ продавались всякаго рода напитки. Народъ гулялъ и распѣвалъ пѣсни, радуясь ясному дню и приближенію весны. За порядкомъ и приличіемъ наблюдали полицейскіе. Такъ какъ дворъ 1-го мая еще не выѣзжалъ въ Павловскъ, то на гуляньи находился и государь съ князьями и свитою, верхомъ; а государыня и всѣ члены царскаго дома, со свитою придворныхъ дамъ, катались въ придворныхъ экипажахъ. Въ тотъ-же день, по приказанію императрицы, воспитанницы различныхъ императорскихъ институтовъ были привезены въ домъ графа Строгонова, изъ оконъ котораго онѣ могли наслаждаться видомъ гулянья. По алеямъ проспекта двигались толпы пѣшеходовъ.

Новое украшеніе этой улицы, т. е. Невскаго проспекта, алеями обошлось въ 60 т. рублей; отъ него особенно выиграли мѣстные обыватели, потому что такимъ образомъ у нихъ теперь подъ рукою пріятное мѣсто для прогулокъ.

Реймерсъ.

Февраль 1801 г.
С.-Петербургъ.

Михайловскій замокъ въ рисункѣ 1801-го года.

Приложенное къ этой книгѣ «Русской Старины» (томъ XXXIX, кн. IX, изд. 1883 г.) изображеніе Михайловскаго зàмка воспроизведено съ большой акварели 1801 года, принадлежащей собранію гравюръ, литографій и рисунковъ Петра Александровича Ефремова. Рисунокъ на деревѣ исполнилъ П. Ѳ. Борель, гравировалъ художникъ А. И. Даугель. Ред.

[1]) Рукопись Реймерса, стр. 282—283.

ВОСПОМИНАНІЯ ОСИПА АНТОНОВИЧА ПРЖЕЦЛАВСКАГО [1].

VI.

Графъ Перовскій.—Морализація трактировъ и мелочныхъ лавокъ.—Раззія на шуллеровъ.—Газофобія.—Сочиненія о скопцахъ и о жидахъ —Зундель Зоненбергъ—депутатъ жидовскаго народа.—Жидовскій умъ.—Кагалы.—Саддукеи.—Іаковъ Франкъ и его послѣдователи.—Караимы.—Еврейки.

Въ одинъ изъ 1840-хъ годовъ Левъ Алексѣевичъ (впослѣдствіи графъ) Перовскій назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, оставаясь вмѣстѣ и товарищемъ министра удѣловъ. Можно полагать, что это послѣднее званіе, въ которомъ онъ управлялъ ввѣренною ему частью почти полновластно, открыло ему путь къ новому, болѣе обширному, поприщу. Благодаря Перовскому, удѣлы, имъ завѣдываемые, достигли возможно лучшаго, по тогдашнему времени, устройства и въ экономическомъ, и въ административномъ, и въ образовательномъ отношеніяхъ. Среди необъятной мертвой степи крѣпостного быта двадцати милліоновъ рабовъ-землепашцевъ, томившихся подъ гнетомъ полнѣйшаго произвола, селенія удѣльныя составляли какъ бы отрадные оазисы, гдѣ рѣзко выдавались различія ихъ благосостоянія отъ помѣщичьихъ.

Я не намѣренъ входить въ подробности управленія Перовскаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; хочу только записать для исторіи этого управленія нѣкоторыя черты, отличавшіяся своею оригинальностью.

Вообще по министерству все, казалось, „обстояло благопо-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1874 г., томъ XI, стр. 451 и 665; изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 383; т. XIV, стр. 131 и 684, изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 545, 549, 553 и 559; изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 625; т. XXII, стр. 67; изд. 1883 г., т. XXXIX, августъ, стр. 377—406.

лучно". Одно лишь серіозное столкновеніе случилось между Перовскимъ и министромъ статсъ-секретаремъ Царства Польскаго, по случаю посвященія одного изъ епископовъ Царства. Оно имѣло исходъ неблагопріятный для Льва Алексѣевича, но это случилось по винѣ не его, а директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, покойнаго Скрыпицына, подбившаго его на неосновательный докладъ государю [1]).

Особенностью управленія Перовскаго было то, что онъ преимущественно, очень подробно и щепетильно, занимался всѣмъ, что исключительно касалось города Петербурга и его жителей. Онъ какъ будто бы не сознавалъ, что это дѣло не министра, а военнаго генералъ-губернатора и оберъ-полицiймейстера, или быть можетъ думалъ, что ихъ дѣятельность требуетъ понужденій и контроля. Какіе бы ни были его мотивы въ этомъ случаѣ, но заботливость свою о петербуржцахъ онъ доводилъ до смѣшного. На подобіе сказочнаго Багдадскаго калифа Аль-Рашида, онъ переодѣвался полиціантомъ, ходилъ по мелочнымъ и булочнымъ лавкамъ и тамъ повѣрялъ вѣсы и мѣры, а уличенныхъ въ фальши торговцевъ предавалъ строгой отвѣтственности. Это было даже осмѣяно въ водевилѣ П. А. Каратыгина: „Булочная, или петербургскій нѣмецъ".

Были и другія странныя распоряженія Перовскаго. Такъ, напримѣръ, по его настоянію, во всѣхъ трактирахъ и ресторанахъ запрещены были органы, (шкафы съ музыкой), такъ какъ, по его мнѣнію, музыка располагаетъ посѣтителей къ расточительности. Это уже было прямое возстановленіе древняго римскаго учрежденія цензора нравовъ, какимъ былъ Катонъ. Но что всего труднѣе понять, Перовскій былъ дѣятельнымъ противникомъ газоваго освѣщенія, а хотя и не могъ воспрепятствовать введенію этого освѣщенія въ столицѣ, но всячески старался стѣснять его требованіемъ различныхъ нераціональныхъ формальностей. Общество газоваго освѣщенія поставило было предъ подъѣздомъ министерскаго дома, (позади Александринскаго театра), два столба съ газовыми фонарями. Министръ велѣлъ снять эти фонари. Быть впрочемъ можетъ, что не самое освѣщеніе, а составъ компаніи не нравился Перовскому, и что онъ имѣлъ другую компанію, которой желалъ покровительствовать.

---

[1]) См. мои Воспоминанія о Туркулѣ „Русская Старина", томъ XIV, изд. 1875 г., декабрь. О. П.

Управленіе графа Перовскаго ознаменовалось однимъ распоряженіемъ общей пользы. Это была раззія на петербургскихъ шуллеровъ.

Дѣло о шуллерствѣ возникло первоначально въ Москвѣ; тамъ это художество было доведено до совершенства, и дѣйствовало такъ: была организована шайка; она, помощью многихъ агентовъ, узнавала о находившихся и о вновь прибывающихъ изъ провинцій въ первопрестольную столицу богатыхъ, только что получившихъ наслѣдство, но неопытныхъ субъектахъ, о жуирахъ, жаждавшихъ насладиться столичною жизнью. Члены шайки, люди свѣтскіе, какъ Грибоѣдовскій Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій, легко достигая знакомства съ этими „пижонами“, сперва вводили ихъ въ такъ называемый „свѣтъ“, потомъ въ „полу-свѣтъ“, и такимъ образомъ сдѣлавшись ихъ задушевными друзьями, оканчивали тѣмъ, что завлекали ихъ въ свой шуллерскій кружокъ. Тутъ были и лукулловскіе ужины съ „дамами“, разливанное море шампанскаго, и т. п. Все это не могло не нравиться желто-носымъ провинціаламъ. Послѣ ужина предлагалась, „для лучшаго пищеваренія“, маленькая игра въ банкъ, въ штосъ, или въ кости. Пижоны, только что получившіе наслѣдственные капиталы, или заложившіе уже въ опекунскомъ совѣтѣ имѣнія на громадныя суммы, поощряемые еще присутствовавшими при игрѣ красивыми „дамами“, естественно не отказывались отъ такого пріятнаго „препровожденія времени“. Тутъ являлось опять шампанское. Банкъ метали отборные артисты. Молодые люди, разумѣется, проигрывали всѣ наличныя деньги; но этимъ дѣло не оканчивалось. Къ подносимому имъ вину шуллеры подмѣшивали какой-то составъ, не изслѣдованный еще химиками, называемый кукольванцомъ. Онъ имѣлъ такое странное свойство, что не лишалъ субъекта физическихъ силъ, но затмѣвая разсудокъ совершенно, отнималъ сознаніе и память о томъ, что происходило въ настоящемъ [1]). Опьяненный кукольванцомъ дѣлался автоматомъ, безсознательно дѣлающимъ все, къ чему его понудятъ. Когда несчаст-

[1]) Не есть ли это экстрактъ растенія Lollium temulentum? Я это подозрѣваю, какъ по данному ему Линнеемъ характерному названію пьянаго, такъ и потому, что по польски растеніе это зовется конколь, (куколь). Предоставляемъ химикамъ и фармацевтамъ, рѣшить этотъ, намъ кажется важный, вопросъ. О. П.

ная жертва доведена уже до такого положенія, тогда изъ другихъ комнатъ является, съ готовымъ заемнымъ письмомъ на разсчитанную по состоянію игравшаго сумму и съ нотаріальною книгою, какой-нибудь писецъ изъ конторы нотаріуса. Пьянаго заставляютъ подписать заемное обязательство и его копію въ книгѣ. По исполненіи сего, соннаго пижона отвозятъ на его квартиру. Онъ тамъ спитъ обыкновенно около 24-хъ часовъ, проснувшись же ничего не помнитъ изъ того, что съ нимъ наканунѣ было, даже не можетъ назвать лицъ, его угощавшихъ. Онъ совершенно успокаивается и только говоритъ себѣ: „вотъ-то я славно покутилъ вчера".

Векселя обыкновенно писались на срокъ шести мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени они переходили въ третія или въ четвертыя руки, а съ наступленіемъ срока подавались ко взысканію. Мнимые должники, ничего не помня, естественно крайне удивлялись, всѣми силами протестовали противъ взысканія; но такъ какъ не могли оспаривать своей подписи ни на векселѣ, ни въ нотаріальной книгѣ, то въ концѣ концовъ должны были заплатить.

Все это такъ и сходило съ рукъ тогдашнимъ „червоннымъ валетамъ", предкамъ тѣхъ, которые судились въ послѣднее время. Мошенничества ихъ были обставлены такими псевдо-законными формальностями, что и наблюдательная, и судебная власти того времени, связанныя буквою закона, не допускающею протеста по безденежности заемныхъ обязательствъ, не могли попрепятствовать взысканіямъ. Шайка шуллеровъ такъ-бы и продолжала блаженствовать, практикуя далѣе свою систему. Но ихъ попуталъ лукавый демонъ любостяжанія, называемый Маммонъ: они хотѣли сразу получить большой кушъ, и вотъ что въ Москвѣ случилось.

Пріѣхалъ туда повеселиться молодой артиллерійскій офицеръ О.....нъ. Валетамъ, чрезъ агентовъ, стало извѣстно, что онъ имѣетъ хорошее состояніе, но главное, что у него есть бабушка милліонерка, не имѣющая другихъ родныхъ, влюбленная во внука, единственнаго ея наслѣдника, и которая даетъ ему денегъ безъ счету. По всему этому О. былъ самымъ вожделѣннымъ пижономъ. Члены почтенной корпораціи, все люди „свѣтскіе", не преминули познакомиться и сблизиться съ молодымъ артиллеристомъ. Устраивали у себя, то тотъ, то другой, вечера съ ужинами, à la

régence, съ шампанскимъ и кокотками. Послѣ ужина артисты метали маленькій банчикъ. О. принималъ угощенія, но, увы, онъ не пилъ никакого вина, и не игралъ ни во что. Что же съ нимъ дѣлать? Такъ себя спрашивали на консиліяхъ шуллера, а упустить такую добычу было для нихъ немыслимо. И вотъ какъ они разрѣшили этотъ вопросъ.

Одну изъ участвовавшихъ въ ассоціаціи кокотокъ, именно ту, которая болѣе другихъ нравилась О.....ну, они заставили написать къ нему, назначая свиданіе. Мѣсто для этого было подобрано съ большою предусмотрительностью всякихъ случайностей. Это былъ маленькій, совершенно пустой, особнякомъ стоявшій домъ, въ одномъ изъ самыхъ пустынныхъ переулковъ Москвы, состоявшемъ изъ однихъ почти огородовъ и заборовъ. Возлѣ самаго дома стояла полицейская будка. О.....нъ пріѣхалъ на извощикѣ; впускавшій посѣтителя лакей заплатилъ извощику и велѣлъ ему ѣхать прочь, сказавъ, что господинъ останется на ночь.

Войдя въ очень невзрачную квартиру, О. напрасно искалъ прелестницу, назначившую ему свиданіе. Вмѣсто ея приняли молодого человѣка личности, совершенно ему незнакомыя и самаго непривлекательнаго вида. О.....нъ обошелъ всю квартиру, не находя въ ней того, чего искалъ, и, подозрѣвая какую-то мышеловку, хотѣлъ уйдти, но нашелъ всѣ двери запертыми, и принявшіе его у входа объявили, что онъ не уйдетъ, пока не исполнитъ одного непремѣннаго условія. Оно состояло въ томъ, что онъ долженъ подписать на гербовой бумагѣ и въ нотаріальной книгѣ заемное обязательство въ 150,000 р. заднимъ числомъ и срокомъ на шесть мѣсяцевъ, на имя такого-то, также незнакомаго ему, господина. О.....нъ, разумѣется, отказался, вспыливъ, назвалъ этихъ господъ разбойниками, и т. д. Тогда эти же господа заявили, что его будутъ сѣчь розгами до тѣхъ поръ, пока онъ не поумнѣетъ и не сдѣлаетъ того, чего требуютъ. Когда и за этимъ О. не соглашался, то его раздѣли и сѣкли нещадно. Напрасны были его крики о помощи; ее ни откуда не являлось. Паціентъ нашелся въ такомъ положеніи, въ какомъ бывали при Іоаннѣ Грозномъ пытаемые Малютою Скуратовымъ, признававшіеся во всемъ, чего не сдѣлали. Онъ согласился на все и подписалъ все. Его отвели въ какую-то каморку, и уложили полуживого на ночь.

Прійдя немного въ себя, О. попытался убѣжать; дверь нашелъ запертою, но ему удалось выскочить въ окно и въ глухую ночь онъ побѣжалъ въ свой нумеръ гостинницы. Дождавшись дня, онъ отправился прямо къ военному генералъ-губернатору и разсказалъ всю исторію. Главный начальникъ не совсѣмъ повѣрилъ страннымъ подробностямъ разсказа, подозрѣвая въ этомъ какую-нибудь амурную авантюру. Однако-жъ сдѣлано было распоряженіе о производствѣ строгаго слѣдствія и таковое поручено довѣренному чиновнику. Но потерпѣвшій не могъ дать слѣдователю ясныхъ указаній. Онъ забылъ названіе переулка, мѣсто истязанія; они много проѣздили вмѣстѣ по Москвѣ, пока О. узналъ наконецъ искомый домъ. Въ немъ живой души не было, и по показанію будочника, онъ давно уже стоитъ пустымъ, а въ ночь происшествія никто въ этотъ домъ не пріѣзжалъ и онъ, будочникъ, не слышалъ въ немъ никакого крика, ни шума. То же показали и немногіе живущіе въ такомъ разстояніи отъ дома, что могли услышать крики. О. не могъ назвать слѣдователю и того лица, на имя котораго писано заемное обязательство, такъ какъ и въ самомъ этомъ актѣ, и въ нотаріальной книгѣ, для имени мнимаго заимодавца оставленъ былъ пробѣлъ. Оставалось просмотрѣть книги всѣхъ московскихъ нотаріусовъ; но какъ заемное письмо О. было написано заднимъ числомъ, то поиски эти стоили бы не малаго труда. Но къ счастію и его, и слѣдователя, писецъ нотаріуса, у котораго всѣ эти подлоги совершались, съ-пьяну проговорился и стало извѣстно, что шайка имѣла одного нотаріуса въ своей средѣ. Загорѣлось огромное дѣло, тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ игорныхъ центровъ случилось смертоубійство, за которое виновные были сосланы въ каторгу. Обнаружилась связь московскихъ шуллеровъ съ петербургскими, и министръ Перовскій горячо взялся за это дѣло. Поводомъ къ обнаруженію подобной шайки въ Петербургѣ послужило слѣдующее обстоятельство.

Въ собственномъ домѣ, на углу Гороховой и малой Морской [1]), жила старая княгиня Голицына, мать тогдашняго московскаго генералъ-губернатора, извѣстная въ высшемъ обществѣ подъ на-

[1]) Это тотъ домъ, который казною былъ купленъ и государемъ Николаемъ Павловичемъ подаренъ военному министру, князю А. И. Чернышеву.

О. П.

званіемъ Princesse-moustache. Она была уважаема государемъ и особами царской фамиліи, а какъ имѣла прославленнаго въ городѣ повара, то государь и кто-нибудь изъ царственныхъ особъ удостоивали ее по временамъ своимъ сотрапезничествомъ. Въ такихъ случаяхъ княгиня обыкновенно приказывала сервировать обѣдъ на серебрѣ, подаренномъ императоромъ Петромъ I одному изъ предковъ княжескаго дома. Разъ, когда государь долженъ былъ обѣдать у княгини, вошелъ къ ней дворецкій и, ставъ на колѣни, со слезами заявилъ, что историческій сервисъ не будетъ поданъ къ обѣду, потому что онъ заложилъ его въ ломбардѣ и не имѣетъ возможности выкупить. Причиною этого поступка было, по словамъ виновнаго, то, что онъ, производя какую-то коммерцію, проторговался, закладомъ этимъ надѣется поправить свои дѣла и тогда выкупить свой сервисъ. Княгиня тотчасъ-же распорядилась о выкупѣ, и сервисъ къ обѣду былъ готовъ. Дворецкій былъ замѣщенъ другимъ, болѣе надежнымъ, лицемъ, а вмѣстѣ съ этимъ стало извѣстнымъ, что онъ никакой торговли не производилъ, а игралъ въ карты и былъ объигранъ шуллерами. Тогда же узнали, что игра производилась въ особыхъ комнатахъ трактира „Вѣна“, напротивъ дома княгини Голицыной.

Слѣдствіе о петербургскихъ игрокахъ было поручено министромъ Перовскимъ одному изъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ для особыхъ порученій.

Кромѣ мелкихъ, трактирныхъ и кабачныхъ искусниковъ, вращавшихся въ низшихъ слояхъ населенія, всему городу были извѣстны шуллера высшаго полета, принимаемые въ обществѣ, какъ-то: гг. С., Г., Б., Л., К., Е., князь О., Г., К., и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли собственные дома и давали вечера. Они-то постоянно обыгрывали Карабагскаго хана, о которомъ выше было сказано. Всѣ они были привлечены къ слѣдствію, но никто изъ нихъ не былъ пойманъ на дѣлѣ и никто не признался въ азартной игрѣ. А какъ это происходило въ то время, когда еще для уличенія виновнаго въ преступленіи требовалось собственное его признаніе, то слѣдствіе кончилось ничѣмъ. Въ производствѣ его наиболѣе замѣчательно было объясненіе одного изъ этихъ господъ, С., который, какъ всѣмъ было извѣстно, все свое значительное состояніе пріобрѣлъ игрою. На допросѣ онъ сказалъ, что не играетъ ни въ какую игру, а карты знаетъ только по

пасіянсу, который часто раскладываетъ. Всѣ люди домашней прислуги подтвердили его слова. Но по обыску открытъ былъ большой сундукъ, стоявшій въ передней. Въ немъ оказалось большое количество картъ, углы и края которыхъ были загнуты въ видѣ паролей и на пэ, что и составляло наглядное доказательство, что въ домѣ играли въ банкъ или въ штосъ. Но каммердинеръ и тутъ нашелся. Онъ сказалъ, что эти карты служили для чистки золоченныхъ пуговицъ на фракахъ ихъ господина и то, что имѣю видъ паролей, дѣлалось для охраненія самаго платья отъ послѣдствій чистки.

Не смотря на запирательство виновныхъ, на основаніи собранныхъ уликъ и показаній пострадавшихъ, положено было внести дѣло въ сенатъ. Составлена и напечатана записка въ огромномъ фоліантѣ. Въ ней заключались и главныя данныя изъ похожденій шуллеровъ московскихъ [1]). Всѣ однакожъ обвиняемые оставлены были на свободѣ, и наконецъ, наканунѣ доклада, дѣло изъ сената вытребовано было шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, „для нѣкоторыхъ соображеній“. Оно такъ и осталось неразсмотрѣннымъ въ судебномъ порядкѣ. Третье Отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи вѣроятно, по почерпнутымъ изъ этого дѣла указаніямъ, приняло мѣры къ обузданію запрещенной игры. Это однакожъ не помѣшало предсѣдателю управы благочинія, Клевенскому, (въ 1850-хъ гг.) проиграть хранившіеся въ управѣ деньги, болѣе 300,000 р. Правда, что часть ихъ онъ проигралъ не въ азартную игру, а въ преферансъ, и что въ выигрышѣ участвовало лице не то, чтобы высокопоставленное, а въ свое время очень вліятельное и также, какъ Клевенскій, принадлежавшее, хотя и въ высшей сферѣ, къ блюстителямъ благочинія...

Хотя кампанія, предпринятая гр. Перовскимъ противъ рыцарей зеленаго поля, не вполнѣ увѣнчалась успѣхомъ, все-таки она имѣла благотворныя послѣдствія. Рыцари умѣрили свою дѣятельность, стали съ бо̀льшею осторожностью избирать свои жертвы, и въ этомъ былъ уже извѣстный процентъ пользы.

Управленіе этого министра ознаменовалось еще составленіемъ по его порученію двухъ весьма замѣчательныхъ явленій въ адми-

---

[1]) Все, что здѣсь сказано объ этомъ предметѣ, извлечено изъ этого оффиціальнаго документа. О. П.

нистративной библіографіи: 1) „Изслѣдованіе о скопческой ереси“, С.-Петербургъ, 1842 г., напечатано по высочайшему повелѣнію, и 2) „Разысканіе о убіеніи евреями христіанскихъ младенцовъ и употребленіи крови ихъ“; напечатано по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ, 1844 года, въ 8 д., стр. 153.

Это было время, когда признавалось цѣлесообразнымъ принимать противъ раскола мѣры строгости и наказаній. Не было еще понято, что преслѣдованіе за убѣжденія, какія бы онѣ ни были, не только не искореняютъ ихъ, а напротивъ служатъ къ ихъ усиленію и содѣлываются какъ-бы одною изъ формъ пропаганды, придавая жертвамъ ореолъ героизма и мученичества. Убѣжденія ложныя уступаютъ лишь силѣ болѣе логичныхъ убѣжденій, но не принудительнымъ и карательнымъ мѣрамъ. Вопреки такому взгляду, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учрежденъ былъ тогда особый отдѣлъ для завѣдыванія дѣлами сектантовъ. Тогда-то графъ Перовскій поручилъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, Ник. Ив. Надеждину, изслѣдовать во всѣхъ отношеніяхъ скопческую ересь и представить о ней подробный отчетъ. Совѣстливый трудъ этотъ былъ напечатанъ въ очень немногихъ экземплярахъ, (кажется въ 25), да и тѣ впослѣдствіи, не извѣстно почему, были истребляемы, такъ что ихъ осталось не болѣе трехъ. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось достать одинъ экземпляръ для прочтенія.

Кому ученіе и исповѣданіе вѣры скопцовъ не извѣстны, тотъ никогда не составитъ себѣ понятія до какой степени драгоцѣнное качество человѣка, отличающее насъ отъ цѣлаго міра животныхъ: способность мышленія—можетъ уклониться отъ прямого пути, и въ какую бездну нелѣпостей заведетъ его путь, вышедшій съ ложной точки отправленія.

Главный догматъ скопческаго ученія, краеугольный камень вѣроисповѣданія—это превратно понимаемые тексты евангелія отъ Матѳея въ разд. 18 и отъ Марка въ разд. 9, гдѣ сказано: „а если глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его“.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи лжеученія скопцовъ оказывается, что къ нему примѣшалось многое изъ древнихъ доктринъ еврейскихъ кабалистовъ, гностиковъ и манихеевъ.

Эти древнія, слишкомъ отвлеченныя, мистическія ученія могли не быть извѣстны составлявшему разысканія о скопческой ереси,

а притомъ, проходя чрезъ густой туманъ безграмотности русскаго простолюдина, онѣ утеряли все свое идеальное значеніе и явились въ слишкомъ матерьяльныхъ формахъ грубаго абсурда.

Такъ, напримѣръ, невозможно объяснить себѣ какимъ умственнымъ процессомъ скопцы дошли до вѣрованія, что императоръ Петръ III былъ скопцомъ и вторымъ воплощеніемъ Іисуса Христа, и что по третьемъ воплощеніи, онъ возсядетъ на престолъ, именно въ Петербургѣ, окруженный свѣтомъ, то есть 140,000 скопцовъ. Тогда послѣдуетъ страшный судъ, по которому одни скопцы будутъ спасены. Такимъ образомъ городъ С.-Петербургъ содѣлается тѣмъ „новымъ Іерусалимомъ", который предсказанъ въ Апокалипсисѣ.

Послѣ этого никакой абсурдъ въ этомъ ученіи не можетъ насъ удивлять. Скопцы, напримѣръ, вѣруютъ, что Іоаннъ Предтеча, самъ скопецъ, подвергъ Спасителя той-же операціи и что такъ нужно понимать крещеніе въ Іорданѣ, и вообще таинство крещенія.

Книга „Разысканія о убіеніи евреями христіанскихъ младенцовъ" напечатана была въ очень немногомъ числѣ экземпляровъ (15 или 20), да и тѣ бо̀льшею частью были истреблены, такъ что въ министерство графа Перовскаго оставалось ихъ не болѣе трехъ. Изъ нихъ одинъ министръ подарилъ директору департамента общихъ дѣлъ, покойному Гвоздеву, а по смерти послѣдняго экземпляръ этотъ нашелся на короткое время въ моихъ рукахъ и я изъ него выписалъ замѣчательнѣйшія мѣста [1]).

Авторъ (мнѣ неизвѣстно кому это разысканіе было графомъ Перовскимъ поручено) прочиталъ всѣ 134 дѣла, производившіяся въ западныхъ, югозападныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, по которымъ евреи обвинялись въ мученическомъ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей для полученія ихъ крови; прочиталъ 26 различ-

[1]) Еврейскій вопросъ очень мало извѣстенъ русскому обществу. Весьма немногіе знаютъ даже о существованіи отраслей, на которыя развѣтвляется племя Израиля.

По уваженіи, что пользуясь недавно предоставленными имъ льготами, евреи начали въ значительномъ уже числѣ водворяться въ великороссійскихъ городахъ, я призналъ умѣстнымъ сообщить здѣсь подробныя о нихъ свѣдѣнія, въ убѣжденіи, что для русскаго общества не безъинтересно и не безполезно будетъ ближе ознакомиться съ настоящимъ, почти совершенно для него новымъ, предметомъ. О. П.

ныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ на языкахъ: латинскомъ, греческомъ, русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и молдаванскомъ; бесѣдовалъ съ многими крещеными евреями, и, что всего важнѣе, ему удалось почерпать свои свѣдѣнія изъ еврейскихъ религіозныхъ книгъ, содержимыхъ ими въ великой тайнѣ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ и несомнѣнныхъ источниковъ, авторъ книги пришелъ къ слѣдующему общему заключенію:

1) Преступленіе, въ которомъ обвиняютъ евреевъ, практикуется несомнѣнно, но въ этомъ общемъ положеніи необходимо допустить слѣдующія ограниченія:

Хотя во многихъ мѣстахъ талмуда (особенно Вавилонскаго), и въ разныхъ сочиненіяхъ коментаторовъ, мучительное умерщвленіе христіанскихъ дѣтей для полученія ихъ крови не только разрѣшается, но даже вмѣняется евреямъ въ обязанность—однако-жъ варварскій этотъ обычай почти вовсе неизвѣстенъ въ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ живутъ евреи болѣе или менѣе образованные. Эти евреи отвергаютъ изъ талмудовъ и комментаріевъ то, что въ нихъ заключается нелѣпаго и преступнаго, и придерживаются почти исключительно чисто моисеева закона. И такъ всѣ подобныя дѣла приходятся, также почти исключительно, на страну, составлявшую бывшее польское королевство, то есть на Царство Польское, западныя, югозападныя и бѣлорусскія губерніи, наполненныя съ давняго времени евреями стараго закала, остающимися безъ европейскаго образованія, чуждыми общаго прогресса, коснѣющими въ древнемъ фанатизмѣ и изувѣрствѣ. Но и здѣсь еще авторъ допускаетъ ограниченія. По его мнѣнію значительное большинство случаевъ должно отнести къ евреямъ, принадлежащимъ къ сектѣ хассидимовъ. Нѣсколько словъ объ этой сектѣ [1]).

Она основана въ 1760 или 1761 году раввиномъ Исраелемъ Башлемомъ, жившимъ въ мѣстечкѣ Межибожѣ, принадлежавшемъ князю Чарторыйскому въ Волынской губерніи; секта эта стала шибко распространяться въ юго-западныхъ, западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ и вскорѣ послѣднія сдѣлались ея главнымъ центромъ. Причиной быстраго распространенія хассидовъ, можно

---

[1]) Слѣдующія свѣдѣнія извлечены частью изъ разбираемаго сочиненія, частью изъ собственныхъ моихъ наблюденій на мѣстѣ, въ Литвѣ, но главнѣйше изъ статьи, помѣщенной въ 1842 году въ извѣстномъ англійскомъ журналѣ „Foreign Quarterly Review“. О. П.

предполагать, было то, что основатель ихъ секты всѣмъ талмудистамъ, принявшимъ его ученіе и воспитывающимъ въ нихъ дѣтей своихъ, предоставлялъ свободу совершать всякіе грѣхи безъ различія, заранѣе отпуская ихъ на всю жизнь, не требуя ни покаянія, ни исправленія. Доктрина Башлема есть нѣчто чудовищное, достигшее крайней степени безбожнаго абсурда. Въ сочиненіи Ликале Амувіу, напечатанномъ въ Лембергѣ, онъ усиливается доказать, что человѣкъ, дабы сколько возможно приблизился къ божеству, долженъ стараться сколько возможно болѣе грѣшить. Ученіе это основано на слѣдующемъ соображеніи. Въ лѣстницѣ существъ Богъ занимаетъ самую высшую, а великій грѣшникъ самую низшую ступень. Лѣстница же эта составляетъ кругъ; въ немъ естественно крайнія звѣнья соприкасаются и такимъ образомъ грѣшникъ найдется въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Богомъ.

При такомъ катихизисѣ, хассиды считаютъ себя святыми, презирая и осуждая всѣ другія вѣрованія. Въ особенности ненавидятъ христіанъ и вмѣняютъ себѣ въ обязанность всячески вредить имъ. Во время моленія они бѣснуются, неистово кричатъ на разные голоса, кружатся, прыгаютъ и выдѣлываютъ неимовѣрныя тѣлодвиженія; въ Литвѣ сектантовъ этихъ называютъ скакунами. Притомъ они соблюдаютъ жидовскіе праздники и обряды. Поэтому болѣе, чѣмъ вѣроятно предположеніе автора „Разысканія", что почти всѣ убійства дѣтей совершаются хассидами. Они пребываютъ въ ожесточенной враждѣ съ талмудистами; послѣдніе неоднократно доносили на нихъ правительству, представляя хассидовъ опасными для государства и для общества. Поэтому авторъ статьи въ Quarterly Review допускаетъ, что книга Ликале Амувіу, излагающая такую чудовищную теорію о значеніи грѣха, могла быть написана талмудистами подъ именемъ Башлема съ цѣлью представить основанную имъ секту въ наиболѣе возмутительномъ свѣтѣ. По словамъ того-жъ англійскаго журнала, доктрина хассидовъ кромѣ Россіи нашла себѣ прозелитовъ и между евреями другихъ европейскихъ государствъ.

2) Евреи, отвергая возводимое на нихъ обвиненіе, возражаютъ, что умерщвленіе дѣтей было бы преступленіемъ безцѣльнымъ и не нужнымъ, такъ какъ христіанской крови очень легко можно бы доставать въ цирульняхъ отъ кровопусканій, и вообще отъ

болѣзненныхъ кровотеченій. Но этотъ аргументъ вовсе неоснователенъ, ибо непремѣнное условіе состоитъ въ томъ, чтобы добываніе крови сопряжено было съ мученіемъ. Это доказываютъ всѣ извѣстные изъ дѣлъ случаи и это именно предписывается въ изданныхъ писаніяхъ объ этомъ предметѣ. Эти истязанія необходимы, такъ какъ убійства совершаются въ воспоминаніе и въ поруганіе мученій, коимъ евреи подвергали Іисуса Христа.

3) Кровь христіанская, и преимущественно кровь непорочныхъ младенцовъ, нужна евреямъ для разныхъ цѣлей, такъ какъ по ихъ тайному ученію, употребленіе ея умножаетъ въ нихъ святость. Они употребляютъ ее и для роженицъ, и при обрѣзаніи своихъ младенцовъ, и при свадьбахъ и наконецъ смѣшиваютъ съ пищею. Для сохраненія крови они напитываютъ ею куски холста и нити, сушатъ ихъ и сожигаютъ, а получаемую такимъ образомъ золу тщательно хранятъ, употребляя ее въ маломъ количествѣ вмѣсто соли. Примѣшиваніе такой золы или самой крови къ опрѣснокамъ, которые жиды ѣдятъ въ праздникъ своей Пасхи (Пейсахъ), имѣетъ руководящею идеей поруганіе надъ христіанскимъ таинствомъ евхаристіи.

4) Почти по всѣмъ (чтобы не сказать по всѣмъ) просмотрѣннымъ авторомъ дѣлопроизводствамъ, виновность жидовъ была доказана несомнѣнно; не смотря на это ни одинъ еврей не былъ осужденъ, ни наказанъ.

Такой результатъ отчасти лишь должно приписать существовавшему при прежнемъ судопроизводствѣ правилу, по которому для осужденія обвиняемаго требовалось собственное признаніе, иными словами, требовалось, чтобы подсудимый уличалъ самъ себя, а такого признанія добиться отъ жидовъ было немыслимо. Но главною причиною такой безнаказанности было умѣніе евреевъ обдѣлывать свои дѣла, при помощи издревле боготворимаго ими золотого тельца. Онъ далъ имъ ключъ изъ того же металла, отворяющій двери и сердца.

По случаю возникшаго въ Гроднѣ, въ 1816 году, о Пасхѣ, дѣла объ умерщвленіи крестьянской дѣвушки, въ чемъ были сильнѣйшія противу жидовъ улики, прибылъ въ Петербургъ уполномоченный отъ нихъ. Онъ жаловался на такую оскорбительную для его единовѣрцевъ клевету, хитро приписывая ее ненависти поляковъ къ евреямъ за ихъ преданность правительству.

Повѣренный этотъ не только выигралъ гродненское дѣло, но ему удалось выхлопотать высочайшее повелѣніе, объявленное 6 марта 1817 года: „чтобы евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей по одному предразсудку, будто они имѣютъ нужду въ христіанской крови и что еслибы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ—безъ предубѣжденія однакожъ, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови—то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи“ и пр. Сверхъ того мѣстному губернскому начальству сдѣлано было высочайшее замѣчаніе. Гродненское дѣло, по настоянію мѣстнаго прокурора, было возобновлено чрезъ 10 лѣтъ и крещеный еврей Савицкій вызвался изобличить жидовъ. Государственный совѣтъ положилъ дѣло прекратить, какъ за 10-лѣтнею давностью, такъ и потому, что „такого рода изслѣдованія возбранены помянутымъ высочайшимъ повелѣніемъ“ [1]).

---

[1]) Въ числѣ сочиненій, прочитанныхъ авторомъ „Разысканія“, не было ему извѣстно одно, знаменитаго богослова Герреса (Görres) подъ заглавіемъ: „Mystique divine, naturelle et diabolique“. Въ томѣ, трактующемъ о сей послѣдней мистикѣ (IV), цѣлый отдѣлъ посвященъ разсказамъ объ убіеніи евреями христіанскихъ дѣтей. Самый древній изъ этихъ разсказовъ упоминаетъ о случившемся въ Англіи, въ 1144 году, похищеніи и умерщвленіи ребенка Вилліама Норвичъ. Затѣмъ подобные случаи послѣдовали во Франціи въ 1171 и 1179 годахъ, въ Англіи въ 1181. По доносамъ королю Филиппу-Августу, что евреи каждый годъ, къ своему празднику Пасхи (Пейсахъ), умерщвляютъ по крайней мѣрѣ по одному христіанскому ребенку, всѣ они въ 1182 году были изгнаны изъ Франціи; однакожъ въ 1198 году эдиктъ объ этомъ былъ отмѣненъ. Между тѣмъ, въ отмщеніе за свое изгнаніе, евреи въ городѣ Бріеннѣ, поймавъ двухъ христіанъ, бичевали ихъ, вѣнчали терновыми коронами и наконецъ распяли, за что 82 еврея были сожжены. Въ теченіе всего XIII вѣка повторяются обвиненія евреевъ и казни за преступленія того-же рода. По обвиненію въ похищеніи и профанаціи св. причастія и въ распятіи христіанскаго младенца, евреи въ 1492 году были изгнаны изъ Испаніи и т. д. и т. д. У Герреса исчислено еще много другихъ примѣровъ, но мы ограничимся тѣми, которые здѣсь приведены.

По поводу дѣла, внушившаго графу Перовскому мысль порученія произвести извѣстное разысканіе, этотъ министръ обращался къ министру статсъ-секретарю Царства Польскаго, края, гдѣ населеніе еврейское столь многочисленно, съ вопросомъ: какія въ дѣлахъ Царства могутъ быть свѣдѣнія по настоящему предмету? Дѣйствительный тайный совѣтникъ Туркулъ отвѣчалъ, что въ Царствѣ, особенно въ прежнее время, производилось не мало дѣлъ по обвиненію евреевъ въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей и также не мало было уличенныхъ по тогдашнимъ формамъ процедуры и казненныхъ евреевъ. Но самый замѣчательный случай имѣлъ мѣсто въ XVIII вѣкѣ въ городѣ Ка-

Уполномоченный отъ евреевъ по гродненскому дѣлу былъ богатый еврей Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда, Зундель Зонненбергъ. По окончаніи съ такимъ торжественнымъ выигрышемъ дѣла, для котораго пріѣзжалъ въ Петербургъ, онъ выпросилъ для себя громкое оффиціальное званіе „депутата еврейскаго народа“ и оставался въ столицѣ для ходатайства по всякимъ жидовскимъ дѣламъ, доходившимъ до сената и государственнаго совѣта. Какъ обыкновенно съ людьми этой расы бываетъ, успѣхи развели въ Зунделѣ громадную фанаберію. Онъ вообразилъ себѣ, что званіе депутата „народа“ ставитъ его наравнѣ съ иностранными послами, держалъ себя и поступалъ согласно съ этой мечтою. Въ этой ролѣ онъ былъ очень смѣшонъ; но располагалъ большими деньгами, а съ ними позволяется быть и смѣшнымъ: „la capa todo tapa“, какъ говорятъ испанцы.

Между тѣмъ, въ самый разгаръ такой полезной дѣятельности израильскаго посланника, съ нимъ самимъ, въ 1821 году, случилась страшная невзгода; а всему оказался виновникомъ древній проказникъ Купидонъ... Единственная дочь Зунделя, хорошенькая Лія, страстно влюбилась въ сосѣда, помѣщика Волковыскаго уѣзда, Болтуця. Онъ увезъ ее изъ родительскаго дома, обратилъ въ христіанку и женился на ней. Лія, страстно любимая отцомъ, не преминула въ память о немъ, захватить съ собою всѣ деньги, бывшія въ домѣ, и много цѣнныхъ вещей. По полученіи объ этомъ извѣстія, Зундель стремглавъ поскакалъ изъ Петербурга въ Волковыскъ и затѣялъ дѣло съ похитителемъ дочери; но никакого удовлетворенія не получилъ. Бракъ былъ законный, Лія была совершеннолѣтняя и заявила твердую рѣшимость остаться католичкою.

Зундель, убитый горемъ, не возвращался уже въ Петербургъ; тамъ признано наконецъ неумѣстнымъ, по крайней мѣрѣ ненужнымъ, имѣть оффиціальнаго представителя жидовскихъ интересовъ.

лишѣ. Онъ былъ такъ возмутителенъ, что по наказаніи виновныхъ состоялось сеймовое постановленіе, вслѣдствіе котораго обитавшіе въ Калишѣ евреи на вѣчныя времена обязаны были, въ годовщину совершенія преступленія, собираться всѣ босоногіе, въ смертныхъ рубашкахъ (саванахъ), съ веревочными петлями на шеѣ, съ зажженными свѣчами въ рукѣ, и девять разъ обойти вокругъ собора. Эта искупительная церемонія практиковалась до самаго раздѣла Польши. О. П.

Эту историческую личность я видѣлъ въ первый и въ послѣдній разъ въ городѣ Слонимѣ, по слѣдующему случаю.

Тамъ, въ одну темную ночь, главная въ городѣ церковь каноников регулярныхъ (монашествующихъ) была до чиста ограблена. Городничій Конопка открылъ, что кража была сдѣлана четырьмя жидами, слѣдовавшими изъ Могилева чрезъ Слонимъ въ мѣстечко Зельву на большую ярмарку, куда ежегодно въ августѣ отовсюду стекались всякіе мошенники. По тщательнымъ розыскамъ городничему удалось поймать воровъ на дѣлѣ съ поличнымъ, когда они ночью, въ погребѣ одной жидовки, дѣлили между себя добычу, ломали и распиливали кресты и священные сосуды. Всѣ они, вмѣстѣ съ хозяйкой погреба, были посажены въ острогъ. При этомъ открылось, что подъ цѣлымъ кварталомъ города, занимаемымъ домами евреевъ, называемымъ „Школьный дворъ", устроены подземные ходы, въ видѣ погребовъ, которые, какъ парижскія катакомбы, сообщались одни съ другими, составляя одно большое подземелье. Этимъ объяснилось, почему многія кражи въ городѣ оставались неоткрытыми. Такимъ образомъ слонимскіе жиды составляли настоящее тайное общество и не безъ основанія можно предполагать, что подобныя подземелья должны существовать и въ другихъ городахъ, гдѣ еврейское населеніе занимаетъ отдѣльные кварталы. Слонимскіе жиды, въ отчаяніи, что ихъ собратья попались въ тяжкомъ преступленіи и съ свойственнымъ ихъ племени шовинизмомъ увѣренные во всемогуществѣ Зунделя, находившагося въ то время въ Волковыскѣ, вызвали его оттуда для спасенія упомянутыхъ воровъ. Зундель имѣлъ настолько глупой самонадѣянности, что послушался этого вызова и пріѣхалъ въ Слонимъ прямо къ городничему. Все жидовское населеніе собралось предъ домомъ послѣдняго, шумно привѣтствуя своего покровителя, и ожидало на улицѣ исхода переговоровъ, въ успѣхѣ которыхъ не сомнѣвалось. Я былъ свидѣтелемъ сцены, когда Зундель, со смѣшною важностью, выговаривалъ городничему его „поспѣшность" въ арестованіи евреевъ, такъ какъ ихъ народъ пользуется теперь благосклонностью власти, при чемъ не преминулъ намекнуть о своемъ кредитѣ въ столицѣ. Наконецъ потребовалъ формально, чтобы „подозрѣваемые въ кражѣ", какъ онъ выразился, были немедленно освобождены, угрожая даже отвѣтственностью за поспѣшность въ ихъ арестованіи. Но Конопку,

бывшаго полковника наполеоновской арміи, отличившагося въ испанской кампаніи, напугать было не легко. Онъ началъ съ того, что велѣлъ полицейскимъ разогнать нагайками жидовскій митингъ, а затѣмъ, обратясь къ Зунделю, сказалъ: „вы вѣрно хотите пошутить, господинъ депутатъ еврейскаго народа, домогаясь увольненія воровъ, пойманныхъ лично мною на дѣлѣ и сознавшихся въ преступленіи. Можете быть увѣрены, что хотя-бы и вы взялись ихъ защищать, они получатъ заслуженное число ударовъ кнутомъ и будутъ сосланы въ Сибирь. Совѣтую вамъ не расходовать вашего кредита на подобныя дѣла“. Зундель послушался благого совѣта и уѣхалъ обратно, оставивъ своихъ слонимскихъ единовѣрцовъ въ крайнемъ недоумѣніи отъ такой неудачи.

Приведенныя подробности довольно характеристичны, чтобы по этому случаю сказать нѣсколько словъ о томъ, что̀ такое жидовскій умъ, какъ мы его съ давняго времени изучили.

Евреи, безспорно, народъ интеллигентный, но признать это можно только условно и съ необходимыми оговорками, такъ какъ есть различные роды интеллигенцій, а въ нихъ и различныя степени. Съ самаго юнаго, даже съ дѣтскаго возраста, ихъ заставляютъ выучивать чрезвычайно сложный кодексъ ихъ вѣроисповѣданія, гдѣ основные догматы моисеева закона перепутаны и извращены многими нелѣпыми толкованіями и произвольными дополненіями комментаторовъ, авторовъ талмуда. Это начало образованія, съ одной стороны, заставляя ученика много мыслить и многое помнить, развиваетъ въ немъ эти способности, но съ другой, запутываетъ ихъ и даетъ имъ ложное направленіе, такъ какъ то, надъ чѣмъ мышленіе и память упражняются, нелѣпо. Такое первоначальное воспитаніе не можетъ не повліять на всю интеллектуальную жизнь субъекта, на складъ его ума и его отправленій. Къ тому же талмудъ учитъ чуждаться и ненавидѣть иновѣрцовъ и даже не считать ихъ за ближнихъ [1]), и представляя евреевъ первенствующимъ въ человѣчествѣ народомъ, развиваетъ громадное самообожаніе, гордость, чувство самое вредное для правильнаго мышленія. Вмѣстѣ съ этимъ страстное любостяжаніе составляетъ

[1]) Талмудъ, книга Сенхедринъ, раздѣлъ 7, листъ 59, а также многія мѣста какъ въ самыхъ талмудахъ, такъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ раввиновъ. О. П.

главный фундаментъ характера и также, какъ всякая страсть, дурно вліяетъ на отправленіе разума. Изъ всего этого хаоса нелѣпостей, исключительности, жадности, неоправданной гордости, выраждается своеобразный процессъ мышленія, логика sui generis, нисколько не похожая на обыкновенную, имѣющую извѣстный методъ и ведущую прямо къ предположенной цѣли. Силлогизмы же еврейской логики сразу озадачиваютъ своею эксцентричностью, но не убѣждаютъ; въ нихъ выдаются слабыя и даже смѣшныя стороны. Въ выводахъ сквозитъ почти всегда неискренность, есть что-то неполное, недосказанное, но за то много лишняго.

Эта характеристика почти безъ исключенія отличаетъ складъ ума евреевъ, даже и тѣхъ, которые приняли христіанство, и даже по закону атавизма (наслѣдственности)—ихъ потомковъ. Кто пожелалъ бы провѣрить справедливость сказаннаго здѣсь, тому предлагаемъ послушать въ нынѣшнихъ гласныхъ судахъ рѣчи адвокатовъ іерусалимскаго происхожденія. Въ нихъ есть и много неумѣстнаго паѳоса съ атаксическою жестикуляціею, и логическіе пріемы, болѣе или менѣе натянутые („tirés par les cheveux", какъ говорятъ французы), всегда различные отъ тѣхъ, которые въ данномъ случаѣ были бы употреблены не евреями. Та же родовая закваска отзывается (mutatis mutandis) и въ хитро-мудрыхъ аргументаціяхъ теперешняго (писано въ 1878 г.) британскаго перваго министра, графа Биконсфильда, бывшаго д'Израели.

Евреи хвастаютъ своею образованностью; это можетъ быть справедливо относительно ихъ единовѣрцовъ, живущихъ въ другихъ европейскихъ странахъ, но отнюдь не тѣхъ, которые съ давняго времени населяютъ бывшую Польшу, а теперь начинаютъ населять и великороссійскіе города. Эта образованность вся почерпнута изъ ихъ талмуда, который они считаютъ альфою и омегою всѣхъ знаній. Но они чужды обще-европейскому образованію. Наглядный примѣръ этому я видѣлъ въ 1851 году въ Варшавѣ. Тамъ, въ іюнѣ, имѣло мѣсто полное солнечное затмѣніе. Даже простые мѣщане съ спокойнымъ любопытствомъ разсматривали рѣдкое явленіе; евреи же собрались въ массѣ за городомъ на возвышеніи, и когда въ срединѣ затмѣнія сдѣлалось темно, то огласили окрестность отчаянными воплями, ожидая свѣтопредставленія. Не смотря на такое незнаніе астрономіи, надъ простымъ народомъ славянскаго корня евреи всегда и вездѣ имѣютъ

неоспоримое превосходство, а причина тому, что евреи свободны отъ двухъ славянскихъ недостатковъ: лѣни и пьянства. О послѣдствіяхъ этого преимущества для нашего простого народа излишнимъ было бы распространяться; эти неутѣшительныя послѣдствія всѣмъ извѣстны. Да и высшіе, образованные классы въ городахъ, населенныхъ жидами, не свободны отъ ихъ вліянія. Еще князь Г. А. Потемкинъ мѣтко называлъ ихъ „навигаціей Польши". Если и согласиться съ этой характеристикою, то надо прибавить, что эта навигація всегда обходилась и обходится полякамъ слишкомъ дорого, дороже всякаго флота. Въ 1875 году я имѣлъ въ рукахъ замѣчательную книгу подъ заглавіемъ „жидовскіе кагалы". Авторъ съ полнымъ знаніемъ дѣла описываетъ подробно средства и пріемы, употребляемые евреями для упроченія за ними ихъ негласнаго могущества. Если вѣрить автору, іудаизмъ составляетъ одно огромное тайное общество, государство въ государствѣ, (status in statu). Тамъ, гдѣ онъ водворенъ постоянно, всѣ христіане и другіе жители ходятъ подъ его властью безсознательно, опутанные, какъ паутиною, незримою, но крѣпкою сѣтью денежныхъ отношеній.

Въ древнее время между евреями составилась было секта саддукеевъ [1]). Ихъ вѣроисповѣданіе, вѣрнѣе ихъ программа, заключалась въ томъ, что они отвергали всѣ религіи, всѣ законодательства, всѣ государственныя и общественныя установленія. Конечно цѣлью этого раскола было возвращеніе рода человѣческаго къ состоянію природы, для котораго онъ созданъ, такъ, чтобы освободясь отъ всѣхъ стѣсняющихъ волю его узъ, онъ могъ безпрепятственно слѣдовать природнымъ, то есть чисто животнымъ, инстинктамъ. Читатель видитъ, что еврейскій саддукеизмъ— это точь въ точь современный нашъ коммунизмъ, интернаціоналъ, соціялъ-демократизмъ, нигилизмъ. Въ средѣ еврейскаго народа, саддукеизмъ, въ видѣ отдѣльной секты, уже не существуетъ, такъ какъ ученіе саддукеевъ сдѣлалось космополитическимъ и приняло размѣры повсемѣстнаго заговора противъ религіи, порядка и собственности. Въ наше время мы нерѣдко видимъ ужасающія проявленія этого адскаго плана въ фактическихъ злодѣяніяхъ. Есть одно ненапечатанное сочиненіе, въ которомъ доказывается, что

---

[1]) Упоминаемые въ евангеліи „книжники и фарисеи" не составляли корпорацій: то были единичные лже-мудрецы и тартюфы. О. П.

полное осуществленіе саддукейской доктрины составляетъ теперь задачу и конечную цѣль одного древняго тайнаго общества, распространеннаго почти повсюду, скрывающагося до времени подъ благовидными формами [1]).

Говоря объ іудаизмѣ, нельзя пройти молчаніемъ важнаго по своимъ послѣдствіямъ историческаго факта, случившагося во второй половинѣ прошедшаго вѣка.

Въ 1757 году пріѣхалъ изъ Валахіи въ Польшу еврей Іаковъ Франкъ, и заявилъ, что онъ намѣренъ ввести реформу въ еврейской религіозной доктринѣ, извращенной ученіями талмудовъ. Приверженцы послѣднихъ упрекали Франка въ невѣріи, онъ же поддерживаемъ былъ нѣкоторыми вліятельными особами. Наконецъ спорящіе согласились устроить публичное состязаніе передъ духовнымъ католическимъ судомъ во Львовѣ (Лембергѣ), съ тѣмъ, что побѣжденные должны будутъ принять римско-католическую вѣру. Франкъ, послѣ продолжительныхъ словопреній, призналъ себя побѣжденнымъ и вслѣдствіе этого былъ тогда же крещенъ со всѣми своими приверженцами; значительнѣйшія особы тамошняго края были крестными отцами неофитовъ. Изъ Львова Франкъ прибылъ въ Варшаву, гдѣ вслѣдствіе его проповѣдей число евреевъ, принявшихъ христіанство, значительно умножилось и эти-то новые христіане и названы были франкистами. Какъ однакожъ стало извѣстнымъ, что Франкъ, собирая неофитовъ, разсказываетъ имъ о своихъ странныхъ видѣніяхъ, то онъ былъ допрашиваемъ въ духовномъ судѣ и показалъ, что до прибытія его въ Польшу, Іисусъ Христосъ и Илья пророкъ являлись ему и приказывали обращать евреевъ. Судъ не подвергъ его наказанію, но въ предупрежденіе вреднаго вліянія его фантастическихъ разсказовъ, заключилъ его на время въ Ченстоховскій монастырь. По выходѣ оттуда, Франкъ отправился въ Австрію, гдѣ императрица Марія Терезія оказывала ему покровительство, желая помощью его обратить евреевъ своихъ подданныхъ въ христіанство. Франкъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Бруннѣ, затѣмъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Франкфуртъ, не переставая оставаться главою

---

[1]) Упоминаемое здѣсь сочиненіе принадлежитъ перу самого покойнаго Осипа Антоновича Пржецлавскаго, которымъ онъ и былъ занятъ въ послѣдніе годы своей жизни. Ред.

крестившихся по его внушенію франкистовъ, и получать отъ нихъ значительную субсидію. Въ Франкфуртѣ онъ зажилъ на подобіе маленькаго царя. У него, изъ его послѣдователей, были каммеръ-геры, пажи и тѣлохранители, конвоировавшіе его въ поѣздкахъ. Франкъ умеръ въ 1797 году, былъ похороненъ по католическому обряду и на его могилѣ поставленъ крестъ.

Въ статьѣ журнала „Foreign Quarterly Review“ 1842 года, между прочимъ сказано: „По смерти Франка его дочь предводительствовала общинѣ франкистовъ. Увѣряютъ, что въ настоящее время, (1842 годъ) главою ихъ есть знаменитый адвокатъ, бывшій членъ послѣдняго (мятежническаго) польскаго сейма, живущій теперь въ изгнаніи во Франціи“.

Здѣсь авторъ статьи безъ сомнѣнія разумѣлъ покойнаго Воловскаго, знаменитаго ученаго, члена французской академіи, съ которымъ я познакомился въ Карлсбадѣ въ 1875 году. Но я слышалъ другую версію, именно, что преемникомъ Франка былъ одинъ варшавскій франкистъ Крысинскій, а по немъ главенство надъ общиной наслѣдовалъ его сынъ Александръ, сдѣлавшійся очень извѣстнымъ въ Петербургѣ въ 1830 и 1840 годахъ. Объ немъ будетъ сказано ниже.

Далѣе авторъ статьи „Иностраннаго трехмѣсячнаго обозрѣнія“ пишетъ: „Нѣкоторые утверждаютъ, что франкисты только *по* наружности христіане, въ душѣ же остаются мазаистами. Разрѣшеніе этого сомнѣнія весьма трудно“ и пр. „Доктрина Франка никогда не была вполнѣ изслѣдована. По слухамъ онъ научалъ, что пророкъ Илія и Христосъ пребываютъ на землѣ и продолжаютъ назначать двѣнадцать апостоловъ, для распространенія христіанства“ и пр. Упрекаютъ франкистовъ въ исключительности и пристрастіи, съ какими они благопріятствуютъ не только лицамъ своей категоріи, но и некрещеннымъ евреямъ“ и пр.

Какъ бы то ни было, учрежденіе секты франкистовъ имѣло важныя и въ общественномъ, и въ государственномъ отношеніяхъ послѣдствія. Неофиты Франка, изъ презираемыхъ паріевъ, сразу нашлись сравненными во всемъ съ дворянами, а это открыло имъ путь ко всевозможнымъ карьерамъ. Многіе не замедлили воспользоваться этимъ; достигли высокихъ служебныхъ положеній и въ самомъ Царствѣ Польскомъ, и за его предѣлами; многіе породнились съ древними дворянскими домами. Такимъ образомъ Франкъ

сдѣлался истиннымъ благодѣтелемъ своего племени и не безъ основанія нѣкоторые его послѣдователи признавали Франка ожидаемымъ евреями Мессіею.

Съ евреями-талмудистами, хассидами и другими сектантами разительный и отрадный контрастъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ немногочисленная отрасль израильской націи, евреи-караиты или караимы. Они, какъ сами утверждаютъ, оставили Палестину и поселились въ турецкихъ владѣніяхъ еще до пришествія Іисуса Христа и потому проклятіе, которое сами на себя навлекли іерусалимскіе евреи, настаивая на преданіи Спасителя казни, сказавъ: „кровь его на насъ и на чада наши", не распространяется на нихъ, караимовъ. Они признаютъ Христа великимъ пророкомъ, праведникомъ, пострадавшимъ безвинно. Караимы отвергаютъ всѣ талмуды и всѣ раввинскія толкованія священнаго писанія и строго соблюдаютъ лишь чистый моисеевъ законъ. Съ талмудистами они избѣгаютъ всякаго общенія.

Такой сепаратизмъ имѣлъ самыя благотворныя послѣдствія. Караимы отличаются строгою честностью, добросовѣстностію, миролюбіемъ и чистотою нравовъ. Никогда не было ни одной развратной женщины изъ этого племени. Въ мѣстахъ, гдѣ они обитаютъ съ давняго времени, какъ-то въ Крыму и двухъ литовскихъ городахъ: въ Трокахъ и въ Луцкѣ, не было примѣра, чтобы караимъ обвинялся въ уголовномъ дѣлѣ или даже былъ къ нему прикосновенъ. Къ христіанамъ они не питаютъ никакого враждебнаго чувства. Многіе занимаются земледѣліемъ, тогда какъ талмудисты чувствуютъ къ нему непреодолимое отвращеніе.

Эти качества имѣли благопріятное вліяніе и на наружность караимовъ; они представляютъ собою чистый семитическій типъ, замѣчательно красивый. Физіономія ихъ съ умнымъ, серьезнымъ выраженіемъ, не имѣетъ той весьма непріятной, стереотипной кислосладкой полу-улыбки, происходящей отъ какой-то особенности зигоматическаго мускула, свойственной всѣмъ евреямъ талмудистамъ, отражающейся на лицахъ даже отдаленнѣйшихъ крещенныхъ ихъ потомкахъ. И тутъ еще приходится мнѣ сослаться на портреты лорда Биконсфильда [1]).

---

[1]) Лицо англійскаго премьера имѣетъ почти родственное сходство съ лицомъ сдѣлавшагося въ 1830 и 1840-хъ годахъ извѣстнымъ въ Петербургѣ подрядчика Фейгина. О. П.

Говоря о физіономіи евреевъ, необходимо замѣтить, что все о ней сказанное не примѣняется къ ихъ женщинамъ. Лица послѣднихъ имѣютъ типъ болѣе разнообразный, болѣе благородный. Между ними есть много замѣчательныхъ красавицъ; въ областяхъ бывшей Польши особенною красотою отличаются еврейки городовъ Вильны, Бердичева, Могилева на Днѣстрѣ. Отъ единоплеменныхъ мущинъ различаетъ евреекъ еще и то, что тѣ изъ нихъ, которыя приняли христіанскую вѣру и вышли за мужъ за христіанъ, не передаютъ своему потомству жидовскаго типа, тогда какъ онъ упорно сохраняется въ физіономіи даже отдаленныхъ потомковъ жида-мущины. Такія преимущества женскаго пола надъ мужскимъ одного и того же племени религіозные писатели объясняютъ слѣдующимъ историческимъ фактомъ. Когда іерусалимскіе евреи съ такою настойчивостью домогались смерти Спасителя, женщины, въ противность кровожаднымъ трикотёзамъ первой французской революціи и петролёзамъ парижской коммуны, не принимали никакого участія въ богоубійственномъ дѣлѣ и даже, когда совершалось распинаніе Христа, то еврейки, присутствовавшія при этомъ, плачемъ и рыданіями протестовали противъ этого злодѣянія. Вслѣдствіе такого поведенія, женскій еврейскій полъ остался навсегда свободнымъ отъ проклятія, которое ихъ мущины навлекли сами на себя и на своихъ потомковъ. Тоже самое обстоятельство повліяло на сохраненіе въ физіономіи евреекъ прекраснаго семитическаго типа, который у мущинъ подвергся такому неизящному извращенію.

Еще одна черта наружной характеристики евреевъ-мущинъ. Прямой ростъ они сохраняютъ только въ молодости; послѣ 25—30 годовъ всѣ дѣлаются болѣе или менѣе сутуловатыми. Справедливость требуетъ прибавить, что тѣ изъ евреевъ, которые обратились въ христіанство по искреннему убѣжденію, содѣлываются ревностными примѣрными сынами церкви, какъ напримѣръ католическіе священники о. Ратисбонъ, о. Дракъ и другіе.

Возвращаемся къ графу Перовскому.

Изъ книги о жидахъ, сочиненной по его приказанію, онъ, сколько мнѣ извѣстно, не сдѣлалъ никакого употребленія и дѣло, давшее поводъ къ этому приказанію, имѣло такія же послѣдствія, какъ и всѣ предшествовавшія, то есть никакого.

По возникновеніи крымской кампаніи, по иниціативѣ, кажется,

графа Перовскаго, остававшагося и министромъ удѣловъ, сформированъ былъ изъ удѣльныхъ крестьянъ баталіонъ стрѣлковъ императорской фамиліи. Перовскій былъ назначенъ командиромъ его съ званіемъ генералъ-адъютанта и постоянно уже щеголялъ въ красивомъ мундирѣ этого отборнаго войска [1]).

VII.

Англійскія скаковыя лошади и русскія донскія.—Состязаніе лошадей въ 1824 г.

Съ давняго времени продолжался между русскими и англичанами споръ объ относительномъ достоинствѣ верховыхъ лошадей тѣхъ и другихъ. Споръ этотъ безпрестанно возобновлялся особенно за обѣдами въ петербургскомъ англійскомъ клубѣ. Русскіе утверждали, что донскія казацкія лошади лучше и сильнѣе англійскихъ скаковыхъ и если послѣднія на маломъ разстояніи и могутъ иногда опередить донцовъ, то въ болѣе продолжительномъ бѣгѣ казацкія всегда останутся побѣдителями. Англичане утверждали противное въ обоихъ отношеніяхъ: и быстроты бѣга, и выносливости. Наконецъ въ 1824 году обѣ стороны согласились разсудить эту распрю рѣшительнымъ опытомъ и значительною суммою выигрыша. Съ обѣихъ сторонъ на пари было положено по сту тысячъ рублей ассигнаціями. Составлено формальное условіе, а для того чтобы и качество выносливости было принято въ расчетъ и не могло дать повода къ дальнѣйшимъ спорамъ назначено разстояніе болѣе 80 верстъ, именно: отъ заставы въ Петербургѣ, до Гатчины и обратно. Состязающіеся должны были проѣхать въ арку гатчинскихъ городскихъ воротъ и оттуда поворотить въ обратный путь. У петербургской заставы и у гатчинской арки сидѣли судьи, депутаты отъ обѣихъ сторонъ. Въ условіи было оговорено, подъ честнымъ словомъ, что пари должно рѣшить споръ окончательно, что проигравшая сторона должна признать себя безусловно побѣжденною, что никакіе резоны къ оспариванію выигрыша и къ оправданію проигрыша не будутъ приняты и что

---

[1]) Намъ придется еще упомянуть о графѣ Перовскомъ по одному случаю изъ его управленія. См. ниже о Крысинскомъ. О. П.

послѣ такой рѣшительной пробы никто не будетъ въ правѣ возобновлять споръ.

Весь Петербургъ былъ заинтересованъ исходомъ состязанія, но ближе знающіе дѣло были напередъ увѣрены въ выигрышѣ англичанъ. Они вѣдь вообще играютъ на вѣрное. Какъ ни хороши донскія лошади, но прежде чѣмъ за ихъ честь рисковать 100,000 р., нужно было, не увлекаясь славянскимъ шовинизмомъ, припомнить какъ англичане выработали своихъ чистокровныхъ (pure-blood) скакуновъ. Для этого они, чуждые смѣшного пристрастія къ своимъ собственнымъ лошадямъ, въ теченіе 400 лѣтъ дѣлали всевозможныя пробы, скрещая всѣ лучшія породы, пока наконецъ не остановились на комбинаціи, не оставляющей ни желать, ни предвидѣть ничего лучшаго. При томъ же воспитаніе лошадей, предназначаемыхъ для скачекъ и ихъ всадниковъ, джокеевъ, доведено тамъ до совершенства.

Для этого знаменитаго международнаго пари русскими выписаны были съ Дона три прекрасныя лошади. Какъ звали двухъ — я забылъ, помню только, что тотъ конь, на которомъ главнѣйше основаны были надежды, носилъ побѣдоносное имя Леонида. Англичанамъ прислали изъ Лондона двухъ коней, одинъ считался даже не первымъ, а вторымъ скакуномъ въ Англіи и имѣлъ многозначущую кличку Шарперъ (Sharper, то есть Шулеръ), другой, второстепенный, назывался Нитрогенъ. Бѣгъ назначенъ былъ на 4 августа и, во избѣжаніе жары, долженъ былъ начаться въ 6 часовъ утра. Не смотря на такой ранній часъ, несмѣтное число петербуржцевъ въ экипажахъ и пѣшкомъ собралось у заставы въ ожиданіи небывалаго въ столицѣ сѣвера зрѣлища. Многіе зрители размѣстились въ различныхъ разстояніяхъ вдоль дороги почти до самой Гатчины. За даннымъ сигналомъ всѣ лошади пустились вмѣстѣ. Сначала, на первыхъ верстахъ, всѣ онѣ шли ровно. Затѣмъ, какъ разсказывали стоявшіе на дорогѣ, Леонидъ, понуждаемый своимъ джокеемъ, молодымъ казакомъ, сталъ значительно опережать соперниковъ. Немолодой, опытный джокей Шарпера, напротивъ, не пуская его въ полный бѣгъ, старался только удерживаться въ одинаковомъ отъ Леонида разстояніи. Онъ очевидно сберегалъ силы своего коня, думая болѣе объ обратномъ пути, на которомъ поединокъ долженъ былъ рѣшиться. Не доѣзжая Гатчины, онъ даже сошелъ съ коня, вы-

теръ его всего шерстяною попоною, и влилъ ему въ горло бутылку гоголь-моголя изъ яицъ и рома. Въ Гатчину онъ пріѣхалъ не много послѣ казацкой лошади.

Только на возвратномъ пути Шарперъ сталъ опереживать Леонида и держать его позади себя въ отдаленіи, увеличивающемся съ каждою минутою. Казацкія лошади давали уже признаки усталости, англійскія же были свѣжи и бодры. Наконецъ Шарперъ, а вскорѣ за нимъ и Нитрогенъ, прискакали первыми къ петербургской заставѣ, казацкія же лошади далеко отстали, а изъ нихъ Леонидъ на цѣлыхъ семь верстъ. Одна изъ донскихъ лошадей потеряла подковы и захромала, третья пришла едва живая и на другой день пала.

Такъ рѣшился многолѣтній споръ.

Передъ началомъ бѣга между несмѣтнымъ числомъ пріѣхавшихъ изъ города зрителей завязалось множество пари, нѣкоторыя изъ нихъ на значительныя суммы; я выигралъ 50 р., держа за Шарпера.

На третій день послѣ этого бѣга, была новая скачка, въ которой бо̀льшею частью состязались англійскія лошади, а между ними прекрасная кобыла Lyra, графа Матусевица, россійскаго посланника въ Лондонѣ. Жеребецъ Шулеръ вновь обыгралъ всѣхъ на большую сумму [1]).

VIII.

Княгиня Софья Григорьевна Волконская—жена министра императорскаго двора, фельдмаршала кн. П. М. Волконскаго.

Княгиня Софья Григорьевна Волконская, рожденная княжна Рѣпнина, статсъ-дама, жена министра императорскаго двора, фельдмаршала князя Петра Волконскаго, жила почти постоянно въ чужихъ краяхъ, бо̀льшею частью въ Парижѣ.

Она изрѣдка пріѣзжала въ Петербургъ и хотя состояла съ мужемъ въ дружескихъ отношеніяхъ, но жила всегда въ домѣ

[1]) Въ одинъ изъ 1850-хъ годовъ имѣло мѣсто въ Каирѣ, по вызову хедива, состязаніе англійскихъ лошадей съ арабскими чистой крови. Выиграли англійскія. О. П.

дочери своей, Алины, въ замужствѣ Дурново, на Англійской набережной. Жена моя, дочери ея отъ перваго брака, дѣвицы Хвостовы и я были близко знакомы съ княгиней. Она также часто бывала у овдовѣвшей въ 1846 году княгини Любецкой и была постоянною сотрапезницей четверговыхъ обѣдовъ послѣдней.

Княгиня Софья Григорьевна и по происхожденію своему, и по положенію—аристократка и вполнѣ великосвѣтская дама, была при томъ одарена замѣчательнымъ умомъ, отличалась необыкновенно серьезною начитанностью, много путешествовала, вращалась всегда въ высшихъ кругахъ общества, въ интимной же бесѣдѣ очаровывала непринужденностью, отсутствіемъ всякой натянутости. Когда я зналъ ее въ 1840-хъ годахъ, княгинѣ было уже подъ 60, а можетъ и за 60 лѣтъ, но физическою бодростью, свѣжестью ума и памяти она превосходила многихъ молодыхъ женщинъ.

Княгиня Софья была очень добрая особа, усердно помогала своимъ вліяніемъ всѣмъ, которые къ ней обращались и которыхъ признавала заслуживающими ея покровительства. Многіе достойные люди обязаны ей своей карьерой. Къ нуждающимся въ матеріяльной помощи она была даже щедра и не малая часть значительныхъ ея доходовъ обращаема была на добрыя дѣла [1]). А вмѣстѣ съ тѣмъ, по дивному контрасту, она была скупа до крайности, до смѣшного. Объ этомъ есть много анекдотовъ; приведу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе характеристичные.

Я сказалъ уже, что княгиня Софья бывала на еженедѣльныхъ обѣдахъ княгини Любецкой. Въ одинъ четвергъ, когда мы всѣ, обыкновенные гости, собрались уже къ 5 часамъ, княгини Волконской еще не было. Хозяйка, знавшая ея аккуратность, удивлялась этому и объявила, что подождетъ еще четверть часа (le quart d'heure de grâce).

Минутъ чрезъ десять послышался звонокъ и ожидаемая гостья вошла въ прихожую. Хозяйка вышла къ ней на встрѣчу, но гостья просила ее не безпокоиться и сказала, что пойдетъ на минутку по корридору и возвратится немедленно. Супъ уже былъ на столѣ, когда княгиня возвратилась; минутную ея отлучку всѣ

---

[1]) Въ одномъ случаѣ она пожертвовала въ пользу бѣдныхъ 30,000 франковъ.
О. П.

приписывали наиболѣе естественной причинѣ, но какъ послѣ оказалось—всѣ ошибались.

Бесѣда за обѣдомъ была оживленно-веселая и въ ней по обыкновенію расходовалось не мало того, что по французски называется esprit. Когда часа чрезъ два княгиня Софья уѣхала, то горничная княгини Любецкой объяснила значеніе экскурсіи гостьи передъ обѣдомъ. Княгиня Софья вручила ей пустую бутылку, прося сходить въ кухню и, наполнивъ ее бульономъ, отдать ей при отъѣздѣ. Наша хозяйка нисколько этимъ не была удивлена, зная, что ея пріятельница имѣла обыкновеніе, когда пила у ней чай, наполнять свои карманы сахаромъ и печеніями. Бульонъ же, по всему вѣроятію, былъ предназначенъ для больного старика г. Лебрена, которому княгиня Софья покровительствовала, помѣстила на службу при императорскомъ Эрмитажѣ и въ болѣзни навѣщала.

Во время первой всемірной выставки въ Лондонѣ, въ 1851 году, жена моя съ двумя дочерьми, дѣвицами Хвостовыми, была въ Парижѣ, гдѣ часто видывалась съ княгиней Волконской. Послѣдняя собиралась на выставку и предложила барышнямъ ѣхать съ нею въ Лондонъ, разумѣется на ихъ же счетъ. Предложеніе это принято было съ восторгомъ. Княгиня имѣла бриллiантовъ и другихъ драгоцѣнностей на большую сумму. Не желая брать ихъ съ собою въ дорогу, она рѣшилась заложить все это за незначительную сумму въ парижскомъ ломбардѣ (Mont de Piété). Надо знать, что она обыкновенно одѣвалась болѣе, чѣмъ скромно. Когда княгиня, явясь въ ломбардъ, развернула свою богатую коллекцію предъ чиновникомъ, принимавшимъ заклады, то дежурившій тамъ же агентъ сыскной полиціи не могъ не обратить вниманія на разительный контрастъ такихъ богатствъ съ бѣдностью наряда той, которая имѣла ихъ въ своихъ рукахъ. Онъ подождалъ совершенія заклада, но, послѣдовавъ за мнимой нищей, попросилъ ее отправиться съ нимъ къ полицейскому коммисару. Показаніе княгини, что она жена россійскаго министра и фельдмаршала, вызвало лишь улыбку на устахъ полисмена. Дѣлать было нечего и только когда княгиня была отведена подъ стражею на свою квартиру и показала паспортъ, то очистилась отъ подозрѣнія.

Княгиня Волконская недолго оставалась на одномъ мѣстѣ и много путешествовала по Европѣ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ

по Швейцаріи, она заѣхала въ одинъ малый городъ, чтобы повидаться съ поселившимся тамъ стариннымъ своимъ другомъ, графомъ Остерманомъ. Графъ очень обрадовался ея пріѣзду и предложилъ княгинѣ прожить нѣкоторое время у него. Она приняла предложеніе; ей была отведена прекрасная комната, но съ тѣмъ, что должна сама заботиться объ ея отопленіи. Княгиня часто выходила въ городъ одна. Разъ, когда возвратилась съ прогулки и у Остермана были гости, графъ, встрѣтивъ ее въ передней, хотѣлъ снять съ нея плащъ, но она, не допустивъ этого, спѣшила въ свою комнату. Но увы, посреди этихъ церемоній, плащъ распахнулся и изъ подъ него къ ногамъ графа выпало большое полѣно. Гостья, заручившись имъ во время экскурсіи, несла для своей печки. Можно себѣ представить послѣдовавшую комическую сцену.

Вѣроятно также изъ экономическихъ видовъ княгиня Софья не имѣла горничной; обязанности ея исполнялъ при ней лакей, по имени Николай, который сверхъ того исправлялъ всѣ лакейскія должности и былъ довѣреннымъ лицемъ.

Кромѣ путешествій по Европѣ, Волконская совершила дальній вояжъ въ южную Сибирь для свиданія съ сосланнымъ туда братомъ ея, декабристомъ. На возвратномъ пути она была застигнута на Байкалѣ страшнымъ снѣжнымъ бураномъ и почти чудомъ спаслась отъ неминуемой гибели. Если вѣрить преданію, княгиня была нѣкогда красавицей; въ то время, когда я зналъ ее, она сохранила только прямую осанку, талію и умное выраженіе въ черныхъ глазахъ. Лицо же было смуглое, суровое и носило типъ, подъ которымъ обыкновенно воображаемъ себѣ волшебницъ, дополняемый порядочными усами.

При всѣхъ своихъ и физическихъ, и нравственныхъ эксцентричностяхъ, княгиня Софья Григорьевна Волконская была очень замѣчательная дама по своимъ умственнымъ и душевнымъ качествамъ.

Предоставляемъ психологамъ объяснить сочетаніе въ характерѣ одной и той же личности такихъ противуположностей, какъ скаредная скупость съ благородствомъ чувствъ и щедрою благотворительностью.

IX.

Необъяснимое явленіе.

Теперь я намѣренъ разсказать бывшій со мною въ 1825 году странный случай. И тогда я не могъ, да и теперь не могу объяснить его никакими извѣстными намъ по наукѣ законами дѣйствующихъ въ природѣ факторовъ. Я могъ-бы назвать явленіе это сверхъ-естественнымъ, но считаю это слово выражающимъ понятіе ошибочное. Какъ-бы необычайно и дивно ни было явленіе, оно всегда естественно, такъ какъ за предѣлами естественности, то есть природы, ничего быть не можетъ. А если что нибудь кажется намъ переступающимъ за эти предѣлы, то это доказываетъ лишь, что мы еще не открыли и не изучили тѣхъ законовъ природы, которые управляютъ подобными явленіями. Приступаю къ разсказу.

Съ самаго пріѣзда въ Петербургъ въ 1822 году, я жилъ постоянно вмѣстѣ съ другомъ моимъ, товарищемъ по университету, Александромъ Парчевскимъ. Во время происшествія мы квартировали въ извѣстномъ домѣ Іохима, въ бывшей Мѣщанской (теперь Казанской) улицѣ, напротивъ Столярнаго переулка. Квартира наша, въ 3-мъ этажѣ, расположена была слѣдующимъ образомъ. При входѣ съ лѣстницы малая передняя, изъ ней налѣво большая кухня, съ окномъ, выходящимъ на лѣстницу такъ, что въ него можно было видѣть кто къ намъ приходитъ. Затѣмъ вторая передняя побольше первой. Она вела въ большую комнату, служащую намъ общею гостинною; изъ ней направо также общій кабинетъ, гдѣ каждый изъ насъ имѣлъ свое бюро. Налѣво изъ гостинной темная комната, общая наша спальня. Мы не обѣдали дома и въ кухнѣ помѣщался нашъ лакей Антонъ. Мы имѣли собаку, большого лягаваго кобеля Бекаса. Песъ этотъ былъ замѣчательно смышленое животное, до того, что въ томъ, что его лично интересовало, онъ понималъ нашъ разговоръ. Уходя со двора вечеромъ, когда мы отправлялись къ близкимъ знакомымъ, то брали съ собой Бекаса, что ему доставляло большое удовольствіе. Въ другихъ случаяхъ онъ оставался дома. Когда мы собирались уходить, Бекасъ напряженно прислушивался къ нашимъ рѣчамъ, самъ научившись понимать ихъ. Если мы согласились

между собою, что онъ пойдетъ съ нами, то онъ впадалъ въ радостный восторгъ, прыгалъ по комнатамъ, подавалъ намъ шляпы и палки. Если же уразумѣлъ, что долженъ остаться дома, то съ грустнымъ выраженіемъ въ глазахъ ложился подъ диванъ и въ негодованіи даже не провожалъ насъ до дверей. Еще одна въ своемъ родѣ единственная особенность. Ласками и наградами я пріучилъ его нюхать и даже ѣсть табакъ. То, что сначала онъ дѣлалъ въ угоду мнѣ, съ отвращеніемъ, обратилось потомъ въ привычку и когда кто при немъ открывалъ табакерку, то Бекасъ подходилъ и движеніемъ хвоста упрашивалъ позволить ему лизнуть табаку. Ночью это былъ самый чуткій стражъ.

Въ половинѣ октября товарищъ мой уѣхалъ на нѣсколько времени въ свое помѣстье въ Виленской губерніи, и въ квартирѣ остался я одинъ съ лакеемъ и съ собакой. Я велъ тогда жизнь довольно разсѣянную, бывалъ много въ свѣтѣ, но главное принадлежалъ къ кружку, гдѣ мы много играли, преимущественно въ самую завлекательную игру „квинтичъ“; вслѣдствіе этого я возвращался домой очень поздно, иногда на слѣдующее утро, и вообще не ложился ранѣе третьяго или четвертаго часа. Однажды я заболѣлъ такъ называемою жабою (опаснымъ воспаленіемъ горла) и долженъ былъ оставаться дома; тогда я читалъ часа съ два въ постели.

Въ первую же ночь, такъ проводимую дома, я продолжалъ читать, въ постели, когда часы прозвонили „страшный часъ полуночи“. Бекасъ спалъ въ углу на своей подушкѣ. Только вдругъ вижу я, что онъ встаетъ съ глухимъ ворчаніемъ и съ глазами, устремленными на дверь спальни. Потомъ замѣчаю въ собакѣ признаки необыкновеннаго волненія и страха. Она подходитъ ко мнѣ, вся шерсть встала на ней дыбомъ, глаза обращены на дверь, и она продолжаетъ ворчать и трясется всѣмъ тѣломъ. Это меня тѣмъ болѣе удивило, что когда что-нибудь тревожило ее ночью, то она обыкновенно не ворчитъ, а громко лаетъ и бросается впередъ. Я остаюсь въ недоумѣніи, когда вдругъ раздается сильный стукъ во входную дверь и кто-то шевелитъ ручкою отъ замка, какъ-бы усиливаясь отворить эту дверь, запертую ключемъ. Я сначала подумалъ, не возвратился ли внезапно съ дороги мой товарищъ и, позвавъ лакея, спросилъ его: не видѣлъ ли онъ изъ своего окна, кто такъ поздно, не звоня, ломается въ дверь? За-

спанный Антонъ принадлежалъ къ тому разряду слугъ, которые не много церемонятся съ своими господами, поэтому онъ и отвѣчалъ грубо: „Въ окно не видно никого, да и никого нѣтъ“.— „Кто же это стучитъ?“—„А кто его знаетъ? Это уже пятая ночь. Если бы вы приходили домой раньше, то слышали-бы это не въ первый разъ. Мнѣ сначала страшно было и я попросилъ знакомаго лакея жильца со второго этажа ночевать со мною; теперь уже привыкъ, пусть его стучитъ“.

Я всталъ, взялъ свѣчу и пошелъ къ двери, позвавъ собаку, но Бекасъ вмѣсто того, чтобы слѣдовать за мнюю, вскочилъ на мою постель и забился подъ одѣяло. Я сперва удостовѣрился, смотря въ окно лакейской, что у моихъ дверей дѣйствительно никто не стоялъ, какъ между тѣмъ замочная ручка не переставала стучать, шибко подымаясь и опускаясь. Я отперъ внезапно дверь, думая поймать кого-нибудь, такимъ образомъ забавляющагося, но не было никого. Когда дверь стояла отворена, то ручка переставала двигаться. Мнѣ пришла мысль, что быть можетъ изъ квартиры напротивъ моихъ дверей или съ лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, какой-нибудь шутникъ зацѣпилъ нитку за ручку и шевелитъ ею. Но по тщательному осмотру ничего подобнаго не оказалось. Антонъ между тѣмъ позволилъ себѣ подтрунивать надъ моими поисками. Какъ только дверь была опять заперта, ручка стала по прежнему сильно стучать. Я спросилъ, долго ли это будетъ продолжаться? Антонъ отвѣчалъ, что стучитъ обыкновенно четверть часа или двадцать минутъ и дѣйствительно вскорѣ все успокоилось. Тогда и Бекасъ возвратился на свою подушку. Признаюсь, что я не скоро послѣ этого заснулъ. На другой день я послалъ за управляющимъ домомъ. Нѣмецъ выслушалъ меня съ тевтонскою флегмою, потомъ сказалъ: „А, такъ это теперь у фасъ? Это ничефо, потерпите каспадинъ, это продолшается только нетѣлю. Такъ само пыло у токторъ Сфотерусъ, у анкличанинъ Карръ, у тапакерѐчникъ Полле (Болль) ну, а теберъ у фасъ. Ну фѣрно опойдетъ фесь томъ“.

Я спрашивалъ доктора Сведеруса, и онъ разсказалъ мнѣ точно то же, что я слышалъ отъ моего Антона. Докторъ даже заставлялъ своего лакея спать ночью снаружи двери, а на лѣстницѣ караулилъ дворникъ, и все это не помѣшало дверной ручкѣ двигаться и лакей съ дворникомъ напрасно старались удержать ее;

неугомонная щеколда была сильнѣе ихъ обоихъ. У меня стучало еще двѣ ночи, но я уже не выходилъ къ двери и старался только успокоить дрожавшаго Бекаса. Я справлялся въ домовой конторѣ и узналъ, что послѣ меня другіе квартиранты испытывали то же самое.

Не угодно-ли кому нибудь изъ гг. оффиціальныхъ „философовъ" объяснить разсказанный здѣсь феноменъ, сдѣлавшійся въ свое время извѣстнымъ всѣмъ жильцамъ большого дома. Я буду много обязанъ тому, кто сообщитъ мнѣ удовлетворительную разгадку хотя бы одного того, что злой и очень чуткой собакѣ препятствовало залаять, слыша такой шумъ у двери, а заставляло ее дрожать и визжать со страха? Что до меня, то не пытаясь объяснить настоящій случай извѣстными до сихъ поръ законами физической природы, приходится мнѣ только привести въ тысячный разъ слова Гамлета къ Горацію: „на небѣ и на землѣ есть много такого, о чемъ и не снилось нашимъ философамъ" [1]).

X.

Иванъ Ивановичъ Излеръ.—Лѣто 1848 года.—Холера.—Цыгане.

Въ публичной жизни города Петербурга 1840-хъ, 1850-хъ и 1860-хъ годовъ очень видную роль игралъ извѣстный основатель единственнаго въ то время увеселительнаго заведенія, швейцарецъ Иванъ Ивановичъ Излеръ, нѣкогда одинъ изъ гарсоновъ извѣстной кондитерской Амбіеля. Онъ поистинѣ, въ отношеніи петербургской публики, сдѣлался тѣмъ, что при французскихъ стараго времени короляхъ называлось ministre des menus plaisirs.

Въ Новой деревнѣ, въ заведеніи искуственныхъ минеральныхъ водъ, состоявшемъ изъ дома, съ нѣсколькими большими залами, и довольно просторнаго сада, онъ устроилъ различныя увеселенія, концерты двухъ оркестровъ, театральныя представленія съ французскими шансонетками и танцами, фейерверки, полеты воздушныхъ шаровъ, акробатическія и гимнастическія упражненія, и т. п. Въ этомъ же локалѣ давались иногда по подпискѣ балы, на которые съѣзжались дамы и мущины лучшаго столичнаго обще-

[1]) There are more things on heaven and earth, Horatio, than are dream'd of in our philosophy.

ства. Въ 1848 году Излеръ выписалъ изъ Москвы лучшій хоръ цыганъ, а въ 1850-хъ годахъ хоръ швейцарскихъ пѣвицъ. Бывали и тирольскіе пѣвцы.

Садъ и залы минеральныхъ водъ открыты были ежедневно, цѣна за входъ была 50 к., въ бенефисы же 1 рубль. Буфетъ и ужинъ хорошіе. На удовольствія, предоставляемыя заведеніемъ Излера, собиралась всегда масса любителей; число ихъ доходило иногда до двухъ тысячъ. Въ саду болѣе помѣститься не могло. Надобно отдать справедливость антрепренеру, что въ такихъ многолюдныхъ сборищахъ не случалось никакихъ безобразій и скандаловъ. Не полагаясь на обыкновенную полицію, составъ и устройство которой были въ то время неудовлетворительны, Излеръ исходатайствовалъ себѣ позволеніе имѣть собственную полицію и ей, по распоряженію начальства, присвоены были, въ извѣстной мѣрѣ, права оффиціальнаго учрежденія. Она, размѣщенная повсюду и тщательно наблюдавшая за подозрительными личностями, предупреждала и посягательство пикпокетовъ на чужіе карманы, и готовившіеся скандалы. Подгулявшихъ гостей, затѣвавшихъ неумѣстныя демонстраціи, выводила безъ церемоніи изъ сада и передавала въ руки стоявшимъ за воротами казеннымъ поліціянтамъ. Этимъ достигнуто было то, что даже дамы хорошаго общества безбоязненно посѣщали эти собранія.

Въ смутное время 1848 года, когда почти весь западъ Европы былъ взволнованъ революціями, а въ Петербургѣ свирѣпствовавшая вторая холера еще болѣе омрачила горизонтъ, заведеніе Излера много способствовало къ противодѣйствію, какъ дериваттивъ, мрачному настроенію общественной мысли. Эта своего рода заслуга оцѣнена была властью и изобрѣтательный предприниматель былъ ею поощряемъ и награждаемъ различными льготами.

Холера 1848 года въ жестокости не уступала той, которая впервые свирѣпствовала въ Петербургѣ въ 1831 году. Вотъ нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя и провѣренныя въ это вторичное нашествіе повѣтрія. Онѣ быть можетъ не безполезны будутъ, въ числѣ другихъ данныхъ, для опредѣленія сущности и образа дѣйствій страшной, не вполнѣ еще изслѣдованной, болѣзни.

Во все лѣто 1848 года не было ни раза громовой грозы и отсюда недостаточный процентъ озона въ массѣ атмосферическаго воздуха. То же самое было замѣчено и въ первую холеру.

Въ военной типографіи, заключавшей болѣе ста человѣкъ рабочихъ, всѣ изъ забракованныхъ солдатъ по слабосилію, тѣлеснымъ недостаткамъ или болѣзненнымъ припадкамъ; изъ нихъ ни въ первую, ни во вторую холеру не заболѣлъ ни одинъ. Но вотъ какая была обстановка этой громадной печатни, занимавшей, съ квартирами чиновниковъ и рабочихъ, четыре этажа на одномъ изъ дворовъ зданія главнаго штаба. Въ самомъ низу единственной лѣстницы устроенъ былъ аппаратъ для производства освѣтительнаго газа. Этотъ приборъ и самый газъ издавали очень сильный и очень непріятный запахъ, продуктъ разлагаемаго каменнаго угля. Запахъ этотъ, наполнявшій всю лѣстницу, въ среднемъ этажѣ встрѣчалъ другую, почти равно тяжелую вонь. Тамъ помѣщалась мочильная типографіи, гдѣ смачивались водой сотни стопъ бумаги, приготовляемой для печати. Она издавала изъ себя испаренія хлора, употребляемаго какъ фабрикатъ для бѣленія бумажной массы, и испаренія эти смѣшивались съ тѣми, которыя исходили изъ газометра. Въ самой рабочей печатни слышался сильный запахъ типографской краски. Комбинація ли этихъ ароматовъ, или одинъ который нибудь изъ нихъ застраховывалъ отъ холеры работавшихъ и жившихъ въ военной типографіи? (гдѣ печаталась издававшаяся мною въ то время газета), вопросъ этотъ пусть рѣшатъ спеціалисты.

Въ городѣ въ большомъ употребленіи были такъ называемыя сигаретки Распайля (Raspail). Это были трубочки изъ слоновой кости, начиненныя мелкими кусками камфоры. Извѣстно, что докторъ Распайль считалъ камфору почти универсальною панацеею. Быть можетъ сигаретки эти и въ самомъ дѣлѣ охраняли отъ холеры, но положительно то, что отъ нихъ выкрошилось множеству переднихъ зубовъ.

Я съ семействомъ жилъ тогда въ Новой деревнѣ; тамъ почти каждый день кто-нибудь умиралъ холерой, а врачей надобно было выписывать изъ города. На весь дачный околодокъ Новой и Старой деревень, Черной рѣчки и Каменнаго острова былъ только одинъ докторъ Мяновскій, жившій у графовъ Строгоновыхъ на ихъ дачѣ, да и его трудно было застать дома. У меня въ домѣ поваръ и няня, оба молодые и здоровые, умерли почти скоропостижно, ранѣе чѣмъ посланный въ городъ могъ привезти оттуда врача.

Я уже сказалъ, что въ Новой деревнѣ, въ заведеніи Излера, былъ хоръ цыганскихъ пѣвцовъ. Одинъ изъ объявленныхъ концертовъ былъ отмѣненъ потому, что примадонна Таня заболѣла холерою. На третій день послѣ этого я ѣхалъ въ городъ и, встрѣтивъ стараго цыгана Ивана, импрессарія хора, спросилъ его о Танѣ, которую считали уже умершею.—„Слава Богу, Таня здорова и сегодня будетъ пѣть въ концертѣ“, отвѣчалъ Иванъ.—Кто былъ докторъ?—„Намъ онъ не нуженъ, мы сами доктора“.—Чѣмъ же ее вылѣчили?—„Мы ее раздѣли, всю, съ головы до пятокъ, крѣпко высѣкли крапивой, потомъ уложили въ постель, укутали въ двѣ шубы, и дали выпить два стакана горячаго морского пончу“.—Что такое морской пончъ?—„Это пополамъ ромъ съ водою и съ лимономъ. Она заснула крѣпкимъ сномъ, изъ нея во всю ночь лилась рѣка испарины. На утро вчера она встала здоровая, вчерашній день отдыхала, а сегодня будетъ пѣть“.

Не знаю, какъ описанное героическое леченіе покажется спеціалистамъ, однакожъ извѣстно, что сами они въ припадкахъ холеры всячески стараются вызвать реакцію кожи и обильное выдѣленіе испарины, а въ настоящемъ случаѣ сухая крапивная ванна и морской пончъ какъ нельзя лучше достигали этой двойной цѣли.

Изъ бывшихъ въ Петербургѣ учителей гимнастики, фехтованія, знаменитыхъ силачей и акробатовъ всѣ заболѣвшіе холерой умерли и не могли быть спасены: доказательство, что тѣлесная сила не только не предохраняетъ отъ этой болѣзни, а напротивъ располагаетъ къ ней и дѣлаетъ ее неизлечимою. У гимнастовъ же вообще чрезмѣрное развитіе мускулярной системы достигается въ ущербъ нервной, такъ что послѣдняя притупляется и обрекается почти на бездѣйствіе. Изъ этого физіологи заключили, что дѣятельность нервной системы необходима для противудѣйствія холерѣ.

Не говоря о простомъ народѣ, котораго обыкновенная пища и питье располагаютъ къ холерѣ и даже причиняютъ ее, во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ смертныхъ случаяхъ съ лицами другихъ классовъ, болѣзнь вызвана была ими самими какъ бы нарочно. Оба лица, умершія изъ моей прислуги, не внимая предостереженіямъ домашняго доктора, наѣлись на ночь сырыхъ огурцовъ.

Графъ Г. К. въ жаркій день давалъ у себя обѣдъ на откры-

томъ балконѣ. Вмѣсто супа была ботвинья со льдомъ; выпито было много замороженнаго шампанскаго. Хозяинъ, не довольно еще этимъ прохлажденный, снялъ съ себя верхнее платье и такъ не малое время пробылъ на подувшемъ къ вечеру вѣтрѣ. Онъ умеръ въ ту же ночь. Чиновникъ польскаго министерства З., атлетъ по тѣлосложенію, также послѣ сытнаго обѣда, раскрывши всѣ окна, простоялъ около получаса, безъ верхняго платья, на сквозномъ вѣтру. Умеръ на другой день, и т. д. и т. д. Почти никто не умеръ изъ тѣхъ, которые не позволяли себѣ никакихъ излишествъ и соблюдали нужныя предосторожности.

Въ то же время Излеръ выписалъ изъ Москвы лучшій хоръ цыганъ; это много оживило собранія на минеральныхъ водахъ.

Было время, когда въ публичной жизни Москвы цыгане составляли едва ли ни главный элементъ. Ими восхищалась до фанатизма золотая молодежь. Благодаря нѣкоторымъ романамъ, театральнымъ піесамъ и поэзіи байроновской школы, изъ цыганъ, особенно изъ цыганокъ, сдѣлали себѣ какіе-то мечтательные идеалы, далеко неосуществимые въ дѣйствительности. Но съ помощью моды, основанной на такихъ иллюзіяхъ, многія солидныя состоянія были поглощены въ погонѣ за этими мнимыми идеалами. Нашлись даже въ средѣ аристократовъ субъекты, которые поженились на цыганкахъ. Какія изъ нихъ вышли дамы въ кругу high life? не знаю, но сомнѣваюсь, чтобы изъ цыганскаго матеріала можно было создать что-нибудь похожее на великосвѣтскую особу. Цыгане—это племя, не признающее потребностей труда и образованія; поэтому они и остаются такими же паріями, какими были за нѣсколько до того вѣковъ въ своемъ первоначальномъ отечествѣ, Индіи, и какими вѣроятно долго еще пробудутъ.

Какъ и ни интересна быть можетъ одиссея этой націи, сама она не можетъ внушать большого къ себѣ сочувствія. Они не сохранили яснаго о своемъ происхожденіи преданія; изъ исторіи извѣстно, что цыгане, считаемые въ Индіи паріями, то есть самымъ низкимъ презрѣннымъ классомъ населенія, въ началѣ XV вѣка вышли изъ Индіи, чрезъ Аравію въ Египетъ, оттуда въ половинѣ того жъ вѣка часть ихъ пробралась въ Европу чрезъ Турцію и разсыпалась по Румыніи, Трансильваніи, затѣмъ они проникли въ Чехію, Польшу, Россію, а потомъ въ Испанію и

Англію. Въ Чехіи (Богеміи) они оставались довольно долго и отъ этой страны получили французское названіе богемцовъ (bohémiens). Наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о теперешнихъ цыганахъ имѣются въ сочиненіи англійскаго священника Барро [1]). Зная, что они только наружно исполняютъ обряды церкви, господствующей тамъ, гдѣ кочуютъ, Барро положилъ себѣ задачею вывѣдать ихъ истинную религію и затѣмъ обратить въ англійскихъ протестантовъ. Съ этою цѣлью, пользуясь типомъ своего лица, довольно близкимъ къ цыганскому, онъ убѣдилъ шотландскихъ цыганъ, что происходитъ изъ ихъ племени, и кочевалъ сперва съ шотландскими, потомъ съ андалузскими, трансильванскими и наконецъ съ русскими цыганами. Въ своемъ намѣреніи сдѣлать ихъ англиканцами Барро не успѣлъ; но выучился ихъ языку и вывѣдавши все, что они сами знаютъ, пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: цыгане не имѣютъ и не хотятъ имѣть никакой опредѣленной религіи. О Богѣ имѣютъ смутное понятіе, вѣрованіе же ихъ состоитъ изъ странныхъ суевѣрій, можно сказать, что вѣруютъ болѣе въ злого духа, чѣмъ въ Бога. Но и къ этимъ вѣрованіямъ, также какъ и ко всему, относятся съ безъучастіемъ. Исторіи своей не знаютъ и не стараются узнать, или о выходѣ своемъ изъ Египта разсказываютъ нелѣпыя легенды, да и онѣ, по мнѣнію Барро, сочинены не ими. Основою характера цыганъ есть непреодолимая лѣнь, отвращеніе къ осѣдлой жизни и ко всякому труду. Кочуютъ такъ называемыми таборами, нѣчто въ родѣ клановъ или поколѣній. Сохраняютъ чистоту нравовъ и супружескую вѣрность, но нарушеніе при всякомъ удобномъ случаѣ седьмой заповѣди не считаютъ грѣхомъ. Мущины занимаются барышничествомъ, и достигли совершенства въ искусствѣ скрывать пороки и недостатки лошадей. Женщины промышляютъ ворожбою. Единственнымъ честнымъ ихъ заработкомъ есть составленіе пѣвчихъ хоровъ. Въ нихъ одна изъ отличительныхъ особенностей то, что ни одинъ изъ составляющихъ хоръ субъектовъ не знаетъ музыкальной грамоты; всѣ поютъ и акомпанируютъ себѣ на гитарѣ не по нотамъ, а по навыку и по наслышкѣ, руководимой природнымъ инстинктомъ гармоніи. Голоса вообще подобраны хорошо, между мущинами слышны замѣчательные басы;

---

[1]) Barrow's account of the Gypsies of Spain. 1841.

женскіе же сопрано, особенно примадоннъ, имѣютъ совершенно своеобразный тембръ серебристый и изнѣженный, сильно дѣйствующій на нервы. Ансамбль всегда безукоризненный и, не смотря на то, что никто изъ поющихъ не знаетъ нотъ, никогда въ хорѣ не прорвется фальшивая нота. Все, что они поютъ, сочинено нарочно для нихъ хорошими композиторами, даже бравурныя піесы, называемыя въ афишахъ цыганскими пѣснями, принадлежатъ русскимъ музыкантамъ.

Смуглыя физіономіи цыганъ очень выразительны и такъ какъ они не смѣшиваются съ другими расами, то ихъ типъ остается всегда характеристичнымъ, такъ что національность ихъ узнается съ перваго взгляда. Между женщинами есть много красивыхъ и, что замѣчательно, профиль ихъ лицъ совершенно сходенъ съ профилемъ египетскихъ сфинксовъ и можно подумать, что во время пребыванія цыгановъ въ Египтѣ, типическія лица ихъ женщинъ послужили ваятелямъ моделью для лицъ этихъ символическихъ чудовищъ, стерегущихъ мѣстные храмы и пирамиды.

Цыганскіе концерты въ заведеніи минеральныхъ водъ привлекали многочисленную публику. Примадонна тогдашней итальянской оперы, извѣстная г-жа Віардо, пріѣзжала слушать эти концерты и отзывалась объ нихъ съ похвалою. Быть можетъ, что они имѣли для ней нѣчто родное; лицо мадамъ Віардо и сестры ея, знаменитой мад. Малибранъ, имѣло цыганскій типъ, да и фамилія ихъ отца, Гарсія (Garsia), встрѣчается между андалузскими цыганами. Европейской славы львица, прославившаяся въ 1840-хъ и 1850-хъ годахъ Лолла Монтесъ (Lolla Montes) была дочь андалузскаго цыгана и ирландка. (См. мои воспоминанія о Туркулѣ, „Русская Старина“, томъ XIV, изд. 1875 г., декабрь).

Я зналъ въ Петербургѣ трехъ субъектовъ цыганскаго происхожденія, но уже имѣвшихъ по предкамъ польское дворянство. Одинъ изъ нихъ состоялъ на службѣ и даже достигъ генеральскаго чина; два другіе были ходатаями по дѣламъ. И физіономіи, и характеры ихъ свидѣтельствовали о ихъ просхожденіи; дочь одного была чистокровная красивая цыганка.

Заведеніе Излера приносило ему каждый день хорошій доходъ. Онъ собралъ значительныя деньги и широко пользовался своими средствами. Въ 1851 году я былъ въ Варшавѣ, въ бытность тамъ государя Николая Павловича и государыни Александры Ѳедо-

ровны. Туда же пріѣхалъ и тогдашній министръ финансовъ, Вронченко. Онъ, съ скромнымъ своимъ экипажемъ, городскою двухмѣстною коляскою, остановился въ Англійской гостинницѣ и занялъ также скромный нумеръ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ его въ ту же гостинницу заѣхалъ слѣдовавшій изъ Петербурга за границу Иванъ Ивановичъ Излеръ. У него были три кареты; въ одной ѣхалъ самъ онъ, а въ двухъ другихъ одалиски изъ его гарема. Онъ занялъ три лучшихъ нумера. Вся Варшава замѣтила такой разительный контрастъ обстановки двухъ путешественниковъ съ ихъ общественнымъ положеніемъ.

Дѣла заведенія минеральныхъ водъ шли такъ хорошо, что предприниматель могъ бы себѣ составить порядочное состояніе; но онъ кутилъ, сорилъ деньгами и игралъ съ шуллерами. Это окончилось полнымъ банкротствомъ.

XI.

Тайный совѣтникъ Александръ Гавриловичъ Политковскій въ 1835—1853 гг.

То, что имѣю разсказать, такъ, во многихъ отношеніяхъ, похоже по своей чудесности на одну изъ народныхъ фантастическихъ сказокъ о царевнахъ и царевичахъ, о Бабѣ-Ягѣ и Кощеѣ-безсмертномъ, что можно бы начать обыкновеннымъ: въ „*нѣкоторомъ* царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ“ и т. д. Но я скажу просто, что „не на небѣ, а на землѣ“ и именно въ столичномъ городѣ Санктпетербургѣ, жилъ былъ нѣкто Александръ Гавриловичъ Политковскій, тайный совѣтникъ, директоръ канцеляріи комитета 18-го августа 1814 года, (призрѣнія военныхъ инвалидовъ) [1]. По этому званію, довольно скромному, и значеніе носящаго его чиновника казалось-бы очень ограниченнымъ. При всемъ томъ этотъ директоръ маленькой канцеляріи такъ повліялъ на общественную жизнь столицы, стоустую молву заставилъ такъ

[1]) Въ сочиненіи «Русскіе уголовные процессы» изданіе А. Любавскаго, Спб., 1868 г., помѣщено дѣло о Политковскомъ. Оно изложено по оффиціальнымъ даннымъ, обнаруженнымъ произведенными слѣдствіями и заключаетъ одни факты и цифры. Нашъ разсказъ, излагающій подробности, которыя не могли войти въ оффиціальный отчетъ, послужитъ дополненіемъ и разъясненіемъ статьи г. Любавскаго. О. П.

много о себѣ говорить, что въ хроникѣ Петербурга время съ 1835 по 1853 годъ можно бы назвать временемъ Политковскаго. Онъ доказалъ на себѣ справедливость изрѣченія, что „не мѣсто человѣка, а человѣкъ мѣсто дѣлаетъ знаменитымъ“ — въ томъ или въ другомъ отношеніи.

Онъ былъ сыномъ сенатора, состоянія не имѣлъ никакого. Началъ службу въ цензурномъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; оттуда перешелъ въ бывшій главный штабъ по военнымъ поселеніямъ, затѣмъ, въ 1831 г., поступилъ въ канцелярію комитета 18-го августа 1814 года начальникомъ отдѣленія; въ іюнѣ 1835 года назначенъ правителемъ, а въ 1839 году наименованъ директоромъ этой канцеляріи. Предшествующіе фазисы его карьеры не представляютъ ничего замѣчательнаго; о нихъ упоминается лишь для полноты данныхъ, знаменитость же его начинается со времени назначенія въ должность начальника канцеляріи. Въ чемъ заключалась и какого рода была эта знаменитость—покажетъ дальнѣйшій разсказъ.

Жена моя была давно и близко знакома съ семействомъ Политковскихъ; чрезъ нее я познакомился и сблизился съ Александромъ Гавриловичемъ и четырьмя его братьями; изъ нихъ Владиміръ, по смерти генерала Геруа, былъ назначенъ начальникомъ штаба корпуса инженеровъ. Всѣ они были люди образованные и пріятные.

Герой настоящаго разсказа, Александръ, въ 1830-хъ годахъ женился и взялъ за женою 100,000 р. ассигнаціями приданаго. Это былъ весь фондъ молодой четы. Но преобладающею страстью мужа было желаніе жить пышно и производить большой эффектъ. При томъ же онъ велъ большую игру въ карты, преимущественно въ англійскомъ клубѣ. На все это приданое жены и получаемое по службѣ жалованье составляли фондъ далеко недостаточный. За всѣмъ тѣмъ, уже съ 1835—1836 года, Политковскій началъ вести роскошную жизнь. Пышность этой жизни и обстановки съ каждымъ годомъ увеличивалась и наконецъ въ 1840-хъ годахъ достигла невѣроятныхъ размѣровъ.

Политковскіе занимали большую квартиру въ три этажа на площади Большого театра, въ домѣ Батюшкова. Покои были меблированы очень богато, хотя и въ ущербъ хорошаго вкуса. Не смотря на умъ и умѣніе жить Александра Гавриловича, онъ не

избѣгнулъ смѣшной стороны въ обстановкѣ своего жилья, выказывающей непривычку къ разумной роскоши, свойственную всѣмъ внезапно разбогатѣвшимъ. Рядъ гостинныхъ, блестящихъ кстати и не кстати золотомъ, загроможденныхъ по стѣнамъ, горкамъ и этажеркамъ дорогими вещицами, представлялъ нѣчто въ родѣ магазина рѣдкостей.

Жизнь Политковскихъ была непрерывнымъ праздникомъ. У нихъ не было пріемнаго дня; всѣ 365 дней въ году были пріемные. За обѣдомъ, а вечеромъ за чаемъ и ужиномъ, чередовались десятки гостей, а въ ихъ числѣ личности высшаго общества, государственные и придворные сановники. Эти обѣды и ужины были мастерскія произведенія самой утонченной французской кухни.

Въ 1840-хъ годахъ уже Александръ Гавриловичъ пріобрѣлъ названіе Политковскаго-Монте-Кристо, которое очень льстило его самолюбію. Для оправданія и этого названія, и нашего вступленія къ настоящей статьѣ, разскажемъ здѣсь нѣкоторыя подробности изъ жизни его въ 1840-хъ и въ началѣ 1850-хъ годовъ.

Во всѣхъ театрахъ абонированы имъ были литерныя ложи. Въ Большомъ театрѣ, на представленія итальянской оперы, это была ложа напротивъ малой царской. Политковскій, недовольный казенной обстановкой, поручилъ извѣстному Туру убрать ее съ возможною роскошью: она была вся въ зеркалахъ, бронзахъ и бархатѣ. Въ задней комнатѣ стоялъ столъ съ серебряннымъ самоваромъ, всевозможными закусками и бутылками шампанскаго во льду. Кромѣ семейства хозяина было всегда нѣсколько приглашенныхъ гостей. Всѣ бывшіе въ театрѣ знакомые обыкновенно въ антрактахъ чередовались въ ложѣ, прохлаждались чѣмъ кому было угодно и получали приглашеніе къ ужану послѣ спектакля. Въ дни оперы было приказано повару имѣть готовый ужинъ на 40 кувертовъ. По вечерамъ у Политковскихъ большой игры не было; гости играли довольно скромный вистъ и преферансъ.

Въ 1847 или 1848 году Политковскій нанялъ на лѣто большую дачу Олсуфьева, на самой оконечности Старой деревни, при устьѣ одного изъ рукавовъ Невы. Я съ семействомъ жилъ въ Новой деревнѣ. Въ этой вилледжіатурѣ Александръ Гавриловичъ зажилъ болѣе пышно, чѣмъ когда нибудь. Тоже множество гостей, на конюшнѣ 12 лошадей, всевозможные экипажи. Довольно сказать, что нарочный пароходъ привозилъ ему два раза въ недѣлю

цвѣты для комнатъ изъ Петергофа. Разъ въ какія-то имянины Политковскій далъ большой праздникъ на рѣкѣ, которая отдѣляетъ Старую деревню отъ Новой. Были два парохода, освѣщенные a giorno. На одномъ приглашенные гости, пѣвицы и пѣвцы итальянской труппы, оркестръ и великолѣпный буфетъ. На другомъ хоръ цыганъ изъ заведенія Излера и буфетъ для нихъ. Мы проплыли всю малую Невку и обратно при очередующихся серенадахъ итальянской и цыганской. По возвращеніи на дачу всѣ пассажиры перваго парохода были приглашены на Лукулловскій ужинъ.

Въ одинъ день новаго года, кажется 1851, былъ у Политковскихъ большой балъ: за ужиномъ слишкомъ 150 гостей; кромѣ всевозможныхъ деликатесовъ, каждый получилъ за дессертомъ по тарелочкѣ свѣжей земляники.

Для полноты шику не доставало Александру Гавриловичу имѣть извѣстную Петербургу пріятельницу-кокотку. Онъ и ею обзавелся въ 1840-хъ годахъ. Это была извѣстная актриса французскаго театра, m-lle Ф....конъ. Она была очень дорога, что именно и требовалось. Впослѣдствіи Ф. вышла за мужъ за одного русскаго аристократа, нынѣ покойнаго, Н—на.

Многіе удивлялись, что проживая громадныя суммы на пространствѣ, заключавшемся всего въ тріангулѣ между Большимъ театромъ, Англійскимъ клубомъ и Старою деревнею, Политковскому не захотѣлось побывать въ чужихъ краяхъ, которыхъ онъ вовсе не зналъ. Но были обстоятельства, не дозволявшія ему оставить Петербургъ даже на короткое время. Тайна эта выяснилась впослѣдствіи.

Всѣ вообще, кому извѣстны были весьма ограниченныя средства Политковскаго, не могли не удивляться его образу жизни; не удивлялись только тѣ, кому по праву и должности надлежало обратить вниманіе на это загадочное явленіе. Положимъ, что членамъ комитета инвалидовъ, бо̀льшею частью престарѣлымъ генераламъ, Политковскій умѣлъ внушить такое полное къ нему довѣріе, что никто изъ нихъ не имѣлъ и тѣни подозрѣнія въ его честности; но какъ понять, что вѣдомство высшей полиціи, которое по своей спеціальности должно было имѣть болѣе проницательности, оставалось безъучастнымъ зрителемъ скандальной расточительности человѣка, неимѣющаго никакого состоянія? Это

тѣмъ болѣе должно было обратить вниманіе, что, какъ всѣмъ было извѣстно, денежныя дѣла инвалиднаго комитета изъяты были изъ круга дѣйствія государственнаго контроля, и повѣрка правильнаго хода этихъ дѣлъ лежала исключительно на обязанности самихъ же членовъ комитета, неограниченно довѣрявшихъ директору его канцеляріи [1]).

Близкимъ знакомымъ, а быть можетъ и оффиціально заинтересованнымъ лицамъ, Политковскій разсказывалъ, по секрету, что назадъ тому болѣе 10 лѣтъ онъ выигралъ въ карты слишкомъ милліонъ рублей у сына извѣстнаго милліонера Яковлева, и что должникъ его, не имѣя еще въ рукахъ будущаго огромнаго состоянія, платитъ ему по 10 процентовъ, что и составляло годового дохода болѣе 100,000 р. с.

Въ исходѣ 1852 или въ началѣ 1853 года Политковскій тяжело заболѣлъ и въ февралѣ сего послѣдняго года умеръ. Когда покойникъ, одѣтый въ мундиръ, со всѣми регаліями [2]), лежалъ въ своей квартирѣ въ ожиданіи погребенія, на слѣдующій день явился ко вдовѣ присланный отъ государя императора генералъ-адъютантъ Катенинъ. Онъ велѣлъ снять съ умершаго мундиръ и ордена и объявилъ высочайшую волю, чтобы церковный обрядъ похоронъ совершенъ былъ сколько возможно скромнѣе.

Не знавъ объ этомъ, я, по пригласительному билету, пріѣхалъ въ церковь св. Николая Морского, гдѣ, по кругу знакомства покойнаго, думалъ найти церковь полною. Поэтому меня очень удивило, что она была пуста. Никого изъ членовъ комитета инвалидовъ, никого изъ сановитыхъ знакомыхъ Политковскаго! Были только вдова и братья его. Гробъ самый простой, черный, въ немъ покойникъ въ черномъ фракѣ безъ орденовъ. Догадываясь, что это значитъ, я изъ церкви пошелъ прямо въ должность, въ статсъ-секретаріатъ Царства Польскаго, гдѣ министръ разсказалъ мнѣ о распоряженіи ген. Катенина.

---

[1]) См. разсказъ кн. Н. С. Голицына объ А. Г. Политковскомъ и его „дѣлѣ“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880 г., томъ XXIX, стр. 125—128, и замѣтку по сему же предмету М. Л. Дубельта, тамъ же, стр. 452—453. См. также въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 г., томъ XI, стр. 776, разсказъ П. С. Лебедева о хищничествѣ Политковскаго. Ред.

[2]) Онъ имѣлъ ордена св. Анны 1 ст. и св. Станислава 1 степени, св. Владиміра 3 ст. и пряжку за XXX лѣтъ безпорочной (sic) службы. О. П.

Вскорѣ объяснилось все; въ городѣ всѣ узнали, что начальникъ счетнаго отдѣленія комитета инвалидовъ, Таракановъ, считая Александра Гавриловича умершимъ или умирающимъ, явился къ предсѣдателю комитета, генералу Ушакову, и объявилъ, что покойнымъ директоромъ канцеляріи разновременно, начиная съ 1835 по 1853 годъ, похищено изъ инвалиднаго капитала 1.120,000 руб. сер. Деньги выдавались съ вѣдома его, Тараканова, и его предмѣстника, Васильева, казначеемъ Рыбкинымъ, подъ росписки Политковскаго, увѣрявшаго ихъ, что деньги будутъ имъ возвращены, когда сыномъ извѣстнаго капиталиста Яковлева, должнымъ ему, Политковскому, болѣе милліона руб., долгъ этотъ будетъ уплаченъ.

Послѣдствія этого заявленія и мѣры, принятыя правительствомъ для пополненія расхищеннаго капитала изъ имуществъ Политковскаго, его жены и дочери, а также чиновниковъ комитета инвалидовъ, участвовавшихъ въ преступленіи и ихъ женъ, описаны подробно въ упомянутомъ сочиненіи Любавскаго и потому здѣсь ихъ не повѣряемъ. Скажемъ только, что капиталистъ Яковлевъ, какъ по слѣдствію оказалось, не состоялъ ничего должнымъ Политковскому; сказка о мнимомъ милліонѣ была выдумана послѣднимъ какъ для успокоенія чиновниковъ, позволявшихъ ему черпать изъ инвалидной кассы, такъ и для оправданія предъ знакомыми безумной роскоши его образа жизни.

По такомъ исходѣ карьеры Политковскаго, промчавшейся какъ комета на петербургскомъ горизонтѣ, стало понятнымъ, почему онъ ни разу не съѣздилъ заграницу. Ему нельзя было отлучиться изъ столицы даже на короткое время. Но что не понятно, такъ это невозмутимое спокойствіе и постоянная веселость, которыя никогда ему не измѣняли. Самый даже серьезный разговоръ онъ оживлялъ остроумными шутками. Но въ душѣ нося такой тяжкій грѣхъ, онъ не могъ не сознавать страшной опасности, угрожающей ему ежеминутно, а между тѣмъ никто не видѣлъ его задумчивымъ или озабоченнымъ. Однакожъ, за нѣсколько времени до его послѣдней болѣзни, явились симптомы, долженствовавшіе сильно тревожить его. Особенно грознымъ было вмѣшательство государственнаго контроля въ отчеты по комитету. Это вѣроятно и причинило эту болѣзнь; сама она имѣла загадочный характеръ и вотъ что усилило мои на этотъ счетъ подозрѣнія. Разъ, навѣстивъ больного и видя, что онъ не поправляется, я спросилъ его жену

призывали ли они доктора Мяновскаго, который въ то время былъ въ большой славѣ. Когда мнѣ отвѣчали отрицательно, то я изъявилъ удивленіе, тѣмъ болѣе, что никто изъ лечившихъ его врачей не могъ съ точностью опредѣлить рода болѣзни. Мяновскій же, бывшій докторомъ статсъ-секретаріата Царства Польскаго, жилъ въ домѣ этого министерства, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ квартиры больного. Тогда сама Политковская попросила меня прислать Мяновскаго. Я засталъ его у министра и онъ, по моей просьбѣ, отправился къ Политковскимъ. Я дождался его возвращенія и онъ откровенно признался, что ничего не понимаетъ въ положеніи больного. Онъ замѣтилъ такіе симптомы, которые рѣшительно противорѣчатъ соображеніямъ и выводамъ науки. Тогда я сказалъ, что отецъ Политковскаго страдалъ падучею болѣзнію и отъ нея умеръ; самъ больной и его дочь подвержены такъ называемому тику, то есть атаксическому дерганію мускуловъ лица,— такъ не такое ли наслѣдственное предрасположеніе къ эпилепсіи вліяетъ на признаки настоящей болѣзни? Мяновскій, подумавши, сказалъ: „нѣтъ, это не то, а что-нибудь другое, чего я разгадать не могу". Когда же Политковскій умеръ, то Мяновскій сказалъ „теперь все объясняется; онъ, предвидя катастрофу, въ послѣднее время болѣзни вѣроятно отравлялъ себя дигаталиномъ, на что нѣкоторымъ образомъ указывалъ анормальный пульсъ; но не зная его личныхъ обстоятельствъ, нельзя было подозрѣвать отравленія".

Эпизодъ Политковскаго составляетъ очень интересный предметъ для психологическихъ студій. Преступная дѣятельность его мало имѣетъ общаго съ такъ въ наше время участившимися растратами или кражами кассировъ при банкахъ и акціонерныхъ компаніяхъ. Здѣсь важная разница въ томъ, что послѣдніе сами завѣдываютъ деньгами, совершаютъ преступленіе самолично, не нуждаются въ сообщникахъ. Политковскій же имѣлъ необходимость въ нихъ и заинтересовавъ отчасти въ своихъ постыдныхъ операціяхъ нѣсколько человѣкъ чиновниковъ, вовлекъ ихъ въ преступленіе, чѣмъ вина его значительно увеличивается. Къ числу такихъ же отягчающихъ виновность обстоятельствъ нельзя не отнести сущности и назначенія фонда, такъ безсовѣстно разграбленнаго.

Другое различіе отъ обыкновенныхъ кражъ изъ банковъ, поч-

товыхъ конторъ и т. п. состоитъ въ томъ, что онѣ почти всегда дѣлаются въ одинъ разъ и сопровождаются бѣгствомъ виновныхъ, Политковскій же, если основываться на показаніяхъ казначея Рыбкина, повторялъ свои захваты шесть разъ въ теченіе 18 лѣтъ.

Слѣдуя за постепенными фазисами самаго факта, встрѣчаемъ многознаменательную для психологическаго анализа данную. По словамъ того-жъ Рыбкина, взятыя въ первые три года (1834—1836) заимообразно суммы директоръ канцеляріи возвращалъ, хотя и далеко не вполнѣ. Не смотря на такую неполноту, все-таки это доказываетъ, что въ то время Политковскій оставался, по крайней мѣрѣ хотѣлъ остаться, честнымъ. Только съ 1837 года сталъ онъ забирать деньги безъ счета и безъ всякой заботы объ уплатѣ. Тутъ мы присутствуемъ при постепенномъ процессѣ развитія преступнаго, какъ-бы болѣзненнаго, состоянія души. Видимъ ясно роковую логику зла, съ которою оно неумолимо увлекаетъ въ бездну всякаго, кто сдѣлалъ хотя бы одинъ шагъ въ его области. Область сія—это скользкая наклонная плоскость, ступивши на которую удержаться дѣлается уже невозможнымъ.

Назначенная императоромъ Николаемъ Павловичемъ по смерти Политковскаго коммисія для розысканій по расхищенію инвалиднаго капитала исчислила дефицитъ въ 1,120,000 руб. По мнѣнію экспертовъ по подобнымъ дѣламъ, съ которыми мнѣ объ этомъ случалось говорить, количество денегъ, захваченныхъ Политковскимъ, должно было быть значительно больше этой цифры. Они основываютъ это убѣжденіе какъ на томъ, что комитетъ инвалидовъ, или лучше сказать подъ его ширмою — директоръ канцеляріи, ревизовалъ и учитывалъ самъ себя, что показаніе Рыбкина не заслуживаетъ довѣрія, главнѣйше потому, что показанный имъ итогъ суммъ, похищенныхъ изъ его же рукъ и который долженъ былъ быть ему извѣстнымъ до одной копѣйки, гораздо менѣе дефицита, который открытъ коммисіею. И наконецъ могли быть суммы, слѣдовавшія комитету, изчезнувшія безслѣдно. Таковы, напримѣръ, присылаемыя по почтѣ, нерѣдко значительныя, суммы, жертвуемыя на инвалидовъ богатыми купцами и другими капиталистами. Онѣ могли быть получаемы съ почты и вручаемы Политковскому его агентами безъ записки въ приходъ, такъ какъ жертвователи, получившіе квитанцію и благодарность, не могли даже подумать справляться о томъ, упо-

треблены ли ихъ пожертвованія по назначенію. Эти фальши легко могли быть и совершаемы, и скрываемы при существовавшихъ въ то время въ комитетѣ порядкахъ, когда при свидѣтельствѣ суммъ давалась полная вѣра представляемымъ Политковскимъ вѣдомостямъ безъ провѣрки ихъ съ книгами и документами. Для раскрытія же такихъ похищеній изъ непредвидимыхъ случайныхъ источниковъ не могло быть другого способа, какъ сличеніе книгъ петербургскаго почтамта для записки приходящихъ почтъ за 18 лѣтъ съ приходорасходными книгами комитета за тотъ же періодъ. Слѣдственною коммисіею не было принято этой мѣры и потому остается свободное поле къ предположенію, что многое изъ доходовъ этой категоріи могло быть присвоено безслѣдно директоромъ канцеляріи и его пособниками.

Если по всему вѣроятію допустить, что смерть Политковскаго послѣдовала отъ добровольнаго отравленія, то это объясняетъ то веселое расположеніе и спокойствіе, которое онъ постоянно оказывалъ. Можно полагать, что сказавъ себѣ, какъ Людовикъ XV, „après moi le déluge“, онъ рѣшился продолжать жуировать пока это будетъ возможно, а потомъ покончить съ собою. И это, какъ и всякое предвидѣніе неизбѣжнаго исхода, успокоивало его. Въ криминалистской статистикѣ есть не мало подобныхъ примѣровъ.

Къ обстоятельному разсказу покойнаго О. А. Пржецлавскаго о преславутомъ Александрѣ Гавриловичѣ Политковскомъ *присоединяемъ* здѣсь нѣсколько замѣтокъ А. Ѳ. Г., имѣвшаго случай близко его знать и весьма обязательно ими подѣлившагося съ нами:

„Политковскій былъ въ высшей степени любезною, даже обворожительною личностью: уменъ, остеръ, всегда веселъ, любезенъ со всѣми своими многочисленными гостями, да притомъ такъ, что почти каждый изъ насъ, молодыхъ людей, видѣлъ къ себѣ большее вниманіе съ его стороны, нежели какой-нибудь его сановитый благопріятель. Военный министръ, кн. А. И. Чернышевъ, лицо весьма сильное въ свое время, былъ не рѣдкимъ сотрапезникомъ у А. Г. Политковскаго; генер.-губ. Спб. Катенинъ, Л. В. Дубельтъ,—словомъ, вся тогдашняя власть и сила перебывали на лукулловскихъ пирахъ Политковскаго. Только послѣ его смерти вскрылись всѣ подробности тѣхъ ловкихъ пріемовъ, которыми обошелъ этотъ человѣкъ и своихъ подчиненныхъ, и крайне пріяз-

ненную къ нему власть. Такъ напр., когда умеръ казначей въ его канцеляріи, Политковскій сыскалъ ему преемника въ лицѣ какого-то бѣднѣйшаго маленькаго чиновника, удрученнаго громадною семьею и лютою нуждою. Благодатью небесною явилось этому бѣдняку предложенное Политковскимъ мѣсто казначея въ канцеляріи управляемаго имъ комитета. Но когда этотъ чиновникъ, Рыбкинъ, вступилъ въ нее, благодѣтель поспѣшилъ спросить у него на день-другой 3,000 руб. казенныхъ денегъ: Рыбкинъ не посмѣлъ отказать. Деньги были возвращены въ срокъ. Вскорѣ Политковскій спрашиваетъ и беретъ 6,000 руб., но уже, вмѣсто возврата ихъ, грозно спрашиваетъ Рыбкина: знаетъ-ли онъ законы, опредѣляющіе обязанности казначеевъ? Тотъ, оказывается, знаетъ, что за растрату или выдачу казенныхъ денегъ по своему произволу неподлежащему лицу грозитъ ссылка въ Сибирь.—„Ну такъ знай же, говоритъ благодѣтель, что ты уже растратилъ 6,000 руб., и тебѣ предстоитъ выбирать любое: или потеря мѣста и ссылка, или слушаться меня и помогать мнѣ и на будущее время“. Въ этакомъ родѣ, какъ ловкій паукъ, втянулъ онъ въ свою паутину подчиненнаго ему бѣдняка.

Еще ловче обойденъ имъ военный министръ, кн. А. И. Чернышевъ. Услыхавъ, что о немъ, Политковскомъ, бродятъ недобрыя вѣсти, что самъ императоръ Николай Павловичъ обращаетъ вниманіе своихъ приближенныхъ на его расточительность—Политковскій пишетъ безъименный самъ на себя доносъ Чернышеву на непорядки въ сундукахъ его комитета, учрежденнаго въ помощь инвалидамъ 18-го августа 1814 г., и проситъ произвести внезапную ревизію. Чернышевъ немедля назначаетъ ее, но сундуки приведены въ порядокъ, такъ какъ Политковскій перехватилъ денегъ у друга своего, Яковлева, на время внезапной ревизіи. Все найдено въ порядкѣ и обиженный Политковскій ѣдетъ съ просьбой объ отставкѣ къ Чернышеву. Тотъ вынужденъ разсыпаться въ извиненіяхъ предъ своимъ пріятелемъ, сознается, что нарядомъ внезапной ревизіи тяжко того огорчилъ, но что если онъ ее сдѣлалъ, то только чтобы имѣть оружіе противъ многочисленныхъ враговъ и завистниковъ Александра Гавриловича, такъ какъ онъ, Чернышевъ, зналъ, что ревизія найдетъ все въ блистательномъ порядкѣ. Чернышевъ упрашиваетъ Политковскаго

взять отставку назадъ и испрашиваетъ для него монаршую награду, орденъ св. Анны 1-й степени.

Гораздо уже легче было надувать старцовъ, членовъ комитета. Одинъ изъ маневровъ, для сего употреблявшихся, былъ слѣдующій: когда престарѣлые воины-генералы въ извѣстное время рылись въ сундукѣ и пересчитывали пачки, Политковскій преподносилъ имъ весьма смѣло тючки связанныхъ поперечною бандеролью билетовъ банка. На наружныхъ сторонахъ этихъ билетовъ, какъ извѣстно, значились №№ и стоимость той общей суммы, которая впервые выдана была подъ нихъ банкомъ, это и видѣли старцы-генералы при сличеніи билетовъ съ вѣдомостью. но никому въ голову не приходило посмотрѣть на обратную сторону, на которой отмѣчены были обратныя выдачи вкладчику значительныхъ суммъ.

Все, что разсказываетъ О. А. Пржецлавскій о богатой жизни, пріемахъ и пирахъ Политковскаго, въ высшей степени вѣрно. За годъ до своей погибели, Александръ Гавриловичъ выдалъ свою единственную дочь замужъ за г. З. Чтобы судить о богатствѣ обстановки молодой четы. довольно сказать, что будуаръ и спальня г-жи З. въ домѣ, подаренномъ ей, на бывшей Большой Мѣщанской улицѣ, г. Яковлевымъ—стоили 50,000 руб. Всѣ стѣны спальни были выстеганы дорогимъ розовымъ муаре, съ дорогими простежками, и т. д. въ этомъ же родѣ.

Любопытный фактъ. Политковскій былъ человѣкъ въ высшей степени добрый; всѣмъ многочисленнымъ просителямъ и просительницамъ у него онъ оказывалъ всевозможную помощь и услуги; вотъ ужъ подлинно ни одна вдовица не уходила отъ него, не обсушивъ своихъ слезъ. Если и доводилось ему кому-либо отказать въ чемъ, то это онъ дѣлалъ въ такой обворожительно мягкой формѣ, что тотъ или та уходили чуть не удовлетворенные!

Покойный Пржецлавскій ошибается, утверждая, что гроза надъ Политковскимъ началась со стороны госуд. контроля. Въ то время этотъ контроль такъ былъ мудро устроенъ, что ничего ни открыть, ни вчинить не могъ. Началось съ того, что императоръ Николай Павловичъ, читая годовой отчетъ комитета 14-го августа 1814 г., нашелъ недостаточно ясными объясненія объ одной суммѣ въ 18,000 руб. и сдѣлалъ на поляхъ замѣтку: потребовать объясненія.

Запросъ пришелъ въ I-е отд. къ покойному Танѣеву въ 4 часа, а въ 8 часовъ того же дня Политковскій получилъ его, сидя въ своей богатѣйшей ложѣ въ итальянской оперѣ. Онъ сильно встревожился. Бросился къ другу своему Брискорну, бывшему, кажется, въ то время генер.-аудиторомъ. Объясненіе было состряпано, сообщено по командѣ и оно удовлетворило государя; но Политковскій, не зная еще этого благополучнаго исхода, въ страшной душевной тревогѣ принялъ ядъ. При слѣдствіи его камердинеръ, Василій Арефіевъ, показалъ, что пузырекъ съ какою-то жидкостью баринъ его ежедневно носилъ при себѣ 15 лѣтъ. Предполагаютъ, что ядъ въ столь долгій срокъ повыдохся, ослабъ и вотъ почему не поразилъ Политковскаго разомъ, а онъ проболѣлъ, сколько помню, недѣли двѣ. Казнь его нашла уже въ гробу, когда одинъ изъ его нерѣдкихъ и почетныхъ гостей ген.-адъют. Катенинъ, по высочайшему повелѣнію, снялъ съ его трупа ордена.

Особенность суда надъ нимъ состояла, между прочимъ, въ томъ, что у совершенно невинныхъ и ничего не вѣдавшихъ дочери и вдовы Политковскаго отнято было все недвижимое и движимое имущество на покрытіе расхищеннаго. Покрыть однако это похищенное и даже исчислить размѣръ онаго было невозможно! Дѣло въ томъ, что по тогдашнимъ порядкамъ каждое изъ безчисленныхъ на Руси учрежденій, дѣлавшее вычеты при выдачѣ различныхъ пенсій и пособій,—вычеты въ пользу инвалиднаго капитала, высылали таковые прямо въ комитетъ 14-го августа 1814 года, а не въ государственное казначейство, какъ то дѣлается теперь. Политковскому не стоило никакого труда топить массу изъ этихъ поступленій, не показывая ихъ на приходъ, въ своихъ бездонныхъ карманахъ. Убитыя горемъ вдова и дочь казнокрада, ни въ чемъ неповинныя, влачили потомъ жизнь въ страшной нуждѣ и дочь еще недавно умерла въ какой-то мансардѣ, близъ Таврическаго сада, послѣ мучительной болѣзни. Покойный Государь Александръ Николаевичъ, по милосердію своему, нѣсколько разъ жаловалъ ей единовременныя пособія, а затѣмъ назначилъ и пенсію“.

Обращаемся къ продолженію воспоминаній О. А. Пржецлавскаго.

XII.

Александръ Крысинскій.

Въ 1840-хъ годахъ сдѣлался очень извѣстнымъ въ Петербургѣ одинъ изъ Варшавскихъ франкистовъ, Александръ Крысинскій [1]). Во время польскаго мятежа 1831 года онъ состоялъ адъютантомъ при главнокомандовавшемъ мятежническою арміею, генералѣ Скржинецкомъ, и, забравъ его бумаги съ планами кампаніи, перешелъ къ русскимъ. Онъ принятъ былъ на службу и опредѣленъ чиновникомъ для особыхъ порученій при ярославскомъ военномъ губернаторѣ и въ тамошней же губерніи женился на дѣвицѣ изъ хорошаго дома. Не поладивъ съ своимъ начальникомъ, онъ былъ переведенъ въ Петербургъ такимъ же чиновникомъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ Перовскомъ.

Крысинскій былъ человѣкъ свѣтски образованный, умный, если (чего я не допускаю) истинный умъ можетъ существовать отдѣльно отъ правоты и строгой честности. Этихъ-то качествъ Крысинскому не доставало. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ то, что у простого народа въ Петербургѣ называется мазурикъ, а въ Москвѣ—жуликъ, у французовъ же Robert Macaire. Это однакожъ не мѣшало ему играть роль и вращаться въ лучшемъ обществѣ. Но для того и другого нужны деньги, онъ же не имѣлъ никакого состоянія. Не смотря на то, Крысинскій жилъ пышно, задавалъ обѣды и вечера, имѣлъ прекрасную квартиру въ Большой Морской, меблированную роскошно; велъ большую, хотя и далеко не чистую игру. Обладая въ высшей степени искуствомъ пускать пыль въ глаза, направо и налѣво занимая деньги, онъ составилъ себѣ почти неограниченный кредитъ, поддерживая его великолѣпною обстановкою, чрезвычайнымъ апломбомъ, высокомѣрными манерами и связями своими въ высшемъ обществѣ. Такъ, напримѣръ, у извѣстнаго Іохима онъ заказалъ за 4,000 руб. два экипажа со всевозможными удобствами и прихотями; каретникъ не потребовалъ даже задатка и, исполнивъ заказъ, доставилъ экипажи на квартиру заказчика для испытанія.

---

[1]) О франкистахъ смотри выше статью о Перовскомъ, главу VI.
О. П.

Наконецъ, разсчитавъ, что имѣетъ уже достаточно чужихъ денегъ, и запасшись эффектными фразами, Крысинскій разыгралъ слѣдующую сцену. Вбѣжалъ безъ доклада къ своему министру, графу Перовскому, съ разстроеннымъ видомъ и признаками отчаянія.—Что съ вами? спросилъ графъ.—„Что? отвѣчалъ великосвѣтскій мазурикъ, о, добрѣйшій начальникъ, вы меня поймете! Я сейчасъ получилъ извѣстіе, что мать моя въ Дрезденѣ при смерти. Я хотѣлъ-бы птицей полетѣть, чтобы получить послѣднее ея благословеніе, а тутъ, когда для меня дорога и минута, несчастныя формальности публикацій задержатъ меня по крайней мѣрѣ недѣлю, тогда какъ къ моему отъѣзду не можетъ быть никакихъ препятствій". Перовскій, разчувствовавшись, поспѣшилъ подписать паспортъ. Крысинскому того только и было нужно, чтобы никто не зналъ объ его отъѣздѣ. Онъ благополучно уѣхалъ въ ту же ночь и именно въ тѣхъ экипажахъ, которые такъ наивно Іохимъ предоставилъ ему на пробу.

Узнавъ о томъ, кредиторы бросились къ его квартирѣ, думая получить хоть что-нибудь отъ распродажи предметовъ богатой обстановки. Но увы, оказалось, что вся мебель была взята у Тура на прокатъ, и изъ всего собственностью должника оказался только деревянный сундукъ, а въ немъ оставленный, какъ бы въ насмѣшку надъ бывшею службою, старый мундиръ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ числѣ кредиторовъ былъ начальникъ III отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ. Крысинскій былъ съ нимъ друженъ, на ты, они себя другъ друга называли уменьшительными именами, и вотъ Саша занялъ у Левоши и увезъ съ собою, какъ слышно было, 20,000 руб. сер. За долги Крысинскаго, по справедливости, долженъ бы былъ отвѣчать министръ, нарушившій правила о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ, не удостовѣрившись даже есть ли у его подчиненнаго больная или здоровая мать. Но требовать такого удовлетворенія отъ одного изъ министровъ было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, немыслимо.

Кредиторы уполномочили какого-то дѣльца къ преслѣдованію бѣглаго заграницей. Дѣлецъ настигъ его въ Франкфуртѣ и получилъ отъ мѣстной власти приказъ полиціи арестовать должника. Но Крысинскій и тутъ успѣлъ убѣжать, оставивъ на удовлетво-

реніе кредиторовъ жену съ 50 червонцами. Деньги эти уполномоченнымъ были ей подарены для возвращенія на родину.

Изъ Франкфурта Крысинскій отправился въ извѣстный большою игрою Гомбургъ. Тамъ онъ довольно счастливо игралъ въ Rouge et noir, но, главное, обыгралъ на большую сумму извѣстную русскую даму, милліонерку графиню К., страстную игрицу. Этимъ значительно увеличился фондъ, увезенный изъ Петербурга, который кредиторы его считали въ 125—150,000 р. с. Такимъ образомъ Крысинскій сталъ богатымъ человѣкомъ. По пути въ Парижъ, на какихъ-то водахъ, онъ познакомился съ извѣстнымъ графомъ де Морни, лицемъ очень вліятельнымъ во вторую имперію. Послѣдній нашелся нуждающимся въ деньгахъ и нашъ герой пріобрѣлъ его дружбу, ссудивъ его порядочнымъ кушемъ. Такъ онъ прибылъ въ Парижъ, подъ сильнымъ покровительствомъ наполеоновскаго временщика. Въ Парижѣ Крысинскій купилъ прекрасный домъ въ улицѣ де ла Пепиньеръ и еще какое-то помѣстье съ зàмкомъ (château) и зажилъ польскимъ аристократомъ, подъ именемъ графа де Лелива, на которое промѣнялъ свою франкистскую фамилію [1]). Онъ выдавалъ себя за политическаго эмигранта, гонимаго россійскимъ правительствомъ и легкомысленные парижане повѣрили бы этой фантастической сказкѣ, еслибы истинные эмигранты, знавшіе все прошедшее Крысинскаго, не противудѣйствовали этой версіи.

Ему очень хотѣлось быть принятымъ въ члены клуба, извѣстнаго подъ названіемъ императорскаго кружка (Cercle impérial), составленнаго изъ самой знати. Но принцъ Наполеонъ, (прозванный Plon-plon), былъ тамъ самымъ вліятельнымъ изъ директоровъ. Принцъ же, какъ извѣстно, былъ окруженъ поляками, которые сообщили ему о Крысинскомъ всѣ нужныя данныя. И потому, хотя графъ де-Морни предлагалъ его нѣсколько разъ, но канди-

---

[1]) Въ прежней Польшѣ крестившійся еврей пріобрѣталъ ipso facto дворянское достоинство, и вошло въ обычай, что крестный отецъ давалъ неофиту свой гербъ, а иногда и фамилію. Таково начало дворянства всѣхъ современныхъ Франку франкистовъ. Крестный отецъ отца Александра Крысинскаго далъ крестнику свой древній гербъ Лелива. Нашъ герой прибавилъ къ нему аристократическій титулъ графа. Это былъ еще одинъ изъ его мазурническихъ фокусовъ. О. П.

датъ былъ всегда забаллотированъ. Наконецъ разъ, когда принцъ куда-то уѣхалъ, Морни воспользовался этимъ и успѣлъ ввести своего дорогого пупилла въ императорскій кружокъ. Послѣдній думалъ сдѣлать тамъ игрою прекрасный гешефтъ, но эта надежда его обманула. Репутація его была уже въ кружкѣ сдѣлана и ему было очень трудно найти тамъ для себя партію.

Въ числѣ сдѣланныхъ въ Петербургѣ долговъ на вѣчный неплатежъ, Крысинскій занялъ у небогатыхъ гг. Піотровскихъ 4,000 р. с. Дочь ихъ, молодая Адель, была серьезно больна и доктора, сперва петербургскіе, а затѣмъ и берлинскіе, послали ее въ Вильдбадъ съ тѣмъ, чтобы оттуда, кончивъ курсъ купаній, она отправилась въ Парижъ и тамъ провела зиму. Это для нея былъ вопросъ жизни или смерти. Это разсказала мнѣ мать молодой дѣвицы въ Вильдбадѣ, гдѣ и я также лечился въ 1859 году. Она прибавила, что единственныя средства для исполненія этого приговора науки составляетъ вексель г. Крысинскаго въ 4,000 р., по которому онъ не уплатилъ даже ни гроша процентовъ. Она твердо надѣялась, что въ виду такой крайности получитъ свою принадлежность отъ разбогатѣвшаго должника. Я пожелалъ ей успѣха, хотя, зная хорошо того, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, не раздѣлялъ ея увѣренности.

Изъ Вильдбада я поѣхалъ въ Парижъ, г-жа Піотровская была уже тамъ; мы встрѣтились въ тюльерійскомъ саду и она разсказала свое свиданіе съ должникомъ. Первыя слова Крысинскаго были: „Посмотрите хорошенько, когда выдано заемное обязательство: увидите, что этому минуло уже десять лѣтъ. Слѣдовательно я вамъ не долженъ ничего“. Когда Піотровская описала свое положеніе съ больною дочерью, то онъ сказалъ: „если вы такъ нуждаетесь въ деньгахъ, то я могу кое-что для васъ сдѣлать: „возьмите эти сто франковъ“. Тутъ подалъ ей банковый билетъ. Піотровская съ негодованіемъ отвергла эту милостыню и ушла. „Что мнѣ теперь остается дѣлать?“ спросила меня со слезами. „Не плачьте, сказалъ я, хотите держать пари, что Крысинскій заплатитъ все, и съ процентами за все время?“—Какъ же это?— „А вотъ какъ. Я напишу вамъ черновую письма, вы перепишите его и пошлите съ коммисіонеромъ“. Я написалъ, сколько могу припомнить, слѣдующее:

„М. г. Не думайте, чтобы я удовлетворилась вашимъ отвѣтомъ на мое требованіе. Я подамъ на васъ жалобу въ судъ: быть можетъ, что получу отказъ въ искѣ на основаніи земской давности, но судъ, а за нимъ и весь Парижъ, узнаетъ, какимъ благороднымъ средствомъ вы уплачиваете ваши долги. При томъ же мой адвокатъ разскажетъ подробно ваши похожденія и представитъ оффиціальное удостовѣреніе россійскаго посольства въ томъ, что вы не графъ Лелива, а Александръ Крысинскій и не политическій эмигрантъ, а бѣглый чиновникъ россійской службы, надѣлавшій долговъ въ Петербургѣ и уѣхавшій тайно, даже въ чужомъ экипажѣ. Согласитесь, что это доставитъ матеріялъ для интересной статьи въ газетахъ „Droit“ и „Gazette des tribunaux“, и тогда только, какъ это будетъ напечатано, я сочту себя расквитавшеюся съ вами. Примите и пр.“.

Піотровская послала такое письмо и должникъ не замедлилъ явиться къ ней въ тотъ же день. Жаль, что меня не было при этомъ свиданіи. Крысинскій выторговалъ, что она за свои уже не 4, а 8,000 р. приняла отъ него 4,000 франковъ и возвратила вексель.

Крысинскій, продолжая играть свою роль эмигранта-мальконтента, имѣлъ дерзость напечатать въ Парижѣ книгу объ императорѣ Николаѣ. Съ этой книгой у насъ, въ польскомъ министерствѣ въ Петербургѣ, случился слѣдующій казусъ.

Министръ статсъ-секретарь Туркулъ былъ съ обыкновеннымъ докладомъ у императора Николая. Выходя изъ царскаго кабинета, онъ встрѣтился съ государынею, которая, остановивъ его, спросила не имѣетъ-ли онъ сочиненія о Николаѣ Павловичѣ, написаннаго какимъ-то Крысинскимъ, и читалъ-ли его? Когда Туркулъ отвѣчалъ на оба вопроса утвердительно, то императрица приказала прислать ей это сочиненіе къ 7-ми часамъ вечера и дастъ его графинѣ Тизенгаузенъ для прочтенія въ слухъ. Только тогда министръ вспомнилъ, что прочиталъ не болѣе половины книги, нашелъ въ ней, что авторъ говоритъ о государѣ слишкомъ безцеремонно, ничего же болѣе нецензурнаго не было. Но оставалась цѣлая другая половина, а въ ней псевдо-эмигрантъ могъ позволить себѣ что-нибудь такое, что не годилось бы для чтенія императрицы. Подъ вліяніемъ этого опасенія Туркулъ поспѣшилъ

въ свою канцелярію, собралъ насъ четыре человѣка, велѣлъ расшить книгу и роздалъ намъ для прочтенія по два или по три листа изъ второй половины книги, а самъ взялъ три. Было 2 часа пополудни, къ четыремъ все было прочитано и дожидавшійся переплетчикъ привелъ книгу въ прежній порядокъ. Хорошо, что такъ было сдѣлано, а то во второй половинѣ было мѣсто, гдѣ дерзкій авторъ предсказывалъ государю трагическую кончину. Страницы эти были вырѣзаны и въ назначенный часъ книга была отослана къ государынѣ. По этому случаю министръ сказалъ намъ мораль: „лгать всегда опасно, но опаснѣе всего говорить неправду царственнымъ особамъ“. О, еслибы всѣ приближенные къ монархамъ и во всѣхъ случаяхъ слѣдовали этой морали, то золотой вѣкъ на землѣ пересталъ бы быть миѳомъ.

Все, что здѣсь сказано о Крысинскомъ, во многихъ отношеніяхъ поучительно и наводитъ на слѣдующія, неутѣшительныя, замѣчанія:

а) Тогда какъ честному человѣку и надежному плательщику иногда съ большимъ трудомъ приходится занять въ крайности какую-нибудь тысячу рублей, какой-нибудь наглый обманщикъ, не представляющій никакой ни матеріяльной, ни моральной гарантіи, успѣваетъ сдѣлать сто тысячъ долгу.

б) Господа, „власть имѣющіе“, не рѣдко, увлекаясь одною наружностью, безъ надлежащихъ дознаній, приближаютъ къ себѣ ловкихъ и смѣлыхъ проходимцовъ, вполнѣ имъ довѣряютъ, устраиваютъ для нихъ блестящія карьеры и узнаютъ всѣмъ извѣстную объ нихъ истину только тогда, когда фаворитъ окажется лично къ нимъ отъявленнымъ негодяемъ. А между тѣмъ честные и способные, но скромные труженики остаются десятки лѣтъ въ тѣни.

в) Если по несчастью такой зловредный шарлатанъ носитъ польскую фамилію, хотя, какъ Крысинскій, по своему происхожденію не имѣя ничего общаго съ польскою національностью, то въ мнѣніи русскаго общества, не знающаго о такой разности, всѣ содѣянныя такимъ субъектомъ мерзости относятся на счетъ мнимаго его полонизма. Недобросовѣстнымъ же или неразумнымъ

шовинистамъ, усиливающимся всячески возстановить другъ противъ друга два славянскія племени, подданныя одного монарха, такіе случаи служатъ мотивами для нападокъ на поляковъ вообще. Эти господа какъ будто не понимаютъ зла, которое чрезъ то дѣлаютъ общимъ интересамъ общаго отечества.

О. А. Пржецлавскій.

2-го сентября 1878 г.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

№ 41 [1]).

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

Дерптъ. 12-го апрѣля (1816).

Я давно не писалъ къ вамъ, друзья. Это служитъ вамъ доказательствомъ, что я не пишу къ вамъ не отъ того, что о васъ не думаю, а просто отъ лѣни. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ можно ли не безпрестанно думать о васъ. Но и вы лѣнитесь не хуже меня? Ужъ давно не имѣю отъ васъ ни словечка. Послушайте, милой другъ Дуняша; что за вопросъ: неужели вы такъ меня любите? На этотъ вопросъ я отвѣчаю вопросомъ же: можно ли въ этомъ сомнѣваться? И какую же минуту выбрали вы для сомнѣнія. Ту именно, въ которую все соединило мою душу съ вашею. И это вамъ должно быть извѣстно, понятно даже и тогда, когда бы у меня руки отсохли, когда бы я совсѣмъ пересталъ писать къ вамъ.

Ваша правда: мое положеніе необыкновенно! Но я себя совсѣмъ не понимаю; мнѣ до сихъ поръ, съ самаго моего сюда пріѣзда, не хорошо съ самимъ собою! Почему не хорошо? Это нимало для меня не ясно! Знаю только то, что я ни разу не колебался въ томъ, на что рѣшился. И такъ мое не хорошо происходитъ не отъ противорѣчія тайнаго чувства съ поступками! Они согласны! Это нехорошо составлено изъ разныхъ мелочей, изъ комарей жизни, ко-

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 181—212; февраль, стр. 429—456; мартъ, стр. 665—678; томъ XXXVIII, апрѣль, стр. 95—106; май, стр. 351—362; іюнь, стр. 541—556; томъ XXXIX, іюль, стр. 1—20; августъ, стр. 221—236.

торые не даютъ наслаждаться прекраснымъ днемъ ея. Мое главное рѣшено—но это еще ничто. Во всемъ, что меня окружаетъ, столько нерѣшительнаго, столько противорѣчія, что мысли, чувства, все идетъ кругомъ и это самое тяжелое состояніе. Сквозь этотъ туманъ проглядываетъ веселая надежда на вашъ скорой пріѣздъ. У насъ съ Машей одинъ припѣвъ: скоро пріѣдетъ Дуняша.

Съ самаго моего пріѣзда сюда все идетъ довольно тихо; исторій нѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ продолжительныхъ. Но и согласія не бывало. Я почитаю для нихъ необходимымъ жить розно. Но какъ это сдѣлать? Жить вмѣстѣ было бы весьма легко, но съ другими характерами и съ другимъ прошедшимъ. Надобно бы было признать себя виноватыми, воспользоваться своимъ опытомъ и узнавши причину дурнаго, истребить ее, чтобы нажить себѣ какое нибудь счастіе: этого никогда не будетъ! Тетушка и теперь видитъ себя одну несчастною и всѣхъ причиною несчастія. Ошибки ея для нея не существуютъ. Слѣдовательно и будущее не можетъ перемѣниться. Получивши ваше несравненное письмо, которое мнѣ возвысило душу и было самою лучшею для меня наградою за все, она сказала Машѣ: какъ это письмо пристыдитъ Ж.! Но это не удивило меня, даже не огорчило. Къ счастію теперь я независимъ ни отъ кого въ поступкахъ своихъ; можно свободно хотѣть высокаго добра и даже для него дѣйствовать. А лучшая награда собственное одобреніе и одобреніе тѣхъ, которые понимаютъ. Моя цѣль (и ваша) сдѣлать возможное, чтобъ Маша была счастлива и чтобы она вышла изъ того убійственнаго положенія, въ какомъ она теперь. Пріѣзжайте. Будемъ объ этомъ хлопотать вмѣстѣ. При васъ, думаю, и мое нехорошо поправится. Я говорю Машѣ, что она должна видѣть въ насъ двухъ отца и мать, изъ любви къ намъ устроить какъ можно лучше судьбу свою, быть счастливою и стоить счастія. Пріѣхавши, вы увидите, что надобно дѣлать. Сказать этого теперь никакъ не умѣю. Съ Мойеромъ мы совершенно согласны въ образѣ мыслей и чувствъ; между нами нѣтъ ни малѣйшей принужденности, ни малѣйшаго недоразумѣнія; мы говоримъ свободно о нашемъ общемъ дѣлѣ, о счастіи Маши—такой черты довольно, чтобы дать понятіе и о его характерѣ. Но между тѣмъ все идетъ не такъ, какъ бы хотѣли и онъ, и я; онъ каждый день бываетъ вмѣстѣ съ Машею, но эти частыя свиданія ихъ не сближаютъ, ибо всегда принужденность. Тетушка довольна тѣмъ, что есть, и такъ же теперь готова ручаться за Машино счастіе, какъ прежде за счастіе Саши. Но ни я, ни Мойеръ этимъ не довольны: Нужно, чтобы увѣренность для насъ была совершенная, основанная на взаимной свычкѣ, на знаніи другъ друга.

Этого еще теперь нѣтъ—но это сдѣлать необходимо нужно. Пріѣзж
Вмѣстѣ все устроимъ. Но это пріѣзжайте пугаетъ меня. Вы с
надѣлаете какихъ нибудь восхитительныхъ дурачествъ. Я бы шеп
Азбукину: проводи ее! Но Богъ знаетъ, будетъ ли это ему возм
Вы поѣдете съ дѣтьми и будете осторожнѣе—это немного усп
ваетъ на счетъ дурачествъ.

Милая Анета, милая Катя, добрыя, безцѣнныя друзья, я къ
не пишу особенно. И это ненужно. Но давно нѣтъ отъ вас
строчки—это не хорошо. Цѣлую васъ обѣихъ въ уста и въ
Когда то мы будемъ вмѣстѣ! Кажется, что въ этомъ словѣ
заключается.

Азбукина обнимаю. Прошу его поклониться отъ меня друж
сестрѣ Натальѣ. О его дѣлѣ оставилъ я въ Петербургѣ хлопо
Жихареву.

№ 42.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

(Дерптъ. 1816 г., лѣтомъ).

Я сейчасъ возвратился изъ путешествія въ нѣкоторыя лифл
скія стороны и получилъ ваши письма, милая сестра. На нихъ
роткій отвѣтъ:

Обнимаю васъ отъ всего сердца за то, что вы къ намъ не ѣд
Я боялся до смерти, что эта поѣздка будетъ вамъ дорого ст
что вы себя разстроите и тогда какое было бы горькое чувство з
себя этому причиною. Не ѣхать есть тяжелое для васъ пожерт
ніе и какъ не чувствовать къ вамъ благодарности за это пожертво

На счетъ нашъ будьте покойны; все идетъ очень хорошо. Я
перь увѣренъ, что Маша будетъ имѣть возможное счастіе. То,
я писалъ къ вамъ прежде, было справедливо, но только тогда, к
я писалъ. Теперь все уладилось. Писать о такихъ обстоятельст
никогда не должно. Вѣчно напишешь не то, что есть, ибо нельз
писать всего совершенно. Не имѣйте на счетъ нашъ ни ма
шаго страха. Я желалъ бы, чтобы вы побывали здѣсь только
того, чтобы успокоиться совершенно. Повѣрьте мнѣ и бу
спокойны.

Объ человѣкѣ, котораго я имѣлъ въ виду, думать нечего:
имѣетъ величайшія способности, великій умъ и знанія, необыкно
ную душу; но ввѣрить ему воспитаніе нельзя, ибо я не могу п
читься за его постоянство и терпѣніе. Есть-ли ихъ не будетъ, то

его качества, сами по себѣ прекрасныя, не будутъ нисколько полезны дѣтямъ и еще могутъ быть имъ вредны.

У меня есть еще человѣкъ въ виду, менѣе блестящій, но можетъ быть болѣе надежный. Знаю его по однимъ хорошимъ рекомендаціямъ; но постараюсь узнать его лично. Тогда и рѣшусь на что нибудь.

У меня въ головѣ бродитъ великій замыселъ, но объ этомъ поговоримъ.

Когда поговоримъ?—Я буду къ вамъ послѣ возвращенія Саши[1] въ Дерптъ! Дождаться ее необходимо. Безъ меня будетъ здѣсь опять каша. Устроивъ все, отправлюсь къ вамъ. И тогда поговоримъ.

Прошу быть осторожнѣе въ вашихъ ко мнѣ письмахъ. Ихъ безъ меня распечатываютъ. И едва послѣднее письмо ваше не попалось въ руки. Тогда была бы порядочная исторія.

Мы нынче ѣдемъ въ Ревель, гдѣ пробудемъ полный мѣсяцъ и будемъ плавать въ морской водѣ, укрѣпляющей душу и тѣло. Съ береговъ Балтійскаго моря будетъ отъ меня къ вамъ первая вѣсть.

Анета, Катя, Вася, цѣлую васъ. Дочка моя крестная, милая моя незнакомка, благословляю ее! Ванюша, Петушокъ и Машенька, милые мои друзья, всѣхъ васъ крѣпко прижимаю къ сердцу и люблю. Осенью или зимою я съ вами. Милая Наталья Андреевна здравствуйте.

Анета милая, благодарю васъ за ваши материнскія хлопоты обо мнѣ. Хорошо мнѣ жить у васъ за душою. Буду объ этомъ писать изъ Ревеля. Получили ли вы вторую часть? И нравится ли вамъ мое изданіе?

№ 43.

1816 г. 15-го сентября. Дерптъ (?).

Что вы примолкли? Ужъ не сердиты ли на меня, друзья! Милая Авдотья, я сдѣлалъ большую глупость, написавши къ вамъ о томъ, что случилось съ письмомъ вашимъ: вѣрно вы огорчились; а это не стоитъ того, чтобы огорчаться. Вотъ вамъ способъ забыть мою глупость. Имѣю честь донести вамъ, что у меня есть на примѣтѣ учитель, весьма знающій и весьма хорошій человѣкъ. Его рекомендовали вѣрные люди. Онъ можетъ учить: древнимъ языкамъ (латинскому и греческому, и я желаю, чтобы дѣти этимъ обоимъ языкамъ учились), нѣмецкому,

---

[1]) Алекс. Андр. Воейковой.

французскому (только грамматически, а не говорить), исторіи, географіи, математикѣ. Онъ нѣмецъ, слѣдовательно будетъ учить основательно. Онъ тихій, скромный и застѣнчивый человѣкъ, слѣдовательно будетъ любить учебную комнату и пріучитъ дѣтей любить ее, т. е. пріучитъ ихъ трудиться. Остальное, то есть привычку къ добру, дастъ имъ несравненная ихъ мать, а онъ ей въ этомъ поможетъ. Я еще не знаю, чего онъ потребуетъ въ годъ; когда узнаю донесу вамъ; а когда все сладится, привезу его съ собою въ Долбино. А въ Долбинѣ сдѣлаемъ планъ вмѣстѣ, напишемъ, подпишемъ, велимъ засвидѣтельствовать попу, и положимъ въ церквѣ на престолѣ. Вотъ вамъ и еще способъ забыть мою глупость: посылаю вамъ письмо, полученное мною изъ Сибири. Спросите Азбукина о сочинителѣ этого письма; онъ знаетъ его обстоятельства. Вамъ же, мои милыя сестры, посылается оно для того только, чтобы вы съ своей стороны подали также помощь М. [1]). Одна изъ васъ должна быть секретаремъ прочихъ, должна написать къ М. двѣ строчки по адресу, въ его письмѣ назначенному; можетъ она не подписывать имени, а приложить при двухъ строкахъ небольшую сумму денегъ, общими силами собранную и damit Gott befohlen. На адресѣ лучше не выставлять имени М., а вложить его пакетъ въ другой, который послать Корсунскому. Виватъ поэзія! она спасаетъ и ссыльныхъ! Не худо бы и Плещеевыхъ заманить на складку; но прежде должно спросить у негра, за что онъ не отвѣчаетъ мнѣ на четыре письма моихъ?

Простите, цѣлую васъ всѣхъ. Ж.

№ 44.

(Дерптъ. Октября 23-го, 1816 г.).

Милая сестра, вы сердитесь на меня понапрасну! И точно я имѣю право упрекать васъ за тѣ выраженія, которыя вы на счетъ мой употребляете. Вы забываете, что вините меня въ недостаткѣ лучшихъ чувствъ, въ недостаткѣ привязанности къ вамъ, тогда какъ мы розно, тогда какъ я никого не могу такъ много любить и уважать, какъ васъ. Не стыдно ли? Да у васъ же два письма моихъ, на которыя не было мнѣ отвѣта. Но можетъ быть и то, и другое письмо потеряны на почтѣ! Слѣдовательно и Анета не получила письма моего! Слѣдовательно всѣ вы на меня дуетесь, какъ мѣшки эоловы!

---

[1]) Мещевскій, см. о немъ „Русск. Арх." 1867 г., стр. 811, и 1868 г., стр. 938.

Господи, помоги мнѣ грѣшному. На всякій случай вотъ содержаніе этихъ обоихъ писемъ. Въ первомъ просилъ я отъ васъ помощи Мещевскому (объ немъ и его имени узнаете отъ Азбукина). Онъ несчастливъ, сосланъ за дѣло въ Оренбургъ, но благодаря Богу не унываетъ, а спасается въ объятія святой поэзіи отъ отчаянія—надобно помочь ему и помощь вся состоитъ въ томъ, чтобы послать ему нѣсколько денегъ, запечатавъ пакетъ его въ другой пакетъ, адресованный въ Оренбургъ на имя его высокобл. Александра Васильевича Корсунскаго. Писать къ нему и подписывать имени не нужно, чтобы не оцарапать больной души. Во второмъ письмѣ вмѣстѣ со мною говоритъ и почтенной педагогусъ Цедергренъ, молодой человѣкъ, доброй, ученой, весьма не ловкой, но имѣющій большія рекомендаціи. Онъ требуетъ 2,000 въ годъ, нѣсколько недѣль вакансіи ежегодно для отдыха, денегъ на проѣздъ изъ Дерпта въ Долбино, обѣщается учить: по гречески, латински, нѣмецки, французски, математики, исторіи, географіи и натуральной исторіи. Довольно для начала! Его не считать воспитателемъ, а только наставникомъ. Царь небесный, посади твоего херувима въ это письмо, чтобы оно не пропало на почтѣ! Ты знаешь, Господи, что мнѣ весьма, весьма нужно получить на него отвѣтъ и вотъ почему, Господи! Я ѣду въ началѣ декабря мѣсяца въ Петербургъ! — Какъ въ Петербургъ! Ты хотѣлъ ѣхать въ Бѣлевъ!—Господи, вѣдь мы, люди, думаемъ, а ты располагаешь! Я не отдумалъ ѣхать въ Бѣлевъ, но мнѣ должно побывать въ Петербургѣ и тамъ пробыть мѣсяца полтора. Твой добрый Тургеневъ и твой прекрасный Кавелинъ ко мнѣ пишутъ и зовутъ меня за важнымъ дѣломъ! Но всего важнѣе то, что угодно тебѣ, Господи! И такъ прикажи херувиму твоему донести письмо мое въ цѣлости и прикажи ему похлопотать, чтобы на это письмо мнѣ поскорѣе отвѣчали: это нужно мнѣ, Господи, потому особенно, что я прежде отъѣзда изъ Дерпта условился бы съ господиномъ Цедергреномъ, назначилъ бы ему срокъ, къ которому онъ долженъ будетъ пріѣхать въ Петербургъ и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ бы въ Долбино. Но чтобы съ нимъ поѣхать, Господи, надобно знать, соглашаются ли принять его въ Долбинѣ. Еще Господи, прикажи твоему херувиму поклониться Аннѣ Петровнѣ, то есть милой Анетѣ (вы еще не знаете что за имя Анета!), Катеринѣ Петровнѣ, то есть Катошѣ и ея великанчику Васѣ и ея крошкѣ Дуняшѣ. Такъ же, чтобы этотъ херувимъ не забылъ поцѣловать свою сестрицу Машу, да братцевъ Ваню и Пѣтушка. Да чтобы онъ залетѣлъ въ Володьково и тамъ нашелъ двухъ родныхъ своихъ и имъ бы шепнулъ обо мнѣ два слова. Благослови-жъ меня, Господи, благослови и ихъ, а я и твой, и ихъ всѣмъ сердцемъ. Жуковскій.

(Приписка рукою Александры Андреевны:)

«Дуняша, другъ мой! Ты спрашиваешь у меня объ Жуковскомъ. Онъ, слава Богу, здоровъ, кланяться тебѣ приказалъ. Ангелъ милый, пиши ко мнѣ душечка! а я на той почтѣ пошлю къ тебѣ свое письмо, а ты въ Жуковскаго пакетѣ пиши ко мнѣ».

№ 45 [1]).

7-го ноября. (Дерптъ, 1816 г.).

Чтожъ это значитъ, милостивая государыня Авдотья Петровна Кирѣевская. Вы взяли Вагнера потому, что не надѣялись, чтобы я теперь могъ вами заняться? Прошу мнѣ истолковать это мистическое слово теперь. Какой фигуры должно быть то время, въ которое не могу я вами заняться? И по какому праву могли вы это вздумать. Но дѣло сдѣлано! Вагнеръ у васъ. Вы описываете его прекрасно; но признаюсь, боюсь вѣрить и не вѣрится. Стеченіе обстоятельствъ, по вашему же описанію, было таково, что первый попавшійся вамъ на глаза долженъ былъ показаться вамъ несравненнымъ! Въ этихъ обстоятельствахъ пугаетъ меня то, что Вагнеръ пріѣхалъ къ вамъ торговать заводъ и вмѣсто того, чтобы его купить, сдѣлался у васъ учителемъ! Перемѣна слишкомъ быстрая! Но я могу ошибиться и весьма вѣроятно, что ошибаюсь! Но кто вамъ его рекомендовалъ? Отъ кого узнали вы о его свѣдѣніяхъ, о его хорошемъ знаніи математики, латыни; о его дружбѣ по смерть съ Тизенгаузеномъ? Все это меня стращаетъ! И тѣмъ болѣе жаль мнѣ Цедергрена, что половину того, чему онъ брался учить дѣтей, должны взять теперь на себя вы сами! Милая, учить дѣтей исторіи, географіи, натуральной исторіи! Шутка ли? Вы думаете, что всему этому можно научить изъ чтенія! Да! естьли бы они были дѣвочки, то имъ было бы ненужно обстоятельное знаніе этихъ наукъ—вы бы могли учить ихъ для того, чтобы отъ этого была польза ихъ сердцу! Но для мужчины, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, въ которомъ отъ другихъ отставать не должно, въ этихъ наукахъ нужно знаніе фундаментальное—я самъ вамъ въ этомъ примѣръ! Мнѣ часто приходитъ плохо отъ недостатка въ этомъ фундаментальномъ знаніи! И я бы не желалъ, чтобы съ дѣтьми вашими бывало тоже, что со мною. Исторія и прочія науки слишкомъ нужны для той жизни, какую ведутъ люди теперь, чтобы заниматься поверхностно. И вы не

[1]) См. Очеркъ въ „Ж. М. Н. Пр.“ стр. 76.

можете быть въ этомъ случаѣ хорошимъ для дѣтей учителемъ. Это не значитъ однакожъ, чтобы я требовалъ изгнанія Вагнера. Естьли случай, заведшій его къ вамъ въ домъ, поступилъ благоразумно, то благодареніе случаю! Но что же мы сдѣлаемъ съ исторіей и прочимъ? Нельзя ли, напримѣръ, естьли Вагнеръ отъ нихъ отказывается, поручить Цедергрену? Два учителя въ домѣ—это пахнетъ междуусобіемъ! Но почему-жъ междуусобіе? Два добрыхъ человѣка легко могутъ ужиться въ одномъ домѣ! Дѣти будутъ принадлежать каждому только въ часы ученія, но ихъ характеръ и все, что они собственно, будетъ принадлежностію матери! Вы бы тогда могли надолго, на всю раннюю молодость оставить ихъ дома; они бы прекрасно приготовились для университетскаго ученья; а университетъ, не повредя бы ихъ нравственности, приготовилъ бы ихъ для дѣятельной жизни. Такимъ образомъ соединились бы для нихъ выгоды домашняго воспитанія съ воспитаніемъ публичнымъ. Подумайте о моемъ предложеніи; но подумайте не однѣ, а съ Анетою и даже съ Вагнеромъ, у котораго спросите, можетъ ли ученье быть успѣшнымъ у двухъ учителей, занятыхъ каждый своею отдѣльною частью? И естьли кошельку будетъ не трудно, то рѣшитесь. Не пугайтесь этого слова кошелекъ: онъ святое дѣло для матери семейства. Выберите только изъ двухъ важнѣйшее.

На начало вашего милаго письма скажу старую мысль: un coeur sensible est un mechant cadeau de la bonté divine [1]). Ваше милое сердце жестокой для васъ мучитель! Сколько сдѣлало и дѣлаетъ оно вамъ напрасныхъ страданій! За себя и за другихъ! Какъ бы желалъ я подлить въ него благословеннаго покоя — точно подлить! Ибо самимъ вамъ сдѣлать этого невозможно! Радость и горе жизни падаютъ на насъ прямо съ неба въ ту первую минуту, въ которую кладетъ оно свою печать на душу; печать, съ которою, такъ или инакъ, будемъ тащиться до того порога, за который перешагнувъ, вдругъ очутишься въ тишинѣ, ясности, неизмѣняемости и проч. Эта благословенная, хотя и тяжелая печать глубже вдвинута въ сердце ваше, нежели въ какое другое. Но ради Бога, естьли можно, будьте со всѣхъ сторонъ покойны! Тѣ, которые вамъ нужны, ваши на всю жизнь! только не перекладывайте въ нихъ своей души, а будьте довольны ихъ душою!

Съ полученія этого письма стряхните съ себя всю шелуху старыхъ огорченій, и начните жить, какъ будто ихъ не бывало, съ доброю, спокойною вѣрою въ полную къ вамъ привязанность: зажигайте около себя и въ сердцахъ своихъ дѣтей фонари свои; а наши будутъ го-

---

[1]) Чувствительное сердце не добрый подарокъ божественной доброты.

рѣть тамъ и здѣсь и отвѣчать вамъ своимъ свѣтомъ! Можно и должно начать жить вмѣстѣ, какъ вы говорите, безъ прошедшаго! Но какъ же понять это прошедшее? Что дурнаго, достойнаго забвенія въ вашемъ прошедшемъ? Прошедшимъ здѣсь называю только однѣ огорченія ваши! Забудьте ихъ и вѣрьте тихому счастію, которое у васъ можетъ быть въ рукахъ, потому что вы можете строить тихо и смирно счастіе дѣтей, и можете и должны вѣрить дружбѣ своихъ друзей. Васъ должна успокоивать мысль, что всѣмъ огорченіямъ причиною не дружба или не недостатокъ дружбы, а тысяча верстъ съ тѣми безобразными привидѣніями, которыя на каждой верстѣ сидятъ толпою.

О вашихъ планахъ для меня, о прекрасной Нѣмкѣ, о нашемъ будущемъ и проч. поговоримъ при свиданіи. Но объ Американцѣ теперь? Вы забавны съ своими извѣстіями! Показываете намъ китайскія тѣни, а не сказываете, что онѣ значатъ. Анета молчитъ! Изъ вашего письма видно, что у васъ что-то строится. Нельзя ли яснѣе написать и прислать порядочный планъ постройки. Милая Анета, что-жъ это значитъ! Ваше первое письмо было похоже на шутку! Оно было не иное что, какъ критическая статья въ журналѣ о картинной выставкѣ въ академіи. Но теперь начинаю думать, что это не шутка. Счастіе жизни милой Анеты, достойной всякаго счастія! Перестаньте шутить, друзья, и напишите поподробнѣе. Я у васъ буду зимою непремѣнно. Въ Петербургъ тащитъ меня важное дѣло; но изъ Петербурга къ вамъ! Непремѣнно! Изъ этого слова однако первой слогъ не можетъ оторвать только одно обстоятельство: Машина свадьба! Еще не назначенъ срокъ! Но отъ его назначенія зависятъ и мои поступки. Боже мой! что такое человѣкъ? Машина свадьба [1])! Я говорю объ этомъ такъ спокойно! И во мнѣ два спорщика: одинъ гладитъ меня по головкѣ за это спокойствіе; а другой ворчитъ и хмурится! А я отвѣчаю: какъ вамъ угодно, но оно такъ! Друзья! на свѣтѣ только и хорошаго, что фонари; дай Богъ, чтобы только на всякую минуту былъ огонь на готовѣ. Все прочее шелуха....

.... Благодарствуйте за Мещевскаго! Поэзія святое дѣло! святое во всемъ смыслѣ этого слова! Блаженъ, кто можетъ быть вполнѣ поэтомъ! вполнѣ, а не слишкомъ! Естьли слишкомъ, то поэзія врагъ всякаго вмѣстѣ съ людьми. Моя стоитъ на золотой серединѣ и слава Богу! Я опять пишу и пишу! такъ же какъ въ Долбинѣ. Пѣвецъ [2])

---

[1]) Свадьба Марьи Андр. съ Мойеромъ была 14-го января 1817 года, въ Успенскомъ соборѣ въ Дерптѣ. П. В.

[2]) Пѣвецъ въ Кремлѣ, соч. Жуковскаго, т. I, стр. 407.

кончень, Искупленіе оканчивается [1])! Все это вамъ будетъ прислано.

Простите, милые друзья! ждите меня. Дѣти, цѣлую васъ. Наталья Андреевна, здравствуйте, голубушка! Иванъ Никифоровичъ, попросите за меня благословенія у вашего архіерея и поклонитесь Елизаветѣ Васильевнѣ! Все, что на милой родинѣ, здравствуй! Я было началъ давно стихи къ родинѣ, въ подражаніе Шатобріану [2]); вотъ одно начало: «Ты» есть, такъ сказать, Дуняша и вотъ что ей говорится:

Тамъ небеса и воды ясны!
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О родина! всѣ дни твои прекрасны!
Гдѣ-бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой!
Ты помнишь ли, какъ подъ горою,
Осеребряемый росою,
Свѣтился лугъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?
Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройной,
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь стекло,
Село?
Тамъ на зарѣ пичужка пѣла!
Даль озарялась и свѣтлѣла!
Туда, туда душа моя летѣла!
Казалось сердцу и очамъ
Все тамъ!

И прочее. Кончить ли?... Но Воейковъ не любитъ моего тамъ [3]). Да уже и слишкомъ много его въ моихъ стихахъ! А какъ безъ него обойтись? Кстати о тамъ! Вотъ еще пѣсня, написанная мною по просьбѣ и на данной голосъ. Объ ней будетъ объясненіе:

Легкій, легкій вѣтерокъ!
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь
Очарованный потокъ?

---

[1]) „Искупленіемъ" Жуковскій называетъ здѣсь, по мнѣнію К. К. Зейдлица, свою поэму „Вадимъ": „На ясныхъ лицахъ радость и искупленія краса". См. соч. т. I, стр. 186.

[2]) Въ изд. 1849—1857 гг. (т. XII, стр 115) оно и напечатано подъ заглавіемъ: „Вольное подражаніе романсу Шатобріана: Combien j'ai douce souvenance".—Въ изд. 1878 года стихотвореніе это (т. II, стр. 9) безъ заглавія. Слѣдовало бы поставить: „Къ Родинѣ" (посв. Авд. Петр. Кирѣевской).

[3]) См. очеркъ жизни Жуковскаго въ „Ж. М. Н. Пр." стр. 76.

П. В.

Чѣмъ опять душа полна?
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой въ ней возвратилось,
Перелетная весна!
Я смотрю на небеса:
Облака, летя, сіяютъ,
И сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса!
Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голосъ старины?
Или тамъ, куда летитъ
Птичка — странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край желаннаго сокрытъ?
Кто-жъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется-ль, кто мнѣ скажетъ,
Очарованное тамъ? [1]).

№ 46.

2-го января (1817 г. Спб.).

Милая сестра, вы говорите мнѣ аминь на всѣ мои мысли, а я готовъ сказать аминь на всѣ ваши, не заикнувшись и отъ всего сердца.

Теперь спѣшу сказать вамъ одно только слово: порадуйтесь за меня. У меня есть то, что всего лучше на свѣтѣ, независимость. Добрый царь далъ мнѣ пенсіонъ (4,000 р. [2]). Этого довольно для свободы и безпечности.

Когда я къ вамъ буду? Теперь я въ Петербургѣ? Черезъ три дни ѣду обратно въ Дерптъ [3])? А къ вамъ? И слово данное, и сильное желаніе меня къ вамъ тащутъ! Но важная причина говоритъ мнѣ останься до окончанія зимы въ Дерптѣ! и въ то же время эта же сильная причина заставляетъ меня бояться остаться! На что рѣ-

---

[1]) Соч. Жуковскаго, т. II, стр 8.

[2]) Жуковскій получилъ эту пенсію послѣ изд. въ 1816 году сочиненій своихъ въ 2-хъ томахъ. Онъ поднесъ экземпляръ императору. (См. Плетневъ: о жизни и соч. Жуковскаго, стр. 43).

[3]) Свадьба Мойера съ Мар. Андр. была назначена на 12-е января, состоялась 14-го. П. В.

шиться! Не могу сказать: подумаю! До сихъ поръ мое думанье худо мнѣ помогало! Авось Богъ рѣшитъ за меня.

А вы и Анета не отвѣчаете мнѣ на мои два письма. Анета ни слова о московскомъ имярекѣ, а вы ни слова объ Вагнерѣ. Получили ли вы мои письма и гдѣ вы сами? Въ Москвѣ ли? въ Бѣлевѣ ли? Отправляю письмо на всякой случай въ Москву.

Простите до Дерпта. Оттуда напишу болѣе. Ж.

Вотъ вамъ экземпляръ «Пѣвца». Одинъ и есть вамъ; Анетѣ и Азбукинымъ пришлю когда будетъ.

Сообщ. К. К. Зейдлицъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

въ 1853 г. [1]).

Очеркъ Петра Гревенецъ [2]).

I.

Можно утвердительно сказать, что весьма немногіе изъ нашихъ соотечественниковъ знаютъ о нынѣшнемъ, въ 1853 г., состояніи К. Н. Батюшкова, и о томъ, что онъ находится еще въ живыхъ. Родственники его и лица, съ которыми онъ въ молодости былъ въ дружескихъ связяхъ, вотъ тѣ, которымъ быть можетъ только извѣстно настоящее положеніе поэта. И не мудрено, уже съ 1821 года Батюшкова постигъ тяжкій недугъ, который, можно сказать, заживо положилъ его въ могилу и въ цвѣтѣ лѣтъ разрушилъ человѣка, столь много обѣщавшаго, и отъ котораго были въ правѣ ожидать многаго знатоки и любители русскаго слова. Имѣя возможность передать здѣсь нѣкоторыя мало извѣстныя подробности о жизни Константина Николаевича, я думаю, что для многихъ не будетъ безъинтересно узнать

---

[1]) См. обширное собраніе писемъ Константина Николаевича Батюшкова въ „Русской Старинѣ" изд. 1870 г., т. I, изд. первое, стр. 65—71; изд третье, стр. 549 554; изд. 1871 г., т. III, стр. 208—236; 394; изд. 1874 г., т. X, стр 383—398; изд. 1883 г., т. XXXVII, мартъ, стр. 647—664; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 107—122; май, стр. 333—350; іюнь, стр. 525—540; томъ XXXIX, іюль, стр. 21—42; августъ, стр. 237—250.

[2]) Настоящій очеркъ написанъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1853 года, т. е. при жизни К. Н. Батюшкова, и принадлежитъ его внучатному племяннику, Петру Григорьевичу Гревенецъ † въ 1870-хъ гг. (застрѣлился въ Вологдѣ въ сумашествіи). Бабка его, Елисавета Николаевна Батюшкова, была въ замужествѣ за Аврамомъ Григорьевичемъ Гревенецъ. У нихъ были сынъ Григорій и внуки Владиміръ и Петръ Григорьевичи. Ред.

ихъ о Батюшковѣ, который составлялъ нѣкогда литературный тріумвиратъ съ Карамзинымъ и Жуковскимъ.

Въ 1817 году Батюшковъ оставилъ военную службу, въ которой провелъ все лучшее время жизни. Нездоровье, служебныя неудачи, а главное, семейныя обстоятельства были главными тому причинами. Вскорѣ послѣ этого, онъ былъ назначенъ почетнымъ библіотекаремъ императорской публичной библіотеки и отправился въ Одессу, гдѣ подъ лучшимъ небомъ надѣялся возстановить свои упадавшія силы; связи его съ Тургеневымъ, Сѣверинымъ, и покровительство тетки его, Катерины Ѳедоровны Муравьевой (которую Батюшковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ называетъ «мое Провидѣніе»), вдовы Михаила Никитича, всегда любившаго Батюшкова, доставили ему мѣсто секретаря русскаго посольства въ Неаполѣ. Съ радостію получивъ это извѣстіе, нашъ поэтъ тотчасъ же полетѣлъ изъ Одессы въ Петербургъ; письма его, относящіяся къ этому времени, носятъ особый отпечатокъ восторженности, которая вѣроятно рождалась въ поэтѣ при мысли, что онъ увидитъ страну, доставившую ему лучшіе часы вдохновеній. Кажется все улыбалось К. Н., и бодрый духомъ, онъ отправился къ мѣсту своего назначенія. Вотъ отрывокъ изъ письма его къ одной изъ сестеръ, съ которою онъ былъ связанъ тѣсною дружбою. «Неаполь, 1-го апрѣля нов. стиля 1819 г. Здоровье мое изрядно. Зимою страдаю отъ холоду и усталости. Теперь погода прекрасная, такъ какъ (бываетъ) у насъ (въ Россіи) въ іюнѣ до жаровъ. Изъ моихъ оконъ видъ истинно чудесный, море усѣяно островами. Оно разсѣваетъ мою грусть, ибо мнѣ съ пріѣзду очень грустно. Говорятъ, что всѣ иностранцы первые дни здѣсь грустятъ и скучаютъ. Часто думаю о тебѣ, милый другъ, и желаю тебѣ благополучія отъ искренней души. Надѣюсь обнять тебя въ счастливѣйшія времена, и надѣюсь, что ты сохранишь меня въ памяти своего сердца. Мы много перенесли съ тобою горя, и это самое должно насъ тѣсно связывать. Всякая дружба измѣняется, кромѣ дружбы родства». Здоровье поэта, между тѣмъ, начало поправляться и нервный недугъ, которымъ онъ страдалъ въ Петербургѣ, сталъ сдаваться усиліямъ гостепріимнаго неаполитанскаго климата. Послушаемъ, что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «О себѣ скажу только, что начинаю быть доволенъ моимъ здоровьемъ, хотя климатъ Неаполя и не очень благосклоненъ къ тѣмъ, которые страдаютъ нервами. Впрочемъ надѣюсь, что здоровье мое укрѣпится; я веду родъ жизни самый умѣренный, не принимаю никакого лѣкарства и хожу пѣшкомъ очень много».

Здѣсь въ пiитической Италіи Батюшковъ предался глубокому изученію того языка, которымъ писалъ Тассъ свои «божественные» (по

выраженію К. Н., смотри Полн. собр. соч. русск. автор. Соч. Батюшкова, т. I, стр. 339) стихи. Все окружающее переносило поэта въ міръ фантазіи. Живя въ Неаполѣ, онъ изъ оконъ своихъ видѣлъ Соренто, колыбель того, которому Батюшковъ, по собственному сознанію, одолженъ лучшими наслажденіями жизни; но служебныя занятія поглощали всю дѣятельность К. Н. и по всему вѣроятію кромѣ стихотворенія своего «Надгробіе русскому младенцу, умершему въ Неаполѣ», и своихъ краснорѣчивыхъ писемъ Уварову, Тургеневу и Жуковскому, Батюшковъ не произвелъ ничего въ это время. Въ письмахъ онъ самъ сознается, что мало занимался поэзіею, но составлялъ только записки о древностяхъ Неаполя. Впослѣдствіи записки эти пропали, и хотя нѣкоторые полагаютъ, что Батюшковъ сжегъ всѣ свои бумаги, въ припадкѣ душевнаго разстройства, но это одно только предположеніе; скорѣй надо думать, что они или затеряны, или похищены, но когда и гдѣ—вотъ вопросъ, который трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ, если что нибудь изъ бумагъ Батюшкова уцѣлѣло, то любопытно было бы видѣть это въ печати. Но обратимся къ Неаполю.

Надо было думать, что путешествіе Батюшкова въ Италію возвратитъ его отечеству, друзьямъ, литературѣ. Выздоровленіе и довольство собою, казалось, служили залогами новой, еще лучшей, дѣятельности К. Н., находившагося въ центрѣ той сокровищницы, изъ которой онъ уже и прежде черпалъ свои звучныя задушевныя октавы. «Какая земля! Вѣрьте, что она выше всѣхъ описаній для того, кто любитъ исторію, природу и поэзію», вотъ слова Батюшкова объ Италіи. Казалось, что тѣ мѣста, гдѣ жили и писали Тассъ, Петрарка, Аріостъ, должны были вдохновить поэта, и дѣйствительно восторгъ К. Н. отъ пребыванія его въ Италіи выражается въ каждомъ изъ его писемъ, единственныхъ памятниковъ чувствованій, мыслей и желаній тогдашняго Батюшкова. Въ семейной его перепискѣ того времени видна вся теплая, нѣжная любовь его къ меньшимъ брату и сестрѣ, которые послѣ смерти отца остались сиротами на рукахъ сестры, дѣвушки. Входя во всѣ подробности ихъ воспитанія, К. Н. почти въ каждомъ письмѣ просилъ, чтобы не забыли его крошку Помпея и малютку Юлію. Заботливость его доходила до того, что изъ Италіи онъ назначалъ цѣну и цвѣтъ платья, которое приказывалъ купить для маленькой сестры. К. Н. былъ рожденъ для дружбы; его нѣжная привязанность къ роднымъ и особенно къ одной изъ сестеръ своихъ, Александрѣ Николаевнѣ, обрисовываетъ всю его душу. Живой, впечатлительный, онъ впрочемъ былъ часто огорчаемъ разными семейными неудачами, и тогда горько сѣтовалъ на судьбу, но все-таки находилъ утѣшеніе въ дружбѣ. Никто и не думалъ, чтобы нервное разстройство могло

повергнуть Батюшкова въ то ужасное положеніе, которое не замедлило открыться. Задумчивость, одиночество и упорное отчужденіе отъ общества были предвѣстниками страшной болѣзни. Неудовольствія по службѣ, которая и прежде мало улыбалась поэту, довершили ударъ. Батюшковъ задумалъ возвратиться въ отечество и въ половинѣ 1820 года отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ пробылъ не долго; по совѣту врачей и по собственному желанію онъ поѣхалъ въ Крымъ, думая тамъ найти здоровье и силы. Но Провидѣніе судило иначе, и съ этой эпохи состояніе Батюшкова день ото дня стало хуже. Въ Симферополѣ, вдали отъ друзей и знакомыхъ, безъ достаточныхъ средствъ, одиноко жилъ Батюшковъ. Но это продолжалось не долго; одинъ изъ его родственниковъ отправился туда и почти насильно привезъ Батюшкова въ Петербургъ. Кажется, что свиданіе съ друзьями, которые посѣтили его тотчасъ по пріѣздѣ, имѣло нѣкоторое вліяніе на К. Н., но все-таки онъ поселился вдали отъ шумной столицы, на Карповкѣ, вскорѣ отказался видѣть кого бы то ни было и впалъ въ глубокую меланхолію. Сестра его, Александра Николаевна, столь много любившая брата, при первомъ извѣстіи о прибытіи его изъ Симферополя, пріѣхала въ Петербургъ и предложила ему отправиться за границу, думая, что разсѣяніе, лучшій климатъ и заботы ея отвратятъ отъ нѣжно-любимаго брата тотъ страшный недугъ, который ему грозилъ. Имѣя весьма небольшое состояніе, она заложила имѣніе, бросила хозяйство, заняла денегъ и, пожертвовавъ собою, повезла брата, по совѣту врачей, въ Зонненштейнъ и Дрезденъ. Думала ли эта безкорыстная женщина, что по возвращеніи изъ Саксоніи, и она подвергнется той ужасной болѣзни, которою страдалъ братъ! Но судьбы Провидѣнія неисповѣдимы; душевное разстройство К. Н. произвело столь сильное впечатлѣніе на А. Н., что чрезъ годъ послѣ возвращенія изъ-за границы (изъ Саксоніи) и она подверглась той же участи. Память ея незабвенна для почитателей и друзей таланта Батюшкова, который А. Н. думала воскресить.

II.

Два года, проведенные внѣ отечества, не произвели въ здоровьи Батюшкова ни малѣйшей перемѣны къ лучшему, напротивъ ему стало гораздо хуже. Ни нѣжныя заботы сестры, ни лѣченіе лучшихъ дрезденскихъ врачей, ничто не могло возстановить Батюшкова; онъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ пору лучшаго развитія своего таланта, словомъ въ ту эпоху, когда можно было ожидать отъ Ба-

тюшкова лучшихъ произведеній его пера. Видя, что всѣ старанія напрасны, А. Н. пустилась въ обратный путь въ Россію; это было въ концѣ 1828 года. Батюшкова, или лучше сказать тѣнь его, привезли въ Москву и помѣстили у доктора Киліани, подъ надзоромъ тетки несчастнаго страдальца, столь много ему благодѣтельствовавшей, Екатерины Ѳедоровны Муравьевой; но могла ли она, удрученная годами, почти недвигавшаяся съ мѣста, исполнять такую обязанность, которую не всякій и здоровый человѣкъ приметъ на себя? Докторъ, у котораго былъ помѣщенъ К. Н., самъ больной человѣкъ, не хотѣлъ, или лучше сказать не могъ надлежащимъ образомъ исполнять свою обязанность. Въ это время здоровье и моральныя силы К. Н. находились въ самомъ печальномъ положеніи, но тѣмъ не менѣе, когда его посѣтилъ братъ, онъ узналъ его, говорилъ о другихъ родныхъ и послѣ нѣсколькихъ свѣтлыхъ минутъ впалъ въ то же положеніе; въ это время онъ часто говорилъ съ лакеемъ, который ходилъ за нимъ, о родственникахъ, и когда слышалъ, что они далеко отъ него, то горько плакалъ. Но бывали дни, когда болѣзнь принимала страшный оборотъ; и въ эти минуты проклятія сыпались на все, что было мило и дорого Батюшкову въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. Болѣзнь его все болѣе и болѣе усиливалась, а дурное содержаніе и совершенное одиночество только болѣе раздражали К. Н., которому необходимо было разсѣяніе и довольство, чтобы успокоить и безъ того уже его страждущую организацію. Но та сестра, которая была для Батюшкова ангеломъ-утѣшителемъ, сама лежала на одрѣ болѣзни; другіе родственники при всемъ желаніи, по разнымъ обстоятельствамъ, не могли пособить горю.

Наконецъ, въ 1833 году, одинъ изъ племянниковъ К. Н. по сестрѣ, пріѣхалъ въ Москву, и убѣдившись, что ему необходимы постоянныя и неусыпныя попеченія, взялъ на себя успокоить страдальца-дядю, который и перевезенъ имъ былъ въ Вологду. Между тѣмъ съ пріѣзда его изъ Италіи, Батюшковъ все еще считался на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ и получалъ прежнее жалованье. Въ 1833 году, онъ былъ совершенно уволенъ отъ службы и по милости государя императора получилъ по смерть пансіонъ въ 2 т. руб. сер. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ министерство иностранныхъ дѣлъ увѣдомило объ этой монаршей волѣ покойнаго дядю поэта, сенатора П. Л. Батюшкова:

«Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. вице-канцлера въ 9 день декабря сего (1833) года, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: числящагося при миссіи нашей въ Неаполѣ надворнаго совѣтника Батюшкова и находящагося нынѣ по разстроенному состоянію въ Россіи подъ опекою, не считать въ вѣдомствѣ министер-

ства иностранныхъ дѣлъ, а въ вознагражденіе прежней его 16-ти лѣтней усердной службы какъ военной, такъ и гражданской и бытности его въ 1806, 1807, 1808, 1809, 1813 и 1814 годахъ въ походахъ и сраженіяхъ и полученной имъ раны въ ногу пулею на вылетъ и заслугъ, оказанныхъ имъ русской литературѣ, производить ему по смерть изъ государственнаго казначейства сумму, равную достоинству оклада жалова ья, которое онъ получалъ по неаполитанской миссіи».

Жуковскій принималъ не малое участіе въ исходатайствованіи этой послѣдней милости своему столь рано отжившему другу.

Съ того времени, т е. въ теченіе 20 лѣтъ, Батюшковъ живетъ (1853 г.) постоянно въ Вологдѣ, въ домѣ своего племянника. Въ этотъ періодъ болѣзнь его приняла совершенно иной характеръ. Неукротимый, молчаливый и задумчивый сначала, онъ сталъ кротокъ, разговорчивъ и общителенъ съ людьми, которые его окружаютъ. Любя чрезвычайно дѣтей, онъ не могъ долго утѣшиться о потерѣ одного изъ своихъ внуковъ. Конечно въ Батюшковѣ не осталось ничего отъ прежняго его поэтическаго таланта, но неизмѣнный въ любви своей къ природѣ, онъ и теперь не перестаетъ ею жить. Главное его занятіе составляетъ живопись. Рисуетъ онъ цвѣты съ натуры, но иногда выходятъ изъ подъ его кисти и пейзажи, впрочемъ что-то печальное составляетъ характеръ его рисунка. Луна, крестъ и лошадь составляютъ непремѣнную принадлежность его ландшафта [1]). Иногда вспоминаетъ онъ о друзьяхъ и чаще другихъ о Карамзинѣ и Жуковскомъ. Преимущественно предъ другими читаетъ онъ сочиненія Измайлова, Капниста, М. Н. Муравьева и Карамзина. При моральномъ потрясеніи К. Н. сохранилъ замѣчательную память, такъ иногда онъ наизусть читаетъ цѣлыя тирады Корнеля, Тасса или нашего Державина. Зрѣніе впрочемъ начало ему измѣнять и онъ употребляетъ очки, но и то года съ три (ему теперь—въ 1853 г.—67 лѣтъ). Изъ своихъ походовъ онъ чаще всего говоритъ о финляндскомъ и о кампаніи 1814 года, а изъ сраженій о—Гейльсбергѣ, гдѣ былъ раненъ въ ногу и о Лейпцигѣ, гдѣ потерялъ друга своего Петина.

Вотъ краткія замѣтки, нами собранныя изъ собственныхъ наблюденій и изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ бумагъ Батюшкова, о которомъ можно сказать его же стихами изъ умирающаго Тасса:

„Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли".

Петръ Гревенецъ.

Ноябрь 1853 г.

---

[1]) Предъ нами два такихъ рисунка сумашедшаго К. Н. Батюшкова: ландшафтъ, покрытый общимъ зеленымъ цвѣтомъ, и портретъ Наполеона I; императоръ стоитъ въ треуголкѣ и покуриваетъ трубочку-„носогрѣйку".

Ред.

Стихи, замѣтки и письма К. Н. Батюшкова

въ сумашествіи.

I.

Подражаніе Горацію.

Я памятникъ воздвигъ огромный и чудесный,
Прославя васъ въ стихахъ: не знаетъ смерти онъ!
Какъ образъ милый вашъ и добрый и прелестный
(И въ томъ порукою нашъ другъ Наполеонъ
Не знаю смерти я. И всѣ мои творенья
Отъ тлѣна убѣжавъ, въ печати будутъ жить.
Не Аполлонъ, но я кую сей цѣпи звѣнья,
Въ которыя могу вселенну заключить.
Такъ первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтели Елизы говорить
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ громами возгласить.
Царицы царствуйте и ты императрица!
Не царствуйте цари: я самъ на Пиндѣ царь!
Венера мнѣ сестра и ты моя сестрица,
А Кесарь мой святой Косарь.

Константинъ Батюшковъ.

II.

J'ai construit un monument immense et merveilleux en Vous célèbra vers. Ce monument ne connaitra pas la déstruction, ainsi que Votre i charmante, bonne, et enchanteresse. Notre ami Napoleon est le gara cette vérité. Je ne connois pas la mort. Mes poësies échaperont au r des siecles et revevrait imprimés avec nouvelle gloire. Apollon est nul. même je forge les ames de cette chaine poetique, dans la quelle je puis e soner le monde. Oui, moi le prémier j'ai en la hardie de parler des d'Elise. Dans la simplicité de mon coeur j'ai parlé de Dieu et j'ai anno verité aux Souverains par la voix du tonnere. Regnez belles Souverai Vous grande Imperatrice! Moi je suis Souverain du Parnasse, Venus e soeur, Vous êtes ma soeur et vous Cesar, vous êtes mon très saint cou

III.

Половину Добра несетъ вода по рѣкѣ въ водополь. Какъ спасти Ег ЕЕ? т. е. мѣстоименіе употребить правильно женское или мужское,— сится къ половинѣ или прямо къ добру. Какъ по русски?

La moitié du bien des cultivates est entrénée par la rivière de b Comment la sauver ou le sauver, faut-il dire la ou le?

Замѣчаніе Константина Николаевича Батюшкова, сдѣланное 24 а 1852 года на Крылова басню: „Крестьяне и Рѣка".

IV.

Вологда. Сентября 28.

Льстивое писмо ваше я получилъ, любезный Петръ Ивановичъ, пр престанномъ чтеніи моемъ на память у окна Вологодской конторы, нар басни Крылова, „Лисица и Ворона". За писмо ваше я благодаренъ, мѣрно за подарочекъ, портретомъ Наполеона, ему молюсь ежедневно debiti miei. Да царствуетъ онъ снова во Франціи, Испаніи и Португал

раздѣлимой и вѣчной имперіи французской, Его обожающей, и его почтенное семейство. Да будетъ онъ побѣдитель Перомъ яко братія его великіе цари Бурбоны; да будетъ мечь его побѣдитель надъ варварствомъ, ограда христіанскихъ народовъ, утѣшеніе человѣчества. Читая мои прогулки въ академіи художествъ, я желаю съ вами увидѣть тамъ портретъ благодѣтеля вселенной Наполеона живописи нашихъ русскихъ мастеровъ, достойной ихъ преславутой кисти, которая да не боится брюзги старожиловъ. Великіе океаны покорные Франціи и земли ея съ гражданами счастливыми, благословятъ сей образъ великаго императора Наполеона. Въ ожиданіи сей новой моей прогулки въ академію художествъ, которую приглашаю васъ самихъ описать, и пожелавъ вамъ возможныхъ благъ, пребуду вѣрный вамъ доброжелатель Константинъ Батюшковъ.

Помѣта. Получено 3 ноября 1853 г.

V.

Надпись къ портрету графа Буксгевдена Шведскаго и Финскаго. Та же надпись къ образу графа Хвастова-Суворова.

Премудро созданъ я, могу на васъ сослаться:
Могу чихнуть, могу зевнуть;
Я просыпаюсь чтобъ заснуть,
И сплю, чтобъ вѣчно просыпаться.

Константинъ Батюшковъ.

14 маія 1853 года
Вологда, вологодская удѣльная контора,
квартира г. Гревенца.

VI.

Любезный мой другъ Анна Григорьевна, я пишу къ вамъ, изъ моего угла въ день именинъ великой императрицы Катерины второй, по истинѣ разумной и хитрой монархинѣ; желая вамъ провести провесть оной день въ удовольствіи, но паче въ совершенномъ здравіи. Лѣто по обыкновенію моему, я провелъ въ саду городовомъ; рисовалъ въ бесѣдкѣ птичекъ, сообразно съ книжкой нѣмецкой, рисовальной вашего братца Модеста. Сіи рисунки вручу вашей матушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ, съ усердною просьбою доставить вамъ и любезной сестрицѣ вашей Елисаветѣ Григорьевнѣ. Желаю получить въ награду ваши рисуночки; они должны быть драгоцѣнны Если возвратитесь сюда поздно, то вѣрно меня здѣсь не застанете. Поздравляю васъ съ новой зимою и бѣлымъ снѣгомъ: кстатѣ, прошу васъ доставить мнѣ новое изданіе Шубъ князя А. А. Шаховскаго, спасителя отъ зимней скуки; утѣшителя отъ моразовъ, вьюги и сиповатаго Борея. Сами совершите—прошу васъ—рисунки, къ сей безсмертной поэмѣ, достойные вашего дарованія и стиховъ великаго стихотворца Шубъ. Поема Шубы расхищенны, есть одна поэма, которую я позволяю себѣ читать, во всѣ времена года· Братецъ вашъ Леонидъ здравствуетъ. Прощайте, будьте увѣрены въ моей къ вамъ вѣчной дружбѣ. Константинъ Батюшковъ.

24-го ноября.

Примѣчаніе. Копія съ письма къ его внучкѣ, Гревенецъ.

Приведенныхъ обращиковъ вполнѣ достаточно, чтобы судить о томъ безпросвѣтномъ сумракѣ, въ которомъ находился мозгъ нѣкогда столь талантливаго и просвѣщеннаго русскаго поэта. Мгла эта заволакивала его душевныя силы тридцать три года, вплоть до самой кончины К. Н. Батюшкова. Ред.

Встрѣча съ Н. В. Гоголемъ въ 1848 г.

При предполагаемомъ открытіи памятника Николаю Васильевичу Гоголю и изданіи полной біографіи этого замѣчательнаго писателя, каждая строка о немъ, сколько нибудь освѣщающая характеръ Н. В., будетъ не лишнею для полноты составляемой біографіи. Въ виду этого не могу умолчать о своей неожиданной встрѣчѣ съ приснопамятнымъ Николаемъ Васильевичемъ на пароходѣ въ Средиземномъ морѣ.

Это было въ январѣ 1848 года. На пути въ Іерусалимъ мы отправились изъ Константинополя въ Смирну на австрійскомъ пароходѣ „Махмудіэ", а въ Смирнѣ пересѣли на другой пароходъ той же компаніи Ллойда „Истамбулъ", идущій къ берегамъ Сиріи—въ Бейрутъ. На Истамбулѣ было много народу и бо́льшею частію поклонниковъ, ѣхавшихъ въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ. Какихъ представителей націй тутъ не было! Пестрые, разноцвѣтные костюмы рябили глаза, а разговоръ на разныхъ діалектахъ, споры, пѣсни, смѣхъ—все отзывалось какою-то, по восточному выраженію, вавилоніею: какая смѣсь одеждъ и лицъ, именъ, нарѣчій, состояній! Весь этотъ людъ въ общемъ были какъ-бы земляки; одни только мы русскіе были особняками среди этой разношерстной толпы и не принимали никакого участія въ общей суматохѣ подвижныхъ восточныхъ человѣковъ. Но оказалось, что кромѣ насъ тутъ же были еще русскіе люди и при томъ — недюжинные представители русской народности. Одинъ изъ нихъ былъ высокій плотный мужчина лѣтъ 55-ти въ темно синей съ короткимъ капишономъ шинели на плечахъ и съ красною фескою на головѣ, другой же маленькій человѣчекъ съ длиннымъ носомъ, черными жиденькими усами, съ длинными волосами, причесанными à la художникъ, сутуловатый и постоянно смотрѣвшій внизъ. Бѣлая поярковая съ широкими полями шляпа на головѣ и итальянскій плащъ на плечахъ, извѣстный въ то время у насъ подъ названіемъ манто, составляли костюмъ путника. Все говорило, что это какой нибудь путешествующій художникъ. Дѣйствительно, это былъ художникъ, нашъ родной геніальный сатирикъ Николай Васильевичъ Гоголь, а спутникъ его—генералъ Крутовъ.

Ну и слава Богу, подумалъ я, — нашего полку прибыло, все-таки будетъ веселѣе путешествовать. Положимъ, что путешествіе гдѣ бы то ни было, а особенно вдали отъ отечества, сближаетъ между собою людей всѣхъ слоевъ, однако я по своей застѣнчивости, какъ студентъ-бурсакъ, считалъ не приличнымъ какъ бы домогаться сближенія и знакомства съ такими важными земляками. Кто знаетъ. — понравится-ли имъ такое дерзновеніе маленькаго человѣка? Нужно было ждать какого-нибудь благопріятнаго случая къ сближенію, который и не замедлилъ представиться.

При остановкѣ у Родоса мы съѣхали съ парохода на островъ осмотрѣть городъ съ его историческими постройками рыцарей-крестоносцевъ и посѣтить мѣстнаго православнаго митрополита, жившаго за городомъ. Владыка принялъ насъ радушно, угощалъ по обычаю чашкою кофе и глико (варенье) съ водою, а при прощаніи снабдилъ насъ цѣлою корзиною превосходныхъ апельсиновъ изъ своего сада. На пароходѣ о. П. поручилъ мнѣ потчивать родосскими гостинцами и земляковъ-спутниковъ, что я не замедлилъ испол-

нить, отобравъ десятка два лучшихъ плодовъ. Н. В. и ген. Крутовъ не отказались отъ лакомства и поблагодарили меня за любезность. Тѣмъ дѣло и кончилось. Но вѣроятно о. А. П., на разспросы ихъ о мнѣ, отрекомендовалъ имъ меня яко художника, потому что спустя полчаса Николай Васильевичъ вышелъ на палубу, гдѣ тогда я находился, и прямо направился ко мнѣ. Не входя ни въ какія объясненія, онъ показываетъ мнѣ маленькую, вершка въ 2, живописную (масляными красками) на деревѣ икону святителя Николая Чудотворца и спрашиваетъ мнѣнія - искусно-ли она написана? Затѣмъ онъ, пока я всматривался въ живопись, повѣдалъ мнѣ, что эта икона есть вѣрная копія въ миніатюрѣ съ иконы святителя въ Баръ-градѣ (Бáры), написана для него по заказу искуснѣйшимъ художникомъ и теперь сопутствуетъ ему въ путешествіяхъ, потому что святитель Мѵрликійскій Николай – его патронъ и общій покровитель всѣхъ христіанъ, по суху и по морямъ путешествующихъ. Я полюбовался иконою, какъ мастерски написанною, и оговорилъ, что не могу ничего сказать о вѣрности копіи, не видавъ прототипа, и еще замѣтилъ, что у насъ на православныхъ старинныхъ иконахъ святитель изображается нѣсколько иначе, особенно по облаченію, и что послѣднее прямо говоритъ о латинскомъ происхожденіи Баръ-градскаго изображенія святителя. На мой отзывъ Н. В. ничего не возразилъ, но по всему видно было, что онъ высоко цѣнилъ въ художественномъ отношеніи свою икону и дорожилъ ею, какъ святынею. Тѣмъ наше короткое знакомство и закончилось. Въ Бейрутѣ я уже не встрѣчалъ болѣе Николая Васильевича, потому что мы помѣстились на іерусалимскомъ подворьѣ подлѣ митрополіи, а Н. В. у нашего генеральнаго консула г. Базили—своего однокашника по воспитанію въ нѣжинскомъ лицеѣ.

Мы остановились въ Бейрутѣ дней на десять, а Н. В. съ Крутовымъ въ сопровожденіи Базили, отправились въ Іерусалимъ, и выѣхали оттуда ранѣе нашего пріѣзда въ Эль-Кудсъ (Іерусалимъ). Куда знаменитый нашъ поклонникъ іерусалимской святыни отправился изъ св. града—я не знаю, знаю только то, что въ это время въ Н. В. совершился извѣстный переворотъ въ образѣ его мыслей, на что указывало его путешествіе къ св. мѣстамъ Палестины и его меланхолическое настроеніе, столь не гармонировавшее съ духомъ его первыхъ геніальныхъ юмористическихъ произведеній.

Священникъ Петръ Соловьевъ.

1880 г. декабря 13-го дня.

АРСЕНІЙ МАЦѢЕВИЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ.

Отлученіе имъ отъ церкви

въ 1754 г.

Въ дополненіе къ обширнымъ историческимъ монографіямъ профессоровъ Н. И. Барсова и В. С. Иконникова, помѣщенныхъ на страницахъ «Русской Старины», (изд. 1876 г., томъ XV, 1879 г., т. XXIV и XXV, приводимъ документъ, весьма характеризующій своеобразную замѣчательную личность Арсенія Мацѣевича и его управленіе Ростовскою и Ярославскою епархіею.

А. М.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійския изъ Романовскаго святѣйшаго правительствующаго синода члена преосвященнаго Арсенія митрополита Ростовскаго и Ярославскаго духовнаго правленія града Романова закащику, соборной церкви попу Іоанну....

Минувшаго августа 24 дня 1754 года, въ указѣ ея императорскаго величества изъ походной его преосвященства конторы во оное Романовское духовное правление присланномъ написано: Тогож де 24 августа, по указу ее императорскаго величества, его преосвященство слушалъ поданные его преосвященству Ярославскаго уѣзда села Пазушина церкви Воскресения Христова отъ попа Ивана Матвѣева, дьячка Петра Васильева прошения, да приходскихъ людей вотчины маіора Григорья Козмина сына Гурьева, того-жъ села Пазушина церковнаго старосты крестьянина Алексѣя Иванова, мирскаго старосты Алексѣя Иванова, вотчины лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку подпрапорщика Димитрія Васильева сына Шъшетнева, слоботки Дуткиной выборнаго Михайла Иванова, вотчины маіора Василья Өедорова сына Гренкова, деревни Мологина старосты Ивана Васильева, вотчины капитана Степанова сына Калычева деревни Мологипа-жъ старосты Степана Васильева, вотчины катедральнаго...

Итцкаго монастыря деревни Юдова старосты Ивана Петрова доношения, коими представляютъ попъ да дьячекъ:

Минувшаго-де іюля мѣсяца сего 754 году, на церковной ихъ престольной пахатной землѣ которая пригорожена церквамъ Божіимъ для погребения умершихъ въ монастыри имелась въ скошеніи ими трава, а того села маіоромъ Матвѣемъ Обрѣсковымъ отъ нихъ отнята, о чемъ къ его архипастырству от них попа и дьячка и прошение происходило; и по иcлѣдованіи того дѣла они, маіоръ и сынъ ево аудиторъ Обрѣсковы, безъ Божія и его архипастырскаго благословения имѣются и церковнаго входа отлучены; но еще-де они, не удовольствуясь прежнею обидою, паки показываютъ наигоршее нападение и разорение, и посѣяннаго ими съ церковной престольной другаго поля земли яроваго хлѣба сжать недопускаютъ; а показанной-де ихъ церкви понамарь Иванъ Григорьевъ с сыномъ своимъ Ѳедоромъ нощнымъ временемъ и всегда таясь от них попа и дьячка къ нему, маіору Обрѣскову, в домъ ходятъ, и чего признаваются, и, видно, для одного нанесения и напрасныхъ какихъ клѣвѣтъ по злобѣ своей; а нынѣ-де от предписаннаго маіора Обрѣскова к нимъ, попу и дьячку, происходитъ нестерпимое утѣснение и разорение напрасно, и показанному понамарю к посѣянному его хлѣбу яровому и проѣзду и сжатию во всемъ свободность, изъ чего онъ, понамарь, и его сынъ имъ, попу и дьячку, чинятъ посмѣяние. Приходскіе люди (доносятъ)—посѣяннаго-де означенымъ попомъ и дьячкомъ на церковной землѣ яроваго хлѣба показанной маіоръ Обрѣсковъ сжать недопускаетъ, и въ томъ полѣ, чрезъ имѣющійся ево, маіора Обрѣскова, лугъ, который подлѣ *поля церковной* пахотной земли, проходу и проѣзду имъ недаетъ; а того августа 14 дня пришли от нихъ, приходскихъ людей, для сжатия того яроваго хлѣба вышепрописанных вотчинъ женска пола жнецы, и помянутаго-де Обрѣскова дворовые люди Аѳонасей Борисовъ, Андрей Осиповъ, Степанъ Ивановъ, Иванъ Кириловъ, выбѣжавъ, чрезъ тотъ лугъ перейти недопустили и прочь отгнали; а тогожъ августа 18 дня паки пришли отъ нихъ, прихожанъ, жневы и ево, Обрѣскова, лугъ обшедъ, на то церковное поле пришли обходомъ и пожали пшеницу овина с два; и той-де ночи противъ девятаго надесять числа того пожатаго хлѣба по полю разбитаго явилось людьми нарочно, а не травлею скотомъ, болѣ половины; и тотъ хлѣбъ по полю лежитъ разбитъ и по нынѣ; а 21 числа того-жъ августа означенные попъ и дьячекъ послѣ утренняго пѣния просили ихъ всѣхъ, приходскихъ людей, чтоб тотъ их имѣющійся яровой хлѣбъ сжать и свезти въ гумна ихъ, и тогож-де дни послѣ отпѣтия святыя литоргіи помянутаго аудитора Обрѣскова при женѣ Екатеринѣ Степа-

новой дочери вышеписанной дворовой ихъ человѣкъ Аѳанасій
совъ имъ, приходскимъ людямъ, сталъ говорить крикомъ и гр
ежели кто жать поповъ и дьячковъ хлѣбъ придутъ и возить бу
то имъ руки и ноги переламаемъ, а лошадей заберемъ на госпо
дворъ. Однако-де они, приходскіе люди, сожалѣя отца своего д
наго и дьячка сошлися для сжатія того хлѣба. А отъ того О
кова дворовые люди и крестьяне, по приказанію-ли или собо
бравшись, стерегли въ полѣ своемъ съ дубьемъ, и они-де, п
жане, боясь, не пошли, чтоб неучинили бою напрасно. А издрев
подлѣ той церковной пахатной земли при владѣніяхъ господъ Х
товыхъ и Шестакова фамиліи до онаго Обрѣзкова владѣния,
лась вымѣренная по межованіи проѣзжая дорога по тому лугу
не для однихъ священно-церковно-служителей, но для проѣз
возки и прочихъ обывателей с Волги рѣки лѣсу и дровъ, и вся
нуждъ, а нынѣ-де онъ, Обрѣзковъ, и поперегъ того лугу пере
ихъ, попа и дьячка, не пропущаетъ, а они-де, приходскіе
показаннымъ попомъ и дьячкомъ при церкви святыя служеніем
вольны, и они де жъ, попъ и дьячекъ, состоянія добраго. А по
по учиненному того-жъ августа 13 дня его преосвященства оп
ленію, показанные маіоръ Матвѣй Ивановъ и сынъ ево ауд
Обрѣзковы, за презрѣніе его архипастырской власти и за проти
и продерзость правосудію, Божія и его архіерейскаго благосло
лишены, и отъ входа церковнаго отлучены, и имъ въ церкви
входить паки до исповѣди и до причастія не допускать, и въ
их никому с требами входить не велѣно; а-они-де, Обрѣзков
точію предъ его преосвященствомъ въ таковой своей продер
Богу покаянія не приносятъ, но, пребывая въ правильномъ от
архипастырства запрещеніи и неблагословеніи, явно оказываются
зрителями суда Божія и власти церковныя с великимъ собла
немощныхъ братій издая отъ себѣ воню безбожія; на что смо
показанные въ доношеніи того села Пазушина прихожанъ дво
Обрѣзковыхъ люди и крестьяне в таковое безстрашіе отважива
что показаннымъ приходскимъ своимъ попу Ивану Матвѣеву и д
Петру Васильеву посѣяннаго ими на церковной землѣ хлѣба
недаютъ, и чрезъ то наносятъ имъ также и церкви Божіей не
обиду и раззореніе.

Того ради учиненнымъ за своимъ архіерейскимъ подписа
опредѣленіемъ повелѣлъ: показаннаго маіора Обрѣскова М
и сына ево женамъ и домашнимъ ихъ, того Пазушинскаго
ходу дворовымъ ихъ людямъ и крестьянамъ и домашнимъ ж
всѣмъ объявить Божіе и его архипастырское неблагословеніе

входа церковнаго их всѣх отлучить и какъ въ церкви Божіи входить, такъ и до исповѣди и причастия святых таинъ недопускать и в домы их не ходить, никому ни съ какими требами не входить; буде-де кто изъ нихъ, Обрѣсковых, или женъ их, или домашних и дворовых людей, и крестьянъ их, и домашнихъ женъ насильно в церковь во время каковаго пѣния или литоргіи вошли, то оное пѣние оставить и не пѣть дотолѣ, донележе они из церкви невыдуть; а ежели кто из Обрѣзковыхъ, или женъ их, или из домашних же, из дворовыхъ людей, или же крестьянъ ихъ, изъ домашнихъ их умретъ, то зарывать ихъ въ долѣ безъ всякаго отпѣвания. И о томъ в епархіи его преосвященства, кромѣ Ростова и Ростовскаго уѣзду, во всей, по монастырямъ и по соборамъ и по всѣмъ церквамъ от Ярославскаго духовнаго правления публиковать указами, и велѣть оные указы, по полученіи их, прочесть въ воскресный день по божественной литоргіи при народномъ собраніи..... О чемъ сей указъ и посланъ къ тебѣ, закащику соборной церкви попу Іоанну... Сентября 6 дня 1754 года.

Сообщ. 19 февраля 1881 г. свящ. **А. А. Миверовъ**.

ИРИНЕЙ НЕСТЕРОВИЧЪ, АРХІЕПИСКОПЪ ИРКУТСКІЙ,

въ 1830—1831 гг.

Читателямъ „Русской Старины" хорошо знакома личность Иринея, архіепископа Иркутскаго, и это обстоятельство само собою избавляетъ отъ необходимости давать или, вѣрнѣе, повторять тѣ біографическія свѣдѣнія объ Иринеѣ, которыя хорошо извѣстны изъ прежнихъ книгъ „Русской Старины" [1]. Потому самому я прямо перехожу къ сообщенію новыхъ подробностей въ весьма любопытномъ эпизодѣ изъ исторіи управленія архіепископомъ Иринеемъ Иркутскою епархіею.

22-го декабря 1830 года архіепископъ Иркутскій преосвященный Ириней сдѣлалъ слѣдующее предложеніе своей консисторіи:

„Вступивъ въ управленіе ввѣренной мнѣ Иркутской епархіей, между прочимъ нашелъ я каѳедральный соборъ въ запущеніи: штатъ онаго, за исключеніемъ немногихъ, разстроенъ пьянствомъ, лѣностію и пренебреженіемъ своей должности. Несмотря на долговременныя мои личныя усилія объ исправленіи, приходитъ оный въ бо́льшее разстройство, ясно уже не способный переносить труды, необходимо сопряженные съ должностью всѣхъ и каждаго. Полагая въ семъ наиболѣе виновнымъ каѳедральнаго протоіерея Никифора Парнякова, который, какъ извѣстно, и самъ подверженъ пороку пьянства и небреженія о своихъ должностяхъ, я отрѣшилъ его, Парнякова, отъ собора

---

[1] См. «Русскую Старину» изд. 1872 г. томъ V, стр. 477; изд. 1878 г. томъ XXIII, стр. 99 и 499; изд. 1879 г. томъ XXIV, стр. 159, 361 и 366; томъ XXVI, стр. 562; изд. 1880 г. томъ XXVIII, стр. 606; томъ XXIX, стр. 746; изд. 1882 г. томъ XXXV, стр. 561—586 (подлинное дѣло о «бунтѣ» архіеп. Иринея), и въ т. XXXVII, стр. 95—118 (окончаніе дѣла о бунтѣ Иринея). Портретъ архіепископа Иринея Нестеровича былъ приложенъ, въ гравюрѣ академика Л. А. Сѣрякова, при «Русской Старинѣ» 1879 г. томъ XXVI. Ред.

и присутствія консисторіи вовсе, на мѣсто же его опредѣлилъ градо-иркутской воскресенской церкви протоіерея Прокопія Громова, коему въ обязанность поставилъ непрерывною бдительностію привести оный соборъ въ надлежащій порядокъ, а Парнякова перевелъ на мѣсто Громова къ Воскресенской церкви. Но какъ изъ представленной мнѣ консисторіею справки усмотрѣлъ я, что тотъ протоіерей Парняковъ напередъ сего, въ бытность предмѣстника моего, архіепископа Михаила, часто временно подвергалъ себя предосудительнымъ поступкамъ, но никакимъ мѣрамъ исправленія подвергаемъ не былъ, то я за нужное почелъ нынѣ запретить ему священнодѣйствіе впредь до усмотрѣнія его въ поведеніи, съ полученіемъ отъ приходской той церкви полнаго дохода для поддержанія его съ семействомъ".

Въ смыслѣ этого распоряженія преосвященныйИриней рапортовалъ и въ св. синодъ.

7-го марта 1831 года протоіерей Парняковъ подалъ на высочайшее имя жалобу, къ которой онъ приложилъ особую записку съ подробнымъ изложеніемъ обидъ, нанесенныхъ ему преосвященнымъ Иринеемъ. Вотъ эта въ высшей степени любопытная записка. Ред.

I.

Записка о нанесенной обидѣ преосвященнымъ Иринеемъ каѳедральному протоіерею Парнякову отрѣшеніемъ его отъ собора и консисторіи съ запрещеніемъ священнодѣйствія.

Хотя духъ, поверженный въ глубокую печаль тяжелымъ ударомъ сильной руки, сокрушившей сердце страдальца, мало имѣетъ силъ, потребныхъ къ защищенію своей невинности предъ правосудіемъ благотворныхъ законовъ; но лучезарный свѣтъ небесной благости, украшающій августѣйшій престолъ возлюбленнаго помазанника Господня, истиннаго отца отечества, изрекающаго премудрыми устами Отца свѣтовъ судъ правый и пишущаго вседержавною десницею Его милость и истину, спасительною силою своею оживотворяетъ его, ободряя унылое сердце его сладчайшею надеждою сего утѣшенія, что кроткій, благодушный и сердобольный отецъ Россіи и съ небо-подобной высоты боголѣпнаго престола услышитъ сыновній и вѣрноподданническій гласъ слабой и беззащитной невинности, въ притрепетномъ благоговѣніи дерзнувшей возопить къ нему изъ глубины хладной и отдаленнѣйшей отъ отеческаго взора его Сибири и нѣсколько подробно открыть скорби и болѣзни сердца своего, безпрерывнымъ и безмѣрнымъ гоненіемъ и притѣсненіемъ умноженныя.

По благому провидѣнію Отца Небеснаго, изъ дѣтства пользовался я отеческимъ воспитаніемъ покойнаго преосвященнаго Веніамина,

епископа Иркутскаго, по учености и познаніямъ своимъ верховному правительству извѣстнаго, который въ продолженіе ученія моего въ Иркутской семинаріи для лучшаго образованія въ оном и приготовленія меня къ должностямъ — священно-служительской и учительской, по жительству моему въ архіерейскомъ домѣ, преподавалъ мнѣ особенно уроки россійскаго и латинскаго краснорѣчія, философіи, физики и богословія, а по окончаніи богословскаго ученія: а) 1-го генваря 1800 года посвятилъ онъ меня во діакона въ каѳедральный Богоявленскій соборъ. Съ сего времени проходилъ я должность священнослужителя въ каѳедральномъ соборѣ, въ званіи діакона, протодіакона, священника и ключаря до 14 октября 1811 года, а сего дня епископъ Веніаминъ, въ вознагражденіе моихъ заслугъ, произвелъ меня въ протоіерея въ Нерчинскій Воскресенскій соборъ, но 2 генваря 1812 года по надобности во мнѣ, имъ признанной и въ предложеніи его духовной консисторіи объявленной, остановивъ меня въ Иркутскѣ, опредѣлилъ въ священнослуженіе къ Богородско-Владимірской церкви, а 2-го дня февраля 1818 года отъ сей церкви переведенъ преосвященнымъ Михаиломъ въ каѳедральный Богоявленскій соборъ, по извѣстнымъ моимъ способностямъ, имъ признаннымъ и въ предложеніи духовной консисторіи объявленнымъ; б) съ 10-го генваря 1804 года, по посвященіи меня изъ протодіаконовъ во священника, проходилъ я должности: 1) присутствующаго Иркутской духовной консисторіи до 23 декабря 1830 года; 2) учителя синтаксиса, поэзіи, риторики, философіи и физики въ Иркутской семинаріи съ 10 же генваря 1804 года до 1 декабря 1820 года; 3) префекта оной семинаріи съ 14 мая 1813 года по 8 ноября 1818 года, т. е. до преобразованія оной; 4) съ преобразованія семинаріи, эконома оной и смотрителя уѣзднаго и приходскаго духовнаго училищъ, продолжая преподавать и уроки философіи и физики до 1 декабря 1820 года; 5) присутствующаго правленія семинаріи съ 1 іюля 1809 до 1 декабря 1820 года; 6) эконома архіерейскаго дома съ 3 генваря 1805 года до 14 октября 1811 года; 7) благочиннаго градоиркутскихъ церквей съ 1 іюля 1809 года до 14 октября 1811 года; 8) благочиннаго ближайшихъ къ Иркутску уѣздныхъ церквей съ 10 ноября 1812 до 20 октября 1820 года; 9) законоучителя Иркутской гимназіи и въ уѣздномъ училищѣ съ 1816 до 1818 года; 10) цензора проповѣдей съ 1821 года до 1824 года; 11) по указу св. прав. сѵнода, 25 генваря 1821 года къ преосвященному Михаилу послѣдовавшему, преподавать при Борисо-Глѣбской, при тюремномъ замкѣ, церкви, послѣ божественной литургіи, въ каждый воскресный день, катихизисъ въ видѣ поученій, систематическимъ порядкомъ, съ при-

мѣненіемъ къ разумѣнію и состоянію узниковъ, въономъ замкѣ содержавшихся, съ предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія оныхъ поученій преосвященнымъ Михаиломъ; 12) съ открытія въ Иркутской эпархіи попечительства о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія, т. е съ 1823 г. по сіе время остаюсь старшимъ попечителемъ.

Въ засвидѣтельствованіе ревностнаго прохожденія должностей, по Иркутской семинаріи мною пройденныхъ, похвальныхъ успѣховъ въ оныхъ и честнаго поведенія, правленіе семинаріи снабдило меня аттестатомъ, а за усердное и ревностное прохожденіе оныхъ должностей епархіальныхъ и учебныхъ всемилостивѣйше награжденъ, по засвидѣтельствованію св. сѵнода, по представленіямъ епископа Веніамина и архіепископа Михаила, фіолетовою бархатною камилавкою и наперстнымъ крестомъ, имѣя и на Владимірской лентѣ бронзовый крестъ съ надписью: 1812 года.

Облеченный въ сіи высокомонаршія милости, при отличномъ вниманіи двухъ архипастырей, удостоивавшихъ меня важныхъ своихъ довѣрій и порученій, въ потребномъ случаѣ подробно имѣющихъ объясниться, уважаемый гражданами за поведеніе и достоинство и отличаемый всегда главнымъ гражданскимъ начальствомъ, при постоянномъ проповѣданіи слова Божія, чрезъ 31 годъ, я проходилъ должность протоіерея 19 лѣтъ и два мѣсяца безпорочно.

Но съ вступленіемъ преосвященнаго Иринея въ управленіе Иркутскою епархіею, чрезъ краткое время управленія оною, неожиданно почувствовалъ отъ него и въ святомъ храмѣ, и въ архіерейскомъ домѣ толь многочисленныя притѣсненія, что всѣхъ здѣсь объяснить неудобно. И какъ многія, по соблазнамъ церковнымъ, возродившимъ неуваженіе къ духовенству, уменьшившимъ и самыя собранія богомольцевъ въ каѳедральномъ соборѣ и поколебавшимъ разными сомнѣніями простыя души, безчисленны и извѣстны публикѣ, то я осмѣливаюсь здѣсь обнаружить только тѣ притѣсненія, кои сопряжены были мнѣ съ тяжкими обидами, предшествовавшими отягощенію судьбы людей.

I. Преосвященный архіепископъ Ириней, не удовольствовавшись услугами моими, состоявшими въ провоженіи его изъ архіерейскаго дома въ каѳедральный соборъ предъ каждою божественною литургіею, приказалъ встрѣчать себя при рундукѣ, къ придѣлу Казанской Божіея Матери примкнутомъ, и возводить подъ руки на оный такъ, чтобы тяжесть тѣла его лежала на моихъ и ключаря Масюкова рукахъ, потомъ, не удовольствовавшись и симъ, приказалъ: встрѣчать на срединѣ помоста, между каѳедральнымъ соборомъ и архіерейскимъ домомъ въ шагахъ въ 30-ти съ южной стороны параллельно лежащаго;

наконецъ и симъ не удовольствовавшись, строжайше пр
мнѣ: ожидать его на той срединѣ помоста полчаса непремѣнн
самые жестокіе сибирскіе морозы, въ холодной одеждѣ, въ слу
невозможности отъ сихъ морозовъ стоять на мѣстѣ неподвижі
хаживаться по оному, какъ дозволено военнымъ часовымъ, у
за неисполненіе сего приказанія строжайшимъ съ меня взыс
и усиливая приказаніе сіе образами встрѣчь россійскихъ пе
пенныхъ архипастырей. Приказаніе сіе исполнялъ я въ виду
съ постоянною точностію, такимъ-же образомъ встрѣчая его п
щенство и у приходскихъ храмовъ, при поѣздѣ къ нимъ в
изъ кареты и по выходѣ изъ оныхъ садя въ оную, а съ 19
(1830 г.) у западнаго рундука каѳедральнаго собора, такъ к
преосвященство съ сего дня для совершенія Божественной л
началъ уже ѣздить въ каретѣ.

II. 5-го дня ноября минувшаго 1830 года архіепископъ I
по входѣ въ Петропавловскій храмъ въ мантіи, взошедъ на
шенное мѣсто предъ царскими вратами для слушанія обычнаг
наго, при испрашиваніи отъ него исправляющимъ должность
діакона благословенія на чтеніе входнаго, вдругъ обратившись
грознымъ голосомъ спросилъ меня: «почему я не распространи
ваго клироса», и за симъ вопросомъ сошедъ съ мѣста и по
къ углу клироса, дѣлалъ мнѣ всенародно строгіе выговоры,
вая меня съ мальчикомъ, стоявшимъ за онымъ клиросомъ въ р
номъ платьѣ. Хотя, по выслушаніи сихъ выговоровъ, осмѣлил
я на уваженіе его преосвященству представить, что какъ п
ніемъ клироса и стояніемъ на ономъ пѣвчихъ будетъ закры
взоровъ благоговѣйныхъ чтителей чудотворная икона Пресвято
родицы, поставленная въ ономъ мѣстѣ съ самаго основанія
то въ отвращеніе народнаго ропота и охлажденія къ вѣрѣ,
съ архипастырскаго его благоразсмотрѣнія, предварительно
и уготовать благоприличное для оной другое мѣсто; но преос
ный Ириней, съ гнѣвомъ погрозивъ мнѣ пальцомъ, пошелъ
по каѳедральному собору мѣста для чудотворной иконы, и
вившись прямо каменнаго въ сводѣ столпа, среди собора ст
въ коемъ помѣщена икона чудотворца Николая, приказал
творную икону Божіея Матери перенести въ оный столпъ. Н
впослѣдствіи времени открылось, что въ протяженіи клир
мѣсто чудотворной иконы, существенной нужды вовсе не на
то и чудотворная икона осталась на прежнемъ мѣстѣ.

III. 19-го дня ноября, по пріѣздѣ преосвященнаго Ири
западному рундуку каѳедральнаго собора, по вынутіи его изъ

мною съ ключаремъ, протоiереемъ Масюковымъ, въ эпитрахилѣ одѣтымъ, и по возведенiи подъ руки на рундукъ, остановившись его преосвященство на паперти собора, сдѣлалъ мнѣ строжайшiй выговоръ за подачу ему нѣкоторыми канцелярскими служителями прошенiя о выдачѣ имъ впередъ жалованья, поставивъ вину ихъ въ вину мнѣ, съ угрозою, строгимъ за сiе меня взысканiемъ, несмотря на то, что я вовсе не имѣлъ и понятiя о томъ прошенiи; а по входѣ въ притворъ церковный, остановившись на мѣстѣ облаченiя въ мантiю, въ слухъ предстоявшаго народа весьма громко сказалъ: «гдѣ пьяной дiаконъ? сейчасъ подайте его сюда!»—разумѣя подъ симъ вдоваго дiакона Суслова, подъ смотрѣнiемъ эконома архiерейскаго дома находившагося; послѣ сего такимъ-же голосомъ сказалъ мнѣ, погрозивъ пальцомъ: «я съ тебя взыщу, я тебя отрѣшу отъ собора и консисторiи!» и обратившись къ народу, еще громчѣе сказалъ: «я Парнякова отрѣшу отъ собора и консисторiи», и одѣвшись въ мантiю на семъ мѣстѣ поносилъ меня дотолѣ, пока пришелъ изъ архiерейскаго дома и явился къ нему вышеозначенный дiаконъ, коему публично архiепископъ Ириней громкимъ голосомъ грозилъ отсылкою въ военную службу; наконецъ и по совершенiи Божественной литургiи архiепископъ Ириней поносилъ меня на томъ-же мѣстѣ, какъ ему было угодно.

IV. Двадцатаго дня сего же мѣсяца, во всерадостнѣйшiй день празднованiя всевоздѣленнѣйшаго восшествiя его императорскаго величества на всероссiйскiй императорскiй престолъ, по обыкновенной встрѣчѣ архiепископа Иринея, при возведенiи его изъ кареты на рундукъ собора, обратившись ко мнѣ съ суровымъ видомъ, въ сильномъ гнѣвѣ сказалъ: «вамъ не прилично носить рясу этого цвѣта», указывая на мою рясу краснаго цвѣта, по скудости моей, извѣстной иркутскимъ жителямъ и прочимъ, однимъ изъ доброхотныхъ купцовъ мнѣ подаренной, въ которую, какъ наилучшую изъ трехъ, одѣлся въ ознаменованiе сердечной, истинной и сыновней радости о благодевствованномъ, мирномъ и отеческомъ самодержавiи его императорскаго величества, и проходя преосвященный Ириней до мѣста съ разными мнѣ упреками и поношенiями, остановившись на паперти, вдругъ громко сказалъ мнѣ съ угрозою пальцемъ: «не смѣй носить эту рясу! довольно для тебя, что государь далъ тебѣ лоскутокъ такого бархата», указывая на камилавку, всемилостивѣйше мнѣ пожалованную, потомъ дѣлалъ мнѣ разныя такiя укоризны, кои, при собравшемся на паперти народѣ, шедшемъ къ божественной литургiи въ соборъ, пронзали сердце мое, и въ сильномъ азартѣ продолжалъ поносить меня дотолѣ, пока уже усмотрѣлъ вдали правой стороны паперти

г. генералъ-губернатора восточной Сибири Лавинскаго, стоявшаго въ сіе время съ фрейлиною Лавинскою. Не удовольствовавшись и симъ мщеніемъ, архіепископъ Ириней во время чтенія шестаго часа, предъ божественною литургіею, по выходѣ моемъ, со служившими тогда священнослужителями изъ святаго алтаря во храмъ, въ слухъ народа назвалъ меня невѣжею за то, что я, проходя мимо г. генералъ-губернатора, поклонился ему, запретивъ между тѣмъ и впредь кланяться сими словами: «невѣжа, при мнѣ ты не долженъ кланяться г. генералъ-губернатору: гдѣ я, тамъ все должно уничижаться и падать!» — подтвердивъ сіе и во святомъ алтарѣ, по пріобщеніи страшныхъ Христовыхъ таинъ. Послѣ божественной литургіи, когда архіепископъ Ириней, при провожаніи его изъ собора, усмотрѣлъ на мнѣ рясу другую, цвѣта зеленаго, которую во избѣжаніе горьшаго отъ него гнѣва и мщенія, приказалъ я принести изъ дома въ соборъ, во время служенія литургіи, такъ какъ, кромѣ сей другой приличнѣйшей высокоторжественному и всерадостнѣйшему дню сему, я уже не имѣлъ, его преосвященству и сія ряса не понравилась.

V. Въ послѣдстіи, хотя преосвященный архіепископъ Ириней 20-го дня ноября (1830 г.) въ архіерейскомъ домѣ и просилъ у меня прощенія въ обидѣ, нанесенной въ соборѣ, сознавъ и ошибку свою, во время молебна сдѣланную, при духовныхъ лицахъ въ томъ домѣ бывшихъ; но симъ христіанскимъ дѣйствіемъ его преосвященство хотѣлъ только прикрыть сердечную свою на меня злобу, которую онъ весьма скоро и обнаружилъ: ибо 21-го дня сего же мѣсяца воспретилъ мнѣ носить и послѣднюю рясу темнаго цвѣта, покойнымъ архіепископомъ Михаиломъ за усердное исполненіе порученій его въ 1829 году предъ св. пасхою мнѣ данную.

VI. Осьмаго дня декабря, при самомъ началѣ благовѣста къ божественной литургіи, архіепископъ Ириней, пришедши въ каѳедральный соборъ прежде назначеннаго имъ самимъ времени на благовѣстъ, приказавъ самолично чередному священнику сдѣлать начало къ чтенію часовъ, поставилъ сіе въ вину мнѣ съ угрозою въ храмѣ пальцемъ: взыскать съ меня строго, отрѣшить отъ собора и консисторіи и сдѣлать меня заштатнымъ; а подъ видомъ и яко бы для приведенія въ порядокъ собора въ томъ же храмѣ, отрѣшивъ меня отъ консисторіи, приказалъ мнѣ ночевать въ соборѣ со сторожами, и свидѣтельствовать въ домахъ больныхъ священно- и церковно-служителей, сторожей и звонарей; такъ какъ въ то время многіе изъ нихъ и градожителей, при свирѣпствовавшемъ повѣтріи, страдали головною и грудною болѣзнями съ жестокимъ кашлемъ; въ слѣдствіе чего я, какъ того дня съ исправляющимъ должность протодіакона

діакономъ Кедровымъ, такъ и послѣ свидѣтельствовалъ ключаря и прочихъ священно- и церковно-служителей.

VII. Девятаго дня сего же мѣсяца, когда, по неожиданному требованію преосвященнаго архіепископа Иринея, явился я въ 4-мъ часу по полуночи въ архіерейскій домъ, архіепископъ, при самомъ появленіи къ нему, не удостоивъ меня и благословенія архипастырскаго, сдѣлалъ мнѣ съ азартнымъ видомъ и весьма громкимъ голосомъ прицѣпку: яко бы и я, и священно-церковно-служители не во время собираемся въ соборъ,—куда яко бы приказалъ онъ собираться при первомъ ударѣ въ колоколъ, вмѣсто того, что самъ же онъ, какъ прежде приказалъ, такъ и наканунѣ, т. е. 8-го дня, строго подтвердилъ: собираться въ соборъ въ теченіе получаса, которое время назначено имъ на благовѣстъ, который и доселѣ продолжается столько же времени, а во дни священно-служенія его преосвященства продолжается часъ; потомъ дѣлалъ мнѣ рѣзкія укоризны, даже въ ужасъ меня приводившія, за слово, въ день тезоименитства его императорскаго величества мною произнесенное, 5-го дня его преосвященствомъ смотрѣнное, а во всерадостнѣйшій день имъ же самимъ похваленное, приказавъ читать мнѣ оное слово, и по прочтеніи первой части трактаціи онаго, сказалъ: «ты похитилъ тексты изъ св. писанія, какъ Прометей похитилъ священный огонь съ неба». Послѣ сего дѣлалъ мнѣ угрозы отрѣшеніемъ отъ каѳедральнаго собора и консисторіи, очерненіемъ предъ св. правительствующимъ сѵнодомъ и лишеніемъ высокомонаршихъ знаковъ отличій, усиливая угрозы сіи для большаго впечатлѣнія во мнѣ страха: что онъ изъ всѣхъ архіереевъ избраннѣйшій и отличнѣйшій, что онъ имѣетъ высочайшую грамоту на знаки ордена св. Анны, преимущественную предъ прочими архіереями, что весь жребій мой въ рукѣ его преосвященства, что онъ накажетъ меня примѣрно... Окончивъ укоризны и угрозы сіи, около часа вмѣстѣ съ благовѣстомъ къ утрени продолжавшіяся, наконецъ назначилъ онъ мнѣ съ священно-церковно-служителями каѳедральнаго собора изъ разныхъ мѣстъ св. писанія для изученія тексты, строжайше приказавъ: являться къ себѣ предъ каждымъ богослуженіемъ, какъ для отчета въ урокахъ оныхъ, такъ и для полученія новыхъ.

VIII. Когда къ его преосвященству являлся я со священно-и церковно-служителями сего же 9-го дня предъ литургіею, предъ вечернею, 10-го дня предъ утреннею, литургіею и вечернею, то каждый разъ при отчетѣ въ старыхъ урокахъ и полученіи новыхъ, получалъ отъ него новые упреки, укоризны и угрозы, а 11-го дня предъ утреннею архіепископъ Ириней, при всѣхъ усиліяхъ стѣснить чѣмъ

нибудь меня, истощивъ ли средства къ таковому притѣсненію, или наскучивъ уже онымъ, въ хожденіи въ архіерейскій домъ со священно-церковно-служителями мнѣ отказалъ, приказавъ: отселѣ мнѣ назначать уроки и себѣ, и священно-церковно-служителямъ, разрѣшивъ мнѣ вопреки своему приказанію, 8-го дня въ каѳедральномъ соборѣ мнѣ словесно данному и въ канцеляріи консисторіи самимъ словесно же въ тотъ 8-й день объявленному, ходить въ присутствіе консисторіи по прежнему. Уроки сіи, извѣстные мнѣ и магистру іерею Николаю Спаскому, мы учили въ твердость.

IX. Когда отъ продолжительныхъ ожиданій преосвященнаго Иринея въ жестокіе сибирскіе морозы въ холодной одеждѣ и отъ безвременныхъ въ ночное время къ нему хожденій, при всегдашнемъ страхѣ получить выговоры, которыми онъ часто останавливалъ меня то на помостѣ между каѳедральнымъ соборомъ и архіерейскимъ домомъ, то въ казанскомъ холодномъ придѣлѣ, то на паперти собора, будучи самъ онъ въ теплой одеждѣ, получилъ я сильную простуду, при гемороическихъ припадкахъ, около 25-ти лѣтъ меня мучащихъ, и отъ простуды сей еще болѣе усилившихся, и съ 24-го ноября страдалъ жесточайшею болѣзнью по 4-е декабря, когда и послѣ сей болѣзни, при несовершенномъ здоровьѣ, изможденномъ тѣлѣ и слабыхъ силахъ, 12-го декабря почувствовавъ, при ожиданіи и встрѣчѣ преосвященнаго Иринея въ каѳедральный соборъ, на открытомъ и возвышенномъ рундукѣ онаго сильнѣйшую простуду отъ быстраго стремленія порывистой со снѣгомъ бури съ сѣверной стороны рѣки Ангары, проникнувшей чрезъ правое ухо во внутренность головы и шеи и доселѣ неизлѣчимыхъ, только до 14-го дня сего мѣсяца имѣлъ силы бороться съ болѣзнію, и когда сего 14-го дня, послѣ утрени толь жестоко пораженъ былъ сею болѣзнію, что штабъ-лекарь 7-го класса и кавалеръ Сорочинскій, всегда мнѣ помогающій, опытнымъ токмо искусствомъ и неусыпнымъ попеченіемъ, могъ остановить опаснѣйшія оной послѣдствія чрезъ истребленіе желчи, разлившейся по желудку и появившейся на поверхности тѣла. Его преосвященство, совершенно знавшій о качествѣ моей болѣзни и о сомнительномъ отъ оной выздоровленіи, вмѣсто того, чтобы по архипастырской своей милости, попещись о моемъ здоровьѣ, или, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ потребное на выздоровленіе и укрѣпленіе силъ,—время сіе нарочито избралъ, дабы сильнѣе дать мнѣ почувствовать всю тяжесть его гоненія: 23-го дня декабря, сверхъ моего чаянія, отрѣшивъ меня отъ собора и духовной консисторіи, вовсе запретилъ и священно-служеніе, опредѣливъ къ двуприходской градо-иркутской Воскресенской церкви, на мѣсто протоіерея Прокопія Громова третьимъ, только для полученія отъ оной

дохода, чѣмъ поразилъ меня такъ жестоко, что я при очевидной уже опасности отъ болѣзни тѣлесной, опасался даже болѣзни душевной, а семейство мое, т. е. осмидесяти-семи-лѣтняя дряхлая мать, жена и дочь, при горестнѣйшихъ слезахъ и вопляхъ, по немощи ихъ пола, не въ силахъ будучи перенести сего неожиданнаго и сильнаго удара, сдѣлались тяжело больны.

X. Двадцать четвертаго декабря 1830 г., когда я, полумертвый, помышлялъ только о христіанскомъ напутствіи въ вѣчность, архіепископъ Ириней потому ли, что еще искалъ во мнѣ пищи своему мщенію, или потому, что хотѣлъ ускорить смерть мою, послалъ ко мнѣ секретаря иркутской духовной консисторіи для того, чтобы 1) спросить меня: великодушно ли я переношу наказанія? 2) Предложить его преосвященства совѣтъ мнѣ и семейству, дабы не входили въ св. сунодъ съ жалобою на его, угрожая за противное сему самымъ жесточайшимъ отягощеніемъ судьбы моей.

XI. Хотя преосвященный Ириней въ основаніи отрѣшенія моего отъ собора и духовной консисторіи положилъ, что онъ, вступивъ въ управленіе ввѣренной ему Иркутской епархіей, между прочимъ нашелъ: а) каѳедральный соборъ яко-бы въ запущеніи, б) штатъ онаго, за исключеніемъ немногихъ, разстроенъ пьянствомъ, лѣностію и пренебреженіемъ своей должности, с) не смотря на долговременныя и личныя его усилія объ исправленіи, яко-бы приходитъ оный еще въ бо̀льшее разстройство, яко уже неспособный переносить труды, необходимо сопряженные съ должностію всѣхъ и каждаго; полагаетъ въ семъ виновнымъ болѣе меня, который, какъ извѣстно, и самъ подверженъ пороку пьянства и небреженія о своихъ должностяхъ; но всѣ сіи причины столь же несправедливы, сколь несправедливы были и притѣсненія его преосвященства, мнѣ сдѣланныя и въ выше прописанныхъ десяти пунктахъ сей записки изложенныя.

XII. Ибо а) каѳедральный соборъ не только не былъ въ запущеніи, но по кончинѣ преосвященнаго Михаила, при постоянномъ соблюденіи въ немъ чистоты и опрятности, далъ ему во всѣхъ отношеніяхъ, какъ внутри, такъ и снаружи, еще благолѣпнѣйшій видъ; о семъ извѣстно всѣмъ жителямъ градо-иркутскимъ, какъ очевидцамъ многихъ изъ внутреннихъ и внѣшнихъ поправокъ.

XIII. б) Хотя изъ оставшихся священноцерковнослужителей при каѳедральномъ соборѣ по кончинѣ архіепископа Михаила, 1) вдовый діаконъ Сусловъ подвергъ себя однажды пороку пьянства и пренебреженія своей должности; но тогда же и отосланъ былъ, по личному прошенію моему Иркутскаго Вознесенскаго монастыря архимандрита Иларія о принятіи того діакона въ вышеозначенный монастырь

для исправленія на мѣсяцъ, а по вступленіи преосвященнаго архіепископа Иринея въ управленіе Иркутскою епархіею, когда тотъ діаконъ паки мной замѣченъ въ тѣхъ же порокахъ, тогда же, т. е. 10-го дня ноября, его преосвященству донесено было мною съ братіею рапортомъ, вслѣдствіе коего, по резолюціи его преосвященства, оный діаконъ взятъ въ архіерейскій домъ подъ смотрѣніе эконома; нынѣ же часто упоминаемый діаконъ Сусловъ, какъ штатный по архіерейскому дому, находится въ священнослуженіи при крестовой церкви, отправляя оное въ каѳедральномъ соборѣ во дни архіерейскаго служенія; 2) ключарь, протоіерей Масюковъ, хотя и теперь употребляетъ горячіе напитки, но какъ, по кончинѣ архіепископа Михаила, онъ, при отправленіи чреды, священнослуженія, по тогдашнему недостатку въ священникахъ, часто совершалъ священнослуженіе въ каѳедральномъ соборѣ и безъ чреды, то я и не замѣчалъ въ томъ ключарѣ ни пьянства чрезмѣрнаго, ни лѣности, ни пренебреженія о должности священнослуженія, а какъ нынѣ архіепископъ Ириней, имѣя всегда въ виду своемъ того ключаря, опредѣлилъ его и присутствующимъ духовн. консисторіи, то я, по уваженію какъ самоличнаго его преосвященства смотрѣнія за тѣмъ ключаремъ, такъ и потому, что его преосвященство самъ поведеніе ключаря одобрилъ опредѣленіемъ его присутствующимъ консисторіи, уже никакихъ мѣръ противъ поведенія того ключаря предпринимать не только не смѣлъ, но и возможности не имѣлъ, тѣмъ паче, что 8-го дня декабря его преосвященство по словесномъ отрѣшеніи меня въ каѳедральномъ соборѣ отъ консисторіи, на словесный же докладъ мой о принятіи строгихъ мѣръ противъ поведенія ключаря и о донесеніи ему о послѣдствіяхъ по сему, дѣйствовать по докладу сему вовсе воспретилъ. Прочіе священноцерковнослужители, при трезвомъ поведеніи, должности свои проходили съ надлежащимъ раченіемъ и исправностью, изъ числа коихъ псаломщики: Подгорбунскій и Кузнецовъ, изъ коихъ сей опредѣленъ уже архіепископомъ Иринеемъ въ должность псаломщика, переведены оба, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, въ консисторію письмоводителями, а Подгорбунскій уже изъ письмоводителей его преосвященствомъ призываемъ былъ во священника къ подгородней Большерозводинской Петропавловской церкви. Нѣкоторые же изъ сторожей и звонарей, его преосвященствомъ многократно провозглашенные всенародно въ каѳедральномъ соборѣ при чтеніи часовъ предъ божественною литургіею 20 ноября на паперти собора достойными сана священническаго, замѣчены въ порокѣ пьянства уже послѣ моего отрѣшенія отъ каѳедральнаго собора.

XIV. с) Штатъ каѳедральнаго собора отъ долговременныхъ и лич-

ныхъ усилій преосвященнаго Иринея не только не приходилъ въ бо́льшее разстройство, но даже никакого разстройства въ немъ ни прежде, ни тогда примѣтно не было. Но если бы вопреки здравому разуму и всѣмъ опытамъ, штатъ оный, въ такомъ же порядкѣ его преосвященствомъ найденный, въ какомъ остался онъ по кончинѣ архіепископа Михаила, отъ долговременнаго и личнаго усилія и дѣйствительно пришелъ въ бо́льшее разстройство, то сіе разстройство приписывать должно не мнѣ, какъ ни мало въ семъ не участвовавшему, а себѣ—самому преосвященному Иринею, какъ причинѣ дѣйствующей; ибо еслибы благоразумныя усилія его преосвященства и не могли привести штата собора въ лучшее благоустройство, по крайней мѣрѣ могли бы предохранить его отъ бо́льшаго разстройства, тѣмъ паче, что опыты удостовѣряютъ, что всякія усилія, на правилахъ благоразумія основанныя, и разстроенное состояніе или общество людей приводятъ въ порядокъ и благоустройство, а усилія, на противоположныхъ правилахъ основанныя, и благоустроенное состояніе или общество людей приводятъ въ безпорядокъ и разстройство. Притомъ, когда благоразуміе избираетъ ко всему средства наилучшія, то нельзя и повѣрить, чтобы при наилучшихъ средствахъ, благоразуміемъ архіепископа Иринея изобрѣтенныхъ, личныя и долговременныя усилія его не могли достигнуть своей цѣли. Да и чрезъ краткій промежутокъ, т. е. чрезъ 4 мѣсяца и двѣ недѣли сиротства каѳедральнаго собора, штатъ онаго могъ ли дойти до такой степени разстройства, чтобы никакія уже усилія не въ состояніи были его привести ни въ какой порядокъ и благоустройство?

XV. Хотя изъ усилій преосвященнаго архіепископа Иринея извѣстны мнѣ, священноцерковнослужителямъ, сторожамъ, звонарямъ и публикѣ: первое, разговоры, кои онъ продолжалъ въ соборѣ при облаченіи въ мантію, прежде въ Казанскомъ холодномъ соборѣ, а послѣ въ притворѣ собора, при входѣ въ самый соборъ, при чтеніи входнаго и часовъ предъ божественною литургіею, предъ первою частію оной, а иногда и въ самую литургію и при самомъ чтеніи имъ проповѣди, отчего и литургія, начинавшаяся въ 10 часовъ по полуночи, исключая времени благовѣста, оканчивалась въ два съ половиною, а иногда и въ три пополудни, и многіе изъ богомольцевъ выходили изъ собора прежде окончанія литургіи; но въ сихъ разговорахъ, или, по выраженію архіепископа Иринея, усиліяхъ видно было только то, что онъ въ продолженіи оныхъ то переставлялъ священниковъ и діаконовъ съ мѣста на мѣсто, то поправлялъ у сихъ послѣднихъ платки на шеѣ, то перелагалъ коверъ своими руками, то ходилъ въ мантіи по собору, то громкимъ голосомъ останавливалъ безъ нужды исправляющаго должность протодіакона, угрожая ему отсылкою

либо на село, либо въ полицію, либо къ коменданту, то останавливалъ псаломщиковъ и пѣвчихъ, передразнивая ихъ, какъ его преосвященству было угодно, то съ остановкою также чтенія часовъ вызывалъ меня изъ олтаря и приказывалъ мнѣ всенародно зачесывать волосы у псаломщиковъ и пономарей; то при чтеніи «Господи помилуй» приказывалъ псаломщикамъ, въ случаѣ недостатка въ душевномъ умиленіи, лицемѣрить, и въ случаѣ недостатка и въ сей способности, возглашать по подобію рабовъ, умоляющихъ своихъ господъ при наказаніи сими первыхъ, возвышая для сего самъ архіепископъИриней голосъ свой, по подобію тѣхъ рабовъ, съ троекратнымъ повтореніемъ сего слова: помилуй; то требовалъ отъ кого-либо изъ священноцерковнослужителей объясненій на нѣкоторыя слова изъ псалмовъ чтомыхъ, или уже прочтенныхъ; то изъяснялъ самъ или какой-либо текстъ изъ священнаго писанія имъ взятый, или какое-либо таинство, объяснивъ однажды дѣйствіе помазанія мνромъ сравненіемъ съ такимъ дѣйствіемъ, которое при уничиженіи сего высокаго таинства, слушателей привело въ соблазнъ, а воспоминаніе объ немъ и досель приводитъ въ душевную скорбь, а 21 дня ноября (1830 г.) изъясненіемъ, совершенно противнымъ св. писанію, обряда введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, при наведеніи на слушателей ужаса, пронзилъ до самой глубины сердца ихъ, оставивъ въ оныхъ самое пагубное впечатлѣніе; то наконецъ при чтеніи проповѣдей останавливаясь обращался къ священноцерковнослужителямъ съ упреками ихъ мягкими перинами. Второе, посѣщеніе имъ каѳедральнаго собора чрезъ нѣсколько дней во время повседневнаго пѣнія утрени, литургіи и вечерни, такъ какъ въ двунадесятые праздники и торжественные дни архіепископъ Ириней, ни для совершенія всенощнаго бдѣнія, по примѣру его предшественниковъ, ни для моленія, собора вовсе не посѣщалъ, но въ тѣ времена его преосвященство, при тогдашнемъ продолженіи утренняго пѣнія на четыре часа, а вечерняго по два съ половиною, учредилъ токмо новый порядокъ, по которому въ вечернее пѣніе: девятый часъ и повечеріе читаются въ притворѣ церковномъ, чинъ вечерни отправляется священникомъ въ одной эпитрахилѣ безъ фелони; въ вышеозначенное время священноцерковнослужители сперва стоятъ въ притворѣ съ народомъ, потомъ переходятъ изъ онаго во храмъ, наконецъ изъ сего паки въ притворъ; священникъ чередный предъ окончаніемъ повечерія и полунощницы испрашиваетъ обычнаго прощенія, лежа на полу притвора, и порядокъ сей соблюдался съ строгою точностію неизмѣнно. Третіе, то дѣйствіе, которое произвелъ архіепископъ Ириней 20 дня ноября во всерадостнѣйшій день празднованія вождѣленнѣйшаго вошествія его императорскаго величества

на всероссійскій престолъ, а) по прочтеніи апостола и пропѣніи аллилуія, остановивъ съ крикомъ исправляющаго должность протодіакона, возгласившаго по уставу: премудрость прости—услышимъ св. евангелія,—приказалъ ему говорить: Вонмемъ, премудрость вонмемъ! б) Предъ окончаніемъ сего молебна остановивъ же съ крикомъ пѣвчихъ, при началѣ пѣсни св. Амвросія, епископа Медіоланскаго, пѣвшихъ по положенію Бортнянскаго, приказалъ имъ пѣть оную пѣснь по положенію простому, но сіи усилія хотя дѣйствительно (привели) исправляющаго должность протодіакона и пѣвчихъ въ такое разстройство, что первый не зналъ, какъ при возглашеніи поступить, по уставу ли или по приказанію преосвященнаго, а послѣдніе не въ состояніи были пропѣть безъ народнаго соблазна и по простому положенію, однако ни отъ моего, ни отъ исправляющаго должность протодіакона, ни отъ пѣвчихъ пренебреженія, а отъ того, что самъ архіепископъ Ириней привелъ ихъ въ замѣшательство; а потому и меня, и священнослужителей невинно назвалъ тогда всенародно невѣжами, не умѣющими служить, такъ какъ и прежде напрасно огорчался на меня за совершеніе панихидъ по уставу, говоря съ удивленіемъ: «отъ чего здѣсь, т. е. въ Иркутскѣ, служатъ оныя долѣе, а въ Пензѣ короче, развѣ тамъ прокидываютъ?»

XVI. Къ перенесенію трудовъ, не только необходимо сопряженныхъ съ должностію всѣхъ и каждаго, священноцерковнослужители и я были тогда способны, но даже сверхъ должностей всѣхъ и каждаго преосвященнымъ Иринеемъ на насъ налагаемые труды переносили мы неутомимо и исправно. Ибо не упоминая о звонаряхъ, въ жестокіе сибирскіе морозы отъ продолжительнаго чрезъ цѣлый часъ благовѣста знобившихся, мы и по неожиданнымъ его преосвященства требованіямъ и на непредписанные намъ закономъ труды всегда были готовы, и я особенно переносилъ и такіе изнурительные труды, кои и молодому человѣку, съ дѣтства нарочно къ нимъ приготовленному, и въ крѣпкихъ силахъ, были бы неудобосносны, мнѣ же въ преклонныхъ, при утомленныхъ отъ другихъ важнѣйшихъ трудовъ, силахъ и слабомъ здоровьѣ, содѣлались смертоносны.

XVII. А потому безъ всякаго основанія преосвященный архіепископъ Ириней толь смѣло и рѣшительно признавъ наиболѣе виновнымъ меня въ мнимомъ разстройствѣ каѳедральнаго собора и штата онаго, обнаружилъ за извѣстное и то, что якобы подверженъ я пороку пьянства и пренебреженія о своихъ должностяхъ, ни въ томъ, ни въ другомъ не только меня не изобличивъ, но даже не замѣтивъ во мнѣ никакихъ признаковъ, подвергающихъ меня подозрѣнію въ разстройствѣ каѳедральнаго собора и во порокѣ пьянства и небреженія о моихъ должностяхъ.

XVIII. Ибо по каѳедральному собору я должность проходилъ съ непрерывною бдительностью. По кончинѣ архіепископа Михаила, 5 дня іюня (1830 г.) послѣдовавшей, при ежедневномъ хожденіи въ каѳедральный соборъ на всякое богослуженіе, значительное время занимался я со священноцерковнослужителями свидѣтельствомъ соборной и архіерейской ризницы по описи; по окончаніи свидѣтельства, донесъ обстоятельно о послѣдствіяхъ оной Иркутской духовн. консисторіи 11 дня октября, а 21 сего мѣсяца и преосвященному Иринею; совершалъ я и Божественную литургію 1) іюля: 8, 13, 15, 24, 25, 29, а 25-го говорилъ приличное высокоторжественному дню сему и слово, о вліяніи коего въ сердца слушателей извѣстно изъ Вѣдомостей С.-Петербургскихъ № 97 и Московскихъ № 68. 2) іюля: 1, 2, 3, 8, 14, 20, 24, 26, а 2-го сего мѣсяца говорилъ въ Знаменскомъ женскомъ монастырѣ по закладкѣ при главномъ храмѣ крыльца и палатки приличную дѣйствію сему и мѣсту рѣчь. 3) августа: 1, 3, 6, 15, 16, 26, 29, 30, а 22-го говорилъ приличное высокоторжественному и всерадостнѣйшему дню сему и слово. 4) сентября 5, 8, 9, 14, 21, 5) октября 1-го, 11, а по вступленіи преосвященнаго Иринея въ управленіе иркутской епархіи удостоился совершать божественную литургію и съ нимъ 1) октября: 17-е по произнесеніи его преосвященству мною отъ иркутской епархіи привѣтственной рѣчи, публично имъ при гг. генералъ-губернаторѣ восточной Сибири, при губернаторѣ и другихъ разнаго состояніяхъ особахъ и лицахъ похваленной и названной по слогу оной даже образцовою, 18, 19, 22, 24, 26, 27 и 25 одинъ я. 2) ноября: 2, 5, 8, 9, 19, 20, 21, 23 и 16 и 17 за болѣзнію его преосвященства соборнѣ съ братіею. 3) декабря: 7 и 12-го, а 6-го по увольненіи самимъ его преосвященствомъ отъ совершенія божественной литургіи за слабостію силъ, послѣ второй простудной болѣзни, говорилъ я приличное высокоторжественному дню сему слово.

XIX. По духовной консисторіи во всякое время положенное 3-ю главою генеральнаго регламента, занимался я въ присутствіи оной постоянно положеніемъ резолюцій въ докладномъ реэстрѣ и на особливыхъ бумагахъ, сочиненіемъ протоколовъ и мнѣній, управляя, по кончинѣ архіепископа Михаила, повытьемъ подъ названіемъ: слѣдственное, а до кончины архіепископа Михаила, т. е. со дня полученія указа св. Сѵнода въ Иркутскѣ 1828 года о раздѣленіи трудовъ присутствующимъ на основаніи 8 главы генеральнаго регламента, при управленіи вышеозначеннымъ, управлялъ и другимъ повытьемъ, подъ названіемъ: регистратурное, которое уже, по кончинѣ архіепископа Михаила принялъ въ свое управленіе, по собственному желанію, ректоръ семинаріи, архимандритъ Вознесенскаго мо-

настыря Иларій. Постоянные труды мои въ управленіи обоими сими повытьями и въ рѣшеніи дѣлъ подтвердить могутъ какъ меньшее количество нерѣшенныхъ дѣлъ противъ настоящаго, изъ 1829 въ 1830 годъ поступившихъ, коихъ осталось 12, такъ и собственноручныя мои резолюціи въ докладномъ реэстрѣ и на особливыхъ бумагахъ и разныя опредѣленія; а ревностное еще служеніе по консисторіи могутъ засвидѣтельствовать секретарь и канцелярскіе служители оной, трудившіеся со мною въ вечернее время, въ которое я, по недостатку утреннихъ часовъ для присутствованія, 3-ю главою генеральнаго регламента означенныхъ, занимался по три и четыре часа для поспѣшнѣйшаго движенія дѣлъ, какъ наиболѣе другихъ въ вышеозначенныя повытья втекавшихъ. Сверхъ сего и самъ архіепископъ Ириней дѣлалъ мнѣ свои порученія, а 4-го дня декабря, по резолюціи своей, поручилъ моему руководству вновь опредѣленнаго присутствующаго консисторіи священника Флоренцова. Все сіе доказываетъ, что я не только не былъ подверженъ пороку пьянства и небреженія о моихъ должностяхъ, но даже и времени не имѣлъ предаваться симъ гнуснымъ, ненавистнымъ и нетерпимымъ во всякомъ званіи, а паче въ духовномъ, порокамъ, кои я самъ всегда преслѣдовалъ во ввѣренныхъ моему смотрѣнію всѣми мѣрами закона; я никогда никакихъ горячихъ напитковъ, кромѣ винограднаго, не употребляю, о чемъ извѣстно и преосвященному Иринею.

XX. Преосвященный архіепископъ Ириней, на основаніи мнимой справки, никогда ему консисторіей не представляемой, въ предположеніи составить въ потребномъ случаѣ, вымышленную на какихъ-нибудь несправедливыхъ извѣтахъ, имъ же самимъ окружающимъ его шпіонамъ испорченной нравственности внушаемыхъ,—основанную, запретилъ мнѣ безъ суда и слѣдствія, въ противность всѣхъ узаконеній, священнослуженіе за то: якобы я, по его только мнѣнію, напередъ сего въ бытность предмѣстника его, архіепископа Михаила, частовременно подвергалъ себя предосудительнымъ поступкамъ, но за оныя никакихъ мѣръ исправленія предпринимаемо не было. Такимъ образомъ его преосвященство, несправедливо осудивъ меня, тѣмъ несправедливѣе осудилъ и покойнаго предмѣстника своего, въ дальновидномъ предположеніи: омрачить добрую славу извѣстнаго верховному правительству по ревностной и усердной службѣ церкви и отечеству архипастыря, живущаго доселѣ въ сердцахъ всей Иркутской паствы, засвидѣтельствовавшей и по кончинѣ его любовь, почитаніе и уваженіе къ нему предъ лицемъ церкви и отечества въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» № 60 стр. 2687, дабы посредствомъ сего усилить предъ св. правительствующимъ сѵнодомъ напрасную вину меня; рекомендаціи же покойныхъ епископа Веніамина и архіепископа Михаила

обо мнѣ вовсе уничтожить, а симъ приготовить для себя и на будущее время всѣ возможные способы и сильнѣйшія орудія къ моей погибели, мнѣ же въ самомъ началѣ пресѣчь пути къ августѣйшему престолу высокомонаршаго и отеческаго его императорскаго величества правосудія, для защищенія себя отъ сильнаго его, архіепископа Иринея, гоненія и притѣсненія.

XXI. Предмѣстникъ преосвященнаго Иринея, покойный архіепископъ Михаилъ, если бы замѣтилъ меня въ предосудительныхъ частовременныхъ поступкахъ, то а) по всемилостивѣйшемъ пожалованіи его императорскимъ величествомъ въ достопамятнѣйшій и вожделеннѣйшій для вѣрноподданныхъ его императорскаго величества и всей Россіи 22-й день августа 1826 года его преосвященнаго Михаила въ санъ архіепископскій, не допустилъ бы меня къ приведенію себя къ присягѣ на чинъ сей, когда въ то же время находился въ Иркутскѣ старшій меня ректоръ семинаріи, архимандритъ Иларій; б) не избралъ бы меня предъ кончиною своею духовникомъ, с) не просилъ бы, особенно меня, съ протоіереемъ Прокопіемъ Громовымъ принять на себя трудъ привести малое его имущество въ извѣстность положеніемъ его на опись (какъ сими точно словами въ 1-мъ пунктѣ духовнаго завѣщанія его 27 апрѣля 1830 года изображено), когда при приведеніи онаго имущества въ извѣстность, непремѣнне обязанъ былъ я присутствовать по моей должности. Да и самъ архіепископъ Ириней, еслибы имѣлъ на меня хотя малѣйшее подозрѣніе въ какихъ либо продосудительныхъ поступкахъ, безъ всякаго со стороны моей приглашенія, погнушался бы посѣтить домъ мой 22-го октября послѣ божественной литургіи, при значительномъ чиновникѣ, градскомъ главѣ и почетнѣйшихъ гражданахъ, не приглашалъ бы меня съ собою въ карету, не подвозилъ бы въ оной къ моему дому, за всѣми моими убѣдительными на сіе отрицаніями, и не оказалъ бы мнѣ лично такого уваженія, какого отъ его преосвященства я никогда ни желать, ни ожидать не смѣлъ.

XXII. Какъ 1) преосвященный архіепископъ Ириней простеръ власть свою за предѣлы закона не только надо мною, но и надъ другими духовными лицами, невинныхъ наказуя, а виновныхъ оправдывая такъ, что безъ суда и слѣдствія запрещалъ священнослуженіе Тельминской Богородско-Казанской церкви священнику Пономаревскому, Градо-Якутскаго собора протоіерею Амвросову съ отрѣшеніемъ его отъ присутствія въ духовномъ правленіи и отрѣшилъ отъ консисторіи и должности Градо-Иркутскаго благочиннаго протоіерея Шастина, кои украшены знаками высокомонаршей милости; а обнаруженнаго по слѣдствію въ самыхъ важныхъ преступленіяхъ закона протоіерея Градо-Красноярскаго собора, благочиннаго и присутствую-

щаго правленія Кремелева, безпорядкомъ дѣлъ и пренебреженіемъ 53-хъ указовъ не только совершенно разстроившаго правленіе, но и дѣлавшаго притязанія священно-церковнослужителямъ, при принятіи отъ нихъ исповѣдныхъ росписей, и даже, отъ пренебреженія ли, или отъ злонамѣренія, остановившаго указы, по высочайшему повелѣнію его императорскаго величества съ реляціями, сокрывшаго отъ вѣрноподданныхъ его императорскаго величества вожделѣнные успѣхи благословеннаго всероссійскаго оружія и лишившаго ихъ удовольствія, радости и счастія приносить жертву сердечнаго благодаренія всесильному Господу, ниспославшему славныя побѣды любезному отечеству нашему, не только оставилъ безо всякаго взысканія по законамъ, но допустилъ его, Кремелева, въ поѣздъ свой въ Иркутскъ чрезъ Красноярскъ, къ прежнимъ должностямъ, отличилъ его еще и похвальною резолюціею, 2-го декабря на журналѣ консисторіи данною, приказавъ дѣло о Кремелевѣ прекратить потому, что его преосвященству честность Кремелева извѣстна.

2) Неограниченность власти преосвященнаго Иринея тѣмъ очевиднѣе, что даже вопреки правиламъ, его императорскимъ величествомъ въ 6-й день высочайше утвержденнымъ въ положеніи (§ 1, 2 и 3) объ опредѣленіи къ мѣстамъ священно-церковнослужителей изображеннымъ, посвятилъ во священники: діакона Градо-Иркутской Петро-Павловской церкви Попова, не только не учившагося въ семинаріи, но и малограмотнаго, послушника Иркутскаго Вознесенскаго монастыря Заруднева, пономарей: Олекшинской Николаевской церкви Конаровскаго и Устьморской Николаевской церкви Сотникова, не учившихся въ семинаріи, не имѣющихъ не только 30-ти, но и 25-ти лѣтъ отъ рожденія, изъ коихъ Сотниковъ весьма малограмотенъ. Остановилъ учрежденіемъ комитета при каѳедральномъ соборѣ исполненіе указа св. правительствующаго сѵнода въ Иркутскую духовную консисторію объ освидѣтельствованіи архіерейской ризницы, когда уже ризница сія по оному указу присутствующими консисторіи была освидѣтельствована и требовались только нѣкоторыя поясненія отъ ключаря протоіерея Масюкова, имѣвшаго въ смотрѣніи и храненіи оную.

То какъ по симъ послѣднимъ причинамъ, такъ и по вышеизложеннымъ въ сей запискѣ обстоятельствамъ и жестокимъ со мною поступкамъ преосвященнаго архіепископа Иринея, чрезмѣрно отяготившаго судьбу мою и безвинно съ 22-го дня декабря (1830 г.) и по настоящее время (7-го марта 1831 г.) томящаго меня подъ запрещеніемъ священнослуженія, въ непосредственномъ управленіи его преосвященства оставаться и быть отселѣ совершенно я опасаюсь, тѣмъ болѣе, что всѣ предварительныя угрозы его, въ разныя времена дѣланныя мнѣ, къ величайшей горести моей, въ преклонныхъ лѣ-

тахъ моихъ, уже испытываю я нынѣ на одрѣ болѣзни моея самымъ бѣдственнымъ и плачевнымъ образомъ, терзаясь и сердцемъ отъ безпрерывныхъ стенаній, слезъ дряхлой матери, жены и дочери и снѣдаясь ежедневною печалію, привтекающею отъ скудости, еще усугубляемой дорогою цѣною на жизненные припасы, и что, какъ по извѣстнымъ преосвященнаго Иринея усиліямъ, и нынѣ обнаруживающимся въ изысканіи различныхъ средствъ, въ поощреніи нѣкоторыхъ лицъ къ вымышленнымъ на меня извѣтамъ, со внушеніемъ имъ даже способовъ къ вящшему стѣсненію судьбы моей, такъ и по дѣйствіямъ и съ поступившимъ на мое мѣсто протоіереемъ Прокопіемъ Громовымъ и съ прочими священнослужителями во святомъ храмѣ, его преосвященствомъ чинимымъ, не только не предвижу я никакой надежды на архипастырское его ко мнѣ благорасположеніе, но даже всякій разъ страшусь, чтобы въ самомъ дѣлѣ, по намѣренію своему, чрезъ секретаря Иркутской духовной консисторіи Копылова, мнѣ 24-го дня декабря (1830 г.) объявленному, еще жесточае не отяготилъ судьбу мою.

Для того, со глубочайшимъ благоговѣніемъ и вѣрноподданническою преданностію, повергаясь къ августѣйшимъ стопамъ всемилостивѣйшаго государя императора Николая Павловича, истиннаго отца Россіи, спасающаго убогаго отъ руки сильнаго, осмѣливаюсь всеподданнѣйше поручить себя и слабое слово, во всерадостнѣйшій день тезоименитства его императорскаго величества мною произнесенное, высочайшему и всемилостивѣйшему его императорскаго величества покровительству.

II.

Когда до свѣдѣнія преосвященнаго Иринея дошло, что на него подана жалоба на высочайшее имя, то онъ, по естественному чувству мести, сталъ еще болѣе преслѣдовать протоіерея Парнякова, зорко слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и о каждомъ его проступкѣ рапортовалъ св. синоду. Вотъ одинъ изъ такихъ репортовъ:

«Извѣстился я,—такъ писалъ преосвященный Ириней въ своемъ репортѣ св. синоду отъ 21-го марта 1831 года,—что бывшій Иркутскій каѳедральный протоіерей Никифоръ Парняковъ, прошлаго 1830 года іюня 25 го дня, въ день рожденія государя императора, явился въ здѣшній публичный садъ въ неимовѣрно пьяномъ видѣ, гдѣ находились гражданскій губернаторъ и дамы, предъ коими онъ постыднѣйшимъ образомъ скверненсловилъ. По приказанію губернатора дамы удалились, а Парняковъ казаками выведенъ былъ изъ собранія. Истину сего проис-

шествія лично засвидѣтельствовали предо мною ихъ превосходительства г. иркутскій гражданскій губернаторъ Цейдлеръ и г. иркутскій комендантъ Покровскій 1-й. О каковомъ происшествіи долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія святѣйшаго правительствующаго синода».

III.

Протоіерей Парняковъ, подавъ жалобу на архіепископа Иринея и видя все болѣе и болѣе усиливающіяся со стороны его преслѣдованія, сильно безпокоился за исходъ своего дѣла и потому старался, насколько только представлялось для него это возможнымъ, хоть нѣсколько обезопасить и защитить себя отъ нападокъ архіепископа и доказать свою невинность въ происшедшемъ между ними столкновеніи. Въ этихъ именно видахъ онъ обратился съ особеннымъ письмомъ къ оберъ-прокурору св. синода, князю Мещерскому. Вотъ это письмо:

«Къ защитнику правды и истины и точному блюстителю государственныхъ законовъ, извѣстному подъ сими священными именами и въ отдаленнѣйшемъ краю Сибири, пріемлетъ смѣлость прибѣгнуть стѣсненный и уничиженный служитель алтаря Господня, со всеглубочайшимъ смиреніемъ просящій себѣ всякаго покровительства.

Поставленный на самомъ краю пропасти погибельной высокопреосвященнѣйшимъ Иринеемъ, архіепископомъ иркутскимъ, во время тяжкой и отчаянной моей болѣзни, невинно безъ суда и слѣдствія 22-го декабря 1830 года отрѣшившимъ меня отъ Иркутскаго каѳедральнаго собора и присутствія въ консисторіи съ запрещеніемъ священнослуженія, осмѣлился я въ горестнѣйшемъ моемъ *состояніи, по* чувству правоты моей, въ 7-й день текущаго марта и года, препроводить въ святѣйшій синодъ, при всеподданнѣйшей жалобѣ на его высокопреосвященство, записку и слово, во всерадостнѣйшій день тезоименитства его императорскаго величества мною говоренное.

Прозорливое око вашего сіятельства изъ записки ясно усмотрѣть можетъ до какой степени, съ одной стороны архипастырь мой усиливалъ свое недоброжелательство ко мнѣ и мщеніе, а съ другой—я, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, жертвовалъ его мщенію своимъ здоровьемъ и невозвратною потерею весьма многихъ дней моей жизни, при великодушномъ и постоянномъ терпѣніи неимовѣрныхъ упрековъ, укоризнъ и угрозъ его, до самой глубины сердца меня пронзавшихъ и извѣстныхъ весьма многимъ градожителямъ, сострадающимъ моему бѣдствію и готовымъ всегда быть свидѣтелями моего благоповеденія и невинности.

Нынѣ уже въ самомъ дѣлѣ испытывая угрозы его высокопреосвященства, на одрѣ болѣзни моея, бѣдственнѣйшимъ образомъ тер-

заясь отъ безпрерывныхъ стенаній и слезъ осьмидесятилѣтней дряхлой матери моей, жены и дочери, снѣдаясь ежедневною печалію, привтекшею отъ скудости, усиливаемой дорогою цѣною, постепенно возвышающеюся на припасы жизненные, еще всякій разъ страшусь, чтобы архипастырь, по полученіи свѣдѣнія о всеподданнѣйшей моей жалобѣ на него, не привелъ въ самое дѣйствіе и объявленную мнѣ секретаремъ Иркутской консисторіи Копыловымъ, 24 дня декабря, пагубнѣйшую для меня угрозу, въ 10-мъ пунктѣ записки святѣйшему правительствующему синоду мною описанную, и по отдаленнѣйшему разстоянію столицы отъ Иркутской епархіи, не извергъ-бы меня, какимъ-либо дальновиднымъ образомъ, въ конечную погибель,—страшусь тѣмъ болѣе, что а) архипастырь неоднократно внушалъ и мнѣ, и многимъ другимъ, что онъ во время управленія Пензенскою епархіею, получалъ въ письмахъ предварительныя свѣдѣнія отъ извѣстныхъ ему лицъ о распоряженіяхъ святѣйшаго правительствующаго синода и копіи съ поступавшихъ на него прошеній, для принятія противъ оныхъ нужныхъ мѣръ; такъ что прошенія сіи якобы оставались безъ движенія до сожданія отъ его высокопреосвященства потребныхъ свѣдѣній. б) Прежде, нежели съ изъясненіемъ высочайше утвержденнаго въ 14 день октября 1830 года святѣйшаго правительствующаго синода доклада о священникѣ Полтавской епархіи Позняковѣ, изъ святѣйшаго правительствующаго синода отъ 27 октября указъ полученъ (былъ) въ Иркутскѣ 5 декабря, архипастырь о семъ указѣ уже имѣлъ свѣдѣніе 28 ноября, въ письмѣ имъ полученное, которое письмо, по вырѣзаніи въ немъ подписи писавшаго, по приказанію его высокопреосвященства и было объявлено присутствію Иркутской консисторіи. Для ближайшаго усмотрѣнія вашимъ сіятельствомъ всѣхъ притѣсненій, архипастыремъ мнѣ дѣланныхъ, долженъ бы представить вашему сіятельству особую записку; но искренно и чистосердечно признаюсь, что по скудости моей, извѣстной Иркутскимъ градожителямъ, и въ святѣйшій правительствующій синодъ за пересылку записки внесъ въ почтовую контору пятдесятъ рублей изъ пріобрѣтенныхъ для сего продажею домовой вещи.

Сіятельнѣйшій князь! Со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ предая вышеизложенныя обстоятельства особенному вниманію и прозорливѣйшему благоразсмотрѣнію вашего сіятельства, всенижайше и всепокорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, употребить ваше мудрое содѣйствіе и сильное предстательство въ благовременномъ облегченіи горестнѣйшей судьбы моей и явить, по величію и благости души вашей, человѣколюбивое христіанское заступленіе и отъ будущаго гоненія и притѣсненія высокопреосвященнаго архіепископа Иринея».

IV.

Съ другой стороны и преосвященный Ириней, сознавая, видно, себя не вполнѣ правымъ въ своемъ отношеніи къ протоіерею Парнякову, старался защитить себя отъ упрека въ несправедливости и выставить себя строгимъ ревнителемъ правды. Вотъ что, между прочимъ, писалъ преосвященный Ириней въ свою защиту въ отношеніи своемъ на имя оберъ-прокурора святѣйшаго синода отъ 4 апрѣля 1831 года

«Бывшій каѳедральный протоіерей Никифоръ Парняковъ отъ 30 числа марта сего 1831 года рапортомъ донесъ Иркутской консисторіи, что онъ отъ 7 числа вышеозначеннаго мѣсяца принесъ всеподданнѣйшую государю императору жалобу въ томъ, что яко-бы безвинно отрѣшенъ онъ отъ собора и консисторіи и запрещенъ въ священнослуженіи.

Не зная содержанія сей жалобы, долгомъ поставляю, на случай могущихъ потребоваться отъ меня выправокъ, представить на благоуваженіе вашего сіятельства тѣ причины, по коимъ протоіерей Парняковъ съ запрещеніемъ священнослуженія удаленъ мною отъ должности каѳедральнаго протоіерея и отъ консисторіи.

Первое, протоіерей Никифоръ Парняковъ, 25 іюня 1830 года, въ день рожденія государя императора, будучи неимовѣрно пьянъ, пришелъ въ публичный садъ, гдѣ между прочимъ находились г. иркутскій гражданскій губернаторъ и дамы, въ присутствіи коихъ протоіерей Парняковъ началъ сквернословить, почему, по приказанію губернатора, и выведенъ былъ казаками. О семъ происшествіи, о коемъ отъ 21 дня марта сего 1831 года донесено было мною святѣйшему синоду и вашему сіятельству, лично объявляли мнѣ г. иркутскій гражданскій губернаторъ и г. комендантъ, генералъ-маіоръ Покровскій 1-й. Второе, по кончинѣ предмѣстника моего, архіепископа Михаила, протоіерей Парняковъ взошелъ въ консисторію противозаконнымъ рапортомъ, яко-бы архіепископъ Михаилъ предъ кончиною своею всѣмъ запрещеннымъ отъ него священнослужителямъ священнослуженіе разрѣшилъ. Слѣдствіемъ сего, противнаго высочайшимъ и святѣйшаго синода указамъ, разрѣшенія было то, что разрѣшенные священники, совершая къ соблазну многихъ священнослуженіе по всей Иркутской епархіи, предались ненаказанно прежнимъ беззаконіямъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ нынѣ уже лишены и священническаго сана. Третіе. Штатъ каѳедральнаго собора, по прибытіи моемъ въ Иркутскъ, найденъ въ самомъ постыдномъ поврежденіи нравственности. Причиною сего былъ протоіерей Парняковъ, который самъ, предаваясь пьянству, и не помышлялъ объ искорененіи богоненавистныхъ пороковъ между своими подчиненными. Четвер-

тое, сверхъ лично усмотрѣнныхъ мною безпорядковъ по собору, соборный священникъ Іоаннъ Затопляевъ, въ доказательство худой нравственности протоіерея Парнякова, объявилъ мнѣ, что означенный протоіерей, будучи у него въ гостяхъ и напившись у него до пьяна, въ домѣ сего священника началъ употреблять прелюбодѣйное насиліе противъ жены его, а когда она вырвалась изъ рукъ Парнякова, то онъ, Парняковъ, гонялся за нею въ огородѣ и потерялъ бывшій на немъ за 1812 годъ крестъ. Происшествіе сіе, по объявленію священника Затопляева, могутъ подтвердить посольскій архимандритъ Ѳеодоритъ и квартировавшій въ домѣ того Затопляева чиновникъ Голяминскій. Пятое. Однажды послѣ вечерни протоіерей Никифоръ Парняковъ, пришедъ въ консисторію въ чрезмѣрно пьяномъ видѣ, рвалъ бумаги, кричалъ, и послѣ этого призвавъ въ присутствіе нѣкоего іеромонаха Израиля, хотѣлъ обрѣзать ему носъ, впрочемъ удовольствовался только обрѣзаніемъ у того Израиля усовъ, которые сей, по снисхожденію къ немощи раскольниковъ, имѣлъ отрощенными въ полной мѣрѣ. Шестое. Предвосхитивъ въ консисторіи первенство предъ другими присутствующими, протоіерей Парняковъ всѣми силами старался только объ удержаніи за собой сего противозаконнаго права; но ни мало не заботился ни о порядочномъ теченіи дѣлъ, ни о доброй нравственности канцелярскихъ служителей; почему примѣромъ протоіерея Парнякова уполномоченный развратъ усилился до того, что прежніе канцелярскіе служители, какъ безнадежные къ исправленію пьяницы, почти всѣ мною исключены изъ штата консисторіи и замѣнены другими. Седьмое. Протоіерей Парняковъ, несмотря на неспособность означенныхъ канцелярскихъ служителей и на дурное поведеніе ихъ, подписывалъ объ нихъ бумаги къ высочайшимъ наградамъ, каковыми они и пользовались. Осьмое. Собственноручными письмами, находящимися при дѣлахъ консисторіи, протоіерей Парняковъ обличается въ лихоимствѣ и притѣсненіи подчиненныхъ лицъ духовнаго вѣдомства. Девятое. Не донося святѣйшему синоду о другихъ нареканіяхъ со стороны благонамѣренныхъ на протоіерея Парнякова, и о крайнемъ запущеніи всѣхъ дѣлъ по консисторіи, изъ коихъ объ одномъ не маловажномъ чрезъ гражданское начальство доведено уже до высочайшаго свѣдѣнія государя императора, долгомъ поставляю почтеннѣйше донести вашему сіятельству, что и нынѣ въ консисторіи и секретарѣ ея остается еще тотъ же духъ невнимательности и безпорядковъ, и что сіи силятся всемѣрно защитить Парнякова; отъ чего и доселѣ противятся моимъ неоднократнымъ предложеніямъ произвести слѣдствіе какъ о невѣроятномъ соблазнѣ, произведенномъ Парняковымъ въ публичномъ саду 25 іюня въ день рожденія государя императора, такъ и другихъ его преступленіяхъ.

Донося о семъ вашему сіятельству, испрашиваю вашего ходатайства предъ лицемъ государя императора и защиты отъ злонамѣренныхъ дѣйствій протоіерея Парнякова, а съ симъ вмѣстѣ покорнѣйше прошу, сіятельнѣйшій князь, не благоугодно ли будетъ сдѣлать должное внушеніе секретарю здѣшней консисторіи, дабы онъ исправлялъ свою должность соотвѣтственно данной имъ присягѣ, и не упустительно занимаясь дѣлами по своей службѣ, и не оставлялъ безъ особеннаго надзора канцелярскихъ служителей, кои въ настоящее время почти всѣ новые».

V.

Дѣло протоіерея Парнякова по поводу его столкновенія съ архіепископомъ Иринеемъ разсматривалось въ святѣйшемъ синодѣ одновременно съ извѣстнымъ «бунтомъ» архіепископа Иринея.

Въ іюлѣ 1831 года преосвященныйИриней удаленъ былъ на покой въ Спасоприлуцкій монастырь и съ него, какъ признаннаго страдающимъ разстройствомъ умственныхъ способностей, снята отвѣтственность за безпорядки по управленію имъ Иркутскою епархіей.

Преемнику архіепископа Иринея по Иркутской епархіи, преосвященному Мелетію, святѣйшій синодъ поручилъ разслѣдовать дѣло протоіерея Парнякова. Архіепископъ Мелетій поручилъ разсмотрѣніе его мѣстной духовной консисторіи. Члены консисторіи при разсмотрѣніи дѣла Парнякова раздѣлились на два мнѣнія—это потому, что одни изъ нихъ были любимцами архіепископа Иринея и естественно сочувствовали его распоряженіямъ, тогда какъ другіе—принадлежали къ числу личныхъ его враговъ и потому держали сторону Парнякова.

Умѣренный и безпристрастный Мелетій нѣсколько разъ поручалъ пересматривать дѣло консисторіи, но результатъ выходилъ одинъ и тотъ же. 12 ноября 1832 года преосвященный Мелетій, сообщивъ объ образѣ дѣйствій консисторіи святѣйшему синоду, представлялъ на благоусмотрѣніе синода дѣло Парнякова и при этомъ писалъ, что «хотя протоіерей Парняковъ въ прошедшіе годы, какъ видно изъ дѣлъ консисторіи, иногда и былъ замѣчаемъ по службѣ отчасти съ невыгодной стороны, но въ бытность мою въ продолженіи года въ образѣ жизни не усмотрѣно ничего предосудительнаго, кромѣ несговорчивости его».

Не дожидаясь окончательнаго рѣшенія дѣла о Парняковѣ въ синодѣ, гуманный архіепископъ Мелетій снялъ съ него запрещеніе въ священнослуженіи, наложенное на него архіепископомъ Иринеемъ, и утвердилъ его настоятелемъ Иркутской Воскресенской церкви.

Ириней Нестеровичъ въ Вологдѣ.

Въ бытность покойнаго преосвященнаго Иркутскаго Иринея на покоѣ въ Вологодскомъ Спасо-Троицкомъ монастырѣ, въ числѣ посѣтителей его однажды былъ и мой прихожанинъ, одинъ изъ вологодскихъ помѣщиковъ, достопочтеннѣйшій старецъ Платонъ Дмитріевичъ Неѣловъ, доселѣ (1880 г.) еще здравствующій.

— Что вы, Платонъ Дмитріевичъ, не веселы?– спрашиваетъ, обращаясь къ нему, преосвященный Ириней.

— Какъ мнѣ не быть печальнымъ, ваше преосвященство, отвѣчаетъ вопрошаемый, когда жена моя, уѣхавшая съ сыномъ въ Петербургъ еще въ концѣ прошлаго года, до сихъ поръ (посѣщеніе было весною) не возвращается!

— Вы, Платонъ Дмитріевичъ, представить себѣ не можете, какъ скоро пріѣдетъ ваша жена! замѣчаетъ преосвященный.

Дѣйствительно, почти тотчасъ же послѣ приведеннаго мною разговора келейникъ преосвященнаго докладываетъ г. Неѣлову, что его спрашиваетъ его слуга, отъ котораго Платонъ Дмитріевичъ и услыхалъ о пріѣздѣ своей жены.

Настоящій разсказъ сообщаю въ виду существовавшаго въ народѣ въ Вологдѣ мнѣнія о преосвященномъ Иринеѣ, какъ о прозорливомъ,—съ цѣлію вызвать и другихъ сказать о немъ съ этой стороны, если кто имѣетъ что сообщить.

Вологодской градской Антипинской церкви священникъ

Николай Поповъ.

28-го декабря 1880 года.

Самозванецъ Петръ III въ Далмаціи

въ 1768 г. [1]).

[Переводъ съ французскаго]. Вотъ уже съ годъ какъ по окрестности разъѣзжаетъ какое-то неизвѣстное лицо, иногда въ качествѣ врача, иногда въ качествѣ крестьянина, одѣтаго въ рубища и никто не можетъ узнать откуда онъ родомъ.

Возвратившись изъ Черногоріи онъ поселился въ области de Main и живетъ въ домѣ нѣкоего Вико Марко Бовара, одного изъ наиболѣе зна-

---

[1]) Помѣщается здѣсь реляція, присланная въ Туринъ графомъ Ласкарисомъ 5-го января 1768 г. Подлинникъ хранится въ архивѣ въ Туринѣ, въ отдѣленіи «не распредѣленныхъ листовъ» (Mazzo da ordinare). Копія весьма обязательно намъ доставлена ученымъ от. Пирлингомъ, нашимъ русскимъ соотечественникомъ, братомъ ордена св. Іисуса. О. Пирлингъ и собратъ его по ордену—извѣстный ученый от. Мартыновъ, много разъ выражали своими сообщеніями вниманіе къ «Русской Старинѣ», за что мы приносимъ имъ свою признательность. Ред.

чительныхъ жителей этой провинціи, который принимаетъ его въ надеждѣ получить исцѣленіе отъ одной внутренней болѣзни, которою онъ страдаетъ уже нѣкоторое время. Въ этомъ домѣ вышеупомянутый неизвѣстный человѣкъ сбросилъ съ себя первоначальное обычное свое званіе и появился съ мѣсяцъ тому назадъ подъ именемъ царя, признаннаго тремя провинціями: de Main, Pottori и Praichi, и всѣми прочими жителями окрестностей Черногоріи, которые всѣ принимаютъ его за покойнаго московскаго царя Петра III, свергнутаго съ престола. Когда слухъ этотъ распространился (какъ бываетъ обыкновенно со всякою новостью), то всѣ сосѣдніе жители были этимъ обезпокоены и встревожены. Онъ вкоренился вскорѣ такъ глубоко и произвелъ такое впечатлѣніе на всѣхъ этихъ людей, что одно простое письмо, написанное этимъ самозванцемъ (называемымъ Etienne Ricolo) къ жителямъ Черногоріи усмирило ихъ и возстановило между ними полнѣйшій миръ. Всѣ окрестные жители Кальтрума, одной изъ провинцій Черногоріи, собрались въ Celichi 1-го октября. Туда же явились депутаты отъ трехъ вышеназванныхъ провинцій и когда были наведены нѣкоторыя справки и произнесены ими нѣкоторыя рѣчи, то нѣкто Маркъ Ямовикъ всталъ и произнесъ: „этотъ незнакомецъ—уроженецъ Майны, вѣрный спутникъ покойнаго епископа Васселя, котораго онъ сопровождалъ въ его поѣздкахъ въ Московію". Онъ увѣрялъ и убѣждалъ настоящее собраніе въ томъ, что этотъ Стефанъ есть настоящій и дѣйствительный Петръ III, котораго онъ зналъ нѣкогда въ Петербургѣ, и предлагалъ всѣ свои имущества и свою голову въ ручательство истины своихъ словъ, вслѣдствіе чего собравшіеся по обсужденіи рѣшили составить дружественный союзъ до праздника св. Георгія.

Когда Ямовикъ сообщилъ Стефану о рѣшеніи, принятомъ этимъ священнымъ собраніемъ, то Стефанъ разсердился и послалъ съ тѣмъ же Ямовикомъ другое письмо къ собравшимся племенамъ, въ которомъ онъ убѣждалъ ихъ заключить и установить немедленно между собою вѣчный миръ. Вслѣдствіе этого письма собраніе состоялось вторично 8-го октября и на немъ были постановлены условія всеобщаго мира. Однимъ словомъ въ Цетиньѣ былъ составленъ союзъ изъ трехъ провинцій Черногоріи: Кальтума, Трумовы и Черницы и собравшіяся партіи избрали своимъ предводителемъ нѣкоего Боро Станиссека, сына покойнаго губернатора, умершаго въ Петербургѣ, и брата Віале, который былъ убитъ около трехъ лѣтъ тому назадъ жителями Трумовы. На этомъ собраніи, по рекомендаціи Стефана, они приняли и признали своимъ новымъ коадъюторомъ нѣкоего Арсенія Пальменеля, племянника по сестрѣ нынѣшняго епископа Савскаго. Такимъ образомъ полнѣйшій миръ былъ возстановленъ среди этихъ народовъ, которые въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ жили въ постоянныхъ распряхъ и ссорахъ, такъ что они позабыли даже свой древній обычай избрать третейскихъ судей, простили добровольно другъ другу всѣ прошлыя какія бы то ни было обиды и оскорбленія, и торжественно обѣщали другъ другу не вспоминать объ нихъ и не подавать болѣе ни малѣйшаго повода къ ссорѣ.

Вслѣдъ затѣмъ начальники отправились въ Майну, чтобы отдать мнимому монарху отчетъ о всемъ происшедшемъ и убѣдить его открыть имъ свое настоящее званіе, которое они подозрѣвали.

Онъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ конвоемъ, имѣвшимъ сабли и шпаги на голо, принялъ ихъ чрезвычайно привѣтливо и высказалъ имъ свое удовольствіе по поводу того, что они съ такимъ повиновеніемъ послѣдовали его совѣтамъ.

Они привѣтствовали его, называя его царемъ, и умоляли его осчастливить ихъ, открывъ имъ свое званіе; онъ отвѣчалъ, что они узнаютъ это вѣроятно черезъ нѣсколько дней, и что покуда должны ожидать всего хорошаго, обѣщая осчастливить ихъ навсегда.

Трудно представить себѣ удивленіе, вызванное страннымъ вліяніемъ этого новаго призрака, который безъ всякой посторонней помощи и безъ денегъ однимъ только простымъ письмомъ и предъидущими таинственными и иносказательными увѣреніями успѣлъ убѣдить свободный народъ, не признававшій никакой дисциплины, нарушить въ одно мгновеніе ихъ древніе обычаи, которые они считали выше всякой божеской и человѣческой власти и отдѣлаться отъ своей природной грубости и отъ своихъ привычекъ.

Дѣйствительно, эти народы питаютъ къ русскому престолу такое уваженіе и преданность, что даже призракъ можетъ ослѣпить ихъ и внушить имъ самыя нелѣпыя и глупыя предположенія, которыя они считаютъ вѣрными и неоспоримыми, и заставить ихъ въ одну минуту измѣнить своимъ привычкамъ.

Вотъ настоящее странное, но интересное положеніе, въ которомъ находятся три выше упомянутыя провинціи, вотъ чѣмъ онѣ главнымъ образомъ заняты и озабочены, позабывая законы своего правительства, коихъ онѣ обыкновенно держатся столь ревностно, и подавая этимъ опасный примѣръ прочимъ подданнымъ, имѣющимъ такое значительное право на миръ.

Примѣчаніе. Копія документа, здѣсь помѣщеннаго въ переводѣ, сообщена изъ Италіи изъ г. Турина от. Пирлингомъ 18-го ноября 1880 г. Переводъ В. В. Т. Ред.

Графъ Буксгевденъ и Дмитрій Дохтуровъ

9-го декабря 1806 г.

Въ бумагахъ покойнаго моего отца, въ отставкѣ полковника Максима Тимофеевича Дренякина, скончавшагося въ 1851 г. 80 лѣтъ въ г. Бѣлгородѣ, нашелся уцѣлѣвшій чуднымъ образомъ 74-лѣтній листокъ приказа по войскамъ отъ 9 декабря 1806 г. за подписомъ графа Буксгевдена и знаменитаго защитника Малоярославца Дмитрія Сергѣевича Дохтурова.

Документъ этотъ въ моихъ глазахъ имѣетъ и ту цѣну 1) что написанъ за 5 дней до боя при Голыминѣ, 14 декабря, въ войнѣ за Пруссію и незадолго до кровопролитнѣйшаго сраженія при Прейсишъ-Эйлау 26—27-го января 1807 г., гдѣ покойный мой отецъ, дѣлавшій всѣ кампаніи съ Суворовымъ, въ чинѣ подполковника будучи командиромъ батальона 7-го егерскаго полка, потерялъ отъ картечнаго выстрѣла правую по плечо руку и заслужилъ орденъ св. Георгія 4 ст. за храбрость и, 2) что приказъ тотъ дѣлаетъ открытіе, что провіантъ можетъ быть замѣняемъ совѣтомъ. А. Д.

1806 года декабря 9-го дня. Пароль Тобольскъ. Лозунгъ св. Сергія. Приказъ.

Многіе полки рапортуютъ мнѣ чрезъ дивизіонныхъ своихъ начальниковъ, что они подробнаго для продовольствія воинскихъ чиновъ провіанта ни покупкой, ни реквизиціей достать не могутъ и уже употребили часть своихъ сухарей. Г-нъ генералъ-маіоръ Морковъ, командуя лѣвою половиною второй

линіи, доноситъ мнѣ, что полки, состоящіе подъ его начальствомъ, пріискиваютъ не только достаточное число муки и крупъ, а также и фуража, и довольствуется не употребляя не мало сухарей, а полки Псковскій и Воронежскій мушкетерскіе, ввѣренные начальству упомянутаго генералъ-маіора Моркова и г-на генералъ-маіора Потапова, во излишествѣ того имѣютъ. За таковое ихъ стараніе и усердіе объявляется благодарность, прочихъ же полковъ г-мъ шефамъ и командирамъ, которые не могутъ снабжать себя потребнымъ для продовольствія чиновъ провіантомъ и прочимъ, предписывается отнестись къ г-ну генералу-маіору Моркову и получить отъ него наставленіе къ пріисканію тѣхъ средствъ доставанія провіанта, какими онъ снабжаетъ полки, начальству его ввѣренные, пользоваться.

2) Рекомендуется всѣмъ г-мъ шефамъ и командирамъ заблаговременно приготовить хотя небольшое количество бандажей и корпіи, которые всѣ въ случаѣ дѣла имѣть ротнымъ цирульникамъ.

3) Всѣ коммисаріатскіе чиновники, которые по приказанію моему были потребованы въ главную мою квартиру, имѣютъ остаться по прежнему при дивизіяхъ, въ которыхъ они назначены.

4) Московскаго мушкетерскаго полка аудитора Федотьева прислать въ главное мое дежурство и приказать явиться къ бригадъ-маіору по кавалеріи полковнику Жилинскому.

Графъ Буксгевденъ.

На случай скораго выступленія прислать отъ всякаго полка и команды расторопнаго унтеръ-офицера на подъемной лошади съ фуражемъ въ мою главную квартиру въ селеніе Лавы и котораго присылать смѣнять всякій день.

Генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: адъютантъ Пор... (не разобрано).

Въ батальонъ 7-го Егерскаго полка.

Сообщ. ген.-лейт. Александръ Максимовичъ Дренякинъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ [1])

въ 1827—1828 гг.

I.

Въ 1828 году, во время турецкой войны, въ Варшавѣ постоянно распускались ложные слухи, въ большинствѣ случаевъ неблагопріятные для русской арміи. Сегодня разбита русская армія, завтра Австрія объявляетъ войну Россіи и т. п. Всегда воспріимчивое къ разнымъ новостямъ, варшавское общество вѣрило всему этому, при чемъ одни относились къ этому съ злорадствомъ, другіе съ огорченіемъ. Больше всего, конечно, волновали эти слухи тотъ небольшой кружокъ русскихъ, который ютился въ Варшавѣ, среди чуждаго ему населенія.

[1]) Разсказы почерпнуты изъ бумагъ быв. канцеляріи цесаревича. Первый разсказъ и теперь еще съ различными варіантами знаютъ многіе варшавскіе старожилы. А. М.

Въ декабрѣ 1828-го года, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, у: одинъ изъ жителей Варшавы, больше всего изощрявшійся въ расп нін неблагопріятныхъ для Россіи извѣстій, снова распустилъ ложн объ обратномъ взятіи крѣпости Варны турками, приказалъ позва себѣ въ Брюлевскій дворецъ и спросилъ: „правда-ли, что Варна і ками?" Обыватель отвѣчалъ, что слышалъ объ этомъ, но навѣрное і

— „Я тоже навѣрное не знаю, а потому прошу тебя съѣздить и разузнать хорошенько, что тамъ дѣлается. Издержки путешестві платимъ пополамъ".

Любитель новостей тотчасъ же былъ посаженъ въ телѣгу и і Брюлевскаго дворца съ фельдъегеремъ отправился въ Варну, а п кимъ же порядкомъ вернулся въ Варшаву.

II.

Въ августѣ 1827 года, цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ себѣ одного изъ самыхъ безпокойныхъ крикуновъ оппозиціон бывшаго сеймоваго посла Немоевскаго, и сказалъ ему слѣдующі характерныя, слова:

— „Жаль, что ты не жилъ во времена моей бабки: она хорош подобнымъ тебѣ; ты навѣрное получалъ-бы большую пенсію, какъ разрушенія Польши. Но съ тѣхъ поръ — продолжалъ цесаревичъ проникся намѣреніями императора Александра и, сдѣлавшись друг ковъ, слѣдую его примѣру, я считаю тебя не патріотомъ, маску ко носишь, а бунтовщикомъ, который стремится къ разрушенію своего о

Сообщ. А. Маркграфо

Польскій вопросъ
въ 1830 г.

Печатаемъ письмо дѣйств. ст. сов. Владиміра Чевкина къ гр. чальнику штаба арміи, назначенной для усмиренія польскаго мятежа и замѣчанія его о полякахъ. Оба эти документа написаны дрожащ ческимъ почеркомъ. Приводимъ ихъ дословно, съ сохраненіемъ ор

Владиміръ Чевкинъ, отецъ извѣстнаго министра и сподвижник тора Александра II—Константина Владиміровича Чевкина. См. его отцѣ въ „Русской Старинѣ" изд. 1877 г., томъ XIX, май, стр. 1 і

А.

I.

Милостивой графъ! Все милостивыя разположенія вашѣго с утвердили мѣня, что вы не изволитѣ взыскать, что обезпакоиваю чтеніемъ влагаемой у сего бумаги; но по опытности службы моей і мнѣ каратко ізвеспова, гдѣ теперь безпакоіство; сообразя я народ телства, здѣлавъ некоторыя замѣчанія, подношу у сего, ежели з

пунктъ будетъ по мыслямъ вашѣго сіятелства і нуждамъ, я уже сочту себя щасливымъ.

Паслучаю нездаровья і многихъ затрудненій вашѣго сіятелства, не посмѣлъ я лично всего онаго поднести, отнеся оное къ безпакоіству вашему.

Съ глубочаішимъ высокопочитаніемъ имѣю щастіе назватца, милостивой графъ! вашѣго сіятелства! покорнѣйшій слуга Владиміръ Чевкинъ.

Дѣкабря 9 дня 1830 г.

II.

Прожектъ на теперешнее смутное время (1830 г.).

1) Всѣмъ въ краю россійскомъ находящимся владѣльцамъ полекамъ, до успокоенія тѣхъ смутъ, запретить выдавать изъ всехъ россійскихъ банковъ, і изъ приказу призреніевъ подъ залогъ ихъ недвижимыхъ имѣній денги; кои точно стараютца обратить імѣнія свои въ денги і оными делать смутныя и хищныя обороты противъ Россіи.

Должно полагать на сей видъ владелца і волынскова графа Ходкевича, онъ взялъ въ семъ 1830-мъ году изъ банка с.-петерб. болѣе миліона рублей— і сѣі же Ходкевичъ во все прежнія бунты вмешенъ былъ противъ Россіи. дажѣ і теперь находится подъ присмотромъ волынской губерніи начальства: равномерно ему подобныя графъ Тарновскій, Черторижскій і у всехъ ихъ болшія імѣнія.

2) У всехъ тѣхъ, кои въ Россіи принесли присягу и нашлись теперь оной не только неверными, но бунтовщиками; взять у всехъ на временной секвестръ недвижимыя имѣнія, состоящія въ краю россійскомъ, подъ державою россійскою въ шести губерніяхъ, імѣтъ их подъ секвестромъ до окончанія і разбору дѣлъ смутныхъ, чрезъ что сохранитца въ сихъ имѣніяхъ спакоіность въ теперешнихъ замешателствахъ.

3) При забраніи имѣній въ секвестръ должно соблюсти правило *таковое!* во первыхъ блестителямъ іли началникамъ определеннымъ от *высшего* началства къ забранію оныхъ, неіначе долженъ онъ занятца, только ізвесными во всей генеральности экономіи, а отнютъ не входить въ мелочныя заботы, а сохранит теченіе въ томъ видѣ, какъ оное наідіотца при секвестрѣ, взявъ только меры генеральныя, денежныя доходамъ верныя ведомости і інвентари работѣ, равномерно всей наличности, а паче хлебной, і всемъ вообще заводамъ, імѣть ихъ сколько возможно подъ прежнимъ руководствомъ теченія дѣлъ по экономіи, а главному приставу от россіи соблести только строго сохранность всего, чтоб безъ ево веденія не шло въ расходъ ничего; і ежели оное такъ соблѣдено будетъ, то при секвестрѣ и теченіи дѣлъ по экономіи удалитца хищность і безпорядокъ.

4) Определяющимъ началникамъ къ імѣніямъ положить жалованье изъ доходовъ от імѣнія не толко не скудное, но достаточное, і таковое при томъ. чтобъ беріогъ мѣсто і штатъ свой нужной къ дѣлу писмоводства, могъ уформировать на оное,—сіе дѣлаетца для устраненія запутанностей въ щотахъ съ казною, і для переду въ отвѣтѣ къ здачѣ імѣнія.

5) Какъ все генерально болшія имѣнія запасены великими хлебными запасами (мнѣ весьма ізвесными), то полагаю, не излишнемъ будетъ, вслучае надобности арміи въ продоволствіи, можно свободно здѣлать запасныя хлеб-

ныя магазейны, коибъ были въ полной сохранности, і дажѣ къ перевоскѣ, куда въ скорости укажетъ надобиость, і подвижныя фуры съ волами и лошадьми, но до востребованія надобности, какъ весь оной скотъ і фурщики съ фурами, будутъ по экономіи употребляемы къ работѣ по возможности; таковыя запасныя і готовыя магазеіны скорѣя приспѣшатъ въ их надобности въ арміи, чемъ чрезъ публикацію дѣлаетца і большею частію всегда затруднительное і неверное чрезъ жидовъ; болшой выиграшъ будетъ въ скорой поставкѣ къ арміи, уже готоваго хлеба, і казнѣ ничево не стоющева, а при семъ разѣ, і дажѣ навсегда необходимо, началниковъ секвестрованныхъ імѣній, а паче большихъ снабжать по разсмотрѣніи внутреннею стражѣю для обезпеченія нужнова порядка.

6) На случай воли его императорскаго величества къ прощенію винныхъ, замѣшенныхъ въ бунтѣ і не выполнившихъ присяги, то въ тотъ разъ отдаетца ему имѣніе безъ всякихъ ращотовъ і ответовъ отъ управляющихъ сими имѣніями, не щитавъ разходъ издержекъ того времени, какъ были непріятелскія бунты, въ коихъ находились сами владелцы імуществъ—по мерѣ сей въ таковъ разположеніи казна избавитца многихъ іздержекъ, а началство военное выиграетъ запасы къ продоволствію готовыя і скоро безпрепятственно доставленныя при нужныхъ случаяхъ і харошемъ устроіствѣ.

7) А наконецъ, ежели сіе строгое постановленіе, отобраніемъ у бунтующаго доходъ, не обратитъ ево въ раскаяніе, то подобной ему, но еще не решенной приостановитца верно къ заблужденію, зберегая імѣніе і капиталы свої;—но главное въ постановленіи семъ состоітъ полезное то, что въ забранныхъ имѣніяхъ будетъ спокоіность чрезъ блиской присмотръ россійской.

Сообщ. **А. Маржграфскій.**

Императоръ Николай въ Московскомъ университетѣ

въ 1837 году.

Сообщеніе объ этомъ событіи, конечно неоставшемся безъизвѣстнымъ членамъ университета, присланное въ совѣтъ тогдашнимъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа, гр. С. Гр. Строгановымъ, и имѣвшее цѣлью поставить въ извѣстность университетскую корпорацію о впечатлѣніи, вынесенномъ императоромъ изъ этого посѣщенія, гласило: **Н. П.**

„Совѣту императорскаго Московскаго университета.

Государь императоръ удостоилъ высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ Московскій университетъ, сего ноября 22-го ч., въ 3-мъ часу пополудни.

Его величество, въ сопровожденіи моемъ, изволилъ прибыть въ университетскій домъ, и обозрѣвъ аудиторіи, вышелъ чрезъ устроенный для музеума залъ въ церковь, гдѣ принялъ благословеніе отъ настоятеля прот. Терновскаго, по засвидѣтельствованію моему благодарилъ его за усердіе и полезные труды по званію профессора богословія.

Потомъ государь императоръ прибылъ въ большой университетскій корпусъ и въ столовой студентовъ удостоилъ высочайшимъ привѣтствіемъ г. рек-

тора, какъ лично извѣстнаго ему на ученомъ поприщѣ чиновника [1]). Здѣсь его величество обратилъ вниманіе на содержаніе студентовъ, которое нашелъ не только удовлетворительнымъ, но даже изобильнымъ въ нѣкоторомъ отношеніи, изволилъ изъявить желаніе, чтобы изъ опредѣленной на содержаніе суммы дѣлаемъ былъ чрезъ економію остатокъ и обращаемъ въ пособіе университета, при опредѣленіи студентовъ на службу.

Изъ столовой его величество вошелъ въ студентскія комнаты, гдѣ изволилъ милостиво спрашивать нѣкоторыхъ студентовъ о мѣстѣ ихъ прежняго воспитанія.

Потомъ его величество осматривалъ музеумъ (гдѣ встрѣтилъ архитектора Тюрина, благодарилъ его за труды по устроенію университетской церкви), кабинеты, библіотеку, клиники и акушерскій институтъ. Здѣсь я получилъ высочайшее его величества соизволеніе о распространеніи университетскихъ клиникъ пристройкою новаго зданія.

Послѣ сего его величество посѣтилъ вновь отстроенное зданіе для химической лабораторіи и симъ кончилъ обозрѣніе университета, изъявивъ мнѣ высочайшее свое удовольствіе за найденный по всѣмъ частямъ должный порядокъ и устройство.

О таковомъ радостномъ для Московскаго университета событіи имѣю честь увѣдомить оный совѣтъ, присовокупляя, съ особеннымъ удовольствіемъ, что государю императору благоугодно изъявить мнѣ свое благоволеніе за порядокъ и устройство, которыя неиначе могу отнести какъ къ усердію, трудамъ и дѣятельности г. ректора, декановъ, профессоровъ и преподавателей, г. инспектора студентовъ и прочихъ сотрудниковъ въ преобразованіи университета по всѣмъ частямъ.

Попечитель Московскаго учебнаго округа гр. (Сергѣй Григорьев.) Строгановъ".

24-го ноября 1837 г.
№ 4020.

(Изъ совѣтскихъ дѣлъ архива Московскаго университета за 1837 г. № 168).

Сообщилъ 21 окт. 1880 г. Нилъ А. Поповъ.

Крестьянскія волненія въ Зауральскомъ краѣ Пермской губерніи въ 1842—1843 годахъ.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1879 г. помѣщенъ разсказъ бывшаго Камышловскаго лѣсничаго г. Валевскаго „о волненіяхъ крестьянъ въ Зауральской части Пермскаго края въ 1842—1843 годахъ", гдѣ первая часть разсказа въ ноябрской книгѣ всецѣло относится къ событіямъ 1843 года, хотя и не касается она болѣе подробныхъ эпизодовъ эпохи, а вторая часть разсказа въ декабрской книгѣ вся посвящена волненіямъ 1842 года, не имѣвшимъ ни-

[1]) Ректоромъ былъ Мих. Троф. Каченовскій, извѣстный основатель скептической секты въ русской исторіографіи и издатель журнала «Вѣстникъ Европы», въ теченіе многихъ лѣтъ. Н. П.

какой связи съ волненіями 1843 года и происходившимъ совершенно въ другихъ противоположныхъ пунктахъ, чего, однакожъ, изъ разсказа г. Валевскаго не видно, ибо разсказъ его веденъ такъ, что не поймешь когда, что и гдѣ происходило. Такъ г. Валевскій, сообщая свѣдѣнія о Камышловскихъ волненіяхъ въ 1842 году, коснулся въ Шадринскомъ уѣздѣ одной только мѣстности въ Долматовской волости, а о прочихъ мѣстностяхъ (Иванищевской, Кривской и другихъ) умолчалъ или быть можетъ вовсе о нихъ онъ не зналъ и притомъ разсказъ его о заштатномъ городѣ Долматовѣ раскрашенъ имъ вымыслами. Въ Пермскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1858 годъ, въ №№ 2—14 было помѣщено „Описаніе мужескаго Долматовскаго монастыря" протоіерея Гр. Плотникова, изъ коего обнаруживаются разительныя противорѣчія съ разсказомъ г. Валевскаго о времени постройки крѣпостныхъ стѣнъ кругомъ монастыря, которые г. Валевскій приписываетъ самозванцу Пугачеву, свирѣпствовавшему въ 1773—74 годахъ, тогда какъ о. протоіерей Плотниковъ архивными источниками доказываетъ, что постройка таковыхъ произведена въ первомъ десятилѣтіи 1700-хъ годовъ, строителемъ монастыря, архимандритомъ Исаакомъ. Да Пугачевъ самъ и не былъ въ стѣнахъ заштатнаго города Долматова, а держалась въ немъ непродолжительное время только шайка его, подъ предводительствомъ атамана Пестерева и эсаула Тараканова съ 11 ч. февраля по 1 марта 1774 года, которая, вопреки разсказу г. Валевскаго, взять монастыря не могла, пункта операціоннаго тутъ не имѣла, арсенала не учреждала и оружія, на память потомству, кромѣ самострѣловъ, никакого не оставляла, о чемъ подробно можно видѣть изъ статьи моей подъ заглавіемъ „Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и окрестностяхъ его", помѣщенной въ 1-й книгѣ Пермскаго сборника 1859 г. и статьи того же протоіерея Плотникова „О Пугачевскомъ бунтѣ" въ Чтеніяхъ Имп. Москов. Общ. Истор. и Древн. Россіи 1859 г. т. I.

Затѣмъ г. Валевскій сообщаетъ, что когда толпа въ городѣ Долматовѣ обратилась съ разспросами къ тамошнимъ горожанамъ, то одинъ изъ нихъ сказалъ, что будучи на Ирбитской ярмаркѣ, слышалъ, что будто царскій указъ о продажѣ крестьянъ господину Министерову спрятанъ въ монастырѣ или находится въ рукахъ архимандрита и толпа, вслѣдствіе того, „не разсуждая и долго не думая, заорала" (слѣдуютъ вымышленныя изрѣченія) „и бросилась прямо къ монастырю". Ничего этого не было въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ, какъ мы можемъ удостовѣрить г. Валевскаго, по праву очевидца и старожила, а происходили волненія здѣсь у крестьянъ и между крестьянами, съ должностными лицами ихъ, не касаясь ни монастырскаго, ни приходскаго духовенства, изъ коего священникъ Іосифъ Дилигенскій приходилъ въ толпу въ самый разгаръ ея ярости, когда уже она свирѣпствовала въ требованіи и разсматриваніи архивныхъ дѣлъ и бумагъ и угрожала головѣ Игнатія Иванчикова, для того чтобы послѣдняго увести въ церковь ради защиты его, но былъ только выдворенъ ею изъ своего круга, съ непристойными, впрочемъ, восклицаніями и напутствіями, но не тронутъ ни однимъ перстомъ, о чемъ тоже подробно сообщено въ статьѣ моей подъ заглавіемъ: „Шадринскій уѣздъ въ апрѣлѣ 1842 г.", напечатанной во 2 книгѣ Пермскаго сборника 1860 года.

Далѣе слѣдуютъ у г. Валевскаго вполнѣ легендарные вымыслы о волненіяхъ крестьянъ въ городѣ Долматовѣ, подробностей коихъ онъ рѣшительно

не зналъ и не знаетъ, а подробности Батуринскія (волость) очевидно позаимствованы имъ изъ личныхъ разсказовъ подлѣсничаго Владиміра Фролова, какъ очевидца ихъ, не знавшаго тоже въ свою очередь подробностей и размѣра таковыхъ въ другихъ волостяхъ по Шадринскому и Челябинскому уѣздамъ, одновременно волновавшимся и имѣвшимъ между собою тѣсную связь и солидарность, о которыхъ, поэтому, г. Валевскій и не упомянулъ и не сказалъ въ своемъ разсказѣ ни одного слова.

Г. Валевскій повѣствуетъ на страницѣ 634, что «мятежники съ громкимъ крикомъ бросились къ стѣнамъ Долматовскаго монастыря, но за 200 саженъ были встрѣчены изъ залпа всѣхъ орудій» [1]). Затѣмъ іеромонахъ Николай направлялъ выстрѣлы, начиненные горохомъ, „по ногамъ атакующихъ; два подобные залпа принудили толпу отступить на правый берегъ рѣчки [2]). Ночь мужики провели лагеремъ на берегу рѣки. Досадуя на неудачу, они сначала долго шумѣли, но, наконецъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, всѣ заснули крѣпкимъ сномъ, поставивъ предварительно на мосту 30 человѣкъ караульныхъ, но и тѣ послѣдовали примѣру своихъ товарищей и вскорѣ весь лагерь спалъ непробуднымъ сномъ". Вотъ этою-то оплошностію будто бы и воспользовался отецъ Николай, сдѣлалъ вылазку изъ монастыря и захватилъ пять бунтовщиковъ.

Отъ первой до послѣдней строки здѣсь правды нѣтъ. Монастырь въ осадѣ не былъ, опасность ему не угрожала, мужики лагеремъ ни на какомъ берегу не стояли, ночи въ Долматовѣ не спали, пьяными не напивались, къ кабакамъ не прикасались, а расходились по домамъ и по деревнямъ; горохъ въ пальбу тоже не употреблялся и если о. Николай подѣйствовалъ на мужиковъ страхомъ, то это было въ то время, когда мужики вели голову Иванчикова, широковскаго старшину Дехтярева и сельскаго писаря Тертхова на рѣку Исеть, мимо монастырской стѣны, чтобы морозить ихъ водой, и когда о. Николай, стоявшій одинъ на монастырской стѣнѣ, не имѣя вблизи себя ни одной живой души, закричалъ: „ребята! тащите сюда пушку"! и мужики изъ опасенія, чтобы не стали палить въ нихъ, точно вернулись съ начальниками къ управѣ, гдѣ и помѣстили ихъ, по совѣту благомыслящаго крестьянина Андрея Тропина, подъ караулъ трехъ стражниковъ, а сами удалились къ волости за 20—25 саженъ совѣщаться между собою о томъ, что имъ дѣлать и что предпринять. Отсюда монахи послѣ крестнаго хода, съ иконами и хоругвями и послѣ отпѣтаго молебна въ зданіи управы, по просьбѣ родной сестры головы—Марьи Ивановой, успѣли увесть начальниковъ и стражниковъ въ монастырь, гдѣ первые остались, за замкнутыми стѣнами и воротами, въ совершенной безопасности, а вторые были прикованы среди ограды къ столбу впредь до пріѣзда исправника Черносвитова, съ отрядомъ инвалидныхъ солдатъ.

Чтобы начальникъ губерніи, покойный И. И. Огаревъ, благодарилъ лично іеромонаха Николая за оказанныя имъ услуги волостнымъ и сельскимъ начальникамъ, мы не знаемъ и не слыхали, да и подвиги о. Николая въ народ-

---

[1]) Въ монастырѣ была тогда только одна пушка, уцѣлѣвшая отъ старыхъ временъ и хранящаяся донынѣ.

[2]) Г. Далматовъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Исети, а правый берегъ—луговой и лежитъ пустыремъ для подножнаго корму скота. А. З.

ныхъ волненіяхъ 1842 г. изъ ряда обыкновенныхъ не выдвигались, въ коихъ одинаково участвовали съ нимъ и другіе члены тогдашняго монастырскаго братства. Награжденъ о. Николай точно былъ, только не орденомъ св. Станислава, а наперстнымъ крестомъ. Что бы вызывался о. Николай въ С.-Петербургъ на очи государю, мы тоже не слыхали и въ первый разъ узнаемъ объ этомъ изъ разсказа г. Валевскаго, прибавившаго тутъ и оваціи въ честь о. Николая, на дворцовой площади, никогда, разумѣется, не бывавшія. Отецъ Николай изъ Долматовскаго монастыря переведенъ впослѣдствіи въ Верхотурскій монастырь; изъ Верхотурскаго—въ Соликамскій и тамъ умеръ въ званіи іеромонаха. Особенныхъ отличій по службѣ о. Николай не имѣлъ, кромѣ исполненія казначейскихъ обязанностей, да и то онъ пользовался особенною милостію и расположеніемъ въ Долматовѣ и Верхотурьѣ, настоятеля монастырей—архимандрита Павла—любимца въ свою очередь архіерея Пермскаго Аркадія.

Въ заключеніе упомянемъ еще о томъ, что г. Валевскій вездѣ въ разсказѣ своемъ говоритъ одинаково, что крестьяне признавали проданными себя господину Министерову. Напротивъ, фамилія Министерова мало исходила изъ устъ ихъ, а проводился исключительно баринъ и удѣлъ, не раздѣляемые одинъ отъ другого. Въ этомъ отношеніи понятія у крестьянъ были смутны и они различить удѣлъ отъ барина, или на оборотъ барина отъ удѣла не могли и истолковать и усвоить новаго управленія государственными имуществами рѣшительно были не въ силахъ.

Александръ Никифоровъ Зыряновъ,
очевидецъ и старожилъ Долматовскій.

Dalmatov.

Императоръ Николай Павловичъ

въ его рѣчи къ депутатамъ с.-петербургскаго дворянства,

21 марта 1848 г.

Сообщаемая далѣе на страницахъ „Русской Старины“ рѣчь императора Николая Павловича къ депутатамъ С.-Петербургскаго дворянства, приносившимъ Его Величеству благодарность за вновь дарованныя дворянству права и преимущества и выражавшимъ государю чувства дворянъ по поводу Венгерской кампаніи, была записана однимъ изъ депутатовъ, сенаторомъ графомъ Васильемъ Петровичемъ Завадовскимъ, (р. 21 іюня 1798 г. † 10 октября 1855 г.) и хранится въ подлинной рукописи, въ числѣ прочихъ бумагъ графа, въ моемъ архивѣ.

За буквальную вѣрность сказаннаго Государемъ, по запискѣ графа Завадовскаго, конечно нельзя ручаться, но, въ виду историческаго интереса словъ Императора Николая Павловича, я считаю необходимымъ сообщить записку графа Завадовскаго редакціи „Русской Старины“, для напечатанія на страницахъ ея уважаемаго и столь интереснаго изданія.

Позволяю себѣ надѣяться, что лица, слышавшія, вмѣстѣ съ графомъ Завадовскимъ, слова государя и прочитавшія ихъ теперь на страницахъ „Русской Старины“, не откажутъ исправить записанное графомъ Васильемъ Петровичемъ Завадовскимъ, если что либо, изъ сказаннаго государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ 21-го марта 1848 г., было имъ забыто или невольно измѣнено.

В. В. Голубцовъ.

15-го іюня 1883 г.
Александровскій-Голубцовскій заводъ
Пермской губерніи.

---

21 марта 1848 года, Государь Императоръ удостоилъ принять избранныхъ депутатовъ С.-Петербургскаго дворянства, для поднесенія Его Величеству всеподданнѣйшаго благодаренія за всемилостивѣйше дарованныя дворянству права и преимущества [1]), а также для изъявленія желанія поднести Его Величеству адресъ о готовности дворянъ снова принести въ жертву престолу и отечеству личность и достояніе.

Государь Императоръ, удостоивъ братски обнять насъ, изъявилъ монаршее благоволеніе за прежнюю и настоящую службу дворянъ и сказалъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ преданности дворянства къ престолу и отечеству.

Послѣ того Его Величество изволилъ сказать намъ:

«Господа! Внѣшніе враги намъ неопасны; всѣ мѣры приняты и на этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны. Войска, одушевленныя чувствомъ преданности къ престолу и отечеству, готовы съ восторгомъ встрѣтить мечемъ нарушителей спокойствія. Изъ внутреннихъ губерній я получилъ донесенія самыя удовлетворительныя. Не далѣе какъ сегодня возвратились посланные мною туда два адъютанта мои, которые также свидѣтельствуютъ объ искренней преданности и усердіи къ престолу и отечеству. Но въ теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ я васъ прошу, господа, дѣйствовать единодушно. Забудемъ всѣ неудовольствія, всѣ непріятности одного къ другому. Подайте между собою руку дружбы, какъ братья, какъ дѣти родного края, такъ чтобы послѣдняя рука дошла до меня и тогда, подъ моею главою, будьте увѣрены, что никакая сила земная насъ не потревожитъ.

---

[1]) Порядокъ совершенія дворянскихъ выборовъ и статья 107 тома IX Свода Законовъ. Гр. В. П Завадовскій. В. Г.

Въ учебныхъ заведеніяхъ духъ вообще хорошъ, но п
родителей, братьевъ и родственниковъ наблюдать за мысл
ственностью молодыхъ людей. Служите имъ сами примѣр
честія и любви къ царю и отечеству, направляйте ихъ
добру и если замѣтите въ нихъ дурныя наклонности,
мѣрами кротости и убѣжденіемъ наставить ихъ на прям
По неопытности они могутъ быть вовлечены неблагонадежн
къ вреднымъ для общества и пагубнымъ для нихъ сами
ствіямъ. Вашъ долгъ, господа, слѣдить за ними.

У насъ существуетъ классъ людей весьма дурной, и
я прошу васъ обратить особенное вниманіе — это двор
Будучи взяты изъ крестьянъ, они отстали отъ нихъ, не
лости и не получивъ ни малѣйшаго образованія. Люди
развратны и опасны какъ для общества, такъ и для госп
Я васъ прошу быть крайне осторожными въ отношеніях
Часто, за столомъ или въ вечерней бесѣдѣ, вы разсуждае
политическихъ, правительственныхъ и другихъ, забывая,
эти васъ слушаютъ и по необразованности своей и глупост
сужденія ваши по-своему, т. е. превратно. Кромѣ того,
эти, невинные между людьми образованными, часто вселяю
людямъ такія мысли, о которыхъ безъ того они не и
понятія. Это очень вредно!

Переходя къ быту крестьянъ, скажу вамъ, что необхо
тить особенное вниманіе на ихъ благосостояніе. Нѣкот
приписывали мнѣ по сему предмету самыя нелѣпыя и бе
мысли и намѣренія. Я ихъ отвергаю съ негодованіемъ
издалъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, то объявил
безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину-помѣщику
святая и никто къ ней прикасаться не можетъ. Но я до
зать съ прискорбіемъ, что у насъ весьма мало хорошихъ
тельныхъ помѣщиковъ, много посредственныхъ и еще бол
а при духѣ времени, кромѣ предписаній совѣсти и закона,
для собственнаго своего интереса заботиться о благосос
ренныхъ вамъ людей и стараться всѣми силами сниска
бовь и уваженіе. Ежели окажется среди васъ помѣщикъ бе
ный или жестокій, вы обязаны предать его силѣ закона.
русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, воз
крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя,
нялъ мѣры и этого впредь не будетъ.

Господа! У меня полиціи нѣтъ, я не люблю ее: вы м
Каждый изъ васъ мой управляющій и долженъ для споко

сударства доводить до моего свѣдѣнія всѣ дурныя дѣйствія и поступки, какіе онъ замѣтитъ. Если и въ моихъ имѣніяхъ вы усмотрите притѣсненія и безпорядки, то убѣдительно прошу васъ, не жалѣя никого, немедленно мнѣ о томъ доносить. Будемъ идти дружною стопою, будемъ дѣйствовать единодушно и мы будемъ непобѣдимы.

Правило души моей откровенность, я хочу, чтобы не только дѣйствія, но намѣренія и мысли мои были бы всѣмъ открыты и извѣстны; а потому я прошу васъ передать все мною сказанное всему С.-Петербургскому дворянству, къ составу котораго я и жена моя принадлежимъ, какъ здѣшніе помѣщики, а кромѣ того всѣмъ и каждому».

Сообщ. В. В. Голубцовъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

въ эпоху войны 1855 года.

III [1]).

Событія въ Крыму до отъѣзда князя М. Д. Горчакова въ С.-Петербургъ.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Бакчисарай, 3-го ноября 1855 г.

Всем—шій Г—рь! Вчера я былъ осчастливленъ полученіемъ приказа В. И. В. войскамъ Крымской арміи и высочайшаго рескрипта, которымъ вы изволили меня удостоить.

Приказъ этотъ останется въ нашихъ лѣтописяхъ памятникомъ незабвеннымъ, и внуки воиновъ, удостоившихся столь милостиво, столь живо выраженной признательности великаго Государя къ ихъ самоотверженію—будутъ имъ гордиться.

Выраженія высочайшаго рескрипта, коими В. И. В. меня удостоили, проникнули меня до глубины сердца. Да поможетъ мнѣ Богъ содѣлаться достойнымъ сего неоцѣненнаго знака благоволенія вашего.

Армія сопровождаетъ васъ, Всем—шій Г—рь, своими благословеніями.

Е. и. в. государь в. к. Николай Николаевичъ изволилъ остаться довольнымъ войсками Бельбекскаго отряда. Изъявленное имъ отъ вашего имени благоволеніе ихъ оживило и осчастливило.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 117—130; т. XXXIX, іюль, стр. 195—220, августъ, стр. 299—330.

Изъ военнаго журнала В. И. В. усмотрѣть изволите, что новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что часть Евпаторійскихъ войскъ кажется отплываетъ. Какія это войска: турки ли, посылаемые на подкрѣпленіе Омеръ-пашѣ, или европейцы, коимъ зимовать у Евпаторіи не было бы мѣста, рѣшить еще нельзя. Вѣроятно черезъ нѣсколько дней дѣло разъяснится.

Изъ военнаго бюлетеня 23-го октября, мнѣ по повелѣнію Вашему доставленнаго, видно, что въ теченіе прошедшаго мѣсяца пришло къ французамъ и англичанамъ до 20,000 подкрѣпленія. Трудно согласить это съ намѣреніемъ перенести главныя дѣйствія въ будущемъ году на иной театръ войны. Если союзники заупрямятся въ завоеваніи Крыма, мы заупрямимся тоже въ отстаиваніи этой области; я надѣюсь, что съ Божіею помощію усилія ихъ будутъ тщетны.

Къ расформированію 2-го и 6-го корпусовъ уже приступлено, и отправленіе ихъ кадровъ будетъ исполняться безостановочно, независимо отъ дѣйствій непріятеля, каковы бы онѣ ни были. Скорое возвращеніе ихъ внутрь Россіи есть дѣло первой важности относительно постепенной высылки прочихъ войскъ, предназначенныхъ къ отправленію изъ Крыма; я исполню ее сходно указаніямъ В. И. В., какъ скоро будетъ къ тому предстоять возможность, по нѣкоторомъ разъясненіи намѣреній непріятеля.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

Царское Село, 13-го ноября 1855 года.

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ я, любезный князь, письмо ваше отъ 3-го числа. Приказъ мой Крымской арміи и рескриптъ на ваше имя служатъ лучшимъ доказательствомъ того впечатлѣнія, которое оставило на мнѣ кратковременное посѣщеніе мое Крыма. Еще разъ повторяю вамъ здѣсь мою искреннюю благодарность за то блестящее состояніе, въ которомъ нашелъ я всѣ ввѣренныя вамъ войска. Молю Бога, чтобы Онъ помогъ вамъ положить конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ предпріятіямъ непріятеля.

По всему кажется, что кампанію нынѣшняго года можно считать оконченною, и я весьма радъ, что вы уже приступили къ расформированію 2-го и 6-го корпусовъ, и что кадры ихъ на

дняхъ выступаютъ, согласно моимъ указаніямъ. Надѣюсь, что въ скоромъ времени можно будетъ направить и остальныя войска на зимнія квартиры.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Парижа должно полагать, что мнимое желаніе прямыхъ переговоровъ съ нами кончится ничѣмъ. Между тѣмъ Горчаковъ пишетъ изъ Вѣны, что Австрія, по соглашенію съ Франціею, должна представить намъ родъ **ультиматума**, непринятіе котораго должно повлечь за собою дѣятельное участіе ея въ войнѣ съ нами. Не смотря на то, онъ все таки надѣется, что до этой крайности не дойдетъ. И дай Богъ! ибо иначе положеніе наше сдѣлается къ веснѣ еще болѣе затруднительнымъ.

Вотъ покуда и все. Да хранитъ васъ Богъ. Всѣмъ нашимъ мой поклонъ. **Александръ.**

Всеподданнѣйшія письма князя М. Д. Горчакова.

Бакчисарай, 7-го ноября 1855 г.

Всем—шій Г—рь! Дѣйствій серіозныхъ непріятель теперь не предпринимаетъ. Но изъ представляемой у сего особой записки В. И. В. усмотрѣть изволите, что кажется должно ожидать къ ранней веснѣ большихъ усилій союзниковъ для завоеванія Крыма. Войска Ваши, оживленныя пребываніемъ В. И. В. въ здѣшнемъ краѣ, исполнятъ свой долгъ съ честію. Но весьма важно, чтобы въ началѣ марта, когда непріятель вѣроятно получитъ новыя большія подкрѣпленія, мы могли противопоставить равныя силы. Нужно помышлять о семъ теперь же, и воспользоваться опытомъ нынѣшней весны, чтобы не подводить подкрѣпленій запоздалымъ образомъ. Я еще ничего не придумалъ, но ломаю себѣ голову. Можетъ быть съ будущимъ курьеромъ удастся мнѣ представить В. В. какое-либо соображеніе, достойное Вашего вниманія.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Бакчисарай, 12-го ноября 1855 г.

Всем—шій Г—рь! Тому три дня назадъ мы были обрадованы полученіемъ извѣстія о скоромъ и благополучномъ возвращеніи В. И. В. въ С.-Петербургъ. Армія благословляетъ васъ, Всем—шій Г—рь, за посѣщеніе, коимъ Вы ее удостоили. Пребываніе ваше въ Крыму останется навсегда запечатлѣннымъ въ нашихъ сердцахъ.

Здѣсь новаго только то, что мы удостовѣрились въ прибытіи къ Севастополю новой французской дивизіи Шаслу-Лоба, отъ подполковника и капитана, къ ея составу принадлежащихъ и взятыхъ казаками во время рекогносцировки. Прибытіе новаго войска сего, съ избыткомъ замѣняющаго отплывшую французскую гвардію, есть, кажется, новое доказательство, что союзники остаются при намѣреніи овладѣть Крымомъ, и что предпримутъ на сей конецъ рѣшительную кампанію весною.

Взявъ въ соображеніе: 1) настоящія силы союзниковъ, на полуостровѣ простирающіяся не менѣе какъ до 150,000, 2) что по всѣмъ вѣроятіямъ силы эти значительно увеличатся къ ранней веснѣ, и 3) то, что если бы союзники захотѣли перенести весною главныя дѣйствія на иной театръ войны, операціи ихъ наономъ начнутся гораздо позже, чѣмъ въ томъ случаѣ, если будутъ продолжать главную войну на полуостровѣ: слѣдовательно, въ первомъ предположеніи, часть войскъ изъ Крыма своевременно поспѣетъ на юго-западъ Россіи; принявъ все это во вниманіе, я осмѣлился повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе В. И. В. представляемою у сего особою запискою—мнѣніе мое о выгодахъ оставленія 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій на зиму въ Крыму. Простите великодушно, Всем—шій Г—рь, смѣлость, съ которою я докладываю это мнѣніе. Въ семъ случаѣ — какъ и всегда — я побуждаюсь одною пользою службы В. И. В. и священнымъ долгомъ вѣрноподданнической присяги.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

Царское Село, 21-го ноября 1855 г.

Сегодня отвѣчаю вамъ, любезный князь, разомъ на два письма ваши отъ 7-го и 12-го ноября. Прочитавъ со вниманіемъ записки, приложенныя къ симъ письмамъ, я почти во всемъ согласенъ съ вашимъ взглядомъ на счетъ положенія нашего въ Крыму; но признаюсь, еще не вполнѣ убѣжденъ, чтобы будущей весной союзники возобновили главныя дѣйствія въ Крыму. Я скорѣе полагаю, какъ вамъ уже лично говорилъ въ Бакчисараѣ, что намъ надобно быть готовымъ къ принятію непріятеля со стороны Бессарабіи, ибо дѣйствуя на Дунаѣ, союзники скорѣе могутъ надѣяться завлечь Австрію въ войну съ нами.

Послѣ того, что я вамъ писалъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ, новыхъ свѣдѣній изъ Вѣны мы не получали, но по всему кажется, что Буркене удалось, по возвращеніи своемъ изъ Парижа, вовлечь Австрію въ новыя сѣти. Въ непродолжительномъ времени дѣло это должно разъясниться. Не дай Богъ намъ новой грозы съ этой стороны!

Итакъ возвращаюсь къ главному предмету послѣдней записки вашей, т. е. на счетъ оставленія гренадеръ на зиму въ Крыму. Военный министръ уже васъ увѣдомилъ по телеграфу, что я на это согласенъ, имѣя двѣ цѣли въ виду: 1) сохраненіе здоровья сего отборнаго войска и 2) доставленіе Крымской арміи возможности къ ранней веснѣ быть готовой съ надежными силами встрѣтить союзниковъ на теперешнемъ театрѣ войны. Если же позже главныя дѣйствія откроются со стороны Дуная, то съ помощію перевозочнаго парка надѣюсь, что гренадеры и туда поспѣютъ во-время.

Вамъ должно уже быть извѣстно опасное положеніе здоровья, въ которомъ находится почтеннѣйшій князь Варшавскій, и мы должны ежеминутно готовиться къ мысли его лишиться. Замѣщеніе его слишкомъ важно и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніи и меня крайне затрудняетъ.

Послѣ долгаго размышленія, рѣшаюсь обратиться къ вамъ, любезный князь, съ просьбою принять на себя эту новую обузу. Зная вашъ истинно рыцарскій характеръ, я увѣренъ, что вы мнѣ въ этомъ не откажете и не сомнѣваюсь, что и на семъ новомъ мѣстѣ найду въ васъ, какъ и прежде, того же усерднаго и добросовѣстнаго помощника, котораго незабвенный родитель мой, нашъ общій благодѣтель, умѣлъ цѣнить, отъ всего сердца любилъ и душевно уважалъ. Чувства эти, доставшіяся мнѣ по наслѣдству, для меня святы и вамъ извѣстны.

Если ожидаемое нами несчастіе должно случиться, то увѣдомлю васъ немедленно по телеграфу, и вмѣстѣ съ тѣмъ дамъ приказаніе ген.-ад. Лидерсу отправиться тотчасъ въ Крымъ для принятія отъ васъ начальства надъ крымскою арміею.

Для замѣщенія его въ южной арміи не имѣю никого въ виду, кромѣ генерала Сухозанета. При семъ прилагаю особую записку о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которымъ полагаю дать по сему случаю новыя назначенія. Если, по вашему усмотрѣнію, вы признаете

полезнымъ и нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то предоставляю вамъ представить мнѣ ваши соображенія по сему предмету.

Послѣ нужныхъ совѣщаній съ ген.-ад. Лидерсомъ, сдавъ ему команду, желаю, чтобы вы отправились въ самомъ непродолжительномъ времени къ новому мѣсту вашего назначенія, но черезъ Петербургъ, дабы имѣть случай съ вами лично объясниться о разныхъ важныхъ предметахъ.

Пока не получите телеграфическаго извѣщенія о кончинѣ фельдмаршала, желаю, чтобы содержаніе письма моего оставалось въ совершенной тайнѣ.

Искренно васъ любящій Александръ.

Всеподданнѣйшія письма князя М. Д. Горчакова.

Бакчисарай, 19-го ноября 1855 г.

Всем—шій Г—рь! Я получилъ сегодня по телеграфу милостивое соизволеніе В. И. В. на оставленіе 6-го сапернаго баталіона въ Крыму. Это весьма облегчитъ работы, предстоящія намъ для усиленія укрѣпленій сѣверной стороны Севастополя и для укрѣпленія позицій около Симферополя. Сіи послѣднія считаю я весьма важными. Вѣроятно съ весною непріятель предприметъ сильное наступленіе, противъ котораго должно заблаговременно принять возможныя мѣры.

Погода настала ненастная и дороги замѣтно портятся. Теперь главная забота моя, чтобы подвозы сѣна и топлива для войскъ не останавливались. Въ видахъ облегченія довольствія сѣномъ, которое сопряжено съ большими трудностями, я отослалъ назадъ часть артиллеріи и обозовъ, о чемъ доложитъ В. И. В. военный министръ.

Кадры 2-го и 6-го корпусовъ почти всѣ уже въ походѣ. Не взирая на дурное время, я надѣюсь, что они дойдутъ благополучно. Люди въ нихъ оставлены самые надежные; всѣ снабжены полушубками, и притомъ съ кадрами идетъ много порожняго обоза, что доставитъ возможность облегчить слѣдованіе людей.

Непріятель ничего не предпринимаетъ. Въ послѣднее время мы имѣли нѣсколько удачныхъ поисковъ. Однимъ, при главныхъ силахъ, взяты у французовъ подполковникъ и капитанъ; другимъ,

противъ Евпаторіи, взятъ турецкій капитанъ; наконецъ третьимъ, на южномъ берегу, схваченъ французскій передовой постъ изъ десяти человѣкъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Бакчисарай, 26-го ноября 1855 г.

Всем—шій Г—рь! Повергаю къ стопамъ В. И. В. чувства глубочайшей благодарности моей за столь милостивое письмо Ваше отъ 13-го сего мѣсяца, и за столь лестное обо мнѣ воспоминаніе Ихъ Имп—хъ Вел—въ.

Кампанія рѣшительно кончена; непріятель и мы хлопочемъ теперь только о томъ, какъ укрыться отъ непогоды, и какъ подвозить продовольствіе при теперешнемъ непроходимомъ состояніи дорогъ. Гренадеры—оставленные въ Крыму, по милостивому разрѣшенію Вашему, что̀ весьма выгодно въ видахъ ранней весенней кампаніи — выступили уже изъ прежнихъ квартиръ своихъ, и на дняхъ будутъ довольно удобно размѣщены. Теперь приготовляется отправленіе резервной уланской дивизіи и кадровъ 14-й пѣхотной; о самомъ времени ихъ выступленія я буду имѣть счастіе всеподданнѣйше донести вслѣдъ за симъ.

О предположеніяхъ моихъ на счетъ дѣйствій будущаго года я пишу въ подробности военному министру, который доложитъ объ нихъ В. И. В.

Мы были очень огорчены извѣстіемъ о смерти графа Віельгорскаго; онъ былъ ревностный и достойный исполнитель благодѣтельныхъ намѣреній Государыни Императрицы.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, и проч.

Бакчисарай, 2-го декабря 1855 г.

Всем—шій Г—рь! Письмо В. И. В. отъ 21-го ноября я имѣлъ счастіе получить 30-го того же мѣсяца.

Милостивыя и лестныя выраженія, коими вы изволите (извѣщать?) меня о новой предстоящей мнѣ должности, меня совершенно осчастливили. Да поможетъ мнѣ Богъ оправдать выборъ В. И. В.!

Трудно предугадать какое главное направленіе союзники возьмутъ въ будущемъ году. Судя по огромнымъ силамъ, оставленнымъ ими въ Крыму, можно думать, что первыя усилія ихъ будутъ на полуостровѣ. Здѣсь ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, устанавливается весна;

надежда овладѣть Крымомъ едва ли не болѣе польститъ союзникамъ, чѣмъ надежда временнаго занятія Бессарабіи и даже взятія Измаила. Изъ полуострова ихъ будетъ крайне трудно выбить, если они его разъ возьмутъ: прогулка въ Бессарабіи не представитъ равныхъ выгодъ, ибо на зиму мы все-таки ихъ выгонимъ. Мнѣ кажется, что они рѣшатся на серьезныя дѣйствія со стороны Бессарабіи только въ томъ случаѣ, если будутъ совершенно увѣрены въ Австріи; иначе послѣдняя можетъ, по нѣкоторомъ углубленіи ихъ въ край, поступить въ отношеніи къ нимъ точно также, какъ поступила въ отношеніи къ намъ въ прошломъ году, т. е. парализировать ихъ дѣйствія угроженіемъ съ тылу.

На счетъ различныхъ назначеній, В. И. В. указываемыхъ, осмѣливаюсь доложить слѣдующее:

1) Я полагаю генерала Бутурлина болѣе способнымъ для должности генералъ-квартирмейстера, чѣмъ генералъ-адъютанта Фролова, и посему желалъ бы удержать его генералъ-кварт—мъ дѣйствующей арміи.

2) По моему мнѣнію, гораздо лучше начальникомъ штаба южной арміи былъ бы ген.-ад. князь Васильчиковъ.

3) Генералъ Монтрезоръ старше генерала Гротенгельма и не смѣю сказать, былъ ли бы онъ хуже для командованія 5-мъ корпусомъ. При назначеніи генералъ-лейтенанта Врангеля командиромъ 2-го резервнаго, кажется, было бы справедливо назначить Монтрезора сенаторомъ. Онъ служитъ весьма давно и съ честію.

Доводя до свѣдѣнія В. И. В. объ этихъ предположеніяхъ моихъ, всеподданнѣйше докладываю, что на счетъ предположенія о назначеніи князя Васильчикова я не знаю мнѣнія генерала Сухозанета, такъ какъ Вамъ благоугодно было, всем—шій г—рь, повелѣть хранить дѣло впредь до времени въ совершенной тайнѣ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, и проч.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ, 11-го декабря 1855 г.

На письмо ваше, любезный князь, отъ 26-го ноября, я вамъ не отвѣчалъ, ибо мнѣ нечего было писать; но военный министръ васъ уже увѣдомилъ, что я предварительно совершенно одобряю предположенія ваши на счетъ дѣйствій будущаго года. Ранняя

весенняя кампанія въ Крыму, по огромности силъ непріятельскихъ, тамъ оставленныхъ на зиму, весьма вѣроподобна, и потому намъ необходимо быть къ тому готову, но ручаться никакъ нельзя, чтобы позже союзники не предприняли чего нибудь и со стороны Бессарабіи, въ особенности, если Австрія рѣшительно приметъ ихъ сторону.

На дняхъ мы должны получить изъ Вѣны новыя предложенія или условія для мирныхъ переговоровъ, предварительно соображенныя съ требованіями враговъ нашихъ. Онѣ намъ еще не извѣстны, но по всему тому, что до насъ доходитъ съ разныхъ сторонъ, хорошаго ничего ожидать нельзя. Непринятіе ихъ, вѣроятно, повлечетъ за собою сначала прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Австріею, а потомъ и окончательный разрывъ, хотя доселѣ продолжающіяся уменьшенія въ австрійской арміи, повидимому, не доказываютъ, чтобы она готовилась къ военнымъ дѣйствіямъ противъ насъ.

Изъ всего этого заключить должно, что къ веснѣ положеніе наше будетъ весьма критическое, и что намъ должно готовиться къ худшему, но я уповаю, какъ всегда, на милость Божію и надѣюсь, что Онъ насъ не оставитъ.

Совѣсть моя чиста, ибо все, что можно было сдѣлать, дабы показать врагамъ нашимъ, что мы готовы вступить съ ними въ новые переговоры, на честныхъ основаніяхъ, нами исполнено. Мы дошли до нельзя возможнаго и согласнаго съ честью Россіи. Унизительныхъ же условій я никогда не приму и увѣренъ, что всякій истинный русскій будетъ чувствовать, какъ я.

Намъ остается, перекрестившись, идти прямымъ путемъ, т. е. общими и единодушными усиліями отстаивать родной край и родную честь.

На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки!

Искренно благодарю васъ, любезный князь, за готовность, съ которою, въ письмѣ вашемъ отъ 2-го декабря, вы принимаете новое назначеніе, которое я имѣю въ виду на васъ возложить; но покуда крѣпкая натура почтеннаго фельдмаршала еще борется съ тяжкою болѣзнію, и теченіе дѣлъ, хотя и не безъ затрудненій, идетъ прежнимъ порядкомъ.

На сохраненіе ген.-лейт. Бутурлина въ должности генералъ-

квартирмейстера при васъ — я согласенъ, равно и на назначеніе ген.-ад. князя Васильчикова начальникомъ главнаго штаба южной арміи, если генералъ Сухозанетъ не предпочтетъ кого-либо иного, о чемъ и разрѣшаю васъ съ нимъ объясниться теперь же, не разглашая однако же тайны для другихъ.

Ген.-ад. Фролову и генералу Монтрезору предоставляю себѣ дать другое назначеніе.

Донесенія ваши о послѣднихъ удачныхъ набѣгахъ прочелъ я съ большимъ удовольствіемъ.

Дурныя дороги въ Крыму меня крайне озабочиваютъ для доставленія фуража, но я надѣюсь, что вы найдете средство преодолѣть эти затрудненія.

Я долженъ еще разъ обратить вниманіе ваше на Керчь,—не признаете ли вы возможнымъ предпринять что-либо съ этой стороны.

Сдача Карса есть дѣло весьма важное, ибо оно снова упрочило владычество наше за Кавказомъ. Въ Мингреліи не полагаю, чтобы Омеръ-паша могъ далѣе углубиться въ край, ибо дороги въ эту пору года непроходимы и отрядъ нашъ усиленъ новыми войсками. Вотъ покуда и все.

Искренно васъ любящій Александръ.

Всеподданнѣйшія письма князя М. Д. Горчакова.

Бакчисарай, 9-го декабря 1855 г.

Всем—шій Государь! Повергаю къ стопамъ В. И. В. чувства глубокой благодарности ввѣренныхъ мнѣ войскъ за новую милость, В. В. имъ оказанную дарованіемъ не зачетнаго полугодоваго жалованья фронтовымъ штабъ-и оберъ-офицерамъ частей, находящихся въ Крыму.

Покореніе Карса есть дѣло весьма важное. Оно можетъ увеличить у нашихъ враговъ желаніе обратиться къ миру, показавъ имъ сколь тщетны ихъ надежды на большіе успѣхи въ Азіи съ открытіемъ будущей кампаніи. Стойкость генерала Муравьева и кавказскихъ войскъ, не оставившихъ блокаду Карса послѣ отраженнаго штурма, дѣлаетъ большую честь русскому оружію.

Здѣсь ничего новаго. Настали довольно сильные холода и выпало много снѣгу. Главная забота моя теперь въ томъ, чтобы извороTиться съ сѣномъ. Въ видахъ облегченія фуражнаго довольствія на полуостровѣ, въ продолженіи зимы, я перевожу вре-

менно за Перекопъ бригаду 2-й драгунской дивизіи и направлю за Днѣпръ стоящую тамъ бригаду 4-й легкой кавалерійской. Объ этомъ и объ уменьшеніи лошадей на полуостровѣ во время зимы, другими распоряженіями, военный министръ доложитъ Вамъ, всем—шій государь.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, и проч.

Бакчисарай, 15-го декабря 1855 г.

Всем—шій Г—рь! Повергаю къ стопамъ В. И. В. поздравленіе ввѣренной мнѣ арміи съ наступающимъ новымъ годомъ и готовность ея съ радостію сражаться и жертвовать жизнію за обожаемаго нами Государя.

Здѣсь ничего новаго. Морозъ поправилъ дороги, и подвозы, хотя медленно, начали дѣлаться съ нѣкоторымъ успѣхомъ.

Болѣзненность въ войскахъ нѣсколько усиливается, но не въ большой соразмѣрности. Непріятели—и что замѣчательно, въ особенности—французы терпятъ отъ дурной погоды и холода. Одинъ бѣглый далъ намъ странное извѣстіе будто Пелисье отправился во Францію, а мѣсто его заступилъ генералъ Куртижи; впрочемъ свѣдѣніе это требуетъ подтвержденія.

На дняхъ выбросило одно транспортное судно въ бухту подъ наши батареи. Мы сожгли его съ нѣсколькихъ выстрѣловъ.

Военный министръ доложитъ Вамъ, всем—шій г—рь, о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, по моему мнѣнію полезныхъ ко введенію въ нашу тактику. Я при этомъ въ особенности старался угадать виды В. И. В., клонящіеся къ тому, чтобы по возможности упростить уставы. Предположенія сдѣланы въ двухъ видахъ: для 16-ти и для 12-ти баталіонныхъ дивизій, въ томъ вниманіи, что В. И. В благоугодно было выразить мнѣ предположеніе имѣть со временемъ пѣхотные полки только въ три дѣйствующіе баталіона, каковой составъ, кажется, выгоднѣе четырехъ баталіонныхъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, и проч.

Императоръ Александръ II—князю М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ, 25-го декабря 1855 г.

Всѣ распоряженія ваши, любезный князь, о которыхъ вы мнѣ пишете въ письмѣ вашемъ отъ 9-го декабря, я вполнѣ одобряю.

Радуюсь, что наступившіе морозы немного поправили дороги для подвоза нужнаго продовольствія. Но изъ письма вашего отъ

16-го числа вижу я съ прискорбіемъ, что болѣзненность въ войскахъ вновь стала усиливаться. Прошу васъ обратить особенное вниманіе ген.-ад. Лидерса на этотъ важный предметъ, который постоянно составляетъ вашу главную заботу.

По телеграфу я уже знаю, что онъ выѣхалъ изъ Одессы и потому надѣюсь, что на дняхъ вамъ можно будетъ, ознакомивъ его со всѣми подробностями, относящимися до крымской арміи, передать ему команду и отправиться немедленно сюда.

Жду пріѣзда вашего съ нетерпѣніемъ, ибо положеніе фельдмаршала дѣлается со дня на день опаснѣе, и отъ временнаго управленія какъ военною, такъ и гражданскою частью въ Царствѣ проистекаетъ много неудобствъ, которымъ пора положить конецъ.

На австрійскія условія объ основаніяхъ для мирныхъ переговоровъ невозможно было вполнѣ согласиться, и мы отвѣчали новыми предложеніями, составляющими крайній предѣлъ уступкамъ нашимъ. Дай Богъ, чтобы онѣ могли имѣть желаемый успѣхъ, ибо иначе положеніе наше сдѣлается самое затруднительное, — уповаю и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, на милость Божію!

Если письмо мое застанетъ васъ еще въ Крыму [1]), то прошу передать молодцамъ нашимъ мое поздравленіе съ новымъ годомъ. Я имѣю полную довѣренность къ испытанной стойкости ихъ, и не сомнѣваюсь, что если суждено имъ будетъ вновь сразиться съ врагами, они оправдаютъ мои надежды.

Да благословитъ васъ Богъ.

Искренно васъ любящій Александръ.

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 30-го декабря 1855 г. изъ Бакчисарая, князь Горчаковъ доносилъ Государю:

«Отъѣзжая изъ Крыма, я передаю генералу Лидерсу армію, закаленную въ бояхъ, съ полнымъ упованіемъ, что и въ будущемъ она оправдаетъ ожиданія В. И. В. и тѣ милости, коихъ Вы изволили ее удостоить».

«Грустно мнѣ съ нею разстаться, но утѣшаюсь надеждою, что въ Польшѣ Богъ поможетъ мнѣ оправдать довѣренность Вашу, всемилостивѣйшій Государь».

Къ сожалѣнію, событія 1861 года не оправдали доблестныхъ надеждъ князя Горчакова. Результаты его дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ также дорого обошлись Россіи, какъ и бездѣйствіе въ Дунайскихъ княжествахъ 1853—1854 гг. и, увы, печальная предпріимчивость 4-го августа 1855 г. подъ Севастополемъ. Ред.

ГОРЫ-ГОРЕЦКАЯ КАТАСТРОФА

22-го—23-го апрѣля 1863 года.

Воспоминанія очевидца.

I.

Предлагаемый разсказъ записанъ мною со словъ ученаго управляющаго Александра Людовиковича Гейнриха, живущаго (въ 1880 г.) въ имѣніи моей жены. Гейнрихъ, въ описываемую эпоху, т. е. въ 1863 г., былъ воспитанникомъ Горы-горецкаго заведенія, которое въ его время состояло изъ фермы, земледѣльческой школы и земледѣльческаго института. Оба учебныя заведенія были четырехъ-курсныя и разскащикъ въ то время находился на третьемъ курсѣ школы. Кромѣ того при Горы-горецкомъ институтѣ за годъ или за два до этого, т. е. въ 1861 или 1862 году (Гейнрихъ навѣрное не помнитъ), были открыты особые таксаторскіе классы и это обстоятельство, какъ увидитъ впослѣдствіи читатель, имѣло особое и чрезвычайно важное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію этихъ событій, я считаю своею обязанностію сдѣлать нѣсколько оговорокъ. Лично я мало знакомъ съ Сѣверо-Западнымъ краемъ и еще менѣе съ тѣмъ, что въ немъ совершалось въ эту знаменательную эпоху, а газетныя извѣстія того времени были сбивчивы и часто или вовсе не упоминали о событіяхъ, хотя важныхъ, но неблагопріятныхъ для насъ, или намѣренно искажали факты [1]).

---

[1]) Въ этомъ отношеніи я ссылаюсь на профессора Ник. Вас. Берга: „Польское возстаніе 1863—1865 гг.“, въ изд. „Русская Старина“ 1879 г.

С. К.

Вотъ почему я лишенъ возможности провѣрить критически разсказъ Гейнриха, предоставляя это людямъ болѣе компетентнымъ. Кромѣ того во время катастрофы въ Горкахъ, Гейнрихъ, какъ я уже говорилъ выше, былъ только ученикомъ 3-го класса школы и, имѣя дѣло съ правильно организованнымъ и крѣпко замкнутымъ кружкомъ поляковъ-воспитанниковъ высшихъ классовъ, руководимыхъ такими людьми, какъ ксендзъ Монюшко и профессоръ, исправлявшій должность инспектора, Жабенко, не могъ проникнуть во всѣ подробности этой сложной интриги; и наконецъ, по его собственному выраженію, какое нибудь улучшеніе въ плугѣ или экстирпаторѣ Говаруа въ то время его интересовали несравненно болѣе всякихъ политическихъ и общественныхъ событій. Затѣмъ не слѣдуетъ забывать, что нападенію на Горки ужъ скоро минетъ 17 лѣтъ, что мелкіе аксессуары событія могутъ изгладиться изъ памяти и что вообще безусловной точности отъ разсказа Гейнриха требовать нельзя, а достаточно довольствоваться имъ, если въ главныхъ чертахъ онъ окажется вѣренъ. Въ этомъ я, впрочемъ, не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться.

Перехожу къ самому разсказу.

II.

Учрежденіе таксаторскихъ классовъ, говоритъ Гейнрихъ, чрезвычайно упростило задачу поляковъ и полонофиловъ, а именно слѣдующимъ образомъ: подъ вновь учрежденные классы начальство распорядилось отвести главный корпусъ, который до тѣхъ поръ занимали студенты института, а послѣднихъ отпустило на вольныя квартиры въ городъ Горки, отстоящій отъ заведенія въ какой-нибудь четверти верстѣ. Такой новый порядокъ въ то время для насъ, непосвященныхъ, былъ не совсѣмъ понятенъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, нѣсколько потѣснившись, можно было помѣстить таксаторскіе классы, на первое время очень немноголюдные, въ самомъ заведеніи, не изгоняя оттуда его исконныхъ жильцовъ; во-вторыхъ, размѣщеніе студентовъ въ жидовскомъ городишкѣ (въ Горкахъ до 5,000 жит., преимущественно евреевъ) освобождало ихъ отъ всякаго начальническаго надзора. Но именно это-то и требовалось для Жабенко съ братіею: съ одной стороны они отдавали молодежь, по преимуществу изъ поляковъ (человѣкъ до 120), въ искусныя руки ксендза Монюшко и ближайшихъ пановъ, изъ которыхъ самымъ вліятельнымъ былъ

Тихановецкій, владѣлецъ мѣстечка Дрыбино [1]), въ томъ разумѣется убѣжденіи, что такіе опытные руководители съумѣютъ направить ее къ желанной цѣли,—съ другой, если бы дѣло не выгорѣло, и заговоръ сдѣлался извѣстенъ высшимъ властямъ, институтскому начальству все-таки оставалась лазейка, правда, не совсѣмъ благовидная: «мы-де не могли имѣть ближайшаго надзора за поведеніемъ и связями студентовъ на ихъ частиыхъ квартирахъ».

Какъ видите, разсчетъ былъ довольно вѣренъ. Все это сдѣлалось намъ чрезвычайно ясно, но разумѣется только послѣ взрыва. Правда, и до событія 22-го и 23-го апрѣля людямъ, болѣе опытнымъ, можно было догадываться о многомъ, такъ какъ студенты, не стѣсняясь, говорили о русскомъ и другихъ захватахъ, трактовали о стародавней Польшѣ Собіесскихъ и Баторіевъ, отъ Данцига до Хотина и отъ Карпатъ до Смоленска съ Кіевомъ включительно, но все это не только намъ, а даже и администраціи края въ то время представлялось увлеченіемъ молодежи, которое не могло имѣть серьозныхъ послѣдствій.

Администраторы были въ особенности въ этомъ увѣрены, такъ какъ находились ловкіе люди и по преимуществу прекрасныя дамы, (о всемъ этомъ я узналъ ужъ впослѣдствіи), которыя безпрестанно твердили имъ, что самостоятельное существованіе Польши не мыслимо послѣ разгрома 1831 года, что послѣдній часъ ея существованія пробилъ на окопахъ Воли, что наконецъ люди даже польской національности въ высшей степени довольны отеческимъ управленіемъ ихъ превосходительствъ и т. д. и т. д., что это просто ничтожный отголосокъ, столь же ничтожныхъ демонстрацій въ Царствѣ Польскомъ, выражающихся гимнами, чамарками и конфедератками, а наконецъ, что предпринимать противъ такихъ пустяковъ какія бы то ни было репрессивныя мѣры значило бы не только рисковать своею репутаціею, но и констатировать несуществующій фактъ. Все это только мыльный пузырь, продолжали добрые друзья: молодой умъ, что молодое вино—побродитъ и устоится; крупныя мѣры, наоборотъ, могутъ все испортить. Въ томъ же духѣ, при надобности, о польскомъ элементѣ доносило кому слѣдуетъ и наше непосредственное начальство. Кстати вотъ тогдашній составъ его: Траутфетеръ—директоръ, Жабенко—профессоръ лѣсоводства, исправляющій должность инспектора, далѣе профессора Венсковскій, Гинцель, Выбрановскій, Цѣлинскій и проч., фамилій которыхъ не припомню, то есть или

[1]) Мѣстечко это въ 20-ти верстахъ отъ Горокъ. С. К.

поляки, или полонизированные нѣмцы. Кто былъ тогда инвалидный начальникъ въ городѣ тоже не упомню, но послѣдствія доказали, что онъ не только былъ солидаренъ съ дѣломъ повстанцевъ, но даже по возможности содѣйствовалъ успѣшному нападенію на Горки и институтъ.

Нужно замѣтить, что вѣсти изъ Польши доходили до кого слѣдуетъ въ Горкахъ съ необыкновенною быстротою. Событія въ Ендржѣевѣ, Еульнѣ, Сточекѣ, занятіе Бялъ и т. п. передавались изъ устъ въ уста, разумѣется, въ самомъ преувеличенномъ видѣ; и вѣрно тогда же, т. е. въ январѣ или началѣ февраля 1863 г., произошла знаменитая присяга въ Горецкомъ костелѣ, гдѣ ксендзъ Монюшко, окруженный паствою, клялись стоять до послѣдней капли крови за свободу «ойтчизны»; большинство паствы составляла разумѣется наша молодежь. Это великое событіе было тогда же увѣковѣчено фотографическими карточками, которыя впослѣдствіи попали, или вѣрнѣе должны были попасть, въ руки слѣдственной коммисіи. Казалось невѣроятнымъ, чтобы все это происходило въ уѣздномъ городѣ на самой сѣверной окраинѣ Бѣлоруссіи, въ 90-ти верстахъ отъ Смоленска, подъ двойнымъ наблюденіемъ мѣстной полиціи и нашего начальства, а между тѣмъ фактъ остается фактомъ. Въ февралѣ все ежедневно ожидало нападенія и, не смотря на это, не принято было никакихъ мѣръ предупредить его, никто не думалъ готовиться къ отпору. Какъ бы то ни было, нападеніе въ февралѣ не состоялось; причину этого объясняли различно: кто говорилъ, что повстанцы намѣренно распустили этотъ слухъ въ качествѣ ballon d'essai, чтобы узнать, какого рода встрѣча ихъ ожидаетъ въ Горкахъ, когда придетъ время осуществить задуманный планъ; другіе утверждали, что пришло изъ Варшавы какое то предписаніе, въ виду высшихъ соображеній, временно затормозить дѣло. Носились и такіе слухи, будто бы пламя возстанія должно одновременно охватить весь сѣверо-западный край, но что въ февралѣ не все и не вездѣ было готово. Лица, стоявшія за послѣднее мнѣніе, кажется, угадали вѣрнѣе другихъ, если принять въ расчетъ, что покушенія графа Плятера и Моля, близь Креславки, по времени совпадали съ нашею катастрофою.

Вообще разнорѣчивыхъ слуховъ въ то время носилось такъ много, что трудно было различить правду отъ неправды, истину отъ вымысла. А между тѣмъ пропагандисты, подъ шумокъ, работали дѣятельно, сносясь съ кѣмъ слѣдуетъ посредствомъ еврейчиковъ и уговаривая нашу молодежь стать за святое дѣло свободы, ради общаго блага: «мы не противъ васъ—нашихъ братьевъ по крови, дѣтей одной

великой славянской семьи, твердили они, наоборотъ, пріобрѣтя себѣ свободу, мы добудемъ ее и вамъ; у насъ одинъ общій врагъ—правительство»... Къ чести русской и латышской молодежи, сочувствующихъ дѣлу поляковъ между нею не оказалось. Благодаря иностраннымъ отчеству и фамиліи, поляки особенно настойчиво приставали ко мнѣ, но до того-ли было небогатому юношѣ, желавшему проложить себѣ дорогу, время котораго, кромѣ научныхъ занятій, посвящалось всецѣло завѣдыванію нѣкоторою частію нашей пожарной команды [1]).

Видя свой неуспѣхъ, проповѣдники свободы оставили насъ, наконецъ, въ покоѣ. Такъ кончился февраль; мартъ прошолъ тоже тихо, даже и слухи изъ Царства перестали доноситься до насъ. Апрѣль наступилъ при условіяхъ, еще болѣе успокоительныхъ; поляки не только, какъ я уже говорилъ выше, перестали пропагандировать, но даже, когда съ ними заговаривали о возстаніи, отвѣчали, что все это «глупость и вздоръ». Вообще они сдѣлались не сообщительны, какъ то уединились, собираясь лишь въ замкнутые, недоступные для насъ, кружки, или сходились у Монюшко и Жабенко. Въ ихъ разговорахъ иногда слышалась фамилія Топоръ, для насъ незнакомая, а потому мы имѣли основаніе предполагать, что рѣчь идетъ о какомъ нибудь довудцѣ Царства Польскаго и конечно не воображали, что чрезъ нѣсколько дней намъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, придется лично познакомиться съ особою, носящею эту дѣйствительную или принятую фамилію. Вообще спокойствіе возстановилось полное, но это было затишье передъ грозою.

Около двѣнадцатаго числа апрѣля случилось слѣдующее: начальникъ инвалидной команды отправилъ подъ какимъ то болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ своего фельдфебеля, котораго, какъ тогда говорили, онъ будто бы опасался, въ Могилевъ, и затѣмъ, отобравъ у команды боевые патроны, сложилъ ихъ въ цейхгаузъ, а солдатъ размѣстилъ по частнымъ квартирамъ въ городѣ.

Чѣмъ мотивировалъ офицеръ свое оригинальное распоряженіе, спертымъ-ли воздухомъ, вреднымъ для команды въ гигіеническомъ отношеніи, необходимостію-ли передѣлокъ или чѣмъ инымъ—не знаю, вообще всѣ эти мелкія подробности я давно успѣлъ забыть. Какъ-бы

---

[1]) Не могу не сказать нѣсколько словъ о нашей пожарной командѣ. Завѣдываніе ею было раздѣлено между воспитанниками. А бо́льшая или меньшая скорость появленія на мѣстѣ пожара составляла даже предметъ соревнованія. Горецкія пожарныя трубы оказали не одну услугу не только сосѣднимъ селеніямъ, но и городу Горкамъ, въ которомъ пожарная часть блистала лишь своимъ отсутствіемъ. С. К.

то ни было народъ былъ распущенъ и въ сборной оставалось человѣка четыре обезоруженныхъ хлѣбопековъ и кашеваровъ, да передъ зданіемъ одинъ часовой. При такихъ условіяхъ, исключавшихъ всякую мысль о сопротивленіи или даже защитѣ, застало насъ 22 апрѣля.

III.

Въ этотъ день, послѣ обѣда, отпросился я съ однимъ товарищемъ (изъ русскихъ) въ Горки. Городъ показался намъ какъ то необыкновенно пустъ. Кой-гдѣ встрѣтятся два—три студента-поляка, о чемъ-то серьозно и тихо разговаривающіе между собою, или торопливо шмыгнетъ черезъ дорогу какъ будто чѣмъ озабоченный жидокъ (евреи отлично знали чего и когда ожидать), да пройдетъ безоружный солдатъ. Больше никого нельзя было встрѣтить, даже многія лавки были заперты; все сидѣло по домамъ, казалось, въ чаяніи какого-то общественнаго бѣдствія. Закусивъ гдѣ слѣдуетъ для дополненія скуднаго школьнаго обѣда, мы отправились къ знакомымъ, у котораго пробыли до поздняго вечера, и лишь часу въ двѣнадцатомъ, по необыкновенной темнотѣ кое-какъ пробрались въ дортуары. Тамъ еще многіе не спали. Раздѣвшись поспѣшно, я легъ, но мнѣ что-то не спалось; не спалось и сосѣду моему по койкѣ, мальчику лѣтъ 16 ти; онъ долго безпокойно вертѣлся на своемъ ложѣ, наконецъ, не вытерпѣлъ и кликнулъ меня полушопотомъ:

«Генрихъ».

— Что?

«Спишь?»

— Нѣтъ.

«Знаешь, у насъ что-то сегодня не ладно»...

— А что именно?

«Да вотъ, недавно приходилъ Жабенко, спрашивалъ всѣ-ли вернулись изъ города; ему стали пересчитывать, что вотъ тебя нѣтъ, такого-то, такого-то... А сзади кто-то и крикни: поляки не вернулись [1]). «Всѣ не вернулись?» спросилъ Жабенко. Всѣ до одного, былъ отвѣтъ. «Ну и прекрасно, проговорилъ онъ, до этихъ мнѣ дѣла нѣтъ». Какъ ты думаешь, къ чему это онъ спрашивалъ о полякахъ?

— Самъ полякъ, такъ о полякахъ и заботится, отвѣчалъ я. На этомъ прервался нашъ разговоръ, но тѣмъ не менѣе, оба мы заснуть не могли. Сосѣдъ мой присѣлъ ко мнѣ на кровать, желая вѣроятно

---

[1]) Поляковъ въ 3-мъ классѣ школы было человѣкъ 12.

еще поговорить со мною, но тутъ-же замѣтилъ, что на столикѣ лежитъ связка баранокъ, купленная мною въ Горкахъ.

«Генрихъ», взмолился онъ, «насъ кормили сегодня за ужиномъ такою дрянью,—я до смерти голоденъ, подѣлись пожайлуста баранками».

— Кушай на здоровье.

Юноша не заставилъ себя просить, но видно сухіе баранки застревали въ горлѣ; уничтоживъ нѣсколько штукъ, онъ пошелъ за водою. Нужно замѣтить, что дортуары наши занимали второй этажъ, а вода, въ очистительной машинкѣ, стояла обыкновенно внизу въ передней, у парадной лѣстницы, всегда освѣщенной. Черезъ двѣ—три минуты возвратился товарищъ, страшно взволнованный и блѣдный.

«Боже мой, что у насъ дѣлается, Гейнрихъ, заговорилъ бѣдняга трепещущимъ голосомъ — вообрази, только что я сталъ наливать кружку, слышу, идутъ люди—знаешь—такимъ шагомъ, какъ солдаты ходятъ... Я притаился у окна и что же вижу: четыре человѣка съ ружьями прошли около самаго дома къ воротамъ».

Я старался насколько возможно успокоить бѣднаго молодого человѣка, но признаться—самъ былъ далеко не покоенъ, и ужъ окончательно не могъ заснуть.

Часы пробили два. Еще не замеръ звукъ второго удара, какъ былъ поглощенъ другимъ отрывистымъ рѣзкимъ звукомъ, глухо раздавшимся въ ночной тишинѣ. Я вскочилъ съ постели и сначала не могъ отдать себѣ отчета—въ чемъ дѣло: то мнѣ казалось, что упала одна изъ ночныхъ лампъ, то... но вотъ другой тоже такой же звукъ разъяснилъ мое недоумѣніе, — ясно, это выстрѣлъ. Подойдя къ окну, я увидѣлъ, въ той части города, гдѣ солдатская сборная, пожаръ, и черезъ какую-нибудь минуту другой столбъ пламени взвился надъ крышей казначейства. Послышались частые ружейные выстрѣлы.

Мгновенно мы были на ногахъ и, одѣвшись съ возможною поспѣшностью, бросились внизъ по лѣстницѣ, куда, зачѣмъ,—объ этомъ никто не подумалъ. Къ счастію встрѣтился директоръ. «Что вы дѣлаете, господа», остановилъ онъ насъ, «вернитесь, не смѣйте выходить, любопытный въ настоящемъ горестномъ случаѣ рискуетъ жизнію. О сопротивленіи не можетъ быть и рѣчи; они вооружены и ихъ много, а мы безъоружны. Одна безъусловная покорность можетъ сохранить намъ жизнь, а государству—это прекрасное заведеніе».

Раздалось нѣсколько отвѣтныхъ голосовъ: «да помилуйте, мы ихъ каменьями закидаемъ, у насъ этого добра-то не мало заготовлено!» «Извольте не разсуждать, а слушаться», строго отвѣтилъ намъ ди-

ректоръ. «Развѣ вы не понимаете, что городъ въ рукахъ непріятеля и весь институтъ оцѣпленъ».

Нужно было повиноваться. Молча вернулись мы на верхъ, но тамъ я усидѣть рѣшительно не могъ. Пламя пожара, выстрѣлы, набатъ страшно раздражали мнѣ нервы и подстрекали любопытство. Потихоньку, не замѣтно даже для товарищей, я выбрался изъ дома и пошелъ къ воротамъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ меня остановилъ окликъ: «ни съ мѣста, или пуля въ лобъ». Въ воротахъ стояло четыре человѣка, вѣроятно тѣ самые, которыхъ видѣлъ мой товарищъ, и четыре ружья были направлены противъ меня. Съ людьми, подкрѣпляющими свои требованія аргументами въ родѣ дула заряженнаго ружья, въ пререканія вступать не приходилось; я тотчасъ бросился назадъ, стараясь при этомъ держаться въ тѣни ближе къ зданіямъ или насажденіямъ, потому что на дворѣ у насъ, благодаря пожарамъ, было довольно свѣтло.

Я понималъ всю опасность, весь рискъ, сопряженные съ попыткою пробраться въ городъ, но желаніе увидѣть въ очію все, что тамъ происходитъ,—назовите это пожалуй любопытствомъ,—превозмогло страхъ. Рѣшившись проникнуть въ городъ, я старался и успѣлъ незамѣтно достигнуть вала, густо засаженнаго акаціями. Пробѣжавъ затѣмъ такъ называемую Марьину рощу, я очутился въ городѣ.

Пробираясь съ возможною осторожностію у стѣнъ, прячась за углами, не успѣлъ я сдѣлать и сотни шаговъ, какъ какой-то негодяй послалъ мнѣ, вѣроятно въ качествѣ привѣтствія, пулю, а затѣмъ пролетѣла и другая. Не ожидая такого пріема, я со всѣхъ ногъ бросился къ благодѣтельной рощѣ, при чемъ третья пуля, пущенная въ догонку, пробила край моей фуражки. Тѣмъ не менѣе, я прежнимъ путемъ чрезъ рощу и валъ благополучно добрался до школы и только тамъ, въ дортуарѣ, среди товарищей, первый разъ покойно перевелъ духъ, при чемъ почувствовалъ себя совершенно излеченнымъ отъ недуга, именуемаго любопытствомъ.

IV.

Между тѣмъ вотъ что̀ происходило въ городѣ. Шайка инсургентовъ, по большей части пѣшихъ, человѣкъ въ полтораста, подъ предводительствомъ какого-то То̀пора (не онъ-ли и Жиржинскій 2-й?), войдя часу во второмъ утра въ Горки и принявъ въ свои ряды нашихъ блудныхъ чадъ студентовъ-поляковъ, раздѣлилась на три части: одна направилась къ сборной, другая въ казначейство, а третья оцѣпила наше зданіе.

было пригодно: запасными ружьями, новою амуницiею, патронами и т. п.

Вторая толпа, направившаяся къ казначейству, которое помѣщалось въ частномъ домѣ баронессы Бремзенъ, убила часовыхъ и, завладѣвъ суммами, подожгла зданiе. Согнавъ затѣмъ выстрѣлами съ колокольни людей, бившихъ въ набатъ, часть повстанцевъ размѣстилась на перекресткахъ для того, чтобы обстрѣливать улицы и такимъ образомъ не дать обывателямъ возможности тушить пожаръ. Съ другой стороны эта-же продольная стрѣльба мѣшала нашимъ солдатамъ, разсѣяннымъ на квартирахъ во всемъ городѣ, сплотиться въ массы. Не прими поляки сказанной предосторожности, очень не мудрено, что 200 рѣшительныхъ человѣкъ, соединившись, даже безъ огнестрѣльнаго орудiя, одними штыками, могли измѣнить положенiе дѣла.

Покончивъ съ важнѣйшимъ, Тòпоръ вспомнилъ о начальникѣ инвалидной команды, мирно сидѣвшемъ на своей квартирѣ, подъ охраной двухъ часовыхъ; ихъ всѣхъ трехъ арестовали и даже связали; послѣднее сдѣлано едва-ли не по желанiю самого офицера,—единственно для сохраненiя приличiй.

Затѣмъ шайка направилась къ институту. Но до ея прихода у насъ дѣло не обошлось безъ крови. Изъ двухъ больничныхъ служителей одинъ самовольно отлучился. Услышавъ суматоху, онъ бросился къ больницѣ прямою дорогою черезъ калитку. Но тутъ ему крикнули, чтобъ онъ не шелъ дальше, иначе въ него будутъ стрѣлять. Бѣдняга узналъ студентовъ, принялъ все дѣло за шутку и сказавъ очень хладнокровно: «а вы себѣ баловники», спокойно продолжалъ свой путь. Выстрѣлъ отправилъ его въ вѣчность. Былъ еще раненъ какой-то мастеровой, столяръ кажется, но за что и при какихъ условiяхъ—не помню.

V.

Часовъ въ девять утра на дорогѣ изъ Горокъ показалась группа всадниковъ человѣкъ въ тридцать, состоявшая преимущественно изъ мѣстной шляхты, но Тихановецкаго между нею не было; онъ ночью проѣзжалъ въ Горки, услышалъ частые ружейные выстрѣлы; не разобравъ дѣло, вѣроятно вообразилъ, что банда встрѣтила сопротивленiе и потому тотчасъ ускакалъ въ Дрыбино. Передъ всадниками на великолѣпной сѣрой, въ яблокахъ, лошади горцовалъ молоддоватый мущина въ русскомъ офицерскомъ пальто и военной фуражкѣ. Подъѣзжаютъ ближе, смотрю и глазамъ не вѣрю,—такъ это Тòпоръ. Ба,

голубчикъ, мы съ тобой давно знакомы, и съ тобой, и съ твоей кобылицей. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, господинъ этотъ познакомился съ директоромъ, вѣроятно при посредствѣ Жабенко или кого нибудь изъ единомышленниковъ. Затѣмъ визиты его въ заведеніе сдѣлались очень часты, онъ все изучалъ, все осматривалъ и до такой степени пріобрѣлъ расположеніе директора, что послѣдній разрѣшилъ нашему берейтору обучать его сѣрую кобылу манежной верховой ѣздѣ. Такимъ образомъ болѣе трехъ мѣсяцевъ на эту лошадь безвозмездно тратился казенный кормъ въ угоду будущему начальнику банды! Какъ называлъ себя тогда Тòпоръ—мнѣ не пришло въ голову спросить. Съ виду-же это былъ человѣкъ выше средняго роста, довольно плотный, свѣтло-русый, съ круглымъ лицомъ и огромными рыжими усами. Одѣтъ онъ былъ всегда въ форменномъ вицъмундирѣ съ аксельбантомъ, но какой былъ аксельбантъ—генеральнаго штаба или адъютантскій, я, какъ профанъ въ этомъ дѣлѣ. рѣшить не берусь.

Въѣхавъ на дворъ, онъ остановился, поджидая свою знаменитую пѣхоту, которая валила по дорогѣ нестройной толпой; впереди нѣсколько человѣкъ несли трупъ убитаго Дамораццкаго. Когда весь этотъ сбродъ вошелъ на дворъ, Тòпоръ отдалъ какое-то приказаніе. Человѣка два, отдѣлившись отъ прочихъ, пошли въ квартиру директора, сорвали тамъ со стѣны прекрасный коверъ, въ который и завернули убитаго. Это была плата директору за прокормъ и обученіе лошади, за его хлѣбъ-соль и дружбу. Затѣмъ по командѣ начальника устроившись въ ряды, съ покойникомъ впереди, повстанцы двинулись черезъ рѣчку въ березовую рощицу, къ уже приготовленной могилѣ, гдѣ и предали землѣ своего товарища съ военными почестями, то есть сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ.

Службы никакой не было, такъ какъ Монюшко, очень любившій тайныя интриги, изъ которыхъ всегда можно вывернуться, тщательно избѣгалъ всякія публичныя демонстраціи, а потому отъ участія въ похоронахъ отказался на отрѣзъ. Часто по ночамъ на поклоненіе одинокой могилѣ Дамораццкаго пріѣзжали сосѣдніе паны и паненки, усыпали ее цвѣтами и вѣнками изъ иммортелей. Затѣмъ кто-то ночью поставилъ па ней чугунный крестъ, но его разбили рабочіе фермы, а куски чугуна растаскали сосѣдніе крестьяне для своихъ потребъ.

Покончивъ съ Дамораццкимъ, повстанцы всею массою вернулись къ институту, нѣкоторые изъ нихъ отправились пить кофе къ Жабенко, а остальные расположились живописными группами на дворѣ. Сюда же были приведены человѣкъ десять плѣнныхъ солдатъ и инвалидный начальникъ.

По распоряженію директора, всей этой публикѣ вытащили нѣсколько кадокъ масла, принесли окороковъ, хлѣба. Хлѣбъ и окорока рѣзали саблями, кинжалами, тесаками, словомъ, употребляли въ дѣло у кого что было, такимъ же путемъ добывали и масло.

Здѣсь я прерву мой разсказъ, чтобы упомянуть о событіи, которое могло имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Баронъ Бремзенъ [1]) состоялъ на службѣ при институтѣ и квартировалъ въ третьемъ этажѣ того же зданія, въ которомъ была квартира директора. Человѣкъ Бремзена внимательно слѣдилъ за Тòпоромъ, когда тотъ устраивалъ походную процессію Даморацкаго, но едва довудецъ подъѣхалъ поближе, человѣкъ этотъ схватилъ ружье и прицѣлился. По счастію, находившійся въ этой комнатѣ баронъ успѣлъ вырвать ружье и повстанцы ничего не замѣтили, иначе Богъ знаетъ чѣмъ бы это все кончилось.

Когда Тòпоръ убѣдился, что банда его сыта и отдохнула, онъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій. Тотчасъ вывезли шесть двуконныхъ фуръ, впрягли въ нихъ двѣнадцать нашихъ лучшихъ лошадей. Дѣлали все это студенты, отлично знавшіе, что̀ брать и что̀ оставить, наложили подводы съѣстными припасами и ужъ хотѣли тронуться, какъ вдругъ замѣтили, что двое изъ товарищей, а именно Бобрикъ и Громыко, куда-то исчезли; начались поиски, перешарили всѣ корпуса съ верху до низа, но нигдѣ ихъ не нашли. Громыко спрятался въ подвалъ у органиста, а Бобрикъ пролежалъ слишкомъ сутки подъ постелью надзирателя, гдѣ никому не пришло въ голову его искать, такъ какъ самъ надзиратель былъ душою и тѣломъ преданъ инсургентамъ. Это доказываетъ, что далеко не всѣ молодые люди охотно уходили до ляса: едва ли не половина была вовлечена угрозами, насильственно, и поступала въ банды только потому, что другого исхода ей не было. Вотъ этихъ-то несчастныхъ искренно жаль.

Тронулась банда по направленію къ Горкамъ, впереди кавалерія, потомъ наши несчастныя фуры, въ качествѣ вагенбурга, за ними плѣнные и пѣхота. Снявъ свои пикеты и караулы, обобравъ окончательно цейхгаузъ, она вышла изъ города. Но за заставой Тòпора ожидала серіозная опасность. Какой-то солдатикъ (къ сожалѣнію я не помню его имени) съумѣлъ сохранить зарядъ, который онъ впослѣдствіи шутя называлъ краденымъ, и изъ-за угла, или другого прикрытія, выстрѣлилъ въ Тòпора, но ранилъ только знаменитую сѣрую кобылицу, самъ же счастливо избѣжалъ погони. Спрашивается: чтобы сдѣлали такіе люди, имѣй они хоть по два патрона на рукахъ?

---

[1]) Домъ, въ которомъ помѣщалось казначейство, сожженный инсургентами, принадлежалъ женѣ барона Бремзена. С. К.

VI.

Трудно вообразить хаосъ, который представляло наше заведеніе по уходѣ банды, какъ будто унесшей съ собою всѣ несбыточныя надежды и увлеченія. Илюзіи разсѣялись, какъ дымъ. Передъ агитаторами и пособниками, оставшимися въ Горкахъ, стояла одна суровая неумолимая дѣйствительность съ вопросомъ: что они сдѣлали и что ихъ ожидаетъ въ будущемъ? Тяжело и безотрадно было такое раздумье, какъ ни смягчай факты, даже какъ ни искажай ихъ, но все же никого не увѣришь, что это было открытое нападеніе банды вооруженной, — Богъ знаетъ чѣмъ и Богъ знаетъ какъ,—банды, которую легко могли разсѣять какія-нибудь два взвода, даже инвалидной команды. Сами поляки мало довѣряли успѣху предпріятія, такъ напримѣръ, Тихановскій, услышавъ частые выстрѣлы и предположивъ сопротивленіе, былъ заранѣе увѣренъ въ неблагопріятномъ исходѣ дѣла и ускакалъ.

Нѣтъ, это было не нападеніе, не война, а заговоръ и заговоръ гнусный до послѣдней степени; тамъ офицеръ предаетъ въ одиночку своихъ обезоруженныхъ солдатъ произволу повстанцевъ, здѣсь служитель алтаря и цѣлая фаланга наставниковъ, которой ввѣрены умственное и нравственное воспитаніе юношества, намѣренно совращаетъ эту неопытную и довѣрчивую молодежь съ пути долга. Грустнѣе всего для этихъ грѣшниковъ, конечно, было сознаніе, что дѣло, ими совершонное, безсмысленно и безцѣльно, что если студенты и другая молодежь представлялась игрушкою въ ихъ рукахъ, то въ свою очередь сами они были такой же, если не болѣе жалкою, игрушкою въ рукахъ подпольнаго правительства, пожертвовавшаго ихъ обезпеченнымъ положеніемъ, карьерою, можетъ быть даже жизнію, только для того, чтобы посредствомъ какихъ-нибудь органовъ гласности Парижа или Кракова ввести, на короткое время, Европу въ заблужденіе объявленіемъ, что такого-то числа освободителями отечества занятъ гор. Горки, на самой сѣверной окраинѣ русскаго захвата, что по всей Бѣлоруссіи разлился огонь возстанія... и т. д. И вотъ результатъ многотрудной работы нашихъ агитаторовъ, напрасно пролитой крови и громаднаго для нихъ риска. Жалкіе люди!

Тотчасъ по уходѣ банды обрисовались характеры лицъ, считавшихъ себя болѣе или менѣе скомпрометтированными. Нѣкоторые заперлись по квартирамъ и никому не показывались; другіе ругали всѣхъ и вся, причемъ особенно доставалось Тѣпору: «онъ насъ подвелъ, обманулъ», кричали они... Я не знаю—имѣли-ль какой бы то ни было

смыслъ подобные возгласы? Тдоръ самъ предлагалъ многимъ примкнуть къ бандѣ, но они отказались. Не было же ему резона, для охраненія этихъ господъ, оставаться въ такомъ открытомъ городѣ, какъ Горки, гдѣ не сегодня, завтра пришлось бы противустать силамъ русскаго царя. Были между лицами, чувствовавшими за собой грѣшки, и хитрецы, рѣшившіеся заручиться нашимъ расположеніемъ, очень важнымъ, въ виду неизбѣжнаго слѣдствія, и тутъ уже они пустили въ ходъ всякія уловки: посыпались доказательства невинности и просьбы, доходило даже до объятій и слезъ.

Утомленные тревогою дня и навязчивостію этихъ милыхъ людей, а кромѣ того, желая взглянуть на Горки послѣ ихъ погрома, и если возможно купить чего нибудь поѣсть, такъ какъ у насъ въ этотъ день никто не занимался кулинарнымъ искусствомъ, говоря проще—не топилась ни одна кухонная печь, мы толпой отправились въ городъ. Пожарища еще дымились, ихъ усердно заливали жидки. Вышедшіе изъ своихъ норъ, солдаты стояли кучками; одна изъ нихъ возилась надъ трупами часового и солдатика, убившаго Даморацкаго. «Ишъ какъ ихъ отдѣлали злодѣи», сказалъ кто-то, «обоихъ въ голову». Изъ другой группы слышался звонкій голосъ молодого солдатика: «а я, братцы, какъ увидѣлъ бѣду неминучую, такъ скорѣй схватилъ хозяйкину сбрую, обрядился кое-какъ, да и маршъ за городъ въ слободу. Не признали, проклятые, пропустили».—Да ты и безъ паневы похожъ на бабу, поросенокъ безъ усый, было ему отвѣтомъ.....

У насъ, какъ мнѣ говорили тогда, кромѣ больничнаго служителя, убитыхъ солдатъ, съ тремя сгорѣвшими въ подвалѣ включительно, оказалось двѣнадцать; изъ поляковъ, кромѣ Даморацкаго, убитъ неизвѣстный шляхтичъ. Говорили, что какой-то мужичекъ изъ слободы приглушилъ его коломъ.

Кромѣ того, Тдоръ, уходя, поручилъ попеченію нашего начальства двухъ раненыхъ. Правда, ихъ вылечили въ больницѣ заведенія, но затѣмъ тотчасъ предали суду.

Замѣчу кстати, что и плѣнные, вмѣстѣ съ инвалиднымъ начальникомъ, скоро возвратились, отпущенные Тдоромъ, которому съ ними нечего было дѣлать.

Я разсказалъ все, что помню о событіяхъ 22-го—23-го апрѣля 1863 г., въ Горкахъ и институтѣ. Часть этихъ событій, что̀ могъ видѣть читель, совершилось въ моихъ глазахъ, остальное я слышалъ отъ очевидцевъ тотчасъ по уходѣ банды. Вскорѣ наѣхала слѣдственная коммисія и многихъ привлекла къ отвѣтственности. Журналы ея несомнѣнно могутъ пролить яркій свѣтъ на это дѣло.

VII.

Упомянувъ въ самомъ разсказѣ о бездѣятельности, или лучше сказать—о злонамѣренности непосредственнаго начальства института и инвалидной команды, мнѣ не пришло въ голову спросить у моего разсказщика Гейнриха, а стало быть и сообщить въ моемъ очеркѣ о томъ, что же дѣлалъ въ городѣ и уѣздѣ полицейскій надзоръ? Вѣдь были же въ Горкахъ и исправникъ, и помощникъ, и становые, и квартальные, и tutti quanti полиціи? Гейнрихъ, когда я предложилъ ему этотъ вопросъ, послѣ краткой, но выразительной паузы сказалъ: «да, у насъ былъ одинъ человѣкъ, Валеріанъ Филипповичъ Савицкій, отставной подполковникъ или полковникъ артиллеріи, служилъ онъ исправникомъ, остальныхъ полячишекъ по тройкѣ за калачъ купить можно было; и Савицкій этотъ рапортовалъ куда слѣдуетъ, то есть, собственно говоря, что-жъ тутъ въ правдѣ-то стѣсняться?—или мѣстному губернатору, или Назимову еще въ ноябрѣ или декабрѣ 1862 г. о томъ, что противъ насъ что-то готовится, что умы взволнованы. Высшее начальство тотчасъ же предложило директору заведенія прислать сотню казаковъ. Предложеніе это было сдѣлано прямо директору Траутфетеру и Савицкій былъ совершенно обойденъ,—его не удостоили даже простымъ сообщеніемъ, какъ водится. Траутфетеръ, хотя и генералъ съ лентой и звѣздой, не осмѣлился принять на себя рѣшеніе этого дѣла и собралъ училищный совѣтъ, составъ и направленіе котораго изъ всего нашего разсказа вамъ извѣстны. Члены совѣта доказали ему во-очію, какъ дважды-два—пять, что все это вздоръ, что это все завистники, посягающіе на мѣсто и репутацію генерала, что появленіе казаковъ въ качествѣ охранителей составитъ позоръ ему и заведенію, и у одного, чуть-ли не Жабенко, даже вырвалось на плохомъ французскомъ языкѣ: si vous l'ordonnez, général, nous deviendrons nous-mêmes pis que des kosaks. Послѣ такого энергическаго заявленія своихъ сочленовъ, Траутфетеръ отписалъ куда слѣдуетъ, что войска въ качествѣ охраны не нужно, такъ какъ все обстоитъ благополучно.

Не заслуженно обиженный Савицкій, можетъ быть намѣренно, во время катастрофы, былъ въ какой-то отлучкѣ (вотъ же вамъ не вѣрили, такъ расхлебывайте сами!). А отъ квартальнаго до послѣдняго разсыльнаго, полиціанты, попрятавшіеся въ норахъ во время катастрофы, выползли на свѣтъ Божій лишь тогда, когда по полицейскому наказу слѣдовало по горячимъ слѣдамъ составлять акты, что въ русскомъ переводѣ выходитъ: «спустя лѣто по малину».

Шайка двинулась, покончивъ дѣло въ Горкахъ и въ институтѣ, къ

Чаусамъ на Дрыбино, гдѣ и ночевала. Тихановецкій угощалъ цѣлую ночь бѣлую кость старымъ венгрджиномъ, а черную—сивухой наповалъ. Кстати я забылъ упомянуть, что кромѣ фуръ и лошадей, повстанцы взяли и кучеровъ изъ заведенія; эти люди на утро, послѣ Дрыбинской ночной вакханаліи, въ числѣ шести, были отпущены и каждый изъ нихъ получилъ по три рубля на чай. Лошади же и фуры были возвращены лишь послѣ разбитія шайки Топора подъ Чериковымъ [1]), кажется въ іюлѣ 1863 г. Но получили они ихъ, за исключеніемъ одной, убитой нашею же русскою картечью во время разгрома шайки, уже изъ Полоцка.

Послѣ разбитія шайки подъ Чериковымъ, повстанцы прятались въ одиночку по ближнимъ лѣсамъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ нашли смерть не столько отъ ранъ, сколько отъ истощенія и голода. При вскрытіи нѣкоторыхъ труповъ оказалось, что эти несчастные должны были питаться сырыми грибами, ягодами и всякою дрянью. А въ ближнія деревни показываться не осмѣливались, опасаясь тамъ встрѣтить мужицкій колъ или цѣпи, такъ какъ простой народъ, гдѣ ихъ не встрѣчалъ, преслѣдовалъ съ ожесточеніемъ.

Еще одинъ маленькій эпизодъ, который можетъ послужить иллюстраціей къ моему разсказу: когда наѣхала слѣдственная коммисія и стала допрашивать, въ качествѣ свидѣтелей спросили и прислугу Жабенко, которая и показала, что господинъ этотъ вмѣстѣ съ женою лазили ночью чрезъ окно для принесенія пресловутой присяги въ костелѣ.

Описанная катастрофа имѣла огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Горы-Горецкаго заведенія. Большая часть начальства и профессоровъ въ самомъ непродолжительномъ времени была замѣнена новыми лицами, а въ августѣ 1863 г. и самый институтъ переведенъ въ Лисино.

Степанъ Кулеша.

1880 года, 30-го марта.
С. Стрѣлково.

---

[1]) Уѣздный городъ Могилевской губерніи.

Князь Александръ Андреевичъ Безбородко

† 6-го апрѣля 1799 г.

Сообщаемое письмо о кончинѣ Безбородко принадлежитъ Мартову и писано имъ къ епископу Слободо-украинскому (Харьковскому) Христофору Сулимѣ (1799—1813 гг.). Послѣднiй—довольно своеобразная личность по своей судьбѣ. Сынъ полковника Переяславскаго полка Семена Сулимы, онъ служилъ нѣкоторое время офицеромъ въ гусарахъ, затѣмъ поступилъ въ монахи, учился богословiю въ Переяславской семинарiи, былъ настоятелемъ Гамалѣевскаго монастыря (нынѣ упраздненъ), ректоромъ Черниговской семинарiи, епископомъ Θеодосiйскимъ (викарiемъ Новороссiйской епархiи) и наконецъ—Слободоукраинскимъ.—Письмо Мартова приводится въ спискѣ руки начала нынѣшняго столѣтiя изъ бумагъ покойнаго протоiерея Полтавской епархiи, Павла Сементовскаго. И. П.

„Ваше преосвященство, милостивый архипастырь. Печальное извѣстiе доставитъ вашему преосвященству сiе письмо; печальное для васъ, для многихъ, печальное можетъ быть и для всей Малороссiи, а мнѣ о себѣ и упоминать нечего. Вчера, апрѣля 6-го, по-полудни, въ концѣ перваго часа нашъ свѣтлѣйшiй князь Александръ Андреевичъ скончался среди немногихъ своихъ приближенныхъ, — графа-брата, графа Завадовскаго, графа Кочубея, Трощинскаго и еще кое-кого. Государь, услыша, прослезился; государыня рыдала; присылала своего камердинера посмотрѣть усопшаго. Дальнѣйшiя подробности болѣзни его не любопытны. Апоплексическихъ ударовъ онъ имѣлъ три,—отъ перваго сдѣлался косноязыченъ, отъ втораго не могъ говорить, третiй, часу въ третьемъ съ полуночи, закрылъ ему глаза. По семъ онъ дышалъ только до девяти часовъ, но разсудокъ присутствовалъ въ немъ до послѣдняго пораженiя. Кажется около трехъ недѣль былъ онъ жестоко боленъ; весь христiянскiй долгъ соблюденъ; и такъ нашъ князь умеръ и какъ христiянинъ, и какъ великiй человѣкъ на верху самой высочайшей славы, чести и дѣятельности. Повѣрьте, вся публика о немъ сожалѣетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ не скоро намъ имѣть такого, какъ онъ былъ; подобные люди вѣками родятся; а сей для насъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что родился въ любезномъ нашемъ отечествѣ, въ Малороссiи. Я не хочу болѣе растравлять раны вашего сердца словами о любезномъ вашему преосвященству предметѣ, котораго уже нѣтъ. Нынѣ приготовляется ему послѣднiй домъ. Неизвѣстно еще, въ который день будетъ погребенiе. Мартовъ. Апрѣля 7-го дня 1799 г.—С.-Петербургъ“.

Сообщ. И. П.

П. И. Полетика и В. А. Жуковскiй.

Замѣтка.

„Русская Старина“, съ самаго начала своего существованiя, напечатала не мало различныхъ матерiаловъ, касающихся жизни и дѣятельности В. А. Жуковскаго, его частныхъ и общественныхъ отношенiй и проч. Матерiалы эти, въ виду недавно отпразднованнаго столѣтняго юбилея со дня рожденiя поэта, значительно увеличились новыми, сообщенными «Русскою Стариною»

и друг. изданіями, и получили особенно важное значеніе. Теперь, когда всѣ подробности о жизни В. А. Жуковскаго читаются съ особеннымъ интересомъ, малѣйшая изъ нихъ не должна, мнѣ кажется, быть оставлена безъ вниманія и во всякомъ случаѣ должна быть извѣстна будущему составителю пространной біографіи поэта. Вотъ почему я считаю своевременнымъ сообщить на страницахъ уважаемой „Русской Старины" о существованіи въ моей библіотекѣ двухъ книгъ съ собственноручными надписями поэта Жуковскаго.

Сообщаемые мною два автографа заслуживаютъ еще потому наше вниманіе, что обязаны своимъ существованіемъ дружескимъ отношеніямъ, бывшимъ между Жуковскимъ и другимъ достопамятнымъ лицомъ—П. И. Полетикою. Оба они были, какъ извѣстно, членами Арзамаскаго общества, гдѣ Жуковскій носилъ названіе Свѣтланы, а Полетика—Очарованнаго челнока. Упоминаю объ этомъ потому, что находящіеся въ моей библіотекѣ и сообщаемые мною здѣсь автографы Жуковскаго носятъ на себѣ, оба, слѣды существованія этого общества и названій его членовъ.

Вотъ эти книги и автографы:

I. Glaube, Liebe, Hoffnung. Ein Handbuch für junge Freunde und Freundienen Jesus, von Johann-Heinrich-Bernhard Dräseke. Vierte, sehr verbesserte, Auflage. Mit einem Titelkupfer. Lünneburg, bei Herold und Wahlstab. 1817.

На внутренней сторонѣ доски переплета этой книги наклеены два листка бумаги, одинъ надъ другимъ. Изъ нихъ на верхнемъ написано:

„Очарованному Челноку, отъ двухъ Свѣтланъ, Арзамазской и настоящей. 1823. 18-го декабря. С.-Петербургъ".

Надпись эта сдѣлана не Жуковскимъ, и если въ отношеніе почерка, сходственнаго съ почеркомъ поэта, можетъ явиться нѣкоторое сомнѣніе, то оно тотчасъ же изчезаетъ при соображеніи, что поэтъ не поставилъ бы своего имени (Арзамазской Свѣтланы), передъ именемъ другого. Не принадлежитъ ли эта надпись рукѣ родственницы Жуковскаго А. А. Воейковой, которой онъ посвятилъ свою прелестную балладу „Свѣтлана"? Быть можетъ, участвуя вмѣстѣ съ поэтомъ въ подаркѣ книги, Воейкова назвала себя „настоящею" Свѣтланою, вслѣдствіе извѣстнаго обращенія къ ней поэта:

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана...

На нижнемъ листкѣ, рукою Жуковскаго написано:

„Вотъ тебѣ вѣра, надежда и любовь, прими ихъ изъ рукъ Свѣтланы, и пускай онѣ сопутствуютъ повсюду Очарованному Челноку".

II. Баллады и повѣсти В. А. Жуковскаго. Двѣ части, съ 2-мя гравированными виньетками и картинкою. Спб. въ военной типографіи главнаго штаба его императорскаго величества. 1831.

Обѣ части переплетены въ одинъ томъ. На заглавномъ листѣ первой изъ нихъ, внизу, рукою Жуковскаго написано:

„Очарованному Челноку отъ Свѣтланы".

Обѣ книги, въ числѣ многихъ другихъ принадлежавшихъ П. И. Полетикѣ, находились въ библіотекѣ графа В. П. Завадовскаго, вмѣстѣ съ которою и перешли въ мою.

В. В. Голубцовъ.

1 іюля 1883 года.

ВАСИЛІЙ И ИВАНЪ КИРѢЕВСКІЕ

въ ихъ письмахъ къ А. М. Языкову.

Василій Васильевичъ Кирѣевскій.

I.

Спб. 6-го ноября 1846 г.

Хворая и сидя дома нѣсколько дней, я прочиталъ обѣ части Шевырева «Исторіи русской словесности». Книга имѣетъ достоинства великія. Когда онъ кончитъ изданіе этого сочиненія своего, то сдѣлаетъ—конечно въ меньшемъ размѣрѣ — для исторіи умственной образованности въ Россіи то, что сдѣлалъ Карамзинъ для исторіи нашего отечества въ цѣлости. У Шевырева представляется въ полной картинѣ незнанная нами жизнь умственная и духовная старинной Руси; онъ заставляетъ знакомиться съ нею и полюбить ее. Похвальнаго труда приложено имъ очень много. Хорошо, что его книгу, можно сказать первую въ этомъ родѣ, надобно изучать, а не читать: читать невозможно: языкъ такой изысканный, напыщенный, неточный, поставленный на ходули, поднятый на дыбы, что самому читателю за него мучительно и больно. Можно бы было помириться съ Шевыревымъ, если бы это былъ недостатокъ дара краснорѣчія; не всякому талантъ дается; если даже незнаніе языка; нѣтъ, это умышленное терзаніе языка; Шевыревъ словечка не скажетъ въ простотѣ, все съ ужимкою, да какою! Что же вышло? лучшія, краснорѣчивѣйшія двѣ страницы въ обѣихъ частяхъ—это цитата изъ книгъ Погодина: истинно прекрасно написанныя страницы; а Погодинъ самъ иногда такъ пишетъ, такъ пишетъ...

Но ужели Шевыревъ умѣетъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ крутить языкъ, не натуживаясь? Вѣдь онъ импровизировалъ свои лекціи. Удивительная способность!

Ошибку въ заглавіи, т. е. что книга его не исторія словесности, а умственной образованности, онъ самъ замѣтилъ или ему замѣтили и оправ-

дывается въ ней въ концѣ второй части. Жаль, что эту полезную, благодѣтельную книгу нельзя также покупать. Печатая по частямъ и разгонисто, Шевыревъ вгонитъ ее рублей въ 60: много ли найдется на Руси людей, которые въ состояніи заплатить такую цѣну? Теперь онъ хочетъ читать публичныя лекціи о европейской литературѣ.

Какъ я признателенъ вамъ за сообщеніе мнѣ «Липъ» Николая Михайловича (Языкова) и въ особенности двухъ другихъ его стихотвореній. Я виноватъ предъ нимъ, не знаю какъ и извиняться.

Поправляется-ли его здоровье?

Теперь уже получено, именно въ Симбирскѣ, разрѣшеніе завести библіотеку Карамзинскую. Уставъ еще не утвержденъ департаментомъ, какъ мнѣ сказали, потому что на самое учрежденіе деньги еще будутъ собираться. Симбирскому помѣщику, главѣ просвѣщенія, пріятно пріобщить свое произведеніе къ прочимъ, но онъ замѣтилъ, что судя по его вкладу, библіотека будетъ не многотомна.

Пріѣхалъ курьеръ и я долженъ отправить съ нимъ письмо на почту. Прощайте и поклонитесь отъ меня всѣмъ вашимъ. В. К.

II.

Спб. 1-го января 1847 г.

Я поджидалъ представленія о стихотвореніи г. Аксакова, чтобы имѣть удовольствіе отвѣчать вамъ опредѣлительнѣе по этому дѣлу, но до сихъ поръ нѣтъ еще о немъ ни слуху, ни духу.

Чтобы застать васъ, если еще можно, въ Москвѣ, пишу не дожидаясь долѣе. Вообще московская цензура не отличается ни скоростью дѣлопроизводства, ни толковитостью.

Съ новымъ годомъ у насъ здѣсь начинается дѣятельность усиленная, къ сожалѣнію только журнальная. Нѣсколько журналовъ и газетъ расширилось и усилилось. Что-то будетъ и что-то выйдетъ изъ всего этого? По крайней мѣрѣ есть покушеніе на трудъ и полезныя начинанія. Москва совсѣмъ оцѣпенѣла: съ «Москвитяниномъ» скончалась тамъ вся журнальная литература. Общество историческое дѣйствительно подвизается съ честью: ежели движущею силою Бодянскій, то ему подобаетъ всякая хвала и великое прославленіе. Началъ-ли Шевыревъ свои лекціи и какъ онѣ идутъ?

Николай Михайловичъ (которому усерднѣйшій поклонъ) хотѣлъ имѣть Мурчисона геологію Россіи кажется, что у графа не нашлось экземпляра и онъ не послалъ ему этой книги. Она есть у Исакова, не прикажетъ-ли Ник. Мих. отправить ее къ нему? У графа есть Бюшинговъ магазинъ, который нѣкогда вы желали имѣть; онъ не очень дорогъ; съ небольшимъ 100 .... Нуждаетесь-ли вы еще въ этомъ изданіи?

Чего пожелать вамъ съ наступленіемъ новаго года? мое самолюбіе вну-

шаетъ мнѣ желаніе, чтобы вы заглянули въ Петербургъ и позволили взглянуть на васъ. Вашихъ всѣхъ отъ души поздравляю; поздравляю въ особенности съ невѣстою. Совершилось-ли это за границею или Елиз. Петр. уже здѣсь? о послѣднемъ не слыхалъ.

Будьте счастливы въ новомъ году. В. К.

III.

Спб. 15-го іюня 1847 г.

Какое-то неизъяснимо смутное чувство проникаетъ душу, когда читаешь послѣдніе стихи Ник. Мих. (Языкова): и отрадно, и тяжко. Это хоть не голосъ умирающаго, а что-то прощальное. Поразительно, что его послѣднее слово и послѣдняя мысль были обращены къ отшедшимъ: къ годамъ студенчества и къ Воейковой, какъ будто онъ ужъ подавалъ голосъ тому свѣту.

Неутѣшительно и чувство, подъ вліяніемъ котораго возникло ваше мнѣніе о благородномъ дворянствѣ всероссійскомъ. Если и оно никуда не годится, то что же остается путнаго? Вы говорите о другихъ классахъ; да ихъ у насъ совсѣмъ нѣтъ: у насъ нѣтъ никакихъ сословій, ни даже одного сословія. Это бы не такъ еще дурно; худо только, что оттого нѣтъ ни въ комъ чувства собственнаго достоинства, нѣтъ и потребности духовной быть человѣкомъ, съ достоинствомъ человѣческимъ; вотъ нечаянно выразился не руссицизмомъ, не подумавъ, что̀ значитъ человѣкъ въ русскомъ языкѣ, т. е. въ языкѣ такъ называемаго общества. Это черта или причуда русской рѣчи характеристическая; разглядывать ее попристальнѣе... горько, не хочу. У нѣмцевъ также слово Mensch употребляется въ дурномъ значеніи; но тогда они дѣлаютъ это слово не мущиною и не женщиною; они говорятъ: «Das Mensch».

Очень хотѣлось бы и мнѣ содѣйствовать пріумноженію Карамзинской библіотеки; но къ стыду моему принужденъ признаться, что ни съ кѣмъ не знаюсь. Не обратиться-ли къ журналистамъ? С. С. (Уваровъ) обѣщалъ прислать свои произведенія, да теперь, когда вы отложили открытіе вашего учрежденія, придется и мнѣ помедлить напоминаніемъ ему о его обѣщаніи. Нелюдимость моя была причиною, что мнѣ не удалось имѣть удовольствіе увидѣть гдѣ нибудь Хомякова. Изъ газетъ узналъ я нечаянно, что онъ ѣдетъ за границу изъ Петербурга; видѣлъ Ознобишина и то оттого, что хлопоча онъ заходилъ въ канцелярію; также отправляется лечиться. На какія сѣрныя воды ѣдетъ А. А.? которой мой привѣтъ и поклонъ. Не въ Старую ли Русь, въ наше сосѣдство? вотъ и вамъ бы тогда проводить ее сюда и себя показать.

Сюда ждутъ на іюль и августъ Жуковскаго и къ его пріѣзду устрояютъ торжество: пятидесятилѣтній юбилей со времени появленія въ свѣтъ перваго его произведенія; разумѣется будутъ ѣсть и пить; сверхъ того хотятъ однако собрать денегъ на стипендію въ здѣшнемъ университетѣ.

Чиж. возвращаясь въ Россію, завезенъ былъ сюда; журнала издавать онъ не будетъ. Вѣрно дошли до васъ слухи о вознѣ съ славянофилами.

Сообщить вамъ ничего не могу, ибо знаю дѣло оффиціально. Именно потому что знаю, какъ всякое лыко въ строку — безмолвствую. В. К.

IV.

Спб. 14-го іюля 1847 г.

Не знаю получили-ли вы послѣднее письмо, которое я писалъ вамъ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я имѣю поводъ полагать, что мои письма вскрываются. Какая подлость! Пока длится эта гадость, которую называютъ жизнію, надобно отказаться отъ всѣхъ благородныхъ чувствованій, отъ родства и дружбы и любви...

Въ разсужденіи бюста Николая Михайловича (Языкова) я не замедлилъ собрать предварительныя свѣдѣнія; вотъ онѣ: есть здѣсь такъ называемый физіонотипъ, заведеніе, учрежденное Лешольтомъ и теперь переданное имъ кому-то другому. Тамъ за бюстъ въ природную величину требуютъ 130 и 140 руб. сер., только всѣ бюсты, которые мнѣ привелось тамъ видѣть, очень плохи. Бюсты гипсовые. Я обращался и въ академію художествъ; тамъ для этого дѣла, т. е. для дѣланія бюста по литографированному портрету, рекомендуютъ Иванова и Теребенева, перваго болѣе, чѣмъ втораго; впрочемъ оба, говорятъ, люди предостойные. Можно попытаться и у знаменитѣйшихъ, какъ напр. Витали, но эти завалены работою и по всей вѣроятности не возьмутся за новое дѣло. Лѣпка бюста обойдется, по предварительнымъ соображеніямъ, еще не окончательнымъ, рублей въ пятьсотъ асс., да отливка изъ бронзы будетъ стоить около 700 руб.; изъ мрамора бюстъ потребуетъ вдвое бо̀льшихъ издержекъ. Очень жаль, что я Ник. Мих. не видалъ лѣтъ двадцать и не могу *ничего* новаго объяснить на счетъ его профиля; а это необходимо для художника, который лѣпитъ бюстъ съ портрета, сдѣланнаго en face. Нѣтъ-ли у васъ схожаго портрета въ профиль? силуэта? Примите все это въ должное соображеніе и дайте мнѣ знать о вашемъ рѣшеніи. Какъ жаль, что Гальбергъ умеръ. Онъ дѣлалъ бюсты Дельвига, Крылова и др. Для бюстовъ это безспорно былъ первый художникъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Нѣкоторые изъ немногихъ знакомыхъ моихъ обѣщали дать свои творенія для Карамзинской библіотеки, напр. Шульгинъ. А что, если переводчикъ явится съ переводами? Будутъ-ли приняты книги иноземныя?

Очень вѣроятно, что въ первой половинѣ будущаго мѣсяца, т. е. августа, я очутюсь въ Москвѣ, проѣздомъ далѣе. Какъ бы было хорошо, если бы вы случились тамъ же, и мнѣ наконецъ удалось свидѣться съ вами, давно, давно невиданнымъ! Не будетъ-ли Петръ Мих.?—Я виноватъ передъ Елизав. Петр., знаю что она здѣсь, но живетъ на Парголовской дорогѣ, я же съ утра до ночи провожу время на Карповкѣ, и никак не могъ доселѣ явиться съ поклоненіемъ. Простите! В. К.

V.

С.-Петербургъ, 21-го августа 1847 г.

Для лучшаго усмотрѣнія вашего прилагаю подлинное письмо ко мнѣ г. Лангера о бюстѣ Ник. Мих. Можетъ быть вы знаете хоть имя Лангера, по нѣкоторымъ его переводамъ книгъ, относящихся къ художествамъ. Я просилъ его о помощи и пособіи въ этомъ дѣлѣ, потому что онъ давно знакомъ и коротокъ со всѣми русскими академиками-художниками. Самъ онъ воспитанникъ лицея и любитель художествъ, въ особенности живописи, которою нѣкогда усердно занимался. Содержаніемъ его письма лучше всего можно будетъ вамъ руководствоваться и рѣшить что дѣлать.

Нѣсколько времени назадъ я имѣлъ удовольствіе встрѣтить на гуляньи Елизавету Петровну, возвратившуюся изъ чужихъ краевъ. Не властвуя надъ моимъ временемъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не успѣлъ явиться съ моимъ поклономъ къ нимъ на дачу, нѣсколько удаленную, хотя и не слишкомъ далекую отъ дачи министра, гдѣ провожу дни и вечера. Моя собственная поѣздка въ Москву не состоялась, а повидимому рѣшено было ѣхать непремѣнно. Холера въ Харьковѣ, куда предполагалось проѣхать, и другія неожиданно встрѣтившіяся обстоятельства, измѣнили совершенно первоначальный планъ. Жалѣю о неудачѣ, особливо если-бы во время моего проѣзда черезъ Москву мнѣ удалось найти тамъ васъ и свидѣться съ вами. Какъ у васъ въ Оренбургской губерніи? проникла-ли туда холера? Говорятъ, впрочемъ, что вездѣ она несравненно слабѣе и снисходительнѣе, чѣмъ въ первый разъ своего нашествія на Россію.

Литература наша теперь безмолвствуетъ. Жуковскій перевелъ изъ Рюкерта отрывокъ Фирдусіевой поэмы: Шахъ-Наме о Рустанѣ, витязѣ Персидскомъ, который сражается съ сыномъ своимъ и убиваетъ его. Это сказаніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ нашею сказкою объ Еруcланѣ Лазаревичѣ, который также дерется съ сыномъ Еруcланомъ Еруcлановичемъ, но не убиваетъ его. Между именами коней обоихъ витязей есть также сходство. Трудно допустить, что наша сказка заимствована изъ Шахъ-Наме, однако возможно; вѣдь положительно достовѣрно, что сказка самая народная, о Бовѣ Королевичѣ, взята изъ итальянской, а потомъ французской рыцарской поэмы: Buovo d'Antona! Переводъ Жуковскаго мнѣ не нравится. Самое событіе не слишкомъ занимательно, а въ разсказѣ колорита восточнаго вовсе нѣтъ, слѣдовательно нѣтъ того, что составляетъ всю оригинальность и прелесть поэмъ этого рода.

Что дѣлаетъ Шевыревъ со своимъ курсомъ «Исторіи русской словесности»? Засѣлъ, какъ и предсказывалъ? Лучше не начиналъ бы печатать, если не приготовилъ всего къ изданію. Жаль, такой почтенный дѣятель и у насъ доселѣ единственный. На Погодина отовсюду нападенія и кажется подѣломъ. Мой поклонъ вашимъ. В. К.

VI.

С.-Петербургъ, 8-го октября 1847 г.

Какъ прекрасно стихотвореніе г. Хомякова! и какъ я вамъ признателенъ за сообщеніе мнѣ его! Оно не можетъ сравниться съ «Землетрясеніемъ» Николая Михайловича (Языкова), но напоминаетъ его. Зачѣмъ, однако, ввелъ авторъ произвольную неправильность размѣра; въ разныхъ мѣстахъ стихи короче прочихъ? Мнѣ не удалось увидѣться съ г. Хомяковымъ. Онъ былъ у С. С. Уварова и я поджидалъ его выхода изъ кабинета; на бѣду нужно было завернуть въ канцелярію на минуту и въ эту самую минуту онъ вышелъ и уѣхалъ.

Юбилей Жуковскаго не состоится въ нынѣшнемъ году: поэтъ вмѣсто Руси православной долженъ былъ для больной жены, какъ говорятъ, отправиться въ Италію. Прибудетъ развѣ на будущій годъ. Онъ прислалъ 12 первыхъ пѣсней Одиссеи, обѣщая, но не навѣрное, зимою перевесть и остальныя 12. Я могъ бѣгло просмотрѣть вторую тетрадь, отъ 7 до 12 пѣсни. Читается переводъ легко и пріятно, но замѣтно, что читаешь переводъ. Судя по словамъ Жуковскаго, въ Наблюдателѣ московскомъ, надобно было ожидать языка самаго простого, а между тѣмъ послѣ стиховъ и словъ самыхъ чистосердечно простыхъ, частенько встрѣчаются выраженія и обороты языка церковнаго: понеже, напр., глава, гласъ и пр. Фригійскія дѣвы (родит. пад.) вмѣсто фригійской дѣвы и т. д. Нѣкоторые эпитеты, постоянно повторяющіеся и у Гомера, переведены не совсѣмъ удачно, Нептунъ земледержецъ: со словомъ держава у насъ непремѣнно соединяется понятіе о царствованіи, а Нептуново царство море, не земля. У Гомера онъ землеосецъ; въ латинскомъ переводѣ опоясывающій землю. Мнѣ все кажется, что теперь возможенъ переводъ Гомера потому, что мы ознакомились съ языкомъ первобытной, народной, не искусственной поэмы; таковъ языкъ Гомера и слѣдовательно переводить его надобно такимъ языкомъ, по крайней мѣрѣ, какимъ Пушкинъ перевелъ пѣсни западныхъ славянъ. Еще замѣчаніе о Жуковскомъ: въ произношеніи именъ нѣтъ у него однообразія: онъ пишетъ *Го*меръ и др. и въ то же время *И*ра и т. д.; должно держаться или стариннаго *и*тацизма или Эразмова *э*тацизма, т. е. букву η произносить какъ *э* и съ придыханіемъ или какъ *и* и безъ придыханія. Одно изъ двухъ, а не то и другое вмѣстѣ. Объ этомъ говорилъ и Гнѣдичъ въ предисловіи къ Иліядѣ.

Читали ли вы Исторію русской поэзіи (А. П.) Милюкова? Замѣчательно и ужасательно не вполнѣ высказанное замѣчаніе, что у насъ теперь все, нѣсколько высившееся надъ прочими, не можетъ или досслѣ не могло жить; либо всѣ они умирали въ самомъ дѣлѣ, либо умерщвляли себя бездѣйствіемъ. Что же это, Боже нашъ! и гдѣ же мы живемъ? даже Гречъ убѣжалъ. Простите. Слышно, что въ Симб. холера, что вы и ваши? В. Кирѣевскій.

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій.

I.

Не удивитесь, почтеннѣйшій и многоуважаемый Александръ Михайловичъ, если это первое письмо мое къ вамъ будетъ вмѣстѣ и просьба: дѣло идетъ объ одномъ добромъ дѣлѣ, которому, какъ я знаю васъ, вы конечно не откажетесь содѣйствовать. Не знаю, знаете ли вы лично Евгенія Ѳедоровича Корша, бывшаго издателя «Московскихъ Вѣдомостей», но во всякомъ случаѣ вы безъ сомнѣнія знаете его по репутаціи: это человѣкъ весьма образованный, честный, благородный до тончайшей скрупулозности и притомъ очень дѣятельный. После отставки его отъ газетъ онъ остался съ большой семьей безъ куска хлѣба. Здѣшнее купечество, зная его добрыя качества, желаетъ его сдѣлать директоромъ комерческаго училища, ибо это мѣсто теперь вакантное. И кажется купечество не ошибается въ своемъ выборѣ: по уму и добросовѣстности онъ кажется способнѣе занять это мѣсто, чѣмъ кто либо другой. Представленіе пойдетъ на этой недѣлѣ, и судьба его будетъ зависить отъ Гофмана. Потому я и пишу къ вамъ и прошу васъ усерднѣйше не отказаться замолвить объ немъ слово Гофману, для котораго вѣроятно ваше слово будетъ авторитетомъ. Вы этимъ не только будете содѣйствовать желанію здѣшняго купечества, но еще сдѣлаете добро цѣлой семьѣ честнаго человѣка. Письмо ваше вѣроятно еще успѣетъ прійти прежде рѣшенія дѣла [1]).

Уѣзжая въ Петербургъ, я надѣялся еще застать васъ на обратномъ пути въ Москвѣ. Но тамъ болѣзнь жены моей задержала насъ долѣе, чѣмъ мы предполагали, также какъ и теперь эта же причина задерживаетъ насъ въ Москвѣ до сихъ поръ противъ нашей воли. Сына нашего оставили мы въ пансіонѣ Гроздова. Все то, что вы говорили о пансіонѣ Гроздова, я нашелъ совершенно справедливымъ: честность, смотрѣніе необыкновенно внимательное, соединеніе выгодъ общественнаго воспитанія съ надзоромъ семейнаго быта и пр. и пр. Потому какъ въ первой мысли объ этомъ дѣлѣ, и въ дальнѣйшемъ содѣйствіи къ его исполненію мы обязаны вашему дружескому участію, то этому же должны будемъ приписать и ту пользу, которая произойдетъ отъ того для нашего сына. Одно только немножко безпокоитъ насъ: мысль вынесетъ ли его здоровье эти напряженныя занятія. Но до сихъ поръ онъ слава Богу здоровъ и пишетъ, что начинаетъ привыкать къ своему новому роду жизни. Ваши дѣти, которыхъ мы видѣли передъ отъѣздомъ, были для насъ утѣшительнымъ доказательствомъ доброты этого заведенія.

---

[1]) Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ—нынѣ библіотекарь публичнаго Румянцовскаго музея въ Москвѣ. Ред.

Прошу васъ сдѣлать отъ насъ самый усердный поклонъ и почтеніе и дружеское рукопожатіе Натальѣ Алексѣевнѣ, которая очень бы обязала насъ, если бы написала словечко въ такомъ случаѣ, если вы страдаете семейною добродѣтелью письмобоязненности. Если же вы этою добродѣтелью не страдаете, то большое удовольствіе доставило бы намъ имѣть возможность продолжать тѣ сношенія съ вами на письмахъ, которыя существовали при личныхъ свиданіяхъ. Душевно вамъ преданный Иванъ Кирѣевскій.

II.

1851 г. іюня 26.

Милостивый государь Александръ Михайловичъ! Вотъ уже слишкомъ годъ, какъ мы не видались. Очень бы желалъ я имѣть извѣстіе о васъ и о вашемъ семействѣ. Что касается до насъ, то мы это время провели постоянно въ деревнѣ, гдѣ я, за излишествомъ досуга, не имѣлъ времени заняться ни какимъ дѣломъ. Недавно были мы обрадованы пріѣздомъ Васи, который вмѣстѣ съ вашими дѣтьми ѣхалъ до Москвы. Очень бы пріятно мнѣ было, если бы и обратный путь онъ могъ совершить также вмѣстѣ съ ними. Потому прошу васъ покорнѣйше извѣстить меня, когда и какъ и съ кѣмъ поѣдутъ дѣти ваши изъ Москвы? Если опять въ дилижансѣ и съ Павломъ, то очень бы обязали меня, поручивъ Павлу взять въ этомъ же дилижансѣ мѣсто и для Васи. Деньги же я доставлю вамъ или ему, смотря по вашему приказанію, ибо къ первому августа я думаю уже быть въ Москвѣ. До тѣхъ же поръ адресъ мой въ Бѣлевъ, гдѣ и буду съ нетерпѣніемъ ожидать вашего письма.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Иванъ Кирѣевскій.

Изъ своего собранія автографовъ сообщ. въ 1882 г. **В. Н. Поливановъ.**

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ

въ письмахъ къ А. М. Языкову.

23-го апрѣля, 185...

Простите меня, любезный братецъ Александръ Михайловичъ, въ моемъ долгомъ молчаніи на ваше письмо. Я еще весь какъ-то разбитъ во всемъ, въ занятіяхъ, во времени, въ мысляхъ. Старый ладъ конченъ, а новый никакой еще не хочетъ устроиваться. Не то, чтобы я себѣ волю давалъ или баловалъ себя: нѣтъ, я и строго себя муштрую, да изъ этого какъ-то все ничего не выходитъ. На желаніе кн. Черкасскаго узнать о моихъ зимнихъ дорогахъ спѣшить отвѣтомъ было не для чего, ибо приложеніе или испытаніе были уже не возможны. Правило, на которомъ онѣ основаны, состоитъ въ томъ, что имъ не должно давать портиться, а что испорченнаго *поправлять* уже трудно: вы видите, что это правило почти общее для всего, *начиная* съ воспитанія и т. д. и т. д. Поэтому дорогу устраиваю я съ перваго снѣга, былъ бы онъ хоть въ вершокъ глубины. Начала слѣдующія: снѣга отгребать не должно, ибо онъ составляетъ самый матеріалъ дороги (этимъ отвергается шведскій треугольникъ): все достоинство дороги зависитъ отъ уплотненія нижняго слоя (поэтому всякое замедленіе въ прокатываніи съ начала зимы уже не вознаградимо): снѣгъ никогда не ложится ровно даже при погодѣ, почти совсѣмъ тихой (поэтому нужно разрыхлять его и ровнять прежде уплотненія, это объясняетъ неудачу опытовъ съ катками). Вслѣдствіе этихъ правилъ, первымъ орудіемъ для зимнихъ дорогъ полагаю я борону, захватывающую всю ширину полосы, которую назначено обдѣлать. Эту ширину кладу я въ сажень. Борона идетъ отдѣльно или привязывается впереди указывающаго снаряда между имъ и лошадьми. Снарядъ же весь состоитъ изъ саженнаго довольно тяжелаго катка садоваго, который придавливаетъ и сжимаетъ снѣгъ, разрыхленный и уровненный бороною. Но такъ какъ при большихъ снѣжныхъ навалкахъ (за разъ слишкомъ на три вершка), катокъ заваливается въ снѣгу и уже катиться не можетъ, а идетъ въ упоръ

и, наконецъ, останавливается отъ изнуренія лошадей, то для этихъ случаевъ сдѣланъ у меня утюгъ. Позади бороны прикрѣпляется снарядъ, составленный изъ трехъ паръ простыхъ самыхъ полозьевъ, связанныхъ между собою. Груда ихъ обшивается лубкомъ до половины полозьевъ и сверхъ того листовымъ нетолстымъ желѣзомъ. Вся ширина утюга тоже сажень. На хвостъ накладывается тотъ же катокъ и черезъ такое устройство получается наклонная плоскость, спереди легкая и тяжелая сзади, которая идетъ почти безъ сопротивленія, сжимая разровненный снѣгъ и приготовляя возможность катку дѣйствовать на другой день уже всею своею тяжестью. Если навалка продолжается нѣсколько дней, то утюгъ долженъ проходить по дорогѣ всякій день до конца ея. Одного прохода въ день достаточно, но за то ни одного дня пропускать не должно, какая бы ни была погода. Ухабецъ трехъ-дневный уже упрямъ и не разбивается бороною. Смотря по ширинѣ дороги саженный снарядъ дѣлаетъ два, четыре или шесть концевъ, чтобы захватить ее всю. Добрая тройка (т. е. овсяная, хоть и не важная) легко справляется съ этой работою и проходитъ въ день отъ 36 до 42-хъ верстъ, т. е. 18 верстъ двухъ саженной, 9 верстъ четырехъ саженной или отъ 6 до 7-ми верстъ шести саженной дороги. Дѣло, какъ видите, очень просто, а за полный успѣхъ я совершенно отвѣчаю.

Вотъ, любезный братецъ, все, что я могу сказать объ этомъ дѣлѣ. У насъ же новаго довольно. Вышелъ сборникъ и кажется имъ можно похвастаться. Довольно соченъ. Вышли записки С. Т. Аксакова объ охотѣ и едва-ли въ отношеніи языка было у насъ что нибудь подобное. Это книга настольная для литератора. Что о себѣ сказать? Маша у меня выздоровѣла: дѣти здоровы, а я такъ глупъ, что безпрестанно спрашиваю у себя и готовъ спрашивать у всѣхъ: «неужели ея вправду нѣтъ?» Прощайте, будьте здоровы. Вашъ А. Хомяковъ.

(185... г.)

Объ васъ дурные слухи, любезный братецъ, Александръ Михайловичъ; и нездоровы вы и хандрите. Это слова не мои, а Дмитрія Николаевича (Свербѣева); должно быть и хандрите-то вы отъ нездоровья. Такъ какъ наша любезная Наталья Алексѣевна сказала мнѣ главный симптомъ вашей болѣзни, то я присовѣтую вамъ и лекарство. Просто березовый уголь съ сахаромъ во 2-мъ гомеопатическомъ дѣленіи, которое вы сами и сдѣлаете, а принимать три дня сряду и два дня перемежки. Перемежку увеличивать по мѣрѣ улучшенія въ здоровіи. Сдѣлайте это. А хандрить вамъ просто не приходится. Если вы ужъ будете хандрить, то кому же улыбаться и быть бодрымъ? Что же мнѣ-то дѣлать, который охотно и очень охотно, не торгуясь, отдалъ бы все, что имѣю теперь или впереди, за годъ одинъ того, что потерялъ? Мы живемъ

въ тяжелое и испытывающее время. Дѣло большое на границѣ, дѣло большее дома. Вопросъ Бибиковской больше и важнѣе вопроса Царьградскаго. Двѣ партіи: одна хочетъ коснѣть въ прошлой мерзости: другая хочетъ ее поправить новою глупостью. Голоса добрыхъ и разумныхъ людей не слыхать. Кому стыдно? Добрымъ и разумнымъ. Отзовитесь! Надобно куда слѣдуетъ направить отовсюду настоящую мятель протестовъ и противъ прошедшаго, и противъ новаго. Кто лучше васъ можетъ это сдѣлать изъ Симбирска? Вы желаете свободы для крестьянъ, но вы человѣкъ практическій, а не утопистъ. Разберите инвентарь въ его нелѣпости и предложите хоть проэктъ мѣстнаго разрѣшенія. Многіе уже за это берутся: между прочимъ и Д. Н., который впрочемъ объ этомъ секретничаетъ. Не выводите меня ему.

Подбейте еще кого знаете въ Симбирскѣ, но не медлите. Я сегодня слышу, что по этому вопросу составленъ въ Петербургѣ комитетъ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника. Тамъ очень будутъ рады доброму слову. Самъ я не пишу по причинамъ, весьма понятнымъ, но мысль моя и желаніе передадутся. Инвентарь доставятъ вамъ или Наталья Алексѣевна, или Д. Н. Достать можно.

Я опять взялся за стихи. Прилагаю слѣдующіе, которые имѣютъ успѣхъ и вамъ будутъ интересны [1]):

Къ Россіи.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ;
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная
Туда, гдѣ землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудіемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго:
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

---

[1]) Не считаемъ возможнымъ опустить здѣсь это извѣстное всей грамотной Россіи стихотвореніе—перлъ въ ряду поэтическихъ произведеній А. С. Хомякова.
Ред.

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна,

О недостойная избранья,
Ты избрана!... Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой.

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной:
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача изцѣли.

И встань потомъ, вѣрна призванью!
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью.
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечемъ! то Божій мечъ!

Я послалъ ихъ въ П...гъ. Какъ вы думаете признаютъ-ли ихъ патріотическими и меня патріотомъ своего отечества? А вѣдь надобно было правду сказать. Прощайте, любезный братецъ. Будьте здоровы и будьте добры. Это нужно всѣмъ и каждому: всякій человѣкъ на это званъ и поставленъ. Прощайте. Вашъ А. Хомяковъ.

Поздравляю васъ съ новымъ племянникомъ. Отчего эта судьба, связывающая стихотворные роды?

Примѣчаніе. Помѣщенное здѣсь письмо А. С. Хомякова сообщено В. Н. Поливановымъ изъ его обширнаго и прекраснаго собранія автографовъ. Ред.

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО

въ письмахъ его къ О. М. Бодянскому.

I.

13 (марта?) 1844 року, у суботу.

Ма буть такого ледачого до письма чоловика и на свити нема якъ я. Третій ты си день лыжать оци кныжки у мене и я всякій день думаю писать до васъ, потурбуйтесь будьте ласкавы отдать ихъ у ту кантору що вы говорилы бо я иі не знаю адреса, а въ васъ тойди не спытавъ; отдайте Тризну по копи а Гамалію по пивкопы-серебромъ, проценты таки яки винъ положить. Гамалія не поправленый якъ мы звамы тойди поправляны, бо безъ мене надрюкованый полукацапомъ. Ще ось що чи я вамъ росказувавъ, що я хочу рисовать нашу Украйну, колы не росказувавъ, то слухайте. Я иі нарисую въ трехъ кныгахъ, въ першій будуть виды чи то по краси своій, чи по исторіи преклитни; въ другій теперишній людскій бытъ, а въ третій—историю. Тры эстампы уже готови—печерска Кіевска крыныця, судня въ семъ рада и дары Богданови и Украинскому народови. У тимъ мисяци пришлю въ Москву съ билетами на подписку, въ годъ буде выходить 10-ть картынъ. На виды и на людскій бытъ текстъ буду самъ писать, або Кулиша просы ты му, а на историю потурбуйтесь будьте ласкавы вы писать, тры лысточки въ годъ, тилько по нашому щобы тя милы безглузди кацапы. Текстъ думаю выпускать разъ въ годъ, а картыны тричи. Пославъ бы ви Кобзаря свого и Гайдамакивъ, та ей Богу и въ себе нымаю ни одного экз.; не здывуйте що я такъ мало пишу вамъ, далеби николы, иду въ академію малювать, а колы мате мете часъ и охоту, то пышить до мене въ Спб. въ импер. акаде. худож. Тарасу Григоровичу Ше. Бувайте здорови, згадуйте инколы щирого до васъ Т. Шевченка.

II.

29-го іюня 1844 г.

Чи вы на мене расердылысь, чи не добра васъ знае, уже другій мисяць, якъ жду одъ васъ звистки хочъ якои не будь нема тай годи, чи получилы вы Тризну и Гамалія, чи ни и якъ тамъ у васъ ихъ привытали скажить мыни, будьте ласкавы; я рисую теперъ Украину и для исторіи прошу вашого помоги; я здаеця той дн вамъ расказувавъ якъ я думаю це зробить. Бачте ось якъ. Нарисую види яки есть на Украини чи то исторіею, чи то красотою преклитни; вдруге якъ теперишній народъ живе, въ трете якъ винъ колысь живъ и що выроблявъ. Изъ теперишнёго быту посилаю вамъ одну картыну для штампу, а еще тры будуть готови у августи, а въ годъ буде выходыть 10-ть съ текстомъ, а текстъ історіческій будете вы компоновать, бо треба бачте по нашому, або такъ якъ есть въ литописи вѣрна; а вы якъ що не будь начитаете, такъ що можна нарисовать, то заразъ мыни и роскажить, а я и нарисую. Будкова и Сторожека я тежъ оцимъ турбую, а Грабовскій буде мыни польски штуки выдавать, а Кулишъ буде компоновать текстъ для народного теперишнёго быту, такъ о таку то я записывъ полишку якбы тилько добри люде помоглы дошисыть, а потимъ и вмисты бувайте здоровы пишить швыдче бо ляяшему. Щирый вашъ Т. Шевченко.

Помѣта: Получ. 7-го іюня 1844, въ пяти.

III.

Оренбургъ, генваря 3-го 1850 г.

Поздоровляю тебе въ цимъ новымъ рокомъ, друже мій единый! Нехай съ тобою діеця те чого ты у Бога благаешъ; давно давно мы не бачилысь, та не знаю чи и побачимося швыдко, а може вже и николе. Крый маты Господня! а думаю що такъ, бо мене дуже далеко за правтора моя погана доля, та добріи люди! Я оце вже третій рокъ якъ пропадаю въ неволи, въ цимъ Богомъ забутимъ краи! Тяжко мени друже! дуже тяжко! та що маю робить? Перейшовъ я пишки двичи всю Кыргизкую степъ ажъ до Оральского моря, плававъ по йому два лита, Господы яке погане! ажъ брыдко згадувать! нете що росказувать добрымъ людямъ.

Ось бачъ якъ зо мною диялось; поихавъ я тойди въ Кіевъ изъ Петербурга, тойди якъ мы зъ тобою въ Москви бачилысь, и думавъ уже въ Кыеви ожениця, тай жить на свити якъ добри люде живуть, уже було и подружіе найшлось. Та Господь не благословывъ моеі

доброй доли! Не давъ мени доконцить вику короткого на нашій любій Украині; тяжко! ажъ слйозы капають якъ згадаю такъ тяжко! Мене зъ Кыева загналы ажъ сюды и за що? за вирши! и заказалы писать ихъ, а що най горше... рисовать! И отеперъ бачишъ акъ я отутъ пропадаю, живу въ казармахъ межъ солдатами, ни скимъ слово промовить, и нема чого прочитать—нудьга! нудьга така! що вона мене не забаромъ вжене въ домовину! не знаю чи каравей ще хто на симъ свити такъ, якъ я теперъ караюсь? и не знаю за що? Оцей що привезе тоби лыстъ мій, нашъ землякъ Левицкій. Привитай його, друже мій добрый, добра щира душа! винъ мени въ велыкій ставъ пригоди на чужини! дай йому мою Тризну и Гамалія колы вони ще живи, а мени колы буде твоя ласка, пришлы Кониского, добрее зробишъ дѣло, нехай я хочъ читатыму про нашу безъ таланную Украину, бо я вже іи николе не побачу! Такъ шось серце вищуе!

Пришлы и напиши колы буде ласка (по адресу: въ Оренбургъ Карлу Ивановичу Герну въ генеральный штабъ) а мене на адреси не упоминай цуръ йому винъ знатыме по штемпелю. Оставайся здоровъ, друже мій едыный! Нехай тоби Богъ посылае чого ты въ його просышъ. Згадуй инколе безталанного Т. Шевченко.

А щобъ не оставалося гулящого паперу, то на тоби виршъ съ десятокъ свои роботы.

Якъ маю я журытыся
Докучиты людямъ,
Пиду соби свитъ за очи
Що буде тей буде.
Найду долю—одружуся
Не найду—втоплюся,
А не продамъ себе людямъ
Въ наймы не наймуся.

Пишовъ соби свитъ за очи
Доля не спиткалась..
А воленьку добри люде
И не торговалы,
А безъ торгу закинулы
Въ далеку неволю!
Щобъ не було свободного
На нашому полю!

IV.

Ново-Петровское укрѣпленіе 1852 г. ноября 15-го.

Витаю тебе мій добрый, мій единый друже! Лучше всего молчать бы ежели нѣчего сказать добраго, но увы! человѣку необходимо исповѣдывать свое горе, а мое горе великое! и кому какъ не тебѣ его я

исповѣдую? Шестой годъ уже какъ я обезволенъ и шестой годъ какъ не пишу никому ни слова, та правду сказать и писать нѣкому, въ добрѣ та щастіи бывало на собаку кинешъ, а влучишъ друга, або великого пріятеля; не даромъ Мерзляковъ сказалъ: всѣ други, всѣ пріятели до черного лишь дня, а покойный Данте говоритъ, что въ нашей жизни нѣтъ горьшаго горя, какъ въ нещастіи вспоминать о прошломъ щастіи. Правду сказалъ покойный Флорентинецъ, я это на себѣ теперъ каждый день испытываю. Хоть тоже правду сказать, въ моей прошлой жизни не много было радостей, по крайней мѣрѣ все таки было похоже немного на свободу, а одна тѣнь свободы человѣка возвышаетъ. Прежде бывало хоть посмотришъ на радости людей, а теперъ и чужого щастія не видишъ. Кругомъ горе, пустыня, а въ пустынѣ казармы, а въ казармахъ солдаты, а солдатамъ какая радость къ лицу! въ такой то сферѣ, друже мой, я теперъ прозябаю и долго ли еще продлится это тяжкое испытаніе!

Не жаль бы было еслибъ терпѣлъ да зналъ за что? а то ей Богу не знаю; напримѣръ, мнѣ запрещено рисовать, а я во всю жизнь мою одной черты не провелъ предосудительной, а не давать заниматься человѣку тѣмъ искусствомъ, для котораго онъ всю жизнь свою посвятилъ, это ужаснійшая кара! Кромѣ душевныхъ мученій, которые я теперъ терплю, я не имѣю наконецъ, кромѣ солдацкой порціи, ничего лишняго, не имѣю наконецъ бѣдного рубля денегъ, чтобы хоть святцы выписать, не говорю уже о журналѣ, вотъ какое горе одолѣло! просить стыдно, а красть грѣхъ, что тутъ дѣлать? я думалъ, думалъ да и выдумалъ вотъ что: поиздержись немного узника ради и пришли мнѣ лѣтопись Кониского, или Величка, великое скажу тебѣ спасибо.

Со времени моего изгнанія я ни одной буквы не прочиталъ о нашей бѣдной Малороссіи, а что зналъ о ея минувшемъ прежде, то и малое быстро забываю и твой подарокъ будетъ для меня истинною радостію. Послалъ бы я тебѣ денегъ на эту книгу, такъ же ей Богу нѣтъ; во всемъ укрѣпленіи только одинъ лекарь выписываетъ кой-что литературное, а прочіи какъ будьто и грамоти не знаютъ; такъ у него у лекаря когда выпросишъ что небудь такъ только и прочитаешъ, а то хоть сядь та и плачъ.

Нынѣшнюю осень посѣтилъ наше укрѣпленіе нѣкто г. Головачевъ, кандидатъ московскаго университета, товарищъ извѣстнаго Корелина и членъ общества московскаго естествоиспитателей; я съ нимъ провелъ одинъ только вечеръ, т. е. нѣсколько часовъ, самыхъ прекрасныхъ часовъ, какихъ я уже давно не знаю. Мы съ нимъ говорили, говорили и, Боже мой, о чемъ мы съ нимъ не переговорили! Онъ сообщилъ мнѣ все, что есть нового и хорошаго въ литературѣ, на сценѣ

и вообще въ искуствѣ. О тебѣ вспомнилъ я, и Головачевъ, какъ ученикъ и почитатель твой, говорилъ о тебѣ съ восторгомъ. Въ 9 часовъ вечера мы съ нимъ ростались (по пробитіи зари мнѣ кромѣ казармъ нигдѣ быть нельзя). Я не могъ съ нимъ написать тебѣ и нѣсколько словъ, просилъ его тебѣ нызенько поклонится тай годи. Въ тотъ самый день какъ я встрѣтился съ Г. т. е. 1-го октября получилъ я письмо отъ твоего товарища, а отъ моего доброго пріятеля Андрея Козачковского, изъ г. Переяслава, благодарю его, онъ одинъ меня не забываетъ въ напасти.

Когда получишъ мое посланіе, то раздери его на двое и одну половину отдай А. Филиповичу Головачеву, ты его вѣроятно нерѣдко видѣшъ.

Прощай мій друже Богу милый! желаю тебѣ радости въ богоугодныхъ трудахъ твоихъ, не пишу тебѣ много потому, что я это немногое такъ печально, что можетъ быть ты и читать не захочешъ.

Оставайся здоровъ, не забывай безталаннаго Т. Шевченко.

Помѣта: Получ. 15 дек. 1852 г.

V.

1-го мая 1854.

Христосъ Воскресе! Привитай друже мій единый оцёго Уральского козачину; я познакомився не дуже давно винъ мени тоиди здавався добрымъ чоловикомъ и щирымъ Уральскимъ козакомъ, може теперъ зопсувся у вашій билокаменній. Ась що винъ у тебе попросыть для мене Слово о полку Игоря, Максимовича, або Шишкова, дай йому рады святой нашой поэзіи одинъ экземпляръ колы маешъ. Бачишъ у мене давно вже думка заворушалась перевесты його те слово на нашъ милый, на нашъ любій Украинскій языкъ, достань будь ласкавъ, та передай цёму козачини. Спасыбо! тоби друже мій милостывый за лѣтописи, получивъ я ихъ отъ Головачева всѣ до одной и теперъ соби здоровъ прочитую по трохи; писавъ ще я въ Кіевъ Иванишову щобъ прыславъ мени лѣтопись Велычка, такъ отъ уже другій рокъ жду не дождуся, та ма буть Иванышовъ (безъ сорома козка) забувъ якъ мене и зовуть, а колы такъ воно робиця на симъ свитѣ, то не забувай хочь ты мене мій единый друже! Чи нема въ тебе якого небудь завалящого ледащички экземпляра тіеи лѣтописи Велычка, якъ що маешъ то отдай сёму козачини, а винъ мени перешле іи, а я о твоимъ здравіи Богу помолюся.

Чи ны побачися колы небудь зъ Головачевымъ, поцилуй його за мене и скажи йому що я и доси жду жду Щербину. Бо бачишъ: якъ

мы знымъ бачилыся по заторикъ уцимъ поганимъ укрѣпленіи, то винъ читавъ мени деяки вирши Щербины и обицявся выслать мени изъ Москвы одынъ экземпляръ та й доси нема.

Оставайся здоровый. Якъ мати мешъ гулящій часъ, то пиды въ Симоновъ монастырь и за мене помолыся Богу на могили Гоголя за его праведную душу.

Не забувай Т. Шевченко.

VI.

Лыстопада 3-го 1854 року.

Посылаю тоби друже мій единый съ г. Семеновымъ, полычя оційого некче много Гетманца дывлячися на його згадуй и мене инколы. Я боявся нарисовать себе москалемъ, щобъ ты часомъ не перелякався, глянувше на поличье мое въ московскій шенели, або Боже крый ще и въ мундири! а Гетминецъ думаю не перелякае тебе, а може ще и порадуе твою запорозьку душу. Прыймижъ его та привитай цйого некчешного Гетминцы, друже мій едыный! пославъ бы тоби що небудь—краше, такъ у мене теперъ ей Богу нема ничого, а про мою погану долю роспитай у г. Семенова, винъ тоби роскаже про мене про такого якъ мене добре бачивъ.

Писавъ я до тебе недавно черезъ одного мого велыкого пріятеля уральского козака, та и доси не знаю, чи получивъ ты одъ його ту цыдулу, чи ни?

Найшлося бъ тоби ще де що про себе написаты, та николи.

Спасыбо тоби ще разъ за лѣтописи, я ихъ уже на память читаю, оживае моя мала душа читаючи ихъ! спасыбо тоби!

Згадуй инколы искренного твоего Т. Шевченко.

Помѣта: Пол. $\frac{8}{XII}$ 54, середа.

На оборотѣ: Осипу Максимовичу Бодянскому въ Москвѣ.

Сообщ. А. А. Титовъ.

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ

въ его письмахъ.

Предлагаемыя письма Ѳ. М. Достоевскаго писаны имъ въ 1850-хъ гг. къ г-ну Е—у, передавшему ихъ намъ для напечатанія.

Знакомство г-на Е—а съ Ѳ. М. Достоевскимъ было кратко: они видѣлись всего одинъ разъ. Въ 1854 г. г. Е—ъ имѣлъ порученіе по службѣ объѣхать нѣкоторыя мѣстности Сибири; между прочимъ ему пришлось быть и въ Красноярскѣ, гдѣ онъ остановился въ казенномъ домѣ у одного знакомаго. Ему хотѣлось познакомиться съ Достоевскимъ, содержавшимся въ то время въ арестантскихъ ротахъ въ Красноярскѣ, и по его просьбѣ Достоевскій былъ назначенъ расчищать снѣгъ на дворѣ того казеннаго дома, гдѣ остановился г. Е—ъ. Само собой разумѣется, что Достоевскій на этотъ разъ снѣга не расчищалъ, а провелъ нѣсколько часовъ съ г. Е—ъ. Этимъ однимъ свиданіемъ ограничилось личное знакомство г. Е—а съ Достоевскимъ, но когда послѣдній былъ освобожденъ изъ арестантскихъ ротъ, онъ нѣсколько разъ писалъ къ г. Е—у, который отвѣчалъ ему и исполнялъ въ Москвѣ разныя его порученія. Къ сожалѣнію у г. Е—а изъ писемъ Достоевскаго сохранились только два,—одно отъ 1856 года, другое отъ 1858 года.

Печатаемыя письма интересны тѣмъ, что рисуютъ намъ состояніе духа Достоевскаго въ то время, сообщаютъ намъ нѣкоторыя подробности объ его занятіяхъ, вообще объ его жизни.

Посылка Достоевскому отъ его брата Михаила, о которой говорится въ первомъ письмѣ, была дѣйствительно получена г-мъ Е—ъ: онъ послалъ ее по почтѣ на имя одного знакомаго чиновника, но тотъ, извѣщенный, что эту посылку онъ долженъ передать Достоевскому, убоялся сношеній съ политическимъ преступникомъ и, чтобы совершенно избѣгнуть какихъ-нибудь непріятностей, вовсе отказался отъ полученія посылки, которая такъ неизвѣстно гдѣ и пропала. Такимъ образомъ Ѳ. М. Достоевскій не получилъ ни посылки брата, ни книгъ, отправленныхъ съ нею вмѣстѣ г-мъ Е—ъ.

Намъ остается только прибавить, что сношенія г. Е—а съ Достоевскимъ скоро прекратились.

Въ началѣ 1859 г., г. Е—ъ переѣхалъ изъ Москвы въ провинцію, переписка остановилась, тѣмъ болѣе, что Достоевскій былъ около этого времени возвращенъ въ Европейскую Россію изъ Сибири. Затѣмъ ни въ 1860-хъ гг., ни въ 1870-хъ годахъ Е—ъ не переписывался съ Достоевскимъ и никогда съ нимъ больше не встрѣчался.

I.

Апрѣля 15 (1856 (?) года).

Благодарю васъ, многоуважаемый Е., за вашу память обо мнѣ и за ваше ко мнѣ вниманіе. Я неожиданно, къ моему счастью, нашелъ въ васъ какъ будто родного. Еще разъ благодарю. О себѣ скажу, что живу я большею частію одними надеждами, а настоящее мое не очень красиво. Къ тому-же примѣшалось и дурное здоровье. Мой товарищъ Д(уровъ?) вышелъ изъ военной службы и, какъ я слышалъ, опредѣлился въ Омскѣ къ статскимъ занятіямъ. Все это по болѣзни.

Пушкина [1]) я получилъ. Очень благодарю васъ за него. Братъ мой писалъ мнѣ, что онъ еще весною прошлаго года послалъ мнѣ черезъ васъ нѣкоторыя книги, какъ напримѣръ святыхъ отцовъ, древнихъ историковъ, и изъ вещей ящикъ сигаръ. Но я ничего не получилъ отъ васъ. Теперь увѣдомьте, пожалуйста: посылали-ли вы ко мнѣ? Если посылали, то пропало въ дорогѣ. Если не посылали, то конечно, сами не получали. Сдѣлайте одолженіе увѣдомьте объ этомъ брата.

Мои занятія здѣсь самыя неопредѣленныя. Хотѣлось бы дѣлать систематически. Но я читаю и пописываю какими-то порывами и урывками. Времени нѣтъ, особенно теперь; совсѣмъ нѣтъ. Пишете вы о сборѣ пѣсенъ. Съ большимъ удовольствіемъ постараюсь, если что найду. Но врядъ ли. Впрочемъ постараюсь. Самъ же я до сихъ поръ не собиралъ ничего подобнаго. Меня останавливала мысль, что если дѣлать, то дѣлать хорошо. А случайно собирать, хоть бы народныя пѣсни, ничего не сберешь. Безъ усилій ничего не дается. Къ тому же занятія мои теперь другого рода. Сколько нужно прочесть, и какъ я отсталъ! Вообще въ моей жизни безалаберщина.

Увѣдомьте, ради Бога, кто такая Ольга Н. [2]) и Л. Т. (напечатавшій «Отрочество» въ Современникѣ)?

Прощайте, дорогой Е. Не забывайте меня, а я васъ никогда не забуду. Вашъ Достоевскій.

Прилагаю при семъ письмо къ К. И. Иванову [3]). Перешлите, пожалуйста, въ Петербургъ въ домъ Лисицына, у Спаса Преображенія. Но вѣроятно адресъ вы сами знаете.

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина въ изд. П. В. Анненкова.

[2]) Ольга Нарская и гр. Л. Н. Толстой.

[3]) Нынѣ ген.-лейт. Константинъ Ивановичъ Ивановъ.

II.

Семипалатинскъ. 12 декабря 1858.

Давно уже я не писалъ вамъ ничего, добрѣйшій и благороднѣйшій Е., и считаю это непростительнымъ съ моей стороны. Вы такъ благородно и просто изъявляли мнѣ постоянно ваше участіе, что забыть о васъ я никогда не могу и очень боюсь, если вы назовете меня человѣкомъ безъ сердца и памяти. Но увѣряю васъ, что это будетъ несправедливо. Если же я вамъ такъ давно не писалъ, то это не отъ невнимательности или забывчивости. Я уже три мѣсяца сряду собираюсь писать вамъ и не соберусь отъ разныхъ причинъ, между прочимъ и потому, что желалъ бы написать о себѣ что нибудь положительное. Каждый день и часъ жду рѣшенія судьбы моей и не дождусь. Вы не повѣрите, какъ это тошно.

Вотъ уже скоро годъ безъ нѣсколькихъ дней, какъ я подалъ въ отставку, упомянувъ въ моей просьбѣ (сообразно формѣ), что жительство буду имѣть въ Москвѣ. Моя отставка пошла, и до сихъ поръ о ней ни слуху, ни духу. Не знаю, что задерживаетъ. Просился я въ отставку по болѣзни (падучей). Отставка выйдетъ когда нибудь, но не будетъ-ли препятствія ѣхать въ Москву, вотъ въ чемъ вопросъ. Братъ и другіе, берущіе во мнѣ близкое участіе, увѣряютъ меня, что сомнѣній не можетъ быть никакихъ. Не знаю, но расположеніе мое пренепріятное. Я даже предпринять не могу ничего положительнаго во многихъ дѣлахъ, крайне меня интересующихъ, потому что не знаю, что̀ впереди и какъ расчитать. Живу въ Семипалатинскѣ, который надоѣлъ мнѣ смертельно; жизнь въ немъ болѣзненно мучитъ меня. Не могу вамъ за краткостью всего объяснить. Можете ли вы себѣ представить, что даже самыя занятія литературой сдѣлались для меня не отдыхомъ, не облегченіемъ, а мукой. Это уже хуже всего. Во всемъ виновата моя обстановка и болѣзненное положеніе мое. Журналовъ я не читаю, и вотъ уже полгода не бралъ въ руки даже газетъ. Полагая, что скоро выѣду въ Россію, не записался, а брать не у кого, потому что не хочется быть инымъ людямъ хоть чѣмъ нибудь одолженнымъ. И увѣряю, это не гордость и не озлобленіе съ моей стороны. А такъ,—всего не раскажешь.

Катковъ мнѣ писалъ письмо и по просьбѣ моей выслалъ мнѣ впередъ 500 руб. сереб. Я обѣщалъ ему романъ, засѣлъ писать съ увлеченіемъ, но бросилъ, ибо хочу написать хорошо, а недостаетъ кой-какихъ справокъ, которыя нужно сдѣлать самому, лично въ Россіи. На обумъ же писать не хочу. И потому оставилъ мой большой ро-

манъ, принялся за другой. Засѣлъ черезъ силу, но потомъ скоро увлекся и писалъ съ удовольствіемъ. Но выходитъ великъ—листовъ 12. Отдѣлавъ ²/₃, я оставилъ его, вотъ по какому случаю. Такъ какъ денегъ мнѣ нужно поминутно и много (особенно по поводу моей женитьбы), такъ вотъ я весь задолжалъ (теперь нѣтъ), то братъ мой вошелъ въ Петербургѣ въ условія съ будущею редакціею будущаго журнала «Русское Слово»,—выйдетъ въ 1859 году, заключилъ отъ себя, на мое имя, условіе, взялъ впередъ 500 руб. (по 100 руб. съ листа) и выслалъ мнѣ деньги. Отъ денегъ я отказаться не могъ и одобрилъ всѣ условія, думая кончить къ Новому году. Но не кончивъ къ сентябрю Каткову, опомнился и схватился за повѣсть въ «Русское Слово», и теперь пишу ее на почтовыхъ, почти совсѣмъ кончилъ. На дняхъ отсылаю. Каткову же примусь тотчасъ по отсылкѣ въ «Русское Слово» и въ непродолжительномъ времени вышлю половину,—чтобы видѣлъ, что я дѣло дѣлаю. Но не думайте, чтобы Катковъ меня торопилъ. Напротивъ, онъ мнѣ написалъ преблагородное письмо, въ которомъ просилъ меня не тяготиться долгомъ и не насиловать себя. Оттого-то мнѣ такъ и хочется поскорѣе кончить. Я же передъ нимъ очень виноватъ, взявъ обязательства въ «Русское Слово», тогда какъ обязанъ былъ сперва кончить ему. Не говорю уже о томъ, сколько болѣзнь (падучая) отняла у меня времени, а главное, расположеніе духа. Кромѣ того были и другія обстоятельства. Вотъ вамъ, добрѣйшій Е.., краткая повѣсть обо мнѣ. Повторяю, вы такъ стали мнѣ близки вашими поступками со мной, что я ужъ не могу молчать передъ вами и не говорить вамъ моего всего откровенно. И однакожъ я многое еще вамъ не написалъ.

Прощайте, добрѣйшій Е., не забывайте меня, а я о васъ всегда буду помнить. Можетъ быть скоро увидимся. Вашъ весь Өедоръ Достоевскій.

Пишу на прежній адресъ и не знаю, дойдетъ-ли.

Прилагаемъ еще отрывки изъ двухъ писемъ Ө. М. Достоевскаго къ г-жѣ Ш*. Оба письма писаны весною 1860 года изъ Петербурга въ Москву. Заимствуемъ то, что касается до самого Достоевскаго, до его занятій и литературныхъ отношеній.

I.

14-го марта (1860 г.).

...«Здѣсь у насъ скучно, даже очень. Погода скверная. Маленькія хлопоты, а хотѣлось бы писать, и вообще такая безразсвѣтная скверность, что и представить нельзя, по крайней мѣрѣ у меня. Думаю

не оживитъ-ли весна? Хоть бы дней на 7 остави
Петербургъ! Авось состоится наша прогулка въ М

Прощайте, добрѣйшая и многоуважаемая..., не
меня, что написалъ съ помарками, кошачьимъ почер
почеркъ—мое единственное сходство съ Наполеоно
совершенно не способенъ написать хоть двѣ строки

II [2]).

Вторникъ

«Многоуважаемая и добрѣйшая ..., вотъ уже
въ Петербургѣ и воротился къ своимъ занятіямъ.
Москву представляется мнѣ какъ сквозь сонъ; оп
сырость, на слякоть, на ладожскій ледъ, на скуку

«Воротился я сюда и нахожусь вполнѣ въ лих
женіи. Всему причиною мой романъ. Хочу написать
что въ немъ есть поэзія, знаю, что отъ удачи его зави
тературная карьера. Мѣсяца три придется теперь с
За то какая награда, когда кончу! Спокойствіе, яс
гомъ, сознаніе, что сдѣлалъ то, что хотѣлъ сдѣл
своемъ. Можетъ быть въ награду себѣ поѣду за г
два, но передъ этимъ непремѣнно заѣду въ Москв

«...Самолюбіе хорошая вещь, но по моему его ну
для главныхъ цѣлей, для того, что самъ постави
назначеніемъ въ жизни. А прочее все вздоръ. Тол
лось, это главное; да была бы симпатія къ людя
удалось и отъ другихъ заслужить симпатію. Даже
цѣлей—одно это уже достаточная цѣль въ жизни».

«Но я слишкомъ зафилософствовался. Новостей
почти нѣтъ. Писемскій очень боленъ, ревматизм
къ Ап. Майкову; онъ разсказывалъ, что Писемс
дится, капризится и проч., и проч., не мудрено: бол
Кстати: не знавали-ли вы одного Сниткина? онъ
комическіе стихи подъ именемъ Аммоса Шишкина.
заболѣлъ и умеръ въ какіе нибудь шесть дней. Ли
принялъ участіе въ его семействѣ. Очень жаль.

---

[1]) Ѳ. М. собирался въ Москву вмѣстѣ съ своимъ б
который ѣхалъ туда по дѣламъ.

[2]) Въ концѣ апрѣля 1860 г. Достоевскій былъ въ М
шись, написалъ вскорѣ г-жѣ Ш*.

быть вы его не знали. Видѣлъ Крестовскаго. Я его очень люблю. Написалъ онъ одно стихотвореніе и съ гордостію прочиталъ намъ его. Мы всѣ сказали ему, что это стихотвореніе ужасная гадость, такъ какъ между нами принято говорить правду. Что-же? Ни мало не обидился. Милый, благородный мальчикъ! Онъ мнѣ такъ нравится (все болѣе и болѣ), что хочу, когда нибудь, на попойкѣ выпить съ нимъ на ты. Удивительно странныя бываютъ иногда впечатлѣнія! Мнѣ все кажется, что Крестовскій долженъ скоро умереть, а почему это впечатлѣніе? и самъ рѣшить не могу.—Хочется намъ сдѣлать что нибудь порядочное въ литературѣ, какое нибудь предпріятіе. Сильно мы заняты этимъ. Можетъ быть и удастся. По крайней мѣрѣ всѣ эти задачи—дѣятельность, хотя только 1-й шагъ. А я понимаю, что значитъ первый шагъ, и люблю его. Это лучше скачковъ»... [1]).

«... У меня прескверный характеръ, да только не всегда, а по временамъ. Это-то меня и утѣшаетъ».

Өедоръ Достоевскій.

---

[1]) Съ января 1861 г. М. М. и Ө. М. Достоевскіе предприняли изданіе литературнаго ежемѣсячнаго журнала: „Время“.

Михайловскій замокъ,

дворецъ императора Павла I въ С.-Петербургѣ

въ 1800—1801 гг.

На мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка, т. е. дворца императора Павла I, прежде находился Лѣтній садъ, разведенный Петромъ I и занимавшій пространство въ ширину отъ Мойки до Фонтанки, а въ длину отъ Невы до Невскаго проспекта, раздѣляясь на двѣ части, подъ названіемъ верхняго и нижняго. Императоръ Павелъ повелѣлъ отдѣлить значительную часть нижняго сада для постройки Михайловскаго замка, а другая часть сохранилась при Михайловскомъ дворцѣ (построенъ въ 1825 г. архитекторомъ Росси), гдѣ прежде были оранжереи и огороды.

Проэктъ для Михайловскаго замка былъ составленъ любимцемъ Павла Петровича, знаменитымъ русскимъ зодчимъ, Вас. Ив. Баженовымъ (род. 1737 † 1799 г.), котораго въ 1792 г. государь, бывши еще великимъ княземъ, вызвалъ въ Петербургъ изъ Москвы и сдѣлалъ своимъ архитекторомъ. По вступленіи на престолъ, пожаловалъ Баженову 1000 душъ крестьянъ, произвелъ изъ коллежскихъ совѣтниковъ прямо въ дѣйствительные статскіе, наградилъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ бриліантами, значительнымъ жалованьемъ и званіемъ вице президента академіи художествъ. Баженовъ, въ царствованіе Павла I, производилъ постройки въ Гатчинѣ и Павловскѣ, съ ихъ оранжереями, садовыми постройками и проч, въ Кронштадтѣ выстроилъ провіантскіе сухарные магазины съ печами собственнаго изобрѣтенія, а въ Петербургѣ инвалидный домъ на Каменномъ острову и Михайловскій замокъ, образцомъ для котораго служилъ Генуэзскій славный дворецъ. Постройка замка была начата подъ личнымъ руководствомъ Баженова въ 1796 г., на мѣстѣ лѣтняго дворца, сооруженнаго въ 1746 г., но параличъ, разбившій старика строителя, заставилъ императора Павла передать надзоръ за постройкою архитектору Бренна, который измѣнилъ нѣсколько фасады дворца. На сооруженіе его ассигновано было 791,200 руб., а сверхъ сего въ теченіе 3 лѣтъ на украшеніе его отпущено по 1,173,871 р. 10 к. Черезъ два года послѣ закладки дворецъ былъ оконченъ. Архитектура дворца представляетъ итальянскій стиль временъ возрожденія и до сихъ поръ еще это зданіе составляетъ одну изъ замѣчательныхъ построекъ столицы. Наружные фасады замка разнообразны, такъ какъ каждый фасъ имѣетъ свой особенный характеръ: главный лицевой, выходящій на плацъ—изъ краснаго и сѣраго мрамора, по сторонамъ воротъ двѣ большія пирамиды съ трофеями; сверхъ карниза возвышается фронтонъ, украшенный барельефомъ изъ пудожскаго камня, а надъ фронтономъ мраморный аттикъ и императорскій гербъ, поддерживаемый двумя фигурами славы. Въ нижнемъ этажѣ двѣ ниши по обѣимъ сторонамъ средняго выступа, украшеннаго 12-ю коллонами; главный карнизъ и парапетъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, точно также какъ и фризъ. на которомъ бронзовая надпись: «дому Твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней». Фасадъ, противуположный главному, имѣетъ обширное крыльцо изъ

сердобольскаго мрамора, на которомъ утверждены 10 колоннъ, поддерживающихъ балконъ. Сторона, обращенная къ Фонтанкѣ, съ однимъ выступомъ и балкономъ, а на Большую Садовую имѣетъ изъ бельэтажа гранитную лѣстницу, подъ которой находится входъ внутрь зданія.

Теперь дворецъ этотъ называется замкомъ лишь по имени, но въ то время, когда въ немъ жилъ императоръ Павелъ. онъ дѣйствительно представлялъ замокъ, сильно укрѣпленный рвами (теперь засыпанными), брустверами и двадцатью орудіями. Черезъ рвы были подъемные мосты, поднимавшіеся на ночь, а кругомъ всего замка шла чугунная рѣшетка. Входъ къ замку вели трое воротъ: Воскресенскія—съ гранитнымъ портикомъ и колоннами на главный дворъ (внутри замка находятся еще три двора); Рождественскія—чугунныя, со стороны Большой Садовой, и Зачатійскія ворота съ Фонтанки.

При отдѣлкѣ Михайловскаго замка употреблены были всѣ художники, какіе находились въ 1800—1801 гг. въ Петербургѣ: Угрюмовъ (написавшій для императора Павла лучшія свои картины: «Покореніе Казани» и «Возведеніе на царство Михаила Ѳеодоровича»), Акимовъ, Петровъ, Ивановъ, Шебуевъ, Кречетниковъ, Щедринъ, Мартыновъ, Алексѣевъ, Смуглевичъ, Миттенлейтеръ, Скотти и Виги,—вотъ общій списокъ живописцевъ, писавшихъ для Михайловскаго замка. Кромѣ того многими эрмитажными картинами Павелъ I украсилъ свой новый дворецъ и пріобрѣлъ для него одну изъ лучшихъ картинъ Рубенса «Тигръ» и 4 красивыхъ пейзажа Жозефа Верне [1]).

Внутреннее расположеніе замка напоминаетъ еще первоначальную его роскошь: высокими комнатами, позолотою на карнизахъ, живописью, сохранившеюся на потолкахъ, и великолѣпною парадною лѣстницею, а также гранитными колоннами, поддерживающими потолокъ, и мраморными въ иконостасѣ церкви, основанной въ 1800 г. во имя Михаила Архистратига.

Внѣшнее же великолѣпіе замка совсѣмъ не представляетъ того, что было при его основаніи, когда на всѣхъ фасадахъ красовались мраморныя статуи, вазы и другія фигуры, служащія въ настоящее время украшеніемъ внутреннихъ покоевъ Зимняго дворца.

Въ 1801 г. зданіе замка было передано въ гофъ-интендантское вѣдомство, а картины и внутреннее убранство отосланы для храненія въ Зимній, Мраморный и Таврическій дворцы.

Въ 1819 г. съ преобразованіемъ инженернаго корпуса замокъ былъ переданъ въ военное вѣдомство и получилъ названіе Инженернаго.

Въ настоящее время въ немъ помѣщается управленіе корпуса военныхъ инженеровъ, штабъ генералъ-инспектора по инженерной части, инженерныя училище и академія и вновь открытые кондукторскіе классы для приготовленія мѣстныхъ инженеровъ.

И. Н. Божеряновъ.

---

[1]) Императоръ Павелъ перенесъ изъ Чесменскаго дворца собранную Екатериною II коллекцію портретовъ всѣхъ европейскихъ государей, жившихъ около 1775 г., и написанныхъ лучшими художниками тѣхъ дворовъ, чьи портреты ими изображены. Списокъ этихъ портретовъ находится у Компенгаузена Auswahl topographischer Merkwürdigkeiten des Petersburger т. I стр. 169. И. Б.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ

1-го мая 1864 г.

1-го мая 1864 г. бывшій военный министръ, Д. А. Милютинъ (нынѣ графъ), призвалъ меня и, отдавая довольно большую записку, присланную къ нему генер.-губерн. Сѣверо-западныхъ губерній, ген.-ад. В. И. Назимовымъ, объявилъ вмѣстѣ съ симъ высочайшее повелѣніе: показать эту записку М. Н. Муравьеву. Тутъ-же я узналъ, что въ сей день состоялся приказъ о назначеніи Михаила Николаевича въ Вильну.

Дмитрій Алексѣевичъ прочелъ мнѣ записку Назимова; крайне добродушный, до простосердечности, Владиміръ Ивановичъ подписалъ весьма странную бумагу: описывая хаотическое состояніе ввѣреннаго ему края, онъ указывалъ на настоятельную необходимость — особенно внимательно относиться къ мѣстному римско-католическому духовенству, такъ какъ оно имѣетъ весьма сильное вліяніе на крестьянъ; а потому въ особенности ксендзовъ, по мнѣнію Назимова, не должно вооружать и озлоблять противу правительства.

Я отправился къ Муравьеву. Тотъ внимательно прочелъ, затѣмъ вновь перечелъ эту бумагу—и задумался. Невольно подивился я, что Михаилъ Николаевичъ задумался надъ такой, прямо сказать, нелѣпой бумагой: предлагаютъ чуть ни заискивать у враждебнаго Россіи духовенства, у нашихъ злѣйшихъ (въ то возбужденное время) враговъ.

— „Да, это дѣло серьезное,— сказалъ Муравьевъ: надо подумать. (Помолчавъ): знаете-ли: во всякомъ дѣлѣ самое трудное это начало. Настоящая записка Назимова является какъ нельзя болѣе кстати: она вполнѣ развязываетъ мнѣ руки. Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать: первое, что я сдѣлаю по пріѣздѣ въ Вильну,—это разстрѣляю ксендза",—заключилъ Михаилъ Николаевичъ своимъ обычнымъ мягкимъ голосомъ.

М. Н. Муравьевъ отправился въ Вильну: въ первую же недѣлю разстрѣляны были имъ на торговой площади два ксендза. (См. Записки гр. М. Н. Муравьева, въ „Русской Старинѣ" изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь, стр. 407).

Ф*.

15-го іюня 1883 г.

Стихъ на воспоминаніе о смерти

(Записанъ 1879 года декабря 5-го, со словъ крестьянина Андрея Степанова, въ деревнѣ Булдаковѣ, Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губ.).

Ахъ, увы—бѣда!
Приходитъ чреда,—
Не вѣмъ когда
Возмутъ куда?
Боюся страшнаго суда
И гдѣ явлюся тогда?

Плоть бо моя немощна,
А душа весьма грѣшна!
Ты же, смерте, безобразна и страшна
И скоро ко мнѣ спѣшишь.
Скрыта бо твоя труба и коса,
Ибо ты ходишь нага и боса.
О, смерте! Нѣтъ отъ тебѣ обороны,
Яко отъемлеши и у царей короны!
Со архиреи и боляры о часѣ пренія не имѣешь,
Пришедъ къ нимъ,—долго не медлишь...
Не чуеши на себѣ много казненнаго оружія носити,
Имъ-же всячески умѣеши прекрасные цвѣты косити.
Знаю бо тя, что ты суха и худа,
А бѣжать—не вѣмъ куда?
Часы твои, смерте, быстрѣе крылей орлихъ и пернатыхъ,
Яко смѣло и безъ докладу ходишь въ царскія полаты.
Я думаю, что ты на западѣ ходишь
А скоро и къ востоку приходишь!
А сѣверъ очесы своими назираешь
И уже скоро и югъ достигаешь...
Всю вселенную объемлешь
И ни отъ кого гостинцу не пріемлешь!
Скоро хощешь душу взяти
На страшный судъ отдати.
О, люто мнѣ будетъ:
Како Богу отвѣтъ дати?
Подобаетъ это всякому христіанину помнить
И знати—како Богу отвѣтъ отдати?..
О, человѣче, внимай,
А смертный часъ никогда не забывай!
А кто о смерти не попамятуетъ,—
Того мука не минуетъ.

Примѣчаніе. Такъ какъ «стихи духовные» входятъ въ програму «Русской Старины», то нахожу возможнымъ сообщить и вышенаписанный стихъ.

Сообщ. А. Е. Мерцаловъ.

Преданіе о панахъ.

Записываю нижеслѣдующее преданіе, видя въ немъ остатокъ народныхъ воспоминаній о смутномъ времени, когда польскіе паны исколесили Русь во всѣхъ направленіяхъ, оставляя по себѣ злую память въ народѣ. Что поляки дѣйствительно были въ Вологодскомъ краѣ, это доказывается свидѣтельствомъ нашей мѣстной лѣтописи, гдѣ подъ 1613 годомъ встрѣчается такое извѣстіе:

«Того-жъ году, декабря въ 18-й день, въ Прилуцкомъ монастырѣ при Вологдѣ польскіе и литовскіе люди были, Голеневскій панъ, Шелковецкой гетманъ и атаманъ Баловень съ казаками... воевали села и деревни и многихъ людей мучили и убивали до смерти, а въ Прилуцкомъ монастырѣ пожгли трапезу со многими людьми». (Вологодской Лѣтописецъ, стр. 28, изд. 1874 г., Вологда).

Преданіе о поимкѣ разбойниковъ на пустошѣ Марьинѣ слышалъ я и отъ другого лица, которое не называло ихъ однако панáми [1]), что и вѣроятнѣе, такъ какъ пановъ-поляковъ поймать было трудно; но уже самое отождествленіе въ народной памяти панóвъ съ разбойниками, какъ въ приводимомъ ниже преданіи,—весьма характерно и вѣрно исторически. Разбойничіе подвиги поляковъ такъ врѣзались въ память, что народъ и обыкновенныхъ разбойниковъ сталъ звать панáми, (удареніе на второмъ слогѣ). **А. М.**

«Говорятъ, въ старину жили у насъ (въ Вологодской губерніи), какіе-то паны́ и наѣзжали грабежомъ на деревни»... Такъ началъ мой собесѣдникъ, семидесятилѣтній старикъ-крестьянинъ [2]). «Притонъ у нихъ былъ на Марьинѣ подъ Кихтью; тутъ, говорятъ, жила тогда какая-то барыня Марья, по ней и пустошь эта назвалась. Долго они воровали и грабили, народу было въ тѣ-поры въ нашихъ мѣстахъ малолюдно и деревни рѣдки; наѣдутъ они въ деревню, все больше по праздникамъ, когда люди разойдутся къ церкви или на базаръ, очистятъ все, что полу́чше, да и деревню зажгутъ. Не въ моготу стало православнымъ терпѣть лихо отъ разбойниковъ: поднялись ловить ихъ три волости: Грибцовская, Корневская и наша Задносельская. Окружили ихъ въ притонѣ на Марьинѣ, некуда имъ стало дѣваться. Видятъ они: дѣло худо. Вотъ и стали они награбленное добро въ землю зарывать въ большой кадцѣ [3]) и зарывали не спроста, а съ приговоромъ, чтобъ не досталось никому; атаманъ ихъ ударился о землю, обернулся ворономъ и улетѣлъ, а разбойниковъ всѣхъ тутъ захватили и покоренили [4]). Съ тѣхъ-то поръ и лежитъ на Марьинѣ кладъ; много народу пытались его добыть, и я бывало хаживалъ, да нѣтъ — не дается: наговоръ такой!

Есть и еще у насъ кладъ на пустошѣ Митюковѣ въ Новосельщинѣ, тоже паны́ зарыли. Лежитъ онъ подъ треугольной плитой, подъ ней песочекъ мелконькой. Годовъ 15 тому назадъ, собира-

---

[1]) Лице это—бывшій мѣстный священникъ.

[2]) Александръ Алексѣевъ изъ дер. Малаго Турова, Кадниковскаго уѣзда.

[3]) Кадца=кадка=чанъ, обрѣзъ.

[4]) Убили. **А. М.**

лись человѣкъ до 50-ти этотъ кладъ добывать... да то-же, видно, кладенъ съ приговоромъ, а отговору никто не знаетъ. Копали, копали... запустятъ щупъ [1])—слышно, какъ-бы въ дерево ударяется и близко; покопаютъ еще—все столь-же глубоко, потому: кладъ въ землю уходитъ. Помучились—да такъ и отступились»...

Сообщ. А. Е. Мерцаловъ.

Село Радилово, Кадниковскаго уѣзда.

Поправки.

Въ августовской книгѣ „Русской Старины", изд. 1883 г., въ статьѣ „Александръ Николаевичъ Сѣровъ", напечатано на стр. 335: Языки, кромѣ русскаго, преподавались латинскій и англійскій, читай: Языки, кромѣ русскаго, преподавались латинскій, французскій, нѣмецкій и англійскій; напечатано на стр. 340: umgänglich, читай: unsprünglich; напечатано на стр. 344: есть такое лице, читай: не есть такое лице.

---

[1]) Заостренный желѣзный прутъ

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1883 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Біографическіе очерки и матеріалы къ біографіямъ.

Указы, челобитныя, переписка, разсказы, очерки, замѣтки.

Царствованіе Алексѣя Михаиловича.

Царствованіе Петра I.

Царствованіе Екатерины I.

Царствованіе Елизаветы Петровны.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Павла I.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Исторія русскаго искусства.

Портреты и гравюры.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

2. Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей московской епархіи, собран. В. и Г. Холмогоровыми Вып. I. Русская десятина. М. 1881. 251 стр.; Вып. II. Звенигородская десятина. М. 1882. 132 стр. (На оберткѣ 7-й книги „Русской Старины" изд. 1883 г.).

3. Древніе русскіе смѣсные или вотчіе суды Составилъ Н. Ланге. М. 1882. 234 стр. (Тамъ-же).

4. Библіографическій указатель литературы по шелководству, 1703—1882, съ приложеніемъ перечня историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ правительственныхъ и общественныхъ архивахъ и библіотекахъ, а также всѣхъ узаконеній по развитію шелководства и устройству фабрикъ шелковыхъ издѣлій по 1882 г. И. Токмаковъ. М. 1882. (Тамъ-же).

5. Третье путешествіе въ центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Н. М. Пржевальскаго. Съ двумя картами, 108 рисунками и 10 политипажами въ текстѣ Изд. имп. русск. географ. общества на высочайше дарованныя средства. Спб. 1883 г., въ больш. 4-ю долю, стр. IV+II+475. (На оберткѣ 8-й книги „Русской Старины" изд. 1883 г.).

6. Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка. Книга I. 1700—1713. Спб. 1882. 551+34. (Тамъ-же).

7. Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго. Спб 1882. 524 стр. (Тамъ-же).

8. Памятники русской старины Владимірской губерніи. Рисовалъ и издалъ И. Голышевъ. 1882 г. въ листъ, 6 стр. въ два столбца и 20 лл рисунковъ. (На оберткѣ 9-й книги „Русской Старины" изд. 1883 г.).

9. Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. А. Чистовича. Часть I. Спб. 1882. 220 стр. (Тамъ-же).

10. Изданія московскаго главнаго архива министорства иностранныхъ дѣлъ. (Тамъ-же).

11. Изданія Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музея къ 50-ти-лѣтнему юбилею музея. М. 1881—1882 гг. (Тамъ-же).

12. Родъ Шереметевыхъ. А. П. Барсукова. Книга III. Спб. 1883. стр. 556 (Тамъ-же).

Азбучный Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., томы XXXVII—XL, выйдетъ особою брошюрою въ концѣ 1883 г.

(Спб., Звенигородская ул., д. № 10) за пересылку не платятъ. Желающіе имѣть изданіе въ изящной папкѣ прилагаютъ 1 р. 50 к., а въ изящномъ переплетѣ 6 р.; за наклейку картинъ на картоны для школъ тоже 6 р. Учебныя вѣдомства, земства, городскія общества и др. при требованіи не менѣе 10 экземп. Отечественной Исторіи въ картинахъ пользуются уступкою 20%; при требованіи же не менѣе 20 экз. уступка 25% и 50 экз.—30%. Пересылка по вѣсу и разстоянію. Но каждая картина продается и отдѣльно по 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., кромѣ картинъ «Освященіе Школы» и «Коронованіе», которыя стоятъ по 2 р. каждая.

Учебныя заведенія, нуждаясь большею частію въ одномъ или нѣсколькихъ экземплярахъ картинъ, могутъ однако-жъ воспользоваться вышеозначенною уступкою, сдѣлавъ заявленія о пріобрѣтеніи ихъ через свои центральныя управленія, напримѣръ: гимназіи и прогимназія, реальныя училища, учительскіе институты и учительскія семинаріи через гг. попечителей учебныхъ округовъ, народныя школы через дирекціи народныхъ училищъ или через земскія и городскія управы, военно-учебныя заведенія через главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, духовно-учебныя заведенія через хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, женскіе институты и пріюты через Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи и т. д. Сообразно количеству заявленій, полученныхъ мною отъ этихъ управленій, и будетъ дѣлаема уступка при высылкѣ картинъ въ учебныя заведенія.

Учебники, примѣнительно къ которымъ составлена Отечественная Исторія въ картинахъ:

1. Краткая Отечественная Исторія, въ разсказахъ для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ, съ портретами замѣчательныхъ лицъ; портреты рисованы И. Пановымъ, гравированы академикомъ Л. Сѣряковымъ. Изд. 8-е (11-й и 12-й десятки тысячъ). Составлена примѣнительно къ программѣ народныхъ школъ. Показана въ видѣ руководства для городскихъ училищъ. Цѣна 30 к.

2. Отечественная Исторія, въ разсказахъ для низшихъ училищъ и для дѣтей старшаго возраста, съ портретами замѣчательныхъ русскихъ людей и съ приложеніемъ хронологической таблицы. Портреты рисованы И. Пановымъ, гравированы Л. Сѣряковымъ. Изд. 6-е. Ц. 60 к. Показана въ видѣ руководства для вольноопредѣляющихся по 3 разряду.

3. Отечественная Исторія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ трехъ картъ и хронологической таблицы. Изд. 7-е. Принята въ руководство въ духовныхъ семинаріяхъ. Цѣна 1 руб.

4. Отечественная Исторія въ связи съ всеобщею (среднею и новою). Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ хронологической таблицы. Изданіе 8-е. Принятъ въ руководство въ юнкерскихъ училищахъ. Цѣна 1 р. 25 коп.

Уступка на учебники при значительныхъ требоніяхъ также доходитъ до 30%.

Кромѣ этихъ изданій тѣмъ же авторомъ составлены: 1) Исторія среднихъ вѣковъ. Курсъ VI класса гимназій съ приложеніемъ хронологической таблицы. Изд. 4-е. Ц. 75 к. и 2) Народныя чтенія: а) О Петрѣ Великомъ (два чтенія) изд. 3-е, б) О Суворовѣ (одно чтеніе) изд. 2-е и в) Куликовская битва. Народныя чтенія составляютъ собственность Высочайше учрежденной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній въ Петербургѣ.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ эпоху трудовъ по крестьянскому вопросу

1858 г.

Въ январѣ 1881 года намъ весьма обязательно была доставлена А. В. Г*** Записка маститаго нашего писателя Ивана Сергѣевича Тургенева, имѣющая отношеніе къ эпохѣ освобожденія крестьянъ или вѣрнѣе ко времени трудовъ по освобожденію крестьянъ, январь 1858 г. А. В. Г***, доставившій намъ этотъ интересный документъ, испросилъ предварительно разрѣшеніе Ивана Сергѣевича на напечатаніе его въ „Русской Старинѣ". Приводимъ и отвѣтъ и самую записку И. С. Тургенева. Долгомъ считаемъ при этомъ выразить чувство глубокой признательности высокоуважаемому нашему писателю за его любезное согласіе на напечатаніе его Записки 1858 г. Она дорога намъ, свидѣтельствуя объ отзывчивости одного изъ самыхъ любимыхъ всею Россіею ея писателей на великое дѣло, совершенное Александромъ II, дѣло, къ подготовкѣ къ которому русскаго общества столь много содѣйствовалъ И. С. Тургеневъ всею своею многолѣтнею литературною дѣятельностью съ 1840-хъ годовъ.

Ред.

20 мая 1883 г.

Строки эти были написаны, строки эти были набраны, когда мы внезапно услышали роковое для всей грамотной Россіи извѣстіе: Тургенева не стало!

Какъ ни подготовлены были всѣ печальными извѣстіями о болѣзни Ивана Сергѣевича къ возможности близкаго, роковаго исхода тяжкаго недуга страдальца, тѣмъ не менѣе все не вѣрилось, что русское общество такъ скоро лишится своего наиболѣе дорогого, наиболѣе заслуженнаго представителя той небольшой уже дружины отечественныхъ талантовъ 1840-хъ годовъ, которые сослужили безсмертными для Россіи произведеніями славную, незабвенную ей службу: это писатели-провозвѣстники освобожденія крестьянъ, это писатели, подготовившіе почву къ воспріятію реформъ 1860-хъ годовъ. Велика заслуга ихъ предъ современною Россіею, незабвенными пребудутъ имена ихъ, изъ рода въ родъ, въ лѣтописяхъ нашего отечества и изъ нихъ, изъ этой группы художниковъ-писателей 1840-хъ годовъ, конечно, наиболѣе яркою звѣздою сіяетъ имя Ивана Сергѣевича Тургенева.

Мы, его современники, счастливѣе дѣтей и внуковъ нашихъ: мы видѣли

этого человѣка, гордость нашей родной словесности; мы слышали его умную, прелестную рѣчь, мы наслаждались его бесѣдою, мы восхищались его отзывчивостью на все, что служитъ ко благу безцѣнной, страстно любимой имъ всегда Россіи. Давно ли семья русскихъ писателей чествовала Тургенева, принимая его въ своей средѣ въ Петербургѣ; давно ли при поминкахъ геніальнаго поэта Пушкина на всероссійскомъ праздникѣ въ Москвѣ, въ маѣ 1880 года, все, ликуя, клонило голову предъ этою прелестною, серебрянными кудрями украшенною главою писателя благороднѣйшаго, писателя безъ упрека на всемъ многолѣтнемъ, плодотворномъ поприщѣ служенія его отечеству, служенія Россіи дивными созданіями его творческаго генія!

И вотъ поникла эта голова! Нѣтъ этого идеально нравственно чистаго писателя, благороднѣйшаго гражданина, русскаго человѣка въ лучшемъ смыслѣ сего слова.

Убылое мѣсто долго, долго будетъ чувствоваться, да и восполнится ли оно когда нибудь?!

Для насъ, знавшихъ, любившихъ, восхищавшихся Тургеневымъ, для насъ учившихся на его сочиненіяхъ, для насъ, въ сердцахъ которыхъ онъ будилъ всѣ лучшія чувства, одухотворяя, направляя ихъ на все доброе, Тургеневъ останется незамѣнимымъ!

Случайно, о смерти Тургенева мы лично узнали не рано утромъ 24 августа 1883 года, какъ то прочелъ Петербургъ въ утреннихъ телеграммахъ, но услышали въ засѣданіи С.-Петербургской Городской Думы, въ часъ пополудни.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ скончался въ Буживалѣ, близь Парижа, 23-го августа нашего стиля 1883 года, во вторникъ, въ 2 часа пополуночи, на 65-мъ году отъ рожденія.

Открывая засѣданіе, городской голова Иванъ Ильичъ Глазуновъ, онъ же, какъ извѣстно, издатель посмертнаго собранія всѣхъ сочиненій И. С. Тургенева, въ прочувствованныхъ словахъ возвѣстилъ гг. гласнымъ Думы о кончинѣ даровитѣйшаго русскаго писателя. Извѣщая общественное управленіе столицы, объ этой потерѣ русскаго общества, городской голова пригласилъ всѣхъ присутствующихъ встать.

— «Всѣ мы здѣсь присутствующіе,—сказалъ пишущій эти строки, въ качествѣ гласнаго С.-Петербургской Думы,—съ чувствомъ глубокой скорби выслушали роковое извѣстіе о кончинѣ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ писателей.

«Общественное управленіе С.-Петербурга столь, вообще говоря, отзывчивое въ признаніи заслугъ своихъ согражданъ на всѣхъ поприщахъ служенія дорогому нашему отечеству — Россіи, конечно

выразить свое уваженіе къ памяти опочившаго и свою признательность къ заслугамъ Ивана Сергѣевича Тургенева созданіемъ достойныхъ его имени учрежденій.

«Справедливо напомнилъ г. предсѣдатель нашего собранія, что И. С. Тургеневъ дорогъ всей Россіи, но въ особенности дорогъ онъ намъ, гражданамъ Петербурга. Въ самомъ дѣлѣ, онъ получилъ высшее свое образованіе въ Петербургскомъ университетѣ; значительное большинство его превосходныхъ твореній, составляющихъ гордость родной словесности, напечатаны въ петербургскихъ изданіяхъ; прахъ его, какъ слышно, будетъ почивать въ Петербургѣ; сюда, въ Россію, стремился онъ непрестанно, до послѣдняго своего вздоха.

«Велико воспитательное значеніе произведеній пера Тургенева: на нихъ взросло и воспиталось два поколѣнія русскаго общества. Изъ среды старшаго изъ этихъ поколѣній вышелъ тотъ рядъ самоотверженныхъ, даровитыхъ тружениковъ, которые первыми откликнулись на призывъ незабвеннаго Государя Преобразователя и Освободителя, и явились усерднѣйшими его сподвижниками въ выработкѣ, по Его предначертаніямъ, великихъ преобразованій всего внутренняго строя быта Россіи, русскаго народа.

«Въ основу всѣхъ реформъ Императора Александра II легло освобожденіе много-милліоннаго сельскаго населенія Россіи.

«Извѣстно, что съ первыхъ же своихъ литературныхъ произведеній, съ 1840-хъ годовъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ былъ горячимъ поборникомъ развитія въ сознаніи своихъ соотечественниковъ идеи освобожденія крестьянъ, уравненія правъ меньшихъ братій нашихъ съ правами прочихъ гражданъ Россіи. Такимъ образомъ, онъ, Тургеневъ, превосходными произведеніями своего пера подготовлялъ русское общество къ воспріятію того, что дала русскому народу державная воля Александра II.

«Изъ русскихъ людей, воспитавшихся на геніальныхъ произведеніяхъ творческой фантазіи Тургенева, вышли тѣ, кто потрудился на созданіи великаго акта Положеній 19-го февраля 1861 года и на введеніи ихъ въ жизнь русскаго народа.

«Незабвенны заслуги Тургенева и да будетъ почтена нами его чистая, его свѣтлая память.

«Вношу предложеніе на благоусмотрѣніе почтеннаго собранія:

«I. Принять участіе, чрезъ избранную депутацію отъ города, съ городскимъ головою въ ея челѣ, въ церемоніи погребенія, когда привезутъ въ Петербургъ прахъ И. С. Тургенева.

II. «Учредить въ С.-Петербургскомъ Университетѣ стипендію имени Ивана Сергѣевича Тургенева,

и «III. Основать въ Петербургѣ начальное народное училище въ память и имени Ивана Сергѣевича Тургенева».

С.-Петербургская Дума съ живѣйшимъ сочувствіемъ выслушала это предложеніе. Другіе гласные, съ своей стороны, предложили: одинъ—учредить два, другой гласный—четыре начальныхъ городскихъ училища во имя И. С. Тургенева; третій—предложилъ купить для погребенія праха И. С. Тургенева мѣсто на одномъ изъ городскихъ кладбищъ (Волковскомъ) и принять мѣры къ тому, чтобы эта могила охранялась и памятникъ на ней поддерживался иждивеніемъ и заботами городскаго управленія.

С.-Петербургская Городская Дума, признавъ въ принципѣ необходимость чествованія памяти И. С. Тургенева, самыя подробности выработки всѣхъ, по сему поводу, предложеній, съ указаніемъ на расходы съ осуществленіемъ ихъ сопряженные, возложила на Городскую Управу, которая и имѣетъ внести по сему предмету, въ ближайшемъ времени, докладъ на утвержденіе Думы.

Обращаемся къ запискѣ И. С. Тургенева, относящейся къ эпохѣ трудовъ правительства Императора Александра II и призванныхъ имъ къ участію въ сихъ трудахъ русскихъ людей по вопросу „объ улучшеніи быта сельскаго населенія въ Россіи", какъ тогда скромно именовалось дѣло освобожденія 20-ти милліоновъ крестьянъ изъ крѣпостнаго ига. Печатая впервые этотъ интересный документъ, вышедшій изъ подъ пера знаменитаго, нынѣ уже покойнаго, нашего писателя И. С. Тургенева, напомнимъ здѣсь главнѣйшіе факты изъ его жизни.

И. С. Тургеневъ род. 28-го октября 1818 года въ городѣ Орлѣ. Въ домашнемъ воспитаніи у нѣмцевъ и французовъ гувернеровъ въ домѣ родителей своихъ, помѣщика Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи, въ селѣ Спасскомъ, Тургеневъ хорошо освоился съ иностранными языками. Затѣмъ отданъ онъ въ частный пансіонъ Вейденгамера въ Москвѣ, и впослѣдствіи продолжалъ образованіе, живя у директора Лазаревскаго института въ Москвѣ, г. Краузе. Въ 1834 г. Тургеневъ поступилъ въ Московскій университетъ, по словесному факультету.—30-го октября того же года умеръ его отецъ, отставной кавалерійскій полковникъ Сергѣй Николаевичъ. Иванъ Сергѣевичъ перешелъ въ 1835 году въ Петербургскій университетъ. Въ 1838-мъ году онъ выдержалъ экзаменъ на кандидата и отправился за границу, гдѣ слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ.

Первые его литературные опыты относятся къ 1838-му г. въ «Современникѣ», изд. Плетнева; затѣмъ, въ 1841 году, стихотворенія въ «Отечественныхъ Запискахъ» («Старый помѣщикъ» и «Баллада»). Съ 1842-го года Тургеневъ является съ произведеніями несомнѣннаго таланта, произведеніями въ стихахъ, вызвавшихъ полное одобреніе Бѣлинскаго. Изъ нихъ особенно была хороша юмористическая поэма Тургенева „Помѣщикъ“, изданная въ 1846 году Некрасовымъ въ его „Петербургскомъ Сборникѣ“. Въ 1847-мъ году на страницахъ «Современника» появляется первый его очеркъ изъ „Записокъ Охотника“. Съ того времени слава Тургенева ростетъ и произведенія его дѣлаются предметомъ изученія, на нихъ воспитывается русское общество.

Напоминать дальнѣйшіе главные факты изъ жизни и литературной дѣятельности И. С. Тургенева безполезно: ихъ знаетъ каждый, кто только мало-мальски интересуется исторіей русской словесности. Біографія Тургенева помѣщена во всѣхъ ея курсахъ и въ біографическихъ словаряхъ. Мы, впрочемъ, возвратимся еще, на страницахъ „Русской Старины“, къ этой драгоцѣнной для Россіи жизни, преждевременную кончину которой долго и долго еще будетъ она оплакивать. Также напомнимъ, что въ «Русской Старинѣ» мы имѣли уже случай, и не однажды, останавливаться предъ прекрасною личностью И. С. Тургенева; такъ, въ этомъ журналѣ напечатаны:

Подробности особеннаго событія изъ жизни И. С. Тургенева, именно арестованіе его въ 1852 году и двухъ-недѣльное содержаніе «на съѣзжей», въ Спасской части въ Петербургѣ за напечатаніе письма его по поводу кончины Н. В. Гоголя, см. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VIII, Записки покойнаго члена госуд. совѣта кн. Д. А. Оболенскаго, стр. 914—958.

Подробности о попыткѣ И. С. Тургенева получить степень доктора философіи въ московскомъ университетѣ, въ 1842 г., не удавшейся только потому, что въ то время въ университетѣ уже была упразднена каѳедра философіи. См. въ «Рус. Старинѣ» изд. 1880 г., т. XXVIII, стр. 146—147.

Наконецъ, характеристика произведеній И. С. Тургенева, составленная А. П. Милюковымъ. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 856—861. При той же книгѣ «Русской Старины» (апрѣль, 1880 г.) помѣщенъ портретъ И. С. Тургенева въ общей и весьма интересной группѣ 1856 г.: И. А. Гончаровъ, гр. Л. Н. Толстой, А. Н. Островскій, Д. В. Григоровичъ, А. В. Дружининъ и И. С. Тургеневъ. Портретъ этой группы славнѣйшихъ нашихъ писателей есть вполнѣ точный геліографическій снимокъ съ фотографіи, снятой съ натуры въ мартѣ 1856 года.

Мих. Семевскій.

24-го августа 1883 г.

I.

Письмо И. С. Тургенева къ А. В. Г***.

Paris. 50. Rue de Douai 31-го (19-го) января 1881 г. [1]).

Многоуважаемый А. В.! Присылкой записки, самое существованіе которой я почти совершенно позабылъ, вы возобновили въ моей памяти ту зиму, которую я прожилъ въ Римѣ съ 1857-го на 1858-й г. вмѣстѣ съ кн. (В. А.) Черкасскимъ, В. П. Боткинымъ, гр. Н. (Я.) Ростовцевымъ и другими соотечественниками... Первыя вѣсти о намѣреніи правительства освободить крестьянъ застали насъ въ Римѣ—и мы, подъ вліяніемъ этихъ вѣстей, устроили сходки, на которыхъ обсуждались всѣ стороны этого жизненнаго вопроса, произносились рѣчи—(особеннымъ краснорѣчіемъ отличался кн. Черкасскій)—наконецъ возникла мысль основать тотъ журналъ, о которомъ я говорю въ моей запискѣ. Помнится, я прочелъ ее на одной изъ нашихъ сходокъ; ее одобрили, но кому я ее передалъ—не знаю; не знаю также, какъ она попала въ ваши руки. Если я не ошибаюсь, кн. Черкасскій взялъ ее съ *собою* съ намѣреніемъ представить ее на разсмотрѣніе предержащихъ властей; но все это было найдено „рановременнымъ", какъ выражались въ ту эпоху; да и впослѣдствіи, программа предполагаемаго журнала не была вполнѣ осуществлена.

Я не имѣю ничего противъ помѣщенія моей записки въ „Русской Старинѣ"—если вы полагаете, что она можетъ представить нѣкоторый интересъ. И интересъ этотъ можетъ придать ей время, когда она была написана: самое начало 1858-го года.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ чувствѣ уваженія и дружбы къ вамъ.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Помѣта: „Получено 23-го января (4-го февраля).

II.

Записка Ивана Сергѣевича Тургенева.

Римъ 9-го (21-го) января 1858 г.

Едва достигла до насъ вѣсть о первой правдивой и честной попыткѣ русскаго правительства устроить нашъ крестьянскій и земледѣльческій бытъ, едва прочли мы царскіе рескрипты, какъ уже начали распространяться слухи о тайномъ, и даже явномъ сопротивленіи нашего дворянскаго сословія благимъ намѣреніямъ Государя. Слухи эти вѣроятно преувеличены; но одно лишь привычное нежеланіе смотрѣть правдѣ въ глаза можетъ сомнѣваться въ истинѣ этого сопротивленія. Сомнѣваться въ немъ нельзя будетъ даже и тогда, если бы всѣ губерніи наперерывъ изъявили готовность завести у себя комитеты; мы знаемъ цѣну подобныхъ оффиціальныхъ изъявленій—да и при томъ, соглашаясь на предложенія правительства, дворянство еще не дѣлаетъ никакой уступки; напротивъ—оно въ тайнѣ можетъ расчитывать на эти самые комитеты, для утвержденія и охраненія того, что оно считаетъ своими правами. Удивляться этому, негодовать на это — не для чего; всякая перемѣна въ бытѣ, уже успѣвшемъ укорениться—влечетъ за собою хотя временныя жертвы, сопряжена съ нѣкоторою неизвѣстностью на счетъ конечнаго исхода дѣла; а на жертвы способны немногіе, даже необходимость ихъ не всѣ понять въ состояніи—и неизвѣстность каждому тягостна. Здѣсь не мѣсто входить въ разбирательство причинъ подобнаго образа мыслей между нашими дворянами; ограничусь однимъ указаніемъ на противуположный—по извѣстіямъ—духъ, господствующій въ польскомъ дворянствѣ западныхъ губерній—и предоставлю другимъ отыскивать историческія причины такого различія. Краткость времени также не позволяетъ мнѣ вдаваться въ оцѣнку существующаго порядка вещей; да и наконецъ не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, чтобы, признавъ неоспоримый фактъ слабаго сочувствія дворянъ къ видамъ правительства—поставить себѣ слѣдующій вопросъ: предоставить-ли одному правительству, своими мѣрами и

дѣйствіями, своимъ вмѣшательствомъ и вліяніемъ побѣдить упорство дворянъ, склонить ихъ къ уступкамъ, разсѣять ихъ опасенія—или же предложить правительству то независимое, но дѣятельное и честное содѣйствіе мысли и слова, безъ котораго самая неограниченная власть не въ состояніи основать что-либо долговѣчное и прочное—и котораго, сколько можно судить, желаетъ самое наше правительство, не взявшее на себя рѣшить—указомъ или манифестомъ важный вопросъ освобожденія крестьянъ.

Мнѣ скажутъ: съ этою именно цѣлью назначены комитеты; такъ; – но при теперешнемъ настроеніи дворянъ, при отсутствіи всякихъ предварительныхъ и подготовительныхъ обсужденій, при внезапности самой мѣры, кто можетъ поручиться въ томъ, что уѣздные и губернскіе комитеты дѣйствительно поймутъ все значеніе своихъ трудовъ—и будутъ содѣйствовать правительству?— Общественное мнѣніе выразится въ назначеніи лицъ, изъ которыхъ будутъ состоять комитеты; но самое это общественное мнѣніе – имѣло-ли оно возможность правильно и сознательно сложиться? Не будемъ-ли мы всѣ, не исключая даже самыхъ благонамѣренныхъ изъ насъ, дѣйствовать ощупью, бродить какъ во тьмѣ, слѣдуя часто случайнымъ, мгновеннымъ увлеченіямъ? И неужели нѣтъ средства внести свѣтъ въ этотъ хаосъ, придать стройность и порядокъ неурядицѣ сбивчивыхъ и противурѣчащихъ мнѣній, надъ которой тщетно будетъ носиться Власть, въ настоящемъ случаѣ недѣйствительная и даже слабая, при всемъ своемъ вообще—громадномъ могуществѣ?

Мы полагаемъ, что средство это существуетъ. Оно состоитъ въ возбужденіи и призваніи всѣхъ живыхъ общественныхъ силъ къ дружному содѣйствію Царю—слѣдовательно въ возбужденіи и призваніи также и тѣхъ силъ, которыя до сихъ поръ были поставлены въ недовѣрчивое отдаленіе отъ правительства—и готовы теперь съ радостью, открыто, безо всякихъ заднихъ мыслей и тайныхъ намѣреній, отдаться въ распоряженіе Власти, явно стремящейся къ водворенію и упроченію общаго блага. Эти силы—я назову ихъ: это русская наука и русская литература.

Одинокій мой голосъ былъ-бы ничтоженъ, но я увѣренъ, что

выражаю единодушное мнѣніе моихъ собратій, когда утверждаю, что всѣ мы готовы идти на встрѣчу правительству, которому покорялись всегда, но которое полюбили только недавно. Мы не желаемъ преувеличивать наше значеніе; но мы чувствуемъ, что мы можемъ быть полезны Власти—и мы всѣ проникнуты готовностью быть ей полезными, сослужить ей въ настоящемъ случаѣ посильную службу. Этого давно не бывало. Нужны были всѣ жестокіе опыты послѣднихъ годовъ, нуженъ былъ такой великій шагъ впередъ правительства, чтобъ это могло сбыться—и неужели это мгновеніе пройдетъ даромъ, неужели старинная недовѣрчивость восторжествуетъ снова? Мы не хотимъ этому вѣрить; мы уже строимъ мосты надъ той бездной, которая такъ долго и безпрестанно расширяясь, отдѣляла Власть отъ насъ, мы уже двинулись ей на встрѣчу. Мы идемъ не съ лестью на устахъ и эгоизмомъ въ сердцѣ, какъ это дѣлали тѣ, часто хуже, чѣмъ безъимянные защитники правительства, которымъ оно, нисколько ихъ не уважая, полупрезрительно довѣрялось; мы идемъ къ Власти, не потому что она Власть, а потому что она желаетъ истины и добра,—и не налагаетъ на насъ никакого отреченія, не принуждаетъ насъ къ лукавству. Мы вѣримъ ей;—пусть и она повѣритъ намъ!

Возвращаюсь къ предмету этой записки. Я упомянулъ о слабомъ сочувствіи нашихъ дворянъ къ намѣреніямъ правительства на счетъ освобожденія крестьянъ; я бы могъ сказать болѣе. Дворяне наши страшатся этихъ намѣреній; они страшатся за свое будущее, за самое существованіе. Дѣйствительно—вопросъ этотъ такъ важенъ и сложенъ, онъ сопряженъ съ такими разнообразными затрудненіями, рѣшеніе его такъ мало было подготовлено гласнымъ и свободнымъ разсужденіемъ о немъ, что даже всякое другое сословіе, болѣе нашего дворянства привыкшее къ сознательной оцѣнкѣ своего положенія—скажемъ прямо—болѣе образованное—могло бы почувствовать смущеніе и недоумѣвать. Время, наставленія и примѣръ правительства, обмѣнъ различныхъ воззрѣній между дворянами—сильно будутъ способствовать къ скорѣйшему—если можно такъ выразиться—назрѣванію вопроса; но этого всего недостаточно. Много времени, много словъ будетъ по-

трачено попусту; правительственныя лица, которымъ будетъ поручено проводить благую царскую мысль, окажутся—къ чему скрывать это?—часто ниже своего назначенья. Необходимо нужно придти на помощь общественному мнѣнію, дать возможность наукѣ, опытности, знанію возвысить свой независимый и добросовѣстный голосъ, собрать во едино ихъ разрозненныя силы, создать арену, на которой онѣ могли бы сходиться—словомъ—основать журналъ (или газету) исключительно и спеціально посвященный разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся собственно до устройства крестьянскаго быта, и вытекающихъ изъ того послѣдствій.

Предложеніе основать новый журналъ (или газету), которому нужно, для достиженія предназначенной ему цѣли, разрѣшить нѣкоторую гласность и дозволить разбирательство государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ мѣръ—это предложеніе едва-ли не возбудитъ нѣкоторыхъ опасеній; постараюсь изложить ихъ неосновательность.

Во первыхъ: Журналъ, поставляющій себѣ задачею: устранить недоразумѣнія, противудѣйствовать необдуманности и упорству—т. е. показать помѣщикамъ въ чемъ собственно состоитъ дѣло, какого роду требуются отъ нихъ временныя уступки, и какимъ образомъ эти-же самыя уступки вознаградятся со временемъ, когда весь нашъ земледѣльческій бытъ установится на прочныхъ основаніяхъ, этотъ журналъ, являющійся какъ-бы адвокатомъ распоряженій правительства, поясняющій его намѣренія, не можетъ не быть ему полезнымъ. Напрасно станутъ мнѣ возражать, что появленіе подобнаго журнала можетъ только увеличить раздраженіе и толки; всякое раздраженіе въ организмѣ укрощается, выступая наружу, а толки перестанутъ быть безполезными и безплодными, превращаясь, подъ вліяніемъ гласности, въ доводы и доказательства. Множество вопросовъ, смутное и раздробленное обсужденіе которыхъ въ комитетахъ отниметъ понапрасну дни и недѣли драгоцѣннаго времени—можетъ быть предварительно разсмотрѣно и обсуждено въ журналѣ; а потому, между прочимъ, желательно, чтобы комитеты не собирались раньше нынѣшней (1858 г.) осени или зимы; для этого стоитъ только пра-

вительству не возбуждать рвенія губернаторовъ къ представленію мнимо-единодушныхъ желаній ввѣренныхъ имъ губерній. Столь-же полезнымъ можетъ оказаться журналъ для направленія общественнаго мнѣнія. Не станемъ себя обманывать: невѣжество—вотъ наша бѣда и наше горе; малая образованность нашего дворянскаго сословія будетъ едва-ли не главнымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе предполагаемыхъ мѣръ; если изъ двадцати помѣщиковъ едва-ли пять человѣкъ знакомы, не говорю уже съ теоріей—но даже просто съ нѣсколько разумной практикой земледѣлія, которое ихъ питаетъ—то легко можно себѣ представить, какъ незначительны должны быть ихъ свѣдѣнія по части финансовой или административной; а подобныя свѣдѣнія необходимы при разрѣшеніи такого важнаго вопроса, каковъ крестьянскій вопросъ. Для этихъ-то помѣщиковъ журналъ, составленный умно и дѣльно, писанный языкомъ простымъ и вразумительнымъ—будетъ истиннымъ благодѣяніемъ; при томъ не должно забывать, что у насъ до сихъ поръ, по выраженію Грибоѣдова, „печатный каждый листъ быть кажется святымъ“. Призраки разсѣятся, а призраки опасны, потому что пугаютъ; понятія очистятся и уяснятся, самыя опасенія опредѣлятся и, слѣдовательно, уменьшатся. Недовольный помѣщикъ, ограничивающійся теперь хотя сильнымъ, но неяснымъ и бездоказательнымъ выраженіемъ своего неудовольствія—и самой этой неясностью своихъ обвиненій распространяющій вокругъ себя недоумѣніе, а можетъ быть и ужасъ—этотъ помѣщикъ долженъ будетъ либо возражать доказательствами на высказанныя въ журналѣ мнѣнія—либо самъ возьметъ перо въ руки, и принужденный излагать свои мысли, по необходимости долженъ будетъ приводить ихъ въ порядокъ, ясно сознавать ихъ: дѣло не маловажное въ человѣкѣ, отъ котораго, быть можетъ, зависятъ сотни другихъ людей.

Во вторыхъ: Толки, пренія, обсужденія вопроса, которыя необходимо допустить въ журналѣ, при всей горячности спора, нисколько не будутъ касаться собственно правительства; споръ будетъ идти не о самомъ дѣлѣ освобожденія—а о формахъ его осуществленія—и съ этой точки зрѣнія, правительство поступило благоразумно и мудро, не опредѣливъ заранѣе этихъ формъ, кромѣ

нѣкоторыхъ общихъ положеній, справедливо признанныхъ имъ за необходимыя. Просторъ долженъ быть данъ въ предлагаемомъ нами журналѣ русскому уму; а цензура, тѣмъ полезнѣйшая, чѣмъ она болѣе умѣряетъ свой произволъ—будетъ отвѣчать правительству за соблюденіе извѣстныхъ границъ. Въ журналѣ должно будетъ принимать и такія статьи, въ которыхъ выразится предубѣжденіе, даже упорство... Вы хотите вопросить русскую землю, вы почувствовали невозможность разрѣшить этотъ вопросъ только сверху—дайте же ей высказаться, и высказаться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можете контролировать ея голосъ, указывать ей же самой на ея ошибки—слѣдовать ея справедливымъ указаніямъ. Допустите всѣхъ къ содѣйствію въ общемъ дѣлѣ, чѣмъ вы больше дадите ему гласности, тѣмъ вѣрнѣе и прочнѣе будетъ ваше торжество. Словомъ, журналъ будетъ, при всей независимости и безпристрастности редакціи, при допущенномъ въ немъ разнорѣчіи — въ самомъ существѣ своемъ—правительственнымъ журналомъ; и это будетъ не послѣднимъ замѣчательнымъ явленіемъ нашего времени, того времени, въ которое правительство меньше всего можетъ разсчитывать на сочувствіе тѣхъ самыхъ лицъ, которымъ довѣряло и довѣряетъ исполненіе своихъ предначертаній.

Въ третьихъ: Весьма было бы полезно, для успѣшнаго дѣйствія самихъ комитетовъ, устроить для нихъ нѣчто въ *родѣ общаго* центра—и для этого предлагается отдѣлить въ журналѣ часть оффиціальную, куда бы стекались извѣстія о ходѣ дѣлъ въ комитетахъ, гдѣ бы помѣщались распоряженія правительства, отдѣльныхъ начальствъ и т. п. Затѣвая такое важное дѣло, странно было бы не принять всѣхъ нужныхъ мѣръ къ приданію ему возможно-успѣшнаго хода. Когда состоялся указъ о размежеваніи имѣній, требованія гласности вызвали журналъ: „Посредникъ", не прекратившійся до сихъ поръ. Если „Посредникъ" не принесъ всей ожиданной пользы, то это произошло именно отъ недостатка свободы въ обсужденіи того предмета, которому онъ былъ посвященъ: слѣдуетъ избѣгнуть этой ошибки. Напрасно стали бы возражать, что можно помѣщать статьи о крестьянскомъ вопросѣ въ существующихъ нынѣ журналахъ. Появляясь отдѣльно, безъ

связи, оставаясь часто безъ возраженій и оцѣнки, онѣ бы только еще болѣе сбивали и путали понятія. Тутъ необходимъ спеціальный, отдѣльный органъ съ строгимъ раздѣленіемъ и развѣтвленіемъ матеріала, съ отдѣлами: оффиціальнымъ, редакціоннымъ, полемическимъ, научнымъ, въ которомъ бы разбирались и сравнивались съ точки зрѣнія политической экономіи и исторіи способы и формы освобожденія крестьянъ въ другихъ земляхъ, съ отдѣломъ корреспонденціи, общаго еженедѣльнаго обозрѣнія и т. д. Стоитъ также сообразить, какое важное значеніе получитъ предполагаемый журналъ для чиновниковъ исполнительныхъ, на которыхъ будетъ возложена обязанность приведенія въ дѣйствіе опредѣленій комитетовъ. Журналъ этотъ будетъ для нихъ постояннымъ и вѣрнымъ руководителемъ и совѣтникомъ. Всѣ эти соображенія, на которыя мы теперь только намекнуть можемъ, должны, разумѣется, быть подробно и ясно высказаны въ программѣ журнала, назначенной для публики. Проэктъ краткой программы для правительства прилагается при этой запискѣ.

Въ четвертыхъ: Допустивъ изданіе журнала, правительство можетъ всячески обезпечить себя. Редакторомъ можетъ быть назначенъ человѣкъ, извѣстный и правительству и въ наукѣ умѣренный и безпристрастный. Самый журналъ, названіе которому дать простое и скромное, въ родѣ, напримѣръ: „Хозяйственнаго Указателя"—долженъ, по нашему мнѣнію, выходить еженедѣльными тетрадями въ Москвѣ, какъ въ истинномъ центрѣ государства, въ центрѣ великой Россіи, гдѣ крестьянскій вопросъ особенно затруднителенъ. Впрочемъ правительство можетъ назначить мѣстомъ выхода журнала и С.-Петербургъ, за который говорятъ также нѣкоторыя цензурныя и редакторскія уваженія. Подписная цѣна не должна быть высока—рублей около пяти серебромъ въ годъ, такъ какъ при неизбѣжно-огромномъ распространеніи журнала въ государствѣ, онъ и при низкой цѣнѣ—будетъ доходы приносить большіе и давать возможность платить хорошій гонораръ сотрудникамъ. Впрочемъ я не стану входить въ частности, все это гораздо лучше и приличнѣе обсудить на мѣстѣ; желательно однако, чтобы въ „Хозяйственномъ Указателѣ"—нашли мѣсто всѣ тѣ замѣчательныя силы ума и таланта, которыхъ такъ много

въ Москвѣ и Россіи, за исключеніемъ, разумѣется, всего непрактическаго и не идущаго къ дѣлу.

Кончая эту записку, считаю не лишнимъ повторить вкратцѣ доводы, говорящіе въ пользу основанія спеціальнаго органа для обсужденья крестьянскаго вопроса:

Правительство не рѣшаетъ этого вопроса указомъ или манифестомъ; оно обращается къ самой землѣ, къ русскому дворянству; но это дворянство не подготовлено, недоброжелательно, предубѣждено, запугано; оно понесетъ свои предубѣжденія, свой страхъ въ самые комитеты; оно воспользуется всѣми средствами, которыя найдетъ подъ рукою, для того чтобы затруднить или замедлить дѣло. И между тѣмъ, не раззоренія же дворянства ищетъ правительство, не зла оно ему желаетъ; напротивъ—оно желаетъ предотвратить возможность будущихъ бѣдствій; упрочить, увѣковѣчить его благосостояніе; въ то же время правительство чувствуетъ государственную необходимость, неотлагаемость начатой имъ реформы; слѣдовательно—въ упорствѣ дворянъ есть или недоразумѣніе—или незнаніе, непониманіе своего собственнаго положенія. Для устраненія этого недоразумѣнія, для того чтобы доказать дворянамъ, что правительство не рановременно подняло вопросъ объ освобожденіи крестьянъ—существуетъ только одинъ способъ: гласность. Если правительство также убѣждено въ силѣ и полезности этого способа, если оно допуститъ созданіе органа, въ которомъ бы могло выразиться, уясниться, установиться, успокоиться общественное мнѣніе—всѣ благомыслящіе пишущіе люди въ Россіи—я увѣренъ въ томъ—предложатъ правительству свое посильное содѣйствіе. Повторяю снова: да не промчится безплодно, даромъ, это небывалое еще мгновеніе въ нашей исторіи!

Много темнаго оставило намъ прошедшее; но выйти еще можно изъ темноты на свѣтъ, когда Царь идетъ впереди своего народа. Связать его лучшія силы во едино и направить ихъ къ великой цѣли можетъ только Царь;—и совершеніе этого подвига достойно того сердца и ума, въ которомъ созрѣла мысль объ освобожденіи русскаго крестьянина. Ив. Тургеневъ.

III.

Программа.

Съ ... мѣсяца 1858 года предполагается съ разрѣшенія правительства издавать въ Москвѣ (или С.-Петербургѣ) еженедѣльный журналъ (или газета) подъ названіемъ: „Хозяйственный Указатель".

„Хозяйственный Указатель" посвящается спеціальной и подробной разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся до устройства крестьянскаго быта въ Россіи, и до опредѣленія правильныхъ и постоянныхъ отношеній между землевладѣльцами. Онъ вызванъ повелѣніемъ Высочайшихъ рескриптовъ... мѣсяца 1857 года и будетъ дѣйствовать въ ихъ духѣ.

„Хозяйственный Указатель" будетъ состоять изъ слѣдующихъ пяти отдѣловъ:

1) Отдѣлъ оффиціальный. Въ немъ будутъ помѣщаться: распоряженія правительства и отдѣльныхъ начальствъ, касающіяся до устройства крестьянскаго быта, оффиціальныя извѣстія о ходѣ дѣлъ въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ, съ которыми Х. У. вступитъ въ постоянныя сношенія и т. п.

2) Еженедѣльное обозрѣніе. Въ немъ будетъ представляемъ публикѣ систематическій и по мѣрѣ возможности полный отчетъ о состояніи и успѣхахъ крестьянскаго вопроса, при чемъ будутъ приниматься въ соображеніе статьи, помѣщаемыя въ самомъ Х. У. и другихъ изданіяхъ, а также и корреспонденція, (см. ниже).

3) Отдѣлъ научный. Этотъ отдѣлъ посвящается статьямъ, въ которыхъ съ точки зрѣнія исторіи, политической экономіи, статистики, администраціи и хозяйства—будутъ обсуждаться всѣ стороны вопроса объ устройствѣ крестьянъ. Научно и основательно выраженное разнорѣчіе воззрѣній будетъ допускаемо; статьи самой редакціи будутъ ею подписаны.

4) Отдѣлъ критическій и полемическій. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ подвергаться критической оцѣнкѣ различныя мнѣнія

о крестьянскомъ вопросѣ и о способахъ къ успѣшному его разрѣшенію; здѣсь также найдутъ мѣсто и возраженія, написанныя со всѣмъ уваженіемъ къ достоинству самого дѣла и приличіемъ—на статьи, противоположныя убѣжденьямъ редакціи.

5) Корреспонденція. Этотъ отдѣлъ будетъ содержать всякаго рода сообщенія, письма помѣщиковъ и другихъ лицъ изъ губерній, отвѣты редакціи и т. п., такъ сказать, живую хронику вопроса.

„Хозяйственный Указатель" будетъ выходить еженедѣльно, тетрадями въ ... листовъ; цѣна ему назначается 5 рублей въ годъ; съ пересылкою 5 р. 50 коп.

Ив. С. Тургеневъ.

Римъ, 1858 г.

рода 1636 и 1711 г., принадлежащими означенной библіотекѣ). 2) Указатель матеріаловъ для изученія исторіи и статистики Тамбовской губ. (изъ Тамб. губ. Вѣд.). Въ первомъ выпускѣ указаны лишь матеріалы архивовъ: мин. юстиціи, сената, синода, морскаго мин., моск. арх. иностр. дѣлъ, Рум. музея, впрочемъ въ общихъ чертахъ, но въ слѣд. выпускахъ авторъ обѣщаетъ полную библіографію какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ источниковъ. 3) «Указатель матеріаловъ къ исторіи промышленности и развитія прикладныхъ знаній въ Россіи»—это каталогъ дѣламъ, рукописямъ, географич. картамъ и планамъ по промышленности, хранящ. въ моск. архивѣ и библіотекѣ мин. ин. дѣлъ (47 стр.). 4) Свѣдѣнія о домовой церкви при моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ и 5) историческое преданіе о св. свѣтѣ, возжигаемомъ надъ гробомъ Господнимъ въ Іерусалимѣ по сказаніямъ XVII вѣка (изъ Чтен. общ. любит. духов. просвѣщенія 1882 г. № 23); эта брошюра интересна, какъ сводъ данныхъ по означенному вопросу.

Изданія Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музея къ 50-тилѣтнему юбилею музея. М. 1881—1882 гг.

Имя графа Румянцова, стоявшаго во главѣ кружка ученыхъ и собирателей письменныхъ памятниковъ отечественной исторіи въ первой четверти настоящаго столѣтія, хорошо извѣстно. Плодомъ его личныхъ стараній остался на память потомству музей, носящій его имя. Поэтому каждое новое слово, посвященное памяти его виновника, заслуживаетъ вниманія. Въ составъ юбилейныхъ изданій музея вошли слѣдующіе очерки и матеріалы: 1) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцовскаго музея, посвященный характеристикѣ Румянцова, какъ историческаго дѣятеля и собирателя письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ, очерку его собраній (минер. кабинета, минералог. отдѣл., этнограф. отдѣл.) и исторіи музея (статьи Е. Ѳ. Корша, К. К. Герца, Г. А. Траутшавьева, Е. В. Барсова, К. И. Ренара, А. Е. Викторова, Г. Д. Филимонова); 2) Матеріалы для историческаго описанія Рум. музея, соч. К. И. Кистнера, небольшой очеркъ, дополняющій предъидущія статьи; 3) Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, Д. Лебедева; 4) Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева, А. Викторова и 5) Собраніе рукописей П. П. Севастьянова, А. Викторова. Описанія эти, по своей полнотѣ и обстоятельности (нѣкоторые акты изданы вполнѣ или въ большихъ извлеченіяхъ) составляютъ превосходный вкладъ въ историческую литературу и займутъ, безъ сомнѣнія, видное мѣсто въ ряду другихъ описаній рукописей.

Независимо отъ того, въ I томѣ почтеннаго изданія «Чтеній въ москов. общ. ист. и древн.» за 1882 г. появилась обширная переписка гр. Румянцова съ московскими учеными, извлеченная Е. В. Барсовымъ изъ бумагъ Чертковской библіотеки, Румянцовскаго музея и другихъ библіотекъ; она представляетъ высокій научный интересъ и весьма важна для исторіи отечественной науки въ означенный періодъ.

Родъ Шереметевыхъ. А. П. Барсукова. Книга III. Спб. 1883. 556 стр. Ц. 4 р.

Намъ приходилось уже говорить о первыхъ двухъ томахъ этого капитальнаго изданія, посвященнаго, такъ сказать, фамильной лѣтописи рода Шереметевыхъ. Оно представляетъ тѣмъ большій историческій интересъ, что авторъ слѣдитъ въ немъ за исторіею знаменитаго рода, въ связи съ событіями русской исторіи вообще, въ которой Шереметевы играли столь видную роль. Въ настоящемъ томѣ разсказъ обнимаетъ время отъ цар. Михаила Ѳедоровича до рожденія фельдмаршала графа Б. П. Шереметева (1652 г.). Въ приложеніяхъ помѣщены слѣдующіе рисунки и снимки грамотъ: 1) древній чертежъ Москвы, составленный до пожара 1626 г. и отпечатанный въ Амстердамѣ (хран. въ Эрмитажѣ; 2) изображеніе брачнаго чертога ц. Михаила Ѳедоровича и ц. Е. Л. Стрѣшневой; 3) изображеніе брачнаго пира ц. Михаила въ Грановитой палатѣ; 5) кружка, хранящаяся въ моск. оруж. палатѣ, даръ боярина Ѳ. И. Шереметева новорожденному ц-чу Алексѣю Михайловичу, и 6) шесть снимковъ грамотъ, относящихся къ Шереметевымъ.

В. И.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**